

411
7.30

ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ш
ЧИТАЛЬНЫЙ
ЗУЛ
ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРИЧИН
И РАЗРАБОТКЕ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

62.99.12/9

733

ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

издание второе, исправленное и дополненное

49370
04364

«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1973

67.411

Т33

АВТОРЫ МОНОГРАФИИ:

БЕЛКИН Р. С. — § 3 гл. I, § 3, 4 гл. VI, гл. XI, гл. XIII
ВИНБЕРГ А. И. — § 4 гл. IV, § 3 гл. VI, гл. XI, гл. XIII
ДОРОХОВ В. Я. — § 1 гл. II, § 1 гл. III, § 1 гл. IV
КАРНЕЕВА Л. М. — гл. IX, гл. X

КОЧАРОВ Г. И. — гл. XI

МИНЬКОВСКИЙ Г. М. — § 1, 2 гл. I, § 2, 3, 4, гл. III, § 2, 3, 4
гл. IV, § 1, 2 гл. VI, § 2 гл. VII, гл. XII

МИХАЙЛОВСКАЯ И. Б. — § 3 гл. II; § 2 гл. IV

ПЕТРУХИН И. Л. — § 2 гл. II, § 3, 4 гл. V, § 1 гл. VII, § 1,
2, 4, 5, 6 гл. VIII, гл. XIII

РАТИНОВ А. Р. — § 1, 2 гл. V, § 1, 2, гл. VI, § 3, 4 гл. VII,
§ 3 гл. VIII

СТЕПИЧЕВ С. С. — гл. XI

ТАНАСЕВИЧ В. Г. — § 2, 3, 4 гл. III, гл. XII

ЭЙСМАН А. А. — § 2, 3 гл. I, § 2, 3, 4 гл. III, § 2, 3, 4 гл. IV,
§ 3 гл. VI, § 2 гл. VII

ЯКУБОВИЧ Н. А. — § 1 гл. V, § 3, 5, 6 гл. VIII

Редакционная коллегия:

доктор. юрид. наук Жогин Н. В. (ответственный редак-
тор), проф. Танасевич В. Г. (зам. главного редактора),
канд. юрид. наук Миньковский Г. М.,
проф. Ратинов А. Р., проф. Эйсман А. А.

Теория доказательств в советском уголовном про-
Т 33 цессе. Отв. редактор Н. В. Жогин, изд. 2-е исправлен-
ное и дополненное, М., «Юрид. лит.», 1973

736 с.

В монографии излагаются научные основы теории доказательств
и доказательственного права в советском уголовном судопроизводстве.

Т 1102-056 БЗ-18-9-72
012(01)-73

34С65

Эффе
мая
чае
судов
обесп
ваний
Быстр
обесп
враще
новны
совер
ного
общен
купно
дом к
ской
Ис
обстоя
этой о
навли
Кан
протек
ческих

1 В
2 О
см. под
методов
права»,
уголовн
М., 1967,
8

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

- § 1. Задачи уголовного судопроизводства и доказательственное право 3
- § 2. Понятие и содержание теории доказательств 15
- § 3. Теория доказательств в системе научного знания 23

Глава II

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

- § 1. Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств 35
- § 2. Общеправовые проблемы теории доказательств 73
- § 3. Классовая сущность буржуазного доказательственного права и буржуазной теории доказательств 90

Глава III

ЦЕЛЬ, ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

- § 1. Содержание истины как цели доказывания 113
- § 2. Понятие предмета доказывания 139
- § 3. Обстоятельства, подлежащие доказыванию 163
- § 4. Пределы доказывания 186

Глава IV

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

- § 1. Понятие доказательства 197
- § 2. Допустимость доказательств 228
- § 3. Относимость доказательств 246
- § 4. Классификация доказательств 256

Глава V

ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ

- § 1. Понятие и содержание процесса доказывания 287
- § 2. Психологическая характеристика познавательной деятельности в процессе доказывания 304

§ 3. Процессуальная форма доказывания	324
§ 4. Презумпции и преюдиции в доказывании	342

Глава VI

СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ И ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Общая характеристика способов собирания и проверки доказа- тельств	366
§ 2. Следственные действия	383
§ 3. Познавательные методы при собирании и проверке доказательств	401
§ 4. Версии и планирование в процессе доказывания	417

Глава VII

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Понятие и содержание оценки доказательств	427
§ 2. Логическая структура оценки доказательств	443
§ 3. Внутреннее убеждение при оценке доказательств	474
§ 4. Роль закона и социалистического правосознания при оценке доказательств	484

Глава VIII

СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

§ 1. Понятие и классификация субъектов доказывания	494
§ 2. Обязанность доказывания	501
§ 3. Роль лиц, ведущих расследование, и прокурора в доказывании . .	521
§ 4. Роль суда в доказывании	536
§ 5. Обвиняемый, защитник и законный представитель обвиняемого как субъекты доказывания	544
§ 6. Участие в доказывании иных лиц	558

Глава IX

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

§ 1. Понятие и значение показаний свидетелей и потерпевших . . .	567
§ 2. Обеспечение полноты и достоверности показаний свидетелей и потерпевших. Особенности их оценки	576

Глава X

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ И ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

§ 1. Понятие и значение показаний обвиняемых и подозреваемых . .	599
§ 2. Обеспечение полноты и достоверности показаний обвиняемых и подозреваемых. Особенности их оценки	612

Глава XI

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

- § 1. Понятие и значение вещественных доказательств 634
- § 2. Особенности собирания и оценки вещественных доказательств . . 650

Глава XII

ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ. ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- § 1. Общая характеристика документов как доказательств 664
- § 2. Протоколы следственных и судебных действий 673
- § 3. Иные документы 680
- § 4. Особенности оценки протоколов и иных документов 692

Глава XIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА

- § 1. Понятие и значение заключения эксперта как доказательства . . 700
- § 2. Предмет экспертизы 713
- § 3. Особенности оценки заключения эксперта 724

ГЛАВА I

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. ЗАДАЧИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ПРАВО

Эффективность советского уголовного судопроизводства, понимаемая как соответствие его результатов в каждом конкретном случае задачам, установленным законом (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик¹), может быть обеспечена лишь при всестороннем, полном, объективном исследовании обстоятельств расследуемого и рассматриваемого дела². Быстрое полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, обеспечение их справедливого наказания и в то же время предотвращение фактов привлечения к уголовной ответственности невиновных, выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления, воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и правил социалистического общежития — реализация каждой из этих задач и всей их совокупности предполагает необходимость проверки и оценки в каждом конкретном случае большого объема разнообразной фактической информации.

Исходя из этой информации, необходимо достоверно установить обстоятельства, являющиеся предметом уголовного дела, и на этой основе применить к конкретному случаю нормы права, устанавливающие санкции и воспитательно-профилактические меры.

Как известно, исследование обстоятельств уголовного дела протекает по единым законам познания с соблюдением логических правил и способов раскрытия истины³. Однако условиям

---

¹ В дальнейшем этот акт будет именоваться — Основы.

² О понятии эффективности уголовно-процессуальной деятельности см. подробнее А. Д. Бойков, Особенности применения социологических методов в науке советского уголовного процесса («Проблемы социологии права», вып. 1, Вильнюс, 1970); В. И. Каминская, Теория советского уголовно-процессуального закона. Автореферат докторской диссертации, М., 1967, и др.

³ См. об этом А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958.

и содержанию этого исследования свойственна и существенная специфика. Оно: а) ограничено определенным сроком (воспитательно-предупредительное, правоохранительное значение раскрытия преступления и наказания виновного существенно ослабляется или даже сводится к нулю, если не обеспечивается необходимая быстрота); б) сочетает познавательную и удостоверительную задачи¹; в) осуществляется в условиях, когда исследователю противостоит субъект, заинтересованный в сокрытии истины²; г) направлено на единичный по своему существу предмет, что усложняет применение таких приемов исследования, как типизация, обобщение³; д) обязательно завершается принятием решения, имеющего существенные правовые последствия.

Осуществляемую в соответствии с требованиями процессуального закона деятельность лиц, производящих дознание, следователей, прокуроров, судей при участии иных должностных лиц, представителей общественности и граждан по собиранию, проверке и оценке фактических данных об обстоятельствах, достоверное установление которых необходимо для правильного разрешения дела, принято именовать *доказыванием*.

Нормы процессуального права, регламентирующие цели, порядок, пределы и содержание этой деятельности, соответственно именуются *доказательственным правом*.

Доказывание представляет собой важнейшую составную часть уголовно-процессуальной деятельности, поэтому доказательственное право органически входит в систему норм уголовно-процессуального права.

Советское уголовно-процессуальное право в целом и доказательственное право как его составная часть закрепляют и обеспечивают реализацию в уголовном судопроизводстве принципов социалистического демократизма. Правосудие в СССР, указывается в Программе КПСС, «строится на подлинно демократических основах: выборности и отчетности судей и народных заседателей, праве их досрочного отзыва, гласности рассмотрения судебных дел, участия в судах общественных обвинителей и защитников при строжайшем соблюдении судом, органами следствия и дознания законности, всех процессуальных норм»⁴. Уголовно-процессуальное право в руках Советского государства служит важным средством укрепления социалистической законности. «Серьезной задачей остается борьба с преступностью», — отмечено в докладе

¹ См. подробнее гл. V настоящей работы.

² На это правильно указал А. М. Ларин в автореферате кандидатской диссертации «Доказывание на предварительном следствии в советском уголовном процессе» (М., 1964).

³ См. Р. С. Белкин, А. И. Вянберг, Криминалистика и доказывание, М., 1969, стр. 11.

⁴ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 400.

Л. И. Брежнева на XXIV съезде партии¹. Правильное применение норм уголовно-процессуального права (в том числе регламентирующих доказывание) органами дознания, следствия, прокуратуры, судами является необходимой предпосылкой эффективности этой борьбы.

Доказательственному праву, регламентирующему ту область процессуальной деятельности и те возникающие в ее ходе общественные отношения², которые непосредственно связаны с собиранием, проверкой и оценкой фактических данных о существенных обстоятельствах дела (доказательств³) в целях установления истины по делу, свойственны те же основные черты, которые характеризуют уголовно-процессуальное право в целом. В частности, в основе доказательственного права лежит единая для всего уголовного процесса система принципов уголовного процесса⁴. Нормы, устанавливающие цели, порядок, пределы, содержание исследования существенных обстоятельств дела, воплощают общие положения процесса и его отдельных стадий, органически переплетаются и взаимодействуют с системой процессуальных гарантий прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве⁵.

Определяя понятие доказательственного права, следует подчеркнуть недопустимость отождествления его с теорией доказательств, т. е. предмета научной дисциплины с самой научной дисциплиной⁶. Доказательственное право — это именно система норм,

---

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 81.

² Особенностью этого вида общественных отношений является то, что они возникают и существуют только в качестве правовых, в то время как большинство общественных отношений возникает в качестве фактических, к которым затем применяются нормы права (см. В. Н. Кудрявцев, Социология, право и криминология, «Советское государство и право» 1969 г. № 2, стр. 67; П. С. Элькин, Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 43—44).

³ Надо иметь в виду, что понятие доказательства уже, нежели понятие фактических данных о существенных обстоятельствах дела, так как доказательство — только те фактические данные, которые обладают свойством допустимости (см. гл. IV). В настоящем определении с учетом его целенаправленности достаточно, однако, «свернутой» характеристики.

⁴ См. Т. Н. Добровольская, Принципы советского уголовного процесса, М., 1971.

⁵ Поэтому содержание ряда норм процессуального законодательства имеет комплексный характер, регламентируя в одной своей части вопросы доказывания, а в другой — иные стороны процессуальной деятельности, взаимодействующие с доказыванием (например, ст.ст. 21—27, 29, 32, 42 Основ). Интерпретация принципов советского уголовного процесса применительно к области доказывания дана в гл. V.

⁶ Так, М. Л. Шифман писал: «Система норм, регулирующих на протяжении всего процесса единые принципы доказывания и оценки фактов, имеющих значение для рассматриваемого судебного дела, а также практика их применения называется теорией судебных доказательств или доказательственным правом» (М. Л. Шифман, Основные вопросы

входящих в уголовно-процессуальное право, в то время как теория доказательств — система теоретических положений, составная часть уголовно-процессуальной науки (см. § 2). Доказательственное право включает нормы, устанавливающие:

- а) цель и предмет доказывания;
- б) понятие доказательства, системы доказательств, доказывания;
- в) соотношение доказывания и вспомогательных способов собирания информации по делу¹;
- г) условия относимости и допустимости доказательств;
- д) содержание отдельных сторон и этапов доказывания (включая исходные положения оценки доказательств);
- е) понятие способов доказывания и системы этих способов; понятие следственных и судебных действий по доказыванию и их системы, особенности отдельных действий; особенности собирания, проверки, оценки отдельных видов доказательств;
- ж) компетенцию, правомочия и обязанности органов, осуществляющих доказывание;
- з) права и обязанности лиц, участвующих в доказывании;
- и) особенности доказывания по некоторым категориям уголовных дел.

Такие основополагающие нормы доказательственного права, как ст. 14 — «всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела», ст. 15 — «обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу», ст. 16 — «доказательства», ст. 17 — «оценка доказательств», развивающие систему исходных положений доказательственного права, включены законодателем в раздел «Общие положения» Основ уголовного судопроизводства в качестве взаимосвязанной группы норм. Это и понятно, так как доказывание — важнейший аспект процессуальной деятельности, задачи которой непосредственно решаются в результате доказывания. Поэтому его исходные положения являются основополагающими и для всего процесса наряду с положениями, устанавливающими принципы последнего, систему участников и т. д.

теории советского доказательственного права, М., 1956, стр. 3). А. И. Трусов подверг приведенное определение обоснованной критике. Вместе с тем нельзя согласиться с его отрицанием возможности регулирования доказательственным правом исходных положений доказывания («Основы теории судебных доказательств», М., 1960, стр. 14—15). Четко разграничивает теорию доказательств и доказательственное право В. З. Лукашевич («Уголовный процесс», М., 1972, стр. 149). Интересно, в частности, его замечание относительно того, что предмет исследования теории доказательств не следует сводить к доказательственному праву.

¹ Имеются в виду как способы, «замещающие» доказывание в процессуальном смысле слова — использование для установления обстоятельств дела актов, имеющих преюдициальное значение и общеизвестных фактов, так и способы, «обслуживающие» доказывание — использование оперативной информации и т. п.

«Основным...
начиная от из...
судами, являю...
формах, кото...
конкретной...
действительн...
шения. Прав...
ной частью...
неправильно...
все же домин...
является несо...
Соответств...
южных респуб...
главы о дока...
ствия и произ...
бенностях док...
зорной инстан...
обстоятельства...
и по применен...
Если рассма...
ного законодат...
ный целостный...
мы доказательс...
образующую с...
ного права сва...
дип, целенапр...
ства³.

¹ В. Д. Арс...
в отдельных стад...
² В первом па...
зательственного п...
стве целиком не в...
осуществляется в...
процессуального...
процессе. Часть о...
Имелось в ви...
не только в ви...
главы, содержат...
доказывания; в)...
вопросы, относящ...
водства. Однако...
стующем законод...
тера) отрицать не...
ным. Подробнее о...
(М., 1970). Подх...
системе уголов...
что любые

«Основным содержанием производства по уголовным делам, начиная от их возбуждения и кончая пересмотром вышестоящими судами, является работа с доказательствами.., в тех пределах и формах, которые определяются задачами, стоящими перед каждой конкретной стадией уголовного процесса. С доказательственной деятельностью так или иначе связаны все процессуальные отношения. Права и обязанности в этой области являются существенной частью их процессуальной компетенции. Конечно, было бы неправильно сводить весь уголовный процесс к доказыванию. Но все же доминирующая роль доказывания в уголовном процессе является несомненной»¹.

Соответственно в уголовно-процессуальных кодексах всех союзных республик выделена специальная глава «Доказательства», главы о доказывании при производстве предварительного следствия и производстве в суде первой инстанции и нормы об особенностях доказывания при производстве в кассационной и надзорной инстанциях, при возобновлении дел по вновь открывшимся обстоятельствам, при производстве по делам несовершеннолетних и по применению принудительных мер медицинского характера².

Если рассматривать совокупность норм уголовно-процессуального законодательства как систему, т. е. относительно стабильный целостный комплекс взаимосвязанных элементов, то нормы доказательственного права составляют внутри нее подсистему, образующую с другими подсистемами норм уголовно-процессуального права связи координации (взаимодействия) и субординации, целенаправленную на реализацию задач судопроизводства³.

---

¹ В. Д. Арсеньев, Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса, Иркутск, 1969, стр. 3.

² В первом издании настоящей работы отмечалось, что «нормы доказательственного права в советском уголовно-процессуальном законодательстве целиком не выделены в самостоятельный раздел, так как доказывание осуществляется на различных стадиях и связано со многими институтами процессуального права» («Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», М., 1966, стр. 21).

Имелось в виду, что: а) нормы, регулирующие доказывание, включены не только в главы о доказывании; б) некоторые нормы, включенные в эти главы, содержат положения, относящиеся не непосредственно к процессу доказывания; в) ряд норм носит комплексный характер, включая как вопросы, относящиеся к доказыванию, так и другие вопросы судопроизводства. Однако наличие самостоятельных разделов о доказывании в действующем законодательстве (хотя и не носящих исчерпывающего характера) отрицать нельзя.

³ Подробнее о задачах и возможностях системного подхода к изучаемым объектам см. «Проблемы методологии системного исследования» (М., 1970). Подход к доказательственному праву как «автономной» подсистеме уголовно-процессуального права имеет, в частности, то значение, что любые предложения об изменениях и дополнениях отдельных норм

В целом в построении уголовно-процессуального кодекса можно проследить две системы расположения норм, относящихся к доказыванию: одну — от общих норм к частным и вторую — по стадиям процесса, т. е. в соответствии с его движением во времени. Для нормативного материала, регулирующего практическую деятельность, такая структура полностью оправдывает себя, поскольку она отражает «субординацию» норм, выделяет среди них общие, в том числе имеющие значение руководящих принципов, и наряду с этим следует ходу процесса.

Источники доказательственного права те же, что и для уголовно-процессуального права в целом. Причем соответствующие законодательные акты обычно носят комплексный характер, охватывают ряд вопросов процессуальной деятельности и в их числе о работе с доказательствами. Лишь в некоторых случаях нормативный акт издаётся специально по вопросам доказывания¹.

должны исходить из наличия взаимосвязи между этими нормами и другими элементами подсистем. Например, введение звукозаписи показаний было бы неэффективным, если бы не был решен вопрос о соотношении звукозаписи и других форм фиксации показаний, оснований оглашения звукозаписи (в том числе в других стадиях процесса) и т. д.

С другой стороны, эти предложения должны соотноситься с другими подсистемами процессуального права, например устанавливающими гарантии прав и законных интересов участников процесса, обеспечивающими воспитательное его воздействие, и т. п. В свою очередь при рассмотрении предложений об изменении и дополнении норм, регулирующих эти области процесса, необходимо учитывать возможное влияние этих изменений на доказывание.

¹ Чаще всего специально по вопросам доказывания издаются нормативные акты подзаконного характера (см., например, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам», «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 2).

Нельзя в связи с этим согласиться с позицией М. С. Строговича, возмущающего против включения в число источников процессуального права приказов Генерального прокурора СССР, руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и т. п. актов («Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 73). Тезис М. С. Строговича о том, что указанные акты обеспечивают соблюдение и исполнение норм права, но не создают новых норм, внутренне противоречив и, как представляется, основан на неправомерном отождествлении понятий нормы права и нормы закона. Приказы Генерального прокурора СССР, постановления Пленума Верховного Суда СССР действительно носят подзаконный характер, издаются во исполнение и обеспечение исполнения закона. Но эти акты в свою очередь формулируют в этих целях нормы инструктивного характера, обязательные для исполнения. То обстоятельство, что указанные акты занимают в иерархии источников права подчиненное положение по отношению к закону, отнюдь не исключает их нормативного характера на том уровне, который соответствует компетенции издавшего их органа. Например, нормативный характер, безусловно, носят положения упомянутого постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. о недопустимости постановки перед судебно-медицинским экспертом вопроса, имело ли место убийство или самоубийство; о значении мнения сведущего лица, представленного в кассационную инстанцию; о порядке составления

Всю совокупность норм доказательственного права, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве, можно условно разделить на Общую и Особенную части.

К Общей части доказательственного права относятся нормы, определяющие понятия доказательств и их системы, доказывания и его элементов, стадий, способов, цели и предмета доказывания; нормы, регламентирующие относимость и допустимость доказательств, исходные положения оценки доказательств, круг прав и обязанностей субъектов доказывания.

Особенная часть доказательственного права определяет задачи, порядок, содержание следственных и судебных действий по доказыванию и отдельных сторон и этапов последнего (в том числе по процессуальным стадиям); особенности собирания, проверки, оценки отдельных видов доказательств; указанные особенности применительно к некоторым категориям уголовных дел.

Нормы доказательственного права нельзя рассматривать только как совокупность формальных запретов и разрешений. Задача и смысл процессуальных правил доказывания состоят в применении общей методологии познания к одной из конкретных областей последнего таким образом, чтобы общие требования диалектического метода определяли подход к исследуемому материалу, чтобы они проявлялись в способах производства следственных и судебных действий, в задачах и содержании стадий судопроизводства и т. д. Иными словами, процессуальные нормы, регламентирующие доказывание, ни в коем случае не представляют собой нечто внешнее, обособленное по отношению к самой деятельности по установлению истины, некие произвольно разработанные «ограничительные правила». Эти нормы определяют оптимальные условия для раскрытия истины. Именно с этой точки зрения понятен смысл правил ст. 342 УПК РСФСР¹ об основаниях к отмене или изменению приговора по делу. В числе этих оснований — односторонность или неполнота дознания, предварительного или судебного следствия и иное существенное нарушение уголовно-процессуального закона. Подобные обстоятельства обуславливают невозможность оставления в силе приговора именно потому, что нарушены методологические основы доказывания, а это создает неустранимое сомнение в достижении истины по делу.

заклучения несколькими экспертами разных специальностей и т. д. Во всех этих случаях Пленум разъясняет закон, а не восполняет его пробелы, но разъясняет на ином уровне конкретизации. Очевидно, что при устранении из таких разъяснений подзаконно-нормативных положений ценность их для практики была бы сведена к нулю, так как они содержали бы лишь общие призывы соблюдать закон.

¹ Здесь и далее при ссылаках на УПК и УК РСФСР имеются в виду и соответствующие статьи УПК и УК других союзных республик.

С учетом изложенного чрезмерно узкими являются такие определения предмета регулирования доказательственного права и его задач, которые сводят этот предмет и задачи к установлению внешней процедуры следственных и судебных действий, правил «оформления» доказательств¹. Нельзя согласиться и со сведением гносеологического значения доказательственного права (как и уголовно-процессуального законодательства в целом) к тому, что оно «является определенным мериллом поведения следователя и средством контроля за правильностью осуществления его деятельности»². В действительности нормы доказательственного права служат не только и не столько оформлению и контролю результатов познания в уголовном судопроизводстве (хотя исходя из совокупности задач судопроизводства гарантийный и удостоверительный аспекты доказывания имеют весьма существенное значение), но прежде всего направляют сам процесс познания. Выражая закономерности процесса познания применительно к сфере уголовного судопроизводства (получения, хранения, переработки, использования доказательственной информации), они поэтому регламентируют не только порядок, но и само содержание этого процесса. В этих нормах, например, даются вполне определенные указания о задачах каждого следственного действия, последовательности осуществления, направлениях и основном их содержании. В свою очередь тактические приемы следственного и судебного действия разрабатываются и применяются не просто «с учетом» требований закона, как иногда говорят, а на основе этих требований, являются формой их реализации.

Доказательственное право, как и уголовно-процессуальное право в целом, входит в надстройку данной общественно-экономической формации, выражая материально обусловленную волю господствующих классов. К доказательственному праву полностью относится ленинское положение о том, что «закон есть мера политическая, есть политика»³. Поэтому всякие попытки отождествить или «сблизить» советское доказательственное право с буржуазным, некритически подойти к оценке отдельных институтов последнего представляют собой грубую методологическую ошибку⁴.

¹ См., в частности, «Настольная книга следователя», М., 1949, стр. 125; «Криминалистика», М., 1963, стр. 5—8; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 166; А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 20, и др.

² И. М. Лузгин, Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации, М., 1968, стр. 8.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 99.

⁴ Попытку «внеклассового» рассмотрения буржуазного доказательственного права предпринял в свое время А. Я. Вышинский, который фактически присоединился к даваемой буржуазными учеными оценке английской теории доказательств как «логики уголовного процесса». По его мне-

Буржуазное доказательственное право в различных государствах обладает существенными особенностями, определяемыми условиями исторического развития страны, социально-политической обстановкой в тот или иной период времени. Но суть его единая — охрана общественных отношений эксплуататорского общества, — как единая и основная черта: сочетание системы формальных гарантий с фактической «свободой рук» органов следствия и суда в отстаивании классовых интересов эксплуататоров. Несмотря на наличие в буржуазном доказательственном праве норм, формально ограничивающих возможности оскорбления человеческого достоинства и нарушений основных буржуазно-демократических свобод при собирании доказательств, несмотря на общие декларации по этим вопросам в решениях судебных инстанций, неизменным элементом системы доказательств и доказывания в ее реальном бытии в уголовном процессе империалистических государств служат приемы, представляющие собой нарушения элементарных прав граждан. В свою очередь в нормативных актах и теоретических работах по вопросам собирания доказательств отчетливо прослеживается тенденция вуалирования сущности этих приемов, создания для них ореола «научности», «целесообразности» (перенос обязанности доказывания в ряде случаев на обвиняемого, трактовка отрицания вины как улики, установление допустимости использования данных, полученных незаконным путем, отнесение сообщений платных агентов полиции к числу доказательств и т. п.).

По образному выражению Н. Н. Полянского, именно институты буржуазного доказательственного права «составляют узел, в котором связываются политические нити, пронизывающие весь уголовный процесс, превращая его в одно целое — то в тонкий, но трудно проницаемый маскарадный капюшон, то в прозрачную вуаль»¹.

Закрепленные в буржуазном доказательственном праве системы доказательств и доказывания призваны не только обосновывать или создавать видимость обоснованности результатов производства по конкретному делу, но и подкреплять общий пропагандистский тезис о «беспристрастности» буржуазной юстиции. Функция идеологического воздействия на население оказывает значительное влияние на развитие норм буржуазного доказательственного права и судебную практику, определяя, в частности, наличие в них упоминавшихся выше декларативных начал. Однако, — и об этом уже говорилось, — главное не в этих декларациях,

---

нию, английская система может «дать максимум возможного для правильной организации работы суда» («Теория судебных доказательств в советском праве», М., 1950, стр. 105—108 и др.).

¹ Н. Н. Полянский, Доказательства в иностранном уголовном процессе, М., 1946, стр. 6.

а в реальном бытии доказательственного права, конкретных действиях органов полиции и суда раскрывается сущность последнего.

Конечно, следует учитывать, что в ряде случаев имеет место более детальное закрепление в законодательстве буржуазных государств общедемократических форм и институтов в результате борьбы трудящихся за демократию, против наступления реакции. Такие нормы доказательственного права, как и ряд институтов уголовного процесса в целом, могут быть в определенных случаях использованы прогрессивными силами буржуазного общества. Общественное мнение, организованность и сплоченность трудящихся нередко заставляют судебные органы капиталистических стран выносить оправдательные или отменять уже вынесенные обвинительные приговоры в отношении противоправно преследуемых прогрессивных деятелей. Подобные факты не могут игнорироваться при анализе состояния и развития буржуазного доказательственного права.

Вместе с тем они ни в коей мере не меняют сущности этого права, определяющего значения характерной для него тенденции попрашки формальных деклараций о законности и правах граждан, как только этого требуют интересы господства буржуазии. «Монополистический капитал все явственнее обнажает свою реакционную, антидемократическую сущность. Он не мирится даже с прежними буржуазно-демократическими свободами, хотя лицемерно и провозглашает их»¹. Это положение Программы КПСС в полной мере характеризует сущность и основные тенденции развития буржуазного уголовно-процессуального права и практики его использования буржуазной юстицией.

Советское доказательственное право, последовательно выражая интересы всего социалистического общества, господствующее в нем марксистско-ленинское мировоззрение, задачи и принципы социалистического правосудия, служит средством установления объективной истины по каждому делу, обеспечения законности, обоснованности, справедливости решений органов расследования, прокурора, суда. Оно устанавливает такой порядок и содержание судопроизводства, так определяет и направляет деятельность органов, осуществляющих производство по уголовным делам, чтобы по каждому делу достигалась вся совокупность задач социалистического правосудия².

Советское доказательственное право, практика его применения устремлены на реализацию поставленной партией задачи — укреплять социалистическую законность, улучшать деятельность милиции, прокуратуры и судов, добиваться строжайшего соблюдения законов всеми гражданами и должностными лицами,

¹ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 343.

² «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 400; «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 204.

усилить правовое воспитание трудящихся с тем, чтобы обеспечить искоренение всяких нарушений правопорядка, ликвидацию преступности, устранение всех причин, ее порождающих¹.

Общая и Особенная части доказательственного права, как и доказательственное право в целом, находятся в гармоническом соответствии, исключаящую какую-либо коллизию между конкретными способами собирания доказательств и принципами уголовного процесса, между требованиями законности и целесообразности.

Трудно согласиться с высказанной в литературе точкой зрения, что система источников процессуального права не в состоянии обеспечить регламентацию всех вопросов судопроизводства и что поэтому допустимо временное применение аналогии в уголовном процессе. Эта точка зрения аргументируется тем, что «сложность и многогранность процессуальных отношений требует не только больших усилий законодателя, но и большого исторического времени и опыта в накоплении и формулировании положений, которые могли бы исчерпывающе предусмотреть все отношения, вызывающие необходимость в применении уголовно-процессуального закона по аналогии»². Представляется, однако, что в условиях развитого процессуального законодательства тезис о допустимости аналогии в судопроизводстве, в том числе в доказывании, какие бы оговорки ни делали его сторонники, неприемлем.

В действующее уголовно-процессуальное законодательство не включена норма, запрещающая «останавливать решение дела под предлогом отсутствия, неполноты, неясности или противоречия законов» (ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР 1923 г.). Так как эта норма служила основанием для применения аналогии в уголовном процессе, то ее отмена свидетельствует о позиции законодателя по рассматриваемому вопросу на современном этапе развития нашего общества.

Конечно, доказательственное право, как и уголовно-процессуальное право в целом, представляет собой развивающуюся систему, причем изменения и дополнения, включенные в него, преследуют именно цель использовать достижения науки, опыт практики для максимального повышения эффективности доказывания по уголовным делам. Однако, как показывает практика, новые способы доказывания появляются в уголовном процессе в качестве разновидностей уже существующих (следственный эксперимент — как разновидность осмотра, предъявление для опознания — как разновидность допроса и т. д.). По мере накопления

---

¹ См. Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве, Л., 1970, стр. 4, 5 и сл.

² П. С. Элькинд, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 161.

практического опыта их применения возникают предпосылки для выделения их в самостоятельные следственные действия и для самостоятельного законодательного регулирования. То же можно сказать о появлении новых средств фиксации доказательств (киносъёмка — как разновидность фотографирования, звукозапись и т. д.). Таким образом, необходимости в применении по аналогии норм, регулирующих доказывание, не возникает.

В свете изложенного нельзя согласиться и с точкой зрения о том, что оценочные понятия и выражения, широко используемые законом при регламентации доказывания в советском уголовном процессе, позволяют лицу, применяющему закон, использовать эталон, выработанный только для данного случая и именно данным лицом¹. Сторонники указанной точки зрения обосновывают ее ссылками на отсутствие строгости и однозначности соответствующих терминов («в отдельных случаях», «в целях наиболее быстрого, полного и объективного рассмотрения дела»). Иногда делается вывод, что их применение обозначает высокую степень вероятности, а не строгую достоверность полученного вывода и что речь идет о праве решать вопросы по своему внутреннему убеждению, а не на основании строго сформулированных и нормативно закрепленных показателей².

В действительности нельзя противопоставлять внутреннее убеждение и строгость, однозначность решения. Прибегая к оценочным терминам при решении ряда вопросов доказывания, законодатель исходит из достаточности «свернутого» определения круга случаев и условий применения определенной нормы или из невозможности дать развернутое определение, не прибегая к казуистической форме регламентации³. Но при этом имеется в виду необходимость однозначного употребления этих терминов практикой (в каждом конкретном случае существует правильное и неправильное, с точки зрения задач процесса, решение). Однозначность эта как раз и достигается применением в качестве «эталонов» общих положений, сформулированных доказательственным правом, теорией доказательств (например, общее понятие полноты и объективности доказывания). Не субъективное усмотрение, а поиск в конкретных условиях единственно правильного решения — это требование в полной мере распространяется и на применение оценочных понятий в доказывании.

¹ См. В. И. Кудрявцев, О программировании процесса применения норм права, «Вопросы кибернетики и право», М., 1967, стр. 96; В. И. Каминская, О структурном анализе уголовно-процессуального права, «Вопросы борьбы с преступностью» 1972 г., вып. 14, стр. 30—32.

² В. И. Каминская, указ. статья, стр. 30.

³ Неэффективность или невозможность в ряде случаев казуистических описаний в законе обоснованно отмечает и сама В. И. Каминская (указ. статья, стр. 36).

§ 2. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Теория доказательств является частью науки уголовного процесса, той частью, которая посвящена изучению процесса доказывания на дознании, предварительном следствии и в суде.

Как и всякая научная теория, она обладает внутренней целостностью и относительной самостоятельностью в рамках соответствующей науки¹. Понятно, однако, что как доказывание не может быть оторвано от всего уголовного процесса в целом, так и теория доказательств не может быть изолирована от науки уголовного процесса. Как часть и целое они органически связаны между собой.

Развитие теории доказательств неразрывно связано с развитием общих принципов советского судопроизводства в области борьбы с преступностью. Исследование конкретных проблем доказывания требует привлечения материала из других отделов науки уголовного процесса. Например, изучение проблем участия в доказывании обвиняемого, потерпевшего невозможно без анализа процессуального положения этих лиц, их прав и обязанностей; изучение вопросов собирания доказательств следователем, прокурором, судом требует рассмотрения их процессуальных функций и т. д. В то же время исследование проблем, связанных с гарантиями прав личности в процессе, может оказаться сугубо формальным, если оно будет оторвано от разработки вопросов доказывания.

Представляется, что наука уголовного процесса, так же как и другие отраслевые юридические науки, не является ни чисто теоретической, ни чисто прикладной, а соединяет в себе оба эти качества². То, что верно для всей науки уголовного процесса, верно и для ее части — теории доказательств. Наименование «теория» означает здесь только то, что наряду с описанием различных явлений, относящихся к процессу доказывания, дается также их объяснение, вскрывается их сущность. Такое обобщенное, объясняющее значение принято называть теоретическим³.

В современной философской и логической литературе выработаны определенные критерии, которым должна удовлетворять всякая теория⁴. Представляется, что и теория доказательств

---

¹ Таким внутренним единством и целостностью обладают, например, теория вероятностей в математике, теория прибавочной стоимости в политической экономии и т. п.

² Авторы книги «Основы теории государства и права» (М., 1969) подчеркивают теоретический характер этой науки в отличие от отраслевых юридических наук (стр. 7—9).

³ См., например, «Философский словарь», М., 1968.

⁴ Д. П. Горский, Проблемы общей методологии наук и диалектической логики, М., 1966, стр. 212.

в советском уголовном процессе в современном ее виде удовлетворяет этим основным требованиям.

Теория доказательств описывает действительно существующий нормативный порядок доказывания и его практическую реализацию, не обходя существующих трудностей, противоречий, пробелов и тому подобных явлений в практике. Это отвечает требованию адекватности теории своему предмету, ее интерпретируемости.

Теория доказательств на достаточно высоком уровне обобщения формулирует основные понятия и принципы процесса доказывания таким образом, что ими охватывается все множество частных и конкретных процедур, связанных с обнаружением, исследованием и оценкой доказательств. В этом отношении теория отличается достаточной полнотой.

Эта теория выявляет внутренние взаимосвязи различных правил регулирования процесса доказывания и тем самым удовлетворяет требованию объяснимости этих правил.

Наконец, основные научные принципы, выдвигаемые теорией доказательств, и логические следствия из этих принципов внутренне согласованы между собой таким образом, что теория в целом отвечает требованию непротиворечивости¹.

Общее понятие теории доказательств как части науки уголовного процесса, описывающей и объясняющей доказывание в уголовном судопроизводстве, должно быть, далее, раскрыто и детализировано с помощью ряда характеристик, выражаемых понятиями предмета теории, ее цели, содержания, системы и методов.

Под предметом теории или науки принято понимать то, что она изучает, т. е. ту область объективной реальности, на которую направлено исследование².

По определению Ф. Энгельса, общественные науки изучают «в их исторической преемственности и современном состоянии условия жизни людей, общественные отношения, правовые и государственные формы с их идеальной надстройкой». Это общее определение охватывает и предмет науки уголовного процесса, которым является как уголовно-процессуальное право, так и регулируемая уголовно-процессуальным правом деятельность по осуществлению судопроизводства. Определенную сторону этого предмета изучает теория доказательств.

Предмет теории может отличаться сложностью, многоплановостью. Такой сложной структурой обладает и предмет юриди-

¹ Д. П. Горский, Проблемы общей методологии наук и диалектической логики, М., 1966, стр. 212.

² См., например, определение термина «предмет познания» в «Философском словаре» (М., 1968). Аналогично определяет предмет науки А. Г. Здравомыслов в книге «Методология и процедура социологических исследований» (М., 1969, стр. 7, 26 и др.).

ческой науки. Предметом теории доказательств, т. е. тем, что она изучает, являются:

а) правовые нормы, устанавливающие порядок соби́рания, исследования и оценки доказательств по уголовным делам;

б) практическая деятельность органов суда, следствия и дознания в процессе доказывания, а также деятельность лиц, привлекаемых к участию в этом процессе;

в) закономерности, связанные с возникновением, хранением, передачей и переработкой доказательственной информации.

Кроме того, в предмет изучения должны быть включены: история развития доказательственного права, нормативный порядок доказывания в других социалистических странах, критический анализ доказательственного права буржуазных государств¹.

Научный подход к построению системы норм доказательственного права предполагает глубокое знание тех явлений и действий, из которых процесс доказывания фактически складывается. Вследствие этого теория доказательств изучает явления и закономерности, связанные с поведением людей в специфических условиях совершения преступления, причинные, временные и пространственные взаимосвязи этих явлений, общие закономерности отображения событий и действий на материальных объектах и в сознании людей.

Многие из этих закономерностей носят неоднозначный характер «приблизительных обобщений» или тенденций, в частности те из них, которые лежат в основании косвенного доказывания. Некоторые факты и закономерности, относящиеся, например, к формированию свидетельских показаний или к образованию и использованию материальных следов, представляют специфические проявления более общих законов познания, психической деятельности или материальных взаимодействий в особых условиях. Это же относится и к некоторым явлениям и закономерностям социального порядка, на основе изучения которых формулируются правила удостоверения доказательств, предупреждающие случайное или умышленное искажение информации².

Дальнейшая детализация этих закономерностей, проявляющихся в конкретных условиях формирования отдельных разновидностей доказательственной информации, ниже того уровня

¹ Это определение предмета в целом согласуется с определениями более общего предмета науки уголовного процесса (см., например, «Советский уголовный процесс», М., 1968, стр. 29; «Уголовный процесс РСФСР», Воронеж, 1968, стр. 16, «Уголовный процесс», М., 1969). В определение предмета науки историю включают авторы книги «Советский уголовный процесс» (М., 1968, стр. 27).

² О закономерностях государственных и правовых явлений как о предмете теории говорится, например, в кн. «Общая теория государства и права» под ред. Д. А. Керимова и В. С. Петрова, т. 1 (Л., 1968), в кн. В. М. Чхиквадзе «Государство, демократия, законность» (М., 1967), в кн. «Основы теории государства и права» (М., 1969).

общности, который положен в основу нормативного регулирования, выходит за рамки теории доказательств. Здесь начинается предметная область криминалистики¹.

Если рассматривать науку не со стороны ее состава, как это сделано выше, а со стороны ее функций, то изучение нормативного материала, условий его возникновения и развития, а также практики правоприменительной деятельности представляет функцию констатации и интерпретации (объяснения) предмета данной теории².

Цель, задачи теории доказательств в конечном счете определяются целью и задачами уголовного судопроизводства, сформулированными в ст. 2 Основ. Однако задачи науки или теории хотя и определяются общими целями той отрасли практики, которым эта наука служит, имеют собственную специфику.

Ближайшей и непосредственной целью теории доказательств является получение и углубление знаний, относящихся к ее предмету, т. е. к процессу доказывания. Но это накопление и углубление знаний оправданы постольку, поскольку имеют «выход» в практику. Конечной целью теории является совершенствование практики³.

Раскрывая закономерности развития доказательственного права и практики его применения, теория доказательств указывает следственным, прокурорским, экспертным органам, суду, лицам и организациям, участвующим в судопроизводстве, пути правильного применения соответствующих норм, реализующих требования социалистической законности.

Она содействует выработке эффективных приемов доказывания, предостерегает от возможных ошибок. С другой стороны, научный анализ правовых норм и практики их применения способствует совершенствованию законодательства.

Очень важную роль играет теория в процессе обучения, в подготовке кадров юристов. Без свойственного науке упорядочения материала, его объяснения решение этой задачи в современных условиях невозможно.

---

¹ Р. С. Белкин к предмету криминалистики относит закономерности возникновения, обнаружения, исследования, оценки и использования доказательств (Р. С. Белкин, Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики, М., 1970, стр. 35).

² В кн. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» (М., 1970) подробно и, как представляется, правильно проанализированы многообразные функции юридической науки. Представляется, что эвристическая функция теории (открытие новых фактов и закономерностей) должна быть поставлена не рядом с онтологической, а включена в нее, поскольку научное описание необходимо предполагает отыскание и описание нового.

³ Эта функция может быть названа практически организаторской (см. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права», М., 1970, стр. 73).

Будучи юридической теорией, т. е. входя в комплекс общественных наук, теория доказательств выполняет существенные идеологические функции. Прежде всего это функция воспитания советских граждан в духе социалистической законности. Другой важной задачей советской теории доказательств является непримиримая наступательная борьба с буржуазной правовой идеологией. Исходя из положения марксизма-ленинизма о реакционной роли уголовного процесса в капиталистических странах как орудия диктатуры эксплуататорского меньшинства, о необходимости видеть за «мишурой конституционной законности» ожесточенную классовую борьбу¹, советская теория доказательств разоблачает на материалах буржуазного уголовного судопроизводства миф «о правовом государстве», о гарантиях интересов личности в буржуазном процессе; вскрывает служебную роль буржуазного доказательственного права и гносеологическую несостоятельность лежащих в его основе теоретических концепций.

Содержанием теории доказательств является прежде всего упорядоченное, целостное, внутренне связанное отражение ее предмета, т. е. процесса доказывания. Средствами этого отражения служат образы и понятия, с помощью которых описываются и объясняются элементы указанного процесса и весь процесс в целом².

В соответствии с предметом теории доказательств в ее содержание входит описание норм, регулирующих процесс доказывания, отдельных институтов, а также явлений, относящихся к практике доказывания.

Однако теория не ограничивается описанием фактов, она выясняет их «субординацию», взаимосвязи между ними, выявляет их сущность. Именно с этих позиций даются дефиниции основных понятий, например доказательства, следственного действия, оценки доказательств и т. п. Эти и другие процессуальные понятия она объясняет, исходя не только из общих процессуальных принципов, но и из идей более высокого уровня общности: философских, социологических, общеправовых.

Теоретический характер рассматриваемого раздела науки уголовного процесса и состоит в том, что ее содержанием по преимуществу является «понятийное отражение предмета исследования, раскрытого в его сущности»³.

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 13.

² Под содержанием обычно понимают целостную совокупность элементов какого-либо явления или процесса (см., например, А. С. Мамзин, О форме и содержании в живой природе, Л., 1968, стр. 7; В. И. Свидерский, Некоторые вопросы диалектики изменения и развития, М., 1965, стр. 240).

³ Б. М. Кедров, О классификации наук, «Вопросы философии» 1955 г. № 2.

С логической стороны все эти описания и объяснения в составе теории представляют дескриптивные высказывания, т. е. суждения о том, каковы объективные факты, нормы, какова деятельность людей в данной отрасли общественной жизни.

Суждения, составляющие содержание теории доказательств, связаны между собой отношениями логической выводимости и образуют целостную систему знаний¹.

Из определения целей теории доказательств видно, что она, опираясь на результаты познания, формулирует всевозможные рекомендации, указания, вырабатывает приемы и методы практической деятельности по доказыванию. Таковы, например, рекомендации, касающиеся собирания доказательств, их оценки, рекомендации о приемах проведения следственных действий, дополняющие и разъясняющие общие правила этой деятельности, установленные законом. Эти элементы теории по своей логической форме являются не «описаниями», а «предписаниями», т. е. прескриптивными высказываниями. Они не описывают существующее, а предписывают (рекомендуют) определенное поведение², необходимое для достижения поставленных целей.

Понятно, что в научной теории все эти элементы находятся во внутреннем единстве. Описание фактов, отдельных норм и институтов составляет фактический базис теории. Теоретические обобщения, объяснения, принципы отражают сущность, взаимосвязи и отношения между отдельными фактами. Определенная субординация существует и в той части, которая содержит «предписания»: из рекомендаций более общего характера следуют частные рекомендации, на основании методов строятся частные методы и приемы.

Наконец, все «предписания» опираются на собственно познавательную часть содержания, ибо дать указание о рациональном, эффективном методе деятельности невозможно иначе, как опираясь на знание предмета, его свойств, отношений с иными предметами. Более того, само деление содержания на чисто описательную часть и «предписания» относительно. Даже с внешней, языковой стороны предписания нередко облекаются в форму описания должного поведения, а необходимые связи излагаются в терминах «долженствования».

Система теории доказательств — это последовательность и взаимосвязь в расположении элементов ее содержания. Для теории доказательств как научной дисциплины наиболее целесообразной является схема построения по единому принципу — от общего к частному. В соответствии с этим выделены Общая и

¹ А. И. Ракитов, *Анатомия научного знания*, М., 1969, стр. 120.

² Д. П. Горский, *Проблемы общей методологии наук и диалектической логики*, М., 1966, стр. 316, А. А. Ивин, *Основания логики оценок*, М., 1970, стр. 169 и сл.

Особенная части теории доказательств, соответствующие в целом Общей и Особенной частям доказательственного права¹.

В Общей части дается характеристика задач, предмета, содержания и системы теории доказательств, ее места в системе научного знания. Затем излагаются методические и правовые основы теории доказательств в советском уголовном процессе, система исходных понятий. Далее следуют вопросы целей и предмета доказывания; классификации, относимости и допустимости доказательств; общая характеристика процесса доказывания и его элементов, стадий, способов оценки доказательств, роли и деятельности субъектов доказывания.

В Особенной части теории рассматриваются: отдельные виды доказательств, отдельные этапы доказывания, следственные и судебные действия, доказывание по отдельным категориям уголовных дел. Советская теория доказательств решительно отвергает предустановленную оценку доказательств и не придает какому-либо их виду большего значения, чем другим. Поэтому в основу последовательности их описания не может быть положен принцип возрастания или убывания их ценности, роли и т. п. В Особенной части теории отдельные виды доказательств рассматриваются в той последовательности, которая принята в УПК и которая связана со спецификой способов запечатления существенной информации с небольшими измещениями, обусловленными методическими соображениями. Сказанное относится и к последовательности рассмотрения следственных и судебных действий, особенностям доказывания по отдельным категориям дел и т. д.

Для получения полной характеристики теории должны быть описаны также и ее методы.

Речь идет именно о методах теории, с помощью которых эта наука познает свой предмет, а не о методах и приемах,

---

¹ Аналогичные взгляды на структуру теории доказательств высказывали: Н. Н. Полянский («Доказательства в иностранном уголовном процессе», М., 1946, стр. 11); А. И. Трусов («Основы теории судебных доказательств», М., 1960, стр. 13); А. М. Ларин («Некоторые проблемы теории доказательств», «Социалистическая законность» 1963 г. № 8, стр. 51); А. Л. Ривлин, С. А. Альперт, М. И. Бажанов («О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве», «Социалистическая законность» 1963 г. № 9, стр. 40) и другие авторы. Согласно схеме, предложенной М. А. Чельцовым («Советский уголовный процесс», М., 1951, стр. 136), содержание теории доказательств составляют вопросы о понятии доказательств, видах доказательств, субъектах доказывания, целях доказывания, методе оценки доказательств. Нетрудно заметить, что вопросы, связанные с самим содержанием процесса доказывания и особенностями его различных сторон и этапов, в приведенный перечень не вошли. Впоследствии М. А. Чельцов переработал приведенную схему, включив в нее и вопросы, связанные с «ходом доказывания» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 119). Однако и в переработанной схеме не предусмотрено выделение Особенной части.

вырабатываемых наукой и сообщаемых практике в качестве методов практической деятельности. Если в большинстве случаев разграничение методов научного исследования и методов практической деятельности не представляет труда, то для теории доказательств такое разграничение чревато известными трудностями.

Объясняется это особенностью самой практики доказывания. Действительно, практическая деятельность следственных органов и суда в сфере доказывания направлена на установление истины, на познание фактов и их удостоверение. «Продуктом» этой практической деятельности является знание, а потому и методы деятельности носят познавательный характер¹.

Это внутреннее сходство теории доказательств как отрасли науки и практики судебного доказывания проявляется и в единстве их общей методологии — методологии диалектического материализма, служащей базой всех форм и методов познания как в сфере науки, так и в сфере практики. Это в известной степени относится и к так называемым частнонаучным методам познания (наблюдение, эксперимент, измерение, вычисление и т. д.)². Целесообразно, однако, охарактеризовать и особенности специальных методов научного исследования, находящихся на вооружении теории доказательств.

Конечно, вряд ли можно говорить о специальных методах исследования в том смысле, что они присущи теории доказательств и только ей одной. Очевидно, речь должна идти о методах, свойственных целой группе наук и теорий, в данном случае — группе отраслевых юридических наук и входящих в их состав теорий³.

Для теории доказательств как отрасли юридической науки актуальными и специфичными представляются следующие методы:

а) генетический, направленный на исследование гносеологических, общественно-экономических и политических предпосылок, обуславливающих формирование общей системы доказательственного права, его принципов, структуры и важнейших институтов;

б) историко-юридический, направленный на прослеживание исторических изменений в законодательстве, теории и практике доказывания, на выявление элементов преемственности правовой

¹ Это обстоятельство обоснованно отмечается в кн. В. П. Казимирчука «Право и методы его изучения» (М., 1965, стр. 71).

² Определение понятия частнонаучных и специальных методов правовых наук и характеристику некоторых из них см. в статье С. С. Алексеева, Д. А. Керимова и П. Е. Недбайло «Методологические проблемы правоведения» («Правоведение» 1964 г. № 4, стр. 25). См. также В. П. Казимирчук, Право и методы его изучения (М., 1965).

³ Н. Стефанов правильно отмечает, что специальные методы научного исследования складываются применительно к целым отраслям научного знания, например группам исторических или географических наук и т. п. («Теория и метод в общественных науках», М., 1967, стр. 142).

формы и наряду с этим существенных ее изменений в определенные исторические периоды;

в) сравнительно-правовой, состоящий в сопоставлении особенностей систем доказательственного права с учетом различий предмета регулирования (например, уголовный процесс, гражданский процесс), а также различий социально-политических и национальных.

Наряду с названными выше специальными методами высокого уровня общности¹ можно назвать и некоторые другие меньшей общности, входящие в первые в качестве их элементов. К их числу относятся методы:

г) описательно-аналитический, состоящий в качественном описании исследуемых явлений — норм, институтов и деятельности по их реализации (в частности, в научном истолковании смысла и содержания норм на основе более общих принципов);

д) конкретно-социологический, использующий количественные характеристики массовых явлений;

е) структурно-логический, направленный на выявление структурных особенностей доказательственного права как нормативной системы в целом, его отдельных институтов, а также структуры и логических свойств отдельных норм доказательственного права. Этот, относительно новый для юридической науки, метод включает ряд методик структурного исследования, в частности моделирование, применение средств математической логики, семантического анализа языка права.

Понятно, что в рамках названных выше специальных методов в свою очередь используются такие частнонаучные методы, как наблюдение, эксперимент. Общеметодологической базой методов познания, используемых теорией доказательств, является диалектический материализм.

§ 3. ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Как отмечалось ранее, теория доказательств и наука уголовного процесса связаны как целое и часть, причем внутренне организованное целое, образующее упорядоченную систему научного знания. Научное описание уголовного процесса и его стадий не может быть дано в отрыве от общих понятий и специфики доказывания на этих стадиях; с другой стороны, обоснование способов собирания доказательств должно согласовываться с ха-

---

¹ Н. Стефанов в цитированной работе отмечает, что методы в этом общем, широком понятии определяют не какую-либо специализированную систему познавательных операций, а общий подход или аспект исследования, направленный на изучение определенной стороны своего предмета (стр. 141).

рактисткой правоотношений, складывающихся между участниками судопроизводства, их функциями.

Теория доказательств в составе науки уголовного процесса входит в круг правовых наук, относящихся к общественным научным дисциплинам, и, наконец, в целостную систему научного знания, охватывающего все отрасли науки. Понятно, что характер связей между теорией доказательств и другими отраслями знания весьма различен. Различия эти касаются степени близости, наличия или отсутствия субординации, содержательных сторон взаимосвязи.

Методологической основой теории доказательств в советском уголовном процессе является марксистско-ленинская философия — диалектический материализм.

Основные концепции, руководящие научные идеи — учение об истине, о путях и методах познания объективной действительности, о критерии практики, о сочетании логического и исторического в процессе исследования и другие — теория доказательств заимствует из диалектического материализма и в этом смысле является частным применением общей методологии марксизма-ленинизма к изучению конкретного предмета.

Отношение субординации существует также между общей теорией права и теорией доказательств. Исследуя методы и средства правового регулирования процесса доказывания, теория доказательств использует общие понятия о правовых нормах, о их структуре и классификации, учение о надстроечном характере права и о внутренних закономерностях правовой формы. Она пользуется понятиями правоотношения, источников права, его институтов и системы, исходя из определений этих понятий, даваемых общей теорией права¹.

Отношения теории доказательств в составе науки уголовного процесса с отраслевыми правовыми дисциплинами имеют иной характер, именно характер координации и взаимосвязи на одинаковом уровне общности.

Прежде всего такая связь может быть выявлена между теорией доказательств в уголовно-процессуальной науке с наукой

¹ Отношение субординации между общей теорией права и отраслевыми правовыми науками не вызывает сомнений. Однако считать на этом основании общую теорию права наукой методологической (см. С. С. Алексеев, Теоретические проблемы системы советского права, М., 1961, стр. 171) можно лишь с известными оговорками. Само понятие методологии обычно связывается со всеобщим, универсальным подходом к задачам и средствам исследования на уровне философского обобщения. В этом смысле методологией конкретной правовой науки является диалектический материализм. «Методологический» характер общей теории права имеет не универсальную сферу приложения, а специальную, относящуюся только к правовым наукам; конкретные правовые дисциплины, как правильно отмечает С. С. Алексеев, имеют и непосредственную связь с философией.

уголовного права. В принятых классификационных системах науки уголовного права и уголовного процесса относятся к разным группам в силу различий предмета и метода правового регулирования соответствующих отраслей права, изучаемых этими двумя науками¹.

Различие предмета и метода регулирования в данном случае действительно не вызывает сомнений. Но как и во всякой системе классификации, здесь подчеркивается именно различие, тогда как от единства в других отношениях отвлекаются². В то же время очевидно, что и уголовное право, и уголовно-процессуальное право регулируют хотя и разные отношения, но взаимосвязанные, принадлежащие к одной общей сфере — к сфере борьбы с преступностью. Возникновение уголовно-правовых отношений, связанных с совершением преступления, обуславливает возникновение процессуальных отношений, а последние возможны лишь в связи с первыми. Общими являются также и цели уголовного права и процесса³.

Это единство сферы и целей регулирования проявляется в наличии многих точек соприкосновения теории доказательств с наукой уголовного права.

Разработанные в науке уголовного права общие понятия состава преступления, вины и характеристики составов преступлений имеют существенное значение при разработке теорией доказательств общего понятия и особенностей предмета доказывания по отдельным категориям уголовных дел.

В свою очередь по некоторым вопросам данные теории доказательств способствуют изменению и уточнению сложившихся уголовно-правовых понятий. Например, в теории доказательств на основе материалов следственной, судебной, экспертной практики был поставлен вопрос о том, что невозможность осознавать значение своих общественно опасных действий может быть следствием отставания возрастного развития, не связанного с расстройством психики⁴. Теория доказательств уточнила момент,

---

¹ С. С. Алексеев отмечает, что принятая классификация отраслевых правовых наук приблизительно соответствует классификации отраслей права (там же, стр. 135—140, 161). См. также В. М. Ч х и к в а д з е, Государство, демократия, законность, М., 1967, стр. 357—364.

² Д. П. Горский такую изоляцию объектов называет «конструктивизацией», подчеркивая важную ее роль в познании (Д. П. Горский, Проблемы общей методологии наук и диалектической логики, М., 1966, стр. 11).

³ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 85, 94.

⁴ В настоящее время этот вопрос решен ст. 392 УПК РСФСР, содержание которой шире, нежели содержание ст. 11 УК РСФСР. Представляется поэтому необходимой их унификация, как это уже осуществлено в отношении аналогичных норм уголовно-процессуального и уголовного законодательства в ряде зарубежных социалистических государств.

начиная с которого лицо считается достигшим определенного возраста, и т. д.

Некоторые вопросы требуют совместной разработки с использованием данных теории доказательств и науки уголовного права, например понятия оружия, орудия взлома, ущерба, причиненного преступлением, причин и условий, способствовавших совершению преступления, и т. д.

Таким образом, наука уголовного права и теория доказательств в составе науки уголовного процесса занимают смежное положение, дополняют друг друга при анализе сложной и многообразной деятельности, имеющей общую цель — борьбу с преступностью.

Точки соприкосновения теории доказательств и криминологии отчетливо проявляются при исследовании таких, в частности, понятий, как обстоятельства, способствующие совершению преступления. Эти обстоятельства подлежат выяснению в рамках предмета доказывания и входят в круг проблем теории доказательств. В то же время причины и условия, способствующие совершению преступления, изучаются криминологией, равно как и вопросы формирования мотива преступного поведения, факторов, отягчающих или смягчающих вину, и др.¹

Взаимосвязь теории доказательств в уголовном процессе и теории доказательств в гражданском процессе обусловлена главным образом единообразием методов правового регулирования, рассматриваемых обеими науками.

Не существует общего доказательственного права для уголовного и гражданского процессов, так как различны задачи, предмет, способы, субъекты доказывания. Соответственно нет и единой теории доказательств. Однако некоторые разделы уголовного и гражданского процессов тесно связаны между собой, а потому связаны и теория доказательств в уголовном процессе и теория доказательств в гражданском процессе. Единство методологической основы доказывания в уголовном и гражданском процессах, единство ряда руководящих принципов и определений (определения доказательств, оценки доказательств, критерия истины), а также однотипность процесса собирания и исследования фактической информации путем осмотра, экспертизы, приобщения до-

¹ На эти линии взаимосвязи науки уголовного процесса и криминологии правильно указывается в кн. «Криминология» (М., 1968, стр. 24, 144, 148). Там же отмечено, что криминология разрабатывает методы установления эффективности норм процессуального закона. На взаимосвязь криминологического и процессуального (теории доказательств) аспектов характеристик причин и условий, способствующих совершению преступлений, обоснованно указывали Г. М. Миньковский, В. К. Звирбуль в коллективной работе «Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений» (М., 1962), Г. Ф. Горский в работе «Выявление и изучение причин преступности в стадии предварительного расследования» (Воронеж, 1964).

кументов и т. д. обуславливают совпадение многих понятий и концепций в обеих теориях доказательств.

Следует отметить, что неоднократно предпринимались попытки рассмотреть вопросы доказывания в уголовном и гражданском процессах в рамках одной обобщенной теории¹. Однако обосновать «сквозные» ее положения удастся лишь при исследовании немногих, наиболее общих проблем; основное же содержание доказывания требует отдельного исследования. В целом же различие предмета изучения теории доказательств в уголовном и гражданском процессах сомнения не вызывает (в частности, доказательственное право в каждом из них имеет самостоятельные источники и практику).

Отношение предмета регулирования уголовно-процессуального права и предмета регулирования норм, определяющих организацию и устройство органов, осуществляющих судопроизводство (в том числе доказывание), обуславливает взаимосвязь соответствующих нормативных систем, а следовательно, и взаимосвязь отраслей научного знания. Соединенные усилия специалистов этих отраслей знания необходимы для решения некоторых теоретических вопросов дальнейшего совершенствования системы судебных и следственных органов (например, возможности существования экспертных и следственных, следственных и оперативных аппаратов, связанных отношениями соподчинения; специализация следователей, судей, народных заседателей и т. д.). В то же время результаты научных исследований в области судостроительства, особенно касающиеся принципов организации системы судебных и следственных органов, имеют определенное значение при разработке вопросов о процессуальных гарантиях в уголовном судопроизводстве, о компетенции различных органов при доказывании и т. д.

Заслуживает внимания вопрос о взаимоотношении теории доказательств и науки криминалистики, также относящейся к группе юридических наук.

Очевидным является различие между всей процессуальной наукой и криминалистикой по объему рассматриваемых проблем. Криминалистика непосредственно исследует только проблемы доказывания, тогда как наука уголовного процесса рассматривает наряду с доказыванием множество других вопросов, относящихся к иным разделам и институтам процессуального права (например, подследственность и подсудность, меры пресечения, кассация и т. д.).

Напротив, между теорией доказательств и криминалистикой по этому «объемному» признаку усматривается внешнее сходство:

---

¹ С. В. Курылев, Основы теории доказывания в советском правосудии, Минск, 1969.

и та, и другая последуют проблемы доказывания при расследовании и рассмотрении уголовных дел.

Можно ли на этом основании утверждать, что теория доказательств и криминалистика имеют один и тот же предмет? Такое отождествление было бы неправильным.

Предметом познания для теории доказательств как отрасли процессуальной науки являются прежде всего процессуальные нормы, процессуальная деятельность и закономерности, лежащие в основе возникновения и развития этих норм, их институтов и систем.

Известно, что правовые нормы, в том числе и нормы уголовного процесса, представляют собой общие правила, регулирующие типовые отношения, складывающиеся в процессе доказывания. Отличительными признаками правовой нормы является ее общий, абстрактный характер¹. Этот высокий уровень общности обусловлен тем, что право регулирует наиболее существенные, важные стороны и элементы отношений². Именно потому, что нормы характеризуют общие и наиболее существенные стороны процедуры доказывания, им придается обязательный, специфически правовой характер³.

Соответственно и рекомендации, разрабатываемые теорией доказательств, относятся к вопросам нормативного регулирования и следовательно к наиболее важным, общим вопросам правоприменительной практики.

Образно говоря, теория доказательств в рамках науки уголовного процесса рассматривает «стратегию» процесса доказывания на уровне правового регулирования.

Между тем отношения, складывающиеся в процессе доказывания, явления, предметы и их свойства, по поводу которых возникают эти отношения, а следовательно, и действия участников сими отличаются сложной структурой, зависят от конкретных условий и обстоятельств в своих частных формах и особенностях.

Наиболее существенные и общие правила допроса, обыска, проведения экспертизы и т. п. установлены законом и единообразны, постоянны («инвариантны») для каждого следственного, судебного действия независимо от некоторых частных особенностей, характеризующих субъектов деятельности, обстоятельства времени и места и т. д. Именно эти существенные и общие правила рассматриваются теорией доказательств. Но на этом уровне общности остаются вне рассмотрения особенности допроса лица, желающего или не желающего давать правдивые показания, особенности

¹ «Правовая норма выступает общим масштабом, единой мерой поведения людей» («Основы теории государства и права», М., 1969, стр. 241).

² П. Е. Недбайло, Применение советских правовых норм, М., 1960, стр. 97.

³ «Общая теория советского права», М., 1966, стр. 170.

обыска в помещении и на открытой местности, особенности познания и исследования не только вещественных доказательств и их копий вообще, а конкретных их видов, например следов рук или следов взлома и т. д.

Исследование этих особенностей, лежащих на уровне тактических, методических и технических особенностей осуществления общих задач доказывания, весьма важных с точки зрения быстроты, точности и эффективности практической деятельности, составляет область приложения криминалистики.

Таким образом, теория доказательств исследует общие закономерности, определяющие условия формирования доказательственной информации, ее сохранения и переработки. На этой основе теория описывает и объясняет виды источников и средств доказывания, способы собирания, проверки и оценки доказательств на том уровне общности, на котором закон формирует соответствующие нормативные определения и предписания.

Криминалистика исследует специальные, меньшей общности, более конкретные закономерности формирования доказательственной информации применительно к особенностям образования следов рук, ног, орудий взлома и т. д., восприятия и сохранения информации в памяти людей в зависимости от внешних и внутренних условий. На этой основе она разрабатывает свои тактические, методические и технические рекомендации применительно к расследованию и рассмотрению дел различных категорий, осуществлению следственных действий в разных условиях и т. п.¹

Поскольку криминалистика исследует процессы возникновения доказательственной информации, ее закрепления и исследования на специальном, техническом и тактическом уровне, она широко использует данные об особенностях соответствующих процессов: следообразования при взаимодействии материальных объектов, формирования почерка, влияния внутренних и внешних условий на восприятие человеком событий и явлений, на сохранение соответствующих образов в памяти, логических связей между событиями и т. п. Для углубленного анализа этих явлений криминалистика исходит из соответствующих данных психологии, логики, математики, естественных наук.

Равным образом, разрабатывая методики, приемы и средства собирания, проверки и оценки доказательств, криминалистика

---

¹ Иногда указывают на «необязательность» рекомендаций криминалистики в отличие от процессуальных предписаний. Такое противопоставление неосновательно. Специфической правовой «обязательностью» обладают нормы процесса, а не положения теории или науки — будь то теория доказательств или криминалистика. Если же нарушения рекомендаций процессуальной науки или криминалистики вызывают нарушение закона, то именно это нарушение закона влечет соответствующие юридические последствия.

заимствует и творчески преобразует для своих целей и своих объектов методики и средства различных специальных наук.

Это использование данных специальных наук, в том числе естественных, представляет отличительную особенность криминалистики.

Из сказанного следует, что предмет теории доказательств отличается от предмета криминалистики как в познавательном аспекте, так и в практически-организационном.

Различие состоит не в том, что эти науки рассматривают разные отношения и разных субъектов этих отношений, а в том, что различаются уровни общности отношений, уровни их существенности, а также методы их регулирования: в одном случае — нормативный, а в другом — «технический».

Такое соотношение предмета теории доказательств и криминалистики обуславливает существование множества точек соприкосновения, наличие пограничных проблем и интересов.

Конкретизация правил, содержащихся в процессуальном законе, нередко приводит теорию доказательств в прямое соприкосновение с наиболее общими проблемами криминалистики. Это касается, например, теории идентификации, общих вопросов трактологии, общего учения о версиях, общего учения о методах собирания, исследования и оценки доказательств.

Интересы обеих наук в этих вопросах настолько тесно переплетаются, что они нередко плодотворно исследуются как в рамках науки уголовного процесса, так и в рамках криминалистики.

Вследствие того, что исследованием правовых норм, относящихся к доказыванию, и вопросов их применения непосредственно занимается наука уголовного процесса (теория доказательств), а криминалистика рассматривает лишь тактические и технические правила применения этих норм, некоторые ученые в течение длительного периода не признавали криминалистику юридической наукой либо не вполне последовательно признавали правовой характер лишь за отдельными ее разделами¹.

Выше уже отмечалось, что рекомендации, разрабатываемые криминалистикой, обусловлены общими целями уголовного процесса, основаны непосредственно на обобщении следственной и судебной практики и направлены на ее обслуживание. Содержание этих рекомендаций вытекает из норм доказательственного права, определяя оптимальный режим их применения в конкретных условиях.

¹ См., например, М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958; «Вопросы судебной экспертизы и криминалистики», Алма-Ата, 1959, стр. 42; М. М. Выдря, М. И. Любарский, Место криминалистики в системе юридических наук, «Вопросы советской криминалистики», Алма-Ата, 1959, стр. 33, и др.

Ряд теоретических проблем одновременно и с близких позиций рассматривается теорией доказательств и криминалистикой¹.

С другой стороны, связь криминалистики с естественными науками — физикой, химией и т. д. — носит частный и локальный характер. Ни одна из них не может рассматриваться в качестве «материнской» науки, породившей и питающей криминалистику. Напротив, доказательственное право, следственная и судебная практика, а также правовые науки — основная питательная среда для криминалистики.

Исторически криминалистика зародилась в рамках процессуальной науки, как ее специализированное технико-тактическое ответвление и лишь позднее «отпочковалась» в самостоятельную отрасль знания².

Все эти обстоятельства позволяют с полным основанием считать криминалистику юридической наукой.

Достижения криминалистики оказывают влияние на развитие теории доказательств, а через нее и на развитие доказательственного права, определяя практические возможности обнаружения, сохранения и экспертного исследования доказательств. Структура процесса доказывания в известной мере зависит от имеющихся технических и тактических средств оперирования доказательствами. Изменение, развитие последних в результате достижений криминалистики оказывают влияние на разработку процессуальной наукой предложений об изменении и дополнении норм доказательственного права. Примером может служить превращение таких первоначально чисто тактических приемов, как предъявление для опознания, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, изъятие образцов, в самостоятельные процессуальные действия. Будучи законодательно закреплены, эти действия становятся предметом теории доказательств, а криминалистика продолжает углублять и детализировать тактические условия их проведения, способы и методы достижения целей правового регулирования.

В отличие от криминалистики такие вспомогательные науки, как судебная медицина, судебная психиатрия,

---

¹ Отсюда — наличие в литературе неспецифических определений криминалистики, которые могут быть отнесены и к соответствующим разделам теории доказательств, типа «криминалистика — это наука о собирании и использовании судебных доказательств в целях расследования и предупреждения преступлений» (Н. Н. Медведев, О предмете науки криминалистики и ее месте в системе научного знания, «Проблемы борьбы с преступностью», вып. 1, Иркутск, 1970, стр. 183).

² А. А. Эйсмэн, Криминалистика в системе юридических и естественных наук, «Сборник научных работ» № 1, Вильнюс, 1963, стр. 27; Р. С. Белкин, Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики, М., 1970, стр. 38.

судебная химия, обычно относят к естественным наукам, рассматривая первую и вторую как особые отрасли общей медицины, а третью как отрасль химии или фармакологии¹. Этим справедливо подчеркивается, что указанные науки по преимуществу содержат данные из медицины или химии, приспособленные для разрешения вопросов, связанных с исследованием доказательств.

Переходные, пограничные науки такого типа, как судебная медицина, судебная психиатрия, возникают в тех областях, где особенно часто процесс доказывания требует привлечения данных естествознания и где обычно теория доказательств соприкасается с той или иной естественнонаучной отраслью знания.

Правда, сфера соприкосновения уголовного процесса с естествознанием значительно шире. Эпизодически судье или следователю приходится обращаться к сведениям из области метеорологии, электротехники, металлургии, связи и т. д. Но такого эпизодического соприкосновения уголовного процесса со специальными, неюридическими отраслями знания, естественно, недостаточно для образования какой-либо новой науки.

В заключение следует остановиться на взаимосвязях теории доказательств с логикой, математикой, кибернетикой и психологией.

Логика, математика (а в определенном отношении также кибернетика, теория информации, теория моделирования) имеют универсальную сферу применения, так как их методы в настоящее время в большей или меньшей степени используются как в естественных науках, так и в общественных, в том числе и в правовых.

При проведении различных следственных действий — осмотра, следственного эксперимента, экспертизы — широко используются количественные характеристики различных объектов. Естественно, при этом приходится прибегать к расчетам и вычислениям, связанным, например, с определением расстояния выстрела, длины пути торможения автомобиля, пробивной способностью пули и т. д. В таких формах применение математических методов и средств для решения отдельных технических вопросов, по существу, ничем не отличается от других случаев использования специальных приемов исследования, заимствуемых из естественнонаучной области.

Вопрос о возможности использования математических методов в процессе доказывания в более широком плане возник в современных условиях в связи с развитием теории информации и кибернетики.

¹ М. И. Авдеев, Судебно-медицинская экспертиза живых лиц, М., 1968, стр. 5; «Судебная медицина», М., 1968, стр. 3.

Кибернетику определяют как науку о способах восприятия, хранения и переработки информации в машинах, живых организмах и их объединениях. Используется эта информация для управления и контроля в сложных саморегулирующихся системах¹.

Кибернетика предполагает глубокий анализ структуры тех процессов, в которых она применяется, теоретическое моделирование этих процессов, выявление их закономерностей (в частности, процесса мышления). Поэтому использование идей кибернетики возможно и целесообразно также и в тех сферах, где условия для применения машинной автоматизации еще не созрели и где эти идеи могут служить лишь средством анализа логической структуры процессов².

Некоторые сферы приложения кибернетики касаются теории доказательств.

Вопрос о применимости кибернетических методов в некоторых областях криминалистической экспертизы разрешен практически. Так, советскими криминалистами разработан и создан автомат для отождествления личности человека по пальцевым узорам; разработана новая методика сравнения почерков, основанная на статистическом исследовании признаков почерка и применении принципов теории вероятностей; ведутся работы по внедрению кибернетических методов в другие виды экспертного исследования вещественных доказательств³.

Однако за пределами экспертизы, в процессе оперирования доказательствами и их оценки непосредственное использование количественных математических методов (а следовательно, и средств кибернетики, вычислительной техники) наталкивается на непреодолимые трудности. Пока нет никаких средств для количественного выражения значимости отдельных доказательств или количественной оценки их совокупности, статистическое исследование доказательств не только практически затруднительно в силу почти безграничного разнообразия доказательств, но и едва ли целесообразно. В этой области возможно лишь использование

---

¹ А. Н. Колмогоров, Кибернетика, БСЭ, т. 54; А. А. Ляпунов, О некоторых общих вопросах кибернетики, «Проблемы кибернетики», вып. 1, М., 1958, стр. 5; И. М. Яглом, Теория информации, М., 1961, стр. 3.

² Кибернетика изучает весьма существенную сторону процессов, происходящих в природе и обществе, а именно их особенности, связанные с передачей информации, ее переработкой и использованием в целях управления. Изучение одной из сторон действительности с отвлечением (разумеется, условным) от других ее сторон облегчает решение специфических задач каждой конкретной науки.

³ «Кибернетика и право», М., 1970. Названным вопросам посвящены также специальные сборники научных работ: «Вопросы кибернетики и право» (М., 1967) и «Правовая кибернетика» (М., 1970).

логического моделирования процесса доказывания, изучение структуры этого процесса¹.

Весьма тесные взаимосвязи существуют между теорией доказательств и психологией. Эти связи осуществляются главным образом через специальную науку — судебную психологию, предметом изучения которой, в частности, являются психологические процессы и явления, связанные с участием людей в уголовном судопроизводстве, и, естественно, психические явления, относящиеся к процессу доказывания².

Известно, что многие тактические приемы, относящиеся, например, к допросу, обыску, основаны на использовании данных психологии, учитывают особенности восприятия, запоминания и воспроизведения наблюдавшихся фактов. Более того, рациональная научная организация процесса доказывания требует изучения таких проблем, как психология следователя, судьи, собирающих и оценивающих доказательства. Наконец, использование данных психологии необходимо и при выяснении мотива действий преступника, обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, некоторых отягчающих и смягчающих обстоятельств. Естественно, что теория доказательств должна учитывать эти психологические данные при разработке вопросов доказывания.

Разумеется, нельзя в психологии искать объяснения таким понятиям, как критерий истинности и т. п. Ответ на эти вопросы дает марксистско-ленинская философия. Психологическая же характеристика процесса доказывания лишь способствует раскрытию механизма психической деятельности человека. Знание закономерностей психической жизни людей необходимо, в частности, для того, чтобы правильно разобраться в сложных отношениях, связанных с исследуемым событием, оценить полноту и достоверность информации, исходящей из определенных источников, и т. д.

Важным звеном, связывающим теорию доказательств с психологией, служат те разделы криминалистики, которые посвящены криминалистической тактике. Некоторые психологические закономерности учитываются и непосредственно теорией доказательств: при разработке многих правил производства следственных и судебных действий (например, запрет задавать наводящие вопросы, расчленение допроса на свободный рассказ и вопросно-ответную часть, круг лиц, участвующих в допросе несовершеннолетних, порядок протоколирования хода и результатов следственных и судебных действий и т. д.)³.

¹ А. А. Эйсмэн, Некоторые вопросы теории исследования вещественных доказательств, «Вопросы криминалистики», М., 1962, № 5. Подробнее см. § 2 гл. VII.

² А. Р. Ратнов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 10 и сл.

³ См., например, Н. И. Порубов, Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике, Минск, 1968.

ГЛАВА II

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ — ОСНОВА ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Советская теория доказательств, доказательственное право и практическая деятельность органов расследования и суда в советском уголовном процессе основаны в методологическом отношении на марксистско-ленинской гносеологии, теории познания.

Теория познания диалектического материализма исследует наиболее общие закономерности процесса познания, который возникает и развивается на основе общественно-исторической практики и преследует цель преобразования действительности в интересах общества.

«...Диалектика, по Марксу, — писал В. И. Ленин, — есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления...». А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией, которая должна рассматривать свой предмет равным образом исторически, изучая и обобщая происхождение и развитие познания, переход от незнания к познанию»¹.

Поэтому вскрываемые марксистско-ленинской гносеологией законы отражения объективной действительности в сознании людей, закономерности развития процесса познания от незнания к знанию имеют всеобщее значение. Они действуют в любой области познавательной деятельности, независимо от специфики познаваемых процессов, явлений, объектов природы, общества или мышления, и применимы как к познанию общих закономерностей развития природы, общества, так и к познанию частных закономерностей, групп и отдельных явлений, фактов. «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя по пути марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 54—55.

же по всякому другому пути, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи»¹.

Эта ленинская оценка общественно-экономической теории К. Маркса характеризует также роль и значение гносеологии диалектического материализма для любой сферы познания, и в частности для теории законодательного регулирования и практики доказывания в уголовном процессе.

Теория доказательств науки советского уголовного процесса исследует закономерности процесса познания, присущие специфической сфере познавательной деятельности, — достижению истины по уголовным делам в соответствии с целями и задачами уголовного судопроизводства. Она имеет свой предмет, свои проблемы, свой понятийный аппарат и формы исследования, не растворяющиеся в теории познания, но основывающиеся на ней.

Марксистско-ленинские положения о первичности материи и вторичности сознания, о возможности познания человеком объективного мира, об объективной, относительной и абсолютной истине, о партийности гносеологии, о ступенях познания, о роли общественно-исторической практики в познании и др. полностью распространяются на познание в уголовном судопроизводстве.

Рассмотрим в связи с этим более подробно значение для теории доказательств марксистско-ленинского учения об истине.

Проблема истины в науке диалектического материализма признается центральной проблемой теории познания, важнейшей стороной основного вопроса философии².

Ключевое место занимают вопросы истины и в теории доказательств, законодательном регулировании и в практической познавательной деятельности органов расследования и суда по уголовным делам. Проблема истины в уголовном судопроизводстве представляет собой частный случай применения положений теории познания к одной из многих разновидностей познавательной деятельности с учетом ее специфических особенностей.

Деятельность органов предварительного расследования и суда по борьбе с преступностью может быть успешной, если их решения по каждому уголовному делу будут соответствовать тому, что произошло в действительности. Следователь и суд должны точно и полно познать картину совершенного преступления, т. е. достичь истины. Обязанность достижения истины — первоочередное и необходимое требование, без выполнения которого невозможно правильное осуществление социалистического правосудия.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость достоверного установления обстоятельств совершения преступления. Широко известны многие случаи, когда В. И. Ленин даже в са-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 146.

² См. «Ленинская теория отражения и современность», Москва — София, 1969, стр. 340.

мые трудные моменты для молодого Советского государства запрашивал органы юстиции, ВЧК о том, установлена ли, доказана ли виновность привлеченных к уголовной ответственности, сурово осуждая незаконные и необоснованные аресты. Для В. И. Ленина требование достижения истины при осуществлении правосудия было очевидным и необходимым требованием, не знающим каких-либо исключений и полностью свойственным социалистическому правосудию по любому делу. Как «пелепость» оценил В. И. Ленин высказывание на страницах журнала «Красный Террор» М. И. Лациса, «который хотел сказать, что красный террор есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо того написал...: «ищите (!!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Совета оружием или словом»¹.

Развитие советского уголовно-процессуального законодательства, теории доказательств в советском уголовном процессе последовательно направлено на совершенствование процессуальных форм, средств, гарантий, обеспечивающих органам предварительного расследования и суду наиболее благоприятные условия для достижения истины. В этом отношении, как и в других, целенаправленность и содержание развития советского и буржуазного доказательственного права, теории доказательств, судебной и следственной практики принципиально, качественно различаются.

Для буржуазной правовой науки характерно отрицание объективной истины, отрицание возможности ее достижения в области судебной деятельности. Буржуазные юристы при этом ссылаются на особенности судебного исследования, которые, по их мнению, позволяют установить лишь юридическую, формальную истину или же распространяют на деятельность суда общие положения агностицизма о невозможности познания объективной действительности.

Дореволюционный русский юрист И. В. Михайловский прямо указывал, что «задачей всякого, а значит и уголовного, суда должно быть не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической»².

Другие ту же мысль выражали в иной форме: «...о полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден по несовершенству средств человеческого правосудия удовлетворяться по необходимости лишь более или менее высокой степенью вероятности»³.

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 410.

² И. В. Михайловский, Основные принципы организации уголовного суда, Томск, 1905, стр. 93; Н. Н. Розин, Уголовное судопроизводство, Петроград, 1914, стр. 303.

³ В. Случевский, Учебник русского уголовного процесса, СПб., 1913, стр. 397; см. там же, Д. Г. Тальберг, Русское уголовное судопроизводство, СПб., 1914, стр. 10.

Аналогичными суждениями, часто в еще более резких и неприкрытых формах, пестрят и работы (посвященные как общей теории права, так и теории уголовного процесса) многих буржуазных ученых, относящиеся к более позднему времени.

В книге «Введение в науку права» Г. Радбрух писал: «Юрист — служитель формы, не существа, то есть справедливости»¹. Следовательно, здесь формальная (и только формальная) истина выступает как цель судебного доказывания.

Та же мысль, но уже специально в применении к уголовному процессу была четко выражена другим немецким юристом — Цу-Дона: «Лучше допустить, чтобы кто-нибудь пострадал от несправедливости, чтобы какое-нибудь преступление осталось без возмездия, чем идти к идеальной цели прогресса ценой... неизбежной неуверенности»².

Английский юрист Г. Ноукс, противопоставляя научное и практическое знания, приходит к категорическому выводу о недоступности для суда достоверного познания происшедшего в действительности. Заменителем достоверности, по его мнению, должна быть только вероятность³.

Таким образом, буржуазная правовая наука в вопросах понимания истины, ее достижимости в судебной деятельности всегда стояла на антинаучных позициях. Философскую мировоззренческую основу ее теорий составляли различные формы идеализма, агностицизма. От мировоззрения, как известно, зависят подход к изучению явления, характер познания, выводы.

Характеризуя принцип партийности в науке, В. И. Ленин писал о реакционных буржуазных ученых: «Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и *гносеология*»⁴.

производство, т. II, М., 1891, стр. 83; С. И. Викторский, Русский уголовный процесс, М., 1912, стр. 53—54; И. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, СПб., 1910, стр. 172—180; С. В. Познышев, Уголовный процесс, М., 1913, стр. 182. Излагая вопрос об истине, И. Я. Фойницкий прямо ссылается на Д. С. Милля (стр. 175—178) и Д. Локка (стр. 179), которые, как известно, считали, что в основе судебной деятельности лежит «практическая достоверность», как вид вероятности.

¹ Radbruch, Einführung zu der Rechtswissenschaft, 1929, S. 194.

² Zu — Dohna, Das Sfraßprozessrecht, 1929, S. 196.

³ G. D. Noakes, An Introduction to Evidence, London, 1952, p. 407—410.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 363—364.

Буржуазная правовая наука, как партийная, классовая, не могла и не может признать достижимость объективной истины, ибо подобное признание оказалось бы в резком противоречии со всей практикой буржуазных судов, не способствовало бы убеждению народных масс в «справедливости» буржуазного правосудия.

В зависимости от периодов развития буржуазного общества, от соотношения классовых сил менялись, приспосабливались к изменившимся условиям как философские, так и правовые теории, но суть гносеологической позиции буржуазной теории и практики доказывания оставалась неизменной. В период так называемой свободной конкуренции в буржуазной науке уголовного процесса господствовала концепция буржуазной законности, как реального средства обеспечения классовых интересов, осуществления буржуазной справедливости. «Конечно, — указывал Ф. Энгельс, — для буржуа закон свят: ведь он является его собственным творением, издам с его согласия для защиты его личности и его интересов. Буржуа знает, что если один какой-нибудь закон и причиняет ему неудобства, то все законодательство в целом направлено к защите его интересов, а главное, что святость закона, неприкосновенность порядка, установленного активным волеизъявлением одной части общества и пассивным — другой, является самой надежной опорой его социального положения»¹. Это относилось и к цели доказывания в процессе. Поэтому взгляд Ч. Беккариа на деятельность судьи, сущность которой он усматривал в точном применении закона при помощи силлогизма², получил широкое распространение в буржуазной правовой науке³, хотя и претерпел с того времени изменения. В частности, в последующем господствующая доктрина буржуазной правовой науки рассматривала деятельность судьи по применению закона прежде всего как интеллектуально-логическую. По мнению представителей этой доктрины, правильность разрешения уголовных дел не подлежала сомнению, если судья делал логический вывод из общей абстрактной посылки (истолковав ее при необходимости) и конкретного деяния. Такой взгляд на деятельность судьи полностью соответствовал интересам буржуазии, так как позволял ее

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 451.

² «По поводу каждого преступления, — писал Беккариа, — судья должен построить правильное умозаключение. Большая посылка — общий закон, малая — деяние, противное или согласное с законом; заключение — свобода или наказание» («О преступлениях и наказаниях», М., 1939, стр. 208).

³ «Судебная деятельность, — писал Г. В. Демченко, — есть всего только применение, если не буквы, то духа закона» («Судебный прецедент», Варшава, 1903, стр. 78); см. также И. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. I, СПб., 1902, стр. 155; Вл. Случевский, Учебник русского уголовного процесса, СПб.; 1913, стр. 22, 92, и др.

идеологам вуалировать служебную роль судебной деятельности, определяемой классовыми интересами буржуазии.

Изображая деятельность буржуазного суда как интеллектуальный процесс применения норм права, теории буржуазного права лживо объявляли правосознание буржуазных судей «народным» правосознанием. Классики марксизма-ленинизма до конца разоблачили этот прием идеологов буржуазии, которые часто употребляют слова «народ», «народное», когда речь идет о маскировке различных институтов буржуазного государства, права, нравственности и т. п.¹

С переходом капитализма в стадию империализма, по мере обострения классовых противоречий появляются различные буржуазные философские школы, направления, теории, в задачу которых входят поиски новых путей и средств идеологического подкрепления власти монополистической буржуазии.

Философии эмпириокритицизма, критического реализма, эмпириомонизма, прагматизма и другие не представляют собой принципиально новых направлений философской мысли. Для борьбы с диалектическим материализмом — философской основой мировоззрения пролетариата — эти школы, теории берут на вооружение все то реакционное, что было в истории философии, облекая в новые одежды старые идеи, отрицавшие закономерности развития, присущие природе и обществу, объективный характер истины и возможность ее достижения.

Эти философские теории были положены и в основу правовых школ, направлений, которые начали наступление против традиционных взглядов на сущность деятельности суда, буржуазно-демократической законности и других принципов правосудия.

Уже в 80-х годах XIX в. Оскар Бюлов (автор теории процесса как юридического отношения) заявил, что закон еще вовсе не действующее право, он только план, проект будущего желаемого правопорядка или подготовка к осуществлению, попытка осуществления определенного правопорядка. Бюлов приписывает значение закона, ставит решение суда выше закона.

Дальнейшее развитие этот взгляд получил в работах сторонников «свободного права»², попытавшихся научно обосновать право судей судить не на основании закона, а по своему усмотрению. Представители этого направления в теории права последовательно выражали стремление империалистической буржуазии «избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимой законности...»³.

Сторонники «свободного права» рассматривали судебное реше-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 102; т. 41, стр. 309.

² Идеи «свободного» права были высказаны и в русской правовой литературе, но широкого распространения не имели.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 16.

ние не как результат точного применения закона, а как акт свободного применения права. Это право свободно находится судьей, но только таким судьей, который хорошо понимает, кому он служит, и возводит своим решением в норму права то, что выгодно монополистическому капиталу. «Настоящим для него человеком будет лишь тот, — писал Эрлих, — который не только обладает острым взглядом на сущность общественных явлений и быстро воспринимает потребности настоящего, но хорошо понимает исторический ход права, только тот, кто черпает из полного, кто как хозяин владеет народной мудростью и призван идти путем справедливости»¹.

Если представители «классической школы права» считали, что в основе деятельности судьи лежит интеллектуальный, формально-логический процесс, то сторонники «свободного права» в трактовке деятельности судьи переносят центр тяжести на психологию самого судьи (прямое влияние эмпириокритицизма Маха и Аверариуса, толковавших вопросы познания с позиций психологизма). Поэтому они наделяют личность судьи особыми достоинствами, которые якобы должны обеспечить справедливость в новых исторических условиях.

Целевое назначение теории «свободного права» выразил Е. Фукс: «Для практики должна быть создана отдушина, чтобы судья мог не применять норму закона, несмотря на ее общий смысл, там, где она по справедливости не подходит к данному случаю»².

В современный период отказ от принципа законности, от стремления к истине в деятельности суда пропагандируется буржуазной наукой права в виде всевозможных социологических, естественно-правовых, нормативистских, психологических и других школ и теорий³.

«Монополистический капитал все явственнее обнажает свою реакционную, антидемократическую сущность. Он не мирится даже с прежними буржуазно-демократическими свободами, хотя лицемерно и провозглашает их»⁴. Это положение в полной мере распространяется на сферу правовой идеологии, теории и практики буржуазного судопроизводства. Так, в современной американской юриспруденции наиболее широко представлено «социологическое

---

¹ E. Ehrlich, *Freie Rechtsfindung und freie Rechtswissenschaft*, Leipzig, 1903, S. 21.

² Цит. по работе Ельяшевича «Школа свободного права» («Журнал Министерства юстиции» 1910 г. № 9, стр. 279).

³ Подробно об этих теориях см. В. А. Туманов, *Критика современной буржуазной теории права*, М., 1967; его же, *Буржуазная правовая идеология*, М., 1971; А. А. Старченко, *Философия права и принципы правосудия в США*, М., 1969.

⁴ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 33.

направление», объединяющее несколько школ (социологическая школа — О. Холмс, Р. Паунд, Б. Кардоцо, Кайнрс и др.; реалистическая — Д. Фрэнк, К. Ллевеллин и др.). Оно прямо исходит из отрицания объективной истины, из права судьи решать дела по своему усмотрению, сообразуясь с защищаемыми интересами «личности», «общества».

О том, какие интересы подразумеваются, видно уже из того, что объявляется «правообразующей силой». Ею сторонники рассматриваемого направления считают врожденные инстинкты, а главным и наиболее устойчивым из них — инстинкт обладания частной собственностью¹.

С прагматических позиций дается определение и самому праву, заранее оправдывающее любое произвольное решение суда. «Право есть то, — писал основоположник «социологического» направления О. Холмс, — что суды наверняка сделают в действительности»². Деятельность же судей определяется всегда «социальной выгодой». Для достижения этой цели суды могут создавать нормы права, а не только следовать закону.

Следуя за Холмсом, другие представители социологической школы утверждают, что «изменения в праве или большинство из них осуществляются судьями. Результатом этого являются не просто дополнения или модификация, а революционизирование и трансформация»³. Таким образом, судья выносит решение по своему усмотрению в соответствии с правильно понятыми «социальными целями», т. е. в интересах буржуазии, в интересах капиталистического порядка.

Принципы деятельности суда, подчиненные таким «социальным» целям, очевидно, не могут быть согласованы с признанием объективной истины в уголовном судопроизводстве. Поэтому «социологи» отрицают возможность достижения объективной истины в суде. По их мнению, свое решение судья должен основывать не на объективно установленных фактах, а на вере в правильности решения. «Мой основной критерий истины, — писал тот же Холмс, — есть то, во что я не могу не верить так или иначе».

Взгляд, согласно которому не достоверное знание, а та или иная степень веры судей служит основанием судебного решения, в разных формах развивается в современной правовой теории и признается в практике американской юстиции.

На весьма близких позициях стоит и так называемая «реалистическая школа». Основными посылами являются те же переработанные О. Холмсом в духе прагматизма идеи буржуазной юриспруденции с добавлением концепций фрейдизма, бихевиоризма.

¹ См. Г. Уэльс, Прагматизм — философия империализма, М., 1955, стр. 67—68.

² Там же, стр. 70.

³ B. Cardozo, Selected Writings, N.-J., 1947, p. 27.

«Реалистов» отличает от других школ наиболее откровенный и прямой отказ от принципа законности. Закон, которому судья «может следовать или не следовать», рассматривается ими не как действующее право, а как «бумажное право», фикция. По мнению сторонников «реалистической школы», в законе нельзя установить общих правил поведения, поскольку невозможно учесть и предвидеть всего многообразия факторов, определяющих конкретное право данного человека. О сформулированных в законе в общей форме правах можно только догадываться, они еще неизвестны, если не вынесено судебное решение. В соответствии с этой доктриной только суд, имеющий дело с конкретными условиями и руководствующийся «социальной выгодой», может устанавливать право. «Судьи, — утверждает Джером Фрэнк, — несомненно создают нормы права, которые отражают их взгляды относительно желательной социальной политики»¹.

Отказ от законности сочетается с отрицанием объективной истины. По мнению «реалистов», значим только субъективный опыт судьи, и поэтому «установленные по делу факты нельзя приравнивать к фактам действительности, которые можно обозначить, применяя термин Канта, как «факты в себе»².

Гносеологическая основа «социологической» и «реалистической» школ — философия прагматизма — американский вариант субъективного идеализма периода империализма³.

Прагматизм не признает объективную реальность и возможность ее познания, отрицает объективный характер истины. Реальным признается все то, во что люди решили верить, и наоборот, все то, во что они верят, — реально. Следовательно, реальность зависит от человека, который творит ее в своем сознании в форме веры. Отрицание объективной реальности влечет и отрицание объективной истины.

Признавая «истинным» все то, что практически полезно, выгодно, вплоть до идеи бога, прагматизм выступает против науки, знания, истины.

Прагматизм не единственное течение современной буржуазной философии, отрицающее объективный характер истины и возможность ее достижения, которое используется современными теоретиками буржуазного права для «снятия» проблемы истины в судопроизводстве. Из многих течений буржуазной философии, стоящих на тех же исходных гносеологических позициях, следует назвать неопозитивизм как наиболее распространенную в настоящее время философию субъективно-идеалистического толка.

¹ J. Frank, Courts on Trial, N.-I., 1963, p. 256.

² Ibid., p. 185.

³ А. А. Боголюбов, Англо-американская буржуазная философия, М., 1964, и др.

При всем разнообразии вариантов, течений в этой философии все неопозитивисты, опираясь на идеалистически истолкованную математическую логику и семантику, по сути дела отрицают возможность познания объективной действительности. Мир рассматривается ими как логическая конструкция из чувственных данных, ощущений или высказываний о них. Человек в познании ограничен рамками своих высказываний об ощущениях; а смыслу слов, которые находятся в формальных отношениях между собой, ничто не соответствует в природе.

Переноса неопозитивистские конструкции в теорию доказательств, буржуазные процессуалисты скрывают за сложными семантическими дискуссиями подмену достоверности проблематичностью знаний и реальной обоснованности — субъективным усмотрением¹.

«Буржуазные учения и школы, — говорится в Программе КПСС, — не выдержали исторической проверки. Они не смогли и не могут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью. Буржуазия уже не в состоянии выдвинуть идеи, которые могли бы увлечь за собою народные массы. Все больше людей в капиталистических странах порывают с буржуазным мировоззрением. Буржуазная идеология переживает глубокий кризис»².

Только марксистско-ленинская философия дала цельную, подлинно научную теорию познания.

Гносеология диалектического материализма, как и вся марксистско-ленинская философия, является партийной наукой. Перед ней стоит задача познания закономерностей развития природы и общества в том виде, как они существуют в действительности. Гносеологической позиции рабочего класса чужда классовая ограниченность. Как наиболее прогрессивный, передовой класс, пролетариат заинтересован в правильном познании объективных законов, сущности явлений природы и общества, ибо без этого его революционная деятельность, направленная на изменение природы и общества, не может осуществляться. Партийность марксизма-ленинизма совпадает с объективностью и состоит в требовании полной объективности науки, в верном отражении объективной действительности. Наука диалектического материализма разоблачила идеалистические теории о невозможности познания окружающей действительности, рассеяла сомнения в достоверности человеческих знаний. Исторически развивающаяся общественная практика служит доказательством того, что человеческое познание верно

¹ Критический разбор положений неопозитивизма дается в работах: Г. А. Брутян, Теория познания общей семантики, Ереван, 1959; И. С. Нарский, Современный позитивизм, М., 1961; А. А. Боголюбов, Англо-американская буржуазная философия, М., 1964.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1967, стр. 51.

отражает объективную реальность и способно достичь объективной истины.

Не представляет исключения и познание, осуществляемое в уголовном судопроизводстве. Обстоятельства совершенного преступления также полно и точно могут быть познаны, как и другие явления объективной действительности.

Под объективной истиной марксистская философия понимает такое содержание человеческих знаний, которое правильно отражает объективную действительность и не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества. Проблема истины в марксистской философии есть проблема познания действительности, а не проблема «познания истины»¹.

Истина — результат правильного познания объективной действительности, а не сама действительность². Она объективна потому, что ее содержание соответствует отражаемому объекту. Марксизм не признает никакой другой истины, кроме объективной. «Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности, — последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что, кроме нее, нет и не может быть другой.

...Быть материалистом значит признавать объективную истину, открываемую нам органами чувств»³.

Естественно, что социалистическое правосудие не может довольствоваться субъективными предположениями, догадками об обстоятельствах совершения преступления. Выводы органов расследования и суда о виновности обвиняемого в совершении преступления должны быть истинными.

Возможность установления истины и ее понимание как истины объективной не всегда одинаково трактовались в теории доказательств.

Так, А. Я. Вышинский в 1937 году писал, что условия судебной деятельности ставят судью перед необходимостью решать вопрос с точки зрения установления максимальной вероятности тех или иных факторов, подлежащих оценке.

Позднее А. Я. Вышинский продолжал пропагандировать эту же концепцию, внося в нее лишь ряд оговорок⁴.

Такое решение вопроса об объективной истине в уголовном процессе глубоко ошибочно. Вероятность, понимаемая как

---

¹ См. «Ленинская теория отражения и современность», Москва — София, 1969, стр. 342—343.

² Полагаем ошибочным, когда отдельные авторы пишут не о достижении, а о «познании истины».

Такая терминология не соответствует правильному решению проблемы истины в уголовном процессе и ряда связанных с ней вопросов: понятия предмета доказывания, доказательства и др.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 130, 134.

⁴ А. Я. Вышинский, Проблемы оценки доказательств в советском процессе. «Проблемы уголовной политики», кн. IV, М., 1937, стр. 20.

проблематичное, предположительное представление о том, что имело место в действительности, не равнозначна достоверности и не может служить основанием для приговоров советского суда. Понятно, что подавляющее большинство советских ученых-юристов не разделяло этих воззрений. И тем не менее до разоблачения партией культа личности и обстоятельной критики в партийной и юридической печати ошибочных взглядов А. Я. Вышинского его концепция препятствовала разработке в теории доказательств правильного представления о природе и содержании истины в уголовном процессе. В частности, она создавала определенную почву для неправильного противопоставления отдельными авторами средств и методов познания и обоснования выводов при исследовании обстоятельств уголовного дела средствам и методам, применявшимся в других областях человеческой деятельности (естественнонаучной, технической и т. п.), как якобы менее надежных. Само понятие вероятности подчас использовалось не в строгом научном смысле, а как синоним ошибочности или дефектности знания.

Такого рода высказывания, ориентировавшие по существу на допустимость ошибок при вынесении приговора как неизбежного зла в судопроизводстве, содержались, в частности, в некоторых работах С. А. Голунского 30-х годов. Он определял истину как «ту степень вероятности, которая необходима и достаточна для того, чтобы положить эту вероятность в основу приговора»¹.

Несколько позднее аналогичную точку зрения высказал М. А. Чельцов. По его мнению, фактическая достоверность во многих отраслях практической деятельности представляет степень вероятного знания, а «специально в отношении уголовно-судебной достоверности надо заметить, что в большинстве случаев она основывается не на законах природы, даже не на эмпирических правилах, а только на приблизительных обобщениях»². И далее: «Мы говорим, что в деле нет «разумного», т. е. практически существенного сомнения, хотя возможность теоретического сомнения нередко все же остается. В таких случаях, сознавая, что наш вывод по делу ничем реально не опровергается, мы принимаем его за истину»³.

Пытался обосновать правомерность вынесения приговоров при «максимальном приближении к истине»⁴ и В. С. Тадевосян.

¹ С. А. Голунский, О вероятности и достоверности в уголовном суде, «Проблемы уголовной политики», кн. IV, М., 1937, стр. 61.

² М. А. Чельцов, Уголовный процесс, М., 1948, стр. 252.

³ Там же, стр. 259.

⁴ В. С. Тадевосян, К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе, «Советское государство и право» 1948 г. № 6, стр. 66—68.

Такое понимание природы истины не могло способствовать улучшению качества работы органов расследования и суда. Обвинительный приговор не может быть постановлен, если по существу дела есть сомнения¹. Оговорки о «разумном», «теоретическом», «практически несущественном» сомнении не могут быть признаны состоятельными, ибо каждое сомнение, если оно возникло и не устранено, всегда имеет практическое значение.

Нет никаких оснований усматривать препятствия гносеологического порядка на пути достижения истины в уголовном судопроизводстве. Человеку доступно познание законов природы и общества, доступно ему и познание отдельных событий, явлений. Те трудности, которые встают при предварительном расследовании и рассмотрении дела в суде, относятся к трудностям практического свойства, и их преодоление зависит от следователей и судей, от их опыта, умения, организации работы и т. д.

Судья и следователь могут ошибиться в своих выводах, по причина их ошибки не заложена в природе и характере человеческого познания. Если было упущено время, допущены неисправимые ошибки и уже нет возможности собрать доказательства, необходимые для достоверных выводов, то все это не может служить оправданием для вынесения обвинительного приговора на основании предположений².

Все сказанное позволяет заключить, что утверждение о вероятности знания, которое суд (следователь) после исследования обстоятельств дела должен положить в основание своих выводов, принципиально неправильно. Нет никаких общих и специфических причин, которые бы в принципе препятствовали достоверному знанию, получаемому в ходе уголовного процесса. Ссылки на ограниченность сроков производства, круга видов доказательств и т. п. не опровергают этот тезис³. Сроки, установленные законом, соотносены с объемом и сложностью типичных задач, подлежащих решению по уголовному делу, и могут быть в случае необходимости скорректированы. Соотносены с задачами судопроизводства и средства доказывания.

Необоснованной как в практическом, так и в теоретическом отношении представляется попытка возобновить дискуссии о допустимости вынесения обвинительного приговора на основе вероят-

---

¹ Это правильно отмечал в 30—40-х годах, не соглашаясь с трактовкой истины в уголовном процессе как неточного проблематического знания, М. С. Строгович (см. его работы: «Внутреннее судебское убеждение и оценка доказательств в советском уголовном процессе», «Проблемы уголовной политики», кн. IV, М., 1937; «Учение о материальной истине в уголовном процессе», М.-Л., 1947).

² И. И. Мухин, Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия, Л., 1971.

³ Г. М. Миньковский, А. А. Эйсмэн, Спорное и бесспорное в теории доказательств, «Социалистическая законность» 1971 г. № 11, стр. 57.

ного знания, предпринятая в последние годы С. В. Курылевым. Ошибочность принципиального подхода отнюдь не снимается тем, что ставится вопрос применительно к разрешению уже не всех уголовных дел, а лишь к отдельным случаям. Суть неправильно-сти позиции С. В. Курылева состоит в отождествлении ошибочных решений в судебной практике, возможных, но не фатально неизбежных, а обусловленных ошибками же в собирании и оценке доказательств, с «объективной невозможностью установления фактов» в отдельных конкретных случаях¹.

В подтверждение допустимости вероятного знания в обвинительном приговоре С. В. Курылев сослался на математическую теорию вероятностей. Предмет теории вероятностей составляют массовые случайные явления, тогда как следовательно, суд исследуют всегда единичное событие со всеми его индивидуальными признаками. Доказательства, с помощью которых познается событие преступления, виновность обвиняемого, органически связаны с общественной и личной жизнью людей и настолько разнообразны и индивидуальны по своему содержанию и форме, что в настоящее время статистическая их обработка практически невозможна².

Теория вероятностей исследует закономерности случайных событий, вероятностный характер которых составляет их объективное свойство. При познании в уголовном процессе речь идет об ином аспекте понятия вероятности. Логическое (гносеологическое) понятие вероятности характеризует не объективную вероятность в материальных процессах, а осознанную, оцененную нами степень соответствия нашего знания реальности³.

С. В. Курылев правильно отметил, что «истина и вероятность — разные понятия, но они связаны между собой так же, как связан результат познания со средствами познания, способом познания»⁴. Поэтому на основании большей или меньшей вероятности могут проводиться следственные действия по собиранию доказательств, приниматься промежуточные решения при расследовании и разрешении дела. Но вероятность как приближенное знание, занимающее место между заблуждением и истиной, не может служить основанием для признания лица виновным в совершении преступления. Даже «максимальная вероятность» или «девять шансов против одного», о которых писал

¹ С. В. Курылев, О достоверности и вероятности в правосудии, «Правоведение» 1968 г. № 1, стр. 63—64. См. его же статью «Два выстрела», «Известия» 8 декабря 1967 г.

² См. об этом А. А. Эйсмана, Заключение эксперта. Структура и научное обоснование, М., 1967, стр. 82.

³ В. И. Корюкин, Вероятность и информация, «Вопросы философии» 1965 г. № 8, стр. 40.

⁴ «Правоведение» 1968 г. № 1, стр. 67.

С. В. Курылев, являются слишком шаткой основой для осуществления социалистического правосудия. Основы уголовного судопроизводства закрепили требование к органам расследования и суду обеспечить раскрытие каждого совершенного преступления, справедливое наказание каждого виновного. Очевидно, что это требование несовместимо с подменой достоверных выводов о деянии вероятными.

Позиция С. В. Курылева внутренне противоречива и в другом отношении. Допущение вероятности при вынесении обвинительного приговора связывается им с необходимостью «достоверного», «абсолютно истинного» установления факта «совершения лицом, привлеченным к уголовной ответственности, общественно опасного, противоправного, виновного действия или бездействия»¹. Но ведь установить таким образом указанный факт нельзя, если следовать рекомендации С. В. Курылева, т. е. устанавливать на основе вероятности обстоятельства, относящиеся к субъективной и объективной сторонам состава преступления, например форма вины, несовершеннолетие подсудимого, способ хищения, обстоятельства, освобождающие от ответственности².

Не спасает положения и предлагаемое С. В. Курылевым правило: «Вероятность может улучшить, но не ухудшить положение подсудимого. Так, если установлена недостача у материально ответственного лица, последний виновен в недостаче. Если при этом оказалось невозможным выяснить, явилась ли недостача результатом хищения или следствием халатности должностного лица, последнее подлежит привлечению к ответственности за халатность. «Халатность» будет установлена на основе вероятности; вероятность же хищения, если она представляется даже значительно большей, чем вероятность халатности, должна быть отвергнута»³.

В действительности факт недостачи у материально ответственного лица не образует еще состава преступления. Для осуждения лица необходимо установить его виновность в совершении хищения или халатном отношении к своим обязанностям. Признать лицо виновным в халатности только потому, что не установлено с достоверностью хищение, — значит исходить из объективного вменения, поскольку виновность обвиняемого в халатности не доказана, так же как его виновность в хищении. Подобно этому нельзя говорить о достоверности установления убийства, если не доказано ни умысла, ни неосторожности в действиях обвиняемого. Известно, что уголовно-правовое понятие убийства предполагает соответствующую форму вины. Если не доказано

¹ «Правоведение» 1968 г. № 1, стр. 66.

² Там же, стр. 69.

³ Там же.

достоверно ни умысла, ни неосторожности в действиях обвиняемого, то речь может идти о случае, но не об убийстве.

По мнению С. В. Курылева, «требовать во имя борьбы с преступностью достоверно устанавливать вину, когда вина лишь вероятна и нет объективной возможности устранить эту вероятность, достоверно доказывать невиновность означает толкать органы следствия и суда на получение во что бы то ни стало «признания» обвиняемого, на фальсификацию доказательств, на то, чтобы выдать за достоверное, в действительности таковым не являющееся»¹.

Во имя успешной борьбы с преступностью требуется достоверное установление вины во всех случаях вынесения обвинительного приговора. Только виновное лицо может быть осуждено и наказано. Это требование закона никак не «толкает» органы следствия и суда на получение «признания» обвиняемого, на фальсификацию доказательств. При невозможности в конкретном случае достоверно установить виновность обвиняемого суд обязан в соответствии с п. 3 ст. 309 УПК РСФСР вынести оправдательный приговор, а после вступления его в законную силу, если лицо, совершившее преступление, останется невыясненным, направить дело прокурору для принятия мер к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Высказанные С. В. Курылевым соображения, допускающие возможность выводов по делу на основе вероятного знания, не нашли поддержки в науке уголовного процесса. Вопрос о необходимости достоверного знания следователем, судом обстоятельств уголовного дела не может рассматриваться, как дискуссионный.

Советские ученые-юристы исходят из посылок марксистской материалистической философии о возможности познания окружающей нас действительности, о достоверности наших знаний, имеющих значение объективных истин.

В процессуальной литературе иногда (в последнее время лишь как исключение) объективную истину, устанавливаемую в суде, называют материальной истиной². В этом наименовании не содержится ошибки принципиального характера, ибо под материальной истиной понимают истину объективную. Но отсутствие серьезной ошибки не свидетельствует еще о необходимости сохранения этого термина.

¹ «Правоведение» 1968 г. № 1, стр. 66.

² М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 49. Сохраняется эта терминология и в более поздних его работах: «Социалистический демократизм советского правосудия», «Демократические основы советского социалистического правосудия», М., 1965, стр. 39; «Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 311, 312. Термином «материальная истина» пользуются и некоторые другие авторы (см. И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 223).

В науке диалектического материализма употребляется понятие объективной истины применительно к познанию любого объекта, будь то явление природы или общества, вне зависимости от средств, при помощи которых он познан. Для характеристики истин, получаемых также при помощи различных средств в физике, биологии, истории и других науках, нет другого наименования, кроме объективной истины, так как только оно выражает отношение содержания знаний об объекте к самому объекту. Термин «объективная истина» не мешает видеть специфику познаваемого объекта и средств, путей его познания.

Термин «материальная истина» появился вместе с системой свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению буржуазного уголовного процесса как противопоставление «формальной истине» в системе формальных (легальных) доказательств инквизиционного процесса. Вместе с тем под «материальной истиной» буржуазные юристы никогда не понимали объективную истину. Нет никакой необходимости сохранять в науке и практике советского уголовного процесса эту терминологию, так как термин «объективная истина» в полной мере подчеркивает недопустимость всякой попытки трактовать истину, достигаемую в уголовном судопроизводстве, как истину «юридическую», формальную.

Наряду с трактовкой природы истины в уголовном судопроизводстве как истины объективной не меньшее значение для доказывания имеет и верное решение другого, органически связанного с первым вопроса: о характере устанавливаемой судом истины, о соотношении относительной и абсолютной истины.

Признавая возможность познать мир, закономерности его развития, марксистская философия дает ответ и на вопрос о том, «могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно? Этот второй вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной»¹.

Создание основоположниками марксизма-ленинизма учения об абсолютной и относительной истине было результатом применения материалистической диалектики к процессу развития человеческого познания. Человеческое познание представляет собой длящийся, бесконечный процесс, который никогда не может быть завершен потому, что объективный мир неисчерпаем. Он неисчерпаем в силу его бесконечности и непрерывности развития. Мышление человека не может сразу познать полностью всю объективную действительность, отразить беспредельную картину мира. Каждый объект имеет бесчисленные свойства, связи,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 123.

отношения с другими объектами, явлениями. Познание человека безгранично по своим возможностям, но ограничено каждый раз определенным уровнем развития науки и практики.

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма, исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней»¹.

В науке диалектического материализма термин «абсолютное» применительно к истине употребляется наиболее часто в трех смыслах. Под абсолютной истиной понимается, во-первых, исчерпывающее, полное познание объективной действительности. В таком понимании абсолютная истина представляет собой цель человечества, его прошедших, настоящих и будущих поколений в познании всех закономерностей объективного мира. Термин «абсолютное» применяется, во-вторых, при констатации фактов типа: «Наполеон умер 5 мая 1821 г.», «Париж находится во Франции». В-третьих, абсолютной истиной называют и каждую относительную истину, содержащую неполное, но достоверное знание отдельных сторон, связей, явлений, процессов объективной действительности.

Такое употребление термина «абсолютное» не означает, что наука диалектического материализма знает несколько различных понятий абсолютной истины. Оно указывает на возможность абсолютного знания применительно к разным по объему группам объектов познания. Это содержание может быть узким, более широким и всеобъемлющим. Понятие же абсолютной истины едино и применимо к любому правильному познанию. Абсолютная истина — это полное, безусловное, исчерпывающее совпадение образа с объектом, следовательно, такое знание, которое в границах этого совпадения не может быть опровергнуто или изменено в будущем².

Относительная истина является объективной истиной и представляет собой правильное, но не полное отражение объекта, которое впоследствии может пополняться, уточняться, углубляться.

«Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки представляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»³.

Марксистская философия, признавая относительность человеческих знаний, не знает непроходимых границ между относительной и абсолютной истиной. «...В каждой научной истине, —

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 138.

² «Марксистско-ленинская философия», М., 1965, стр. 260.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 137.

указывал В. И. Ленин, — несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины...»¹.

Всякое событие, явление, объект имеет бесчисленное множество признаков, сторон и связей с другими событиями, явлениями, объектами. Наши представления об этом событии, объекте относительны, поскольку мы не абсолютно точно и не все знаем о нем. Но в наших знаниях об этом событии, объекте содержатся частицы абсолютной истины, ибо нами правильно познаны их отдельные стороны, признаки, свойства.

В. И. Ленин специально подчеркивал, что «отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики в релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»².

Положения марксистско-ленинского учения об абсолютной и относительной истине являются определяющими при решении вопроса о характере истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве.

В литературе по теории доказательств по рассматриваемому вопросу высказано несколько различных точек зрения. Существует мнение, что истина в уголовном процессе является абсолютной истиной и принадлежит к истинам факта типа «плоскостей», о которых говорил Ф. Энгельс («Наполеон умер 5 мая 1821 г.», «Париж находится во Франции» и др.), но «такого факта, познание которого происходит сложным путем, в результате значительных усилий»³.

В. С. Тадевосян в работах более позднего времени характеризует истину, выраженную в приговоре суда, как относительную, содержанием которой является не вероятное, а достоверное знание⁴.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 328.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

³ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 316—321; П. А. Лупинская («Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 91-92). Эту же точку зрения разделяют И. Д. Перлов («Приговор в советском уголовном процессе», М., 1960, стр. 223); А. А. Старченко («Методологические проблемы судопроизводства», «Вестник Московского университета», Серия VIII. «Экономика, философия» 1963 г. № 4, стр. 38—50 и др.); Н. С. Алексеев («Уголовный процесс», под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд, М., 1972, стр. 151).

⁴ См. сообщение об обсуждении книги М. С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» («Советское государство и право» 1966 г. № 4, стр. 141). Такого же мнения придерживается и автор этого сообщения И. Б. Михайловская. Об относительной истине говорят Л. Т. Ульянова («Оценка доказательств судом

Ряд авторов характеризуют объективную истину в уголовном процессе одновременно как абсолютную и как относительную¹.

Наконец, в литературе высказано мнение, согласно которому философские категории абсолютной и относительной истины вообще неприменимы к истине, достигаемой в уголовном процессе².

Для того чтобы можно было судить об истине в уголовном процессе с позиций философских категорий абсолютной и относительной истины, необходимо правильно оценивать особенности, присущие уголовно-процессуальной деятельности.

Даже при сравнении процесса достижения истины органами расследования и судом с наиболее близким процессом познания при историческом исследовании (объект познания составляет событие прошлого) наблюдаются существенные различия, которые возможны в предмете, объеме, средствах, способах, формах и сроках исследования³. Но названные различия нельзя распростра-

---

первой инстанции», М., 1959, стр. 60—61) и В. И. Черкесов («Вопросы философии» 1963 г. № 2, стр. 167).

¹ В. Я. Дорохов, В. С. Николаев, Обоснованность приговора в советском уголовном процессе, М., 1959, стр. 63—74; А. И. Трусков, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 115—144; А. А. Эйсмэн, Заключение эксперта в системе судебных доказательств. Автореферат докторской диссертации, М., 1965, стр. 25; В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, стр. 66—69.

² А. Л. Ривлин, Понятие материальной истины в советском уголовном процессе, «Социалистическая законность» 1951 г. № 11. Та же мысль выражена и в учебнике «Советский уголовный процесс» (М., 1968, стр. 99). М. А. Чельцов в 1958 году объявил проблему «объективной абсолютной истины» «конструкцией буржуазной процессуальной теории», а в 1959 году пришел к выводу о ее бесполезности для науки и практики советского уголовного процесса («Ученые записки ВЮЗН», вып. VI, М., 1958, стр. 91; «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 79—80). Чтобы не возвращаться к этому вопросу, М. А. Чельцова, необходимо отметить, во-первых, что проблема «объективной абсолютной истины» никогда не была конструкцией буржуазной процессуальной теории, во-вторых, именно отказ от разработки этого важнейшего методологического вопроса может привести к проникновению буржуазных взглядов в теорию советского уголовного процесса. Позднее М. А. Чельцов высказал мнение о том, что «неправомерно применять к истине, устанавливаемой в уголовном процессе, термины «абсолютная истина» или «относительная истина», выражающие ступени познания в научном исследовании» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 124). Аналогичное мнение было высказано В. Николаевым («Коммунист» 1956 г. № 14, стр. 50), но не было поддержано в философской науке. Напротив, все философы, высказавшиеся по вопросу о характере устанавливаемой судом истины, подчеркивают важность для теории и практики правильного решения этой проблемы.

³ О соотношении исторического и уголовно-процессуального исследования см. М. С. Строгович, Учение о материальной истине в советском уголовном процессе, М.—Л., 1947, стр. 60. Интересные соображения о специфике уголовно-процессуальных исследований высказаны в последнее время Н. А. Якубович (см. ее статью «Познание в предварительном расследовании преступлений», «Советское государство и право» 1970 г. № 11,

нять на качество полученных результатов в той или другой области познания. Органы расследования и суд руководствуются марксистско-ленинской теорией познания, применяют разработанные наукой приемы и средства познания, обеспечивающие достоверные выводы.

Нельзя забывать в то же время, что уголовный процесс — практическая деятельность, основанная на нормах права и ограниченная решением специфических задач.

Задачи органов расследования и суда, как и условия их деятельности, определяют характер устанавливаемой истины, которая является одновременно и абсолютной и относительной. Абсолютной ее можно считать потому, что суд всегда должен дать достоверный и вполне определенный ответ на вопрос о виновности подсудимого, правильно квалифицировать его действия, определить справедливую меру наказания.

Нельзя, однако, согласиться с авторами, которые, характеризуя устанавливаемую в уголовном процессе истину как истину абсолютную, относят ее к истине констатации факта, «плоскостям», «общеизвестным» или «элементарным» истинам.

Известно, сколько требуется следователю времени, усилий, энергии для раскрытия, казалось бы, несложного преступления и обнаружения виновного, как иногда трудно проникнуть в духовный мир человека, чтобы достоверно установить мотивы, умысел, те пружины, которые двигали поведением обвиняемого. Если к этому добавить требование выяснить обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, причины и условия, способствовавшие совершению преступления, и многое другое, подлежащее выяснению по делу, то можно отметить, что для открытия некоторых истин в науке, которым никак нельзя приписать свойства «банальности», «плоскости», путь был более простым.

Истина в уголовном процессе не является «плоскостью», «элементарным положением» и потому, что имеет более сложный состав, более широкое содержание, нежели, например, истина «Париж находится во Франции»¹, хотя в указанном выше смысле она является абсолютной. Суд не ограничивается только установлением факта, он познает его социально-политическую сущность, определяет характер и степень общественной опасности деяния и лица его совершившего, квалифицирует преступление

стр. 108, 109). Однако нельзя согласиться с ее мнением, что различие между уголовно-процессуальным и чисто научным познанием связано с тем, что в судопроизводстве цели и задачи познания привносятся субъектом познания, а в научном познании выводятся из структуры реального объекта познания. В уголовном судопроизводстве цели и задачи познания подчинены его объекту. Другое дело, что это познание осуществляется в заранее «запрограммированных» пределах (прим. редколлегии).

¹ См. об этом § 1 гл. III,

и решает вопрос о наказании. Истина приговора, по нашему мнению, относится не к истинам констатации факта, а к группе истин с более широким содержанием.

Отнесение истины приговора к «плоскостям» невольно порождает ложную мысль о ее законченности, изолированности от других истин, что затем сказывается и на определении ее характера с точки зрения абсолютной и относительной истины.

Достигнутая в уголовном процессе истина не может быть охарактеризована как истина абсолютная в силу ее неполноты, ограниченности.

Необходимо учитывать, что предметом исследования в судопроизводстве является конкретное событие в определенных (а не во всех без исключения) свойствах, сторонах, связях. Задача этого исследования имеет четко определенные в законе пределы. Любое преступление представляет сложную совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых объективных и субъективных факторов, которые тоже связаны многочисленными нитями с другими явлениями общественной жизни. Преступление вызывается определенными причинами, само является причиной соответствующих следствий, которые в свою очередь выступают как причины других событий, действий и т. д. Закон не требует и не может требовать от следователя и суда выяснения всех фактов, так или иначе относящихся к данному преступлению. Например, для правильной квалификации преступления закон требует точного установления не всех, а лишь некоторых строго определенных фактов, соответствующих признакам конкретного состава преступления. Решение суда о квалификации преступления будет иметь абсолютный характер (точное соответствие правильно познанных обстоятельств содержанию уголовно-правовой нормы) и одновременно относительный, ибо учтена будет лишь определенная группа признаков события из бесчисленных свойств, характеризующих его в разных аспектах¹.

Закон также в общей форме называет обстоятельства, которые необходимо установить при решении вопроса о наказании. Эти обстоятельства весьма разнообразны и индивидуальны по каждому делу. При назначении наказания суд устанавливает и учитывает существенные обстоятельства, позволяющие ему принять правильное решение в пределах допускаемой законом точности при оценке степени общественной опасности преступления и лица, его совершившего.

Таким образом, органы расследования и суд познают лишь определенную часть того, что произошло в действительности, всегда только существенные стороны, связи событий в тех пределах, которые необходимы для выполнения стоящих перед ним

¹ См. В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, стр. 66—69.

задач — раскрыть преступление, установить виновных и справедливо их наказать. В этом смысле истина, достигаемая в уголовном процессе, является относительной¹.

Относительная истина относится к истине абсолютной, как часть к целому, и служит ступенью к достижению последней. Относительная истина допускает дальнейшее исследование, в ходе которого она будет пополняться, уточняться.

Истине приговора в силу закона несвойственно такое соотношение. Правильно устанавливая фактические обстоятельства дела в их правовом значении, суд окончательно решает вопросы виновности и наказания подсудимого, как и другие вопросы дела. Дальнейшее познание в рамках уголовного процесса по данному делу исключается. При отмене приговора суд обязан вернуться к решению тех же вопросов, а не продолжать познание нового круга проблем на базе уже полученных знаний.

Обусловленность познания в уголовном процессе определенными установленными законом пределами объясняется причинами практического свойства, связанными с функциями уголовного судопроизводства в обществе, но не отменяет объективно существующего соотношения абсолютной и относительной истины². «Самая простая истина...», — писал В. И. Ленин, — всегда неполна, ибо опыт всегда незакончен. Ergo: связь индукции с аналогией — с *догадкой* (научным провидением), относительность всякого знания и абсолютное содержание в каждом шаге познания вперед»³.

Сторонники взгляда на истину приговора как истину только абсолютную определяют ее в зависимости от достижения органами расследования и судом тех задач, которые перед ними стоят. Такой подход к определению абсолютной истины приведет к отождествлению понятий объективной и абсолютной истины и устраниению вообще понятия относительной истины, что, разумеется, неправильно.

Рассмотрим в связи с этим суждения о характере достигаемой в уголовном процессе истины, сформулированные М. С. Строговичем: «...Материальная истина в уголовном процессе может

¹ При регламентации предмета и способов доказывания сам законодатель ограничен в познании общественно-историческими условиями, уровнем развития общественной практики.

² В частности имеется принципиальная возможность дальнейшего исследования признаков преступного деяния, свойств лица, совершившего преступление. Приговор, вступивший в законную силу, знаменует завершение исследования в уголовном процессе, но не невозможность дальнейшего исследования данного события в научных или практических целях. Это может быть сделано писателем, ученым. Почти всегда исследование продолжается при исполнении приговора, когда выясняются дополнительные данные, характеризующие осужденного, не существенные для принятия решения судом, но существенные для принятия комплекса мер, направленных на перевоспитание преступника.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.

быть только абсолютной истиной или она вообще не объективная истина, а лишь догадка, вероятное предположение, гипотеза, версия, которые никак не могут быть основой судебного приговора»¹. Таким образом, по мнению М. С. Строговича: а) в уголовном процессе снимается проблема неполноты знания события, с точки зрения всех его свойств, связей и т. п.; б) истина неполная отождествляется с вероятностью.

В действительности истина, достигаемая в уголовном процессе, характеризуется как относительная не потому, что она представляет собой «догадку, вероятное предположение», а потому, что она неполна. Неполнота является свойством каждой истины в силу неисчерпаемости предмета познания.

Относительность истины определяется и ее конкретностью. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна — таково одно из важнейших положений материалистической диалектики. Оно имеет прямое отношение и к характеристике истины в уголовном судопроизводстве. Суд всегда познает определенное преступление с позиций и в пределах действующего закона. Результаты познания суда являются истинными потому, что они правильно отражают конкретное преступление, совершенное в определенных условиях места и времени. Это же решение суда, если его рассматривать применительно к другим условиям, может оказаться неистинным.

Конкретная истина всегда связана с задачами познания и ограничена уровнем развития конкретно-исторической практики.

Неполнота и конкретность, характеризующие относительность истины, делают каждую объективную истину и абсолютной, и относительной. Марксистско-ленинское учение об абсолютной и относительной истине выражает диалектику как процесса (развития) человеческого познания в целом, так и отдельного акта познания. Абсолютное не может существовать отдельно от относительного, так же как и относительное — отдельно от абсолютного. Это понятия коррелятивные.

Отрицанием относительности (конкретности, неполноты) устанавливаемой в уголовном процессе объективной истины фактически отрицается и другое свойство истины — абсолютность².

Этого не учел И. Д. Перлов, утверждавший, что истина в уголовном судопроизводстве может быть в определенный момент либо относительной, либо абсолютной, но не той и другой одновременно³. Поэтому выглядит неубедительной его защита правильного положения о распространении философских категорий

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968, стр. 316.

² И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 226.

³ См. там же.

относительной и абсолютной истины на познание в уголовном процессе. Нельзя доказывать правомерность применения понятий относительной и абсолютной истины и одновременно фактически отрицать применимость одного из них.

Понятия абсолютной и относительной истины неразделимы, ибо они выражают движение познания по пути приближения человеческих знаний к полному познанию объективной действительности.

Объективная истина, на достижение которой направлены усилия следственных органов и суда, является истинной абсолютной и одновременно в силу неполного и конкретного познания явления выступает как истина относительная¹.

Нельзя признать последовательным мнение отдельных юристов, которые признают философскую категорию объективной истины в уголовном процессе, но одновременно отрицают возможность характеризовать ее как абсолютную и относительную. Признав объективную истину, нельзя остановиться на этом и не дать ответа на вопрос о характере истины. «Быть материалистом, — указывал В. И. Ленин, — значит признавать объективную истину, открываемую нами органами чувств. Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину»².

Правильное решение вопросов о возможности достижения объективной истины в уголовном судопроизводстве и ее характере находится в прямой зависимости от правильного понимания практики и ее роли в процессе доказывания по уголовному делу.

В науке диалектического материализма под практикой понимается общественная, т. е. материально-производственная и общественно-политическая, деятельность, направленная на изменение природы и общества. Виды практической деятельности весьма разнообразны по своему содержанию и форме. К ним относятся различные формы трудовой деятельности по производству материальных благ, экономическая, идеологическая и политическая борьба классов, медицинская, судебная и следственная, научно-исследовательская деятельность и др.

Выбор форм практики для проверки тех или иных выводов определяется не субъективными пожеланиями, а зависит от мно-

¹ На симпозиуме философов и юристов, посвященном проблемам объективной истины в уголовном процессе (юридический факультет МГУ, 1962 г.), представители философской науки по данному вопросу высказали мнение, что «в конкретно-научном плане в действительности идет речь о их единстве, неразрывности, поскольку истина как научный образ является субъективным и объективным, относительным и абсолютным» (Ф. И. Георгиев, «Вестник Московского университета, Серия VIII. Экономика, философия» 1963 г. № 4, стр. 57; см. также выступление И. С. Нарского (там же, стр. 58—59).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 134—135.

гих объективных факторов: предмета познания, совокупности имеющихся знаний, уровня развития общественной практики.

В непосредственной форме практика как критерий истины выступает в тех случаях, «когда проверка истинности теории осуществляется средствами самой практики, в процессе которой люди воздействуют на природу и сопоставляют данные теории с отражаемой действительностью»¹.

Критерий практики применяется и опосредствованно, путем сопоставления результатов познания с иными данными, ранее уже проверенными и доказанными практикой. Результаты, полученные в практике, могут прямо подтверждать истинность знаний, а во многих случаях — косвенно, через доказанность других, связанных с проверяемой теорией положений.

Уголовное судопроизводство не принадлежит к тем областям практической и научной деятельности, где имеет место производственная или экспериментальная проверка конечных результатов познания. Есть и другие отрасли знания, отдельные теории и идеи, где невозможна непосредственная и прямая практическая проверка полученных результатов познания. Неприменимость или ограниченность экспериментальной проверки результатов познания не подрывает положения о всеобщности критерия практики. В уголовном судопроизводстве проверка полученных знаний практикой осуществляется в ходе самого процесса познания, на его чувственной и рациональной ступенях.

Чувственному познанию следователя, лица, производящего дознание, прокурора, судей доступны отдельные обстоятельства происшедшего в прошлом события. Непосредственно воспринимаются ими и источники фактических данных (показания свидетеля, предметы со следами и т. д.). Событие преступления в своих внешних проявлениях непосредственно воспринимается свидетелями, потерпевшими, обвиняемыми и другими лицами, которые сообщают органам расследования и суду сведения о наблюдавшихся ими обстоятельствах происшедшего события. Непосредственное познание следователем, судьями отдельных обстоятельств, получение фактических данных от обвиняемых, свидетелей, экспертов происходят в ходе осуществления практической деятельности — осмотров, обысков, допросов свидетелей и других следственных и судебных действий.

Здесь практика в качестве основы чувственного познания проявляется в непосредственной форме, так как целенаправленная деятельность следователя, судей по производству следственных и судебных действий порождает условия для чувственных восприятий и является решающей основой для познавательной

¹ Ю. Г. Гайдуков, Роль практики в процессе познания, М., 1964, стр. 300.

деятельности. Следовательно, судьи обращают внимание на те факты, предметы, явления и их свойства, которые необходимы для раскрытия преступления, для исследования предмета доказывания в требуемом объеме. Другие воспринимаемые факты, обстоятельства, не имеющие практического значения, не выделяются в их восприятии и не фиксируются в материалах дела.

Связь ощущений, восприятий, представлений следователя, судей с их активной практической деятельностью легко обнаруживается при сравнении восприятия следователя, судей в ходе проведения следственного (судебного) действия с восприятием любого другого человека в аналогичной ситуации. Следовательно, производя, например, осмотр места происшествия (лесной поляны), где было совершено изнасилование, обратит внимание прежде всего на расположение поляны, на следы, предметы, оставленные на ней, — примятость травы, окурки сигарет, бурого цвета пятна и др. Он может не выделить в своем восприятии и не будет фиксировать в протоколе осмотра причудливость освещения, стройность деревьев и т. п. Лицо, выбравшее поляну местом отдыха, отметит особенности пейзажа, все то, что связано с целью пребывания его на поляне. Оно может не увидеть особенностей обстановки, следов, связанных с происшествием.

Чувственное познание следователя, судей зависит не только от целей практической деятельности, но и в значительной мере от их личного профессионального опыта. Многолетняя практическая деятельность следователя обостряет его чувства по восприятию отдельных предметов, явлений, их свойств, с которыми он многократно сталкивался при расследовании уголовных дел.

Практика находится в основе чувственного познания следователя, судей и в тех случаях, когда их знания являются результатом опыта других людей. По мере развития общественно-исторической практики, роста знаний косвенный опыт приобретает все большее и большее значение, поскольку отдельный человек не в состоянии получить все знания через личный опыт, свою практическую деятельность. В связи с этим для следователя, судьи имеет первостепенное значение наряду с другими знаниями и знание практики расследования и рассмотрения других уголовных дел, достижений науки и техники.

Опосредствованность чувственного познания следователя, судей опытом других людей определяется и характером самих объектов познания, относящихся к событиям прошлого. Представление об интересующих их предметах, явлениях следователи, судьи получают большей частью через опыт лиц, выступающих по делу в качестве свидетелей, потерпевших, обвиняемых и др.

Полученные сведения о фактах, доказательства вызывают у следователей, судей представление об отдельных обстоятельствах события, их сторонах, чувственно воспринимаемых свойствах, внешних связях. На чувственной ступени познания, т. е.

при собирании, а также при проверке доказательств, получают образы конкретных фактов, явлений. На этом процесс познания не кончается. Следовательно, судьи должны из отдельных разрозненных представлений составить целостную картину происшедшего события, т. е. мысленно воспроизвести то, что имело место в действительности, познать сущность этого события, сделать вывод о виновности или невиновности конкретного лица.

Логическая ступень познания в процессе доказывания совпадает с тем, что в уголовном процессе называется оценкой и частично проверкой доказательств. Здесь осуществляется переход от знания внешних сторон предметов, явлений, фактов к знанию неизвестных фактов, к познанию внутренних связей явлений, сущности совершившегося события.

И на логической ступени практика пронизывает процесс доказывания, является его основой. Рациональное познание связано с практикой через фактические данные (познавательные образы), представляющие собой тот материал, который подлежит логической обработке. Следовательно, судьи не смогут мысленно воссоздать картину совершения преступления, если их мышление не будет связано с познавательными образами, а через них с практикой. В сложном процессе познания, при многократном прохождении пути от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному происходит постоянное взаимодействие мышления и данных чувств на основе практической деятельности.

На этой ступени познания при оперировании фактическими данными практика проявляет себя в форме непосредственного и опосредствованного опыта следователя, судей, разнообразных их познаний, а также в виде обобщенной практики борьбы органов расследования и суда с конкретными преступлениями. Практика присутствует в самом ходе воссоздания мысленной картины того, что произошло в действительности, когда совершаются различные мыслительные процессы, логические операции. В процессе мышления следователем, судьями используются наряду с чувственными образами понятия, суждения, умозаключения.

Общественная практика лежит и в основе построения суждений, умозаключений. Все логические фигуры, правила, связи понятий, суждений, которые используются в процессе доказывания, в конечном итоге являются отражением связей, объективно существующих явлениям, процессам природы и общества. «Практика человека, — отмечал В. И. Ленин, — миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»¹.

Общественная практика не только образует основу судебного доказывания на его чувственной и рациональной ступенях, но и представляет собой цель познания. Познание в уголовном судопроизводстве не является самоцелью. Оно преследует цель осу-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 198.

...получаются
...познания
...разреша
...происше
...имело мест
...сделать вы
...ания совпа
...енкой и ча
...тся переход
...стов к зна
...вязей явле
...процесс до
...ние связано
...ые образы),
...крит логиче
...о воссоздать
...е не будет
...практикой.
...рохождении
...к конкрет
...и данных
...ктическими
...ственного и
...образных их
...бы органов
...Практика
...тины того,
...различные
...есе мышле
...вственными
...ния сужде
..., связи по
...казывания.
...тивно при
...актика че
...оряясь, за
...судебного
...ениях, но и
...вном суде
...цель осу

ществления активных, действенных практических мер, обеспечи-
вающих успешность борьбы с преступлениями.

Большое практическое значение имеют не только решения
органов расследования и суда, но и сам процесс осуществления
познания, его доступные для наблюдения граждан элементы. Убе-
ждающая в объективности, всесторонности, полноте доказывания, они
также способствуют укреплению социалистической законности,
предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию гра-
ждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уваже-
ния правил социалистического общежития.

В целом процесс проверки практикой выводов следователя, су-
дей при расследовании и рассмотрении уголовного дела близко
напоминает процесс проверки научной теории в ходе ее создания.

При разработке теории ученый не только опирается на прак-
тику, исходит из нее, но и постоянно проверяет сделанные выводы
практикой, сопоставляет свои представления с жизнью, фактами,
с данными научного и производственного эксперимента.

Необходимым условием истинности каждой теории до момента
ее проверки последующей практикой является проверка основных
положений теории предшествующей и настоящей практикой. Го-
воря о «Капитале» К. Маркса, В. И. Ленин отмечал: «Проверка
фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анали-
за»¹. Если же теория в силу тех или иных объективных причин
не может получить достаточную проверку практикой в процессе
ее формирования, она не может считаться истинной и не выйдет
из состояния гипотезы до тех пор, пока не появятся условия для
продолжения процесса познания и проверки ее новыми данными.

Таким образом, требование достижения объективной истины
предполагает наличие необходимых гарантий того, что познание
будет соответствовать происшедшему в действительности. Вопрос
о соответствии мысленной картины совершения преступления объ-
ективной действительности останется открытым, если искать кри-
терий истины лишь в пределах сознания. Проверка знания по-
средством сопоставления одних мыслей с другими может в лучшем
случае подтвердить логичность мышления, его соответствие пра-
вилам, законам логики. Подлинной гарантией истины должен
быть объективный критерий, руководствуясь которым можно от-
делить истинное от ложного, убедиться в достоверности выводов.

Требования проверки практикой, предъявляемые к каждой
претендующей быть истинной теории в процессе своего создания,
полностью распространяются и на результаты познания в уголов-
но-процессуальной деятельности.

Проверка общественной практикой результатов познания
в уголовном процессе не сводится к разовому действию, после осу-
ществления которого можно сразу убедиться в истинности или

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 302.

ложности сделанных выводов. Эта проверка представляет собой сложный и многоступенчатый процесс.

Процесс познания начинается с получения органом дознания, следователем, прокурором, судом фактических данных, указывающих на признаки преступления. Только в ходе расследования (рассмотрения) дела выдвинутая версия или одна из противоречащих ей превращается в достоверное знание.

Уже первый вывод о наличии признаков конкретного преступления, сделанный в постановлении о возбуждении уголовного дела, основывается на практике и ею же проверяется. Общая версия о преступлении, как и версии по отдельным элементам состава преступления, обосновывается теми фактическими данными, которые имеются в распоряжении органа, возбуждающего уголовное дело. Характер, круг и обоснованность версий зависит от количества и достоверности фактических данных¹.

Версия, как итог проверки уже имеющихся налицо фактических данных, становится основой плана расследования. План расследования в свою очередь реализуется в производстве следственных действий — осмотров, обысков, освидетельствований, допросов свидетелей, потерпевших и т. д. Результаты следственных действий проверяются, оцениваются и сопоставляются с ранее сделанными выводами, что позволяет прийти к более точным и полным выводам и произвести новые следственные действия.

В ходе расследования могут отпадать одни версии, появляться взамен или наряду с ними новые, до тех пор пока не будут получены последние результаты следственных действий, позволяющие следователю сделать вывод, что его мысленная картина преступления соответствует происшедшему в реальной действительности.

Таким образом, практика не только порождает процесс познания, лежит в его основе, но практикой корректируется путь познания, проверяются промежуточные и конечные выводы органов расследования.

Сформулированные в обвинительном заключении окончательные выводы следователя, проверенные в стадии предания суду, составляют вместе с материалами дела основу судебного разбирательства. В ходе судебного заседания также осуществляется процесс познания: с помощью участников судебного разбирательства в условиях полного проявления принципов советского уголовного судопроизводства суд самостоятельно проходит путь от вероятного к достоверному знанию, производя судебные действия по доказыванию и оценивая их результаты. Здесь также в ходе практической деятельности и в наиболее благоприятных условиях достижения истины осуществляется познание и практикой же проверяются как промежуточные, так и конечные выводы суда.

¹ Подробнее см. А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957, стр. 46—49.

Достоверность выводов суда может быть проверена в кассационном или надзорном порядке. В этих стадиях также осуществляется практическая деятельность (изучение материалов дела, заслушивание заключения прокурора, объяснений защитника, осужденного, оправданного, рассмотрение дополнительных материалов), в ходе которой осуществляется процесс познания. Эти формы практики дополняются «громадным косвенным опытом, которым судьи вышестоящих судов (обычно вследствие своей значительной опытности) располагают в большей мере, чем судьи нижестоящих судов»¹.

Наличие кассационного и надзорного порядков пересмотра приговоров расширяет возможности предупреждения и исправления судебных ошибок, но не меняет принципиальных путей применимости критерия практики в уголовном судопроизводстве. В этих стадиях хотя и в иных условиях и пределах, но каждый раз происходит процесс познания тех же обстоятельств, что и в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, и опять же в ходе познания осуществляется практическая проверка делаемых выводов.

Последующая общественная практика, как правило, не влияет на полученные ранее результаты познания и может подтвердить главным образом правильность (или неправильность) общего направления деятельности органов расследования, суда по борьбе с преступностью в соответствующий период, эффективность уголовных и уголовно-процессуальных норм. Органы правосудия должны поэтому в ходе своей практической деятельности по окончании дела прийти к истинным решениям, проверив их предшествующей и настоящей практикой.

Пути и способы практической проверки истинности выводов органов расследования и суда имеют свои особенности.

Специфично проявляется критерий практики и в других отраслях практической и научной деятельности, что объясняется своеобразием объекта и задач познания, методикой исследования, уровнем развития той или иной науки. Но критерий практики не сводится только к средствам данной науки или данной отрасли практической деятельности. В качестве критерия

---

¹ А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 104. Здесь же в качестве критерия истины автор указывает и на «непосредственный опыт» судей кассационной и надзорной инстанций в форме «изучения материалов дела», с чем нельзя согласиться. Прямой опыт (антонимом «косвенного опыта» будет «прямой опыт», а не «непосредственный опыт», о котором в данном случае говорит А. И. Трусов) состоит в том, что сам судья производит практические действия для сравнения полученного результата со своим представлением об изучаемом объекте. Например, применительно к суду первой инстанции прямой опыт, очевидно, будет состоять не в изучении материалов предварительного следствия, а в проведении судебных действий, направленных на получение доказательств.

истины используются данные, полученные другими науками и проверенные в различных отраслях практической деятельности. В конечном итоге в любой области познания в качестве критерия истины выступает общественная практика на данный момент ее развития.

В этой связи представляется неправильным ограничивать критерий истины в уголовном процессе лишь практикой судебных или следственных органов, результатами судебных и следственных действий по данному уголовному делу, как это иногда делается в уголовно-процессуальной литературе.

Так, В. Д. Арсеньев, правильно отметив недопустимость сужения понятия практики как критерия истины до понятия эксперимента, далее пишет: «Сюда относится, в частности, деятельность судебно-следственных органов по расследованию преступлений и рассмотрению уголовных дел. В настоящее время она рассматривается как основа познания и критерий истинности»¹. Для того чтобы не оставалось никаких сомнений, В. Д. Арсеньев уточняет свое понимание критерия истины в уголовном процессе и считает им «результаты следственных действий — доказательства»². Хотя критерий практики применяется только в ходе уголовно-процессуальной деятельности, но это не дает никаких оснований искать критерий истины лишь в пределах следственных действий и полученных ими результатов. Критерий истины проявляется в уголовном судопроизводстве не только в форме опыта, приобретенного в данном деле. Используемый критерий истины не изолирован от всего опыта расследования и рассмотрения многих уголовных дел. Уголовное судопроизводство также не выступает как замкнутая, не связанная ни с чем деятельность органов расследования и суда, оно представляет один из видов общественной деятельности, обусловлено всей общественной жизнью, связано с многими другими видами общественной практики.

Сужение понятия общественной практики до «результатов следственных действий — доказательств» неизбежно влечет требование допущения в качестве критерия истины лишь непосредственного и прямого опыта следователя, судей³. Но при таком понимании практики как критерия истины нельзя ответить на

¹ В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 139.

² Там же, стр. 143. Свое мнение о критерии истины В. Д. Арсеньев повторил в диссертации на соискание ученой степени докт. юрид. наук «Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе» (М., 1967, стр. 267—268).

³ В. Д. Арсеньев последовательно, в соответствии со своим взглядом на критерий практики не считает возможным включить косвенный опыт в понятие критерия истины. Под косвенным же опытом он понимает лишь использование опыта расследования (рассмотрения) одного дела при производстве по другому делу (см. цит. раб., стр. 161). Такое определение «косвенного опыта», конечно, чрезвычайно узко.

ряд существенных вопросов, связанных с практической проверкой истинности выводов следователя и суда, в частности нельзя объяснить роль общественной практики на рациональной ступени познания.

Органам социалистического правосудия доступно установление объективной истины, потому что не только результаты следственных и судебных действий, но и результаты всей общественной практики позволяют проверить правильность сделанных выводов и убедиться в их истинности.

Критерий практики в уголовном судопроизводстве выступает в непосредственной и опосредствованной форме. В силу особенностей предмета познания в уголовном процессе следователь и суд не могут в своей практической деятельности непосредственно воздействовать на него с тем, чтобы сопоставить результаты своего познания с самим совершившимся преступлением. Критерий практики в наиболее простой, непосредственной форме недоступен органам расследования и суду применительно к целостному их представлению о преступлении.

В этом смысле правы М. С. Строгович и С. А. Голунский, которые писали: «Мы не можем воспроизвести преступление для того, чтобы проверить, было ли оно и каким именно образом совершено»¹. «Да, если бы и могли, это не было бы то же преступление и никак не убедило бы нас в правильности наших выводов»².

Невозможность и недопустимость воспроизведения всего преступления или его наблюдения следователем и судом не исключают полностью непосредственную форму проверки практикой доказывания. Некоторые выводы следователя и суда могут быть проверены воспроизведением или наблюдением отдельных обстоятельств события. Такие возможности заложены в самой объективной действительности и определяются в первую очередь характером преступления, способом его совершения и наличием материальных последствий.

Например, версия следователя о хищении В. товаров из магазина (как одно из объяснений недостачи материальных ценностей) найдет частичное подтверждение, если в результате обыска в квартире В. будут обнаружены недостающие в магазине товары.

Аналогичные условия для непосредственного наблюдения отдельных обстоятельств события и тем самым проверки первоначальных представлений о нем могут создаваться и при осмотре места происшествия (место, обстановка, материальные последствия, орудия преступления), освидетельствовании, выемке и др.

¹ М. С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М.—Л., 1947, стр. 102.

² С. А. Голунский, О вероятности и достоверности в уголовном суде, «Проблемы уголовной политики», кн. IV, 1937, стр. 61.

В ходе проведения следственного эксперимента воспроизводятся действия, обстановка или иные обстоятельства определенного события и тем самым создаются возможности для непосредственного сопоставления образа предмета, действия с результатами эксперимента.

Но непосредственной проверке практикой подвергается лишь часть выводов по поводу отдельных обстоятельств происшедшего события, что явно недостаточно для признания истинными всех выводов следователя и суда о совершении преступления, виновности конкретного лица и по другим вопросам, подлежащим решению.

Ограниченные возможности для прямой и непосредственной практической проверки делаемых выводов требуют иных путей и форм применения критерия практики. Эти пути и формы используются в работе органов социалистического правосудия, они обобщены теорией и закреплены в общем виде в уголовно-процессуальном законе.

Критерий практики в уголовном судопроизводстве выступает главным образом в опосредствованных формах и применяется часто не прямо, а косвенно. Это объясняется тем, что выводы по делу сопоставляются не с самим находящимся перед следователем (судом) событием (за исключением отдельных обстоятельств), а с доказательствами, одни из которых прямо и непосредственно, другие косвенно, третьи опосредствованно отражают отдельные факты или группы фактов, а в совокупности — все существенные стороны события. Путь проверки практикой охватывает достоверность самих доказательств, а также правильность построения выводов, завершающих процесс оценки каждого доказательства и их совокупности с точки зрения определения их места и значимости в системе доказательств по делу.

Проверка достоверности доказательств возможна потому, что они отражают в различных формах как факты объективной действительности, так и их разнообразные взаимные связи. Поэтому достоверные доказательства находятся в тех же и столь же разнообразных связях между собой, как и отражаемые ими факты. Напротив, ложные доказательства не имеют объективных связей как с обстоятельствами предмета доказывания и побочными фактами, так и с другими достоверными доказательствами. Они могут лишь казаться истинными, и поэтому при тщательной проверке обнаруживается их несоответствие, противоречие другим собранным по делу доказательствам. Конечно, совокупности фактов и обстоятельств, временных и т. п. связей между ними всегда не повторяемы, но по каждому уголовному делу остаются сущность и значение объективных связей. Наличие объективных связей, многократно проверенных предшествующей практикой, позво-

ляет по одному установленному факту обнаружить другой, затем третий и одновременно проверить имеющиеся доказательства.

Каждое доказательство проверяется, исследуется в момент его обнаружения и последующего расследования и рассмотрения дела по мере собирания и проверки других доказательств. Проверка доказательства производится посредством анализа и синтеза, сравнения с другими доказательствами, обнаружения новых доказательств. Анализ каждого доказательства (раздельное исследование различных сведений о факте, особенностей источника фактических данных и источника доказательств и др.) и его синтез (исследование при соединении расчлененных сведений о факте) позволяют выявить такие черты и свойства доказательства, которые могут повлиять на оценку его достоверности.

При таком исследовании каждого отдельного доказательства можно установить: степень полноты и точности отображаемого искомого обстоятельства (эксперт в своем заключении указал на причину смерти, но не ответил на вопрос о времени наступления смерти), наличие или отсутствие противоречивости в сведениях о факте (свидетель показал, что в краже принимали участие три лица, а затем показал на одно лицо), обстоятельства, могущие повлиять на правильность отображаемого факта (плохая видимость при тумане), причины сообщения неправильных сведений (недостаточная специальная подготовка эксперта, заинтересованность свидетеля в исходе дела) и др.

Следователь (суд), проверяя каналы, по которым проходит информация, может вскрыть те факторы, которые оказали или могли оказать влияние на ее достоверность, и принять меры к их устранению, может признать доказательство недостоверным или продолжить проверку доказательства другими способами.

Но анализ существа отдельного доказательства при всей его важности никогда не может быть достаточным для признания доказательства достоверным. В результате анализа, например, показаний свидетеля мы можем установить непротиворечивость его показаний, констатировать незаинтересованность свидетеля в исходе дела и отсутствие обстоятельств, могущих исказить его показания (по тем сведениям, которые он сообщил о себе, и условиях наблюдаемого им события). Но мы не можем определить действительность этих обстоятельств и условий, в которых они происходили, только по сообщенным свидетелем данным. Даже при анализе таких доказательств, как протоколы осмотра, обыска и др., которые составляются следователем и удостоверяются понятыми, нельзя быть уверенным в том, что они полностью соответствуют действительности.

Проведение отдельного следственного действия тоже является практической деятельностью. Однако было бы упрощением сводить общественно-историческую практику как критерий истины к индивидуальному акту практического действия.

Для того чтобы проверить достоверность доказательства, необходимо сопоставить его с другими доказательствами, выяснить их сходство и различие. Бессмысленно сравнивать несопоставимые доказательства. Если после сравнения с другими доказательствами, собранными по делу и связанными с данным, нельзя сделать вполне определенного вывода о качестве проверяемого доказательства, то дальнейшая проверка возможна только после обнаружения новых доказательств, которые в свою очередь анализируются, исследуются и сопоставляются с имеющимися доказательствами. Если доказательство достоверно, то, очевидно, можно обнаружить другие доказательства, его подтверждающие, соответствующие ему, — они «уложатся» в известную общественной практике объективную связь, звено которой представляет собой проверяемое доказательство, если оно достоверно и относится к делу. Отрицание обвиняемым своей виновности со ссылкой на то, что в момент совершения преступления (убийства) он находился на работе и никуда не отлучался, будет считаться проверенным и подтвержденным практикой, если оно полностью совпадает с другими обнаруженными доказательствами, а последние исключают возможность единообразного искажения их содержания. При этом устранению сомнения в достоверности показаний обвиняемого (как и любого другого проверяемого доказательства) будет существенно способствовать обнаружение соответствующих им доказательств различных видов. Это практическое правило основано на том, что сведения, полученные из источников одного вида (только из показаний свидетелей, показаний обвиняемого), могут содержать единообразные ошибки, пробелы под воздействием одной общей причины значительно чаще, нежели сведения, почерпнутые из источников различных видов.

Проверка доказательств, сопоставление ряда доказательств между собой также является практической деятельностью, поскольку цель ее — разрешение конкретного дела.

Но и в этом случае отдельный акт сравнения доказательств как акт практики не является еще критерием истины, общественно-исторической практикой. Само по себе сравнение не доказывает, что сравниваемые доказательства достоверны, как не доказывает и обратного. Опосредствованный же критерий практики проявляется в этом случае постольку, поскольку обобщенный опыт позволяет правильно подойти к оценке названного совпадения. Этот опыт свидетельствует, что совпадение нескольких независимых доказательств в деталях, как правило, подтверждает истинность каждого из них.

Проверка доказательства практикой может принять форму экспериментальной проверки, когда воспроизводятся отображаемый факт, действие, явление или восстанавливаются условия, обстановка формирования доказательства. При этой проверке дока-

зательства наблюдение входит в эксперимент как его составная часть. Наблюдение может быть и самостоятельной формой опытной проверки доказательств (при опознании, освидетельствовании, осмотре и др.).

Любой вид доказательств имеет специфические, только ему присущие особенности формы и содержания. Знание этих особенностей позволяет определить круг тех объективных и субъективных факторов, которые могут или благоприятствовать правильно-му отражению фактов объективной действительности, или вести к их искажению. Например, исходя из особенностей процессуальной природы заключения эксперта как самостоятельного вида доказательств, необходимо установить и проверить примерно следующие обстоятельства: предмет экспертизы (требуются ли для разрешения поставленных вопросов специальные познания); отношение эксперта к делу (не заинтересован ли в исходе дела); знание экспертом своих прав и обязанностей (были ли разъяснены ему права и обязанности и уяснил ли он их); компетентность эксперта (степень его специальной подготовки и опыт практической работы); объективные возможности научного разрешения поставленных вопросов (уровень развития соответствующей отрасли знания); метод исследования (применяется ли он в науке и таким ли образом); научность применяемых знаний (доказаны ли в науке применяемые к обстоятельствам дела положения); характер представленных эксперту материалов (правильно ли они собраны и достаточны ли для дачи заключения); формулировка поставленных вопросов (общие или конкретные, их понятность), полнота и мотивированность ответов (ответил ли эксперт на все вопросы и насколько полно, мотивировал ли свои выводы). При этом следователь, например, не проверяет опытным путем установленных наукой закономерностей, которые он использует в качестве критерия истинности выводов эксперта, а лишь убеждается в том, что они признаны наукой. При проверке заключения эксперта также устанавливаются, проверяются и другие обстоятельства: ознакомление обвиняемого с постановлением о назначении экспертизы, разъяснение его прав и др.

Все данные общественной практики, выраженные в различных отраслях научного знания (диалектический и исторический материализм, логика, естественные науки, криминалистика, психология, судебная медицина, судебная психиатрия и др.), а также закрепленные в общежитийских понятиях (косвенный опыт), привлекаются следователем и судом в качестве опосредствованного критерия истинности доказательств и выводов, делаемых на их основе.

Опыт использования доказательств в практике работы органов расследования и суда составляет предмет специального исследования теории доказательств в советском уголовном процессе. В ней представлен опыт исследования отдельных видов доказательств и их совокупности по конкретным делам, разнообразные

случаи применения данных различных естественных и общественных наук. Вместе с тем в теории опыт исследования доказательств выражен в обобщенной форме: в виде принципов, общих положений, понятий. Опыт исследования доказательств по другим делам, через обобщенные выводы теории доказательств всегда присутствует в качестве критерия достоверности проверяемого доказательства. Этот косвенный опыт имеет огромное значение при исследовании доказательств в качестве составной части общественной практики как основы доказывания и как критерия истины.

Теоретические положения в той или иной форме и в определенных пределах закрепляются в уголовно-процессуальном законе и приобретают значение норм, соблюдение которых обязательно при расследовании и рассмотрении дела. Выполнение требований закона в процессе доказывания гарантирует доброкачественность доказательственного материала, потому что в основе закона лежат результаты обобщенной практики. В этом смысле точное и безусловное соблюдение норм доказательственного права также отражает применение критерия общественной практики.

Выводы по делу должны с необходимостью вытекать из системы доказательств, обуславливаться ею. Однако они могут оказаться недостоверными, если при их построении будут нарушены законы логики. Логичность мышления, непротиворечивость суждений, умозаключений — обязательное условие достоверности выводов следователя, суда.

Диалектический материализм не только не отрицает, но подчеркивает важность и необходимость логического критерия¹. Он тем более важен для тех случаев, когда истинность выводов проверяется практикой в опосредствованных формах в самом процессе их формирования, что имеет место и при доказывании в уголовном судопроизводстве. Однако логический критерий не представляет собой самостоятельного критерия истины наряду с общественной практикой. Критерием истинности самой логики выступает также общественная практика (см. выше). Логический критерий не является самостоятельным, ибо сами по себе суждения, умозаключения, построенные по всем правилам логики, могут не содержать истины. Возможно построение заведомо ложной, но внутренне согласованной, логически стройной системы, если в основу рассуждений положить хотя бы одну ложную посылку.

Выводы следователя и суда будут соответствовать действительности, если они основаны на достоверных, проверенных практикой фактических данных и построены с соблюдением всех логи-

¹ См. М. Н. Руткевич, Диалектический материализм, М., 1959, стр. 264—270; Ю. Г. Гайдуков, Роль практики в процессе познания, М., 1964, стр. 302—303; А. Г. Спиркин, Курс марксистской философии, М., 1964, стр. 223.

ческих правил. «Если наши предпосылки, — указывал Ф. Энгельс, — верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности...»¹.

Таким образом, общественная практика — единственный критерий истины для всех знаний человека, в том числе и для выводов органов расследования и суда. В этом заключается ее абсолютный характер. Абсолютность критерия общественной практики состоит в том, что результаты познания, полностью подтвержденные практикой, имеют значение абсолютной истины. Выводы органов расследования и суда выражают абсолютную истину, поскольку они проверены, доказаны практикой.

Критерий практики вместе с тем и относителен. Его относительность определяется непрерывным развитием общественно-исторической практики и неисчерпаемостью объектов познания. В частности, событие преступления также неисчерпаемо, как и любое другое явление объективного мира. Относительность критерия практики заключается в его неполноте.

В сочетании абсолютного и относительного моментов выражается диалектическая природа критерия общественной практики. «Конечно, при этом не надо забывать, — указывал В. И. Ленин, — что критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма»².

Природа критерия практики в конечном итоге обуславливает и характер истины, достигаемой в уголовном процессе. Она является абсолютной, поскольку выводы следователя и суда подтверждаются практикой, и одновременно относительной из-за неполноты познания того, что произошло в действительности.

§ 2. ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В изучении системы, задач, функций, эффективности доказательственного права, видов и структуры его норм, правоотношений в деятельности по их применению, процессуальных форм и гарантий и других элементов своего предмета теория доказательств опирается на принципы, категории, концепции общей теории права.

В понятиях общей теории права сконцентрирован опыт изучения права и правовых явлений, накопленный в системе от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 629.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 145—146.

раслевых юридических наук; в то же время эти понятия служат исходными для правовых исследований, относящихся к различным отраслям правоведения. Принципиальное значение положений общей теории права для иных юридических наук состоит в том, что они, базируясь на материалистической диалектике как теории и методе познания, «сразу же выводят исследователя на определенные исходные позиции»¹, отражая наиболее существенные, коренные черты всей правовой системы². Научно обоснованные абстракции общей теории права объединяют методологическую основу — диалектический материализм с содержанием конкретных юридических наук, теорий, концепций, в том числе с теорией доказательств.

В частности, через общую теорию права теория доказательств восприняла и применяет такие общие для всех юридических наук методы, как: 1) нормативно-догматический; 2) социологический; 3) сравнительно-правовой.

Первый из них состоит в теоретическом анализе норм доказательственного права с учетом состояния практики доказывания, знание о которой, как правило, еще не доведено до точных количественных характеристик. Следует, однако, учитывать, что оно приобретено на основе длительных наблюдений, выделения типического, осмысливания практического опыта. Поэтому применение данного метода может давать и дает достоверные результаты, необходимые для совершенствования правового регулирования доказывания и обеспечения единства и улучшения качества следственной и судебной работы.

Социологический метод позволяет регулярно собирать количественную информацию о том, как «функционирует» доказательственное право, его отдельные институты и нормы, достигают ли

¹ С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. IV, Свердловск, 1966, стр. 127.

² Взгляд на общую теорию права как науку методологическую по отношению к отраслевым юридическим дисциплинам не является общепризнанным. О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский полностью отрицают методологический характер общей теории права на том основании, что иное означало бы наличие у отраслевых юридических дисциплин двух методологических баз — диалектического материализма и теории государства и права. Указанные авторы возражают против «отождествления методологических установок с общетеоретическими положениями» (О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, Вопросы теории права, М., 1961, стр. 11). Ошибочность этой точки зрения, по мнению автора настоящего параграфа, состоит в недialeктическом противопоставлении метода и теории: знания о мире выступают как теория, но в дальнейших исследованиях они приобретают методологическое значение.

Как правильно отмечает П. Е. Недбайло, все основные понятия и концепции общей теории права приобретают методологическое значение в отраслевых юридических науках (П. Е. Недбайло, Методологические проблемы юридической науки, «Материалы научной конференции», Киев, 1965, стр. 14).

они своих целей, в какой мере они эффективны. В этом смысле он существенно расширяет возможности исследования вопросов, о которых говорилось выше.

Сравнительно-правовой метод также плодотворно применяется в теории доказательств. Этому способствует наличие некоторых различий в уголовно-процессуальном законодательстве союзных республик при внутреннем его единстве, основанном на общих положениях союзного закона. Сравнительное правоведение опирается также на правовой опыт всех социалистических стран, которым они взаимно обогащаются, сохраняя при этом национальные особенности и традиции.

Во всех общественных науках, в том числе в общей теории права, получил распространение системный подход к изучению социальных явлений, позволяющий не только лучше уяснить их природу, происхождение и взаимозависимость, но и обеспечить условия для сознательного «управления» общественными процессами¹.

Общественные отношения, на которые воздействует право, объективно представляют собой переплетение систем и подсистем разной степени сложности, интегрированных по разным признакам. Отражая характер этих отношений, управляя ими для достижения поставленных целей, право представляет собой в настоящем смысле также совокупность систем и подсистем, структурно аналогичных отражаемым явлениям².

Общая теория права обеспечивает системный подход в отраслевых правовых науках и их разделах, в том числе и в теории доказательств, при анализе эффективности нормативного регулирования доказывания.

Эффективность доказательственного права в целом зависит от эффективности его институтов и отдельных норм.

Под эффективностью нормы или института доказательственного права обычно понимают степень приближения урегулированных нормой (институтом) общественных отношений к оптимуму, теоретически достижимому при данных социальных и научно-технических условиях³.

¹ См. «Проблемы методологии системного исследования», М., 1970; «Научное управление обществом», вып. 4, М., 1970.

² О системном подходе в уголовной юстиции см. А. А. Герцензон, Уголовная политика и пути ее изучения, «Советское государство и право» 1969 г. № 8, стр. 1—29; И. Л. Петрухин, Причины судебных ошибок, «Советское государство и право» 1970 г. № 5, стр. 100—106; В. Н. Кудрявцев, Эффективность системы уголовной юстиции, «Социалистическая законность» 1971 г. № 7, стр. 13—16.

³ Об эффективности норм права и правоприменительной деятельности см. В. И. Каминская, Методы изучения практики применения уголовно-процессуального закона, «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 7, М., 1968, стр. 3—21; вып. 10, М., 1969, стр. 71—92; И. С. Самощенко,

Если эти условия считать в каждый данный момент неизменными и заданными, а формы правового воздействия варьировать, то самой эффективной будет та из апробируемых норм доказательственного права, которая обеспечит максимальный «вклад» в достижение целей данного института доказательственного и всего уголовно-процессуального права.

Научно обоснованное совершенствование доказательственного права возможно лишь при условии, что будет налажена система «обратной связи» от объекта правового воздействия, т. е. соответствующих общественных отношений, к «управляющей системе» (нормам доказательственного права). Теория доказательств, базируясь на положениях общей теории права, анализирует состояние общественных отношений, регулируемых доказательственным правом, фиксирует изменение их, вызываемое изменением норм права, оценивает их по степени положительного или отрицательного влияния на достижение целей судопроизводства. Это помогает законодателю своевременно вносить коррективы в нормы доказательственного права. До сих пор говорилось о «собственно правовом» звене в механизме обеспечения эффективности доказательственного права. Однако этот механизм включает ряд социальных и иных факторов, не только действующих через нормы права, но и непосредственно влияющих на эффективность процессуальной деятельности по доказыванию. К числу этих факторов следует отнести: уровень юридической подготовки и правосознания судей, прокуроров, следователей, адвокатов; их морально-этические качества и психологическую характеристику; условия их жизни и трудовой деятельности; уровень организации труда в судах, органах судебного управления, прокуратуре и следственных органах, включая их структуру и организацию; уровень культуры граждан; уровень естественно-технических наук, влияющий на возможности обнаружения и исследования доказательств по уголовным делам; эффективность юридической, в частности уголовно-правовой и процессуальной науки; наличие, полноту и достоверность информации о «функционировании» всех факторов (правовых, социальных, научных и др.), влияющих на достижение целей доказывания и др.

Теория доказательств исследует в необходимых пределах эти аспекты проблемы эффективности правовой системы, изучаемой общей теорией права и отраслевыми правовыми науками.

Теория права обосновывает, что нормы доказательственного

В. И. Никитинский, Изучение эффективности действующего законодательства, «Советское государство и право» 1969 г. № 8, стр. 5 и сл.; Е. П. Шикин, Основные условия эффективного применения права. Автореферат кандидатской диссертации, Свердловск, 1971; И. Л. Петрухин, Социологический метод исследования эффективности правосудия, «Советская юстиция» 1971 г. № 1, стр. 10—11; «Проблемы социологии и права», вып. 7, Вильнюс, 1970.

права в целом верно отражают состояние соответствующих общественных отношений и социальную потребность в определенном их урегулировании. Они наилучшим образом служат целям доказывания¹. Нормы доказательственного права могут, конечно, явиться объектом научной критики. Но пока законодатель не подтвердил правильность такой критики, не отменил или изменил норму, субъекты доказывания не вправе отказываться от ее точного и неуклонного применения. Это диктуется интересами укрепления законности и правопорядка.

Создание максимально целесообразных норм доказательственного права — задача законодателя. Ее сложность объясняется рядом причин. Пока еще невозможно с математической точностью рассчитать «срок службы» нормы права, поэтому отдельные нормы доказательственного права могут отставать от потребностей общественного развития, научно-технического прогресса; другие же нормы принимаются с некоторым «запасом», поэтому они вначале опережают этот процесс.

Однако нормы доказательственного права не настолько «жестко» регулируют процесс доказывания, чтобы препятствовать «вызреванию» новых способов доказывания в пределах существующих процессуальных форм. Теоретический их анализ способствует развитию и уточнению отдельных норм, институтов и практики доказывания (см. гл. I) без какого-либо отступления от режима законности.

Фундаментальным положением теории доказательств является учение о нормах доказательственного права, их видах и структуре, которые рассматриваются на основе принципов, выработанных общей теорией права. При этом теория доказательств стремится выявить специфику норм доказательственного права.

Характер этих норм определяется особенностями предмета правового регулирования, т. е. отношений в сфере доказывания. В них преобладают отношения между органами государства, на которые возложена задача раскрыть каждое преступление, установить истину, обеспечить наказание преступников, исключить возможность осуждения невиновных, и гражданами, которые отстаивают в уголовном деле свои или представляемые законные интересы и (либо) обладают сведениями о преступлении.

Отсюда вытекают основные особенности метода правового регулирования в области доказывания: 1) наличие властных пол-

---

¹ О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский правильно пишут, что норма права «представляет собой отражение действительности» и в то же время придает человеческой «деятельности определенное целевое направление» («Вопросы теории права», М., 1961, стр. 123).

С. С. Алексеев характеризует эти две функции права как статическую (отражение и закрепление существующих общественных отношений) и динамическую (совершенствование общественных отношений) (см. «Общая теория социалистического права», вып. 1, Свердловск, 1963, стр. 64—65).

номочий, без которых органы, ответственные за уголовное дело, были бы лишены возможности отыскивать доказательства и устанавливать истину; 2) разветвленная система процессуальных гарантий личности, обеспечивающая защиту законных интересов граждан, участвующих в доказывании.

В доказательственном праве преобладают так называемые императивные нормы, не допускающие замены установленных ими правил усмотрением участников правоотношения¹. В его нормах ясно выражено определенное правило поведения: следователь обязан предъявить обвиняемому заключение эксперта (ст. 193 УПК РСФСР); свидетели допрашиваются в суде порознь и в отсутствие еще не допрошенных свидетелей (ст. 283 УПК РСФСР) и т. д. Это — разновидность регулятивных норм.

Некоторые нормы доказательственного права имеют дефинитивный характер, т. е. содержат определения правовых понятий (например, ст. 69 УПК РСФСР дает определение доказательства; ст. 83 формулирует понятие вещественного доказательства). Дефинитивные нормы доказательственного права включаются в систему правового регулирования через посредство регулятивных норм, оперирующих уже готовыми понятиями.

Основные формы метода регулирования — дозволение, предписание, запрет. В доказательственном праве преобладают предписания, адресованные органам государства, ведущим доказывание, сочетающиеся с некоторыми запретами (например, запрещение унижать достоинство лица при освидетельствовании) и дополняемые системой дозволений для граждан, участвующих в доказывании.

Структура норм доказательственного права в общем укладывается в традиционное представление о трехчленном строении нормы права (гипотеза, диспозиция, санкция), хотя в отдельных случаях некоторые из этих элементов выражены в «свернутом» виде или их приходится выводить из содержания других норм процессуального и даже материального права (например, санкции).

Основным содержанием нормы процессуального и, в частности, доказательственного права является диспозиция, т. е. само правовое предписание, дозволение, запрет, адресованные определенным лицам и вступающие в действие при наличии определенных условий, указанных в гипотезе нормы. Если же фактические условия реализации нормы права не соответствуют условиям, указанным в ее гипотезе, или если предписание кем-либо из участников правоотношения не осуществлено, то вступает в действие санкция, предусмотренная нормой права.

¹ Как известно, в отличие от императивных норм диспозитивные допускают правовое вмешательство лишь в случаях, когда участники правоотношения сами не договорились о его условиях.

Логическая структура нормы доказательственного права укладывается в общие представления о норме права и состоит в рассуждении: если налицо условия А., Б., В (гипотеза), то всеми субъектами из группы Х. должны быть предприняты действия Г., Д., Е... или они должны воздержаться от действий Ж., З., И...; или они должны не препятствовать действиям К., Л., М... любого субъекта из группы У (диспозиция), а иначе субъект Z от имени государства принудит их к этому мерами Н., О., П. (санкции).

Указанное рассуждение имеет в виду поведение обязанного лица. Аналогичное рассуждение допустимо в отношении управомоченного лица. Однако если в первом случае имеется в виду должное поведение, то во втором — возможное. Эти два вида поведения всегда взаимосвязаны, ибо не существует обязанности без права требовать ее исполнения и права — без обязанности подчиняться ему.

В пределах доказательственного права действуют четыре основные группы норм: 1) нормы, устанавливающие обязанности органов, осуществляющих судопроизводство, и одновременно определяющие права этих органов по отношению к гражданам, участвующим в доказывании, другим лицам и учреждениям; 2) нормы, устанавливающие обязанности указанных органов в отношении граждан, участвующих в доказывании, других лиц и учреждений; 3) нормы, регулирующие отношения между самими органами, ответственными за дело, на разных стадиях процесса; 4) нормы, регулирующие отношения между участвующими в доказывании гражданами и их представителями (под контролем органов, ответственных за дело).

Примером норм доказательственного права, относящихся к первой группе, может служить следующее правило, сформулированное в ст. 78 УПК РСФСР: если необходимы специальные познания для установления обстоятельств дела и это признано постановлением следователя (гипотеза), то должна быть проведена экспертиза (диспозиция), а если она не проведена, то дело может быть возвращено на исследование (процессуальная санкция).

Примером норм доказательственного права, относящихся ко второй группе, служит правило, сформулированное в ст. 159 УПК РСФСР: если свидетелю не более 14 лет (гипотеза), то свидетель обязан привлечь к участию в его допросе педагога (диспозиция); в противном случае показания такого свидетеля должны быть признаны недопустимым доказательством (санкция).

К третьей группе относится, например, следующая норма, установленная ст. 127 УПК РСФСР: если вышестоящий прокурор согласен с указаниями нижестоящего прокурора о направлении дела для предания обвиняемого суду, данными следователю, который представил против них возражения (гипотеза), то он

должен поручить расследование другому следователю (диспозиция); в противном случае обвинительное заключение, как не отражающее внутреннего убеждения следователя, не может служить основой для рассмотрения в суде дела, которое должно быть возвращено из суда прокурору (санкция).

Примером норм четвертой группы может служить правило ст.ст. 288—289 УПК РСФСР: если экспертиза проведена, эксперт представил суду свое заключение, а обвиняемый желает задать эксперту вопросы (гипотеза), то суд должен предоставить ему такую возможность, и эксперт должен ответить на вопросы обвиняемого (диспозиция); в противном случае приговор может быть отменен либо может быть вынесено частное (особое) определение (санкция).

Во всех приведенных примерах структура правовых норм выражена через обязанность, т. е. через должное поведение, являющееся активным элементом правопорядка, но она может быть выражена и через право.

Многие нормы доказательственного права на первый взгляд не укладываются в упомянутую трехчленную структуру юридических норм. Например, следователь, прокурор, суд вправе при наличии оснований провести осмотр, допрос, освидетельствование, экспертизу и т. д., соблюдая при этом такие-то правила. В этих нормах, казалось бы, опущены гипотезы.

Гипотезы правовых норм указывают в общем виде юридические факты (действия, события, состояния, юридические акты, при наличии которых норма права может быть реализована в правоотношении). Гипотезы нередко бывают сложными, включающими целый комплекс условий, при которых могут быть реализованы требования диспозиций. Но встречаются простые гипотезы, а некоторые из них «скрыты» в тексте закона, и их «выявление» требует анализа. Если иметь это в виду, то ясно, что нормы доказательственного права не обходятся без гипотез.

В частности, все нормы, на основании которых следователь, прокурор, суд имеют право проводить различные следственные (судебные) действия, применяются лишь при наличии оснований для их проведения. Указанные основания образуют гипотезы этих норм доказательственного права. Например, если есть данные, указывающие на реальную возможность обнаружения следов преступления на теле определенного человека (и следователь указал на это в своем постановлении), то это и есть гипотеза, наличие которой служит необходимым условием проведения освидетельствования. Достаточность оснований для проведения следственных (судебных) действий по обнаружению доказательств раскрывается через теорию доказательств, которая таким образом активно влияет на процесс доказывания.

Во многих нормах доказательственного права есть две гипотезы: одна является условием реализации диспозиции, а дру-

гая — санкции. Первая имеет в виду юридический факт, который сам по себе не является ни правомерным, ни противоправным. Вторая — всегда процессуальное правонарушение, которое должно влечь за собой применение санкций.

Исполнение предписаний процессуального закона обеспечивается возможностью применения санкций: а) процессуальных, б) дисциплинарных, в) уголовно-правовых.

Процессуальные санкции могут быть двух видов. Первый вид применяется в отношении действий и актов должностных лиц, ответственных за доказывание по уголовному делу, второй — в отношении граждан, участвующих в доказывании¹. К первому виду санкций относятся: а) аннулирование доказательственного значения следственных и судебных действий, произведенных при существенном нарушении форм судопроизводства (институт допустимости доказательств); б) отмена приговора и возвращение дела на доследование или новое рассмотрение в суде первой, второй или надзорной инстанции; в) вынесение судом частных определений в отношении должностных лиц, нарушивших процессуальный порядок доказывания; г) оправдательный приговор и прекращение судом дела по реабилитирующим основаниям; д) отмена прокурором следственных актов.

Общим для процессуальных санкций первого вида является аннулирование юридического значения актов и действий органов, осуществляющих судопроизводство, если контролирующий или надзирающий орган придет к выводу, что они незаконны или необоснованны. Процессуальной санкцией в отношении граждан, не выполняющих свои обязанности в доказывании, может служить процессуальное принуждение.

Многие авторы отождествляют процессуальное принуждение и те процессуальные действия, в ходе которых оно может быть применено (но не всегда применяется). Так, к мерам процессуального принуждения помимо мер пресечения довольно часто относят обыск, выемку, получение образцов для сравнительного исследования и т. д.², хотя известно, что эти процессуальные действия могут и не сопровождаться принуждением.

---

¹ Это деление основано на выработанном в теории права представлении о том, что правовые санкции бывают двух видов: а) направленные на восстановление правопорядка (в том числе отмена незаконных актов); б) карательные санкции (О. Э. Лейст, Санкции в советском праве, М., 1962, стр. 102 и сл.; его же, О природе и путях преобразования санкций социалистического права, «Советское государство и право» 1963 г. № 1, стр. 47; П. С. Элькин, Толкование и применение норм уголовно-процессуального права, М., 1967, стр. 27).

² М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 228; Н. В. Жогин, Ф. Н. Фаткуллин, Предварительное следствие в советском уголовном процессе, М., 1965, стр. 256; В. М. Корнуков,

С другой стороны, меры процессуального принуждения могут быть применены для обеспечения беспрепятственного осуществления тех судебных и следственных действий, которые в теории обычно с принуждением не связываются. Так, осмотр места происшествия может быть проведен принудительно, если кто-либо этому препятствует.

Меры процессуального принуждения дают возможность следователю, прокурору, суду преодолевать противодействие граждан и должностных лиц в случаях, когда последние не выполняют возложенных на них законом процессуальных обязанностей¹. Эти меры можно рассматривать как разновидность процессуальных санкций, обеспечивающих реализацию права органа, ответственного за уголовное дело, и соответствующей обязанности гражданина в процессуальном правоотношении.

Таким образом, процессуальные санкции обеспечивают беспрепятственное осуществление доказывания органами государства, ответственными за дело (процессуальное принуждение), либо предупреждают и устраняют нарушения законности в доказывании со стороны лиц, ответственных за уголовное дело, путем аннулирования незаконных и необоснованных актов.

Соблюдение норм доказательственного права обеспечивается возможностью применения санкций и из других отраслей права. Причем сама постановка вопроса об этом может осуществляться в рамках процессуальных санкций (представление, частное определение).

Дисциплинарные санкции могут быть применены в отношении лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи, а также адвоката и эксперта, работающего в экспертном учреждении, если они ненадлежаще выполняют свои обязанности в доказывании.

Уголовно-правовые санкции могут быть применены как к должностным лицам, ответственными за дело, так и к должностным лицам и гражданам, участвующим в деле, если допущенные ими нарушения процессуального порядка доказывания представляют уголовно наказуемые деяния.

Предпосылками возникновения правоотношений в области доказывания являются: 1) наличие нормы доказательственного права; 2) правосубъектность как способность будущего участника правоотношения к обладанию правами; 3) наличие юриди-

---

Вопросы теории и практики применения мер процессуального принуждения в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Саратов, 1970, стр. 5—6.

¹ Не прав В. М. Корнуков, утверждающий, что «меры процессуального принуждения, как правило, применяются при отсутствии нарушений уголовно-процессуальных норм и потому не могут рассматриваться в качестве взыскания, воздействия за нарушение или неисполнение правовой нормы» («Автореферат», стр. 5).

ческого факта, с которым закон связывает возникновение правоотношения.

Правосубъектностью обладают все лица, которые в случае возбуждения уголовного дела могут стать субъектами процессуальных прав в правоотношениях с другими лицами и органами.

Субъекты доказывания и другие принимающие в нем участие лица правосубъектны при наличии определенных условий — своего рода «юридических фактов правосубъектности».

Условиями правосубъектности следователя и прокурора являются: назначение их на должность в установленном порядке, факт возбуждения и принятия к своему производству уголовного дела, отсутствие оснований для отвода.

Условия правосубъектности судьи: избрание на должность в установленном законом порядке, отсутствие оснований для отвода и принятие дела к своему производству (акт предания суду).

Следователь, прокурор, судьи должны сами осуществлять свои процессуальные права, поэтому их правоспособность и дееспособность слиты в понятие правосубъектности¹.

Условия правосубъектности обвиняемого: достижение лицом возраста уголовной ответственности, вменяемость и привлечение лица в качестве обвиняемого в установленном законом порядке; потерпевшего — признание лица потерпевшим от преступления в установленном законом порядке; свидетеля — способность лица воспринимать и воспроизводить фактические данные, являющиеся доказательствами, вызов на допрос в установленном законом порядке; эксперта — компетентность и незаинтересованность в исходе дела, назначение в установленном законом порядке.

Применительно к обвиняемому и потерпевшему имеет смысл различать правоспособность и дееспособность. Обвиняемый, если он не достиг совершеннолетия либо страдает физическими или психическими недостатками, лишающими его возможности полностью использовать свое право на защиту, не может отказаться от защитника, если суд считает его участие в деле необходимым. В данном случае органу, осуществляющему судопроизводство, принадлежит право ограничить дееспособность подсудимого.

Малолетние и душевнобольные потерпевшие обладают всем комплексом процессуальных прав потерпевшего, но не в состоянии его полностью реализовать. Этот вопрос не урегулирован в законе. Представляется, что малолетние и душевнобольные потерпевшие по постановлению следователя или определению суда могут быть признаны недееспособными или ограниченно дееспособными (с точным указанием характера ограничений). При этом обязательно участие в деле представителя потерпевшего.

Доказательственное право реализуется в трех формах:

---

¹ См. Б. А. Галкин, Советский уголовно-процессуальный закон, М., 1962, стр. 93, 107.

1) его нормы непосредственно, вне правоотношений, превентивно воздействуют на лиц, участвующих в доказывании; 2) в форме правоотношений (основной вид реализации), связывающих орган, ответственный за уголовное дело, с лицами, участвующими в доказывании; 3) в форме реализации односторонних властных полномочий органа, осуществляющего судопроизводство, направленных на установление некоторых юридических фактов, но не связывающих его в правоотношение с другими лицами, участвующими в доказывании, это влечет правоотношение между органом, ответственным за дело, и вышестоящим контролирующим или надзирающим органом государства.

Непосредственное воздействие норм доказательственного права на субъектов доказывания состоит в том, что они еще до возникновения правоотношений требуют от этих лиц соотносить свое поведение в уголовном процессе с положениями советского права. Тем самым предупреждается нарушение норм доказательственного права со стороны должностных лиц и граждан.

Основная форма реализации норм доказательственного права — правоотношения, т. е. урегулированные правом общественные отношения в сфере доказывания.

В большинстве случаев правоотношения в области доказывания возникают по воле органа, ответственного за дело, который вступает в правовую связь с участниками процесса, чтобы получить от них доказательства и в то же время обеспечить их права в доказывании.

Во многих случаях правоотношения возникают по инициативе граждан, участвующих в доказывании (подача жалоб, заявление ходатайств и т. д.).

Юридически содержанием правоотношения (в том числе в сфере доказывания) являются субъективное право и субъективная обязанность, не отделяемые друг от друга: если есть субъективное право, то должна быть и субъективная обязанность, обеспечивающая его реализацию, и, наоборот, нет субъективной обязанности без права требовать ее осуществления.

Субъективное право включает три возможности: 1) возможность совершения определенных действий управомоченным лицом; 2) возможность требовать определенного поведения от обязанного лица; 3) возможность прибегнуть к принудительной силе государства для обеспечения реализации субъективного права¹.

¹ Вопрос о содержании субъективного права является дискуссионным. Н. Г. Александров включает в его содержание все три названных элемента («Законность и правоотношения в советском обществе», М., 1955, стр. 109). Некоторые другие авторы ограничиваются лишь первыми двумя элементами (О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский, цит. раб., стр. 223; Д. М. Чечот, Субъективное право и формы его защиты, Л., 1968, стр. 26).

Если субъективное право выражает возможное поведение, то субъективная обязанность — должное поведение, реализуемое либо через действие, либо через бездействие обязанного лица.

В целом эта конструкция характеризует содержание правоотношений и в области доказывания по уголовным делам. Так, свидетель после его допроса следователем имеет следующие возможности: 1) изложить свои показания собственноручно; 2) требовать от следователя, чтобы он обеспечил реализацию этой возможности; 3) обратиться к прокурору с жалобой, если первые две возможности остались нереализованными.

Однако общая теоретическая схема субъективного права и субъективной обязанности требует некоторого корректива с учетом специфики правоотношений в области доказывания.

Во-первых, наличие первой возможности, а именно возможности совершения определенных действий, не всегда входит в содержание субъективного права участника процесса доказывания, который иногда никаких действий сам не совершает, а лишь требует их совершения от другого субъекта. Так, обвиняемый имеет право требовать, чтобы в обвинительном заключении были указаны доказательства, на которых основано обвинение, и жаловаться по данному поводу прокурору (вторая и третья возможность), однако сам он во исполнение этого субъективного права никаких действий не предпринимает.

Во-вторых, если орган государства, ответственный за уголовное дело, обладает субъективным правом, а лицо, участвующее в доказывании, — обязанностью, то реализация права, как правило, зависит от самого органа государства и ему нет надобности прибегать к содействию других органов государства (третья возможность сливается со второй).

В-третьих, субъективная обязанность в доказывании реализуется главным образом через действия обязанного лица (составить протокол, явиться на допрос и дать показания, провести экспертизу и т. д.).

Лишь в некоторых случаях субъективная обязанность в доказывании реализуется через воздержание от определенных действий (не перекладывать обязанность доказывания на обвиняемого, не привлекать для проведения экспертизы лицо, заинтересованное в исходе дела, и т. д.). Но при этом указанное воздержание от действия всегда сопровождается действиями в дозволенном законом направлении.

Правоотношения в области доказывания могут юридически связывать:

1) орган, ответственный за уголовное дело, с гражданами и организациями, участвующими в доказывании или имеющими право на уведомление об определенных действиях по доказыванию, и т. п.;

2) орган, ответственный за уголовное дело, с контролирующим или надзирающим органом государства;

3) граждан (организаций), участвующих в доказывании, между собой;

4) контролирующий или надзирающий орган с гражданами (организациями), участвующими в доказывании, или с другими лицами, имеющими право обжаловать действия по доказыванию.

Первая группа правоотношений — основная, определяющая юридическую природу отношений по доказыванию. В эту группу входят правоотношения, в которых орган государства, ответственный за дело, является правообладающим субъектом, а граждане и организации, участвующие в доказывании, — обязанными субъектами, и правоотношения, в которых обладателями субъективного права являются граждане и организации, участвующие в доказывании, а орган, ответственный за дело, должен осуществлять обязанность.

Первый вид правоотношений возникает в результате реализации органом, ответственным за дело, своих полномочий по отысканию, проверке и исследованию доказательств.

Предъявляя к гражданам различного рода требования, орган, ответственный за дело, устанавливает с ними многочисленные правоотношения, в которых они выполняют свои процессуальные обязанности. Так устанавливаются правоотношения со свидетелями и потерпевшими, обязанными явиться и дать показания, обыскиваемыми, которые должны выдать соответствующие предметы и документы, экспертами, которые обязаны провести исследование и дать заключения, и т. д.

Однако орган, ответственный за дело, лишь по отношению к участникам доказывания, к которым обращены его требования, выступает как управомоченный субъект; по отношению же к государству он субъект обязанный, так как вызвать свидетеля, допросить его, провести обыск, освидетельствование, экспертизу, другие процессуальные действия при наличии к этому оснований — это не только его право в отношении граждан, но и обязанность по отношению к государству. Поэтому, выступая по отношению к гражданам как субъект права, орган, ответственный за дело, одновременно является субъектом обязанности в его правоотношении с государством. Таким образом возникают два правоотношения, порождаемые одним и тем же юридическим фактом.

Другая разновидность той же группы правоотношений связана с процессуальными гарантиями личности в доказывании. Орган, ответственный за дело, должен так осуществлять доказывание, чтобы при этом не страдали права и законные интересы личности (в том числе возможность добиваться правильного разрешения дела). Поэтому граждане, участвующие в доказывании, в свою очередь, обладают системой прав в их правоотношениях

с органами государства, осуществляющими судопроизводство, которые в этих случаях являются обязанными субъектами¹.

Так, всем элементам права обвиняемого на защиту соответствует обязанность следователя, прокурора, суда обеспечить для обвиняемого возможность защищаться от обвинения, реализуемая через посредство целой серии правоотношений этих органов с обвиняемым и его защитником. Равным образом и права потерпевшего, свидетеля, эксперта, других лиц в доказывании реализуются не иначе как через посредство правоотношений, в которых органы, ответственные за дело, являются субъектами обязанностей.

Защита субъективных прав граждан в доказывании не менее важна, чем реализация прав органов государства, ведущих процесс. Те и другие права образуют единую систему социалистического правопорядка в доказывании, представляющего собой «реальную жизнь» доказательственного права.

Вторая группа правоотношений (органов государства между собой) представляет как бы «второй план» отношений органов, ответственных за дело, с гражданами и организациями, участвующими в доказывании или имеющими определенные права в связи с его ходом и результатами.

Необходимо только добавить, что правоотношения этой группы могут возникать и не в связи с отношениями граждан и государственных органов. Эти органы непосредственно вступают в правоотношения между собой. Так, прокурор вправе потребовать дело для ознакомления, а следователь обязан при наличии такого требования передать его прокурору, хотя бы никто из участвующих в доказывании лиц об этом и не ходатайствовал. Двусторонние правоотношения возникают также между прокурором и судом, судами различных инстанций, должностными лицами, имеющими право на принесение протеста, и вышестоящими судами и т. д.

Третья группа правоотношений в доказывании (правоотношения между самими гражданами и иными лицами, организациями, участвующими в доказывании) возникает не иначе как с разрешения и под контролем следователя, прокурора, суда. Это — трехсторонние правоотношения, имеющие как бы «форму» равнобедренного треугольника, где вершина — суд (прокурор, следователь), а две крайние точки основания — лица и органы, участвующие в доказывании. Получив согласие суда (прокурора, следователя), лица, участвующие в доказывании, общаются между собой непосредственно, осуществляя при этом права и

---

¹ Любая отрасль права использует понятие правоотношения, выработанное общей теорией права. В соответствии с этим понятием субъективному праву обвиняемого всегда соответствует субъективная обязанность прокурора, следователя, суда.

обязанности. Так, прокурор, обвиняемый, потерпевший, другие участники судебного разбирательства имеют право задавать вопросы свидетелям и экспертам, а последние обязаны на них отвечать. Суд контролирует это правоотношение (он вправе ответить вопросы, заданные свидетелям и экспертам, и вообще прекратить их допрос).

Правоотношения четвертой группы (граждан и организаций с органами, контролирующими и надзирающими за доказыванием) обычно связаны с жалобами и ходатайствами. Они могут влечь затем возникновение отношений второй группы¹.

Таким образом, правоотношения в области доказывания возникают и развиваются при обязательном участии органа, ответственного за дело.

Процесс доказывания со стороны его юридической формы есть процесс развития правоотношений — их возникновения, изменения, прекращения, направляемый органом, ответственным за дело.

Юридические факты, необходимые для возникновения и развития правоотношений в сфере доказывания, специально устанавливаются или признаются существующими органом, ответственным за дело.

Так, следователь констатирует в соответствующих постановлениях такие юридические факты, которые влекут появление у него права на выемку и обыск (наличие достаточных данных, что определенные вещи находятся у данного лица), проведение экспертизы (наличие обстоятельств, которые устанавливаются на основе специальных познаний) и т. д. Юридические факты, изменяющие процессуальное положение лица или влекущие переход уголовного дела в другую стадию процесса и порождающие целую серию правоотношений, излагаются соответственно в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении, приговоре. Юридическим фактом считается не только фактическое основание для тех или иных процессуальных действий, но и процессуальный акт, констатирующий наличие этого основания (так называемый сложный состав юридического факта).

Указанные выше и многие другие процессуальные акты органов, ответственных за дело, — не только юридические факты, но и акты применения ими процессуального и, в частности, доказательственного права, открывающие возможность беспрепятствен-

¹ Критика взглядов, связанных с недооценкой роли правоотношений в уголовном процессе (Б. А. Галкин, цит. раб.) дана П. С. Элькинд («Толкование и применение норм уголовно-процессуального права», М., 1967, стр. 19—20). Однако П. С. Элькинд впадает в другую крайность, полностью отрицая наличие в уголовном процессе односторонних властных полномочий.

ного развития соответствующих правоотношений¹. Одним из обязательных участников этих правоотношений является орган, осуществляющий производство по делу. Акты применения права этого рода — правообразующие. Другая разновидность актов применения права — правообеспечительные. Они открывают возможность применения в доказывании мер процессуального принуждения (например, постановление следователя о приводе свидетеля).

Некоторые акты применения доказательственного права одновременно правообразующие и правообеспечительные (например, постановление о проведении обыска порождает субъективные права и обязанности в правоприменении и одновременно служит основанием для применения процессуального принуждения).

В некоторых сферах общественной жизни приобретает особо важное значение государственный контроль за развитием правоотношений, в частности установлением юридических фактов, открывающих возможность пользоваться субъективными правами и нести обязанности. Доказывание в уголовном процессе относится именно к этим областям общественной жизни. В доказывании по уголовным делам юридические факты, порождающие, изменяющие и прекращающие правоотношения, как правило, устанавливаются органами, ответственными за дело, с помощью специальных актов применения доказательственного права. Все постановления и определения органов, ответственных за дело, являются актами применения права, позволяющими развиваться правоотношениям в доказывании.

Деятельность органа, ответственного за дело, связанная с осуществлением его властных полномочий в доказывании при установлении юридических фактов, в известной мере протекает и вне его правоотношений с участвующими в доказывании лицами и поэтому является самостоятельной (третьей) формой реализации норм доказательственного права.

В тот момент, например, когда следователь выносит постановление о назначении экспертизы, проведении освидетельствования, обыска, выемки и т. д., констатируя наличие достаточных оснований для проведения этих процессуальных действий, он односторонне (вне правоотношения) реализует свои властные полномочия. Эта его процессуальная деятельность хотя и направлена на

---

¹ В общей теории права под применением права понимается «государственно-властная деятельность компетентных органов, состоящая в специальных организационных действиях (актах) по реализации юридических норм по отношению к конкретному случаю» (С. С. Алексеев, Общая теория социалистического права, вып. 4, Свердловск, 1966, стр. 7).

Различают три стадии применения права: 1) установление фактических обстоятельств, 2) выбор нормы права, 3) принятие решения (цит. раб., стр. 24).

установление правоотношения соответственно с экспертом, освидетельствуемым, обыскиваемым и т. д., однако пока еще находится за пределами этого правоотношения, предшествует его возникновению¹.

§ 3. КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ БУРЖУАЗНОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ПРАВА И БУРЖУАЗНОЙ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Несмотря на значительные различия правового регулирования процесса доказывания в английском и американском праве и в правовых системах буржуазных европейских государств, их классовая сущность, происхождение и социальная функция одинаковы.

«Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна, — писал В. И. Ленин, — все эти государства являются так или иначе, но в последнем счёте обязательно *диктатурой буржуазии*»².

Классовая сущность буржуазного доказательственного права объективно связана с его процессуальной формой. Однако эта связь не является однозначной в том смысле, что классовое содержание не предопределяет с неизбежностью детали конкретной процессуальной формы. В противном случае не было бы такого разнообразия процессуальных институтов в пределах одного и того же исторического типа уголовного процесса³.

Не претендуя на детальное рассмотрение вопроса о соотношении формы и содержания в буржуазном доказательственном праве, мы ограничимся лишь некоторыми общими замечаниями.

Следует прежде всего иметь в виду, что законодательная регламентация конкретного института доказательственного права в том или ином аспекте может не совпадать с практикой его применения, как могут не совпадать и общие нормы декларативного содержания с регламентацией конкретных вопросов.

Тогда можно говорить как бы о двух процессуальных формах: реальной и номинальной. Такая ситуация особенно харак-

¹ П. С. Элькинд считает, что органы, ответственные за дело, реализуют свою процессуальную компетенцию только в правоотношениях с участниками процесса и что они вообще не осуществляют односторонних властных полномочий («Толкование и применение норм...», стр. 16—20).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 35.

³ Не лишне напомнить, что историческая общность англо-американского процесса не воспрепятствовала самостоятельному развитию каждого из них, и в настоящее время английское и американское доказательственное право, как и разработка вопросов теории доказательств английскими и американскими авторами, заметно различаются.

терна для США, поскольку все предварительное производство там осуществляется полицией, которая формально не является органом предварительного расследования и ее деятельность регламентирована в минимальной степени. Но и в других буржуазных государствах, где порядок предварительного следствия подробно регламентирован законом, имеют место упрощения процедуры, связанные с фактическим отказом от основных процессуальных гарантий. Примером может служить регламентация в УПК Франции производства дознания о так называемых очевидных преступлениях и проступках (*flagrant crime et flagrant delict*). Эти явления представляют собой неизбежное следствие исторически закономерного процесса свертывания демократических институтов, возникших в домонополистический период развития капитализма, с одной стороны, а с другой — формального характера самих этих институтов, представляющих декларативный «фасад» буржуазного процесса (см. также гл. I).

Решить вопрос о том, является ли данный процессуальный институт реально действующим или декларативным (номинальным), можно лишь на основе данных о практике его применения¹.

Только изучение нормативной регламентации в сочетании с реальным функционированием системы уголовной юстиции дает возможность выявить классовую сущность последней. Анализ одного лишь нормативного материала недостаточен для этого. Если реально действующий порядок доказывания в уголовном процессе эксплуататорских государств прежде всего приспособлен к достижению классовых задач судопроизводства, номинальные элементы процессуальной формы предназначены для другого. Их первоочередная цель — оказание идеологического воздействия на массы, поддержание престижа буржуазного судопроизводства и иллюзий о его «надклассовом» характере.

Надо вместе с тем подчеркнуть, что «водораздел» между реально действующими и номинально-декларативными институтами буржуазного доказательственного права носит относительный характер. Как правило, он, с одной стороны, определяется социальной принадлежностью лиц, преследуемых в уголовном порядке, а с другой — соотношением классовых сил в конкретный исторический период. Это означает, что процессуальный институт, использование которого фактически недоступно обвиняемому, не относящемуся к привилегированным слоям общества, реально действует, когда на скамье подсудимых оказывается лицо, обладающее

¹ См. подробнее С. Л. Зивс, Современный уголовный суд присяжных в Англии, М., 1946; К. Ф. Гущенко, Судебная система США и ее классовая сущность, М., 1961; В. И. Каминская, Показания обвиняемого в советском уголовном процессе, М., 1960; И. Б. Михайловская, О положении личности в англо-американском уголовном процессе, М., 1961, и др.

достаточным социальным «весом». Кроме того, успехи прогрессивных сил побуждают в ряде случаев правящие круги ради сохранения системы в целом изменять сферу реального действия провозглашенных прав личности и их процессуальных гарантий.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза указывается: «В новой исторической обстановке рабочий класс многих стран еще до свержения капитализма может навязать буржуазии осуществление таких мер, которые, выходя за пределы обычных реформ, имеют жизненное значение как для рабочего класса и развития его дальнейшей борьбы за победу революции, за социализм, так и для большинства нации»¹.

Таким образом, при неизменной правовой регламентации реально существующий процесс доказывания в уголовном судопроизводстве может изменяться, отражая колебания общей социально-политической обстановки. Разрыв между стабильным текстом нормы и меняющейся практикой ее применения, как правило, заполняется соответствующими теоретическими построениями, позволяющими сужать, расширять или иным образом изменять действие правовой нормы².

Эта служебная роль буржуазных теоретических концепций отчетливо проявляется и в трактовке такого исходного понятия, как «законность судопроизводства». Американская правовая доктрина, например, исходит из различной степени обязательности отдельных процессуальных норм в интересах «жесткой» борьбы с преступностью. Так, в фундаментальном курсе уголовного права и процесса проф. М. Бассиони различаются «три понятия»: «исходные» (основные) права, «процессуальные права», поскольку они с неизбежностью вытекают из «исходных прав», и «процедурные нормы». По мнению Бассиони, три группы правовых норм, соответствующих этим понятиям, «играют различную роль» и за их нарушения следуют различные по своему характеру санкции³. При этом вопрос о фактических последствиях допущенных нарушений для интересов истины практически обходится. Эта классификация, понятно, распространяется и на нормы, определяющие возможность использования различных данных в ка-

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1962, стр. 37.

² Типичным примером является отношение в уголовном процессе США к Конституции. Хотя с момента ее принятия (17 сентября 1787 г.) положения Конституции и ее составной части — билля о правах — почти не изменялись в установленном порядке; они часто превращались и превращаются в свою противоположность в результате «теоретического» толкования, закрепляемого судебной практикой. Не удивительно, что некоторые из судей Верховного Суда США указывают на опасность превращения Конституции в блестящую безделушку» (см. «Southern justice», Cleveland, N.-I., 1967, p. VIII).

³ M. Ch. Bassiouni, Criminal Law and its Process, Springfield (Ill.) 1969, p. 313.

честве доказательств, предоставляя суду широкие возможности использовать для доказывания те данные, которые выгодны в той или иной ситуации господствующему классу.

Полная (и нарочитая) неопределенность царит в вопросе о разграничении процессуальных прав, вытекающих из конституционных положений и процессуальных норм. По существу оценка их нарушения отдана на волю судебного усмотрения. Отсюда противоречивость в оценке значения одного и того же процедурного правила и последствий его нарушения.

Таким образом, практическое решение вопроса о соотношении конституционного положения, вытекающих из него процессуальных прав и конкретной процессуальной нормы проходит несколько этапов судебного толкования:

- 1) формулирование (или поиски установленных) стандартов,
  - 2) установление критериев и
  - 3) оценка с этих позиций конкретной процессуальной нормы и последствий ее нарушения.
- В результате формально неизменные положения Конституции США приобретают в процессе их толкования существенно отличное содержание. Разграничение «прав» и «процедурных норм» представляет собой разновидность свойственного буржуазной правовой теории противопоставления «буквы» и «духа» закона, «формы» и «существа».

Как конкретно контролируется это противопоставление «формы» и «существа», видно из следующих рассуждений Бассиони. «Современное уголовное судопроизводство, — утверждает он, — слишком глубоко озабочено процедурными формами, благодаря использованию которых обвиняемый может быть признан виновным или невиновным в узких рамках установленных правил и стандартов»¹.

Другими словами, по распространенному в американской теории доказательств мнению, процессуальные санкции, применяемые в результате нарушения установленных законом правил судопроизводства (например, признание доказательства недопустимым в силу того, что оно было получено с нарушением закона), якобы препятствуют установлению истины, в результате чего виновный избегает ответственности, а интересам общества наносится ущерб. Трактовка процессуальных гарантий как обременительных «формальностей», препятствующих достижению истины, представляет собой одно из наиболее откровенных проявлений усиливающегося наступления на права личности в современном буржуазном обществе. Такие же тенденции в теории и в практике доказывания можно проследить в современной Англии. Они подробно рассмотрены в книге Н. Н. Полянского,

¹ M. Ch. Bassiouni, op. cit., p. 315.

посвященной исследованию уголовного права и уголовного суда Англии¹.

Наиболее откровенное выражение общего кризиса законности, характерного для эпохи империализма, в уголовно-процессуальной доктрине представляет концепция уголовного процесса, как «контроля над преступностью». Изобличение преступника объявляется высшей ценностью, а допущенные при этом нарушения правил — «технической», формальной ошибкой. Соответственно пересматривается и дается иная оценка состязательной форме процесса, роли суда и т. д. В частности, концепция уголовного процесса как «контроля над преступностью» переносит центр тяжести на деятельность органов расследования, отводя суду фактически роль по «оформлению» результатов последней².

Характерны, в частности, многочисленные суждения в теоретических работах, подхватываемые практикой, о необязательности проверки заявлений относительно применения незаконных методов допроса и необязательности аннулирования признания, полученного незаконным путем.

Выступления в теоретической литературе против состязательности и ее использования для выявления и устранения нарушений процедуры доказывания мы находим и в континентальных странах, в частности в ФРГ, Франции.

Вместе с тем, поскольку слишком резкий отход от традиционного взгляда на ценность процессуальных гарантий мог бы причинить существенный ущерб функции идеологического воздействия буржуазного правосудия, в теории была выдвинута концепция уголовного процесса как «баланса» между необходимостью защищать права личности и бороться с преступностью. Поскольку этот «баланс» трактуется весьма неопределенно, новая концепция обрела достаточную гибкость, позволяющую класть ее в основу прямо противоположных решений.

Сторонники концепции уголовного процесса как «баланса», «компромисса» интересов личности и государства, как правило, признают, что необходимость соблюдать требования «должной правовой процедуры усложняет, а во многих случаях и мешает работе суда»³. И хотя на словах общий вывод делается в пользу соблюдения указанных требований, само противопоставление «эффективности судопроизводства» гарантиям прав личности заранее оправдывает любые отступления от законной процедуры, продиктованные «интересами практики».

¹ Н. Н. Полянский, Уголовное право и уголовный суд Англии, М., 1969, стр. 335—346.

² См. «The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science», 1966, № 3, pp. 238—239.

³ «The Challenge of Crime in a Free Society», Wash., 1967, p. 125.

Коренной подрыв режима законности теоретически маскируется и чрезвычайной неопределенностью самого понятия надлежащего (должного) порядка судопроизводства.

Так, по мнению видного американского юриста Ф. Франкфуртера, «должная правовая процедура представляет собой то, что согласовывается с представлениями о добре и справедливости», причем «чем более основополагающими являются такие представления, тем менее вероятно, что они будут точно сформулированы, но уважение к ним является сущностью положения о должной правовой процедуре»¹.

Иными словами, содержание «должной правовой процедуры» предстает как набор оценочных понятий, соотносимых не с правовыми нормами, а с моральными категориями. По словам другого известного американского юриста Кардоцо, содержание и значение конституционных положений «варьируются от века к веку». Кардоцо подчеркивает, что толкование конституционных положений «смотрит сквозь преходящие частности и познает то постоянное, что лежит позади них». Оно «дополняет Конституцию и заполняет пробелы при помощи того же самого процесса и методов, которые создали обычное право»².

Таким образом, в концепции буржуазных юристов прочно внедрилось деление процессуальных норм на «обязательные» (необходимые) и «необязательные», как и обоснование правомерности субъективного усмотрения в этих вопросах органов, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Учет изложенных положений необходим при оценке тех изменений, которые происходят в буржуазном доказательственном праве.

Принятие отдельных норм, отличающихся внешней демократичностью, еще не означает, что произошли соответствующие перемены в практике судопроизводства. Приведем лишь один пример. Начиная приблизительно с 1963 года, Верховный суд США вынес ряд решений, которые признали, что не только в федеральных судах, но и в судах штатов доказательства, добытые в результате незаконного обыска, должны быть признаны недопустимыми, что обвиняемый имеет право пользоваться помощью защитника, что свидетель имеет право не отвечать на вопросы, прямо или косвенно уличающие его в совершении преступления, и т. д.

Основная причина, побудившая Верховный суд принять указанные решения, заключалась в стремлении повысить престиж буржуазного суда и тем самым способствовать укреплению капиталистической общественной системы.

---

¹ M. Ch. Bassiouni, op. cit., p. 318.

² Ibid.

Указанные решения, несмотря на их непоследовательность и половинчатость, были положительным явлением в общественной жизни США, поскольку они в какой-то мере способствовали использованию буржуазно-демократических институтов прогрессивными организациями в борьбе против полицейского террора. Однако в силу очевидного преобладания в политической жизни США реакционных тенденций попытка усовершенствовать процедуру судопроизводства в судах штатов не только не была доведена до конца, но вскоре сменилась стремлением прямо или косвенно аннулировать ранее принятые решения. К этому необходимо добавить, что названные решения по вопросам «должной правовой процедуры» в значительно большей мере затронули юридическую теорию, чем практику органов юстиции.

Решения Верховного суда нередко игнорировались местными судами и полицией или же применялись настолько формально, что не порождали каких-либо изменений в существующей практике. Так, решение Верховного суда США по делу Миранды (июнь 1966 г.) обязывало полицию разъяснить задержанному, что он имеет право пользоваться помощью адвоката и что, если у задержанного нет денег, чтобы оплатить услуги адвоката, последний может быть бесплатно назначен судом.

Однако оно мало что изменило в полицейской практике. Исследование, проведенное сотрудниками Джорджтаунского института уголовного права и процесса, показало, что только 7% из 15430 лиц, арестованных в течение 1967 года по обвинению в тяжких преступлениях в федеральном округе Колумбия, заявили требование об обеспечении их адвокатом. Авторы исследования выяснили, что требуемое Верховным судом разъяснение прав делается полицией в такой форме, что арестованные не понимают его смысла, а если даже и понимают, то не считают, что оно относится и к ним¹.

В 1965 году в решении Верховного суда США по делу Полтера право обвиняемого на очную ставку с лицами, дающими неблагоприятные для него показания, закрепленное в VI поправке к Конституции США, было признано обязательным для судов штатов. В 1970 году в решении по делу Даттона Верховный суд фактически отошел от этого правила, оценивая законность судебных действий не с позиций VI поправки, а применительно к законодательству, действующему в штате².

¹ L. Leitz, R. Medalie, P. Alexander, Anomie, Powerlessness and Police Interrogation, «The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science», 1969, № 3, pp. 314—315.

² В связи с этим газета «Нью-Йоркер» в номере от 2 января 1971 г. отмечала, что решение по делу Даттона «продемонстрировало ту перемену, которой добился президент Никсон в курсе, проводимом уорреновским судом (т. е. Верховным судом США, действовавшим под председательством

При этом следует иметь в виду, что даже сами американские юристы оценивают резко отрицательно некоторые черты судопроизводства в штатах, в частности антидемократичность отдельных норм доказательственного права штатов (например, признание допустимыми вещественных доказательств, полученных в результате незаконного обыска, разрешение использовать записи подслушанных разговоров и т. д.). Таким образом, рассуждения о суверенитете штатов, об ограничении якобы «беспрецедентного» права Верховного суда контролировать судопроизводство в штатах¹, по существу, лишь маскируют победу реакционных тенденций в практике уголовной юстиции.

Тенденция к свертыванию демократических процессуальных институтов и гарантий проявляется не только в США. Об этом писал, в частности, Н. Н. Полянский, характеризуя изменения в английском процессуальном законодательстве послевоенных лет, связанные с отказом от традиционных гарантий уголовного правосудия Англии².

В связи с вопросом о роли и значении процессуальной формы для достижения классовых задач судопроизводства уместно вспомнить указание В. И. Ленина о том, что марксист должен видеть, когда речь идет о тех или иных капиталистических государствах, разницу «между степенями демократизма и между различным характером той или иной формы его...»³. Эту разницу необходимо видеть и при оценке процессуальных форм в пределах одной и той же правовой системы.

Например, во Франции наметилась тенденция к подмене судебной процедуры медико-психологической экспертизой.

Принятый в 1958 году УПК Франции и некоторые позднейшие нормы, дополнившие его, фактически узаконили эту тенденцию.

Понятно, что таким образом существенно изменилось содержание предмета доказывания по делу (теперь на первый план при доказывании выдвигается комплекс обстоятельств, фиксирующих наличие у данного субъекта определенных антропологических и психологических характеристик). Изменился и субъект, осуществляющий эту процедуру, — указанное обстоятельство

Эрла Уоррена. — Авт.) в течение 15 лет». По мнению газеты, «перемена курса» объясняется изменениями в составе Верховного суда США, в результате которых «большинство» (5 из 9 членов), поддерживающее «уорреновский курс», превратилось в «меньшинство» (4 из 9). Газета положительно оценивает эти изменения, поскольку, по ее мнению, они позволяют штатам «искать наилучшие пути» и не основываться на предположении, что «вся мудрость сосредоточена в Вашингтоне» («New Yorker» 2, I, 1971, p. 15).

¹ См. М. Ch. Bassiouni, *op. cit.*, p. 323.

² Н. Н. Полянский, *цит. соч.*, стр. 53.

³ В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 11, стр. 40.

устанавливает ведомственная медицинская и психологическая экспертиза¹, назначение которой зависит от усмотрения следственного судьи (ст. 81 УПК Франции).

Некоторые французские теоретики недвусмысленно высказываются в пользу полной замены «устаревшего» правосудия системой «лабораторного исследования», в котором решающая роль будет принадлежать врачам и экспертам-социологам².

Понятно, что подобная процедура даст широкие возможности не только для преследования лиц, совершивших посяательства на охраняемый правопорядок, но и для «превентивной» деятельности в отношении любых политических противников.

Изменения, происшедшие в начале 60-х годов в процессуальном праве ФРГ, также свидетельствуют об общей тенденции отхода от классических доктрин процессуальной теории, ставившей во главу угла гарантии свободы и неприкосновенности личности³. В результате этих изменений суды получили возможность использовать в качестве доказательств материалы уголовной и политической полиции, в том числе и такие сведения, поступающие от полиции, в которых отсутствуют указания на их первоисточник.

В решении от 16 февраля 1965 г. федеральная судебная палата приравнивала «специальные» сведения, которые были представлены суду ведомством по охране конституции (и получены анонимной агентурой), к заключению эксперта⁴.

Характерная особенность буржуазного доказательственного права, представляющая собой одно из проявлений общих пороков буржуазной философии, заключается в признании невозможности познания объективной истины в суде.

Теоретики доказательственного права исходят из практической невозможности требовать, чтобы судьи установили «истину». Эта невозможность определяется «неустойчивостью» критерия истины, существующего в уголовном судопроизводстве, под которым понимается «душевное состояние присяжных». Обосновывая возможность принимать судебные решения, исходя из предположений, буржуазные юристы ссылаются на «человеческий опыт», который якобы свидетельствует о том, что «необходимость действовать» не связывается с достоверностью знаний⁵.

¹ О медико-психологической экспертизе во Франции см., например, статью Л. Роша «D'expertise medicale le nouveau Code procedure penale» («Le nouveau Code de procedure penale», Paris, 1960, p. 220).

² Jean Languier, La procedure penale, 1963, p. 55.

³ Данные о доказательственном праве ФРГ в этом разделе представлены канд. юрид. наук Т. Г. Морщаковой.

⁴ K. Tidemann, Zum Fortgang des Streits um die Zulassung von Verleumdungen im Strafprozess, «Monatsschrift für Deutsches Recht», 1965, Heft 11, SS. 870—872.

⁵ Essays on Procedure and Evidence, Nashville, 1961, p. 86.

Агностическая установка в области доказывания — это общая установка буржуазной теории доказательств (см. § 1 гл. II).

В объяснительной записке к проекту Уголовного кодекса ФРГ 1962 года прямо указывалось на невозможность познания истины в уголовном судопроизводстве¹.

Из этой общей концепции следует ряд практических выводов, которые отчетливо проявляются в англо-американском судопроизводстве, где пределы доказывания устанавливаются исходя лишь из фактов, вызывающих разногласия между обвинением и защитой. В силу такой трактовки суд не исследует обстоятельства, по которым защита не спорит с обвинением. Именно поэтому сознание обвиняемого безотносительно к его обоснованности исключает судебное рассмотрение доказательств, положенных в основу обвинения.

Классовая сущность буржуазного доказательственного права проявляется и в противоречии формально провозглашенных и восхваляемых «общих принципов» и конкретных правовых норм, фактически опровергающих эти принципы.

Примером этого может служить презумпция невиновности, рассматриваемая буржуазными юристами как неотъемлемая черта «демократического» правосудия. Однако рассуждения такого рода не препятствуют не только грубым нарушениям презумпции невиновности в практике уголовного судопроизводства, но и законодательному закреплению ее антипода — презумпции виновности.

Так, в английском законодательстве о шпионаже (законы 1911, 1920, 1939, 1940 и 1945 гг.) содержатся нормы, непосредственно исходящие из презумпции виновности: «Тот факт, что то или иное лицо было в сношениях или сделало попытку установить сношения с иностранными агентами в пределах или за пределами Соединенного Королевства, должен рассматриваться как доказательство того, что лицо это действовало с целью, угрожающей безопасности и интересам государства»².

Действующие в США законы об ответственности за ввоз наркотиков презюмируют, что любое лицо, у которого обнаружен наркотик, виновно в его незаконном ввозе из-за границы³. Правовое закрепление презумпции виновности имеет место и в других нормативных актах. Например, в решении по делу Гейни (1965 г.) Верховный суд США признал, что один лишь факт присутствия лица в помещении, где незаконно изготовляют спирт-

---

¹ Подробный критический анализ высказываний буржуазных процессуалистов о недостижимости истины в судопроизводстве см. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968.

² Цит. по кн. Н. Н. Полянского «Уголовное право и уголовный суд Англии», стр. 125.

³ 21 U. S. C. § 174, 176^a (1964).

ные напитки, дает основание для признания его виновным в самогонварении¹.

В этих примерах презумпция виновности была зафиксирована непосредственно в нормах материального уголовного права.

Но, как общее правило, отступление от презумпции невиновности осуществляется путем перемещения обязанности доказывания на обвиняемого. Это достигается с помощью многочисленных правовых презумпций, опровержение которых ложится на обвиняемого².

Но и в тех случаях, когда отсутствуют правовые презумпции, перелагающие бремя доказывания на обвиняемого, презумпция невиновности в значительной степени остается декларацией в буржуазном уголовном судопроизводстве. Не говоря уже о делах, где процессуальная форма игнорируется ради расправы с классовым противником, повседневная практика буржуазного правосудия убедительно показывает, что презумпция невиновности не может быть названа реально действующим правилом доказывания. По свидетельству одного из американских судей, «присяжные, без сомнения, склонны верить, что большинство лиц, преданных суду, виновны, независимо от того, насколько категорично эти присяжные предупреждаются о другой презумпции...»³. Национальная комиссия США по причинам и предупреждению насилия также подтвердила существование в судах «фактической презумпции виновности»⁴.

Следует отметить, что возможность перехода бремени доказывания на обвиняемого и тем самым замены презумпции невиновности презумпцией виновности допускается и Проектом правил доказывания в федеральных судах, который в 1969 году был разработан соответствующим комитетом конференции судей США.

Проект идет по пути дальнейшего расширения полномочий профессиональных судей в оценке доказательств в ущерб правам присяжных. Помимо того что сохраняется право федеральных судей комментировать «вес и достоверность» доказательств, особо подчеркивается обязанность судьи контролировать «способ и порядок» исследования доказательств. Указанные полномочия судьи наиболее отчетливо проявляются при единоличном решении им важнейшего вопроса: может ли быть конкретное доказательство передано на рассмотрение присяжных, т. е. в оценке допустимости доказательств.

¹ «The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science», 1970, № 3, p. 370.

² См. К. Кенни, Основы уголовного права, М., 1949, стр. 368—372.

³ «Law and Order Reconsidered», 1969, p. 492.

⁴ Ibid.

Претерпела изменение (также в общем направлении свертывания гарантий личности) и роль суда в целом как субъекта доказывания: очевиден отход от классической трактовки суда как беспристрастного арбитра в споре сторон, связанной с представлением о его пассивной роли в доказывании. Отход этот характеризуется вполне определенной социальной направленностью. В домонополистический период развития капитализма одного лишь имущественного положения обвиняемого было, как правило, достаточно, чтобы регулировать действие машины правосудия. Другими словами, если в тот период действия обвиняемого, обладающего достаточными средствами, обеспечивающими возможность пользоваться услугами квалифицированного адвоката, вносить залог, нести расходы, связанные с вызовом свидетелей, назначением экспертизы и т. п., обычно не вызывали противодействия со стороны суда, который довольствовался ролью наблюдателя «свободной игры сил», то теперь положение существенно изменилось. Возросшая организованность и сплоченность широких трудящихся масс, и в первую очередь рабочего класса, позволяет в случае крупного политического процесса обеспечить сбор необходимых средств и преодолеть экономические барьеры неравноправия участников процесса. Соответственно буржуазный суд ориентируется на активное вмешательство в ход доказывания для поддержания версии, соответствующей классовой сущности буржуазной юстиции, стороны, выражающей соответствующие интересы. Иными словами, возрастающая активность буржуазного суда в доказывании — инструмент обеспечения фактического неравноправия сторон при декларативном их равенстве.

Как отмечалось, одной из центральных проблем доказательственного права является проблема допустимости доказательств.

Классическая доктрина считала, что в качестве доказательств могут быть допущены не любые сведения, а лишь те, которые строго соответствуют определенным требованиям, обеспечивающим их надежность и проверяемость. Поэтому считалось, что правила допустимости устанавливаются законом и суд должен им беспрекословно следовать.

Однако последнее положение явно расходится с практикой буржуазного судопроизводства. Так, поскольку в странах англо-американской системы права основные вопросы доказывания регламентируются судебными прецедентами, то признание доказательства допустимым или недопустимым зависит от того, какому из многочисленных противоречивых прецедентов судья отдаст предпочтение¹.

---

¹ Как признают и сами буржуазные юристы, «прецедентная система права имеет то удобство, что при желании можно подобрать десяток ответов на один и тот же вопрос» (Mc-Cormick, Evidence, St. Paul (Minn), 1954, p. 246);

Характерная черта правил, регламентирующих допустимость доказательств в судопроизводстве капиталистических государств, заключается в наличии многочисленных отступлений и исключений от провозглашаемых общих принципов.

Это характерно для английского доказательственного права, что подчеркивает Н. Н. Полянский: «Особенность английского права заключается главным образом в сложном, исторически образовавшемся (преимущественно в течение последних 160—180 лет) нагромождении права и исключений, определяющих не как доказательства расцениваются, а как ими следует пользоваться, а также исключающих значительные категории фактических обстоятельств и источников доказательств из судебного рассмотрения...»¹. То же справедливо и для США.

В качестве примера можно привести правило о допустимости фактов, касающихся репутации сторон и свидетелей. В принципе считается, что доказательства хорошей репутации обвиняемого должны допускаться судом, а доказательства плохой репутации, как правило, — отклоняться. Однако практическое применение этого правила порождает немало неясностей. По-разному, например, решается вопрос о том, что может говорить свидетель, дающий показания о репутации обвиняемого: описывать его склонности и черты характера или же излагать свое мнение о присущих обвиняемому достоинствах и недостатках. Судебная практика проявляет стойкую тенденцию к расширению круга случаев, когда доказательства репутации обвиняемого признаются допустимыми.

Один из последних проектов правил доказывания для федеральных судов США предусматривает, что «доказательства, касающиеся репутации лица или черт его характера, недопустимы с целью доказать, что оно действовало в соответствии с таковыми в данном конкретном случае...»².

Однако за этим общим запретом следует ряд исключений. Прежде всего, доказательства репутации допускаются для опровержения фактов, касающихся репутации обвиняемого и потерпевшего. Кроме того, признаются допустимыми доказательства, касающиеся репутации свидетеля, которые представляются с целью оспорить или подтвердить его показания³. Факты, свидетельствующие об отрицательном прошлом подсудимого (совершение преступления, правонарушения, безнравственного поступ-

¹ Н. Н. Полянский, Уголовное право и уголовный суд Англии, М., 1969, стр. 260.

² «Preliminary Draft of Proposed Rules of Evidence for the U. S. District Courts and Magistrates», Wash., 1969, p. 55.

³ «Дурная репутация свидетелей, — писал известный английский юрист Кенни, — может быть доказываема в силу того, что не следует верить клятвенному заявлению лица, пользующегося дурной репутацией» (Kennedy's Outlines of Criminal Law, Cambridge Univ. Press, 1952, p. 428).

ка), признаются допустимыми как доказательства «мотива, возможного намерения, подготовки, планирования, знания, идентичности, а также отсутствия ошибки или несчастного случая»¹.

В ряде случаев нормы буржуазного права, касающиеся допустимости доказательств, отличаются крайним формализмом. Например, в силу правила о недопустимости свидетельства по слуху могут быть исключены из числа доказательств записи, сделанные свидетелем на основании сообщений других лиц, не подтвержденных присягой. Таким образом, если необходимо установить, в какой промежуток времени больной находился в больнице, то вызванный для этой цели в качестве свидетеля регистратор больницы не может сослаться на свой реестр поступающих и выбывающих больных, который им составлялся на основании сведений, поступивших от медицинского персонала больницы.

Правило о недопустимости свидетельствования по слуху также имеет ряд исключений. Так, в США допускаются показания о сделанном стороной вне суда признании спорного факта, в том числе и сознании в совершении преступления. Основным условием допустимости свидетельских показаний о такого рода признаниях является требование, чтобы признание было сделано стороной против своих собственных интересов. Это положение доказательственного права имеет очень важное значение в практике судов, так как именно оно служит основанием для судебного допроса полицейских и других ведущих расследование лиц по вопросу о сознании обвиняемого. Данное под присягой свидетельское показание полицейского о том, что обвиняемый в беседе с ним признавал себя виновным и рассказывал о совершенном преступлении, признается допустимым и нередко кладется в основу обвинения². В последнее время все больше исключений из правила о недопустимости свидетельства по слуху появляется и в Англии³, именно как проявление общей тенденции к упрощению процедуры доказывания.

В настоящее время, как отмечает проф. Кеннет Дэвис, на практике степень ограничений в использовании свидетельства по слуху главным образом зависит от того, с участием или без участия присяжных слушается дело. В последнем случае ограничений значительно меньше. Объясняют это тем, что якобы для профессионального судьи доказательственная ценность свидетельского показания важнее его «формальной недопустимости»⁴.

---

¹ «Preliminary Draft...», p. 56.

² Вместе с тем, как правило, признается недопустимым доказательством заявление о признании вины, сделанное обвиняемым в судебном разбирательстве, от которого он впоследствии отказался (см. «Preliminary Draft...», p. 69).

³ C. Cowen, P. Carter, Essays on the Law of Evidence, Oxford, 1956.

⁴ Kennet C. Davis, Hearsay in nonjury case, «Harvard Law Review», vol. 87, № 6, April 1970, p. 1362.

Следует заметить, что те ограничения в допустимости свидетельских показаний, которые в определенных ситуациях выгодны господствующему классу, например, о недопустимости доказательств «дурной репутации» полицейских осведомителей, сохраняются и строго соблюдаются. Существует и целая категория фактов, сообщение сведений о которых или прямо запрещается свидетелям, или же предоставляется на их усмотрение. В последнем случае свидетели имеют право отказаться от показаний. К такого рода фактам относятся сведения, представляющие собой государственную, профессиональную или деловую тайну. Свидетели имеют также право не сообщать факты, касающиеся их супружеских отношений. Они не должны отвечать на вопросы относительно какого-либо официального сообщения, оглашение которого могло бы противоречить общественному порядку.

Классовая направленность правил, регулирующих допустимость доказательств в буржуазном уголовном судопроизводстве, обуславливается не только их непосредственным содержанием, но и общим «контекстом» деятельности буржуазного суда. Вместе с тем та группа норм доказательственного права, которая имеет наибольшее значение для разрешения уголовных дел, непосредственно отражает классовую сущность капиталистического правосудия. К числу такого рода норм относятся прежде всего те, которые регулируют допустимость доказательств, полученных с нарушением закона. Традиционное общее право не исключало доказательства, добытые незаконным путем, если их содержание имело значение для дела¹. Эта доктрина была активно поддержана видными теоретиками доказательственного права США. Один из наиболее ревностных защитников рассматриваемой доктрины Уигмор приводит ряд доводов в пользу допустимости незаконно полученных доказательств. Утверждается, в частности, что «преступник представляет большую опасность для общества, чем излишне ревностный полицейский»². Не менее характерно и его утверждение, что безнаказанность лиц, нарушивших закон при собирании доказательств, будто бы соответствует интересам того лица, в отношении которого закон был нарушен.

«Предоставление суду права подвергать наказанию лиц, нарушивших закон при расследовании дела, — пишет Уигмор, — поставило бы в невыгодное положение лицо, потерпевшее ущерб от предполагаемого правонарушения, так как это лицо было бы

¹ Один из известных английских юристов лорд Хэлсбери следующим образом формулировал это положение: «Если предметы или документы добыты незаконным путем, то факт их незаконного получения может быть признан извинительным, если они действительно являются существенными доказательствами преступления, совершенного каким-либо лицом» (Halsbery, Laws of England, London, 1934, vol. 13, p. 640).

² Wigmore, A Treatise on the Anglo-American System of Evidence in Trials at Common Law, Boston, 1940, vol. VIII, p. 37.

лишено права выбирать между предъявлением иска о возмещении ущерба и немедленным наказанием виновных»¹.

Приведенными «аргументами» Уигмор обосновывает общее положение, что на допустимость доказательства в принципе не влияет незаконность средств, при помощи которых сторопа получила это доказательство. Следует отметить, что Уигмор и ряд других буржуазных юристов пытались провести различие между условиями допустимости вещественных доказательств и документов, с одной стороны, и свидетельских показаний (включая показания обвиняемого и экспертов) — с другой. Основой для такого разграничения служило утверждение о том, что если закон нарушен при допросе, то в определенных случаях вопрос о допустимости доказательств может встать. Применительно же к «немым свидетелям» нарушение правил собирания никогда не влияет на достоверность изъятых предмета или документа. Поэтому незаконно проведенный обыск или иное действие не влияют на допустимость вещественных доказательств и документов (угроза фальсификации доказательств при этом игнорируется). Несостоятельность такого довода очевидна. Незаконный способ получения вещественных доказательств всегда будет вызывать сомнение в их достоверности, поскольку нарушение закона при проведении следственных действий в той или иной мере облегчает возможность фальсификации доказательств. Но дело не только в этом. Игнорирование надлежащей процессуальной формы доказательства, по словам известных английских юристов Ковена и Картера, «равносильно признанию принципа, согласно которому цель оправдывает средства, и государство само может потворствовать совершению одного преступления, чтобы доказать другое»².

Надо отметить, что в материалах многочисленных комиссий и комитетов, создаваемых конгрессом и правительством США в интересах сохранения престижа высших органов государства, собраны и опубликованы неопровержимые данные о произволе и беззакониях полиции при собирании «доказательств виновности». Так, многотомный доклад Национальной комиссии по соблюдению и исполнению законов (комиссия Уингершема) обобщил практику незаконных методов допроса и других форм насилия, применяемого полицией якобы в интересах борьбы с преступностью. При этом доклад констатировал не только массовый масштаб полицейских беззаконий, но и их «специальную» направленность, т. е. тот факт, что насилие и другие незаконные методы применяются главным образом против представителей

---

¹ Wigmore, A Treatise on the Anglo-American System of Evidence in Trials at Common Law, Boston, 1940, vol. VIII, p. 37.

² C. Cowen, P. Carter, op. cit., p. 97.

наиболее угнетаемых слоев населения¹. Последующие комиссии, изучавшие деятельность полиции, также получали в свое распоряжение материал, прямо или косвенно свидетельствующий о массовых нарушениях законности полицией. Однако никаких реальных мер по пресечению или хотя бы ограничению подобной практики, разумеется, принято не было. Весьма примечательным в этой связи «зигзагом» была позиция Верховного суда США по рассматриваемому вопросу.

Еще в 1964 году Верховный суд США в решении по делу Уика сформулировал следующее правило: в тех случаях, когда при получении доказательств были нарушены конституционные гарантии прав граждан и потерпевший от такого нарушения своевременно (до начала судебного заседания) заявил об этом, суд может признать доказательство, полученное с нарушением закона, недопустимым. Одновременно с решением по делу Уика действовали и прямо противоположные прецеденты, в силу которых, во-первых, признавалось, что судебные органы штата не связаны решением по делу Уика², а во-вторых, оспаривалась и сама возможность исключать доказательство на том основании, что оно получено незаконными методами. Так, при рассмотрении Верховным судом США дела по обвинению Уолфа (1949 г.) была сделана попытка доказать, что нарушение закона, в том числе и конституции, не является нарушением должной судебной процедуры. Высказывавшийся по этому делу от имени боль-

¹ См. National Commission on Law Observance and Enforcement (1931), Report № 11.

В первой части этого доклада, озаглавленного «Третья степень», З. Чэфи, У. Поллак и К. Стерн приводят данные о повсеместном применении полицией насилия и пыток при допросах подозреваемых, главным образом негров и бедняков. Во второй части этого доклада «Несправедливость обвинительной власти» те же авторы описывают такие черты уголовного судопроизводства США, как лишение обвиняемого права на помощь адвоката, исключение негров из числа присяжных и использование недоброкачественных доказательств.

² Проф. Маккормик приводит значительное число решений высших судебных органов, в которых говорится о том, «что в уголовном преследовании, проводимом штатом, четырнадцатая поправка к конституции не запрещает допущения доказательств, полученных в результате незаконного обыска и ареста» (M. C. McCormick, Evidence, St. Paul (Minn), 1954, p. 297).

Кроме того, различные прецеденты разрешали и федеральным судам при определенных обстоятельствах признавать допустимыми незаконно полученные доказательства. Так, доказательство разрешалось признать допустимым, если оно было получено в результате незаконного обыска, проведенного каким-либо третьим лицом, не действовавшим в сговоре с федеральной полицией, либо полицейским штата или иным местным должностным лицом. Допустимым признавалось также доказательство, полученное после или во время незаконного ареста. С другой стороны, в ряде штатов действовали прецеденты, в силу которых признавалось допустимым доказательство, полученное путем незаконного обыска, произведенного федеральными полицейскими или полицейскими штата («Columbia Law Review», 1956, № 6, p. 940).

инства судья Ф. Франкфуртер утверждал, что исключение незаконно полученных доказательств будет служить на пользу лишь тем лицам, у которых обнаружены уличающие предметы или документы.

Под влиянием критики с конца 50-х годов в решениях Верховного суда США стала проявляться противоположная тенденция. В частности, как уже отмечалось, в течение 60-х годов Верховный суд США распространил гарантии билля о правах, закрепленные в поправках к федеральной конституции на судопроизводство в штатах. Кроме того, был положительно решен вопрос о связи между способами получения доказательства и возможностью его использования в судебном процессе. В силу этого в ряде решений Верховного суда были признаны недопустимыми доказательства, полученные с нарушением установленных правил обыска, ареста, допроса и других действий, производимых полицией. На первый взгляд могло показаться, что доктрина, предписывающая исключение незаконно полученных доказательств, одержала, по крайней мере, частичную победу. Однако в действительности ограничения, вводившиеся Верховным судом США, не были по существу реализованы. В литературе отмечалось, что «когда полиция не столько стремится возбудить уголовное преследование против гражданина, сколько его запугать, правила об исключении доказательств не имеют никакого эффекта»¹. Подчеркивалось также, что и в других случаях решения Верховного суда не изменили существующую полицейскую практику.

Вместе с тем даже декларативные решения, усиливавшие требования к допустимости доказательств, подверглись во второй половине 60-х годов резкому осуждению. Их критиковали и практики, и теоретики, и политические деятели, и журналисты. В ряде случаев эти решения рассматривались даже как фактор, влияющий на рост преступности.

Одним из наиболее рьяных критиков правила об исключении незаконно полученных доказательств является нынешний председатель Верховного суда США Уоррен Бергер. По его мнению, правило об исключении незаконно полученных доказательств преследовало определенную цель — предупреждение нарушений закона со стороны должностных лиц. С этой точки зрения оно показало свою неэффективность, так как не вызвало существенного сокращения незаконных действий полиции. В то же время «общество и отправление правосудия получили бы пользу от значительного сокращения и, если возможно, ликвидации необходимости исключать из уголовного судопроизводства относимые и обладающие доказательственной силой сведения, что с неизбеж-

---

¹ См. M. C. Cormick, *Cases and Materials on the Law of Evidence*, St. Paul (Minn.), 1956, p. 257.

ностью наносит ущерб деятельности суда по отысканию истины»¹. Таким образом, по мнению Бергера, ущерб истине наносит не нарушение процедуры доказывания, а ее соблюдение.

Следует подчеркнуть, что использование незаконно полученных доказательств и при наличии действующих прецедентов представляет собой распространенную картину². Поскольку, как отмечалось, допустимость рассматривается буржуазными юристами как своего рода «правовая относимость», решение о принятии или исключении доказательства считается вопросом права и относится к единоличной компетенции председательствующего (профессионального судьи). Таким образом, если судья отвергает доказательство, то присяжные лишены возможности дать ему ту или иную оценку, и оно автоматически устраняется из дела. Напротив, допущенное судьей в дело доказательство так или иначе должно влиять на решение, принимаемое присяжными.

О том, как использовалась эта система правил о допустимости, в частности, юстицией США и как она изменялась, можно судить по следующим примерам.

Так, в течение долгого времени в уголовном процессе США действовало правило, согласно которому показания подозреваемого, по крайней мере теоретически, признавались недопустимым доказательством, если они были получены в период его незаконного содержания под стражей.

В 1968 году был принят федеральный закон о контроле над преступностью и безопасностью на улицах, согласно которому «в любом уголовном преследовании... сознание, сделанное лицом, являющимся обвиняемым по данному делу, в период, когда оно находилось под арестом или иным образом было заключено под стражу..., не будет признано недопустимым доказательством лишь на том основании, что имело место промедление с его доставлением... к должностному лицу, уполномоченному предъявлять обвинение в совершенном преступлении»³. Таким образом, нарушение формально не отмененного требования закона о немедленном доставлении арестованного в судебный орган, которое было направлено на ограничение полицейского произвола, оказалось отнесенным к числу «безвредных», «технических» ошибок.

¹ Warren Berger, Who Will Watch the watchmen?, cit. on F. Inbau, J. Thompson, C. Sowle, Cases and Comments on Criminal Justice, vol. 2, Mincola, N.-I., 1968, p. 72.

² В решении Верховного суда США по делу Харрингтона (1969 г.) указывается, что нарушение конституционных норм в судебном процессе оказалось «безвредным», поскольку имелись «решающие» неопороченные доказательства, подтверждающие обвинение. В особом мнении трех судей Верховного суда по этому делу подчеркивалось, что такой подход в значительной мере делает недействительным правило об исключении доказательств («Law and Order Reconsidered», p. 370).

³ 18 U. S. C. § 3501 (c).

В этом законе указывается также, что единственным критерием допустимости сознания является его добровольность. Затем формально декларируется, что для определения добровольности сознания судья «должен принять во внимание все обстоятельства, сопровождавшие его получение, включая: (1) время, прошедшее между арестом и предъявлением обвинения, если сознание было получено в этот период; (2) осведомленность обвиняемого о существе инкриминируемого ему преступления; (3) был ли обвиняемый извещен или знал, что он не обязан давать какие-либо показания и что все, сказанное им, может быть использовано против него; (4) был ли обвиняемый извещен о его праве на помощь адвоката; (5) имелся ли у обвиняемого адвокат в момент допроса и признания вины». Однако закон 1968 года устанавливает, что «наличие или отсутствие любого из указанных выше моментов, которые судья должен принимать во внимание, не является решающим при определении добровольности сознания».

Таким образом, решение вопроса о допустимости сознания полностью отдается на усмотрение судьи, и нарушение установленных правил производства допроса не влечет обязательного исключения полученного незаконным путем сознания.

Многие буржуазные юристы прямо высказываются за допустимость показаний обвиняемого, полученных в результате применения к нему насилия, если не будет установлено, что примененное насилие было подлинным мотивом сознания, или по крайней мере в сугубо нейтральных тонах констатируют наличие соответствующей практики как неизбежность. Эти суждения получили достаточно широкое хождение в практике буржуазной юстиции в качестве довода, подтверждающего «допустимость» показаний, добытых с помощью угроз, незаконного задержания, лишения пищи и сна, побоев и т. п.¹.

Заведомо пагубные для интересов истины последствия подобного подхода к решению вопроса о допустимости доказательств усугубляются тем, что признание обвиняемого само по себе может быть допустимым и достаточным для обоснования обвинения; допустима «замена» признания показаниями полицейского о том, что оно якобы было дано вне суда.

Ряд процессуалистов и практика ряда судов капиталистических государств признают допустимыми и фактические данные, полученные в результате истолкования данных так называемого «разоблачителя лжи» (лай-детектора), или по крайней мере — приемы допроса, основанные на угрозе его использовать. Между тем известно, что физиологические явления, регистрируемые

---

¹ Wigmore, A Treatise on the Anglo-American System of Evidence in Trials at Common Law, vol. 3, Boston, 1940, p. 331.

приборами такого типа, могут свидетельствовать о наличии или отсутствии волнения, но не о его причине, а следовательно, не в состоянии достоверно установить факт дачи ложных или правдивых показаний.

В ряде судебных решений признаются допустимыми и признания обвиняемых, сделанные после введения наркотиков, а многие процессуалисты прилагают усилия к обоснованию этой чудовищной практики, попирающей элементарные права человека и, по существу, окончательно стирающей грань между законными методами ведения судопроизводства и пыткой, превращающей обвиняемого в бесправный объект полицейского произвола.

Доказательственное право буржуазных стран в открытой или скрытой форме санкционирует использование в уголовном процессе показаний платных осведомителей и полицейских агентов-provokаторов. Буржуазные юристы признают, что «органы правосудия часто полагаются на сообщения осведомителей как на основу для производства расследования или ареста лица, обвиняемого в преступлении»¹. При этом полицейскому агенту предоставляется «гарантия неразоблачения». В силу этой гарантии обвиняемый лишен возможности оспорить достоверность доказательств обвинения путем допроса лица, давшего против него уличающие показания². Это является прямым нарушением VI поправки к конституции США, провозгласившей право обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения.

Использование платной агентуры в качестве свидетелей официально допускается и доказательственным правом других буржуазных государств. Так, ст. 337 УПК Франции прямо предусматривает возможность допроса платного осведомителя в судебном заседании.

Американский теоретик права Джером Фрэнк в своей книге «Не виновен» на конкретных примерах показал, что использование в качестве доказательств показаний платных полицейских осведомителей является одной из существенных причин осуждения невиновных. Подчеркивая опасность такого рода «доказательств», Фрэнк ссылается на признание одного из платных осведомителей в том, что он обвинил сорок невиновных³.

Известный английский юрист и общественный деятель Деннис Притт в книге «Шпионы и осведомители на свидетельской три-

¹ «The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science», 1956, № 6, p. 843.

² В решении по делу Мак Крея (1967 г.) Верховный суд США полностью санкционировал такого рода практику, оставив в силе приговор, по которому в основу обвинения были положены показания полицейского агента («Columbia Law Review», 1967, № 5, p. 959).

³ J. Frank, B. Frank, Not guilty, N.-I., 1957, p. 125.
См. Х. Матусоу, Лжесвидетель, М., 1956.

буне» убедительно показал те неисчислимы бедствия, которые приносят использование в качестве доказательства показаний платных осведомителей и подобных «свидетелей». Притт подчеркивает, что показания осведомителей еще более сомнительны, чем показания соучастников. Осведомители работают на тех и оплачиваются теми¹, для кого они добывают нужные сведения. Их «успех в работе» определяется тем, как много людей можно засудить на основании сообщенных ими данных. «Если таких данных в отчете нет, то они ничего не заработают... Но более того, многие осведомители, возможно даже большинство, не избирают подобного рода профессию добровольно, а принуждаются к этому властями, имеющими в своем распоряжении такие сведения, на основании которых может быть возбуждено уголовное преследование, грозящее этим лицам осуждением и длительным лишением свободы»².

Исключительное значение придается показаниям осведомителей в деятельности политической полиции. Многочисленные судебные процессы против коммунистов и других прогрессивных деятелей убеждают, что показания платных осведомителей были единственными «доказательствами» виновности подсудимых³.

Показания платных агентов ФБР были единственными «доказательствами» обвинения и на состоявшемся в 1965 году процессе Коммунистической партии США.

Член Верховного суда США У. Дуглас в особом мнении по делу Левиса так охарактеризовал существующую практику: «Мы быстро вступаем в такие времена, где отсутствует право личности на неприкосновенность ее частной жизни, где каждый человек может быть под наблюдением, где нет тайн от правительства. Агрессивные нарушения правительством права человека на неприкосновенность частной жизни возрастают в геометрической прогрессии»⁴.

Наглядной иллюстрацией этих слов могут служить и принятые в последние годы нормативные акты, которые легализовали практику, признаваемую ранее незаконной. Например, упоминавшийся закон о контроле над преступностью 1968 года признал подслу-

---

¹ Так, известный по многим процессам осведомитель Поль Кроуч получил 10 тыс. долларов от ФБР и примерно такую же сумму от Департамента иммиграции и натурализации. Другой штатный «свидетель» Мэтт Кветик дал показания против 292 человек (см. D. N. Pritt, *Spies and Informers in the Witness box*, London, 1958, p. 54).

² D. N. Pritt, *op. cit.*, pp. 14—15.

³ Интересно отметить, что даже после того, как Матусоу под присягой подтвердил, что ранее даваемые им показания были ложными, вынесенные обвинительные приговоры против прогрессивных деятелей были оставлены в силе, а сам Матусоу приговорен к трем годам тюремного заключения (см. X. Матусоу, *Лжесвидетель*, М., 1956).

⁴ См. L. Weinreb, *Criminal Process*, Mineola, N.-I., 1969, p. 303.

шивание телефонных разговоров допустимым способом получения доказательств по широкому кругу уголовных дел. Расширение прав полиции имеет место и при производстве иных действий, направленных на получение вещественных и письменных доказательств.

Специфической чертой англо-американского доказательственного права является трактовка эксперта как «сведущего свидетеля», приглашаемого в процесс по инициативе либо обвинения, либо защиты. Сторона, вызвавшая эксперта, оплачивает все необходимые расходы и фактически бесконтрольна в выборе эксперта. Состязательная форма экспертизы приводит к тому, что в одном и том же деле могут быть проведены две экспертизы: одна — обвинением, а другая — защитой. Практические последствия состязательной формы экспертизы проявляются прежде всего в двух отношениях. Во-первых, финансовая зависимость эксперта от пригласившей его стороны, безусловно, влияет на объективность его заключения. «Мнение эксперта, — пишет известный американский адвокат А. Катлер, — иногда колеблется под влиянием той стороны, которая больше платит, чтобы получить это мнение»¹.

Другим следствием состязательной формы экспертизы является ее фактическая недоступность неимущему обвиняемому. Дело в том, что расходы на производство экспертизы, как правило, составляют крупную сумму, уплатить которую может далеко не каждый. По свидетельству Дж. Фрэнка, стоимость производства экспертизы колеблется от 1000 до 5000 долларов². Из всего сказанного видно, что общий кризис законности, переживаемый в настоящее время империалистическими государствами, находит яркое проявление в доказательственном праве и теории доказательств этих стран.

¹ A. S. Catler, *Successful Trial Tactics*, N.-I., 1949, p. 185

² J. Frank, B. Frank, *op. cit.*, p. 98.

ГЛАВА III

ЦЕЛЬ, ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

§ 1. СОДЕРЖАНИЕ ИСТИНЫ КАК ЦЕЛИ ДОКАЗЫВАНИЯ

В гл. II настоящей работы была показана целенаправленность уголовного судопроизводства на достижение объективной истины; было показано также, что в судопроизводстве создаются оптимальные условия для этого. Вместе с тем характеристика объективной истины как цели доказывания предполагает необходимость более детального исследования особенностей содержания (структуры) последней с учетом целей и задач уголовно-процессуальной деятельности в системе социалистического правосудия.

В ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве указывается, что правосудие в СССР призвано охранять от всяких посягательств:

а) закрепленный Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик общественный и государственный строй Союза ССР, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность;

б) политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и интересы граждан СССР, гарантированные Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик;

в) права и охраняемые законом интересы государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций.

Правосудие в СССР имеет своей задачей обеспечение точного и неуклонного исполнения законов всеми учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами СССР.

В первой части ст. 2 Основ законодательства о судостроительстве называются объекты, охране которых от всяких посягательств должно служить правосудие. Перечень подлежащих охране объектов является общим для всех органов Советского государства. В этом отношении цели правосудия не отличаются от целей других видов государственной деятельности. Цели социалистического правосудия также подчинены общим задачам Советского государства.

Во второй части ст. 2 Основ формулируется специфическая задача правосудия с учетом природы этой деятельности, характерных для нее путей и средств защиты указанных в законе объектов. Осуществляя ее, социалистическое правосудие обеспечивает охрану общественного и государственного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, прав и интересов граждан, государственных и общественных организаций.

Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу коммунизма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, соблюдения дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правам, чести и достоинству граждан, к правилам социалистического общежития. Выступая в качестве самостоятельной задачи правосудия (ст. 3 Основ), правовое и нравственное воспитание советских граждан служит одновременно средством решения задачи точного и неуклонного исполнения законов.

Названные в ст.ст. 2, 3 Основ законодательства о судостроительстве цели и задачи являются общими для правосудия по уголовным и гражданским делам в целом.

Ими определяются цели и задачи уголовного судопроизводства. «Основная цель уголовного судопроизводства состоит в обеспечении охраны социалистического общества, охраны прав и законных интересов граждан, в обеспечении всемерной защиты трудящегося человека, его жизни, здоровья, достоинства, его имущества, добытого честным трудом»¹. Вместе с тем, в уголовном судопроизводстве социалистические общественные отношения защищаются не от всяких посягательств, а от преступных посягательств.

Цели уголовного судопроизводства достигаются решением соответствующих им задач в ходе и в результате этого судопроизводства. В ст. 2 Основ задачи сформулированы применительно к уголовному судопроизводству как единому целому, включающему деятельность всех органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, и должны разрешаться по всем уголовным делам.

Основы подразделяют задачи уголовного судопроизводства на две взаимосвязанные группы.

К первой группе относятся: быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных и обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один не-

¹ «Заседание Верховного Совета СССР пятого созыва, вторая сессия. Стенографический отчет», М., 1959, стр. 501.

виновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Эти задачи являются специальными для уголовного судопроизводства, и их осуществление возложено только на органы предварительного расследования, прокурора и суд при расследовании и разрешении уголовных дел.

Во вторую группу задач включаются: способствование укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития. Органы дознания, следователь, прокурор и суд обязаны принять в пределах своей компетенции все предусмотренные законом меры по укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан. Но эти задачи присущи как уголовному судопроизводству, так и разнообразной по характеру и направленности деятельности ряда других государственных органов, учреждений, а также общественных организаций.

Задачи уголовного судопроизводства образуют единую систему. Все они взаимосвязаны, взаимообусловлены, разрешение каждой из них зависит от разрешения остальных. Так, быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных обеспечивает правильное применение закона, что в свою очередь служит гарантией справедливого наказания виновных. И обратно, правильное применение уголовных и уголовно-процессуальных законов способствует быстрому и полному раскрытию преступлений, ограждению невиновных от необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения. Быстрое раскрытие преступлений служит гарантией полного выявления всех преступных действий и изобличения лиц, их совершивших. Только при условии быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных, правильного применения закона и решения вопросов наказания могут последовательно решаться задачи предупреждения и искоренения преступлений, воспитания граждан, укрепления социалистической законности и т. д.

В процессуальной литературе предпринимались попытки разделения задач уголовного судопроизводства на его задачи в целом и задачи (или цели) производства по отдельному уголовному делу¹. Такой подход представляется недостаточно обоснованным.

---

¹ Н. Н. Полянский различал задачи уголовного правосудия «по всем вообще уголовным делам» и цель уголовного процесса «в каждом конкретном уголовном процессе» (см. Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 52—70). М. С. Строгович наряду с целями правосудия, задачами уголовного судопроизводства определяет и цель уголовного процесса «по конкретному уголовному делу» (М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1963, стр. 39—44).

Те задачи, которые стоят перед органами предварительного расследования, прокурором и судом по конкретному уголовному делу, являются и задачами по всем другим уголовным делам. От успешности их разрешения по каждому делу зависит и успех всей уголовно-процессуальной деятельности, — в какой мере уголовное судопроизводство служит достижению целей социалистического правосудия по уголовным делам. Иными словами, задачи, решаемые по уголовному делу, — всегда конкретизация общих задач уголовного судопроизводства.

Решению задач уголовного судопроизводства подчинена вся система предусматриваемых законом уголовно-процессуальных действий и возникающих при их осуществлении правоотношений, в том числе действий и правоотношений в области доказывания.

Каждое следственное (судебное) действие, непосредственно связанное с собиранием, проверкой и оценкой доказательств, его содержание и форма, как и вся совокупность этих действий, согласуются с целями и задачами уголовного судопроизводства и, в конечном счете, определяются ими.

Достижение целей проводимых действий представляет собой не что иное, как последовательное решение органами предварительного расследования, прокурором и судом ряда взаимосвязанных промежуточных задач (по собиранию, проверке и оценке доказательств) на пути к цели доказывания — достижению истины.

Доказывание — разновидность практической познавательной деятельности. Поэтому целью доказывания всегда является познание всех существенных обстоятельств, имеющих значение для принятия правильного решения по уголовному делу. Изменяется и совершенствуется сам процесс доказывания в советском уголовном процессе, его правовое регулирование: расширяется круг допустимых следственных (судебных) действий, уточняются их цели и задачи, улучшается порядок проведения действий, применения технических средств и др., но цель доказывания — достижение истины остается неизменной.

Результаты познания в уголовном процессе, как и в других областях познавательной деятельности, используются в практических целях в специфической области борьбы с преступностью для решения задач уголовного судопроизводства. Отсюда особенность цели доказывания в уголовном процессе состоит в ее уголовно- и процессуально-правовом характере. Закон устанавливает содержание цели доказывания и обязывает к ее достижению органы расследования, прокуратуры и суд.

Цель доказывания и задачи уголовного судопроизводства взаимосвязаны. Достижение цели доказывания — необходимое условие решения всех задач уголовного судопроизводства, осуществления целей социалистического правосудия. Без правиль-

ного познания того, что произошло в действительности, не может идти речь о раскрытии преступления, изобличении виновных, правильном применении закона. Достижение истины обеспечивает и реализацию уголовным судопроизводством задачи способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан. Успешная защита социалистических общественных отношений от преступных посягательств, меткость уголовной репрессии обеспечивается достижением цели доказывания.

В свою очередь задачи уголовного судопроизводства влияют на содержание цели доказывания, на содержание истины и ее обоснование. В содержание цели доказывания, в объем познания входит только то, что необходимо для осуществления задач уголовного судопроизводства, а результаты познания выражаются в форме, обеспечивающей решение тех же задач. Поэтому цель познания в уголовном судопроизводстве не может быть исчерпана лишь установлением определенных действий, фактов объективной действительности¹.

Чтобы правильно определить содержание истины, необходимо учитывать, что факты объективной действительности, которые познаются в уголовном судопроизводстве, представляют собой явления общественной жизни. Поэтому должна быть правильно познана и их подлинная общественно-политическая сущность, т. е. их значимость среди других явлений общественной жизни.

В соответствии с задачами уголовного судопроизводства следователь, суд обязаны определить наличие и степень общественной опасности совершенных действий, состав преступления, который в них содержится. Суд обязан также определить меру наказания лицу, признанному виновным. Другими словами,

---

¹ В настоящем параграфе рассматривается именно цель познания (доказывания) в уголовном процессе, ее содержание в целом, а не детальная процессуальная и уголовно-правовая интерпретация, которая явится предметом § 2 и 3 этой же главы. В связи с этим надо иметь в виду следующие моменты с тем, чтобы не создалось впечатления противоречивости позиции: а) говоря о цели познания (доказывания) в уголовном судопроизводстве, мы имеем в виду конечную цель; б) ее достижение предполагает использование как «информационных» (собираение фактических данных), так и «чисто» логических методов познания, соотношение которых рассматривается ниже; в § 2—3, когда речь идет о предмете доказывания, имеется в виду предмет «информационного» доказывания (которое иногда именуется «доказыванием в процессуальном смысле», т. е. урегулированное нормами доказательственного права; этот предмет доказывания не исчерпывает цели познания в уголовном судопроизводстве, но служит его составной частью и базой для правовой оценки; г) когда в § 1 в соответствии с его предметом говорится о цели познания и цели доказывания как идентичных понятиях, имеется в виду доказывание в широком смысле как деятельность по достижению истины, включая и «информационное», и логическое, и непосредственное познание. Такая неоднозначность общего термина «доказывание» — необходимое следствие того, что его исследование в § 1 и § 2—3 идет на различных уровнях.

следователь, суд дают конкретному событию, которое было предметом производства по делу, *юридическую оценку*. Такая оценка фактов, в которой главным образом находит свое выражение их общественно-политическая оценка, является одной из характерных особенностей познания в уголовном процессе¹.

В процессуальной литературе не всегда учитывается этот существенный признак предмета познания, имеющий важное значение для правильного понимания содержания истины, достигаемой органами расследования и судом. Поэтому даваемые некоторыми авторами определения ее содержания фактически отвечают на вопрос о соотношении результатов познания с объектом познания, не раскрывая содержания самих этих результатов.

«Материальной истиной в уголовном процессе, — пишет М. С. Строгович, — называется полное соответствие выводов следствия и суда объективным фактам действительности»². Ана-

¹ В уголовно-процессуальной литературе при рассмотрении вопроса о содержании истины нередко говорится о необходимости для следателя и суда давать установленному преступлению не только правовую, но и общественно-политическую оценку. При этом, как правило, не поясняется, чем отличается правовая оценка от общественно-политической оценки действий обвиняемого. Это трудно сделать, потому что общественно-политическая оценка установленных следователем и судом фактов выражается не в чем ином, как в правовой оценке. В уголовном судопроизводстве общественно-политическая оценка означает именно правовую оценку. Только на основании закона и в его пределах суд может решать вопросы о квалификации действий обвиняемого и его наказании. Правовая оценка здесь совпадает и с моральной оценкой, так как уголовно-правовые нормы соответствуют нравственным нормам. Оценка действий с точки зрения моральных норм может иметь самостоятельное значение, например, в тех случаях, когда в действиях лица отсутствует состав преступления, но имеется отступление от правил социалистического общежития (см., например, ст. 13 УИК РСФСР). Не решая здесь проблемы соотношения права и морали, необходимо подчеркнуть, что общественно-политическая оценка поступков, действий человека не представляет собой (за названными пределами) какой-то особой категории, действующей в уголовном судопроизводстве наряду с правовой оценкой или вопреки ей.

Иногда соотношение юридической и общественно-политической оценок сводят к следующему: «Юридическая оценка преступления выражается в виде суждения о необходимости квалифицировать деяние по определенной статье действующего закона, а общественно-политическая оценка преступления и преступника — в виде суждения о необходимости определить лицу соответствующую меру наказания в пределах санкции действующего закона» (А. И. Трусков, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 22). Но тогда получается, что квалификация преступления исключается из общественно-политической оценки, а наказание — из юридической оценки, что противоречит прямому указанию закона (ст.ст. 20, 32 Основ уголовного законодательства). Очевидно, правильное относить к правовой оценке и квалификацию и наказание, а также не противопоставлять общественно политическую оценку юридическую оценку.

² М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., 1946, стр. 73; его же, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 15; его же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 132.

логичное определение содержится и в работах других авторов¹. Такое определение достигаемой в уголовном процессе истины правильно подчеркивает ее объективный характер. Но признание за результатами познания значения объективной истины еще не дает само по себе ответа на вопрос о содержании истины. Философское определение истины как истины объективной не преследует цели раскрытия конкретного содержания всех знаний, получаемых в различных областях науки и практической деятельности. Это входит в задачу конкретных естественных и общественных наук. Определение содержания истины, достигаемой следователем и судом, зависит от особенностей, присущих познаваемым общественным явлениям.

Сравнивая истины, достигаемые при познании явлений природы и явлений общественной жизни, мы обнаруживаем, что в содержание первой не входит общественно-политическая сущность познаваемого объекта. Это объясняется тем, что в человеческом представлении, если оно верно отразило объективную действительность (а именно такое представление мы и называем истиной), может быть только то содержание, которое имел познаваемый объект. Естественно, что в содержание явлений природы, законов ее развития не может войти то, что им не присуще, а потому и не находит отражения в сознании познающего субъекта. Общественно-политическую сущность могут иметь только те толкования, выводы, которые делаются из познанных явлений природы.

Познание закономерностей развития общества, происходящих в нем процессов, действий классов, социальных групп и отдельных лиц направлено на уяснение их сущности как общественных явлений. Без вскрытия социальной сущности явлений общественной жизни их правильное познание невозможно².

Следовательно, для истины, устанавливаемой при познании общественных явлений, характерно то, что наряду с фактической

---

¹ М. М. Гродзинский, Улики в советском уголовном процессе, «Ученые труды ВШЮН», вып. VII, М., 1944, стр. 3.

² С появлением общества возникает новая форма движения, основная особенность которой заключается в том, что все общественные явления наряду со своими природными свойствами получают и социальные качества, составляющие их сущность как явления общественной жизни. Эта двойственность свойств (природных и социальных) присуща и человеку, в котором социальные качества также составляют его природу, сущность. К. Маркс, критикуя философию права Гегеля, писал: «...Он забывает, что сущность «особой личности» составляет не ее борода, не ее кровь, не ее абстрактная физическая природа, а ее социальное качество, и что государственные функции и т. д. — не что иное, как способы существования и действия социальных качеств человека. Понятно, следовательно, что подвиды, поскольку они являются носителями государственных функций и властей, должны рассматриваться по своему социальному, а не по своему частному качеству» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 242).

стороной в ее содержание входит и правильная оценка общественно-политической сущности исследуемого объекта. Эта особенность свойственна не только истине, достигаемой общественными науками, но и истине, устанавливаемой в различных областях общественной практической деятельности, одной из которых является уголовно-процессуальная деятельность.

Для успешного выполнения задач, стоящих перед органами социалистического правосудия, им необходимо познать во всех его существенных особенностях конкретное явление общественной жизни — действие (бездействие), совершенное человеком и расцениваемое законом как преступление.

Деяние определенного лица и до момента его обнаружения существовало как преступное — общественно опасное, виновное и противоправное — и именно этим своим качеством отличалось от других действий, совершаемых людьми, и от других явлений, происходящих в природе и обществе. Этому не учитывают те процессуалисты, которые не включают в сложное содержание истины по делу правовую квалификацию, выражающую общественно-политическую сущность этого деяния. Такая позиция чаще всего аргументируется тем, что «оценку фактов нельзя включать в содержание материальной истины, поскольку истина — это суждение о том, что существует или существовало вне зависимости от сознания познающего лица. Можно по-разному оценить установленные факты, но от этого они не перестанут быть установленными»¹.

Приведенная аргументация исходит из того, что общественно-политическая (правовая) оценка фактов, значимых для уголовного судопроизводства, может быть оторвана от их существа и носит субъективистский характер. Между тем, речь идет о раскрытии самого существа явления общественной жизни. Естественная смерть и убийство, пожар от грозового разряда и пожар от умышленного поджога отличаются друг от друга по своей природе, по своим признакам, существующим в реальной действительности. Имевшие место убийство и умышленный поджог не перестанут быть преступлением от того, что следователь или суд не знали о них соответственно до момента расследования и судебного разбирательства или неверно признали эти факты не общественно опасными. Следователь и суд могут по-разному оценить деяние и квалифицировать его (например, как убийство неосторожное, умышленное с отягчающими обстоятельства-

¹ Выступление Р. Д. Рахунова при обсуждении монографии М. С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» («Советское государство и право» 1956 г. № 4, стр. 141). Аналогичные соображения приводят М. А. Чельцов («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 125) и другие сторонники этого взгляда на содержание истины.

ми и без отягчающих обстоятельств), но истинной будет только одна квалификация: та, которая соответствует тому, что произошло в действительности. Факты имеют свои объективные признаки, свойства, качества, которые должны быть правильно познаны следователем, судом. Они существуют объективно и до издания уголовно-правовой нормы. Законодатель включает в состав преступления в обобщенной форме те признаки, которые свойственны данному виду деяния и которые отличают его от других совершаемых людьми действий. С момента их включения в правовую норму они становятся правовыми признаками, а общественно-политическая сущность деяния приобретает правовое выражение. Как следователь, так и судья не вносят каких-либо новых признаков в те факты, которые ими познаются. Законодатель до следователя и судей путем указания на определенное сочетание признаков того или иного действия, выражающих типичные, наиболее существенные его свойства, выделил его из других, признав общественно опасным, противоправным. Следователь и суд выясняют наличие или отсутствие этого сочетания признаков как объективно существующих.

При расследовании и рассмотрении конкретного уголовного дела следователь, суд должны с достоверностью установить, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется лицо, и, если имело, то содержит ли оно состав преступления и было ли совершено обвиняемым. С этой целью они должны из многих фактов, характеризующих деяние, установить такие, которые обладают признаками, имеющими правовое значение, и которые в своей совокупности определяют наличие и степень общественной опасности совершенных действий для социалистического государства, расцениваемых законом как преступные.

Иными словами, следователь и суд должны познать то, что имело место в действительности, т. е. познать конкретное преступление как определенную совокупность фактических признаков деяния в их действительной правовой значимости, в которой и выражена их общественно-политическая сущность.

Не вступая в противоречие с действительностью, нельзя искусственно отделить основные качества действий от самих действий. Как правильно отмечает А. Л. Ривлин, «истинность явлений общественного характера не может быть установлена путем простой регистрации этих явлений в их внешнем выражении без раскрытия их общественно-политической сущности... такое раскрытие общественно-политической сущности и является их оценкой... Дело здесь заключается в том, чтобы оценка эта была правильной, чтобы она соответствовала объективному положению вещей»¹.

---

¹ А. Л. Ривлин, Пересмотр приговоров в СССР, М., 1958, стр. 26.

Совокупность фактов, установленных по делу, одновременно свидетельствует как о самом событии, так и о его преступности. Указание отдельных авторов на то обстоятельство, что в ст. 303 УПК РСФСР суду предписывается при постановлении приговора сначала решить вопрос о наличии деяния, а затем ответить на вопрос о противоправности этого деяния¹, не опровергает этого положения. Законодатель, располагая вопросы в такой последовательности, имеет в виду и те возможные случаи, когда может оказаться, что событие, по поводу которого велось производство, вообще не имело места или когда в действиях обвиняемого может не оказаться состава преступления.

Перечислением в законе подлежащих разрешению вопросов в значительной мере облегчается сложная работа суда и устраняются ошибки как следствие неправильной постановки вопросов, если бы для их формулирования существовала особая процедура. Но ст. 303 УПК РСФСР не устанавливает обязанности суда решать поставленные вопросы на основании отграниченных друг от друга групп фактов². Напротив, в статье подчеркивается единство совокупности фактов, указывающих на событие и на его преступный характер. Поставив перед судом вопрос, имело ли место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, законодатель в следующем вопросе требует от суда решить: содержит ли это деяние (в ст. 320 УПК 1923 г. говорилось «содержит ли в себе») состав преступления и каким именно уголовным законом оно предусмотрено.

Процесс установления фактических обстоятельств дела следователем, судом и выбор им той нормы права, которой они предусмотрены, происходят практически одновременно³. Органы

¹ См. Г. М. Резник, Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969, стр. 6—7.

² На это правильно указывает и Г. М. Миньковский («Пределы доказывания в советском уголовном процессе», М., 1956, стр. 39—40). О познании преступного характера события на базе его фактической картины см. также § 2 настоящей главы.

³ «Неправильно было бы представлять расследование и разрешение дела судом таким образом, — пишет М. С. Строгович, — что суд всегда сперва исследует факт, событие, а потом применяет к нему правовую норму, дает ему юридическую оценку» («Учение о материальной истине в уголовном процессе», М.-Л., 1947, стр. 5). Позднее М. С. Строгович пришел к иному выводу: вначале суд устанавливает факт, а затем применяет норму права (там же, стр. 9; его же, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 14). Последний вывод М. С. Строговича разделяет П. Ф. Пашкевич («Объективная истина в уголовном судопроизводстве», М., 1961, стр. 19), хотя разделяет и наше мнение о необходимости включить квалификацию деяния в содержание истины. Г. М. Резник сделал попытку обосновать вывод о «параллельности» и «разнородности» процессов «установления фактов» и их «правовой оценки», исходя из различия методов познания. Он долагает,

предварительного расследования и суд руководствуются уголовным законом для того, чтобы правильно познать фактические обстоятельства дела в их юридическом значении¹. Устанавливая факты и их правовую значимость, органы предварительного расследования и суд тем самым определяют и норму, которая указывает на эти факты как на преступные. Они познают соответствие юридических признаков фактических обстоятельств дела той норме права, которая их предусматривает².

Познание тех или иных фактов следователями и судьями будет иметь значение объективной истины в том случае, если в их сознании верно отразится то, что имело место в действительности, т. е. совершенные определенным лицом действия, оцененные конкретным уголовным законом как преступные.

что «с логической стороны установление фактов — процесс индуктивный, юридическая квалификация, подводящая деяние под норму уголовного закона, — наоборот, процесс дедуктивный» («Автореферат», стр. 5—6). Такие выводы возможны при формальном анализе уже завершенного процесса познания, когда явления берутся расчлененными, в статике, отрубленно, а не в целом, при их развитии, формировании. Искусственному разделению единого диалектического процесса познания на два изолированных, параллельных процесса: установление фактов и юридическая квалификация, по необходимости соответствует и их односторонняя характеристика как индуктивного и дедуктивного процессов. Но в познании преступления, его фактической и юридической стороны, индукция и дедукция не изолированы, а выступают вместе, в сложном сочетании, взаимодействии. Дедуктивное умозаключение без индукции не существует.

«Если бы существовали, например, чистые дедуктивные умозаключения, без индукции, то такое умозаключение не было бы отражением действительности. Большая посылка в силлогистическом умозаключении получена и обоснована индуктивным путем. Это означает, что и дедуктивное умозаключение является отражением действительности, но не непосредственным, а опосредствованным» («Ленинская теория отражения и современность», Москва — София, 1969, стр. 395).

¹ См. В. Я. Дорохов, В. С. Николаев, Обоснованность приговора в советском уголовном процессе, М., 1959, стр. 56. Рассматриваемый вопрос получил также правильное разрешение в общей теории права и в науке уголовного права. «В целом, — пишет И. С. Самощенко, — истинность выводов по делу о нарушении законности складывается из истинности выводов о фактах и истинности их юридической квалификации, притом не как результат отдельного и изолированного исследования фактической и юридической сторон дела о нарушении законности и сложения двух истин, а как результат исследования фактов действительности в их неразрывной связи с позицией закона по отношению к такого рода фактам» («Охрана режима законности советским государством», М., 1960, стр. 101).

См. также А. С. Шляпников, Толкование советского уголовного закона, М., 1960, стр. 55; Г. А. Левинский, Квалификация преступления (общие вопросы), «Правоведение» 1962 г. № 1, стр. 144; В. П. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, стр. 7—8, 209.

² Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 117; В. Я. Дорохов, Приговор в советском уголовном процессе, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1952, стр. 7.

Против включения в содержание истины общественно-политической оценки, квалификации преступления приводятся возражения, которые наиболее полно были изложены М. Л. Шифманом: «Раз материальная истина есть отражение в нашем сознании объективно, вне нас существующих фактов и обстоятельств, то нет оснований включать в понятие истины квалификацию преступления, ибо она не может трактоваться как нечто объективное, существующее вне нашего сознания и независимо от него. Один и тот же факт объективной действительности может сегодня образовывать один состав преступления, в другой момент — иной состав преступления, а может вообще перестать оцениваться как преступное деяние в силу изменившихся обстоятельств»¹.

Эта аргументация, однако, неточна в самой основе. Если следовать ей, то выходит, что все, созданное человеком, все изменения, совершенные им в природе и обществе, его поступки, поведение не могут быть объектами истинного знания. К таким объектам относится и уголовно-правовая норма. Она установлена законодателем как результат правильного познания многократно повторяющихся общественно опасных действий человека². Правильная оценка объективно существующих фактов законодателем с точки зрения объективных потребностей, интересов советского общества, выраженная в правовой норме, является фактом объективной действительности, существующим вне и независимо от сознания следователя и судей, которым они должны руководствоваться при познании конкретного преступления. Норма права выражает в общей форме факты объективной действительности, отражает социальные связи между людьми, общественные отношения. Познание в уголовном судопроизводстве будет иметь значение объективной истины потому, что в выводах следователя, судей есть такое содержание, которое существовало в действительности, вне и независимо от сознания познающих преступление следователя, судей. В. И. Ленин, характеризуя объективную истину, подчеркнул, что главное заключается в том, «может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?»³. Сформулированное В. И. Лениным определение объективной истины охватывает

¹ М. Л. Шифман, Основные вопросы теории советского доказательственного права, М., 1956, стр. 27. См. также М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 125; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 324; «Уголовный процесс» под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд, М., 1972, стр. 151.

² «Нормы, — пишет Г. Клаус, — конечно создаются людьми, но создаются на основании объективных реальных общественных законов» (Георг Клаус, Сила слова, М., 1967, стр. 184).

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 123.

правильное познание субъектом (человеком, человечеством) всех предметов, явлений реальной действительности. Соответственно в литературе по марксистской философии «под истиной понимается идеальное воспроизведение в познании действительности так, как она существует, вне и независимо от сознания, от познающего субъекта (человека и человечества). Истина — это соответствующее объективной реальности содержание наших знаний»¹.

Опираясь на марксистско-ленинское понимание объективной истины, мы можем сказать, что правильное познание следователем, судьями преступных действий обвиняемого будет иметь значение объективной истины. Правильная правовая оценка действий обвиняемого, правовая квалификация как вывод из сравнения объективно существующих в действительности, вне и независимо от сознания следователя, судей деяния и закона также является истиной.

Объективная истина, включающая в свое содержание правовую оценку, не перестает быть объективной от того, что один и тот же факт объективной действительности может в разное время образовывать разные составы преступления в силу изменившихся обстоятельств. Нельзя забывать важнейшего положения о конкретности каждой истины. Марксистско-ленинская теория познания не считает каждое суждение, правильное при определенных условиях, истинным в любых условиях. При определении истинности каждого положения должны учитываться условия места и времени. Любые суждения, понятия, если они берутся абстрактно, вне учета конкретных обстоятельств, исторических связей и отношений, без учета условий места и времени, становятся бессодержательными. Суд и следователь познают общественно опасные действия, совершенные конкретным лицом в определенных условиях места и времени и признаваемые конкретной уголовно-правовой нормой преступными. Объективная истина, достигаемая в уголовном процессе, является конкретной истиной; следователь и суд оценивают действия обвиняемого с точки зрения действующего закона.

Сам закон не остается неизменным. Его содержание обусловлено общественными отношениями в конкретный период развития общества. С изменением общественно-политической сущности деяния должна меняться и его правовая оценка в законе. Изменения могут быть настолько существенными, что деяние перестает быть общественно опасным и потому исключается законодателем из перечня преступлений. При этом в отдельных случаях может возникнуть и такое положение, когда та или иная уголовно-правовая норма вступает в противоречие с изменив-

¹ «Современные проблемы теории познания диалектического материализма», т. 2, М., 1970, стр. 3.

шейся сущностью деяния, но еще продолжает действовать. В таких случаях суждение суда о квалификации деяния не является истинным, оно может соответствовать лишь правилам формальной логики, быть правильным по форме, но не по существу. Только этот единственный аспект формального соответствия (несоответствия) частной нормы (конкретного акта поведения) действующей «общей норме» усматривают Д. П. Горский, И. С. Нарский, Т. К. Ойзерман при решении проблемы истинности норм¹. Подобные ситуации в советском праве можно объяснить только причинами технического порядка (необходимо время для обнаружения этого несоответствия и его исправления). «Выявленное несоответствие устраняется законодательными органами. Одновременно с этим устраняются и последствия формального применения закона, если они имелись»².

Совершенные действия должны оцениваться в точном соответствии с той правовой нормой, которой они предусматриваются. К рассматриваемому вопросу в полной мере относится указание Л. И. Брежнева на XXIV съезде КПСС: «Любые попытки отступления от закона или обхода его, чем бы они ни мотивировались, терпимы быть не могут»³.

В уголовном судопроизводстве «происходит установление конкретного бытия сущности, ранее уже познапной и отраженной в норме права»⁴. Расхождение оценки, даваемой судом, следователем, и содержания подлежащего применению закона, означает, что суд, следователь неправильно познали соответствие правовых признаков совершенных действий уголовному закону, который указывает на них. Основное качество советских законов состоит в том, что они верно отражают действительность, правильно указывают на наиболее существенные признаки, характеризующие те или иные преступные деяния. Знание советских законов, правильное понимание их смысла, духа, направленности является ключом к правильному познанию фактических обстоятельств дела в их социально-политической сущности.

Против включения в содержание истины правовой оценки возражает М. С. Строгович, полагающий, что «правильная общественно-политическая и юридическая оценка факта, деяния, преступления — обязательное, необходимое свойство правильного су-

¹ «Современные проблемы теории познания диалектического материализма», т. II, М., 1970, стр. 47—48.

² В. Н. Кудрявцев, Теоретические основы квалификации преступлений, М., 1963, стр. 63.

³ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 81.

⁴ Применительно к действиям, имеющим моральный характер, ту же мысль высказывает О. Г. Дробницкий: «В каждом из них «опредмечена» моральная норма, закон всеобщего поведения» (О. Г. Дробницкий, Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия, М., 1967, стр. 331).

дебного приговора, но она не входит в понятие материальной истины»¹. Но если суд установил, что имело место конкретное преступление, совершенное определенным лицом, то это и будет означать, что суд дал общественно-политическую (юридическую) оценку фактам действительности, правильно познал конкретное проявление сущности этого общественного явления, выраженной в надлежащей уголовно-правовой норме.

Несостоятельным следует признать и аргумент, согласно которому квалификация деяния не входит в содержание истины, потому что «юридическая оценка факта», «квалификация преступления» зависит от отношения судей к рассматриваемому ими деянию, «от тех выводов, которые сделают судьи из применения этого закона к данному деянию»².

Юридическая оценка действительно зависит от судей, поскольку не кто иной, как судьи, производят ее. «Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни»³. Но применение закона, квалификация преступления, как уже отмечалось, не может быть произвольной. Нельзя согласиться и с аргументацией, основанной на различии в содержании процессуальных и уголовно-правовых норм. «Когда мы говорим об объективной, материальной истине в уголовном процессе, мы говорим о *процессуальном* принципе, о *процессуальной* проблеме, а не о принципе и проблеме уголовного права. Конечно, эти принципы и проблемы взаимосвязаны, но все же они не совпадают.

А раз так — то под материальной, объективной истиной в уголовном процессе следует иметь в виду соответствие выводов следствия и суда о *фактах*, имеющих значение для дела, самим этим *фактам*, как они произошли в действительности»⁴.

Действительно, уголовно-процессуальное право и уголовное право — взаимосвязанные, но разные отрасли права, имеющие свои проблемы, принципы, которые исследуются также взаимосвязанными, но разными правовыми науками. Но из констатации различия уголовно-процессуального и уголовного права и соответствующих им отраслей научного знания никак не следует вывод о правомерности отрыва, противопоставления друг другу содержания процессуальных и уголовно-правовых норм при определении содержания объективной истины, достигаемой по уголовному делу.

---

¹ См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 64.

² См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, стр. 65; его же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 325.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 67.

⁴ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 323.

Проблема объективной истины — центральная проблема как уголовно-процессуального, так и уголовного права. Она исследуется ими в разных аспектах, под различными углами зрения, на различных уровнях, но во взаимосвязи.

Уголовным правом устанавливаются признаки состава преступления, пределы наказания. В нормах уголовного права выражена социальная сущность преступлений, без правильного познания которой не может быть и речи о достижении истины по конкретному уголовному делу. Уголовно-процессуальное право определяет порядок уголовного судопроизводства, цель, предмет, пути и средства доказывания и тем самым служит познанию конкретного преступления, общественно-политическая сущность которого уже познана и отражена в уголовно-правовой норме.

В ходе уголовно-процессуальной деятельности разные аспекты проблемы истины становятся частями, моментами единого сложного процесса познания, включающими выяснение «фактического» и «юридического» в неразрывной связи и взаимообусловленности. При доказывании следователь и суд исходят не только из уголовно-процессуальных, но и уголовно-правовых норм. Один и тот же субъект познания применяет нормы и уголовного и уголовно-процессуального права для достижения цели доказывания, задач и целей судопроизводства.

В процессуальной литературе последних лет против включения в содержание истины правовой оценки выдвинут еще один аргумент. «С гносеологической точки зрения суждение, фиксирующее происшедшие в действительности факты, есть суждение познавательное, тогда как суждение, квалифицирующее эти факты как неправильные, противоправные, общественно опасные, есть суждение ценностное, оценочное»¹.

С этим соображением, заимствованным у некоторых авторов, работающих над проблемами аксиологии, которые доводят до крайности противопоставление истины и оценки, полностью нельзя согласиться. Нужно учитывать, что ценностные суждения² (если под ними не понимать чисто субъективистские, никак не отражающие объективный мир мнения, как это делают буржуазные аксиологи, исходящие из позиций идеалистической

¹ Г. М. Резник, Автореферат, стр. 6.

² «Ценность предполагает особое отношение к объекту, отличное от познавательного... — ценностное отношение... Познать — это еще не значит оценить, т. е. отнести к ценностям то, что ими действительно является» (В. П. Тугарinov, Теория ценностей в марксизме, Л., 1968, стр. 13, 57). «Истинное суждение, — пишет О. М. Бакуридзе, — является дескрипцией фактов и, следовательно, по существу отличается от суждения ценности... Суждение ценности по существу отличается от познавательного суждения, которым выражается истинное содержание нашего сознания» (О. М. Бакуридзе, Истина и ценность, «Вопросы философии» 1966 г. № 7, стр. 46, 48). Представляется, что тенденция к опреде-

философии)¹ — путем преобразования или без него сводятся к познавательным суждениям, которые могут быть истинными или ложными. Для марксизма проблема ценностей не является новой. При определении природы ценностей марксизм исходит из того, что ценности — явления общественные. К ним относятся явления материального и идеального характера, которые служат потребностям человека, класса, общества. Ценностное отношение существует как связь субъекта с тем объектом, на который направлены его познание и воздействие в процессе общественно-исторической практики. Оно выступает как частный момент универсального практического отношения человека к окружающей его действительности. Практика, понимаемая как общественно-историческая деятельность, включающая и теоретическое отношение человека к предметному миру, включает в себе объективное знание предмета, поскольку воспроизводит и осваивает предмет во всем богатстве его содержания, в том числе и его полезность для удовлет-

---

ленному отрыву аксиологических проблем от гносеологических обусловлена неточной трактовкой проблемы «научной объективности», как «бес-субъектности» истины. Отсюда и стремление компенсировать якобы имеющую место ограниченность научного познания ценностной оценкой предмета, «особым отношением к действительности» (см. Г. С. Батищев, Общественно-историческая деятельная сущность человека, «Вопросы философии» 1967 г. № 3, стр. 21 и сл.; О. Г. Дробницкий, Проблема ценности и марксистская философия, «Вопросы философии» 1966 г. № 7, стр. 40 и сл.; О. Г. Дробницкий, Мир оживших предметов, М., 1967, стр. 311 и сл.).

¹ Резкое противопоставление ценностного и истинного суждений, отрицание за оценкой какой-либо познавательной основы наиболее характерны для неопозитивизма и экзистенциализма.

«Вопросы, касающиеся ценностей, — пишет Б. Рассел, — то есть о том, что такое добро и зло сами по себе, независимо от своих последствий лежат вне области науки, находятся полностью вне области знания» (B. Russell, Religion and Science, N. I., 1953, p. 230). Неопозитивизм утверждает, что оценочные суждения лишены смысла и не могут характеризоваться ни как истинные, ни как ложные.

Экзистенциализм в оценке ценностных суждений исходит из невозможности научного познания человека, его действий, поступков в силу их многообразия и индивидуального характера и отсутствия у них каких-либо общих закономерностей. К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и другие философы-экзистенциалисты считают, что только сам человек, руководствуясь «абсолютной» свободой, может признать или не признать те или иные ценности, оценивать и отвечать за свои действия. Несознательное внутреннее «бытие» человека раскрывается им только при озарении (экзистенции), наступающей в критические моменты (болезнь, смерть, непоправимая утрата и др.), при помощи интуиции, а не разума.

Все эти, как и другие, направления буржуазной аксиологии объединяет стремление вывести решение проблемы ценностей за пределы науки, отрицание общественно-исторического характера ценностей, отказ от признания исторического прогресса и признания вечными ценностей буржуазного общества.

Характеристику основных направлений буржуазной аксиологии см. в кн. «Проблема ценности в философии» (М. — Л., 1966).

ворения человеческих потребностей¹. Представление о ценностях, их значении зависит от характера ценностей и потребностей, интересов классов каждой общественно-экономической формации. Для классово-антагонистического общества характерно существование, по крайней мере, двух различных оценок ценности одних и тех же явлений материального и духовного характера. Особенно резко это различие проявляется в оценке явлений, относящихся к области политики, права, морали. При этом действительными ценностями для конкретной общественно-экономической формации будут те явления, которые соответствуют интересам, потребностям передового класса. Объективным критерием подлинной ценности явлений служит их оценка с позиций прогрессивного класса, соответствие их общественному прогрессу, проверяемое в процессе общественно-исторической практики.

Марксизм открыл объективные законы развития общества, создал научную методологию познания явлений общественной жизни и тем самым сделал возможным объективную, научную оценку общественных явлений. Правильное познание не ограничивается описанием общественных явлений, а обязательно включает в себя партийность — строгий научный анализ их социальной сущности, оценку с позиций рабочего класса². Оценка общественных явлений должна быть не субъективистской, а объективно истинной, научной.

При выполнении этих требований «оценочные суждения» базируются на научном познании, оценка выступает как одна из сторон познания действительности³. Суждение «X хорош», приводимое в качестве примера ценностного, оценочного суждения⁴, является познавательным суждением и будет истинным или ложным в зависимости от того, отражает или не отражает оно адекватно объективную действительность. Это суждение выражает не просто «одобрение субъектом X»⁵, а знание свойств X, оцениваемых положительно. Осознание ценности есть сторона познания явления с точки зрения потребностей, интересов передового класса как носителя исторического прогресса общества.

По своей логической (гносеологической) природе суждение «X хорош» не отличается от суждений «подсудимый Z мошенник», «действия обвиняемого Y кража», т. е. от тех суждений, в которых выражаются выводы следователя, судьи о квалика-

¹ См. О. Г. Дробницкий, Проблема ценности и марксистская философия, «Вопросы философии» 1966 г. № 7, стр. 40, 43.

² См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137, 418.

³ С. Попов, Аксиология и ее буржуазные толкователи, «Коммунист» 1969 г. № 11, стр. 97.

⁴ О. М. Бакуридзе, Истина и ценность, «Вопросы философии» 1966 г. № 7, стр. 45.

⁵ Там же.

ции деяния, о виновности обвиняемого. В уголовном процессе познаются не «голые факты», изолпрованные от общественно-исторической практики и очищенные от всех общественных связей и отношений, а именно действия людей в их общественном содержании и значимости.

Таким образом, не должно допускаться вынесение оценочного отношения к общественному явлению за пределы познания; в противном случае возникает опасность противопоставления объективной истины и оценки, что может служить теоретическим оправданием субъективизма в практической деятельности при решении вопросов квалификации и наказания¹.

Объективная истина достигается как при вынесении обвинительного приговора, так и при оправдании. Но во втором случае ее содержание будет несколько иным. Прекращая дело за отсутствием в действиях обвиняемого состава преступления, следовательно в постановлении, а суд в оправдательном приговоре отражают то, что произошло в действительности: совершены действия, которые законодатель не считает преступными, так как они не имеют тех признаков, с которыми закон связывает понятие преступления. В признании совершенных действий не общественно опасными и будет заключаться правовая оценка установленных фактов, которая исключает квалификацию этих действий как преступных.

При прекращении дела или вынесении оправдательного приговора ввиду недоказанности участия обвиняемого в совершении преступления (п. 2 ст. 208, п. 3 ст. 309 УПК РСФСР) правовая оценка представляет вывод о невиновности обвиняемого. Вопрос о том, кто совершил преступление, остается открытым.

Таким образом, отражение в постановлении органов предварительного расследования и приговоре суда достоверно установленных фактических обстоятельств дела и их правового значения, соответствия подлежащей норме права и будет означать достижение объективной истины.

Достоверное познание фактических обстоятельств дела в их правовом значении составляет основу, необходимую для принятия решения о наказании. Вопрос о наказании может встать перед судом только в случае установления виновности обвиняемого в совершении преступления. Между выводом суда о квалификации преступления и выводом о наказании должна суще-

---

¹ На субъективистскую опасность «аксиологизаторской тенденции» применительно к научному исследованию указывает Г. С. Батищев: «Она на деле ограничивает критическую остроту научного исследования и тем самым создает возможность проведения идеологического субъективизма» (Г. С. Батищев, Общественно-историческая деятельная сущность человека, «Вопросы философии» 1967 г. № 3, стр. 21).

ствовать неразрывная связь. Там, где нет преступления, не может быть и наказания. Абсолютно исключается такое положение, при котором бы суд, не установив самого преступления, попытался бы восполнить этот пробел за счет назначения наказания.

Нарушением законности являются и случаи, когда допускается смягчение наказания только потому, что у судей не сложилось твердого убеждения в виновности обвиняемого. Говорить здесь о наличии объективной связи между преступлением и наказанием не представляется возможным. Ни при каких условиях мягкость наказания не может заменить недостающие доказательства виновности или устранить имеющиеся противоречия¹.

Вывод о необходимости назначить наказание, его виде и характере представляет собой дальнейшую конкретизацию правовой оценки общественно опасного деяния, которая была дана при его квалификации. Это особенно наглядно, когда действия нескольких обвиняемых по одному делу квалифицируются по одной статье, а мера наказания определяется разная.

Закон не содержит столь же тщательного описания признаков для определения правильного наказания каждому признанному виновным подсудимому, как это сделано в диспозиции уголовно-правовой нормы применительно к квалификации деяния. К тому же в законодательстве не предусмотрены абсолютно-определенные санкции. Такой подход позволяет суду учесть индивидуальные особенности каждого дела, но одновременно создает серьезные затруднения при определении меры наказания.

Общие указания, из которых исходит суд при решении вопроса о наказании, содержатся в уголовном законе и в некоторых нормах уголовно-процессуального закона.

Для назначения справедливого наказания закон прежде всего требует правильной квалификации деяния, т. е. учета той оценки характера общественной опасности преступления, которая дана уголовным законом. Неправильная квалификация всегда неверно отображает социально-политическую сущность преступления и не позволяет судить о справедливости или несправедливости меры наказания. Содержание ч. 2 ст. 416 УПК РСФСР 1923 года, допускавшей возможность правильного определения наказания при неверной квалификации, не воспринято действующим законом.

Связь преступления с наказанием будет нарушена, если суд точно установит характер преступления, но сделает ошибочный вывод о наказании. Наказание — «количественное качество» преступления, его количественная характеристика. Мерой наказания

¹ См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 135—136. Здесь же М. С. Строгович приводит слова Жиряева: «Меньшее наказание должно быть назначено за меньшую вину, а не за меньшую ее известность» (А. Жиряев, Теория улик, Дерпт, 1855, стр. 78).

измеряется степень общественной опасности преступления и лица, его совершившего¹. Наказание должно всегда соответствовать преступлению. «Действительное преступление, — писал К. Маркс, — предполагает определенную меру наказания. Действительное преступление ограничено. Должно быть поэтому ограничено и наказание, хотя бы для того уже, чтобы быть действительным, — оно должно быть ограничено принципом права, чтобы быть правомерным... Определенное содержание правонарушения является пределом для определенного преступления. Мера этого содержания есть, таким образом, и мера преступления»².

Наказание, как и квалификация, служит правовым выражением общественно-политической сущности совершенного преступления. Необоснованное увеличение или уменьшение меры наказания тем самым извращает и общественно-политическую сущность преступления, совершенного конкретным лицом. Оценивая общественную опасность преступного деяния путем квалификации его по определенному закону, суд не должен изменять свою оценку при назначении виновному меры наказания. В принесенном Заместителем Председателя Верховного Суда РСФСР протесте по делу Н., который обвинялся в получении взяток за ускорение погрузки и отправки лесоматериалов, обоснованно указывалось: «...суд, признав Н. виновным в систематическом получении взяток, т. е. в совершении тяжкого преступления, определил ему чрезмерно мягкую меру наказания, не соответствующую содеянному» (разрядка наша. — Авт.). Признав эти доводы протеста убедительными, надзорная инстанция приговор отменила и дело вернула на новое рассмотрение³.

Сказанному не противоречит право суда при наличии, например, смягчающих обстоятельств учесть их и назначить осужденному более мягкую меру наказания. Суд, верно оценив общественную опасность преступления, выразившуюся в правильной квалификации, тем самым признает, что осужденный заслуживает меры наказания, соответствующей содеянному. Вместе с тем суд указывает на те обстоятельства, которые требуют от него смягчения наказания. Здесь суд правильно оценивает общественную опасность с точки зрения квалификации и наказания.

Таким образом, необходимо различать неверную оценку степени общественной опасности преступления, выразившуюся в необоснованном увеличении или уменьшении наказания, и использование судом его права (и обязанности) учитывать все обстоятельства дела при решении вопроса о мере наказания. Правиль-

¹ О мере как философской категории см. В. П. Кузьмин, Категория меры в марксистской диалектике, М., 1966.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 124.

³ «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1964 г. № 8, стр. 15.

ная квалификация нужна для определения размера наказания и потому, что в законе указываются пределы наказания. При таком построении санкции обоснованность решения о мере наказания находится в прямой зависимости от правильности квалификации, если по делу нет обстоятельств, требующих снижения меры наказания ниже санкции, установленной законом.

Решая вопрос о пределах наказания, предусмотренных подлежащей статьей закона, суд должен действовать в точном соответствии с положениями Общей части Уголовного кодекса. Правильная квалификация преступления и установленные законом границы санкции необходимы, но недостаточны для определения осужденному конкретной меры наказания. Закон требует, чтобы суд при назначении наказания учитывал не только характер, но и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность.

Вывод о мере наказания всегда основывается на познанных фактах преступного события. Все фактические обстоятельства дела, которые устанавливаются для решения вопроса о наличии преступления и виновности лица в его совершении, столь же необходимы и для решения вопроса о мере наказания. Достоверно познанные факты позволяют суду правильно обосновать конкретную меру наказания, избираемую в отношении определенного подсудимого. Предположения и мнения судей, не основанные на фактических обстоятельствах, также недопустимы при разрешении вопроса о мере наказания, как и при решении вопроса о квалификации. Нельзя признать человека виновным, не имея для этого достаточных данных. Точно так же нельзя человека подвергнуть той или иной мере наказания, если имеющиеся в деле данные не подтверждают необходимости избрания этой меры. В приговоре речь может идти только о конкретной вине и конкретном наказании. Базой для решения этих вопросов должны служить фактические обстоятельства дела.

При назначении наказания суд должен учитывать как все признаки деяния, включенные в состав преступления, так и все другие признаки, значимые с точки зрения конкретизации вины и наказания. Например, характеризующие жизненный путь подсудимого, его моральный облик, степень участия в общественно полезной деятельности и т. д. Сведения о личности подсудимого позволяют правильно познать степень его общественной опасности, которая не всегда может быть полно и точно оценена, исходя только из характера содеянного (последствий и т. п.).

Правильному определению наказания во многом способствует подробный, хотя и не исчерпывающий, перечень смягчающих, а также исчерпывающий перечень отягчающих ответственность подсудимого обстоятельств. Эти обстоятельства весьма разнообразны и всегда специфичны для каждого уголовного дела. Необ-

ходимо, чтобы суд установил эти обстоятельства и исходил из них при решении вопроса о наказании.

Наказание должно быть справедливым, т. е. соответствовать тяжести преступления и личности осужденного, иначе оно не будет согласовываться с интересами советского общества, не обеспечит возможность исправления и перевоспитания осужденного. При этом суд должен не только сам убедиться в необходимости и целесообразности избранной им меры, но и убедить в этом других граждан, в том числе и осужденного. Поэтому в приговоре приводятся аргументы, обосновывающие назначение данной меры.

Высказанная в свое время в литературе точка зрения, согласно которой «обвинительный приговор нельзя считать обоснованным, если суд мотивировал только доказанность вины и квалификацию преступления, но не обосновал применение определенной меры наказания»¹, была закреплена в законе. УПК требует приведения в приговоре мотивов назначения подсудимому меры наказания. На необходимость строгого соблюдения закона относительно мотивировки приговора в части назначения меры наказания обращает внимание судов Пленум Верховного Суда СССР в постановлении «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г.²

Таким образом, решение суда о наказании должно быть законным, обоснованным, справедливым, а потому и убедительным.

Названные качества, присущие решению суда о мере наказания, характеризуя его с точки зрения требований социалистического права и правдивости, позволяют подойти к вопросу о гносеологической природе подобных решений. Этот вопрос остается спорным в теории уголовного процесса.

Одни полагают, что наказание не входит в содержание истины³, другие распространяют понятие истины не только на выводы о квалификации, но и на выводы суда о наказании⁴. Мы

---

¹ С. В. Бородин, Мотивировка и формулировка приговора, «Социалистическая законность» 1956 г. № 6, стр. 19.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 4, стр. 12—13.

³ Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 118; П. А. Лупинская, Доказательства в советском уголовном процессе. Лекция, М., 1960; Н. С. Самощенко, Охрана режима законности советским государством, М., 1960, стр. 101; А. С. Шляпочников, К вопросу об объективной истине в советском уголовном праве и процессе, «Ученые записки ВШЮН», вып. 12, М., 1961, и др.

⁴ А. Л. Ривлин, Пересмотр приговоров в СССР, М., 1958, стр. 28; А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 26—27; И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 234—235; П. Ф. Пашкевич, Объективная истина в уголовном судопроизводстве, М., 1961, стр. 20—21; В. Я. Дорохов («Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая», М., 1966, стр. 83—96).

признаем правильной вторую точку зрения¹. Однако это требует определенных пояснений.

Основные возражения против включения решения суда о наказании в содержание истины приводил Н. Н. Полянский: «...назначение наказания не может быть истинным или неистинным. Назначая наказание, суд не констатирует фактов прошлого или настоящего, не делает вывода из наблюдаемых в действительности закономерностей о том, что может или должно наступить, а предъявляет требование, которое надлежащими органами должно быть осуществлено в действительности. Назначение наказания есть приказ, а приказ может быть только целесообразным или нецелесообразным, справедливым или несправедливым»².

Действительно, решение суда о наказании выражается в форме повеления, приказа. Однако форма решения не определяет сама по себе его содержания. «Приказ» суда о наказании обусловлен достоверно познанным событием преступления, обстоятельствами дела, указывающими на степень общественной опасности деяния и деятеля, законом³.

Констатация размера наказания и представляет собой результат познания, вывод суда о степени общественной опасности преступления и личности преступника. Если вопрос об истинности или ложности самого приказа как формы выражения решения суда, содержащего волевой момент, можно считать в какой-то мере спорным,⁴ то характеристика вывода суда о мере наказания с точки зрения соответствия (несоответствия) его

¹ Первоначально точка зрения автора приближалась к позиции первой группы авторов (см. В. Я. Дорохов, В. С. Николаев, Обоснованность приговора в советском уголовном процессе, М., 1959, стр. 62—63). Продолжение анализа данной проблемы привело, однако, к изменению первоначальной точки зрения.

² Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 118.

³ Это признает и Н. Н. Полянский, когда в другом месте своей работы пишет: «Конституировать размер наказания — это значит констатировать, что по закону и согласно социалистическому правосознанию в соответствии с обстоятельствами дела карательному аппарату государства принадлежит право подвергнуть подсудимого указанному в приговоре наказанию в указанном размере» (там же, стр. 260).

⁴ См. Георг Клаус, Сила слова, М., 1967, стр. 179—185; Д. П. Горский, Истина и ее критерий, «Вопросы философии» 1962 г. № 2; А. А. Зиновьев, О логике нормативных предложений, «Вопросы философии» 1958 г. № 7.

Однако представляется предпочтительным мнение тех авторов, которые признают логическую природу приказов, норм и считают их суждениями. «Приказ, — пишет Ангел Бынков, — есть прежде всего суждение, а затем уже и выражение воли и чувств, связанных с ним... В каждом нормативном суждении имеется логическая сторона (содержание) и оно является основным. Поскольку нормативные суждения имеют объективное содержание, они являются отражением действительности, а раз они являются отражением действительности, то их можно определить

объективной действительности не должна, как представляется, вызывать сомнений.

Суд, назначая наказание, делает выводы из познанных им фактов действительности, дает им правовую оценку и выражает ее в размере наказания. Для применения к суждению суда по вопросу о наказании, как и любому суждению, деления на истинные или неистинные (ложные) не обязательно требуется, чтобы суждение было связано с фактами действительности прямо или непосредственно. Оно может быть связано с другим, третьим суждением, которое в конечном итоге непосредственно отнесется к объективной действительности¹. Вывод суда о наказании через ряд опосредствований также соотносится с фактами действительности. Наказание должно отвечать задачам правосудия. Если конкретное решение суда о мере наказания отвечает этим задачам, оно основано на истинном знании. Исключать решение суда о наказании из содержания истины будет неправильным, потому что в выводах суда есть такое содержание, которое не зависит от сознания судей. Судьи не могут произвольно избрать меру наказания. Их решение зависит от объективно существующей степени общественной опасности преступления и лица, его совершившего, от пределов санкций, указанных в законе, и от правильного учета целей правосудия.

Необходимо отметить, что сама природа общественного явления, с которым имеет дело суд, не допускает такой точности его «измерения», как это имеет место в других областях познания.

«Требование строгости и точности не есть требование некоторой абсолютной строгости и точности. Пределы точности и строгости определяются в свою очередь в конечном счете практическими потребностями. В науке здесь обстоит дело так же, как и в повседневной жизни...»². Законодатель, исходя из задач суда

как истинные и неистинные... Формальная логика со своим аппаратом не может полностью объяснить эти суждения; они являются суждениями о действиях и изменениях и поэтому используют практику, как критерий истины. Это уже выходит за пределы формальной логики. Для точного и целостного выяснения проблемы необходима диалектическая логика» («Ленинская теория отражения и современность», Москва — София, 1969, стр. 391, 393, 394).

Авторы, отрицающие истинность приказов, норм на том основании, что «нормы, не обладающие дескриптивной функцией, ничего не утверждают» (Г. Клаус, назв. раб., стр. 181, 183), упускают «из виду, — отмечает В. И. Столяров, — то обстоятельство, что помимо реально существующих предметов, процессов, действий человека с ними столь же реально существуют *возможность и необходимость появления (осуществления)* некоторых из тех предметов, процессов, которых пока еще нет. Возможность и необходимость также познаваемы и могут адекватно отражаться людьми в соответствующих истинных знаниях».

¹ «Ленинская теория отражения и современность», Москва — София, 1969, стр. 395.

² Там же, стр. 425.

и учитывая объективные возможности суда при оценке степени общественной опасности, устанавливает: сроки наказания в зависимости от вида наказания могут исчисляться месяцами, годами, а также сутками и месяцами (см. ст. 42 УК РСФСР). Причем сами санкции не представляют собой произвольных решений законодателя. Они выработаны в ходе общественной жизни, проверены опытом, практикой борьбы с преступностью, соответствуют господствующим в советском обществе нравственным и правовым принципам, выражают интересы советского народа.

Правильность своего решения о наказании суд может мотивировать потому, что оно основывается на объективно существующих фактах. В свою очередь выводы суда доступны проверке, ибо критерий их истинности лежит вне сознания судей. В задачу суда кассационной или надзорной инстанции входит проверка не только законности, но и обоснованности всего приговора, в том числе и меры наказания. Постановка подобной задачи будет бессмысленной, если вышестоящий суд не имеет возможности проверить истинность выводов судей первой инстанции. Решение суда о наказании, так же как и его решение о квалификации и о фактической стороне преступления, должно быть истинным, достоверным. Только при этом условии приговор суда может быть актом социалистического правосудия. Суд и при решении вопроса о наказании не может довольствоваться вероятным знанием. При вероятном знании выводы суда о наказании возможно или в определенной степени соответствуют объективной действительности. Степень же вероятности определяется довольно неопределенной мерой — «мало вероятно», «весьма вероятно», «очень вероятно». При этом всегда остается и вероятность того, что выводы суда в той или иной степени не соответствуют действительности.

Характеристику выводов суда как достоверного, истинного знания не изменяет, очевидно, то обстоятельство, что отдельные факты и их совокупность, влияющие на определение степени общественной опасности, не поддаются количественному выражению, т. е. они не могут быть в настоящее время с учетом особенностей объекта познания и уровня развития науки и практики формализованы таким образом, чтобы образовать определенную систему, в рамках которой при применении и соблюдении установленных правил могли бы давать формально достоверный вывод о мере наказания данного лица.

Уголовный процесс располагает, однако, совокупностью достаточно надежных средств и способов, позволяющих устанавливать степень общественной опасности преступления и подсудимого и делать достоверные выводы о наказании, о чем свидетельствует практика расследования и разрешения уголовных дел.

Требованию достоверности, предъявляемому к выводам суда, не противоречат, а соответствуют указанные в законе цели наказания: «Наказание не только является карой за совершенное преступление, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных...» (ст. 20 УК РСФСР).

Как указывалось, суд при решении вопроса о мере наказания преследует и цель исправления осужденного. Если наказание определено правильно, то оно создает и объективные возможности для перевоспитания осужденного.

Таким образом, в полное содержание объективной истины по уголовным делам, устанавливаемой в социалистическом уголовном процессе, должны входить достоверное познание фактов, их правильная квалификация и правильное определение меры наказания.

§ 2. ПОНЯТИЕ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ

Основное требование законности применительно к юридической ответственности состоит в том, что ответственность допустима лишь за запрещенное законом деяние и только в пределах, определенных законом; применительно к процессуальной стороне, — что она должна быть обоснована расследованием и разбирательством конкретного дела в порядке и форме, определенных законом¹. Важная гарантия реализации уголовной ответственности состоит в установлении определенного предмета доказывания по каждому уголовному делу.

Предмет доказывания — система обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства. Эти обстоятельства устанавливаются путем процессуального доказывания, т. е. с помощью предусмотренных законом средств и способов. Определенность предмета доказывания обуславливает направление и границы исследования. Правильное установление предмета доказывания по конкретному уголовному делу — условие целенаправленной деятельности органов расследования и суда, обеспечения полноты, всесторонности, объективности исследования обстоятельств дела.

Процессуальное законодательство (ст. 15 Основ, ст. 68 УПК

---

¹ И. С. Самощенко, Юридическая ответственность в советском обществе, «Ученые записки ВНИИСЗ», вып. 2, М., 1964, стр. 33—34; см. также Л. М. Карнеева, Привлечение к уголовной ответственности, М., 1971, стр. 19—22, и др.

РСФСР) детально определяет предмет доказывания. Включив статью «Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу» (этот термин используется в значении «предмет доказывания») в число исходных положений Основ уголовного судопроизводства, законодатель еще раз подчеркнул значение предмета доказывания в уголовном процессе как для определения направления и пределов исследования по делу, так и для разработки тактики и частной методики расследования и судебного разбирательства, целенаправленности версий и следственных действий¹.

В процессуальной литературе иногда указывается на наличие в судопроизводстве кроме предмета доказывания еще «предмета исследования» или «предмета познания», более широкого по объему². Эти понятия не определены в законе. Конечно, не все обстоятельства, устанавливаемые по уголовному делу с помощью доказательств, входят в предмет доказывания. При доказывании возникает необходимость установить ряд таких вспомогательных фактов, которые не включаются в обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, и служат лишь средством для установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания по делу.

Но подобные факты не образуют какого-то другого «предмета доказывания», а представляют собой «промежуточные тезисы» для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания (последние можно рассматривать как «конечные тезисы» доказывания)³.

Не все обстоятельства, устанавливаемые по уголовному делу с помощью доказательств, входят в предмет доказывания. При доказывании возникает необходимость установить ряд таких вспомогательных фактов, которые не включаются в обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, и служат лишь средством для установления обстоятельств, составляющих пред-

¹ В работах по уголовному процессу значение предмета доказывания обычно связывается именно с упорядочением производства по делу в целом (см., например, М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 361). Между тем не менее значим предмет доказывания в качестве «направляющей» применительно к отдельным следственным действиям (включая тактическую их сторону), к разработке частных методик расследования и судебного разбирательства по делам различных категорий.

² См. И. М. Лузгин, Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации, М., 1968, стр. 9; М. Н. Нокербек, Предмет доказывания в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Алма-Ата, 1964, стр. 10.

³ Здесь, как и в дальнейшем изложении, когда употребляется термин «факт» (доказательственный, промежуточный, побочный) имеется в виду содержание сведений или выводов о фактах прошлого, которыми оперируют в процессе доказывания.

мет доказывания по делу. Подобные факты представляют собой «промежуточные тезисы» для установления обстоятельств, входящих в него, либо иные вспомогательные данные.

Например, по делу об убийстве Н. свидетель С. показал, что убийцей был неизвестный ему человек, жену которого зовут Мария (последняя рассказывала, как ее муж совершил убийство).

По делу был проведен ряд следственных действий для того, чтобы выяснить, как зовут жеп лиц, заподозренных в убийстве Н. Разрешение этого вопроса сыграло важную роль в раскрытии убийства. Факт — имя жены обвиняемого — не может быть отнесен к предмету доказывания по делу. Однако этот факт на определенном этапе расследования был предметом внимания следователя, не потерял он значения и в дальнейшем, при проверке и оценке показаний свидетеля С.

Подобного рода вспомогательные факты, устанавливаемые по уголовному делу, в юридической литературе именуют в большинстве случаев «доказательственными фактами».

Однако разные авторы употребляют этот термин в различном смысле. Одни имеют в виду факты, служащие основанием для установления так называемого главного факта¹. Другие вкладывают в этот термин более широкое понятие, относя к доказательственным фактам вообще все факты, дающие возможность установить истину по делу². Существует определение доказательственных фактов как отдельных фактов, из которых познается предмет доказывания³. Наконец, иногда термин «доказательственные факты» связывается с косвенными доказательствами⁴.

Многозначность рассматриваемого термина и связанная с этим возможность терминологических недоразумений обусловила решение именовать в настоящей работе промежуточными факты,

---

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, стр. 366.

² М. П. Шаламов, Теория улик, М., 1960, стр. 9.

³ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 138.

⁴ Из этой формулировки вытекает, что предмет доказывания может быть установлен лишь с помощью доказательственных фактов. С этим, однако, нельзя согласиться.

М. С. Строгович правильно пишет: «Могут быть и такие случаи, когда в деле вообще нет доказательственных фактов и источники сведений о факте прямо указывают на главный факт» («Курс советского уголовного процесса», М., 1958, стр. 162). В приведенное рассуждение следует внести лишь одно дополнение: без посредства промежуточных фактов может быть установлен в некоторых случаях не только так называемый главный факт, но и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, в том числе обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

представляющие промежуточные тезисы относительно конечных тезисов доказывания по уголовному делу¹.

Таким образом, под *промежуточными* следует понимать факты, с помощью которых устанавливаются (или опровергаются) обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу. Как вытекает из сказанного, такого рода факты не входят в предмет доказывания в смысле ст. 15 Основ (ст. 68 УПК РСФСР), так как их установление не составляет цели доказывания, но является лишь средством, с помощью которого эта цель в необходимых случаях достигается².

Если отнести к предмету доказывания и обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, и наряду с ними промежуточные (вспомогательные) факты, это может привести к растворению конечных целей уголовного процесса в деятельности по собиранию этих фактов, превращению последней в самоцель.

Неправильно оценив значение по делу об убийстве Х. такого промежуточного факта, как угроза убийством со стороны У., следователь, установив, что такая угроза имела место, сделал необоснованный вывод о виновности У. в убийстве Х. В действительности факт угрозы сам по себе свидетельствовал лишь о возможной виновности У.

Иногда по конкретному делу мы сталкиваемся с таким явлением, когда факт — составная часть определенного обстоятельства, подлежащего доказыванию, — одновременно служит средством установления другого обстоятельства. Так, в соответствии с п. 1 ст. 68 УПК РСФСР способ совершения преступления — составная часть события преступления. И вместе с тем способ совершения преступления может одновременно служить для установления виновности определенного лица (т. е. играть роль вспомогательного факта).

Однако многостороннее значение одних и тех же фактов реальной действительности ни в коей мере не колеблет принципиального положения о необходимости четко отграничить факты, входящие в предмет доказывания, от промежуточных. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, остаются таковыми неза-

¹ В первом издании настоящей работы говорилось о «побочных или вспомогательных фактах». Отказ от подобной «двойной» терминологии связан с тем, что термин «побочные факты» недостаточно точно выражает их содержание, место в доказывании. Такие факты могут находиться и на прямой, а не только на побочной линии связи между событием и его отдельными обстоятельствами (входить в состав последних).

Детальная классификация вспомогательных фактов дана в § 4 гл. IV. ² См. В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1965, стр. 23—24; Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 31; М. П. Шаламов, Теория улик, М., 1960, стр. 14, и др.

временно от того, что они одновременно могут быть вспомога-
тельным средством установления других важнейших обстоя-
тельств. Это выражает диалектическую взаимосвязь жизненных
явлений¹.

Нельзя поэтому признать убедительной аргументацию М. С.
Строговича, выступающего за отнесение промежуточных фактов
к предмету доказывания, иначе, по его мнению, в качестве та-
ковых «будут использованы факты, которые сами не доказаны
с полной достоверностью»². Мысль о необходимости обеспечить
достоверность фактического материала, используемого для обо-
снования выводов по уголовному делу, совершенно бесспорна³.
Но речь идет о другом: о необходимости при построении и обо-
сновании системы этих выводов отличать конечные, служа-
щие целью доказывания, непосредственной базой для применения
норм уголовного и гражданского права, от промежуточных,
служащих средствами достижения этой цели⁴.

Выделение законодателем предмета доказывания именно как
системы конечных тезисов подтверждается также и тем, что
в законе наряду с понятием «обстоятельства, подлежащие дока-
зыванию» (предмет) используется и более широкое понятие «об-
стоятельств, имеющих значение для дела» (ст. ст. 131, 276, 69,
205 УПК РСФСР). В ст. 131 это понятие расшифровывается
ссылками на ст. ст. 68, 20 и 21: «все другие обстоятельства,
выяснение которых может иметь значение для правильного

---

¹ Если обратиться к логике, то взаимосвязь между обстоятельством,
относящимся к предмету доказывания, и промежуточным фактом можно
приравнять к взаимосвязи между тезисом и аргументом. Одно из правил
доказывания гласит, что аргументы, приводимые в подтверждение те-
зиса, должны быть истинными. Если возникает необходимость в доказа-
тельстве истинности аргумента, он сам должен быть превращен в само-
стоятельный тезис, который надлежит доказать раньше, чем он может
быть использован в качестве аргумента. В этом смысле рассматриваемые
факты и характеризовались выше как «промежуточные тезисы». Однако
это временное превращение аргумента в тезис не означает превращения
его в основной тезис-суждение, которое в конечном счете подлежит дока-
зыванию. Так, промежуточный факт не может превратиться в обстоятель-
ство, подлежащее доказыванию по делу в качестве конечного тезиса,
только потому, что истинность данного факта подвергается проверке.

² М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М.,
1968, стр. 367.

³ «В доказывании факты не могут быть подменены догадками и пред-
положениями» (М. Л. Якуб, Процессуальные проблемы оценки показа-
ний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого. Автореферат докторской дис-
сертации, Л., 1970, стр. 15).

⁴ Подчеркивая именно данный аспект характеристики предмета дока-
зывания, А. М. Ларин определяет последний как «совокупность конкрет-
ных фактов (обстоятельств), служащих основанием для применения норм
уголовного, гражданского и уголовно-процессуального права при разреше-
нии дела» (см. «Проблемы расследования в советском уголовном про-
цессе. Автореферат докторской диссертации», М., 1970, стр. 16).

расследования дела»¹. Таким образом, в число обстоятельств, имеющих значение для дела, включаются: а) обстоятельства, подлежащие доказыванию (предмет доказывания)², б) промежуточные и вспомогательные факты³.

Введение законом самостоятельного понятия обстоятельств, имеющих значение для дела, более широкого, нежели понятие предмета доказывания, направлено на обеспечение полноты, всесторонности, объективности исследования предмета доказывания, достоверности доказательственного материала, который будет положен в основу окончательного решения. Не случайно наиболее полно это понятие раскрывается в статьях УПК, посвященных рассмотрению ходатайств, заявленных при расследовании (ст. 131) и судебном рассмотрении дела (ст. 276). Тем самым создаются оптимальные условия для правильного разрешения ходатайств и определения задач и рамок проведения следственных (судебных) действий. Нельзя, в частности, отказать в ходатайстве о выяснении обстоятельств, которые хотя и не входят в предмет доказывания, но необходимы для проверки полноты и достоверности устанавливающих его доказательств и в этом

¹ Аналогично характеризуются и обстоятельства, имеющие значение для судебного разбирательства (ст. 276).

² Ссылка на ст. 21 наряду со ст. 68 УПК РСФСР, которую сделал законодатель, определяя понятие обстоятельств, имеющих значение для дела, по существу излишня, так как обязанность установления причин и условий, способствующих совершению преступления, закреплена и в ст. 63, включившей, таким образом, указанные причины и условия в предмет доказывания (см. ниже). Что же касается ссылки на ст. 20 УПК, то обстоятельства, имеющие значение для дела, характеризуются в ней с точки зрения полноты и объективности выяснения и исследования (уличающих и оправдывающих обстоятельств). Эта характеристика равно приложима как к обстоятельствам, входящим в предмет доказывания, так и к тем, которые в него не входят (промежуточным, вспомогательным).

³ В рамках этого понятия наряду с промежуточными фактами, охарактеризованными выше как промежуточные тезисы доказывания, могут быть выделены и некоторые другие группы вспомогательных фактов, значимых для доказывания, но не входящих в его предмет. Сюда относятся, в частности, факты, значимые для обнаружения доказательств (установление круга подозреваемых и т. д.) и проверки их достоверности. В число имеющих значение для дела входят, например, факты, характеризующие взаимоотношения свидетеля с участниками процесса; факты, свидетельствующие о нарушениях установленного законом порядка следственных действий; факты, объясняющие причины противоречий в показаниях, и т. д. Необходимость их выяснения вытекает из содержания ст.ст. 74—77 УПК РСФСР. Факты такого рода имеют значение для дела в связи с тем, что они помогают проверке и оценке доказательств, устанавливающих этот тезис (предмет доказывания). Более подробно характеристика и классификация вспомогательных фактов дается в § 4 гл. IV.

смысле имеют значение для правильного разрешения уголовного дела¹.

Все сказанное позволяет отграничивать предмет доказывания от понятия обстоятельств, имеющих значение для дела, как более широкого (включающего и обстоятельства, установление которых — цель доказывания, и промежуточные, вспомогательные факты).

Реализация процессуального значения предмета доказывания предполагает также, что:

а) все обстоятельства, отнесенные к его содержанию, должны быть установлены по каждому делу;

б) предмет доказывания по уголовному делу является общим («сквозным») для всех стадий;

в) выводы, как результат доказывания на определенной стадии, относительно существования (несуществования) определенных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и их совокупности не аннулируют необходимость самостоятельного исследования этих же обстоятельств на последующих стадиях на основе собранных ранее и новых доказательств.

Об этом специально приходится говорить в связи с высказанными в литературе неточными суждениями. В. Т. Томин, например, утверждает, что нормы закона о задачах уголовного судопроизводства и предмете доказывания носят в определенной степени декларативный характер, так как «социалистическое общество (из этого молчаливо исходит законодатель) не развило еще настолько, чтобы цель уголовного процесса достигалась по каждому уголовному делу». По его мнению, важно лишь не превышать «определенный предел» процента казусов, по которым цель не достигается². Следует в этой связи подчеркнуть, что никаких оснований для подобного «толкования мыслей» законодателя не имеется и такой подход может лишь дезориентировать практику. Закон последовательно исходит из возможности и необходимости полного познания следователем и судом существенных обстоятельств по каждому уголовному делу и вынесения на этой основе законного и обоснованного решения по нему³.

¹ Это требование последовательно проводится в судебной практике (см., например, «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 1, стр. 33).

² В. Т. Томин, Понятие и задачи уголовного судопроизводства, «Вопросы борьбы с преступностью», Иркутск, 1970, стр. 76.

³ Внутренне противоречиво утверждение: «Если не представляется возможным с уверенностью сказать, истинным ли стал приговор по делу в части сомнительного обстоятельства в результате истолкования его в пользу осужденного, то имеется возможность сказать, что он стал вследствие этого обоснованным» (В. Г. Заблочкий, О соотношении требований обоснованности и истинности обвинительного приговора с правилом о толковании сомнений в пользу подсудимого, «Вопросы борьбы с преступностью», Иркутск, 1970, стр. 100). Представляется, что категория обоснованности приговора не может противопоставляться его истинности.

«Трудности установления истины на предварительном следствии и в суде есть трудности практического, а не гносеологического свойства, в силу чего они в принципе преодолимы... Данное социальное явление как частица действительности небольшого масштаба, обладающая количественной и качественной определенностью, может быть точно и глубоко познано именно таким, каким оно было в момент совершения»¹.

Нельзя согласиться и с позицией М. Н. Нокербаева, утверждающего, что каждый «субъект доказывания истины» в процессе от следователя и судьи до потерпевшего имеет свой предмет доказывания, являющийся частью единого предмета доказывания по уголовному делу»². Здесь допущено смешение двух вопросов: о роли и функциях субъектов доказывания (осуществляющих его и участвующих в нем) и о предмете доказывания. Различия угла исследования существенных обстоятельств дела, круга тех обстоятельств, в установлении которых заинтересован данный субъект, действительно имеют место. Но исследуется все время один и тот же предмет доказывания.

Л. М. Карнеева полагает, что при очевидности деяния и его последствий в момент возбуждения дела в дальнейшем необходимо доказывание лишь его преступного характера³. Как представляется, при этом не учитывается тот момент, что «модус суждения об одном и том же событии меняется в зависимости от... развития судопроизводства по стадиям»⁴. Иными словами, завершающий вывод о предмете доказывания или отдельных его обстоятельствах, сделанный в одной стадии, есть лишь версия, подлежащая исследованию субъектом доказывания в следующей стадии процесса⁵. Другое дело, что объем и характер такого исследования могут быть различными.

Следует далее рассмотреть еще два важных вопроса:

¹ И. С. Кустов, Принцип объективной истины в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Оренбург, 1970, стр. 34. См. также § 1 настоящей главы.

² М. Н. Нокербаев, Автореферат, стр. 18.

³ Л. М. Карнеева, назв. работа, стр. 35.

⁴ Г. Ш. Берлянд, Методологические и процессуальные основы использования заключения экспертов следователем и судом. Автореферат кандидатской диссертации, Харьков, 1970, стр. 8.

⁵ Сказанное относится и к «ретроспективным» случаям возвращения дела для дополнительного расследования. Бесспорна в этих случаях обязательность указаний суда следователю об устранении фактических пробелов и т. п. Но нельзя согласиться с Ю. В. Кореневским (см. его работу «Роль судебной практики в совершенствовании предварительного расследования». Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969, стр. 14—15), который считает, что обязательный характер должны носить и указания об изменении объема обвинения, круга обвиняемых, квалификации и т. д.

а) не могут ли некоторые обстоятельства, входящие в предмет доказывания, устанавливаться в конкретном случае не процессуальным доказыванием, а иным путем¹;

б) означает ли достоверное выявление системы обстоятельств, входящих в предмет доказывания, что тем самым «автоматически» решаются вопросы квалификации и назначения наказания. Иными словами, однозначны ли перечни ст. ст. 68 и 303 УПК РСФСР («Обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу» и «Вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора») или же они фиксируют цели различных сторон исследования события².

На первый из поставленных вопросов следственная и судебная практика дает положительный ответ. Некоторые обстоятельства, предусмотренные ст. 15 Основ (ст. 68 УПК), как «подлежащие доказыванию» и входящие в предмет доказывания, могут быть в конкретном случае выявлены не путем доказывания в процессуальном смысле. Речь идет, в частности, о следующих обстоятельствах:

способность отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими,

некоторые обстоятельства, входящие в событие преступления,

некоторые обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности,

характер и размер ущерба,

некоторые обстоятельства, из числа способствовавших совершению преступления.

Форма выявления этих обстоятельств может быть связана прежде всего с констатацией общеизвестности³ и очевидности того или иного из них⁴ (например, способность взрослого здорового человека отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими; способность человека различать в дневное время

---

¹ Обязательным элементом процессуального доказывания является собирание фактических данных об обстоятельствах, имеющих значение для дела, с помощью следственных или судебных действий.

² Статья 14 Основ (ст. 20 УПК РСФСР) содержит термин «исследование обстоятельств дела», трактуя его как тождественный выявлению.

³ Законодатель использует термин «выявление» в смысле установления (ст. 20 УПК РСФСР). Нами этот термин использован как охватывающий установление обстоятельств дела и путем доказывания в процессуальном смысле и путем использования общеизвестных фактов и фактов, установленных с помощью преюдиций. В свое время Устав Международного военного трибунала специально предусмотрел, что Трибунал будет считать общеизвестные факты установленными, не требуя доказательств (ст. 21).

⁴ «Общеизвестные факты, будучи обстоятельствами конкретных уголовных дел, не подлежат в силу своей общеизвестности доказыванию» (В. Д. Арсеньев, Основы теории доказательств в советском уголовном процессе, Иркутск, 1970, стр. 20; см. также М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 153).

цвет сигнала, показания прибора, наличие кого-либо на линии прицеливания или движения транспортного средства и т. п.). Они могут быть выявлены и актом, имеющим преюдициальное значение для данного дела¹. Подробнее соотношение доказывания (в процессуальном смысле) и других форм достоверного познания и выявления обстоятельств, имеющих значение для дела, рассматривается ниже. Сейчас же, в соответствии с задачами настоящей главы необходимо и достаточно сделать следующие выводы. Во-первых, возможно выявление некоторых из предусмотренных перечнем ст. 15 Основ (ст. 68 УПК РСФСР) обстоятельств не через собиране органом расследования или судом фактических данных, на основе которых делаются затем ретроспективные выводы об этих обстоятельствах, а путем получения этих выводов в «готовом» виде. Во-вторых, речь идет лишь о некоторых обстоятельствах, а не об их системе в целом (в частности, виновность лица всегда должна быть доказана в процессуальном смысле)². В-третьих, в конкретном случае общезвестность наличия признака, свойства, присущего классу объектов в целом, может быть оспорена. Например, может быть выдвинута версия о расстройстве психики, болезни глаз обвиняемого и т. п. В этих случаях «готовый» вывод обязательно проверяется путем доказывания в процессуальном смысле³. Оспорен может быть и вывод, содержащийся в фактоустанавливающем документе, имеющем преюдициальное значение, что влечет те же последствия⁴. С учетом факультативности и ограниченности возможностей использования «готовых» выводов при выявлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания, это наименова-

¹ Речь идет о фактах, установленных вступившим в законную силу: а) решением или определением (постановлением) суда по гражданскому делу по вопросу о том, имело ли место определенное событие или действие (ст. 28 УПК); б) приговором (определением о прекращении дела) (ст. 5 УПК); в) постановлением органа расследования или прокурора о прекращении дела (за исключением случаев, оговоренных в законе, — ст. 5 УПК).

² См. об этом, в частности, «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», М., 1970, стр. 449.

³ «Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела включает в себя исследование психического состояния обвиняемого, если его вменяемость вызывает сомнение» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 3, стр. 18).

⁴ См. подробнее «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 99. Причем, если в результате будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о незаконности или необоснованности ранее вынесенного решения, то до принятия решения по новому делу ставится вопрос об отмене или изменении в установленном порядке соответствующего фактоустанавливающего документа. Если же данные о возможной неправильности последнего не подтвердились, его содержание рассматривается как достоверное.

ние, как представляется, коррективов не требует¹. Причем и в случаях использования таких выводов сужаются — вопреки мнению В. Д. Арсеньева² — пределы, а не предмет доказывания, так как меняется способ установления некоторых обстоятельств, но не содержание их.

Рассмотрим второй вопрос: означает ли достоверное установление фактических обстоятельств дела, составляющих предмет доказывания, одновременно также и квалификацию преступления и избрание меры наказания. Или второе представляет собой иную сторону исследования обстоятельств дела. Иначе говоря, осуществляется ли квалификация и избрание меры наказания путем доказывания (в процессуальном смысле) соответствующих фактических обстоятельств или не сводится к нему, требует иных операций?

Представляется, что с помощью доказывания (получения показаний, проведения осмотров и т. п.) устанавливаются именно фактические обстоятельства дела.

Поскольку эти обстоятельства установлены и картина происшедшего выяснена, она сопоставляется с соответствующим описанием в уголовном законе. Вывод о соответствии или отсутствии соответствия между установленными фактами и признаками, содержащимися в нормах закона, представляет результат логического рассуждения, осуществляемого следователем или судом. Именно поэтому законодатель не включил в перечень ст. 15 Основ, в число элементов предмета доказывания такое понятие, как состав преступления. Напротив, ст. 303 УПК РСФСР возлагает на судью обязанность установить, «содержит ли это деяние состав преступления и каким именно уголовным законом оно предусмотрено».

Таким образом, фактическая сторона преступного деяния, служившая тезисом процессуального доказывания, становится аргументом акта квалификации, устанавливающего наличие или отсутствие состава преступления.

---

¹ В. Д. Арсеньев обоснованно указывает на наличие определенных законом пределов такого использования («Основы теории доказательств в советском уголовном процессе», стр. 22—23). Вместе с тем он допускает неточность, именуя эти пределы объективными и субъективными и соотнося первые с кругом фактов, могущих быть установленными преюдициальным путем, и вторые — с кругом лиц, виновность которых может быть установлена таким же образом.

Не говоря уже о малоудачности предложенной терминологии, «субъективные» пределы использования преюдиции при установлении отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, связаны с фактической стороной действий лиц, ранее осужденных (оправданных, лиц, о которых дело прекращено; лиц, являвшихся участниками гражданского спора), если эта фактическая сторона имеет значение для нового дела, а не с их виновностью.

² В. Д. Арсеньев, цит. работа, стр. 21.

Сказанное относится в равной степени и к избранию преду-
смотренной законом меры наказания. Фактическая мотивировка
вывода (чего требует ст. 314) входит в предмет доказывания,
тогда как сам этот вывод лежит вне предмета и пределов дока-
зывания в процессуальном смысле слова, представляя собой са-
мостоятельную сторону познания в уголовном процессе, бази-
рующуюся на выявлении предмета доказывания, но не сводимую
к нему¹.

Соответственно служат разным целям и перечни, данные
в ст.ст. 68 и 303 УПК РСФСР. Первый из них определяет на-
правления и пределы выявления фактических обстоятельств;
второй предусматривает, что после того, как по делу сделан
вывод о выявлении всей совокупности обстоятельств, составляю-
щих предмет доказывания, суду необходимо: а) проверить пол-
ноту и достоверность выявления их системы (пп. 1, 3, 4 ст. 303);
б) исходя из них квалифицировать деяние по уголовному
закону (п. 2); в) избрать меру наказания (пп. 5, 6); г) разре-
шить гражданский иск (п. 7) и т. д.².

Как было только что показано, формулирование в законе и
выявление в каждом конкретном случае предмета доказывания
направлены на обеспечение неотвратимости справедливого нака-
зания преступников, на реализацию задач уголовно-правовых
мер борьбы с преступностью. Таким образом, и на уровне дан-
ного института судопроизводства видно общее соотношение уго-
ловного права и процесса³. Естественно поэтому, что между со-
держанием норм уголовного права, устанавливающих основания
и условия реализации уголовной ответственности, и содержанием
норм уголовного процесса, устанавливающих предмет доказыва-

¹ См. П. А. Лупинская, Социальная и гносеологическая природа
процессуальных решений, «Советское государство и право» 1970 г. № 3,
стр. 100—104.

² «Сущность преступления, — пишет в этой же связи И. М. Лузгин, —
нельзя отождествлять с его содержанием. Сущностью кражи будет тай-
ное, незаконное, умышленное завладение имуществом... Содержанием
конкретной кражи является некоторая совокупность действий виновного
лица, направленных на завладение имуществом в определенных условиях
места и времени» (И. М. Лузгин, Расследование как процесс познания.
Автореферат докторской диссертации, М., 1968, стр. 10). Используя этот
пример, можно сказать, что содержание события, являющегося предметом
конкретного уголовного дела, познается путем процессуального, или — как
его можно назвать — «информационного» доказывания. Сущность же со-
бытия (квалификация его, степень общественной опасности) познается
путем иных операций, которые можно именовать «логическим» доказыва-
нием, осуществляемым на базе установленных фактических обстоятельств.
Предмет доказывания как раз определяет круг обстоятельств, составляю-
щих эту базу, а перечень ст. 303 УПК — их использование в качестве
аргументов выводов по существу дела.

³ См. об этом соотношении подробнее М. С. Строгович, Курс со-
ветского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 84—93.

ния, существует тесная связь и взаимное соответствие. Это взаимное соответствие касается как круга используемых понятий, описывающих признаки, которые значимы (существенны) в уголовно-правовом и процессуальном отношении, так и их упорядоченности, структуры. При этом уголовно-правовые нормы как бы «задают» параметры доказывания в уголовном процессе¹. В свою очередь процессуальные нормы конкретизируют эти параметры с таким расчетом, чтобы обеспечить полноту, объективность, всесторонность выявления всех обстоятельств, которые затем послужат фактической базой для квалификации и применения наказания². В определенном смысле можно говорить в этой связи и об опосредствовании в предмете доказывания криминологического понятия «типизации взаимодействующей системы личность — среда или, если речь идет о конкретном преступлении, личность — ситуация»³. Это понятие полностью увязывается с уголовно-правовыми признаками, определяющими параметры предмета доказывания.

В частности:

1) в диспозициях норм Особенной части Уголовного кодекса указаны наиболее существенные признаки преступного деяния;

2) нормы Общей части содержат признаки субъекта, дают определения умысла, неосторожности, соучастия, необходимой обороны, крайней необходимости и т. д.;

3) в статьях Общей части перечисляются обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность виновного.

Но сказанное о связи и соответствии содержания уголовно-правовых условий ответственности и уголовно-процессуального предмета доказывания отнюдь не означает тождественности этих понятий. Неодинаковость создается, с одной стороны, за счет того, что процессуальный закон включает в предмет доказывания

---

¹ Для понимания круга тех обстоятельств, которые должны быть установлены по конкретному делу, определяющее значение имеют нормы материального уголовного права (А. А. Пионтковский, К вопросу о теоретических основах советской криминалистики, «Советская криминалистика на службе следствия» 1955 г., вып. 6, стр. 11).

² Поэтому неточной представляется точка зрения, в соответствии с которой процессуальный закон определяет лишь структуру предмета доказывания, а его основное содержание — материальный закон (М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 270; А. М. Ларин, Работа следователя с доказательствами, М., 1966, стр. 15). В действительности процессуальный закон во взаимном соответствии с уголовным законом определяет и содержание предмета доказывания. С другой стороны, уголовный закон влияет и на структуру предмета доказывания.

³ См. С. Б. Алимов, Ситуация совершения преступления и ее криминологическое значение. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1971, стр. 4—10; В. Н. Кудрявцев, Причинность в криминологии, М., 1968; В. В. Пянкратов, Методология и методика криминологических исследований. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969, стр. 8.

обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, хотя не все из них уголовно релевантны, а с другой — за счет различия в круге и уровне конкретизации признаков. Следовательно и суд исследуют единичное событие, которое они должны отграничить от любых событий, а его субъектов — от любых других лиц. Причем вывод о наличии преступления, его характере, виновности, наказании и т. п. должен быть обоснован, т. е. суждение на обобщенном уровне уголовно-правовой нормы должно опосредствоваться конкретным описанием события и действий обвиняемого. Перечень ст. 15 Основ (ст. 68 УПК) обеспечивает именно такое описание.

Различие в уровнях конкретизации при описании материально-правовых признаков (относящихся к составу преступления, предпосылкам ответственности и т. д.) и элементов процессуального понятия предмета доказывания четко усвоено судебной практикой и проявляется в типичном построении приговора. В описательной части приговора все элементы преступного деяния описываются конкретно, с той степенью детализации, которая свойственна языку предмета доказывания, и в терминах этого последнего¹. Это развернутое «фактологическое» процессуальное описание. Затем после слова «то есть» приводится второе, на ином уровне общности описание того же преступного деяния, выражаемое языком нормы материального закона.

Процессуальной конкретизацией, «расшифровкой», уголовно-релевантного понятия «тайное похищение» в случае кражи, например, является описание действий преступника в конкретных терминах: «проник в окно, открыв через форточку шпингалеты, не зажигая света, взял из шкафа пальто и тем же путем вышел» и т. д. После этого следует описание на уровне уголовно-правовой квалификации деяния.

Данная выше общая характеристика предмета доказывания позволяет перейти теперь к анализу его *структуры* — упорядоченного расположения элементов системы в их взаимосвязи², а также *содержания* самих элементов.

Основным нормативным определением обстоятельств, подлежащих доказыванию, является ст. 15 Основ, где указывается, что при производстве дознания, предварительного следствия и разбирательстве уголовного дела в суде подлежат доказыванию:

¹ Здесь уместно отметить, что в языке приговора существует и третий уровень описания, относящийся к изложению содержания промежуточных или иных вспомогательных фактов (см. выше), не входящих в предмет доказывания, но служащих аргументами, на основании которых делается вывод о существовании обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

² См. «Проблемы методологии системного исследования», М., 1970, стр. 57—58.

1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

2) виновность обвиняемого в совершении преступления;

3) обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого;

4) характер и размер ущерба, причиненного преступлением.

Кодексы союзных республик, воспроизводя эти положения, детализировали их. Так, дополнительно предусматривается обязательность доказывания мотивов преступления (применительно к п. 2) и иных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (применительно к п. 3).

Кроме того, дополнительно указано еще на одну группу обстоятельств, подлежащих доказыванию, — обстоятельства, способствующие совершению преступления¹.

Конкретное событие и связанные с ним, подлежащие обязательному выяснению обстоятельства представляют собой совокупность фактов, имевших место в реальной действительности. Эти факты всегда конкретны, поэтому предмет доказывания по определенному делу индивидуален, как индивидуально лицо, совершившее преступление, да и само это преступление². При этом

¹ Кодексы употребляют при этом формулировку: «Подлежат выяснению обстоятельства, способствующие совершению преступления». Однако это не значит, что они не включаются в предмет доказывания, так как ст. 68 УПК РСФСР носит в целом наименование «обстоятельства, подлежащие доказыванию». Иными словами, законодатель применяет здесь термины «выяснение» и «доказывание» в качестве равнозначных (подобно тому, как в ст. 20 УПК используется термин «исследование»). Это и понятно: в процессуальных документах могут излагаться и служить основанием для принятия решений по делу лишь данные, собранные процессуальным путем. Как уже отмечалось выше, использование «готовых» выводов о некоторых фактах, общезвестных или зафиксированных в преюдициальных документах, допускается в относительно небольших пределах и лишь постольку, поскольку эти выводы не противоречат доказательствам, собранным по делу. Поэтому любые рекомендации устанавливать обстоятельства, способствовавшие преступлению, непроцессуальным путем противоречат требованиям установления истины по делу (см., например, В. Д. Арсеньев, указ. работа, стр. 34). Ссылки на то, что следственной и судебной практике известен такой способ собирания соответствующих данных, как обследование условий жизни и воспитания несовершеннолетнего обвиняемого, не опровергают нашей позиции. Речь идет, по существу, о составлении представителями общественности документа (ст. 88 УПК), а равно о выявлении свидетелей, могущих быть допрошенными, а не о том, что результаты обследования могут использоваться вне процессуального порядка доказывания.

² По мнению Л. Я. Драпкина, по степени необходимой конкретизации элементы предмета доказывания могут быть разбиты на три группы. При этом «совершение преступления конкретным лицом, данные о потерпевшем... должны быть отражены в конкретных единичных понятиях», в то время как «событие, способ, мотивы, форма вины и т. д. отражаются в абстрактных понятиях разного уровня общности», а характер и размер ущерба, время и место совершения преступления... в одних случаях отражаются с высокой степенью точности, а в других — в более общем

каждое из упомянутых в законе «обстоятельств» обычно выражается не в одном конкретном факте, а в совокупности их. В то же время наличие обобщенной схемы предмета доказывания направляет деятельность по их установлению таким образом, чтобы не допустить ни существенных пробелов восстановленной картины события, ни загромождения ее несущественными деталями¹.

Следует иметь также в виду, что каждая группа фактических обстоятельств, освещающих в своей совокупности один из вопросов, подлежащих решению по делу и предусмотренных соответствующими пунктами перечня ст. 15 Основ (ст. 68 УПК РСФСР), может в то же время иметь значение для решения других вопросов. Так, обстоятельства, устанавливающие характер и размер ущерба (п. 4), имеют значение для характеристики события преступления (п. 1) и степени ответственности обвиняемого (п. 3).

Процессуальный закон описывает предмет доказывания таким образом, что каждый из его пунктов содержит обобщенное обозначение признаков каждого из соответствующих обстоятельств. При этом предполагается необходимость, исходя из данного в каждом пункте общего понятия, устанавливать и признаки, непосредственно в этой норме закона не обозначенные. Такое «свернутое» компактное описание дает целостное пред-

---

виде («Построение и проверка следственных версий». Автореферат кандидатской диссертации, М., 1972, стр. 7—8). Не говоря уже о том, что автор меняет основание классификации, так как «уровень общности» и «степень точности» не одно и то же, он допускает и другую существенную неточность, смешав уровень общности понятий, использованных законодателем при нормативной регламентации предмета доказывания (он действительно неодинаков), и вопрос о конкретном установлении обстоятельств дела. Здесь уже различается уровень детализации признаков, но событие устанавливается конкретно, а не абстрактно.

¹ Описание предмета доказывания, данное в законе, построено применительно к случаям, когда исследуется событие, состоящее из одного эпизода и совершенное одним лицом. Это прямо вытекает из терминологии закона — о преступлении и обвиняемом говорится в единственном числе. Поэтому при соединении в одном производстве дел о нескольких преступлениях одного лица или о соучастии нескольких лиц в совершении одного или нескольких преступлений: а) предмет доказывания как бы «удваивается», «утраивается» и т. д. применительно к каждому лицу и каждому эпизоду; б) возникает и сквозная задача — исследовать применительно к каждому пункту наличие и характер взаимосвязи и взаимобусловленности различных эпизодов и действий соучастников. В судебной практике обоснованно подчеркивается, в частности, что при производстве по делам о преступлениях, совершенных несколькими лицами, должен быть выяснен характер преступных действий каждого из виновных («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 4, стр. 30). О необходимости дифференцировать и индивидуализировать описание преступных действий каждого обвиняемого, не прибегая к применению стандартных формул в процессуальных документах, см. также «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 206.

ставление о содержании предмета доказывания и его структуре. В то же время оно обуславливает необходимость при определении предмета доказывания по конкретному делу использовать ст. 15 Основ в сочетании с некоторыми другими нормами уголовного и уголовно-процессуального права, как бы продолжающими перечни, даваемые отдельными ее пунктами. Так, существенные признаки события преступления, несомненно, должны быть дополнены фактами, характеризующими потерпевшего (ст. 205 УПК) и последствия содеянного (ст. ст. 205, 314 УПК РСФСР)¹.

С учетом положений ст. 303 УПК РСФСР признаки, устанавливающие виновность (п. 2 ст. 68), должны фиксировать как отношение к содеянному, так и сам факт его совершения данным лицом. Статьи 303, 313, 314 УПК детализируют понятие иных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, специально предусматривая доказывание фактов, индивидуализирующих его личность, а также фактов, обосновывающих вывод о том, что подсудимый — особо опасный рецидивист.

Круг обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, определяется с учетом ст. ст. 38, 39 УК РСФСР, а устанавливая круг обстоятельств, характеризующих событие, виновность, ущерб, мы каждый раз как бы «примеряем» их к конкретному составу преступления. Указанные в законе признаки составов преступления дают возможность конкретизировать требование п. 1 ст. 15 Основ, в котором говорится о событии преступления вообще.

Чем определяется структура предмета доказывания, как он описан в процессуальном законе? Представляется, что последовательность расположения, как и группировка обстоятельств, подлежащих доказыванию, осуществлена законодателем прежде всего исходя из правовых последствий (целенаправленности) выявления соответствующих обстоятельств. В самом деле, первые два пункта перечня обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и часть третьего пункта² предусматривают фактические основания для вывода о наличии преступления и вины лица и, следовательно, для применения конкретной уголовно-правовой квалификации деяния (события преступления как результата виновных действий лица). Та часть третьего пункта, которая говорит об обстоятельствах, влияющих на степень и

---

¹ Причем в ряде случаев оказывается необходимым установить не только ближайшие, немедленно наступившие, но и более отдаленные, отсроченные во времени последствия, если они охватывались (должны были, могли охватываться) предвидением виновного: смерть потерпевшего в результате нанесенных телесных повреждений (ст. 108 УК РСФСР); самоубийство, расстройство душевной деятельности, прерывание беременности потерпевшей в результате изнасилования (ст. 117 УК) и т. д.

² Требуемая индивидуализация личности обвиняемого.

характер ответственности, предусматривает фактические основания для индивидуализации наказания. Четвертый пункт ст. 15. Основ (ст. 68 УПК), охватывающий характер и размеры ущерба, направляет производство по делу на выявление обстоятельств, релевантных для разрешения гражданского иска¹.

Наконец, последняя группа обстоятельств, входящих в предмет доказывания, — обстоятельства, способствующие совершению преступления, — предусматривает выявление фактических обстоятельств, имеющих значение (релевантных) для применения норм процессуального права, регламентирующих профилактическую работу по материалам дела².

Последовательность описания в законе каждой из названных групп обстоятельств соответствует последовательности, в которой они используются при решении дела (ст. ст. 303, 321 УПК РСФСР): сначала разрешаются вопросы о наличии преступления, вине лица, квалификации, затем — о наказании, потом — о гражданском иске и, наконец, — об устранении причин и условий, способствовавших преступлению³.

В свою очередь структура той части предмета доказывания, которая охватывает уголовно-релевантные обстоятельства (пп. 1—3 ст. 68 УПК), в основном следует принятому в теории уголовного права делению состава преступления на четыре элемента: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Так, п. 1 приведенного перечня сконструирован исходя из необходимости обеспечить установление всех обстоятельств, существенных для решения вопроса о наличии или отсутствии

¹ Одновременно п. 4, как отмечалось, обеспечивает конкретизацию требования п. 1 о доказывании события преступления и п. 3 о доказывании степени ответственности.

² Установление ряда относящихся сюда фактов одновременно предусматривается пп. 1 и 3 ст. 15 Основ, так как они носят уголовно-релевантный характер (неправомерное действие потерпевшего, стечение тяжких личных или семейных обстоятельств и т. п.). Вместе с тем нерасчлененное выделение в структуре предмета доказывания всей совокупности обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в качестве самостоятельной группы еще раз подтверждает тезис о принципе, которым руководствовался законодатель, размещая элементы предмета доказывания, исходя из целенаправленности выявления тех или иных обстоятельств и последовательности решения на их базе вопросов применения права.

³ Было бы вместе с тем неправильным предположение, что последовательность описания в законе элементов предмета доказывания строго соответствует последовательности, в которой надо вести их установление. Конечно, детальное исследование обстоятельств, индивидуализирующих ответственность, способствовавших совершению преступления и т. п., имеет смысл (а нередко и возможно) лишь после того, как собраны достаточные доказательства относительно события преступления. Однако некоторые из этих обстоятельств устанавливаются как бы «попутно», уже при собирании названных доказательств.

объекта и объективной стороны, п. 2 — субъекта и субъективной стороны состава. Та часть п. 3, в которой идет речь об иных обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого, направлена на индивидуализацию субъекта преступления. Что касается п. 3 в той его части, которая охватывает обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности, то большинство из описываемых обстоятельств имеет комплексный характер¹. Поэтому они не «привязаны» к обстоятельствам, составляющим событие преступления, характеризующим виновность субъекта и т. д., а выделены в самостоятельную группу уточняющих ответственность обстоятельств. Такое построение предмета доказывания еще раз подтверждает сказанное выше о тесной взаимосвязи институтов уголовного и уголовно-процессуального права.

Может возникнуть вопрос, почему не выделены в самостоятельные группы внутри предмета доказывания обстоятельства, наличие которых влечет вывод: а) об отсутствии оснований для продолжения производства по делу (ст. 5 УПК); б) об утрате деянием или лицом общественной опасности, которая имела место в момент события (ст. 6); в) о достаточности применения мер, заменяющих уголовное наказание (ст. ст. 7—9). Представляется, что все эти обстоятельства — как и те, которые фиксируют возможность применения соответствующих норм уголовного и гражданского права к данному случаю (с учетом действия закона во времени и в пространстве, наличия иммунитета и т. п.) — не выделены законодателем при рубрикации предмета доказывания, так как не образуют целостного «набора» признаков. Они выясняются применительно к виновности определенного лица, индивидуализации субъекта преступления и его ответственности.

Предмет доказывания, описанный в ст. 15 Основ, един для всех стадий уголовного судопроизводства². Все стадии целенаправлены на его достоверное и полное выявление. Одни, основные (предварительное расследование и судебное разбирательство) — непосредственно, путем доказывания всего круга обстоятельств, входящих в предмет доказывания; вторые, «обеспечи-

¹ Например, п. 1 ст. 38 УК (предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления) относится и к объективной и к субъективной стороне деяния; п. 7 ст. 38 (совершение преступления несовершеннолетним) — и к субъекту и к субъективной стороне (особенности мотивации) и т. д.

² За исключением стадии исполнения приговора, в которой доказывание как бы «отвечается» от основного его направления при производстве по уголовному делу, имея конечную (а не промежуточную) цель локального характера обеспечить своевременное начало и прекращение исполнения приговора и устранить все возникающие при его исполнении сомнения и неясности. Поэтому стадия исполнения приговора имеет свою «автономную» совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию, в зависимости от вопроса, который подлежит решению.

вающие» (возбуждение дела, передача суду) — опосредствованно, путем доказывания некоторых из этих обстоятельств в пределах, необходимых для выяснения оснований и условий начала или продолжения производства¹; третьи, контрольные (производство в кассационной и в надзорной инстанциях, возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам) — опосредствованно, путем доказывания наличия или отсутствия оснований к пересмотру приговора, определения, постановления².

Отсюда важный в практическом отношении вывод: ни одно обстоятельство, которое должно быть выяснено судом (в том числе обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности), не может игнорироваться следователем или откладываться выяснением до судебного следствия.

Иногда предпринимаются попытки сконструировать «особые» предметы доказывания для дел о преступлениях определенных категорий, а равно для дел о применении принудительных мер медицинского характера; дел, прекращаемых производством; дел

¹ Например, решение о возбуждении уголовного дела базируется на установлении признаков преступления, т. е. некоторых фактов, описанных в пп. 1, 2 ст. 15 Основ. Это понятно, так как устанавливаются лишь основания для производства следствия, в ходе которого предмет доказывания будет исследован целиком (подробнее см. Л. М. Карнеева, Г. М. Миньковский, Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия, «Вопросы предупреждения преступности», вып. 4, 1966, стр. 83—85). Вместе с тем применительно к «обеспечивающим» стадиям речь всегда идет об установлении определенной совокупности фактов, из числа входящих в предмет доказывания, а не каких-то иных. В указанном отношении решения, принимаемые по результатам доказывания в этих стадиях, отличаются от некоторых других промежуточных решений (об избрании меры пресечения, обыска и т. п.), которые могут основываться и на вспомогательных фактах.

² Судебная практика в точном соответствии с законом подчеркивает, в частности, что надзорная инстанция не вправе устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены судом первой инстанции или отвергнуты им, либо выходить за пределы обвинения, сформулированного в приговоре («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 4, стр. 28). Точно так же подчеркивается, что, возвращая дело на новое расследование, суд не вправе предрешать вопрос о достоверности того или иного доказательства и о преимуществах одних доказательств перед другими, а должен указать те обстоятельства, которые подлежат выяснению («Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1969 г. № 10, стр. 7).

С учетом изложенного представляется весьма спорным определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 31 марта 1969 г. («Бюллетень» 1969 г. № 8, стр. 10), опубликованное под тезисом: «при решении вопроса о снижении наказания в порядке надзора судебные органы должны учитывать поведение осужденных в местах лишения или замены наказания более мягким в порядке ст. 44 Основ уголовного законодательства, надзорная инстанция, оценивая законность и обоснованность избранной меры наказания, должна исходить из круга фактических обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

несовершеннолетних¹. Такой подход представляется, однако, необоснованным.

Что касается предмета доказывания по делу определенной категории, то он, конечно, имеет специфику (главным образом за счет детализации описания события, мотивов и причин действий виновного), но это — специализация в рамках единого предмета доказывания, а не вне этих рамок². Например, предмет доказывания по делу об изнасиловании включает факт полового сношения (попытки к нему), насильственный его характер, вид примененного насилия, количество участников, характер последствий и т. д. Нетрудно убедиться, что речь идет о конкретизации понятий, использованных в ст. 15 Основ (ст. 68 УПК): «событие преступления», «обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности» и т. д., применительно к составу, охарактеризованному ст. 117 УК РСФСР³. Поэтому перечни вопросов, подлежащих выяснению при расследовании и судебном разбирательстве дел о преступлениях различных категорий, предлагаемые в криминалистической литературе, всегда базируются на процессуальном определении единого предмета доказывания по уголовному делу, по существу комментируя его⁴.

Что касается дел, прекращаемых производством, то основания прекращения всегда связаны либо с отсутствием самого события,

---

¹ См., например, В. Д. Арсеньев, Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса, «Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству», Иркутск, 1970, стр. 59—69; А. М. Ларин, Проблемы расследования в советском уголовном процессе. Автореферат докторской диссертации, М., 1970, стр. 16—17, и др.

² «Хотя преступления весьма многообразны и совершаются в различных условиях и разными людьми, в них в то же время много общего, особенно в преступлениях одного вида. В еще большей мере общее проявляется в преступлениях определенной категории и преступлениях, совершенных одинаковым способом» (Р. С. Белкин, Ю. И. Краснобаев, О предмете советской криминалистики, «Правоведение» 1967 г. № 4, стр. 93). Соответственно существуют объективные предпосылки для более развернутого по сравнению со ст. 15 Основ, но на ее базе описания предмета доказывания применительно к делам определенной категории.

³ Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «расшифровываются» путем описания соответствующих фактических обстоятельств такие признаки события, как применение угрозы, использование беспомощного состояния потерпевшей, особо тяжкие последствия и т. д. В то же время особо оговаривается, что факт злоупотребления доверием потерпевшей (ложное обещание вступить в брак) не должен включаться в предмет доказывания («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», М., 1970, стр. 453—455).

⁴ В прошлом некоторые авторы пытались сконструировать перечни вопросов, подлежащих выяснению следователем и судом, исходя из неких абстрактных формул («семичленная», «девятичленная» и т. д.). Такой подход не обеспечивал, однако, полного, всестороннего, объективного выяснения всего круга фактических обстоятельств, имеющих значение для дела.

наличие которого предполагалось; либо с отсутствием какого-то элемента события, с которым закон связывает характеристику объективной стороны конкретного состава преступления; либо — с недостижением лицом возраста уголовной ответственности, невменяемостью; либо с такой совокупностью обстоятельств, которая обосновывает вывод о применимости меры, заменяющей уголовное наказание, и т. д. Нетрудно видеть, что установление этих обстоятельств осуществляется в рамках одного или нескольких пунктов ст. 15 Основ (ст. 68 УПК)¹. Другое дело, что в ряде случаев (но не во всех²) для установления оснований прекращения дела нет необходимости устанавливать все обстоятельства, входящие в предмет доказывания: необходимо и достаточно установить обстоятельства, с которыми закон связывает невозможность продолжать производство по делу. Но речь идет об «усеченном» предмете доказывания, предусмотренном ст. 15 Основ, а не о каком-то самостоятельном предмете доказывания.

В свою очередь ст. 392 УПК РСФСР («Обстоятельства, подлежащие установлению по делам несовершеннолетних») содержит формулировку о необходимости «обратить особое внимание на выяснение следующих обстоятельств». Иными словами, норма эта сконструирована как детализирующая ст. 68 УПК, а не заменяющая ее. Да и сам перечень этих обстоятельств (возраст несовершеннолетнего; условия жизни и воспитания; причины и условия, способствовавшие совершению преступления; наличие взрослых подстрекателей или иных соучастников) целиком «укладывается» в пп. 2, 3 и ч. 2 ст. 68 УПК РСФСР³.

Наиболее специфичен вопрос о круге обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по применению принудительных мер медицинского характера. Дело в том, что, строго говоря, это производство, хотя и регламентировано (по соображениям, которые здесь не рассматриваются) уголовно-процессуальным законом, но не является производством по уголовному

¹ Так, прекращение дела по п. 2 ст. 5 Основ (за отсутствием в деянии состава преступления) предполагает исследование круга обстоятельств, предусмотренных пп. 1, 2, 4 ст. 15 Основ, в результате которого констатируется отсутствие одного из обязательных элементов состава, т. е. доказывается отрицательный по отношению к нему факт. См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 1, стр. 19; № 4, стр. 26.

² Прекращение дела по основаниям, предусмотренным ст.ст. 10, 50—52 УК РСФСР (ст.ст. 6—9 УПК), предполагает необходимость исследования предмета доказывания в полном объеме. «Постановление (определение) о прекращении уголовного дела по этим основаниям должно содержать не менее детальный, чем в обвинительном заключении (приговоре), анализ доказательств» («Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 19).

³ См. подробно Г. М. Миньковский, Особенности расследования и судебного разбирательства дел о несовершеннолетних, М., 1959.

делу — здесь нет фигуры обвиняемого. Однако, поскольку основанием применения принудительных мер медицинского характера является факт совершения лицом общественно опасного деяния, круг обстоятельств, подлежащих установлению, описывается законодателем также на базе единого определения, данного в ст. 15 Основ. Предусмотрено, в частности, выяснение обстоятельств общественно опасного деяния (п. 1 ст. 68); совершения его данным лицом («усеченный» — п. 2 ст. 68); наличия, степени и характера душевного заболевания, поведения лица до и после совершения деяния («усеченный» — п. 3 ст. 68); характера и размера ущерба (п. 4 ст. 68).

Выше уже неоднократно отмечалась взаимосвязь уголовно-процессуального и уголовного права при регламентации и описании предмета доказывания. Отсюда анализ содержания и значения понятий и терминов, раскрывающих содержание предмета доказывания, по необходимости требует установления их связей с понятиями и терминами уголовного закона, описывающими признаки преступления. С тем чтобы избежать в дальнейшем неопределенности и многозначности языка и обеспечить последовательность рассмотрения упомянутых связей, примем следующие значения уголовно-релевантных понятий и обозначающих их терминов.

Все множество взаимосвязанных признаков, характеризующих преступление, может быть разделено на три группы (три подмножества).

1. Признаки состава преступления, определяющие наличие основания уголовной ответственности. К их числу относятся признаки деяния, описанные в диспозиции (и ее частях, если диспозиция сложная) Особенной части Уголовного кодекса, включая указание на объект посягательства¹. Сюда относятся также все те признаки, которые содержатся в Общей части УК и дополняют диспозицию, также являясь основаниями уголовной ответственности.

Среди этих признаков могут быть выделены универсальные, т. е. относящиеся ко всем преступлениям, такие, например, как виновность, достижение возраста уголовной ответственности. Эти признаки образуют ядро. Другая группа признаков — региональные — относится лишь к некоторым преступлениям. Например, конкретные формы деяния (действия и бездействия), формы вины (умысел и неосторожность), специальная противоправность (нарушение правил безопасности движения и других специальных правил), степень завершения преступного деяния (покушение, приготовление), наличие или отсутствие соучастия,

¹ Указание на объект иногда содержится в заголовках глав Уголовного кодекса.

специальные признаки субъекта (должностное лицо, военнотру-
жащий и т. д.)¹.

2. Признаками, выражающими предпосылки уголовной ответственности, являются: течение давности, соответствие территории действия Уголовного кодекса, некоторые особые свойства субъекта (например, дипломатический иммунитет), наличие или отсутствие изменений обстановки и личности, упоминаемые в ст. 50 УК РСФСР.

Предпосылки определяют возможность реализации уголовной ответственности.

3. Обстоятельства, влияющие на степень и характер уголовной ответственности, поскольку они не входят в качестве признаков конкретной диспозиции или ее части. От этих признаков не зависит наличие или отсутствие уголовной ответственности и возможность ее реализации, а только решение вопроса о наказании в пределах санкции статьи УК².

Особое место в системе уголовно-релевантных понятий занимают такие, как общественная опасность деяния и связанные с ней понятия необходимой обороны, крайней необходимости.

Общественная опасность деяния, строго говоря, является не его отдельным признаком, а сложной характеристикой, основанной на оценке всех признаков состава преступления, степени и характера ответственности. Особо оговаривает закон лишь один параметр этой характеристики, упоминая малозначительность (ст. 7 УК) в качестве основания, исключающего уголовную ответственность³.

Наличие или отсутствие необходимой обороны и крайней необходимости в конкретном случае также определяется совокупностью ряда объективных и субъективных признаков деяния, предполагая, в частности, сопоставительную оценку защищаемого блага и последствий деяния; характера защиты и характера (опасности) посягательства.

¹ Причем может оказаться необходимым включить в предмет доказывания и релевантные факты следующего «уровня», устанавливающие наличие еще более детализированных специальных признаков субъекта. Так, по одному делу в предмет доказывания необходимым оказалось включить факты, устанавливающие, какую службу — конвойную или караульную — несет дежурный по контрольно-пропускному пункту и отсюда — регулируются ли его обязанности уставом гарнизонной или караульной службы (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 5, стр. 14).

² Или о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом.

³ Законодатель использует термин малозначительность и в ином смысле: для описания преступлений, виновные в которых могут быть преданы товарищескому суду (ст. 51 УК). Там он обозначает уже не отсутствие общественной опасности, а ее небольшую степень, но и в этом случае малозначительность будет суммарной характеристикой деяния, а не его обособленным признаком.

Сказанное позволяет сделать некоторые выводы относительно обеспечения полноты конструирования предмета доказывания в конкретном случае.

Во-первых, при конкретизации положений пп. 1, 2 ст. 15 Основ (ст. 68 УПК РСФСР) необходимо иметь в виду не только универсальные, но и региональные признаки состава, подлежащие установлению через фактические обстоятельства дела¹. Во-вторых, в рамках доказывания события и виновности должно исследоваться и наличие предпосылок уголовной ответственности². В-третьих, для решения вопроса о малозначительности деяния, наличии необходимой обороны и крайней необходимости надо опираться на всю совокупность обстоятельств, предусмотренных пп. 1—4 ст. 15 Основ, а не на отдельные признаки. Наконец, необходимость установления всей совокупности обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности, надо иметь в виду и при выяснении обстоятельств, предусмотренных пп. 1, 2, 4 ст. 15 Основ, не ограничивая рамки доказывания только признаками состава преступления³.

§ 3. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ

Перейдем теперь к последовательному рассмотрению структуры предмета доказывания, описанного в ст. 15 Основ (ст. 68 УПК РСФСР), с точки зрения содержания каждого его элемента.

Описание в законе предмета доказывания открывается указанием на *«событие преступления»* (время, место, способ и

---

¹ В науке уголовного права предложено деление элементов состава преступления, характеризующих его объективную сторону, на две группы: обязательные, т. е. присущие каждому составу преступления, и факультативные, т. е. такие, которые фигурируют только в ряде составов преступления (А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, М., 1951, стр. 170—247). С позиций теории доказательств представляется, однако, предпочтительным говорить об универсальных и региональных признаках с тем, чтобы исключить отождествление «факультативных» с необязательными и подчеркнуть, что все уголовно-релевантные признаки должны учитываться при определении предмета доказывания в конкретном случае. Надо отметить также, что отнесение времени, места, способа и т. п. признаков деяния к «факультативным» признакам состава вообще неточно, ибо они подлежат доказыванию и являются уголовно-релевантными по каждому делу. Таким образом, понятия региональных и «факультативных» признаков не совпадают по объему и содержанию.

² Значительная их часть устанавливается в качестве общеизвестных фактов, но некоторые необходимо доказывать.

³ Иными словами, перечень обстоятельств, предусмотренный п. 3 ст. 15 Основ, надо иметь в виду и при доказывании события, виновности, ущерба.

другие обстоятельства совершения преступления). В широком смысле речь идет о понятии, выражающем совокупность всех признаков противоправного общественно опасного, виновного и наказуемого деяния.

Однако уголовно-процессуальный закон, определяющий обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу, понимает «событие преступления» более узко¹. Отдельно от «события преступления» говорится о «виновности обвиняемого» (п. 2), «характере и размере ущерба» (п. 4). В связи с этим необходимо уточнить область применения и содержание названных «сопряженных» терминов, применяемых в процессуальной и уголовно-правовой теории с тем, чтобы обеспечить обозначение одинаковых понятий одинаковыми же терминами² или, по крайней мере, оговорить условность некоторых из них (строго говоря, «событие преступления» = «преступное событие» = «преступление»)³.

Речь идет прежде всего о необходимости нейтрализовать многозначность употребления терминов «событие», «состав» в языке уголовно-процессуального закона, уточнив их значение, в том числе для случаев доказывания отрицательных фактов. Представляется целесообразным, в частности, следующим образом интерпретировать соответствующие указания УПК (см. таблицу).

Таким образом, термин «событие преступления», присущий языку уголовно-процессуального закона, условно используется

¹ См. п. 1 ст. 15 Основ и п. 1 ст. 68 УПК РСФСР. Так как п. 1 ст. 68 УПК дословно повторяет п. 1 ст. 15 Основ, в дальнейшем для удобства изложения даются ссылки только на п. 1 ст. 68 УПК.

Уголовно-процессуальный закон так трактует понятие события преступления не только при определении обстоятельств, подлежащих доказыванию. Например, если обратиться к ст. 5 Основ (ст. 5 УПК РСФСР), определяющей обстоятельства, исключющие производство по уголовному делу, то можно видеть, что здесь раздельно формулируются такие основания, как «отсутствие события преступления» (п. 1 ст. 5) и «отсутствие в деянии состава преступления» (п. 2 ст. 5). Из этого следует, что законодатель использует понятие «событие преступления» в том смысле, что это событие может наличествовать, и в то же время в деянии обвиняемого, вызвавшем это «событие преступления», может отсутствовать состав преступления. При ином толковании нельзя объяснить, зачем введено такое основание, как «отсутствие в деянии состава преступления», если уже раньше сформулировано всеобъемлющее основание — «отсутствие события преступления».

² На необходимость решения этой задачи правильно указывалось в статье Л. М. Карнеевой «Об уточнении обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу» («Советская юстиция» 1968 г. № 24, стр. 16—17).

³ В ст.ст. 213, 303 УПК в отличие от ст.ст. 5 и 68 законодатель отчетливо разграничивает понятия: событие, наличие которого предполагалось; событие, соответствующее по характеру и последствиям объективной стороне состава; событие (деяние), в котором имеется состав преступления. Названная последовательность в целом отражает последовательность исследования обстоятельств дела при доказывании.

Ситуация	Принятое в УПК обозначение	Рекомендуемая интерпретация
1. Предполагалось, что совершена кража, но вещь нашлась	«Отсутствие события преступления» (п. 1 ст. 5)	Отсутствие события, наличие которого предполагалось
2. Лицо добилось близости с женщиной путем обмана (ложного обещания жениться), в связи с чем поступило заявление с просьбой привлечь его к ответственности за изнасилование	«Отсутствие состава преступления» (п. 2 ст. 5)	Событие (действие лица) не запрещено уголовным законом
3. «Кража» совершена лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности	«В отношении лица, не достигшего...» (п. 5 ст. 5)	Событие по своему характеру и последствиям соответствует объективной стороне состава, но отсутствует субъект последнего
За. При необходимой обороне нанесены телесные повреждения (диспозиция ч. 1 ст. 112 УК)	«Отсутствие состава преступления» (п. 2 ст. 5)	Событие по своему характеру и последствиям соответствует объективной стороне состава, но отсутствует субъективная сторона последнего и объект
4. Смерть последовала от удара молнии или вследствие действий только самого потерпевшего	«Отсутствие состава преступления» (п. 2 ст. 5)	Отсутствует субъект и субъективная сторона состава преступления
5. Подозревавшееся в убийстве лицо «не причастно» к убийству, которое совершено другим лицом	«Отсутствие состава преступления» (п. 2 ст. 5)	Отсутствие состава преступления в действиях данного лица

для обозначения круга обстоятельств, характеризующих в основном существенные признаки объективной стороны и объекта преступления¹. В этой интерпретации событие преступления

¹ В. Д. Арсеньев отметил в связи с этим, что круг обстоятельств, обозначенных в УПК как «событие преступления», значительно шире, нежели круг обстоятельств, имеющих уголовно-релевантное значение для характеристики объекта и объективной стороны преступного деяния, «поскольку без этого мы во всех случаях не можем считать полностью доказанным событие преступления в целом» («Вопросы общей теории судебных доказательств», М., 1964, стр. 31). В первом издании настоящей работы это положение было нами поддержано.

охватывает далеко не все уголовно-релевантные обстоятельства и его доказанность сама по себе не означает обоснованности суждения о наличии или отсутствии состава преступления¹.

При доказывании обстоятельств, обозначенных в УПК как событие преступления, всегда надлежит устанавливать деяние, последствия и наличие причинной связи между первым и вторым. Распространенной является ошибка, когда следователь (иногда суд) факты, которые могут быть лишь признаком последствий деяния, неосновательно оценивает как «событие преступления». Например, недостача материальных ценностей у заведующего складом может быть объяснена растратой, кражей, убылью в результате естественных причин, последствием небрежного хранения и т. д. Между тем иногда на практике факт недостачи необоснованно оценивается как «событие преступления». Вышестоящие суды неуклонно отменяют подобные неправосудные приговоры.

В большинстве случаев существование события, предположение о наличии которого послужило основанием к возбуждению уголовного дела, устанавливается в начале следствия (пожар, насильственная смерть лица, труп которого обнаружен; исчезновение товаров и т. п.). Вместе с тем есть дела, где вопрос о событии, по поводу которого возбуждено дело, решается только в конце следствия, после выяснения ряда промежуточных обстоятельств. Например, по делам о так называемых «убийствах без трупа» требуется проверить до конца все версии, объясняющие исчезновение данного лица; по делам о взяточничестве нередко факт передачи денег или ценностей удается установить только по совокупности собранных по делу данных и т. д. Важно, однако, подчеркнуть, что по любому делу существование события, а тем более факты, устанавливающие, что событие, послужившее осно-

---

Представляется необходимым, однако, внести одно уточнение. В. Д. Арсеньев прав в том смысле, что, конечно, многие (большинство) обстоятельства, обозначенные как «событие преступления», не упоминаются непосредственно в нормах Особенной части УК в качестве признаков соответствующего состава. Нельзя, однако, забывать, что уголовный закон дает весьма концентрированное, «свернутое» описание состава, подразумевающее, необходимость раскрытия таких понятий, как тайное похищение чужого имущества, убийство и т. п., применительно к задаче достоверного установления их наличия или отсутствия. Поэтому в конечном счете вся совокупность обстоятельств, существенных для «события преступления» как элемента предмета доказывания, существенна и для установления наличия или отсутствия объекта и объективной стороны преступного деяния.

¹ Состав преступления можно рассматривать как конъюнкцию — логически необходимую совокупность признаков (элементов) понятия, отсутствие хотя бы одного из которых влечет те же последствия, что и отсутствие всей совокупности. На уровне процессуального доказывания составу соответствует круг обстоятельств, названных в пп. 1, 2 (отчасти и в пп. 3, 4) ст. 68 УПК, а отнюдь не только в п. 1 («событие преступления»).

ванием к возбуждению уголовного дела, соответствует по характеру и последствиям объективной стороне определенного состава, не может рассматриваться как уже данное. Эти факты, происшедшие в прошлом, всегда должны включаться в предмет доказывания. Практике известен ряд ошибок, причиной которых было именно то, что вопрос о доказанности события, приписываемого обвиняемому, игнорировался, а положения, содержащиеся в постановлении о возбуждении уголовного дела, рассматривались как бесспорные.

Из сказанного выше и из самого содержания п. 1 ст. 68 УПК РСФСР видно, что «событие преступления» необходимо рассматривать как сложное понятие, состоящее в свою очередь из ряда элементов, перечень которых дается законом. Причем надо иметь в виду, что перечень этот не является исчерпывающим. Он не упоминает, например, такого важного элемента, как содержание, характер самого события (речь идет о совокупности фактов, по которым можно будет установить, например, имело ли место тайное или открытое похищение чужого имущества). Это обстоятельство отнюдь не всегда раскрывается суммой названных в п. 1 ст. 68 элементов. Иными словами, для полного раскрытия содержания п. 1 ст. 68 в каждом конкретном случае надо руководствоваться не только указанной статьей, но и соответствующими нормами УК¹. Причем в некоторых случаях, например при совокупности деяний, при инсценировке, осуществленной преступником, содержание, характер события будут определяться не одной, а несколькими системами фактов, которые могут взаимоподкрепляться, быть нейтральными относительно друг друга, взаимно противоречить. Соответственно при определении предмета доказывания приходится руководствоваться не одной, а несколькими нормами Особенной части УК (хотя, в конечном счете, версия о наличии некоторых составов может быть опровергнута)².

Установление содержания, характера события (действия или бездействия), его участников предполагает установление обстоятельств, указывающих на объект преступления и предмет посягательства, ибо подлинный характер расследуемого деяния без этого не может быть раскрыт. Установление непосредственного объекта и предмета посягательства — одно из необходимых условий правильной квалификации совершенного преступления.

Определить объект преступления практически означает найти в ходе доказывания ответы на вопросы: 1) кому причинен ущерб преступлением; 2) на что было направлено преступное

¹ Помня при этом о «свернутом» характере уголовно-правовых дефиниций.

² На что правильно указывает И. М. Лузгин («Автореферат», стр. 10).

посягательство¹. При этом ответ на первый вопрос связан с исследованием обстоятельств, составляющих событие преступления. Выяснение же второго вопроса переплетается с выяснением обстоятельств, относящихся к виновности обвиняемого (к субъективной стороне преступления).

Что касается установления места и времени события, то помимо функции индивидуализации и конкретизации (о чем говорилось выше) эти обстоятельства могут также иметь значение для квалификации. В этом случае они обычно выступают как существенные признаки противоправности совершенного преступления².

По некоторым делам место и время совершения преступления могут иметь значение отягчающих или смягчающих вину обстоятельств либо оснований применения давности.

Необходимая степень конкретизации количественной характеристики времени события может быть неодинакова для различных уголовных дел. Так, в одних случаях доказанность обвинения не вызывает сомнений, если будет точно установлен день совершения преступления. В других — раскрытие преступления невозможно без того, чтобы не был установлен точно час, а иногда и минуты совершения преступления.

Детализированное установление времени совершения преступления очень важно, когда возникает вопрос об алиби, о наличии негативных относительно определенной версии обстоятельств и т. п. Аналогичная ситуация возникает и в связи с разделением ответственности между несколькими обвиняемыми по поводу, например, халатности или выпуска недоброкачественной продукции, имевшего место в определенный период, в течение которого разные лица в различное время занимали должность, связанную с ответственностью за эти факты.

В то же время в других случаях важно установить лишь время начального и конечного моментов преступной деятельно-

¹ По мнению В. Н. Кудрявцева, «если субъект преступления непосредственно предстает перед судом, объективная сторона деяния, как правило, фиксируется в показаниях свидетелей, обвиняемого и т. п. и даже субъективная сторона преступления нередко находит прямое отражение в показаниях обвиняемого, то об объекте преступления приходится судить лишь на основании остальных признаков содеянного» («Теоретические основы квалификации преступлений», М., 1963, стр. 165). Это мнение представляется спорным. Как и любой другой элемент состава, объект деяния устанавливается, исходя из определенного круга фактических обстоя-

² Примером преступных деяний, элементом состава которых является время совершения преступления, могут служить деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 70, ч. 2 ст. 81, ст. 82 УК РСФСР.

Примером преступления, элемент которого составляет место совершения преступного деяния, могут служить деяния, предусмотренные ст.ст. 163, 166, 169.

сти подсудимого. В таких случаях не требуется точно определить время совершения каждого из эпизодов преступной деятельности.

Степень конкретизации пространственных координат события (места совершения преступления) также неодинакова для различных дел.

В одних случаях раскрыть преступление невозможно, не установив место его совершения с точностью, измеряемой сантиметрами. В других — место совершения преступления может быть определено лишь в форме наименования населенного пункта, указания железнодорожной станции и т. п.¹

Событие преступления не может считаться достаточно выясненным также, если не установлен способ совершения преступления. Способ представляет собой комплекс совершаемых преступником в определенной последовательности действий, которые приводят к преступному результату.

Совершение преступления определенным способом подлежит доказыванию не только для полноты освещения события преступления, но и для установления характера события. Так, п. «д» ст. 102 УК РСФСР предусматривает ответственность за умышленное убийство, совершенное способом, опасным для жизни многих людей².

Способ может быть обстоятельством, отягчающим ответственность (п. 7 ст. 39 УК). Установление фактических обстоятельств, связанных со способом совершения преступления, может помочь, наконец, решению вопроса о виновности обвиняемого.

Мы уже говорили, что перечень элементов «события преступления» в п. 1 ст. 68 УПК РСФСР не является закрытым. Это и понятно. Обобщенный, «свернутый» характер описания в законе

---

¹ Для некоторых преступлений существенным признаком является определенное сочетание места, времени и некоторых других фактических обстоятельств, определяющих «обстановку», в которой совершается деяние (например, п. «в» ст. 238 и п. «в» ст. 239 УК упоминают о боевой обстановке; ст.ст. 214—216 — о производстве определенных работ и т. д.). Надо отметить, что в первом издании настоящей работы это понятие трактовалось чрезмерно широко, как тождественное с характером события (см. стр. 204), в то время как оно фактически охватывает лишь конкретные условия, места, времени и т. п., в которых событие произошло.

² Соответственно конкретизируется и круг фактических обстоятельств, подлежащих установлению. Например, «квалификация умышленного убийства, совершенного способом, опасным для жизни многих людей, возможна лишь в том случае, если опасность для жизни многих людей была действительной, а не мнимой или предполагаемой» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 4, ст. 25). Соответственно при доказывании по делам данной категории вопрос о действительности этой опасности подлежит специальному исследованию путем собирания необходимой фактической информации. Таким образом, на конкретном примере вновь подтверждается сказанное выше о взаимообусловленности требований процессуального и уголовно правового законодательства в регулировании доказывания.

предмета доказывания исключает возможность введения в него исчерпывающего перечня элементов.

Вместе с тем указание закона на то, что при установлении «события преступления» кроме места, времени, способа выясняются и «другие обстоятельства», может быть — как это уже было сделано применительно к содержанию события — конкретизировано путем анализа тех понятий, которыми оперирует уголовный и процессуальный законы.

Представляется в связи с этим, что описание элементов, характеризующих событие преступления, может изменяться в конкретном случае в зависимости от стадии осуществления преступления.

Так, при назначении судом наказания за неоконченное преступление учитываются характер и степень общественной опасности действий, реально совершенных виновным, степень осуществления преступного намерения и причины, в силу которых преступление не было доведено до конца. Все эти обстоятельства должны быть выяснены по делу.

К другим обстоятельствам совершения преступления в смысле п. 1 ст. 68, несомненно, относятся обстоятельства, устанавливающие последствия соответствующих действий (бездействия), в том числе характер и размер ущерба. Поскольку, однако, законодатель выделил эти обстоятельства в самостоятельный пункт ст. 68 (п. 4), они будут рассматриваться ниже.

Выше уже отмечалось, что установление обстоятельств события преступления включает и выяснение, в отношении кого (против кого) были совершены соответствующие действия. Это предполагает, в частности, необходимость определения уголовно-релевантных аспектов социального статуса потерпевшего (должностное лицо; лицо, падающее в зависимости от обвиняемого, и т. д.). В ряде случаев оказывается необходимым включить в предмет доказывания и содержание действий потерпевшего, предшествовавших или осуществлявшихся одновременно с преступными (например, характер поведения потерпевшей по делу об изнасиловании или взрослого, избитого подростками после совместной выпивки). Эта группа фактов также охватывается понятием «другие обстоятельства совершения преступления».

К этой группе близко примыкают, а в некоторой части и «перекрывают» ее факты, включенные в предмет доказывания, в связи с установлением события, если возникает версия о необходимости обороны (ее превышении) или крайней необходимости¹. Здесь значимыми являются такие факты, как наличие нападения

¹ Эти действия могут, в частности, явиться поводом к преступным действиям, т. е. поступкам, пересекающимся с линией поведения действующего субъекта и воспринимаемым им как помеха, препятствие на пути достижения какого-либо интереса или, наоборот, как поощрение

(другой реальной опасности), сила и интенсивность действий нападающего, момент их прекращения и т. д.

Входят в характеристику события и факты, устанавливающие потерю преступным деянием характера общественно опасного в связи с изменением обстановки, после чего дело подлежит прекращению по ст. 6 УПК РСФСР.

Обстоятельствами, свидетельствующими об изменении обстановки, могут быть события, относящиеся в целом к стране, но могут быть и местные условия. Большим, исключительно важным событием, изменившим оценку многих фактов, было, например, окончание Великой Отечественной войны. В масштабе определенной местности это может быть окончание стихийного бедствия, восстановление связи, снабжения и т. д. В последних случаях соответствующие обстоятельства могут и не носить характера общеизвестных, и поэтому их надо доказывать.

Наконец, в круг существенных элементов, охватываемых понятием «другие обстоятельства», входит и внешняя характеристика соучастия в тех случаях, когда оно имеет место. Ведь соучастие выражается в определенных действиях (бездействии) соответствующих лиц, и эти действия, выражающие вину этих лиц, есть в то же время часть события, а количество участников — его существенная характеристика. Поэтому выяснение того, сколько лиц участвовало в совершении деяния, что конкретно делал каждый из них, необходимо и для характеристики события преступления.

Пункт 2 ст. 15 Основ указывает на такое обстоятельство, подлежащее доказыванию по уголовному делу, как в совокупности обвиняемого в совершении преступления. Статья 68 УПК РСФСР, повторив это положение, дополнила его указанием на «мотивы преступления» (п. 2).

Доказывание этих обстоятельств дает возможность ответить на следующие два вопроса:

совершило ли лицо инкриминируемое деяние;

виновно ли оно в совершении этого преступления.

Если же интерпретировать указания п. 2 ст. 68 УПК через уголовно-правовые понятия, то речь идет об установлении обстоятельств, определяющих лицо, совершившее преступление (субъект), и субъективную сторону преступления¹.

(см. С. Б. Алимов, Автореферат, стр. 15). Понятие и характер повода имеют не только криминологическое, но и уголовно-правовое и процессуальное значение и поэтому фактически могут включаться в предмет доказывания.

¹ Поскольку индивидуализация личности виновного (установление того, что речь идет о конкретном лице, имеющем такую-то фамилию, имя, отчество, год рождения и т. п.) неразрывно связано с установлением виновности, об этой группе обстоятельств мы говорим применительно к п. 2, а не п. 3 ст. 15 Основ.

Обязательные признаки субъекта преступления — вменяемость и достижение определенного возраста. Вместе с тем в теории уголовного права принято выделять составы со специальным субъектом преступления. При наличии версии о наличии именно такого деяния, уголовную ответственность за совершение которого может нести только специальный субъект, факты, устанавливающие, что определенное лицо является (не является) таким субъектом, включаются в предмет доказывания в рамках п. 2 ст. 68.

Что касается достижения определенного возраста, то специально доказывается в силу ст. 392 УПК РСФСР достижение несовершеннолетним возраста уголовной ответственности. В этих случаях необходимо установить точную дату рождения (год, месяц, число). В остальных случаях достаточно установить год рождения (паспортный возраст)¹.

Факт вменяемости субъекта рассматривается, по общему правилу, как очевидный. Если же возникают сомнения, он доказывается (п. 2 ст. 79 УПК РСФСР)².

Наряду с группой фактов, характеризующих «дееспособность» лица как субъекта преступления, в предмет доказывания в той его части, которая описывается п. 2 ст. 68 УПК, включаются факты, устанавливающие субъективную сторону самого деяния.

В случае умышленного совершения преступления необходимо установить содержание умысла, охватываются ли им фактические признаки происшедшего события, которые характеризуют его общественную опасность. По делам о преступлениях, совершенных по неосторожности, подлежат доказыванию обстоятельства, дающие возможность ответить на вопросы: должен ли был и мог ли обвиняемый предвидеть последствия своих действий (в случаях небрежности), действительно ли обвиняемый, предвидя возможность наступления последствий, легкомысленно рассчитывал их предотвратить (в случаях самонадеянности).

Иногда вместо виновности данного обвиняемого выясняются лишь обстоятельства, которые позволяют дать ответ на вопрос, может ли обвиняемый нести ответственность за это событие в силу своего служебного положения, особого отношения к потерпевшему и т. д. И хотя эти обстоятельства не являются искомыми с точки зрения предмета доказывания по уголовному делу, они

¹ Если возникает версия о том, что в силу задержки развития лицо, имеющее паспортный возраст (14—16 лет), фактически не достигло интеллектуально-волевого уровня, свойственного этому возрасту, в предмет доказывания включаются и обстоятельства, характеризующие наличие и величину этой задержки, от чего может зависеть решение вопроса о виновности («Научно-практический комментарий к УПК РСФСР», М., 1970, стр. 501).

² Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела включает и исследование психического состояния обвиняемого, если его вменяемость вызывает сомнения («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 3, стр. 18).

иногда принимаются за основание для вывода о виновности. При таком подходе, например, автоматически признается виновность: лечащего врача в смерти больного; лица, ответственного за технику безопасности, — в аварии; водителя — за всякое столкновение автотранспорта; материально ответственного лица — за всякую недостачу материальных ценностей и т. д.

Нетрудно видеть, однако, что обстоятельства, характеризующие должностное положение обвиняемого или особое его отношение к потерпевшему, указывают лишь на возможность совершения им действий, обусловивших данное событие, но не обосновывают сами по себе виновность данного обвиняемого.

Признаком, характеризующим субъективную сторону преступления, является также мотив совершения преступления. В ряде случаев мотив совершения преступления имеет значение для квалификации деяния. Так, при расследовании дела о подлоге, совершенном должностным лицом, установление корыстных мотивов дает основание для квалификации преступления по ст. 175 УК; установление факта совершения убийства на почве кровной мести позволяет квалифицировать преступление по п. «к» ст. 102 УК и т. д. В других случаях мотив совершения преступления имеет значение отягчающего или смягчающего обстоятельства и т. д.¹

Но в любом случае в соответствии с требованиями процессуального закона мотив входит в предмет доказывания безотносительно к значению для квалификации, так как без этого невозможно правильно решить вопрос о степени общественной опасности преступления и личности виновного².

В частности, в постановлении «О судебной практике по делам об умышленном убийстве» Пленум Верховного Суда СССР подчеркивает, что, «указывая мотивы преступления, суды не должны ограничиваться формулировками в виде неопределенной ссылки на низменные побуждения, а должны в каждом отдельном случае конкретно указывать, в чем именно заключались эти побуждения»³.

В процессуальной литературе прошлых лет высказывалась точка зрения, что в некоторых случаях дело может быть разрешено без установления мотива⁴. На практике это приводило

¹ Верховный Суд СССР специально указывает на значение мотива преступления для решения вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», стр. 523).

² Законодатель вновь оговаривает обязательность указания мотивов преступления применительно к обвинительному заключению (ст. 205 УПК) и приговору (ст. 314 УПК).

³ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», стр. 444—445.

⁴ А. Я. Вышинский, Судебные речи, М., 1948, стр. 179; Г. Р. Соловьев, М. Л. Шифман, Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР, М., 1948, стр. 10.

к недооценке важности исследования по делу мотивов умышленного деяния, к преувеличению практических трудностей их установления.

В действительности нельзя говорить о каких-либо принципиальных препятствиях на пути выяснения мотива преступления. Речь может идти лишь о тех трудностях, которые возникают по ряду конкретных дел. Но они преодолимы, так как характер и способ действия лица, его предшествующее и последующее за совершением преступления поведение, особенности личности и другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания, позволяют в конечном счете выявить и мотивы преступного действия. Именно ссылками на объективно существующие обстоятельства, связанные с событием (а не только на показания обвиняемого), должен обосновываться вывод о мотивах — как и о субъективной стороне деяния в целом — и в итоговых процессуальных документах.

В предмет доказывания по делу входят также обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, указанные в ст. ст. 38, 39 УК РСФСР, а также иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (п. 3 ст. 15 Основ, п. 3 ст. 68 УПК РСФСР). Знание этих обстоятельств, выходящих за рамки конкретных составов преступлений, обязательно для индивидуализации ответственности.

Смягчающие обстоятельства не исчерпывающе перечислены в законе. Смягчающими могут быть признаны и обстоятельства, не указанные в ст. 38; что же касается отягчающих, то в ст. 39 УК дан исчерпывающий их перечень. Соответственно определяется и круг обстоятельств, входящих в предмет доказывания по конкретному делу. Причем в некоторых случаях законодатель предусматривает необходимость установления не отдельных обстоятельств, а определенных комплексов их. Так, совершение преступления впервые может быть признано смягчающим обстоятельством при условии, что преступление не представляет большой общественной опасности и что оно является случайным эпизодом в жизни данного человека. Принимается во внимание как отягчающее обстоятельство совершение нового преступления лицом, взятым на поруки, лишь в том случае, если новое преступление совершено в течение срока порук или в течение года после окончания этого срока.

Известные теоретические и практические трудности представляет интерпретация указания п. 3 ст. 68 УПК на необходимость устанавливать кроме обстоятельств, указанных в ст. ст. 38 и 39 УК, также и иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Прежде всего по своему буквальному смыслу это понятие охватывает, по крайней мере, две группы обстоятельств: а) индивидуализирующие, отличающие данное лицо от всех дру-

гих (устанавливающие его личность) — фамилия, имя, отчество, место рождения и т. д.; б) характеризующие его как члена общества. Несомненно, что применительно к п. 3 ст. 68 УПК имеется в виду именно последняя группа обстоятельств; обстоятельства же, устанавливающие личность, значимы, как уже отмечалось, применительно к п. 2 ст. 68.

В каком соотношении находятся обстоятельства, указанные в ст.ст. 38 и 39 УК, и иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого? Решение этого вопроса необходимо для определения круга обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

Представляется, что в перечне ст.ст. 38 и 39 обстоятельства, характеризующие личность виновного, раскрываются либо через ситуацию деяния, либо через состояние лица (возраст, беременность), опять-таки оказывающее влияние на характер деяния. «Иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого», тоже по существу обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности, но на другом «уровне». Они дают социально-психологическую характеристику лица, показывают его отношение к социальным обязанностям, наличие и степень нравственной деформации личности. Исходя из этих обстоятельств (отношение к труду, коллективу, долгу члена общества и т. д.), можно установить, представляет ли совершенное преступление следствие всего поведения лица, всего его отношения к требованиям социалистического общества или же это единичный проступок, противоречащий предыдущему поведению обвиняемого¹.

Ряд обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, одновременно относится и к другим элементам предмета доказывания. Так, исследование личности обвиняемого, его образа жизни, условий воспитания и т. п. может пролить свет на причины, толкнувшие обвиняемого на совершение преступления, и наоборот. Способ совершения преступления, мотив, цель также могут иметь большое значение и в рассматриваемом отношении². Но имеются и такие обстоятельства, которые значимы исключительно для характеристики обвиняемого. К их числу относятся, например, те, которые свидетельствуют об общественно полезной деятельности обвиняемого или, наоборот, о недобросовестном отношении к общественному долгу и т. д.³.

¹ Круг обстоятельств, значимых в этом отношении, может дифференцироваться в зависимости от характера и мотивации содеянного. См. подробнее М. Г. Коршик, С. С. Степичев, Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии, М., 1969, стр. 28—30.

² Для доказывания вины могут быть значимы, в частности, наличие у лица определенных навыков, его физическая сила, рост, состояние здоровья и т. п.

³ См. подробнее А. И. Ларьков, Изучение личности расхитителя и предупреждение хищений на предварительном следствии и в суде

Пленум Верховного Суда СССР в своих постановлениях неоднократно подчеркивал важность выяснения по делу этих обстоятельств. В постановлении от 19 июня 1959 г. Пленум указал на ошибки судов, связанные с недостаточным выяснением обстоятельств, характеризующих обвиняемого на производстве и в быту, его прошлую деятельность и другие обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения вопроса о назначении наказания, а в некоторых случаях и для решения вопроса о целесообразности предания обвиняемого суду¹. В постановлении от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» Пленум вновь подчеркнул, что недостаточно указывать в приговоре на то, что наказание назначено с учетом личности, необходимо излагать конкретные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого², и т. д.

Обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, играют важную роль при разрешении судом вопросов: подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; какое именно наказание должно быть назначено подсудимому и подлежит ли оно отбытию (пп. 5, 6 ст. 303 УПК РСФСР). Эти обстоятельства должны быть изложены в обвинительном заключении и в приговоре.

Практически по конкретному делу устанавливается определенная система указанных обстоятельств, причем в зависимости от количественной и качественной их характеристики, а также взаимоотношений (усиливающего, ослабляющего, нейтрализующего) возможны четыре «уровня» их учета³:

а) названные обстоятельства учитываются при выборе санкции среди установленных законом альтернатив, но в пределах данной конкретной санкции (ст. ст. 37, 44 УК РСФСР);

б) обстоятельства, предусмотренные ст. 38 УК, и иные обстоятельства, характеризующие личность, обосновывают выбор санкции ниже низшего предела, установленного законом для данного преступления, или применение условного осуждения (ст. ст. 43, 44 УК);

Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970, стр. 12; Ю. В. Манаев, Судебное исследование обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1968, стр. 5

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», стр. 223, 225.

² Там же, стр. 522.

³ Строго говоря, этот вопрос относится уже к сфере не «информационного» доказывания, а логических операций, осуществляемых следователем и судом на базе установленных фактических обстоятельств дела, по квалификации содеянного и избранию меры наказания (см. выше). Однако описываемые четыре «уровня» учета индивидуализирующих обстоятельств значимы и для определения границ предмета доказывания с точки зрения полноты. Они обязывают следователя и суд, в частности, к установлению всей совокупности индивидуализирующих обстоятельств, имея в виду все уровни их возможного использования, а не один из них.

в) обстоятельства, предусмотренные ст. 38 УК, и иные обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, служат основанием к освобождению лица от уголовного наказания с заменой его иными мерами (ст. ст. 51, 52 УК РСФСР).

г) лицо признается полностью утратившим общественную опасность, не требующим исправления и перевоспитания и не подлежащим поэтому ни уголовному наказанию, ни заменяющим мерам (ст. 50 УК РСФСР)¹.

Пункт 4 ст. 15 Основ (п. 4 ст. 68 УПК) включает в предмет доказывания ущерб, причиненный преступлением, причем особо упоминается о «характере» ущерба. В прямой связи с этим находится требование, чтобы в описательной части обвинительного заключения (и приговора) содержалось указание на последствия преступления (ст. ст. 205, 314 УПК РСФСР)². Поскольку п. 1 ст. 68 не упоминает о последствиях в качестве существенного элемента события³, а необходимость их включения в предмет доказывания сомнений не вызывает, очевидно, что соответствующее требование выражено именно в п. 4 этой статьи. Иными словами, он несет «двойную» нагрузку: обеспечивает доказывание перечисленной в нем совокупности обстоятельств и как элементов события — оснований для уголовно-правовой квалификации, и как оснований для решения гражданско-правовых вопросов.

В последнем случае помимо характера и размера ущерба выясняется: имело ли место действие, причинившее ущерб, имеется ли причинная связь между данным действием и нанесенным ущербом, совершил ли это действие обвиняемый и предвидел ли он или должен был предвидеть последствия своих действий⁴.

¹ Установление совокупности смягчающих обстоятельств, обуславливающих необходимость их учета на третьем и в особенности на четвертом «уровне» по своим правовым последствиям, по существу уже не является «квантифицирующим» (уточняющим), т. е. дифференцирующим и индивидуализирующим уголовно-правовую санкцию. Эта совокупность обстоятельств обосновывает замену уголовного наказания иными мерами или даже полное устранение уголовной ответственности.

² Только УПК Казахской ССР упоминает о «последствиях» наряду с «ущербом».

³ Предпочтительным представлялось бы включение последствий в перечень элементов события (п. 1) и ограничение п. 4 только обстоятельствами, связанными с характером и размером материального ущерба. Частичное дублирование понятий отвечало бы «двойному» значению указанных обстоятельств по делу и их последовательному использованию для обоснования решения.

⁴ Обстоятельства, обосновывающие вывод о причинении последствий именно действиями обвиняемого, как и виновный характер этих действий относительно последствий, исследуются для того, чтобы определить, есть ли состав преступления в действиях обвиняемого (п. 2 ст. 68). Поэтому они не влекут обычно специального доказывания каких-либо обстоятельств применительно к решению гражданского иска,

При доказывании обстоятельств, устанавливающих последствия преступления, исследуются две их группы — ближайшие, непосредственные, и «производные». К ближайшим относится, например, материальный ущерб, причиненный кражей, к «производным» — самоубийство потерпевшей под влиянием переживаний, связанных с предшествовавшим изнасилованием¹.

Во всех случаях участия в деле гражданского ответчика в предмет доказывания войдут факты, относящиеся к его обязанности возместить ущерб, причиненный обвиняемым. Причем круг такого рода фактов также весьма разнообразен. Так, в случае привлечения родителей несовершеннолетнего обвиняемого в качестве гражданских ответчиков следует конкретно выяснить, в чем именно состоит вина родителей в ненадлежащем воспитании.

По каждому делу должны доказываться обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ст. 68 УПК РСФСР).

Преступление всегда в той или иной мере выражает антиобщественные намерения субъекта, которые под влиянием конкретных обстоятельств сформировались в преступный умысел или преступную неосторожность.

Намерения человека, его взгляды, привычки в конечном итоге формируются внешней средой, окружением, создаются жизненными обстоятельствами его индивидуального бытия. «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное»².

Далее, реализация преступных намерений в общественно опасном деянии возможна, если в окружающей обстановке будет существовать совокупность определенных условий³.

С учетом сказанного можно наметить схему обстоятельств, способствовавших совершению преступления, которые подлежат доказыванию:

- 1) обстоятельства, приведшие к формированию антиобщественных, индивидуалистических взглядов и привычек;
- 2) обстоятельства, приведшие к превращению этих взглядов и привычек в преступный умысел или преступную неосторожность;

¹ Значение последствий обеих групп всегда связано с доказанностью того, что они охватывались (могли, должны были охватываться) предвидением обвиняемого.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 171.

³ Зависимость человеческого поведения от окружающей среды не означает, что соответствующие условия индивидуального бытия с фатальной неизбежностью ведут определенное лицо к совершению преступления. Связь окружающей среды и поступков человека опосредствуется сознанием, играющим активную роль.

3) обстоятельства, создавшие благоприятные условия для подготовки и совершения общественно опасного деяния, а также для достижения преступного результата.

Речь идет об обстоятельствах, которые, будучи причинами и условиями данного преступления, могут служить таковыми для новых преступлений, т. е. их выявление и устранение обеспечит реализацию в рамках конкретного дела общей задачи судопроизводства — способствовать предупреждению и искоренению преступлений. Поэтому, давая определение причин и условий, способствующих совершению преступления, как элемента предмета доказывания, следует в данной части пересмотреть традиционное утверждение, что в предмет доказывания при расследовании и судебном разбирательстве входят лишь обстоятельства, имевшие место в прошлом. Для того чтобы принять меры к предупреждению преступления, недостаточно установить обстоятельства, способствовавшие его совершению, требуется выявить, продолжают ли существовать данные обстоятельства и могут ли они быть причиной или условием для других преступлений.

Исследуются, в частности:

а) взгляды и привычки обвиняемого, послужившие базой для возникновения мотива и умысла, в том числе привычка к употреблению алкоголя, наркотиков, связь с преступной средой, ведение паразитического образа жизни и т. д.¹;

б) условия воспитания и формирования сознания, обстановка в семье, влияние производственного коллектива;

в) характер связей и знакомств, ближайшее бытовое окружение, круг лиц, имевших влияние на правонарушителя.

Разумеется, в предмет доказывания включаются только обстоятельства, значимые для проведения профилактической работы на момент производства по делу. Нет, например, оснований к детальному исследованию обстоятельств, сформировавших в свое время (10—15 лет назад) антиобщественные взгляды и привычки лица, ставшего затем рецидивистом. Необходимо и достаточно исследовать причины рецидива².

Вместе с тем надо оговорить и другой момент: подлежат установлению в тех пределах, о которых сказано выше, не только

---

¹ В работе В. К. Звирбуля, В. Н. Кудрявцева, А. И. Михайлова, Р. Д. Рахунова, Н. А. Якубович «Выявление причин преступления и принятие предупредительных мер по уголовному делу» (М., 1967, стр. 7—16) эти три группы обстоятельств носят несколько иные наименования: неблагоприятные условия нравственного формирования личности, поводы к совершению преступления, обстоятельства, способствующие достижению преступного результата.

² А. С. Шляпочников, О классификации обстоятельств, способствующих совершению преступлений, «Советское государство и право» 1964 г. № 10; «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 98—99.

содержание и причины формирования антиобщественных взглядов и привычек лица, как и возникшего на этой базе мотива и умысла (отрицательный пример, подстрекательство и т. п.), но и условия, облегчившие и ускорившие этот процесс. Например, не-удовлетворительное состояние организации досуга несовершенно-летних по месту жительства само по себе не формирует антиоб-щественные взгляды и привычки конкретных подростков, но, спо-собствуя беспорядочному, бесцельному времяпрепровождению, облегчает действие конкретных источников вредных влияний.

Многие обстоятельства такого рода играют в преступлении двоякую роль, способствуя как формированию, так и реализации мотива и умысла. Причем, когда лицо находит в окружающей обстановке условия, благоприятствующие совершению преступле-ния, это не только создает для него реальную возможность осу-ществить свои намерения, но такого рода обстоятельства служат своеобразным «катализатором»¹ в процессе превращения анти-общественных намерений в преступный умысел, а затем — в осу-ществление последнего. Например, ненадлежащая охрана госу-дарственного имущества на конкретном предприятии, с одной стороны, создает у неустойчивых членов коллектива представ-ление о «легкости» и «безопасности» хищений, т. е. ускоряет формирование умысла на преступление, способствует подавлению контрмотивов, а с другой — способствует выбору и реализации конкретного способа преступления.

Обязанность следователя и суда состоит не только в том, чтобы вскрыть условия, создавшие преступнику возможность со-вершить преступление, но и в том, чтобы выяснить причины существования подобных условий (в том числе недостатки кон-трольно-ревизионной и оперативной работы, административного надзора и т. п.).

При расследовании дела и при судебном разбирательстве не-редко обнаруживаются обстоятельства, которые не находятся в связи с данным преступлением, но могут быть причинами или условиями совершения других преступлений. В предмет дока-зывания по данному делу они не входят. Когда есть для этого достаточные основания, возбуждается новое уголовное дело и исследование обнаруженных обстоятельств производится по этому делу. В тех случаях, когда таких оснований нет и данные обстоя-тельства могут и должны быть проверены соответствующими должностными лицами, руководителями учреждений, предприя-тий или организаций, необходимые материалы направляются им для производства проверки (ст. 113 УПК РСФСР).

¹ В. И. Курляндский, К вопросу об изучении причин и условий, способствующих совершению преступлений, «Труды Военно-политической академии им. В. И. Ленина», вып. 17, М., 1957, стр. 122; В. Н. Кудряв-цев, Причинность в криминологии, М., 1968, стр. 101—105; «Криминоло-гия», М., 1968, и др.

Применительно к обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления (причинам и условиям), должна быть установлена вся совокупность их, а не одно-два обстоятельства, «лежащие на поверхности». Причины и условия эти устанавливаются не в общей форме («недостатки воспитательной работы»), а в конкретном их проявлении относительно данного лица¹.

Значительная часть обстоятельств, способствовавших совершению преступления, выясняется уже при исследовании события преступления, мотивов его, обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности. Однако это не опровергает правомерность выделения законодателем соответствующей группы обстоятельств в структуре предмета доказывания. Во-первых, часть указанных обстоятельств значима для дела именно в связи с профилактической работой по его материалам². Во-вторых, ч. 2 ст. 68 УПК РСФСР обеспечивает полноту доказывания совокупности указанных обстоятельств, так как обязывает иметь их в виду и при исследовании события, виновности, характера и степени ответственности.

Общее представление о содержании и структуре предмета доказывания дает приводимая ниже таблица (стр. 182—183).

В таблице в 1-й графе обозначено, к каким элементам ст. 68 УПК РСФСР относится тот или иной признак предмета доказывания.

Чтобы отличить универсальные признаки от региональных (см. выше, стр. 161), номера последних обозначены в виде дроби с нулем в знаменателе (например $\frac{6}{0}$).

Рассмотрение структуры предмета доказывания, определенного законодателем, и его элементов позволяет решить вопрос о допустимости и необходимости использования бытующего в некоторых процессуальных работах понятия «главный факт». Каково соотношение этого понятия и понятия предмета доказывания?

---

¹ Это положение также ограничивает круг обстоятельств, входящих в предмет доказывания: по конкретному делу исследуется не вообще состояние воспитательной работы в школе, на предприятии, не вообще деятельность органов, осуществляющих профилактическую работу, и т. п., но именно недостатки воспитательной работы с данным лицом, причины, по которым не было предупреждено данное преступление.

² Поэтому чрезмерно категорично утверждение Г. Г. Зуйкова (поддержанное авторами названной работы «Выявление причин преступления...») о практической невозможности разграничить доказывание обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого или предусмотренных ст.ст. 38, 39 УК РСФСР, и обстоятельств, способствовавших совершению преступления, так как они неразрывно связаны, а в ряде случаев совпадают («Выявление в процессе расследования причин и условий, способствующих совершению преступления, и принятие мер к их устранению», М., 1964, стр. 11). В действительности это относится далеко не ко всем названным обстоятельствам.

Т а б л и ц а
структуры предмета доказывания и его связи с условиями
уголовной ответственности

Предмет доказывания в терминах ст. 68 УПК РСФСР	Признаки, конкретизирующие термины ст. 68, восполненные на основании уголовного закона и других статей УПК	Относится к:		
		основаниям уголовной ответственности	предпосылкам уголовной ответственности	квантификации
1	2	3	4	5
п. 1 ст. 68	1. Понятие конкретного вида преступления, выраженное наименованием или описанием	+		
	2. Время	+	+	+
	3. Место	+	+	+
	4. Способ совершения преступления	+		+
п. 4 ст. 68	5. Характер и размер ущерба (непосредственные последствия)	+	+	+
п. 1 ст. 68	6/0. Последствия (производные)	+	+	+
	7/0. Личность потерпевшего	+		+
	8/0. Специальная противоправность (нарушение правил и т. п.)	+		
	9/0. Внешние обстоятельства, связанные с необходимой обороной	+	+	+
п. 1 ст. 68	10/0. Обстоятельства, связанные с крайней необходимостью	+		
	11/0. Обстоятельства, характеризующие стадию осуществления преступления	+		
	12/0. Внешние обстоятельства соучастия	+		
	13/0. Изменение обстановки, влекущее утрату общественной опасности деяния или лица		+	

Анали
свидетел
понимает
навлива
опасного
ответстве
вающие

Предмет доказывания в терминах ст. 68 УПК РСФСР	Признаки, конкретизирующие термины ст. 68, восполненные на основании уголовного закона и других статей УПК	Относится к:		
		основаниям уголовной ответствен- ности	предпосылкам уголовной ответствен- ности	квантифи- кации
1	2	3	4	5
п. 2 ст. 68	14. Форма вины (умысел или неосторожность)	+		
	15/0. Мотивы преступления	+		+
	16. Достижение возраста ответственности	+		+
	17. Вменяемость	+		
	18/0. Признаки специального субъекта	+		+
	19. Обстоятельства, индивидуализирующие виновного субъекта	+		
п. 3 ст. 68	20. Смягчающие и отягчающие обстоятельства			+
	21. Обстоятельства, характеризующие личность, в том числе и позволяющие освободить от уголовной ответственности по ст.ст. 51, 52 УК РСФСР		+	+
ч. 2 ст. 68	22. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления			

Анализ имеющихся в литературе определений главного факта свидетельствует о том, что различными авторами этот термин понимается по-разному: то как совокупность обстоятельств, устанавливающих (опровергающих) факт совершения общественно опасного деяния, виновность обвиняемого, характер и степень ответственности¹; то только как обстоятельства, устанавливающие (опровергающие) общественно опасное деяние и

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 192—195; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 149 и др.; А. И. Винберг, Г. М. Мпильковский, Р. Д. Раху-

виновность¹; то как совокупность всех обстоятельств, подлежащих установлению по делу². Уже то, что рассматриваемое понятие не имеет однозначного определения, таит в себе существенное неудобство. Далее, если стать на точку зрения, что главный факт — это лишь некоторые обстоятельства из числа входящих в предмет доказывания, то напрашивается вывод о наличии наряду с «главным», фактов, которые «менее существенны», «не главные»³. По этому же основанию представляются неверными и попытки «напрямую» отождествить процессуальное понятие главного факта и уголовно-правовое понятие состава преступления⁴. При такой трактовке «главного» факта создается неустрашимая опасность неполноты установления существенных обстоятельств, поскольку, во-первых, круг уголовно-релевантных фактов включает и ряд обстоятельств, не устанавливающих состав, а во-вторых, значение обстоятельств, подлежащих доказыванию, отнюдь не сводится только к их значению для применения уголовно-правовых норм. Например, по делам о хищениях такие обстоятельства, как бесхозяйственность, запущенность учета, не относятся к устанавливающим состав преступления — хищения, и все же они должны быть отнесены к предмету доказывания по делу о хищении, если между ними и хищением существует причинная связь (для установления способа действий преступ-

---

нов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1936, стр. 7 и др. В. Д. Арсеньев к главному факту относит все факты, имеющие уголовно-правовое значение, т. е. все фактические обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 68 УПК; он исключает из понятия главного факта лишь обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ч. 2 ст. 68) (В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1964, стр. 21 и 22).

¹ М. П. Шаламов, Теория улик, М., 1960, стр. 14.

² П. И. Люблинский, Вступительная статья к работе Дж. Стифена «Очерк доказательственного права», СПб., 1910, стр. XXVIII.

³ Например, М. С. Строгович («Курс советского уголовного процесса», М., 1958, стр. 197) при определении предмета доказывания вынес за рамки главного факта такие обстоятельства, как последствия преступления, в том числе характер и размер ущерба, а также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. И. М. Лузгин («Автореферат докторской диссертации», стр. 9) отнес установление обстоятельств, содействовавших совершению преступлений, к тому же уровню, что и решение «тактических задач» следствия.

⁴ Такую попытку предпринял, в частности, М. А. Чельцов, предложивший разграничить предмет доказывания в «узком» и «широком» смысле слова («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 129). Под предметом доказывания в «узком» смысле слова М. А. Чельцов понимает обстоятельства, образующие состав преступления, а в «широком» смысле слова — всю совокупность обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 68 УПК. По существу аналогичную позицию занял В. П. Резепов («Комментарий к УПК РСФСР 1960 г.», Л., 1962, стр. 78). Нетрудно заметить, что выделение предмета доказывания в «узком» смысле есть не что иное, как модифицированная форма выделения главного факта.

ников (п. 1 ст. 68 УПК), обстоятельств, способствовавших совершению преступления (ч. 2 ст. 68), и др.)¹.

Таким образом, по любому делу равно необходимо выяснить все обстоятельства, входящие в предмет доказывания, тем более, что как уже отмечалось, данные, устанавливающие обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, размер ущерба, отягчающие и смягчающие обстоятельства, имеют в то же время значение и для установления события преступления, виновности и т. д.

Если же исходить из того, что главный факт — это совокупность всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, то тогда это понятие совпадает с понятием «предмета доказывания». Поэтому в этом случае отпадает теоретическая и практическая необходимость его использования, достаточно применять термин, использованный законодателем: обстоятельства, подлежащие доказыванию (предмет доказывания).

Определяя предмет доказывания, действующий закон перечисляет обстоятельства, подлежащие доказыванию, без деления их на различные группы по степени важности и, наоборот, подчеркивает необходимость установления всей их совокупности. Эта принципиальная позиция, полностью отвечающая требованиям социалистической законности, должна последовательно проводиться и в теории доказательств².

Следователь и суд устанавливают содержание предмета доказывания по конкретному делу, отправляясь от требований, содержащихся в уголовно-процессуальном законе. При этом

---

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», стр. 408.

² Отстаивая допустимость и целесообразность использования понятия главный факт, М. С. Строгович пишет, что из него отнюдь не вытекает трактовка других обстоятельств, входящих в предмет доказывания как «неглавных». «Понятие главного факта, — пишет он, — означает лишь, что именно его установление есть непосредственная задача доказывания и пока главный факт не доказан, дело не может считаться правильно разрешенным» («Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 365). Однако дело не может считаться правильно разрешенным и при установлении последствий преступления, ущерба, обстоятельств, способствовавших совершению преступления, которые М. С. Строгович почему-то отделил от главного факта. Неосновательно по существу и обусловлено смешением обстоятельств, подлежащих доказыванию, с промежуточными, вспомогательными фактами и утверждение М. С. Строговича о том, что все обстоятельства, подлежащие доказыванию, но не входящие в главный факт, имеют значение лишь постольку, поскольку они связаны с главным фактом, доказывают или опровергают его (там же).

Конечно, если не доказаны обстоятельства, устанавливающие, например, состав преступления, лишено смысла решение вопроса об индивидуализации наказания или гражданском иске. Однако при доказанности состава преступления другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания, равно необходимы для принятия законного и обоснованного решения по делу.

представление относительно круга конкретных обстоятельств, которые следует установить, носит вначале ориентировочный характер и уточняется, детализируется, дополняется в ходе производства по делу. Таким образом, определение предмета доказывания следователем и судом, как бы «примеряющими» общие требования ст. 68 УПК к конкретному событию, подлежащему исследованию, не может рассматриваться как разовое действие, и соответственно выводы, к которым следователь и суд при этом приходят, — как окончательные и не подлежащие изменению.

Даже предъявляя обвиняемому законченное производство, следователь может выявить новые обстоятельства, входящие в предмет доказывания, но ранее не расследованные, что влечет продолжение следствия с соответствующим уточнением границ предмета доказывания. Аналогичная возможность существует и на судебном следствии. При этом вопросы, связанные с определением круга фактов, подлежащих дополнительному исследованию, должны решаться столь же тщательно, объективно, всесторонне, как и вопросы, возникающие при первоначальном определении предмета доказывания.

В свое время А. Я. Вышинский писал, будто в правилах советского судопроизводства нельзя найти ответ на вопрос, какие обстоятельства имеют для дела значение¹. Иными словами, проводилась мысль, что попытки определить, «какие обстоятельства могут иметь значение для дела», обречены на неудачу.

В действительности, уголовно-процессуальный закон устанавливает определенный круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждому уголовному делу, т. е. дает общее, родовое определение предмета доказывания, реализуемое в предмете доказывания по конкретному делу. Таким образом, орган расследования и суд определяют каждый раз предмет доказывания, исходя из общего понятия, сформулированного в законе².

§ 4. ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

С предметом доказывания тесно связано другое понятие, также служащее инструментом для обеспечения и оценки всесторонности, полноты, объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Речь идет о таких границах последнего, которые

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 235—237.

² Ранее действовавшее процессуальное законодательство также содержало общее определение предмета доказывания (ст. 320 УПК 1923 г.). Недостатки этого определения: оно было сформулировано применительно к моменту вынесения приговора и было не совсем полно. Однако в принципе оно правильно ориентировало относительно круга обстоятельств, существенных для установления истины по делу.

обеспечивают полное и достоверное установление всех обстоятельств, могущих иметь значение для дела. Иными словами, *пределы доказывания* — это необходимая и достаточная совокупность доказательств, которая, будучи собранной по делу, обеспечивает правильное его разрешение путем установления «искового комплекса»¹ обстоятельств, подлежащих доказыванию. Понятия предмета и пределов доказывания взаимосвязаны и взаимозависимы: первое выражает цель, второе — средства ее достижения.

Статья 20 УПК требует полно, всесторонне, объективно исследовать обстоятельства дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, как отягчающие, так и смягчающие его вину обстоятельства. Статьи 20 и 71 запрещают ставить решение вопроса о пределах доказывания в зависимость от вида полученных доказательств². Статья 243 также подчеркивает применительно к стадии судебного разбирательства необходимость определить в каждом конкретном случае пределы доказывания, чтобы, с одной стороны, обеспечить полное, всестороннее, объективное исследование предмета доказывания, а с другой — устранить все, не имеющее отношения к делу. Эта же позиция была свойственна ранее действовавшему процессуальному закону.

Нельзя согласиться с высказываниями А. Я. Вышинского о том, что «советское процессуальное право, не расширяя безгранично круг вопросов, подлежащих судебному исследованию, не ставит, однако, здесь никаких формальных границ, допуская к предъявлению на суде и следствии любые факты»³. Во-первых, как уже было показано выше, утверждение о неограниченности круга вопросов, подлежащих исследованию, не соответствует действительности. Во-вторых, очевидно, что в приведенном высказывании отождествляются два вопроса: о предмете доказывания и о его пределах, причем последние трактуются как неопределенные. В действительности они определены предметом доказывания и конкретизация их по каждому делу вовсе не означает утраты целенаправленности доказывания: она осуществляется на базе и во исполнение нормативной регламентации предмета доказывания.

Понятие пределов доказывания, с одной стороны, включает требование обеспечить необходимую и достаточную полноту (глубину) познания существенных явлений и их связей; с другой —

¹ «Уголовный процесс» под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькина, М., 1972, стр. 153.

² В процессуальной литературе прошлых лет имелись высказывания, ставящие пределы доказывания по уголовному делу в зависимость от признания обвиняемого. Критика подобных высказываний дана в работе И. Д. Перлова «Судебное следствие в советском уголовном процессе» (М., 1955, стр. 65—69).

³ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 232.

оно выражает требование надежности результатов познания. Иными словами, пределы доказывания предполагают определение по конкретному делу его границ таким образом, чтобы собранная совокупность доказательств с качественной стороны обеспечивала установление каждого элемента предмета доказывания. С количественной стороны они должны гарантировать достоверность установления этих обстоятельств для адресата доказывания и всех лиц, к которым обращено воспитательное и предупредительное действие судопроизводства¹. Таким образом, если предмет доказывания охватывает обстоятельства, подлежащие установлению по делу, как фактическое основание для решения вопросов ответственности, наказания и др., то пределы доказывания охватывают доказательственный материал, относящийся к обстоятельствам, подлежащим установлению по делу, и позволяющий сделать о них достоверные выводы (фактическое основание для установления предмета доказывания)². Таким образом, на процессуальном материале и процессуальными средствами решается общая для теории информации задача создания надежных систем с использованием относительно ненадежных элементов, превращения вероятного знания в достоверное. Речь идет как о доказательствах, содержанием которых являются фактические данные непосредственно об элементах предмета доказывания, так и о промежуточных и других вспомогательных фактах³.

¹ Практически наращивание надежности осуществляется путем собирания нескольких доказательств с «перекрывающим» друг друга содержанием.

² Один из авторов настоящей книги ранее писал: «Пределы доказывания по конкретному делу являются по существу границами предмета доказывания. Поэтому, несмотря на известную разницу в их общем значении, термины «пределы доказывания» и «предмет доказывания» будут... использоваться как идентичные» (Г. М. Миньковский, Пределы доказывания в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 4).

Следует признать, что это высказывание внутренне противоречиво, так как нельзя считать тождественными понятия с неодинаковым значением. Не вполне точно и утверждение, что пределы доказывания есть границы предмета доказывания: правильнее говорить, что они определяют границы процесса доказывания. Предмет доказывания характеризует его цель, а пределы доказывания — объем средств ее достижения. Будучи подчиненным понятием относительно предмета доказывания (в том смысле, что цель определяет пределы исследования), пределы доказывания имеют самостоятельное значение. На это правильно указывали М. М. Гродзинский («Государственный обвинитель в советском суде», М., 1954, стр. 16), И. Б. Михайловская («Предмет доказывания в советском уголовном процессе», «Ученые записки ВШЮИ», вып. 8, 1958, стр. 136), И. Д. Перлов («Судебное следствие в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 41, 56).

³ А. М. Ларин рассматривает пределы доказывания как совокупность вспомогательных (доказательственных) фактов в отличие от предмета доказывания как совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию («Расследование по уголовному делу», М., 1970, стр. 64). Что же касается

Пределы доказывания зависят прежде всего от предмета доказывания. Именно на этой основе решается по каждому делу вопрос, какие фактические данные относятся к делу и должны быть собраны, проверены, оценены, а следовательно, какие процессуальные действия и каким образом должны быть проведены. Иными словами, пределы доказывания определяются с использованием свойства относимости доказательств, хотя в конкретном случае часть относящейся информации может оказаться избыточной¹.

Определенное значение имеет, однако, и наличие применительно к конкретному делу решений преюдициального характера, общеизвестных фактов и подлежащих применению презумпций. Соответствующая фактическая информация как бы «замещает» в деле, поскольку она не взята под сомнение и не устранена в установленном порядке (см. § 2), некоторые сведения, которые надо было собрать. При определении пределов доказывания имеют значение и правила об обязанности использовать доказательства определенного вида при установлении некоторых элементов предмета доказывания и вспомогательных фактов (например, ст. 79 УПК РСФСР).

Надо отметить также, что в пределы доказывания включаются только допустимые доказательства (ошибочно включенные фактические данные, не обладающие этим свойством, устраняются из совокупности доказательств). В частности, фактические данные, собранные в ходе ведомственной проверки деятельности должностных лиц контрольно-ревизионных, таможенных и других органов, включаются в систему доказательств лишь постольку, поскольку удовлетворяют требованиям, которые процессуальный закон предъявляет к документам (см. гл. гл. IV, XII)², не образуют они и самостоятельной системы фактических данных наряду с процессуальными доказательствами. Поэтому выводы,

---

границ доказывания, то они, по его мнению, определяются планом расследования. В действительности план расследования выражает позицию следователя относительно конкретной трактовки предмета и пределов доказывания по данному делу, но, конечно, не заменяет ни одно из этих понятий. Нельзя принять и определение пределов доказывания как совокупности вспомогательных фактов потому, что вообще вне этих пределов оказываются сведения о фактах, в то время как введение понятия пределов доказывания служит упорядочению именно собирания фактической информации. Наконец, это определение исключает из пределов доказывания и прямые доказательства, устанавливающие элементы предмета доказывания, а не вспомогательные факты.

¹ Подробнее о структуре относимости, определяющей и структуру пределов доказывания, см. § 3 гл. IV.

² Интересный анализ содержания фактических данных такого рода на материалах таможенных органов дан в статье Л. Н. Маркова «О некоторых смежных вопросах таможенного права и уголовного процесса» («Вопросы борьбы с преступностью», Иркутск, 1970, стр. 109—118).

сделанные собравшими их должностными лицами о существовании (несуществовании) обстоятельств, входящих в предмет доказывания, не влияют на пределы последнего.

С учетом изложенного следует отличать пределы доказывания от более широкого понятия пределов собирания и оперирования фактическими данными в ходе производства по делу. Последнее понятие включает и различные виды вспомогательной информации, не имеющей значения доказательств, но используемой для их собирания (обнаружения).

Невыполнение требований закона относительно пределов доказывания порождает ошибки троякого рода.

Во-первых, следователь и суд могут необоснованно сузить пределы доказывания, в результате чего те фактические данные, которыми будет располагать суд к моменту вынесения приговора, окажутся недостаточными для правильного ответа на все стоящие перед судом вопросы. Иными словами, некоторые элементы предмета доказывания останутся недостаточно исследованными из-за пробелов в доказательственном материале.

Примером такого неправильного определения пределов доказывания может служить дело по обвинению Л., Ш. и др. Подсудимые обвинялись в хищении ваты и матрацев, изготовленных из неучтенного сырья. В обвинительном заключении указывалось, что похищенные товары сбыты через торговую сеть. В ходе судебного разбирательства, однако, обнаружилось, что по делу не были собраны доказательства, устанавливающие значительную часть обстоятельств, относящихся к событию преступления, в том числе источники сырья для изготовления неучтенных товаров, соответствующие количества полученного сырья выпущенной продукции. Так как установить эти обстоятельства в ходе судебного разбирательства не представилось возможным, суд направил дело для производства дополнительного расследования.

Во-вторых, следствие и суд могут необоснованно сузить пределы доказывания, пренебрегая данными, обеспечивающими надежность выводов, хотя в принципе исследованием и были охвачены все элементы предмета доказывания. В результате недостаточной глубины исследования не все из них можно будет признать установленными.

Примером может служить дело по обвинению З., П., Р. и других во взяточничестве. В судебном разбирательстве было установлено, что обвинение подсудимых основано исключительно на показаниях свидетелей, являющихся взяточдателями. Направляя дело на доследование, суд указал, что следственным органам надлежит установить характер взаимоотношений между обвиняемыми и свидетелями, так как имеются сведения, что эти свидетели на производстве недисциплинированы, имеют многочисленные взыскания и, будучи этим недовольны, оговаривают

подсудимых. Суд предложил следственным органам выяснить причину противоречий в показаниях обвиняемых и свидетелей.

Таким образом, из-за сужения пределов доказывания часть существенных обстоятельств неминуемо остается вне поля зрения следователя и суда. Это подрывает убедительность и обоснованность решения и угрожает ошибкой.

В-третьих, могут быть допущены ошибки, связанные с «избыточным» расширением пределов доказывания. При этом следует правильно трактовать понятие «избыточности».

В формировании необходимой и достаточной совокупности доказательств по конкретному делу используются количественный и качественный критерии надежности в их совокупности. С увеличением количества доказательств, с объективно совпадающим или частично перекрывающим (подкрепляющим) содержанием увеличивается и их надежность, а следовательно, и надежность установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Поэтому при определении пределов доказывания по конкретному делу следует учитывать значение соответствующих доказательств (действий, с помощью которых они могут быть собраны) не только для выявления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, но и для проверки уже собранных данных, для восполнения пробелов и устранения противоречий, имеющих в доказательственном материале. В частности, можно провести несколько следственных действий для выяснения одного и того же обстоятельства¹. Получение в процессе доказывания сведений об одних и тех же фактах из разнородных и независимых друг от друга источников или каналов информации есть своего рода резервирование или параллельное объединение подсистем информации, эффективно влияющее на повышение надежности всей системы в целом.

Один количественный критерий, однако, не может обеспечить определение необходимых и достаточных пределов доказывания по конкретному делу². Используя его, следователь и суд вместе с тем изучают происхождение и связи между доказательствами (наличие их системы), устанавливают существование

¹ Это положение в полной мере распространяется и на случаи, когда закон или иной нормативный акт предусматривает обязательность собирания доказательств определенного вида для установления того или иного обстоятельства (например, ст. 79 УПК РСФСР). Законодатель, отнюдь не придает таким «обязательным» доказательствам предустановленной силы. Поэтому пределы доказывания и в этом случае определяются с учетом необходимости проверки, восполнения пробелов, устранения противоречий доказательственного материала. Иными словами, и здесь надежность обеспечивается определенной совокупностью доказательств.

² На это правильно обращено внимание в автореферате докторской диссертации И. М. Лузгина «Расследование как процесс познания» (М., 1968, стр. 30, 31).

(несуществование) фактов, которые должны были составить обязательный комплекс в случае, если содержание того или иного доказательства является достоверным (например, наличие пробоины от пули в стене, если направление выстрела соответствовало показаниям очевидца), и т. д. Иными словами, совокупность доказательств должна формироваться целенаправленно, так как неоправданная избыточность доказательственного материала, так же как и его недостаточность, может представлять серьезную опасность. Слишком широкие пределы доказывания неоправданно затягивают предварительное расследование и судебное разбирательство. Кроме того, слишком широкие пределы доказывания нередко ставят под угрозу убедительность приговора, затрудняют проверку обоснованности выводов следователя и суда, не дают возможности присутствующим в зале суда разобраться в деле, понять правильность решения. Нередко такое загромождение отрицательно сказывается и на правильности самого решения по существу: ведь собиравшиеся не нужные для решения дела материалы мешают целеустремленности следствия и судебного разбирательства, искажают перспективу дела, отвлекают от собиравшихся доказательств, действительно необходимых для выяснения существенных обстоятельств.

Речь идет не о любой избыточности доказательственной информации, но именно о неоправданной избыточности, т. е. о включении в пределы доказывания фактических данных: а) не относящихся к обстоятельствам дела¹; б) устанавливающих обстоятельства, уже достоверно установленные²; в) устанавливающих обстоятельства, познание которых по данному делу не требует процессуального доказывания (см. § 1, 2); г) фиксирую-

¹ Недопустимость включения таких данных в пределы доказывания специально отмечена в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», стр. 518).

² Но если речь идет об опровержении обстоятельств, которые следователь и суд считают бесспорно установленными (например, обвиняемый оспаривает показания свидетелей о том, что он был на месте происшествия, ссылаясь на алиби), доказательства, необходимые для проверки вновь возникшего предположения, включаются в пределы доказывания. Причем, если соответствующая версия возникла только при рассмотрении дела в кассационной или надзорной инстанции, последняя, придя к выводу о неполноте пределов доказывания, направляет дело на новое расследование или рассмотрение (ст. 343 УПК РСФСР).

Всюду, когда речь идет о предмете доказывания, закон предполагает необходимость обязательной проверки применительно к каждому из входящих в него обстоятельств по меньшей мере двух версий — о существовании и несуществовании этого обстоятельства. В процессуальной литературе иногда говорится о двух аспектах доказывания — положительных фактов (имевших место в действительности) и отрицательных, т. е. отсутствия в действительности фактов, существование которых предполагалось (М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М.,

ших заведомо известную невозможность получения доказательств определенного вида¹; д) недопустимых в силу процессуальных правил доказывания (§ 2 гл. IV).

В то же время определенная избыточность доказательств по делу практически неизбежна в связи с требованием надежности их системы (совокупности). Хотя собранная совокупность доказательств до определенного момента дает все основания считать определенные обстоятельства относящимися или не относящимися к делу, эта оценка до завершения доказывания всегда является лишь предварительной и подвергается перепроверке. Дальнейшее производство может менять оценку некоторых обстоятельств с точки зрения их связи с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, промежуточными и вспомогательными фактами. Соответственно может измениться и оценка значения того или иного доказательства. Поэтому расширение объема доказывания на предварительном следствии и в суде по сравнению с необходимыми и достаточными пределами его не всегда свидетельствует о недочетах в работе следователя или судей, о том, что они пренебрегли необходимыми пределами доказывания, а подчас зависит от условий, в которых проводятся соответствующие стадии процесса, конкретной обстановки, недостаточности первоначальных сведений о событии, появления версий, которые отпадают после проверки, и т. д. Практически наличие определенного количества «резервных» доказательств имеет место в каждом конкретном случае, в связи с чем следует различать необходимые и достаточные пределы доказывания, к которым следователь, суд стремятся при планировании и осуществлении производства, и фактический объем доказывания². Однако и применительно к последнему надо различать оправданную его избыточность и неоправданную за счет материалов, заведомо не могущих нести полезные сведения («шум» по терминологии теории информации).

В момент перехода из одной стадии процесса в другую, как и в ходе производства, в каждой стадии фактический «объем дока-

---

1968, стр. 370—371). В пределы доказывания должна включаться вся совокупность доказательств, позволяющих установить каждое обстоятельство, входящее в предмет доказывания, либо в положительной, либо в отрицательной форме.

¹ Типичным примером необоснованного расширения пределов доказывания в этой части являются случаи назначения «на всякий случай» почерковедческой экспертизы для установления исполнителя нескольких штрихов или отдельных букв, цифр, хотя следователю, суду известно, что современный уровень криминалистической науки не позволяет эксперту ответить на этот вопрос.

² Н. С. Алексеев говорит в этой же связи об объеме доказательств («Уголовный процесс», М., 1972, стр. 159).

зательств» все время корректируется в направлении максимального приближения к необходимым пределам доказывания¹. При этом анализируется собранная совокупность доказательств, позволяющих все более и более точно представлять эти пределы. Иными словами, определение пределов доказывания (как и его предмета) не может рассматриваться как разовое действие. Отпадение, появление, изменение версий, получение объяснений, заявление ходатайств участниками процесса, результаты предварительной оценки собранных доказательств — все это влечет изменение ранее сделанных выводов.

Совмещение же фактического объема и пределов доказывания осуществляется при составлении итоговых процессуальных документов, причем, отказываясь от определенной части собранных данных как недопустимых или неотносимых, следователь и суд мотивируют свою позицию соответственно в обвинительном заключении и приговоре².

Сказанное позволяет найти правильный ответ на возникающий в процессуальной теории, следственной и судебной практике вопрос о соотношении пределов доказывания в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. Из того бесспорного обстоятельства, что предварительное расследование не завершает в большинстве случаев процесса доказывания, иногда делается вывод о более узких пределах доказывания на предварительном расследовании. Другие научные и практические работники, наоборот, считают, что пределы доказывания на предварительном следствии шире, чем на судебном следствии. Обе эти точки зрения представляются неверными.

Поскольку предварительное расследование призвано подготовить полноценный доказательственный материал для судебного рассмотрения во всем его объеме (что, разумеется, не исключает возможности и правомерности собирания судом новых доказа-

---

¹ На непрерывное осуществление такой корректировки ориентирует, в частности, ст. 243 УПК РСФСР, предусматривающая, что в руководство судебным заседанием входит принятие всех предусмотренных законом мер к всестороннему, полному, объективному исследованию обстоятельств дела и устранению из судебного разбирательства всего, не имеющего к нему отношения.

² В описательной части приговора излагаются не только доказательства, на которых основаны выводы суда, но и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства (ст. 314 УПК РСФСР). Указание на аналогичную структуру обвинительного заключения, хотя и менее удачно сформулированное, также имеется в законе (ст. 205).

Верховный Суд СССР интерпретировал указание ст. 314 УПК РСФСР как относящееся к исключению из пределов доказывания недостоверных доказательств («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», стр. 521). Такая интерпретация представляется неполной, так как при постановлении приговора могут быть «отсеяны» и достоверные, но избыточные доказательства.

тельств, если в этом возникает необходимость)¹, постольку пределы доказывания — одни и те же на следствии и в суде. Иначе и не может быть, поскольку предмет доказывания и критерии, на основании которых решается вопрос об относимости и допустимости доказательств, одинаковы на различных стадиях процесса.

Несовпадение констатируется не в пределах, необходимых и достаточных для установления предмета доказывания, а именно в фактическом объеме доказывания. При этом могут иметь место следующие варианты²: а) фактический объем доказывания на предварительном расследовании более широк по сравнению с объемом доказывания на судебном разбирательстве за счет информации, хотя и оказавшейся в конечном счете избыточной, но собранной для обеспечения полноты и надежности доказывания; б) более широкий объем объясняется ошибочным включением в предмет доказывания обстоятельств, фактически в него не входящих, в связи с чем собиралась информация, не относящаяся к делу; в) более широкий объем объясняется ошибочным определением круга доказательств, необходимых и достаточных для достоверного знания обстоятельств, входящих в предмет доказывания.

В свою очередь расширение объема доказывания на судебном разбирательстве по сравнению с предварительным расследованием может быть также обусловлено одним из названных выше вариантов либо связано с необходимостью восполнить пробелы предварительного расследования³. Последнее имеет место в случае, когда на предварительном расследовании остались невыявленными или неисследованными существенные для дела обстоятельства, т. е. пределы доказывания на этой стадии были неправильно определены и поэтому сужен объем доказывания. Различие в объеме доказывания может объясняться и тем, что на предварительном расследовании пределы были определены и спланированы правильно, а суд неосновательно сузил или расширил их⁴.

¹ Не вполне точно утверждение, что суд не только вправе, но и обязан для проверки выводов следователя установить новые факты, в которых отражена сущность исследуемого события (А. М. Ларин, Работа следователя с доказательствами, М., 1966, стр. 40). Сущность события — в предмете доказывания, а он един для следователя и суда. Что же касается доказательственного материала, то возможны случаи, когда суд оперирует теми же доказательствами, что и следователь (заново проверяя их), и случаи, когда часть доказательств или вся система их заменяется новыми.

² Возможно и сочетание названных вариантов.

³ Может оказаться и так, что в одной части (относительно определенных обстоятельств) объем доказывания на судебном разбирательстве в силу названных причин более широк, а в другой части — более узок, нежели на предварительном расследовании.

⁴ Нельзя поэтому согласиться с мнением А. М. Ларина (цит. раб., стр. 42) о том, что «пределы доказывания в суде по сравнению с предва-

На предварительном расследовании и при судебном разбирательстве исследуются наряду с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, и вспомогательными относительно них фактами также факты, необходимые для принятия процессуальных решений, в частности для охраны прав граждан на определенное имущество, и т. п.

Статья 303 УПК РСФСР, например, указывает, что при постановлении приговора суд должен разрешить вопрос о том, как поступить с вещественными доказательствами, на кого и в каком размере должны быть возложены судебные издержки. Чтобы решить эти вопросы, надо установить ряд обстоятельств, в том числе, что представляют собой вещественные доказательства, кто является их владельцем (ст. 86 УПК). Для решения вопроса о том, на кого и в какой сумме возложить судебные издержки, необходимо установить имущественное положение осужденного и т. д.

Входят ли в пределы доказывания фактические данные, с помощью которых устанавливаются такого рода обстоятельства? Представляется, что нет¹, так как эти пределы неразрывно связаны с предметом доказывания, фиксируя необходимый и достаточный для его установления объем информации. Здесь же речь идет о своего рода побочных линиях доказывания, направленных на решение вопросов процедурного («обслуживающего») характера. В то же время применительно к решению каждого из таких вопросов должен в конкретном случае определяться комплекс доказательств, необходимый и достаточный для его решения. Разумеется, их собирание, проверка, оценка осуществляются с соблюдением процессуальных норм².

рительным следствием... вполне правомерно могут в одних случаях расширяться, а в других сужаться».

Определенной корректировки требует и терминология, использованная ранее одним из авторов настоящей главы (см. Г. М. Миньковский, цит. раб., стр. 42). Речь должна идти о том, что «вполне правомерно» может корректироваться при переходе из одной стадии в другую не предмет или пределы доказывания, а фактический объем доказывания.

¹ За исключением доказательств, которые одновременно служат установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Например, по показанию о том, что обнаруженный у обвиняемого предмет принадлежит потерпевшему, может служить изобличению обвиняемого в преступлении и, кроме того, решению вопроса о судьбе вещественного доказательства.

² В этих случаях содержание некоторых норм (о всесторонности, полноте, объективности исследования, об относимости доказательств и т. д.) интерпретируется, исходя из содержания не предмета доказывания, а вопроса процессуального характера, подлежащего решению.

ГЛАВА IV

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. ПОНЯТИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Понятие доказательства принадлежит к числу основных, исходных в теории доказательств и доказательственном праве. Оно лежит в основе решений теорией и законом таких вопросов, как относимость и допустимость доказательств, круг и содержание способов обнаружения, закрепления, проверки и оценки их, процессуальный режим использования отдельных видов доказательств и др.

Содержание, вкладываемое в понятие доказательства, существенно влияет на установление прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, что в свою очередь органически связано с реализацией в доказывании демократических принципов социалистического уголовного процесса. Следовательно, правильное определение понятия доказательства — необходимое условие достижения истины, обеспечения законности и обоснованности принимаемых решений.

До сих пор в работах по теории доказательств существует несколько несовпадающих концепций по вопросу о понятии доказательства.

В настоящем издании сохранена концепция доказательства как единства фактических данных и процессуального источника этих данных, наиболее точно совпадающая с определением этого понятия в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года.

Известны и иные концепции. Первая из них отождествляла доказательства с фактами объективной реальности (событиями, явлениями, действиями прошлого, из которых складывалось исследуемое деяние).

Вторая давала два параллельных определения доказательства: как факта объективной реальности и как источника сведений об этом факте.

Первую точку зрения высказывал, в частности, М. А. Чельцов, который писал: «Факты, из которых выводится существование доказываемого факта, носят название доказательственных

фактов или доказательств... Доказательствами являются факты, обстоятельства»¹.

О двойственном значении понятия доказательства писал М. С. Строгович: «Самый термин «доказательство» в уголовном процессе применяется в двух значениях: доказательство как источник получения следствием и судом сведений о том или ином факте и доказательство как самый факт, обстоятельство, из которого следствие и суд делают выводы о других фактах, подлежащих установлению по данному уголовному делу»².

Приведенные определения при всем их различии имели одно общее: фактические данные и их источники рассматривались изолированно, в отрыве друг от друга; с другой стороны, в ряде случаев ставился знак равенства между фактической информацией (сведениями о фактах) и самими фактами.

Неверной трактовке понятия доказательства во многом способствовали мнения, высказанные А. Я. Вышинским. Он считал, что «судебные доказательства — это обычные факты, те же происходящие в жизни явления, те же вещи, те же люди, те же действия людей.

Судебными доказательствами они являются лишь постольку, поскольку они вступают в орбиту судебного процесса, становятся средством для установления интересующих суд и следствие обстоятельств»³.

Признавая доказательствами не сведения о фактах (фактические данные), а сами факты реальной действительности, А. Я. Вышинский, по существу, переносил центр тяжести доказывания на оценку уголовно-правового значения «вступивших в орбиту уголовного процесса» фактов, игнорируя то, что следователь и суд имеют дело со сведениями, с информацией о фактах, достоверность которых им предстоит проверить, после чего только они могут делать выводы о существовании в прошлом соответствующего события и дать ему уголовно-правовую оценку.

Вследствие этого основные вопросы процесса судебного доказывания, составляющие его специфику (что именно служит доказательством существования факта, каким образом собирать,

¹ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 134—136. Аналогичное мнение высказано П. А. Лупинской в статье «О понятии судебных доказательств» («Ученые записки ВЮЗИ», вып. VI, М., 1958, стр. 98—115).

² М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., 1946, стр. 120; его же, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 160. См. также М. М. Гродзинский, Доказательства в советском уголовном процессе, «Государственный обвинитель в советском суде», М., 1954, стр. 11; М. Л. Якуб, Доказательства в советском уголовном процессе, «Советский уголовный процесс», М., 1956, стр. 64, и др.

³ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 223.

проверять и оценивать доказательства, как достичь достоверного знания и т. д.), по существу, оставались за пределами теории доказательств. Развивая эту концепцию, А. Я. Вышинский допускал использование в качестве доказательств «фактов», любым путем «вступивших в орбиту судебного процесса». Он игнорировал прямые требования закона о получении фактических данных из установленных законом источников, когда писал: «Советское процессуальное право... не ставит... здесь никаких формальных условных границ»¹.

Находят ли эти определения опору в законодательстве, действовавшем до принятия Основ 1958 года? Анализ норм, определявших понятие доказательства в ранее действовавших УПК союзных республик, позволяет сделать вывод, что законодатель и ранее не разрывал два взаимосвязанных элемента понятия доказательства — фактические данные и их источники. Вместе с тем данные о фактах отнюдь не отождествлялись с самими фактами, устанавливаемыми в ходе доказывания в качестве промежуточных или элементов предмета доказывания. Законодатель исходил из единого понимания доказательства как фактических данных, содержащихся в установленном законом источнике². Называя в ст. 58 УПК РСФСР 1923 года доказательствами показания свидетелей, заключения экспертов и т. д., законодатель имел в виду, что в них содержатся относящиеся к делу фактические данные. Например, в ст. 165 УПК РСФСР 1923 года говорилось, что «допрос свидетеля начинается предложением рассказать все ему известное по делу», а в ст. 166: «Свидетель может быть спрашиваем исключительно о фактах, подлежащих установлению в данном деле, и о характеристике личности обвиняемого» (разрядка наша. — Авт.) и т. д.

Правильно по существу решался вопрос о понятии доказательства и в УПК других союзных республик. В УПК Узбекской ССР в одной статье (ст. 22) указывалось на фактические данные и их источники. Называя показания свидетелей, обвиняемых и другие источники доказательствами, законодатель исходил из того, что в них содержатся фактические данные, относящиеся к делу.

Анализ материалов судебной практики позволяет установить, что и Верховный Суд СССР в понимании доказательства в уголовном судопроизводстве исходил, несмотря на неоднородность терминологии, из единства фактических данных и их источников.

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 232.

² Правильно об этом писала Л. Т. Ульянова в работе «Оценка доказательств судом первой инстанции», М., 1959, стр. 12—14. См. также Г. М. Миньковский, Пределы доказывания в советском уголовном процессе, М., 1956.

В руководящем указании Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» от 28 июля 1950 г. говорилось, в частности: «При этом должны быть конкретно указаны доказательства, положенные судом в основу обвинения или оправдания подсудимого, с приведением мотивов, почему суд принял эти доказательства. Отвергая те или иные имеющиеся в деле доказательства в пользу обвинения подсудимого или его оправдания, суд должен в приговоре указать, почему именно эти доказательства им отвергнуты. Так, при вынесении обвинительного приговора в последнем должно быть указано, почему судом отвергнуты объяснения подсудимого в его защиту, а также другие оправдывающие его доказательства».

При вынесении оправдательного приговора должны быть изложены обстоятельства, опровергающие выводы обвинительного заключения и указанные в нем доказательства, на которых оно основано»¹ (разрядка наша. — Авт.).

Таким образом, говоря об объяснениях (показаниях) как о доказательствах, Верховный Суд имел в виду фактические данные об обстоятельствах дела, которые содержатся в определенном источнике; наоборот, говоря об обстоятельствах, Верховный Суд имел в виду обстоятельства, установленные фактическими данными.

Та же мысль проводится в постановлениях и определениях Верховного Суда СССР по отдельным уголовным делам. Верховный Суд СССР называл доказательствами только такие показания свидетелей, обвиняемых, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и иные документы, в которых содержатся сведения об относящихся к делу фактах².

Подход к понятию доказательства как к единству процессуальной формы и фактического содержания последовательно проведен и закреплен в ст. 16 Основ 1958 г. В ней, как и в соответствующих статьях УПК союзных республик, дано следующее определение доказательств: «Доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

Эти данные устанавливаются: показаниями свидетеля, показаниями потерпевшего, показаниями подозреваемого, показаниями обвиняемого, заключением эксперта, вещественными дока-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 9, стр. 4.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1950 г. № 2, стр. 9; 1951 г. № 10, стр. 13; 1956 г. № 3, стр. 2; 1956 г. № 4, стр. 28, и др.

зательствами, протоколами следственных и судебных действий и иными документами».

Обращает на себя внимание и четкое определение в законе (при характеристике понятия доказательства) целенаправленности рассматриваемого понятия: с помощью доказательств должны быть установлены обстоятельства совершившегося в прошлом события.

Факты, с которыми закон связывает доказательства, образуют две относительно самостоятельные группы. К первой относятся обстоятельства, составляющие в своей совокупности предмет доказывания по уголовному делу.

Ко второй группе относятся факты, которые не входят в предмет доказывания. Их можно назвать промежуточными, вспомогательными, побочными и т. п. Они возникли в ходе исследуемого события, до и после него. Это — группа весьма разнообразных как по своему характеру, так и по своему происхождению фактов. Общее свойство этих фактов, позволяющее объединить их в одну группу, состоит в том, что между ними и обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, имеются разнообразные объективные связи¹. Знание названных фактов и их связей с обстоятельствами предмета доказывания позволяет восстановить картину совершенного преступления.

Как уже отмечалось, познание фактов объективной действительности, как входящих в предмет доказывания, так и образующих группу промежуточных и иных вспомогательных фактов, может происходить в двух формах — чувственной и рациональной. Как и при познании любых явлений, познание фактов в уголовном судопроизводстве представляет собой процесс, в котором отдельные формы (степени) познания находятся во взаимосвязи, взаимопроникновении, не существуют обособленно друг от друга. Каждая форма познания имеет элементы другой и не может существовать без нее. В частности, чувственное познание всегда представляет собой единство ощущения и мышления.

Сказанное надо иметь в виду и при решении вопроса о возможностях использования в судебном доказывании двух форм знаний: непосредственной и опосредствованной².

Следователь, судьи познают событие, совершившееся в прошлом. Поэтому знание этого события в основном может быть получено посредством информации, которую несут о нем доказательства. Доказательства становятся промежуточным звеном между сознанием следователя, судей и познаваемым преступлением. «Доказывание есть вообще опосредствованное познание»³.

¹ См. § 2 гл. VII.

² Я. А. Пономарев, *Психика и интуиция*, М., 1967, стр. 10—11; *«Марксистско-ленинская философия»*, М., 1965, стр. 232—235.

³ Это положение Гегеля было включено В. И. Лениным в конспект *«Науки логики»* (см. В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 29, стр. 133).

Возникает вопрос, доступно ли следователю, судье непосредственное восприятие некоторых фактов, входящих в предмет доказывания.

Многие авторы на этот вопрос отвечают отрицательно. Так, М. М. Гродзинский писал: «Наиболее простым способом установления того или иного факта является непосредственное его наблюдение. Но в уголовном процессе способ этот исключен. Преступление, составляющее предмет судебного исследования, представляет собой факт прошлого по отношению к моменту судебного разбирательства, и, следовательно, непосредственное наблюдение судом данного события не может иметь места»¹.

Действительно, та система фактов, которая образовывала единое событие преступления, к моменту производства по делу относится уже к прошлому и поэтому стала недоступной для непосредственного восприятия следователя, судей. Событие преступления «распалось» на ряд фактов, из которых одни перестали существовать (например, нанесение удара, поведение потерпевшего в момент совершения преступления и т. п.), а другие потеряли свои первоначальные свойства, интересующие следователя и суд. О непосредственном познании подобного рода фактов можно говорить лишь применительно к их очевидцам (свидетелям, потерпевшим и др.), но не к судье, следователю.

Но в событие преступления входят и некоторые другие факты, которые после того, как преступление совершилось, продолжают в определенных случаях существовать в неизменном виде или изменились, но не утратили важных для дела свойств. Как правильно указывалось в процессуальной литературе², к этой группе можно отнести:

- 1) некоторые факты, относящиеся к материальным последствиям совершенного преступления (обгоревший дом, обезображенное лицо потерпевшего и др.);
- 2) сохранившиеся продукты преступной деятельности (подделанный документ, изготовленный самогон и др.);
- 3) найденные предметы преступного посягательства (похищенный костюм, часы и др.);
- 4) обстановка на месте совершения преступления;
- 5) некоторые факты, характеризующие внешность преступника (черты лица, рост, цвет волос и др.).

Названные факты доступны непосредственному восприятию следователя, суда, участников процесса потому, что они существуют в действительности и сохранили к моменту расследования

¹ М. М. Гродзинский, Улики в советском уголовном процессе, «Ученые труды ВЮОН», вып. VII, М., 1944, стр. 3; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 141.

² В. Я. Лившиц, Принцип непосредственности в советском уголовном процессе, М. — Л., 1947, стр. 18—19.

и рассмотрения дела свои свойства, которые делают их существенными для дела.

Против возможности непосредственного познания отдельных фактов, входящих в предмет доказывания, возражает М. С. Строгович: «Суд может непосредственно воспринять различные предметы, сохранившие на себе следы преступления и преступника, например взломанный запор хранилища, пятна крови на одежде и т. д., но эти предметы в уголовном деле являются не чем иным, как вещественными доказательствами, при помощи которых суд устанавливает имеющие значение для дела факты, так что в этих случаях суд непосредственно воспринимает доказательства, а не факты, устанавливаемые этими доказательствами»¹.

Прежде всего отметим, что М. С. Строгович без достаточных оснований в этом примере отождествляет непосредственное познание судом таких различных по своему характеру фактов, какими являются взломанный запор хранилища и пятна крови на одежде. Судьи, следовательно действительно могут видеть, что запор взломан, если этот факт доступен непосредственному восприятию в силу своей очевидности (в других случаях может потребоваться экспертиза). Но судьи не в состоянии путем непосредственного наблюдения установить, что на одежде находятся именно пятна крови. Для установления такого факта требуются доказательства. Таким образом, М. С. Строгович отождествляет факты объективной реальности со сведениями о них.

Не указывая, какие именно факты (или их свойства) устанавливаются посредством обнаружения тех или иных предметов, имеющих значение вещественных доказательств, М. С. Строгович допускает еще одну неточность, ибо возможности непосредственного или опосредствованного познания зависят как от свойств познаваемого факта, так и от цели исследования. Познание одного и того же факта может быть непосредственным или опосредствованным в зависимости от того, какое его качество, свойство познается. Тот же взломанный запор хранилища может быть познан и опосредствованно. Если недостаточно установить, что запор взломан (мы отметили, что эта сторона факта может быть познана непосредственно), а необходимо знать, каким орудием

---

¹ М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 235—236. В позднейшей работе М. С. Строгович, отвечая на наши критические замечания, признает, что названные выше группы фактов, входящие в событие преступления, продолжают существовать после того, как преступление совершилось. Однако он добавляет: «Но дело в том, что преступление — это не вещи, не предметы, а деяние, поведение, поступок, и их следовательно и суд воспринять никак не могут» («Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 313). Против этого никто не спорит. Речь идет о непосредственном познании отдельных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а не о познании всего события преступления, процесса совершения преступления.

он взломан, то следователь, суд могут установить это, например, заключением эксперта, т. е. опосредствованно¹.

Непосредственное восприятие следователем, судом обстоятельств события или отдельных побочных фактов как форма познания может быть допущено и будет играть определенную роль, если оно происходит при установленных доказательственных правом условиях, гарантирующих правильное познание. Такими условиями следует считать формы проведения следственных и судебных действий и их процессуальное закрепление в соответствующих протоколах, занимающих затем свое место в доказательственных материалах дела². Законодатель, в частности, указал, что в протоколах должны излагаться все действия следователя, а равно все обнаруженное в той последовательности, в какой производилось следственное действие, в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра, освидетельствования (ст. 182 УПК РСФСР).

Требование закона о присутствии понятых при производстве ряда следственных действий объясняется стремлением гарантировать достижение достоверности, избежать ошибок в непосредственном познании следователя, а также необходимостью обеспечить правильность закрепления результатов непосредственного восприятия. Понятые, как это видно из анализа процессуального закона, присутствуют только при таких следственных действиях, в которых может иметь место непосредственное восприятие следователем определенных фактов³.

При производстве указанных выше действий в судебном заседании понятые не присутствуют, потому что правильность непосредственного восприятия обеспечивается процессуальным поряд-

¹ Позицию М. С. Строговича ранее разделяла П. А. Лупинская. При этом она допускала применительно к гражданским делам возможность непосредственного восприятия искоемых фактов (размер земельного участка, границы его раздела, характер изолированности спорной площади и др.), но отрицала такую возможность за судом, рассматривающим уголовные дела (П. А. Лупинская, О понятии судебных доказательств, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VI, 1958, стр. 113). В действительности принципиального различия по этому вопросу между гражданским и уголовным процессом нет, так как нетрудно представить, что те же факты могут быть обстоятельствами, входящими в предмет доказывания и по уголовному делу (например, по делу о самоуправстве). В более поздней работе П. А. Лупинская поддерживает мнение о возможности непосредственного познания отдельных обстоятельств предмета доказывания (П. А. Лупинская, Доказывание в советском уголовном процессе, М., 1966, стр. 21).

² О соотношении понятий логического и процессуального доказывания, смене адресатов в ходе процессуального доказывания, как и о соотношении логического и коммуникативного элементов в доказывании см. § 4 гл. IV, § 1 гл. V.

³ Непосредственное восприятие следователем, судьей не отдельных обстоятельств, фактов в ходе познания, а события преступления или связанных с ним фактов в момент его совершения служит препятствием для участия их соответственно в расследовании или рассмотрении дела.

ком судебного заседания (коллегиальный состав суда, присутствие других участников судебного разбирательства)¹.

Если возникают сомнения в точности изложения в протоколах сведений о непосредственно воспринятых фактах или в законности проведения следственного действия, то можно получить от понятых (как и от специалистов, участвующих в производстве следственного действия) свидетельские показания. Возможность допроса понятых, специалистов в качестве свидетелей объясняется тем, что они, так же как и следователь, непосредственно воспринимали факты в ходе производства следственного действия.

Непосредственность восприятия следователя, суда не устраняется составлением процессуальных документов об обнаружении и свойствах предметов, явлений.

Составление протоколов осмотра, обыска, выемки и других действий (или их описание в протоколе судебного заседания) — необходимое условие правильного развития процесса доказывания. В материалах дела должно быть зафиксировано, что следователь, суд непосредственно восприняли конкретные факты для того, чтобы можно было судить об условиях и результатах этого восприятия и о правильности принятого на его основе решения.

Протоколы следственных действий являются для суда формой, в которой суд воспринимает информацию о фактах, которые непосредственно воспринимались следователем и понятыми. Они содержат фактическую информацию, необходимую для того, чтобы сделать вывод об этих фактах лицами, которые сами их не наблюдали. Точно так же в суде ход и результаты осмотра, опознания, освидетельствования, эксперимента записываются в протокол судебного заседания для того, чтобы впоследствии можно было проверить (в кассационной или надзорной инстанции) правильность непосредственного восприятия судом исследуемых фактов и обоснованность приговора (определения). Свои выводы о непосредственно наблюдавшемся факте суд (так же как и следователь) делает на основе непосредственного восприятия факта при проведении соответствующего действия.

Хотя непосредственное познание представляет важную форму установления некоторых обстоятельств уголовного дела, его область довольно узка по сравнению с областью опосредствованного познания подлежащих установлению обстоятельств с помощью сведений о них. Причем, так как доказывание в уголовном процессе носит длящийся характер, результаты непосредственного познания отдельных фактов, зафиксированные при производстве след-

¹ Понятые не присутствуют и при проведении в стадии предварительного расследования экспертизы и допросов обвиняемого, подозреваемого, свидетелей, потерпевших, но по другому основанию. Они в этих случаях воспринимали бы не сами факты, подлежащие установлению, а лишь сведения о них, сообщаемые допрашиваемым или экспертом.

ственных (судебных) действий, в следующей стадии будут служить доказательством для субъектов, осуществляющих доказывание.

Большинство фактов, интересующих следователя и суд, познается при помощи сведений о них, получаемых из различных источников. Доказательства могут быть средством установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, если они несут объективную информацию о них. Иначе и не может быть, потому что перед советским судом стоит задача достижения истины. Истина может быть достигнута, если будет правильно построен процесс познания. «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге»¹.

Сущность доказательства в уголовном процессе может быть объяснена только на основе теории познания диалектического материализма, теории отражения. «Логично предположить, — указывал В. И. Ленин, — что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения»². Отражение основано на всеобщности взаимодействия процессов, вещей, явлений. В процессе взаимодействия предметы, явления отражаются друг в друге в разнообразных формах, оставляя различные следы, отпечатки. «Способность любой вещи, любого явления в процессе взаимодействия продуцировать изменения состояний другой вещи, создавать в ней определенные отпечатки, следы, по своей структуре изоморфные некоторой стороне воздействующей вещи, и составляет существо присущего всей природе общего свойства отражения»³.

Диалектический материализм различает общее свойство отражения, присущее всей материи, и психическое отражение как свойство высокоорганизованной материи — живой природы. Свойство отражения составляет основу процесса познания человеком объективной действительности. Изменения, происшедшие в явлениях, объектах как результат их взаимодействия позволяют познать связи объектов, явлений, отдельные их стороны, свойства. Результаты непосредственного или опосредствованного взаимодействия предметов, процессов, явлений служат базой и для проникновения в сущность исследуемых объектов. Преступление, представляя собой определенную совокупность многих явлений, предметов, процессов, совершается в окружающей его среде, а потому соприкасается со многими другими явлениями, предметами, процессами объективной действительности. Вступая во взаимодействие с окружающими его предметами, явлениями, преступление

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 7—8.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 91.

³ В. С. Тютин, Сущность отражения и теория информации, «Кибернетика, мышление, жизнь», М., 1964, стр. 309.

отражается в виде следов, состояний предметов, динамических и статических процессов, а также в сознании людей. Факты, образующие событие преступления, взаимодействуя между собой, также могут сохранить отображения отдельных сторон преступления. Так как преступление совершается в определенных условиях места и времени, ему не только сопутствуют окружающие его предметы и явления, они предшествуют и следуют за ним. Преступление находится в разнообразных связях с этими группами фактов, явлений, предметов. Благодаря отражению как результату взаимодействия события преступления с другими явлениями объективной действительности делается возможным и его познание. В ходе совершения преступления (иногда до него и после него) идет и процесс формирования доказательственной информации.

Факты, образующие событие преступления, отражаются, запечатлеваются в сознании будущих свидетелей, обвиняемых, потерпевших, а также в виде изменений материальных объектов и т. д. В соответствующем процессуальном порядке эти фактические данные доводятся до следователя, судей, которые таким образом восстанавливают картину совершенного преступления или устанавливают его отсутствие.

Доказательствами в уголовном процессе нельзя называть ни факты, входящие в предмет доказывания, ни иные факты. В мышлении человека существуют, взаимодействуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них. Эти данные о предметах, явлениях — фактические данные, как уже сказано, представляют результат воздействия предметов, вещей, действий, событий на органы чувств свидетелей, обвиняемых, потерпевших.

«...Чувственное представление *не* есть существующая вне нас действительность, а только *образ* этой действительности»¹. Это ленинское положение позволяет правильно раскрыть суть понятия доказательства. Восприятие фактов реальной действительности всегда происходит в субъективной форме. Это положение не требует пояснения, когда мы говорим о фактах, сведения о которых содержатся в показаниях свидетелей, обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, заключениях экспертов. Факты, сведения о которых содержатся в протоколах следственных и судебных действий, также отражаются в сознании судей, следователя, понятых.

При непосредственном восприятии фактов следователем, судьями схема формирования доказательства выглядит следующим образом: событие преступления — факт, являющийся его составной частью, но продолжающий существовать к моменту производства расследования или судебного разбирательства, — восприятие его следователем (судьями) — закрепление непосредственного восприятия в протоколе следственного действия (протоколе судебного заседания).

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 114.

Факты, сведения о которых удостоверяются или излагаются в иных документах, также отражаются в сознании авторов документов (должностных лиц, граждан).

Субъективная форма восприятия распространяется и на вещественные доказательства. Те или иные предметы становятся вещественными доказательствами только тогда, когда они отражают (изменяя свою структуру, состояние) взаимодействие с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, или фактами, необходимыми для установления последних.

Чтобы иметь возможность говорить о свойствах предметов как о вещественных доказательствах, всегда необходима информация о времени и месте обнаружения предмета, его состоянии, принадлежности конкретному лицу и т. д. Без протоколов обнаружения (протокол обыска, выемки, осмотра места происшествия и др.) и осмотра предмета нет вещественного доказательства.

Особенности вещественных доказательств — в условиях формирования их, а не в том, что вещественные доказательства будто бы дают не информацию о фактах прошлого, а служат лишь основанием для построения версий об этих фактах. Если вещественное доказательство не содержит относимой к делу информации о подлежащих установлению фактах, то оно не может быть доказательством, так же как и любой другой источник, не содержащий необходимых фактических данных.

По мнению В. Д. Арсеньева, «предмет (след)... не может выступать как сигнал информации, ибо если обвиняемый и оставил его на месте происшествия, то он все же не намеревался таким образом «информировать» следственные органы о своем пребывании здесь, подобно тому как он информирует их о данном факте, когда дает показания о совершенном преступлении»¹.

Разумеется, предмет со следами рук по своим физическим свойствам отличается от устного сообщения обвиняемого. Но следы рук (после их обнаружения и соответствующего процессуального оформления и исследования), как и признание обвиняемым своей виновности, несут информацию (сведения) о доказываемых фактах. В первом случае — о пребывании обвиняемого на месте происшествия, а во втором — о самом событии преступления. Главное заключается не в намерениях обвиняемого, а в том, что как сообщение, так и оставленные следы находятся в объективной связи с фактом, имеющим значение для дела, и позволяют доказать его существование.

По мнению В. Д. Арсеньева, «вещи как доказательства в силу стихийного характера их возникновения не содержат достаточно определенного кода, т. е. заранее обусловленной системы знаков, благодаря которой мы можем воспринимать информацию... У ве-

¹ В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 85.

вещественных доказательств и у доказательственных фактов настоящего времени как фактов реальных объективная форма совпадает с их содержанием»¹. Эту группу доказательств В. Д. Арсеньев именует «материально-предметными доказательствами».

Автор, по нашему мнению, необоснованно отождествляет понятие предмета и вещественного доказательства, а также процесс образования следов, свойств предмета с процессом формирования вещественного доказательства.

Предмет, находящийся в том или ином состоянии или имеющий те или иные признаки, следы, не может еще рассматриваться как вещественное доказательство. Без восприятия свойств обнаруженного предмета человеком свойства предмета теряют основные качества сигнала (быть переносчиком информации), а содержащаяся в них информация не включается в поле зрения следователя, суда. Однако и воспринятый сигнал, несущий сведения об искомом факте, еще не становится доказательством в уголовном процессе. Доказательством он может стать лишь в пределах соответствующим образом организованной для передачи информации правовой системы, когда приобретает требуемую законом уголовно-процессуальную форму. Такой системой является «предмет — человек». Вне ее свойства и состояния материального объекта не могут стать вещественными доказательствами.

Процесс формирования вещественного доказательства делится на стадии, которым соответствует сначала образование материальных следов, состояние вещи, а затем их восприятие и фиксация в процессуальных документах. Иными словами, при формировании вещественного доказательства имеет место двойное, тройное отражение (событие преступления — предмет — человек, обнаруживший предмет, — осмотр предмета — фиксация в протоколе). Необходимым элементом понятия вещественного доказательства выступает протокол осмотра предмета (ст. 84 УПК РСФСР)², составление которого предназначено, чтобы зафиксировать и передать чувственно-наглядный вид предмета, его признаки, имеющие доказательственное значение. Ту же роль формы вещественного доказательства играет и описание свойств предмета в протоколе его обнаружения (протоколе обыска, осмотра места происшествия и др.), когда не составляется отдельный протокол осмотра предмета (ст. 179 УПК РСФСР). В таких случаях в одном процессуальном документе фиксируются две группы свойств предмета,

¹ В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 86, 105.

² Обнаруживается и осматривается, конечно, не вещественное доказательство, а предмет, вещь. Вещественное доказательство еще не сформировалось к этому моменту. Оно появится только после осмотра предмета и вынесения постановления о признании его вещественным доказательством. Поэтому терминология закона (ст. 84 УПК РСФСР) не вполне точна.

одна из которых составляет содержание протокола следственного или судебного действия как самостоятельного вида доказательств, а другая — содержание вещественного доказательства. Письменное сообщение о свойствах предмета, изложенное в протоколе и являющееся необходимым условием признания последнего доказательством, не отличается в принципе от других форм сообщений, с помощью которых фиксируется и передается доказательственная информация о предмете доказывания.

Вещественным доказательством является не предмет, взятый сам по себе, а предмет с его определенными свойствами, качествами, состояниями, объективно связанными с обстоятельствами предмета доказывания или побочными, промежуточными фактами, и в силу этого несущий о них информацию. Поэтому закон (ст. 83 УПК РСФСР) относит к вещественным доказательствам не просто предметы, а предметы, которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления и т. д.

Различные связи предмета с обстоятельством, подлежащим доказыванию, могут быть установлены одновременно и в зависимости от различных факторов. Если, например, предмет интересен для следователя по месту его обнаружения, то внешняя связь предмета с обстоятельствами, подлежащими установлению, может быть вскрыта при обнаружении и осмотре предмета, а внутренняя — при оценке всей совокупности доказательств. Предмет может быть связан с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, многими своими свойствами, признаками. В таких случаях объективные связи устанавливаются при помощи различных доказательств: заключения эксперта, показаний свидетеля, протокола следственного (судебного) действия и др. Так, значение признаков топора, обнаруженного при осмотре места происшествия по делу об убийстве, раскрывается через содержание протокола осмотра места происшествия (место обнаружения, его положение относительно других предметов); через содержание показаний свидетеля (принадлежность конкретному лицу); заключения эксперта (субстрат пятна: кровь человека, животного или краситель); вещественного доказательства (внешний вид: размер, конфигурация, цвет пятен) и др.

Содержание протоколов следственных и судебных действий составят отражения таких свойств и состояний предмета, которые можно наблюдать только в условиях производства следственного (судебного) действия, когда обнаруживается предмет, вещь. К ним, например, относятся: время и место обнаружения предмета, его положение относительно других предметов в момент осмотра места происшествия, помещения или местности, обыска, выемки. Эти признаки, свойства характеризуют предмет в условиях окружающей его обстановки. Они не следуют за изымаемым предметом и не могут быть сохранены путем изъятия и приобщения предмета к делу. Содержание вещественного доказательства

образуют только те материальные свойства предмета, которые доступны непосредственному познанию следователя, судей.

Содержание заключения эксперта составляет отражение тех свойств и состояний предмета, которые не воспринимаются непосредственно следователем и понятыми, а устанавливаются экспертом на уровне выводного знания. Если предметом исследования эксперта могут быть и некоторые непосредственно воспринимаемые свойства предмета (признаки почерка, пятно), то содержанием его заключения всегда будет вывод о других свойствах и состояниях предмета: о составе вещества, образующего пятно (кровь, чернила или ржавчина), о лице, исполнившем документ, и т. д.¹

Все сказанное позволяет сделать выводы: доказательство всегда имеет объективное содержание (отраженный факт объективной реальности) и субъективную форму (отражение в сознании конкретного субъекта) — элементы, характерные для любого процесса познания, в том числе и для процесса познания, который происходит при формировании доказательства.

Первичным, определяющим в этом единстве являются фактические данные (содержание), представляющие собой информацию об обстоятельствах дела. Эта информация хранится в памяти будущих свидетелей, потерпевших, обвиняемых и т. д.

Для того чтобы стать доказательством, фактические данные должны быть относящимися к делу. Сведения, которые не подтверждают и не опровергают фактов, имеющих значение для дела, не могут рассматриваться как доказательства. Свойство относимости фактических данных — обязательный признак доказательства.

Другим необходимым признаком доказательства является допустимость. Относимые фактические данные должны соответствовать всем предъявляемым законом требованиям к порядку и условиям собирания доказательств соответствующего вида.

Уголовно-процессуальная форма доказательства имеет существенное значение, поскольку доброкачественность доказательства во многом зависит не только от объективных свойств исследуемого события (отображаемое), но и от качества источников (отображающее), а также от иных объективных и субъективных факторов, влияющих на формирование и воспроизведение доказательства. Поэтому закон устанавливает, что относящиеся к делу фактические данные могут быть допущены в качестве до-

¹ Когда связь вещественного доказательства и заключения эксперта выражается через предмет (его различные свойства), то отсутствие сведений о месте и условиях обнаружения предмета повлечет недопустимость как вещественного доказательства, так и заключения эксперта. Подробнее о соотношении понятий вещественного доказательства и других видов доказательств см. В. Я. Дорохов, Природа вещественных доказательств, «Советское государство и право» 1971 г. № 10, стр. 109—114.

казательств в том случае, если они содержатся в конкретном источнике, относительно которого имеются необходимые гарантии, позволяющие в конечном счете использовать только достоверные фактические данные, содержащиеся в нем. Ими служат показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение эксперта, вещественное доказательство, протокол следственного или судебного действия и иной документ (ст. 16 Основ).

Точное перечисление в законе источников сведений о подлежащих установлению фактах необходимо, чтобы не допустить использования недоброкачественных источников. Допущение в уголовный процесс фактических данных, содержащихся в законных источниках, должно соответствовать установленному процессуальному порядку в отношении каждого вида доказательств.

Предъявляемые к форме доказательств требования составляют важные гарантии достоверного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию; обоснования принятых решений; органического сочетания требования раскрытия преступлений, избрания и справедливого наказания виновных и охраны прав участников процесса.

Эти требования позволяют, в частности, обеспечить: а) контроль за полнотой и точностью отображения исследуемого события на тех этапах формирования доказательства, которые находились вне сферы уголовного процесса; б) полноту и точность отображения на тех этапах формирования доказательства, которые входят в сферу уголовно-процессуальной деятельности (получение показаний, осмотр предметов и др.), а также правильность дальнейшего использования полученных доказательств.

Отсюда — установление в законе процессуального положения свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, эксперта; правил осмотра места происшествия, предъявления для опознания, обыска, освидетельствования и других следственных и судебных действий и их процессуального оформления; порядка допроса лиц, дающих показания, процессуального оформления предметов, свойства которых могут быть содержанием вещественных доказательств, процессуального режима оперирования отдельными видами доказательств и т. д.

Названные выше признаки и свойства специфичны для понятия доказательств в уголовном процессе и вытекают из ст. 16 Основ. Этими, присущими только им, особенностями доказательств в уголовном процессе отличаются от других сведений о фактах, применяемых в качестве доказательств в иных отраслях практической деятельности, а также при научном исследовании, как и от вспомогательной фактической информации, используемой в судопроизводстве для построения версий и т. п.

Доказательства в уголовном процессе, представляя собой единство фактического содержания и законной формы, в целом служат «средствами доказывания» искомых по делу фактов.

Употребляемый иногда в литературе термин «средство доказывания» не выражает какого-либо особого понятия. Им пользуются иногда для обозначения источника фактических данных. Однако по точному смыслу термин «средство доказывания» означает то, с помощью чего осуществляется доказывание, т. е. доказательство. Мы и будем употреблять этот термин как равнозначный термину «*доказательство*», обозначающему единство фактических данных и их процессуального источника.

Перечисленные в ч. 2 ст. 16 Основ показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение эксперта, протоколы следственных и судебных действий и иные документы мы будем называть *источниками фактических данных*. Источником фактических данных применительно к вещественному доказательству является протокол осмотра предмета вместе с самим предметом. Источник фактических данных входит одним из необходимых элементов в понятие доказательства.

Для обозначения лица, занимающего определенное процессуальное положение и сообщającego сведения о фактах, мы будем употреблять термины «*источник доказательства*» и «*носитель доказательства*»¹.

Выделение источника доказательства представляется вполне обоснованным. Влияя на содержание доказательства и определяя его субъективную форму, источник доказательства вместе с тем не входит в понятие доказательства в качестве его элемента.

Источниками таких доказательств, как фактические данные, содержащиеся в показаниях свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого и заключении эксперта, являются лица, дающие показания и заключения. В законе учитывается при определении их процессуального положения, что именно от них исходят доказательства о фактах, подлежащих установлению. Правильная регламентация их процессуального положения без учета той роли, которую они играют как источники доказательств, была бы невозможна.

Носителями вещественного доказательства будут следовательно и понятия, а также граждане, представившие предмет. Без указания лиц, обнаруживших предмет и описавших его свойства, приобщенный к делу предмет теряет значение доказательства. В. Д. Арсеньев считает, что «применительно к вещественным доказательствам нужно говорить об их «первоисточнике», каковым... будет выступать место их обнаружения и изъятия»². Такой вы-

¹ Автор этого параграфа полагает, что для обозначения лица, от которого исходит доказательство (фактические данные, облеченные в требуемую законом форму), было бы достаточно использовать термин «источник доказательства». Однако термин «носитель доказательства», обозначающий то же понятие, также широко употребляется в литературе и имеет право на существование.

² В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 119.

вод проистекает из смешения предмета с вещественным доказательством и отождествления процесса формирования вещественного доказательства с процессом образования следов. В действительности место нахождения предмета является одним из его свойств, признаков, отображаемых в протоколе следственного (судебного) действия, но никак не источником вещественного доказательства.

Вызывает серьезные сомнения и позиция В. Д. Арсеньева по вопросу об источниках таких доказательств, как протоколы следственных и судебных действий и иные документы. Он полагает, что автор документа как бы отделился от него, «а его место занял материальный предмет (штрихи на бумаге и т. п.), начавший уже самостоятельно существовать как источник доказательств». И далее: «Благодаря специфическому процессу формирования документа как доказательства в нем воедино сливаются источник доказательств и средство доказывания»¹.

Подобный «критерий» для определения понятия источника доказательства можно было бы обнаружить и у других видов доказательств. Заключение эксперта, изложенное в письменной форме, также «отделяется» от эксперта и приобретает самостоятельное существование, как и показания свидетеля, обвиняемого и др., изложенные в протоколах допроса. И, конечно, нельзя усмотреть «отрицательную сторону», порожденную якобы особенностями «документов как источников и средств доказывания», в том, что содержащиеся в протоколах и документах «сведения невозможно непосредственно уточнить и дополнить»². То, что В. Д. Арсеньев считает «недостатком» протоколов следственных и судебных действий, как и иных документов, в действительности представляет одну из особенностей этих видов доказательств, наличие которой указывает на необходимость усматривать понятие источника доказательств не в самих протоколах и иных документах, а за их пределами, без чего невозможны проверка и оценка соответствующих фактических данных. Источниками доказательств в рассматриваемых случаях являются лица, составившие протокол (следователь и понятые)³, документ (авторы документа), которые в письменной форме излагают сведения о фактах, имеющих отношение к делу.

В законе названы источники применительно ко всем видам доказательств. В соответствии с этим разработана и система га-

¹ Там же, стр. 117, 118. К такой аргументации В. Д. Арсеньев уже обращался, когда утверждал, что у вещественных доказательств «форма совпадает с их содержанием». Различие состоит лишь в том, что в данном случае «совпадают», «сливаются» не форма с содержанием, а «источник доказательства» и «средство доказывания».

² Там же, стр. 118.

³ Для предотвращения возможного недоразумения необходимо отметить, что следователь является субъектом исследования и не обращает

ратный, в максимальной степени обеспечивающая достоверность доказательств, в том числе направленных на предотвращение искажения информации ее носителем. Источник доказательства должен быть известен органу расследования и суду. Знание источника создает возможность проследить стадии формирования доказательства, обеспечивает возможность его проверки. Поэтому обращение к незаконному или неизвестному источнику доказательств сведений влечет недопустимость полученных сведений в качестве доказательства.

Представление о доказательстве как о единстве фактических данных и их источников находит подтверждение в теории информации, одной из наук, входящих в комплексную науку — кибернетику.

Обращение к теории информации для объяснения сущности понятия доказательства правомерно, так как «к информации относятся все сведения, полученные человеком из внешнего мира при помощи органов зрения, слуха, осязания, обоняния»¹. В основе теории информации (как и в основе теории доказательств в уголовном процессе) лежит ленинская теория отражения, которая в свою очередь исходит из присущего материи объективного свойства — свойства отражения².

Базисное значение для интерпретации понятия уголовно-процессуального доказательства в информационном смысле имеет понятие *сигнала*. Под сигналом в теории информации понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о собы-

информацию самому себе. Данные, излагаемые в протоколах следственных действий, названных в ст. 87 УПК РСФСР (когда следователь вместе с понятыми выступают в качестве источника доказательств), не являются для следователя доказательствами. Все обнаруженное при осмотре, обыске, выемке познается следователем не через протокол следственного действия, а непосредственно. Протокол, содержащий информацию о непосредственно воспринятых следователем и понятыми фактах, выступает доказательством для всех иных субъектов исследования и лиц, не принимавших участия в производстве соответствующего следственного действия.

Следователь не может быть носителем свидетельских показаний по поводу обстоятельств, сведения о которых он получил при производстве по уголовному делу. В частности, следователь не может быть допрошен в судебном заседании для «закрепления» полученных им показаний от свидетелей, потерпевших, обвиняемых. Не должен он выступать в качестве свидетеля и для подтверждения или отрицания правильности своих действий при расследовании дела. Иная точка зрения, изложенная В. Д. Алексеевым и А. Д. Бойковым («Советская юстиция» 1968 г. № 1, стр. 16), не соответствует закону. Закон не допускает в пределах одного дела возможности совмещения в одном лице правомочий, связанных с проведением следственных действий и принятием решений по делу, с обязанностью давать свидетельские показания.

¹ И. П. Б л о х, Основные понятия теории информации, Л., 1959, стр. 4.

² «Философские вопросы кибернетики», М., 1961, стр. 116; Б. С. У к р а и н ц е в, Информация и отражение, «Вопросы философии» 1963 г. № 2; И. Б. Н о в и к, К вопросу о единстве предмета и метода кибернетики, «Кибернетика, мышление, жизнь», М., 1964, стр. 112—115.

тип, явление, объекте, т. е. модель события, явления, объекта! Сигнал является результатом взаимодействия не менее двух структур, например среды и человека. Основное качество сигнала состоит в том, что он находится в отношении соответствия с этим событием, фактом. Взаимное соответствие сигнала и события существует в определенных пределах, так как сигнал отражает лишь часть, отдельные стороны события.

Содержание сигнала образует информация о событии, объекте. Формой сигнала служит способ, вид существования информации (электромагнитные волны, изменение предмета, магнитная запись, акустические колебания и т. д.). Без материальной формы информация не может существовать, перерабатываться, передаваться. Но и одна материальная форма, не содержащая информации, не обладает свойствами сигнала. «Превращение информации в самостоятельную субстанцию есть идеализм, а сведение ее к материальной форме есть вульгарный материализм»².

Сигнал-образ в отличие от сигнала в технических устройствах имеет и свои особенности, которые определяются в первую очередь специфической организацией носителя сигналов — человека. Для человека сигнал-образ, несущий информацию об объекте, выступает как модель объекта. В образе отражается объект познания, взаимодействующий с активным субъектом. Психическое отражение (восприятие, ощущение, представление и т. п.) фактов реальной действительности по своей форме всегда субъективно в отличие от объективной формы их существования. Неповторимость образа объясняется сугубо индивидуальными особенностями нервной системы и жизненного опыта каждого человека. Психическое отражение вместе с тем материально по своей природе, происхождению³. Оно также непосредственно связано с нервной системой, организмом человека и в этом смысле существует объективно. В психическом отражении идеальное и материальное составляют органическое единство, ибо мысль есть и функция нервной системы, и отражение объективной действительности⁴. В единстве двух сторон психического отражения первичным, определяющим является материальное. Предмет реальной действительности (объект познания) независим от его

¹ О понятии сигнала см. И. А. Полетаев, Сигнал, М., 1958, стр. 25—44.

² В. С. Тюттин, О природе образа, М., 1963, стр. 23.

³ Отражение как свойство материи, конечно, нельзя отождествлять с самой материей, равно как нет оснований говорить и о нематериальности отражения, так как оно является одним из свойств материи (В. С. Украинцев, Информация и отражение, «Вопросы философии» 1963 г. № 2, стр. 29).

⁴ Некоторые философы считают психику идеальной и в онтологическом аспекте рассмотрения (см. «Ленинская теория отражения и современность», Москва — София, 1969, стр. 149—151). Такая точка зрения, по мнению других философов, недостаточно обоснована (см. «Современные проблемы теории познания диалектического материализма», т. 1, М., 1970, стр. 257).

образа, так же как и истинное содержание образа не зависит от субъекта. В гносеологическом аспекте различие психического и физического, образа и предмета, сознания и материи носит абсолютный характер¹.

Доказательство в уголовном процессе, будучи отражением объекта, структурно не отличается от сигнала. Оно так же, как любой сигнал, имеет содержание — фактические данные, т. е. информацию, сведения о фактах, подлежащих установлению по делу. Показания свидетелей, потерпевших, заключения экспертов и другие источники фактических данных представляют собой ту материальную форму, в частности словесную оболочку, в которой содержатся и при помощи которой передаются сведения, информация о фактах.

От иных сигналов доказательство отличается своим специфическим содержанием, определяемым предметом доказывания по уголовному делу, а также правовыми требованиями, предъявляемыми к носителю информации, к порядку обнаружения, сохранения и передачи сведений, т. е. тем, что образует уголовно-процессуальную форму фактических данных и делает их доказательствами. В этом смысле доказательство в уголовном судопроизводстве является специфической разновидностью сигнала.

Все сказанное позволяет еще раз вернуться к оценке точек зрения, сформулированных в ходе дискуссии о понятии доказательства, которая предшествовала принятию Основ 1958 года. Это необходимо потому, что в теории доказательств продолжается полемика по этому вопросу, хотя «удельный вес» охарактеризованных выше точек зрения и изменился.

В частности, некоторые авторы все еще считают возможным говорить о двойственном характере понятия доказательства². Нашло своих сторонников и высказанное ранее мнение, согласно которому под доказательствами понимаются лишь факты, а источники фактических данных именуются «средствами доказывания» и не включаются в понятие доказательства³.

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 151.

Нельзя поэтому признать точным вывод С. А. Голунского, к которому он пришел, рассматривая в гносеологическом плане вопрос о соотношении доказательства с предметом доказывания: «Нет абсолютной противоположности между доказательством и доказуемым фактом» (назв. статья, стр. 154).

² М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 291—294; Р. Д. Рахунов, О понятии доказательства и главном факте доказывания, «Советское государство и право» 1965 г. № 12, стр. 96; В. Д. Арсеньев, Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе. Автореферат докторской диссертации, М., 1967, стр. 10, и др.

³ И. Д. Перлов, Уголовное судопроизводство в СССР, М., 1959, стр. 35—36; Б. А. Галкин, Советский уголовно-процессуальный закон, М., 1962, стр. 175; Р. С. Белкин, Собрание, исследование и оценка доказательств, М., 1966, стр. 10—12; «Уголовный процесс РСФСР», Воронеж, 1968, стр. 85—87, и др.

В то же время в процессуальной литературе все более распространяется новое понимание доказательства как единства фактических данных и их источников¹. Именно оно и представляется единственно правильным.

В ст. 16 Основ законодатель объединил фактические данные и источники в одном понятии доказательств как два его необходимых элемента. Источник и фактические данные, взятые сами по себе, в отрыве друг от друга, не образуют доказательств. Например, показания свидетеля (источник), не содержащие сведений о конкретных фактах, относящихся к делу, не служат средством познания того, что произошло в действительности, а потому и не могут рассматриваться как доказательство. Не может служить доказательством и односложный ответ обвиняемого на вопрос, признает ли он себя виновным в предъявленном ему обвинении. Ответ обвиняемого в форме: «Да, признаю», «Нет, не признаю» — не содержит фактических данных, подтверждающих его виновность или невиновность, а выражает лишь психическое отношение обвиняемого к предъявленному обвинению. Не может быть доказательством предмет, не имеющий определенных признаков, следов, интересующих следователя и суд по данному делу, хотя при обнаружении и изъятии предмета (например, при осмотре места происшествия) предполагалось, что эти признаки, следы имеются. С другой стороны, не могут рассматриваться как доказательства в уголовном процессе и фактические данные, взятые в отрыве от законного источника.

Неустранимым недостатком двойственного определения доказательства следует считать не только необоснованное допущение разрыва между фактическими данными и источниками, в кото-

¹ В. Я. Дорохов, Вопросы теории доказательств в новом законе, «Вопросы нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства СССР», М., 1959, стр. 79—83; он же, О понятии доказательства в советском уголовном процессе, «Советское государство и право» 1964 г. № 9, стр. 108—117; В. А. Пригузова, Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе, М., 1959, стр. 11; Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 6—22; А. И. Вилберг, Г. И. Кочаров, Г. М. Миньковский, Актуальные вопросы теории судебных доказательств в уголовном процессе, «Социалистическая законность» 1963 г. № 3, стр. 19—27; А. Л. Ривлин, С. А. Альперт, М. И. Бажанов, О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве, «Социалистическая законность» 1963 г. № 9, стр. 40—41; Б. С. Тетерин, О способах собирания доказательств в уголовном процессе, «Правоведение» 1964 г. № 2, стр. 67—68; А. А. Эйсмани, Заключение эксперта в системе судебных доказательств. Автореферат докторской диссертации, М., 1965, стр. 28, и др. Изменили свое мнение и разделяют нашу точку зрения о едином понимании доказательства А. И. Трубетский «Вопросы кибернетики и право», М., 1967, стр. 21), М. Л. Якуб («Советский уголовный процесс», под ред. Д. С. Карева, М., 1968, стр. 98—100); П. А. Лупинская («Уголовный процесс», под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 106) и др.

рых они содержатся, но и то, что в нем приравняются понятия, лежащие фактически в различных плоскостях: с одной стороны, соотношение фактических данных с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, а с другой — отношение источников к фактическим данным. Между тем сущность понятия доказательства определяет именно соотношение фактических данных, полученных от свидетелей, обвиняемых, экспертов и т. п., с искомыми фактами. Ведь целенаправленность использования доказательств вытекает из необходимости познания фактов прошлого события.

Законодатель, указав в ст. 15 Основ на обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, в ст. 16 Основ относит к доказательствам по уголовному делу лишь такие содержащиеся в законных источниках «фактические данные, на основе которых ...органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела».

Сторонники двойственной трактовки понятия доказательства в соответствии со своим мнением последовательно, хотя и неправильно, включают в предмет доказывания и доказательства¹, стирая тем самым грань между предметом и средством доказывания.

Концепция двойственного доказательства приводит к тому, что ее авторы неоднозначно характеризуют свойства доказательств.

Поскольку с позиции двойственного понимания доказательства в качестве самостоятельных доказательств выступают и «источник», и «доказательственный факт», постольку каждое из двух доказательств должно быть и относимым и допустимым. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что взятые отдельно «источник» и «доказательственный факт» такой совокупности свойств не имеют. Источник может быть допустимым (в силу законной формы), но не относимым (отсутствие содержания), а факт — относимым (наличие содержания), но не допустимым (отсутствие законной формы). Отсюда и характеристика доказательства «как источника сведений о факте» только со стороны одного его свойства — допустимости, а доказательства «как факта» — со стороны относимости².

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 369.

² Характерно, что М. С. Строгович в «Курсе советского уголовного процесса» о свойстве относимости пишет в главе «Предмет доказывания» (стр. 361), а о свойстве допустимости — в главе «Отдельные виды доказательств» (стр. 393). В главе, в которой излагается понятие доказательства (стр. 287—294), об относимости и допустимости даже не упоминается.

Несостоятельность двойственного определения доказательства очевидна и при рассмотрении структуры прямых и косвенных доказательств. М. М. Гродзинский в свое время утверждал, что структура тех и других однородна и включает доказательственный факт. «Если свидетель в своем показании заявляет, что он был очевидцем убийства, совершенного обвиняемым, и если суд после рассмотрения и оценки этого показания признает его правильным, т. е. признает, что свидетель действительно наблюдал указанные действия обвиняемого, то отсюда прямо и непосредственно последует вывод о доказанности искомых фактов данного дела. Поэтому здесь доказательственный факт — наблюдение свидетелем действий обвиняемого — является прямым доказательством, а показание свидетеля — очевидца — источником прямого доказательства»¹. М. С. Строгович, возражая М. М. Гродзинскому, правильно определяет значение наблюдения свидетеля как «необходимое условие для образования доказательств». Однако, утверждая затем, что «доказательственный факт имеется только в косвенном доказательстве, а в прямом его нет, так как в нем источник доказательства непосредственно устанавливает главный факт»², М. С. Строгович допускает две неточности. Во-первых, он отождествляет фактические данные, содержащиеся в косвенном (как и прямом) доказательстве, с фактом объективной реальности и тем самым оставляет в стороне вопрос о достоверности фактических данных и, во-вторых, отождествляет понятие доказательства с источником, т. е. с одним из элементов доказательства.

Нельзя согласиться с М. С. Строговичем и в том, что в отношении прямого доказательства, «в котором отсутствует доказательственный факт, оценка доказательства ограничивается оценкой источника сведений о главном факте»³.

В таком прямом доказательстве действительно отсутствует «доказательственный факт», понимаемый как промежуточный. Но, как и во всяком доказательстве, в прямом содержатся фактические данные, которые не могут быть отождествлены с объективными обстоятельствами преступления. При наличии прямых доказательств предмет доказывания познается следователем, судом не установлением факта наблюдения или источника, а посредством проверки и оценки как источника, так и содержащихся в нем фактических данных.

Таким образом, структура доказательства едина как для

¹ М. М. Гродзинский, Улики в советском уголовном процессе, «Ученые труды ВЮОН», вып. VII, М., 1944, стр. 3—4.

² М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М.-Л., 1955, стр. 242.

³ Там же, стр. 246.

прямого, так и для косвенного доказательства. Единство фактических данных и их источника характеризует любое доказательство.

Двойственное определение доказательства, неточно выражающее его сущность, затрудняет выяснение понятия доказательства и может породить досадные недоразумения и тем самым привести к ошибкам на практике. Оно связано, в частности, с теми случаями, когда следователь и суд подменяют анализ доказательств перечнем их источников и обосновывают свои выводы о виновности обвиняемого ссылкой на показания свидетелей, обвиняемых и другие источники, хотя в них не содержится фактических данных, имеющих отношение к делу.

Точка зрения тех авторов, которые под доказательствами понимают только факты объективной действительности, а не сведения о них, в основе своей строится также на отрыве фактических данных от их источников. Вся аргументация сторонников этой точки зрения направлена на то, чтобы исключить из понятия доказательства источники. Причем эта ошибка усугубляется тем, что на место сведений о фактах (фактических данных) вопреки тексту закона ставятся сами факты объективной действительности. «В соответствии с Основами уголовного судопроизводства, — пишет, например, Л. Н. Гусев, — доказательствами по уголовному делу считаются только фактические данные, т. е. факты объективной реальности»¹.

Подобное понимание доказательства не объясняет соотношения доказательства с исследуемым событием, в частности необходимость собирания сведений о фактах прошлого с тем, чтобы на основе тех из них, которые будут признаны достоверными, сделать вывод об этих фактах. Очевидно, таким образом, что эта точка зрения не позволяет вскрыть особенности процесса доказывания и каждого вида доказательств, дать ответ на многие вопросы теории, следственной и судебной практики.

Утверждение, что источники сведений о фактах лежат за пределами понятия доказательства, равносильно исключению всех операций с этими источниками из процесса доказывания. Оно сводит судебное доказывание к логическим операциям с «готовыми» фактами. Вопрос же о допустимости «доказательств-фактов» вообще лишается смысла. В том, что определение доказательства как факта реальной действительности приводит к отождествлению доказательства с обстоятельствами исследуемого события, можно с очевидностью убедиться, если с этой точки зрения рассматривать прямое доказательство. При таком

---

¹ Л. Н. Гусев, Об Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, М., 1959, стр. 15. См. также М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 135.

подходе доказательство и доказываемое обстоятельство оказываются тождественными.

В несомненной связи с остальными положениями рассматриваемой точки зрения находится и утверждение ее сторонников о том, что не существует вопроса о достоверности судебного доказательства, ибо факты не могут быть сомнительными, доброкачественными или недоброкачественными¹. Действительно, факты, обстоятельства реального события не могут быть сомнительными или недоброкачественными, они или существовали, или не существовали. Но доказательства (сведения о фактах), которыми располагают следователь, суд, могут быть достоверными или сомнительными. От качества доказательств зависит правильность установления искомых фактов. В свою очередь качество доказательства во многом зависит от свойств источника, в котором находит выражение его содержание.

В связи со сказанным нужно отметить, что требование достоверности не может быть предъявлено заранее к каждому доказательству в момент его получения².

Допрашивая свидетелей, обвиняемых, производя экспертизы, осмотры и другие следственные действия, следователь или суд получает сведения об обстоятельствах события. Заранее определить достоверность полученных доказательств следователь и суд не могут. Только после проверки и оценки доказательств можно убедиться в том, какие из них соответствуют действительности.

Именно из понимания доказательств как фактических данных, содержащихся в определенной форме (а не из понимания доказательств как объективно существующих фактов), исходит законодатель в ст. ст. 15—17 Основ, в ст. ст. 68—83 УПК РСФСР, устанавливая порядок собирания, проверки и оценки доказательств. Например, в ст. 70 УПК РСФСР говорится: «Все собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда». Здесь законодатель называет доказательствами собранные, но еще не проверенные фактические данные, содержащиеся в источниках.

Отождествление доказательств с объективными фактами, в том числе и с обстоятельствами преступления, приводит и к другому противоречию. Окончательное суждение о событии преступления и других его обстоятельствах содержится в приговоре суда. Следовательно, получается, если принять эту точку зрения, что до вынесения приговора в деле вообще нет никаких доказательств (фактов), коль скоро они еще не установлены окон-

¹ С. А. Голунский, цит. статья, стр. 148; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 135.

² На это правильно указывает М. С. Строгович («Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 288).

чительно. Между тем понятие доказательства необходимо именно для того, чтобы можно было отличить доказательства от доказываемых фактов, определить порядок использования первых для установления последних и регламентировать процесс доказывания. Следовательно, суд должны исходить из понятия доказательства для того, чтобы принимать меры к обнаружению доказательств, их проверке и оценке в ходе расследования и рассмотрении уголовного дела, а не в момент завершения уголовно-процессуальной деятельности.

Понимание доказательства как факта объективной реальности не соответствует закону и практике органов расследования и суда. Это мнение может внести существенную путаницу в практику. Например, согласно пониманию доказательства как факта для вынесения обвинительного приговора показаний нескольких очевидцев, присутствовавших при совершении убийства, будет недостаточно, ибо, поскольку они показывают об одном и том же факте, налицо одно доказательство, а ст. 17 Основ требует совокупности доказательств. Напротив, обвинительный приговор должен считаться обоснованным, если один свидетель сообщит о всех фактах, входящих в предмет доказывания (с указанной точки зрения налицо совокупность доказательств).

При понимании доказательства только как фактов нельзя говорить о том, что следователь или суд обнаруживает новые доказательства в том случае, когда получает сведения о каком-либо уже известном факте из новых источников, хотя бы явилась необходимость в доказывании существования этого факта. Теряют смысл такие понятия, как приобщение, представление доказательств (о них говорится в ст.ст. 46, 51, 53, 54, 55, 70, 84 УПК РСФСР): приобщить к делу, представить следователю, суду можно не сами факты, а источники, в которых содержатся сведения о фактах.

Наконец, названная точка зрения, не позволяющая, несмотря на оговорки, рассматривать в тесной связи фактические данные и их источники¹, не дает возможности четко отграничить доказательства от сведений, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, равно как и от других данных непроцессуального характера.

---

¹ М. А. Чельцов утверждает, что «фактов как доказательств по уголовному делу не существует вне какого-либо средства доказывания (источника), к которому обращаются следователь, прокурор и суд в ходе доказывания» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 134). Очевидна неправильность этого утверждения. Выше М. А. Чельцов определил факт как «всякое явление материального мира, существующее независимо от того, знаем мы или нет о его существовании» (там же, стр. 132). В действительности вне источников не существуют фактические данные, сведения о фактах.

Необоснованна и ссылка сторонников этой точки зрения на закон в подтверждение правильности своего мнения. В ст. 16 Основ, ст. 69 УПК РСФСР закон называет доказательствами не «факты», а «фактические данные». Употребляемая законодателем терминология точно передает смысл понятия доказательства. «Фактические данные» — это полученные из законных источников сведения о фактах, подлежащих установлению по делу, но не сами факты, обстоятельства¹. О фактах, обстоятельствах, которые необходимо установить, говорится не в ст. 16 Основ (ст. 69 УПК РСФСР), а в ст. 15 Основ, ст. 68 УПК РСФСР, определяющих предмет доказывания.

В ст. 16 Основ название «доказательства» распространяется как на первую, так и на вторую часть статьи, где соответственно говорится о фактических данных и их источниках.

Трактовка доказательств как единства источников и фактических данных выражена и в других статьях Основ (например, ст. ст. 21, 23, 24, 25, 26, 38, 40, 43, 51).

В ст. 37 Основ законодатель прямо называет доказательствами показания подсудимых, потерпевших, свидетелей, заключения экспертов, протоколы и иные документы (имея в виду, что в них содержатся фактические данные). «Суд первой инстанции, — говорится в этой статье, — при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу: допросить подсудимых, потерпевших, свидетелей, заслушать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и иные документы».

Естественно, что суд может непосредственно воспринять показания свидетелей, обвиняемого, протокол, но не сами факты, сведения о которых содержатся в этих источниках. Предположить иное — значит признать возможность непосредственного познания судом всех фактов события, совершившегося в прошлом.

Из единого понятия доказательства в полном соответствии с Основами исходит и республиканское законодательство (ст. ст. 69—88 УПК РСФСР). Например, в ст. 88 сказано: «Документы являются доказательствами, если обстоятельства и факты, удостоверенные или изложенные учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, имеют значение для уголовного дела»². Здесь определение доказательства —

¹ Отождествление терминов «факт», «фактические данные» противоречит смысловому значению этих слов, принятому в русском литературном языке: «Факт — действительное событие, явление»; «Данные — сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения; основания для чего-нибудь»; «Фактический — отражающий действительное состояние чего-нибудь, соответствующий фактам» (С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1952, стр. 128, 784).

² Так же решается вопрос о понятии доказательства в УПК других союзных республик. Однако отдельные формулировки в УПК УССР, Кир-

документа законодатель начинает со второго элемента понятия доказательства — источника фактических данных, а затем характеризует содержащуюся в нем информацию (описание событий, фактов). Полностью воспринято оно и следственной, судебной практикой. Называя доказательствами показания свидетелей, обвиняемого, документ, следователи и суды исходят из того, что в них содержатся фактические данные, относящиеся к делу.

Правда, в процессуальных документах нередко обозначают для краткости термином «доказательство» отдельный элемент доказательства, т. е. в одних случаях фактические данные, в других — процессуальный источник сведений о факте, смотря по тому, что исследуется. Но при этом всегда подразумевается и другая сторона доказательства: о фактических данных говорится как о доказательстве, лишь с учетом соответствующей формы; обозначая как доказательство источник информации о факте, учитывают и значение самой информации. В этих случаях речь идет не о понятии доказательства как факта объективной реальности и не о двойственном понятии доказательства, а о распространительном употреблении одного из двух элементов единого понятия доказательства, как условно охватывающего все это понятие.

Определение доказательства, данное в ст. 16 Основ, раскрывает соотношение и между процессуальной и логической сторонами понятия доказательства — соотносимыми, но не тождественными. В логике доказательством (с точки зрения процессуальной терминологии) является аргумент, довод, подтверждающий выдвинутый тезис или опровергающий тезис, противоположный ему; мысль, обосновывающая или опровергающая другую мысль. Доказательства в уголовном судопроизводстве — это фактические данные, содержащиеся в законом установленном источнике.

Специфические признаки доказательства в уголовном судопроизводстве оказывают влияние на этапы и содержание процесса доказывания (см. гл. гл. III, V, VII).

Понятие доказательства в уголовном процессе связано в первую очередь с собиранием и проверкой доказательств. Главным образом здесь крайне важны специфические признаки доказательства для того, чтобы можно было отделять доказательства от всех иных сведений, применять наиболее целесообразные средства и порядок обнаружения, закрепления фактических данных и проверять собранные доказательства.

Проверенные и отобранные фактические данные подлежат оценке, дальнейшему исследованию на уровне рациональной степени познания, когда устанавливаются обстоятельства, входящие

гизской ССР, Азербайджанской ССР, Узбекской ССР не вполне точны. Например, в ст. 88 УПК УССР говорится: «Документы являются источниками доказательства, если в них изложены или засвидетельствованы обстоятельства, имеющие значение для дела». Слово «источниками» в тексте лишнее.

в предмет доказывания, делаются выводы о преступлении, виновности лица, его наказании и т. д. Для уголовно-процессуального доказывания особенности, связанные с понятием доказательства, имеют значение и на этом его этапе, так как основой выводов могут быть только фактические данные, собранные и проверенные в установленном законом порядке. Сведения о некоторых фактах, полученные в результате их непосредственного восприятия, также включаются в общий логический процесс установления предмета доказывания.

Проверенные фактические данные, которыми оперирует следователь (суд) в мышлении при построении выводов, можно условно именовать «доказательственными фактами». Они представляют собой достоверные знания о реальных фактах, используемые для выводов о других фактах и общих выводов о преступлении, виновности лица и его наказании. Так, основываясь на показаниях свидетелей, заключении эксперта и других доказательствах, тщательно проверенных и правильно оцененных, следователь может утверждать, что подозреваемый в момент совершения преступления находился на этом месте или вблизи него. Последнее утверждение является достоверным выводом, обоснованным знанием об объективном факте пребывания лица в определенном месте. Это знание послужит основой для построения вывода об обстоятельствах предмета доказывания.

Термином «доказательственный факт» можно обозначать и знания об отдельных обстоятельствах предмета доказывания. Так, например, если следователь после проверки и оценки показаний свидетелей-очевидцев, заключения эксперта установит, что тяжкие телесные повреждения причинены потерпевшему неизвестным лицом, то этот вывод будет также доказательственным фактом — знанием о происшедшем событии преступления. Этот доказательственный факт составит основу построения системы выводов об общественной опасности преступления, о виновности лица и степени его ответственности¹.

Следовательно, понятие доказательственного факта не означает ничего иного, кроме знания о фактах реальной действительности. Лишь отвлекаясь от процессуальных требований, предъявляемых к форме доказательств, от порядка их собирания и проверки и исследуя структуру логических выводов, допустимо условно обозначать достоверное знание о фактах термином «доказательственный факт» (т. е. аргументом в логическом выводе).

В этом логическом смысле о фактах, имеющих доказательственное значение, писал В. И. Ленин: «Факты, если взять их

¹ В этом значении употреблял термин «доказательственный факт» М. С. Строгович: «Устанавливаемый прямым доказательством факт — в известном смысле тоже доказательственный факт, так как из него делается вывод о виновности или невинности обвиняемого» (М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., 1946, стр. 167).

в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь»¹.

Для обозначения непосредственного знания или знания, достоверность которого доказана, в современной логике научного исследования пользуются термином «факт» («факт науки») ².

Употребление термина «доказательственный факт» («факт») возможно именно в данном смысле и при условии, что вывод (знание) о факте не отождествляется ни с объективно существующим фактом, ни с доказательством как фактической информацией о нем.

Многозначное же употребление термина «факт» и смешение его разных значений с терминами «доказательство», «фактические данные» нередко влекут неточное истолкование понятия доказательства.

В частности, именно такое отождествление терминов привело В. З. Лукашевича даже не к двойственному, а к тройственному определению понятия доказательства. Он считает, «что доказательствами, во-первых, являются факты, которые могут быть непосредственно установлены лицом, производящим дознание, следователем и судьями... Во-вторых, доказательствами являются сведения о фактах, подлежащих доказыванию... В-третьих, доказательствами являются доказанные по делу факты»³. Нетрудно заметить, однако, что в первом и третьем случаях доказательствами именуются достоверные знания о фактах, полученные при непосредственном познании фактов или посредством доказательств.

В действительности понятия доказательства и достоверного знания о фактах имеют разные значения и используются следователем (судом) не одновременно, а на разных этапах достижения истины. В уголовном процессе знания о фактах сначала надо получить (собрать фактические данные), проверить и лишь после этого использовать в качестве аргумента при построении логического вывода.

В законе выражено вытекающее из ленинской теории отражения понимание доказательства в уголовном процессе как *любых*

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350.

² «Логика научного исследования», М., 1965, стр. 46; «Философская энциклопедия», т. 5, М., 1970, стр. 298—299.

³ В. З. Лукашевич, О понятии доказательства в советском уголовном процессе, «Правоведение» 1963 г. № 1, стр. 118. Такое же смешение достоверного знания о факте с доказательством допускает В. З. Лукашевич и в более поздней работе (см. «Уголовный процесс» под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича, П. С. Элькинд, М., 1972, стр. 148). В. З. Лукашевич пишет также о том, что «в уголовном процессе факты познаются посредством информации, которая содержится в сведениях об этих фактах» (стр. 146). Однако автор не поясняет, чем отличается «информация», посредством которой познаются факты, от «сведений» об этих фактах.

фактических данных, содержащихся в указанных законом источниках, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.

Сформулированное в законе понятие доказательства является общеобязательным правилом, которым необходимо руководствоваться при обнаружении и закреплении фактических данных, при проверке и оценке доказательств. Возведение понятия доказательства в правовую норму оправдано и продиктовано социалистической природой советского уголовно-процессуального права, его содержанием и целевым назначением.

Звеном между общим понятием доказательства, данным в законе, и единичным доказательством выступает соответствующий вид доказательства — показания свидетеля, показания обвиняемого, заключение эксперта и др. Показания обвиняемого будут общим по отношению к единичному показанию обвиняемого и особенным по отношению к доказательству. В свою очередь понятие доказательства в уголовном процессе будет особенным относительно понятия доказательства в научной и практической деятельности.

Понятие доказательства, данное в законе, включает только наиболее существенные признаки, характерные для доказательств в уголовном процессе в целом и для каждого самостоятельного вида доказательств. В свою очередь понятие вида доказательств определяется в законе, исходя из общих, «сквозных» признаков, свойственных отдельным группам, разновидностям и т. д. Перечисление же всех признаков особенного в общем понятии невозможно не только из-за большого их числа, но и потому, что оно потеряет значение общего понятия.

Понятие доказательства, признаки, характеризующие его содержание и форму, взаимодействуют с понятиями, относящимися к условиям и порядку собирания, проверки и оценки доказательств. Закон исходит из реальности общего, особенного и отдельного, когда устанавливает требования, которым должно удовлетворять каждое доказательство, когда определяет правовую природу отдельных видов доказательств, процессуальный режим их формирования и проверки.

§ 2. ДОПУСТИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Понятия допустимости и относимости являются основополагающими для решения вопроса о пригодности или непригодности фактических данных для использования в качестве доказательств по уголовному делу.

Будучи взаимосвязанными и взаимообусловленными свойствами, признаками доказательств, допустимость и относимость характеризуют различные стороны последних.

Допустимость есть пригодность доказательства с точки зрения законности источников, методов и приемов получения сведений¹.

Под *относимостью* доказательства понимается наличие связи доказательства по содержанию с предметом доказывания или вспомогательными фактами, служащими для его установления (см. § 3 гл. IV).

Конечно, проверка допустимости и относимости фактических данных по уголовному делу тесно переплетается. И не только потому, что для решения вопроса о допустимости доказательства нередко приходится дополнительно собирать относящиеся к этому вопросу сведения (о состоянии здоровья свидетеля, подлинности документа и т. п.), но и потому, что именно законность источников, методов и приемов гарантирует полноту собирання относящихся к делу доказательств, как и своевременное установление неотносимости части имеющихся фактических данных.

В то же время надо все время иметь в виду и различие этих двух свойств доказательства. Выяснение каждый раз и того и другого свойства — это одно из необходимых условий обеспечения всесторонности, полноты, объективности исследования обстоятельств дела.

В процессуальной литературе известное распространение получила точка зрения, согласно которой допустимость доказательств определяется заранее законом, а относимость доказательств определяется судом (органом расследования), «исходя из задачи установления истины по данному конкретному делу»².

Это мнение нельзя признать вполне точным. Закон в равной степени определяет условия решения вопроса как о допустимости (нормы, установившие круг источников фактических данных и правила их получения), так и об относимости доказательств (нормы, определяющие предмет доказывания)³. Следовательно, суд выясняет, соответствуют ли конкретные фактические данные

---

¹ Слово «допустимость» буквально означает разрешение, предоставление возможности кому-либо участвовать в чем-либо или использовать какое-либо средство для чего-либо (С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1952, стр. 149—150).

² И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 51; «Советский уголовный процесс», М., 1956, стр. 66, и др.

³ Это правильно отмечено Ц. М. Каз в работе «Доказательства в советском уголовном процессе» (Саратов, 1960, стр. 25). Однако сформулированное ею положение — «наряду с относимостью доказательств закон содержит требование допустимости» — не безупречно с редакционной стороны. Закон, конечно, содержит не «относимость доказательств», а нормы, дающие ее общее понятие и позволяющие правильно решить вопрос об относимости каждого конкретного доказательства.

этим требованиям закона. Иными словами, закон дает обобщенный критерий для решения в каждом конкретном случае вопроса о наличии свойств относимости и допустимости; само же решение, которое должно соответствовать требованиям законности и обоснованности, принимается органом, ведущим производство по делу¹.

Рассмотрим теперь более подробно понятие допустимости доказательств. Как уже было отмечено, речь идет о таком необходимом свойстве доказательства, как его соответствие требованиям процессуального закона относительно источника, условий, способов получения и процессуального закрепления фактических данных о существенных обстоятельствах дела.

Задачи, стоящие перед советским правосудием, обуславливают необходимость соответствующих гарантий достоверности и полноты доказательственного материала и его убедительности, а также соответствие его характера нравственному и правовому сознанию трудящихся. Правила собирания (а также обнаружения и закрепления) фактических данных о существенных обстоятельствах дела как раз и представляют собой теоретически и практически обоснованные, надежные гарантии доброкачественности сведений, полученных соответствующим путем. Таким образом, требования относительно процессуальной формы доказательств, процессуальный режим доказывания в целом служат тому, чтобы установить истину, реализовать всю совокупность задач судопроизводства.

Если процессуальные правила собирания доказательств нарушаются, то оказываются под угрозой полнота и достоверность доказательственного материала; поэтому установление допустимости доказательств — необходимое условие их использования по делу.

Правила о допустимости отграничивают прежде всего информацию, могущую иметь доказательственное значение, от полученной без соблюдения этих правил². Эти правила обуславливают,

¹ Г. М. Резник в автореферате кандидатской диссертации «Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе» (М., 1969, стр. 5) обоснованно указывает, что наличие в законе четких, определенных критериев в равной мере присуще решению вопроса об относимости и о допустимости доказательств. Он неправ, однако, когда утверждает на этом основании, что, поскольку речь идет о строго правовой оценке, вышестоящий суд, обращая дело к рассмотрению, предпринимает признание нижестоящим судом относимости доказательств, которые предложено дополнительно собрать. Вышестоящий суд действительно вправе предложить собрать дополнительные данные, но это не исключает возможности признания их судом первой инстанции в конечном счете не относящимися к делу. К этому выводу в конце концов приходит и Г. М. Резник.

² Р. С. Белкин и А. И. Винберг («Криминалистика и доказывание». М., 1969, стр. 181) именуют вспомогательную информацию «ориентирующей».

далее, возможность или невозможность использования полученной информации в качестве доказательств определенного вида. На обоих этих этапах, когда устанавливается, обладает ли данная информация свойством допустимости, анализируется, от кого она исходит и кто ее собирает, содержание и последовательность осуществленных действий (способ собирания), характер и результаты фиксации собранной информации (ее сохранения и передачи в процессе производства по делу)¹.

Можно выделить следующие условия допустимости фактической информации, собираемой по делу²: а) известность и возможность проверки ее происхождения; б) компетентность и осведомленность лиц, от которых она исходит и которые ее собирают; в) соблюдение общих правил доказывания; г) соблюдение правил собирания данных определенного вида, гарантирующих от

щей», поскольку ее содержание указывает на место нахождения возможных носителей доказательственной информации, на условиях, в которых придется осуществлять процессуальные действия, и т. д. Однако они не правы, полагая, что эта информация не является доказательственной лишь потому, что «ее источником служат не изменения в среде, т. е. доказательства». Источником любой информации служат изменения в среде; с другой стороны, отнюдь не любые такие изменения являются доказательствами. Отличие «ориентирующей» информации от доказательственной состоит именно в отсутствии у первой признака допустимости. Неверно и утверждение указанных авторов, что «содержанием ориентирующей информации, полученной из непроцессуальных источников, могут быть сведения..., позволяющие правильно оценить собранные по делу доказательства» (стр. 181—182). Данные, не имеющие доказательственного значения, могут помочь в определении направлений и пределов проверки доказательств; оценка же их достоверности и значения по делу производится путем рассмотрения места данного доказательства в системе доказательств, и никакая информация, не имеющая доказательственного значения, здесь не используется.

¹ М. С. Строгович (цит. раб., стр. 307) полагает, что «не приносит никакой пользы в исследовании проблем доказывания перевод обычных процессуальных терминов на язык теории информации», хотя, по его мнению, такие чисто терминологические операции представляют собой «сравнительно невинное упражнение». Но все дело в том, что эти операции направлены не только на «осовременивание» языка теории доказательств, но прежде всего — на обеспечение возможности использовать закономерности, установленные теорией информации, при исследовании проблем доказывания в уголовном процессе. В частности, проблемы полноты и надежности системы доказательств не могут быть всесторонне освещены на современном уровне в отрыве от положений и понятий теории информации. И именно случайно в работе М. С. Строговича, отрицающего эту необходимость, указанные проблемы практически не рассматриваются.

² Интересные соображения по этим вопросам высказаны в некоторых работах последних лет. См., например, Р. С. Белкин, А. И. Вильберг, Криминалистика и доказывание, М., 1969, стр. 182—200; И. М. Лузгин, Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации, М., 1968, стр. 16; Ю. К. Орлов, Вещественные доказательства в уголовно-процессуальном доказывании. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970, стр. 11—15, и др.

неполноты и искажений; д) соблюдение правил, гарантирующих полноту и точность фиксации собранной информации в деле; е) отказ от включения в нее догадок, предположений.

Формулируя правила о допустимости доказательств, законодатель осуществляет это прежде всего в позитивной форме с тем, чтобы направлять самый процесс доказывания¹. Достижению указанной цели служат данные в законе характеристики доказательств и доказывания (ст.ст. 14, 16, 17 Основ), как и исчерпывающий круг допустимых источников фактических данных, могущих иметь доказательственное значение. При этом закон не только называет их, но дает характеристику каждого вида доказательств (ст.ст. 74—77, 80, 83, 87, 88 УПК РСФСР), как и способов их получения и фиксации.

Определяя характерные признаки каждого вида доказательств, закон регламентирует вопросы допустимости отчасти и в негативной форме, т. е. путем запрета использовать в качестве доказательств те или иные материалы². Так, УПК предусматривает, что не могут быть приняты в качестве доказательств фактические данные, содержащиеся в показаниях свидетелей и потерпевших, если эти лица не в состоянии указать источник своей осведомленности о сообщаемых ими фактах (ст. 74 УПК РСФСР). Иными словами, показания свидетелей и потерпевших только тогда имеют доказательственное значение, когда они содержат фактические данные, воспринятые или установленные указанными лицами непосредственно или известные им со слов других достоверно установленных лиц³. До тех пор, пока источник осведом-

¹ М. С. Строгович (цит. раб., стр. 393) пишет, что «правила о допустимости доказательств имеют, главным образом, негативный характер. Они указывают, какие средства, источники не допускаются, не применяются для установления истины». Это не совсем точно. Система правил о допустимости доказательств направлена прежде всего на то, чтобы правильно ориентировать следователя и суд, какие доказательства допускаются, т. е. имеют прежде всего позитивный характер. Причина допущенной М. С. Строговичем неточности заключается, по-видимому, в недооценке роли доказательственного права как определяющего самое содержание процесса доказывания и отнюдь не сводимого поэтому к системе запретов. Отсюда необоснованным представляется и суждение понятия позитивных правил допустимости доказательств, которые М. С. Строгович сводит только к обязанности использовать доказательства определенного вида.

² Законодатель чаще всего прибегает к негативному способу регулирования допустимости доказательств в тех случаях, когда на практике может возникнуть иное понимание. Так, УПК РСФСР 1923 года специально указывал на недопустимость присяги как доказательства потому, что правосознание трудящихся в то время еще не вполне освободилось от представлений предшествовавшего периода, когда присяга (клятва) широко практиковалась в этом качестве. Действующее законодательство такой запрет специально не оговаривает в связи с его беспредметностью в современном период.

³ Этот же критерий, несомненно, действует в отношении показаний подозреваемых и обвиняемых.

ленности лица остается неустановленным, информация, поступившая от него, может быть использована лишь для разработки версий, розыска и т. д.¹.

Из правил, регулирующих допустимость доказательств, вытекает, в частности, что:

а) в качестве доказательств могут быть использованы лишь фактические данные, зафиксированные по делу и рассмотренные в процессе производства по нему. Недопустимы, например, в качестве доказательств материалы, не приобщенные к данному делу или хотя и приобщенные к нему, но не рассмотренные, например, в судебном заседании²;

б) оперативная информация, как и другие фактические данные, не имеющие процессуальной формы, necessarily присущей доказательствам определенного вида, не может заменить доказательственную информацию.

Предметы и документы, обнаруженные оперативным путем, могут рассматриваться как доказательства лишь постольку, поскольку после их «физического» обнаружения последовало их процессуальное соби́рание, в ходе которого к ним был полностью применен режим, определяющий допустимость вещественных или письменных доказательств. Сказанное относится и к случаям обнаружения и представления органу расследования и суду различных предметов и документов, могущих иметь доказательственное значение, гражданами, представителями общественности, должностными лицами (см. гл. XI, XII);

в) в качестве доказательств допустимы лишь те фактические данные, форма которых соответствует предусмотренной законом для доказательств соответствующего вида во всех существенных признаках, а не в части из них.

Например, не могут быть использованы при доказывании фактические данные, сообщенные в анонимных письмах и заявлениях,

---

¹ Выше приведен пример использования законодателем негативной формы регулирования допустимости доказательств путем включения в УПК прямого запрета. Однако в ряде случаев законодатель прибегает к косвенному запрету, формулируя нормы более общего характера, из которых в качестве одного из следствий вытекают условия и случаи недопустимости определенной информации. Так, из формулировки ст. 78 УПК о назначении экспертизы, когда по делу необходимы специальные познания в науке, технике и т. д., вытекает недопустимость заключений, базирующихся на методах, не получивших еще научного обоснования.

² Сказанное дает основание для вывода о необходимости различать решение вопроса о допустимости доказательства в момент обнаружения и в момент использования для обоснования приговора. На последнем этапе добавляется еще один необходимый признак допустимости: рассмотрение в судебном заседании (допрос в суде, осмотр судом вещественного доказательства, оглашение показаний и т. д.), без чего даже зафиксированное ранее по всем правилам доказательство окажется в конечном счете непригодным, ибо будут существовать неустранимые сомнения относительно его полноты и достоверности.

либо следователь и суд лишены возможности их проверить. Хотя и облеченные внешне в форму документа, анонимные письма и заявления таковыми не являются, так как в них отсутствует существенный признак, указанный в ст. 110 УПК РСФСР, — наличие данных о лице, от которого исходит заявление.

Точно так же не могут быть использованы в качестве доказательств заключение эксперта, заинтересованного в исходе дела (ст. 67 УПК РСФСР), показания лица, не могущего быть свидетелем (ст. 72 УПК РСФСР), и т. п.

Нарушение такого рода требований, предъявляемых законом к собиранию доказательств определенного вида, означает, по существу, получение фактических данных ненадлежащим способом и всегда влечет, поскольку невозможно устранить нарушение (см. дальше), признание этих данных недопустимыми в качестве доказательств, так как создается неустранимое сомнение в их достоверности¹.

Следует вместе с тем отметить неправильность попыток сформулировать не предусмотренные в законе ограничения допустимости для использования в качестве доказательств фактических данных определенного вида. Нельзя, в частности, раз и навсегда определить минимальный возраст, который требуется для того, чтобы лицо могло быть допрошено в качестве свидетеля. Способность быть свидетелем — это способность наблюдать, запоминать и правильно описать в сообщении следователю, суду существенные признаки какого-либо события, явления, предмета и т. п. Такая способность зависит как от индивидуальных качеств лица, так и от условий наблюдения, характера наблюдаемого явления и других обстоятельств. Поэтому вопрос о ее наличии или отсутствии не может быть решен в общей форме, исходя только из возраста лица, — это привело бы к утрате в некоторых случаях важной доказательственной информации. Вопрос этот должен решаться применительно к особенностям конкретного уголовного дела (в том числе и путем назначения экспертизы).

Не основаны на законе и попытки произвольно расширить перечень лиц, которые не могут быть допрошены в качестве свидетелей, например, за счет включения оперативных работников, осуществлявших задержание преступника; ревизоров, на основании материалов которых возбуждено уголовное дело; лиц, присутствовавших до вызова в качестве свидетелей в зале судебного

¹ Вместе с тем информация, которая, как оказалось, была почерпнута из ненадлежащего источника (например, получена от лица, которое не могло выступать в качестве свидетеля; от эксперта, подлежавшего отводу) и по указанной причине была признана недопустимой, может в некоторых случаях использоваться (подобно оперативной информации) в качестве своего рода «указателя» направления расследования и местонахождения доказательств.

заседания, и т. д. Верховный Суд СССР в постановлении по делу М. и Г. специально указал на принципиальную возможность допроса работников милиции, наблюдавших за действиями преступников и задержавших их¹. Аналогичное указание дал Верховный Суд СССР и о допустимости допроса инспектора охраны труда или ревизора, собравшего материалы для возбуждения уголовного дела².

Это и понятно. Сведения о фактах, которые могут содержаться в сообщениях указанных лиц (например, об обстоятельствах задержания; о предшествующих задержанию действиях преступников; о ходе ревизии и поведении участвовавших и присутствовавших при ней лиц), нередко являются незаменимыми; в то же время в отношении этой информации должны быть соблюдены все без исключения процессуальные правила собирания и проверки показаний. Другое дело, что возможная заинтересованность свидетеля в исходе дела или его осведомленность о содержании некоторых доказательств должны учитываться при оценке показаний.

Наконец, не основаны на законе и попытки ограничить круг допустимых доказательств-документов (ст. 88 УПК РСФСР) письменными сообщениями, исходящими от предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц³;

г) в случаях, когда закон предусматривает обязательность использования определенного способа доказывания или определенный комплекс доказательств для установления того или иного факта, обстоятельства, соответственно расширяется круг условий

---

¹ См. «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 108.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1967 г. № 4, стр. 11. Надо отметить, что инспекторы, ревизоры и другие должностные лица, собиравшие материалы, которые послужили основанием к возбуждению уголовного дела, не являются ни экспертами, ни специалистами в процессуальном значении и не могут быть вызваны в качестве таковых. В доказывании они должны рассматриваться как составители документов и могут допрашиваться как свидетели в целях розыска, уточнения, дополнения, проверки документов, имеющих в деле.

³ Для признания документа допустимым доказательством не является обязательным условием его предназначенность для передачи сведений третьим лицам. Доказательственное значение могут иметь и письменные сообщения «для себя» (дневники, черновые экземпляры писем, личные записи наличия и прихода-расхода материальных ценностей, денег и т. п.). В частности, «с позиций советского уголовно-процессуального права... в отличие от ограничительного бухгалтерского толкования к учетным документам относятся также... документы оперативного и неофициального (внутримагазинного, внутрискладского и т. д.) учета» (С. П. Голубятников, Учетные документы как доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1965, стр. 5).

допустимости¹. Так, недопустимо для доказывания признание обвиняемого, не подтвержденное другими доказательствами (ст. 77 УПК РСФСР); недопустимы для доказывания показания свидетеля, относительно способности которого правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, существуют сомнения, не опровергнутые заключением эксперта², и т. п. Доказательства, относящиеся к обстоятельствам, установление которых требует обязательного производства экспертизы (ст. 79 УПК РСФСР), допустимы лишь в сочетании с заключениями экспертов, но не взамен их;

д) в случаях, когда закон из «сквозного» перечня способов собирания и проверки доказательств выделяет способы, на использование которых правомочны не все органы, осуществляющие производство по уголовному делу, необходимым условием допустимости доказательств определенного вида является и наличие у собравшего их органа правомочий на производство соответствующего следственного действия, например допроса обвиняемого (см. подробно гл. X)³;

е) допустимость доказательств — показаний, протоколов и иных документов, заключений — предполагает, что их содержание фиксирует и источник получения информации (источник осведомленности) лицом, дающим показания, а равно исполнителя документа, составленного не в связи со служебной или общественной деятельностью, либо (если речь идет о служебном, общественном документе или о заключении эксперта) фиксирует источник осведомленности и компетентность его исполнителя⁴.

Фиксация источника осведомленности означает, во-первых, что указывается, воспринимались ли сообщенные факты непо-

¹ Причем не только на уровне видов доказательств, но и на следующем уровне — применительно к видам фиксации последних. Например, поскольку звукозапись рассматривается законом как дополнительный способ фиксации показаний, использование фонограммы не в комплексе с протоколом допроса (за исключением случаев его утраты) недопустимо.

² Приведенные примеры еще раз подтверждают сформулированный выше тезис о различии двух аспектов понятия допустимости доказательства: в момент обнаружения и в момент использования. Конечно, обвиняемый может признать свою вину и по эпизодам, о которых до момента допроса вообще не было известно следователю или суду; сомнения в способности лица быть свидетелем по делу не всегда удается разрешить к моменту допроса и т. п. Указанные обстоятельства не препятствуют собиранию фактических данных, но их использование допускается лишь с соблюдением условий, предусмотренных ст.ст. 77, 79 УПК РСФСР.

³ Законодатель дифференцировал эти правомочия применительно к стадиям процесса и подсудности (подсудности) дела соответствующему органу, а также в связи с принятием дела к производству или получением в установленном порядке поручения.

⁴ Применительно к вещественным доказательствам это требование реализуется через протокол, составленный в порядке ст. 84 УПК.

средствено¹, почерпнуты ли сведения о них из документов (каких именно и как полученных), из устных сообщений других лиц (каких именно и как полученных). Причем, если речь идет о производных доказательствах, сформированных через несколько последовательных «ступеней» передачи информации, условием допустимости является фиксация в содержании доказательства всех этих «ступеней», поскольку иначе нельзя будет проверить полноту сообщения и отсутствие в нем существенных искажений.

Указанный аспект допустимости включает требование обоснованности выводов, обобщенных суждений, включенных допрашиваемым лицом, исполнителем документа, экспертом в содержание своего сообщения. Всякое надлежащее изображение (описание) предмета есть, по мысли Ф. Энгельса, в то же время его объяснение. Поэтому отделить описание фактов от обобщенных суждений в показании, документе, заключении можно только теоретически. В то же время контролировать обоснованность обобщенных суждений можно и нужно. Отсюда, например, характеристики, содержание которых исчерпывается немотивированными утверждениями типа: «часто устраивал скандалы и драки», «недобросовестно относился к трудовым обязанностям», «систематически пьянствовал» и т. п., — сами по себе не имеют доказательственного значения, недопустимы в этом качестве².

Наряду с признаком осведомленности автора сообщения условием допустимости официальных документов, заключений экспертов является признак компетентности исполнителя³. Применительно к документам справочно-удостоверительного характера он

---

¹ Вместе с тем «требование выяснения первоисточника производных сведений было бы неверно связывать с его обязательным наличием в деле» (Ф. М. Кудин, Производные доказательства и их источник в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Свердловск, 1967, стр. 14). Первоисточник может быть утрачен или по тем или иным причинам недоступен в ходе производства по делу. Однако его известность позволит и в этих случаях обеспечить проверку полноты и достоверности производных сведений (хотя и более сложным путем; см. § 3 гл. IV и гл. VII).

² Точно так же, как и показания, заключения, документы в части, содержащей аналогичные суждения. Например, сообщение о том, что «мотоциклист ехал быстро», не подтвержденное фактами, позволяющими его конкретизировать и проверить.

³ На существование такого признака допустимости документа справочно-удостоверительного характера, как компетентность исполнителя (автора), правильно обратил внимание Р. Д. Рахунов в статье «Вещественные и письменные доказательства в советском уголовном процессе» («Ученые записки ВШЮН», вып. 10, М., 1959, стр. 236). Частный случай применения названного условия — ограничение судебной практикой числа органов, справки которых удостоверяют факт судимости лица. Круг этот определен постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 10 июня 1961 г. («Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1961 г. № 1, стр. 11).

вытекает из ст. 88 УПК РСФСР и реализуется в указании на должностное положение исполнителя (лица, подписавшего документ). Применительно к заключению эксперта признак компетентности вытекает из ст. ст. 78, 80, 82 УПК РСФСР и включает правомочие на производство экспертизы, обладание необходимыми специальными познаниями для исследования ее предмета и для применения тех или иных конкретных методов.

Как видно из изложенного, характеристика допустимости включает и признаки, относящиеся к содержанию доказательства, поскольку оно отражает или должно отражать все этапы и условия формирования и передачи данной информации. Вместе с тем было бы теоретически и практически неправильно разрывать понятие допустимости по форме и по содержанию. Признаки допустимости, относящиеся к процессуальной форме доказательства, существенно влияют на полноту и точность его содержания. И наоборот, признаки допустимости, относящиеся к содержанию доказательства, фиксируют в то же время соблюдение процессуальной формы его собирания и проверки. Таким образом, еще раз констатируется неразрывность процессуальной формы и информационного содержания единого понятия доказательства на процессуально-информационном этапе доказывания¹.

Нарушение процессуальных правил собирания и проверки доказательств не может, с учетом изложенного, не вызвать сомнений в допустимости соответствующих фактических данных, так как нарушаются те или иные гарантии их достоверности, точности и полноты (отсутствия существенных искажений и пробелов)². Допустимость доказательств в этих случаях связана с возможностью или невозможностью устранить эти сомнения, иными словами — устранить или «нейтрализовать» допущенные

¹ Попытка В. Д. Арсеньева опровергнуть это единство представляется неубедительной. Приводимые им примеры, которые должны были показывать, что так называемые доказательственные факты сами по себе обладают свойством допустимости, показывают как раз обратное: что свойство допустимости принадлежит доказательству как единому понятию. В. Д. Арсеньев говорит, в частности, о свойстве допустимости доказательственных фактов, установленных в результате следственного эксперимента. Но тут же он вынужден прийти к выводу, что допустимость результатов эксперимента прежде всего связана с соблюдением процессуального порядка этого следственного действия (см. его статью «К вопросу о понятии судебных доказательств в советском уголовном процессе», «Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству», Иркутск, 1969, стр. 92—94).

² В упомянутой статье В. Д. Арсеньева допустимость некоторых доказательств связывается с достоверностью их содержания. Это — существенная неточность. Процесс оценки доказательств протекает как раз в обратном направлении: вначале решается вопрос о допустимости (и относимости) доказательств, затем — об их достоверности и значении по делу. Иными словами, решение (предварительное) вопроса о допустимости есть

нарушения. Для этого необходимо, во-первых, «реконструировать» с помощью имеющихся и дополнительно собранных доказательств фактический ход следственного (судебного) действия для того, чтобы установить, характеризуют ли отмеченные дефекты его содержание или речь идет лишь о дефектах фиксации его хода и результатов. Во-вторых, необходимо сопоставить фактические сведения, полученные в результате такого следственного действия, с совокупностью других имеющихся (и дополнительно собранных) доказательств для решения вопроса о реальном влиянии допущенного процессуального нарушения на их достоверность, точность, полноту при данных конкретных условиях.

Как уже неоднократно подчеркивалось, значение процессуальной формы, ее неразрывная связь с содержанием прежде всего заключаются в том, что ее пороки оказывают влияние на сущность доказательства. Условия и способы собирания и закрепления фактических данных об обстоятельствах дела регламентированы процессуальным законом таким образом, чтобы в максимальной степени гарантировать достоверность полученных доказательств. Всякое нарушение этих норм может привести к тому, что полученные доказательства окажутся недостоверными. Поэтому в этих случаях при решении вопроса о допустимости необходимо отдельно выяснить, можно ли устранить в конечном счете допущенные нарушения, проверить и разрешить по существу возникшие сомнения, а также хотя бы частично использовать фактические данные, полученные в этих условиях.

Закон не формулирует единого для всех случаев решения вопроса о допустимости результатов следственных действий, произведенных с нарушением процессуальных правил. Вопрос о том, как подходить к оценке последствий допущенных нарушений, недостаточно разработан и в процессуальной литературе¹.

как бы первичный фактор для «отбраковки» доказательств, в отношении которых имеются неустраняемые сомнения в достоверности, и, таким образом, — предпосылка дальнейшего исследования достоверности остальных доказательств. Синтез понятий допустимости и достоверности происходит только в момент принятия итогового процессуального решения.

¹ Е. А. Матвиенко и А. В. Дулов считают, что «не имеют доказательственного значения данные, полученные... с нарушением процессуальных правил» (см. «Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР. Комментарий», Минск, 1963, стр. 54). Эта точка зрения не находит, однако, подтверждения в законе, который связывает недействительность процессуальных действий и решений с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона (ст. 353 УПК БССР). Иными словами, недостаточно установить факт нарушения, необходимо с учетом конкретных обстоятельств дела выяснить, исправимо ли оно и помешало ли (могло ли помешать) всестороннему исследованию дела. Разумеется, признание последствий нарушений в данном случае несущественными не исключает, а предполагает необходимость принять меры по предупреждению подобных нарушений в дальнейшем, так как они затрудняют установление истины, требуют затраты дополнительного времени, средств, сил на проверку и разрешение

Представляется, что в каждом конкретном случае необходимо учитывать несколько моментов. Прежде всего необходимо определить, не носит ли нарушение преступного характера или не затрагивает ли положений, которые законодатель отнес к числу основных для судопроизводства в целом или для соответствующей стадии процесса (в том числе ст.ст. 4, 12, 15—20, 23, 32, 35—43, 58 и др. УПК РСФСР).

Бесспорно, что доказательство, полученное преступным путем или с нарушением основных положений судопроизводства, хотя и не носящим преступного характера, — недопустимо. Такое решение вопроса диктуется требованиями социалистической законности и коммунистической нравственности. Не говоря о том, что такого рода действия лица, производящего дознание, следователя, прокурора, судьи всегда создают неустрашимое сомнение в достоверности полученных фактических данных, авторитет, воспитательное значение процесса нельзя обеспечить без решительной борьбы с самой возможностью подобных нарушений. Поэтому при всех условиях необходимо не только привлекать к ответственности и строго наказывать лиц, преступно нарушивших закон или хотя и не совершивших преступления, но допустивших нарушение принципов советского судопроизводства, но и признавать недопустимыми доказательства, полученные в результате такого нарушения. В названных случаях фактические данные должны быть признаны недопустимыми без дальнейшего обсуждения вопроса о достоверности. В частности, именно такие последствия наступают в случаях, когда допрашиваемый был вынужден к даче показаний в результате применения угроз или иных незаконных действий со стороны лица, производящего дознание или предварительное следствие.

Недопустимыми будут и фактические данные, полученные, как об этом уже говорилось, лицами, не имеющими права на производство следственных действий, или от лиц, которые не могли быть свидетелями, экспертами; данные, полученные с нарушением права на защиту или в результате незаконного обыска, и т. п.

Если же речь идет о нарушении более частных правил, определяющих собирание и проверку доказательств определенного вида, иногда можно устранить эти нарушения, «нейтрализовать»

возникших сомнений. Предполагается и необходимость принятия соответствующих мер в отношении лиц, виновных в нарушениях.

Таким образом, проблема конкретного подхода к оценке последствий тех или иных нарушений процессуальных правил собирания доказательств с точки зрения их влияния на допустимость собранных сведений существует реально и требует рассмотрения.

их последствия¹ или — при невосполнимости пробелов — частично использовать фактические данные, полученные в результате соответствующего следственного (судебного) действия².

Так, если имеются пробелы в протоколах действий, проводящихся с участием понятых, последние могут быть допрошены в качестве свидетелей относительно фактического хода обыска, осмотра и т. п. Пробелы в протоколах следственных действий, осуществлявшихся без участия понятых, могут быть восполнены допросами основных участников этих действий. Так, свидетель в ходе судебного допроса может подтвердить, что его показания на предварительном следствии были записаны правильно, хотя он вопреки установленному порядку не подписал по недосмотру следователя каждую страницу протокола.

Дополнительные допросы участников следственных действий могут нейтрализовать некоторые отступления не только от порядка фиксации их хода и результатов, но и от порядка самого их производства, обосновав в конкретном случае отсутствие вредных последствий допущенного отступления. Так, обвиняемый, подавший обоснованную жалобу на то, что ему, несмотря на просьбу об этом, не была предоставлена возможность записать свои показания собственноручно³, может, тем не менее, подтвердить, что следователь записал их правильно. В этих случаях нет никаких оснований считать показания недопустимыми в качестве доказательства.

В ряде случаев пробелы в протоколах следственных действий могут быть восполнены с помощью дополнительных документов;

¹ Особенно если речь идет о пробелах фиксации действительно произведенных действий и действительно полученных результатов.

² Здесь, как и в дальнейшем, речь идет прежде всего о стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства, где у органа, осуществляющего производство по делу, имеются широкие возможности провести соответствующие процессуальные действия или собрать дополнительные данные для разрешения возникших сомнений в допустимости определенного доказательства. Иное положение при обнаружении в стадиях кассационного или надзорного производства ранее допущенных при собирании доказательств нарушений. На этих стадиях в силу ограниченной возможности собирания дополнительных данных существенными признаются не только нарушения, заведомо помешавшие всестороннему исследованию обстоятельств дела, но и возможно помешавшие. Проверка возникшего сомнения возлагается в этих случаях после отмены приговора (определения, постановления) соответственно на орган расследования или суд первой инстанции. Если же анализ материалов дела покажет, что обнаруженное нарушение в конкретном случае не существенно (например, сведения, содержащиеся в «дефектном» доказательстве, подтверждены другими доказательствами), кассационная (надзорная) инстанция ограничивается частным определением в адрес должностных лиц, ответственных за допущенное нарушение.

³ Законодатель использовал термин «написать показания» (ст. 152 УПК РСФСР), однако представляется более точным говорить «записать показания», так как речь идет о записи уже данных на допросе устных показаний.

например, отсутствие в протоколе указания на дату допроса может быть восполнено приобщением повестки, справки администрации следственного изолятора и т. п. Не становятся «автоматически» недопустимыми фактические данные, зафиксированные в протоколе соответствующего следственного действия и в случае допущенной неточности в написании фамилии кого-либо из участников; в большинстве случаев подобная ошибка может быть исправлена приобщением справки.

Точно так же отсутствие в протоколе тех или иных удостоверительных записей о соблюдении предусмотренных законом условий производства следственного действия (например, о предупреждении свидетеля об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний) не влечет автоматически вывода о том, что соответствующие условия не были соблюдены, но лишь создает своеобразную презумпцию этого, могущую быть опровергнутой. Например, дополнительным допросом свидетеля может быть установлено, что ответственность за дачу заведомо ложных показаний ему фактически разъяснялась, хотя это не отмечено в протоколе.

Методом «исправления» нарушенной процессуальной формы доказательств может быть и производство других следственных действий, чтобы выявить те же фактические данные и проверить таким образом полноту и точность сведений, содержащихся в доказательстве, допустимость которого поставлена под сомнение.

Представляется, что высказанная точка зрения полностью соответствует линии надзорной практики органов прокуратуры и суда, в соответствии с которой при решении вопроса о допустимости доказательств необходимо в каждом конкретном случае не только фиксировать допущенное нарушение (отступление), но и выяснять наличие или возможность судебной (следственной) ошибки, последовавшей или могущей последовать в результате этого нарушения. В практике Верховного Суда СССР последовательно проводится тезис о необходимости выяснять в каждом случае влияние допущенного нарушения на достоверность собранных по делу доказательств.

Может возникнуть ситуация, при которой, несмотря на принятые меры: а) невозможно повторно провести следственное действие; б) не удастся выяснить искомый факт иным способом; в) допрос участников следственного действия и иные дополнительные действия не позволяют восполнить пробелы в доказательстве или приводят к выводу, что нарушения установленных правил действительно имели место; г) характер нарушений создает сомнения в полноте и точности полученных фактических данных. И тогда встает вопрос, можно ли использовать такое доказательство, оказавшееся пезаменимым и невосполнимым. Ответ может быть только отрицательным.

Было бы неправильно считать, что невосполнимые существенные нарушения установленных правил собирания доказательств лишь ослабляют доказательственную силу результатов или превращают прямые доказательства в косвенные. Каждое доказательство — будь то прямое или косвенное — лишь тогда может быть положено в основу решения дела, когда оно допустимо. Поэтому существенные процессуальные нарушения, допущенные при собирании фактических данных и неустраненные (не «нейтрализованные»), обуславливают недопустимость этих данных в качестве доказательств.

Правило о том, что вопрос о допустимости фактических данных, собранных с нарушением тех или иных процессуальных правил доказывания, решается в зависимости от возможности устранить эти нарушения или «нейтрализовать» их последствия, полностью распространяется на случаи, когда неустранимые нарушения имели место лишь в определенные моменты производства следственного действия.

Так, обыск или осмотр мог проводиться без понятых лишь до (после) определенного момента; очная ставка, начавшаяся оглашением ранее данных показаний ее участников по определенному вопросу, по другим вопросам проводилась в порядке, установленном законом (ранее данные показания оглашались после дачи и фиксации показаний на очной ставке); в ходе допроса лишь некоторые вопросы являлись наводящими и т. п. В этих и подобных случаях допущенные нарушения носят существенный характер и порождают неустранимые сомнения в качестве фактических данных, собранных в те моменты, когда они были совершены. Однако этими фактическими данными не исчерпываются все результаты соответствующего следственного действия. Часть объектов в рассматриваемом случае могла быть обнаружена в присутствии понятых, часть показаний на очной ставке и на допросе могла быть дана без подсказывающего влияния преждевременно оглашенных показаний и наводящих вопросов и т. д.¹ Представляется, что поскольку «дефектная» и «недефектная» информации в содержании доказательства могут быть разделены, допустимость последней не вызывает сомнений.

Имеет ли значение причина нарушения при решении вопроса о допустимости в качестве доказательств фактических данных, полученных с нарушением процессуальных правил?²

¹ Разумеется, надо учитывать, что допущенные нарушения могли сказаться и на последующем ходе следственного действия (например, наводящий вопрос может повлиять не только на содержание непосредственного ответа на него, но и на содержание ответов на следующие вопросы).

² Об абсолютной недопустимости информации, полученной путем преступных действий, было сказано выше. Здесь рассматривается влияние на решение вопроса о допустимости доказательств иных причин нарушения правил собирания доказательств.

Такой причиной могут быть небрежность, неопытность лица, производящего следственное действие, или наличие исключительных обстоятельств, сделавших «физически» невозможным или, по крайней мере, весьма затруднительным соблюдение тех или иных правил. Применительно к последнему случаю речь идет, например, о производстве осмотра или обыска в месте, где невозможно найти двух понятых, не заинтересованных в исходе дела (ст. 135 УПК РСФСР), а отложение следственного действия привело бы к утрате существенных сведений. Подобный характер имеет и ситуация, возникающая при производстве допроса в месте, в котором нельзя принять меры к тому, чтобы недопрошенные свидетели не общались между собой (ст. 158); при производстве выемки почтово-телеграфной корреспонденции в отдаленной и трудно доступной местности, если штат учреждения связи состоит из одного человека, в то время как по закону нужно присутствие не менее двух понятых из числа работников этого учреждения (ст. 174), и т. д.

Представляется, что во всех этих и подобных случаях выяснение причины нарушения значимо лишь для решения вопроса о характере ответственности лица, производящего следственное действие. Допустимость же результатов последнего в качестве доказательств всегда связана с тем, можно ли устранить нарушения или «нейтрализовать» их последствия. Так, вынужденное производство выемки с участием понятых не из числа работников учреждения связи не делает результаты выемки недопустимыми, если установлено, что понятые были надлежаще проинструктированы и в полной мере выполнили свои обязанности. Вопрос о допустимости в качестве доказательств показаний свидетелей, обменявшихся перед началом допроса сведениями о предмете последнего, решается в зависимости от результатов проверки этих показаний.

Вопрос о допустимости результатов осмотра места происшествия или личного обыска, осуществленного по объективным причинам без понятых, решается, как уже говорилось, в зависимости от результатов допроса его участников и т. д.

При этом в конкретных случаях необходимо различать недопустимость фактических данных вообще в качестве доказательств и недопустимость их в качестве доказательств определенного вида (в данной процессуальной форме). В частности, если следственное действие производилось должностным лицом, могущим в принципе осуществлять производство по делу, но не имеющим соответствующих процессуальных полномочий по конкретному делу, но в ходе его производства и закрепления результатов соблюдались все правила, предусмотренные законом, полученные таким путем фактические данные могут, как представляется, быть использованы при доказывании, но с отнесением к другому виду доказательств.

Так, показания лица, допрошенного до возбуждения уголовного дела, могут рассматриваться как заявление (ст. 110 УПК РСФСР) или объяснение (ст. 109); показания «обвиняемого», полученные лицом, производящим дознание по делу, по которому обязательно предварительное следствие, могут рассматриваться как показания подозреваемого (ст. 119).

При таком решении вопроса обязательно повторное производство следственных действий взамен тех, результаты которых «трансформировались» по процессуальной форме в доказательство иного вида¹. Вместе с тем сохраняется возможность использования в доказывании и ранее полученных материалов для проверки результатов повторно проводимых действий.

Таким образом, допустимость доказательства, полученного в результате действий органов расследования или суда, в ходе которых допускались нарушения процессуальных правил (отступления от них), зависит от: а) характера нарушения (пробела), которое не должно создавать неустранимых сомнений в достоверности полученных данных; б) фактического восполнения пробелов и «нейтрализации» последствий нарушений с тем, чтобы устранить возникшие сомнения. Отсутствие хотя бы одного из этих условий влечет недопустимость доказательства².

Позиция советского законодателя, процессуальной теории, следственной и судебной практики по вопросу о допустимости доказательств, органически сочетающая задачи обеспечения законности, установления истины, охраны прав граждан, принципиально противоположна позиции буржуазного законодателя, теории и практике буржуазной юстиции. Нормы о допустимости доказательств, имеющиеся в законодательстве, как и многочисленные решения судебных органов капиталистических государств, ясно раскрывают классово эгоистическую сущность буржуазного «правосудия»³.

---

¹ Это не относится к результатам задержаний и обысков, произведенных до вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Такие действия с учетом их характера должны рассматриваться как произведенные по фактически возбужденному делу, и постановление об этом должно быть вынесено в кратчайший срок («Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 156).

² Представляется, что соответствующие данные должны сохраняться в деле на тот случай, если возникнет сомнение в правильности вывода об их недопустимости, который должен быть зафиксирован в постановлении, определении специально по этому вопросу или в итоговом процессуальном документе при анализе совокупности доказательств.

³ О значении, которое буржуазная юстиция придает правилам о допустимости доказательств как инструменту реализации заданных ей задач, свидетельствует то внимание, которое буржуазные процессуалисты уделяют институту допустимости. Профессор Мак-Кормик (США) даже определяет доказательственное право как совокупность правил, регламентирующих допустимость доказательств (Mc-Cormick, Evidence, St. Paul (Minn.), 1954, p. 1).

§ 3. ОТНОСИМОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Под относимостью доказательств понимается связь между содержанием последних и обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, или иными данными, имеющими значение для правильного расследования и судебного разбирательства дела (ст. 131 УПК РСФСР). Наличие такой связи определяет возможность восстановления на основе доказательств фактической картины исследуемого события¹.

Иногда говорят об относимости не доказательств как фактических данных, существующих в единстве процессуальной формы и информационного содержания, а устанавливаемых ими так называемых «доказательственных фактов»². Но, во-первых, значительная часть доказательств непосредственно устанавливает обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Во-вторых, — и это главное — доказательственный факт в том смысле, который имеют в виду процессуалисты, использующие данное понятие, представляет собой факт прошлого, устанавливаемый сведениями, содержащимися в доказательстве, и могущий быть использованным в свою очередь как аргумент в логическом смысле слова для того, чтобы сделать вывод о существовании других фактов (входящих в предмет доказывания). Очевидно, что в производстве по делу до момента вынесения решения мы оперируем не доказательственными фактами, как таковыми, а фактическими сведениями о них. Поэтому свойство относимости, как и свойство допустимости, характеризует содержание доказательства. Если бы мы ограничились рассмотрением относимости только применительно к фактам, установленным выводным путем из доказательственной информации, мы лишились бы «компас» для отбора самой этой информации из массы сведений, не имеющих значения для дела.

¹ В. Д. Арсеньев обоснованно отмечает, что в основе свойства относимости доказательства лежит связь сведений о факте с соответствующим фактом — связь информации. Вместе с тем он необоснованно ограничивает относимость лишь связью собираемых данных с предметом доказывания; относящимися могут быть и данные, устанавливающие промежуточные и другие вспомогательные факты (см. § 2 гл. III). В действительности нет ни теоретических, ни практических оснований для механического расчленения единого свойства относимости доказательств. Необоснованны и попытки В. Д. Арсеньева разграничить понятия относимости фактических сведений, содержащихся в акте ревизии и тому подобных доказательствах, с одной стороны, и в показаниях о событии преступления — с другой (см. «Основы теории доказательств в советском уголовном процессе», Иркутск, 1970, стр. 27—28).

² См., например Н. Н. Полянский, Доказательства в иностранном уголовном процессе, М., 1946, стр. 37; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 130. В работе М. С. Строговича «Курс советского уголовного процесса» (т. I, М., 1968, стр. 392—393) с понятием доказательств как сведений о фактах также связывается лишь свойство допустимости, но не относимости.

Решение вопроса об относимости доказательства предполагает исследование двух моментов. Во-первых, входит ли факт, для установления которого привлекается данное доказательство, в предмет доказывания или в число промежуточных и иных вспомогательных фактов, выяснение которых необходимо при проверке версий и доказательств. Во-вторых, способно ли доказательство, с учетом его содержания, этот факт устанавливать.

Указанные два момента тесно между собой связаны; вместе с тем их можно рассматривать как две стороны относимости доказательств, каждая из которых должна быть выяснена. Анализ следственной и судебной практики свидетельствует, что ошибки при решении вопроса об относимости доказательств в конкретных делах нередко связаны с забвением этого обстоятельства. В частности, из значимости факта, к установлению которого стремится следователь, суд подчас «автоматически» делает вывод об относимости представляемого доказательства (без проверки его связи с доказываемым фактом).

Другая ошибка: решение вопроса об относимости сводится исключительно к выяснению связи доказательства и факта, в подтверждение которого оно привлекается, без выяснения того, относится ли сам этот факт к числу существенных¹.

Предотвращение этих ошибок возможно, если в каждом конкретном случае относимость собираемой фактической информации будет рассматриваться с позиций возможного места этой информации в системе доказательств по делу, т. е. возможности ее использования, по крайней мере, для одной из следующих целей:

а) установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания;

б) обнаружения других доказательств (сведения о местонахождении, содержании, возможных препятствиях к контакту с носителем информации, искажениях и пробелах содержания, которые надо будет иметь в виду при собирании соответствующих доказательств)²;

¹ Например, «для признания автомашины или иного транспортного средства орудием преступления необходимо установить, имело ли использование этого средства прямое отношение к самому процессу исполнения преступления» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 3, стр. 23). Поэтому для установления этого обстоятельства будут несущественными, например, сведения об использовании автомашины для провоза пассажиров за плату, технической неисправности автомашины и т. п. Соответственно должен решаться и вопрос о круге доказательств, относящихся к данному обстоятельству.

² В ряде случаев эта информация будет иметь только ориентирующее значение, но нередко и случаи включения ее в систему доказательств, необходимую для решения промежуточных задач (например, для побуждения лица к даче правдивых показаний путем предъявления ему в ходе допроса информации, полученной «с его слов») или даже для обоснования итоговых выводов.

в) установления промежуточных фактов, совокупность которых позволяет в конечном счете установить обстоятельство, входящее в предмет доказывания¹;

г) «дублирующего» установления фактов и обстоятельств, уже установленных другими доказательствами в целях проверки и усиления надежности системы доказательств данной версии²;

д) опровержения фактов, относящихся к другим версиям, выдвинутым по делу³;

е) проверки полноты и достоверности собранных фактических данных путем исследования условий их формирования, передачи, хранения.

Можно, следовательно, говорить об иерархической системе «информационных потоков» по уголовному делу, включающей «уровни» обнаружения, собирания, парирования надежности и проверки совокупности фактических данных о существенных обстоятельствах дела. Причем для признания доказательства относящимся необходимо и достаточно, чтобы его можно было использовать хотя бы на одном из этих «уровней»⁴.

¹ Относимость доказательств, устанавливающих такого рода факты, может иметь несколько «уровней». Практически речь идет обычно не более чем о 1—3 промежуточных звеньях до обстоятельства, входящего в предмет доказывания (факт присутствия при событии — факт участия в нем). Доказательства, относящиеся к промежуточному факту низшего «уровня», т. е. связанному с предметом доказывания через другие промежуточные факты, именуют иногда «доказательствами доказательств». Подробнее см. об этом § 4 гл. IV.

² Для реализации совокупности задач судопроизводства мало пригодны системы доказательств, относящиеся к типу минимальных (уничтожаемых в случае устранения хотя бы одного элемента). Эти системы необходимо строить, стремясь к некоторой избыточной надежности (см. подробнее гл. III и § 2 гл. VI). Спорно поэтому мнение Р. С. Белкина и А. И. Винберга, дающих в целом интересную интерпретацию понятия ценности доказательства, о том, что, «строго говоря, только та информация ценна, которая содержит что-то новое о предмете доказывания» (цит. раб., стр. 213). Ценной является и информация, служащая проверке и подтверждению уже известного об этом предмете.

³ Проверка и опровержение всех версий, не совместимых с данной версией, — необходимое условие движения познания в уголовном процессе от предположительного («вероятно так») к достоверному («только так»). В частности, орган, осуществляющий производство по уголовному делу, «обязан исследовать и дать оценку доводам осужденных, приведенным ими в свою защиту» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1968 г. № 1, стр. 30).

Поэтому относимыми будут доказательства, подтверждающие или опровергающие любую из версий, выдвинутых по делу.

⁴ Практически одно и то же доказательство может относиться сразу к нескольким из этих «уровней», как и к нескольким обстоятельствам одного «уровня». Поэтому не права Л. М. Карнеева, полагаящая, что доказательство может относиться либо к событию, либо к участию в нем лица (см. ее статью «Об уточнении понятия обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу», «Советская юстиция» 1968 г. № 24, стр. 16—17). Существуют доказательства, которые одновременно относятся

Необходимость при решении вопроса об относимости конкретных фактических данных каждый раз исходить из наличия всех этих «уровней» системы необходимой доказательственной информации, а не определять относимость, только исходя из наличия или отсутствия непосредственной связи собираемых сведений с предметом доказывания, подчеркивается в ряде норм процессуального закона. В частности, нормы, определяющие понятие показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключения эксперта, вещественного доказательства, документа (ст.ст. 74—79, 83, 87—88 УПК РСФСР), предусматривают, что значение по делу имеют сведения о любых обстоятельствах, необходимых для правильного расследования, судебного разбирательства, разрешения дела (в том числе о фактах, существенных для проверки и решения вопроса о допустимости и достоверности доказательств). Статья 131 УПК РСФСР в свою очередь обязывает удовлетворять ходатайства о собирании доказательств, если последние могут помочь установить как обстоятельства, входящие в предмет доказывания, так и все другие обстоятельства, выяснение которых необходимо для правильного расследования, судебного разбирательства, разрешения дела.

Для того чтобы раскрыть истинный характер исследуемого события, нередко важное значение имеет отсутствие ряда фактов, которые должны были быть обнаружены при естественном ходе событий в соответствии с данной версией (например, отсутствие следов на мягком грунте под окном, если предполагается, что преступник проник в помещение именно этим путем). Речь идет о так называемых негативных обстоятельствах, которые приходят в противоречие с выдвинутым объяснением хода событий, свидетельствуют о том, что данное объяснение полностью или частично несостоятельно. Доказательства, содержащие фактические данные о негативных обстоятельствах, несомненно, являются относимыми¹.

Необходимо также иметь в виду, что для того, чтобы установить именно данный состав преступления, а не смежный, необходимо в ходе процессуального доказывания не только выяснить все обстоятельства, являющиеся фактической базой для вывода о наличии состава инкриминируемого престу-

к нескольким обстоятельствам. Но в принципе для признания доказательства относимым достаточно его связи хотя бы с одним обстоятельством любого из названных «уровней».

¹ И. Б. Михайловская, Относимость доказательств в советском уголовном процессе («Советское государство и право» 1958 г. № 12, стр. 121). Разумеется, само понятие негативных обстоятельств не имеет абсолютного значения: они негативны (противостоят) для определенной версии, но «позитивны» для другой. Кроме того, противоречие между негативным обстоятельством и версией, а следовательно, значение этого обстоятельства может быть в конечном счете «нейтрализовано». Эти моменты учитываются при решении вопроса об относимости доказательства.

пленения (см. § 1 гл. III), но и исключить возможность существования признаков, которые присущи смежному составу в совокупности с признаками, общими для того и другого составов. Например, закон определяет признаки кражи (тайного похищения) государственного или общественного имущества (ч. 1 ст. 89 УК РСФСР); одновременно в чч. 2 и 3 ст. 89 УК РСФСР приводятся дополнительные признаки кражи, совершенной при квалифицирующих обстоятельствах. Очевидно, что для вывода о наличии состава деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 89 УК РСФСР, нужно доказать не только факт тайного похищения государственного или общественного имущества, но и отсутствие признаков, которые придавали бы краже характер деяния, предусмотренного ч. 2 или ч. 3 ст. 89 УК РСФСР. Поэтому доказательства, устанавливающие отсутствие обстоятельств, которые свидетельствовали бы о наличии не данного, а смежного состава преступления, также относятся к делу¹.

В руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда СССР это положение неоднократно подчеркивается применительно к судебной практике по делам об отдельных видах преступлений, например: о необходимости собрать весь круг доказательств, которые позволили бы отличить покушение на изнасилование от других преступных посягательств, затрагивающих честь, достоинство и неприкосновенность личности женщины; умышленное убийство, предусмотренное определенным пунктом ст. 102 УК РСФСР, от деяний, предусмотренных другими пунктами этой статьи; умышленное убийство от умышленного причинения тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего, и т. д.².

Рассмотрим несколько более детально вопросы относимости доказательств, значение которых по делу связано исключительно с проверкой (прямой или косвенной) точности и полноты уже собранной по делу доказательственной информации — с исследованием ее коммуникаций (условий формирования, передачи, хранения)³. Речь идет, в частности, о фактических данных, устанавливающих

¹ Сказанное распространяется на круг данных, существенных не только для обоснования квалификации содеянного, но и для решения других уголовно-правовых вопросов: о наличии определенного, а не иного основания прекращения дела; определенного, а не иного отягчающего или смягчающего обстоятельства; оснований именно для сложения, а не поглощения наказаний и т. д.

² См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», М., 1970, стр. 446—459.

³ Включая правильность действий органа, осуществляющего производство по собиранию и проверке соответствующих доказательств (см. § 1). Таким образом, относимыми являются и доказательства, необходимые для проверки допустимости других доказательств, поскольку эта проверка оказалась необходимой (например, в связи с жалобой обвиняемого).

ливающих причины противоречий между доказательствами; наличие или отсутствие особых взаимоотношений между свидетелями и обвиняемыми (подозреваемыми, потерпевшими); особенности органов чувств, мешавших точному восприятию хода события; изменения доказательств в результате ненадлежащего хранения и т. д. Необходимость собирания соответствующих данных прямо предусмотрена законом. Так, ст. 74 УПК РСФСР предусматривает возможность допроса свидетеля о его взаимоотношениях с обвиняемым и потерпевшим; ст. 77 УПК РСФСР — возможность дачи обвиняемым объяснений по поводу «имеющихся в деле доказательств»; ст. 79 УПК РСФСР — производство экспертизы для определения психического или физического состояния свидетеля и потерпевшего, если возникает сомнение в их способности правильно воспринимать те или иные обстоятельства, имеющие существенное значение для дела, и т. д.

При расследовании дела по обвинению Ш. в грабеже потерпевшая М. по целому ряду признаков категорически опознала Ш. как лицо, ограбившее ее. В судебном заседании потерпевшая изменила свои показания и заявила, что «не может точно сказать», является ли обвиняемый тем человеком, который ее ограбил.

В результате дополнительно проведенного расследования было установлено, что к М. приходила мать обвиняемого и уговаривала ее изменить показания. Доказательства, на основании которых была установлена причина изменения показаний М., являются относящимися к делу, хотя они и не находятся в прямой связи с фактом совершения преступления обвиняемым Ш.¹

Игнорирование органами расследования или судом относимости доказательств указанной группы обоснованно рассматривается в надзорной судебной и прокурорской практике как односторонность или неполнота предварительного расследования или судебного следствия со всеми вытекающими отсюда последствиями (ст. 342 УПК РСФСР). Это и понятно, так как в результате может возникнуть неустраняемое сомнение в достоверности доказательств, которым обоснованы итоговые выводы по делу.

Все сказанное приводит к выводу, что совокупность сформулированных в процессуальном законе норм о предмете доказывания и об иных обстоятельствах, имеющих значение для правильного расследования и судебного разбирательства уголовного дела, есть в то же время нормативная основа для решения в конкретном случае вопроса об относимости собранных фактических данных.

¹ См. об этом также § 1 гл. III.

В свою очередь правильное решение этого вопроса представляет собой необходимую составную часть реализации требования всесторонности, полноты, объективности исследования обстоятельств дела.

Решение вопроса об относимости доказательств представляет собой наряду с решением вопроса о допустимости составную часть их оценки и ее начальный этап. Причем, как и оценка доказательств в целом, процесс этот является длящимся и в его ходе предварительные решения сменяются, в конечном счете, итоговыми (для данной стадии, а затем для производства по делу).

Применительно к прямым доказательствам определение относимости обычно не представляет затруднений (хотя и здесь решение может измениться, если, например, выяснится, что устанавливаемое обстоятельство было ошибочно включено в предмет доказывания). Применительно же к косвенным доказательствам нахождение правильного решения — гораздо более сложное дело, так как связь таких доказательств с предметом доказывания вначале устанавливается лишь предположительно. Причем и предположительное решение зависит от совокупности доказательств, уже собранных по делу. Так как эта совокупность является в каждой стадии процесса до ее заключительного этапа и в процессе в целом до его заключительной стадии «величиной переменной», то и решение вопроса об относимости того или иного косвенного доказательства может неоднократно меняться. Общим правилом здесь является необходимость оценивать — впредь до окончательного решения этого вопроса — в качестве относимых все фактические данные, содержание которых позволяет предположить наличие их связи с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, или иными данными, имеющими значение для правильного разрешения дела. В самом деле, расследование и судебное разбирательство приводят к выявлению ряда фактов, происхождение которых требуется установить. Каждый из них, взятый отдельно, может явиться следствием нескольких причин, и необходимо достоверно определить именно ту из возможных причин, которая имела место в действительности. Для этого — вследствие недостаточных вначале фактических данных — существует только один путь: выдвинуть и проверить весь круг предположений (версий), каждая из которых указывает на одно из возможных в данном случае объяснений наличия установленных уже фактов (см. § 4 гл. VI).

Здесь применяется ретроспективный метод: объекты настоящего рассматриваются как следы прошлого и служат информационным фундаментом ретроспекции. В ходе последней от проблемной ситуации (при которой искомое не дано, но находится в некоторой предположительной связи с уже установленными

фактами, к которым
версии следствия
Таким образом, в
зависимости от
относящихся дел
которые подтвержда
спл.
Изменение в ходе
относительности конкрет
по мере проверки вер
там событий, а не по
яется объективная
вспомогательными фа
между обстоятельства
формацией о них. Фа
венных обстоятельств
мнати живых людей и
ных объектов. «Поте
отражено в материал
ности, которое выявл
ред происходит в ко
имеет свои законом
ниям свойственные
стики, определяемые
всегда имеется меж
бытием.
Объективная св
изменна, и задача
вскрыть эту связь
ность предположен
Неточно поэтом
дебного разбирате
менять значение. I

¹ См. Л. Я. Дра
Автореферат кандида
² См. А. М. П. и т
доказательств. Автор
³ См. подробнее
спертиза обстоятельств
Автореферат кандида
По удачному вы
ности доказательств
ности для раскрыт
процес на Народн

фактами, которые ограничивают и целенаправляют поиск) через версии следователь, суд приходят к достоверному знанию о событии прошлого¹.

Таким образом, как отмечалось, между кругом имеющихся по делу версий и относимостью доказательств существует неразрывная зависимость, которая выражается в том, что предположительно относящимися должны быть признаны все доказательства, которые подтверждают или опровергают построенные версии.

Изменение в ходе исследования дела предварительной оценки относимости конкретных доказательств происходит от того, что по мере проверки версий изменяются наши знания о расследуемом событии, а не потому, что каким бы то ни было образом меняется объективная связь между промежуточными и другими вспомогательными фактами и предметом доказывания, а равно между обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, и информацией о них. Фактические данные (информация) о существенных обстоятельствах дела «потенциально»² существуют в памяти живых людей в виде изменений материально фиксированных объектов. «Потенциально» (в том смысле, что оно еще не отражено в материалах дела) существует и свойство их относимости, которое выявляется в ходе доказывания. Например, выстрел происходит в конкретной среде, материальной обстановке и имеет свои закономерности. Возникающим на объекте изменениям свойственны качественные и количественные характеристики, определяемые условиями выстрела³. Такая же зависимость всегда имеется между любой другой информацией о событии и событием.

Объективная связь между элементами события прошлого неизменна, и задача органов предварительного расследования и суда вскрыть эту связь там, где она есть, и установить необоснованность предположений о наличии такой связи там, где ее нет⁴.

Неточно поэтому мнение, что в процессе расследования и судебного разбирательства дела доказательства будто бы могут менять значение. В действительности, конечно, не доказательство

---

¹ См. Л. Я. Драпкина, Построение и проверка следственных версий. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1972, стр. 9—10.

² См. А. М. Пилиримов, Исследование документов — вещественных доказательств. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970, стр. 7.

³ См. подробнее И. А. Дворянский, Судебно-баллистическая экспертиза обстоятельств выстрела при больших дистанциях стрельбы. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1971, стр. 5.

⁴ По удачному выражению С. Павлова, сущность вопроса об относимости доказательств состоит именно в определении «объективной их годности» для раскрытия истины по делу («Основы начала на наказательный процесс на Народната Република България», София, 1956, стр. 236).

меняет значение, а меняется оценка последнего по мере того, как вероятное знание переходит в достоверное, предварительная оценка — в итоговую, окончательную. Именно к концу расследования, судебного разбирательства, когда собрана такая совокупность доказательств, которая исключает возможность многозначного истолкования фактов, решение вопроса об относимости становится окончательным (для стадии процесса или соответственно для всего производства).

Часть этих доказательств относится к версии, которая после ее всесторонней проверки найдет отражение в обвинительном заключении (постановлении о прекращении дела) или соответственно — в приговоре, определении. Некоторые же из доказательств относятся к таким версиям, которые в результате расследования или судебного разбирательства дела признаются необоснованными.

По мнению М. М. Гродзинского, «все те доказательства, которые установили неправильность ряда первоначальных версий и при этом не связаны с оставшейся версией, признанной правильной, уже сыграли свою роль в деле и, следовательно, не будут рассматриваться в дальнейшем при разрешении судом дела»¹. Такую точку зрения нельзя признать правильной. Во-первых, многие доказательства, посредством которых устанавливается необоснованность некоторых первоначально построенных версий, одновременно входят в систему доказательств, обосновывающих какую-либо другую версию. Во-вторых, даже если их значение по делу сводится только к опровержению определенной версии (например, к опровержению алиби), они тем самым как бы устраняют негативные для других версий обстоятельства и также должны рассматриваться как сохраняющие относимость к делу.

Надо иметь, далее, в виду, что сам вывод органа расследования о необоснованности всех построенных версий, кроме отраженной в обвинительном заключении, является окончательным для данной стадии процесса, но не для всего производства. В стадии судебного разбирательства происходит самостоятельное исследование обстоятельств дела. Если признать доказательства, касающиеся ранее отвергнутых версий, не относящимися к делу, то практически это будет означать, что такие материалы можно изъять из дела как ненужные, загромождающие его. Но изъятие этих материалов может помешать всесторонне разобраться в деле, проверить, а не принять «на веру» обоснованность версии органа расследования (а выводы следователя для суда лишь версия), как и обоснованность отказа от иных версий, первоначально построенных по делу.

¹ «Государственный обвинитель в суде», М., 1954, стр. 64—65.

Оценка доказательств с точки зрения их относимости предусмотрена законом для всех без исключения стадий процесса.

Так, при предании суду определяется достаточность собранных доказательств для того, чтобы рассмотреть дело по существу. Очевидно, что правильно решить этот вопрос невозможно, не уяснив, относятся ли имеющиеся доказательства к делу. Именно в этой связи в стадии предания суду предоставлена возможность изменения списка лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, истребования документов и предметов (ст.ст. 222, 223, 228 УПК РСФСР).

В стадии судебного разбирательства закон также прямо предусматривает необходимость решения (предварительного и окончательного) вопроса об относимости доказательств. Обвинительное заключение, отражающее выводы, к которым пришли органы предварительного расследования и прокурор, рассматривается судом как одно из возможных объяснений расследуемого события. Выдвигаемые в ходе судебного разбирательства иные версии существенным образом влияют на пределы проводимого судом следствия, ибо все те доказательства, которые способны подтвердить или опровергнуть какую-либо из этих версий, признаются судом относимыми. Вопрос об относимости доказательств специально рассматривается и тогда, когда суд разрешает заявленные ходатайства об истребовании новых доказательств. Решая этот вопрос, суд исходит из существенности тех фактов, в подтверждение которых истребуется данное доказательство, и способности последнего прямо или косвенно устанавливать искомые факты.

Вызывая того или иного свидетеля, истребуя какой-либо предмет или документ, назначая экспертизу и т. п., суд имеет представление о том, по какому вопросу можно будет собрать сведения данным путем¹. Однако суд не может знать заранее, что именно будет показывать тот или иной свидетель, каково будет содержание заключения, даваемого экспертом, и т. п. Поэтому суд не может отклонить ходатайство по той причине, что доказательство, о собирании которого ходатайствует участник процесса, возможно, не будет содержать нужных сведений. Окончательно относимость доказательств суд первой инстанции оценивает при вынесении приговора (определения о прекращении дела) в каче-

---

¹ Интересно в связи с этим решение Пленумом Верховного Суда СССР вопроса о правильном применении судами ст. 228 УПК РСФСР. Внимание судов обращено на то, что назначать экспертизу в стадии предания суду нельзя, но для обеспечения ее проведения в ходе судебного разбирательства судья или суд в распорядительном заседании вправе решить вопрос о вызове в судебное заседание лица, обладающего специальными познаниями (см. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 2, стр. 8 ; № 3, стр. 43). Очевидно, что для осуществления подобных обеспечивающих действий необходимо предварительно составить представление о том, что может дать по данному делу экспертиза.

стве обязательной предпосылки решения вопроса о возможности положить данное доказательство в основу приговора (определения).

Оценка относимости доказательств осуществляется, наконец, в стадиях производства в кассационной и надзорной инстанции в качестве элемента проверки законности и обоснованности приговора (определения, постановления) по имеющимся в деле и дополнительно представленным материалам. Закон (ст. 343 УПК РСФСР) прямо указывает, в частности, что одним из оснований отмены приговора может быть отсутствие в деле фактических данных, имеющих существенное значение, хотя об их наличии известно (не допрошены свидетели, не истребованы документы и вещественные доказательства и т. д.).

§ 4. КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Значение научной классификации в теории доказательств, как и в других областях знаний, состоит в том, что она способствует систематизации накопленных знаний, обеспечивает правильное использование понятий и терминов, устраняет двусмысленность и неоднозначность языка науки¹.

Действительно, классификация доказательств возможна лишь постольку, поскольку четко определено понятие доказательства, выявлены все его стороны, разграничены виды доказательств, уточнен язык теории.

Ф. Энгельс отмечал, что научная классификация представляет расположение классифицируемых явлений согласно внутренне присущей им последовательности. В основе такого расположения должны лежать объективные различия классифицируемых предметов².

Доказательства различны по своему происхождению, имеют различную структуру и неодинаковые функции в процессе доказывания. Охватить все эти признаки одной какой-либо системой классификации с одним основанием невозможно.

Сложный, многоплановый предмет по необходимости требует сложного и многостороннего описания³. Поэтому и классификация доказательств проводится по нескольким основаниям и представляет разветвленную систему.

При построении классификации возникают трудности двойного рода. Первая обусловлена сложностью и многоплановостью

¹ А. И. Кондаков, Логика, М., 1954, стр. 377.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 564—565.

³ Разнообразие оснований классификации необходимо вытекает из сложности, многосторонности классифицируемых явлений. Подробнее см. Б. М. Кедров, Классификация наук, М., 1961, стр. 22.

структуры процесса доказывания, что сказывается, например, при классификации прямых и косвенных доказательств. Вторая связана с многозначностью исторически сложившейся терминологии.

В естественном, не формализованном языке термин «доказательство» употребляется для обозначения широкого родового понятия, охватывающего разные стороны и моменты сложной процедуры доказывания. Доказательством называют и факт объективной действительности, связанный с событием преступления, и фактические данные, т. е. сведения об этом факте либо материальные последствия события, и источники доказательств, т. е. те формы, в которых фактические данные получены и фиксируются в деле, и даже знания о фактах, полученные в результате логического вывода¹.

В большом числе случаев такое многозначное употребление термина «доказательство» не вызывает затруднений, так как контекст высказывания уточняет, в каком смысле термин использован в конкретном случае.

Напротив, при анализе сторон и моментов процедуры доказывания и связанных с этой процедурой понятий многозначность терминов становится серьезной помехой. В таких исследованиях приходится строго ограничивать использование языковых средств с тем, чтобы каждый термин имел только одно вполне определенное значение.

Такое уточнение понятий и терминов представляет известную формализацию языка науки, причем уровень этой формализации различен в разных отраслях знания.

В целом классификация доказательств построена по шести различным основаниям.

1. Деление доказательств (фактических данных) на *личные* и *вещественные*.

Это деление основано на различии видов фактических данных, механизма их формирования и использования.

2. Деление доказательств *по видам источников*, в основу которого положено различие процессуальных способов собирания и закрепления доказательств, соответствующих специфике отдельных видов фактических данных. Эти источники исчерпывающе перечислены в законе — показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение эксперта, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий, иные документы (ст. 16 Основ).

3. Деление вещественных доказательств на виды в зависимости от *характера связи предмета с событием преступления* (орудия преступления, объекты посягательства и т. д.).

---

¹ Подробно о значении этих понятий говорилось в § 1 гл. IV.

4. Деление доказательств на первоначальные и производные.

В основу этого деления положено наличие (или отсутствие) промежуточных источников доказательственной информации, влияющие на способы проверки и механизм оценки доказательств.

5. Деление доказательств на прямые (одноступенчатые) и косвенные (многоступенчатые). В основу деления положено различие структуры обоснования доказываемого обстоятельства. Прямые доказательства обосновывают ближайший тезис, косвенные — как ближайший, так и последующие.

6. Деление доказательств на обвинительные и оправдательные основано на различной формулировке тезиса доказывания. Доказательства, обосновывающие наличие события преступления, вину данного лица, обстоятельства, отягчающие ответственность, принято называть *обвинительными*; обосновывающие отсутствие события преступления, отсутствие вины данного лица, наличие обстоятельств, смягчающих ответственность либо исключающих производство по уголовному делу, а равно доказательства, опровергающие допустимость, относимость или достоверность обвинительных доказательств, — *оправдательными*.

1. *Личные и вещественные фактические данные.* Событие преступления отображается в сознании людей, участвовавших в нем или его наблюдавших, и в материальной обстановке — в виде различных изменений этой последней.

Понятно, что механизмы этих отображений существенно различны. В первом случае речь идет о психическом отражении в сознании в виде образов и понятий, во втором — о физических, механических и т. д. изменениях вещей, их свойств и отношений. В обоих случаях отображения — как психические, так и материальные — несут определенную информацию о происшедшем событии¹. Однако способы и условия формирования этой информации, ее хранения и переработки существенно различны. Различен и процессуальный режим личных доказательств, т. е. факти-

¹ В современной философской литературе понятию информации придают два не вполне тождественных значения. Согласно более широкому определению, вещи сами по себе содержат информацию, и объективные признаки вещей, следовательно, являются элементами информации (см., например, И. Б. Новик, Кибернетика. Философские и социологические проблемы, М., 1963, стр. 207; В. М. Глушков, Мышление и кибернетика, «Вопросы философии» 1963 г. № 1, стр. 36, и др.). Вместе с тем в литературе имеется и более узкое определение понятия информации: она связывается лишь с высокоорганизованными системами, в частности с живыми организмами (см., например, Б. С. Украинцев и Г. В. Платонов, Об объективных критериях и материальной основе развития форм отражения, «Вопросы философии» 1964 г. № 10, стр. 27).

В настоящей работе понятие «информация» употребляется в первом значении.

ческих данных, имеющих своим носителем людей, и вещественных доказательств, несущих на себе материальную информацию о событии.

Личные доказательства представляют собой сообщения¹.

Под сообщением понимается передача информации, воспринятой и психически переработанной человеком. Понятно, что сообщения имеют свои специфические формы, посредством которых осуществляется обмен мыслями. Господствующей среди них следует считать естественную языковую форму — устную или письменную речь.

Сообщения о вещи, помимо прочего, тем отличаются от самой вещи (равно как и любой ее копии), что они носят «знаковый» характер, словесную форму. Язык сообщения представляет систему условных знаков (код), а не систему свойств самой вещи. Описание вещи есть мысленное отражение вещи, а не сама вещь.

Первую группу личных доказательств составляют показания обвиняемых, подозреваемых, свидетелей, потерпевших. Показания, т. е. сообщения названных носителей информации (обвиняемого, свидетеля и т. д.), в процессе доказывания могут фигурировать в двух формах — устной и письменной (в виде протоколов допроса). В силу прямого требования закона (ст. ст. 72—77, 150, 158, 161, 281, 286, 287 УПК РСФСР) на дознании, предварительном следствии, судебном разбирательстве показания подсудимых, свидетелей и потерпевших должны быть даны в устной форме, за исключением случаев, специально оговоренных законом.

Протоколы допроса представляют форму фиксации показаний перечисленных лиц, предназначенную для хранения информации и передачи ее адресату доказывания только в тех случаях, когда воспроизвести устные сообщения невозможно и не требуется по закону (например, в кассационном производстве).

Вторую группу личных доказательств образуют протоколы таких следственных действий, как осмотр, освидетельствование, выемка, обыск, задержание, предъявление для опознания, следственный эксперимент, а также проверка показаний на месте

---

¹ Деление на «личные» и вещественные доказательства проводилось и в юридической литературе прошлых лет (Бентам, Жиряев). Некоторые современные авторы критиковали это деление, утверждая, что оно ведёт к противопоставлению доказательств, исходящих от людей, доказательствам вещественным (М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 311). Однако речь идет не о противопоставлении доказательств, а о признании очевидного различия между сообщениями о фактах, исходящими от людей, и материальными предметами, которые требуют иного процессуального режима их собирания и закрепления.

См. также И. М. Лузгин, Реконструкция как разновидность моделирования в расследовании преступлений, «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 13, М., 1971, стр. 115.

(в тех союзных республиках, где это действие предусмотрено законом)¹.

Ближайший адресат доказывания (например, следователь) воспринимает обстановку места происшествия, равно как обстоятельства в ходе других названных действий, непосредственно (так же как и остальные участники). Результаты этого непосредственного восприятия отображаются и закрепляются в протоколе следственного действия. Источником доказательства являются протокол и приложения к нему, поскольку закон не требует обязательного проведения перечисленных действий судом, рассматривающим дело по существу, как он требует устного воспроизведения показаний обвиняемого, свидетеля, потерпевшего.

Третью группу личных доказательств составляют иные документы (ст. 88 УПК РСФСР).

Ни ближайший, ни последующие адресаты доказывания не воспринимают непосредственно обстоятельств (фактов), удостоверяемых или изложенных в документах. Не требуется и обязательного устного воспроизведения носителем информации (т. е. составителем документа), тех сведений, которыми он располагает².

Личным доказательством является и заключение эксперта. Информация исходит от эксперта в форме письменного заключения, а в случае производства экспертизы в суде заключение оглашается экспертом (ст. 288 УПК РСФСР).

Сообщения, т. е. фактические данные, исходящие от лица, служат прежде всего основаниями для вывода о существовании или несуществовании того факта, о котором сообщается.

С логической стороны сообщение (показания, протокольная запись, документ и т. д.) представляет коммуникативный аргумент³, доказывающий, что тот факт, о котором сообщается, существует или существовал в действительности. Поэтому личное доказательство всегда служит коммуникативным аргументом на первом этапе доказывания по схеме: «Если сообщается о событии А, то событие А было в действительности».

Лишь после этого возможно построение последующих выводов, которые подробно рассматриваются ниже в связи с делением доказательств на прямые и косвенные.

¹ Отнесение этих протоколов к числу сообщений соответственно виду содержащейся в них информации не исключает использования их и в качестве элемента сложной структуры вещественных доказательств (см. ниже и § 1 гл. IV).

² Если будет сочтено необходимым допросить составителя документа, то он даст показания как свидетель и, таким образом, наряду с документом появится новое доказательство — показание свидетеля.

³ Аргументом, т. е. логическим основанием вывода, в этом случае является ссылка на сообщение (коммуникацию) о факте.

Вещественные доказательства перечислены в ст. 83 УПК РСФСР.

Прежде всего следует отметить сложную структуру вещественного доказательства. О вещественном доказательстве в полном и строгом смысле этого понятия можно говорить только тогда, когда имеются налицо три компонента: а) следы, отпечатки, особое расположение, состояние или иные изменения, возникшие у предмета или на нем в результате события преступления; б) сам предмет — носитель этих изменений, свойств, следов и т. п., изъятый из обстановки; в) сообщение, описывающее обстановку, в которой находился этот предмет, условия, при которых он был изъят и приобщен к делу, и признаки самого предмета (например, в протоколе осмотра места происшествия). При отсутствии любого из этих компонентов вещественного доказательства, т. е. особой формы фактических данных, пригодных для обоснования каких-либо выводов о доказываемых обстоятельствах, быть не может¹.

Структура «личного» компонента вещественного доказательства, т. е. описание обстановки и условий изъятия предмета, содержащиеся, например, в протоколе, рассмотрена выше. Предъявление же предмета в натуре адресату доказывания представляет с логической стороны эмпирический аргумент, т. е. доказательство того, что вещь действительно существует и обладает данными свойствами. Предъявление предмета является эмпирическим аргументом, непосредственно убеждающим адресат в существовании вещи и ее свойств: «Если предъявляется А, то А существует в действительности». После этого могут быть построены выводы о доказываемом обстоятельстве, основывающиеся как на данных об условиях, в которых предмет обнаружен, так и на данных, полученных при наблюдении предмета.

Разграничить доказательства на «личные» и вещественные легко, когда сопоставляются, например, показания свидетеля и след на грунте. Но существуют такие формы передачи сведений, которые трудно рассматривать в качестве «только» сообщений. Даже рисунок или схема, в строгом смысле слова, не является сообщением в чисто «знаковой» форме, так как рисунок непосредственно отображает, копирует некоторые свойства вещи. Тем более это относится к фотографическому снимку. В данном случае мы постепенно переходим от чистой формы знакового (словесного) сообщения к так называемому «элементарному отображению» (например, следообразованию, простейшие акты которого имеют

---

¹ В естественном, не формализованном языке вещественным доказательством нередко называют только предмет, в некоторых случаях — только следы на нем и т. д. Между тем очевидно, что только соединение всех трех компонентов представляет собой доказательство, т. е. основание для выводов.

место в неживой природе и не связаны непосредственно с психической деятельностью человека)¹. Среднее положение в этом ряду занимает, в частности, фотографический снимок: продукт деятельности человека, специально рассчитанный на закрепление и сохранение сведений о предметах, вместе с тем представляет элементарное отображение, возникшее в результате определенных физико-химических процессов².

Слепки, оттиски, изготавливаемые со следов, являются продуктами физического, механического и тому подобного воздействия, т.е. техническими копиями объектов, и в этом отношении полностью относятся к элементарным отображениям.

Вместе с тем отметим, что все эти объекты — фотографические снимки, планы, схемы, слепки и оттиски, если они получены в ходе следственного действия, согласно закону (ст. 141 УПК РСФСР) прилагаются к протоколам.

Предметом обсуждения являются вопросы о гносеологических и иных аспектах сходства и различия фотоснимков и иных копий с сообщениями или с материальными объектами, приобщаемыми к делу в качестве вещественных доказательств.

В этом отношении, действительно, планы и схемы, как продукты психической деятельности, ближе стоят к документам; объемные копии — к предметам — вещественным доказательствам; фотоснимки занимают промежуточное положение³.

Различие «личных» и вещественных доказательств отражается не только на порядке собирания и закрепления доказательств, но и на проверке и оценке их (см. гл. гл. VI, VII, IX—XII).

Для оценки «личных» доказательств существенное значение приобретает характеристика, например, свидетеля, его отношения к делу, условий, при которых он наблюдал события, о которых показывает, и т. п. При оценке значения вещественных доказательств на первое место выступает анализ, наличие и происхождение свойств и признаков, указывающих на материальные связи (причинные и иные), существующие между доказательством и доказываемым событием.

¹ Б. С. Украинцев, Информация и отражение, «Вопросы философии» 1963 г. № 2, стр. 26; В. С. Тютин, О сущности отражения, «Вопросы философии» 1962 г. № 5, стр. 67.

² Авторы несколько уточнили характеристику содержания информации, передаваемой фотоснимками, слепками и т. п., по сравнению с первым изданием (ср. «Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная», М., 1967, стр. 5—12).

³ В. Д. Арсеньев относит к числу документов наряду с описаниями (письменными, графическими и т. п.) также слепки и оттиски («Вопросы общей теории судебных доказательств», М., 1964, стр. 117). При этом, с нашей точки зрения, игнорируется различие двух типов передачи сведений об исследуемом событии — описание и чувственно наглядное воспроизведение его свойств.

Однако было бы неправильно толковать это различие в том смысле, что доказательства одного типа лучше, надежнее, а другого — хуже, менее надежны¹.

В действительности такая предусмотренная оценка доказательств в научном отношении совершенно беспочвенна. Лишь конкретный анализ всех условий формирования и закрепления доказательств, как «личных» (сообщений), так и вещественных, дает надежное средство их оценки.

2. *Виды источников доказательств.* В основу этого деления положено различие процессуальных форм получения, передачи и хранения доказательственной информации.

После того как выделены два основных типа фактических данных — личные и вещественные, первые могут быть подразделены на несколько видов: показания (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого), заключение эксперта, протокол следственного (судебного) действия, иной документ. Вещественные доказательства также подразделяются на виды, но по иному основанию.

Перечень источников информации однозначно определен законом (ст. 16 Основ).

Выше отмечалось, что закон проводит разграничение таких источников, как показания (например, свидетеля, обвиняемого) и протокол следственного или судебного действия, в котором могут быть зафиксированы эти же показания. Очевидно, само это разделение означает, что речь идет об устных показаниях, непосредственно сообщаемых ближайшему адресату доказывания (следователю на предварительном следствии, суду — при судебном рассмотрении дела)².

Показания обладают преимуществом непосредственности. Но в то же время они существуют только для ближайшего адресата,

---

¹ В буржуазной литературе высказывалось мнение о преимуществах «немых свидетелей» — вещественных доказательств, якобы не способных ввести в заблуждение. Эти неправильные взгляды проводились и некоторыми советскими юристами (см., например, А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 291; В. П. Громов, Материальная истина и научно-уголовная техника, М., 1930, стр. 15—23; П. И. Люблинский, О доказательствах в уголовном суде, М., 1924, стр. 55; И. Н. Якимов, Криминалистика, М., 1925, стр. 9, и др.).

Обоснованную критику этих высказываний см. в работах: М. М. Выдря, Вещественные доказательства в советском уголовном процессе («Ученые записки ВШЮН», вып. 10, М., 1959); М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, и др.

² В законе термину «показания» придается и более широкий смысл — «сообщения имеющихся сведений» — независимо от различия устной и письменной формы. Так, согласно ст. 160 УПК РСФСР свидетелю, по его просьбе, может быть предоставлена возможность написать свои показания собственноручно. Однако при этом предполагается, что устные показания им уже даны, а «показания» включаются в протокол.

т. е. для того, кто непосредственно присутствует при даче показаний. Сохранение же сведений, содержащихся в показаниях, и передача их последующим адресатам при невозможности их вновь воспроизвести возможны лишь с помощью протокола.

Существенное значение имеет также классификация показаний, основанная на различии носителей сведений.

Если психологически «механизм» восприятия и запоминания в известных чертах сходен для свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, то «механизм» воспроизведения ими фактических данных на допросе имеет специфику, определяемую отношением лица к делу, наличием или отсутствием заинтересованности в его исходе.

Поэтому законодатель считает показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого самостоятельными видами доказательств; выделены также заключения экспертов, документы (в силу особенностей их собирания, закрепления, проверки, оценки).

В числе источников должны быть также названы протоколы судебных и следственных действий, вещественные доказательства.

3. Деление вещественных доказательств на виды, основанное на характере их связи с исследуемым обстоятельством.

Известно несколько форм передачи и закрепления информации (протоколы, документы и т. д.) при использовании личных доказательств. Для вещественных доказательств, по существу, имеется только одна форма: приобщение их к делу. Это подтверждается и тем, что закон не выделяет в качестве особого источника копий предметов — фотографических и иных, которые фигурируют в деле в качестве приложений к протоколам. Поэтому классификация вещественных доказательств проводится по иному основанию, нежели классификация источников. Здесь различие можно усмотреть в характере связи между предметом, используемым в качестве доказательства, и событием.

Статья 83 УПК РСФСР делит вещественные доказательства на следующие основные виды: орудия преступления (оружие, орудие взлома и т. д.); объекты, сохранившие на себе следы преступления (стакан со следами пальцев); объекты, на которые было направлено посягательство (похищенные ценности); деньги и иные ценности, нажитые преступным путем.

Перечень видов вещественных доказательств в ст. 83 УПК РСФСР не носит исчерпывающего характера, так как завершается упоминанием иных предметов, могущих «служить средством к обнаружению преступления...». В широком смысле слова это последнее понятие охватывает своим содержанием и все предшествующие ему в перечне виды вещественных доказательств.

В литературе высказывалась мысль о целесообразности пополнения перечня отдельных видов вещественных доказательств путем создания более подробной их классификации. Некоторые ав-

торы предлагают
теперь, как «пр
крытия преступл
Была выка
вать как особы
(степни и т. д.).
же модели и ма
используемые пр
явлении для опоз
Подобная диф
отдельных видов
ставляется, уточ
и будет способст
доказательствени

4. Деление до
Основанием этог
жуточного носит
Учитывая раз
зательств, рассм
этих видов.

Личным перв
показания свиде
какой-либо его м
вания. Показани
проса, представл
Первоначаль
ленный тем, кт
ром говорится
эксперта⁴.

¹ См. М. М.
ловном процессе.
² Характеризу
чает, в частности
материальные об
целях изучения
ствления лиц и
нальным объект
или экспертом.
должны быть вк
доказательствами
ния». Авторефер
³ В процессу
начальное доказа
исчерпывающий
формации о собы
⁴ Представляя
доказательств, за
их содержание, о
Поэтому его мож

торы предлагают выделить такие виды вещественных доказательств, как «продукты преступной деятельности», «средства сокрытия преступления», «средства подготовки преступления» и др.¹

Была высказана также мысль о целесообразности рассматривать как особый вид вещественных доказательств копии следов (слепки и т. д.). К этому виду можно было бы присоединить также модели и материалы для экспериментальных исследований, используемые при экспертизе, следственном эксперименте, предъявлении для опознания и т. п.²

Подобная дифференциация, основанная на реальных различиях отдельных видов вещественной информации, позволит, как представляется, уточнить классификацию вещественных доказательств и будет способствовать более полному и всестороннему анализу доказательственного материала.

4. *Деление доказательств на первоначальные и производные.* Основанием этого деления служит наличие или отсутствие промежуточного носителя доказательственной информации³.

Учитывая различия в структуре личных и вещественных доказательств, рассмотрим это деление применительно к каждому из этих видов.

Личным первоначальным доказательством являются, например, показания свидетеля, наблюдавшего событие преступления или какой-либо его момент и сообщаящего об этом адресату доказывания. Показания такого свидетеля, равно как и протокол его допроса, представляют первоначальные доказательства.

Первоначальным доказательством является документ, составленный тем, кто лично осведомлен о каком-либо событии, о котором говорится в этом документе. То же относится и к заключению эксперта⁴.

---

¹ См. М. М. Выдря, Вещественные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 35.

² Характеризуя эту группу объектов, И. М. Лузгин обоснованно отмечает, в частности, что названные модели «представляют собой некоторые материальные объекты, созданные следователем или по его поручению в целях изучения и установления подлинных вещей, розыска и отождествления лиц и предметов. Эти модели находятся в отношении к оригинальным объектам на уровне подобия, которое определяется следователем или экспертом». Вместе с тем, он полагает, что модели и их разновидности должны быть включены в систему доказательств, наряду с вещественными доказательствами, а не в их составе («Расследование как процесс познания». Автореферат докторской диссертации, М., 1968, стр. 26—27).

³ В процессуальной литературе в качестве синонима термина «первоначальное доказательство» нередко применяется термин «первоисточник», подчеркивающий отсутствие посредствующих звеньев при передаче информации о событии.

⁴ Представляя собой результат исследования уже имеющихся в деле доказательств, заключение эксперта не просто описывает или суммирует их содержание, оно содержит совокупность новых фактических данных. Поэтому его можно рассматривать как первоначальное доказательство.

В этом примере свидетель, участники осмотра, составитель документа или эксперт являются первичными носителями сведений о факте, непосредственно передаваемых адресату.

Если же событие наблюдало одно лицо, затем сообщило об этом другому, и это другое лицо в качестве свидетеля дает показания о событии, то такие показания являются производным доказательством. В этом случае имеются как бы два носителя информации: первый — наблюдавший событие, но не сообщивший об этом адресату (первоначальный носитель), и второй — узнавший о событии от первого и сообщивший о событии адресату (вторичный носитель)¹.

Производным доказательством является также копия документа. В этом случае составитель документа (оригинала) является первичным носителем, а то лицо, которое сняло копию и ее закрепило, — вторичным носителем информации².

Сложнее обстоит дело с так называемыми «суммирующими» производными доказательствами, которые возникают в результате суммирования информации, почерпнутой из нескольких первоначальных источников. Таковы, например, акты ревизии, сводные бухгалтерские документы и т. п.

В качестве производных вещественных доказательств в научной литературе нередко называют фотографические, объемные и иные копии документов, следов, орудий преступления и иных подобных объектов.

Действительно, фотоснимок, так же как и объемный слепок, в преобразованном виде воспроизводит информацию, содержащуюся в объекте-оригинале (подробно эти вопросы рассматриваются в гл. XI).

К числу «суммирующих» производных вещественных доказательств в указанном смысле могут быть отнесены и объекты, моделирующие на основе устного или документированного описания свойства других объектов, используемые взамен последних при предъявлении для опознания, в ходе эксперимента, на допросе. Например, нож, имеющий те же признаки, что и нож, спрятанный преступником; замок той же системы, что и взломанный ворами, «составной» или рисованный портрет и т. д.

¹ Согласно закону показания вторичного носителя информации только тогда являются доказательством, когда он может назвать источник своей осведомленности (ст. 74 УПК РСФСР).

² От копии следует отличать второй, третий и т. д. экземпляры оригинала, воспроизведенные одновременно тем же лицом. С этой точки зрения не вполне точна формулировка ст. 177 УПК РСФСР о вручении копий протокола обыска, выемки, наложения ареста на имущество. Фактически вручается не копия, а подлинный второй экземпляр протокола, выполненный одновременно с первым и имеющий ту же силу. Именно такой порядок предупреждает возникновение споров по поводу содержания документа, которые могли бы иметь место, если обыскиваемому была бы вручена изготовленная позже копия.

В некоторых
ном доказательств
с той, которая
ченные преступ
щей, можно расс
тельство, несущее
которую содержа
приобщить к делу
Производное

ного, на его осно
формации, относ
маются или не
информации прои
ного, будучи непо
возможны искаже
носителя к проме

Деление доказ
воляет учесть сп
доказательств.

В процессе до
того, чтобы собра
при соблюдении
ность содержаще
ства должны быт

В практике п
делу лицо, чьи
тельство, в даль
ственно их меня
каким-либо при
первоначальные

¹ Строго говоря
событие преступл
вещами, породило
хищения. Однак
существенных пр
воспроизведена в
обладания похищ
можно говорить
ства.

² Это относится
удостоверительны
описанием или
некоторых призна
наличии у произв
свойства» на перв
тельства и их ист
кандидатской дисс

В некоторых случаях информация, содержащаяся в производном доказательстве, существенно преобразуется по сравнению с той, которая содержится в первоначальном. Так, деньги, полученные преступником в результате реализации похищенных вещей, можно рассматривать как производное вещественное доказательство, несущее в преобразованном виде часть той информации, которую содержали эти объекты, если бы их удалось разыскать и приобщить к делу в натуре¹.

Производное доказательство формируется позже первоначального, на его основе и содержит меньший объем фактической информации, относящейся к делу, так как часть ее не воспринимается или не воспроизводится при передаче. По характеру информации производное доказательство зависит от первоначального, будучи неполным его отображением². В отдельных случаях возможны искажения информации при переходе ее от первичного носителя к промежуточному.

Деление доказательств на первоначальные и производные позволяет учесть специфические свойства каждого из этих видов доказательств.

В процессе доказывания предпринимается все возможное для того, чтобы собрать первоначальные доказательства³. Вместе с тем при соблюдении условий, гарантирующих точность и достаточность содержащейся в них информации, производные доказательства должны быть использованы.

В практике иногда встречаются случаи, когда допрошенное по делу лицо, чьи показания представляют первоначальное доказательство, в дальнейшем от этих показаний отказывается или существенно их меняет. При таком положении, а также тогда, когда по каким-либо причинам необходимо особенно тщательно проверить первоначальные показания, целесообразно использовать в качестве

---

¹ Строго говоря, речь идет не о прямом взаимодействии, а о том, что событие преступления, с которым связан факт обладания похищенными вещами, породило «производное событие»: реализацию преступником похищенного. Однако с точки зрения процесса передачи информации часть существенных признаков, содержащихся в утраченных для дела объектах, воспроизведена в деньгах, полученных в результате их реализации (факт обладания похищенным, размеры похищенного и т. д.). Поэтому условно можно говорить о производном характере рассматриваемого доказательства.

² Это относится и к копиям документов, так как в них подлинные удостоверительные элементы (подписи, печати и т. п.) заменяются их описанием или (при фотографировании) отображением, не передающим некоторых признаков подлинника.

³ Представляет в связи с этим интерес замечание Ф. М. Кудина о наличии у производной доказательственной информации «указывающего свойства» на первоначальные фактические данные («Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе». Автореферат кандидатской диссертации, Свердловск, 1967, стр. 13).

производного доказательства показаний свидетелей (обвиняемых и т. п.), которым лицо ранее сообщило сведения, имеющиеся у него по данному делу. Сопоставление первоначального и производных доказательств содействует проверке и оценке первого, позволяет решить, какое из показаний данного лица соответствует действительности¹.

В ряде случаев первоначальное и производное доказательство, устанавливающие один и тот же факт, используются совместно (речь идет главным образом о показаниях). В производных доказательствах могут, в частности, содержаться некоторые детали, которые почему-то забыл очевидец, но помнит лицо, которому он в свое время рассказывал о событии. Наконец, в случае утраты первоначальных доказательств производные используются самостоятельно для установления какого-либо факта.

4. *Доказательства прямые (одноступенчатые) и косвенные (многоступенчатые)*. Основанием этого деления являются различия в структуре процесса обоснования доказываемого обстоятельства.

Прямым доказательством называют такое доказательство, которое прямо и непосредственно устанавливает доказываемое обстоятельство, а косвенным — такое, которое устанавливает это обстоятельство через «промежуточный факт»². Это общее определение нуждается в расшифровке, так как необходимо уточнить, во-первых, что означает «прямое» и «косвенное» установление, и, во-вторых, о каком доказываемом обстоятельстве идет речь.

Под прямым или непосредственным установлением факта с помощью доказательства понимается такая процедура, когда знание о факте основывается на сообщении об этом факте, исходящем от лица, наблюдавшего факт в действительности. Так, показание свидетеля о том, что он видел вспышку выстрела, является «прямым» доказательством того, что такая вспышка действительно имела место.

¹ Как правильно подчеркивает М. А. Чельцов, сведения, полученные с помощью производного доказательства, могут служить опровержению сведений, полученных из первоисточника, а также получению правдивых показаний из первоисточников взамен ранее данных ложных показаний (путем предъявления производного доказательства на допросе, на очной ставке и т. д.) («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 146).

² Иногда вместо термина «косвенное доказательство» употребляется термин «косвенная улика». Это представляется неправильным. По точному смыслу слова «улика» речь идет об обвинительном доказательстве (С. И. Ожегов, Словарь русского языка, М., 1968, стр. 817). Так как возможности использования оправдательных косвенных доказательств столь же широки, как и обвинительных, мы в ходе изложения будем, как правильно, использовать термин «косвенное доказательство», используя термин «улика» лишь в связи с рассмотрением обвинительных косвенных доказательств.

Точно так
записки вы
выполнена И

В обоих э
держание по
дает с содерж
жания инфор
иногда псто
нии отсутству
ваемому тезис
Он имеет сле
то факт был
доказательств
гл. VII) для б

Точно так
венного доказ
том, доказыва
тельности и
замка и отпи
ная отмычка

Таким обр
ваемым тезис
реходов, одн
прямое доказа

Напротив,
мое обстоятел
межуточные
из сообщения
места кражи,
этого места
было, следуе
пень вывода)
венным дока
пользовано д
последующем

Нетрудно
(«данное ли
ния доказы
же»). «Пром
о факте на
показаниям

Отличие
емого обстоя

¹ М. П. Д
тельством и
ветская крими

Точно так же заключение эксперта о том, что текст анонимной записки выполнен Ивановым, «прямо» доказывает, что записка выполнена Ивановым.

В обоих этих примерах содержание доказательства, т. е. содержание показаний свидетеля или заключения эксперта совпадает с содержанием доказываемого факта¹. Это совпадение содержания информации о факте с содержанием доказываемого факта иногда истолковывается в ином смысле, что при прямом доказывании отсутствует логический вывод от доказательства к доказываемому тезису. Это неточно. Вывод здесь есть, но особого рода. Он имеет следующую структуру: «Если есть сообщение о факте, то факт был в действительности». В этом смысле прямое личное доказательство является коммуникативным аргументом (см. § 2 гл. VII) для ближайшего тезиса.

Точно так же непосредственное предъявление адресату вещественного доказательства является прямым эмпирическим аргументом, доказывающим, что такой-то предмет существует в действительности и обладает данными признаками. Так, предъявление замка и отпирающей его отмычки «прямо» доказывает, что данная отмычка отпирает этот замок.

Таким образом, отсутствие между доказательством и доказываемым тезисом каких-либо промежуточных, посредствующих переходов, одноступенчатый характер этого вывода отличает прямое доказательство от косвенного.

Напротив, косвенное доказательство обосновывает доказываемое обстоятельство не прямо и не непосредственно, а через «промежуточные факты», путём ряда последовательных выводов. Так, из сообщения свидетеля о том, что он видел данное лицо около места кражи, прямо следует, что лицо действительно было около этого места (1-я ступень вывода), а из того факта, что лицо там было, следует, что оно, возможно, причастно к краже (2-я ступень вывода). В этом примере сообщение свидетеля является косвенным доказательством причастности к краже, так как оно использовано для обоснования не только ближайшего тезиса, но и последующего.

Нетрудно усмотреть, что содержание показаний свидетеля («данное лицо было около места кражи») отличается от содержания доказываемого обстоятельства («данное лицо причастно к краже»). «Промежуточным фактом» в этом примере является знание о факте нахождения лица около места кражи, подтвержденное показаниями свидетеля.

Отличие содержания доказательства от содержания доказываемого обстоятельства характерно для косвенного доказательства.

¹ М. П. Шаламов правильно отмечает, что «между прямым доказательством и доказываемым фактом нет ничего посредствующего» («Советская криминалистика на службе следствия», М., 1953, вып. 4, стр. 55).

Косвенное доказывание представляет сложный, двухступенчатый (а иногда и многоступенчатый) акт. Косвенное доказательство сначала прямо подтверждает некоторое промежуточное утверждение (например, факт угрозы, исходящей от данного лица), а затем, через это промежуточное утверждение, подтверждает и второе, окончательное утверждение (например, факт нанесения телесных повреждений тем же лицом).

Косвенные доказательства представляют собой сведения о промежуточных фактах, отдельных деталях исследуемого события, которые, будучи установлены, в свою очередь используются для его доказывания.

Можно сказать поэтому, что содержание косвенного доказательства составляют данные о таких фактах, установление которых составляет не конечную цель, а промежуточный этап конкретного процесса доказывания.

С логической стороны вывод на второй (и последующих) ступени косвенного доказывания строится от одного события (например, угрозы) к другому событию (убийству). Первое событие, т. е. промежуточный факт (угроза), является «натуральным аргументом» в отличие от коммуникативного или эмпирического в случае прямого доказывания на основании сообщения о факте или предъявления предмета.

Таким образом, прямое доказательство является одноступенчатым, а косвенное многоступенчатым. В этом состоит их структурное различие.

Но из предыдущего ясно, что «прямо» можно обосновать и промежуточный факт, например факт нахождения обвиняемого вблизи места преступления (из показаний свидетеля, видевшего его около этого места). С другой стороны, промежуточный факт можно обосновать и «косвенно» (например, обнаружив следы обуви обвиняемого около места преступления). Следовательно, однотопичное отличие в структуре (одноступенчатой или многоступенчатой) недостаточно для отграничения прямых и косвенных доказательств. Для этого должно быть четко определено понятие доказываемого обстоятельства как при прямом, так и при косвенном доказывании.

Обычно в научной литературе прямым доказательством считают такое, которое прямо устанавливает виновность лица в совершении преступления¹.

¹ А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 7; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 206; А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 58; Ц. М. Каз, Доказательства в советском уголовном процессе, Саратов, 1960, стр. 32, и др.

Иногда называют «главный факт» в качестве тезиса прямого доказательства.

Представляется более правильным исходить в данном случае из принятого законом понятия предмета доказывания и его элементов (ст. 15 Основ). *Прямым доказательством следует считать такое доказательство, которое прямо (т. е. одноступенчато) устанавливает предмет доказывания по делу или один из его элементов, указанных в законе.*

Конечным тезисом и для косвенного доказательства является предмет доказывания или какой-либо его элемент. Но косвенное доказательство обосновывает этот предмет (или его элемент) не непосредственно, а через промежуточные факты. Для косвенного доказательства ближайшим тезисом является промежуточный факт, который обосновывается «прямо», а затем с помощью промежуточного факта обосновывается элемент предмета доказывания. Таким образом, *косвенное доказательство — это такое доказательство, которое в результате многоступенчатой процедуры сначала обосновывает существование промежуточного факта, а затем, через него, — предмета доказывания или его элемента*¹.

Деление доказательств на прямые и косвенные зависит от предмета доказывания. Поэтому отнесение доказательства к прямым или косвенным зависит от конкретного состава преступления.

Так, показание о том, что обвиняемый угрожал лишить жизни потерпевшего, явится прямым доказательством по делу по обвинению в угрозе и косвенным по делу об убийстве; наличие пистолета у обвиняемого может служить косвенным доказательством по делу об убийстве и прямым доказательством по делу о незаконном хранении оружия и т. д.

---

¹ М. А. Чельцов определяет прямые доказательства как «факты, которые входят в предмет доказывания в качестве отдельных признаков состава преступления...» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 135). Однако при таком определении доказательства (не говоря уже о том, что предмет доказывания шире состава преступления) сливаются с доказываемым фактом; в действительности прямое доказательство представляет собой сведения, фактические данные, от которых непосредственно приходят к заключению об искомом факте.

Несколько иную позицию по рассматриваемому вопросу занимал М. М. Гродзинский («Улики в советском уголовном процессе», «Ученые труды ВИНУ», М., 1944, стр. 3—4). Позднее ее придерживался А. И. Трусов («Основы теории судебных доказательств», М., 1960, стр. 45). Указанные авторы считают, что посредствующий факт между прямым доказательством и искомым фактом имеет место в форме, например, наблюдения события очевидцем. Иными словами, если событие — искомый факт, то его наблюдение — промежуточный факт. Ошибка здесь состоит в том, что элемент самого доказательства — восприятие свидетелем информации о событии — смешивается с промежуточным фактом, устанавливаемым косвенным доказательством.

Деление доказательств на прямые и косвенные в указанном выше смысле равно приложимо ко всем видам доказательств независимо от их источника¹.

В процессуальной литературе высказывалась точка зрения, согласно которой вещественные доказательства не могут быть прямыми доказательствами, так как «вещи, предметы сами не говорят»². С ней, однако, согласиться нельзя. Так как отнесение доказательств к числу прямых или косвенных базируется на соотношении их содержания с содержанием устанавливаемого обстоятельства, оно распространяется на все без исключения доказательства, определяя режим оперирования ими. И показания, и заключения экспертов, и вещественные доказательства, и документы, словом, доказательства, имеющие любую процессуальную форму, могут, как представляется, быть и прямыми и косвенными в зависимости от их отношения к любому элементу предмета доказывания.

Различия между прямым и косвенным доказательствами определяют и различие в оперировании доказательствами каждой из этих групп. Деление доказательств на прямые и косвенные позволяет выявить существенные особенности и значение как тех, так и других, разработать правильные методы доказывания.

Поскольку содержание личного прямого доказательства соответствует содержанию доказываемого обстоятельства, центр тяжести его проверки падает на выяснение достоверности сообщения.

Можно верить или не верить прямому доказательству, правильно отмечал С. А. Голунский, но нельзя строить на нем противоречащих друг другу версий о характере исследуемого факта. Поэтому при наличии прямых доказательств центр тяжести доказывания переносится на решение вопроса об их достоверности³.

При косвенном доказывании такая же проверка необходима и для первой («прямой») ступени косвенного доказательства.

Прежде надо убедиться, что показания свидетеля о том, что обвиняемый угрожал, соответствуют действительности, а затем исходя из промежуточного факта — наличия угрозы — заключать о причастности к убийству.

¹ По мнению М. С. Строговича, доказательства, устанавливающие время и место убийства, размер образовавшейся недостачи и т. п., «лежат за пределами деления доказательств на прямые и косвенные» («Курс советского уголовного процесса», М., 1958, стр. 208). Это мнение выражает традиционную концепцию, о которой говорилось выше; оно, однако, не учитывает однородности «механизма» решения задачи установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, где всегда возможны прямой и косвенный путь доказывания.

² А. И. Вишберг, Р. Д. Рахунов, Косвенные улики в уголовном деле, М., 1947, стр. 7.

³ С. А. Голунский, Методика подготовки обвинительной речи на суде, «Социалистическая законность» 1938 г. № 10, стр. 20.

Прямое доказательство, т.е. сообщение о факте или предъявление предмета, по своему содержанию с очевидностью доказывает искомый факт и не требует истолкования, оно требует лишь проверки достоверности информации. Для косвенного же доказывания характерен вывод «от факта к факту», который не является столь явным и очевидным, требует содержательного истолкования связей между промежуточным фактом и конечным выводом.

Как правило, характер этих связей таков, что от отдельного косвенного доказательства может быть сделан лишь предположительный (правдоподобный) вывод о доказываемом обстоятельстве.

Но очевидность связи между содержанием прямого доказательства и доказываемым обстоятельством не следует путать с достоверностью прямого доказательства.

Принципиально неприемлемо утверждение о возможности разграничить рассматриваемые виды доказательств по признаку достаточности одного прямого доказательства для установления события преступления или виновности, в то время как косвенными доказательствами можно оперировать только в совокупности¹.

Полное и достоверное обоснование всех подлежащих установлению обстоятельств с помощью одного прямого доказательства невозможно по двум причинам. Во-первых, трудно представить себе такое одно прямое доказательство, содержание которого исчерпывало бы весь предмет доказывания. Даже показания обвиняемого, включающие сообщения не только о внешней стороне содеянного, но и о мотивах, едва ли могут охватывать все данные о размере ущерба, причиненного преступлением, или о причинах и условиях, ему способствовавших.

Содержание предмета доказывания даже в части установления события преступления и виновности тем более не исчерпывается показаниями свидетеля-очевидца.

Во-вторых, вывод о том, что сообщение соответствует действительности, равно как и вывод о том, что предъявляемый предмет действительно связан с событием преступления, сам нуждается в тщательной и всесторонней проверке².

В основе косвенного доказывания лежит использование различных связей между событиями и явлениями действительности — причинных, временных, пространственных и иных. Установление неизвестного факта на основе знаний о другом, уже известном, возможно постольку, поскольку эти события каким-то образом связаны между собой.

¹ П. А. Лупинская, Доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 15; М. Л. Шифман, Основные вопросы теории советского доказательственного права, М., 1956, стр. 37—38.

² Эта проверка включает «прослеживание» всех этапов формирования прямого доказательства с точки зрения полноты и достоверности содержащейся в нем информации.

Понятно, что эти связи могут быть более и менее близкими, более и менее определенными. От характера этих связей зависит и надежность косвенного доказывания в каждом конкретном случае. Этим же определяется и сама возможность использования различных явлений в качестве промежуточных фактов в косвенном доказывании, а следовательно, и фактических данных об этих явлениях в качестве косвенных доказательств¹.

Различие указанных связей, их специфичность дают возможность выделить некоторые особые виды косвенных доказательств: доказательства поведения, доказательства подобия («подобные факты»), негативные обстоятельства и вспомогательные доказательства.

При рассмотрении понятия косвенных доказательств нередко выражается сомнение в возможности использовать для доказывания так называемые «доказательства поведения», а равно данные, устанавливающие «подобные факты».

О чем конкретно в данном случае идет речь?

«Доказательства поведения» — это фактические данные о действиях обвиняемого после совершения инкриминируемого преступления, таких например, как: а) попытки уклониться от следствия (суда); б) попытки заведомо ввести следствие (суд) в заблуждение относительно действительных обстоятельств дела; в) действия, которые свидетельствуют о знании таких обстоятельств события, которые могли быть известны только его участнику².

¹ При собирании совокупности косвенных доказательств, необходимых и достаточных для образования «замкнутой» системы, возникает видимая коллизия. С одной стороны, для решения вопроса о значении собранных доказательств нужно рассмотреть их в ряду других доказательств, с другой — надо сначала создать такой ряд. Некоторые авторы пытаются решить эту коллизию указанием на то, что, так как при оперировании косвенными доказательствами нельзя предвидеть, будет ли та или иная деталь иметь в будущем значение по делу, необходимо «на всякий случай» интересоваться всем — от образа жизни обвиняемого до состояния погоды в день совершения преступления; ненужные данные можно отсеять в конце следствия (В. Громов, Следственная практика в примерах, М., 1948, стр. 36).

С этой точкой зрения нельзя согласиться. Собирание доказательств невозможно отделить от их предварительной оценки (другое дело, что эта оценка может измениться). Иначе дело будет загромождено огромным числом ненужных данных, среди которых могут попросту «потеряться» (особенно, если дело сложное и большое) относящиеся к делу доказательства. Первоначальным основанием для использования косвенного доказательства должно быть предположение о наличии объективной связи между ним и искомым фактом.

² А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 56—60; Г. Н. Мудьюгин, Расследование убийств по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1962, стр. 14—16.

В частности, могут быть косвенными доказательствами данные о заведомой ложности показаний обвиняемого; о том, что он уговаривал свидетеля дать неправильные показания; записка, в которой обвиняемый инструктирует своих близких, как объяснить то или иное обстоятельство, и тому подобные данные.

Существенны в этом отношении и данные о поведении обвиняемого, свидетельствующие о знании им определенных обстоятельств расследуемого деяния. Так, уничтожение или сокрытие предметов, которые, по имеющейся версии, были связаны с преступным посягательством, или были орудием совершения преступления, или несут на себе следы преступления, косвенно указывает на причастность лица к исследуемому событию¹.

Поскольку из этих особенностей поведения обвиняемого можно делать предположительные выводы о его причастности или непричастности к преступлению, данные о поведении являются косвенными доказательствами. На этой точке зрения стоит судебная и следственная практика.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что недопустимо расширять за счет доказательств, устанавливающих факты, круг «доказательств поведения», связь которых с делом не может быть установлена даже при их рассмотрении в совокупности с другими фактами. Речь идет о манере держать себя при допросе, обыске и т. п., в частности о наличии или об отсутствии признаков смущения, волнения, страха; о пассивном отношении к ведущемуся следствию или, наоборот, о явном интересе к его результатам; об отказе от дачи показаний и т. д.

С этой точки зрения представляется неправильным воспроизведение в отдельных работах советских процессуалистов

В последние годы М. И. Ковалев предпринял попытку более широкой трактовки рассматриваемого понятия «как косвенных доказательств, вытекающих из поведения (действия или бездействия) совершивших преступление либо причастных к преступлению лиц» (см. его статью «Улики поведения и планирование следствия», «Вопросы правоведения», вып. 6, Новосибирск, 1970, стр. 186—188). С этим нельзя согласиться, так как понятие доказательств поведения при таком подходе сливается с общим понятием косвенных доказательств. Суть же выделения рассматриваемого понятия в специфике использования лишь данных о так называемой «виновной осведомленности».

¹ Все подобные данные необходимо фиксировать. В частности, заведомо ложные показания обвиняемого должны протоколироваться; попытки фальсифицировать другие доказательства необходимо установить допросом свидетелей, приобщением вещественных доказательств; в протоколе обыска должно отмечаться не только обнаружение определенных предметов, но и то, где они обнаружены. Попытки скрыть или уничтожить те или иные предметы, документы в ходе осмотра или обыска следует фиксировать путем допроса понятых, составления акта или внесения соответствующей записи в протокол. Процессуальный закон специально оговаривает необходимость фиксировать соответствующие действия обыскиваемого в протоколе обыска (ст. 176 УПК РСФСР).

высказываний английского юриста Уильза (XIX в.), который относил к числу доказательств «тон речи, молчание на вопросы...»¹.

В действительности никакого доказательственного значения не могут иметь признаки волнения, ибо объективная связь волнения на допросе с делом не может быть установлена ни при каких условиях. Не имеет доказательственного значения тон речи, ибо резкость, грубость или, наоборот, мягкость, предупредительность обвиняемого вовсе не свидетельствуют о правдивости или лживости его показаний. Тем более сказанное относится к «молчанию на вопросы», ибо обвиняемый имеет право отказаться от дачи показаний. Всякое иное решение противоречило бы принципам советского уголовного процесса, было бы грубым нарушением социалистической законности².

В самом деле, манера вести себя и состояние в ходе допроса могут зависеть не только от отношения данного лица к делу, но и от ряда других факторов — житейского опыта, кругозора, наличия болезненных расстройств, обстановки допроса и др. Подобно этому, ряд факторов влияет на поведение и состояние обвиняемого в ходе обыска и других следственных действий, в которых он принимает участие. Нет никаких объективных критериев для того, чтобы всесторонне оценить влияние этих факторов на психику обвиняемого, как и для того, чтобы предпочесть одно из возможных объяснений его поведения и состояния другим. Умозаключения по этому вопросу всегда будут субъективны.

Нельзя признать правильным мнение М. Е. Евгеньева о том, что «отказ от представления оправдывающих доказательств или представление явно неубедительных доказательств» относится к числу косвенных обвинительных доказательств³. В социалистическом уголовном процессе обвиняемый предполагается невиновным, пока не доказано обратное, и факт непредставления им оправдательных доказательств ни в коем случае не может быть использован для обвинения. Не может рассматриваться как имеющий обвинительное значение и факт дачи обвиняемым «неубедительных» объяснений или представления им «неубедительных» доказательств. Только данные, устанавливающие заведомую ложность объяснений обвиняемого, фальсификация им доказательств могут быть в сочетании с другими косвенными доказательствами использованы для установления виновности.

¹ Уильз, Опыт теории косвенных улик (перев. с англ.), М., 1864, стр. 36.

² Иначе решает эти вопросы господствующая доктрина уголовного процесса буржуазных государств, практически исходящая из тезиса, что, если обвиняемый не дает показаний, «ему есть что скрывать». Подробнее см. § 3 гл. II и § 1 гл. X.

³ М. Е. Евгеньев, Методика и техника расследования преступлений, Киев, 1940, стр. 271.

Недостаточная, занятая по-
однозначно по-
может стать
шим вину, как
казаний, П. Д.
себя при даче
доказательств
судом при оценке
не может заменить
Известно, что

и суда должна
Если же статья
воды по делу
но и на каких-то
на, что, разуме
вая манеру пове
ственно тактику
откровенных, пр
скиваемым в оп
обходимость бол
и т. д. Однако т
стве «указателей
доказательств.

К числу косвен
ства, устанавлив

Например, ус
да преступлений
гичных уголов
деяния и т. д.
совершении всех
нотно, этот выво
другое косвенно
свой тезис пред
в качестве дока
ствах, вместе с
новости

Прежде все
ной информации
С другой ст
связи с предме
казываемый тез

И. Д. Пер
М., 1955, стр. 109

Недостаточно последовательной нам представляется и позиция, занятая по рассматриваемому вопросу И. Д. Перловым. Неоднократно подчеркивая, что манера держать себя на допросе не может стать доказательством, подтверждающим или опровергающим вину, как и не может обосновать вывод о достоверности показаний, И. Д. Перлов говорит вместе с тем, что «манера держать себя при даче показаний имеет известное значение при оценке доказательств по делу, поведение подсудимого может быть учтено судом при оценке собранных и проверенных доказательств, но оно не может заменить сами доказательства»¹.

Известно, что оценка доказательств со стороны следователя и суда должна быть объективной, убедительно мотивированной. Если же стать на точку зрения И. Д. Перлова, окажется, что выводы по делу могут основываться не только на доказательствах, но и на каких-то иных данных, не отвечающих требованиям закона, что, разумеется, неправильно. Следователь и судья, учитывая манеру поведения обвиняемого на допросе и меняя соответственно тактику допроса, могут быстрее и легче добиться откровенных, правдивых показаний. Волнение, проявляемое обыскиваемым в определенные моменты обыска, ориентирует на необходимость более тщательных поисков на определенном участке и т. д. Однако такие данные могут использоваться лишь в качестве «указателей» наличия доказательств, а отнюдь не в качестве доказательств.

К числу косвенных могут быть также отнесены и доказательства, устанавливающие «подобные факты».

Например, установленное сходство в способе совершения ряда преступлений, объектах посягательства, использование аналогичных уловок и приемов, выбор времени и места совершения деяния и т. д. позволяют сделать предположительный вывод о совершении всех этих преступлений одним и тем же лицом. По-нятно, этот вывод, взятый отдельно, не достоверен. Но и любое другое косвенное доказательство в отдельности устанавливает свой тезис предположительно. Считая допустимым использование в качестве доказательств «улик поведения» и «подобных фактов», надо вместе с тем подчеркнуть, что только на этих доказательствах, сколько бы их ни было, основывать вывод о виновности нельзя.

Прежде всего, эти данные не несут достаточной содержательной информации, пригодной для полного описания события преступления и индивидуализации обвиняемого.

С другой стороны, вследствие многоступенчатой и отдаленной связи с предметом доказывания они «слабо» обосновывают доказываемый тезис, допуская различные толкования. В литературе

¹ И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 181.

приведены весьма показательные примеры того, к каким серьезным ошибкам приводит игнорирование этого положения¹.

Доказательства, устанавливающие так называемые *негативные обстоятельства*, также являются разновидностью косвенных доказательств. В процессуальной и криминалистической литературе, в следственной и судебной практике широко используется понятие «негативные обстоятельства». Под ними разумеется отсутствие некоторых фактов, которые обычно имеются налицо, если верна версия о событии в целом.

Так, установленное при осмотре отсутствие следов данного лица на месте преступления противоречит версии о том, что это лицо побывало там; установленное при проверке показаний на месте отсутствие у подозреваемого знаний о действительных подробностях преступного события противоречит его утверждению о том, что он был участником преступления, и т. д.

Негативные обстоятельства могут быть установлены также при обыске (отсутствие ценных вещей, что противоречит утверждению о широком образе жизни обвиняемого); при экспертизе (отсутствие на документе следов рук лица, заподозренного в его исполнении); следственном эксперименте; допросе и т. д.

По своему характеру такие доказательства представляют разновидность косвенных доказательств, относящихся к событию, виновности (невиновности) и другим обстоятельствам, входящим в предмет доказывания. Содержанием такого косвенного доказательства будет не наличие факта, а его отсутствие, а вывод из него не подтверждает, а опровергает версию. Иначе говоря, с помощью негативных обстоятельств утверждения не доказываются, а опровергаются и этим самым косвенно доказываются противоположные утверждения².

Правда, могут быть получены данные, объясняющие, например, отсутствие следов там, где они ожидалось согласно первоначальной версии (данные о том, что преступник уничтожил эти следы или действовал таким образом, что не оставил их). Но в этом случае меняется и сама версия, и отсутствие следов по отношению к этой новой версии уже не является негативным обстоятельством.

Вспомогательные (оценочные) доказательства имеют структуру, сходную с косвенными доказательствами (многоступенчатую), но отличаются тем, что устанавливают не элементы предмета доказывания и не промежуточные факты, а степень надеж-

¹ См. М. М. Гродзинский, Улики в советском уголовном процессе, «Ученые труды ВШЮН», М., 1944, стр. 106—111.

² Иногда одним и тем же термином «негативные обстоятельства» обозначают не только отсутствие фактов, подтверждающих тезис, но и наличие фактов, противоречащих выдвинутому утверждению. Эти понятия не тождественны. Второе из них рассматривается ниже — в связи с вопросом о делении доказательств на обвинительные и оправдательные.

ности вывода от доказательства (прямого или косвенного — безразлично) к доказываемому обстоятельству. Так, фактические данные о незаинтересованности свидетеля в исходе дела, о состоянии его зрения и слуха, о внешних условиях восприятия события преступления, равно как и данные о квалификации эксперта, о научной обоснованности избранной им методики, позволяют точнее оценить достоверность сообщения свидетеля или заключения эксперта.

Коль скоро эти данные получены из самостоятельного источника и облечены в процессуальную форму, они являются доказательствами, но доказательствами особого рода, служащими только для оценки других доказательств.

Другим видом вспомогательных доказательств являются *ориентирующие доказательства*¹.

Показание свидетеля о том, что необходимые сведения по делу могут быть получены у такого-то лица или в таком-то месте, хотя сам свидетель по существу дела ничего не знает, может служить примером вспомогательного ориентирующего доказательства. Такую же роль играет документ, содержащий сведения о том, где может быть почерпнута необходимая доказательственная информация.

Вспомогательные, оценочные и ориентирующие доказательства приобретают значение лишь в связи с «предметными» прямыми и косвенными доказательствами, устанавливающими элементы предмета доказывания.

В процессуальной теории и практике до последнего времени имели место попытки определить значение прямых и косвенных доказательств исходя из противопоставления (или, по крайней мере, признания неодинаковости) их ценности для установления истины. При этом одна группа авторов характеризовала косвенные доказательства как менее убедительные, чем прямые, в то время как другая считала их более убедительными.

В частности, С. М. Потапов категорическое заключение эксперта именовал прямым доказательством, вероятное — косвенным². Н. Н. Полянский полагал, что при оперировании косвенными доказательствами судья попадает в пекный «заколдованный круг» противоречащих друг другу улик, выглядящих равно убедительными, вырваться из которого можно только в результате субъективного усилия, в связи с чем кассационная и надзорная инстанции не вправе проверять обоснованность внутреннего судебного убеждения, если приговор основан на косвенных доказательствах³. В. Громов утверждал, что деление доказательств на

¹ Подробнее о значении фактов, устанавливаемых ориентирующими доказательствами, см. § 3 гл. IV.

² С. М. Потапов, Судебная фотография, М., 1948, стр. 126.

³ «Советское государство и право» 1951 г. № 7, стр. 31.

прямые и косвенные есть деление «с точки зрения их сравнительной убедительности, т. е. опять-таки с точки зрения степени их достоверности»¹. А. Я. Вышинский говорил о «естественности», «безыскусственности» и, следовательно, достоверности косвенных доказательств².

С подобным противопоставлением косвенных и прямых доказательств согласиться нельзя.

В действительности выводы по делу, полученные при правильном использовании косвенных доказательств, столь же надежны, сколь и выводы, полученные с помощью прямых доказательств.

Дискуссии, имевшие место в процессуальной теории, опыт следственной и судебной практики приводят к единственно возможному выводу: нельзя противопоставлять прямые и косвенные доказательства, нельзя считать одни из них лучшими, а другие — худшими³.

Обычно подчеркивается, что косвенные доказательства с достоверностью обосновывают конечный вывод по делу лишь тогда, когда они образуют внутренне связанную совокупность, систему.

Это верно, поскольку между отдельным косвенным доказательством и конечным тезисом существуют длинные многоступенчатые связи, надежность которых подкрепляется лишь наличием многих таких «цепочек».

Не только к искомому, но и к промежуточным фактам иногда приходится идти через несколько ступеней, устанавливая сначала более отдаленные, а затем уже ближайшие к искомому факты. Косвенные доказательства, устанавливающие обстоятельства, связанные с искомым фактом через посредство других доказательств, иногда называют «доказательствами доказательств».

Так, важным является факт пребывания обвиняемого на месте происшествия во время совершения преступления. Иногда

¹ В. Громов, Следственная практика в примерах, М., 1948, стр. 16.

² А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 291.

³ Нельзя поэтому согласиться с позицией И. И. Мухина, рекомендуемого «предъявлять к проверке и оценке источников особые повышенные требования» при оперировании косвенными доказательствами, а также предостерегающего против того, чтобы подходить «к оценке производных, как и косвенных доказательств, с обычной меркой» (И. И. Мухин, Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия, Л., 1971, стр. 112, 120). По существу эта позиция представляет своеобразное возобновление противопоставления различных видов доказательств друг другу. В действительности если под «обычной меркой» понимать общие правила оценки доказательств, то они носят «сквозной» характер. В то же время оценка каждого вида доказательств (в том числе прямых и первоначальных) имеет свою специфику. И дело не в «повышенных» или «пониженных» требованиях, но именно в учете этой специфики.

удается получить косвенные доказательства, сразу устанавливающие это обстоятельство (например, показания лица, видевшего его в определенное время в определенном месте). В других случаях этот факт приходится доказывать.

Например, след обуви обвиняемого на месте происшествия непосредственно свидетельствует лишь о том, что на данном месте побывал человек, на ногах которого была обувь, принадлежащая обвиняемому. Только после исключения предположений о том, что обувь обвиняемого взята без его ведома, одолжена им п. т. п., можно сделать вывод о пребывании обвиняемого на месте происшествия.

Использование косвенных доказательств удлиняет путь доказывания, вводит для следователя и суда дополнительные промежуточные ступени на пути к решению основных вопросов дела. Именно к этим случаям относятся слова В. Д. Спасовича, сравнившего косвенный путь доказывания с воссозданием слова по черточкам, из которых «составляются линии, а из линий — буквы, а из букв — слоги, а из слогов — слово...»¹.

Разумеется, при этом процесс доказывания усложняется и затрудняется. Во избежание ошибок, связанных с оперированием косвенными доказательствами доказательств, в этих случаях должны быть полностью применены требования косвенного доказывания в целом. Система этих доказательств должна достоверно устанавливать в своей совокупности соответствующий факт, опровергая противоречащие ему объяснения².

При построении системы косвенных доказательств важно учитывать, помимо прочего, наличие самостоятельных и независимых источников фактических данных, устанавливающих один и тот же факт. Правильно подчеркивает это требование М. С. Строгович³.

С другой стороны, следует учитывать, что многообразная информация, нередко исходящая из одного источника, может служить началом нескольких относительно самостоятельных «цепочек» рассуждения, приводящих к разным доказываемым обстоятельствам.

Следует подчеркнуть, что необходимость в формировании системы достоверного обоснования выводов относится не только к косвенным доказательствам, но и к прямым. На практике сравнительно редко встречаются дела, основанные только на косвенных или только на прямых доказательствах. Напротив, типичным является использование как тех, так и других.

¹ А. Ф. Конц; Воспоминания о деле Веры Засулич, Собр. соч., т. 2, М., 1966, стр. 82.

² О формировании и анализе системы косвенных доказательств при их оценке подробнее см. § 2 гл. VII.

М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., 1946, стр. 84, 169.

правило, прямые доказательства проверяются, уточняются и подкрепляются с помощью косвенных.

Большое значение имеет прежде всего использование косвенных доказательств для всесторонней проверки достоверности прямых доказательств. В частности, необходима проверка с помощью косвенных доказательств признания обвиняемого, а равно его показаний, изобличающих третьих лиц; показаний потерпевшего и очевидцев относительно обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и т. д.

Пренебрежение к использованию косвенных доказательств для проверки прямых часто приводит к тому, что суд, обоснованно сомневаясь в достоверности последних, отказывается положить их в основу приговора, или к тому, что приговор, вынесенный на основании только прямых доказательств, отменяется кассационной или надзорной инстанцией.

Косвенные доказательства наряду с прямыми могут служить и для восполнения пробелов в воссоздаваемой последними картине расследуемого дела, ибо одно прямое доказательство, будучи непосредственным основанием для вывода об устанавливаемом им обстоятельстве или группе обстоятельств (например, о наличии события преступления), не может в то же время, как правило, исчерпывающе осветить эти обстоятельства во всех деталях, имеющих значение для дела. Для воссоздания целостной фактической картины деяния указанные пробелы восполняются с помощью косвенных доказательств.

6. *Деление доказательств на обвинительные и оправдательные* определяется их отношением к версии обвинения и противостоящим ей версиям.

К числу оправдательных доказательств относятся фактические данные, устанавливающие обстоятельства, исключающие вину или ответственность, а также смягчающие ответственность конкретного лица. К числу обвинительных доказательств относятся фактические данные, устанавливающие обстоятельства, свидетельствующие, что преступление совершено определенным лицом, или отягчающие ответственность обвиняемого. Указанное деление непосредственно вытекает из требования закона выявить по каждому делу доказательства, «как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства» (ст. 14 Основ). Оно содействует органическому сочетанию в ходе доказывания требований целенаправленности и всесторонности, полноты и объективности, напоминает о необходимости выдвижения и проверки версий, противостоящих версии обвинения.

Будет ли доказательство обвинительным или оправдательным, зависит не от того, кем оно представлено (указано, обнаружено) — следователем, обвиняемым, потерпевшим и т. п., а

от его фактического значения по делу. Отнесение доказательств к обвинительным или оправдательным зависит от того, как они используются в процессе доказывания. Например, показания потерпевшего, подтверждающие версию обвинения, являются обвинительными, а показания, опровергающие эту версию, — оправдательными. Однако одно и то же доказательство может быть использовано и для подтверждения, и для опровержения версии обвинения. Например, показания свидетеля, что он видел обвиняемого в момент совершения преступления, являются обвинительными, а показания, что он видел его в другом месте в то же время, — оправдательными.

¹ М. П. по делам о минималистич. также М. М. М., 1944, стр. 2. В конце нескольких улик, не как доказат. Однако угрожающая проверка деяния дополняет

от его фактического содержания, от того, какое действительное значение по делу имеют устанавливаемые им обстоятельства.

Отнесение доказательства к числу обвинительных или оправдательных требует оценки его значения для установления предмета доказывания по делу. Окончательно этот вопрос может быть решен только в ходе оценки всей совокупности собранных доказательств на предварительном или судебном следствии.

Наконец, это деление доказательств имеет смысл лишь в отношении конкретного обвиняемого. Бывает и так, что доказательство обвинительное (например, отягчающее вину) в отношении одного обвиняемого является оправдательным (смягчающим вину) в отношении другого.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные ориентирует на всесторонний подход к планированию допроса, обыска, осмотра, эксперимента, к назначению экспертизы с тем, чтобы не только собрать в ходе каждого следственного действия фактические данные, подкрепляющие определенную версию, но и установить данные, противоречащие ей, если они имеются.

Деление доказательств на обвинительные и оправдательные не исчерпывает всех возможных функций фактических данных в более сложных случаях. Так, вспомогательное оцепочное доказательство, снижающее значение улики, в определенном смысле является противодоказательством, хотя само по себе и не подтверждает оправдательной версии¹. Вместе с тем такие противоулики, ослабляя систему обвинительных доказательств, косвенно усиливают оправдательную версию, если она сформулирована². Более того, они создают предпосылки для реализации презумпции невиновности, коль скоро обвинительная версия оказывается недостаточно обоснованной.

При делении доказательств на обвинительные и оправдательные в некоторых случаях возникают трудности теоретического характера. Рассмотрим следующий пример. В одном и том же протоколе допроса свидетеля содержатся: а) данные о враждебном отношении обвиняемого к пострадавшему и б) данные о том, что побоям, нанесенным потерпевшему, предшествовало оскорбительное поведение в отношении обвиняемого.

¹ М. П. Ш а л а м о в, Косвенные улики на предварительном следствии по делам о хищениях социалистической собственности («Советская криминалистика на службе следствия», М., 1953, вып. 4, стр. 59—60). См. также М. М. Г р о д з и н с к и й, Улики в советском уголовном процессе, М., 1944, стр. 101—102.

² В конкретном случае может оказаться, что утрата одного или даже нескольких обвинительных косвенных доказательств, «выбитых» противоуликами, не колеблет системы обвинительных доказательств в целом, так как доказательства были избыточными (см. § 4 гл. III и § 2 гл. VII). Однако угроза распада системы доказательств создается всегда, требуя проверки возникших сомнений (в большинстве случаев путем собирания дополнительных доказательств).

Понятно, что данные первого рода уличают обвиняемого, а данные второго рода устанавливают смягчающие его вину обстоятельства, т. е. являются оправдательными, согласно принятому определению. Как же следует характеризовать доказательство в целом, если один и тот же источник содержит фактические данные обоих родов?

Некоторые авторы считают, что деление доказательств на обвинительные и оправдательные применимо не во всех случаях¹.

Чтобы правильно разрешить эту коллизию, следуют напомнить сказанное выше о соотношении понятий естественного языка и частично формализованного языка науки.

В настоящей работе доказательство определено как единство фактических данных и источника, причем фактические данные, например сведения о фактах, о поступках людей и иных объективных явлениях, рассматривались в целом, нерасчлененно. Такое «огрубление», приемлемое в большинстве случаев, и вызвало затруднения при исследовании более сложного примера, в котором фактические данные оказались состоящими из двух групп, имеющих различное значение. Для разрешения названной коллизии необходимо пойти на дальнейшее уточнение и ограничение понятия доказательства, т. е. необходим более строгий уровень его формализации, признание, например, доказательством фактических данных только об одном конкретном факте, содержащемся в данном источнике².

В литературе отмечалось, что существуют и такие доказательства, которые могут «не уличать и не оправдывать, а вместе с тем содействовать раскрытию преступления»³.

Понятно, что доказательства, устанавливающие любой из элементов предмета доказывания или промежуточный факт, не могут быть «нейтральными», т. е. не доказывающими виновности или невиновности конкретного лица.

Однако среди материалов конкретного дела могут находиться протоколы показаний лиц, которые никакой полезной информации сообщить не смогли (например, свидетель заявил, что ему ничего по делу не известно), или такие данные, которые, в конечном счете, оказались не имеющими отношения к делу. Так, показание свидетеля о том, что подозреваемый в хищении жил очень скромно, служит косвенным доказательством, противоре-

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 202; «Советский уголовный процесс», М., 1956, стр. 83.

² В рассмотренном примере в этом случае пришлось бы считать протокол допроса свидетеля двумя доказательствами, поскольку часть этого протокола содержит данные о враждебном отношении обвиняемого, а часть — об оскорбительном поведении потерпевшего.

³ Р. Д. Рахунов, Вещественные и письменные доказательства в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮОН», М., вып. 10, 1959, стр. 211—212.

чащим обвинительной версии. Но, когда будет установлено, что похититель прятал украденное, показание свидетеля о скромном образе жизни перестает опровергать обвинение и, по существу, вообще теряет значение по делу. Эти данные, не несущие «полезной нагрузки» в обосновании конечного вывода, но и не противоречащие ему, не являются, строго говоря, фактическими данными в смысле ст. 16 Основ. В то же время облеченные в процессуальную форму и приобщенные к делу они включены в совокупность доказательств и не могут быть изъяты из дела.

Подобно ориентирующим и вспомогательным доказательствам, они содержат информацию о ходе расследования, о лицах, вызывавшихся на допрос, и о иных действиях. На последующих стадиях прохождения дела, в случае изменения обвинения или при иных обстоятельствах, такие данные могут приобрести определенное значение. Условно эти «нейтральные» на данной стадии доказательства можно назвать *резервными*.

Необходимость деления доказательств на обвинительные и оправдательные оспаривал А. Я. Вышинский, утверждавший, что классификация эта неправильна и искусственна, ибо оценка значения того или иного доказательства в ходе расследования и судебного разбирательства часто меняется, так как «в отнесении доказательств к одной или другой категории играет важнейшую роль субъективная точка зрения следователя, прокурора, адвоката или судьи. То, что одному кажется доказательством, изобличающим в преступлении, другому таковым не кажется и им отрицается...»¹.

Это неверно потому, что в основе деления доказательств на обвинительные и оправдательные лежит, как было указано выше, совершенно определенный объективный признак — отношение этих доказательств к предмету доказывания. «Субъективная точка зрения» должна опираться на этот признак, выражать его. Причем правильность сделанного вывода вновь и вновь проверяется в последующих стадиях судопроизводства².

Рассматриваемая классификация применяется при разработке версий и плана расследования, предъявлении обвинения, составлении обвинительного заключения, постановления о прекращении дела, вынесении приговора и т. д.³.

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 253—254.

² Критику точки зрения А. Я. Вышинского по рассматриваемому вопросу см. в работах: М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 249; А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 55; Ц. М. Каз, Доказательства в советском уголовном процессе, Саратов, 1960, стр. 32; В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1964, стр. 122.

³ А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 54.

Требование применять при составлении итоговых процессуальных документов деление доказательств на обвинительные и оправдательные как прием, способствующий всесторонности, полноте, объективности выводов по делу, включено непосредственно в процессуальный закон (см., например, ст.ст. 205, 314 УПК РСФСР).

Нельзя согласиться с позицией некоторых авторов по вопросу о так называемом «превращении», «трансформации» доказательств из обвинительных в оправдательные и наоборот¹. Если бы такое «превращение» имело место, то это означало бы, что деление доказательств на обвинительные и оправдательные не имеет реальной основы. В действительности любое доказательство либо подтверждает версию, либо опровергает ее. Изменение его оценки (что нередко имеет место при расследовании и судебном разбирательстве конкретного дела) объясняется тем, что наше мнение о доказательстве приводится в соответствие с ранее нераспознанными или неточно оцененными его свойствами². Таким образом, речь идет не о «превращении» доказательств, а об установлении их действительного значения.

Различные виды классификации доказательств взаимосвязаны, так как основания, по которым построена классификация доказательств в уголовном судопроизводстве, не могут считаться взаимоисключающими или конкурирующими. Они отражают различные свойства доказательств. Поэтому для полной характеристики конкретного доказательства используются различные классификационные признаки. Чтобы не допускать при этом ошибок, необходимо каждый раз уяснить, какое конкретное обстоятельство доказывается в данном случае.

Использование классификационных систем в их совокупности оказывает существенную помощь в определении направлений собирания и оценки доказательств как в ходе судопроизводства на каждой его стадии, так и при принятии заключительных процессуальных решений по делу.

¹ Ц. М. Каз, Доказательства в советском уголовном процессе, Саратов, 1960, стр. 31; А. К. Юрга, К определению понятия вещественного доказательства, «Вопросы криминалистики» 1961 г. № 1—2, стр. 96—97.

² На это правильно указывает А. И. Трусов. Следует согласиться и с его замечанием о том, что в случае изменения лицом ранее данных показаний имеет место не «трансформация» доказательств, а появление в деле нового доказательства («Основы теории судебных доказательств», М., 1960, стр. 55).

ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ

§ 1. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ
ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ

Отыскание носителей информации, с помощью которых могут быть получены сведения о событии, соби́рание этих сведений, их процессуальное закрепление, проверка и оценка в целях достоверного установления обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела, представляют содержание процесса доказывания по уголовному делу.

Доказывание в уголовном процессе обычно определяют как разновидность процесса познания. Такая гносеологическая характеристика означает, что познание в уголовном судопроизводстве подчинено общим гносеологическим закономерностям и, как любая область познавательной деятельности, осуществляется по законам материалистической теории отражения. Несомненно, следственная и судебная деятельность носит исследовательский, познавательный характер. Вместе с тем понятия доказывания и познания не полностью совпадают друг с другом.

Познание — это получение истинного представления о чем-либо, приобретение знаний. Каждый шаг практической деятельности связан с определенными знаниями о событиях, процессах и явлениях объективного мира. В этом смысле знания служат исходным пунктом, средством и целью всякой деятельности. Ту же роль играют знания в уголовном судопроизводстве. Таким образом, познавательные элементы органически вплетены в уголовно-процессуальную деятельность и познание здесь как бы совпадает с доказыванием.

Чтобы увидеть несовпадение между указанными понятиями, нужно обратиться к характеру достигаемых при этом знаний. В сущности рассматриваемый вопрос является производным от вопроса, что такое истинность и достоверность, различаются ли и чем именно истинное и достоверное знание. В процессуальной литературе в ряде случаев не проводилось различия между ними¹.

¹ «Мы вправе отождествить понятия достоверность и истинность, — писал М. С. Строгович. — Достоверный — это то же самое, что истинный, достоверность — это значит истинность» («Материальная истина и

Но при кажущейся идентичности истинное и достоверное, совпадая в главном, имеют и немаловажные отличия. Как истинное, так и достоверное знание в равной степени правильно, адекватно отражает действительность. Но при этом истинность характеризует отношение нашего знания к отражаемому объекту, их соответствие друг другу, а достоверность, кроме того, обоснованность нашего знания и сознание этой обоснованности. Догадка, предположение, гипотеза могут быть истинны, т. е. соответствовать действительности, но лишь будучи обоснованы, доказаны, они превратятся в достоверное знание.

Можно познавать и быть обладателем истинного знания «для себя», не заботясь о передаче и использовании этого знания другими, не стремясь обосновать, подтвердить, удостоверить, т. е. сделать его достоверным для всех¹.

Однако общественная практика во многих случаях требует надлежаще удостоверенного знания. В процессуальной же деятельности наличие оснований, аргументов, доводов, подтверждающих и позволяющих проверить правильность наших знаний и выводов, является обязательным правилом. Проверимость — отличительная черта знаний, используемых в уголовном судопроизводстве.

Удостоверение, подтверждение, обоснование правильности каких-либо мыслей или решений при помощи доводов, аргументов, фактов и есть доказывание в широком смысле. Для решения задач уголовного судопроизводства необходимы не только истинные, но и достоверные знания о предмете расследования и судебного разбирательства. Доказывание придает знаниям характер достоверности.

В. И. Ленин указывал, что для установления истины нельзя ограничиваться заявлениями и утверждениями; необходимо «самому проверять факты и документы, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания»².

Индивидуальное познание может удовлетвориться доказыванием «для себя», но, чтобы стать общим достоянием, получен-

---

судебные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 99—100). О несовпадении понятий истинного и достоверного см. «Философская энциклопедия», т. 2, стр. 56; П. В. Таванец, О структуре доказательства, «Вопросы философии» 1956 г. № 6; «Логика научного исследования», М., 1965, стр. 177.

¹ Уместно заметить, что этимологически «достоверный» сложилось из слов «достойный, верный» («Краткий этимологический словарь», М., 1961, стр. 96). В русском языке достоверный толкуется как удостоверенный, доказанный: «Удостовериться — убедиться в достоверности чего-либо на основании каких-либо данных», «удостоверить — доказать что-либо кому-либо» («Словарь русского языка», М., 1961, т. IV, стр. 642, см. также «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, М., 1940, т. II, стр. 563).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 67.

ные знания должны быть надлежащим образом обоснованы и документированы. В судебном доказывании познание сопровождается специальной деятельностью, удостоверяющей правильность полученных знаний и принятых решений.

Не только столкновение интересов и точек зрения, но и сама возможность такого столкновения вызывает потребность в доказывании. Доказательство рождается из спора, утверждал французский психолог Пиаже. Это не совсем точно. Бывает спор без доказательств и доказательства без спора. Можно доказывать, когда никакого спора нет, как это нередко происходит в процессе расследования. Можно спорить с одним, а доказывать другому. Рассматривая психологию доказывания и возражая Пиаже, П. П. Блонский справедливо замечает: «Хотя в судебном процессе имеет место спор обвинителя и защищаемого, но доказательства приводят спорящие не друг другу, а судье, с которым в сущности ни у кого из них нет спора». Доказывают не только в тех случаях, когда наталкиваются на возражения, на отношение к нашим положениям как к неверным. «У судьи... обычно нет заранее убеждения, что наши положения неверны. Но нет и обратного — заранее авансированного полного доверия. Цель доказательства — признание данного положения истинным: доказывают тому, с чьей стороны такого признания добиваются...»¹.

Таким образом, говоря о доказывании, всегда имеют в виду адресат, к которому обращен этот процесс и которому надлежит доказать то или иное положение. В уголовном судопроизводстве адресатом доказывания является не только субъект познания (соответствующие процессуальные инстанции), но и общество в целом.

Расследование, как и весь процесс установления истины по уголовному делу, имеет две стороны. Во-первых, добывается информация об обстоятельствах расследуемого события. В этом смысле деятельность носит познавательный характер. Во-вторых, установленные обстоятельства дела подтверждаются, документируются, удостоверяются в установленной законом форме. В этом смысле эта деятельность носит удостоверительный характер.

Законодатель детально регламентировал обе стороны этого процесса, уделив должное внимание средствам документирования процессуальной деятельности и запечатления собранных по делу доказательств (ст.ст. 102, 141, 142, 151, 160, 166, 176, 182, 184, 186 УПК РСФСР). Соответственно сказанному доказывание в уголовном процессе имеет познавательную и удостоверительную стороны.

Доказывание, как познавательный и удостоверительный процесс в судопроизводстве, в отличие от других областей

¹ П. П. Блонский, Психология доказывания и ее особенности у детей, «Вопросы психологии» 1964 г. № 3, стр. 42.

человеческой практики детальнейшим образом регламентировано юридическими нормами.

Уголовно-процессуальный порядок доказывания (использование лишь предусмотренных законом источников сведений, обязательная процедура получения и запечатления знаний, строго определенная форма и т. д.), отражая гносеологические и психологические закономерности и достижения общественной практики, является оптимальным, т. е. наиболее эффективным и целесообразным для решения задач уголовного судопроизводства. Этот процессуальный порядок способствует достижению истинного и достоверного знания, обеспечивает правильность принимаемых решений, их общественное признание и должный воспитательный эффект¹.

Доказывание не исчерпывает всех путей познания в уголовном судопроизводстве. Некоторые относящиеся к делу знания могут быть получены и непроцессуальным путем, из непроцессуальных источников, запечатлены в непроцессуальной форме в виде так называемой ориентирующей информации. Речь идет об информации, добываемой в результате оперативно-розыскной деятельности органов дознания, сообщений прессы и представителей общественности, поисковых мероприятий, проводимых в порядке подготовки процессуальных действий (опрос, наблюдение, обозрение предметов, помещений, участков местности и т. п.). Эта познавательная деятельность, предшествуя доказыванию или протекая параллельно с ним, играет вспомогательную, обеспечивающую роль.

Непроцессуальная информация позволяет правильно выбрать направление расследования, указывает источники и средства получения нужных знаний об обстоятельствах исследуемого события процессуальным путем, который содержит надежные гарантии достижения истины.

Непроцессуальные формы познания не содержат столь надежных гарантий достоверности, и потому сведения, полученные из таких источников, всегда рассматриваются как предварительные, ориентирующие. Они не входят в доказательственный материал и не могут служить основанием для юридически значимых решений по делу, за исключением начала производства по делу (п. 6 ст. 108 УПК РСФСР) и производства отдельных следственных действий (ч. 2 ст. 122, ст. 168 и др. УПК РСФСР)².

¹ «В расследовании преступлений... доказывание имеет коммуникативный характер, обеспечивая получение достоверного знания о событии преступления судом, участниками процесса и иными лицами» (И. М. Лузгин, Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации, М., 1968, стр. 9—10).

² См. «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 159, 228.

Как известно, всякое познание, в том числе в уголовном судопроизводстве, осуществляется чувственным, эмпирическим (непосредственным) и рациональным, логическим (опосредствованным) путем. При всей кардинальной важности первой ступени познания эмпирическое знание ограничено потому, что, во-первых, ограничены естественные возможности органов чувств и, во-вторых, они способны отобразить лишь внешние качества и стороны событий, простейшие отношения между вещами и явлениями.

Опосредствованное познание представляет собой основанное на чувственном материале пропикновение человеческой мысли в сущность явлений, недоступную простому наблюдению. «Познание, — учит В. И. Ленин, — есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов...»¹.

Диалектическое взаимопроникновение разума и чувств состоит в том, что даже самые элементарные познавательные акты практически невозможны без мышления, а самые абстрактные мыслительные процессы насыщены чувственными элементами, исходят из них. И чувства, и разум принадлежат к единому целому — человеческому познанию, они не существуют друг без друга, неразрывно связаны между собой. Поэтому принципиально неправильно представлять процесс познания в виде отдельных, разновременных и сменяющих друг друга стадий: чувственной и рациональной².

Нельзя согласиться с безоговорочным отнесением каких-то познавательных действий в уголовном судопроизводстве только к живому созерцанию, а каких-то — к абстрактному мышлению.

Неточность подобного представления состоит в том, что оно позволяет считать, будто в одних случаях следователь и судья не мыслят, а лишь накапливают наблюдения и будто в иных случаях возможны «сугубо рациональные» формы познания, лишенные чувственной информации. Представляется, что неточным является утверждение А. А. Старченко, который писал, что в судебном познании непосредственное наблюдение отдельных фактических обстоятельств и логические выводы и оценки не должны совмещаться в одном лице³. Речь может идти лишь о недопустимости совмещения в одном лице различных процессуальных функций, а не различных познавательных форм, свойственных любому процессу познания.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 163—164.

² Такая упрощенная трактовка соотношения чувственного и рационального в расследовании дается, например, И. И. Малхазовым (см. «Уголовный процесс РСФСР», Воронеж, 1968, стр. 88—90).

³ А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 13.

Всякое познание является единством непосредственного и опосредствованного. В философской литературе отмечается, что чистое чувственное познание как самостоятельный этап имеет место только в истории человечества и в какой-то степени в процессе становления мышления ребенка. У современного взрослого человека мышление и чувство перестали быть последовательно сменяющимися друг друга этапами. Они являются неразрывно связанными моментами единого процесса познания¹.

Сказанное, конечно, не означает невозможности аналитически вычленить эти две стороны в процессе познания. Необходимость такого выделения обусловлена тем, что преобладание чувственных или рациональных элементов служит основой для классификации источников наших знаний, различия в методах их проверки и оценки.

Различие чувственного и рационального отражается не только в познавательной, но и в удостоверительной стороне доказывания. Соответственно различают эмпирическое и рациональное доказывание².

Первый вид доказывания имеет место в том случае, когда для удостоверения определенного положения достаточно непосредственно воспринять предмет и предъявить его другим лицам, тем самым подтвердив справедливость доказываемой мысли. Так можно, например, доказывать наличие или отсутствие дефектов в одежде, осмотрев и предъявив эту одежду.

Рациональное, логическое доказывание имеет место тогда, когда объект мысли недоступен восприятию, когда получение знаний и их удостоверение происходят при посредстве других предметов и сведений о них. Тот же факт — наличие дефектов в одежде — может быть установлен и удостоверен документом мастерской о приеме одежды в ремонт, показаниями мастера и т. п.

Далеко не всегда эмпирическое и логическое доказывания взаимозаменяемы. Область применения первого значительно уже, чем второго. Обычно это объясняют тем, что событие преступления как таковое к моменту расследования и судебного разбирательства находится в прошлом и лишь в силу этого недоступно непосредственному восприятию. Надо отметить также, что преступление как предмет познания имеет сложный и многосторонний фактический состав и ни один очевидец не может созерцать всех его элементов в совокупности (приготовительных действий, словора участников, субъективной стороны, причинной связи между действием и результатом, причин и условий, спо-

¹ См. Б. Кедров, Единство диалектики, логики и теории познания, М., 1963, стр. 174—175, 177—178, 182.

² См. В. Ф. Асмус, Учение логики о доказательстве и опровержении, М., 1954, стр. 49—52.

собствовавших совершению преступления, и т. д.). Все это в совокупности устанавливается, доказывается при посредстве других фактов, а последние — через информацию о них. В указанном смысле доказывание в уголовном судопроизводстве есть опосредствованный процесс.

Но если путь непосредственного наблюдения в уголовно-процессуальном доказывании исключен применительно к преступлению в целом, то вовсе не исключен в отношении отдельных фрагментов этого события, применительно к некоторым фактическим обстоятельствам, которые сохраняются в своей относительной неизменности и бывают доступны для непосредственного восприятия.

Если имело место материальное отражение (изменение состояния объектов и т. п.), то возможно эмпирическое доказывание отдельных фактов, хотя преобладающей формой является доказывание рациональное, опосредствованное.

В предыдущем изложении уже указывалось на отличие доказательства и доказывания в уголовном процессе от соответствующих понятий, употребляемых в логике. Для того, чтобы полно охарактеризовать процесс расследования, необходимо отметить не только известную общность одноименных логических и процессуальных понятий, но и их особенности и различия.

Строго говоря, классической логике вообще не известен термин «доказывание». В ней обычно пользуются понятием «доказательство», которым обозначают установление истинности какого-либо суждения путем его выведения из других суждений, считающихся истинными. Иначе говоря, логическим доказательством называют процесс обоснования какого-либо положения, само рассуждение, т. е. мыслительный процесс. То, чем обосновывается определенная мысль, именуется не доказательством, а аргументом. О несовпадении логического понятия аргумента с процессуальным понятием доказательства уже упоминалось. Здесь же необходимо отметить, что если в логике получение какого-либо знания путем вывода из других суждений является системой чисто умственных операций, то доказывание в уголовном процессе не исчерпывается работой мысли, а состоит в системе реальных практических действий следователя, прокурора, суда и иных участников процесса.

Рассматривая отличие логического доказательства и судебного доказывания, А. И. Трусов замечает, что логика имеет дело лишь с мыслительным материалом и мыслительными процессами, тогда как в судебном доказывании оперируют не только мыслями, но прежде всего фактами¹. Сказанное, однако, не отличает уголовно-процессуальное доказывание, ибо, как признает

¹ А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 83.

сам А. И. Трусов, этот процесс оперирования фактами неизбежно принимает в нашей голове форму логического мыслительного процесса. В этом, собственно, и состоит универсальное значение законов логического мышления для всех отраслей знания.

Существо же вопроса состоит в том, что логика оперирует лишь готовыми знаниями, понятиями, отвлекаясь от источников этих знаний, их отыскания, запечатления, удостоверения, документирования и практической проверки, т. е. всего того, что также составляет содержание процесса судебного доказывания.

Доказывание в уголовном судопроизводстве — это не чисто логическая, познавательная, а прежде всего практическая деятельность, регламентированная законом; мыслительная работа только одна сторона этого процесса, органически вплетенная в него. Она объективируется, отражается в следственных и судебных действиях (проведение допросов, осмотров, назначение экспертиз и т. п.), в решениях по делу.

Поэтому судебное доказывание нельзя сводить к умственной деятельности, к мыслительному процессу¹.

Другую крайность представляет взгляд, согласно которому умственные процессы не входят в уголовно-процессуальное доказывание. Если первая точка зрения сводится, по существу, к отождествлению логического доказательства с процессуальным доказыванием, то вторая — к их резкому противопоставлению. Рассмотрим доводы, лежащие в основе такого суждения².

Его сторонники исходят из того, что доказывание в уголовном процессе регулируется правовыми нормами, а мышление — объективными закономерностями, которые не могут быть предметом правового регулирования. Отсюда сторонники рассматриваемой точки зрения заключают, что доказательственное право определяет порядок процессуальной деятельности, а не мыслительные процессы ее участников и, следовательно, что мышление не включается в уголовно-процессуальное доказывание.

Несомненно, нельзя отождествлять объективные закономерности природы, общества и мышления с законодательными актами, но сила и жизненность правовых норм определяется тем, насколько они отвечают объективным закономерностям³.

¹ В другом месте упомянутой работы А. И. Трусов правильно отметил, что судебное доказывание «обязательно включает в их сложном взаимодействии моменты как чувственного и рационального познания (умственной, логической деятельности), так и практической деятельности, практики (непосредственный и косвенный опыт), включает производство различных следственных и судебных действий» (стр. 84).

² Наиболее полно они изложены С. Д. Курылевым в работе «Доказывание и его место в процессе судебного познания» («Труды Иркутского государственного университета», т. XIII, 1955).

³ Точная характеристика соотношения объективных и юридических законов дана К. Марксом: «...Общество, — говорил он, — основывается не

Доказательственное право не устанавливает, не отменяет, не изменяет законов мышления, а, опираясь на объективно существующие закономерности, отражая их в процессуальных нормах, предписывает такой порядок исследования, который заставляет действовать и мыслить в точном соответствии с гносеологическими и психологическими закономерностями.

Разве, указывая обстоятельства, подлежащие доказыванию, закон не определяет конкретный объект познания, предмет мысли? Разве, устанавливая содержание, источники и порядок получения доказательств, принципы оценки доказательств, основания для тех или иных решений и т. д., закон не вмешивается в интеллектуальную сферу следователя, судьи, не направляет его мысль по правильному пути, не заставляет его наилучшим образом выражать и фиксировать свои мысли?

Достаточно обратиться к тексту норм, определяющих содержание обвинительного заключения или приговора, вопросы, подлежащие разрешению прокурором при направлении дела в суд или судом при вынесении приговора, и последовательность их разрешения (ст.ст. 201, 212, 303, 306, 314 УПК РСФСР), чтобы увидеть неразрывную связь реальных и мыслительных действий в процессе доказывания, его внешнего и внутреннего плана.

Законодатель, естественно, не стремится детально регламентировать мыслительный процесс. Доказательственному праву не требуется излагать общие для всех законы логики, равно как и психологические закономерности, которые так или иначе находят отражение в нормах уголовного процесса. Процессуальные нормы воплощают эти закономерности в трансформированном виде применительно к специфике следственной и судебной деятельности.

Чтобы избежать явных противоречий, сторонники рассматриваемой точки зрения вынуждены исключить оценку доказательств из уголовно-процессуального доказывания. Оценка доказательств, несомненно, мыслительный процесс. Однако утверждение, что это — «самостоятельная процессуальная категория, находящаяся вне границ понятия процессуального доказывания», не спасает положения. Во-первых, потому, что в действительности оценка доказательств, как известно, один из наиболее детально разработанных вопросов доказательственного права. Во-вторых, и в гносеологическом и в процессуальном аспектах она неразрывно связана с собиранием и проверкой доказательств. В-третьих, признав оценку «самостоятельной процессуальной категорией», т. е. признав тем самым, что доказательственное право

на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 259).

регулирует мыслительный процесс, авторы вступают в противоречие со своим исходным тезисом.

Выделение оценки доказательств из уголовно-процессуального доказывания несостоятельно еще и потому, что оценка представляет собой суждения и выводы, которые объективируются во внешнем плане деятельности, выражаются в соответствующих действиях и процессуальных актах (обвинительном заключении, постановлении, определении, приговоре) именно как результат собирания и проверки доказательств¹.

Но что останется от доказывания «за вычетом» оценки доказательств? «Собирание и представление доказательств», — заявляют сторонники этой точки зрения. Следовательно, в собирании и представлении доказательств, по их мнению, не воплощается мыслительная, познавательная деятельность.

С точки зрения доказательственного права далеко не безразлично, как будет мыслить следователь или судья при собирании и проверке доказательств (от этого зависят их поступки и решения, успех их деятельности), и поэтому закон насыщен правилами, которые регулируют не только внешнюю сторону деятельности — поступки, но и внутреннюю — порядок, цели и условия мыслительной деятельности.

Всеобщность гносеологических закономерностей давно уже поставила перед юристами вопрос о соотношении судебного и научного познания. Можно ли считать, что деятельность органов следствия и суда по установлению истины, т. е. исследование, в котором широко используются научные методы и средства, данные правовых, естественных и других наук, является научно-исследовательской? Буржуазные ученые, отвечая на этот вопрос, всячески подчеркивали отличие судебного и научного исследования.

Между тем истина, т. е. правильное отражение действительности, одинакова во всех областях науки и практики, как одинаковы основные процессы познания. Отличие познания в научной и практической деятельности весьма относительно, оно состоит главным образом в непосредственных целях и объектах познания, которые обусловлены общественным разделением труда.

Наука, в особенности теоретическая, имеет своим предметом преимущественно общие закономерности явлений и процессов, хотя в известной мере описывает и конкретные факты, явления

¹ Интересная попытка развернутой характеристики этого аспекта итоговых процессуальных документов предпринята в статье Ю. В. Манаева и В. А. Лещенко «Обвинительное заключение. Значение и отражение в нем данных, входящих в предмет доказывания по уголовному делу» («Труды Высшей следственной школы МВД СССР», Волгоград, 1970, стр. 63—79). Надо только отметить, что речь идет о данных, относящихся к предмету доказывания; входят же в него не доказательства, а установленные с их помощью обстоятельства.

(физические явления, исторические события, памятники архитектуры др.). Практика же применяет эти общие закономерности, оперируя конкретными явлениями и процессами, и вместе с тем создает фактический базис для последующих теоретических обобщений науки, ставит перед последней свои задачи. В практической деятельности получение знаний является средством решения конкретных практических (производственных, организационных, административных, педагогических и др.) задач, стоящих перед данными лицами. Относительность противопоставления научной и практической деятельности в сфере уголовного судопроизводства можно показать, рассмотрев деятельность учреждений судебной экспертизы.

Обслуживая уголовный процесс, производя по поручению следователя сложные эксперименты, применяя и уточняя специальную научную методику для того, чтобы ответить на поставленный вопрос, эксперт является практиком, и его деятельность не носит характера научно-исследовательской. Однако, предпринимая теоретическую разработку, цель которой усовершенствовать какую-либо методику исследования вещественных доказательств для последующего обслуживания следственных органов и суда, эксперт становится научным работником. Деятельность его приобретает черты научного исследования.

Представляется не вполне точным мнение, что отличие судебного исследования от научного состоит в предмете исследования, что последнее всегда направлено на познание общих закономерностей, а не единичных событий, как это имеет место на следствии и в суде¹. Единичные события могут быть и предметом научного исследования².

Относительность критериев разграничения научной, теоретической деятельности и практики вообще, диалектическая связь между познанием в этих двух сферах полностью относятся и к взаимоотношению науки (теории доказательств, равно тактики, техники, методики расследования) и практической деятельности следователя, судьи.

Своеобразие расследования и судебного разбирательства в отличие от других областей науки и практики определяется его целями, задачами, которые решаются в уголовном судопроизводстве. Этому соответствуют и особые условия, в которых протекает познавательная деятельность, строго определенный процессуальный ее порядок.

Марксистская теория познания не знает принципиальных различий в закономерностях и механизмах научного и практического

¹ См. Р. С. Белкин, Сущность экспериментального метода исследования, М., 1961, стр. 12—13.

² На возможность такого совпадения правильно указывал А. А. Понтовский (см. «Советская криминалистика на службе следствия» 1955 г. № 6).

мышления. «Интеллект у человека один и едины основные механизмы мышления», — пишет известный советский психолог Б. М. Теплов¹.

Различие между ними не в том, что один вид мышления связан, а другой не связан с практикой, а в том, что характер этой связи различен. И научное, и практическое мышление связано с практикой, но во втором случае связь эта имеет более непосредственный характер. Практическое мышление непосредственно вплетено в практическую деятельность и подвергается непрерывному испытанию практикой, тогда как теоретическое мышление, основанное на практике, подвергается практической проверке главным образом в своих конечных результатах.

Что же касается трудности и сложности мыслительных процессов, замечает Б. М. Теплов, то, если уж проводить сравнение, придется признать, что с точки зрения многообразия, внутренней противоречивости решаемых задач и жесткости условий, в которых протекает работа интеллекта, первые места должны занять высшие формы практической деятельности. К их числу, несомненно, относится деятельность следователя, прокурора, судьи.

Из предыдущего изложения видно, что доказывание представляет длящийся процесс, проходящий ряд последовательных этапов и состоящий из различных действий и операций, относящихся как к области мышления, так и к практической деятельности.

Суммируя все сказанное, мы можем определить *доказывание как осуществляемую в процессуальных формах деятельность органов расследования, прокурора и суда с участием других субъектов процессуальной деятельности по собиранию, закреплению, проверке и оценке фактических данных, необходимых для установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного судопроизводства.*

По своему содержанию процесс доказывания складывается из ряда элементов, органически связанных между собой, а именно: собирания доказательств, их закрепления, проверки и оценки².

В процессуальной литературе элементы доказывания иногда называют этапами. Такое наименование представляется неудачным, ибо наводит на мысль о чередовании этапов, предполагает разрыв их во времени. Между тем процесс доказывания — это единый и неразрывный процесс познания, в котором указанные

¹ Б. М. Теплов, Проблемы индивидуальных различий, М., 1961, стр. 253. См. также С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, М., 1945, стр. 345.

² Приведенной схемы содержания процесса доказывания придерживаются все советские юристы, исследовавшие проблему доказывания. Незначительные различия в этой схеме, допускаемые отдельными процессуалистами, не имеют, на наш взгляд, принципиального значения.

элементы повторяются. Говорить о собирании, фиксации, проверке и оценке доказательств как этапах не следует еще и потому, что под этапами доказывания правильней и целесообразней понимать различные, следующие один за другим моменты установления истины, характеризующиеся различной степенью выясненности доказываемых по делу обстоятельств. Например, установлению по делу, будет совершенно различной в момент возбуждения уголовного дела и предъявления обвинения, в момент окончания предварительного следствия и вынесения приговора.

Смена одного этапа доказывания другим характеризуется изменением его задач и форм, определяемых той стадией уголовного процесса, на которой доказывание осуществляется¹.

Так, в стадии возбуждения уголовного дела цель доказывания — установить наличие или отсутствие оснований для ведения судопроизводства. Основное значение стадии предварительного расследования с точки зрения задач доказывания состоит в том, чтобы обнаружить и процессуально закрепить доказательства, сделать на их основе вывод о том, какое именно деяние имело место и кто его совершил, и, таким образом, обеспечить все условия для окончательного разрешения дела судом или — при наличии законных предпосылок — прекратить дело.

В стадии судебного разбирательства происходит новое исследование собранных на предварительном следствии и дополнительно представленных или истребованных доказательств, осуществляемое судом в условиях гласности при активном участии заинтересованных в исходе дела лиц, завершающееся констатацией от имени государства определенных фактических обстоятельств и актом применения норм материального права.

Между предварительным расследованием и судебным разбирательством лежит стадия предания суду, в которой решается вопрос о достаточности оснований для рассмотрения уголовного дела в судебном заседании.

Дополнительные гарантии установления истины должны быть применены, если хотя бы один из участников процесса обжаловал (опротестовал) приговор в кассационном порядке. В исключительных случаях выяснению истины по делу может способствовать пересмотр приговора в порядке надзора или по вновь открывшимся обстоятельствам.

---

¹ Подробный анализ этих задач и форм дан в работах: В. Д. Арсеньев, Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса, Иркутск, 1969; Л. М. Карнеева, Г. М. Миньковский, Особенности пределов доказывания при принятии некоторых процессуальных решений в стадии предварительного следствия, «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 4, М., 1966, стр. 83—103.

При таком понимании этапов доказывания все элементы, составляющие содержание процесса доказывания, выступают в единстве и взаимодействии как в отношении отдельного доказываемого факта, отдельного обстоятельства, входящего в предмет доказывания, так и в отношении совокупности их, когда принимаются решения, влекущие определенные юридические последствия¹.

Рассмотрим более подробно элементы процесса доказывания.

Понятием собирания доказательств охватывается их поиск (розыск), обнаружение и получение (извлечение) содержащейся в них информации органом расследования и судом.

При собирании доказательств в уголовном процессе не могут быть использованы произвольно избранные способы. Эти способы прямо указывает закон, относя к ним: вызов нужных лиц для допросов или для дачи заключения в качестве эксперта, производство осмотров, обысков и других предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом следственных действий, требование от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов, могущих установить необходимые по делу фактические данные, требование производства ревизий (ст. 70 УПК РСФСР).

Но прежде чем допросить свидетеля или осмотреть вещественное доказательство, нужно выявить его, так как без обнаружения носителя информации о фактических данных не могут быть получены сведения о фактах. Подобно этому, прежде чем требовать представления предметов и документов, нужно знать, каковы они, у кого они находятся и т. д. При этом важное значение приобретает оперативно-розыскная деятельность органов дознания, которым следователь в соответствии со ст. 127 УПК вправе давать поручения и требовать содействия в раскрытии преступления. Уголовно-процессуальный закон четко определил место оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и предупреждении преступлений как вспомогательной по отношению к процессу доказывания. Сведения, почерпнутые в результате оперативно-розыскных мер, используются органом дознания или следователем для поиска доказательств, но не как доказательства.

Установив конкретных носителей информации о существенных обстоятельствах дела, орган расследования и суд принимают

---

¹ Следует отметить, что на каждом этапе отдельные элементы доказывания выступают на первый план. Так, при составлении обвинительного заключения или вынесении приговора преобладающей становится оценка доказательств, хотя и в этом случае нетрудно усмотреть переплетение ее с таким элементом доказывания, как проверка доказательств; на первых этапах больший удельный вес могут иметь такие элементы, как собирание и закрепление доказательств.

меры к получению имеющейся информации: допрашивают свидетелей, потерпевших, экспертов, подозреваемых и обвиняемых, осматривают предметы, изучают документы и т. п.

Чтобы полученная информация имела доказательственное значение, добытые сведения должны быть облечены в установленную законом процессуальную форму.

В зависимости от способа получения сведений о фактах последние закрепляются путем составления протоколов, а также вынесения постановлений (определений) о приобщении к делу вещественных доказательств.

В числе способов закрепления доказательств закон предусматривает не только письменную форму, являющуюся основной, но и фотографирование, звукозапись, киносъемку, составление планов и схем, изготовление слепков и оттисков следов.

Регламентация законом порядка производства действий по собиранию и закреплению доказательств гарантирует, с одной стороны, достоверность передачи добытых сведений, а с другой — обеспечивает сохранность доказательств и возможность их использования и проверки при доказывании на последующих стадиях уголовного процесса¹. Нарушение требований закона в этой части может привести к утрате доказательственного значения полученных данных.

Выводы по уголовному делу могут быть основаны только на проверенных доказательствах. Поэтому все собранные доказательства, из какого бы источника они ни были получены, должны тщательно, всесторонне проверяться лицом, производящим дознание, следователем, прокурором и судом (ст. 70 УПК РСФСР)².

Доказательства проверяются путем их анализа и сравнительного исследования; путем производства следственных действий как для отыскания новых доказательств, так и для подтверждения или опровержения имеющихся.

Так, при анализе фактических данных, установленных, например, показаниями свидетеля, выясняется, правильно ли он воспринял наблюдаемый факт и достаточно ли полно и верно сообщил о нем на допросе, не было ли субъективных и объективных факторов, которые могли бы этому помешать. Убедившись в отсутствии или наличии таких помех, орган расследования и суд затем анализируют, насколько показания свидетеля по своему

---

¹ Установленные законом правила проведения следственных действий, направленных на обнаружение и закрепление доказательств, служат также гарантией защиты прав и законных интересов участников процесса доказывания.

² С учетом характера проверки доказательств как самостоятельного элемента процесса доказывания ст. 49 УПК Эстонской ССР (соответствует ст. 70 УПК РСФСР) названа «Собирание, представление и проверка доказательств».

содержанию последовательны, нет ли противоречий между его отдельными утверждениями.

При сравнении нескольких доказательств выясняется, в какой мере отдельные доказательства согласуются между собой. Такого рода проверка может производиться в самых различных формах. Так, могут сравниваться фактические данные, полученные от разных, хотя и однородных, носителей информации.

Например, показания свидетеля об определенном факте сравниваются с показаниями об этом же факте других свидетелей или же с показаниями, которые составляют продолжение проверяемых показаний первого (один свидетель наблюдал начало события, а другой — его конец).

Проверка доказательств осуществляется как на предварительном следствии, так и в судебном разбирательстве.

В каждой последующей стадии процесса объем проверки расширяется, так как не только вновь проверяются собранные доказательства, но контролируется и правильность предшествующей проверки.

Цель проверки доказательств — выяснить доброкачественность собранного по делу материала. Тем самым создаются предпосылки для определения значения каждого доказательства в отдельности и всей их совокупности, что составляет существо оценки доказательств. Оценка доказательств представляет собой определение достоверности и значения каждого доказательства и всех их в совокупности с тем, чтобы на этой основе сделать вывод о фактической картине исследуемого события¹.

В соответствии с законом окончательная оценка доказательств производится путем всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности (ст. 71 УПК РСФСР). Подлинное значение и место каждого доказательства не может быть определено иначе как в целостной системе всех доказательств, собранных по делу.

В. И. Ленин писал: «Отдельное бытие (предмет, явление...) есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными... *Лишь в их совокупности... и в их отношении... реализуется истина*»².

Если собранными доказательствами установлены факты, которые действительно являются составными частями события преступления, то совокупность доказательств, положенная в основу вывода о доказанности отдельного обстоятельства по делу, а также события преступления в целом, должна исключать всякие иные объяснения и выводы. Оценивая совокупность доказательств, нужно иметь в виду, что их взаимосвязь должна образовать

¹ Об оценке доказательств см. § 1 гл. VII.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 178.

систему. Каждое отдельное доказательство, сохраняя своеобразие как часть этой системы, в то же время может быть объяснено лишь с учетом отражения в нем целого, т. е. события, составляющего предмет доказывания.

Рассмотрев содержание процесса доказывания, нетрудно заметить, что проверка и оценка касаются всех сторон и этапов доказывания.

Так, при собирании доказательств прежде всего проверяется качество носителей и источников фактических данных; этим элементам уделяется особое внимание и при закреплении доказательств. Далее следователь и суд как бы отвлекаются от тех признаков доказательства, которые связаны с его происхождением. Внимание переносится на оперирование фактическими данными — содержанием доказательств. Когда доказательства уже проверены и содержащиеся в них сведения признаны достоверными, следователь и суд исходят из того, что факты, о которых говорится в соответствующих сообщениях, имели место в действительности. Задачей доказывания становится установление связей между ними и предметом доказывания. Вот почему условно можно сказать, что в процессе логического построения выводов мы оперируем фактами (а не сведениями). Здесь на первый план выступает реальное содержание фактических данных, т. е. именно то, ради чего и существуют доказывание и доказательства.

Трудности процесса доказывания обусловлены, в частности, тем, что в ходе его всегда имеют место некоторые потери информации, возникают помехи. Эти потери происходят уже при собирании доказательств. Вполне понятно, что собрать и закрепить все следы преступления, которые в действительности имели место, практически невозможно. Многие из этих следов не сохранились; выявление других затруднительно или не дает надежных результатов.

Известная утрата информации происходит и при получении сведений от конкретных лиц (свидетелей, обвиняемых и др.) и при исследовании предметов. Ведь факты преступления отделены от сознания следователя (суда) восприятиями очевидцев совершенного (свидетеля, потерпевшего и т. д.). Как при этом восприятии, так и при передаче известных свидетелю данных возможны «утечка» и искажение информации, а также появление лжеинформации. Это объясняется как недостатками человеческой психики, так и влиянием внешних условий. Нельзя забывать и о прямом стремлении некоторых лиц исказить известные им данные.

Некоторой неполнотой могут обладать и сведения, получаемые при исследовании вещественных доказательств. Дело в том, что, во-первых, фактические обстоятельства преступления запечатлеваются в материальных следах лишь частично, во-вторых, в этих следах не всегда отражаются существенные признаки, по

которым можно сделать вывод о характере отражаемого события; в-третьих, физические и химические свойства объектов, особые условия слеодообразования и воздействие внешних факторов (атмосферные явления и др.) приводят со временем к образованию в следах признаков, чуждых отражаемому предмету (событию), и к исчезновению или искажению признаков, существенных для данного предмета (события).

Прежде чем зафиксировать материальные следы преступления или показания лица в соответствующем протоколе, следователь и судьи должны воспринять эти сведения и хотя бы предположительно понять их значение для дела. При этом, конечно, возможны утрата и искажение информации, обусловленные ошибками восприятия и особенно неверным объяснением полученных сведений.

Однако все эти соображения вовсе не означают, что необходимые для решения дела сведения не могут быть установлены достоверно.

Процесс накопления информации о событии преступления начинается за пределами уголовного судопроизводства, поэтому естественно, что следователь и суд не в состоянии обеспечить для него наиболее благоприятные условия. Однако процесс передачи сведений от носителей информации к следователю и суду контролируется ими и происходит на основе закона. Путем тщательного соблюдения требований закона, предъявляемых к собиранию доказательств, следователь и суд могут управлять этими процессами таким образом, чтобы информация о преступлении передавалась достаточно полно и без существенных искажений. Достижению этих целей служат процессуальные правила проведения допросов, осмотров, экспертиз и других следственных действий.

§ 2. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

В юридической литературе до последнего времени процесс доказывания характеризовался, с одной стороны, с точки зрения его структуры (стадий), предмета, пределов, системы, способов собирания и проверки фактической информации и т. п., а с другой — с точки зрения логической формы мыслительной деятельности следователя и судей. Доказывание в последнем аспекте происходит путем выдвижения и проверки различных версий, построения силлогизмов, индуктивных умозаключений и т. п. Эта безусловно правильная характеристика форм мышления, однако, не

раскрывает всех сторон мыслительного процесса. Процесс этот в уголовно-процессуальном доказывании, помимо логических операций, включает ощущения и восприятия, акты узнавания и другие психологические акты, при посредстве которых протекают сложные познавательные процессы. Поэтому было бы слишком упрощенным представлять себе мыслительную деятельность следователя, прокурора и судьи только как систему логических развернутых рассуждений, именуемых в психологической науке дискурсивным мышлением¹.

Дискурсивное мышление само по себе, без включения других компонентов, является вполне достаточным средством познания (доказывания) в случаях: а) когда даны все необходимые условия и предпосылки для решения задачи и ответ достигается в результате вывода одного положения из другого и б) когда связь между искомым ответом (доказываемым положением) и его предпосылками однозначна или ограничена небольшим числом вариантов и строго определенными формами. Тогда действительно рассуждение идет от одного довода к другому, пока искомое не станет вполне ясным и доказанным.

Дискурсивное мышление хорошо работает в четко очерченной сфере, пробегаая отдельные этапы между заранее намеченными пунктами и известными положениями, при ясном различении того, что дано и что требуется доказать, т. е. на заключительных этапах расследования. При этом движение мысли происходит от известных предпосылок (фактов) к искомому, доказываемому положению, которое уже намечено заранее, оформилось гипотетически. Но выдвижение гипотезы (версии) и подбор соответствующих предпосылок (фактических данных) происходят на основе широкого и содержательного процесса. Здесь, как установлено психологией, вступает в свои права творческое мышление².

Творческие элементы, как известно, содержатся в любом виде труда, а вовсе не являются привилегией научного или художественного творчества. Во всех областях познавательной деятельности, включая расследование и судебное разбирательство, человек решает различные творческие мыслительные задачи.

Решение определенной проблемы с психологической точки зрения есть сочетание реальных и мыслительных операций с постоянным переходом практических действий в сферу мышления и обратно, при дублировании одного другим.

---

¹ Отвергая ошибочное представление, согласно которому всякое открытие достигается в результате применения одних только логических методов индукции и дедукции, Марно Бунге справедливо указывает, что процесс познания неизмеримо более сложен. Одна логика так же мало способна привести человека к новым идеям, как одна грамматика создавать поэмы («Интуиция и наука», М., 1967, стр. 85).

² См. Я. А. Пономарев, Психология творческого мышления, М., 1960.

Всякое мышление включает в себя два необходимых компонента — знание и действие, т. е. состоит в применении знаний для решения определенных задач. Этот процесс складывается из мыслительных действий, каждое из которых решает конкретно одну элементарную задачу. Ее решением завершается действие, и при этом нередко возникают новые вопросы, требующие дальнейших мыслительных действий. Их совокупность и образует сложную и плывущую мыслительную деятельность¹.

Прежде чем что-то сделать, человек прикидывает это в уме и, если результат его устраивает, приступает к практическому осуществлению; в отрицательном случае он производит в уме другие действия, пока не получит мысленно то, что нужно².

«Неумение» мыслить, как показывают исследования, состоит в том, что человек не знает, что делать с условиями возникшей перед ним задачи, какие необходимо произвести операции и действия, чтобы ее решить.

Надо отметить в связи с этим, что мыслительные процессы скрыты от внешнего наблюдения и далеко не всегда осознаются их субъектами. Это обуславливает важность научного рассмотрения настоящей проблемы и необходимость овладения «тайной» собственной мыслительной деятельности каждым лицом, осуществляющим производство по уголовному делу. Неумение отдавать себе отчет в своих действиях, неумение сделать свое мышление осознанным — одна из основных причин ошибочных суждений и выводов в ходе доказывания.

Рассматривая мыслительную сферу следователя (судьи), мы видим различные типы задач, решаемых в ходе доказывания. Надо, однако, оговориться, что вопрос о характере мыслительных задач и их классификации еще мало освещен в психологической литературе. Применительно же к задачам, возникающим в следственной и судебной практике, известна лишь одна попытка, предпринятая в краткой публикации И. К. Шахриманьяна³. Он, в частности, выделяет «прогностические задачи», к числу которых, по его мнению, относится построение версий. Однако версия скорее диагноз, ибо она объясняет уже происшедшее событие, а не явление, ожидаемое в будущем. Далее им выделены «задачи на

¹ См. П. Я. Гальперин, Умственное действие как основа формирования мысли и образа, «Вопросы психологии» 1957 г. № 6; А. М. Матюшин, Исследование психологических закономерностей процесса мышления. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1960, и др.

² В связи с этим большую важность приобретает готовность знаний, легкость их извлечения из запасов памяти и немедленного использования в нужный момент.

³ И. К. Шахриманьян, К вопросу о психологической характеристике задач, возникающих в практике следственной работы, «Научная сессия, посвященная итогам научной деятельности за 1964 г.», Кишинев, 1965.

внешнюю ориентировку», в порядке разрешения которых следователь, по его мнению, устанавливает источники сведений о доказательствах. И в этой части допущена неточность, поскольку любая решаемая следователем задача связана с необходимостью внешней ориентировки, а определение источников информации является результатом решения и иных задач. Спорно определение, даваемое «задачам на внутреннюю ориентировку», к числу которых И. К. Шахриманьян почему-то относит оценку доказательств. Внутренняя ориентировка также является компонентом любой мыслительной деятельности, связанной с ее осознанием, и специфична не только для оценки доказательств.

Не вызывает принципиальных возражений выделение «задач на выбор средств». Но трудно согласиться с тем, что этот тип задачи включает в себя и такие решения, как избрание меры пресечения, привлечение в качестве обвиняемого и пр. Здесь, с нашей точки зрения, смешиваются мыслительные операции и практические действия, которые зачастую и не связаны с решением мыслительных задач (если при этом не возникает проблемной ситуации, т. е. несоответствия между наличными данными, известными способами действия и условиями выполнения задания). Мыслительная задача встает, когда возникают какие-либо субъективные трудности (например, сложно решить вопрос о достаточности данных для предъявления обвинения, затруднительна юридическая квалификация совершенного деяния и т. п.).

Сказанное обуславливает необходимость самостоятельного рассмотрения вопроса о классификации мыслительных задач в доказывании. По различным основаниям могут быть выделены различные типы задач, решаемых следователем и судом. Если эти задачи разложить на составляющие их элементы, то полученные «подзадачи» не будут специфичны для судопроизводства: в них окажутся операции и действия, свойственные любой мыслительной деятельности. В частности, можно выделить: а) задачи на отыскание; б) задачи на распознавание (различение, отождествление); в) задачи на объяснение (истолкование); г) задачи на обоснование (доказывание); д) задачи на предвидение (предсказание); е) задачи на выбор средств и образа действия; ж) задачи на оценку.

Специфическими для уголовно-процессуального доказывания являются лишь сочетания этих задач и преобладание одного вида задач в определенной ситуации.

В психологии различают простые и творческие задачи. Говоря о простых задачах, имеют в виду такие ситуации, при которых решение определенного вопроса, получение нужного результата достигается в результате применения известного способа при известных условиях. Решающему все предоставлено: и достаточные данные, и путь решения, указан или предполагается результат.

Вместе с тем наименование задачи «простой» не делает ее всегда легкой. Для решения ее иногда требуется немало времени и усилий.

В ходе расследования так решаются лишь отдельные частные вопросы; сложные вопросы становятся «простыми» только к окончанию доказывания. Тогда мы имеем дело с выводным знанием, которое достигается в результате применения логических форм. Для решения самой логической задачи уже не требуется приобретения новых знаний и разработки новых способов действия.

Прежде чем задача станет простой и для того чтобы она стала такой, исследователю нужно решить ряд творческих задач.

Творческая задача встает перед следователем, прокурором, судьей, когда не хватает исходных данных или неизвестен образ действий с этими данными, ибо не определены условия, при которых данный способ может привести к искомому результату. При отсутствии и неполноте фактического знания на помощь приходит творческое воображение. Отразив проблемную ситуацию, т. е. известные фактические обстоятельства дела, и задачу, подлежащую разрешению, мысль мобилизует запасы знаний и опыта, отыскивая в прошлом нечто сходное, что предположительно может возместить недостающую информацию. Одновременно принимаются меры к получению дополнительных сведений.

Имеющиеся данные подвергаются переработке при помощи таких операций, как сравнение, классификация, анализ, синтез и т. п. Тем временем воображение на основе имеющихся представлений и понятий из всего этого материала строит новые образы, объединяя, комбинируя, сочетая и подчиняя их определенному замыслу. Эта интеллектуальная деятельность приводит к рождению догадки — первоначальному предположению, которое еще в достаточной мере не исследовано, не выяснены его логические и эмпирические основания. На первых порах это лишь проблеск идеи, смутное понимание, которое обычно начинается с вопроса «может быть...?». Затем мысль развивается, конкретизируется, уточняется посредством логических операций и оформляется в гипотезу (версию). Дальнейшие рассуждения идут уже по линии ее проверки. Так поступаетследователь применительно к ряду возможных вариантов, к системе версий.

Считается общепризнанным и неоспоримым положение, согласно которому параллельно и одновременно проверяются все возможные для данной ситуации версии. По этой концепции исследование происходит путем полного перебора всех вариантов, т. е. в результате более или менее систематических попыток, в ходе которых неудачные пробы отбрасываются и после исключения всех иных версий положительно подтверждается одна.

Несомненно, исключение всех иных возможностей необходимо для доказывания определенного положения, но при этом вовсе не обязательно специально исследовать и доказывать ошибочность всех возможных предположений. Тот же результат достигается

путем достоверного подтверждения правильной интерпретации события, исключающей все иные объяснения. Так, дополнительно установив совершение данного преступления именно этим обвиняемым, по таким-то мотивам и точно определенным способом, мы тем самым исключаем совершение этого преступления кем-то другим, иным способом и по иным мотивам. Доказав пребывание человека в известное время в определенном месте, вовсе не требуется устанавливать его отсутствие в то же время в ряде других пунктов.

Большой экспериментальный материал по психологии мышления показывает, что концепция механического перебора вариантов по методу «проб и ошибок» не оправдывает себя, ибо полный перебор всех возможностей в сложных случаях неосуществим, неэффективен и не соответствует реальному процессу решения задач человеком¹.

Анализ следственной практики также убеждает в том, что подобный путь не является оптимальным.

Фактически методом перебора исследование происходит лишь в процессе грубой ориентировки в ходе первоначальных следственных действий, при чрезвычайно ограниченном объеме информации. Однако и здесь этот образ действий носит избирательный характер. Из неограниченного круга возможностей происходит отбор небольшого числа вариантов, из которых за основу исследования принимается несколько наиболее вероятных.

Значительная роль в решении творческих задач принадлежит полуколичественным оценкам возможности существования определенного факта или наступления ожидаемого результата (мало или весьма вероятно, более или менее вероятно и т. п.).

Психологи предполагают, что на основе теоретических знаний, жизненного и профессионального опыта в сознании человека формируется специальный аппарат предвидения, выполняющий высоко полезную функцию, регулирующую поведение во многих видах деятельности. Здесь, по-видимому, скрыт секрет интуиции, на которой мы остановимся ниже.

Методы поиска решений для творческих задач называют эвристическими².

---

¹ Концепция «проб и ошибок» является основным положением бихевиоризма — буржуазной психологической теории, которая рассматривает решение мыслительных задач человеком как хаотический перебор вариантов или слепой выход из лабиринта. Из психологической литературы эта теория проникла в кибернетику, современный уровень которой пока еще не позволяет воспроизвести в вычислительных машинах высшие интеллектуальные функции человеческого сознания и вынуждает решать мыслительные задачи (например, шахматные) путем перебора всех вариантов, а не творческого выбора оптимального решения.

² Эвристика — искусство нахождения истины, система приемов научного открытия (от слова «эврика» — восклицания, приписываемого Архимеду). В наше время эвристикой именуют одно из направлений киберне-

Эвристические приемы основаны на использовании таких средств, которые сужают область поиска, сводя к минимуму количество возможных способов действия. Допустим, обнаружен труп с признаками насильственной смерти. Как сузить практически безграничный круг лиц, среди которых может находиться виновный? Намечается несколько путей: установить, «кому выгодна» гибель этого человека, с кем его видели накануне смерти, кто совершал преступления подобным способом, на ком могут оказаться следы совершенного преступления и т. д.

Каждое из этих мероприятий выделяет определенную группу людей, все более ограничивая круг подозреваемых; из их числа по тем или иным основаниям отбираются конкретные лица или одно какое-то лицо, чью причастность к преступлению проверяют дальнейшим расследованием. Как видно, область поиска сокращается в результате отнесения данной ситуации к одной из категорий известных задач, содержащих сходные условия. При этом на первый план выступает распознавание и сравнение возникшей задачи с имеющимися в сознании следователя эталонами. В этом состоит значение типичных версий и криминалистических рекомендаций (см. также § 4 гл. VI).

В научном исследовании для проверки соперничающих гипотез нередко ставят «решающий эксперимент». В процессе расследования также подчас может быть установлен такой «ключевой» факт, который соответствовал бы одной версии и опровергал бы все остальные, делая ненужной их дальнейшую проверку. С этой целью используются следственные действия, результаты которых позволяют решить некоторые ключевые вопросы и тем самым отбросить сразу большое количество предположений. И хотя единичный факт, сколь бы ни был он существенным, не может иметь решающего значения, с его помощью, а тем более с помощью определенной совокупности таких фактов происходит ускоренный отсев ошибочных версий.

Как именно происходит собирание, накопление и переработка информации следователем и судьей? Современная наука отвечает на этот вопрос, основываясь на теории мысленного моделирования. Это понятие относится к числу новых категорий, которые должны найти интерпретацию в советской правовой науке¹.

Сейчас общепризнано, что люди познают мир через модели — такие системы, которые отражают отдельные, ограниченные в нуж-

---

тики, которое занимается изучением мыслительной деятельности человека в целях создания программ для решения творческих задач электронно-счетными машинами.

¹ Понятие мысленного моделирования отнюдь не противоречит материалистической теории отражения. Отражение — общая философская категория, тогда как модель — это конкретное естественнонаучное понятие.

ном направлении стороны явлений. Всякое познание — это моделирование информации о чем-либо¹.

Информацию, которой пользуется следователь в процессе доказывания, можно рассматривать как модель исследуемого события.

Говоря о модели в самом общем виде, имеют в виду мысленно или практически созданную структуру (статическую или динамическую), воспроизводящую какую-то часть действительности в упрощенной, схематизированной форме. Будучи в определенном отношении подобна структуре другой системы, модель является способом отображения действительности, как бы ни отличалась она от оригинала².

Сущность моделирования состоит в мысленном или материальном конструировании моделей, имитации определенных процессов или явлений с тем, чтобы полученные при этом знания служили основой для суждения о другом — изучаемом — предмете или явлении. Именно благодаря моделированию возможно отвлечение от таких свойств исследуемого объекта, которые в данном случае несущественны.

Изготавливая слепок следа поги, мы в известных пределах считаем несущественным материал, из которого он изготовлен, и пользуемся этой моделью для изучения признаков обуви, в которую был одет преступник. Мысленно воссоздавая картину дорожного происшествия, мы абстрагируемся от многих обстоятельств места и времени, которые в данном случае для нас безразличны, и пользуемся созданной моделью расследуемого события для дальнейшего исследования его механизма.

Отличие модели от оригинала не лишает его познавательного значения. Функцию отображения действительности модель выполняет благодаря своему подобию, соответствию в определенных чертах подлинному предмету или явлению. Это соответствие может иметь место в нескольких планах. Во-первых, в отношении результатов действия модели и оригинала, во-вторых, в отношении функции и поведения, которые приводят к этим результатам, в-третьих, в отношении структуры того и другого, обеспечивающей выполнение таких же функций, и, в-четвертых, в отношении материалов и элементов, из которых состоят эти структуры³. Разумеется, модель не может совпадать с оригиналом во всех

---

¹ См. Н. М. Амосов, Моделирование мышления и психика, Киев, 1965, стр. 46, а также сб. «Проблемы мышления в современной науке», М., 1964, стр. 399.

² См. «Философская энциклопедия», т. III, М., 1964.

³ См. Г. Клаус, Кибернетика и философия, М., 1963, стр. 67. Надо иметь в виду некоторую условность такого деления, возможность взаимопереходов материала и структуры, действий и результата. Об этом говорится в послесловии к указанной книге (стр. 510).

отношениях. В процессе доказывания в уголовном процессе, как будет показано ниже, пользуются моделями, которые по-разному соответствуют объектам¹.

В зависимости от формы отражения действительности различают модели материальные, или физические, и идеальные, или воображаемые.

С первыми мы имеем дело во всех случаях, когда нам приходится воспроизводить в натуре какие-либо предметы и явления, относящиеся к событию преступления. Таковы уже упомянутые слепки или оттиски, сохраняющие размеры, рельеф и строение оригинала. В принципе тот же характер носит воссоздание обстановки и условий, в которых происходили либо могли происходить те или иные события. Речь идет о следственном действии, которое в процессуальном законодательстве ряда союзных республик именуется «воспроизведением обстановки и обстоятельств события»².

К числу материальных относятся также модели, воспроизводящие те или иные объекты в уменьшенном масштабе (например, макет места происшествия), или всякого рода репродукции, передающие в наглядно-образной форме важные признаки предметов. В этом смысле фотографические снимки, рисунки также являются моделями.

Модели могут быть не только статическими, но и динамическими. В качестве примера динамического моделирования могут рассматриваться некоторые следственные действия, в ходе которых воспроизводятся какие-либо операции, процессы или события в их движении, развитии. Разумеется, преступление как таковое не может быть предметом реального моделирования. Это невозможно ввиду неповторимости любого события. Это недопустимо, ибо подобная «модель» будет представлять собой новое преступление. Воспроизведению доступны лишь отдельные обстоятельства, связанные с расследуемым событием; воссоздать субъективные моменты, психические процессы, которые относятся к преступному событию, в овеществленной, материальной форме нельзя. Они доступны лишь мысленному моделированию, о чем подробнее будет сказано ниже.

Отдельные же фрагменты преступления могут быть реально воспроизведены в ходе следственного эксперимента, когда в от-

¹ Учитывая бесконечное разнообразие моделей и множество возможных систем классификации, мы останавливаемся только на тех видах, которые находят применение в расследовании.

² В данном случае мы имеем в виду не следственный эксперимент, в котором воссоздание определенной обстановки является лишь условием для производства необходимых опытных действий, а воспроизведение в натуре обстановки по данным протокола осмотра, показаниям свидетелей и т. п. Такое моделирование иногда именуют реконструкцией места происшествия (см. также гл.гл. XI, XII).

лично от простой реконструкции выполняются определенные действия, воссоздается поведение участников расследуемого события, моделируются явления, подобные тем, которые имели место при совершении преступления. Например, изготовление документа, пропикновение в хранилище, определение местоположения стрелявшего путем визирования по направлению раневых каналов и пробоин, проверка слышимости и т. п.

Все признаки, свойственные данному классу моделей, усматриваются и в проверке показаний на месте, предусмотренной рядом уголовно-процессуальных кодексов как самостоятельное следственное действие. Элементы моделирования здесь налицо, когда участник проверки показаний на месте наглядно демонстрирует чьи-либо действия, воспроизводит маршрут передвижения, указывает позы и т. п.

Имеет место моделирование в процессе предъявления для опознания, если оно осуществляется в специально созданной обстановке, воспроизводящей те условия, в которых опознающий ранее наблюдал предъявленный объект.

Наконец, с динамическим моделированием реальных процессов мы сталкиваемся при производстве экспертного эксперимента, когда, например, необходимо установить возможность самовозгорания каких-либо веществ, отпирание замка данным ключом, нанесение повреждения конкретным орудием.

Всякая материальная модель, прежде чем воплотиться в действительность, обязательно проходит идеальную стадию в качестве замысла, плана или схемы будущего действия и его результатов. Самый плохой архитектор, как указывал Маркс, тем и отличается от самой искусной пчелы, что в конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально¹.

Здесь мы непосредственно подошли к умственному моделированию как способу познания в уголовном судопроизводстве.

В процессе мышления исследователь оперирует некоторым умственным материалом, который имеет двойную психологическую природу. Это, во-первых, более или менее яркие образы; во-вторых, это тот или иной смысл, значение образов, выраженные в понятиях и суждениях. При получении чувственной и словесной информации в сознании взаимосвязанно возникают и образы, и понятия. Слова рождают образы, образы наполняются смыслом, обозначаясь словами.

В отличие от физического моделирования в данном случае мы имеем дело с чисто информационной моделью, которая служит основой для накопления, упорядочения, переработки и дальнейшего собирания информации.

---

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 189.

Различаются модели и в зависимости от уровня нашего знания. По исходным данным возникают простейшие модели, в которых систематизируется информация об отдельных предметах и обстоятельствах. В свою очередь эти отдельные ячейки, узлы, элементы увязываются в общую схему расследуемого события. Вновь поступающая информация, проходя через эту структуру, находя в ней свое место, достраивает ее или отсеивается как безразличная. Так, следовательно, разыскивая орудие убийства, создает в своем воображении схематический образ ножа, обладающего признаками, которые установлены судебно-медицинской экспертизой. В ходе поисков он отвергает все орудия, не удовлетворяющие этой модели, и отбирает те из них, которые соответствуют ей. Описание ножа очевидцем преступления дополняет модель новыми деталями. В том же порядке корректируются и достраиваются модели отдельных обстоятельств и всего события в целом.

Формируясь в процессе ориентировки в ходе первоначальных следственных действий, модель на первых порах весьма схематична. Она изобилует пробелами и неоформленными частями, в ней отсутствуют многие узлы и детали. Фактически в параметрах этой схемы на первых порах действует несколько моделей, подающих различное объяснение событию преступления, различные указания по поводу его участников и результатов их действий.

По мере накопления информации модель реконструируется, освобождается от излишних образований, обрывает «жесткими узлами» (достоверно установленными фактами), количество вариантов в различных частях модели сокращается, покуда сама она не станет однозначной системой достоверного знания об исследуемом событии. В этом движении и осуществляется процесс познания при расследовании.

Таким образом, в уголовном судопроизводстве имеют дело с двумя типами информационных моделей — вероятностными и достоверными. Первые служат средством познания, вторые — его результатом и целью¹.

Но как, благодаря каким свойствам модель выполняет свою функцию в качестве инструмента познания? Наиболее существенным свойством мысленной модели, делающим ее средством активного исследования, является то, что она не ограничивается накоплением и хранением информации, а преобразует ее, открывая пути

¹ «Образ-модель, — как отмечает И. Б. Михайлова, — является не только результатом познания, не только функциональным аналогом действительности, но и именно поэтому средством ее дальнейшего исследования» («К вопросу о модельном характере представлений», «Методологические проблемы современной науки», М., 1964, стр. 126).

дальнейших поисков, указывая на источники и способы получения недостающих знаний. Информационная модель является преимущественно динамической системой, отражающей ход реальных процессов¹.

В сознании исследователя воображаемые картины не остаются застывшими «фотоснимками». Они сохраняют жизнь, темп и те формы движения, которые были свойственны отражаемым объектам в действительности. Такой динамической системой является модель преступления, построенная в воображении следователя на основе имеющейся информации. Каждый новый кусочек знаний включается в это движение и в результате комбинирующей деятельности сознания открывает и устанавливает те или иные связи, вступает во взаимодействие с другими элементами.

Модель считается удачной при соблюдении двух условий: а) она должна обладать тем же поведением, что и ее прототип (исследуемое явление); б) необходимо, чтобы на основе структуры и поведения этой модели можно было выявить дополнительные черты прототипа, не содержащиеся в исходном материале².

Пробелы и неопределенные узлы в этой структуре сигнализируют о необходимости устранить неясность, неопределенность. Временно творческое воображение, опираясь на опыт и знания, восполняет имеющиеся пробелы. Пропуская перед своим мысленным взором все варианты расследуемого события, снова и снова «проигрывая» созданную им модель, созерцая и осмысливая ее действие, исследователь видит, какие следы в реальной обстановке и сознании людей могло или должно было оставить преступление.

Подчас эти операции выполняются в форме мысленного эксперимента³. Приводя в движение мысленную модель, исследователь представляет себе результаты соответствующих процессов на практике, проверяет жизненность и правильность своих построений, соответствие их друг другу при помощи воображаемого опыта. Затем путем проверки и с помощью извлекаемой при этом информации испытывается, переделывается и дорабатывается

¹ Один из первых авторов, наделивший понятие модели современным значением, русский ученый И. А. Умов писал: «Нашим уделом является создание картин, движущихся панорам, фигур, образов, короче, моделей существующего и совершающегося» (И. А. Умов, Соч., т. 3, М., 1916, стр. 276).

² Г. Клаус, Кибернетика и философия, М., 1963, стр. 264. Говоря о преобразовании информации, происходящей по правилам, которые заложены в данную модель и свойственны оригиналу, В. М. Глушков пишет, что «при таком подходе мозг человека может рассматриваться как универсальный инструмент динамического информационного моделирования» («Гносеологическая природа информационного моделирования», «Вопросы философии» 1963 г. № 10, стр. 14). См. также В. А. Штофф, Моделирование и философия, М. — Л., 1966.

³ См. К. И. Макаревичус, Место мысленного эксперимента в науке, М., 1971.

модель расследуемого события. В своем законченном виде она должна включать в себя сумму знаний по всем вопросам, образующим предмет доказывания.

Наряду с этой моделью, обращенной в прошлое, в процессе расследования пользуются системой вспомогательных моделей, направленных в будущее и отражающих ход предстоящего исследования. Практические действия до их реального осуществления выполняются мысленно, и это позволяет нам предвидеть ход и результаты своей деятельности, планировать и направлять ее. Протекая в наглядной, образной форме, мысленное планирование рождает множество динамических структур, так называемых рабочих моделей.

Это — прообразы расследования, картины предстоящих следственных действий, намеченные приемы, методы и последовательность их выполнения, возможные действия участников процесса в той или иной ситуации, воображаемые последствия и результаты их поведения в различных вариациях. Иными словами, речь идет о мысленной модели динамического планирования.

Работа таких моделей тесно переплетается с реальной практической деятельностью. Так, прибыв для производства обыска, следователь уточняет свои предварительные наметки и, ориентируясь на месте, представляет, как в этой обстановке он проникнет в обыскиваемое помещение, как может действовать обыскиваемый и как в том или ином случае следует поступить. Если все это осмысливается заранее, а не выполняется путем непродуманных действий, в сознании следователя возникает живая картина — модель первого этапа предстоящего следственного действия.

Наряду с образно-понятийными моделями на еще более высоком уровне абстракции следователь, отвлекаясь от живых образов действительности, оперирует только понятиями, суждениями и умозаключениями. Здесь мы уже имеем дело с собственно логическим процессом. Однако обычно понятийно-образное моделирование предметов и явлений действительности и логические операции составляют единый процесс. Одной из форм такого процесса является версия, которая может рассматриваться как идеальная информационно-логическая модель¹. Вероятностная образно-понятийная модель является промежуточным звеном между логическим объяснением и объективной действительностью. Она действует в двух направлениях: во-первых, от действительности — к объяснению (версии), как наглядное воспроизведение в созна-

¹ Помимо рассмотренных здесь видов моделей, в иных областях знания используются знаковые, символические, математические модели. В расследовании они пока не имеют практического применения. Своеобразным исключением являются графические изображения — карты, планы, схемы, которые можно рассматривать в качестве простейших знаковых моделей (см. А. А. Зинovieв, И. Н. Ревзин, Логическая модель как средство научного исследования, «Вопросы философии» 1960 г. № 1).

нии возможного механизма и обстоятельств расследуемого события. Во-вторых, от объяснения (версии) — к действительности, как указатель на недостающие знания, неустановленные факты, не найденные фактические данные, подлежащие сопоставлению, с тем чтобы придать нашим знаниям характер достоверности.

Характеристика мыслительного процесса будет неполной, если не упомянуть еще об одной важной особенности информационных моделей: они как бы независимо от воли исследователя продолжают по-своему действовать даже тогда, когда он сосредоточен на другом и не размышляет о предмете данного исследования. Объясняется это тем, что мысленная модель, как говорят психологи, обладает свойством доминантного очага, т. е. господствующего в нервной системе очага возбуждения, привлекающего к себе любые импульсы, поступающие в сознание извне и направляющие психическую жизнь человека.

Доминантный очаг привлекает и обрабатывает поступающую информацию и, оперируя ею, открывает и устанавливает новые связи, приходит к решению мыслительных задач. Так объясняют неожиданные, на первый взгляд, изобретения, находки, догадки в науке и практике, которые в психологии именуют «инсайт-решением».

Следственная и судебная практика также изобилует примерами такого рода. При этом обычно ссылаются на интуицию. Неясность и путаница в использовании этого понятия вынуждают нас остановиться на данном вопросе.

В работах зарубежных и некоторых отечественных авторов высказывалась мысль о том, что сложный и неуловимый процесс формирования наших знаний в уголовном судопроизводстве носит интуитивный характер и лишь интуиция позволяет следователю и судье распознать истину.

Следственная и судебная интуиция получает порой искаженное освещение как необъяснимая врожденная способность угадывать истину, минуя деятельность сознания. Именно на такой основе построена реакционная философская система интуитивизма. Объявляя реальный мир иррациональным потоком субъективных переживаний, в котором нельзя найти ничего определенного, интуитивисты приходят к выводу о невозможности познания мира посредством органов чувств и мыслительной деятельности.

Эта чуждая науке проповедь мистицизма широко воспринята буржуазными юристами для обоснования незаконной и судебного произвола. В ряде работ содержатся двусмысленные рассуждения, фактически ориентирующие на приоритет субъективных впечатлений следователя и судьи.

Западногерманский профессор Ханс Вальдер в книге «Криминалистическое мышление» рекомендует в качестве самостоятельного приема исследования «интуитивное угадывание», которому

отводится преувеличенная роль. «Мы имеем, — пишет он, — свои собственные, чисто личные нити ассоциаций, и часто нам не приходит в голову та решительная догадка, которая другого немедленно толкнет на уяснение нужного вопроса. При этом невежды и женщины рассматривают вопросы совсем по-другому и иногда правильнее»¹.

Пытаясь объяснить явление интуиции, английский криминалист Альфред Бакнилл рассматривает ее как инстинктивную способность человека принимать решения в результате внезапного импульса. В конце концов он договаривается до того, что признает божественное происхождение такой способности².

С этим смыкаются изыскания в области пара- и метапсихологии, попытки использовать телепатию, ясновидение и оккультизм в уголовном процессе.

Весьма симптоматично, например, опубликование в «Международном обзоре уголовной полиции» статьи, озаглавленной «Гаданье на службе полиции». С серьезным видом французский прокурор Анри Тренз называет гаданье «искусством, которое может стать наукой» и предвидит то время, когда мы увидим судью, официально поручающего гадалке установить, одним ли лицом выполнены два образца почерка, правдивы ли свидетели, виновен ли подозреваемый и т. п.

Неудивительно, что подобные «разработки» отбили охоту у многих материалистов заниматься проблемой интуиции как в гносеологическом, так и в психологическом плане.

«Понятие интуиции, — писал Б. М. Теплов, — окружается ореолом некоей мистической таинственности. Поэтому в советской психологической литературе замечается склонность избегать и даже замалчивать его. Едва ли это правильно. Следуя этому способу, пришлось бы избегать большинства психологических терминов, так как все они бывали на службе совершенно чуждых нам целей»³.

Аналогичная тенденция имела место и в теории уголовного процесса. Нельзя согласиться ни с преувеличенной оценкой роли интуиции, ни с призывами изгнать ее из уголовного процесса⁴.

В. Ф. Асмус правильно пишет, что, хотя в известных философских работах классиков марксизма не встречается прямых

¹ G. Walder, Kriminalistisches Denken, Hamburg, 1954, S. 133.

² A. Bucknill, The Nature of Evidence, London, 1953.

³ Б. М. Теплов, Проблемы индивидуальных различий, М., 1961, стр. 319.

⁴ Попытка поставить этот вопрос в юридической литературе (см. А. Р. Ратнов, О следственной интуиции, «Социалистическая законность» 1958 г. № 4) вызвала обостренную реакцию со стороны М. С. Строговича, который заключил свое выступление таким выводом: «Сама постановка вопроса об интуиции как особом познавательном средстве при расследо-

указаний на интуитивное знание, это не означает, что там не рассматривается проблема интуиции. Дело в том, что слово «intuitus», «intuitio», с помощью которого выражается мысль о непосредственном знании, далеко не всегда передается латинским термином «интуиция». Оно передается как по-немецки, так и по-русски терминами «созерцание», «видение», «усмотрение» или даже просто «непосредственное знание». Проблема эта рассматривается, например, Ф. Энгельсом в «Диалектике природы» как вопрос об отношении знания непосредственного к опосредствованному, об их диалектике и взаимосвязи¹.

Если философ, как справедливо замечает В. Асмус, признает среди других видов знания также и знание интуитивное, то одно это признание еще ровно ничего не говорит о том, какова теория интуиции, характерная для него, — материалистическая или идеалистическая. Определяющим является истолкование, объяснение этого вида знания².

В марксистской философской и психологической литературе интуиция определяется как «быстрое и непосредственное пахождение решения проблемы», «неосознанное творческое решение задачи, основанное на длительном творческом опыте и большой творческой культуре художника, ученого или изобретателя»³.

Известно, что в повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с такими явлениями, когда по ничтожным признакам при очень малом исходном материале возникают правильные догадки; последующая проверка устанавливает их достоверность. В этом «загадочном эффекте» обычно привлекает внимание недостаточность данных для точного суждения. На эту сторону интуиции указывает в своих заметках о писательском труде тонкий наблюдатель и талантливый художник К. Паустовский: «Интуицию я представляю себе как способность по отдельной частности, по подробности, по одному какому-либо свойству восстановить картину целого»⁴.

В подобных случаях говорят о педагогической, конструкторской, врачебной, вообще о профессиональной интуиции. Такие

вании и разрешении уголовных дел неправомерна, не имеет научных оснований, для следственной и судебной практики решительно не нужна и даже вредна. Марксистская теория познания не нуждается в понятии интуиции» (М. С. Строгович, О рациональном и эмоциональном в судебном исследовании, «Советское государство и право» 1959 г. № 5; «Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968).

¹ В. Ф. Асмус, Проблема интуиции в философии и математике, М., 1963, стр. 288.

² Там же, стр. 5—6.

³ В. П. Бранский, Философское значение проблемы наглядности, Л., 1962, стр. 108; В. А. Артемов, Очерк психологии, Харьков, 1954, стр. 198.

⁴ К. Паустовский, Золотая роза, М., 1956, стр. 138.

явления занимают прочное место в любом творческом процессе и познавательной деятельности¹.

Описания многих уголовных дел также изобилуют примерами блестящих следственных догадок. Порожденные профессиональными знаниями, опытом, наблюдательностью, они сокращают пути расследования.

Конечно, подобные догадки не беспочвенны. Они всегда имеют под собой определенные, хотя и малозаметные, основания. Вот почему говорят, что интуиция — дочь информации. Догадки, лишённые каких бы то ни было оснований, могут оказаться правильными только случайно и потому не заслуживают серьезного рассмотрения. Чаще всего, когда говорят об интуиции в таком смысле, то забывают или не умеют распознать фактические обстоятельства, послужившие толчком к решению нужного вопроса.

Происходит это потому, что мыслительные процессы зачастую протекают неуловимо. Процесс мышления — это не только совокупность развернутых умозаключений. Наряду с полными логическими формами человек пользуется такими суждениями, которые принимаются в сокращенном виде, а иные вовсе выпадают, опускаются, как давно известные, проверенные опытом, доказанные практикой или установленные какой-либо отраслью знаний. В результате полученный вывод кажется оторванным, изолированным и представляется чистой, ничем не обусловленной догадкой.

Точно подметил эту закономерность И. П. Павлов. Интуицию, говорил он, «так и нужно понимать», что «человек окончательное помнит, а весь путь, которым подходил, подготавливал, он не подсчитал к данному моменту»².

Фактически же полученный результат был подготовлен предыдущим мыслительным процессом, в ходе которого произошла актуализация нужных знаний, а если решение наступает с пер-

---

¹ Рассматривая путь врачебной мысли при постановке диагноза, М. Черноруцкий в своем капитальном труде «Диагностика внутренних болезней» указывает на возможность диагноза «с первого взгляда», когда врач не имеет еще в своем распоряжении достаточного количества фактов, без их предварительного анализа, по первому впечатлению. Такая способность признается желательной, особенно в обстановке, требующей немедленных действий. «Интуитивный диагноз, — пишут И. Н. Осипов и А. В. Копнин, рассматривая гистологические основы врачебной интуиции, — состоит в том, что врач, имея большой клинический опыт и хорошую наблюдательность, с одного взгляда подмечает здесь комплекс симптомов, иногда стертых, едва различимых» («Основные вопросы теории диагноза», Томск, 1962, стр. 97). См. также А. Д. Воскресенский и А. И. Прохоров, Проблемы кибернетики в медицине, «Кибернетику — на службу коммунизма», М., 1961.

Наш интерес к диагностическому мышлению обусловлен его сходством с построением и проверкой версий в ходе расследования.

² «Павловские среды», т. 2, М. — Л., 1949, стр. 227.

вого шага, значит, необходимые знания актуализировались немедленно, благодаря тому, что готовность опыта и знаний у человека была высока.

Таким образом, за способностью интуитивно угадывать истину стоят опыт, знания, активная мыслительная деятельность, которые позволяют как бы внезапно правильно решить вопрос, понять сложное явление, предсказать дальнейший ход событий. Конечно, очень многое зависит от того, что решающий задачу может привнести в качестве фантазии, наблюдательности, критичности, творческой заинтересованности и иных интеллектуальных качеств.

В силу изложенного говорить о непосредственности интуитивного знания можно только условно, ибо оно опосредствовано и обусловлено всем предшествующим опытом человека и человечества.

Запасы знаний и жизненных наблюдений, знание способов решения различных познавательных задач не представляют собой хаотического нагромождения. В сознании исследователя они систематизированы и увязаны нитями ассоциаций. Чем большим количеством мысленных связей он располагает, тем богаче и разностороннее его представление о мире. Чем чаще эти связи использовались, тем меньших усилий требуется ему для правильного решения возникающих задач. При интуиции происходит использование по заданию интеллекта «глубинных архивов» человеческой памяти¹.

Умственные действия, подобно моторным операциям, в результате многократного повторения имеют свойство сокращаться, автоматизироваться, ускользая от самонаблюдения. По мере совершенствования происходит свертывание процесса рассуждения. Обдумывание всех промежуточных ходов решения облегчается; начинают складываться прямые связи между основными элементами задачи. Опираясь на догадку, исследователь начинает все чаще правильно решать эти задачи, не производя каждый раз аналитической работы и не осознавая пути их решения. На этой базе вырабатывается интуиция.

И. М. Сеченов подчеркивал ее сходство с сильно привычным движением, сделавшимся автоматическим, где механизм процесса заучивания скрыт быстротой и легкостью действия. «Эта аналогия, — заключает он, — до такой степени полная, что я, колеблясь, утверждаю их психологическую однозначность»².

---

¹ А. Н. Ильяди, Практическая природа человеческого познания, М., 1962, стр. 73.

² И. М. Сеченов, Избранные произведения, т. 1, М., 1962, стр. 415. «По-видимому, — пишет М. Ломов, — высокая эффективность интуитивного мышления и связана прежде всего с формированием максимально свернутых умственных действий» («Человек и техника. Очерки инженерной психологии», Л., 1963, стр. 148).

Сокращенность и автоматизация мыслительных операций приводят к другой особенности интуиции — ее быстроте. «Интуиция включает ассоциативный процесс, идущий с громадной быстротой»¹. Отдельные этапы этого процесса протекают так стремительно, что сливаются в единый непрерывно текущий познавательный акт, в котором нельзя выделить последовательного перехода от одного этапа к другому.

Может быть, интуиция ничем, кроме быстроты протекания, не отличается от обычных процессов мышления, имеющих место при расчете, умозаключении, рассуждении и т. д.? Но если в логическом смысле интуиция — просто быстро сделанный «расчет», то в психологическом смысле это качественно иной процесс. Скорость протекания исключает возможность полного осознания всех его звеньев. Интуитивный вывод — это всегда сокращенное рассуждение, как за счет полного выпадения тех или иных звеньев, так и за счет того, что звенья эти проносятся более или менее бессознательно². Недооценка этой психологической особенности привела В. Коновалову и А. Колесниченко к утверждению, что «интуиция является не чем иным, как только непрослеженным процессом рационального логического мышления», «как познание, логически доказанное и проверенное практикой»³.

Считать интуицию «познанием, логически доказанным и проверенным практически» — значит не видеть ее психологического своеобразия, ставить, по существу, знак равенства между догадкой и доказанным утверждением. Быстротечность и неосознанность интуиции, чреватые опасностью ошибок, делают особенно необходимой ее проверку логикой и практикой, посредством построения соответствующих версий и их проверки в ходе расследования и судебного разбирательства. Не случайно большинство авторов, занимавшихся проблемой гипотезы, связывают ее возникновение только с интуицией⁴.

Наконец, еще одной особенностью интуиции является ее тесная связь с наглядно-образным мышлением, что особенно важно для следователя и судьи. Деятельность их, как показано выше, в максимальной степени связана с конкретной действительностью, с образами реальных событий и поступков людей в определенной обстановке.

¹ Л. Л. Шепуто, Вопросы диалектического материализма и медицина, М., 1963, стр. 322.

² См. Б. М. Теплов, Проблемы индивидуальных различий, М., 1961, стр. 319.

³ В. Коновалова, А. Колесниченко, Значение интуиции в расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, «Радянське право» 1959 г. № 6.

⁴ См., например, П. В. Копнин, Гипотеза и познание действительности, Киев, 1962.

Единство образного и словесно-логического мышления выступает в следственной интуиции весьма своеобразно. Отражения общих свойств и существенных взаимосвязей между явлениями здесь сочетается с относительным преобладанием наглядности. Наглядный образ как бы вбирает в себя всю ту сумму знаний, которая получена путем логического мышления. Здесь проявляется взаимосвязь воображения и мышления, о чем говорилось выше¹.

Интуиция позволяет мысленно увидеть сразу целую серию действий, образов, ситуаций, нагруженных большим смыслом и значением. Возможность такого видения подтверждается повседневной практикой, психологическими наблюдениями и экспериментами². Интуиция не окончательное решение вопроса, а, как говорят психологи, антиципация, т. е. предвосхищение мыслительной работы, которая еще должна быть проделана³. Интуитивная догадка (догадка, а не гадание!) — это трамплин для будущей мыслительной работы.

Интуиция не исключает, а предполагает сознательное дискурсивное мышление, способное развернуть догадку в систему доказательств, обнаружить ее фактические основания, объяснить процесс ее формирования и в конце концов установить ее правильность или ошибочность. «Интуиция создает гипотезы», — писал М. Горький⁴.

Опираясь на высказанные выше положения, следственную и судейскую интуицию можно определить как основанную на опыте и знаниях интеллектуальную способность быстро, непосредственно и неосознанно находить решение творческой задачи при ограниченном исходном материале.

Речь идет именно о решении мыслительных задач, а не о принятии процессуальных решений по делу.

Иными словами, интуиция в процессе доказывания играет лишь вспомогательную роль, но не может непосредственно служить обоснованием вывода следователя и суда по делу. Сотни самых остроумных догадок, не проверенных и не подтвержденных реальными фактами, останутся бесполезной игрой ума и, конечно, не может служить основанием для решения дела по

---

¹ Интуиция не заменяет и не отменяет расчета, а предшествует и сопутствует ему. Необъяснимо в связи с этим отнесение интуиции к эмоциональной, а не рациональной сфере, как это делает М. С. Строгович в упомянутой выше статье.

² См., например, Б. Ломов, Человек и техника. Очерки инженерной психологии, М., 1963.

³ Эту сторону интуиции подчеркивают С. Л. Рубинштейн («Основы общей психологии», М., 1940, стр. 482—483), А. Г. Ковалев, В. Н. Мясщев («Психические особенности человека», т. 2, Л., 1960, стр. 132—133).

⁴ «Архив М. Горького», т. III, стр. 237.

существо, как и для применения мер процессуального принуждения и т. д.

«Интуиция, — как отмечалось в нашей философской печати, — является эвристическим, а не доказательственным процессом, и ее умозаключения носят вероятностный характер»¹.

В процессе доказывания знание интуитивное должно быть превращено в логически и фактически обоснованное, достоверное знание. «Будем учиться доказывать, но будем также учиться догадываться». Этот призыв одного из крупнейших математиков вполне приемлем для следователя, если только помнить, что догадка не заменяет доказательство, а помогает найти его². В этом смысле профессиональная интуиция играет положительную роль для отыскания истины, для собирания доказательств, для выбора наиболее эффективных приемов расследования.

§ 3. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА ДОКАЗЫВАНИЯ

Процессуальная форма доказывания — это система установленных законом правил, в соответствии с которыми осуществляется доказывание на всех стадиях уголовного процесса. Значение этой формы заключается в том, что она призвана обеспечить оптимальные условия для достижения целей правосудия.

Правовая регламентация процесса доказывания закрепляет в юридических нормах и делает обязательными выработанные наукой и практикой наиболее эффективные и вместе с тем демократические и гуманные средства и способы установления объективной истины в уголовном процессе, т. е. служит выяснению существа дела. «Если судебный процесс, — писал К. Маркс, — сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности»³.

Единообразие процессуальной формы доказывания обеспечивается рядом положений Конституции СССР и палчим общесоюзных законов, установивших наиболее общие и существенные положения доказательственного права. Процессуальное законодательство союзных республик конкретизирует эти общие положения.

Следующие вопросы, относящиеся к характеристике процессуальной формы доказывания, имеют наибольшее значение и

¹ «Вопросы философии» 1963 г. № 10, стр. 163.

² Д. Пойа, Математика и правдоподобные рассуждения, М., 1957, стр. 424.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 158.

требуют более детального рассмотрения: 1) принципы уголовного процесса как основа процессуальной формы и их роль в доказывании; 2) процессуальные гарантии в доказательственном праве и доказывании и 3) процессуальное принуждение при осуществлении доказывания.

Внутреннее единство актов познания и удостоверения на протяжении всего уголовного процесса (при всей специфике предварительного расследования и судебного разбирательства) обуславливает единообразие основных правил доказывания на всех его стадиях.

Независимо от того, какой орган осуществляет доказывание, процессуальная форма доказывания в пределах одной стадии процесса остается единой.

Правовая регламентация процесса доказывания позволяет сделать его максимально целеустремленным и экономным, в частности, путем четкого определения круга обстоятельств, подлежащих доказыванию (предмет доказывания). Правовое регулирование процесса доказывания включает также перечень надежных источников информации, которые могут быть использованы для установления истины по уголовному делу, а равно способов обнаружения и исследования доказательств.

Эти способы различаются в зависимости от того, идет ли речь об обнаружении и исследовании информации, содержащейся в материальных предметах (осмотр, обыск, выемка); информации, получаемой в виде сообщений живых лиц (допрос, очная ставка); информации, образующейся в результате сопоставления сообщений живых лиц о фактах с материальной обстановкой, в которой эти факты имели место (следственный эксперимент, проверка показаний на месте); информации, которую доставляет научное исследование вещественных доказательств и других объектов (экспертиза).

Уголовно-процессуальный закон устанавливает в общем виде способы удостоверения и закрепления информации, собираемой по уголовному делу, — составление протоколов, изготовление слепков и оттисков, фотографирование, звукозапись, кино съемка. При этом закон требует соблюдения ряда условий, обеспечивающих полноту и точность запечатления в деле информации об исследуемом событии.

Устанавливая процессуальную форму доказывания, закон предусматривает, что субъекты доказывания, осуществляющие судопроизводство, сменяют друг друга от стадии к стадии (следователь, прокурор, суд первой инстанции, вышестоящий суд), чем обеспечивается многократная проверка результатов доказывания и надежность окончательных выводов по делу.

Процессуальная форма предъявляет ко всем субъектам доказывания, ответственным за уголовное дело, требования объек-

тивности и компетентности, предусматривая возможность их отвода по указанным в законе основаниям.

Поскольку достижение истины по уголовному делу базируется на доказывании, процессуальная форма включает обязательность требований лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, направленных на обнаружение доказательств, для всех органов государства, общественных организаций и отдельных лиц (ст. 70 УПК РСФСР).

Обеспечить права и законные интересы граждан, по необходимости вовлекаемых в процесс доказывания (свидетелей, обыскиваемых, освидетельствуемых и т. д.), — эта задача также решается с помощью правового регулирования процесса доказывания. Закон устанавливает такой порядок доказывания, при котором органы государства имеют возможность вторгаться в сферу личных интересов граждан лишь при наличии достаточных оснований и в строго ограниченных пределах. При этом интересы раскрытия преступления органически сочетаются с надежными гарантиями неприкосновенности чести и достоинства личности.

В исходе доказывания по уголовным делам непосредственно заинтересованы обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Поэтому важным элементом процессуальной формы является такой порядок участия этих субъектов в доказывании, который обеспечивает им возможность защищать свои законные интересы в деле и вместе с тем способствует наиболее полному, всестороннему и объективному выяснению всех обстоятельств дела.

Процессуальная форма доказывания включает и такие правила процедуры, которые сводят к минимуму возможность появления ложных сведений от лиц, допрашиваемых по делу.

Степень детализации правового регулирования различных сторон процесса доказывания неодинакова. Деятельность по собиранию (обнаружению, процессуальному закреплению) и исследованию доказательств регламентирована детально, с учетом особенностей каждого вида доказательственной информации. Что касается внутренних мыслительных процессов, составляющих содержание оценки доказательств, то законодатель устанавливает лишь общие, имеющие методологический характер, условия, которым должна отвечать деятельность следователя, прокурора и суда по оценке доказательств.

Таким образом, процессуальная форма доказывания в советском уголовном процессе охватывает: а) принципы советского уголовного судопроизводства в той мере, в какой они находят выражение в доказательственном праве и деятельности по доказыванию; б) понятия и институты доказательственного права, построенные в соответствии с этими принципами (предмет доказывания, понятие доказательства, способы доказывания); в) осо-

безопасности институтов доказательственного права на отдельных стадиях процесса и по некоторым категориям уголовных дел (дела несовершеннолетних, невменяемых и др.); г) круг органов и лиц, участвующих в доказывании, их права и обязанности.

Система нормативной регламентации процесса доказывания, свойственная действующему советскому закону, возникла не сразу.

В уголовно-процессуальной науке в первые годы развития нашего государства высказывалось мнение о необходимости значительно сократить область правового регулирования доказывания, ограничившись указанием в законе одних лишь процессуальных принципов и общих положений.

Впервые эта мысль была высказана П. И. Стучкой в 1918 году, в условиях, которые в известной мере объясняют такую постановку вопроса¹.

В дальнейшем П. И. Стучка отказался от этой точки зрения. Однако высказанная им мысль получила развитие в трудах Н. В. Крыленко, относящихся к периоду, когда кодификация советского уголовно-процессуального законодательства была в основном завершена.

Видный деятель Советского государства, много сделавший для укрепления революционной законности, Н. В. Крыленко тем не менее выдвинул ряд ошибочных положений. В частности, он утверждал, что нормы, регулирующие доказывание (за исключением общих принципов), по своей природе являются «техническими», «рекомендательными»².

Против подобных взглядов решительно выступил М. И. Калинин, который, подчеркивая значение процессуальных форм, отмечал, что «законность постольку целесообразна, поскольку ее формы имеют значение»³.

А. Я. Вышинский хотя и критиковал процессуальное упрощенчество Н. В. Крыленко, однако составленный под его руководством проект УПК тоже шел по линии значительного упрощения процессуальной формы и свертывания процессуальных гарантий. «В отличие от ранее действовавшего УПК, — писал А. Я. Вышинский, — мы стали на путь попытки крайнего сжатия этого УПК, сведения его только к самому основному, если хотите, минимально необходимому...»⁴. А. Я. Вышинский выступал, в частности, за «лишение предварительного следствия той своеобразной «юстиционной благодати», которая якобы присуща

¹ «Пролетарская революция и право» 1918 г. № 1.

² Н. В. Крыленко, Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, М., 1928.

³ М. И. Калинин, О социалистической законности, М., 1959, стр. 56.

⁴ А. Я. Вышинский, Реформа уголовно-процессуального законодательства, «Советское государство» 1934 г. № 6, стр. 49.

этому виду уголовного розыска»¹. Как известно, проекты УПК, подготовленные в 20-х и 30-х годах, не получили законодательного закрепления, однако тенденция к упрощению процессуальной формы доказывания нашла выражение в некоторых законодательных актах того периода. Их отмена была составной частью мероприятий Партии и Советского государства, направленных на дальнейшее укрепление законности.

В ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве регламентация всех сторон процесса доказывания значительно усилена, что обуславливает дальнейшее повышение эффективности советского уголовного процесса.

Все процессуальные формы доказывания, все институты и нормы доказательственного права основаны на демократических принципах советского уголовного процесса, служат выражением и конкретизацией этих принципов.

Доказательственное право — центральная часть, ядро процессуального права, а доказывание — ядро процессуальной деятельности. Поэтому все принципы уголовного процесса имеют отношение к доказательственному праву и являются и его принципами².

Одни из них прямо и непосредственно, а другие косвенно и опосредствованно влияют на процесс доказывания, направляя его к достижению истины³.

Необходимо выделить принципы, охватывающие все институты и нормы доказательственного и всего процессуального права. Это: а) принцип законности, б) принцип всесторонности,

¹ А. Я. Вышинский, Уголовное судопроизводство, М., 1929, стр. 659.

² Вопрос о системе принципов советского уголовного процесса в данной работе не рассматривается. В литературе была предпринята попытка сконструировать для доказательственного права свои особые принципы. Так, М. С. Строгович считает, что принципами доказательственного права являются: 1) материальная истина как цель и результат пользования доказательствами; 2) внутреннее убеждение судей как основа оценки доказательств; 3) презумпция невиновности (М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 166—167). Аналогичную точку зрения высказал М. Л. Якуб («Демократические основы советского уголовного-процессуального права», М., 1960, стр. 109). Эта попытка вряд ли удачна. Во-первых, в доказательственном праве и доказывании находят применение и другие принципы уголовного процесса (законность, право на защиту, устность, непосредственность и т. д.). Во-вторых, названные принципы имеют общепроцессуальный характер.

³ Присоединяясь к этому мнению, Ц. М. Каз пишет: «...Попытки выделить какие-то специальные принципы доказывания, которые существовали бы наряду с общими принципами уголовного судопроизводства, параллельно им, не оправдывают себя... Или умаляется значение тех или иных начал судопроизводства и они сводятся только к доказыванию, или в вопросам доказывания применяется только действие некоторых положений, вытекающих из того или иного принципа» (Ц. М. Каз, Субъекты доказывания в советском уголовном процессе, Саратов, 1968, стр. 21).

полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела.

Их содержание и значение раскрываются в других, более конкретных принципах уголовного процесса. Последние применительно к сфере доказывания следует разделить на две группы.

К первой группе мы относим те принципы, которые прямо и непосредственно проявляют себя в сфере доказывания, хотя некоторые из них в какой-то части действуют и за его пределами: а) публичность процесса; б) независимость судей и подчинение их только закону; в) оценка доказательств по внутреннему убеждению; г) непосредственность и устность в восприятии и исследовании доказательств; д) право обвиняемого на защиту; е) прокурорский надзор; ж) судебный надзор.

Вторую группу составляют принципы, значение которых для доказательственного права состоит преимущественно в том, что они образуют как бы благоприятные условия развертывания процесса доказывания. Это: а) состязательность судебного разбирательства; б) гласность судебного разбирательства; в) национальный язык судопроизводства.

Принципы права вообще, процессуального и доказательственного в частности могут в известной мере рассматриваться как своеобразные аксиомы.

Аксиоматическое построение характерно для замкнутых дедуктивных систем, каковыми, например, являются математика и формальная логика. Их положения выводятся в виде необходимых следствий из ряда исходных аксиом, принимаемых без доказательств¹.

Право тоже в значительной мере формализованная система (оперирующая категориями должного). В социалистическом праве развиваются такие общие положения, как подлинная свобода, равенство, социалистический гуманизм, демократия и др., которые для права данной социальной системы имеют значение наиболее общих принципиальных положений. Эти общие положения конкретизируются в принципах отдельных отраслей права с учетом специфики предмета и метода правового регулирования каждой из них, а затем в отдельных правовых институтах и нормах права.

В процессуальных формах доказывания, как правило, одновременно проявляет себя несколько принципов уголовного процесса. Так, в процессуальной форме допроса обвиняемого выражены принципы законности, всесторонности, полноты и объек-

---

¹ И. Д. Андреев, О методах научного познания, М., 1964, стр. 171; А. А. Зиповьев, Два уровня в научном исследовании, «Диалектика — теория познания. Проблема научного метода», М., 1964, стр. 239—241.

тивности исследования обстоятельств дела, устности, непосредственности, национального языка судопроизводства, права обвиняемого на защиту и презумпции невиновности.

Процессуальная форма доказывания не произвольна, она выводится из принципов уголовного процесса, определяющих ее, по крайней мере, в наиболее существенных чертах. Принципы уголовного процесса можно рассматривать как своего рода «каркас», вокруг которого паразитируют уголовно-процессуальные формы и отношения, возникающие главным образом в связи с доказыванием.

Принцип законности составляет основу деятельности всех органов Советского государства, включая суд, прокуратуру и следственный аппарат.

В Программе КПСС указано, что правосудие в СССР должно осуществляться при строжайшем соблюдении судами, органами следствия и дознания законности, всех процессуальных норм¹.

При конструировании норм доказательственного права принцип социалистической законности выражается в соответствии их конституционным принципам и основным началам советского уголовного судопроизводства, согласованности этих норм между собой, в полноте правового регулирования процесса доказывания.

При осуществлении практической деятельности по применению норм доказательственного права принцип социалистической законности означает, что все действия суда, прокурора и органов расследования по собиранию, проверке и оценке доказательств, а также действия участников процесса, привлекаемых к нему лиц и органов должны находиться в полном и точном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона².

Принцип всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела находит выражение во всех институтах доказательственного права³. Он означает, что должны быть тщательно выяснены все существенные обстоятельства дела, в том числе смягчающие (устраняющие) уголовную ответственность; должны быть собраны, проверены и оценены все необходимые доказательства; подлежат тщательному выяснению не только обстоятельства самого преступления, но и обстоятельства, которые способствовали его совершению, а равно фактические данные, необходимые для разрешения гражданского иска; суд, прокурор и орган расследования обязаны соблюдать полную бес-

¹ См. «Программа КПСС», М., 1971, стр. 106.

² См. «Социалистическая законность и способы ее обеспечения» под ред. В. М. Чиквадзе, М., 1968.

³ См. Н. И. Николайчик, Е. А. Матвеев, Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования, Минск, 1969; «Уголовный процесс», под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 54—55.

пристрастность, непредвзятость в исследовании доказательств, не поддаваться влиянию заинтересованных в исходе дела лиц.

Принцип публичности в доказывании по уголовным делам состоит в том, что должностные лица и органы, в компетенцию которых входит применение норм доказательственного права, осуществляют свою деятельность от имени и в интересах государства и общества, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием¹. В частности, принцип публичности проявляется в правилах об обязанности доказывания, которая осуществляется органами государства независимо от позиции отдельных участников процесса.

Защита охраняемых законом личных интересов граждан, участвующих в доказывании, возложенная на следователя, прокурора, суд, является одним из существенных проявлений принципа публичности в доказывании.

Публичному началу в значительной мере подчинена деятельность всех участников уголовного процесса, отстаивающих свои законные интересы. Участник процесса, представивший доказательство, не может истребовать его обратно или запретить другому участнику ссылаться на него в обоснование своих утверждений.

Принцип независимости судей и подчинения их только закону (ст. 112 Конституции СССР) обеспечивает установление истины при судебном рассмотрении уголовного дела².

Независимость судей в процессе доказывания — это закрепленная законом независимость от каких бы то ни было посторонних влияний при определении порядка, пределов доказывания, при собирании, исследовании и оценке доказательств, независимость судей от позиций участников процесса и других лиц.

Независимость суда первой инстанции выражается и в том, что вышестоящий суд не вправе предопределять содержание его внутреннего убеждения при возвращении дела на новое рассмотрение, т. е. не вправе устанавливать и считать доказанными факты, отвергнутые или не установленные приговором, предрешать вопрос о доказанности обвинения или отдельных обстоятельств, достоверности и достаточности доказательств.

Принцип независимости и подчинения только закону применим, хотя и в несколько ограниченных по сравнению с судебной

---

¹ См. И. М. Гальперин, О принципе публичности (официальности) в советском уголовном процессе, «Правоведение» 1960 г. № 2, стр. 106 и след.

² О принципе независимости судей см. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 126; «Советский уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 49; В. Я. Дорохов, Принципы советского уголовного процесса, М., 1962; Р. Д. Рахунов, О юридических гарантиях независимости судей в советском уголовном процессе, «Советское государство и право» 1968 г. № 4, стр. 50—56.

деятельностью пределах. К доказыванию на предварительном следствии (ст. 20 Основ, ст. 127 УПК РСФСР) ¹.

Принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению состоит в том, что следователь, прокурор и суд устанавливают достоверность и достаточность доказательств для выводов о подлежащих доказыванию обстоятельствах, исходя из своего собственного убеждения, основанного на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех имеющихся в деле доказательств; при оценке доказательств они руководствуются указаниями закона и своим социалистическим правосознанием ².

Принцип непосредственности предполагает определенный порядок пользования доказательствами. Говоря о принципе непосредственности в процессе доказывания, следует иметь в виду, что применяемая в связи с этим терминология имеет несколько условный характер. Речь идет о непосредственном восприятии не самого исследуемого события, а различных видов информации о нем. Он направлен на то, чтобы следователь, судья:

- а) лично устанавливали и исследовали факты, доступные непосредственному восприятию;
- б) лично воспринимали показания свидетелей, потерпевших, обвиняемых, а также исследовали заключения экспертов;
- в) лично исследовали документы и вещественные доказательства.

Таким образом, существо принципа непосредственности состоит в: а) использовании первоисточников сведений о фактах во всех случаях, когда это возможно; б) обеспечении непосредственного контроля следователя и суда за поступлением в дело сведений о фактах, которые будут положены в основу выводов; в) обеспечении проверки точности и полноты восприятия и запечатления информации допрашиваемым лицом, подлинности и точности отображения события в вещественных доказательствах и документах; г) самостоятельном характере судебного следствия.

¹ О соотношении между независимостью следователя и указаниями прокурора см. § 2 гл. VIII.

² Принцип оценки доказательств по внутреннему убеждению нельзя считать производным от принципа независимости судей и подчинения их только закону. Система формальных доказательств выдвигала принцип подчинения судей только закону, который был настолько сильным, что закон не допускал даже собственного мнения судей о ценности доказательств. Принцип свободной не связанной законом оценки достоверности и достаточности доказательств возник как противопоставление принципу легальной (законной) оценки доказательств. Принцип независимости судей и подчинения их только закону следует рассматривать как важную гарантию действительной свободы, несвязанности внутреннего убеждения судей, но он никоим образом не отвечает на вопрос о методе оценки доказательств. Раскрытие этого метода составляет содержание другого, вполне самостоятельного принципа советского уголовного процесса — принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе. Этот принцип подробно рассматривается в гл. VII.

Закон формулирует принцип непосредственности применительно к стадии судебного разбирательства (ст. 37 Основ, ст. 240 УПК РСФСР), однако этот принцип в известной мере может быть распространен и на стадию предварительного расследования.

Но в отличие от суда следователь может и не воспринимать непосредственно все те доказательства, которые послужили основанием его выводов по делу. Доказательства могут быть выявлены и процессуально закреплены другим следователем, участвующим в бригаде следователей или выполняющим отдельное поручение (требование); прокурором, принявшим на себя производство отдельных следственных действий; работником органа дознания, выполняющим поручение следователя.

Непосредственность обеспечивает наиболее правильную передачу сведений о происшедших событиях. Чем больше промежуточных ступеней в передаче сведений, тем больше возможность допущения неточностей, внесения посторонних элементов или пропуска существенного при передаче информации.

Одним из важных выражений принципа непосредственности является требование закона о том, чтобы в основу приговора были положены лишь те доказательства, которые были исследованы на судебном следствии (ст. 43 Основ, ст. 301 УПК РСФСР), а также правило, согласно которому участники судебных прений не вправе ссылаться на доказательства, не проверенные на судебном следствии (ст. 295 УПК РСФСР).

Принципом непосредственности обусловлено и правило о том, что если кто-либо из судей вследствие болезни или по другой причине лишен возможности продолжать слушание дела и поэтому заменяется другим, то доказывание в судебном разбирательстве начинается снова: новый судья, заменивший выбывшего, должен иметь возможность непосредственно исследовать все доказательства по делу. Важными гарантиями соблюдения принципа непосредственности служат правила, ограничивающие возможность оглашения в суде протоколов допросов обвиняемых, потерпевших, свидетелей, заключений экспертов и требующие, чтобы соответствующие лица были вызваны и допрошены судом (ст.ст. 281, 286, 287 УПК РСФСР).

Устность уголовного судопроизводства (ст. 37 Основ) обеспечивает в сфере доказывания непосредственность при собирании и исследовании доказательств, имеющих форму показаний. Она вместе с тем необходимое условие судебного разбирательства¹.

¹ Некоторые процессуалисты определяют устность как «форму общения между судом и участниками процесса» (М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 367; И. Д. Перлов, Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 25). Такое определение принципа устности представляется неполным. Устность — это не только форма общения, но и метод исследования доказательств, обеспечивающий их непосредственное восприятие участниками процесса.

Право на защиту (ст. 111 Конституции СССР, ст. 46 УПК РСФСР) является необходимым условием достижения истины и охраны законных интересов граждан, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления.

«Пронизывая» институты и нормы доказательственного права, этот принцип определяет вместе с другими принципами уголовного процесса порядок, форму и содержание доказывания так, чтобы были обеспечены законные интересы обвиняемого, в частности возможность активно участвовать в собирании, исследовании и оценке доказательств¹.

Перейдем к рассмотрению второй группы принципов.

*Принцип состязательности*² определяет такой порядок доказывания в суде, при котором:

а) орган, поддерживающий в суде обвинение, не принимает решения по делу, что, иными словами, означает отделение функции обвинения от функции разрешения судом дела по существу;

в) участникам судебного разбирательства предоставляются равные права по участию в доказывании, заявлению ходатайств и отводов;

в) обвиняемый имеет реальную возможность, осуществляя предоставленные ему законом права, самостоятельно и через защитника опровергать обвинение, доказывать свою невиновность.

Принцип состязательности в советском уголовном процессе не препятствует суду собирать доказательства по собственной инициативе и принимать решения, не зависящие от требований участников процесса. Иными словами, он предполагает активную роль суда и председательствующего в доказывании.

С точки зрения методологии доказывания этот принцип соответствует общепризнанному положению о том, что истина устанавливается путем полемики и что истинные факты познаются при столкновении противоречивых утверждений.

Существенное влияние на процесс доказывания оказывает *принцип гласности* судопроизводства, в соответствии с которым судебное разбирательство происходит открыто, в присутствии граждан, с обеспечением возможности оповещать общественность о ходе и результатах рассмотрения дела в суде через печать, радио, телевидение, а также посредством устных выступлений пред-

¹ Конкретные формы реализации права на защиту в доказывании рассмотрены в § 5 гл. VIII.

² Обоснование принципа состязательности дано в работах: И. Д. Перлов, Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 31—35; Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 99—108; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968, стр. 149—156; В. Я. Дорохов, Принципы советского уголовного процесса, М., 1962, стр. 35—36, и др.

ставителей органов, ведущих производство по делу, и других лиц¹.

Атмосфера гласности судопроизводства — эффективное средство обеспечения законности в ходе доказывания.

Случаи ограничения гласности исчерпывающе определены законом (ст. 12 Основ, ст. 18 УПК РСФСР).

Принцип национального языка судопроизводства обеспечивает реальное осуществление гласности, устности, состязательности и других принципов уголовного процесса в условиях Советского многонационального государства. В связи с осуществлением принципа национального языка судопроизводства в определенных случаях возникает необходимость введения в процесс доказывания особой процессуальной фигуры — переводчика.

Так как участие переводчика в доказывании означает введение дополнительной ступени в передаче информации следователю и суду, возникает необходимость делать предметом оценки такие факторы, которые могли повлиять на полноту, объективность и правильность перевода (выявление оснований для отвода переводчика, соблюдение процессуальных правил допроса с участием переводчика и др.).

Принцип прокурорского надзора применительно к доказыванию означает, что особый орган государства — прокурор — осуществляет надзор за соблюдением законности в доказывании на всех стадиях судопроизводства, а в необходимых случаях и сам осуществляет доказывание, направляя его в сторону объективного, всестороннего и полного выяснения обстоятельств уголовного дела и установления истины².

Возбуждая уголовное дело, прокурор производит оценку поступивших к нему материалов, устанавливает наличие признаков преступления в событии или деянии, которое должно стать предметом дальнейшего расследования. Прокурор осуществляет надзор за законностью и обоснованностью возбуждения дела органами расследования и судом.

В стадии предварительного расследования прокурор направляет доказывание в сторону установления истины при строгом соблюдении законных интересов граждан.

---

¹ Принцип гласности способствует воспитательному и общепредупредительному воздействию процесса с тем, чтобы члены общества выносили из суда «уроки общественной морали и практической политики» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 407—408). О гласности уголовного процесса см. И. И. Мартинович, Гласность в советском уголовном судопроизводстве, Минск, 1968; А. А. Шуханович, Гласность в советском уголовном процессе, Тбилиси, 1969.

² См. В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, М., 1971; В. И. Басков, О. П. Темушкин, Прокурор в суде второй инстанции, М., 1972, и др.

Участие прокурора в работе распорядительного заседания суда способствует тщательному выяснению вопроса о достаточности доказательств для слушания дела в судебном заседании.

В стадии судебного разбирательства прокурор осуществляет надзор за законностью; обосновывает доказательствами обвинительный тезис; деятельно участвует в исследовании доказательств; ставит перед судом вопрос об устранении нарушений закона, допущенных участвующими в доказывании лицами; ходатайствует перед судом об истребовании доказательств, исследовании версий и проверке обстоятельств дела; производит оценку исследованных судом доказательств, представляя суду свои соображения о том, как необходимо разрешить дело.

Прокурорский надзор в стадиях кассационного и надзорного производства, а также при пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам подчинен задаче обнаружения и исправления судебных ошибок, укреплению законности в деятельности органов расследования и судов, охране прав граждан. Основными формами осуществления прокурорского надзора в доказывании на этих стадиях процесса является ознакомление с приговорами (иными решениями) судов и изучение уголовных дел; принесение протестов; представление в вышестоящий суд новых материалов; поддержание протестов в суде; дача заключений в вышестоящем суде.

Принцип судебного надзора в советском уголовном процессе обычно понимают как право вышестоящих судов контролировать законность и обоснованность приговоров и иных актов, принимаемых нижестоящими судами (ст. 19 Основ). Представляется, что данный принцип имеет более широкую область применения, так как судебный надзор в широком смысле включает и деятельность судов первой инстанции, контролирующей законность и обоснованность актов предварительного следствия.

Рассмотрение дела в судебном заседании — одна из самых важных форм осуществления контроля за законностью и обоснованностью выводов следователя и прокурора по уголовному делу. В частности, суд проверяет: достаточно ли полно, всесторонне и объективно собирались и оценивались доказательства; были ли исследованы на предварительном следствии все обстоятельства дела, все версии, подлежащие проверке; соблюдены ли требования закона при собирании и оценке доказательств; подтверждены ли выводы следователя и прокурора по делу достаточными и достоверными доказательствами и т. д.

Задача судебного надзора, осуществляемого при пересмотре дел в кассационном и надзорном порядке, — обеспечение законности в доказывании на всех предшествующих стадиях¹.

¹ И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, М., 1968; В. Б. Алексеев, Оценка доказательств в стадии надзорного производства, М., 1971; «Уголовный процесс», М., 1972, и др.

Следует остановиться на характеристике процессуальных гарантий в доказывании.

Процессуальная форма и процессуальные гарантии в доказывании — понятия, тесно между собой связанные. Различие между ними в том, под каким углом зрения рассматриваются нормы доказательственного права и соответствующие им правоотношения.

Понятие процессуальной формы имеет значение по отношению к тому содержанию, которое она «формирует». Таким содержанием является сама деятельность субъектов доказывания и иных участвующих в доказывании лиц, упорядоченная благодаря наличию процессуальной формы.

Процессуальные гарантии — это та же процессуальная форма, но рассматриваемая под другим углом зрения, а именно как средство достижения определенных целей правосудия.

Процессуальные гарантии в доказательственном праве обеспечивают достижение истины по уголовным делам, охрану прав и законных интересов граждан, участвующих в доказывании, и воспитательное воздействие на граждан процесса доказывания¹.

Реально почти каждая процессуальная гарантия одновременно выполняет все три функции. Так, процессуальные правила допроса свидетеля подчинены задаче всестороннего и полного выяснения обстоятельств дела, т. е. установлению объективной истины, но их соблюдение гарантирует и законные интересы самого свидетеля, обвиняемого, а также других субъектов доказывания и в то же время способствует воспитательному воздействию судопроизводства на граждан.

Процессуальные гарантии составляют иерархию правовых требований — от принципов процесса до конкретных норм.

Так, гарантией установления истины по уголовному делу является соблюдение принципа полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела. Соблюдение этого принципа в свою очередь обеспечивается рядом гарантий, и в частности правом обвиняемого на защиту. Последнее обеспечивается предоставлением обвиняемому конкретных прав в доказывании, в том числе права давать объяснения (показания) по предъявленному обвинению. Право обвиняемого давать объяснения (показания) обеспечивается рядом конкретных процессуальных правил, регламентирующих порядок получения объяснений (показаний).

Понятие процессуальных гарантий применимо и к отдельным способам получения доказательств. В этом смысле можно

---

¹ См. С. А. Александров, Понятие уголовно-процессуальных гарантий, «Материалы конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1966 год», Свердловск, 1968, стр. 159—161.

говорить о процессуальных гарантиях достоверности и полноты свидетельских показаний, заключения эксперта, осмотра, освидетельствования и т. д.

В Советском общенародном государстве процессуальные гарантии являются выражением режима социалистической законности и демократии.

Из всей совокупности процессуальных гарантий можно выделить такие, которые определяют порядок доказывания безотносительно к отдельным участникам судопроизводства (правила допустимости доказательств, принципы оценки доказательств и т. д.). В то же время существуют процессуальные гарантии, которые специально приспособлены для защиты законных интересов отдельных участников судопроизводства — обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика (их представителей), лиц, подвергаемых обыску, освидетельствованию, экспертизе и т. д.¹.

Обеспечивая защиту законных интересов граждан, участвующих в уголовном процессе, указанные группы гарантий одновременно служат установлению истины.

Законодатель стремится найти в процессуальных гарантиях оптимальное соотношение интересов государства, связанных с раскрытием преступлений, и интересов отдельной личности, привлекаемой к участию в процессе.

Интересы раскрытия преступлений требуют в конкретных случаях известного ограничения личных прав и интересов отдельных граждан. Это возможно лишь при наличии установленных законом оснований и при соблюдении процессуальной формы доказывания. При противодействии законным требованиям органов государства некоторые ограничения прав и интересов граждан могут быть осуществлены принудительно. Однако характер и формы такого принуждения в свою очередь ограничены. И это понятно: нельзя добиваться истины любыми средствами, например ценой причинения вреда здоровью граждан, оскорбления их достоинства.

Ниже будут рассмотрены некоторые ситуации, когда при осуществлении доказывания в целях установления истины возникает вопрос о мерах, связанных с ограничением прав граждан.

Такой вопрос встает, в частности, в связи с необходимостью задержания, заключения под стражу и избрания других мер пресечения; обеспечения явки граждан, имеющих отношение к делу, к месту следствия и в суд; осмотра и изъятия вещественных признаков преступления на теле или одежде человека,

¹ См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 56.

исследования психических и физиологических функций человеческого организма.

Задержание подозреваемого может иметь прямое отношение к доказыванию, так как в результате применения этой меры принуждения в ряде случаев пресекается возможность уничтожения или фальсификации доказательств и обеспечивается их своевременное обнаружение и изъятие (п. 3 ст. 122 УПК РСФСР).

Заключение под стражу может быть применено по указанному в законе кругу дел при наличии достаточных оснований считать, что обвиняемый, находясь на свободе, будет препятствовать установлению истины по делу (ст. ст. 89, 96 УПК РСФСР).

Тем самым пресекается деятельность обвиняемого, направленная на сокрытие, уничтожение или фальсификацию доказательств, создаются условия для обнаружения доказательств, находящихся при обвиняемом, в его жилище и т. д., а также обеспечивается явка обвиняемого на допрос к следователю и в суд для получения от него показаний по существу дела.

По многим делам следователь и суд были бы лишены возможности установить истину без правдивых показаний свидетелей и потерпевших. Получение таких показаний обеспечивается, во-первых, сознательностью советских граждан, во-вторых, возможностью применения мер процессуального и уголовно-правового принуждения.

Если свидетель или потерпевший без уважительных причин не является для дачи показаний по вызову следователя, органа дознания, прокурора и суда, то эти органы вправе подвергнуть его приводу (ст. ст. 73, 75 УПК РСФСР). Привод может быть применен и в отношении обвиняемых (подозреваемых).

Аналогичное правило установлено в отношении экспертов, уклоняющихся от явки по вызову органа расследования и суда (ст. 82 УПК РСФСР).

Явка свидетелей и потерпевших для дачи показаний, эксперта — для производства экспертизы обеспечивается не только процессуальным принуждением, но и возможностью применения уголовно-правовых санкций за отказ или уклонение от дачи показаний либо исполнения обязанностей эксперта (ст. 182 УК РСФСР).

В этих случаях законодатель ставит на первое место публичный интерес раскрытия преступлений, требуя подчинения ему частных интересов свидетелей и потерпевших, не всегда заинтересованных в конкретном случае в установлении истины по делу.

Вопрос о пределах возможного ограничения права неприкосновенности личности возникает и в случаях, когда необходимы:

1) медицинское вторжение в организм человека (операция) либо применение специальных медицинских методов обследования

ния, диагностики, извлечения инородных тел (рентген, промывание желудка, анализы крови, экскрементов и т. д.);

2) применение немедицинских методов изъятия у человека образцов для исследования;

3) помещение лица в медицинское учреждение;

4) осмотр тела человека, сопряженный или не сопряженный с нарушением чувства стыдливости.

Обнаружение и изъятие доказательств, связанные с вторжением в полости тела человека и постановкой в опасность его жизни и здоровья, недопустимы без согласия соответствующего лица, независимо от его процессуального положения. В частности, если условием извлечения вещественного доказательства из тела человека является операция¹, то должны действовать медицинские правила, требующие, чтобы она не была противопоказана с медицинской точки зрения и пациент дал согласие на ее проведение².

Применение специальных медицинских методов обследования, диагностики и извлечения инородных тел, небезопасных для здоровья или сопряженных с сильными болевыми ощущениями, также возможно лишь с согласия соответствующего лица — обвиняемого, потерпевшего. Согласия не требуется, если метод безвреден и не причиняет сильных болевых ощущений (например, рентгеноскопия).

Принудительное применение немедицинских методов изъятия образцов для исследования возможно, если это не сопряжено с действиями, унижающими достоинство человеческой личности. Допустимо, например, принудительное изъятие таких образцов для сравнения, как отпечатки пальцев, волосы, грязь под ногтями и т. д.

Принудительное помещение лица в медицинское учреждение для проведения медицинской или психиатрической экспертизы возможно лишь в отношении подозреваемого и обвиняемого (ст. 188 УПК РСФСР). В отношении потерпевшего и свидетеля эта принудительная мера недопустима, хотя бы она и могла способствовать более полному исследованию обстоятельств дела. Необходимо согласие потерпевшего и свидетеля на помещение его в медицинское учреждение, а если оно не получено, то следует довольствоваться амбулаторной экспертизой или искать другие средства установления соответствующих обстоятельств дела.

Вопрос о допустимости принудительного осмотра человеческого

¹ Такие случаи нечасты, но известны практике, например извлечение пули из тела потерпевшего для идентификации оружия и установления стрелявшего, иссечение кусочков ткани из опухоли, вызванной искусственно (членовредительство), и др.

² См. И. Л. Петрухин, Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 175—177.

тела при освидетельствовании, экспертизе, личном обыске и получении образцов для исследования достаточно сложен.

При его разрешении необходимо руководствоваться двумя основными критериями, а именно: 1) какое процессуальное положение занимает лицо, подвергаемое осмотру; 2) причиняет ли осмотр тела ущерб чувству стыдливости.

Осмотр тела, не причиняющий ущерба чувству стыдливости (не сопровождаемый обнажением), вполне допустим в отношении как обвиняемого (подозреваемого), так и потерпевшего. При отказе подвергнуться осмотру возможно принудительное проведение соответствующих действий.

Осмотр тела, который по необходимости сопровождается обнажением, также возможен, если осматриваемое лицо против этого не возражает. Трудности возникают лишь в случаях, когда осматриваемое лицо, ссылаясь на чувство стыдливости, возражает против осмотра его тела следователем, понятыми, врачом и тем самым (иногда преднамеренно) препятствует установлению истины.

Представляется, что в отношении обвиняемого (подозреваемого) принудительный осмотр тела возможен, поскольку собранными по делу доказательствами он изобличается в совершении преступления и проявляет понятную заинтересованность в сокрытии следов, орудий, предметов, находящихся при нем или на нем — в одежде, на теле, в полостях тела.

Лишить следователя возможности обнаружить и изъять эти следы, оружие, предметы, защищая чувство стыдливости обвиняемого, — значит сделать невозможным установление истины по многим уголовным делам и причинить ущерб государству и обществу.

Но в отношении потерпевшего решить этот вопрос гораздо сложнее. По этому вопросу высказаны две точки зрения. Сторонники одной из них считают, что потерпевшего можно принудительно подвергнуть экспертизе и освидетельствованию, так как нельзя ставить раскрытие преступления в зависимость от его усмотрения¹.

Сторонники другой точки зрения полагают, что потерпевший не может быть принудительно, помимо своей воли, подвергнут экспертизе и освидетельствованию, так как закон заботится не только об установлении истины, но и о том, чтобы она достигалась

---

¹ А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1956; Г. М. Миньковский, Пределы доказывания в советском уголовном процессе, М., 1961, стр. 23—94; В. М. Савицкий, И. И. Потеружа, Потерпевший в советском уголовном процессе, М., 1963, стр. 65; В. И. Каминская, цит. статья, «Советское государство и право» 1968 г. № 10, стр. 31; «Уголовный процесс» под ред. М. А. Чельцова, М., 1969, стр. 227.

средствами, не ущемляющими законных интересов личности¹. В таких случаях необходимо, считают сторонники этой точки зрения, применять убеждение либо ввести административную ответственность.

В процессе совершенствования закона следовало бы уточнить пределы и характер мер, которые могут быть применены в подобных случаях².

Необходимо указать еще две группы мер, применение которых в ряде случаев обеспечивает установление истины по делу.

Одна из них представляет собой основанное на законе ограничение права неприкосновенности жилища (осмотр, выемка, обыск), а другая — права тайны переписки (арест на почтовую-телеграфную корреспонденцию, ее осмотр и выемка).

Указанные ограничения могут быть применены не только в отношении обвиняемого и подозреваемого, но и иных лиц, например переписывавшихся с обвиняемым, принявших у него похищенные вещи и т. д.

Таким образом, процессуальные гарантии обеспечивают одновременно как достижение истины по уголовным делам, так и охрану прав и законных интересов личности. При наличии коллизий охраняется та ценность, которую государство и общество признают более существенной. В одних ситуациях этой ценностью является раскрытие преступления, в других (они были рассмотрены выше) — охрана прав и законных интересов личности.

§ 4. ПРЕЗУМПЦИИ И ПРЕЮДИЦИИ В ДОКАЗЫВАНИИ

Процесс доказывания включает в себя использование презумпций и преюдиций. Учение о презумпциях в праве охватывает большой круг вопросов, относящихся как к общей теории права, так и к отраслевым правовым наукам³; составная его часть — возможности и пределы использования презумпций в доказывании по уголовным делам⁴.

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 126; И. Л. Петрухин, Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 176—177.

² Нельзя не учитывать при этом, что по смыслу ст. 127 УПК РСФСР постановления следователя, в частности о назначении экспертизы и проведении освидетельствования (ст. 181 УПК РСФСР), обязательны для лиц, которых они касаются, в том числе для потерпевшего (примечание редакции).

³ См. В. К. Бабаев, Презумпция в советском праве. Автореферат кандидатской диссертации, Свердловск, 1969.

⁴ С. В. Курылев справедливо отметил, что вопрос о презумпциях и преюдициях разработан в гражданском процессе значительно лучше, чем в уголовном, для которого презюмирование считалось некоторыми авторами неприемлемым (С. В. Курылев, Основы теории доказывания в советском правосудии, Минск, 1969, стр. 73).

Под презумпцией обычно понимают общее правило, отображающее устойчивые, неоднократно наблюдаемые связи между фактами, событиями, явлениями, состояниями, свойствами. Применение презумпций состоит в том, что при наличии (установлении) одного из фактов, связь которых выражена презумпцией, делается вывод о существовании другого факта; последний, таким образом, выводится из презумпции (презюмируется).

Презумпции имеют статистическую природу. Они верны для большинства случаев данного рода, но допускают и исключения. В этом смысле презумпция — это предположение, что обычно наблюдаемая связь между фактами, весьма вероятно, существует и в данном конкретном случае.

Высказывалось мнение, что презумпции — это «индуктивные умозаключения, основанные на так называемых эмпирических законах, а не научных закономерностях общественной жизни»¹.

Действительно, наблюдение, накопление фактического материала, опыт составляют необходимую предпосылку формулирования презумпций, что позволяет говорить о преобладающем значении индукции в этом познавательном процессе. Однако неверно считать, что презумпция только индуктивное эмпирическое обобщение и в ее формулировании не участвует дедукция, что презумпция не может выражать закономерность. В этом можно убедиться на примере презумпции, устанавливающей связь между фактом достижения лицом определенного возраста и его способностью понимать значение противоправных действий и руководить своим поведением. Первоначально эта презумпция была результатом приблизительных эмпирических обобщений, не имевших научного обоснования. В настоящее время достижения психологии, психиатрии, педиаτρии позволяют на научной основе установить минимальный возраст уголовной ответственности и дифференцировать его в зависимости от формы и характера правонарушений. Презумпция, таким образом, становится выражением научной закономерности. Однако от этого она не перестает быть презумпцией, так как выражает лишь среднюю статистическую величину, от которой в отдельных случаях возможны отклонения (раннее интеллектуальное развитие или, наоборот, возрастное отставание психики). При установлении возраста уголовной ответственности законодатель исходит именно из средней статистической величины, предусматривая вместе с тем возможность (ст. 392 УПК РСФСР) в конкретном случае доказывать, что возрастное отставание пси-

---

¹ В. И. Каминская, Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе, М. — Л., 1947; см. также В. К. Бабаев, Автореферат, стр. 2; В. П. Воложанин, К вопросу о юридических предположениях в советском гражданском праве и процессе, «Вопросы советского гражданского права и процесса», «Ученые записки Свердловского юридического института», т. 3, 1955, стр. 188.

хники исключает возможность привлечения к уголовной ответственности (§ 2, 3 гл. III).

В логическом отношении презумпция представляет так называемое условное или гипотетическое вероятностное суждение, которое можно выразить формулой: «Если есть А, то, весьма правдоподобно, есть и В» или «Большинство А есть В». Например: «Если приговор вступил в законную силу, то все изложенное в приговоре, как правило, истинно», иными словами: «Большинство вступивших в законную силу приговоров отражает истину».

Неопровержимые презумпции имеют жесткую логическую структуру: «Если есть А, то есть В», «Все А есть В». Но это квазиструктура, объясняемая потребностями единообразного правового регулирования (см. ниже). На самом деле характеристика логической структуры любой презумпции и вывода из нее не может обойтись без указания на вероятность достаточно высокой степени. Презумпции всегда допускают исключения из формулируемых ими правил.

Презумпции, применяемые в доказывании, делятся на правовые (легальные, законные) и фактические.

Первые прямо установлены законом или могут быть выведены из него, вторые не установлены законом.

Правовая презумпция — это закрепленное в законе правило, предполагающее наличие или отсутствие фактов до представления доказательств противного (опровержимая презумпция) или запрещающее их опровержение (неопровержимая презумпция). Это правило применяется лишь при достоверном установлении факта (принятии акта), с которым закон связывает действие презумпции. Правовая презумпция учитывает реальные связи и зависимости и потому правильно отражает подавляющее большинство ситуаций, на которые рассчитана¹.

В советской юридической науке получила известное распространение точка зрения, отрицавшая значение презумпций. Ее питало представление о фиктивном и сугубо формальном характере презумпций в буржуазном праве, из чего делался вывод, что и в советском праве им нет места².

¹ См. также В. К. Бабаев, Автореферат, стр. 3.

² С. А. Голунский считал, что «всякие презумпции, какие бы они ни были, представляют собой попытку создать абстрактную истину, оторванную от конкретных обстоятельств данного дела» («Проблемы уголовной политики» 1937 г., кн. 4, стр. 59).

По мнению В. С. Тадевосяна, «нет надобности... в каких-либо предвзятых предположениях, презумпциях» («К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе», «Советское государство и право» 1948 г. № 6, стр. 70).

В. Д. Арсеньев отрицает презумпции в советском уголовном процессе на том основании, что все факты уголовного дела должны быть доказаны, но в то же время признает их наличие в советском гражданском процессе («О фактах, не подлежащих доказыванию...», «Правоведение» 1965 г. № 1, стр. 99—100).

Эти взгляды в настоящее время не разделяются большинством советских юристов, считающих, что в советском праве презумпции не имеют характера фикций. Они представляют собой проверенные практикой обобщения высокой степени вероятности, как правило, допускающие учет специфики не охватываемых ими случаев. Презумпции служат единообразному правовому регулированию, стабильности правопорядка, защите прав граждан. Они помогают установить рациональный и справедливый порядок доказывания обстоятельств дела путем распределения обязанности доказывания между участниками процесса¹.

Опровержение правовых презумпций не следует понимать как опровержение истинности суждения, охватываемого презумпцией. Это суждение дает объективную оценку определенному социальному явлению, хотя и содержит вероятностную его характеристику. Поэтому широко используемое в юридической литературе понятие «опровержение презумпции» следует понимать в том смысле, что опровергается ее применимость к данному конкретному случаю.

Закон, как уже отмечалось, устанавливает и некоторые неопровержимые презумпции. К их числу относится, например, упомянутая презумпция «неразумения» лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Очевидно, для некоторого количества случаев неопровержимая правовая презумпция в действительности могла бы быть опровергнутой, хотя закон этого не допускает.

Поскольку количество таких ситуаций ничтожно, закон в интересах единообразного правового регулирования и создания максимальных гарантий охраны прав граждан пренебрегает этими случаями².

Простейшие презумпции как приблизительные обобщения, введенные из длительных наблюдений и отражающие обычный порядок вещей, давно применялись в судебной деятельности. Многие из них были усвоены законодательством эпохи формальных доказательств. Так, правило, согласно которому признание обвиняемого считалось решающим доказательством, достаточным для вынесения обвинительного приговора, было основано на предпо-

¹ См. В. К. Бабаев, Презумпции в советском праве. Автореферат кандидатской диссертации, Свердловск, 1969; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 147, 349—353; «Демократические основы советского социалистического правосудия», М., 1965, стр. 47—49; «Социалистическая законность и способы ее обеспечения», под ред. В. М. Чхиквадзе, М., 1968, стр. 182—183.

² Некоторые авторы отрицают наличие неопровержимых презумпций в советском праве (С. В. Курылев, указ. работа, стр. 77; В. П. Боложанин, указ. статья, стр. 190). Другие авторы считают, что в некоторых случаях законодательное установление неопровержимых презумпций необходимо (В. К. Бабаев, Автореферат, стр. 8). В дальнейшем мы постараемся показать, что в доказывании по уголовным делам неопровержимые презумпции играют важную роль.

ложении, что в подавляющем большинстве случаев невиновный человек не станет изобличать самого себя (эта презумпция до сих пор действует в англо-американском процессе). Правило о том, что изобличающих показаний родителя достаточно для признания виновным сына или дочери, было основано на предположении, что родитель не станет оговаривать своих детей, и т. д.

Презумпции инквизиционного судопроизводства были ненаучными, примитивными обобщениями, отражающими общественный уклад жизни и сравнительно невысокий уровень знаний той эпохи, распространенные в то время предрассудки и заблуждения. Неудивительно, что применение в доказывании таких презумпций часто вело к судебным ошибкам.

Доказательственное право ряда буржуазных государств сохранило обилие формальных правил, являющихся по своей природе презумпциями. Многие из них представляют собой обобщения, которые в применении к конкретным случаям нередко оказываются ошибочными¹. Презумпции советского уголовного процесса отражают реальные связи и статистические закономерности.

Законные презумпции по сфере своего действия делятся на общеправовые, межотраслевые и отраслевые.

Общеправовые и межотраслевые презумпции находят применение и в доказывании по уголовным делам, проявляясь в презумпциях уголовно-правовых и уголовно-процессуальных.

Уголовно-правовые презумпции выражают такие связи между фактами, которые обуславливают наличие или отсутствия предпосылок применения уголовного закона. Значение уголовно-правовых презумпций для процесса доказывания по уголовным делам состоит прежде всего в указании обстоятельств, не подлежащих доказыванию, и введении критериев относимости доказательств.

Выше неоднократно упоминалась презумпция «неразумения», связанная с фактом недостижения обвиняемым возраста уголовной ответственности. Поскольку этот факт установлен, исключается возможность доказывать в рамках уголовного дела такие обстоятельства, как понимание обвиняемым общественной опасности совершенного им деяния и способность руководить собой при его совершении.

¹ Англо-американскому доказательственному праву известны, например, такие презумпции: если у лица, обвиняемого в поджоге, будет обнаружено имущество, находившееся в сгоревшем доме, то такое лицо признается присутствовавшим при поджоге или имевшим к нему отношение; обнаружение у лица инструментов взлома в ночное время, а равно обнаружение у лица приспособлений, применяемых для изготовления фальшивых денег, предполагает его виновность в совершении соответствующего преступления; обнаружение в автомобиле револьвера предполагает, что он был у всех лиц, ехавших в автомобиле, и т. д. Бремя опровержения этих презумпций в англо-американском уголовном процессе, как правило, возложено на обвиняемого.

Очевидна, однако, ее роль при определении предмета и пределов доказывания.

Освобождая от доказывания вины лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, эта презумпция не освобождает, однако, от доказывания того, что действия совершены именно тем лицом, в отношении которого дело должно быть прекращено¹.

Каждый гражданин предполагается знающим уголовный закон, обнародованный в установленном порядке². Поэтому нет необходимости доказывать знание или незнание закона каждым обвиняемым. Но следователь и суд могут доказать неприменимость этой презумпции к данному случаю, если возникает обоснованное предположение, что обвиняемый в силу исключительных обстоятельств был лишен возможности знать о принятии нового закона.

В ст. 48 УК РСФСР выражена презумпция, предписывающая считать правонарушителя не представляющим общественной опасности, если со времени совершения преступления прошли указанные в законе давностные сроки и давность не была прервана. Это неопровержимая презумпция.

Доказательственное значение ее состоит в следующем: достаточно установить, какое было совершено преступление и факт истечения сроков давности, чтобы сделать ненужным выявление и уточнение других элементов предмета доказывания (например, субъекта преступления, смягчающих и отягчающих обстоятельств).

Уже приведенный по необходимости неполный перечень уголовно-правовых презумпций свидетельствует, что они (как и вообще правовые презумпции) существенно влияют на ряд исходных позиций при доказывании. Отсюда и очевидность требования их обоснованности. Игнорирование этого положения в нормотворческой деятельности, правовой науке и практике может ограничить доказывание искусственными пределами, породить формализм и привести к судебным ошибкам. Сказанное в полной мере

---

¹ В. Д. Арсеньев считает, что данная презумпция не имеет к доказыванию «никакого отношения» («О фактах, не подлежащих доказыванию...», стр. 100).

² В этом находит одно из проявлений общеправовая презумпция знания закона. Ее действие и условия опровержения в гражданском процессе рассмотрены В. П. Воложаниным (указ. статья, стр. 194).

В. Д. Арсеньев утверждает, что знание обвиняемым уголовных законов «связано не с вышеуказанной презумпцией, а с конституционной обязанностью граждан знать и соблюдать законы» (цит. статья, стр. 101). Однако сама обязанность граждан исполнять законы (обязанности знать законы Конституция СССР не устанавливает) основана на предположении (презумпции), что подавляющее большинство граждан в состоянии знать и понимать законы. Для тех, кто был лишен такой возможности, допустимо опровержение данной презумпции с помощью доказательств.

относится и к уголовно-процессуальным презумпциям, к рассмотрению которых мы переходим.

Презумпция невиновности как правовой принцип была впервые провозглашена во Франции пришедшей к власти буржуазией. Она получила закрепление в ст. 9 Декларации прав человека и гражданина 1789 года в следующей формулировке: «Так как каждый человек предполагается невиновным, пока его не объявят (по суду) виновным, то в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для обеспечения (за судом) его личности, должна быть строго караема законом».

В условиях буржуазного государства презумпция невиновности была и остается прогрессивным правовым принципом, который может быть использован для ограничения произвола судебной и полицейской власти, для защиты личности от необоснованных обвинений. Понятно поэтому, что представители антропологической и социологической школ буржуазного уголовного права повели атаку на презумпцию невиновности, рассматривая этот принцип как помеху репрессивным мероприятиям государства в отношении субъектов, находящихся в «опасном состоянии», относящихся к «преступным типам» личности.

Тенденциозность, ограничение гарантий личности, фактический отказ от презумпции невиновности характерны для современной теории и практики буржуазного судопроизводства, о которой Хаутс пишет: «Я был поражен отношением многих судей к своему делу. Их грубость и бесцеремонность, проявляемые в течение многих лет судебной работы, выработали у них такое мнение, что каждый обвиняемый в преступлении является обязательно виновным. Они считают, что любое выдвигаемое алиби есть не что иное, как мошенничество, и часто забывают, что правдивое алиби существует»¹.

Современный американский автор Коллисон, отвергая презумпцию невиновности, считает ее «одной из многих абсурдных юридических теорий»².

В этих условиях победой прогрессивных сил является то, что презумпция невиновности нашла отражение во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. при участии Советского Союза. В ст. 11 Декларации она сформулирована следующим образом: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты»³.

¹ Marshall Houts. From Evidence to Proof. Springfield, 1956, p. 32.

² Коллисон, Неправосудные суды, М., 1961, стр. 85.

³ «Курьер», изд. ЮНЕСКО, декабрь 1963 г., стр. 16.

Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый XXI сессией Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г. при участии Советского Союза, в ст. 14 закрепил презумпцию невиновности в следующей формулировке: «Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону»¹.

На страницах журнала «Коммунист» справедливо указывалось, что «прогрессивный и демократический принцип презумпции невиновности только в социалистическом праве получил последовательное и полное осуществление как выражение социалистического демократизма и подлинной, а не формальной демократии»².

Содержание презумпции невиновности применительно к доказыванию в советском уголовном процессе можно сформулировать следующим образом: лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке при соблюдении демократических принципов советского уголовного судопроизводства.

Презумпция невиновности вытекает из ряда норм советского права³. Конституция СССР (ст. 111) предоставляет обвиняемому право на защиту. Если обвиняемый имеет право опровергать выдвинутые против него обвинения, значит, законодатель не рассматривает эти обвинения как уже доказанные, т. е. не считает обвиняемого виновным.

---

¹ «Советский Союз и Организация Объединенных Наций (1961—1965 гг.)», М., 1968, стр. 625.

² П. И. Кудрявцев, Против упрощенчества и вульгаризации, «Коммунист» 1959 г. № 14, стр. 119; см. также Р. Рахунов, Законность и правосудие, «Правда» 22 сентября 1965 г.

³ Презумпция невиновности сформулирована в законодательстве ряда социалистических стран. УПК ЧССР установил: «До тех пор, пока вошедшим в законную силу приговором наличие вины не установлено, лицо, против которого ведется уголовное производство, нельзя рассматривать как виновное» (п. 2 § 2).

В ст. 8 УПК Болгарской Народной Республики говорится, что «обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока не установлено обратное».

В § 6 (2) УПК ГДР установлено: «Ни с кем нельзя обращаться как с виновным в совершении преступного деяния до тех пор, пока его уголовная ответственность не будет доказана и установлена вступившим в законную силу приговором».

При наличии сомнений решение должно выноситься в пользу обвиняемого или подсудимого. Это правило вытекает из ст. 99 (2) Конституции ГДР, установившей, что деяние только тогда влечет уголовную ответственность, когда вина доказана несомненно.

УПК СФРЮ в ст. 3 устанавливает: «Никто не может быть признан лицом, совершившим преступление, до тех пор, пока это не будет установлено вступившим в законную силу приговором».

Презумпция невиновности сформулирована в ст. 7 Основ уголовного судопроизводства, где говорится: «Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда». В этой формулировке действие презумпции связывается не только с признанием лица виновным, но и с определением наказания. В процессуальном смысле презумпция невиновности указывает момент в развитии производства по делу, когда виновность обвиняемого следует считать доказанной независимо от того, назначается или не назначается уголовное наказание.

Презумпция невиновности лежит в основе многих процессуальных норм. В ст. 36 Основ говорится, что судья выносит постановление о предании обвиняемого суду, «не предрешая вопроса о виновности». Статья 43 Основ устанавливает: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, если в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления доказана». Если же виновность обвиняемого в полной мере доказать не удалось, то должен быть вынесен оправдательный приговор, которым обвиняемый признается невиновным. При этом оправдательный приговор не может содержать сведений, ставящих под сомнение невиновность оправданного (ст. 314 УПК РСФСР).

Статья 14 Основ освобождает обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность, из чего следует, что закон предполагает его невиновным, пока следователь, прокурор и суд на основе доказательств не придут к выводу о его виновности.

Требования закона, выражающие презумпцию невиновности, последовательно проводятся в судебной и следственной практике.

Презумпция невиновности действует на всех стадиях уголовного процесса, предшествующих официальному (от имени государства) признанию лица виновным в совершении преступления.

В стадии предварительного расследования презумпция невиновности выражается в том, что следователь и прокурор обязаны подходить к обвиняемому и подозреваемому без всякого предубеждения; внимательно выслушивать и фиксировать в деле все доводы обвиняемого и защитника, направленные на опровержение обвинения и смягчение ответственности; добросовестно проверять эти доводы с помощью доказательств; удовлетворять ходатайства обвиняемого (защитника) об обнаружении и проверке доказательств и проведении с этой целью следственных действий, если таковые могут иметь значение для дела.

Привлекая лицо в качестве обвиняемого, следователь исходит из достаточно обоснованного предположения о том, что обвиняемый виновен в совершении преступления. В то же время, учитывая презумпцию невиновности, необходимо получить и проверить показания обвиняемого по поводу предъявленного обвинения, завершить собирание и проверку доказательств. Окончательный

(для данной стадии процесса) вывод о виновности следователь вправе сделать лишь в обвинительном заключении либо в постановлении о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям. Следователь обязан обосновать этот вывод доказательствами.

Выводы обвинительного заключения должны быть проверены судом, который, осуществляя доказывание, также руководствуется презумпцией невиновности. С точки зрения государства, установившего судебный порядок проверки обвинительных выводов следователя и прокурора, обвиняемый еще не виновен; его виновность должна быть подтверждена приговором, вступившим в законную силу.

Существует мнение, что презумпция невиновности прекращает свое действие, или, по выражению Н. Н. Полянского, «умолкает», как только орган расследования убеждается в том, что он собрал достаточно доказательств виновности обвиняемого¹.

На этом основании одни авторы считают, что презумпция невиновности — это не объективное правовое положение, т. е. не презумпция, как таковая, а лишь метод исследования или логический прием, последовательно применяемый сначала следователем, а потом судом²; другие авторы и вовсе отрицали существование презумпции невиновности в советском уголовном процессе³.

Представляется, что обе эти точки зрения неправильны. Действительно, следует стремиться к тому, чтобы виновность обвиняемого и вообще все обстоятельства дела были достоверно установлены уже на предварительном следствии. Однако, предъявляя к предварительному следствию высокие требования, законодатель вместе с тем исходит из того, что для достоверного установления всех обстоятельств уголовного дела и признания обвиняемого виновным необходимо судебное разбирательство, включающее судебное следствие со всеми присущими ему гарантиями. До вынесения приговора и вступления его в законную силу обвиняемого считают невиновным не следователь и не прокурор, сделавшие уже выводы по результатам доказывания на предварительном следствии, а государство, как субъект права уголовного

---

¹ Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 187.

² А. И. Трусков, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 154; М. А. Чельцов, Уголовный процесс, М., 1948, стр. 182—183; М. Л. Якуб, Демократические основы советского уголовно-процессуального права, М., 1960, стр. 114.

³ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962; С. А. Голунский, Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР, «Вопросы судопроизводства и судопроизводства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 133—136; К. А. Мокичев, Против ревизионистских извращений марксистско-ленинского учения о государстве и праве, М., 1958, стр. 34.

наказания, требующее, чтобы выводы следователя и прокурора были проверены в судебных стадиях процесса¹.

В этом и заключается объективный характер презумпции невиновности, ее относительная независимость от результатов доказывания на отдельных стадиях процесса и от субъективного (хотя и основанного на доказательствах) мнения участников процесса по вопросу о виновности².

В стадии предания суду вопрос о виновности положительно не решается (за исключением случаев применения мер, заменяющих уголовное наказание, о которых будет сказано особо); наоборот, закон особо оговаривает, что акт предания суду не пред-
решает вопроса о виновности.

В стадии судебного разбирательства судьи, руководствуясь презумпцией невиновности, обязаны соблюдать полную беспристрастность, объективность: не рассматривать выводы обвинительного заключения как бесспорные, несомненные; тщательно исследовать обстоятельства, опровергающие обвинение или смягчающие ответственность обвиняемого; не поддаваться воздействию каких бы то ни было лиц и органов, высказавшихся за осуждение обвиняемого, не высказывать своего мнения по делу до вынесения приговора.

С вынесением обвинительного приговора презумпция невиновности утрачивает свое значение для судей первой инстанции, но как объективное правовое положение, выражающее точку зрения государства по вопросу о виновности, она продолжает действовать вплоть до вступления приговора в законную силу.

Этой презумпцией руководствуются судьи второй инстанции при кассационном рассмотрении уголовного дела. Они обязаны оценить имеющиеся в деле доказательства и новые материалы и решить, было ли их достаточно для признания лица виновным.

Момент окончания действия презумпции невиновности совпадает с моментом признания лица виновным в совершении преступления компетентным органом, принимающим окончательное

¹ «Разумеется, когда следователь составляет обвинительное заключение, а прокурор направляет дело в суд, они должны быть убеждены в том, что собранные по делу доказательства дают основание прийти к выводу о виновности лица, обвиняемого в данном преступлении, но доказывать виновность обвиняемого — не значит признать его виновным; сказать, является ли обвиняемое лицо виновным в совершении преступления, компетентен только суд в своем приговоре» (А. Ф. Горкин, О социалистическом правосудии, «Известия» 1 декабря 1964 г.).

² «Убеждение следователя или прокурора в виновности обвиняемого не опровергает презумпцию невиновности... Презумпция невиновности может быть выражена так: закон считает обвиняемого невиновным до тех пор, пока участники процесса, считающие его виновным, не докажут этого» (Р. Радева, Процессуально положение на обвинения на предварительного следствие в наказательный процес на НР България, София, 1965, стр. 72).

решение по делу от имени государства. Таким органом может быть только суд.

Правда, в настоящее время в случаях прекращения дела окончательное решение по нему может принимать следователь и прокурор в стадии предварительного расследования (а равно суд в стадии предания суду). Если дело прекращается по так называемым «нереабилитирующим» основаниям (истечение сроков давности, амнистия, передача лица на поруки, передача материалов в товарищеский суд или комиссию по делам несовершеннолетних), то в постановлении следователя или прокурора о прекращении дела, как правило, указывается лицо, виновное, по их мнению, в совершении преступления. Однако вывод о виновности, сделанный в этих случаях на предварительном следствии, формулируется в условиях уменьшенного объема процессуальных гарантий, не вполне компенсируемых правом обвиняемого требовать судебного разбирательства. Удовлетворившись самим фактом прекращения дела, обвиняемый сравнительно редко использует право обжалования прокурору, даже будучи не согласен с формулировкой постановления (определения).

Надо отметить также, что прекращение дела по нереабилитирующим основаниям в досудебных стадиях затрудняет предупредительно-воспитательное воздействие процесса, а равно создает ряд трудностей, связанных с тем, что такое постановление не имеет преюдициального значения ни для суда, который им не связан, ни для прокурора, который в любой момент может его отменить, ни для товарищеских судов и комиссий по делам несовершеннолетних, которые могут в ходе производства о применении меры воздействия признать лицо невиновным вопреки выводу следователя о виновности.

Вывод следователя о виновности при передаче лица на поруки не связывает также коллектив или общественную организацию, так как поручительство не может быть принудительным. Требование закона о том, что на поруки передаются виновные (ст. 9 УПК РСФСР), следует понимать в том смысле, что следователь и прокурор должны быть убеждены в виновности передаваемых на поруки, что виновность должна быть ими доказана. Однако при последующем прекращении поручительства, вследствие совершения переданным на поруки нового преступления, постановление о прекращении первого уголовного дела не имеет преюдициального значения и не устраняет необходимости доказывания всех его обстоятельств в суде¹.

С учетом изложенного следует прийти к выводу о правильности широко представленной в литературе точки зрения о

¹ Приведенные доводы тем более имеют значение и для случаев передачи виновных на поруки без возбуждения уголовного дела (ст. 10 УПК РСФСР).

необходимости судебной стадии доказывания и в случаях решения вопроса о прекращении дела по нереабилитирующим обстоятельствам¹.

Как было отмечено выше, презумпции выражают то, что бывает чаще всего.

Подавляющее большинство советских граждан добросовестно соблюдают законы и не совершают преступлений и других правонарушений. Поэтому если какой-нибудь гражданин оказался заподозренным в совершении преступления, то нужны доказательства, достаточные для того, чтобы опровергнуть предположение о его добропорядочности и, в частности, невиновности в преступлении и обосновать виновность. Иными словами, доказывание версии обвинения в уголовном процессе есть опровержение приложимости этой презумпции к конкретному лицу. Постепенно накапливаются, проверяются, оцениваются доказательства виновности гражданина, который по мере развития этого процесса становится подозреваемым, обвиняемым, подсудимым. И только после того, как обвинительный приговор суда вступит в законную силу, государство и общество могут констатировать, что презумпция невиновности к данному гражданину неприменима, поскольку достоверно установлено, что он совершил преступление².

Психологически противоречие между презумпцией невиновности и степенью доказанности преступления растет по мере накопления улик, так что иногда участники процесса склонны считать предположение о невиновности обвиняемого опровергнутым еще до вынесения приговора. Но это их субъективное мнение, возможно, и правильное, еще не проверено в условиях гласного состязательного судебного процесса со всеми присущими ему гарантиями, не подтверждено законным и обоснованным общеобязательным приговором, и, следовательно, не исключена возможность ошибки. Поэтому опровержение приложимости презумпции невиновности к конкретному случаю может быть осуществлено лишь путем вынесения обвинительного приговора, вступившего в законную силу.

Презумпцию невиновности можно опровергнуть лишь в установленном законом порядке, а если этот порядок не был соблюден,

¹ См., например, П. Ф. Пашкевич, Теневые стороны порук, «Известия» 5 июля 1965 г.; Н. Жогин, Воспитание и наказание, «Известия» 15 сентября 1965 г.

² С. А. Голунский утверждал, что если бы презумпция невиновности подпадала под общее определение правовых презумпций, то надо было бы считать, что большинство привлеченных к уголовной ответственности лиц невиновны (С. А. Голунский, Вопросы доказательственного права в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, «Вопросы судостроительства и судопроизводства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 136).

значит презумпция не опровергнута и обвиняемый по-прежнему считается невиновным.

Соблюсти установленный законом порядок опровержения презумпции невиновности — значит «пропустить» дело через все стадии процесса (кроме исключительных), с тем чтобы полностью была использована вся сложная система процессуальных гарантий, призванных обеспечить достижение истины и охрану прав граждан, участвующих в процессе. Если уголовное дело не «прошло» все эти стадии или были допущены нарушения закона, вследствие чего часть процессуальных гарантий оказалась бездействующей, — значит «установленный законом порядок» не был соблюден и презумпция невиновности осталась неопровергнутой.

Объем процессуальных гарантий, необходимых для признания лица виновным, устанавливается законом не произвольно, а на научной основе, с тем чтобы обеспечить достижение целей правосудия по всем уголовным делам. Предполагается (презюмируется), что «средне-статистически» объем наличных процессуальных гарантий наилучшим образом обеспечивает достоверное решение вопроса о виновности в приговорах судов по всем делам. Исключения могут быть установлены лишь самим законодателем (например, упрощенная процедура по делам о хулиганстве — чч. 1, 2 ст. 206 УК РСФСР). Но для субъектов правоприменительной деятельности (следователя, прокурора, суда) это положение неопровержимо: они не могут, учтя специфику конкретного дела (в частности, доказанность обвинений), по своему усмотрению уменьшить объем процессуальных гарантий, установленный законом для любых дел, т. е. изменить установленный порядок опровержения презумпции невиновности.

Из презумпции невиновности вытекает ряд важных следствий.

а) Недоказанная виновность в юридическом отношении приравнивается к доказанной невиновности.

При вынесении оправдательных приговоров или прекращении уголовных дел «за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления» (ст. 314, п. 2 ст. 208 УПК РСФСР) суду или следователю не удалось установить истину; фактически не известно, кто совершил преступление — обвиняемый, признанный невиновным «за недостатком улик», или другое лицо, оставшееся не установленным. Но для того чтобы защитить интересы оправданных, снять с них недостаточно обоснованное подозрение и полностью реабилитировать их в глазах общества, законодатель предписывает считать их невиновными¹.

¹ М. С. Строгович в кн. «Учение о материальной истине в уголовном процессе» (М. — Л., 1947, стр. 252) писал, что суд устанавливает истину, констатируя невиновность обвиняемого при оправдании его за недостаточностью доказательств обвинения. См. также Р. М. Оганесян, Оправдательный приговор в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970, стр. 23. С. В. Курылев, развивая этот взгляд,

Некоторые авторы предлагают устранить из закона недоказанность как основание оправдания (прекращения дела), заменив его более категоричными формулировками: «не виновен», «не совершил преступления» и т. п., под которые подпадали бы случаи как безусловной доказанности неучастия обвиняемого в совершении преступления, так и недоказанности совершения преступления данным обвиняемым¹.

Такое изменение оснований оправдания возможно, но не способно полностью устранить из законодательства и практики недоказанность как реально существующий мотив оправдания². В законе пришлось бы разъяснить, что в случае недостаточности доказательств обвинения дело должно быть прекращено (или обвиняемый должен быть оправдан) по основанию, предусматривающему «несовершение обвиняемым преступления».

Необходимо, далее, учитывать, что в описательной части оправдательного приговора суд не может обойти молчанием доказательства обвинения. Он обязан подвергнуть эти доказательства анализу и обосновать вывод, что их недостаточно для утверждения о виновности обвиняемого. Категоричность вывода суда о невиновности, содержащегося в резолютивной части приговора, окажется в противоречии с ходом рассуждения суда в описательной части приговора, из которой видно, что фактически основанием оправдания является все та же недоказанность.

б) Презумпция невиновности служит основанием правила о том, что обязанность доказывания в советском уголовном процессе не может быть возложена на обвиняемого³.

в) Из презумпции невиновности вытекает правило о толковании сомнений в пользу обвиняемого, имеющее важное значение для обеспечения его законных интересов и достижения истины по делу⁴.

пишет, что при оправдании за недоказанностью суд «устанавливает истину — невиновность подсудимого, однако устанавливает не достоверно, а на основе вероятности» («О достоверности и вероятности в правосудии», «Правоведение» 1968 г. № 1, стр. 67). Эту точку зрения подверг обстоятельной критике Г. М. Резник в статье «Оправдание за недоказанностью», «Советская юстиция» 1969 г. № 15, стр. 11—12.

¹ В. М. Савицкий, По поводу уголовно-процессуальных гарантий права невиновного на реабилитацию, «Советское государство и право» 1965 г. № 9, стр. 52; Р. Д. Рахунов, Законность и правосудие, «Правда» 22 сентября 1965 г.; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 175.

² См. В. Д. Арсеньев, Установление истины при прекращении уголовных дел и презумпция невиновности, «Вопросы государства и права в свете Программы КПСС», «Труды Иркутского государственного университета», т. I, Иркутск, 1963, стр. 266; Г. М. Резник, цит. статья.

³ См. § 2 гл. VIII.

⁴ Сомнение — это интеллектуальная эмоция, выражающаяся в состоянии неуверенности, основанном на недостаточности информации, необходимой для принятия правильного и твердого решения.

Согласно этому правилу сомнение в виновности обвиняемого должно влечь признание последнего невиновным при условии, что исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств. Сомнение может касаться не только вопроса о виновности в целом, но и отдельно взятых доказательств, а также установленных с их помощью обстоятельств дела.

При этом: 1) наличие неустраняемого сомнения в факте, обосновывающем обвинение, влечет его исключение из системы доказательств, и тем самым сомнение толкуется в пользу обвиняемого; 2) при наличии неустраняемого сомнения в факте, опровергающем обвинение и, следовательно, оправдывающем обвиняемого, этот факт остается в системе доказательств, пока не будет полностью опровергнут, и, следовательно, возникшее сомнение тоже толкуется в пользу обвиняемого¹.

Если сомнение в существовании тех или иных фактических обстоятельств влечет сомнение в квалификации преступления и мере наказания, то и здесь оно должно толковаться в пользу обвиняемого (т. е. соответствующее квалифицирующее обстоятельство признается несуществующим).

Значение правила о толковании сомнений для судебной и следственной практики подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г., где, в частности, говорится: «Все сомнения в отношении доказательств обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу обвиняемого»².

Из презумпции невиновности вытекают и некоторые другие следствия, связанные с доказыванием и определяющие правовое положение обвиняемого³ и оправданного по суду⁴.

Наличие или отсутствие сомнений связано с индивидуальными особенностями психики познающего субъекта. В доказательственном праве необходимо отвлечься от этих особенностей и связать психологический аспект сомнения со степенью его обоснованности. В этом смысле сомнение — это такое состояние неуверенности, которое неизбежно должно возникнуть у следователя, суда в результате того, что вывод о факте не вытекает с неизбежностью из собранных в процессе исследования доказательств.

¹ Более подробно см. И. Л. Петрухин, О толковании сомнений в пользу обвиняемого, «Вопросы предупреждения преступности» 1965 г., вып. 2.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 4, стр. 10.

³ В соответствии с презумпцией невиновности лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, не должно фигурировать в печати и устных выступлениях как несомненный преступник.

⁴ Презумпция невиновности служит основой для полной реабилитации граждан, вина которых признана недоказанной.

В частности, администрация предприятия (учреждения, организации) не вправе отказать такому лицу в приеме на работу, уволить с работы или переместить на нижеоплачиваемую должность под тем предлогом, что лицо «находилось под следствием и судом» и было затем оправдано за недостатком улик.

Из презумпции невиновности вытекают или косвенно связаны с ней некоторые частные процессуальные презумпции. В основном это презумпции, влияющие на допустимость доказательств.

Законодатель устанавливает неопровержимые и опровержимые частные презумпции этого вида. Неопровержимые процессуальные презумпции исходят из того, что если не были соблюдены процессуальные правила доказывания, то результат доказывания ничтожен.

Юридические факты, с которыми закон связывает действие неопровержимых процессуальных презумпций, лишь отчасти указаны в законе в виде так называемых безусловных оснований для отмены приговора (ст. 345 УПК РСФСР) и правил допустимости доказательств (например, не допускаются в качестве доказательств свидетельские показания, если неизвестен источник осведомленности свидетеля, — ст. 74 УПК РСФСР). В большинстве же случаев эти факты определяются следственной и судебной практикой на основе общих процессуальных принципов. В законе, например, нет особых указаний на недопустимость показаний обвиняемого, допрошенного без переводчика, когда таковой был необходим; заключения, составленного подлежащим отводу экспертом, и т. д. Несмотря на это, в указанных случаях следует руководствоваться, как правило, процессуальными презумпциями, предписывающими не использовать в качестве доказательств установленные таким образом факты.

При допущении менее существенных нарушений процессуальной формы доказывания вступают в действие опровержимые процессуальные презумпции (см. § 2 гл. IV). Ход рассуждений в этих случаях будет примерно таким: любое нарушение процессуальной формы, по общему правилу, аннулирует доказательственное значение полученных таким способом сведений (презумпция), но в данном конкретном случае процессуальное нарушение не отразилось на достоверности, объективности и полноте доказывания (опровержение презумпции).

Рассмотрим некоторые другие частные уголовно-процессуальные презумпции.

а) К характеристике субъекта доказывания относится неопровержимая презумпция необъективности либо некомпетентности судьи, следователя, прокурора, лица, производящего дознание, а также эксперта, если по делу установлены факты, которые согласно закону являются основаниями для отвода указанных лиц.

б) Доказательственная презумпция закреплена в ст. 77 УПК РСФСР, установившей, что одного признания вины недостаточно для вынесения обвинительного приговора.

в) Презумптивным по своей природе является и правило ст. 79 УПК РСФСР об обязательном проведении экспертизы для установления ряда обстоятельств, перечень которых дан в законе (причины смерти, характер телесных повреждений и т. д.).

Если экспертиза не проведена, то соответствующее обстоятельство считается неустановленным.

г) Презумпция правосубъектности участников процессуального правоотношения исходит из того, что по достижении определенного возраста они право- и дееспособны, если не представлены доказательства обратного¹.

Некоторые процессуальные презумпции и преюдиции, связанные с доказыванием, действуют после вступления приговора в законную силу.

Презумпция истинности вступившего в законную силу приговора требует считать истинным и подлежащим обязательному исполнению все, что изложено в приговоре, вступившем в законную силу (ст. 358 УПК РСФСР)².

Презумпция истинности вступившего в законную силу приговора основана на предположении, что процессуальных гарантий нормальных стадий процесса достаточно для установления истины по уголовному делу. Поэтому приговор суда презюмируется истинным.

Эта презумпция в советском уголовном процессе является опровержимой. Закон устанавливает условия и порядок доказывания ошибочности вступившего в законную силу приговора (иного судебного решения) в исключительных стадиях уголовного процесса — надзорном производстве и при пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам³.

¹ В. К. Бабаев, Автореферат, стр. 16.

² С. В. Курылев отрицает презумпцию истинности приговора на том основании, что в основе любой презумпции лежит вероятность, поэтому «говорить о презумпции истинности судебного приговора, т. е. о вероятности содержащихся там выводов о фактах, — значит вступать в противоречие с принципом объективной истины» (указ. раб., стр. 77). Представляется, однако, что наоборот: из принципа объективной истины вытекает и на нем основана презумпция истинности приговора. Речь идет не о вероятности конкретного приговора, как полагает С. В. Курылев, а о вероятности вынесения некоторого количества ошибочных приговоров, в связи с чем презумпция истинности приговора является опровержимой.

³ Существует мнение, что в исключительных стадиях процесса действует не только презумпция истинности приговора, но и презумпция невиновности (М. Л. Якуб, Демократические основы советского уголовно-процессуального права, М., 1960, стр. 114; В. З. Лукашевич, Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе, М., 1959, стр. 53). Согласиться с этим нельзя. Конечно, при пересмотре дела в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам вышестоящий суд применяет логический прием доказывания «от противного», т. е. предполагает невиновность осужденного, пока имеющиеся в деле материалы не убедят в обратном. Но это не значит, что вышестоящий суд в данном случае применяет презумпцию невиновности, которая, как было показано выше, не сводится к предположениям участников процесса или к применяемым ими логическим приемам, а представляет собой объективное правовое положение.

В стадии надзорного производства и при пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам можно говорить о контроле вышестоящего суда за применением презумпции невиновности на предшествующих стадиях процесса.

Презумпция истинности приговора (постановления, определения суда о прекращении дела) становится неопровержимой, если с момента вступления в законную силу оправдательного приговора, постановления или определения суда о прекращении дела или с момента открытия новых обстоятельств прошло больше года (ст. ст. 373, 385 УПК РСФСР).

Последовательное применение презумпции истинности приговора (решения суда по гражданскому иску) ведет к преюдиции, т. е. обязательности решения одного суда для другого¹.

Придание преюдициальной силы фактам, установленным приговором или решением суда, влияет на доказывание по другим делам, где эти факты фигурируют как уже доказанные (§ 2 гл. III). Преюдиции исключают противоречия между актами социалистического правосудия и этим способствуют укреплению правопорядка и законности.

По вопросу о том, как должно быть решено возможное противоречие между преюдицией и внутренним судебским убеждением, в советской процессуальной литературе нет единодушия. Одни авторы решают его в пользу преюдиции: до отмены судебного решения, имеющего преюдициальное значение, но с точки зрения суда неправильного, суд лишен возможности вынести приговор по своему внутреннему убеждению². Другие авторы считают, что рассматриваемое противоречие, если оно возникает, должно быть разрешено в пользу принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению судей³.

Вторая точка зрения представляется правильной, но при условии, что будет разработана процедура рассмотрения коллизионных судебных решений.

Представляется, что этот пробел в законе следовало бы восполнить указанием на то, что приговор, которым отвергнута преюдиция, не вступает в законную силу до тех пор, пока вышестоящий суд не проверит оба приговора (или приговор и решение по гражданскому делу) и не решит вопрос, какой из них правилен.

С учетом изложенного рассмотрим роль отдельных преюдций в доказывании по уголовным делам.

¹ В. К. Бабаев правильно отмечает, что преюдиции производны от презумпции истинности приговора или решения суда («Автореферат», стр. 6).

² В. И. Каминская, Презумпция истинности судебного приговора в советском праве, «Советское государство и право» 1946 г. № 7, стр. 42; В. Я. Дорохов, Законная сила приговора в советском уголовном процессе, «Советское государство и право» 1954 г. № 5, стр. 82.

³ М. С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М., 1947, стр. 214; Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 177.

а) В решении суда по гражданскому делу могут быть признаны доказанными определенное событие или определенные действия. Если в дальнейшем это событие или эти действия попадут в сферу доказывания по уголовному делу, то, если следовать требованиям ст. 28 УПК РСФСР, субъект доказывания обязан рассматривать их как установленные¹.

Практически речь идет о случаях, когда иск о возмещении вреда, причиненного преступлением, рассматривался в порядке гражданского судопроизводства до рассмотрения в суде уголовного дела. В этих случаях событие и действия причинителя вреда являются основанием как гражданско-правовой, так и уголовной ответственности. Но, поскольку они стали предметом уголовного судопроизводства, речь идет о событии преступления и действиях обвиняемого, инкриминируемых ему как преступные. Это — важнейшие элементы предмета доказывания по уголовному делу, и вряд ли можно требовать от суда, чтобы он не устанавливал их, всецело полагаясь на решение суда по гражданскому делу. Следует также учитывать, что при установлении указанных обстоятельств причинитель вреда не пользовался процессуальными правами обвиняемого, которые в принципе шире прав ответчика по гражданскому делу. Защитник обвиняемого и другие участники процесса вряд ли могут быть устранены от исследования события преступления и действий обвиняемого на том основании, что они уже установлены судом по гражданскому делу. Надо принимать во внимание и то, что события и действия устанавливаются не вообще, а в их уголовно- или гражданско-правовом опосредствовании, которые не вполне совпадают. Изложенное приводит к выводу, что правило о преюдициальном значении судебного решения для суда, рассматривающего уголовное дело, представляется трудноприменимым на практике.

Суд, рассматривающий уголовное дело, имеет возможность вынести приговор по своему внутреннему убеждению, хотя бы оно и противоречило вошедшему в законную силу решению суда по гражданскому делу (относительно события преступления и действий обвиняемого). Этим не опровергается полностью презумпция истинности решения суда по гражданскому делу, так как приговор до его вступления в законную силу (вместе с уголовным делом) и противоречащее ему решение суда по гражданскому делу должны направляться в вышестоящий суд в соответствии с предложенным выше порядком².

---

¹ УПК большинства союзных республик не содержат нормы об обязательной силе решения суда по гражданскому делу по вопросу о событии и действиях обвиняемого для суда, рассматривающего уголовное дело.

² Статья 21 Основ гражданского судопроизводства устанавливает: «Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых

б) Отказ в иске, постановленный в порядке гражданского судопроизводства, лишает истца права вторичного предъявления того же иска по уголовному делу (ст. 29 УПК РСФСР). Это правило имеет в виду преюдициальность решения суда, отказавшего в иске, для суда, рассматривающего затем уголовное дело¹. И наоборот: отказ в иске при рассмотрении уголовного дела лишает истца права заявить иск в порядке гражданского судопроизводства.

в) Коллизионная ситуация, связанная с преюдицией, возникает и в тех случаях, когда суд, рассматривающий выделенное уголовное дело, приходит к иным выводам, чем суд, постановивший приговор или вынесший определение по основному делу. Противоречие между приговором (определением) по основному делу и внутренним убеждением суда, рассматривающего выделенное уголовное дело, может касаться как события преступления в целом, так и отдельных его обстоятельств (время, способ совершения преступления, лица, участвовавшие в преступлении, их роль в совершении преступления и т. п.). Если, например, лицо, в отношении которого уголовное дело было выделено в самостоятельное производство, согласно приговору суда по основному делу, участвовало в преступлении в качестве его организатора, то при рассмотрении выделенного уголовного дела суд может прийти к убеждению, что это лицо вообще не принимало участия в преступлении, либо его роль в совершении преступления была иной (пособник, подстрекатель), либо оно было лишь прикосновенным к преступлению (недоносительство, заранее не обещанное укрывательство).

Представляется, что внутреннее убеждение суда, рассматривающего выделенное уголовное дело, не должно быть связано вступившим в законную силу приговором (определением) суда по другому делу.

Обвиняемый по выделенному делу не участвовал в этом качестве при рассмотрении основного дела. Следовательно, полнота и достоверность установления фактов, характеризующих его лич-

последствиях действий лица, в отношении которого состоялся приговор суда, лишь по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом». Представляется, что презумпция истинности вступившего в законную силу приговора и здесь является опровержимой: может быть доказана ее неприменимость к данному конкретному случаю в соответствии с внутренним убеждением суда, рассматривающего гражданское дело. В этом случае должен быть применен предложенный выше порядок проверки коллизионных приговора и решения вышестоящим судом.

¹ Указанная преюдиция не является препятствием к возмещению ущерба потерпевшему от преступления, поскольку суд при рассмотрении уголовного дела вправе по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением (ст. 29 УПК РСФСР). Рассмотрение вопроса о правильности одного из коллизионных решений предполагает регламентацию, предложенную выше.

ное участие в преступлении, при рассмотрении основного дела не были обеспечены достаточными процессуальными гарантиями. Но из этого следует, что факты, при установлении которых обвиняемый не пользовался своими процессуальными правами, не должны иметь характера неопровержимых. Они могут быть подвергнуты сомнению и опровергнуты в приговоре суда по выделенному уголовному делу¹.

В процессе доказывания по уголовным делам играют важную роль не закрепленные в нормах права *фактические* (естественные) *презюмции*.

Они представляют собой обобщения, выведенные из судебной и следственной практики, сформулированные криминалистикой и другими науками, применяющимися при расследовании преступлений. Фактические презюмции позволяют сделать предположительный вывод об искомом факте при наличии определенных признаков (доказательств). При расследовании уголовных дел применяется также большое количество обычных житейских презюмций.

М. С. Строгович отрицает значение фактических презюмций для советского уголовного судопроизводства, считая, что они «по природе своей ни презюмциями, ни косвенными уликами не являются, так как содержат весьма приблизительные обобщения, всегда нуждающиеся в проверке с помощью доказательств»².

В. И. Каминская, считая «сомнительной» постановку вопроса о действии фактических презюмций в советском уголовном процессе, тем не менее признает, что «фактические презюмции играют определенную роль в умственной деятельности судьи, как и всякого человека, который прибегает и не может не прибегать к презюмированию на каждом шагу»³.

А. А. Эйсмэн и Г. М. Резник, изучая логическую структуру судебного доказывания, пришли к выводу, что фактические презюмции содержат обосновывающее знание в больших посылах правдоподобных умозаключений⁴.

Последняя точка зрения представляется правильной.

Практическая деятельность человека, в том числе и в области судопроизводства, невозможна без использования фактических презюмций, позволяющих, во-первых, осмысленно и целенаправленно

---

¹ Разумеется, и здесь необходима проверка коллизионных приговоров вышестоящим судом.

² М. С. Строгович, Учение о материальной истине в советском уголовном процессе, М. — Л., 1947, стр. 185.

³ В. И. Каминская, Учение о правовых презюмциях, М. — Л., 1948, стр. 88—89.

⁴ А. А. Эйсмэн, Заключение эксперта. Структура и обоснование, М., 1967; его же, Логика доказывания, М., 1971; Г. М. Резник, Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе (кандидатская диссертация), М., 1969, стр. 227—247.

отбирать необходимый фактический материал; во-вторых, предварительно его оценивать; в-третьих, правильно намечать гипотезы для дальнейшего исследования.

Знание наиболее вероятных, типичных приемов совершения различного рода преступлений создает ряд презумпций, исходя из которых следователь ищет следы и иные признаки преступления именно в тех местах, где они скорее всего могли остаться.

Фактические презумпции находят применение и при использовании в доказывании так называемых общеизвестных фактов, не подлежащих доказыванию по причине их очевидности, бесспорности.

Общеизвестные факты в уголовном процессе (*notoria*) выводятся из таких фактических презумпций, которые в крайне редких случаях могут быть опровергнуты. Например, то обстоятельство, что днем светло, общеизвестно, но и оно может быть подвергнуто сомнению, например, в случае бури, солнечного затмения и т. п. Особая группа общеизвестных фактов объединяет конкретные исторические, географические и подобные им факты, широко известные населению (и суду) данной местности или данной страны и потому не нуждающиеся в доказывании.

При наличии сомнения общеизвестные факты подлежат доказыванию, которое в данном случае представляет собой процесс опровержения приложимости фактической презумпции к конкретному случаю¹.

Изучением «обычного хода вещей» при совершении различного рода преступлений занимается криминалистика. Обобщая приемы и способы совершения преступлений, она формулирует фактические презумпции и, исходя из них, разрабатывает рекомендации по эффективному раскрытию преступлений.

¹ И. Я. Фойницкий справедливо указывал: «Положения об общеизвестности или невероятности чего-либо имеют силу и значение для нашего убеждения, но только до представления доказательства противного» (И. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. II, СПб., 1899, стр. 205). См. также Вл. Случевский, Учебник русского уголовного процесса, СПб., 1910, стр. 407. Многие советские процессуалисты в принципе допускают возможность оценки общеизвестных фактов, если применительно к обстоятельствам данного конкретного уголовного дела в этом возникает необходимость (В. И. Каминская, Учение о правовых презумпциях в уголовном процессе, М. — Л., 1948, стр. 8; Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 19—20). Однако высказывались и неоправданно крайние точки зрения. Одна из них состоит в том, что общеизвестные факты во всех случаях принимаются за истинные, доказыванию и оценке не подлежат в силу их очевидности (М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 152, 153). Другая исходит из того, что общеизвестные факты вообще не известны советскому доказательственному праву, так как они по самой своей природе не могут входить в предмет доказывания по уголовным делам (М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 232—233).

Фактическая презумпция всегда требует проверки ее применимости к данному конкретному случаю.

Фактические презумпции следует отличать и от косвенных доказательств. Само по себе косвенное доказательство в отличие от презумпции никакого правила не формулирует. Но предположение о связи между косвенным доказательством и фактом совершения преступления основано на знании типичных связей, т. е. на фактической презумпции. Например, факт обнаружения на месте убийства ножа, принадлежащего определенному лицу, рассматривается как улика на основании общего предположения (презумпции) о том, что во многих случаях такого рода факты указывают на преступника.

Не только собиранье, но и оценка доказательств следователем и судом происходит с помощью фактических презумпций.

Возможности формализации оценки доказательств связаны с процессом постепенного возрастания точности и разветвления системы фактических доказательственных презумпций¹.

---

¹ Большинство философов, логиков, кибернетиков сходятся в том, что в процессе познания мира сфера формализованного мышления будет расширяться беспрестанно.

Б. В. Бирюков и В. С. Тюхтин, в частности, пишут: «Граница между формально-логической частью мышления и его интуитивно-содержательной стороной относительно и изменчива... Она отодвигается все дальше, предоставляя все большие возможности формализации» («О философской проблематике кибернетики» в кн.: «Кибернетика. Мышление. Жизнь», М., 1969, стр. 104).

Имея в виду, что формализованное мышление в принципе всегда может быть моделировано машиной, А. Лернер пишет: «Прогноз о том, что определенный тип задач никогда не сможет быть решен машинами, либо несостоятелен, либо означает неразрешимость этих задач и для человека» («Начала кибернетики», М., 1967, стр. 218).

ГЛАВА VI

СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ И ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ СОБИРАНИЯ И ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Регламентация законом предмета и пределов доказывания, условий, которым должны отвечать сами доказательства, цель которых обеспечить полноту, всесторонность, объективность исследования существенных обстоятельств каждого дела, сочетается с требованиями к способам собирания и проверки доказательств. «Каждый объект познания требует специальной «технологии» его исследования, особой методики изучения и обработки материала»¹.

Поэтому в систему исходных понятий доказательственного права и теории доказательств включается наряду с характеристикой цели, предмета, пределов и средств доказывания также характеристика способов собирания и проверки доказательств. При этом возникает ряд вопросов, связанных с системой и кругом способов доказывания, условиями их допустимости, особенностями их использования применительно к отдельным стадиям уголовного процесса и правомочиям различных его участников. Рассмотрение этих вопросов тем более необходимо, что в отличие от других исходных понятий доказательственного права и теории доказательств, способам доказывания уделено гораздо меньше внимания в процессуальной литературе².

¹ Г. А. Подкорытов, Историзм как метод научного познания, М., 1968, стр. 10.

² Имеется ряд интересных работ, посвященных отдельным следственным (судебным) действиям. Однако их общее понятие и система исследованы явно недостаточно. Тем более это относится к иным — помимо следственных (судебных) действий — способам собирания и проверки доказательств. М. С. Строгович в своем обстоятельном «Курсе советского уголовного процесса» не только отказался от рассмотрения общих характеристик способов собирания и проверки доказательств и их системы, но вообще исключил существование иных способов (помимо следственных действий) собирания и проверки доказательств (стр. 296).

Способы собирания и проверки доказательств — это реализуемая в предусмотренных процессуальным законом действиях следователя, суда и других управомоченных на то лиц и органов система приемов и операций, предназначенных для поиска, обнаружения, получения, закрепления, исследования фактических данных (информации) определенного вида¹. Нельзя, как это иногда делается², сводить процессуальное понятие способа собирания и проверки доказательств только к порядку, форме производства соответствующих действий. Поскольку процессуальная регламентация опирается на реально существующие закономерности познания, заставляет действовать в точном соответствии с ними, постольку она охватывает собирание и проверку доказательств не только «извне», но и «изнутри» — само содержание соответствующих действий³. Основным содержанием способов собирания и проверки доказательств как раз и являются познавательные приемы и операции, посредством которых осуществляется получение необходимой информации и передача ее адресатам доказывания. Наличие формализованных правил, исполнение которых должно удостоверить ход и результаты использования соответствующих познавательных приемов и операций, составляет специфику процессуального способа собирания и проверки доказательств, но не исчерпывает содержание и цель их законодательной регламентации.

Можно выделить следующие обязательные элементы характеристики в законе каждого процессуального способа собирания и проверки доказательств как особого сочетания приемов и операций, предназначенных для получения и передачи доказательственной информации:

- а) определение вида сведений, на получение которых направлен данный способ;
- б) перечень участников;

---

¹ Не смешивать со способами собирания оперативных данных и другой вспомогательной, ориентирующей информации (см. ниже).

² На этой позиции стоит, в частности, А. М. Ларин («Расследование по уголовному делу», М., 1970, стр. 147). О том, что процессуальное понятие способа собирания и проверки доказательств имеет основным компонентом «порядок совершения действий», говорит и Ю. К. Орлов («Вещественные доказательства в уголовно-процессуальном доказывании». Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970, стр. 14). Однако из дальнейшего изложения усматривается, что под порядком совершения действий он имеет в виду и их содержание.

³ Конечно, нормативная регламентация способов собирания и проверки доказательств по необходимости укрупнена. Ее применение в конкретных случаях опосредствуется тактическими правилами, рекомендациями, как и решениями следователя, суда, соответственно с конкретными условиями и обстоятельствами производства по делу. Однако в принципе несомненна гносеологическая обусловленность норм процессуального закона, определяющих и характеризующих способы собирания и проверки доказательств.

в) описание существа приемов и операций по собиранию и проверке доказательств¹;

г) место и время применения этих приемов и операций;

д) условия их допустимости;

е) последовательность приемов и операций;

ж) меры обеспечения полноты и достоверности доказательств во избежание попыток заинтересованных лиц воспрепятствовать их получению или исказить их²;

з) меры обеспечения всесторонности собирания и проверки доказательств;

и) меры предотвращения необоснованного вторжения в сферу личных интересов граждан, обеспечения безопасности и ограждения достоинства лиц, у которых или с помощью которых должны быть получены соответствующие сведения;

к) специальное детализированное определение приемов и операций по закреплению собранных сведений и результатов их проверки, как и сведений, удостоверяющих соответствие действий по собиранию и проверке доказательств требованиям закона³.

¹ К сожалению, в интересной схеме элементов способа собирания и проверки доказательств, предложенной А. М. Ларным применительно к следственному действию (указ. работа, стр. 147), этот важнейший элемент не упоминается. По-видимому, этот пробел обусловлен позицией автора, сводящего, как отмечалось, процессуальное понятие способа доказывания к порядку, форме реализации задач последнего.

² И. М. Лузгин говорит о том, что элементы принуждения проявляются «в некоторых действиях следователя», таких, как задержание, обыск, выемка и т. д. («Расследование как процесс познания». Автореферат докторской диссертации, М., 1970, стр. 8). Представляется, однако, что элемент обеспечения полноты и достоверности результатов собирания и проверки доказательств от возможных попыток заинтересованных лиц исказить истину присущ любому способу доказывания и всегда включает возможность применения мер процессуального принуждения, хотя и не во всех случаях выражен в столь заметной форме, как, например, при задержании, обыске. Разъяснением обязательности явки по вызову следователя обеспечивается возможность привода; предупреждение об ответственности за отказ, уклонение от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний и другие меры подобного рода включены в процессуальный порядок любого способа доказывания.

³ Строго говоря, закрепление доказательств не представляет собой самостоятельного элемента доказывания, а является составной частью собирания и проверки доказательств. Во-первых, доказательство может считаться полученным («собранным») лишь после фиксации добытой информации. Во-вторых, методы фиксации информации обусловлены методами ее восприятия, а те и другие в конечном счете — формой информации. Выделение законодателем приемов и операций по закреплению доказательств для детализированного описания связано с тем, что именно фиксация обеспечивает единство формы и содержания доказательств, их коммуникативность. Следователь обязан зафиксировать не только содержание фактов, признаки предметов и явлений, но и условия производства следственных действий, а при необходимости и тактические приемы и средства.

Таким образом, система регламентации каждого способа собирания и проверки доказательств отображает черты, присущие процессу доказывания по уголовным делам в целом. Познавательные приемы и операции подкрепляются и сочетаются с приемами и операциями, направленными на обеспечение и удостоверение правильности полученных сведений; на полноту и точность закрепления и передачи этих сведений; на охрану прав и законных интересов лиц, оказывающихся в сфере действий по собиранию и проверке доказательств. Как и познавательные приемы, меры этого рода облечены в правовую форму, выступая как система предписаний и запретов¹.

Системы способов собирания доказательств дифференцированы исходя из характера объектов — носителей информации, природы сигналов, передающих информацию, способа ее кодирования, структуры отображаемого объекта, ожидаемых помех, типичных для собирания и передачи сведений данного вида. «Записи и устные сообщения — это лишь одна из форм информации... Материалы и детали также безусловно являются единицами информации. Практически любые характеристики операций, которые можно наблюдать и регистрировать, составляют потенциальную информацию коммуникационных сетей»². Эти общие положения теории информации могут быть полностью распространены на область процессуального доказывания, как и положения о необходимости обеспечить максимальную точность передаваемых сведений и их эффективность (способность влиять в нужном направлении). Способ собирания и проверки доказательств каждого вида предназначен и приспособлен для того, чтобы обеспечить необходимую надежность полученной информации в ее конкретной форме (в частности, ограничить ее искажения и обеспечить некоторую избыточность как условие надежности).

Статья 70 УПК РСФСР отчетливо выделяет три группы способов собирания и проверки доказательств, исходя именно из специфики существования и передачи различных форм и видов информации:

допросы, обыски, выемки, истребование (принятие от граждан и должностных лиц документов) как способы получения устных и письменных сообщений лиц, в сознании которых запечатлены определенные сведения;

---

¹ Сказанное еще раз подтверждает наличие наряду с познавательной стороной уголовно-процессуального доказывания (и его отдельных способов) удостоверительной стороны, обращенной к адресатам доказывания. М. С. Строгович, немотивированно отрицающий существование этих сторон доказывания (указ. работа, стр. 296), не учитывает наличия определенных его адресатов, для которых надо удостоверить ход и результаты собирания и проверки доказательств.

² Ф. де П. Ханика, Новые идеи в области управления, М., 1969, стр. 49—50.

осмотры, обыски, выемки, эксперименты, истребование (принятие) вещественных объектов как способы получения доказательственной информации, содержащейся в непосредственно наблюдаемых признаках объектов;

экспертиза как способ получения доказательственной информации, требующей для ее обнаружения, получения или передачи специальных познаний¹.

Таким образом, дифференциация способов собирания и проверки доказательств по существу воспроизводит дифференциацию видов последних (см. § 4 гл. IV), что отвечает соподчиненности целей и методов исследования. Конечно, вычленение названных способов собирания и проверки доказательств не носит абсолютного характера. Например, обыск и выемка с целью собирания письменных сообщений и с целью собирания предметов, вещей, как истребование (представление) доказательств того и другого вида, имеют много общего. Да и собирание и проверка информации, содержащейся в признаках объектов («немых свидетелей»), с необходимостью включают собирание и проверку сообщений лиц относительно происхождения этой информации (см. ниже и § 1 гл. IV). Тем не менее разделение это имеет реальную основу, позволяя в максимальной степени учесть особенности существования и передачи конкретных форм фактической информации при ее поиске, обнаружении, получении, закреплении, исследовании².

Достаточно напомнить, например, насколько детально регламентирует закон различные приемы закрепления доказательств в зависимости от того, идет ли речь о приобщении объекта — носителя информации в натуре либо объемной или плоской копии следа, о словесно-знаковом отображении сведений в схеме, плане, протоколе, о звукозаписи показаний, а также о наглядном отображении объектов и процессов путем фото-и кино-съемки.

Нельзя отождествлять способы собирания и проверки доказательств (даже в их совокупности) со способами познания по уголовному делу. Последнее понятие шире. Способы познания по уголовному делу включают наряду с операциями по собиранию, проверке и использованию доказательств также операции по собиранию и использованию вспомогательных ориентирую-

¹ Экспертиза представляет собой «сплав операций получения и передачи как признаков объектов, так и сообщений». Законодатель, отнеся этот способ доказывания к одной группе с получением показаний и других сообщений (ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР), исходит из того, что результаты экспертизы приобщаются к делу в форме сообщения эксперта (заключения).

² В свою очередь внутри каждой из вычлененных групп способов доказывания возможна дальнейшая дифференциация.

щих сведений (планирование, построение версий, собирание оперативной информации — см. § 4 гл. III, § 2 гл. IV, § 4 гл. VI).

В свою очередь понятие доказывания включает наряду с операциями по собиранию и проверке доказательств также операции по их использованию для установления предмета доказывания и для последующего решения вопросов наказания, гражданского иска, устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления (составление обвинительного заключения; представления, судебные прения; вынесение приговора, частного определения и т. д. — см. § 2 гл. III, гл. V—VIII). Иными словами, если характеризовать рассматриваемые понятия, то наиболее общим будет понятие способов познания в уголовном процессе, включающее в себя понятие способов доказывания. Последние же подразделяются на способы собирания и проверки доказательств (информационного доказывания) и способы использования доказательств (логического доказывания)¹.

Нетождественны и понятия способа собирания и проверки доказательств и следственного (судебного) действия. Прежде всего не всякое следственное (судебное) действие служит способом собирания и проверки доказательств. В широком смысле слова следственные (судебные) действия — это любые процессуальные действия следователя, суда, в том числе:

определяющие движение дела и процессуальное положение его участников (вынесение постановления о возбуждении дела, предъявление обвинения, вынесение постановления о признании участником процесса, разъяснение прав и т. д.);

обеспечивающие возможность получения доказательственной информации и явку участников процесса (принятие мер пресечения, отстранение от занимаемой должности, арест корреспонденции, организация охраны места происшествия и т. д.);

реализующие процессуальные права участников процесса (фиксация и разрешение ходатайств, предъявление материалов дела для ознакомления и т. д.);

направленные на собирание и проверку доказательств (допрос, осмотр, обыск и т. п.);

состоящие в использовании доказательств для формулирования и обоснования выводов о результатах производства по делу (составление обвинительного заключения, приговора).

В судопроизводстве все названные виды действий взаимосвязаны, хотя с точки зрения реализации задач доказывания и

---

¹ Способы использования доказательств также характеризуются системой приемов, операций, правил (например, принятие процессуальных решений и составление процессуальных документов). Но их характер иной, нежели при информационном доказывании.

играют различную роль. Одни — составляют сам процесс соби-
рания и проверки доказательств, другие — обеспечивают пол-
ноту, всесторонность, объективность хода и результатов дока-
зывания¹, третьи — составляют процесс использования (оценки)
собранных и проверенных доказательств. Таким образом, к по-
нятию следственных и судебных действий в широком смысле
понятие способов собирания и проверки доказательств относится
как часть к целому².

Надо отметить вместе с тем, что законодатель применяет
понятие следственных (судебных) действий и в ином, значи-
тельно более узком смысле. В ст. 70 УПК РСФСР о следствен-
ных (судебных) действиях говорится как о способах собирания
и проверки доказательств, причем только таких, которые вклю-
чают непосредственное вступление следователя (суда) в контакт
с носителем информации, получение ее и фиксацию. Речь идет
о допросе, обыске, выемке, осмотре и тому подобных действиях.
Истребование же (или принятие) следователем и судом «готовых»
письменных сообщений или предметов, возможно являющихся
вещественными доказательствами, у лиц, их составивших или
обнаруживших до начала производства по делу (или хотя и в
период производства, но вне его рамок), законодатель относит
к иным способам собирания доказательств. Не включает ст. 70
УПК РСФСР в понятие следственных (судебных) действий по
собиранию и проверке доказательств также проверочные дей-
ствия, осуществленные в стадии возбуждения дела. Таким обра-
зом, исходя из указанной нормы процессуального законода-
тельства может быть предложена следующая система поня-
тий.

¹ Конечно, значение таких процессуальных действий, как, например, избрание меры пресечения, разъяснение прав участникам процесса, предъ-
явление материалов дела для ознакомления, отнюдь не сводится к «об-
служиванию» доказывания. Однако в настоящей работе эти процессуаль-
ные действия рассматриваются именно с точки зрения их значения для
доказывания.

² М. А. Чельцов («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 270)
предложил различать группы следственных действий, направленные не-
посредственно на доказывание и на обеспечение возможности судебного
разбирательства и применения к виновному правовых санкций (меры пре-
сечения и т. п.). Предложенная М. А. Чельцовым классификация неполна,
так как не выделяет действия по оценке доказательств, по обеспечению
получения доказательств и т. д. Более детальную классификацию процес-
суальных, т. е. следственных и судебных действий в широком смысле,
дает А. М. Ларин (указ. работа, стр. 148). Однако ему не удалось выде-
лить все реально существующие группы, как и соблюсти единство осно-
ваний классификации: часть следственных и судебных действий сгруппи-
рована им, исходя из их целенаправленности, а часть — исходя из преоб-
ладания в них элементов процессуального принуждения. Более совершен-
ная попытка предпринята С. А. Шейфером в работе «Сущность и способы
собирания доказательств в советском уголовном процессе» (М., 1972).

Способы собирания и проверки доказательств:

1. Следственные и судебные действия по собиранию и проверке доказательств.

2. Иные способы собирания и проверки доказательств:

1) проверочные действия в стадии возбуждения уголовного дела (получение заявлений и сообщений, истребование объяснений и иных материалов);

2) истребование документов и предметов по инициативе органа, осуществляющего производство по делу: а) требование представить уже имеющиеся документы и предметы, б) требование провести ревизию и представить ее результаты, в) требование составить и представить документы (справки, характеристики и т. п.);

3) принятие сообщений (в том числе документов и предметов, представленных по инициативе: а) участников процесса, б) учреждений и организаций, в) общественности, г) иных лиц.

Всем этим способам (а не только следственным и судебным действиям в узком смысле) присущи все элементы, о которых говорилось выше, хотя они выражены не с одинаковой степенью детализации. Все они обладают процессуальной формой в единстве с содержанием. Поэтому было бы неверно считать иные, кроме следственных (судебных) действий, способы собирания и проверки доказательств «непроцессуальными». Их процессуальная форма иная, нежели у следственных действий, менее детализирована, но она существует.

Рассмотрим подробнее особенности способов собирания и проверки доказательств, связанные с их истребованием и принятием (представлением), с тем чтобы определить их сходство и различие между собой и следственными (судебными) действиями.

Закон (ст. 70 УПК РСФСР) предусматривает право следователя и суда «требовать от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан представления предметов и документов...». Поскольку об этом способе собирания доказательств упоминается наряду с обыском и выемкой, очевидно, что речь идет о случаях, когда, во-первых, наличие и характер предметов и документов известны и, во-вторых, нет никаких оснований опасаться их сокрытия, уничтожения или повреждения владельцем. Например, истребование предметов и документов вполне заменяет обыск и выемку, когда к делу надо приобщить имеющиеся у потерпевшего документы, фиксирующие номер и другие признаки похищенной вещи; приобщить имеющиеся в учреждении, но не представленные вместе с заявлением о гражданском иске документы, фиксирующие размер причиненного кражей ущерба, и т. п. Истребование предметов и документов должно осуществляться в письменной форме, а приобщение к делу — на основе сопроводительного письма или протокола о

принятии документов (предметов), если они представлены должностным лицом или гражданином лично¹.

Некоторую специфику имеет требование производства ревизии и представления ее результатов или требование составления и представления документов (справок, характеристик), необходимых для дела. Здесь речь идет не просто о представлении документов, составленных вне связи с производством по делу, а о поручении составить такие документы именно в интересах производства по делу². Причем закон не регламентирует порядок составления этих документов, но лишь порядок дачи поручения об этом и приобщения к делу: он общий для доказательств данного вида (ст. 88 УПК РСФСР)³. В процессуальной форме фиксируется не ход действий соответствующих лиц по составлению документов, а лишь основания для этих действий и их результаты. В этом состоит основное отличие иных способов собирания и проверки доказательств от следственных (судебных) действий. Например, письменное требование о производстве ревизии, исходящее от следователя или суда, направляется в порядке ст. 70 УПК РСФСР, а сама ревизия лежит за рамками процесса и представляет собой административно-хозяйственную деятельность, регулируемую ведомственными актами⁴. В то же время материалы ревизии, приобщенные к делу, могут иметь доказательственное значение, как и другие документы, исходящие от должностных лиц, учреждений и организаций (ст. 88 УПК РСФСР).

¹ Элементы обеспечения полноты и достоверности доказательственной информации (в том числе путем применения мер процессуального принуждения) присущи и этим способам доказывания. Главным образом они осуществляются в форме разъяснения, что отказ или уклонение от представления имеющихся сведений и предметов может повлечь производство допроса, обыска и т. п., как и привлечение к общественной, дисциплинарной или иной ответственности.

² Законодатель правильно говорит в ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР об истребовании предмета, а не вещественного доказательства, так как в качестве последнего истребованный предмет может быть приобщен лишь после осмотра и других действий, предусмотренных ст.ст. 83, 87 УПК РСФСР. Термин «предметы и документы» было бы целесообразно применить и в ч. 2 ст. 70.

³ См. гл. XII. Целесообразно обращать внимание лиц, которым поручается ревизия, что если будут обнаружены объекты, являющиеся вещественными доказательствами (учетные документы с признаками подделки и т. п.), об этом надо сообщить следователю (суду) для производства выемки и осмотра таких объектов. Если же лица, производившие ревизию, сами изъяли и приложили к акту такого рода объекты, вопрос о доказательственном значении последних решается самостоятельно с соблюдением правил ст.ст. 83, 87 УПК РСФСР.

⁴ Надо отметить, что следственная и судебная практика расширительно толкует правомочие требовать производства ревизии, включая в это понятие и производство иных ведомственных проверок, инвентаризаций и т. п. Доказательственное значение документов придается, в частности, материалам ведомственных комиссий ГВФ, создаваемых для выяснения

Отличие рассматриваемого способа собирания доказательств от способов, реализуемых в следственных (судебных) действиях, отнюдь не должно рассматриваться как влекущее снижение ценности доказательств, полученных этим путем. Дело в другом. Порядок собирания доказательственной информации, содержащейся в документах, приспособлен к обнаружению, получению и закреплению в деле фактических данных справочного характера, доброкачественность которых зависит главным образом от компетентности и осведомленности лиц, ею обладающих. Вместе с тем содержание информации и условия придания ей документальной формы могут быть в случае необходимости проверены с помощью следственных (судебных) действий. Именно в связи с тем, что ожидаемые помехи и искажения при собирании доказательств данного вида могут быть сравнительно легко выявлены (по сравнению, например, с получением показаний), процессуальная регламентация истребования документов (включая требование составления новых документов) относительно проста. Поэтому часть (но только часть!) процессуальных гарантий, относящихся к получению информации, заменяется гарантиями, вытекающими из регламентации служебной или общественной деятельности составителей документа¹.

Своеобразная форма истребования документов и одновременно участия общественности в доказывании на предварительном следствии — это проведение обследований условий жизни и воспитания несовершеннолетних обвиняемых (потерпевших) по поручению органа, в производстве которого находится дело². Речь идет главным образом об ознакомлении на месте (путем бесед с осведомленными лицами, изучения документов и т. п.) с тем, в каких условиях живет обвиняемый, как он проводит свое время, как ведет себя в быту, в коллективе и т. д. С помощью обследований нередко выясняется, что способствовало совершению преступления, а также устанавливаются характеризующие

обстоятельств авиационного происшествия («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1962 г. № 1, стр. 22). Материалы ревизии (проверок) могут быть истребованы (или представлены по инициативе соответствующих лиц) как в стадии возбуждения дела, так и в последующих стадиях судопроизводства.

¹ Например, в составлении характеристик участвуют должностные лица и представители общественности, непосредственно соприкасающиеся с лицом, о котором идет речь; данные о поощрениях, взысканиях, выполнении норм и т. п. берутся из соответствующих документов; проект характеристики подвергается коллегиальному обсуждению; он визируется и подписывается несколькими лицами и т. д.

² Подробнее об обследованиях как способе собирания и проверки доказательств см. Н. И. Гук ов с к а я, Деятельность следователя и суда по предупреждению правонарушений несовершеннолетних, М., 1967, стр. 33—40; «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 133, 502.

личность обстоятельства. Этим путем могут быть также проверены некоторые данные, имеющиеся в деле (например, показания родственников обвиняемого о его безукоризненном поведении дома). Обследование может быть поручено лицу (лицам), выделенному общественной организацией (коллективом) для непосредственной помощи следователю.

Если в справках, составляемых в результате обследования уполномоченным на то лицом, указаны источники приводимых сведений, то эти справки могут быть приобщены к делу в качестве документов (ст. 88 УПК РСФСР). Они должны рассматриваться как производные доказательства, аналогичные актам ревизий и проверок¹.

Часть 2 ст. 70 УПК РСФСР дает право представления доказательств не только участникам процесса, но и любому гражданину, любому предприятию, учреждению, организации, если в их распоряжении имеется фактический материал, могущий иметь значение для дела.

Участники процесса, отдельные граждане, а также учреждения, предприятия, организации, не являющиеся участниками процесса², могут представлять доказательства на любой стадии процесса.

Реализация этого права составляет содержание одноименного способа собирания и проверки доказательств и осуществляется путем представления следователю или суду гражданами, представителями общественности, должностными лицами документов и предметов по своей инициативе³.

Не означает ли рассматриваемая норма, что некоторые доказательства появляются в деле вообще вне рамок процесса? Разумеется, нет. Речь идет об обнаружении вне этих рамок документов, вещественных объектов и иных фактических данных, которые, возможно, будут служить доказательствами.

¹ В той мере, в какой это окажется необходимым, могут быть получены и проверены первоначальные доказательства, на которые имеется ссылка в акте обследования (допрошены лица, с которыми беседовал следователь, истребованы документы и т. д.).

Документы, составленные представителями общественности, не могут рассматриваться как обладающие предустановленной достоверностью или имеющие преимущество перед другими документами и подлежат проверке на общих основаниях в соответствии со ст. 70 УПК РСФСР.

² Термин «лица, не являющиеся участниками процесса», следует понимать в том смысле, что эти лица не охватываются понятием «участники процесса» в его специальном значении, установленном гл. III УПК РСФСР, а не в том смысле, что они вообще не участвуют в доказывании.

³ Именно в этом основное отличие между истребованием и представлением как способами собирания доказательств. Другое отличие в том, что истребуются лишь предметы и документы, представлены же могут быть и устные сообщения (хотя они в конечном счете документируются).

Собирание же их осуществляется с помощью предусмотренных законом способов при соблюдении порядка, необходимого и достаточного, чтобы обеспечить допустимость соответствующих данных. Поскольку необходимо зафиксировать происхождение представленных предметов и документов, принятие их следователем и судом обязательно сопровождается комплексом следственных (судебных) действий по собиранию и проверке доказательств¹.

Истребование, как и представление, доказательств — это способы собирания только той фактической информации, которая содержится в предметах и документах. Правда, характеристика этих способов в законе неидентична: применительно к истребованию говорится о предметах и документах, «могущих установить необходимые по делу фактические данные» (ч. 1 ст. 70); применительно же к представлению — о «доказательствах». Поэтому может сложиться мнение, что участниками процесса и иными лицами могут быть по своей инициативе представлены доказательства любого вида. Это, однако, не так. Доказательства, получение которых является результатом следственных (судебных) действий по их собиранию и проверке: показания, заключения эксперта и т. д., не могут быть представлены участниками процесса и иными лицами. Исключительной компетенцией на производство следственных (судебных) действий обладает лишь орган, осуществляющий производство по делу в соответствующей стадии. Поэтому практически ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР закрепляет возможность непосредственного представления участниками процесса и иными лицами лишь предметов, которые, возможно, являются вещественными доказательствами, и документов. Более широкая ее формулировка по сравнению с формулировкой ч. 1 ст. 70 относительно истребования доказательств связана с тем, что законодатель имеет в виду не только представление самих доказательств «в натуре», но и представление сообщений об их наличии — об обнаруженном месте происшествия, следах и других вещественных объектах, не могущих быть доставленными к следователю (в суд); о лицах, которым, возможно, известны обстоятельства дела и наличие доказательств; о том, что лицу, представляющему сообщение, известны обстоятельства дела и т. д.

Такого рода сообщения фиксируются в протоколе в качестве заявлений или ходатайств². Сообщения граждан и должностных

¹ Следственные (судебные) действия эти могут быть различны по характеру и объему в зависимости от того, представляются ли устные сообщения, документы, предметы и кто их представляет — участники процесса, иные должностные лица или граждане. Но производство их необходимо во всех случаях собирания доказательств путем представления.

² В случае поступления их в письменном виде должно быть удостоверено происхождение (подпись и адрес гражданина, штамп учреждения и т. п.). Если содержание недостаточно конкретно (например, не указан

лиц об обнаружении ими следов и других вещественных объектов, не могущих быть доставленными следователю (в суд), могут носить характер сообщений о подготавливаемых или совершенных преступлениях. На основании сообщения производится осмотр, обыск и т. д.

Как разновидность сообщения о преступлениях (ст. 110 УПК РСФСР) могут рассматриваться и заявления о лицах, которым возможно известны обстоятельства дела и наличие доказательств¹. На основании этих сообщений производятся допросы.

Допрос граждан или должностных лиц, явившихся по своей инициативе с просьбой о допросе их в качестве свидетелей, производится по общим правилам. В протоколе допроса явившегося лица целесообразно отметить факт его явки по своей инициативе и записать в его объяснениях, откуда ему стало известно о ведущемся производстве по делу (если речь идет не об участнике процесса). Эти данные помогут проверке и оценке показаний.

Что касается представления участниками процесса и иными лицами предметов и документов «в натуре», то, как правило, это: а) случайно обнаруженные или имевшиеся у них вещественные объекты и документы, содержащие фактические данные о событии и его участниках²; б) случайно обнаруженные или имевшиеся у них документы, содержащие фактические данные о личности обвиняемых (потерпевших); в) вещественные объекты и документы, содержащие данные о событии и его участниках³, собранные в ходе служебных действий или исполнения общественных обязанностей по предупреждению, пресечению, выявлению нарушений закона⁴; г) собранные или подготовленные аналогичным путем документы о личности обвиняемых (потерпевших).

О принятии вещественного объекта составляется протокол в присутствии понятых и лица, представившего этот объект, со

источник осведомленности лиц или характер фактических данных, на наличие которых указывается, или их местонахождение), лицо может быть вызвано для дачи дополнительных сведений.

¹ Заявления и ходатайства участников процесса с указанием на наличие доказательств есть в то же время форма реализации их процессуальных прав.

² Для проявления такой инициативы участниками процесса, а также должностными лицами, представителями общественности, гражданами, не являющимися участниками процесса, существуют различные правовые основания (соответственно и процессуальные полномочия, служебные обязанности, общественные обязанности, моральный долг члена общества). Но порядок представления доказательств и их круг по существу один и тот же.

³ Имеется в виду событие в широком смысле, включая последствия, размер материального ущерба, способствующие обстоятельства и т. д.

⁴ Как и материалы ревизий и проверок, истребуемые по инициативе следователя (суда), эти данные могут быть представлены либо в стадии возбуждения дела, либо в последующих стадиях судопроизводства.

ссылкой на ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР (при передаче вещественного объекта суду этот факт заносится в протокол судебного заседания).

Результаты последующего детального осмотра объекта следователем (судом) фиксируются в отдельном протоколе или заносятся в протокол представления вещественного объекта (ср. ч. 5 ст. 179 УПК РСФСР).

Если результаты проводимых в связи с принятием объекта допросов, осмотров и экспертиз приводят к выводу, что представленный объект действительно является вещественным доказательством, выносится постановление о приобщении его к делу.

При заявлении лица о наличии у него документа, возможно относящегося к делу, это заявление излагается в письменном виде, после чего составляется протокол представления и принятия документа или эти действия фиксируются в протоколе допроса¹. Если сообщение о наличии документов исходит от должностного лица, они могут быть представлены либо в таком же порядке, либо направлены с сопроводительным письмом, содержащим необходимые сведения об их происхождении.

Члены семьи обвиняемого и иные лица могут представить имеющиеся у них документы, подтверждающие военные и производственные заслуги обвиняемого, указывающие на наличие у него болезни и т.д. Должностные лица могут представить документы (акты ревизий, инвентаризаций, проверок и т.п.), содержащие данные об обстановке совершения преступления, виновных лицах, причиненном ущербе, обстоятельствах, способствовавших преступным действиям, и т.д.; документы, характеризующие обвиняемых и потерпевших (копии приказов, характеристики)².

В ряде случаев предметы и документы, возможно содержащие необходимые по делу данные, представляются дружинами, об-

---

¹ Закрепление в законе права участников процесса и иных лиц на представление доказательств не означает, что этот способ собирания доказательств может ими использоваться как конкурирующий со следственными (судебными) действиями или что эти лица наделяются неограниченным правом самостоятельного собирания доказательств. Не говоря уже о том, что исключительная компетенция производства следственных (судебных) действий принадлежит органу, осуществляющему производство по делу, право представления доказательств имеет в виду главным образом предметы и документы, оказавшиеся в распоряжении соответствующего лица. Располагая данными о наличии предметов и документов у других лиц, участник процесса или иное лицо должен сообщить об этом следователю (суду). Из этого правила возможны исключения (например, защитник вправе просить о выдаче ему характеристики обвиняемого в случае, если следователь не считает необходимым ее истребовать).

² Разумеется, все эти документы подлежат проверке и оценке на общих основаниях. В частности, к актам ревизии и проверок, характеристикам и другим документам, представленным по инициативе должностных лиц, следователь и суд вправе предложить представить дополнения.

пешественными инспекциями и другими самостоятельными организациями по борьбе с правонарушениями. Так, значение доказательства (ст. 88 УПК РСФСР) приобретает принятый следователем акт, фиксирующий основные обстоятельства события и подписанный очевидцами и лицами, участвовавшими в пресечении преступления и задержании преступника¹.

К некоторым актам прилагаются предметы, могущие иметь впоследствии значение вещественных доказательств (неправильные измерительные приборы, фальсифицированные продукты и пр.), причем их внешний вид, факт изъятия в определенном месте, при участии и в присутствии определенных лиц фиксируются в акте. Это служит гарантией того, что указанные объекты не утратят доказательственного значения после возбуждения уголовного дела. Разумеется, признание указанных объектов вещественными доказательствами и приобщение их к делу происходит на основе общих правил, установленных законом (ст.ст. 83—86 УПК РСФСР).

Иногда дружинники при захвате преступников с личным прибегают к фотографированию (момента передачи предмета спекуляции, обстановки в помещении после хулиганского дебоша и т. д.). Эти фотографии — при условии, что в акте или иным способом зафиксированы время, место съемки и лицо, ее осуществившее, — могут быть приложены к акту. Такое же значение могут иметь выписки из учетной документации штабов дружин, фиксирующие дату и время, мотивировку доставления, данные о личности и состоянии нарушителя, обнаруженных у него оружия и других предметах, сведения о задержавших его лицах. В случаях, когда товарищеский суд или комиссия по делам несовершеннолетних сочтут необходимым передать рассматриваемые ими материалы для привлечения виновных к уголовной ответственности, имеющиеся в этих материалах акты, справки, характеристики, объяснения, заявления также должны рассматриваться как документы в смысле ст. 88 УПК РСФСР².

Для того чтобы обеспечить гражданам и представителям общественности возможность сделать соответствующее заявление или передать имеющиеся предметы и документы, в необходимых случаях с учетом правил ст. 139 УПК РСФСР оповещаются коллектив или граждане населенного пункта о сущности дела и о том, какие сведения необходимы органам расследования. Для этого могут быть использованы местная печать, радио, телевидение.

¹ Положения о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка, о комиссиях и группах общественного контроля за работой предприятий торговли и общественного питания предусматривают случаи составления таких актов; разработаны и их примерные формы.

² См. п. «г» ст. 35 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних РСФСР, ст. 17 Положения о товарищеских судах.

Такого рода обращения требуют, однако, большой осторожности. Их содержание не должно влечь разглашения без необходимости данных дела. Нельзя придавать им характер сенсации или допускать, чтобы они внушали страх населению или облегчали виновному возможность скрыть следы преступления.

При рассмотрении способов собирания доказательств, состоящих в истребовании и представлении последних, следует указать на важное обстоятельство, позволяющее устранить или существенно уменьшить опасность полной или частичной потери или искажения фактических данных в результате того, что часть действий по их обнаружению и получению протекает без участия органа, осуществляющего производство по делу.

Рассматриваемые способы всегда на определенном этапе должны «перекрещиваться» с использованием следственных (судебных) действий, цель которых контролировать получаемую фактическую информацию и выявлять возможные пробелы и искажения в ней. Иными словами, выводы, основанные на приобщаемых к делу истребованных или представленных доказательствах-документах, вещественных доказательствах, всегда являются как бы синтезом результатов двух линий собирания и проверки доказательств: одна из них состоит в непосредственном истребовании или представлении, а другая — в проведении удостоверяющих и контрольных следственных (судебных) действий. Доказательственная информация здесь — результат сочетания нескольких информационных «поток», каждый из которых, существуя раздельно, не способен дать такого знания, как их интеграция. Объединение двух или более информационных систем приводит к появлению в деле доказательства, полностью удовлетворяющего условиям допустимости и относимости¹.

Теоретический и практический интерес представляет вопрос о зависимости круга допустимых способов собирания и проверки доказательств от стадии производства по делу и органа, осуществляющего производство. Анализ законодательства, следственной и судебной практики приводит к следующим выводам:

а) в принципе такие способы доказывания, как истребование и представление доказательств, применимы в любой стадии судопроизводства, включая возбуждение дела (ч. 2 ст. 109, ст. 110 УПК РСФСР)², предание суду (ст. 223), производство в кассационной и надзорной инстанции (ст. ст. 337, 338, 377);

¹ Эта особенность отчетливо проявляется и на уровне отдельных следственных (судебных) действий по собиранию и проверке доказательств и может служить базой для системы их классификации. Термин «интеграция информационных систем» применительно к процессуальному доказыванию предложен С. А. Шейфером («Познавательное значение следственных действий и их система», «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 15, М., 1972, стр. 58).

² В этой стадии они принимают форму проверочных действий.

б) проверочные действия (ч. 2 ст. 109, ст. 110 УПК РСФСР) могут иметь место только в стадии возбуждения уголовного дела; в) следственные (судебные) действия по собиранию и проверке доказательств применяются:

в стадии возбуждения дела — только осмотр места происшествия (ст. 178 УПК РСФСР);

при производстве дознания по делам, по которым предварительное следствие обязательно, — в пределах, необходимых для установления и закрепления следов преступления, установления подозреваемых¹;

при производстве предварительного следствия и в стадии судебного разбирательства — в полном объеме;

в стадиях предания суду, кассационного и надзорного производства — только осмотр вещественных доказательств и документов.

Таким образом, круг допустимых способов собирания и проверки доказательств соотнесен законодателем с конкретными задачами каждой стадии судопроизводства, предоставляя каждый раз необходимые и достаточные возможности для реализации этих задач и вместе с тем препятствуя выходу за их пределы.

Советскому уголовному судопроизводству на всех этапах его развития была присуща вся система способов доказывания, описанная выше. Надо вместе с тем отметить, что эта система дифференцируется и детализируется. С одной стороны, «отпочковываются» новые следственные и судебные действия (см. § 2), что позволяет с максимальной полнотой использовать в судопроизводстве достижения науки и более полно и точно отражать в правилах собирания и проверки доказательств закономерности возникновения, передачи, сохранения различных видов информации. С другой стороны, в целях максимального повышения надежности системы доказательств по конкретному делу детализируется регламентация иных способов доказывания, кроме следственных (судебных) действий, а равно формируются комплексные способы доказывания, позволяющие многократно проверять собираемые фактические данные.

В принципе нельзя исключить и появление новых способов собирания и проверки доказательств. Возможно, например, что норма относительно вызова или допуска в судебное заседание представителей учебно-воспитательных учреждений, в которых воспитывался несовершеннолетний обвиняемый, и общественных

¹ Отсюда: а) ограничивается перечень следственных действий, которые правомочны производить органы дознания (ст. 119 УПК РСФСР); б) следует соответственно ограничить истребование предметов и документов. В то же время участники процесса и иные лица вправе представить органу дознания доказательства, относящиеся к обстоятельствам, установление которых — компетенция следователя.

организаций по месту его учебы и работы, а равно по месту работы родителей (ст. 400 УПК РСФСР) послужит базой для одного из таких новых способов. Хотя закон связывает участие названных лиц в судебном заседании с «усилением воспитательного воздействия» последнего, несомненно, что вопрос этот имеет и другой аспект. Вызванные представители могут по просьбе суда высказать свое мнение о существенных обстоятельствах дела¹. Эти сообщения не могут рассматриваться как показания; вместе с тем они могут содержать новую информацию. Аналогичные сообщения можно высказать и применительно к объяснениям обвиняемого, потерпевшего и других лиц, которые могут быть даны в распорядительном заседании при решении вопроса о предании обвиняемого суду (ст. 223 УПК РСФСР), в заседании суда кассационной и надзорной инстанции (ст. 338) и т. д. Думается, что в дальнейшем вопросы собирания этим способом новой фактической информации и проверки уже имеющихся материалов будут более подробно регламентированы процессуальным законом².

§ 2. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Рассмотрев систему способов собирания и проверки доказательств в уголовном процессе, мы можем проанализировать соотношение ее звеньев. Бесспорно, что основное ее звено — следственные (судебные) действия³. Это и понятно. Следственные действия

¹ В частности, в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РСФСР от 26 мая 1965 г. указанные лица «в случае необходимости могут дать свои пояснения о мерах, принимавшихся по воспитанию и исправлению подсудимого» («Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1965 г. № 8, стр. 7). Очевидно, что эти пояснения содержат фактические данные, существенные для индивидуализации ответственности и наказания обвиняемого, как и для установления обстоятельств, способствующих совершению преступления.

² По мнению В. Д. Арсеньева, объяснения, полученные не в результате допроса, уже по одной этой причине не могут иметь доказательственного значения («Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса», Иркутск, 1969, стр. 156). Эта точка зрения не учитывает, однако, что производство следственных и судебных действий по собиранию и проверке доказательств есть лишь один из способов доказывания, а не единственно возможный. Следует отметить, что буквально несколькими строчками ниже автор говорит о доказательствах, полученных «не следственными действиями».

³ В ст. 70 УПК РСФСР говорится о следственных действиях лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда по делам, которые находятся у них в производстве. Таким образом, термин «следственные действия» охватывает и действия суда по собиранию и проверке доказательств. Поэтому в дальнейшем изложении термин «следственные действия» будет применяться в смысле следственные (судебные) действия. Разумеется, речь будет идти лишь о следственных действиях в узком смысле, т. е. о действиях по собиранию и проверке доказательств.

представляют собой приспособленные к получению и передаче определенного вида информации комплексы познавательных и удостоверительных приемов, операций по собиранию и проверке доказательств, предусмотренные процессуальным законом в виде правил, и осуществляемые непосредственно следователем (судом). Именно последнее обстоятельство — непосредственная реализация органом, осуществляющим уголовное судопроизводство всей совокупности действий по обнаружению «потенциально» существующей информации, ее получению (извлечению) и закреплению, — обеспечивает максимальную полноту получаемой информации и создает дополнительные гарантии ее надежности.

Другие способы собирания и проверки доказательств — проверочные действия, истребование, представление доказательств — играют подчиненную, субсидиарную роль (в ст. 276 УПК РСФСР о доказательствах, полученных путем истребования, говорится как о «дополнительных»). С их помощью выявляются и восполняются пробелы доказательственного материала, возникшие в результате несвоевременного, неполного или неправильного проведения следственных действий, а равно ведется собирание и проверка доказательств, необходимых для возбуждения уголовного дела (отказа в этом) или для отмены, изменения, оставления в силе приговора, определения, постановления, вынесенных по делу¹.

В литературе высказана точка зрения, что собирание доказательств может осуществляться как с помощью следственных действий, так и иных предусмотренных процессуальным законом способов, а проверка доказательств — только с помощью следственных действий². В действительности, такое разграничение области применения следственных действий и иных способов доказывания не основано на законе. Наоборот, из смысла ст. ст. 70,

¹ Роль следственных действий как основного звена системы способов собирания и проверки доказательств, как и то обстоятельство, что они в той или иной форме включаются и в иные способы доказывания (см. § 1), приводит некоторых исследователей к отождествлению процессуальной формы доказывания и порядка производства следственных действий, понятий «способ доказывания» и «следственное действие». О позиции М. С. Строговича по этому вопросу уже упоминалось. Аналогична и позиция М. Л. Якуба («Процессуальные проблемы оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого». Автореферат докторской диссертации, Л., 1970, стр. 14).

С этой точкой зрения нельзя согласиться. Процессуальную форму имеют не только следственные действия, но и иные способы собирания и проверки доказательств; следственные действия являются основным, но не единственным процессуальным способом собирания и проверки доказательств (см. § 1).

² Так, по мнению В. Д. Арсеньева, в отличие от собирания, исследование доказательств (этот термин здесь применен в значении проверки. — Авт.) может проводиться только производством следственных действий (назв. работа, стр. 35).

131, 337 УПК РСФСР вытекает, что истребование и представление доказательств могут производиться и с целью проверки собранного доказательственного материала. Вообще, поскольку один из путей проверки доказательств — дополнительное собирание доказательств, относящихся к тому же обстоятельству, что и проверяемые, либо к обстоятельствам их получения, поскольку очевидно, что при проверке доказательств может быть использована вся совокупность способов, используемых при их собирании.

Анализ норм закона, регламентирующих собирание и проверку доказательств, позволяет выделить следующие виды следственных действий: допрос обвиняемого (подозреваемого), допрос свидетеля (потерпевшего)¹, очная ставка, предъявление для опознания, обыск, выемка, осмотр², освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, следственный эксперимент, проверка показаний на месте, экспертиза³. В свою очередь в рамках некоторых видов следственных действий выделяются их разновидности. Только что было указано, в частности, на разновидности допроса — допрос обвиняемого и свидетеля. Подобно этому выделяются разновидности очной ставки (в зависимости от того, между кем она производится), обыска и выемки (личный обыск, выемка почтово-телеграфной корреспонденции), осмотра (осмотр места происшествия, вещественных доказательств, трупа) и т. д.⁴. Речь идет об особенностях производства тех или иных следственных действий с учетом их конкретных задач; в то же время применяются все общие правила, относящиеся к данному следственному действию⁵.

---

¹ Законодатель специально оговаривает необходимость применять при допросе потерпевшего и подозреваемого общие правила допроса соответственно свидетеля и обвиняемого (ст.ст. 123, 161 УПК РСФСР). Поэтому допросы свидетеля и потерпевшего, с точки зрения собирания и проверки доказательств этим путем, могут рассматриваться как разновидности одного и того же следственного действия; такой же вывод может быть сделан относительно допроса обвиняемого и подозреваемого.

² Применительно к стадии судебного разбирательства закон говорит еще об «оглашении документов» (ст. 292 УПК).

³ В литературе нет общепринятой точки зрения относительно места экспертизы в системе способов доказывания. В принципе возможно либо признание ее видом следственного действия, либо выделение в самостоятельный способ собирания и проверки доказательств.

⁴ В соответствии со ст. 180 УПК РСФСР эксгумация трупа должна рассматриваться не как самостоятельное следственное действие, а как разновидность осмотра трупа с предшествующим извлечением из места захоронения.

⁵ Своеобразное положение создалось с освидетельствованием. Одни кодексы (ст. 193 УПК УССР) рассматривают его как разновидность экспертизы, другие (ст. 181 УПК РСФСР) как самостоятельное следственное действие, примыкающее к осмотру. Представляется, что позиция законодателя союзных республик интересна в том отношении, что служит допол-

Закон детально регламентирует порядок и содержание производства следственных действий, определяя не только то, что должны или могут делать лица, производящие дознание, следовательно, прокурор, суд, но и как они должны или могут действовать. Процессуальные нормы конкретизируются тактическими рекомендациями, которые на основе закона разрабатывает криминалистика.

Следственные действия по собиранию доказательств осуществляются только после возбуждения уголовного дела. Исключение допускается лишь для случаев, когда без производства осмотра невозможно выяснить, есть ли основания для возбуждения уголовного дела. В этих случаях осмотр может быть произведен до возбуждения уголовного дела (ст. 178 УПК РСФСР)¹.

По приостановленным делам следственные действия могут производиться после возобновления производства по делу. Однако по делам, приостановленным за нерозыском лица, подлежащего привлечению к ответственности (п. 1 ст. 195 УПК РСФСР), могут производиться следственные действия, направленные на отыскание виновного или материалов, указывающих место его пребывания.

Следственные действия могут производиться только в порядке, установленном законом.

Надлежащий процессуальный порядок включает:

а) наличие фактических и правовых оснований, требуемых законом для производства следственного (судебного) действия. Под фактическими основаниями понимаются конкретные данные, обу-

нительным аргументом правомерности точки зрения, приравнивающей экспертизу (здесь в одной из ее разновидностей) к следственным действиям, поскольку одно и то же действие по собиранию доказательств классифицируется то как экспертиза, то как осмотр. В то же время по существу более предпочтительна точка зрения, что освидетельствование — разновидность осмотра, так как иначе возникает трудноустраняемая опасность «упрощенной» экспертизы.

¹ Вопрос об изменении круга способов доказывания (в том числе следственных действий) по стадиям процесса и о компетенции лица, производящего дознание, следователя и суда, относительно производства отдельных следственных действий рассматривался в § 1. Надо лишь дополнительно оговорить некоторые моменты: а) прокурор, осуществляющий надзор за исполнением законов в стадии дознания и предварительного следствия, а равно при расследовании вновь открывшихся обстоятельств, правомочен проводить любые следственные действия; б) правомочия следователя и суда первой инстанции относительно производства следственных действий равны, в том числе по точному смыслу ст. 70 УПК РСФСР суд правомочен вынести определение (постановление) о производстве обыска или выемки, поручив исполнение органу милиции; в) из равенства правомочий следователя и суда в части производства следственных действий вытекает, что суд не должен направлять дело на доследование, если обнаружившийся пробел в доказательственном материале может быть восполнен на судебном следствии (например, путем назначения экспертизы).

словливающие необходимость производства следственного (судебного) действия.

Ряд следственных (судебных) действий производится лишь при определенной совокупности данных, устанавливающих наличие предусмотренных законом обязательных признаков. Например, закон специально подчеркивает необходимость «достаточных оснований» для производства обыска¹.

Под правовыми основаниями разумеется наличие у органа расследования и суда правомочий на производство соответствующего действия в отношении данного лица и в данный момент, а равно осуществление установленного порядка принятия решения о производстве данного следственного действия (например, вынесение постановления об обыске, освидетельствовании);

б) предусмотренные законом *место и время*. Ряд следственных действий производится, по общему правилу, в кабинете следователя или зале судебного заседания (допрос, детальный осмотр изъятых предметов и документов). Вопрос о месте следственного действия имеет и другой аспект: при производстве действий, связанных с ограничением неприкосновенности жилища, место для них определяется путем исчерпывающего указания на помещения, где они могут проводиться. При производстве действий, связанных с ограничением тайны переписки, место для них определяется так, чтобы не допустить разглашения собранных данных, как и информации, которая была вначале получена, но признана не относящейся к делу.

Что касается времени производства следственного действия, то закон в ряде случаев определяет его неотложность (во избежание утраты доказательств) или незамедлительность после производства другого процессуального действия. Так, допрос подозреваемого производится немедленно после задержания или избрания меры пресечения, допрос обвиняемого — немедленно после предъявления обвинения. Имея в виду необходимость охраны прав и законных интересов граждан, выполнение отдельных следственных действий допускается, по общему правилу, лишь в определенное время суток;

в) проведение следственного действия с *участием предусмотренных в законе лиц*. Исходя из процессуальных норм, различаются обязательные и необязательные участники следственных действий. К первым помимо производящего расследование (состава суда)² относятся лица, без которых выполнение

¹ Необходимость производства обыска может обосновываться и фактическими данными, не имеющими доказательственного значения (вспомогательной информацией).

² Имеется в виду надлежащий субъект следственного действия, т. е. лицо, уполномоченное на производство по данному конкретному делу или на производство данного конкретного следственного действия.

следственного действия невозможно (например, переводчик, понятые) или недопустимо с точки зрения гарантий объективности и охраны прав участников процесса (например, при предъявлении для опознания лица, образующие группу).

Необязательные участники — это лица, которые в соответствии с законом могут привлекаться в соответствующих случаях к участию в следственном действии, чтобы обеспечить наибольшую эффективность данного или последующих следственных действий: участники процесса, специалисты, эксперты, технические помощники¹;

г) *соответствие вида следственного действия требованиям закона*. Суд, орган расследования обязаны выполнить именно то следственное действие, которое предусмотрено законом для данной ситуации, не допуская подмены его другим (например, производства допроса или очной ставки вместо предъявления для опознания, осмотра — вместо обыска и т. д.).

Тем более закон не допускает подмены следственных действий оперативными мероприятиями, так как последние имеют иной характер по природе и задачам, приемам и формам проведения, а также по значению их результатов для дела. Не допускается и смешение различных следственных действий. В частности, не основаны на законе рекомендации производить в отдельных случаях: «осмотр-обыск», «осмотр-предъявление для опознания», «следственный эксперимент-осмотр», «допрос-обыск» и т. д.².

Смешение следственных действий не допускается именно потому, что это приводит к произвольному порядку их производства, и тем самым — к отказу от порядка, оптимального для получения информации данного вида³. При необходимости одновременного

¹ Упомянув лиц, которые допускаются к участию в следственных действиях по усмотрению лица, производящего расследование, закон не решает вопроса о порядке привлечения технических помощников (участников опытов в эксперименте и т. д.). Между тем на практике нередко возникают различные неясности. Была бы целесообразна поэтому законодательная регламентация данного вопроса.

² Проведение таких «смешанных» действий рекомендовалось, в частности, в статье Г. Н. Мудьюгина «Методика следствия по делам, возбужденным в связи с исчезновением потерпевшего» («Социалистическая законность» 1963 г. № 5, стр. 67—70).

³ Некоторые следственные действия характеризуются (как упоминалось в § 1 и как будет показано ниже) соединением нескольких «поток» информации (очная ставка, предъявление для опознания и т. д.). Но это соединение осуществляется путем применения комплекса взаимосвязанных познавательных и удостоверительных операций, а не путем механического смешения нескольких операций, относящихся к разным комплексам. Что касается сочетания следственных действий с иными способами доказывания, о чем говорилось в § 1, то и в этих случаях различные способы доказывания не смешиваются. Речь идет о другом — на определенном этапе истребования или представления доказательств переходит в следственное действие, замещается им.

выполнения нескольких следственных действий таковые производятся и фиксируются раздельно¹.

Недопустимы «следственные действия», не предусмотренные законом. К их числу относится, например, так называемая «добровольная выдача», которая предусмотрена законом в рамках обыска и выемки и не может рассматриваться как самостоятельное следственное действие.

Конечно, нельзя исключить развития системы способов доказывания, появления новых способов и видоизменения существующих. Об этом уже говорилось применительно к общей характеристике способов доказывания (§ 1) и можно повторить применительно к одному из таких способов — следственным действиям. Возможно, в частности, «отпочкование» новых следственных действий (как это произошло с предъявлением для опознания, следственным экспериментом, проверкой показаний на месте). Но до законодательной регламентации эти новые способы собирания доказательств развиваются и совершенствуются в процессуальных рамках тех следственных действий, которые предусмотрены законом. И каждое из них проводится по правилам, установленным для этих следственных действий, в качестве их разновидности, пока не получит процессуальной самостоятельности;

д) проведение следственного действия в *последовательности*, установленной законом. Установленная законом последовательность выполнения каждого следственного действия носит далеко не формальный характер. Строгая очередность основных его этапов гарантирует максимальную объективность и эффективность расследования и судебного разбирательства.

Попутно отметим, что некоторые следственные действия могут проводиться лишь после выполнения иных, предусмотренных законом действий. Например, предъявление для опознания — только после допроса опознающего, очная ставка — после допроса ее участников и т. п. Очередность следственных действий обусловлена также последовательностью отдельных этапов, стадий судебного производства (например, первоначальный этап предварительного расследования, предъявление обвинения, окончание расследования);

е) *меры обеспечения охраны и реализации прав и законных интересов лиц*, от которых получают доказательственную информацию в ходе следственного действия или которые владеют предметами и документами, содержащими эту информацию; лиц, уча-

---

¹ Например, может быть сделан перерыв в допросе для проведения очной ставки, осмотра с участием допрашиваемого и т. д.; одновременно с обыском или по его результатам лицо может быть допрошено и т. д. Поэтому представляется чрезмерно категорическим мнение А. М. Ларина о том, что существенным свойством следственных действий является непрерывность (назв. работа, стр. 145).

ствующих (присутствующих) в следственном действии; иных лиц, права и законные интересы которых могут быть связаны с ходом и результатами следственного действия. Речь идет о разъяснении прав на участие и ознакомление с результатами следственного действия и способствовании в реализации этих прав; о запрете действий следователя и суда, ставящих под угрозу здоровье, достоинство, безопасность граждан или выходящих за пределы задач, предусмотренных законом для данного следственного действия;

ж) меры предупреждения и пресечения попыток любых лиц помешать нормальному ходу или исказить результаты следственного действия, как и подготовительные меры, обеспечивающие сохранность доказательственной информации. Эти меры, как и любые другие элементы порядка производства следственных действий, дифференцированы по видам этих действий, но они всегда внутренне присущи их порядку, будучи проявлением единства процессуальной деятельности следователя и суда по установлению истины и охране законности;

з) фиксация хода и результатов следственного действия в установленной форме. Каждое следственное действие отражается в соответствующем процессуальном акте (протоколе, постановлении, определении). Для некоторых из них установлены и дополнительные формы фиксации (составление схем, фотографирование, киносъемка, звукозапись и т. д.).

Процессуальный порядок следственного действия каждого вида выражается совокупностью нормативных предписаний, разрешений, запрещений, ограничений и исключений, установленных законом относительно условий его производства. При этом надо иметь в виду, что помимо норм, непосредственно отнесенных к данному следственному действию, для регламентации его порядка имеют значение и другие нормы, корреспондирующие с ними (например, нормы глав УПК «Основные положения», «Участники процесса», «Доказательства»).

Процессуальный порядок следственного действия в сочетании с определением в законе его содержания, задач и средств их осуществления составляют всестороннюю характеристику следственного действия, все элементы которого существенны для обеспечения эффективности последнего¹. Определение в законе содержания следственного действия выражает объективно существующие основные закономерности получения и передачи

¹ Неточность допускает А. М. Ларин (см. «Автореферат», стр. 20), связывая эффективность доказывания лишь с применением в ходе следственных действий тактических приемов и технических средств, использованием оперативной информации, забывая при этом, что эффективность эта связана прежде всего с исполнением всех предписаний закона относительно условий производства следственных действий.

информации данного вида (точно так же, как и порядок производства создает оптимальные условия для всестороннего учета этих закономерностей и удостоверения хода и результатов познавательных операций).

Содержанием следственного действия определенного вида является нормативное описание (и предписание) частных или специальных методов познания, соответствующих природе того вида информации, которую предполагается получить. Так, содержанием допроса, очной ставки является расспрос; содержанием обыска — наблюдение, измерение; содержанием следственного эксперимента — опыт, моделирование, измерение и т. д. Причем законодатель закрепляет и систему приемов, операций, конкретизирующих содержание следственного действия. Например, предписывается при допросе сначала предложить допрашиваемому рассказать все известное по делу, а затем задавать более частные вопросы (ст. ст. 150, 158, 280, 283 УПК РСФСР), при предъявлении для опознания продемонстрировать опознаваемое лицо или объект в группе (ст. 165 УПК РСФСР).

Следственные действия имеют свою структуру (закономерный порядок связи элементов), которую можно трактовать в двух аспектах — применительно к этапам осуществления и применительно к минимальным компонентам, на которые членятся познавательные и удостоверительные операции¹. Конечно, каждое следственное действие в его конкретном «исполнении» неповторимо уже потому, что в каждом «участвуют лица с различным отношением к исследуемому деянию и задачам расследования, по-разному воспринявшие выясняемые обстоятельства, непохожие друг на друга по интеллекту и жизненному опыту, по психологическим и нравственным качествам... Индивидуальность, однако, не исключает типичности»². Выявление этой типичности необходимо как для совершенствования законодательной регламентации следственных действий, так и для разработки тактических рекомендаций по их производству.

В самой общей форме в каждом следственном действии могут быть выделены четыре этапа: подготовительный, обеспечивающий, познавательный, удостоверительный.

Содержание первого этапа:

а) орган расследования (суд) как по своей инициативе, так и по ходатайствам других участников процесса принимает решение о производстве действий по собиранию доказательств. В связи с этим решаются вопросы о необходимости производства данного действия, круге его участников, времени, условиях и т. д.

¹ О понятии элементов системы и их связей см. «Проблемы методологии системного исследования», М., 1970, стр. 35—40 и др.

² А. М. Ларин, Расследование по уголовному делу, М., 1970, стр. 149.

В свою очередь обвиняемый, потерпевший, защитник и другие участники доказывания своими ходатайствами и действиями по представлению объектов, возможно являющихся доказательствами, активно влияют на выбор способов доказывания, в том числе на принятие решений о производстве следственных действий¹.

б) органы расследования и суд накладывают арест на корреспонденцию, охраняют места, на которых сохранились следы происшествия или спрятаны отыскиваемые объекты, опечатывают хранилища и совершают другие действия по обеспечению сохранности доказательств. Они же осуществляют действия, которые обеспечивают доступ к доказательствам (например, вызов лиц, подлежащих допросу). Причем ряд действий на этом этапе может носить принудительный характер для соответствующих субъектов. Последнее отражает властные полномочия лица, производящего расследование. Таково, например, вынесение постановления о приводе, задержании подозреваемого и т. п.².

На втором этапе следственного действия участникам разъясняются права, обязанности и задачи следственного действия. Третий этап составляет осуществление познавательных приемов и операций. На заключительном, четвертом, этапе фиксируются в процессуальных документах ход и результаты следственного действия.

Наличие и указанная последовательность всех этих этапов следственного действия обеспечивают реализацию совокупности его задач, реализацию познавательного и удостоверительного аспектов доказывания. Поэтому они могут рассматриваться как элементы структуры следственного действия, развернутой во времени.

Что же касается характеристики следственных действий в операциональном аспекте (как совокупности приемов, средств, способов познания и удостоверения его хода и результатов), то представляется, что она может быть дана только применительно к каждому из видов этих действий или к их группам (а не «сквозная») в связи с качественным различием частных или специальных методов познания, лежащих в их основе. Так, элементами допроса

¹ Решение о производстве следственного действия всегда связано с предварительной оценкой уже собранных доказательств. Принятие таких решений представляет собой подготовительный этап нового следственного действия по дальнейшему собиранию и проверке доказательств. Этим примером отчетливо иллюстрируется тезис, что предварительная оценка доказательств как бы «разлита» во всей процессуальной деятельности по доказыванию, что собирание и проверка доказательств без их предварительной оценки невозможны.

² Конечно, эти действия осуществляются вне непосредственного собирания и проверки доказательств, но по своему содержанию относятся к обеспечивающим их мерам и поэтому могут рассматриваться как составные части подготовительного этапа следственного действия.

как системы познавательных и удостоверительных операций будут: а) приемы расспроса допрашиваемого (общий вопрос, частные вопросы, разъяснение последствий дачи ложных показаний, демонстрация доказательств); б) ответы допрашиваемого; в) приемы документальной фиксации хода допроса и показаний.

Элементами структуры обыска будут: а) приемы поиска предметов и документов, могущих иметь значение для дела; б) приемы наблюдения и измерения, позволяющие установить, что те или иные обнаруженные предметы и документы содержат доказательственную информацию; в) приемы изъятия и обеспечения сохранности предметов и документов; г) приемы документальной фиксации хода обыска и его результатов и т. д.

Нетрудно заметить, что нормы процессуального законодательства, регламентирующие производство следственных действий, расположены в основном именно так, чтобы сгруппировать следственные действия с однородной операциональной структурой¹. Закон классифицирует следственные действия следующим образом:

1) допрос (обвиняемого, подозреваемого, свидетеля, потерпевшего), очная ставка, предъявление для опознания (гл. гл. 12, 13 УПК РСФСР);

2) выемка, обыск, осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, проверка показаний на месте² (гл. гл. 14, 15 УПК РСФСР);

3) экспертиза, получение образцов для сравнительного исследования (гл. 16 УПК РСФСР).

Допросы, очные ставки, предъявление для опознания направлены на получение устных сообщений об информации, хранящейся в памяти лиц. Соответственно в основе их структуры лежат приемы расспроса и описания³.

Выемка, обыск, осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, проверка показаний на месте направлены на установление чувственно-воспринимаемых явлений и признаков. Отсюда их структура базируется на приемах наблюдения (в сочетании с «родственными» приемами эксперимента, измерения, моделирования).

---

¹ Своеобразие операциональных структур различных следственных действий и их зависимость от характера информации, подлежащей получению посредством того или другого следственного действия, правильно подмечены С. А. Шейфером в статье «Познавательное значение следственных действий и их система», «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 15, М., 1972.

² Проверка показаний на месте в настоящее время регламентирована в качестве самостоятельного следственного действия в кодексах не всех союзных республик.

³ Речь идет о действиях следователя (суда). Что же касается действий допрашиваемого (опознающего), то, будучи подвергнуты расспросу, они используют для передачи информации описание и сравнение.

Наконец, экспертиза и в определенной степени получение образцов для сравнительного исследования базируются на методе сравнительного исследования.

Таким образом, система следственных действий, как и система способов собирания и проверки доказательств в целом, включает в себя все виды операций, практически необходимые для собирания и проверки доказательственной информации по конкретному делу. «Набор» способов доказывания, в том числе следственных действий, предусмотренный процессуальным законодательством, не является, таким образом, случайным, он представляет собой именно взаимодействующую систему (взаимоподкрепляющую, дополняющую). Она всесторонне предусматривает возможный характер доказательственной информации по любому делу и позволяет обеспечить полноту и надежность «извлечения» (получения) последней с учетом специфики дела.

Нельзя вместе с тем не отметить, что закрепленная в законе система следственных действий нуждается в определенной дифференциации. В частности, в настоящее время в одну и ту же группу включены следственные действия со структурой различной степени сложности (например, допрос и очная ставка; экспертиза и получение образцов для сравнительного исследования). Следственные действия, существенными элементами структуры которой являются экспериментальные приемы (следственный эксперимент, проверка показаний на месте, предъявление для опознания), не выделены, а «присоединены» законодателем к группам наиболее сходных с ними по структуре действий и т. д.

Представляется, что существенную роль в дальнейшем совершенствовании законодательной регламентации системы следственных действий, а также в обеспечении правильного выбора вида следственного действия и определения его задач в конкретном случае может сыграть их классификация, построенная исходя из степени сложности структуры¹. С этой точки зрения можно выделить следственные действия, содержанием которых являются: 1) получение одного «потока» информации; 2) получение основного и дополнительного «потоков» информации, причем последний необходим исключительно для удостоверения хода и результатов следственного действия; 3) получение двух или нескольких «потоков» информации, сопоставление которых дает новые фактические данные; 4) получение двух или нескольких «потоков» ин-

¹ В § 1 этот метод классификации использовался уже для анализа системы способов собирания и проверки доказательств в целом и направлений ее развития. Сейчас мы применяем его для анализа подсистемы и направления развития способов доказывания, заключающихся в производстве следственных действий.

формации, которые преобразуются путем слияния в фактическую информацию иного вида, нежели составившие ее элементы.

Допрос, например, является следственным действием первого из названных видов, осмотр — второго (сведения относительно признаков осматриваемых объектов сочетаются со сведениями, удостоверяющими происхождение и неизменность последних до начала осмотра, причем приемы собирания тех и других различны).

Наконец, преобразование двух или нескольких интегрированных «потоков» информации путем их слияния в новую доказательственную информацию иного вида происходит при проверке показаний на месте, следственном эксперименте, предъявлении для опознания, экспертизе. Так, проверка показаний на месте характеризуется сочетанием показаний (первая система) с фактической обстановкой на месте (вторая система). Именно соотношение этих элементов в новой сложной системе, а не их раздельное отображение предопределяет познавательное (и доказательственное) значение проверки показаний на месте.

Тот же процесс мы наблюдаем при производстве следственного эксперимента (где сочетаются данные, полученные путем опытных действий, и исходная информация, воплощенная в заданной обстановке).

Предъявление для опознания также характеризуется интеграцией нескольких «потоков» (систем) информации и их преобразованием в новую сложную систему: здесь сливаются фактические данные, полученные в результате наблюдения события (подбор предъявляемых лиц, объектов; подбор группы для сравнения), наблюдения признаков опознаваемых лиц (объектов) в ходе следственного действия, а также в результате описания опознающим оснований своего вывода¹.

Разумеется, необходимость сопоставления или интеграции нескольких систем информации в рамках одного следственного действия обуславливает и необходимость включения в порядок и содержание этого действия нескольких операционных линий применения однородных приемов (поочередный допрос участников очной ставки) или нескольких систем операций. Например, при предъявлении для опознания комбинируются приемы расспроса о признаках внешности разыскиваемого лица; приемы предъяв-

---

¹ На возникновение новой доказательственной информации в результате интеграции двух других систем фактических данных правильно обращает внимание С. А. Шейфер (упомян. статья, стр. 67). Однако он ограничивает количество интегрируемых систем двумя, в то время как их может быть три, четыре и т. д. Чрезмерно категорично и его суждение о том, что следственные действия со сложной структурой направлены в большинстве случаев на проверку доказательств.

ления лица в группе; приемы получения сообщения о результатах сопоставления наблюдаемых и ранее наблюдавшихся признаков; приемы получения сообщения об основаниях вывода.

Подобный анализ структуры следственных действий открывает дополнительные возможности для совершенствования законодательной регламентации и тактических рекомендаций по их производству в направлении максимального приспособления системы познавательных и удостоверительных операций к задачам следственного действия. Он дополнительно объясняет также причины дифференциации системы следственных действий (например, причины появления таких действий с усложненной операциональной структурой, как предъявление для опознания, проверка показаний на месте).

В определенной степени расширяется и возможность прогнозировать направления дальнейшего развития этой системы, исходя из объективной потребности получения новых доказательств в результате применения более сложного познавательного аппарата.

Сказанное относительно наличия следственных действий с усложненной структурой позволяет еще раз вернуться к вопросу о недопустимости «смешанных» следственных действий типа «осмотр-обыск» или «допрос-обыск». Следственное действие с усложненной структурой характеризуется, с одной стороны, слиянием получаемой информации, дающей новое знание, а с другой — системой гарантий и мер обеспечения, полностью соответствующей характеру познавательных операций и кругу их участников.

Ни одно из этих условий не соблюдается при «смешанных» следственных действиях, характеризующихся механическим соединением разнородных операций. Например, сообщения обыскиваемого в ходе обыска о происхождении обнаруженных предметов не имеют никакого значения для результатов обыска; его допрос может быть произведен вне рамок обыска (в том числе и неотложно).

Точно так же гарантии и меры обеспечения, входящие в порядок обыска и порядок допроса, настолько разнородны, что их объединение в одну систему вряд ли возможно. Это же относится к «осмотру-обыску», «осмотру-эксперименту» и тому подобным действиям.

Производство следственных действий — исключительная компетенция органов, осуществляющих производство по уголовному делу. Если другие процессуальные способы доказывания характеризуются на определенных этапах совместными действиями следователя, суда, с одной стороны, и с другой — должностного лица, гражданина, производящих проверочные действия или представляющих предметы и документы, либо даже «автономными» дей-

ствиями указанных лиц¹, то следственное действие осуществляется только органом расследования (судом). Отсюда возникает ряд вопросов, связанных с возможностями и пределами дачи поручений².

Поручение органа расследования (суда) дается, как отмечалось, и эксперту. Причем действия последнего — лишь часть обязательного комплекса процессуальных действий, состоящих из назначения экспертизы, ознакомления с решением об этом обвиняемого, производства экспертизы, обеспечивающих следственных действий органа, в производстве которого находится дело, ознакомления обвиняемого с материалами экспертизы. При этом следует учитывать, что поручение эксперту означает, что на него возлагаются действия, которые сам следователь производить не вправе.

Другой вид поручения: наряду с непосредственным осуществлением действий по собиранию и проверке доказательств следователь может давать поручения и указания о производстве некоторых следственных действий органам дознания, а в случае необходимости производства следственных действий в другом районе — следователю или органу дознания этого района (ст. ст. 127, 132 УПК РСФСР).

Может ли аналогичные полномочия использовать суд? На этот вопрос подчас дается отрицательный ответ со ссылкой на принцип непосредственности. Но ведь обнаружив существенные и не под-

---

¹ Например, при использовании такого способа собирания и проверки доказательств, как истребование предметов и документов, должностное лицо, к которому обращено такое требование, совершает ряд самостоятельных служебных действий по отбору требуемого, описанию этих предметов и документов в сопроводительном письме и т. п. При требовании производства ревизии объем таких действий увеличивается.

Самостоятельные действия лиц, обнаруживших предметы и документы, возможно имеющие доказательственное значение, присущи и такому способу доказывания, как представление этих предметов и документов. Право адвоката в необходимых случаях запросить через юридическую консультацию для последующего представления следователю (суду) справки, характеристики и иные документы закреплено в ст. 26 Положения об адвокатуре РСФСР.

² В литературе эти вопросы чаще всего связываются с обеспечением определенных условий для взаимодействия следователя и органа дознания. Ряд интересных суждений в этой связи высказан, например, в статье А. И. Герасуна «Как процессуально оформить взаимодействие следователя и органа дознания» («Социалистическая законность» 1971 г. № 3) и в обзоре откликов на эту статью («Социалистическая законность» 1971 г. № 12). При этом следует учитывать, что: а) вопросы эти имеют и доказательственный аспект, влияя, в частности, на допустимость собранных фактических данных; б) речь идет не об «оформлении» только, но и о самом порядке и содержании следственных действий; в) поручения связывают не только следователя с органом дознания, но и другие органы, осуществляющие доказывание.

дающиеся восполнению в судебном заседании пробелы доказательственного материала, суд возвращает дело на исследование, т. е. дает поручение органу расследования провести дополнительные следственные действия. И в том, и в другом случае в суд поступает дополнительный материал, подвергающийся судебному исследованию, с соблюдением принципа непосредственности. Разница лишь в том, что возврат дела на исследование по существу возвращает процесс назад на две стадии, влечет в ряде случаев не вызываемое необходимостью повторное производство некоторых процессуальных действий.

Получение дополнительного материала в ходе судебного следствия (например, протокола осмотра документов, находящихся в другом населенном пункте, протокола допроса лица, находящегося на отдаленной зимовке, протокола обыска) может быть осуществлено с минимальной затратой времени и без какого-либо ограничения прав участников процесса. Поэтому представляется целесообразным поставить вопрос о расширении права суда на дачу процессуальных поручений в случаях, когда требуется не дополнительное расследование в собственном смысле слова, а дополнительное проведение отдельного, ограниченного по объему и цели следственного действия, которое в ходе судебного следствия провести невозможно, но результаты которого могут быть проверены в этой стадии¹.

Правомочия органа расследования, в производстве которого находится дело, поручить другому органу дознания или следователю производство следственных действий должны трактоваться в смысле поручения отдельных действий (в другой местности, в связи с необходимостью производства нескольких обысков, допросов без разрыва во времени и т. п.). Нельзя, как представляется, перепоручать производство следственных действий с участием обвиняемого, назначение экспертизы.

Своеобразная форма производства следственных действий по поручению — осуществление их членами группы (бригады) следователей, участвующими в расследовании сложного или большого по объему дела под руководством следователя, принявшего дело к производству (ч. 3 ст. 129 УПК РСФСР). Вместе с тем здесь и существенное отличие: членам бригады дается поручение не на отдельные следственные действия, а на участие в расследовании. Поэтому вопрос о производстве тех или иных конкретных действий в пределах отведенного им «участка» — эпизода или действий определенного лица — они решают самостоятельно (что не исклю-

¹ Вопрос об ознакомлении участников процесса с этими доказательствами может быть решен так же, как это сделано применительно к другим доказательствам, истребуемым судом или представляемым ему дополнителным.

чает возможности поручения им руководителем группы определенных действий)¹.

Осуществление следственного действия органом дознания, следователем, не принявшим дело к производству, без поручения компетентного органа должно влечь признание этого действия не производившимся. Единственное исключение составляют случаи, когда речь идет о действиях, связанных с предупреждением или пресечением преступления и закреплением следов преступления (ст. 112 УПК РСФСР).

Поручения о производстве отдельных следственных действий или их комплекса должны не только исходить от компетентного органа (т. е. принявшего дело к производству), но и адресоваться органу, правомочному выполнять такое поручение. Процессуальный закон наделяет этими правомочиями только органы дознания и следователей. Поэтому исключается возможность поручить производство следственных действий каким-либо иным должностным лицам, кроме следователей и лиц, производящих дознание, а тем более представителям общественности.

Применительно к следственным действиям инспекторы, ревизоры и другие должностные лица, представители общественности могут быть приглашены для содействия следственному действию (собираание ориентирующей информации, охрана места и обнаружение следов преступления, предметов и документов) и для участия в нем². Например, в случаях, когда необходим осмотр значительной территории в целях обнаружения какого-либо объекта, могут быть в соответствии со ст. 128 УПК РСФСР приглашены для участия в осмотре дружинники или иные представители общественности. Точно так же возможны случаи, когда целесообразно участие представителей общественности в обысках, осмотрах и выемках документов³. Такое участие ни при каких условиях не должно превращаться, однако, в самостоятельное проведение представителями общественности следственных действий (даже общественными помощниками следователей, прокуроров или внештатными сотрудниками милиции).

Не противоречат ли сказанному случаи, когда освидетельствование лица другого пола непосредственно производится врачом, причем следователь в это время выходит из помещения (ч. 5 ст. 181 УПК РСФСР)? Или случаи, когда в силу объективной невозможности для следователя прибыть к непосредственному месту нахождения объектов, подлежащих осмотру (например,

¹ Вместе с тем следственные действия, факт производства и результаты которых могут иметь значение и для других «участков», согласовываются с руководителем группы.

² См. «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 185.

³ Это предусмотрено, в частности, письмом Прокуратуры СССР от 18 декабря 1962 г.

в труднодоступной горной местности, под водой), осмотр этого места производят другие лица — водолазы, альпинисты и т. п.? Представляется, что нет, так как в этих случаях речь фактически идет не об устранении следователя от производства следственного действия, а о расширении круга участников такового или функций некоторых из них.

В обоих названных случаях производством следственного действия руководит следователь, он же осуществляет обеспечивающие меры и составляет протокол о ходе и результатах такового. Поэтому то обстоятельство, что он не присутствует при осуществлении некоторых операций по поиску и фиксации признаков, могущих иметь доказательственное значение, не означает, что он вообще не имеет отношения к производству данного следственного действия¹.

Разумеется, невозможно поручать производство следственных действий кому-либо из участников процесса, хотя бы юристам по профессии (защитникам). Применительно к следственным действиям как способу доказывания возможно лишь их участие в производстве.

Предусмотренная законом возможность собственноручной записи допрашиваемым лицом своих показаний есть по прямому указанию ст. 160 УПК РСФСР лишь одна из форм фиксации результатов допроса, произведенного следователем, а не «само-допрос». Поэтому в практике как существенное нарушение, означающее, что допрос фактически произведен не был, рассматриваются случаи, когда следователь выдает вызванному лицу бланк протокола допроса, предлагая «подумать и написать свои показания».

Для некоторых участников процесса участие в следственных действиях в предусмотренных законом случаях представляет не только право, но и обязанность (гл. VIII). Это относится к защитнику обвиняемого и представителям потерпевшего, гражданского истца и ответчика. Однако и применительно к ним законодатель полностью сохраняет за органом расследования и судом руководство следственными действиями. При этом гарантией защиты законных интересов участников следственного действия служит то, что все их заявления, ходатайства, отводы, допросы заносятся в протокол и, следовательно, правильность решения органа расследования или суда может быть проверена.

Объем правомочий субъектов доказывания, участвующих в следственных (судебных) действиях, не одинаков на предвари-

¹ Представляется вместе с тем необходимым специально и более детально урегулировать эти случаи в процессуальном законе либо путем введения соответствующих дополнений в порядок производства осмотра либо путем перехода к регламентации рассматриваемых действий по собиранию и проверке доказательств как разновидности истребования предметов и документов.

тельном расследовании и судебном следствии. На предварительном расследовании допуск к участию в следственном действии в большинстве случаев зависит от усмотрения следователя (лица, производящего дознание). В ходе же судебного следствия участники процесса правомочны активно участвовать в любом судебном действии по собиранию доказательств.

§ 3. ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ПРИ СОБИРАНИИ И ПРОВЕРКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Одним из важных теоретических вопросов судебного доказывания является вопрос о методах познания при его осуществлении.

Метод в широком смысле — это способ подхода к изучению действительности. Широкую известность в научной литературе получило определение метода, предложенное болгарским ученым акад. Т. Павловым: «Методом является внутренне присущая (имманентная) закономерность движения научного мышления, взятая в качестве сознательно используемой нами для более верного, более быстрого и более полного достижения истины»¹.

Комментируя это определение, Н. Стефанов указывает, что так же, как нет метода без соответствующей научной системы, так нет и теории, не имеющей какого бы то ни было методологического значения. Теория превращается в метод исследования, когда ею полностью овладели и умело используют². Метод — это способ познания, изучения, исследования явлений природы и общественной жизни, способ достижения какой-либо цели, решения задачи, «путь... действительного познания»³.

Познание — это движение от незнания к неполному знанию, а от него — к знанию более полному, непрерывное движение к истине. Всякий процесс познания независимо от того, в какой сфере человеческой деятельности он протекает, подчиняется законам материалистической диалектики, выражающим самые общие и существенные связи и отношения объективной действительности и познания. Поскольку законы материалистической диалектики имеют всеобщее значение, присущи любой форме

---

¹ Т. Павлов, Теория на отражението, София, 1949, стр. 432.

² Н. Стефанов, Теория и метод в общественных науках, М., 1967, стр. 251. Польский ученый Т. Катарбиньский пишет: «Понятие метода... касается всякой планомерной деятельности. Ибо чем же является метод, как не систематически применяемым способом» («Избранные произведения», М., 1963, стр. 747); «Диалектика и современное естествознание», М., 1970; А. И. Ракитов, Анатомия научного знания, М., 1969; А. И. Уемов, Аналогия в практике научного исследования, М., 1970; он же, Логические основы метода моделирования, М., 1971.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 80.

движения материи — развитию природы, общества, мышления, марксистский диалектический метод является единственным всеобщим методом познания, равно применимым во всех разновидностях процесса познания и в науке, и в практике.

Доказывание в уголовном процессе как разновидность практической деятельности людей есть одна из форм процесса познания объективной действительности, диалектического процесса отражения предметов, явлений материального мира в сознании людей на базе практики. Поэтому с полным основанием можно сказать, что всеобщим методом и в сфере доказывания является диалектический метод, позволяющий субъекту доказывания подойти к предмету своих исследований как к одному из звеньев в бесконечном ряду взаимосвязанных явлений действительности. Отражая закономерности процесса познания, диалектический метод обеспечивает достижение истины в судопроизводстве (§ 1—2 гл. II, § 1 гл. III, § 1 гл. V).

В последнее время в нашей литературе вновь стали появляться высказывания о существовании своеобразного «следственного» или «судебного» мышления, о самостоятельности которого в свое время писал А. Я. Вышинский, считавший, что у этого мышления есть «своя» логика, «не всегда и не во всем совпадающая с книжной логикой». Это, конечно, неверно.

Доказывание включает в себя логический процесс, при помощи которого следователь и суд приходят к выводу о существовании или несуществовании тех или иных фактов, действий, отношений. Как логический процесс, это — процесс мышления, единый в своей сущности, независимо от предмета мыслительной деятельности. Говоря о единстве процесса мышления, К. Маркс указывал: «Так как процесс мышления сам вырастает из известных условий, сам является *естественным процессом*, то действительно постигающее мышление может быть лишь одним и тем же, отличаясь только по степени, в зависимости от зрелости развития, следовательно, также и от развития органа мышления. Все остальное — вздор»¹. Нет и не может быть специфического «судебного», «следственного» или «криминалистического» мышления, принципиально отличающегося от мышления в других областях деятельности. Речь должна идти не о самостоятельном мышлении в сфере уголовного процесса, а о наличии в последнем частных и специальных методов исследования, конкретизирующих всеобщий метод.

До недавнего времени в философской, а также в процессуальной и криминалистической литературе уделялось недостаточное внимание вопросу о частных и специальных методах исследования, существующих в различных отраслях знания. Тем

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 461.

самым игнорировалось важнейшее положение диалектического материализма, что конкретный метод познания в конечном счете определяется спецификой предмета исследования. В этом выразилось непонимание того, что в действительности диалектический материализм как метод познания конкретизируется и проявляется в специфических методах исследования различных областей действительности.

Диалектический материализм является единственным всеобщим методом познания; все остальные методы познания носят по отношению к нему подчиненный характер как методы, не имеющие всеобъемлющего значения. Вместе с тем как диалектический материализм не может заменить собой частных наук, так и диалектический метод не может заменить собой частных методов этих наук, частных методов человеческой деятельности, в том числе и доказывания в уголовном процессе.

Диалектический метод, выражая общие, методологические принципы процесса познания, не подменяя собой специальных инструментов исследования, позволяет сконструировать общую систему методов отдельной науки или отдельной разновидности практической деятельности. Он входит сам в эту систему в качестве основополагающего элемента. Эта система не есть что-то раз и навсегда данное, навечно завершенное. Научный метод — сам по себе постоянно развивающийся процесс, который должен соответствовать не только предмету познания, но и изменяющимся условиям данной формы процесса познания, должен учитывать развитие технических средств познания. Общая методология не может следовать за изменениями деталей предмета познания. Необходимы специальный подход к изучению конкретного предмета, специфически приспособленные методы исследования.

На связь метода исследования и объекта познания неоднократно обращалось внимание в философской литературе¹, применительно к доказыванию на это указывалось в процессуальной и криминалистической литературе². Метод исследования определяется как некоторая совокупность мыслительных или физических операций³, которая используется для решения определенного класса задач. «Метод зависит от объекта двояким образом: объектом обуславливается как конкретный характер каждой

¹ См. И. Д. Пандхава, Б. Я. Пахомов, Диалектический материализм в свете современной науки, М., 1971, стр. 215—220; А. И. Ракитов, Курс лекций по логике науки, М., 1971, стр. 19; Ю. В. Сачков, Введение в вероятностный мир, М., 1971, стр. 150—151; О. М. Сичивидца, Методы и формы научного познания, М., 1972, стр. 78.

² См., например, Р. С. Белкин, Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы, М., 1966; Р. С. Белкин, А. И. Вятберг, Криминалистика и доказывание, М., 1969.

³ Либо и тех и других вместе.

операции, включенной в метод, так и структура метода — порядок, последовательность, связь отдельных операций»¹.

Такая связь метода и объекта исследования не случайна, а закономерна, ибо метод исследования есть теоретически обобщенное выражение практики познания данных объектов. Метод выражает активность теоретических знаний человека, их целенаправленность на целостное овладение предметом. Практические способы действий, получившие обобщенно-теоретический облик в методе, становятся формой овладения предметом, новым знанием о нем². Основанные на диалектическом материализме специфические познавательные приемы можно назвать частными и специальными методами познания как в сфере науки, так и в сфере практической деятельности (в данном случае в процессе доказывания).

Частный метод познания представляет собой систему определенных приемов, правил, рекомендаций по изучению конкретных объектов. Отнесение того или иного метода к категории частных методов познания вовсе не означает ограничения сферы его применения. Метод называется частным не потому, что он применяется для исследования какой-либо группы объектов, а потому, что он представляет собой сочетание не всех, а лишь некоторых познавательных приемов, определенной их комбинации, которая и отличает этот метод от других. Применение же частных методов в принципе носит общий характер³.

В доказывании по уголовным делам применяются следующие частные методы познания: а) наблюдение, б) описание, в) измерение и вычисление, г) сравнение, д) эксперимент.

В зависимости от особенностей данной разновидности процесса познания методы эти приобретают те или иные характерные черты. Наблюдение во всех случаях представляет собой планомерное, целеустремленное, преднамеренное восприятие. Сущность его не изменится от того, будет осуществлять наблюдение следователь или, например, исследователь-астроном, физик и т. д. Однако условия применения этого метода познания, объект наблюдения, цель наблюдения будут различными, и это не может не отразиться на приемах наблюдения, его роли в процессе познания и т. п. Например, наблюдение астрономических явлений будет отличаться от наблюдения за действиями участников следственного эксперимента, а измерение радиоактивности

¹ А. Ф. Зотов, Е. А. Лехнер, Особенности развития методов естествознания, «Вопросы философии» 1966 г. № 4, стр. 55.

² См. М. Б. Туровский, Диалектика как метод построения теории, «Вопросы философии» 1965 г. № 2, стр. 52.

³ См. Б. М. Кедров, Методологические проблемы естествознания, «Диалектика и современное естествознание», М., 1970, стр. 47; Е. П. Никитин, Объяснение — функция науки, М., 1970, стр. 19; А. И. Ракитов, Анатомия научного знания, М., 1969, стр. 149.

вещества — от измерения расстояний между объектами на месте происшествия, хотя сущность наблюдения и измерения во всех случаях остается одной и той же. Иными словами, не отличаясь по своему существу от частных методов познания в других сферах человеческой деятельности, частные методы доказывания в уголовном процессе имеют некоторую специфику, определяемую содержанием процесса доказывания как особой формы человеческой практики, опирающейся на рекомендации юридической науки.

Частные методы составляют второе звено в системе методов доказывания. Третья часть системы методов — это так называемые специальные методы.

Под специальным методом исследования нужно понимать такой метод, который применяется только в одной или нескольких близких сферах познания (но не во всех), область применения которого, таким образом, не имеет такого в принципе «сквозного» характера, как сфера применения любого из частных методов.

В процессе доказывания применяются специальные методы двух видов. Одни из них характерны только для данной сферы человеческой деятельности (например, некоторые методы исследования доказательств), другие применяются не только в доказывании, но и в других сферах деятельности человека (например, такой метод фиксации сведений, как звукозапись).

Специальные методы не отделены непроходимой гранью от частных методов, они производны от последних.

Ни один из частных и специальных методов познания нельзя абсолютизировать, превращать в единственно возможный, универсальный. Ни один из методов, взятый изолированно, не может привести к успеху ни в научном исследовании, ни в практической деятельности по доказыванию. Только совокупность методов познания может обеспечить достижение истины, будь то истина научная или истина, достигаемая в процессе расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

Рассмотрим особенности частных методов познания в процессе доказывания.

Одним из самых распространенных методов, применяемых при собирании и проверке доказательств в уголовном судопроизводстве, служит *наблюдение*. Под наблюдением в теории познания понимается преднамеренное, планомерное, целенаправленное восприятие, предпринимаемое с целью изучения данного предмета, явления.

Наблюдение как метод судебного исследования широко используется при производстве таких следственных действий, как осмотр, обыск, предъявление для опознания. Например, при осмотре места происшествия путем визуального наблюдения изучается обстановка события, расположение объектов, их признаки и т. д. Разумеется, важное значение для полного восприятия

имеет ясное представление задачи наблюдения, план наблюдения, понимание природы наблюдаемого факта, явления. Установленный законом порядок производства соответствующих следственных действий направлен на реализацию этих условий, обеспечивающих полноту наблюдения.

Специфика наблюдения при собирании и проверке доказательств заключается в субъекте и объекте, в условиях и целях наблюдения. Можно различать непосредственное и опосредствованное наблюдение.

Следователь или суд, осуществляя осмотр, изучают объект наблюдения непосредственно, воочию устанавливают существование или отсутствие того или иного факта.

Субъектом наблюдения тех или иных фактов могут быть также свидетель, потерпевший, обвиняемый, подозреваемый. В этом случае следователь или суд познают объект наблюдения со слов этих лиц; для органа расследования или суда результаты наблюдения выступают как опосредствованные. При этих условиях субъект исследования должен проверить, насколько полученные им от свидетеля (потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого) сведения соответствуют тому, что наблюдало это лицо в действительности.

Сфера непосредственного наблюдения в уголовном судопроизводстве ограничена в основном последствиями преступления, обстановкой его совершения и предметами, имеющими отношение к расследуемому событию. Следователь и суд в силу специфики объекта познания в уголовном судопроизводстве не могут непосредственно наблюдать само событие, являющееся предметом исследования по делу. Поэтому сфера опосредствованного получения данных наблюдения значительно шире, чем непосредственного наблюдения; она может включать событие преступления, его подготовку и весь процесс осуществления. Обе они дополняют друг друга.

Наблюдение теснейшим образом связано с другими частными методами исследования, и в первую очередь с такими, как описание и измерение.

Под *описанием* понимается указание признаков предмета или явления с целью дать наиболее полное представление о нем. С описанием в доказывании мы обычно встречаемся при составлении процессуальных документов, цель которых зафиксировать те или иные фактические данные, имеющие значение для дела. Описание закрепляет результат наблюдения, делает его доступным не только для наблюдающего, но и для других лиц.

Помимо описания, связанного с непосредственным наблюдением, в процессе расследования и судебного разбирательства возникает необходимость и в описании результатов опосредствованного наблюдения. С таким описанием мы сталкиваемся, например, протоколируя показания свидетеля. Целиком на описании

построен «словесный портрет», используемый для регистрации, розыска и установления личности.

Чаще всего описание завершает процесс наблюдения объекта.

Однако иногда в следственной и судебной практике описание выступает как промежуточное звено между двумя этапами наблюдения. Так, свидетель наблюдал объект в момент расследуемого события (первый этап), затем описал его на допросе у следователя (второй этап), затем вновь наблюдал его при предъявлении для опознания (третий этап), наконец, опознал его по мысленному образу, запечатлевшемуся в памяти, и описал результат сопоставления (четвертый этап). Таким образом, описание не только завершило собой процесс наблюдения, но и выступило как промежуточный пункт между двумя его этапами.

В тех случаях, когда ни наблюдение, ни описание не могут дать точного представления о размерах и иных количественных характеристиках объекта, применяется *измерение*, т. е. установление численного соотношения между измеряемой величиной и заранее выбранной единицей измерения.

Без измерения немислимо производство самых различных следственных и судебных действий. Так, нередко теряет свое значение осмотр места происшествия, если он не сопровождается измерением необходимых расстояний и определением размера объектов; без измерений не всегда можно осуществить следственный эксперимент; ряд экспертных исследований предполагает производство точных измерений; допрос также в ряде случаев включает выяснение результатов измерений (например, расстояние между участниками события, скорость движения различных объектов, продолжительность и пр.).

Более сложно *сравнительное исследование*. Сущность его состоит в сравнении объектов друг с другом для установления как совпадений, так и различий в их признаках.

Применение сравнительного метода в доказывании связано с рядом условий, которые придают сравнению некоторые специфические черты.

Первое условие заключается в том, что объекты сравнения должны быть связаны с предметом доказывания. Сравнение безразличных для дела объектов не приближает к установлению истины, не служит целям доказывания.

Второе условие применения сравнения в процессе доказывания касается значения сравниваемых свойств или признаков; сравнение должно осуществляться по таким признакам или свойствам, которые существенны и позволяют следователю или суду прийти к определенным выводам. Например, вещи должны сравниваться по устойчивым и характерным признакам, показания — по их содержанию.

В процессе сравнения следователь прибегает к наблюдению, описанию и измерению.

Значительное место в собирании и проверке доказательств занимает такой метод познания, как эксперимент. Включая в качестве элементов другие частные методы познания, эксперимент отличается активным характером, он направлен на вскрытие природы явления, его сущности и происхождения. Смысл эксперимента — в воссоздании (воспроизведении) явления в необходимых естественных или искусственно созданных условиях с определенной теоретической и практической целью¹.

По образному выражению И. П. Павлова, «наблюдение собирает то, что ему предлагает природа, опыт же берет у природы то, что он хочет»². В частности, из многообразных взаимоотношений и связей, существующих между исследуемым явлением и другими явлениями действительности, путем эксперимента может быть выделена определенная зависимость, которая и будет объектом исследования.

Использование эксперимента в процессе познания обеспечивает: а) возможность неоднократного повторения наблюдаемого явления в любых условиях; б) изучение явлений, протекающих в обычных условиях очень быстро или очень медленно, что препятствует их наблюдению в природе; в) изучение процессов, которые в чистом виде не могут наблюдаться в природе; г) выделение в процессе изучения лишь отдельных сторон, отдельных признаков. Эти преимущества эксперимента как метода познания могут быть достаточно широко использованы при собирании и проверке доказательств.

Экспериментальный метод, будучи применен в процессе доказывания, позволяет опытным путем убедиться в правильности представлений о факте, имеющем значение для дела, или опытным путем получить новые доказательства существования этого факта:

Применение экспериментального метода исследования в уголовном судопроизводстве осуществляется в двух формах: в форме самостоятельного процессуального действия — следственного или судебного эксперимента, содержание которого, как мы видим, определяет его наименование; в форме отдельных элементов, составных частей другого следственного или судебного действия. При этом не возникает необходимости в особой процессуальной регламентации эксперимента, так как само действие, составной частью которого он является, регламентировано (например, при проведении экспертизы).

¹ П. Е. Сивоконь, О происхождении и философском значении естественнонаучного эксперимента, М., 1960, стр. 24—34. А. К. Макаревичюс, Место мысленного эксперимента в познании, М., 1971; О. М. Сичи-вица, Методы и формы научного познания, М., 1972; В. Быков, Научный эксперимент и экспериментальные методы, «Некоторые проблемы методологии научного исследования», ч. 2, М., 1968.

² И. П. Павлов, Полное собрание трудов, т. 2, М. — Л., 1946, стр. 357.

Перейдем теперь к рассмотрению некоторых вопросов применения в доказывании специальных методов познания.

При собирании и исследовании доказательств широко используются технико-криминалистические методы. Это — методы судебной фотографии, трасологические, судебно-баллистические и иные разрабатываемые криминалистической техникой. В судебном доказывании находят применение и тактико-криминалистические методы собирания, исследования и оценки доказательств, а также методы иных, помимо криминалистики, наук: физические и химические¹, математические², антропологические и антропометрические³, методы моделирования⁴ и другие методы общественных, естественных и технических наук.

Такое разнообразие специальных методов доказывания обусловлено разнообразием объектов, включаемых в сферу познания при расследовании уголовных дел. Как и вся практическая деятельность, доказывание открывает возможности для применения любой области научного знания, если только это служит цели установления истины и соответствует оптимальным условиям ее установления, предусмотренным процессуальным законом (§ 1 гл. I).

Субъектами применения специальных методов познания являются органы дознания, следователь, суд, эксперт. Вопрос о пределах их применения следователем и судом, о разграничении компетенции в этой области между судом, следственными органами и экспертом неоднократно обсуждался в специальной литературе.

Принципиально с точки зрения возможности овладения тем или иным специальным методом доказывания и использования его в следственной и судебной практике не может быть никаких ограничений для следователя и суда (по сравнению, например, с экспертом). Различие в формах применения этих методов об-

---

¹ О физических и химических методах доказывания см. «Криминалистическая экспертиза. Учебник для экспертов-криминалистов», вып. 2, М., 1966; «Криминалистическое исследование вещественных доказательств физическими, химическими и биологическими методами», М., 1969, и др.

² О применении математических методов в доказывании см. «Кибернетика и судебная экспертиза», вып. 2, Вильнюс, 1966; «Вопросы кибернетики и право», М., 1967; «Правовая кибернетика», М., 1970; «Применение теории вероятностей и математической статистики в судебной экспертизе», М., 1964, и др.

³ См., например, М. М. Герасимов, Восстановление лица по черепу, М., 1955; Н. В. Терзиев, Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности, М., 1956; Б. Р. Кпричинский, Судебная радиология, Киев, 1969; А. Р. Шляхов, Современные проблемы теории и практики криминалистической экспертизы в СССР. Автореферат докторской диссертации, Л., 1971.

⁴ См. В. А. Штофф, Моделирование и философия, М., 1966; И. М. Лузгин, Расследование как процесс познания, М., 1969, и др.

условлено различие процессуальных функций следователя и суда, с одной стороны, и эксперта — с другой. Развивая это положение, Н. А. Селиванов отмечает, что форма применения методов доказывания зависит от процессуального положения лица, которое их применяет (следователь, специалист, судья, эксперт, оперативный работник); от цели применения (обнаружение, фиксация, изъятие, исследование доказательств) и от процессуального значения полученных результатов. По его мнению, следователь и лицо, ведущее дознание, вправе применять лишь такие методы, которые дают возможность получить копии следов и иных вещественных доказательств, а из исследовательских методов — лишь те, которые не изменяют предметов¹.

Частные и специальные методы доказывания как методы специфической деятельности по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел применяются лишь в пределах и случаях, специально регламентированных законом и в установленном законом режиме. Можно ли из этого сделать вывод, что эти методы представляют «процессуальные» методы познания в том смысле, что они регламентированы законом? Такое понимание вопроса было бы ошибочным. Закон регламентирует не методы познания истины, а процессуальные формы применения этих методов, которыми являются процессуальные действия. Так, закон регламентирует не наблюдение, а осмотр — процессуальную форму применения этого метода, не сравнение, а предъявление для опознания — опять-таки одну из процессуальных форм применения сравнительного метода исследования (§ 1, 2, 4 гл. VI).

Частные и специальные методы могут применяться при доказывании в «чистом» виде. Используемые в процессе доказывания методы могут представлять собой и специфическую именно для данной науки или для познания данного объекта комбинацию частных или специальных методов, которая в конечном счете всегда может быть разложена на составляющие ее элементы.

Характерной для процесса доказывания в уголовном процессе спецификой обладает применение частных и специальных методов познания при криминалистической идентификации.

Идентификация — это деятельность, направленная на установление наличия или отсутствия тождества². Это процесс исследования тех или иных объектов, применительно к которым решение вопроса о тождестве играет существенную роль для

¹ Н. А. Селиванов, Вещественные доказательства, М., 1971, стр. 85, 86 и др.

² Нет необходимости в искусственном «дополнении» идентификации дифференциацией, которая, по мнению И. Д. Кучерова, имеет даже большее значение, чем идентификация, хотя очевидно, что отождествление и различение — суть две стороны одного и того же процесса (см. И. Д. Кучеров, Соотношения тождества и различия, Минск, 1968, и рецензию на эту работу Н. Селиванова и А. Эйсмана («Социалистическая законность» 1969 г. № 6).

установления истины по делу. При идентификации в криминалистике используются различные методы, сочетание которых зависит от особенностей конкретного акта идентификации. Одни из них всегда применяются при идентификации, например сравнение, играющее роль основного метода идентификации, другие методы могут применяться, а могут и не применяться. Иными словами, объекты не исследуются посредством идентификации, а исследуются в процессе их идентификации посредством частных и специальных методов познания. При этом следует иметь в виду, что процесс идентификации неправильно сводить к применению какого-либо одного частного или специального метода, так как наряду с доминирующим методом отождествления в каждом акте идентификации всегда применяются и другие методы познания¹.

Теория идентификации отнюдь не сводится к чисто техническим приемам сравнения рукописей, следов, она представляет собой учение об общих правилах отождествления в ходе следственных и судебных действий материальных объектов по их отображению в целях получения доказательств. Уже из этого определения с очевидностью следует, что идентификация в своем общем виде органически связана с предметом теории доказательств.

Разумеется, теория идентификации ни в какой степени не может претендовать на роль универсального метода познания истины в уголовном процессе. Попытки такого ее истолкования² основаны на недооценке специфики предмета. При этом допускается двойная ошибка: идентификация рассматривается как чисто логическая (причем формально-логическая) теория, а самой формальной логике приписывается значение всеобъемлющего метода познания.

В действительности теория идентификации как любая частная специальная теория пользуется понятиями логики (в том числе и понятием тождества), но не сводится к логике. Не охватывает она и весь круг доказательств и все разновидности процесса их исследования.

---

¹ Неправ В. Я. Колдин, сводящий содержание процесса идентификации к сравнению («Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам», М., 1969, стр. 6).

² Такое чрезмерно широкое толкование пытался дать теории криминалистической идентификации С. М. Потапов («Введение в криминалистику», М., 1946). Позднее Р. Э. Кентлер вновь возвратился к этой концепции в статье «О сущности идентификации вообще и юридической в особенности» («Вопросы криминалистики и судебной экспертизы», сб. 2, Душанбе, 1962, стр. 87). Попытку воскресить ошибочные взгляды на роль и сферу применения процесса идентификации предпринял и И. Д. Кучеров (указ. работа, стр. 150, 155, а также «Три концепции теории идентификации», «Процессуальные и методические вопросы судебной экспертизы», Таллин, 1971, стр. 49—59).

Необходимость установить тождество материальных объектов возникает тогда, когда из обстоятельств дела непосредственно не ясно, является ли определенный объект тем самым, который оставил след (в том числе в памяти наблюдателя), либо речь идет о разных объектах. Так, возникает задача установить: является ли человек, оставивший след пальца на месте преступления, и человек, задержанный как подозреваемый, одним и тем же или это разные лица.

Конечная цель отождествления — индивидуализация, установление тождества конкретного объекта. Установление тождества означает отграничение данного объекта от любых других однородных или сходных с ним (независимо от степени их сходства). Поэтому идентификация в криминалистическом понимании этого термина означает индивидуальное отождествление.

Однако индивидуальное отождествление, будучи конечной целью с точки зрения индивидуализации, не всегда может быть достигнуто непосредственно, в пределах одного познавательного акта, например исследования вещественного доказательства, опознания вещи и т. п.

В силу неблагоприятных условий следообразования или иных подобных обстоятельств иногда удается установить лишь однородность объектов, а не их тождество (например, однородность обуви, оставившей следы на месте происшествия, и обуви, изъятной у обвиняемого).

В отношении таких объектов, как материалы, ткани, краски, чернила и т. п., в большом числе случаев сама постановка вопроса об индивидуальном тождестве невозможна. Речь может идти лишь о выделении некоторого объема или массы материала¹. Достигнутый в таких случаях результат представляет не индивидуальное отождествление предмета, а установление однородности, иначе говоря, установление тождества рода (вида, группы и т. п.).

Аналогичный результат может иметь место и в процессе исследования индивидуально определенных объектов, если существенных признаков объекта, зафиксированных в следах, недостаточно для индивидуального отождествления. Например, может быть установлено тождество группы, к которой принадлежат обувь, оставившая след, и обувь, изъятая у обвиняемого.

Такой результат чаще всего представляет ступень на пути к установлению индивидуального тождества. Нельзя поэтому со-

¹ А. А. Эйсмана, Некоторые вопросы исследования вещественных доказательств, «Вопросы криминалистики» 1962 г. № 5, стр. 27, 28; Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Криминалистика и доказывание, М., 1969, стр. 112; Н. А. Селиванов, Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации, «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 15, М., 1972, стр. 146.

гласиться с мнением В. С. Митричева относительно того, что установление родовой (видовой) принадлежности объектов вообще не является видом криминалистической идентификации, а представляет собой особый, самостоятельный вид исследования¹.

Общие положения теории идентификации освещены во многих работах советских криминалистов². Рассмотрим некоторые вопросы, ближайшим образом связанные с теорией доказательств. К их числу относятся: а) о формальном и диалектическом понимании тождества; б) о соотношении групповой и индивидуальной идентификации; в) об оценке совокупности признаков при отождествлении.

С точки зрения формальной логики объект может быть отождествлен только при условии, что он не подвергался никаким изменениям, сохранил все свои признаки (при этом надо помнить, что логика формальная, строго говоря, не различает признаков существенных и несущественных, рассматривая их все как «отличительные» признаки).

Однако абсолютно неизменных явлений, предметов нет, все объекты живой и неживой природы непрерывно изменяются. Более того, в любом повторяющемся процессе, например в процессе отображения следов, фактор изменчивости проявляется в том, что следы, полученные от одного и того же объекта, не абсолютно похожи один на другой, они разнятся в некоторых признаках. Таким образом, меняется сам следообразующий объект, меняются условия следообразования, меняются с течением времени и следы. Возможно ли в этом случае отождествление?

Б. М. Кедров, раскрывая формальное понятие тождества, отмечает: «...формула «а есть а» (или « $a = a$ ») выражает собой то, что факт развития и изменения не учитывается — от этого факта

---

¹ В. С. Митричев, Вопросы теории идентификации в свете использования физических и химических методов исследования в криминалистической экспертизе, «Вопросы теории криминалистики и судебной экспертизы», М., 1969, стр. 15. Аргументированная критика этой точки зрения дана в назв. работе Н. А. Селиванова (стр. 137—139).

² А. И. Винберг, Криминалистика. Введение в науку, М., 1962; С. П. Митричев, Введение в курс советской криминалистики, «Советская криминалистика», М., 1958; В. С. Митричев, К вопросу об установлении источника происхождения вещественных доказательств с помощью криминалистической экспертизы, «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 15, М., 1961; Н. В. Терзиев, Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности, М., 1961; А. Винберг, А. Эйсмэн, Криминалистическая идентификация в теории судебных доказательств, «Советское государство и право» 1966 г. № 2; Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Криминалистика и доказывание, М., 1969; В. Я. Колдин, Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам, М., 1969; М. Я. Сегай, Методология судебной идентификации, Киев, 1970; Н. А. Селиванов, назв. работа, и др.

либо отвлекаются (формальная логика), либо он отрицается вовсе (метафизика)»¹.

Разрешение этого вопроса лежит за пределами формальной логики: оно дается диалектической логикой, которая, «прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения»².

В отличие от формальной логики, рассматривающей тождество односторонне, абсолютно, диалектика указывает на относительный характер тождества, включая в последнее также и момент различия, изменения. Иначе говоря, диалектика не отрицает тождества, неизменности вообще, а понимает это тождество как качественную определенность объекта, относительное постоянство его существенных признаков, допуская при этом возможность постепенных количественных изменений, утрату и приобретение отдельных, несущественных признаков. Так, у человека с течением времени наблюдаются частичные изменения внешности, изменения почерка и т. п. Тем не менее эти несущественные изменения не препятствуют отождествлению человека по чертам внешности, по почерку, по следам рук. Диалектическая трактовка тождества не отвергает изменения, а учитывает его до тех пор, однако, пока изменения путем суммирования постоянно возникающих различий внутри определенного тождества не приводят к переходу количества в качество, т. е. превращению данного объекта в другой. Разумеется, в последнем случае отождествление становится невозможным.

Практическое значение такого подхода очевидно. Специальные исследования предпринимаются для изучения устойчивости различных признаков предметов, условий следообразования и вариаций признаков, наполняя применительно к рассматриваемой сфере познания реальным содержанием требование конкретного подхода ко всякому сложному явлению.

Фактические данные, получаемые в результате индивидуального отождествления и в результате установления однородности, далеко не равнозначны.

Несомненно, факт, что на месте кражи найден след обуви, принадлежащей конкретному лицу, — более серьезная улика, чем констатация, что обувь, оставившая следы, и обувь подозреваемого относятся к одному типу мужской модельной обуви. Тем не менее нельзя придавать абсолютное значение выводам первого типа. Значение всякого косвенного доказательства зависит не только от природы самого факта, но и от того, какое место этот факт занимает в системе других доказательств.

¹ Б. М. Кедров, Законы марксистской диалектической логики, «Диалектика и логика. Законы мышления», М., 1962, стр. 143.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 138.

Так, идентификация лица, оставившего следы пальцев на месте взлома, по-разному расценивается в зависимости от того, чем можно объяснить присутствие данного лица на месте происшествия — только тем, что оно совершило взлом, или тем, что в силу служебных обязанностей оно постоянно бывало в этом помещении.

Для того чтобы выяснить соотношение факта установления групповой принадлежности и факта идентификации, их следует рассматривать как стадии единого процесса.

Действительно, процесс идентификации всегда протекает как процесс последовательного сужения рассматриваемой группы вплоть до индивидуального отождествления. При этом используются различные общепринятые классификационные группы, такие, как тип, модель, марка, пока в процессе все большего сужения группы не будет выявлена индивидуальная совокупность признаков — идентификационный комплекс, который присущ только данному объекту, отличая его от всех ему подобных. Это будет завершением процесса криминалистической идентификации, достижением его цели — установлением тождества объекта.

Признание постепенности перехода от установления групповой принадлежности к идентификации нельзя, разумеется, толковать как отсутствие различия между этими стадиями. Практике известны ошибки, когда, например, заключение об однородности дроби по одному или двум признакам (по качественному составу, твердости) принималось за доказательство индивидуального тождества.

Вместе с тем, разграничивая выводы о тождестве и выводы о групповой принадлежности, нельзя недооценивать значения установления групповой принадлежности для процесса доказывания. Выводы о групповой принадлежности не являются доказательствами «худшего вида», как склонны иногда думать некоторые следователи и судьи. Если такие выводы правильно использовать, они будут иметь важное доказательственное значение¹.

С доказательственной точки зрения установление групповой принадлежности может быть самостоятельным и конечным по результатам видом исследования как в экспертизе, так и при проведении отдельных следственных действий (например, осмотра, обыска).

Важное значение в области идентификации приобретают вопросы научного обоснования правомерности выводов о тождестве,

---

¹ См. В. П. Колмаков, Криминалистическая идентификация как способ доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве, «Криминалистика и судебная экспертиза», вып. 3, Киев, 1967, стр. 97; Н. А. Селиванов, Актуальные теоретические вопросы криминалистической идентификации, «Вопросы борьбы с преступностью», вып. 15, М., 1972, стр. 136.

основанных на сравнении признаков. Наряду с прямым экспериментальным обоснованием таких выводов в науке в последнее время были сделаны некоторые шаги для использования математических методов.

Так, советскими криминалистами создан метод идентификации по почерку, основанный на количественной характеристике совпадений признаков, причем вывод о тождестве облекается в форму расчета, показывающего, может ли в данных условиях определенная совокупность признаков практически встретиться у другого лица.

Аналогичен принцип построения кибернетического устройства, предназначенного для автоматического отождествления личности по следам пальцев. В основе его также лежат статистический анализ пальцевых узоров и математическая интерпретация результатов сравнения¹.

Вопрос о возможностях и путях использования кибернетических методов для отождествления в криминалистике составляет только один из частных вопросов обширной проблемы обоснования выводов о тождестве. Представляется, что решение этого вопроса лежит не в плоскости абстрактных споров о допустимости использования одних методов и недопустимости других. Это вопрос конкретного анализа тех средств и возможностей, которые современная очень быстро развивающаяся наука и техника дает и может дать для вооружения советского следователя и суда, чтобы установить с их помощью объективно истинную картину обстоятельств дела².

Своеобразной разновидностью криминалистической идентификации следует считать установление тождества по сохранившемуся в памяти определенного лица образу объекта.

Результаты предъявления каких-либо объектов для опознания, результаты мысленного сравнения, сопоставления человеком предъявленного ему объекта с образом объекта, воспринятого ранее, зависят от состояния его органов чувств, позволяющих правильно воспринимать те или иные факты и явления, от способности к запоминанию воспринятого и т. д.

Невозможность непосредственно проникнуть в мыслительный процесс опознающего, который отождествляет объект по памяти, требует такого порядка предъявления для опознания, который

¹ Р. М. Ланцман, Использование возможностей кибернетики в криминалистической экспертизе и некоторые проблемы уголовно-судебного доказывания. Автореферат докторской диссертации, М., 1970; Н. А. Родионов, Статистические методы в криминалистике. Автореферат кандидатской диссертации, Свердловск, 1970; А. Р. Шляхов, Автореферат, Л., 1971.

² Подробнее см. Г. М. Миньковский, А. А. Эйсмана, Спорное и бесспорное в теории доказательств, «Социалистическая законность» 1971 г. № 11.

помог бы объективно контролировать правильность его результатов (предъявление объекта в числе других, имеющих сходные признаки)¹.

Большое значение (с учетом особенностей идентификации по памяти) имеет и вопрос о времени предъявления тех или иных объектов. Понятно, что чем скорее после события, во время которого свидетелями, потерпевшими или иными лицами воспринимались те или иные объекты, они будут им предъявлены для опознания, тем больше уверенность, что они будут правильно опознаны.

Известно, что нередко случаи, когда объект, подлежащий отождествлению по памяти, не обладает достаточным числом заметных признаков, которые позволили бы установить его тождество. К такого рода объектам относятся многие товары широкого потребления, сырье и т. п. Можно ли установить путем идентификации по памяти родовую принадлежность этих объектов? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Как эксперт, исследуя предметы одного рода, может установить их общую родовую принадлежность, так и лицо, которое наблюдало объект, обладающий родовыми признаками, может выразить свое суждение об однородности предъявленного объекта, о том, что представленный объект такой же (не тот же, а именно такой же), как и тот, который он наблюдал ранее. Доказательственное значение такого сообщения подобно заключению эксперта об однородности тех или иных предметов.

§ 4. ВЕРСИИ И ПЛАНИРОВАНИЕ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Для того чтобы процесс собирания, проверки и оценки доказательств обеспечил всесторонность и полноту установления обстоятельств дела и вместе с тем осуществлялся быстро, без излишней затраты сил и средств, этот процесс должен быть целеустремленным, организованным. Внутренняя его организация обеспечивается выдвижением версий и основанным на версиях планированием расследования. При отсутствии версии и плана получение и исследование фактической информации по делу становится случайным, приобретает характер неупорядоченных проб и ошибок.

Под *версией* понимают обоснованное предположение относительно отдельного факта или группы фактов, могущих иметь

---

¹ Особая роль контроля в случаях идентификации по памяти объясняется также невозможностью, как правило, провести повторную идентификацию с участием того же лица.

значение для дела, указывающее на наличие и объясняющее происхождение этих фактов, их связь между собой и общее содержание.

Версия представляет собой разновидность частной гипотезы¹. Объясняя сущность и происхождение отдельных событий, версия, как и частная гипотеза, направлена не на установление общих законов природы или общества, она имеет значение только для данного конкретного события или явления.

Версия является предварительным и предположительным суждением о неустановленных еще фактических обстоятельствах дела. Она представляет вероятное знание, нуждающееся в проверке. После проверки версии может быть сделан вывод о ее правильности или ошибочности и достигнуто достоверное знание. В этом состоит ее служебная роль в уголовном судопроизводстве.

Версия помогает установить еще неизвестные факты, знание которых необходимо для всесторонней характеристики признаков исследуемого события, и перейти от знания об отдельных разрозненных фактах к раскрытию внутреннего смысла события. Таким образом, следственная (судебная) версия направляет собирание, проверку и оценку доказательств от известных к неизвестным фактам и от явлений к сущности. Содержание версии вытекает из задач уголовного судопроизводства, предмета доказывания и особенностей конкретного дела. Как и всякая гипотеза, версия требует проверки. На основе новых данных следователь (судья) уточняет и изменяет выдвинутое предположение, объясняющее изучаемые явления, или отбрасывает его и выдвигает новое предположение. Этот процесс открывает путь к достижению истины по делу.

Версия представляет собой логическую основу планирования, помогая решить, что именно, посредством каких действий, в какой последовательности надо установить по делу. План, не основанный на версиях, превратился бы в хаотический перечень отдельных действий, не связанных единой целенаправленностью. В процессе доказывания в отношении исследуемых обстоятельств дела могут возникнуть различные предположения, догадки. Но эти предположения только тогда можно признать версиями, когда они основаны на установленных уже фактических данных, базируются на них. В этом находит свое выражение такой признак версии, как ее обоснованность.

¹ Аналогично определяют версию ряд процессуалистов и криминалистов: М. С. Строгович, *Логика*, М., 1947, стр. 308; «Криминалистика», М., 1959, стр. 233; А. А. Старченко, *Логика в судебном исследовании*, М., 1958, стр. 76; А. Р. Ратинков, *Судебная психология для следователей*, М., 1967, стр. 128, и др. В. И. Теребилов рассматривает следственную версию как разновидность рабочей гипотезы («К вопросу о следственных версиях и планировании расследования», *Советская криминалистика на службе следствия*, вып. 6, М., 1955, стр. 104).

Разрозненные факты, которые установлены в начальный период расследования, обычно можно истолковать по-разному. Однако не всякое формально возможное истолкование их следует считать версией. Версия должна быть реальной, представлять правдоподобное в данных условиях места и времени истолкование или объяснение происшедшего события.

По объему знания, заключенного в версии, различают общие и частные версии. Общей версией называют предположение, охватывающее основные элементы предмета доказывания, т. е. все-сторонне объясняющее событие. Под частными версиями разумеют предположения, касающиеся отдельных фактов, отдельных сторон исследуемого события.

Рассматривая вопрос о соотношении общей и частной версии, А. М. Ларин правильно отмечает, что подтверждение одной из частных версий не дает еще оснований для признания правильной общей версии¹.

По субъекту выдвижения и проверки следует различать следственные и судебные версии².

В процессуальной и криминалистической литературе версией принято называть не всякое предположение, а такое, которое принято к проверке лицом (органом), правомочным осуществлять такую проверку.

Предположения относительно тех или иных фактов, имеющих значение для дела, могут в процессе доказывания возникнуть у

---

¹ А. М. Ларин, Расследование по уголовному делу. Планирование и организация, М., стр. 70. Г. В. Арцишевский полагает, что существуют лишь версии, которые по принятой терминологии именуется общими «Так называемая частная версия, — пишет он, — всегда будет частью более общей версии расследования, основанной на всех исходных данных, в том числе и на сведениях о том факте, по поводу которого возникло это частное предположение. Не имея никакого самостоятельного значения, это частное предположение в отношении отдельного факта (фактов) не может именоваться версией расследования, хотя бы и «частной» («Понятие версии расследования», «Вопросы криминалистики» 1963 г. № 7, стр. 21).

С этим мнением согласиться нельзя. Подчиненный характер частной версии не означает, что частные версии вообще не существуют. Отношение подчиненности означает в данном случае согласованность общей и частной версий; отражение объективно существующей связи между целым (объясняемым общей версией) и частью этого целого (объясняемой частной версией). Частные версии представляют собой тот подвижный элемент общей версии, изменение которого может изменить и сущность общей версии.

² В криминалистике рассматриваются также оперативно-розыскные версии и экспертные версии.

Оперативно-розыскная версия — это предположение оперативного работника, осуществляющего по поручению следователя оперативно-розыскные меры по установлению искомых лиц, объектов, данных о возможном поведении участников процесса доказывания и т. п. Оперативно-розыскная версия в этом случае всегда носит частный характер и подчинена следственным версиям, обусловлена ими.

свидетелей и потерпевших, у обвиняемых и подозреваемых, у специалистов, принимающих участие в производстве отдельных следственных действий, и защитников. Однако эти предположения не являются версиями до тех пор, пока они не приняты к проверке тем лицом, для которого эта проверка составляет процессуальную функцию.

Высказываемые предположения могут служить материалом для формирования версий, лечь в их основу, послужить поводом для выдвижения версий, но сами версиями не являются. Поэтому о «версии обвиняемого», «версии свидетеля» и т. п.¹ можно говорить лишь условно для обозначения происхождения версии, принятой к проверке органом расследования или судом².

Следственная версия — это предположение следователя (лица, производящего дознание). Она может быть общей и частной, но в любом случае выдвигается и подлежит проверке лицом, осуществляющим предварительное расследование.

Следственные версии проверяются процессуальным путем, представляя собой руководящую нить доказывания на этой стадии судопроизводства. Результаты проверки находят свое выражение в решениях следователя (органа дознания).

У суда при разбирательстве конкретного уголовного дела также возникают предположения об отдельных его обстоятельствах и о всем событии в целом — частные и общие судебные версии.

Дело может быть признано полностью расследованным и направлено в суд только в том случае, если в итоге всей проделанной следователем работы, проверки всех возможных реальных версий останется только одна, которая с точки зрения органа расследования перестала быть версией, превратившись в достоверный вывод. Однако с точки зрения суда этот вывод является версией обвинения, требующей проверки в условиях судебного разбирательства. Эта версия будет исходной при рассмотрении дела в суде, она представляет собой основу для проведения судебного следствия.

Представляется, что в любом случае суд не может ограничиться версией обвинения; исходя из своих задач, как орган правосудия, он должен проверить и контрверсию, т. е. предположение о невиновности лиц, преданных суду³.

¹ См., например, А. Н. Васильев, Г. М. Мудьюгин, Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957, стр. 41.

² Обоснованно критикует смешение версий с иными предположениями по делу Г. Н. Александров («Некоторые вопросы теории криминалистической версии», «Вопросы криминалистики» 1962 г. № 3, стр. 11 и сл.).

³ Нельзя согласиться с Г. Н. Александровым («Некоторые вопросы теории криминалистической версии», «Вопросы криминалистики» 1962 г. № 3, стр. 18), что проверка версии заканчивается после раскрытия преступления (т. е. установления лица, которое по имеющимся данным его совершило). До окончания расследования (соответственно — судебного

Суд вправе выйти за пределы доказательств, собранных на предварительном следствии. Он вправе истребовать и рассмотреть новые доказательства. Это, в частности, означает, что суд может выдвинуть новые версии, не фигурировавшие и не проверявшиеся на предварительном следствии. При возвращении судом дела на следствие эти судебные версии становятся обязательными следственными версиями и подлежат неременной проверке¹.

Опираясь на исходные данные, версия должна объяснить их, раскрыть все виды связей между ними. По своему содержанию она выходит за рамки исходных данных, предположительно указывает на еще не установленные в момент ее построения факты, на причины, вызвавшие появление всего комплекса обстоятельств, которые в виде исходных данных послужили материалом для построения версии. В этом смысле построение версий означает мысленное воссоздание обстановки и обстоятельств события, его «мысленную реконструкцию». При этом следователь (суд) опирается как на фактический материал, уже собранный в ходе расследования и судебного разбирательства, так и на накопленный опыт, научные обобщения. Большое значение при этом имеет способность к творческому воображению, т. е. к созданию новых мыслительных образов на основе анализа действительности, с учетом жизненного опыта и знаний (§ 2 гл. V)².

Для того чтобы обеспечить выдвижение всего круга реальных в данных условиях версий, необходимо полностью использовать все сведения, могущие быть исходными для их разработки. Эти сведения могут носить различный характер. Прежде всего это сведения, содержащиеся в первичном материале, послужившие основанием для возбуждения уголовного дела (например, акт ревизии), далее, в доказательствах, появившихся в результате первоначальных следственных действий (осмотр места происшествия, задержание подозреваемого с поличным и др.). Это могут быть

разбирательства) виновность обвиняемого является версией, подлежащей проверке. Иначе неизбежен обвинительный уклон расследования и судебного разбирательства.

¹ Рассматривая вопрос о соотношении судебной и следственной версий, Л. Е. Ароцкер правильно отмечает: «Положив в основу дополнительного расследования версию суда, органы предварительного следствия и дознания могут собрать доказательства, которые ее подтвердят либо опровергнут. В первом случае суд, вновь приняв дело к своему производству, будет исходить из той же версии, которая уже однажды была им выдвинута... В противном случае, если судебная версия не подтвердится, а оснований для выдвижения иных обоснованных версий нет, суд вправе выдвинуть в качестве судебной версии версию обвинения, в истинности которой он раньше сомневался» (Л. Е. Ароцкер, Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве, М., 1964, стр. 59—60).

² См. А. Р. Ратнов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 128; И. М. Лузгин, Расследование как процесс познания, М., 1969, стр. 115.

также данные непроцессуального характера, ставшие известными следователю из оперативных источников и не имеющие доказательственного значения.

Существенную роль при построении версий играет личный и обобщенный опыт, почерпнутый из следственной практики, специальной литературы и т. д.¹. Этот обобщенный опыт, в частности, играет особенно важную роль при построении так называемых типичных версий.

Под типичной версией понимается наиболее характерное для данной ситуации с точки зрения обобщенной следственной или судебной практики предположительное объяснение факта или расследуемого события в целом. Их разработка и использование представляют по существу частный случай применения в области доказывания схем и других форм наглядного выражения строгих систем, полученных в результате глубокого обобщения практики². Смысл использования этих версий заключается в объяснении события при минимальных исходных данных, что необходимо для выбора направления расследования в самом его начале. Так, одного факта обнаружения трупа достаточно для выдвижения таких типичных версий, как версии об убийстве, самоубийстве, несчастном случае и ненасильственной смерти. Однако типичные версии имеют лишь ограниченное познавательное значение. Основываясь на минимальных фактических данных, они могут дать только самое общее объяснение события, используемое при планировании первоначальных следственных действий, но недостаточное для успешного завершения расследования.

При построении типичных версий в наибольшей степени используется опыт расследования однородных или сходных дел.

Типичные версии отнюдь не должны рассматриваться как лучшие или худшие по сравнению с версиями, основанными на коп-

¹ Нельзя согласиться с А. М. Лариным, считающим, что основанием для построения версий могут быть только доказательства или данные, полученные оперативно-розыскным путем (А. М. Ларин, *Расследование по уголовному делу. Планирование, организация*, М., 1970, стр. 66). Представляется более правильной точка зрения С. А. Голунского, считавшего, что версия, как предположение, может основываться, кроме доказательств, оперативных данных, справочных сведений, и на слухах, анонимных заявлениях и т. п. («Планирование расследования», *Советская криминалистика на службе следствия*, вып. 10, М., 1958, стр. 15). Важно лишь, чтобы все эти данные носили правдоподобный и обоснованный характер, а не были беспочвенными догадками.

² См. В. Н. Кудрявцев, *О программировании процесса применения норм права, «Вопросы кибернетики и право»*, М., 1967, стр. 86; А. Н. Колесниченко, Г. А. Матусовский, *О системе версий и методике их построения, «Криминалистика и судебная экспертиза»*, Киев, 1970, стр. 10—11; Г. М. Миньковский, Т. М. Арзуманян, В. К. Звирбуль и др., *Деятельность органов расследования, прокурора и суда по предупреждению преступлений*, М., 1963, стр. 5—30 и др.

кретных особенностях исследуемого события¹. Они играют полезную роль в начале расследования, а затем по мере развития процесса доказывания они конкретизируются, уточняются, в случае необходимости отбрасываются². С логической стороны суждение, включающее версию, является условным суждением: «Если существовало данное событие (например, такое-то преступление), то должны существовать его следствия (такие-то факты, доказательства)». Подтверждение следствий (т. е. обнаружение доказательств) вместе с тем означает и подтверждение логического основания, т. е. самой версии³.

При построении и проверке версии наряду с другими видами умозаключений широко используется аналогия. Положим, что из следственной практики известно, что конкретный преступник-рецидивист совершил несколько краж со взломом; на месте преступления он действует целесообразно, действия его носят «профессиональный» характер: взлом совершается в наиболее уязвимом месте ограды, наиболее эффективным способом и т. п. Если на месте новой кражи следователь обнаруживает аналогичные признаки, он может выдвинуть версию о том, что и эта кража совершена тем же самым конкретным субъектом. Здесь имеет место умозаключение по аналогии: на основании аналогии (сходства) в способе действия делается вывод о том, что совпадает и субъект.

Выше уже отмечалось, что недостаток фактических данных в начале расследования, разрозненность и неполнота установленных фактов позволяют давать им вначале различные толкования. В большинстве случаев в начале расследования возникает несколько версий, по-разному толкующих известные уже факты (например, версии об убийстве и о самоубийстве, версии о поджоге и о самовозгорании).

Может ли в известных случаях по делу фигурировать единственная следственная версия, если исходные данные таковы, что не оставляют места для иного предположения в отношении объясняемого факта, события?

---

¹ В литературе высказывалась точка зрения о бесполезности типичных версий (М. Е. Евгеньев-Тиш, План расследования уголовного дела, «Труды Саратовского юридического института», вып. 1, 1967, стр. 217). Предпринимались и попытки на их основе заранее разработать схемы расследования (Я. М. Яковлев, Расследование убийств, Душанбе, 1960, стр. 130—131). В упомянутой статье А. Н. Колесниченко и Г. А. Матусовского обоснованно отмечается, что такого рода крайности не соответствуют действительной роли версий в доказывании.

² См. об этом И. М. Лузгин, Построение и проверка версий при производстве расследования по уголовному делу, «Вопросы криминалистики» 1963 г. № 8—9, стр. 10—11.

³ А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 83.

Существует мнение, что версии выдвигаются только в тех случаях, когда исходные данные позволяют сконструировать несколько предположений об одних и тех же обстоятельствах¹.

Рассмотрим следующий пример. Автобус, которым управлял водитель К., столкнулся на перекрестке двух улиц с трамваем. Из первичных материалов, представленных следователю сотрудниками ГАИ-ОРУД, усматривалось, что водитель К. нарушил правила движения, следуя через перекресток при красном сигнале светофора.

На основании этих исходных данных следователь мог выдвинуть только одну конкретную версию, по которой причина происшествия заключалась в нарушении К. правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта. Иных конкретных предположений на этих исходных данных нельзя было построить, они были бы необоснованными.

Вместе с тем, поскольку неизбежны сомнения в достоверности и полноте исходных данных, постольку должна быть выдвинута наряду с этой версией и контрверсия, т.е. общее предположение о том, что события происходили иначе, чем это зафиксировано в исходных сведениях. Наличие контрверсии удовлетворяет требованию всесторонности, полноты, объективности доказывания, отсутствия предвзятости при расследовании. Таким образом, и в этом случае можно говорить не о единственной версии, а о двух версиях — конкретной версии о виновности водителя автобуса и общей контрверсии.

По всем ли делам выдвигаются следственные версии?

Авторы работы «Планирование расследования преступлений» пишут: «...не выдвигаются версии по тем обстоятельствам, значение которых ясно из исходных данных и не требует установления»². С этим положением согласиться нельзя. Исходные данные никогда не исчерпывают предмета доказывания (именно поэтому они являются исходными, т.е. только основанием для начала процесса доказывания). Кроме того, следует, как уже отмечалось, учесть возможность сомнения в достоверности исходных данных, т.е. возможность контрверсии. Если «ясные» обстоятельства не исчерпывают собой всех существенных обстоятельств, если само их существование не достоверно, то речь, очевидно, идет не о полном и достоверном знании, а именно о версии, которая должна дать целостное представление об исследуемом событии, с тем чтобы указать путь познания всей совокупности существенных обстоятельств дела.

¹ А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957, стр. 59.

² А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957, стр. 59.

Из сказанного можно сделать общий вывод, что версии выдвигаются по всем делам, ибо, пока не завершено расследование (соответственно — судебное разбирательство), мнение следователя (суда) об исследуемом событии всегда носит характер предположения, требующего подтверждения. Иное понимание неизбежно приведет к ошибочному выводу о том, что в некоторых случаях «ясность» исходных данных делает ненужным процесс доказывания.

Проверка версий проходит несколько этапов.

Первый этап: выведение из версии всех возможных следствий, т.е. формирование суждений о еще неустановленных фактах, вытекающих из данного предположительного объяснения события.

Следствия могут носить утвердительный или отрицательный характер, они могут заключаться в утверждении существования того или иного факта или, наоборот, в его отрицании.

Следствия выводятся из всех выдвинутых по делу версий. Взаимоисключающий характер версий не всегда означает взаимоисключающий характер всех выведенных из них следствий. В некоторых делах у нескольких версий могут совпадать отдельные следствия (см. также § 2 гл. V).

При расследовании некоторых преступлений возникают версии об инсценировках («симуляциях»), например инсценировке ограбления, самоубийства и др. При построении и проверке таких версий должно быть предусмотрено выведение следствий о «негативных обстоятельствах» (отсутствии некоторых следов, признаков, например об отсутствии следов взлома на вскрытом хранилище) или следствий, противоречащих «обычному» ходу событий, например наличию денег или ценностей в карманах одежды лица, убитого якобы при ограблении.

Следующим этапом проверки версий следует считать определение последовательности, средств и способов для того, чтобы выяснить существование (или несуществование) предполагаемых следствий, вытекающих из имеющихся версий. Содержанием этого важнейшего этапа проверки версии является планирование дознания, следствия, судебного следствия.

Третий этап проверки версий в процессе доказывания — это практическое проведение намеченных в плане процессуальных действий и получение необходимых фактических данных, которые позволяют сделать вывод о соответствии или несоответствии версии реальным обстоятельствам дела.

Если данная версия подтверждается полностью, то она правильно и исчерпывающе объясняет все установленные по делу обстоятельства, как исходные, так и полученные в ходе ее проверки.

Однако иногда результаты проверки версии бывают иными. Некоторые факты «не вписываются» в содержание версии или противоречат ей. Такой результат может означать, что:

а) данный факт выходит за пределы события преступления, не имеет отношения к данному событию, не связан с ним;

б) версия в целом неправильна, не отражает объективно существующей связи между фактами и не может использоваться для направления расследования;

в) версия нуждается в корректировке с тем, чтобы объяснить всю совокупность имеющихся фактических данных.

Последним этапом является оценка всей совокупности собранных по делу фактических данных и формулирование вывода об истинности или ложности данной версии.

Проверка версии пронизывает процесс доказывания от его начала до завершения. На смену отвергнутым версиям выдвигаются и проверяются новые предположения. Доказывание завершается подтверждением одной версии как единственного в данной ситуации объяснения исследуемого события. Подтвердившаяся версия перестает в строгом смысле слова быть версией, она становится достоверным знанием о существенных обстоятельствах расследуемого преступления.

Оценка
ленного
законны
примени
Пере
произво
обеспеч
о сущес
яснить,
процессу
казывани
основани
ния о пр
выемке
водов об
в конеч
формац
ментах.
Оцен
ность с
ских ф
обеспеч
Одна
характе
произво
ния, зак
В со
водится
дей, осн
рассмотр
формальн
и значен
ности

ГЛАВА VII

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Оценка доказательств служит необходимым условием целенаправленного ведения следствия и судебного разбирательства, принятия законных и обоснованных процессуальных решений, правильного применения уголовного закона.

Перед следователем, прокурором и судом, осуществляющими производство по уголовному делу, в неразрывной связи с задачей обеспечить собирание всех необходимых фактических данных о существенных обстоятельствах дела стоит также задача выяснить, собрана ли эта информация с соблюдением требований процессуального закона; имеет ли она отношение к предмету доказывания; могут ли служить собранные по делу доказательства основанием для принятия процессуальных решений (постановления о привлечении в качестве обвиняемого, задержании, обыске, выемке и т. д.); достаточно ли доказательств для достоверных выводов об обстоятельствах, составляющих предмет доказывания, и в конечном счете, представляют ли они достоверную и полную информацию об исследуемом событии в целом и отдельных его элементах.

Оценка доказательств представляет мыслительную деятельность следователя, прокурора, судей, осуществляемую в логических формах при соблюдении научной методологии познания, обеспечивающей достижение истины.

Однако рассмотренных выше признаков недостаточно для характеристики понятия оценки доказательств в уголовном судопроизводстве. Необходимо указать и на роль внутреннего убеждения, закона и социалистического правосознания¹.

В советском уголовном процессе оценка доказательств производится по внутреннему убеждению следователя, прокурора, судей, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении доказательств; при этом в законе не указываются формальные условия, которые заранее определяли бы ценность и значение каждого доказательства в отдельности и их совокупности.

---

¹ Подробно эти понятия рассматриваются в § 3 и 4.

При оценке доказательств следователь, прокурор, судьи руководствуются требованиями закона, выдвигающего условия общего характера (оценивать доказательства в совокупности, всесторонне, полно, объективно и др.), устанавливающего правила допустимости доказательств и их относимости.

Наконец, характеристика оценки доказательств включает указание на роль социалистического правосознания. Будучи стороной общего мировоззрения следователя, прокурора и судей, социалистическое правосознание позволяет уяснить смысл и значение требований закона, предъявляемых к собиранию и оценке доказательств.

Изложенное позволяет дать следующее определение. *Оценка доказательств* — это мыслительная деятельность следователя, прокурора и судей, которая состоит в том, что они, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, рассматривают по своему внутреннему убеждению каждое доказательство в отдельности и всю совокупность доказательств, определяя их относимость, допустимость, достоверность и достаточность для выводов по делу. На основании оценки доказательств выдвигаются следственные (судебные) версии и выясняется, достаточно ли подтверждена одна из них и опровергнуты ли все остальные; устанавливаются основания для принятия различных процессуальных решений, в том числе и о проведении следственных (судебных) действий; делаются выводы о доказанности или недоказанности отдельных обстоятельств дела и преступления в целом¹.

Оценка доказательств осуществляется также участниками процесса, отстаивающими в уголовном процессе свои или представляемые интересы (обвиняемый, защитник, потерпевший и др.). Оценка доказательств этими лицами имеет существенные особенности, которые будут рассмотрены ниже.

Понимание основных принципов и содержания оценки доказательств в советском уголовном процессе возможно лишь на основе исторического подхода к этой проблеме. Исторически известны различные системы оценки доказательств, отличающиеся друг от друга методологией познания в суде.

В уголовном процессе обвинительного типа спор между обвинителем и потерпевшим решался посредством поединка, испытания водой, огнем и т. д. Считалось, что истина исходит от бога,

¹ О понятии оценки доказательств см. Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 93; Р. С. Белкин, Собрание, исследование и оценка доказательств, М., 1966, стр. 66; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 304; В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1964, стр. 130; Г. М. Резник, Оценка доказательств по внутреннему убеждению. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969; И. И. Мухин, Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия, Л., 1971, стр. 99.

поэтому представление и оценка доказательств (в современном их понимании) в подтверждение или оправдание существа обвинения, как правило, не допускались. Оценка доказательств была ограничена рассмотрением сведений, указывающих на соблюдение внешней процедуры соответствующего испытания, и истолкованием нарушений этой процедуры в пользу соответствующей стороны¹.

На смену этому порядку приходит система формальных или легальных, т. е. установленных законом, доказательств.

Эта система развилась из средневекового (розыскного) пыточного процесса, когда признание обвиняемого, данное под пыткой, считалось совершенным доказательством, достаточным для осуждения. Если же обвиняемый выдерживал пытку, то его признавали невиновным (жестокость пыток сводила такую возможность к минимуму).

В дальнейшем, после того как пытки были формально отменены, признание обвиняемого по-прежнему считалось совершенным доказательством, но к нему стали приравнивать согласующиеся между собой показания двух заслуживающих доверия свидетелей или даже одного свидетеля, если он был отцом обвиняемого, и другие доказательства. Постепенно развилась сложная система количественной оценки «веса» доказательств, заранее устанавливаемого законом. Ценность каждого доказательства определялась дробью ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$), т. е. какой-то частью «совершенного» доказательства (признания обвиняемого). Оценка доказательств судом состояла в том, чтобы проверить соблюдение внешней процедуры их получения, определить на основе закона ценность каждого доказательства в отдельности и их совокупности. Если результат составлял «совершенное» доказательство или превышал его, то суд обязан был вынести обвинительный приговор. Если же результат оказывался меньшим, то обвиняемый оставался «под подозрением» или оправдывался².

В основе системы формальных доказательств лежали некоторые приблизительные обобщения (житейские презумпции), а также религиозные предрассудки и классовые соображения (показания состоятельных и духовных лиц имели, например, большую ценность и т. д.).

Очевидно поэтому, что принятые этой системой «критерии» достаточности доказательств для установления истины оказались произвольными, их применение во многих случаях было абсурдным, противоречило здравому смыслу, обстоятельствам дела, влекло многочисленные судебные ошибки и насаждало среди су-

---

¹ М. А. Чельцов, Курс уголовно-процессуального права, т. 1, М., 1957.

² См. И. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. 2, СПб., 1899, стр. 204 и сл.

дей бездумный, казенный формализм. Система формальных доказательств заменила произвол отдельных судей произволом законодателя. В результате суд лишь формально подводил под указанные в законе признаки доказательства, имеющиеся в деле, не вдаваясь в их оценку по существу.

Период буржуазных революций знаменовал собой переход от системы формальных доказательств к провозглашению принципа свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей.

Принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей возник одновременно с судом присяжных заседателей и с самого начала был приспособлен к условиям его деятельности. Приведение доказательств для обоснования вердикта не входит в обязанность присяжных, поэтому внутреннее судейское убеждение сплошь и рядом трактуется буржуазной юриспруденцией субъективистски, как безотчетное веление разума, «выражение народной совести» и т. д.

В то же время в буржуазном уголовном процессе (особенно англо-американском) имеется обилие правил для определения относимости и допустимости доказательств, а также правовых презумпций, которые вносят в оценку доказательств элементы формализма.

В советском уголовном процессе с самого начала был установлен принцип свободной оценки доказательств судьями по их внутреннему убеждению, не скованному предписаниями о ценности отдельных доказательств и их совокупности (декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 г.; ст. 24 Положения о народном суде РСФСР от 21 октября 1920 г.; ст. 61 УПК РСФСР 1922 г.; ст. ст. 57, 319 УПК РСФСР в ред. 1923 г.).

Вместе с тем — и в этом один из аспектов качественной новизны этого принципа в советском уголовном процессе — закон требовал обоснования этого убеждения тщательно исследованными доказательствами с приведением и анализом их в приговоре суда.

В 20—30-х годах многие советские процессуалисты и криминалисты были приверженцами теории «объективизации» уголовного процесса¹.

По их мнению, нужно было расширить «материальный сектор» уголовного процесса (вещественные доказательства, документы и заключения экспертов) и приступить, по мнению некоторых из них, к разработке обязательных для судей объективных критериев

¹ М. М. Гродзинский писал в то время, что, освободившись от оков формальных доказательств, теория и практика «ударилась в другую крайность и объявила судью совершенно свободным от каких бы то ни было правил и указаний» («Учение о доказательствах и его эволюция», Харьков, 1925, стр. 5).

ценности доказательств¹. «Материальный сектор» уголовного процесса противопоставлялся показаниям живых лиц, значение которых для установления истины необоснованно принижалось, а также предпринимались попытки связать внутреннее убеждение судей такими критериями ценности доказательств, которые при современном уровне научных знаний не могут учесть специфику каждого доказательства, каждого уголовного дела и поэтому не могут быть сформулированы в законе. Теория «объективизации» уголовного процесса, подчеркивая необходимость исследования объективных оснований оценки доказательств, имела известное позитивное содержание.

А. Я. Вышинский подверг указанную концепцию критике (хотя в 20-х годах разделял те же взгляды)².

Высказавшись за «свободу действий при оценке доказательств», он связал эту проблему с характером знания, получаемого в результате оценки доказательств, подчеркнув, что «судебный приговор является выражением лишь максимальной вероятности»³.

Если критикуемая им концепция в той или иной степени шла по линии ограничения принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению, то А. Я. Вышинский по существу отождествляет его с субъективистским подходом к оценке доказательств. «Голос, — писал он, — который говорит судье: это верно, ты правильно решил, — это голос его внутреннего убеждения, который

---

¹ Отметив, что судья нуждается в указаниях о ценности отдельных видов доказательств, как вещественных, так и личных, М. М. Гродзинский в работе «Учение о доказательствах и его эволюция» писал: «Именно эта научная объективизация оснований, по которым должна производиться оценка доказательств, является той фазой, в которую вступает в наши дни доказательственное право по мере того, как оно изжило систему законных доказательств, и по мере того, как оно в настоящее время изживает ныне существующую систему свободного убеждения, лишённого объективно проверенного обоснования» (стр. 15).

Н. Н. Полянский считал «крайностями» как теорию формальных доказательств, так и принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судей («Вопросы доказательственного права в практике УКК Верховного Суда РСФСР за 1926 г.», «Право и жизнь» 1927 г., кн. первая, стр. 55—56).

М. С. Строгович в то время писал: «Мы в качестве основного момента выдвигаем объективизацию оценки доказательств (в противовес субъективизму классической теории внутреннего убеждения)» (М. С. Строгович, Основные вопросы оценки доказательств в уголовном процессе, «Советская юстиция» 1936 г. № 22, стр. 5).

² А. Я. Вышинский, Курс советского уголовного процесса, М., 1927.

³ А. Я. Вышинский, Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе, «Советская юстиция» 1936 г. № 23, стр. 5.

Те же идеи развивал С. А. Голунский («Проверка и оценка доказательств», «Советская юстиция» 1936 г. № 15, стр. 7—9). См. также М. В. Фрейганг, Оценка доказательств в советском уголовном процессе, «Ученые записки МЮИ НКЮ СССР», вып. 3, М., 1941, стр. 33—34.

определяет в конечном счете ценность и значение всех доказательств и всего процесса в целом»¹.

Преодолев ошибочные концепции, советская теория доказательств рассматривает оценку доказательств по внутреннему убеждению в диалектическом единстве объективного и субъективного его аспектов. Существенное значение в связи с этим имеет, в частности, проблема исследования объективных критериев определения достоверности и достаточности доказательств.

Неуклонное и широкое внедрение достижений науки и техники в уголовное судопроизводство через экспертизу, а также посредством технического оснащения следственного аппарата, развитие новых видов экспертиз и новых, более совершенных методов экспертного исследования, значительное расширение технических возможностей обнаружения и фиксации доказательств — все это позволило выявлять при проведении следственных действий все больший круг фактических данных, имеющих доказательственное значение по уголовным делам. Таким образом, расширяется фактическая основа внутреннего убеждения следователя и суда, его обоснованность. С другой стороны, в силу тех же тенденций развития доказывания в составе фактических данных, являющихся основаниями выводов следователя и суда, все меньше сомнительных, недостаточно надежных.

В последние годы в центре внимания теории доказательств оказались такие вопросы, как:

а) изучение логической структуры мышления при осуществлении оценки доказательств, создание логических, математических моделей оценки доказательств, объясняющих процесс формирования выводов следователя, суда²;

б) изучение оценки доказательств в свете идей кибернетики³;

в) изучение вопроса о возможности формализации некоторых операций по доказыванию и применения ЭВМ для систематизации доказательств, построения версий и подсчета их вероятности⁴.

Эти исследования объединены единой целью — использовать современные данные науки, чтобы вооружить судью, прокурора, следователя знанием сложной структуры мыслительного процесса,

¹ А. Вышинский, Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе, «Социалистическая законность» 1936 г. № 7, стр. 34.

² См. А. А. Эйсмана, Заключение эксперта. Структура и научное обоснование, М., 1967; его же, Структурный анализ и моделирование судебных доказательств, «Правовая кибернетика», М., 1970; его же, Логика доказывания, М., 1971; А. И. Трусов, Судебное доказывание в свете идей кибернетики, «Вопросы кибернетики и право», М., 1967, стр. 20—32.

³ В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1964.

⁴ В. Н. Кудрявцев, А. А. Эйсман, Кибернетика и право, М., 1964.

приводящего к отысканию истины по уголовному делу, ограничить субъективизм и предупредить ошибки в оценке доказательств.

В прошлом оценка доказательств как мыслительный процесс изучалась с позиций традиционной двузначной логики. Это оказалось недостаточным для описания структуры оценки доказательств.

С помощью средств вероятностной логики было показано, что по мере накопления улик и опровержения контрулик степень правдоподобия доказательств возрастает, пока, наконец, их совокупность не становится достаточной для достоверного вывода¹.

Были сделаны интересные попытки построить модель оценки доказательств как процесса постепенного убывания энтропии (неопределенности) и возрастания количества информации².

Однако советская теория доказательств исходит из того, что математическое описание оценки доказательств на данном этапе развития науки дает лишь весьма приближенную модель некоторых сторон мыслительной деятельности в этой области. Оценка достоверности и достаточности доказательств пока не поддается формализации и в конечном счете носит содержательный характер, основывается на внутреннем убеждении³.

На вопрос, возможна ли в принципе формализация мыслительного процесса при оценке доказательств по уголовным делам, утвердительно отвечает А. И. Трусов, который в то же время не без основания указывает на большие трудности, возникающие на этом пути⁴. Другие авторы скептически оценивают возможности формализации оценки доказательств по уголовным делам в обозримый период, указывая на «почти беспредельный объем... статистических исследований», которые для этого необходимо провести, и «проблематичность практической эффективности результатов»⁵.

В принципе возможно представить себе процедуру введения в память ЭВМ картотеки из «доказательственных прецедентов»,

---

¹ А. А. Эйсмэн, Некоторые вопросы оценки как количественной характеристики..., «Кибернетика и право», М., 1967, стр. 167—170. См. также § 2 гл. VII.

² В. А. Пошквичюс, Применение математических средств при собирании, исследовании и оценке доказательств. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1968, стр. 16.

³ Нельзя вместе с тем согласиться с И. И. Мухиным, немотивированно утверждающим, что применение количественных методов и идей кибернетики при оценке доказательств в уголовном процессе принципиально бесплодно (И. И. Мухин, назв. работа, стр. 174—176).

⁴ А. И. Трусов, Судебное доказывание в свете идей кибернетики, «Вопросы кибернетики и право», М., 1967, стр. 30—32. См. также С. В. Курылев, Установление истины в советском правосудии. Автореферат докторской диссертации, М., 1967, стр. 28; И. Л. Петрухин, Некоторые вопросы методологии экспертного и судебного познания. «Труды ЦНИИСЗ», вып. 2, 1970, стр. 242—255.

⁵ А. А. Эйсмэн, Структурный анализ и моделирование судебных доказательств, «Правовая кибернетика», М., 1970, стр. 182.

например по вопросу достаточности доказательств (определенное сочетание доказательств по разрешенному делу с учетом факторов и критериев допустимости доказательств); постепенное накопление этих «прецедентов», а затем «идентификация» (сначала родовая, групповая, а затем «индивидуальная») доказательственной ситуации по данному и уже разрешенному делам (разумеется, речь идет о научном эксперименте) ¹.

Однако в современных условиях описанные методы следует рассматривать именно как методы изучения процесса доказывания, а не как методы решения практических задач правосудия. Теоретические трудности, неэкономичность использования быстродействующих электронных машин для целей правосудия, трудности разработки для них алгоритмов в связи со специфичностью индивидуальных актов судебного познания, трудности подготовки и ввода в них информации — все это дает основание считать, что оценка доказательств еще долгое время будет осуществляться по внутреннему убеждению судей. Научно-технический прогресс будет постоянно способствовать выработке более точных, полных и объективных оснований для этого убеждения.

Содержание оценки доказательств в советском уголовном процессе составляет мыслительный процесс, завершающийся установлением истины по уголовному делу. Как и любой познавательный процесс, оценка доказательств ведет к тому, что «из незнания является знание», а «неполное, неточное знание становится более полным и более точным» ².

Процесс оценки доказательств включает определение их относимости, допустимости, достоверности, достаточности сначала для выдвижения следственных (судебных) версий, а затем и достоверных выводов по уголовному делу.

Оценка относимости, допустимости, достоверности доказательств производится как в ходе их собирания, так и на заключительном этапе, перед принятием процессуальных решений.

Однако каждый из указанных аспектов оценки доказательств имеет самостоятельное значение и может стать преобладающим на определенном этапе доказывания.

¹ Такие картотеки уже применяются в медицине. Они содержат сведения о всех симптомах, на основе которых был поставлен диагноз, подтвержденный затем клинически, оперативно или на вскрытии, и служат серьезным подспорьем врачу-клиницисту при дифференциальной диагностике. Содержащаяся в них информация используется также для составления программ машинной диагностики заболеваний (см. И. И. Бенедиктов, В. И. Плотников, Философия и медицина, Свердловск, 1967, стр. 229). А. И. Берг считает, что весьма эффективна «информационная система, позволяющая накапливать врачебный опыт и в любой момент быстро использовать его, чтобы отыскать аналогичные случаи» («Кибернетика и надежность», М., 1967, стр. 41).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

Оценка относимости доказательств состоит в выявлении их связи с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, объясняемой, в частности, действием общей причины. Поначалу знание об этой причине проблематично, по существу это несколько предполагаемых причин (версий), поэтому и доказательства сначала рассматриваются как предположительно относимые.

Доказательства, которые способствуют обоснованию или опровержению хотя бы одной из следственных версий, должны быть признаны относимыми. Круг доказательств, признаваемых относимыми, определяется, следовательно, тем, насколько полно разработаны общие и частные версии, насколько глубоко и точно учтены возможные следствия, вытекающие из имеющихся в деле фактических данных, и возможные причины, предопределившие появление этих данных (§ 4 гл. VI).

По мере накопления фактического материала производится его анализ и синтез. Анализ каждого выявленного доказательства с точки зрения его относимости — это установление возможной связи между доказательством и исследуемым событием. Анализ и синтез доказательств позволяет выделить то общее, что их объединяет, а именно предположительно объяснить наличие ряда фактов действием одной общей причины.

Оценка относимости доказательств производится и при проведении отдельных следственных действий: допросов, очных ставок, освидетельствований и т. д.

Важную роль в оценке относимости доказательств играет аналогия. Если следователь специализируется на расследовании уголовных дел определенной категории, то он приобретает опыт, который позволяет ему каждый новый случай сопоставить с наиболее сходным из предыдущих. Если эти случаи совпадают в некоторых существенных чертах, то это дает основание по аналогии заключить, что, вероятно, существует совпадение и в ряде других черт.

Определенную роль в оценке относимости доказательств играют фактические (естественные) презумпции — правила, отражающие «обычный порядок вещей», т. е. ту связь между предметами, явлениями, фактами, которая чаще всего встречается.

Оценка допустимости доказательств — необходимое условие оценки их достоверности. Следует, однако, иметь в виду, что признание доказательства допустимым не предreshает вопроса о его достоверности; вывод о допустимости предшествует, но не заменяет вывода о достоверности.

Оценка доказательств с точки зрения их допустимости — это решение вопроса о том: 1) разрешает ли закон использовать данного вида источник фактических данных по уголовному делу; 2) не было ли допущено нарушений процессуального закона при получении и закреплении информации; 3) отразились ли процессуальные нарушения, если они были допущены, на достоверно-

сти и полноте соответствующей информации; 4) использованы все необходимые источники для установления фактических данных.

В литературе было высказано мнение, что оценка допустимости и относимости доказательств производится не по внутреннему убеждению, а по закону, который определяет критерии допустимости и относимости доказательств, обязательные для следователя, прокурора, суда¹.

Такое противопоставление неточно (см. § 2 гл. IV). Конечно, к оценке допустимости доказательств привлекаются нормативные критерии. Но оценка допустимости доказательств не сводится к формальному оперированию ими (тем более, что речь идет о правилах высокой степени общности), она невозможна без привлечения правосознания судей.

Что касается критериев относимости доказательств, то они лишь в самом общем виде указаны в законе (предмет доказывания). Процесс выдвижения версий и оценки отношения к ним доказательств правом не формализован, в нем основная роль принадлежит методу оценки доказательств по внутреннему убеждению.

Оценка достоверности, как и оценка относимости доказательств, представляет собой длящийся процесс, который завершается лишь в момент формулирования окончательных выводов по делу на основе всей совокупности собранных доказательств.

Оценка доказательств с точки зрения их достоверности производится в ходе следственных действий, при выдвижении следственных версий, принятии процессуальных решений. Оценка достоверности доказательств состоит в том, что:

1) изучается лицо, располагающее сведениями (свидетель, потерпевший, эксперт и т. д.), с точки зрения его способности давать правдивые и полные показания (заключения);

2) изучается характер и условия обнаружения материального носителя информации (предмет, документ);

3) анализируется содержание сведений (последовательность и полнота изложения, наличие противоречий, неточностей, пробелов, обоснованность выводов, основанных на данных науки, и т. д.);

4) информация, полученная из данного процессуального источника, сопоставляется с информацией, полученной из других процессуальных источников.

Оценка достоверности доказательства включает анализ всего процесса его формирования, а именно: условий восприятия, запечатления, передачи и фиксации сведений о фактах, сообщенных допрошенным лицом; условий появления, сохранения и копирования материальных следов; хода экспертного исследования и

¹ Г. М. Резник, Автореферат, стр. 5—6.

правильности его отображения в заключении; происхождения и состояния документов, представленных следователю (суду).

Многие критерии достоверности, возникнув эмпирически, в настоящее время получили научное обоснование в криминалистике, психологии, физиологии и других специальных отраслях знания. Так, решение вопроса о достоверности показаний свидетеля зависит от таких изучаемых психологией и физиологией факторов, как способность данного конкретного лица к восприятию, запоминанию фактов и воспроизведению информации о них, составляющей содержание его показаний; скоротечность события, бывшего предметом наблюдения; условия восприятия; события и переживания, способные исказить воспринятую картину или ослабить запоминание; условия воспроизведения фактов на допросе; заинтересованность свидетеля в исходе дела; влияние других очевидцев события на содержание показаний свидетеля и т. д., — все это должно учитываться при оценке достоверности показаний (см. гл. гл. IX—X).

Условия достоверности доказательств, собираемых с помощью экспертизы, как правило, формулируются в общих научных положениях, под которые подводится данный конкретный случай. Так, психиатрией изучены и систематизированы синдромы душевных заболеваний, позволяющие поставить судебно-психиатрический диагноз; судебная медицина изучила и систематизировала признаки различных видов насильственной смерти, что позволяет устанавливать причину смерти в каждом конкретном случае, и т. д.

Однако применение этих общих научных критериев недостаточно для оценки достоверности доказательств. Они должны быть дополнены наличием связи между установленным таким способом доказательством и другими собранными по делу данными. Тем самым могут быть выявлены ошибки, допущенные в ходе исследования, осуществленного экспертом (см. гл. XIII).

Достаточность собранных по делу доказательств для достоверного вывода по уголовному делу определяется внутренним убеждением судьи, также опирающимся на критерии, выработанные практикой, в том числе на обобщенные нормативные критерии (см. § 2—4 гл. III и § 2—3 гл. VII).

Не всякая мыслительная деятельность следователя, прокурора и судей, связанная с доказыванием, охватывается понятием оценки доказательств.

За пределами оценки доказательств находится, в частности, анализ собранной в связи с расследованием уголовного дела вспомогательной, ориентирующей информации (например, оперативных данных). Этот анализ осуществляется в связи с разработкой версий, планированием следственных действий и т. п., но не входит в оценку доказательств.

Отделить оценку доказательств от оценки указанных данных при выдвижении версий и определении степени их правдоподобия

психологически трудно, поскольку это совпадающий во времени процесс. Но для обоснования процессуальных решений имеет значение только оценка доказательств.

За пределами оценки доказательств находятся также данные, характеризующие поведение обвиняемого при проведении следственных действий и судебного разбирательства (эмоциональное состояние, отказ давать показания и т. д.). Это не значит, конечно, что для следователя, судей такие данные безразличны. Напротив, надо стремиться найти психологическое объяснение поведению обвиняемого, использовать эти данные для разработки тактики проведения следственных действий. Однако сведения о поведении обвиняемого на следствии и в суде могут служить лишь вспомогательным средством изучения его личности и определения тактических приемов расследования, но не могут быть использованы для обоснования процессуальных решений.

Оценка доказательств — составная часть процесса доказывания, неразрывно связанная, как отмечалось, с другими сторонами этого процесса: собиранием и проверкой доказательств.

Собирание доказательств по уголовному делу сопровождается их осмысливанием, анализом, сопоставлением с другими доказательствами, выдвижением следственных версий, их проверкой путем собирания новых доказательств и т. д.

Учитывая эту неразрывную связь, следует признать неправильной точку зрения, согласно которой процессуальное доказывание сводится лишь к деятельности по собиранию и закреплению доказательств и не включает в себя их оценку.

Следует возразить и против другой крайности, когда не проводится различие между оценкой доказательств как умственной деятельностью и другими сторонами процесса доказывания. Так, С. А. Голунский, исходя из положения, что оценка доказательств является «непрерывным процессом, органически связанным со всей деятельностью следственных и судебных органов», пришел к выводу, что оценка доказательств — это «не только умственный процесс»¹. Включение практической деятельности следователя и суда по собиранию доказательств в понятие оценки доказательств ведет к неосновательному расширению этого понятия и по существу к «растворению» его в понятиях собирания и проверки доказательств.

Оценка доказательства пронизывает и направляет деятельность следователя (суда) по собиранию доказательств, неизбежно сопутствует ей, однако, как правильно отмечает М. С. Строгович, это — лишь «умственный процесс, логическая деятельность, акт мысли, а не что-либо иное»².

¹ С. А. Голунский, Об оценке доказательств в советском уголовном процессе, «Советское государство и право» 1955 г. № 7, стр. 71—73.

² М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 165.

Оценку доказательств следует отличать и от их проверки. Под проверкой доказательств понимают: а) анализ и исследование доказательств; б) отыскание новых доказательств и подтверждение или опровержение имеющихся; в) сопоставление проверяемого доказательства с другими имеющимися в деле.

Оценка доказательства путем анализа его содержания и сопоставления с другими доказательствами составляет необходимое условие его проверки. В то же время проверка доказательств — предпосылка их оценки. Очевидно, понятия оценки и проверки доказательств в какой-то части перекрещиваются¹. Но в отличие от оценки проверка доказательств не сводится только к мыслительной деятельности следователя, прокурора, суда, она включает практические действия по исследованию имеющихся и сбору новых доказательств.

Существует мнение, что оценка доказательств — это только заключительный этап процесса доказывания, которому предшествуют этапы обнаружения, процессуального закрепления и проверки доказательств².

Конечно, доказывание на каждой стадии процесса завершается оценкой доказательств и изложением вытекающих из нее выводов в соответствующих процессуальных документах. Но оценка доказательств осуществляется и в процессе собирания доказательств, при этом она определяет основные направления, по которым следует искать новые доказательства. Оценка собранных доказательств предшествует обнаружению новых доказательств. Оценка фактических данных, сообщаемых свидетелем (потерпевшим, обвиняемым), «извлекаемых» в ходе осмотра места происшествия и т. д., предшествует их процессуальному закреплению. В протокол следственного действия включаются те фактические данные, которые уже оценены следователем (судом) как предположительно относящиеся к делу³.

---

¹ См. И. И. Мухин, упомян. работа, стр. 104.

² «Советский уголовный процесс» под ред. Д. С. Карева, М., 1956, стр. 72; Э. С. Зеликсон, Процесс доказывания при расследовании и рассмотрении уголовных дел, «Труды Казахского государственного университета», Алма-Ата, 1956, стр. 148; Л. Г. Куропаткин, Оценка доказательств в стадии предания суду в советском уголовном процессе, «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 6, 1955, стр. 43, и др.

³ Нельзя согласиться с М. А. Чельцовым, который пишет: «Статья 17 Основ и ст. 71 УПК РСФСР, говоря об оценке доказательств, имеют в виду тот момент процессуальной деятельности каждого из органов государства, когда он собрал все доказательства и должен сделать вывод, заканчивающий данную стадию уголовного процесса» (М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 152). Аналогичная точка зрения высказана М. Л. Якубом («Демократические основы советского уголовно-процессуального права», М., 1960, стр. 130). Разрабатывая следственные вер-

Основные принципы оценки доказательств в советском уголовном процессе в общем виде указаны в законе и состоят в следующем:

а) доказательства в советском уголовном процессе оцениваются свободно, закон не устанавливает заранее их ценности и достаточности для обоснования выводов по делу;

б) содержание выводов следователя, прокурора и суда, вытекающее из оценки доказательств, не может быть predetermined указаниями каких бы то ни было лиц.

Рассматриваемый принцип знает лишь одно исключение, допускаемое законом применительно к деятельности органов дознания. Лицо, производящее дознание (в отличие от следователя, на которого это ограничение не распространяется), обязано выполнить указания прокурора по вопросам о привлечении лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления и определении объема обвинения, направлении дела для предания обвиняемого суду и прекращении дела (ст. 120 УПК РСФСР)¹;

в) оценка доказательств должна быть всесторонней, полной и объективной. Это значит, что должны быть учтены и рассмотрены все обстоятельства, говорящие как «за», так и «против» обвиняемого, обвинительные и оправдательные доказательства, доводы всех участников процесса; должны быть выдвинуты и исследованы все необходимые версии; каждое доказательство должно быть подвергнуто анализу и сопоставлено с другими доказательствами; из совокупности исследуемых доказательств должны быть сделаны все необходимые выводы о фактах, образующих предмет доказывания по делу;

г) в основе выводов следователя, прокурора, суда по уголовному делу должна лежать совокупность доказательств.

Требование оценки совокупности собранных по делу доказательств выражает в области судопроизводства важнейшие требования диалектики — подходить к изучаемому явлению всесторонне, рассматривать его во всех существенных связях и опосредствованиях.

Доказательство, взятое в отдельности, может быть объяснено самыми разнообразными обстоятельствами, в том числе не связанными с преступлением. Задача оценки доказательств состоит в том, чтобы найти необходимую связь между ними, отбросив

сии, избирая меру пресечения, привлекая лицо в качестве обвиняемого, рассматривая ходатайства, следователь (суд) должен принимать во внимание всю совокупность собранных доказательств, из чего следует, что требование ст. 17 Основ распространяется не только на момент окончания соответствующей стадии процесса.

¹ Представляется важным, чтобы взаимоотношения между органом дознания и прокурором строились в полной мере с соблюдением принципа оценки доказательства по внутреннему убеждению лица, производящего дознание.

информацию, не относящуюся к делу. Этого можно достичь лишь при условии, что предметом оценки будут не только отдельные доказательства, но и их совокупность.

Принцип, согласно которому отдельно взятое доказательство не может служить достаточным основанием для выводов по делу, конкретизирован в законе применительно к признанию обвиняемого. Оно может быть положено в основу обвинения лишь при условии, что подтверждено совокупностью доказательств (ст. 77 УПК РСФСР)¹.

Опираясь на требование всестороннего, объективного и полного рассмотрения всех обстоятельств в их совокупности, сформулированное в ст. 17 Основ, следует признать, что для обоснования выводов по делу недостаточно не только показаний обвиняемого, но и любого отдельно взятого доказательства;

д) результаты оценки доказательств при принятии решений, завершающих каждую стадию процесса (за исключением предания суду), должны излагаться в соответствующих процессуальных документах. Обвинительное заключение, приговор, постановление или определение о прекращении дела, кассационное и надзорное определение (постановление) должны содержать подробный анализ доказательств, из которых были бы видны основания соответствующего решения.

Оценка доказательств дается и в ряде процессуальных документов, составляемых в связи с принятием промежуточных решений: постановлений (определений) об отклонении ходатайства обвиняемого, постановлении о назначении повторной или дополнительной экспертизы и др.

Некоторые процессуальные выводы хотя и делаются на основании доказательств, однако анализ последних не обязателен для обоснования соответствующих процессуальных актов (например, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, постановление о производстве обыска, выемки и др.).

Обязанность оценки доказательств производна от более широкой по объему обязанности доказывания. Субъекты, обязанные оценивать доказательства, указаны в ст. 17 Основ. Это лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд.

---

¹ Нельзя согласиться с М. А. Чельцовым, который считает, что это правило противоречит ч. 2 ст. 17 Основ, где говорится, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (М. А. Ч е л ь ц о в, Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма, «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 84). Статья 77 УПК РСФСР заранее не предопределяет доказательственного значения признания обвиняемого, а лишь подчеркивает и конкретизирует общую идею: основой выводов по делу может служить лишь совокупность доказательств.

Органы государства, оценивающие доказательства, действуют в разных процессуальных условиях, специфика которых определяется задачами и особенностями каждой стадии процесса.

Важно подчеркнуть, что органы государства и должностные лица, последовательно производящие оценку доказательств на разных стадиях процесса, независимы друг от друга и поэтому сущность и результаты этой оценки определяются исключительно обстоятельствами дела, требованиями закона и их внутренним убеждением.

Закон устанавливает также процессуальные формы, используя которые участники судопроизводства, отстаивающие в уголовном деле свои или представляемые интересы, вправе (но не обязаны) осуществлять оценку доказательств; к их числу относятся: ходатайства об истребовании доказательств, о дополнении предварительного и судебного следствия; дача обвиняемым объяснений по существу обвинения и по поводу имеющих в деле доказательств; выступления в судебных прениях и репликах; последнее слово подсудимого; представление суду письменных предложений относительно желаемого разрешения дела; заключения государственного обвинителя в суде, кассационные жалобы и протесты.

Но лишь оценка доказательств, произведенная следователем, прокурором, судом, непосредственно определяет содержание процессуальных решений.

Участвующие в деле лица (за исключением государственного обвинителя, являющегося одновременно органом прокурорского надзора) оценивают доказательства в целях защиты своих личных (представляемых) законных интересов. Поэтому закон не предъявляет к их выводам требования всесторонности, полноты и объективности.

Известная односторонность этих лиц при оценке доказательств определяется их специфическими задачами в доказывании.

Органы, ответственные за дело, обязаны руководствоваться при оценке доказательств законом и социалистическим правосознанием, тогда как остальные участники процесса (кроме государственного обвинителя) могут, но не обязаны руководствоваться при оценке доказательств указанными критериями (см. § 4)¹. Правосознание обвиняемого или потерпевшего может не вполне соответствовать общественным интересам; эти лица могут подходить к оценке доказательств с неправильными критериями. Тем не менее они вправе оценивать доказательства по своему разумению и представлять следователю и суду свои соображения.

¹ В особом положении находится адвокат-защитник. Руководствуясь законом и социалистическим правосознанием, он в то же время вправе и обязан оценивать доказательства, исходя из задачи доказывания обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его вину.

Участвующие в деле лица могут соглашаться или не соглашаться с оценкой доказательств, данной в процессуальных актах, и даже оспаривать ее правильность в установленном законом порядке. Но пока эти акты не отменены, они определяют движение процесса от стадии к стадии и подлежат исполнению. Таким образом, оценка доказательств следователем, прокурором, судом влечет определенные правовые последствия. В отличие от нее оценка доказательств участниками процесса, отстаивающими свои или представляемые интересы, имеет целью убедить следователя, прокурора или суд в правильности выводов соответствующего участника процесса. Лишь в этом смысле она может влиять на исход процесса¹.

§ 2. ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Истинность и обоснованность промежуточных и конечных выводов при оценке доказательств, понятия которых даны в § 1, существенно зависят от правильности и последовательности рассуждений субъекта оценки. Поскольку исследование и описание законов и форм мышления составляет предмет логики, то очевидно, что оценка доказательств включает также и оценку логической правильности системы доказательств и выводов из них. Чтобы судить о логической правильности рассуждений, необходимо использовать средства и методы формальной логики.

Как указывалось, методологическую основу судебного познания составляет марксистская диалектика, отражающая всеобщие законы развития объективного мира и мышления. По отношению к ней формальная логика представляет частную науку, рассматривающую лишь одну из сторон познания, именно ту, которая прежде всего касается формальной структуры вывода. В отличие от диалектики логика формальная оперирует уже готовыми понятиями и суждениями, отвлекаясь от их развития и изменения².

Она не раскрывает всех вопросов познавательной деятельности человека, соотношения чувственного и понятийного мышления,

---

¹ Нельзя согласиться с И. И. Мухиным, исключаящим из числа субъектов оценки доказательств участников процесса, отстаивающих личные или представляемые интересы (обвиняемого, защитника, потерпевшего и др.), только на том основании, что результаты осуществляемой ими оценки доказательств не воплощаются непосредственно в процессуальных решениях (И. И. Мухин, упомянутая работа, стр. 153). Нельзя смешивать мыслительную деятельность по оценке доказательств и процессуальное значение результатов.

² Г. А. Подкорытов, *Соотношение диалектического метода с частно-научными методами, «Вопросы философии» 1962 г. № 6, стр. 36; «Диалектика и логика. Законы мышления», М., 1962, стр. 50.*

возникновения и развития форм и законов мышления, соотношения познания и объективной действительности. Все эти вопросы относятся к области методологии познания и составляют предмет диалектической логики¹.

В тех условиях, в которых можно без существенных погрешностей рассматривать предметы как неизменные, постоянные, понятия и суждения как окончательно сформированные, применение логики может оказаться достаточным условием обеспечения истинности знания². Всякое диалектическое развитие мысли содержит также элементарные познавательные акты, которые протекают в форме обычных логических выводов.

В сфере доказывания диалектический подход к исследованию обстоятельств дела необходим. Но это не означает, что диалектика вытесняет логику из указанной сферы.

Пытаясь обосновать «правомерность» разрешения уголовного дела на основе вероятности, субъективистского подхода, А. Я. Вышинский утверждал, что формальной логики достаточно для решения научных вопросов, в судебном же исследовании (например, для установления умысла либо цели преступления) логика не годится, так как это выходит за пределы проблемы логической взаимосвязи исследуемых фактов. По мнению А. Я. Вышинского, каждое судебное дело представляет собой, как правило, эпизод классовой борьбы, где действует «своя логика, не всегда и во всем совпадающая с книжной логикой, имеющей дело с абстрактными величинами».

Как правильно отмечает А. А. Старченко, «формы логической связи не могут быть игнорированы исследователем, он не может применять их или не применять, пользоваться ими или не пользоваться, он помимо своей воли и желания облекает свое мышление в те формы, которые отражают связи и отношения, присущие исследуемым явлениям»³.

Как и во всяком мыслительном процессе, в доказывании по

¹ См. М. М. Розенталь, Принципы диалектической логики, М., 1960, стр. 80; Д. П. Горский, Логика, М., 1963, стр. 8.

² На это правильно указывал М. С. Строгович («Логика», М., 1949, стр. 67—68). Однако неточность некоторых выражений в этой книге создает представление, что, по мнению автора, при разрешении обычных «простых» бытовых вопросов и вопросов судебной практики следует предпочесть логику диалектике, так как последняя не обеспечивает определенности вывода (якобы диалектика запрещает врачу определенно ответить, жив человек или мертв, ибо грань между жизнью и смертью постепенна и относительна) (стр. 67). Обращаясь к примерам, приведенным в книге М. С. Строговича, следует заметить, что диалектика оперирует не только понятием движения и развития, но также и понятием меры, перехода количества в качество. Именно поэтому диалектика в состоянии фиксировать узловую точку перехода от жизни к смерти как вполне определенный момент.

³ А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 226.

любому уголовному делу с необходимостью применяются диалектическая логика и формальная логика в их неразрывном единстве.

Формальная логика рассматривает процесс мышления со стороны его структуры, его форм, т. е. изучает и формулирует правила построения мыслей, отвлекаясь от их конкретного содержания.

Отличительными чертами логики являются ее абстрактный и формальный характер.

Логика абстрактна, поскольку она исследует не конкретное содержание мыслей (конкретные предметы, действия и т. п.), а общие формы мыслей, их структуру, отвлекаясь от особенностей предметов, явлений, действий, входящих в содержание мышления.

В. И. Ленин отмечал, что практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики¹. Мышление человека отражает объективную действительность, реальные вещи, их свойства и отношения. Соответственно законы и формы мышления отображают в абстрактном, обобщенном виде объективные взаимоотношения, существующие в реальной жизни.

Логик называют формальной, имея в виду, что предмет ее изучения — законы и формы мышления — подвергается формализации. Это означает, что все исходные понятия данной науки получают точные, однозначные определения², что любые операции с этими понятиями могут производиться только по строгим правилам, которые подчиняются некоторым общим законам.

Формализация знания открывает возможность для использования формул, т. е. сокращенных точных записей с помощью условных знаков (символов), схем и моделей, в наглядной форме изображающих структуру правильного рассуждения.

Таким образом, оценка логической правильности системы доказательств предполагает применение законов и форм мышления и пользуется для этого абстракцией и формализацией. «Всякая наука есть прикладная логика...», — отмечал В. И. Ленин³.

Для исследования сложной структуры доказывания в уголовном процессе недостаточно средств одной силлогистической логики. Как будет видно из дальнейшего, в этом процессе используются также индуктивная логика и так называемая логика правдоподобных умозаключений.

Связь между суждениями при построении логических умозаключений в конечном счете отражает объективно существующие связи между теми событиями, явлениями, фактами, о которых суждения высказываются. Среди различных форм объективных

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 198.

² То есть такие определения, которые допускают одно, и только одно, понимание смысла термина, понятия и т. п.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 183.

связей в процессуальной теории чаще всего упоминается причинная связь.

Причинная связь действительно представляет одну из важнейших форм связи явлений, но не единственную.

В процессе расследования и судебного разбирательства обнаруживаются различные связи между обстоятельствами дела, отдельные формы которых могут быть выявлены путем анализа. Такое выделение отдельных форм связей имеет место в практической деятельности следователя и суда, когда приходится доказывать различные обстоятельства.

Рассмотрим четыре формы связи, в первую очередь обнаруживаемые при анализе практики доказывания с помощью косвенных доказательств:

- 1) связь между сущностью и явлением;
- 2) генетическая связь — связь между причиной и следствием, условием и обусловленным;
- 3) функциональная связь — количественная связь переменных величин;
- 4) индивидуализирующая или объемная связь, включающая родовидовые отношения и отношения тождества.

При этом надо иметь в виду, что разграничение форм связи в реальных условиях не всегда легко, ибо границы между ними не всегда четко определены, они одновременно существуют в сложном и многостороннем процессе.

Связь сущности и явления в косвенном доказывании — это связь промежуточных фактов через общую для них сущность. Например, такие действия лица, как приобретение оружия, выяснение порядка охраны помещения, подготовка средств для побега, связаны между собой тем, что составляет их внутреннее единство, их сущность: приготовление к преступлению. Доказательствами того, что лицо в определенной ситуации действовало умышленно, служат данные о высказанных этим лицом намерениях, наличии заинтересованности в результатах преступления и т. д. Каждое из этих отдельных проявлений суть проявление умысла, оно может выступать как промежуточный факт по отношению к их сущности — доказываемому факту — умыслу.

Доказывание на основе существенной связи состоит, таким образом, в построении обоснованного вывода от наличия явлений к наличию сущности.

Такие отдельные факты, как приобретение орудий, подготовка хранилища, приобретение железнодорожного билета и т. п., первоначально рассматриваемые изолированно, могут создать видимость несвязанных, случайно совпавших событий, каждое из которых имеет свое особое истолкование. Напильник может быть приобретен для хозяйственных нужд, билет — для поездки в дом отдыха и т. п.

Между тем мысль движется от внешней видимости к внутренней сущности события. Формальными рамками этого движения служит индукция: усмотрение в ряде явлений того общего, что составляет их сущность. При этом выясняется, что орудия приобретались для совершения кражи, билет — для бегства после кражи и т. п. Сущность всех этих действий одна — приготовление к краже.

Генетические связи охватывают причинную связь; обусловленность (связь условия с обусловленным)¹; взаимодействие и взаимообусловленность. Последние две формы являются сложными.

На практике очень часто используются генетические связи для обоснования выводов от одних фактов к другим.

Причинная связь существует между ранением и смертью, пожаром и плохим состоянием электрической сети, между кражей и наличием краденого у подозреваемого. Приобретение оружия создает условия для совершения преступления, а нахождение человека в помещении представляет условие для образования его следа именно в данном месте.

Связь между двумя следствиями одной причины, поскольку она служит основанием доказывания, распадается на два последовательных звена более простой связи: на связь между известным следствием и общей причиной и затем — связь между общей причиной и неизвестным следствием.

Так, по следам на одежде (следствие) заключают об употреблении яда (причина), а от этого о смерти как следствии отравления.

Такой же сложной структурой обладают выводы от одной причины к общему следствию и от общего следствия к другой причине или условию.

Причина закономерно влечет следствие, поэтому причинную связь относят к необходимой. Но в этом случае имеют в виду не изолированную причину, а весь комплекс обстоятельств (причина и все необходимые условия), при которых причина вызывает следствие².

Доказывание на основе генетической связи состоит в построении обоснованного вывода от наличия причины или условия к наличию следствия или обусловленного либо в обратном направлении.

---

¹ Условия определяют как комплекс явлений, которые сами не могут породить следствие, но, сопутствуя причине, обеспечивают появление следствия («Категории материалистической диалектики», под ред. М. М. Розенталя и Г. М. Штракса, М., 1956, стр. 95).

² См. Ю. Ф. Бурунков, Причинность как категория марксистской диалектики («Ученые записки Московского областного педагогического института», т. IX, вып. 5, 1967, стр. 119); «Категории материалистической диалектики», М., 1956, стр. 98; М. Бунге, Причинность, М., 1962, стр. 65.

В ходе этого процесса сложные причинные связи могут быть расчленены на более простые, элементарные. Ближайшей логической схемой выводов этого типа служат выводы от основания к следствию и от следствия к основанию.

Принято считать, что выводу от причины к следствию соответствует условно-категорический силлогизм: «если тормоза автомашины неисправны, то может последовать авария». Указанная причина действительно вызывает аварию только при наличии ряда условий — скользкой дороги, быстрой езды и т. п. Очевидно, раньше, чем сделать вывод, нужно убедиться в наличии всех необходимых и достаточных условий превращения потенциальной возможности в действительность. Задача на этой предварительной стадии может быть сформулирована как отыскание названных условий.

Если выявлены действительно все условия и если среди условий не встретилось таких, которые бы противоречили общему выводу, то умозаключение о неизбежности аварии становится вполне правомерным. Изложенный ход мыслей представляет индукцию, в частности своеобразную «индукцию условий». Только затем можно воспользоваться условно-категорическим силлогизмом: если причина (и все условия) налицо, то необходимо должно быть и следствие.

Доказывание на основании прямого направления от причины к следствию (или от условия к обусловленному) встречается в следственной и судебной практике; однако наибольшее значение имеет доказывание по обратному направлению этой связи: от следствия к причине.

Применительно к причинной связи использование вывода по обратному направлению наталкивается на так называемую множественность причин. Одно и то же следствие, как известно, может быть вызвано многими причинами, например пожар может быть следствием как поджога, так и самовозгорания, поэтому нельзя непосредственно сделать вывод о причине на основе одного следствия.

Чтобы преодолеть это препятствие, логика предлагает условный силлогизм с общевыделяющей большей посылкой: если, и только если, совершен поджог, произойдет пожар; пожар произошел; следовательно, имел место поджог.

Но большую общевыделяющую посылку можно сформулировать не раньше, чем будет установлено, что все другие (также возможные) причины пожара исключены. Таким образом, и здесь, раньше чем обратиться к использованию дедуктивной формы, нужно пройти подготовительную стадию отыскания действительной причины среди нескольких возможных¹.

¹ См. К. Бакрадзе, Логика, Тбилиси, 1951, стр. 371 и сл.; В. Ф. Глаголев, Простейшие логические приемы установления причинной зависи-

Нетрудно видеть, что ход исследований напоминает здесь процесс проверки гипотезы путем выведения из нее следствий и проверки этих следствий наблюдением¹. Эту форму можно назвать «индукцией следствий».

Такую же структуру можно наблюдать в ходе исследования фактической причины аварии или транспортного происшествия, технической причины пожара, так называемого «самопроизвольного» выстрела и т. п.

Под функциональной связью разумеют главным образом количественную связь ряда явлений, состоящую в том, что изменение одного из них всегда сопровождается изменением другого. Если в конкретной причинной связи причина и следствие необратимы, то в функциональной зависимости оба агента равноправны и отношение между ними обратимо².

Функциональная связь между шириной зоны разброса дроби и расстоянием выстрела позволяет определять последнее по результатам исследования мишени. К этому же типу принадлежит определение давности написания текста и т. п.

Индивидуализирующая или объемная связь проявляется между объектами, образующими род, вид, и признаками, указывающими на их принадлежность к этим множествам. Этот же тип связи существует между состояниями одного и того же объекта в разное время и признаками, которые этот объект характеризуют. На основе этой связи осуществляется отождествление объекта по его следам или установление принадлежности к какой-либо группе (роду, виду, сорту и т. п.).

Оценивая логическую правильность оперирования доказательствами, мы будем пользоваться понятиями, принятыми в логической науке. Логика имеет дело не непосредственно с предметами и явлениями, а с мыслями о них, выраженными с помощью слов, т. е. с понятиями, суждениями и умозаключениями. С этой точки зрения доказательство предстает как суждение, например, некоторый предмет обладает определенными свойствами и т. п.

Каждое суждение состоит из понятий (понятие о человеке и о его действии), а совокупность суждений, при известных условиях, образует умозаключение, т. е. логический вывод.

Те суждения, которые уже известны и служат для обоснования, в логике называют аргументами. Мы также будем использовать этот термин потому, что аргументом может быть как

мости явлений («Ученые записки института философии АН СССР», вып. VI, 1963, стр. 106 и сл.).

¹ Л. Б. Баженков, Гипотеза в естествознании, «Вопросы философии» 1962 г. № 9, стр. 162.

² В. П. Тугаринов, Соотношение категорий диалектического материализма, М., 1956, стр. 101.

само доказательство (сообщение о факте или предмет с его признаками), так и выведенный из доказательства «промежуточный факт», служащий аргументом следующего вывода.

Доказываемое же обстоятельство будем обозначать термином тезис, как это принято в логической теории доказательства.

Совокупность доказательств по конкретному делу вместе с основанными на них промежуточными и конечными выводами представляет обычно весьма сложную и разветвленную систему. Изучить и оценить такую систему невозможно, если предварительно не разделить ее мысленно на более простые составляющие части и исследовать сначала эти части.

Каждое доказательство, если оно относится к делу, несет определенную (большую или меньшую) функцию логического обоснования конечных выводов. Если бы отдельное доказательство ничего не доказывало, то и совокупность таких «доказательств» ничего не могла бы обосновать. На первой аналитической стадии необходимо оценить отдельные доказательства и выводы из этих доказательств. Затем исследуются более сложные комплексы и, наконец, структура, полнота и непротиворечивость всей системы в целом. Таким образом, исследование начинается с анализа элементов системы и заканчивается ее синтезом.

Элементарный акт доказывания. Как уже указывалось, вся совокупность рассуждений, с помощью которых обосновывают конечный вывод по делу, может быть аналитически разложена на более простые составляющие ее части. Простейшим таким рассуждением является *элементарный акт доказывания*. С логической стороны элементарный акт доказывания состоит из аргумента, т. е. доказывающего (уже известного или доказанного) суждения, вывода, т. е. доказываемого суждения (того суждения, которое подлежит обоснованию), и некоторого общего положения, устанавливающего логическую связь между аргументом и выводом. Это последнее «связывающее» суждение обеспечивает правомерность логического перехода от первого ко второму, т. е. от аргумента к выводу.

В логике такое рассуждение называют умозаключением. Это логическая операция, в которой из одного или нескольких суждений выводится новое суждение, содержащее новое знание¹.

Нетрудно убедиться, что мыслительная сторона процесса доказывания, т. е. построение обоснованных выводов из собранных по делу доказательств, протекает именно в такой форме логических умозаключений. Обнаружение краденого у данного лица используется для обоснования вывода о его причастности к краже, высказанные угрозы служат доказательством преступного намерения, факт пребывания лица в другом месте (алиби) — для

¹ Н. И. Кондаков, Введение в логику, М., 1967, стр. 389.

обоснования вывода о непричастности лица к грабежу и т. п. Точно так же показания и другие виды сведений о фактах используются в качестве доказательств того, что такие факты имели место в действительности и затем на следующей ступени рассуждения для выводов о других фактах и т. д.

В обобщенном виде элементарный акт доказывания имеет форму такого рассуждения:

«Если первый факт связан со вторым и если известно, что существует первый факт, то доказано, что существует также и второй факт». Здесь:

1) суждение о связи первого факта со вторым — это связывающее суждение;

2) суждение о первом факте — аргумент (в частности, доказательство) и

3) суждение о втором факте — вывод, т. е. доказываемое суждение.

Суждение, представляющее аргумент (например, «на месте происшествия обнаружен след пальца подозреваемого»), и суждение, выражающее мысль о выводе по логическому «объему» или «количеству», относятся к единичным. В единичном суждении речь идет о конкретном лице, предмете, действии и т. п. Связывающее суждение, в котором зафиксирована типичная связь доказательства и доказываемого обстоятельства, является общим суждением (или, как будет показано ниже, частным суждением). В этом суждении формулируется общее правило — обычно наблюдаемая взаимосвязь между фактами.

Элементарный акт доказывания, в котором связывающим суждением служит общее (или частное) суждение, а вывод (доказываемое обстоятельство) — единичным суждением, по своей структуре соответствует дедуктивному умозаключению.

Многообразие объективных связей, существующих между явлениями и фактами, обуславливает также и многообразие логических форм построения выводов. Поэтому при анализе системы доказательств и основанных на ней выводов, т. е. при оценке логической правильности системы рассуждения, приходится встречаться с различными элементарными актами доказывания. Наиболее типичные из них рассматриваются ниже.

Условные и эквивалентные однозначные акты доказывания. Некоторые явления связаны между собой так, что первое из них необходимо предполагает существование второго, тогда как второе может появиться и независимо от первого.

Например, повышение давления пара в котле сверх нормального непременно повлечет за собой взрыв. Но взрыв может последовать и от другой причины, скажем, вследствие дефекта конструкции, нарушения целостности швов и т. п.

Здесь первое явление представляет причину, достаточную для появления второго, но не единственно возможную, не

необходимую. Второе явление есть результат, следующий либо из данной причины, либо из какой-то другой.

В другом случае первое явление представляет результат, невозможный без второго явления. Так, короткое замыкание проводов возможно только тогда, когда провода находятся под напряжением. Если нет напряжения (сеть выключена), не может быть и короткого замыкания. Второе явление здесь выступает необходимым, но недостаточным условием. Одного только наличия напряжения в сети недостаточно, чтобы вызвать короткое замыкание. Совпадение комплекса признаков (например, в сравнимых следах), указывающее на тождество, означает, что совпадают также и групповые признаки (однородность), тогда как совпадение только групповых признаков не обязательно свидетельствует о совпадении всех остальных (индивидуальных) признаков.

Такого типа объективные связи отображаются специфической связью суждений и в логике. Соответствующая форма логической связи носит наименование условной: одно из суждений в этом случае выступает в качестве логического основания, а второе — логического следствия.

Условная связь лежит в основе широко используемых в судопроизводстве актов доказывания.

Мысль об условной связи между двумя явлениями высказывается в форме условного суждения: «если первое, то второе». Так, например, можно утверждать, что «если произошло короткое замыкание проводов, то сеть была под напряжением»; «если этот человек совершил взлом сейфа, то он был на месте происшествия» и т. п.

Первое («было короткое замыкание», «совершил взлом») служит логическим основанием, а второе («было под напряжением», «был на месте происшествия») — логическим следствием.

В условных связывающих суждениях могут быть зафиксированы закономерности, установленные наукой. Такие доказательства обычно вводятся в дело через заключение эксперта.

Другие же представляют очевидные и общепознанные истины («нельзя быть одновременно в двух разных местах», «чтобы совершить взлом, надо быть на месте преступления» и т. д.). Эти истины, хотя и кажутся банальными (и поэтому обычно не упоминаются в рассуждениях о доказательствах), тем не менее также отражают строгие однозначные закономерности, но не в терминах науки, а в качестве суждений «здравого смысла».

На основе условного связывающего суждения можно построить условный акт доказывания, в котором вывод строится от наличия логического основания к наличию логического следствия.

1. Связывающее суждение: если некто (Н) оставил след пальца на месте происшествия, то он был на этом месте.

2. Аргумент: Н. оставил след пальца в таком-то месте.

3. Вывод: Н. был в таком-то месте.

Этот элементарный акт доказывания характеризуется следующими особенностями. Во-первых, вывод в нем является *однозначным*, он формулируется в категорической, а не в предположительной форме. Объясняется это тем, что правило, заключенное в связывающем суждении, носит общий характер, относится ко всем таким случаям¹.

Во-вторых, аргумент в акте доказывания является *позитивным*. В суждении, служащем аргументом, факт утверждается (Н. оставил след), а не отрицается.

В-третьих, акт доказывания является *линейным*, поскольку из позитивного аргумента делается также позитивный вывод (Н. был на месте происшествия).

Следующее рассуждение может служить примером условного негативного акта доказывания:

1. Если человек совершил взлом, то он был на месте происшествия.

2. Н. не был на месте происшествия.

3. Н. не совершал взлом.

В отличие от предыдущего в условном негативном акте доказывания как аргумент, так и вывод выражены негативными суждениями, в которых отрицается действие. Вывод также следует однозначно — от отрицания логического следствия к отрицанию логического основания.

Оба эти акта доказывания полностью соответствуют описываемым традиционной логикой условно-категорическим умозаключениям.

Особым случаем двусторонней условной связи суждений является *эквивалентная связь*, т.е. такая, при которой однозначные выводы следуют как от первого явления ко второму, так и от второго к первому.

Так, зная, что две рукописи написаны одним человеком, можно сделать вывод, что комплексы признаков почерка в обеих рукописях совпадут. Но и зная, что комплексы признаков в данных двух рукописях совпадают, можно утверждать, что обе они написаны одним человеком. Подобная двусторонняя однозначная логическая связь обычно устанавливается лишь в итоге специального исследования. В процессе же построения выводов из доказательств эквивалентные акты доказывания встречаются редко.

Значительно чаще, особенно при анализе и оценке косвенных доказательств, приходится сталкиваться с другими типами актов

---

¹ В силлогистической логике подобные общие правила формулируются с помощью общих суждений, включающих показатель общности (квантор) в виде слов «всегда», «все» и т. п.

доказывания — условными многозначными и сопутственными (эквивалентными многозначными).

Рассмотрим следующий пример.

1. Если человек совершил взлом, то он был на месте происшествия.

2. Н. был на месте происшествия.

3. Правдоподобно, что Н. совершил взлом.

Отличие этого акта доказывания от рассмотренных выше условных сразу бросается в глаза. Здесь вывод построен от наличия логического следствия («был на месте происшествия») к наличию основания¹.

Эти умозаключения, дающие правдоподобные, а не однозначные (формально достоверные) выводы, традиционной логикой исключаются из рассмотрения.

Между тем такие и им подобные (многозначные) акты доказывания играют большую роль в практике судебного доказывания. При косвенном доказывании они преобладают, без них практически невозможно было бы осуществлять доказывание по большинству дел. Само собой разумеется, что правдоподобные акты доказывания нуждаются во взаимном подкреплении и других процедурах, обеспечивающих достоверный вывод из их совокупности (эти процедуры описываются ниже)².

Свойства правдоподобных умозаключений исследуются особой отраслью логики — логикой правдоподобных умозаключений³.

Такой же многозначностью отличается и негативный условный акт доказывания, в котором вывод обосновывается отрицанием логического основания.

Таким образом, в многозначных условных актах доказывания оба вывода — как позитивный, так и негативный — являются правдоподобными.

Особенно широко в процессе доказывания используются многозначные эквивалентные (сопутственные) акты.

¹ Не следует смешивать логическое основание с причиной или условием, а логическое следствие — с результатом этой причины. Иногда основание совпадает с «полной причиной» (если воду нагреть до 100° при атмосферном давлении, она закипит). Иногда же логическое основание может совпадать и с результатом, как в примере с коротким замыканием. В последнем примере логическим следствием является необходимое, но недостаточное условие («был на месте происшествия»).

² В современной науке термин «вероятность» приобрел вполне строгое значение количественной меры возможности события, выражаемой определенным числом (дробью от 0 до 1). Именно поэтому, чтобы не вводить двусмысленности в язык теории, здесь и в дальнейшем для качественной (а не количественной) характеристики таких выводов, которые не являются формально достоверными, а лишь приближаются к достоверным в большей или меньшей степени, используется понятие правдоподобия.

³ См. Д. Поля, Математика и правдоподобные рассуждения, М., 1957.

Они отличаются от однозначных эквивалентных тем, что все выводы в обоих направлениях, как позитивные, так и негативные, являются многозначными (правдоподобными).

Начиная анализ любого уголовного дела, обычно прежде всего обращают внимание на исходные аргументы: показания свидетелей, потерпевших и обвиняемого, на документы и заключения экспертов. Именно в них заключена информация о событиях и действиях, отправляясь от которой можно логически «восстановить» картину совершенного преступления.

Если свидетель показывает, что он видел, как подозреваемый ударил потерпевшего, мы рассматриваем эти показания как доказательство — один из наиболее типичных, часто встречающихся коммуникативных аргументов. Структура акта доказывания в этом случае такова: «Если свидетель говорит, что подозреваемый ударил потерпевшего, то правдоподобно, что и в действительности подозреваемый ударил потерпевшего».

Вывод правдоподобен (многозначен) потому, что с помощью одного этого доказательства нельзя исключить возможность ошибки свидетеля или ложного свидетельства.

Понятно, что это логический вывод, подчиняющийся определенным правилам, который и надлежит рассмотреть более подробно. Но прежде отметим, что в любом деле можно встретить еще множество актов доказывания такой же структуры, связанных либо с так называемыми прямыми доказательствами (как в приведенном примере), либо с типичными косвенными. Например, высказывание угрозы косвенно доказывает причастность угрожавшего к убийству, а обнаружение краденой вещи — причастность к краже.

Так же, как и в случае условной связи, на основе сопутственных связей строятся акты доказывания.

Характерной особенностью многозначных условных актов доказывания, в которых выводы строятся от наличия логического следствия или от отсутствия логического основания, равно как и всех сопутственных актов доказывания¹, является правдоподобный (многозначный) характер получаемого вывода. В таком выводе нечто утверждается (произошло короткое замыкание, подозреваемый совершил взлом и т. д.), но утверждается как правдоподобное, так что полностью не исключается возможность и другого вывода (был на месте происшествия, но попал туда случайно, не в связи со взломом).

¹ Отличие условной связи от сопутственной (многозначной эквивалентной) заключается в том, что в условном умозаключении вывод в одном направлении однозначен (если взламывал, то непременно был на месте происшествия), а в противоположном — многозначен (если был, то правдоподобно, что взламывал). При сопутственной связи выводы обоих направлений многозначны (если угрожал, то правдоподобно, что убил; если убил, то правдоподобно, что перед этим угрожал).

Такого рода выводы не являются произвольными. Они также основаны на наличии объективной связи между фактами, но связи особого рода, отражающейся в мышлении особой, специфической формой логической связи. Эта последняя в виде правил формулируется в соответствующих связывающих суждениях.

Какой является эта связь в рассмотренных выше примерах?

Очевидно, что, основываясь на опыте, можно сформулировать следующее обобщение: «Во многих случаях тот, у кого обнаружена краденая вещь, оказывается вором», или «в большинстве случаев то, что показывает свидетель, произошло в действительности», или «часто бывает, что тот, кто находился на месте преступления, оказывается его виновником» (многозначная условная связь).

Это — закономерность особая, охватывающая не все случаи данного рода, а лишь некоторые, заранее допускающая исключения. Из самой ее формулировки видно, что встречаются случаи, когда человек, у которого найдена краденая вещь, не является похитителем, а нашел ее, купил по случаю и т. п.

Это такая связь (причинная или пная), которая, соединяя явления, выступает не одна, не в «чистом» виде, а в сложном переплетении с бесконечным множеством других явлений. Действительно, на то, как именно передаст свидетель свои наблюдения, оказывает действие множество фактов — состояние зрения, слуха, внимание и память, отношение к происшествию (заинтересованность, незаинтересованность в исходе дела), эмоции и т. д. Именно поэтому наблюдаются наряду с правдивыми показаниями ложные, наряду с точными и полными — неточные и неполные. И хотя в подавляющем числе случаев мы в нашей практике встречаемся с показаниями правдивыми, а с ложью или ошибкой — гораздо реже, вывод от показаний о факте к самому факту с формальной стороны может быть только правдоподобным.

Если бы удалось точно подсчитать, как часто обнаружение краденного действительно связано с причастностью лица к краже, мы получили бы статистическую закономерность. Поскольку же таких количественных данных нет, назовем эту закономерность приблизительной, чтобы отличить ее от строгих, однозначных закономерностей¹.

Наряду с линейными (условными, эквивалентными и сопутственными) при построении выводов из доказательств широко используются альтернативные акты доказывания. Типичным

¹ Суждение, в котором выражена мысль не о всех, а о некоторых случаях данного рода, называется в логике частным. Если делается уточнение: во многих случаях, в большинстве и т. д., то суждение называют определенным частным.

Рассматриваемый аспект оценки доказательств тесно связан с вопросом о презумпциях в доказывании (гл.гл. III, V).

примером альтернативного акта доказывания является вывод о непричастности лица к преступлению, основанный на алиби¹.

В этом и подобных случаях от позитивного аргумента делается негативный, отрицательный вывод (Н. был в другом городе, следовательно, он не был на месте происшествия) либо от негативного аргумента — позитивный вывод (если данная вещь не куплена, то правдоподобно, что она украдена).

В объективной действительности встречаются такие явления и события, которые несовместимы, исключают друг друга. Если предмет находится в одном месте пространства, он не может быть в то же самое время в другом, если явление произошло в данный момент, это же самое явление не могло произойти в другой. Одна и та же причина не вызывает двух противоположных результатов, а один и тот же результат не может произойти от двух противоположных причин. Такую объективную связь можно назвать **исключающей**.

Мысль о ряде исключающих друг друга событий выражается строго разделительным суждением («одно, либо другое, либо третье, но не вместе»).

В разделительном позитивном акте доказывания связывающим является разделительное суждение, а аргументом — утверждение о существовании одного из фактов, например:

1. Любое лицо в такое-то время могло находиться дома, либо на месте происшествия, либо... и т. д.
2. Данное лицо в момент происшествия находилось дома.
3. Это лицо в указанное время не было на месте происшествия.

Полученный вывод является однозначным. Сам этот акт доказывания полностью соответствует разделительно-категорическому умозаключению традиционной логики.

Однако при построении и проверке выводов из доказательств столь же часто приходится использовать негативные разделительные акты доказывания, выводы из которых носят правдоподобный характер.

Обратимся к тому же примеру, но в качестве аргумента примем отрицательный факт: данное лицо в момент происшествия не было дома.

Так как в большинстве случаев в подобных ситуациях число возможных альтернатив больше двух (лицо могло быть и на работе и на прогулке), а иногда вообще неопределенно — следует вывод: правдоподобно, что лицо было на месте происшествия.

---

¹ В линейном акте положительному аргументу соответствует положительный (утвердительный) тезис, а отрицательному аргументу — отрицательный тезис (если не был на месте, то не взламывал). В альтернативных актах из отрицательного аргумента следует положительный тезис, а из положительного аргумента — отрицательный тезис.

Неоднозначность вывода вытекает из того, что лицо могло быть не только дома или на месте происшествия, но и еще где-то.

Следует отметить, что многозначные доказательства, опровергающие предположение о чем-либо, требуют всесторонней проверки и подтверждения другими, положительными доказательствами. Оба метода построения выводов (линейный и альтернативный) дополняют, а не противостоят друг другу.

Но нельзя согласиться и с точкой зрения А. И. Трусова, рассматривающего обоснование тезиса о виновности и опровержение противоположного тезиса как самостоятельные и равно возможные пути установления виновности с помощью косвенных доказательств¹. В действительности речь должна идти о том, что исключение версий, противоположных данной, — необходимое (но не достаточное) условие признания ее правильной. «Поскольку одно из двух противоречащих суждений оказывается ложным, то другое суждение при этом всегда должно быть истинным», — пишет А. И. Трусов, не учитывая, что в процессе доказывания по уголовному делу нельзя априорно установить, что выдвинутыми версиями исчерпывается возможный их круг. Поэтому опровержение всех принятых версий, кроме одной, еще не означает, что именно она правильна.

Наконец, встречается и такая связь явлений, когда они не исключают друг друга, а «конкурируют» между собой.

Типичным примером конкурентной связи может служить «конкуренция причин» какого-либо события. Причинами опрокидывания автомобиля могут быть превышение скорости на повороте, занос вследствие резкого торможения, неправильное расположение груза и т. п. Каждая из этих причин достаточна для наступления результата, каждая в отдельности может вызвать аварию. Говоря о возможных причинах аварии, мы вправе перечислить их: «или превышение скорости, или резкое торможение...» и т. п. Но хорошо известно, что эти причины могут сочетаться, действовать вместе: слишком большая скорость на повороте и одновременно резкое торможение также вызовут аварию.

Следовательно, союз «или» здесь понимается не в исключающем смысле.

Мысль о конкурирующей связи явлений выражают соединительно-разделительным суждением.

В соответствующем акте доказывания из позитивного аргумента (установлено, что тормоза были неисправны) делается правдоподобный вывод об отсутствии доказываемого факта (другой причины, например превышения скорости), а из негативного аргумента — правдоподобный вывод о наличии доказываемого факта.

¹ А. И. Трусов, Основы теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 149—154.

Понятно, что связывающие суждения в обоих рассмотренных случаях фиксируют не однозначную связь явлений, а многозначную, встречающуюся не во всех случаях без исключения, а лишь во многих или в большинстве случаев.

Эти формы элементарных актов доказывания так же, как многозначные условные и сопутственные, относятся к области логики правдоподобных умозаключений.

Вследствие этого проверка несовместимых или конкурирующих версий обязательно сочетается с «положительным» доказыванием оставшейся версии методом накопления улик, так как даже после проверки всей совокупности несовместимых (конкурирующих) событий, которые можно обозначить как «естественные» (не был дома, на работе, в гостях и т. д.), вывод «значит, был на месте преступления», строго говоря, не является однозначным¹.

К числу фактов, противоречащих версии, часто относятся: отсутствие мотивов для совершения преступления, недостаточность времени, которым мог располагать обвиняемый для совершения преступления, затруднительность для обвиняемого добыть орудие, которым совершено преступление, и т. д. Оправдательным косвенным доказательством служат, например, показания о том, что лицо, обвиняемое в хищениях, ведет скромный образ жизни, опровергающие предположение, что это лицо живет не по средствам. Подобно этому оправдательными косвенными доказательствами будут: заключение эксперта о том, что след ноги, обнаруженный на месте происшествия, оставлен не обувью обвиняемого; отрицательные результаты обыска, предпринятого с целью найти у обвиняемого личное или орудие совершения преступления, и т. д.

Надо иметь в виду, что доказывание «отрицательных» фактов вовсе не может рассматриваться как способ собирания только оправдательных косвенных доказательств. С таким же успехом

---

¹ В реальном процессе доказывания никто не ведет проверку и исключение несовместимых фактов бесконечно. Тактический план в подобной ситуации строится в расчете на проверку и исключение конечного, ограниченного числа обстоятельств из тех, которые представляются возможными с точки зрения конкретной обстановки расследуемого события. Г. Н. Мудьюгин, рассматривая этот вопрос, подчеркивает, в частности, что должны быть опровергнуты все остальные «возможные в конкретных условиях данного дела версии». Очевидно, что под «возможными версиями» здесь имеется в виду конечное число предположений, вероятных в данной ситуации (А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957, стр. 81). Поскольку же нельзя утверждать, что круг опровергнутых версий был исчерпывающе полон, постольку, как уже отмечалось, результаты проверки несовместимых (конкурирующих) фактов только дополняют собой систему накопления, а не представляют самостоятельной системы косвенного доказывания.

доказывание отрицательных фактов может быть использовано и для обоснования обвинения.

Несмотря на все разнообразие связей и взаимозависимостей между конкретными фактами, используемыми в качестве доказательств, все они в конечном счете в силу внутренне присущего им единообразия могут быть сведены к немногим основным формам. Поэтому ограничено также число форм логических умозаключений, на основании которых делаются выводы от наличия одних фактов к наличию или отсутствию других, т. е. осуществляется доказывание.

Все основные формы элементарных актов доказывания рассмотрены выше¹. Теперь нужно обратиться к следующему уровню оценки логической правильности системы доказательств — к анализу и оценке комплексов доказательств.

В работах по теории доказательств всегда подчеркивалась важность рассмотрения доказательств (и в частности, косвенных) в их связи и взаимозависимости. Правильность этого утверждения тем более очевидна, что, как было показано выше, в практике доказывания большое, даже преобладающее место занимают такие доказательства, которые в отдельности обосновывают доказываемое обстоятельство не однозначно, а лишь правдоподобно.

Для получения достоверных конечных выводов из таких доказательств они должны объединяться в подсистемы и далее в системы таким образом, чтобы выводы взаимно подкрепляли и усиливали друг друга².

Рассматриваемые ниже комплексы представляют такого рода подсистемы, образующие как бы среднее звено всей системы или совокупности доказательств по конкретному делу.

Как было показано в параграфе о классификации доказательств, наряду с предметными доказательствами, содержание которых определяет содержание доказываемого обстоятельства, существуют вспомогательные (субсидиарные) доказательства, влияющие только на надежность основного вывода.

Если, например, доказательством служит показание свидетеля, что он в таких-то обстоятельствах слышал голоса ссорящихся людей, то этот коммуникативный аргумент обосновывает вывод, что и на самом деле происходила ссора каких-то людей.

¹ За исключением некоторых частных вариантов и вспомогательных логических операций, таких, например, как соединение неполных аргументов (соединение утверждения одного лица, что у него пропала вещь, и факта обнаружения аналогичной вещи у другого лица), и некоторых других, рассмотрение которых здесь опущено.

² В. Я. Колдин говорит в этой же связи о формировании частных систем (подсистем) доказательств, составляющих в своей совокупности общую систему доказательств по делу («Комплексные исследования в судебном доказывании», «Советское государство и право» 1971 г. № 7, стр. 110).

Наряду с этим предметным доказательством, устанавливающим факт ссоры, могут быть другие доказательства, устанавливающие незаинтересованность свидетеля в исходе дела, подтверждающие, что с того места, где он находился, действительно можно слышать голоса людей, что свидетель обладает нормальным слухом и т. п. Из этих доказательств непосредственно нельзя сделать вывод, имела место ссора и крики или нет. Они служат основанием лишь для суждения о том, соответствуют данные показания свидетеля действительности или этим показаниям нельзя доверять.

Субсидиарную роль могут играть некоторые условия, сопровождающие причину события, когда строится вывод от результата к причине. Так, из факта опрокидывания автомобиля следует правдоподобный вывод о превышении скорости. Если, кроме того, установлено, что дорога была скользкой, то первый вывод становится правдоподобнее, его надежность увеличивается.

Оценка доказательств по существу невозможна без учета влияния вспомогательных фактов, причем в так называемых «уликных делах» доказательства, устанавливающие эти факты, практически занимают значительную долю объема доказательственного материала.

Напомним, что многозначность выводов в некоторых актах доказывания обуславливается тем, что связывающее суждение в них представляет не однозначную закономерность («всегда», «во всех случаях»), а приблизительное обобщение, статистическую закономерность.

Но очевидно, что во всей массе наблюдаемых случаев незаинтересованный свидетель чаще дает правдивые показания, а превышение скорости чаще приводит к опрокидыванию автомобиля при неблагоприятных дорожных условиях.

Субсидиарные доказательства дают возможность перейти от менее определенного связывающего суждения («свидетель вообще», «превышение скорости вообще» и т. п.) к более определенному («незаинтересованный свидетель», «свидетель, находившийся вблизи от места происшествия», «превышение скорости на скользкой дороге» и т. п.). Сказанное относится и к альтернативным актам доказывания. Если из того факта, что Н. не ночевал дома, делается правдоподобный вывод, что в это время он совершил кражу в магазине, то дополнительное установление субсидиарного факта — «обычно Н. ночует дома» — усиливает правдоподобие первого вывода.

Замена в акте доказывания менее определенной связи более определенной повышает надежность вывода, увеличивает его правдоподобие¹. Такие комплексы можно назвать вспомогательными или проверочными.

¹ Разумеется, возможны случаи, когда обнаруживаются такие субсидиарные доказательства, которые снижают надежность вывода (например, свидетель страдает дефектом слуха или подвержен галлюцинациям).

Еще более важную роль в увеличении надежности выводов играют комплексы, объединяющие предметные доказательства, т. е. «накопительные» комплексы¹.

При оценке логической структуры доказательств по любому уголовному делу, независимо от того, преобладают среди них прямые или косвенные доказательства, встречаются накопительные комплексы, играющие главную роль в формировании конечных достоверных выводов.

Простейшим примером накопительного комплекса служит совпадение по содержанию показаний нескольких свидетелей (разумеется, при условии, что они не сговорились между собой).

Если один свидетель говорит, что слышал звук выстрела, то мы делаем вывод: «правдоподобно, что на самом деле прозвучал выстрел». Точно такой же вывод будет сделан на основании показаний второго, третьего и т. д. свидетелей.

Все эти правдоподобные выводы одинаковы по содержанию, и это их совпадение истолковывается как довод в пользу большего доверия к показаниям.

В приведенном примере каждое доказательство было предметным. Общим у них было то, что во всех образованных ими актах доказывания был один и тот же вывод: «на самом деле прозвучал выстрел». Наличие одинакового вывода часто наблюдается и тогда, когда независимые предметные доказательства не однородны, как в примере со свидетелями, а разнородны. По делу могут фигурировать такие, например, улики: 1) Н. угрожал убийством потерпевшему; 2) у Н. обнаружены вещи, раньше принадлежавшие потерпевшему; 3) Н. находился на месте преступления в период, когда последнее было совершено; 4) на одежде Н. найдены пятна человеческой крови.

Каждая из них независима от других и может служить аргументом для какого-либо правдоподобного акта доказывания («если угрожал, то правдоподобно, что убил», «если был на месте преступления, то правдоподобно, что убил» и т. д.).

При этом выводом каждый раз будет утверждение «правдоподобно, что убил».

Так же, как и в примере с совпадающими показаниями нескольких свидетелей, такое совпадение выводов истолковывается как довод в пользу большей обоснованности этого общего вывода.

Общий вывод могут давать не только линейные, но и альтернативные доказательства. Простейший пример: несколько доказательств, устанавливающих отсутствие человека в ряде мест. Положим, установлено, что Н. в определенное время не был дома,

¹ В. Я. Колдин (упомян. статья, стр. 111) считает, что каждая частная система доказательств обосновывает вывод только об одном из исследуемых обстоятельств. Это не вполне точно: она может устанавливать и группу непосредственно взаимосвязанных обстоятельств.

не был на работе, не был в гостях и т. д. Из каждого отдельного доказательства следует вывод, общий для всех: «не был дома, следовательно, правдоподобно, что был на месте преступления», «не был в гостях, следовательно, правдоподобно, что был на месте преступления» и т. д.

Ясно, что с каждым таким новым доказательством надежность обоснования общего вывода увеличивается.

Совпадению выводов из многих доказательств можно дать два истолкования — случайное и необходимое, как это показано в таблице.

Доказательства (аргументы)	Истолкование необходимое	Истолкование случайное
1. Н. угрожал убийством	1. Убийство совершил Н.	1. Н. угрожал в шутку
2. У Н. найдены вещи погибшего	2. Убийство совершил Н.	2. Эти вещи раньше погибший подарил Н.
3. Н. находился на месте происшествия в момент убийства	3. Убийство совершил Н.	3. Н. попал на место происшествия случайно, во время прогулки
4. На одежде Н. найдены пятна крови	4. Убийство совершил Н.	4. Н. случайно запачкал одежду кровью

С точки зрения здравого смысла случайное истолкование каждого отдельного доказательства вполне допустимо. Но совпадение даже этих четырех, не говоря уже о множестве других подобных доказательств, делает их случайное истолкование неправдоподобным, все более бессмысленным по мере их накопления.

Судебная и следственная практика дает множество примеров использования логической операции накопления доказательств, прежде всего косвенных, по приведенной схеме. С этой точки зрения может представлять интерес дело об убийстве А. Из квартиры потерпевшей были похищены носильные вещи, деньги, облигации. В совершении преступления был заподозрен Ц., знакомый семьи А., вернувшийся после отбытия наказания, проживающий в том же районе, что и А. Основанием для этого послужили свидетельские показания о появлении у Ц. после убийства значительной суммы денег. При обыске у Ц. были изъяты мужской костюм, полушубок, две пары ботинок, часы, белье, 150 руб. Изъятые вещи были предъявлены мужу убитой, который по характерным признакам опознал их как принадлежавшие ему и его жене.

Обвиняемый дал свои объяснения по поводу каждого из перечисленных выше обстоятельств.

По показаниям Ц., он знал А., но о ее убийстве ничего не слышал. Вещи А. он купил у вора по кличке «Фараон» в 21 час в

день убийства, уплатив за них 200 руб. Он знал, что вещи ворованные, но купил их с целью заработать на перепродаже. Ночь он провел у своей знакомой. Деньги, которые были израсходованы на покупку вещей, как и найденные при обыске, он привез с собой с Севера.

Нетрудно убедиться, что каждое из обстоятельств — получение вещей, наличие денег, место ночевки — обвиняемый Ц. истолковывал как независимое, случайно совпавшее по времени и месту с другими обстоятельствами.

Дальнейшие действия следователя состояли в проверке этих объяснений и в построении соответствующих проверочных логических комплексов, в результате которых объяснения обвиняемого были либо опровергнуты, либо поставлены под сомнение («ослаблены»).

По обстоятельствам дела в 21 час в день убийства Ц. никак не мог купить вещи А., так как убийство было совершено около 23 час. Чтобы купить вещи, Ц. должен был иметь, по его собственным показаниям, 200 руб. Были ли они у него? По утверждению Ц., деньги он привез с Севера. Ц. заявил, что прятал их на шкафу, стоявшем в коридоре квартиры его бывшей жены. Однако осмотр шкафа было установлено, что этого сделать было нельзя, так как пространство от верхнего края шкафа до потолка плотно забито досками. Все лица, знавшие Ц., единодушно подтвердили факт отсутствия у него денег до дня убийства. Их показаниями был установлен ряд весьма характерных подробностей: Ц., не имея никаких средств, продал после приезда в Москву плащ и пальто; даже папиросы покупала ему его бывшая жена; долг соседке он отдал после дня убийства, объяснив, что «получил пенсию» (которую в действительности не получал).

Совокупность всех установленных фактов неопровержимо доказывала отсутствие у Ц. средств до дня убийства. Отсюда следовал вывод, что Ц. не мог купить вещи убитой. Факт ночевки Ц. у знакомой не доказывал его алиби и не имел вообще значения противодоказательства, так как убийство было совершено не ночью, а около 23 час. 28 октября, а в 23 час. 30 мин. Ц., как было установлено, уже принес вещи на квартиру и оттуда пошел к знакомой.

Итак, версия Ц. была опровергнута; наоборот, объективно подтверждалась версия о том, что вещи были добыты Ц. путем преступления.

Одновременно следователь собирал новые косвенные доказательства, увеличивая и углубляя систему накопления.

Убийство было совершено одним человеком, причем знакомым А.: из показаний соседей было установлено, что вечером к А. пришел знакомый и сквозь дверь некоторое время слышался разговор. В пепельнице в комнате А. были обнаружены окурки папирос той марки, которую курил Ц. («Север»), в то время как

муж убитой курил папиросы «Волга». По показаниям соседей, весь день до прихода убийцы других гостей у А. не было. Эксперт дал заключение о совпадении групповой принадлежности слюны Ц. и слюны на мундштуке окурков, обнаруженных в пепельнице на квартире А.

Таким образом, складывалась система доказательств по конкретному делу.

Каждое из этих доказательств порознь можно было истолковать «нейтральным» для Ц. образом. Окурочек на месте происшествия мог бросить другой человек, чья слюна обладала такими же признаками, что и слюна Ц., вещи потерпевшей Ц. мог найти, купить, украсть, а ложные объяснения дать из боязни ответственности и т. п. Взятые же в совокупности, эти обстоятельства подкрепляли и дополняли друг друга, взаимно уничтожали имеющиеся пробелы в указании на виновника преступления, опровергали все предположения, кроме одного, и обосновывали его с большей убедительностью. По делу был вынесен обвинительный приговор, причем обвиняемый, так и не признавший себя виновным, его не обжаловал.

С точки зрения логической формы накопление представляет особый вид индуктивного умозаключения.

Индуктивное умозаключение представляет обобщающий вывод из множества отдельных утверждений меньшей общности и в этом отношении противоположно дедуктивному. Индукция играет очень большую роль в формировании знаний во всех областях теоретического мышления и практики, и сфера доказывания в уголовном процессе, естественно, не составляет в этом отношении исключения.

Важнейшей особенностью индуктивного вывода является принципиально неограниченная возможность увеличения его надежности до любого, сколь угодно высокого уровня. Это обеспечивается построением вспомогательных комплексов, в которых уже обнаруживается переход дедуктивного элементарного акта доказывания в развернутую индуктивную систему, и, далее, индуктивных систем накопления предметных доказательств.

Факт сочетания, соединения нескольких направленных к одному выводу аргументов сам по себе представляет не просто «сумму» этих аргументов, а нечто новое, как бы новый дополнительный аргумент к сумме предыдущих. Это рассуждение применимо к каждому последующему доказательству, присоединяющемуся к предыдущим, так что в некоторый момент единственным правильным выводом из совокупности улик становится только один; именно тот, что все улики представляют не случайное собрание разрозненных фактов, связанных с «нейтральными» событиями, а систему накопления, в которой доказываемый факт (тезис) представляет как бы узловую точку связей всех доказательств.

Представление о том, что каждая отдельная улика, входящая в систему, не может быть оттуда удалена без разрушения всей «цепи», неприменимо к системе накопления. Если при окончательной проверке доказательств, образующих систему накопления, окажется, что одно из них (например, данные о подготовительных действиях) не относится к делу, т. е. связано не с доказываемым фактом, а с «нейтральным» (приобрел ружье для охоты), то в целом система не разрушается, а лишь ослабляется. Это ослабление, как уже отмечалось выше, может быть компенсировано другой уликой.

Таким образом, со стороны своей логической структуры совокупность доказательств и выводов из них по конкретному уголовному делу представляет собой определенную внутренне взаимосвязанную упорядоченную систему.

Фактический базис этой системы составляют доказательства — личные и вещественные, содержащие данные, закрепленные и введенные в состав материалов дела в предусмотренной законом форме.

Каждое предметное доказательство является началом последовательной цепочки выводов, заканчивающихся выводами о фактах и обстоятельствах, входящих в предмет доказывания.

В процессуальной литературе часто упоминается понятие цепь доказательств. Нужно, однако, учитывать условность этого термина. Если изолировать такую систему от других связей, то можно усмотреть, что в ней из одного промежуточного факта логически выводится второй, из второго — третий и т. д., так что они — звено за звеном — образуют как бы цепочку выводов. Так, при соответствующих исходных данных из факта приобретения дорогой вещи заключают о внезапном получении крупной суммы денег, а от последнего делаю вывод о получении взятки.

Роль последовательных систем заключается в том, что именно с их помощью обеспечивается «сквозное» развитие аргументации от исходных данных к конечному выводу.

Однако надежность последующих выводов не возрастает автоматически с увеличением их числа. Возрастание надежности обеспечивается иным сочетанием доказательств — вспомогательными и параллельными комплексами. Отдельные выводы представляют элементарные акты доказывания. Подкрепление этих актов вспомогательными доказательствами приводит к образованию вспомогательных комплексов, увеличивающих надежность выводов, а объединение их путем накопления образует подсистемы, обосновывающие более общие выводы, касающиеся целых эпизодов, событий или сторон преступления.

Эти накопительные комплексы или подсистемы, охватывающие несколько последовательных цепочек, построены из доказательств, причем часть из нескольких дублирующих друг друга (устанавливающих один и тот же факт) доказательств имеет

как бы двойную и тройную «толщину», «запас прочности». Поэтому опровержение одной улики, выпадение ее из системы собранных по делу доказательств (в отличие от того, что имело бы место в отношении изолированной «цепи» косвенных доказательств в буквальном смысле этого слова) отнюдь не всегда влечет за собой распадение всей системы доказательств и утрату возможности обосновать ею вывод об устанавливаемом факте¹.

Наконец, и эти более общие выводы объединяются с помощью тех же логических операций в конечное утверждение о событии преступления, о его виновнике и других обстоятельствах, в совокупности исчерпывающих предмет доказывания по делу.

В обоснованном обвинительном заключении или в приговоре эта система доказательств и выводов из них должна найти свое отображение с достаточной полнотой и последовательностью, поскольку этого прямо требует закон (ст.ст. 205, 301, 303 УПК РСФСР).

Оценка логической правильности системы доказательств охватывает все звенья этой системы в отдельности и систему в целом. Суждение о формальной правильности облегчается тем, что на основе наличной совокупности собранных доказательств по конкретному делу может быть построена только одна логически правильная система выводов². С точки зрения формальной правильности должны быть проверены отдельные акты доказывания, разграничены однозначные и многозначные выводы; в отношении последних проверено — использованы ли вспомогательные комплексы при их построении.

Необходимо убедиться, нет ли пропусков, выпадения промежуточных рассуждений в последовательных цепочках выводов и все ли они опираются на доказательства, зафиксированные в деле.

В работах по теории доказательств в уголовном процессе иногда делается попытка выделить косвенные доказательства, имеющие «решающее» значение. В качестве примера приводится обнаружение отпечатка пальцев на месте происшествия. Между тем наличие следа пальца определенного лица на месте

¹ На это правильно указывают М. П. Шаламов («Теория улик», М., 1960, стр. 96) и М. А. Чельцов («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 140).

² В зависимости от обстоятельств, в том числе и от индивидуальных качеств следователя, его «профессионального почерка», по делу может быть собрана та или иная совокупность исходных доказательств с преобладанием тех или иных. Этим определяется особенность исходного фактического базиса, а следовательно, и особенности всей системы выводов. Но коль скоро процесс собирания доказательств завершен и конечная совокупность доказательств задана, на ее основе строится одна и только одна система выводов.

происшествия, несмотря на кажущуюся неопровержимость его уличающего значения, может быть легко объяснено тем, что данное лицо находилось на месте происшествия до или после события и по причинам, с ним не связанным. Только в сочетании с другими доказательствами, позволяющими проверить различные возможности появления этого следа, будет выяснено его действительное значение по делу.

В некоторых работах столь же необоснованно в качестве улики, «определяющих исход дела и приговор суда», фигурируют следы зубов обвиняемого на месте происшествия¹, заключение эксперта о совпадении группы крови (например, крови потерпевшего и крови, обнаруженной на обвиняемом) или даже видовой принадлежности крови² и т. д.

В связи с этим характерны ошибки, допускаемые на практике при оценке значения поличного, недостачи по делу о хищении, незаконных служебных действий по делу о взяточничестве и т. д. Нередко из них сразу же делается вывод о виновности обвиняемого. Другими словами, игнорируется предположительный характер первоначального вывода об объективной связи такого рода фактов и виновности лица, необходимость проверки этого вывода, так как за связь здесь может быть принято случайное совпадение.

Подобно этому доказательства, устанавливающие факт инсценировки кражи материально ответственным лицом, нередко рассматриваются как достаточные для вывода о совершении растраты, хотя по отношению к последнему факту инсценировка кражи может рассматриваться только как один из этапов ее установления (инсценировка кражи может быть связана с недостачей, возникшей не в результате растраты, может сочетаться с действительной кражей и т. д.). Надлежит проверить, правильно ли объединены в комплексы накопления доказательства и промежуточные аргументы, имея в виду, что условием такого объединения является тождество выводов из объединяемых аргументов.

Логическая (формальная) правильность построения системы доказательств и выводов из них входит в оценку доказательств, но не исчерпывает ее.

Истинность и достоверность знания, получаемого в выводах, зависит не только от соблюдения правил вывода, но также от истинности исходных данных, проверка которой выходит за пределы компетенции логического анализа. Она зависит также от оценки по внутреннему убеждению относимости фактических данных, которая предшествует признанию того или иного факта ар-

¹ А. М. Гамбург, Судебно-медицинская экспертиза обвиняемого, Киев, 1948, стр. 68.
² М. М. Гродзинский, Улики в советском уголовном процессе, М., 1944, стр. 94.

гументом в доказывании, а также оценки допустимости доказательств.

Иными словами, логическая правильность системы — это необходимое условие истинности выводов, но недостаточное само по себе, взятое вне других аспектов содержательной оценки доказательств.

Как отмечалось, оценка логической правильности доказательств и выводов из них предполагает использование для этих целей средств и методов формальной логики.

В ряде специальных работ, посвященных дальнейшей формализации этого метода, используются аппараты символической (математической) логики и логического моделирования, позволяющие представить описанные логические операции (элементарные акты доказывания, вспомогательные и накопительные комплексы) в виде логических формул либо в виде всевозможных условных схем и изображений.

В работах по теории доказательств последних лет для анализа процесса доказывания, помимо логики, используются также средства теории информации и математической теории вероятностей.

С теоретико-информационной точки зрения процедура доказывания состоит в устранении неопределенности знания (энтропии) в отношении каких-либо событий или явлений. Доказательства несут в себе ту информацию о неизвестных событиях, которая необходима для выводов о существовании последних. С этих позиций рассматривается понятие источника информации, кодирования, переработки информации и т. д.¹

В частности, интересная аналогия усматривается между структурой системы исключения, с одной стороны, и психодным понятием теории информации — понятием об энтропии опыта — с другой.

Напомним, что в случае, когда с доказываемым тезисом (например, подозреваемый был на месте преступления) конкурируют другие, несовместимые с первым события (был дома, на работе и т. д.), до начала проверки этих фактов существует неопределенность: заранее нельзя сказать, какое из несовместимых событий произошло в действительности. Эта неопределенность тем больше, чем больше может быть выдвинуто в данных условиях конкурирующих событий. Неопределенность достигает наибольшей величины тогда, когда сами определяющие ее события равновероятны.

С чисто формальной стороны ряд несовместимых или конкурирующих событий представляется бесконечным. В практических

---

¹ См. А. И. Т р у с о в, Судебное доказывание в свете идей кибернетики, «Вопросы кибернетики и право», М., 1967, стр. 20.

же условиях в этот ряд включают конечное число событий, подлежащих проверке, причем в первую очередь проверке подлежат события, исход которых наиболее неопределенен, труднее всего поддается предвидению. Именно эти события несут на себе основное бремя неопределенности ситуации, с которой первоначально столкнулся следователь и суд. Смысл их деятельности для устранения неопределенности по существу вытекает из указанного положения теории информации. Отличие состоит в том, что и здесь оперируют не точными количественными значениями вероятностей, а оценками в терминах «редко», «часто» и т. п.

Следующим шагом в этом направлении явились опыты использования математического аппарата теории информации для описания процесса доказывания. Количественно информация является величиной, обратной мере неопределенности некоторого сложного события. Неопределенность же события исчисляется на основе вероятностей составляющих его более простых фактов, явлений и т. п. Таким образом, теоретико-информационный подход на этом уровне непосредственно соприкасается с использованием средств математической теории вероятностей.

Попытки применить математическую теорию вероятностей для оценки доказательств предпринимались и раньше. Такого рода идеи высказывались как математиками и философами (Лейбниц, Лаплас, Пуассон), так и юристами (Бентам, Уильз и др.). Для правильного отношения к этим исследованиям нужно иметь в виду следующие соображения. Как было показано выше, очень часто выводы из доказательств действительно опираются не на однозначные закономерности, а на приблизительные обобщения (фактические презумпции), имеющие статистическую природу. Надежность этих выводов зависит от того, насколько часто в действительности наблюдается связь между доказательством и доказываемым обстоятельством. В этом нетрудно усмотреть явную аналогию с вероятностно-статистической оценкой существования любых событий (как прошлого, так и будущего). Еще более определенно эта аналогия выступает при индуктивном накоплении многих предметных доказательств. Ранее было показано, что «случайное» истолкование совпадения многих доказательств одного и того же обстоятельства тем больше противоречит здравому смыслу, чем больше собрано этих доказательств и чем «сильнее» каждое из них. Но вместо ссылки на опыт и здравый смысл, для подтверждения того же вывода о неприемлемости случайного объяснения такого совпадения можно обратиться к умножению вероятностей¹. Если известно, что какое-либо событие (например, выпадение герба при подбрасывании монеты) имеет вероятность

¹ Б. В. Гнеденко, А. Я. Хинчин, Элементарное введение в теорию вероятностей, М., 1961, стр. 28.

0,5 (т. е. при многократном повторении происходит в 50% опытов), то одновременная реализация нескольких таких событий будет происходить значительно реже (так вероятность одновременного выпадения десяти монет гербом вверх равна произведению вероятностей этих десяти событий, т. е. около 0,001).

Так как вероятность рассматриваемых событий всегда меньше единицы, то произведение вероятностей (т. е. произведение правильных дробей) представляет убывающую величину, тем быстрее стремящуюся к нулю, чем меньше вероятность отдельных событий и чем больше число перемножаемых величин.

Как видим, и здесь усматривается явная аналогия с рассуждением, с помощью которого оценивается совокупность многозначных доказательств.

Аналогия между точкой зрения здравого смысла на оценку многозначных доказательств и их систем и математическими операциями умножения вероятностей отражает не только их внешнее сходство, но и более глубокое единообразие методов познания. Именно это обстоятельство и наталкивало многих исследователей на поиски способов математической интерпретации процедуры доказывания. Однако все попытки непосредственного, прямого использования математических методов в оценке доказательств оказывались безрезультатными либо подменялись научно-несостоятельными упрощениями, произвольными шкалами оценки доказательств в баллах и т. п. суррогатами¹. Объясняется это тем, что для применения точных математических методов необходимы точные количественные характеристики исходных данных, выраженные определенными числами вероятностей всех доказательств, а этих характеристик в распоряжении исследователей не было и нет.

Можно ли получить эти данные, в частности, с учетом современного состояния науки и вычислительной техники?

Получение таких количественных оценок предполагает статистическое исследование самых разнообразных явлений, действий, поступков, которые могут служить доказательствами. Перечень таких фактов чрезвычайно велик, если не бесконечен. Как было показано выше (стр. 461), определенность доказательства растет с его конкретизацией. Поэтому речь идет не о явлениях, событиях и т. д. «вообще», а по возможности о более конкретных, узких группах событий, явлений.

---

¹ Более серьезный подход к проблеме можно найти в работе русского юриста и общественного деятеля А. М. Бобрищева-Пушкина. Он пытался в свое время учесть и выразить математически повторяемость различных доказательств в уголовных делах и на этой базе исчислить вероятность осуждения и оправдания, доверия и недоверия к отдельным доказательствам, вероятность их использования при разрешении уголовных дел (А. М. Бобрищев-Пушкин, Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных, М., 1896).

Для установления статистических закономерностей необходимо изучить не одно или несколько явлений данного рода (например, как часто угроза сопровождается убийством), а большое их число.

Из сказанного следует, что объем статистических исследований для получения количественных характеристик ценности доказательств очень велик. Не приходится рассчитывать на его практическое осуществление ни в настоящее время, ни в близком будущем.

Следовательно, количественный пример, который приводился выше, может служить не более чем иллюстрацией логического механизма, который используется при оценке отдельных доказательств и их комплексов.

Количественные оценки событиям и явлениям человек дает не только с помощью точных измерений и цифр, но и с помощью «полуколичественных» понятий: много, мало, больше, рано, достаточно и т. п.

Таким же образом на основе «несчитанной статистики» он сопоставляет вероятность событий, оценивает меру их возможности, невозможности, правдоподобия.

Эти извлеченные из опыта и наблюдений отдельные «полуколичественные» статистические оценки улик служат исходным материалом для столь же быстрого и эффективного «полуколичественного вычисления» их комплексов при накоплении¹.

Ни психология, ни физиология высшей нервной деятельности пока еще не в состоянии подробно и точно описать механизм этой оценочной деятельности. Но нет оснований сомневаться в том, что он весьма близок по своей структуре с той количественной моделью, которая приведена выше. Он протекает чрезвычайно быстро, какими-то путями сокращая длинные рассуждения и вычисления, и тем не менее достаточно точен и эффективен.

Следует отметить, что доказывание в уголовном процессе далеко не единственная область, в которой действует описанный путь решения логических задач на основе оперирования правдоподобными умозаключениями и оценочными «полуколичественными» понятиями. Напротив, он чрезвычайно распространен, и большая часть научной и практической деятельности врача, инженера, экономиста, биолога протекает именно в таких логических формах.

Таким образом, количественная модель накопления доказательств может служить не более чем наглядной и упрощенной

¹ О роли «несчитанной статистики» и «полуколичественных» оценок см. А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 54; А. А. Эйсмэн, Некоторые вопросы оценки как количественной характеристики достоверности доказательств, «Вопросы кибернетики и право», М., 1967, стр. 176.

моделью того, несомненно, весьма сложного процесса, который протекает в мозгу человека в ходе оценки доказательств¹.

Наконец, важно предостеречь против неправильного, антинаучного использования понятия вероятности в сфере судебного доказывания в целях снижения требований к обоснованности выводов суда и оправдания произвола. Как правильно отмечалось в литературе, многие буржуазные юристы, стремясь развязать руки реакционной юстиции в борьбе с прогрессивными элементами, доказывали, что человеческое познание вообще, а в судебном процессе в особенности не может достоверно устанавливать факты, что оно принципиально ограничено лишь предположительными выводами и большего от него требовать нельзя. Разумеется, это неверно. В таких рассуждениях строгое научное понятие вероятности подменяется обывательским, вульгарным его истолкованием в смысле: «Может быть так, а может быть и наоборот».

Математическая теория вероятностей дает полную возможность описать процесс последовательного перерастания вероятного знания в достоверное. Достоверным событием эта теория признает такое, вероятность которого равна 1. В ходе доказывания в уголовном процессе происходит такое же последовательное увеличение надежности выводов — сначала предположительных и правдоподобных, а затем на завершающей стадии процесса — достоверных. Никаких теоретических, научных препятствий к этому нет.

Традиция обыденного языка связывает термины вероятности и достоверности с разными уровнями надежности и обоснованности утверждений. Нет никакой необходимости отказываться от такого привычного словоупотребления, поскольку оно не противоречит представлению о переходе вероятного, правдоподобного знания в достоверное.

С философской стороны постепенное возрастание вероятности выводов, основанное на проверке и накоплении аргументов, представляет количественное возрастание надежности знания, которое при достижении известного уровня переходит в новое качество — достоверное знание.

В дедуктивной логике, а также в некоторых других строго формализованных, абстрактных, главным образом математических, науках пользуются понятием достоверности в особом, формальном смысле. Отвлекаясь от источников сведений, от точности и способов измерения, от всевозможных привходящих обстоятельств, осуществляют над «очищенными» таким образом данными

---

¹ Интересно отметить, что еще Уильз специально подчеркивал особые условия использования понятия вероятности в области, где невозможно применение статистических данных. Он говорил, что в этих случаях вероятность событий понимают как «перевес» шансов, не получающий точной числовой оценки («Опыт теории косвенных улик», М., 1864, стр. 7).

по строгим правилам определенные операции и получают строго однозначный, «автоматически» следующий вывод. Такой вывод появляется сразу, его надежность не возрастает постепенно и не меняется по ходу исследования. Вне пределов названных систем понятие формальной достоверности лишено смысла.

Напротив, в сфере естественных наук, техники, равно как и в сфере доказывания в уголовном процессе, обоснованность выводов имеет иную, содержательную природу. Эти выводы, основанные на всестороннем исследовании предмета, на учете и сопоставлении всех исходных данных, их источников и результатов проверки, — содержательно достоверны.

§ 3. ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Проблема внутреннего убеждения при оценке доказательств издавна является предметом острых дискуссий. Внутреннее убеждение рассматривается то как метод, способ или принцип оценки доказательств, то как критерий этой оценки, то как ее результат; некоторые авторы рассматривают внутреннее убеждение как единство всех или некоторых перечисленных аспектов. По-разному определяется и сама природа внутреннего убеждения: то в гносеологическом или логическом, то в психологическом смысле.

Интерес к этой проблеме не случаен. Оценка доказательств по внутреннему убеждению — вопрос, от правильного решения которого зависит успех процессуальной деятельности.

Отражая различные стороны доказывания, убеждение во всех этих его значениях имеет непосредственное отношение и к оценке доказательств. Расхождение же во взглядах на этот предмет связано с различным подходом к понятию «внутреннее убеждение», с выделением какой-то одной стороны этого многогранного понятия. Как же раскрывается указание закона об оценке доказательств по внутреннему убеждению?

Убеждением называют: а) процесс склонения кого-нибудь (в том числе и самого себя) к определенному взгляду, поступку; б) результат этого процесса, т. е. конкретное мнение, воззрение; в) отношение человека к своим знаниям, решениям и действиям, т. е. состояние уверенности, убежденности.

Анализ законодательства, следственной и судебной практики показывает, что оценка доказательств по внутреннему убеждению означает такой порядок, при котором, во-первых, эта оценка производится органом, ведущим производство по делу, при отсутствии заранее установленных правил о значении и силе доказательств и, во-вторых, эта оценка завершается категорическими выводами и решениями, исключаяющими всякое сомнение в их правильности.

Таким образом, в первом смысле внутреннее убеждение характеризует процесс исследования, а во втором — его результат.

Указание закона на внутреннее убеждение нужно прежде всего понимать как исключительность компетенции лица, ведущего производство по делу. Тем самым закрепляется прерогатива этого лица в области оценки доказательств, подчеркивается, что оценка доказательств является его неотъемлемым правом и обязанностью. Перелгать ее на кого-либо или руководствоваться оценкой, данной другим лицом, следовательно, прокурор, судья не вправе.

В этом смысле внутреннее убеждение понимается, как самоубеждение, как формирование собственного взгляда на фактические обстоятельства дела, как необходимость личной оценки доказательств. Указанное требование обеспечивается, в частности, путем реализации принципа непосредственности уголовного процесса.

Выше отмечалось, что предоставление оценки доказательств лицу, осуществляющему производство по делу, означает его свободу, самостоятельность, независимость при оценке доказательств. Это подчеркивается рядом положений действующего законодательства. Внутреннее убеждение исключает всякое внешнее принуждение, и это свойство убеждения оттеняется словом «внутреннее».

Оно предполагает:

а) необязательность оценки доказательств, данной одним должностным лицом, для другого, принявшего дело к своему производству; необходимость для принявшего дело заново оценить все доказательства;

б) необязательность оценки доказательств предыдущей процессуальной инстанции для последующей и необходимость проверки предыдущих оценок на последующей стадии процесса (проверка выводов органа дознания следователем, вывода следователя — прокурором и т. д.);

в) необязательность оценки доказательств вышестоящим органом для нижестоящего, в производстве которого находится дело, и недопустимость дачи указаний об определенной оценке отдельных доказательств или их совокупности;

г) необязательность для лица, ведущего производство по делу, оценок, даваемых доказательствам различными участниками процесса в объяснениях, показаниях, ходатайствах, заключениях и т. п.¹;

---

¹ Сказанное, конечно, не означает, что следователю, прокурору или суду безразличны оценки, которые даются доказательствам защитником, потерпевшим, обвиняемым, экспертом и т. д. Прислушиваясь к их суждениям и оценивая их со своей стороны, скорее можно прийти к правильным выводам и обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование

д) необязательность оценок, даваемых доказательствам, лицами и органами вне уголовного процесса (печать, представители общественности, должностные лица различных учреждений) и недопустимость какого бы то ни было давления на лицо, ведущее производство по делу.

Оценка доказательств по внутреннему убеждению означает независимость органов расследования в отправлениях процессуальных функций. Независимость следователя в вопросах оценки доказательств подчеркивается рядом положений действующего законодательства. Так, ст. 127 УПК РСФСР, значительно расширив полномочия следователя, указала, что все решения о направлении следствия и производстве следственных действий он принимает самостоятельно и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Свободу оценки доказательств гарантирует следователю установленный порядок разрешения коллизий между указаниями руководителя следственного органа или прокурора и мнением следователя по решающим вопросам.

Самостоятельность оценки доказательств прокурором обеспечивается тем, что свои полномочия в уголовном судопроизводстве он осуществляет независимо от каких бы то ни было органов и должностных лиц, подчиняясь только закону и руководствуясь указаниями Генерального Прокурора СССР по правильному применению закона.

Независимость судей и подчинение их только закону составляет конституционный принцип советского правосудия. Разрешение уголовных дел происходит в условиях, исключающих постороннее воздействие на судей (ст. 16 УПК РСФСР). Оценку доказательств по внутреннему убеждению гарантирует и существующий порядок кассационного и надзорного производства (ст. 352 УПК РСФСР).¹

Требование оценки доказательств по внутреннему убеждению имеет еще одну существенную сторону: исследователь в уголовном судопроизводстве свободен в оценке доказательств, поскольку он не связан заранее установленными правилами о силе и значении тех или иных доказательств. Никакие доказательства, говорит закон, не имеют заранее установленной силы (ст. 71 УПК РСФСР).

Это положение последовательно проводится во всей системе советского доказательственного права, в котором отсутствуют

обстоятельств дела. Но речь идет об учете и рассмотрении мнений иных участников процесса, а отнюдь не об автоматическом следовании за ними.

¹ Принципы независимости судей и оценки доказательств по внутреннему убеждению, будучи самостоятельными принципами уголовного процесса, вместе с тем неразрывно связаны между собой и функционально подкрепляют друг друга.

указания о преимуществе одних доказательств перед другими, об определенном количестве и виде доказательств, необходимых в том или ином случае.

Закон не знает заведомо «лучших» или «худших» доказательств. Всякая попытка наделить какое-либо доказательство, например, показания обвиняемого или заключение эксперта, преустановленной силой и значением решительно отвергается теорией. Недопустимость некритического отношения к доказательствам, от кого бы они ни исходили и каким бы источником ни устанавливались, последовательно проводится в нашей следственной и судебной практике.

С учетом изложенного можно констатировать, что внутреннее убеждение, как свободное от внешнего принуждения и не связанное формальными предписаниями искание истины, является необходимым условием оценки доказательств, характеризует сам подход к оценке доказательств.

Говоря об убеждении (убеждениях), имеют также в виду мнения, воззрения, знания человека о тех или иных явлениях действительности. В этом смысле оценка доказательств по внутреннему убеждению предполагает использование в этих целях собственных мнений, взглядов и знаний лица, осуществляющего производство по делу.

Индивидуальные запасы знаний служат исходным материалом для мыслительных операций, которые и составляют содержание оценки доказательств. Одновременно знания являются средством проверки полученных результатов, помогая контролировать правильность тех или иных оценок, указывая в случае их противоречивости либо на необходимость уточнения посылок, либо на ошибочность сделанных выводов¹.

До сих пор мы рассматривали оценку доказательств по внутреннему убеждению как процесс. Однако многозначное понятие внутреннего убеждения характеризует и результат оценки доказательств. Между внутренним убеждением как процессом оценки доказательств и внутренним убеждением как результатом этой оценки существует тесная связь: оценка доказательств по

---

¹ По-видимому, в силу этих соображений некоторые авторы пришли к мысли, что знания являются критерием оценки доказательств (см., например, Э. Ф. Кудова, Советская кассация как гарантия законности в правосудии, М., 1957, стр. 108). Эта точка зрения неизбежно приводит к порочному кругу: если одно знание является критерием правильности другого, то для него в свою очередь необходим критерий, и так без конца. В действительности, источником нашего знания и критерием его истинности служит практика. Знания же являются лишь ее отражением. По существу рассматриваемая точка зрения, противопоставляющая знания и практику, как и точка зрения о том, что критерием оценки доказательств является внутреннее убеждение, подменяет объективный критерий оценки доказательств субъективным усмотрением.

внутреннему убеждению наилучшим образом служит тому, чтобы само внутреннее убеждение в результате оценки доказательств было истинным¹.

Внутреннее убеждение в качестве завершающего итога оценки доказательств имеет гносеологический, логический и психологический аспект. С точки зрения гносеологической содержанием внутреннего убеждения является отражение сознанием предмета исследования — конкретных фактов действительности, из которых и на основе которых складывается картина исследуемого события. Иначе говоря, это конкретные знания о фактических обстоятельствах данного дела.

Выше мы говорили о знаниях, которые являются «строительным материалом» для наших суждений, служат средством оценки доказательств. Здесь же речь идет о знаниях, составляющих содержание внутреннего убеждения, т. е. сами выводы, которыми завершается оценка доказательств.

Каким с логической стороны должно быть внутреннее убеждение? Отвечая на этот вопрос, А. А. Старченко справедливо пишет, что, будучи достоверными и единственно возможными, суждения при итоговой оценке доказательств должны включать в себя и знание о невозможности противоположного или какого-то иного мнения по тем же вопросам. Истина — это единство знания позитивного и знания негативного. В качестве позитивного выступает достоверное указание на искомые факты, в качестве негативного — достоверное представление о том, что эти факты не могут быть ничем иным, кроме того, что видит в них следователь². В противном случае суждение носит предположительный, проблематический характер и представляет собой версию, гипотезу, а не достоверное знание, необходимое для принятия окончательного решения по делу.

Отсюда видно, что вопрос о природе внутреннего убеждения связан с характером истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве. Для образования внутреннего убеждения нельзя довольствоваться предположениями, как полагают буржуазные авторы. По неправильному пути идут и современные исследования буржуазных юристов и психологов, предпринимающих упорные попытки «экспериментального» измерения внутреннего убеждения (например, по десятибалльной шкале) и построения графиков, якобы характеризующих процесс формирования выводов. Подобные разработки, лишенные научной базы, представляют собой по существу своеобразный рецидив теории формальных доказательств.

¹ См. В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе, М., 1964.

² А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 208—210.

Совершенно неприемлемы и те рекомендации по поводу оценки доказательств, которые содержатся в работах буржуазных авторов по вопросам психологии свидетельских показаний. Речь идет об исчислении различных коэффициентов, характеризующих полноту, точность, ошибочность, осторожность показаний, которые, по мысли авторов, дают возможность при оценке показаний вносить необходимые поправки и таким путем с наибольшей точностью приближаться к истине.

Между тем каждое доказательство требует индивидуальной оценки. Многочисленные факторы, действующие при формировании показаний, и индивидуальные различия, характеризующие личность свидетеля, настолько расширяют пределы возможных вариаций и различных помех и искажений, что нахождение коэффициентов, если бы оно и было возможно применительно к определенному свидетелю, практически лишено смысла¹.

Внутреннее убеждение, чтобы быть достоверным, должно представлять собой категорический однозначный вывод из материалов дела, не допускающий никаких сомнений. Отсутствие сомнений в правильности наших знаний, выводов и решений обязательно для внутреннего убеждения. При этом сомнение нужно понимать двояко: как логическую возможность при наличии данных утверждать нечто несовместимое с высказанным положением и как психическое переживание неуверенности в его правоте. Сомнение есть состояние колебания нашей мысли между утверждением и отрицанием каких-либо фактов или какой-либо связи между ними. Такое колебание нашего сознания между различными возможностями обычно имеет эмоциональную окраску.

В психологической науке о сомнении говорится, что это сложное психическое состояние включает «сознание недоказанности, неубедительности, переживание неудовлетворенности тем, что выдается за истину, за решение поставленной задачи»².

В процессе доказывания сомнения играют положительную роль, побуждая исследователя к поискам новых данных, позволяющих перейти от вероятного к достоверному знанию. Но при итоговой оценке наличие сомнений, свидетельствуя об отсутствии внутреннего убеждения, делает невозможным принятие позитивного решения по делу. Теорией доказательств сформулировано поэтому правило, что «сомнения толкуются в пользу обвиняемого».

Эту формулу нужно понимать в том смысле, что сомнения в процессе доказывания должны быть устранены путем дополнительного собирания доказательств, а если дальнейшее исследование бесперспективно, то при итоговой оценке

---

¹ Подробнее см. А. Р. Ратников, Судебная психология для следователей, М., 1967.

² Н. Д. Левитов, О психических состояниях человека, М., 1964, стр. 92.

доказательств сомнительный факт обвинительного характера считается неустановленным¹.

Говоря о сомнениях при оценке доказательств, мы подошли вплотную к одной из важных сторон внутреннего убеждения. Убеждение как отношение субъекта к своим знаниям, выводам и решениям, как чувство уверенности, убежденности — по существу психологическая категория. Слово «внутреннее» подчеркивает ее психологическую сущность.

Чувство уверенности и противоположное чувство сомнения являются эмоциями, которые называют интеллектуальными. Интеллектуальные эмоции или переживания входят как составная часть в сознательную жизнь человека и играют важную (хотя и не основную) роль в любой познавательной деятельности.

Переживания, как и знания, составляют одну из сторон сознания. Знания и переживания неразрывно связаны, взаимно проникают друг в друга. Профильтрованные через личный опыт, знания соотносятся с потребностями и интересами человека, вызывают к себе определенное отношение, приобретают известный смысл и значение. «Все высшие чувства (речь идет об интеллектуальных эмоциях. — Авт.) — это оценочные переживания, хотя бы человек и не осознавал тех норм, которые фактически лежат в основе его оценок»².

Однако не всякое знание становится убеждением. Там, где непосредственно не затрагиваются чьи-либо интересы, не происходит борьбы мнений, столкновения различных тенденций, знания не переживаются человеком, не вызывают к себе эмоционального отношения. Если же от конкретного знания зависит решение определенных жизненных проблем, если это знание оказывается в центре борьбы различных интересов, как это бывает в уголовном судопроизводстве, то человек, обладающий знанием и осознающий свою заинтересованность в нем, принимает его в качестве «своего» и проникается решимостью действовать соответствующим образом.

Убеждение как продукт взаимодействия разума, чувств и воли не просто мысль, правильный взгляд, а эмоционально окрашенная иногда страстная идея, внутренняя сила, регулирующая и направляющая человеческое поведение. Таким образом, внутреннее убеждение, например, следователя — это, во-первых, знание, во-вторых, вера в правильность этого знания и, в-третьих, волевой стимул, побуждающий к определенным практическим действиям.

¹ См. И. Л. Петрухин, О толковании сомнений в пользу обвиняемого, «Вопросы предупреждения преступности», вып. 2, 1965.

² «Психология», под ред. А. А. Смирнова и др., М., 1962, стр. 404. См. также Е. В. Шорохова, Проблемы сознания в философии и естествознании, М., 1961, стр. 258.

Указание закона на оценку доказательств по внутреннему убеждению предполагает в качестве обязательного условия такое психическое состояние исследователя, которое характеризуется отсутствием всяких сомнений, уверенностью в правильности достигнутых знаний, принятых решений и выполненных действий. Наличие убежденности служит тем самым нравственно-психологической гарантией правильного разрешения уголовных дел.

Следует, однако, категорически отвергнуть все попытки трактовать это состояние как иррациональное, не поддающееся разумному контролю¹.

Свободу внутреннего убеждения нельзя понимать как прозвол, как личное, ни на чем не основанное и ни от чего не зависящее усмотрение. Внутреннее убеждение должно быть правильным и полным отображением в голове следователя (судьи) объективно существующих обстоятельств уголовного дела. В этом смысле внутреннее убеждение, будучи результатом оценки доказательств, служит субъективным выражением объективной истины.

Внутреннее убеждение, как состояние уверенности в правильности своих выводов, должно опираться на достаточную совокупность всесторонне, полно и объективно рассмотренных доказательств. В противном случае оно превращается в самоуверенность, бездоказательную и бесконтрольную убежденность, далекую от объективной истины. Обоснованность внутреннего убеждения составляет неотъемлемое его свойство, подчеркнутое в самом законе.

Теорией и практикой выработаны требования, которым должно удовлетворять в смысле обоснованности внутреннее убеждение как результат оценки доказательств. Оно должно основываться: а) на доказательствах, собранных в установленном законом порядке; б) на доказательствах, проверенных и рассмотренных в установленном законом порядке; в) на рассмотрении каждого из доказательств отдельно и всех в совокупности²; г) на всестороннем, полном и объективном рассмотрении мате-

¹ Характерная для буржуазных ученых субъективно-идеалистическая трактовка внутреннего убеждения была внесена в нашу литературу А. Я. Вышинским, который писал о неподконтрольности этой «интимной сферы» («Проблемы оценки доказательств в советском уголовном процессе». «Социалистическая законность» 1936 г. № 7, стр. 34). Ссылаясь на его авторитет, аналогичные положения высказывали и другие авторы (см., например, Н. Н. Полянский, Оценка доказательств вышестоящим судом в уголовных делах, «Советское государство и право» 1951 г. № 7, стр. 31).

² В литературе правильно отмечается «сквозной» характер требования оценки доказательств в совокупности, несводимость его только к оценке доказательств судом в совещательной комнате (см. И. И. Мухин, Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия, Л., 1971, стр. 147).

риалов дела; д) внутреннее убеждение должно быть обосновано имеющимися доказательствами так, чтобы представлять собой единственно возможный вывод из материалов дела.

Все это лишает внутреннее убеждение безотчетности и бесконтрольности.

Подавляющее большинство советских авторов, говоря о внутреннем убеждении, правильно подчеркивают недопустимость понимания его как безмотивной уверенности. С этим положением несовместимо признание внутреннего убеждения критерием оценки доказательств, что неизбежно приводит к субъективно-идеалистической его трактовке. Многие буржуазные психологи, начиная от Юма, видели в чувстве уверенности критерий правильности человеческих суждений и принимаемых решений.

К сожалению, взгляд на внутреннее убеждение как критерий оценки доказательств длительное время был весьма распространен в советской процессуальной литературе¹.

При этом игнорировалось то обстоятельство, что критерий (показатель) должен лежать вне субъекта, а не внутри его. Как бы ни трактовать формулировку «внутреннее убеждение — критерий оценки доказательств», она выражает ту мысль, что правильность оценки доказательств проверяется субъектом через его же психическое состояние — убеждение. В результате объективный критерий заменялся субъективным; игнорировалось, что внутреннее убеждение может быть и неправильным. Иными словами, предавалось забвению исходное положение теории познания о практике как критерии истины. Ему по существу противопоставлялся ничем не ограниченный субъективизм.

Несмотря на большое количество оговорок, защита субъективного критерия оценки доказательств вынуждает толковать внутреннее убеждение как «живое чувство правды», которое одно только ведет к истине через всю массу фактического материала.

Понимая, что убеждение может быть как истинным, так и ложным, отдельные авторы утверждают, будто только истинное знание является действительно внутренним убеждением, ошибочная же уверенность таковым не является, а представляет собой впечатление, ошибочно принимаемое за внутреннее убеждение².

Однако замена терминов не спасает положения, ибо, очевидно, что и в том, и в другом случае речь идет о состоянии сознания и только. И заблуждение может быть убеждением. Дело не в том, как его назвать, а в том, как его распознать,

¹ См. М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства, М., 1955, стр. 123.

² П. О. Недбайло, Внутреннее убеждение судей и социалистическая законность, «Дальнейшее развитие советской демократии и укрепление социалистической законности», М., 1958, стр. 33.

определить. Для этого необходим объективный критерий, каковым и является практика в широком смысле слова. Известное ленинское положение о том, что точка зрения жизни, практики является определяющей при оценке истинности выводов¹, в полной мере распространяется на внутреннее убеждение при оценке доказательств в уголовном процессе.

Ошибкой некоторых процессуалистов является также определение внутреннего убеждения не как результата познания сущности явлений, а как продукта воздействия на психику внешних сторон события.

«Судьи, — пишет А. Л. Ривлин, — признают данное доказательство достоверным или недостоверным, имеющим то или иное значение для данного дела в зависимости от того, убеждает ли оно их в своей достоверности»².

Между тем убедительность как способность доказательства воздействовать определенным образом на сознание не всегда отражает объективные качества доказательства. Убедительными и впечатляющими нередко выглядят такие данные, которые вызывают неверное представление о том или ином событии. Например, признание обвиняемым своей вины или опознание потерпевшим подозреваемого, будучи очень убедительными, могут не соответствовать действительности. Поэтому перенос центра тяжести на психологическую способность доказательств убеждать без рассмотрения их подлинной сущности представляется опасным.

Правильность оценки доказательств определяется не степенью их воздействия на исследователя, а обоснованностью этой оценки, предполагающей необходимость анализа данных о процессе формирования каждого доказательства, анализа его содержания, изучения его связей с другими доказательствами и т. д.

Признание практики критерием истины в уголовном процессе ни в коей мере не означает отрицания или хотя бы умаления значения внутреннего убеждения. Наоборот, только правильное использование этого критерия в уголовном процессе может подвести под внутреннее убеждение научную базу, устранить разрыв между объективным и субъективным в этой области.

Указание закона на оценку доказательств по внутреннему убеждению в полной мере распространяется на все оценочные операции, как на ту часть оценки, которая состоит в установлении фактических обстоятельств дела, определении достоверности и достаточности доказательств, так и на ту часть оценки, которая предшествует ранее названной и состоит в решении

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 102.

² А. Л. Ривлин, Пересмотр приговоров в СССР, М., 1958, стр. 207—213; Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 73.

вопроса об их допустимости и относимости. В частности, установление допустимости включает в себя оценку способа получения доказательства, не отделенного от всего процесса его возникновения (например, формирование свидетельского показания как на стадиях, предшествующих допросу, так и в процессе расследования и на последующих этапах свидетельствования). Изучение этих обстоятельств и их оценка при решении вопроса о допустимости доказательств ничем не отличаются от исследования и оценки иной фактической информации по делу. Точно так же решение вопроса о связи и способности каких-либо фактических данных служить доказательствами иных, искомых фактов (т. е. оценка относимости доказательств) представляет собой такую же задачу, как и определение достаточности тех или иных фактических данных. Все это разные стороны единого акта оценки доказательств, в котором внутреннее убеждение в том значении, как оно определяется выше, играет равновеликую роль.

§ 4. РОЛЬ ЗАКОНА И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ ПРИ ОЦЕНКЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивая доказательства по своему внутреннему убеждению, обязаны руководствоваться законом и социалистическим правосознанием (ст. 17 Основ).

Значение уголовно-процессуального закона в оценке доказательств состоит в том, что он:

а) закрепляет и делает обязательными методологические правила оценки доказательств (оценка по внутреннему убеждению; требование всесторонности, полноты и объективности; требование оценивать совокупность доказательств и запрет основывать обвинительные выводы по делу на одних лишь показаниях обвиняемого; необходимость руководствоваться при оценке доказательств социалистическим правосознанием и др.);

б) вводит специальные гарантии, ограждающие свободу и независимость внутреннего убеждения субъектов, оценивающих доказательства (тайна совещательной комнаты, право судьи на особое мнение, право прокурора отказаться от обвинения или изменить предмет обвинения в суде, право следователя не согласиться с указаниями прокурора по вопросам, требующим оценки собранных по делу доказательств, и др.);

в) устанавливает обязательные правила собирания и исследования доказательств, являющиеся основными требованиями, которые предъявляются к доказательству с точки зрения его допустимости, определяя в общем виде предмет доказывания по

уголовным делам, дает основу для решения вопроса об относимости доказательств;

г) устанавливая реквизиты процессуальных документов, в которых подводятся итоги доказывания на разных стадиях процесса (обвинительное заключение, приговор и т.д.), обязывает следователя и суд письменно анализировать имеющиеся в деле доказательства, приводя основания, по которым доказательства должны быть приняты или отвергнуты.

Важное значение для правильной оценки доказательств имеет указание процессуального закона, что никакие доказательства для следователя, прокурора и суда не могут иметь заранее установленной силы. В частности, это относится к показаниям обвиняемого. Чтобы предотвратить возможность их переоценки, закон устанавливает, что признание обвиняемым своей вины само по себе не может быть достаточным основанием для обвинения. Оно должно быть подтверждено совокупностью других имеющихся в деле доказательств и лишь при этом условии может быть использовано для обоснования обвинения.

Не считаются «лучшими» по сравнению с другими доказательствами и заключения экспертов, хотя они и основаны на данных науки. Закон специально устанавливает право следователя, прокурора и суда мотивированно отвергнуть заключение эксперта, если оно неправильно или недостаточно обоснованно (ст. 80 УПК РСФСР).

В развитие принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению закон устанавливает, что приговор суда должен быть мотивирован (ст. 301 УПК РСФСР), и требует, чтобы в приговоре указывались «доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства» (ст. 314 УПК РСФСР). Выводы суда о виновности должны опираться только на тщательно проверенные данные, достоверность которых не вызывает сомнений. «Обвинительный приговор должен быть постановлен на основе достоверных доказательств, когда по делу исследованы все возникающие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и оценены.

Все сомнения в отношении доказанности обвинения, если их не представляется возможным устранить, толкуются в пользу подсудимого»¹.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1969 г. «О судебном приговоре» («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970», М., 1970, стр. 519).

В литературе высказано мнение, что правило о толковании сомнений носит самостоятельный характер, что речь должна идти о дополнении этим правилом закона (В. Г. Заблоцкий, О соотношении требований обоснованности и истинности обвинительного приговора с правилом о толковании сомнений в пользу подсудимого, «Вопросы борьбы с преступностью», Иркутск, 1970, стр. 100). Думается, однако, что оно прямо выводится из ст. 309 УПК РСФСР.

При оценке доказательств значимы нормы не только уголовно-процессуального, но и уголовного закона. В частности, нельзя установить, могут ли служить основой для вывода о предмете доказывания (его элементах) фактические данные, установленные по делу, не опираясь как на уголовно-процессуальный закон (нормы о предмете доказывания), так и на уголовный закон. Определенную роль при оценке доказательств играют и нормы других отраслей права, раскрывающие содержание бланкетных диспозиций (нарушение правил безопасности движения и техники безопасности, правил несения воинской службы и т. п.)¹.

Если роль закона представляется достаточно ясной, то значительно сложнее обстоит дело с вопросом о значении социалистического правосознания, как идеологическом и психологическом факторе, воздействующем на процесс доказывания и формирования внутреннего убеждения. Более того, этот вопрос оказался камнем преткновения для многих исследователей.

Прежде всего несовершенным был в ряде случаев сам подход к освещению роли социалистического правосознания в процессуальной деятельности. Отправляясь от правильного положения о влиянии идеологии на познание, комментаторы ст. 17 Основ обычно не рассматривали механизма этого влияния, а воспроизводили общие положения о правосознании. Это затрудняло правильное понимание роли правосознания в данной области общественных отношений, в уголовно-процессуальной деятельности.

Между тем правосознание представляет собой систему воззрений и установок, относящихся к различным областям права и правоотношений². В конкретных исследованиях следовало бы говорить о социалистическом правосознании применительно к сфере гражданского или уголовного права, гражданского или уголовного процесса и т. д. В указанном смысле надлежит рассматривать и «уголовно-процессуальное» правосознание, куда наряду с общеправовыми идеями и принципами (они разлиты по всем сферам правового сознания) входит совокупность специфических взглядов и оценок, относящихся к явлениям и институтам только процессуального права.

Вопреки этому вопрос о роли правосознания при выяснении фактических обстоятельств дела и оценке доказательств по внут-

¹ Мы ограничиваемся самой краткой характеристикой роли закона в формировании внутреннего убеждения, ибо обстоятельное рассмотрение этого вопроса привело бы к пересказу и комментированию отдельных положений доказательственного права, каждое из которых является направляющим при оценке доказательств.

² О понятии установки см. В. В. Водзинская, Понятие установки, отношения и ценностной ориентации в социологическом исследовании, «Философские науки» 1968 г. № 2, стр. 50—54; Г. А. Смирнов, Советский человек, М., 1971, стр. 50—52; Д. Н. Узнадзе, Основные положения теории установки, Тбилиси, 1961, и др.

ренному убеждению А. Я. Вышинский подменил вопросом о юридической и политической квалификации исследуемого события. Значение социалистического правосознания и внутреннего убеждения, как он утверждал, связано не с задачей установления фактов, а с определением общественной опасности преступления, оценкой допустимости или недопустимости деяния с точки зрения интересов социализма и т. п.¹

В результате подобного перенесения вопроса в область уголовного права правосознание оказалось как бы вычеркнутым из процессуальной сферы. Обходилось молчанием то положение, что в каждой области правоотношений социалистическое правосознание исходит из задач и отражает принципы соответствующей отрасли права. Правовое сознание в сфере уголовного процесса должно исходить из задач советского уголовного судопроизводства. Отражая демократические принципы советского уголовного процесса, воплощая прогрессивные идеи и эффективные для достижения истины положения советского доказательственного права, социалистическое правосознание, безусловно, несовместимо с необоснованностью и незаконностью действий и решений следователя и суда, фальсификацией доказательств и иными подобными явлениями.

Содержание внутреннего убеждения судьи, прокурора или следователя относительно того или иного факта определяется в конечном счете конкретными обстоятельствами дела, отраженными в сознании фактами. Однако никакой акт человеческого сознания (в том числе и оценка доказательств) был бы невозможен, если бы каждый раз все содержание сознания субъекта исчерпывалось только отражением изучаемого события. Познавая конкретное явление и оценивая результаты своей мыслительной деятельности, человек использует ранее приобретенные сведения об окружающей его действительности, в которых воплощается результат как его личного опыта, так и исторического развития человеческого познания в целом. Чем обширнее запас знаний человека и чем глубже эти знания, тем более правильной будет и оценка им каждого нового явления. Это, разумеется, целиком относится и к оценке доказательств.

Итак, если оценка доказательств по внутреннему убеждению непосредственно основывается на рассмотрении конкретных обстоятельств дела, то необходимой предпосылкой возможности и правильности этой оценки служит содержание сознания оценивающего субъекта, т. е. судьи, следователя, прокурора.

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств, М., 1950, стр. 179. См. Л. Т. Ульянова, Оценка доказательств судом первой инстанции, М., 1959, стр. 76—77; Ц. М. Каз, Доказательства в советском уголовном процессе, Саратов, 1960, стр. 55; М. Л. Якуб, Демократические основы советского уголовно-процессуального права, М., 1960, стр. 134, и др.

Но сознание отдельной личности, если отвлечься от его специфических, индивидуальных черт, является по сути своей сознанием общественным, поскольку всякий индивид является продуктом общественных условий жизни своего времени. Общественное сознание существует и проявляется в различных формах. Одна из них — социалистическое правосознание — представляет собой совокупность идей, понятий и представлений Коммунистической партии и всего советского народа о праве и законности, а также эмоций, привычек, установок советских людей, связанных с правовыми явлениями.

Социальная действительность отражается в сознании людей, во-первых, в виде различных продуктов ее познания и, во-вторых, в виде различных отношений к этой действительности. В зависимости от способа отражения правовых явлений в структуре правосознания выделяются познавательная часть (знания, идеи) — ее можно назвать правовоззрением, и социально-психологическая (переживания, установки и пр.) или правовая психология.

Общепризнано различие рационально-познавательных и социально-психологических элементов, но не всегда это деление распространяется на конкретные виды общественного сознания. Между тем различный характер отражения социальных явлений в идеологии и общественной психологии прослеживается повсеместно. Так, религия — это не только религиозное учение, совокупность представлений о божественном, но и вера в божественное, религиозные чувства, обряды и пр.

Разделение этих структурных образований в правосознании чаще всего ограничивалось вычленением правовой идеологии. Внимание к мировоззренческой стороне вполне оправдано той ведущей ролью, которую выполняет идеология во всех областях общественного сознания, в том числе и в правовой сфере. Отражение действительности в виде взглядов и идей сквозь призму классовых интересов служит руководством в борьбе за эти интересы, а в социалистическом обществе — защите общенародных интересов, выраженных в марксистской правовой доктрине.

Но отражение правовой действительности в рациональной форме не исчерпывается правовой идеологией.

Широко известны указания основоположников марксизма о наличии внеклассовых правил человеческого общежития, простых и всеобщих норм поведения, источником которых являются те стороны в условиях труда и быта, в элементарных основах общественной жизни, которые не сводимы к классовым отношениям, а органически связаны с условиями существования любого общества.

Многие правила такого рода, признаваемые (хотя бы на словах) почти всеми социальными группами, зафиксированы в юридических пословицах и поговорках, отражающих многовековой

этит чело...
и справедлив...
ия (повинну...
и другая стор...
й сфере гр...
ские сведения...
данные юридич...
ределений, уч...
слетены с иде...
Психологичес...
психологию дел...
менительно к...
уровня сознания...
тельного образ...
нию в силу этог...
Общественная...
безыдейна. Она...
правовоззренческ...
взглядов, предст...
лов, установок, ...
В этом и состоят...
Определяя основ...
гия становится...
даря ей!
В содержани...
ставления об...
права, их значе...
действующего...
ческое отноше...
ливости, привь...
изволу и безза...
права. Социал...
ляется регулято...
сознания и сти...
Высокоразви...
не только в с...
ческий смысл...
умении созна...
лания требован...
Следует ска...
в регулировании...
в различных ус...

1 См. А. К. У...
А. Р. Ратин...
права», вып. 1

опыт человечества. Это — суждения о должном и сущем, о праве и справедливости — одно из выражений народного правосознания («повинную голову меч не сечет», «пусть будет выслушана и другая сторона» и т. п.).

К сфере правовых воззрений относятся и технико-юридические сведения, знания действующего права и его оценки, а также данные юридической науки, выраженные в форме понятий, определений, учений, теорий, в которых внеклассовые элементы сплетены с идеологическими.

Психологическую сторону правового сознания или правовую психологию нельзя рассматривать, как это часто делается применительно к общественной психологии, в качестве низшего уровня сознания, стихийного, поверхностного и даже бессознательного образования, сама принадлежность которого к сознанию в силу этого весьма сомнительна.

Общественная психология отнюдь не иррациональна и не безыдейна. Она обязательно включает в себя идеологические правовоззренческие компоненты, но не в форме теорий, идей, взглядов, представлений, а в виде убеждений, верований, идеалов, установок, привычек, традиций, отношений и переживаний. В этом и состоит различие способов отражения правового бытия. Определяя основное содержание правовой психологии, идеология становится действенной или бездейственной именно благодаря ей¹.

В содержание социалистического правосознания входят представления об основополагающих принципах социалистического права, их значении для развития Советского государства, знание действующего законодательства, его оценка, а также психологическое отношение к праву, выражающееся в чувстве справедливости, привычке к равноправию и свободе, отвращении к произволу и беззаконию, стремлении к восстановлению нарушенного права. Социалистическое правосознание именно потому и является регулятором правового поведения, что выражает единство сознания и отношения советских людей к праву и законности.

Высокоразвитое социалистическое правосознание проявляется не только в способности человека правильно понимать юридический смысл общественных отношений и событий, но и в его умении сознательно подчинять свои субъективные оценки и желания требованиям права.

Следует сказать, что роль социалистического правосознания в регулировании общественных отношений не была одинакова в различных условиях, она исторически менялась. В первые годы

---

¹ См. А. К. Уледов, Структура общественного сознания, М., 1969; А. Р. Ратиков, Структура и функции правового сознания, «Социология права», вып. 1, Вильнюс, 1970.

Советской власти социалистическое правосознание трудящихся не только выражалось в законах, но и дополняло законы, выступая непосредственной основой правового регулирования тех общественных отношений, которые не были урегулированы нормативными актами. В известной (хотя и в меньшей) степени правосознание судей выступало как дополнение закона и в тот период, когда советскому уголовному праву был известен институт аналогии.

В современных условиях развитой правовой регламентации общественных отношений и полного отказа от уголовно-правовой аналогии социалистическое правосознание применительно к уголовному судопроизводству полностью утратило функцию «дополнения закона». Для правильной оценки доказательств необходимо знать и понимать содержание юридических норм, основываться при их толковании на общих принципах социалистического права, неукоснительно и строжайше соблюдать законность, решительно отвергать всякие критерии оценки относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, не совместимые с социалистическим правом и коммунистической нравственностью.

Социалистическое правосознание судьи, следователя и других участников процесса включает в себя как часть своего содержания знание действующего законодательства. В этом смысле руководствоваться при оценке доказательств социалистическим правосознанием означает то же самое, что и руководствоваться законом¹.

Однако содержание правосознания, как было сказано, не исчерпывается представлениями о конкретных правовых нормах. Оно включает в себя и основополагающие идеи и принципы социалистического права, и отношение людей к правовым явлениям, к законности. Только единство всех этих сторон составляет правосознание.

Подобно другим сферам общественного сознания, социалистическое правосознание неотрывно от политического сознания советских людей и коммунистической морали, обладает политическим и нравственным содержанием.

Если значение познавательной, гносеологической стороны правосознания для оценки доказательств достаточно очевидно,

---

¹ Ограничительное понимание правосознания только как знания действующего права привело к ошибочной идее об излишнем якобы указании в законе на социалистическое правосознание, которым должен руководствоваться субъект оценки доказательств при формировании внутреннего убеждения (Г. М. Резник, Оценка доказательств по внутреннему убеждению. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969). Ошибка автора состоит в том, что он отождествил один из аспектов понятия правосознания со всем понятием.

что разобраться в той роли, которая принадлежит в этом процессе идеологической стороне правосознания, сложнее. Трудность усугубляется той путаницей, которую вносят в вопрос оценки доказательств буржуазные процессуалисты. По их мнению, любая идеология может только повредить объективности оценки, принося в оценку доказательств ненавистный буржуазным ученым дух открытой партийности.

В действительности оценка любого социально значимого факта, затрагивающего интересы людей, всегда дается с позиций определенной идеологии, определенного мировоззрения. Все рассуждения о том, что этого «не должно быть», — пустая абстракция, отвлечение от того, что каждый следователь, каждый судья (как и любая система права) исходит из определенных классовых, социальных интересов. Софизм буржуазных юристов, отождествляющих всякую идеологию с извращенным, необъективным толкованием общественных фактов, заключается в игнорировании того, что в зависимости от исторической роли класса его идеология может быть либо научной, либо антинаучной.

В отличие от буржуазного правосознания, оправдывающего капитализм и поэтому вступающего, как и вся буржуазная идеология, в противоречие с объективным познанием действительности, социалистическое правосознание есть форма идеологии нового общества, интересы которого полностью соответствуют объективным законам исторического развития. Как и вся марксистско-ленинская идеология, социалистическое правосознание не затрудняет, а способствует достижению объективной истины, служит одним из необходимых условий правильного познания фактов социальной действительности, объективной оценки поступков людей.

Как именно выполняет правосознание свою роль в процессе оценки доказательств?

Оценивая, скажем, достоверность показаний свидетеля, советский суд никогда не исходит из национальных, расовых, имущественных различий между свидетелями, из того, кто свидетель — мужчина или женщина. При этом убеждение, например, в равноценности показаний мужчины и женщины, лиц различной национальности есть по существу идеологическое убеждение. Ясно, что правильная оценка достоверности показаний в этих случаях основана не только на знании судьей такого требования закона, но и на его искренней убежденности в том, что женщина должна обладать действительным равноправием, что расовая и национальная принадлежность свидетеля ни в коей мере не влияет на его нравственный облик. Если судья думает иначе, то он не сумеет объективно оценить достоверность показаний.

Нередко статьи Особенной части Уголовного кодекса содержат понятия, которые представляются достаточно ясными, но не имеют определения в законе. Так, ст. 38 УК РСФСР

устанавливает, что при назначении наказания суд может признать смягчающими ответственность и не указанные в законе обстоятельства. Естественно, что для правильного определения предмета доказывания в этих случаях, для оценки относимости и значения доказательств, устанавливающих подобные обстоятельства, следовательно, прокурор и судья должны обладать развитым социалистическим правосознанием.

Социалистическое правосознание своей идеологической стороной входит в единое марксистско-ленинское мировоззрение, и именно через правосознание, коммунистическое мировоззрение участников процесса оказывает влияние на оценку доказательств. Вместе с тем, стимулируя достижение истины, оно это делает не автоматически, а опосредствованно, формируя стойкую тенденцию исследователя к правде, законности и справедливости. Здесь правосознание действует также своей психологической стороной, как правовая психология следователя и судьи.

Представляется явным упрощением распространенная мысль о том, что соотношение социалистического правосознания и внутреннего убеждения есть отношение общего и частного¹.

При таком подходе получается, что исследователь, обладающий социалистическим правосознанием, при любом, даже ошибочном решении по делу, располагает и необходимым внутренним убеждением. Такая замена внутреннего убеждения правосознанием может стать оправданием бездоказательных решений.

Неправильное определение роли социалистического правосознания привело некоторых авторов к тому, что правосознание было объявлено критерием оценки доказательств². С этим нельзя согласиться, так как устранение объективного критерия, каковым, как уже отмечалось, является практика, методологически ошибочно. Проведение этой точки зрения в жизнь привело бы к тому, что следователь и судья для проверки своего внутреннего убеждения вынуждены были бы искать ответа опять-таки в своем собственном сознании, замыкаясь тем самым в порочном кругу. Нельзя рассматривать социалистическое правосознание и в качестве основы внутреннего убеждения. Считая внутреннее убеждение критерием оценки доказательств, некоторые авторы, чтобы придать этому «критерию» какие-то объективные черты, утверждали, будто внутреннее убеждение потому объективно, что оно основано, во-первых, на социалистическом правосозна-

¹ М. С. Строгович, О социалистическом правосудии, «Советское государство» 1937 г. № 5, стр. 140; А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств, М., 1950, стр. 181; Н. Н. Полянский, Вопросы теории советского уголовного процесса, М., 1956, стр. 174.

² См., например, Э. Ф. Куцова, Советская кассация как гарантия законности в правосудии, М., 1957, стр. 108.

нии и, во-вторых, на совокупности объективных фактов, установленных по делу¹.

Не повторяя того, что уже сказано о неспособности внутреннего убеждения как субъективного фактора служить критерием оценки доказательств, отметим, что и правосознание, оставаясь достоянием человеческого сознания, отнюдь не является объективной основой внутреннего убеждения. Такой основой служит только совокупность фактических данных, собранных по делу доказательств.

Что же касается правосознания, то оно вообще не является основой внутреннего убеждения, а влияет на его формирование в качестве идеологического и психологического фактора более отдаленно. Если же правосознание рассматривать в качестве непосредственной основы внутреннего убеждения наряду с доказательствами, то нужно будет признать равную роль и значение конкретных фактических данных и правосознания. А если идти еще дальше — то и возможность замены одного другим, возмещения недостающих доказательств «правосознанием» следователя.

Между тем неправильно понятые общественные интересы могут привести (а иногда фактически приводили) к признанию ложных или отрицанию действительных фактов и в конце концов к неправосудным решениям. Потому-то основным требованием социалистического правосознания в области судопроизводства является обязательное установление истины по делу и правильное, справедливое его разрешение.

Всякое искажение истины и отступление от закона, под каким бы предлогом оно ни происходило, противоречит интересам Советского государства, коммунистической идеологии, правдивости и правосознанию.

---

¹ М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 112—114. См. также П. Е. Недбайло, Внутреннее убеждение судей и социалистическая законность, «Дальнейшее развитие советской демократии и укрепление социалистической законности», М., 1958, стр. 37.

ГЛАВА VIII

СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

§ 1. ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ДОКАЗЫВАНИЯ

Субъекты доказывания — это органы и лица, играющие в доказывании не разовую или эпизодическую, а постоянную, длительную роль (хотя бы в пределах одной стадии процесса), то есть: а) осуществляющие доказывание (собирающие, проверка, исследование, оценка доказательств) и ответственные за него, б) имеющие право на активное и продолжительное участие в процессе доказывания для отстаивания своих или представляемых интересов, охраняемых законом.

Остальные субъекты процессуальных прав и обязанностей (не субъекты доказывания) могут играть в доказывании вспомогательную или эпизодическую роль, не обладая при этом собственным процессуальным интересом. Это: лица, играющие вспомогательно-техническую роль в доказывании (перевод, ведение протокола, оказание технической помощи следователю в изъятии вещественных доказательств, удостоверение протоколов); лица, являющиеся источниками сведений о фактах (доказательствах), ими воспринятых¹ или установленных на основе специальных познаний; органы и лица, к которым обращены разовые процессуальные требования следователя, прокурора, суда, направленные на получение доказательств, или которые осуществляют разовое же представление их по своей инициативе.

Предложенная классификация изображена на схеме (см. стр. 495).

К субъектам доказывания следует в первую очередь отнести государственные органы, ответственные за уголовное дело на каждой стадии уголовного процесса (на схеме — группа I).

Указанные органы отличаются от других лиц и органов, участвующих в доказывании, следующими существенными признаками:

1) будучи представителями государственного, публичного интереса в доказывании, они в пределах каждой стадии процесса

¹ Некоторые из них являются и субъектами доказывания (подозреваемые, обвиняемые, потерпевшие).

Субъекты уголовного-процессуальных прав и (или) обязанностей	I	II	III	IV	V
Субъекты доказывания	I	II	III	IV	V
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI
I	II	III	IV	V	VI

Субъекты уголовно-процессуальных прав и (или) обязанностей

Иные субъекты, привлекаемые к доказыванию

Субъекты доказывания

I	II	III	IV	V
Органы, ответственные за дело	Лица и органы с собственным (представляемым) законным интересом	Лица, играющие подсобно-вспомогательную роль в доказывании	Лица — источники сведений о фактах	Лица и органы, выполняющие разовые требования в связи с доказыванием
Орган дознания	А	Секретарь судебного заседания	Свидетели	Лица, у которых производилась выемка или обыск
Лицо, производящее дознание	Прокурор в суде	Переводчики	Эксперты	Опознаваемые
Следователь	Б	Специалисты	Потерпевшие	Лица, на переписку которых наложен арест
Начальник следственного отдела	Общественный обвинитель	Понятые	Подозреваемые	Владельцы помещений, в которых производится осмотр и следственный эксперимент
Прокурор в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования	В		Обвиняемые	Руководители учреждений, предприятий, организаций, должностные лица, граждане, к которым обращено требование о представлении предметов и документов. Те же лица, представляющие предметы, документы по своей инициативе.
Суд	Потерпевший			Руководители экспертных учреждений
	Представитель потерпевшего			Руководители оперативно-розыскных органов
	Гражданский истец			Представители домоуправления, местного Совета или учреждения по месту производства обыска
	Представитель гражданского истца			Лица, хранящие имущество, на которое наложен арест, и веществ. доказательства
	Г			Работники почты и телеграфа при наложении ареста на корреспонденцию
	Подозреваемый			
	Обвиняемый			
	Защитник			
	Общественный защитник			
	Законный представитель обвиняемого			
	Гражданский ответчик			
	Представитель гражданского ответчика			

ответственны за достижение его целей. Органы государства, ответственные за уголовное дело, обязаны обеспечить соблюдение социалистической законности в доказывании, объективность, полноту, всесторонность исследования обстоятельств дела, реализацию принципов доказательственного права на соответствующей стадии процесса;

2) как представители публичного интереса они являются субъектами обязанности доказывания в смысле собирания, проверки, исследования и оценки доказательств;

3) только органы государства, ответственные на каждой стадии процесса за уголовное дело, выполняют функцию всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела и принятия решения по делу (передача дела в следующую стадию процесса или его окончательное разрешение);

4) как представляющие публичный интерес в доказывании, субъекты доказывания I группы наделяются властными полномочиями.

Они, и только они, — органы применения норм процессуального (доказательственного) и материального права. Они обязаны устанавливать (признавать существующими) юридические факты, указанные в нормах доказательственного права и тем самым порождающие возникновение, изменение и прекращение процессуальных правоотношений в области доказывания.

Важным признаком субъектов доказывания I группы является их обязательное участие в правоотношениях, возникающих в процессе доказывания.

Реализация правоотношений в области доказывания путем применения в необходимых случаях мер процессуального принуждения, санкций составляет обязанность только органов, ответственных за дело, и этим они тоже отличаются от других лиц и органов, участвующих в доказывании.

Вопрос о круге органов, ответственных за дело (субъектов доказывания I группы), не бесспорен. Представляется, что к ним относятся как лица, производящие дознание, так и органы дознания¹.

При поручении производства предварительного следствия нескольким следователям (ч. 3 ст. 129 УПК РСФСР) всех членов бригады, а не только следователя, принявшего все дело к производству, следует считать субъектами доказывания, хотя объем их работы по делу, как правило, не одинаков.

К субъектам доказывания, хотя и с ограниченной сферой действия, необходимо отнести также следователей и работников дознания, выполняющих процессуальные действия по отдельным поручениям (требованиям).

¹ См. § 3 настоящей главы.

Правами субъекта доказывания обладает и начальник следственного отдела (п. 6-а ст. 34, ст. 127¹ УПК РСФСР)¹.

Прокурор, надзирающий за законностью на дознании и предварительном следствии, является субъектом доказывания в том смысле, что он участвует в проведении следственных действий или проводит их самостоятельно, санкционирует ряд следственных действий, связанных с ограничением прав граждан, оценивает доказательства после окончания предварительного расследования и решает вопрос об их достаточности для вывода о виновности и передачи дела на рассмотрение суда.

Иногда высказывается точка зрения, что к числу субъектов доказывания не следует относить суд, так как он не доказывает заранее выдвинутый тезис. С этим нельзя согласиться. Поскольку в понятие доказывания включена вся процессуальная деятельность по собиранию, закреплению, проверке и оценке доказательств, то, естественно, что субъектом доказывания является и суд.

Роль суда в доказывании состоит в том, что он самостоятельно собирает и исследует имеющиеся в деле и дополнительно представленные доказательства.

Субъектом доказывания является суд как первой, так и кассационной, надзорной инстанции, а также суд, пересматривающий дело по вновь открывшимся обстоятельствам, хотя задачи, характер и объем доказывания на этих стадиях процесса различны.

Субъектами доказывания II группы (см. схему) могут быть как государственные органы (прокурор в суде, гражданский истец и гражданский ответчик — юридические лица), так и граждане (их представители), отстаивающие в уголовном деле соответственно государственный или собственный (представляемый) законный интерес, а равно представители общественности (общественный обвинитель и общественный защитник).

Отличия субъектов доказывания этой группы от органов, ответственных за уголовное дело, состоят в следующем:

1) субъекты доказывания II группы не несут непосредственной и основной ответственности за исследование обстоятельств дела и достижение задач доказывания на данной стадии процесса, хотя их процессуальная деятельность способствует этому;

2) они не являются субъектами обязанности собирания, проверки и оценки доказательств, однако на некоторых из них

---

¹ В. П. Резепов, Субъекты доказывания в советском уголовном процессе, «Вопросы государства и права», М., 1958, стр. 112; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1962, стр. 46; М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 255; он же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 228; М. Л. Якуб, Демократические основы советского уголовно-процессуального права, М., 1969, стр. 118.

может быть возложена обязанность доказывать заранее сформулированный тезис (доказывание виновности обвиняемого прокурором);

3) субъекты доказывания II группы участвуют в процессе доказывания с определенных, заранее обозначенных позиций. Надо отметить вместе с тем, что государственный обвинитель одновременно, как прокурор, осуществляет надзор за законностью.

Однако органу надзора за законностью передко психологически трудно осуществить в ходе судебного разбирательства всесторонний подход к участию в доказывании, поскольку исходным тезисом для этого участия служит обвинительное заключение¹.

По действующему законодательству (ст. 248 УПК РСФСР) прокурор в суде первой инстанции выполняет обвинительную функцию, и этим он отличается от органа, ответственного за дело на данной стадии процесса, — суда;

4) субъекты доказывания II группы не обладают властными полномочиями в доказывании, не являются органами применения права². Они не могут реализовать свою правоспособность в области доказывания без решения органа, ответственного за дело. Эти субъекты не устанавливают юридических фактов, влекущих возникновение и развитие правоотношений, не применяют процессуальных санкций и процессуального принуждения. В их правоотношениях с другими субъектами доказывания обязательно участие органа, ответственного за дело (трехстороннее правоотношение).

При нарушении прав в доказывании они могут заявлять ходатайства, подавать жалобы и т. п., но не обладают возможностью устранить нарушение самостоятельно.

Показав различие между субъектами доказывания I и II групп, необходимо выявить то общее, что их объединяет в единое понятие субъектов доказывания. Тем самым мы одновременно отделим их от других субъектов процессуального права, вовлекаемых в доказывание (группы III, IV, V).

1) Субъекты доказывания II группы, как и органы, ответственные за дело, осуществляют одну из трех основных уголовно-

¹ В литературе высказывалась поэтому мысль о целесообразности разделения функций обвинения и надзора за законностью (И. Л. Петрухин, Об эффективности прокурорского надзора в суде, «Социалистическая законность» 1969 г. № 6, стр. 32, 37; Г. Н. Колбая, Эффективность прокурорского надзора за соблюдением законности в суде, «Советское государство и право» 1970 г. № 8, стр. 118—122; А. И. Долгова, Прокурорский надзор в советском уголовном судопроизводстве. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969).

² О понятии применения права см. § 2 гл. II.

процессуальных функций¹, тогда как остальные субъекты процессуального права, привлекаемые к доказыванию (группы III, IV, V), этих функций не выполняют².

Субъекты подгрупп II-A, II-B, II-B (см. схему) (государственный и общественный обвинитель, потерпевший и т. д.) объединены по тому признаку, что их участие в доказывании под углом зрения личных и представляемых (в том числе публичных) интересов, по общему правилу, усиливает позиции обвинения, служит осуществлению функции обвинения.

Участие в процессе доказывания субъектов доказывания подгруппы II-Г усиливает позиции защиты, служит осуществлению функции защиты (обвиняемый, защитник, гражданский ответчик и т. д.).

2) Субъекты доказывания II группы сближаются с органами, ответственными за дело, и тем, что они делают предметом обсуждения и оценки доказанность обвинения в целом и, таким образом, могут «выразить свое суждение по основным вопросам, составляющим сущность дела»³.

3) К субъектам доказывания II группы относятся только те лица и органы, которые отстаивают в уголовном деле какой-то интерес — публичный, общественный, ведомственный или частный (охраняемый законом). Это отличает их от других лиц и органов, вовлекаемых в доказывание (свидетелей, экспертов, переводчиков и т. д.), не имеющих собственного интереса в доказывании.

---

¹ Следует согласиться в принципе с М. С. Строговичем, что в уголовном процессе существует три основные процессуальные функции — обвинение, защита и разрешение дела («Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 188—192). Однако третью функцию точнее было бы обозначить как всестороннее, объективное и полное исследование обстоятельств дела и разрешение его.

² В уголовно-процессуальной науке употребляется понятие функции как основного направления процессуальной деятельности (М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 188—190). В математике и статистике функция — это изменение переменной величины (признака), которое прямо определяется изменением другой величины (признака), именуемой аргументом (П. Н. Рязанов, Общая теория статистики, М., 1963, стр. 281). С этим значением функции согласуется ее понимание в социологии, где она рассматривается как результат совместного действия ряда факторов, образующих систему (М. А. Парнюк, Детерминизм диалектического материализма, Киев, 1967, стр. 181—183). Если рассматривать уголовное судопроизводство как сложную динамическую систему, а степень достижения его целей — как функцию согласованного действия всех звеньев этой системы, то придется признать, что любой участник процесса выполняет определенную функцию, так как он вносит свой «вклад» в достижение целей судопроизводства. Понятием же основных процессуальных функций охватывается деятельность только тех субъектов процесса, которые осуществляют доказывание.

³ Ц. М. Каз, Субъекты доказывания в советском уголовном процессе, Саратов, 1968, стр. 30.

Особое место занимает в рассматриваемой группе государственный обвинитель, выступающий в суде от имени государства. Вместе с тем высшим носителем и хранителем публичного (государственного) интереса в этой стадии процесса является суд, которому доверено разрешение дела по существу. Поэтому прокурор в суде включен во II группу субъектов доказывания в отличие от прокурора на предварительном следствии, входящего в I группу¹.

Интерес вообще, как и интерес, защищаемый субъектами доказывания, по своему характеру объективен². Он существует и определен законом независимо от того, как его понимает соответствующий субъект доказывания (который может действовать и вопреки своему подлинному интересу). Отсюда возможная разница между законным интересом и интересом конкретного субъекта доказывания³. Выявление подлинных, а не мнимых интересов субъектов доказывания составляет предпосылку законодательного их признания и наделения соответствующих лиц и органов такими процессуальными правами, которые необходимы для отстаивания этих интересов.

Субъекты доказывания I группы — носители государственных интересов.

Процессуальные права субъектов доказывания II группы⁴ есть средства реализации их собственных или представляемых интересов, которые благодаря правовой защите трансформируются в процессуальные интересы.

Так, основной процессуальный интерес потерпевшего и гражданского истца (подгруппа «В» группы II), как он определен законом, состоит в изобличении и наказании преступника. Потерпевший получает от этого моральное, а гражданский истец — материальное удовлетворение. Некоторые потерпевшие и гражданские истцы действуют не в соответствии со своими объективными

¹ Специфично положение прокурора в вышестоящих судах. Однако и там не он, а суд является органом, ответственным за дело.

² Однако, как отмечает Г. В. Мальцев, интерес как объективная категория «не находится полностью за пределами действия субъективных факторов» («Социалистическое право и свобода личности», М., 1968, стр. 94).

По мнению Ю. С. Завьялова, социологически интерес объективен, а психологически — субъективен, так как означает «состояние сознания, направленного внимания и воли на что-то» («Проблема интереса в марксистской теории социалистического права». Автореферат кандидатской диссертации, М., 1968, стр. 7; он же, Критика некоторых буржуазных взглядов на право в свете категории интереса, «Вестник МГУ», Серия «Право», 1967, № 4, стр. 75).

³ Г. В. Мальцев отмечает, что «между действительным, объективным интересом и предполагаемым иногда существует довольно резкое несоответствие, объясняемое неверным, искаженным представлением человека о собственном интересе» (Г. В. Мальцев, упомянутая работа, стр. 103).

⁴ С учетом оговорки, сделанной в отношении государственного обвинителя.

интересам, используя свои процессуальные права для защиты преступников. Но их так немного, что ими можно пренебречь при выявлении и определении в законе интересов «среднестатистического» потерпевшего и гражданского истца¹.

Участие субъектов доказывания подгруппы «Г» группы II в процессе доказывания также осуществляется под углом зрения определенных личных (представляемых) интересов.

Закон охраняет интерес всякого лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, состоящий в естественном желании защититься от необоснованных, с его точки зрения, обвинений или указать смягчающие ответственность обстоятельства. Неизвестно, будет ли признан обвиняемый впоследствии виновным, но до тех пор, пока виновность его не установлена, интерес обвиняемого защитить самого себя признается законным, и для этого вводятся определенные процессуальные гарантии (право на защиту).

Важным признаком субъектов доказывания II группы, вытекающим из ранее рассмотренных признаков, является их активное и продолжительное участие в доказывании. Они представляют доказательства, ведут допрос (с разрешения суда) обвиняемого, свидетелей, потерпевших, ставят вопросы экспертам, осматривают (вместе с судом) вещественные доказательства и документы, оценивают доказательства и обосновывают перед судом выводы, к которым пришли. Тем самым объективно они помогают следователю и суду проверять, собирать, исследовать и правильно оценивать доказательства, отстаивая при этом собственные (представляемые) интересы.

Связь между доказательственной деятельностью органов, ответственных за дело, и субъектов II группы настолько тесна и неразрывна, что те и другие с полным основанием должны быть объединены единым понятием субъекта доказывания.

За пределами этого понятия остаются прочие субъекты процессуальных прав и (или) обязанностей, привлекаемых к доказыванию (группы III—V), о функциях которых говорится применительно к характеристике отдельных действий по собиранию и проверке доказательств.

§ 2. ОБЯЗАННОСТЬ ДОКАЗЫВАНИЯ

Проблема обязанности доказывания в советском уголовном процессе распадается на два связанных между собой вопроса:

а) какие лица и органы и в каком объеме несут эту обязанность

¹ Тем более что доказательственное право предусматривает и необходимые гарантии против неблагоприятного влияния подобного «искривления функций» (дисфункции на языке социологии) на ход доказывания.

и б) какие участники процесса не являются субъектами обязанности доказывания.

С точки зрения обязанности доказывания представляется необходимым разделить всех субъектов доказывания на следующие категории:

1. Лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд, т. е. органы государства, осуществляющие обязанность доказывания в том смысле, что они собирают, проверяют и оценивают доказательства в соответствующих стадиях, всесторонне, полно и объективно исследуют обстоятельства дела¹.

2. Обвиняемый, в отношении которого имеется прямое указание закона, что на нем не лежит обязанность доказывания по уголовному делу.

3. Иные субъекты доказывания с самостоятельными или представляемыми интересами в уголовном деле, которых следует разделить на три группы:

а) лица, отстаивающие в уголовном деле собственные интересы — потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик. Они вправе, но не обязаны что-либо доказывать по уголовному делу². Из этой группы выделен обвиняемый как центральная фигура уголовного процесса;

б) лица, осуществляющие обязанность защищать обвиняемого (адвокаты) или представлять законные интересы иных участников судопроизводства (представители потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика). Эти лица доказывают невиновность обвиняемого, или смягчающие ответственность обстоятельства, либо обстоятельства, лежащие в основе процессуальных требований представляемых ими лиц;

в) общественные обвинители и общественные защитники, а также близкие родственники обвиняемого, иные частные лица, допущенные в качестве защитников, защитники — представители профессиональных союзов или иных общественных организаций; близкие родственники потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, допущенные в качестве их представителей по делу.

В основе деятельности этих лиц в суде лежит моральная обязанность доказывания соответствующих обстоятельств, возложенная на них соответствующим коллективом или вытекающая из родственных (иных личных) отношений с обвиняемым (иным участником процесса).

Ниже будет рассмотрена проблема обязанности доказывания применительно к деятельности указанных выше субъектов доказывания.

¹ О специфике обязанности доказывания прокурора в суде (государственного обвинителя) см. ниже и § 1 гл. VIII.

² Эта характеристика не вполне применима к потерпевшему по делам частного обвинения, о чем будет сказано ниже.

Суд. про
обязаны при
стороннего,
дела, выявля
мого, а так
обстоятельс
доказывания
закона излож
ловном проц
ленная на в
именно п
государства,
а) включает
ности (неви
но и их собо
ствии и суде
невиновности
(ст. 15 Осно
основанием
в) обеспечи
гих участн
гражданско
Таким об
производящ
существо с
объективно
возложено
В литер
понимающа
доказатель
сторонники
представля
вании ме
ния возло
теля. Вис
только к
ность в т
Но ве
ного расс

¹ Таку
доказывани
советского
ская, По
стп 12 -14

Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его ответственность обстоятельства. При этом они не вправе перекладывать обязанность доказывания на обвиняемого (ст. 14 Основ). В этом положении закона изложена суть обязанности доказывания в советском уголовном процессе. В соответствии с нею вся деятельность, направленная на выяснение того, совершено ли преступление, какое именно и кто его совершил, составляет обязанность органов государства, ответственных за уголовное дело. Эта деятельность: а) включает не только обоснование конечного тезиса о виновности (невиновности) по совокупности собранных доказательств, но и их собирание, проверку и оценку на предварительном следствии и суде; б) распространяется не только на виновность или невиновность, но и на другие элементы предмета доказывания (ст. 15 Основ, ст. 68 УПК РСФСР), а равно на факты, служащие основанием для выводов об элементах предмета доказывания; в) обеспечивает охрану законных интересов обвиняемого и других участников процесса — потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика.

Таким образом, обязанность доказывания, лежащая на лице, производящем дознание, следователе, прокуроре и суде, по существу совпадает с обязанностью полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела, возложенной законом на эти органы.

В литературе, однако, сформулирована иная точка зрения, понимающая под обязанностью доказывания только обоснование доказательствами ранее выдвинутого обвинительного тезиса. Ее сторонники считают, что правило об обязанности доказывания представляет лишь регулятор процессуальной нагрузки в доказывании между обвинением и защитой и что обязанность доказывания возложена лишь на прокурора — государственного обвинителя. Вполне естественно, что они применяют свою концепцию только к стадии судебного разбирательства, где возникает необходимость в таком распределении¹.

Но ведь доказывание осуществляется и в стадии предварительного расследования, где речь идет не о заранее сформулированном

---

¹ Такую необоснованно узкую формулировку правила об обязанности доказывания можно встретить в ряде работ. См. М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 353; В. И. Каминская, Показания обвиняемого в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 13—14; В. М. Савицкий, Доказывание обвинения в суде, «Советская юстиция» 1970 г. № 23, стр. 3—5; он же, Государственное обвинение в суде, М., 1971, стр. 167; Р. М. Оганесян, Оправдательный приговор в советском уголовном процессе, Ереван, 1972, стр. 54.

тезисе, а об обязанности собирать, проверять и оценивать доказательства и, таким образом, раскрыть (доказать) преступление, если оно было совершено. Аналогичную обязанность по точному смыслу закона выполняет и суд в стадии судебного разбирательства. Между тем сторонники рассматриваемой точки зрения исключают его из числа субъектов обязанности доказывания. В конечном счете такое понимание обязанности доказывания приводит сторонников этой точки зрения к неверному утверждению, что суд вообще не занимается доказыванием, ибо он в судебном следствии не обосновывает только обвинительный или только оправдательный тезис, а объективно исследует все обстоятельства дела¹.

Несостоятельность этой концепции — в отрыве логического доказывания тезиса от процессуального собирания и исследования доказательств, т. е. в необоснованно узком понимании доказывания в уголовном процессе. Деятельность следователя, прокурора (на предварительном следствии) и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств, т. е. основа логического доказательства, его «база» без должных оснований оставлена за пределами понятия доказывания.

Когда мы говорим об обязанности доказывания, осуществляемой следователем и судом, то имеет в виду прежде всего процесс отыскания доказательственного материала, необходимого для обоснования тезиса, который будет сформулирован в завершающей части доказывания (в обвинительном заключении, приговоре, постановлении, определении)².

Обязанность же доказывания, осуществляемая прокурором в судебном разбирательстве, охватывает деятельность по обоснованию доказательствами обвинительного тезиса, выдвинутого прокурором еще до начала судебного разбирательства. Поэтому его деятельность принимает характер обоснования (доказывания) тезиса, сформулированного в обвинительном заключении; она распадается на два этапа, а именно: участие прокурора в судебном следствии и обоснование перед судом обвинительного тезиса (участие прокурора в судебных прениях)³.

¹ См., например, В. П. Резепов, Субъекты доказывания в советском уголовном процессе, «Вопросы государства и права», М., 1958, стр. 112; В. Я. Вульф, Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮОН», вып. 14, М., 1962, стр. 218.

² М. А. Чельцов в этой связи справедливо отмечает, что «доказывание как «познание», «установление фактов» и доказывание как «обоснование» выступает в единстве и взаимосвязи» («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 156).

³ В. Д. Арсеньев прав, утверждая, что «в последующих за предварительным расследованием стадиях процесса обязанность доказывания у прокурора сводится в основном к обязанности обосновать обвинение, т. е. к логическому доказыванию...» (В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1964, стр. 60).

Однако в ходе судебного исследования доказательств прокурор может убедиться в том, что тезис, сформулированный в обвинительном заключении, неправилен или неточен. В этом случае прокурор обязан отказаться от обвинения или изменить его формулировку.

Обязанность доказывания в советском уголовном процессе представляет собой разновидность юридической обязанности.

Юридическая обязанность — это требуемые законом вид и объем должного поведения лица, соответствующие субъективному праву другого лица¹. Обязанность эта состоит в требовании совершать (велеие) или не совершать (запрет) определенные действия. Юридической обязанности всегда противостоит субъективное право, они не существуют независимо друг от друга².

Исполнение юридических обязанностей, в том числе вытекающих из должностной компетенции, обеспечивается прежде всего сознанием общественного и государственного долга со стороны должностных лиц и граждан — субъектов указанных обязанностей. Но кроме того, исполнение этих обязанностей обеспечивается возможностью применения правовых санкций³.

Эти общие положения, характеризующие юридическую обязанность в советском праве, имеют прямое отношение к обязанности доказывания в уголовном процессе.

Устанавливая обязанность доказывания лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда, закон выдвигает перед ними требование собирать, процессуально закреплять, проверять, оценивать доказательства и обосновывать ими соответствующие процессуальные акты. Обвиняемый, напротив, освобождается от обязанности что-либо доказывать.

---

¹ Н. Г. Александров и др., Теория государства и права, М., 1968, стр. 531; «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия» М., 1970, стр. 547—549.

² В советской юридической литературе была высказана и другая точка зрения, согласно которой «нормы права иногда устанавливают не только правоотношения, но первоначально одни лишь обязанности без соответствующих им прав. Таковы нормы уголовного права, некоторые нормы административного права» («Теория государства и права», М., 1962, стр. 463). Представляется, что автор этой точки зрения С. Ф. Кечекьян не прав, рассматривая юридическую обязанность изолированно от права требовать ее исполнения. (Н. Г. Александров и др., назв. работа, стр. 532).

³ О. Э. Лейст пишет: «Санкция для того и устанавливается, чтобы, во-первых, придать определенному правилу поведения (выраженному в диспозиции) властный, авторитарный характер, характер юридической (а не иной) обязанности; во-вторых, чтобы принудить к соблюдению этой обязанности угрозой применения мер государственного принуждения» («Санкции в советском праве», М., 1962, стр. 47). См. также «Общая теория советского права» под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко, М., 1966, стр. 191—192, 204—206.

Обязанности доказывания, лежащей на указанных государственных органах, в правоотношении одновременно соответствуют: а) право и обязанность соответствующих высших органов требовать от лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда надлежащего выполнения лежащей на них обязанности доказывания; б) право участников судопроизводства с личными или представляемыми интересами требовать от органов, ответственных за дело, установления всех обстоятельств дела и с этой целью собирания, закрепления, проверки и оценки доказательств.

Обязанность доказывания реализуется в конкретных процессуальных правоотношениях. В них органы государства, ответственные за производство по делу, выступают в роли субъектов, уполномоченных на совершение определенных процессуальных действий и принятие процессуальных решений.

Причем когда лицо, производящее дознание, следователь, прокурор (на дознании, предварительном следствии) и суд на основе собранных и исследованных по делу доказательств приходят в конце соответствующей стадии процесса к определенным выводам, то они обязаны доказать эти выводы, т. е. обосновать доказательствами тезис (обвинительный или оправдательный), сформулированный соответственно в обвинительном заключении, постановлении (определении) о прекращении дела, приговоре. Эти действия также входят в содержание обязанности доказывания.

Следовательно, применительно к органам государства, ответственным за дело, нельзя говорить об обязанности доказывания «виновности» или «невиновности» до тех пор, пока не завершено исследование доказательств на данной стадии процесса.

Что касается прокурора — государственного обвинителя, то он несет обязанность доказывать виновность обвиняемого, но не обязан доказать ее во что бы то ни стало. Прокурор нарушает обязанность доказывания, если не использует все предоставленные ему законом возможности для обоснования обвинения перед судом. Если же обвинение в суде не подтвердилось и прокурор отказался от него, то с этого момента характер обязанности доказывания, выполняемой прокурором, меняется: он обязан обосновать отказ от обвинения. Если прокурор не делает этого, он также нарушает обязанность доказывания¹.

¹ Нельзя согласиться с М. А. Чельцовым, утверждавшим, что государственный обвинитель не несет обязанности доказывания, что на нем лежит лишь фактическое бремя представления доказательств, поскольку он может отказаться от обвинения (М. А. Чельцов, О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VI, 1958, стр. 80).

В ст. 14 Основ говорится именно об обязанности доказывания. Государственный обвинитель выполняет ее тем, что доказывает виновность обвиняемого. При неподтверждении виновности обвиняемого в суде прокурор

Реализация правоотношений, возникающих в связи с исполнением обязанности доказывания органом расследования, прокурором и судом, обеспечивается возможностью применения правовых санкций в отношении должностных лиц и органов, не выполняющих или плохо выполняющих эту обязанность¹. В случаях недобросовестного или преступного невыполнения должностными лицами лежащей на них обязанности доказывания могут быть применены определенные санкции².

Наряду с обязанностью доказывания в литературе встречается понятие «бремя доказывания»³.

делает то же самое в отношении невиновности или ходатайствует о возвращении дела на доследование.

¹ Вопрос о процессуальных санкциях в общей теории права недостаточно разработан. Так, в учебнике по теории государства и права дается следующий перечень видов юридических санкций: уголовно-правовые, административные, дисциплинарные, имущественные. О существовании процессуальных санкций не упоминается (см. Н. Г. Александров и др., Теория государства и права, М., 1968, стр. 443). Авторы другой работы по теории права («Общая теория советского права», под ред. С. И. Братуся и И. С. Самощенко, М., 1966, стр. 204—206) различают санкции штрафные, карательные и обеспечивающие восстановление правопорядка. Процессуальные санкции относятся, видимо, к последнему виду.

² По мнению С. В. Курылева, санкция за неисполнение обязанности доказывания состоит в утрате субъективного права материального характера: истец, не доказавший своих требований, лишается права на иск (в гражданском процессе), а государство, которое в лице государственного обвинителя не смогло доказать виновность обвиняемого, лишается права на уголовное наказание, если обвиняемый, оправданный «за недоказанностью», в действительности совершил преступление («Основы теории доказывания в советском правосудии», стр. 99—105).

Эта точка зрения уязвима в ряде отношений. С. В. Курылев берет частный и редкий случай оправдания «за недоказанностью» обвиняемого, который на самом деле совершил преступление. В отношении же обвиняемых, не совершавших преступления, нельзя говорить, что их оправдание судом влечет применение к государству материально-правовых санкций в виде «утраты права на наказание». Во-первых, государство приобретает право на наказание лишь после вынесения обвинительного приговора. Во-вторых, государство заинтересовано в оправдании невиновных, стремится к этому и, естественно, не рассматривает вынесение оправдательного приговора как санкцию против себя.

Отказываясь от обвинения, прокурор добросовестно выполняет возложенную на него обязанность доказывания. По С. В. Курылеву, получается, что добросовестность прокурора влечет применение «санкций» к государству, которое он представляет.

³ В частности, Н. Н. Полянский считает, что «названные понятия во все не однозначны: возложение на сторону в процессе бремени доказывания означает лишь, что если сторона не сумеет доказать своего утверждения относительно какого-либо обстоятельства, то она несет последствия того, что оно остается недоказанным, и только; обязанность же доказывания означает, что ей противостоит право принуждения к выполнению ее»

Бремя доказывания (буквально — тяжелая ноша, груз) не равнозначно юридической обязанности. Бремя доказывания присуще процессу обвинительного типа, где оно распределяется между сторонами, причем непредставление стороной доказательств в обоснование требований влечет невыгодные последствия, т. е. неблагоприятное разрешение дела.

Возникшее еще в римском праве правило о распределении бремени доказывания между сторонами формулировалось следующим образом: «Доказывает тот, кто утверждает». Речь шла о фактической необходимости доказать утверждение под угрозой того, что иначе доказываемое обстоятельство не будет принято судом во внимание при решении дела. Учение о бремени доказывания было подробно развито в работах буржуазных юристов, предложивших различные конструкции бремени доказывания (формальное, материальное, фактическое бремя) ¹.

В советском уголовном процессе бремени доказывания ни в одном из указанных значений не существует. Участники процесса не утрачивают своих процессуальных требований, если они оказались не в состоянии доказать их, так как суд обязан принять

(Н. Н. Полянский, Очерк развития науки советского уголовного процесса, М., 1960).

Правильно, конечно, что понятия бремени и обязанности доказывания не равнозначны, однако для советского уголовного процесса понятие бремени доказывания, о котором пишет Н. Н. Полянский, вообще неприемлемо, так как обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, не сумевшие доказать своих утверждений, не несут последствий того, что какие-то обстоятельства остались недоказанными. Во всех случаях собирание и проверку доказательств, необходимых для установления этих обстоятельств, осуществляет суд (или орган расследования), который в силу возложенной на него обязанности доказывания должен принять все предусмотренные законом меры для тщательного исследования выдвинутого утверждения и установления его истинности или ложности. Понятие же юридической обязанности доказывания к этим лицам неприменимо, так как их нельзя принуждать к доказыванию.

По указанным соображениям и прокурор в суде не несет бремени доказывания. Он обязан (юридически) доказывать, однако не принуждается к тому, чтобы доказать во что бы то ни стало вину подсудимого.

¹ Формальное бремя доказывания — это обязанность стороны доказать свое процессуальное требование по делу (равно как и отдельные выдвинутые ею утверждения) под угрозой того, что в случае, если не удалось это сделать, требование (обстоятельство) будет судом отвергнуто. В этом случае суд не восполняет недостатки доказывания сторон и сам как субъект доказывания не рассматривается.

Материальное бремя доказывания — это обязанность сторон доказывать свои утверждения. Обвинитель обязан доказать состав преступления, а обвиняемый, если он возражает против обвинения, признается обязанным доказать обстоятельства, исключющие уголовную ответственность.

Фактическое бремя доказывания имеет в основании своем не предписание закона, а фактическое положение в процессе сторон, которые могут оказаться заинтересованными в том, чтобы суд признал или не признал то или иное обстоятельство как доказанное (Н. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. 2, СПб., 1899, стр. 234—235).

все предусмотренные законом меры для установления истины. В советском уголовном процессе нет распределения бремени доказывания и в зависимости от того, доказывается ли состав преступления или обстоятельства, исключющие (смягчающие) вину и ответственность. Нельзя принять и конструкцию фактического бремени доказывания, так как риск неустановления обстоятельств, представляющих интерес для того или другого участника, в советском уголовном процессе достаточно надежно компенсируется активной ролью следователя, прокурора, суда в доказывании и всем комплексом процессуальных гарантий.

Если принять понятие «бремени доказывания», его пришлось бы распространить и на обвиняемого, на которого падал бы риск, что если он не будет доказывать оправдывающие обстоятельства, то следователь, суд не установят их. Между тем в советском процессе такие случаи могут рассматриваться и рассматриваются только как серьезное нарушение закона.

Однако с точки зрения всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела чрезвычайно важно, чтобы обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и другие лица, отстаивающие свои или представляемые интересы в уголовном деле, принимали активное участие в доказывании.

Уклоняясь от участия в доказывании соответствующих обстоятельств и создавая этим трудности для органов государства, участники судопроизводства, конечно, в какой-то мере создают опасность того, что указанные обстоятельства останутся неустановленными или недостаточно полно установленными и, следовательно, их законные интересы останутся без надлежащей судебной защиты. Этой опасности противостоит активная деятельность органов расследования, прокурора и суда по доказыванию всех обстоятельств дела независимо от способности заинтересованных лиц доказать свои утверждения. Однако все же существует определенная вероятность того, что активная деятельность следователя, прокурора и суда может оказаться недостаточной для достоверного и полного установления соответствующих обстоятельств дела, если заинтересованные субъекты процесса не будут принимать участия в их доказывании. Сознание этого и желание защитить свой личный (представляемый) интерес в уголовном деле стимулирует деятельное участие в доказывании обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца и других участников судопроизводства. Это не бремя и не обязанность доказывания, а реализация права на участие в доказывании с целью защитить свои или представляемые законные интересы. Обязанность же доказывания возложена на суд, прокурора, орган расследования. Презумпция невиновности обвиняемого обуславливает такое распределение «нагрузки» по доказыванию между обвиняемым, прокурором (судом), что на обвиняемого не возлагается обязанность доказывания невиновности. По этому же принципу распределяется

обязанность доказывания между органами предварительного расследования и обвиняемым. Значит, неверно сводить проблему обязанности доказывания лишь к распределению нагрузки между обвинителем и обвиняемым в суде, как это делают М. С. Строгович и В. М. Савицкий¹.

Любые доводы обвиняемого должны быть исследованы в процессе реализации этой обязанности. «Суд не может безмотивно отвергнуть показания подсудимого в свою защиту, а должен указать в приговоре, почему он им не верит и чем они опровергаются» — такой тезис был предпослан публикации определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 29 апреля 1970 г. по делу У.² Подсудимый У., признавая свою вину в изнасиловании несовершеннолетней, отрицал в то же время разбойное нападение на нее, утверждая, что у него не было ножа, которым, как сказано в приговоре, он угрожал потерпевшей.

Одним из оснований отмены приговора послужило то обстоятельство, что суд, отклоняя показания обвиняемого, «не указал в приговоре, почему он им не верит и чем они опровергаются» и вообще не исследовал, «имел ли У. нож и носил ли он его с собой»³. Таким образом, обязанность опровержения доводов обви-

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, 1968, стр. 353—355.

В. М. Савицкий, ссылаясь на двоякую трактовку понятия доказывания (исследование и обоснование выдвинутого тезиса), приходит к выводу, что применительно к обязанности доказывания следует говорить лишь о втором значении понятия доказывания. Поэтому обязанность доказывания, по мнению В. М. Савицкого, лежит только на государственном обвинителе и сводится к доказыванию виновности.

Обязанность доказывания в первом смысле якобы означает тривиальное утверждение, что органы, ответственные за дело, должны выполнять возложенные на них законом обязанности (В. М. Савицкий, Государственное обвинение в суде, М., 1971, стр. 167—169; его же, Доказывание обвинения в суде, «Советская юстиция» 1970 г. № 23, стр. 3—5).

Эту точку зрения следует признать ошибочной. Основной смысл правила об обязанности доказывания — запрещение перелгать эту обязанность на обвиняемого. В этом смысле указанное правило распределяет нагрузку по доказыванию не только между обвинителем и обвиняемым, но и между следователем и обвиняемым, судом и обвиняемым. Правило «работает» и при отсутствии в суде обвинителя, а также на предварительном следствии, которое (в отличие от государственного обвинения) вовсе не подчинено обоснованию заранее выдвинутого обвинительного тезиса.

Ограничение обязанности доказывания требованием доказать виновность не имеет смысла еще и потому, что характер судебного решения не зависит от способности прокурора доказать вину (об этом правильно пишет П. А. Лупинская («Уголовный процесс», М., 1969, стр. 132)).

Наконец, нельзя не учитывать еще один аспект обязанности доказывания — распределение ее между органами, ответственными за дело, и потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, о чем В. М. Савицкий даже не упоминает.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1970 г. № 6, стр. 39—40.

³ Там же, стр. 40.

няемого, выдвинутых им в свою защиту, и доказывания обстоятельств, исключających его ответственность, лежит и на суде.

Вместе с тем обвиняемый имеет право (но не обязан) участвовать в доказывании, используя соответствующие процессуальные права. Смысл этого двоякий: во-первых, создаются гарантии против превращения обвиняемого в пассивный объект процесса, против переоценки значения его показаний; во-вторых, стимулируется активная деятельность органов государства, ответственных за уголовное дело, не только по изобличению преступников, но и по обеспечению справедливого, объективного подхода к оценке их вины и ответственности по защите невиновных¹.

Обвиняемый не обязан доказывать свои утверждения, подтверждающие или опровергающие обвинение, а равно отыскивать доказательства в их подтверждение. При отрицании вины обвиняемый не обязан указывать и представлять доказательства своей невиновности. Обнаружение такого рода доказательств — обязанность органов, ответственных за уголовное дело.

Эта мысль отчетливо выражена в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 27 декабря 1968 г. по делу А. и Б., которые были осуждены: первый — за убийство, а второй — за соучастие в нем.

«Не исследованы и показания А., — говорится в определении, — который, отрицая показания Б., заявлял, что Б. рассказал ему, как его учили в милиции давать на него показания. А. подчеркнул, что об этом заявлении Б. он тут же сообщил работнику тюрьмы в звании лейтенанта. Однако указанный работник тюрьмы допрошен не был, хотя А. и ходатайствовал о его допросе»². Это послужило одним из оснований для отмены приговора и возвращения дела для доследования.

Таким образом, Верховный Суд СССР признает право обвиняемого указывать лишь отдельные признаки, по которым можно найти доказательства, и обязанность следственных органов собрать и проверить эти доказательства.

Отказ от исследования обстоятельств, указанных обвиняемым в свое оправдание, — источник многих судебных ошибок. Данные выборочного исследования причин судебных ошибок за 1968—1969 гг. показали, что из общего числа отмененных обвинительных приговоров 23% отменены потому, что суды первой инстанции не проверяли или недостаточно проверяли обстоятельства, указанные обвиняемыми в свое оправдание.

Обвиняемый освобожден от обязанности давать показания и помогать тем самым изобличать себя или сообвиняемых. Поэтому

¹ См. А. М. Ларин, О недопустимости переложения обязанности доказывания на обвиняемого, «Советское государство и право» 1965 г. № 3, стр. 122—127.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 3, стр. 33.

му отказ обвиняемого от дачи показаний не может быть использован как доказательство его виновности.

Недопустимы любые формы принуждения обвиняемого к даче показаний. Не существует угрозы применения к нему уголовно-правовых или иных санкций за отказ от дачи показаний. Закон исключает возможность применения не только прямого принуждения, но и незаконных обещаний, завуалированных угроз, обмана в целях получения от обвиняемого показаний или объяснений (в том числе при предъявлении для опознания, проверке показаний на месте и т. п.)¹.

Участие в собирании и проверке доказательств (постановка вопросов эксперту, свидетелям, потерпевшим и т. д.), а также в оценке доказательств (объяснения относительно значения доказательств, анализ доказательств в судебных прениях и последнем слове) не обязанность обвиняемого, а его право.

Обвиняемый несет обязанность выполнять законные требования следователя и суда, направленные на отыскание доказательств (обыск, выемка, освидетельствование, экспертиза). Однако и в этих случаях на обвиняемого не возлагается обязанность доказывания; ее выполняют следователь и суд, а обвиняемый не должен этому препятствовать.

При изложении вопроса об обязанности доказывания применительно к положению обвиняемого в советском уголовном процессе некоторые авторы допускали серьезные ошибки.

В частности, А. Я. Вышинский пытался перенести на нашу почву представления о распределении обязанности доказывания между обвинителем и обвиняемым, выработанные англо-американской доктриной права. В соответствии с этой доктриной обвинитель обязан доказать обвинение, а обвиняемый — все возражения против обвинения под угрозой того, что недоказанные обстоятельства не будут приняты судом во внимание².

В советском уголовном процессе, основанном на принципе всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоя-

¹ В то же время не противоречит закону разъяснение обвиняемому значения дачи им правдивых показаний для его законных интересов, как и выяснение причин, по которым обвиняемый отказывается давать показания, с тем чтобы по возможности снять такие психологические «сдержки», как запугивание со стороны соучастников, недоверие к следователю и т. п. (примечание редколлегии).

² Критика этой концепции А. Я. Вышинского дана в ряде работ советских авторов. См. А. А. Пионтковский, В. М. Чхиквадзе, Укрепление социалистической законности и некоторые вопросы теории советского уголовного права и процесса, «Советское государство и право» 1956 г. № 4, стр. 37; Р. Д. Рахунов, Об извращениях А. Я. Вышинским советской теории доказательств, «Ученые записки ВШЮН», вып. 4, М., 1962, стр. 135—138; В. З. Лукашевич, Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе, Л., 1959, стр. 60—72; Н. В. Жогин, Об извращениях Вышинского в науке советского права и практике, «Советское государство и право» 1965 г. № 3, стр. 22, и др.

тельств уголовного дела, установление истины не может быть поставлено в зависимость от того, сумел ли обвиняемый доказать оправдывающие его обстоятельства или нет.

Если же доказывание обстоятельств, оправдывающих обвиняемого, рассматривать как обязанность последнего, то юридическая неосведомленность обвиняемого, его неумение или неспособность представить нужные доказательства, его пнертность, пассивность в процессе доказывания могут привести к тому, что важные для дела обстоятельства окажутся неустановленными.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 марта 1963 г. «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» осудил случай, когда объяснения подсудимого отвергаются по таким мотивам, которые свидетельствуют о попытке переложить обязанность доказывать невиновность на самого подсудимого, что категорически запрещено законом¹.

Принципиальные соображения на этот счет содержатся также в известном постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 27 декабря 1946 г. по делу К.

Отменяя приговор и определение и возвращая дело на дознание, Пленум указал: «Как видно из... определения Коллегии, она в качестве одного из основных доводов выдвинула принципиальное положение, которое может быть сформулировано таким образом, что версия обвиняемого может иметь доказательственную силу только в том случае, если сам обвиняемый докажет основательность своей версии, и что следственные органы не обязаны сами собирать доказательства в пользу такой версии. Это положение... находится в глубоком противоречии с основными принципами советского уголовного процесса, согласно которым всякий обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в установленном законом порядке...».

С учетом сказанного нельзя согласиться и с точкой зрения, что обвиняемый, полностью или частично отрицающий обвинение, обязан указывать или представлять доказательства в подтверждение выдвинутого им в свою защиту утверждения².

В действительности представление и указание доказательств это право обвиняемого, а не его обязанность. Обвиняемого нельзя принудить к представлению или указанию доказательств, подтверждающих выдвинутый им в свою защиту тезис. Такое принуждение, если оно было допущено, рассматривается как серьезное нарушение законности.

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 254.

² И. И. Малхазов, Перемещение «обязанности доказывания» и советский уголовный процесс, «Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета», т. 59, вып. 3, 1957, стр. 178. См. также «Государственный обвинитель в советском уголовном процессе», М., 1954, стр. 73; В. Я. Вульф, Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮОН», вып. 14, 1962, стр. 227.

Органы расследования, прокурор и суд не должны рассчитывать на то, что обвиняемый обязательно укажет или представит доказательства, подтверждающие выдвинутый им тезис. Если этот тезис действительно колеблет версию обвинения, то собрать доказательства, необходимые для его проверки, обязаны следователь, прокурор и суд, а не обвиняемый. Неопровергнутые показания обвиняемого о своей невиновности будут означать недоказанность виновности со всеми вытекающими последствиями.

Неосновательна ссылка сторонников рассматриваемой точки зрения на закон, обязывающий обвиняемого (и других участников процесса) указать, в подтверждение каких обстоятельств необходимы доказательства, об истребовании или получении которых он ходатайствует (ст. ст. 276, 131 УПК РСФСР) ¹.

В соответствии с законом, ходатайствуя об истребовании доказательств, обвиняемый обязан указать, для чего они могут понадобиться следователю и суду. Но, ходатайствуя о проверке какого-либо обстоятельства, обвиняемый в соответствии с законом не обязан указывать или представлять доказательства, с помощью которых эту проверку необходимо осуществить.

Потерпевший, обладая широкими правами в доказывании, юридически не обязан ни представлять доказательства в обоснование обвинительного тезиса, ни убеждать следствие и суд в обоснованности обвинения ². Это относится и к случаям, когда потерпевший выступает в качестве обвинителя по делам так называемого частного обвинения (ст. 27 УПК РСФСР).

Известно, что в случае примирения такое уголовное дело должно быть прекращено. Однако диспозитивность судопроизводства по делам частного обвинения подчинена публичному интересу. Представляя этот интерес, прокурор может возбудить или вступить в уже возбужденное судьей дело и, таким образом, принять на себя обязанность доказывания его обстоятельств.

Юридической же обязанности доказывать обвинение обвинитель-потерпевший не несет. Как известно, последняя предполагает возможность государственного принуждения в случае ее неисполнения. Обвинитель-потерпевший не только не может быть принуждаем к доказыванию обвинения, но, напротив, сохраняет право в любой момент от обвинения отказаться. Вместе с тем доказывание применительно к делам частного обвинения имеет свою специфику в связи с тем, что по ним не проводится предварительное расследование и они возбуждаются по жалобе потерпевшего (ч. 1 ст. 27 УПК РСФСР). В связи с этим последний в

¹ И. И. Малхазов, цит. статья, стр. 176; В. Я. Вульф, цит. статья, стр. 226.

² Сказанное относится именно к его правомочиям в качестве участника процесса. В то же время он несет обязанность наравне со свидетелем по сообщению следствию и суду всей фактической информации, известной ему по делу.

стадии возбуждения уголовного дела должен привести в жалобе достаточные данные, указывающие на признаки преступления, так как иначе дело возбуждено не будет (ч. 2 ст. 108 УПК РСФСР). В судебном разбирательстве потерпевший должен представить все находящиеся в его распоряжении доказательства виновности обвиняемого, указать на другие известные ему доказательства и обосновать свои требования, так как вследствие особенностей производства по таким делам в случае его пассивности в доказывании значителен риск того, что дело может быть разрешено не в соответствии с его интересами. С учетом этого можно говорить о фактической обязанности доказывания по делам частного обвинения. Вместе с тем суд обязан оказывать потерпевшему — частному обвинителю — помощь в представлении доказательств. Более того, если этого требуют интересы истины, суд вправе выйти за пределы тезиса, доказываемого потерпевшим-обвинителем, и, в частности, выяснять факты, об установлении которых потерпевший не ходатайствовал, и собирать доказательства по собственной инициативе. Таким образом, активная роль в доказывании суда, стремящегося к истине и свободного от предвзятости, сохраняется и по этим делам.

Гражданский истец вправе, но не обязан доказывать основания и размеры иска.

Этим гражданский истец в уголовном процессе отличается от истца в гражданском процессе, где доказывание иска — забота прежде всего истца, который рискует получить отказ в исковом требовании, если не докажет его¹.

В советском уголовном процессе основание иска — это деяние, причинившее материальный ущерб, а цена иска связана с размером материального ущерба, причиненного преступлением. То и другое в соответствии со ст. 15 Основ входит в предмет доказывания. Обязанность же достоверно и полно установить все элементы предмета доказывания, в том числе характер и размер ущерба, причиненного преступлением, лежит на следователе, прокуроре, суде и не может быть перелагаема на гражданского истца. Учитывая эту особенность уголовного судопроизводства

¹ По этому вопросу среди цивилистов нет полного единодушия. Некоторые из них считают, что не только в уголовном, но и в гражданском процессе «не может быть такого случая, чтобы дело было решено против стороны, потому что она не сумела сослаться на факты, обосновывающие ее требование, и доказать их» (К. С. Юдельсон, Советский гражданский процесс, М., 1956, стр. 128). См также К. С. Юдельсон, Проблема доказывания в советском гражданском процессе, М., 1951, стр. 126.

Иного мнения придерживается П. П. Гуреев, который пишет: «Стороны не могут отказаться от представления доказательств для обоснования своих утверждений. Санкцией за непредставление стороной необходимых для разрешения дела доказательств являются невыгодные для нее последствия» (П. П. Гуреев, Судебное разбирательство гражданских дел, М., 1958, стр. 62).

по сравнению с гражданским процессом, где истец обязан доказать свои исковые требования под страхом их отклонения, ст. 29 УПК РСФСР устанавливает, что доказывание гражданского иска, предъявленного по уголовному делу, проводится по правилам уголовного судопроизводства.

Нельзя согласиться с П. П. Гуреевым, который пишет, что в уголовном процессе «обязанность по доказыванию гражданского иска лежит и на гражданском истце, который обязан представить имеющиеся у него доказательства в обоснование гражданского иска»¹.

Гражданский истец не несет юридической обязанности доказывания ни в смысле обязательного выдвижения тех или иных доводов, ни в смысле их обоснования, ни в смысле отыскания и представления доказательств, подтверждающих гражданский иск. Гражданский иск в уголовном деле должен быть рассмотрен по существу и по нему должно быть вынесено решение, хотя бы истец и не привел в обоснование иска никаких доказательств.

Гражданский истец вообще может отказаться от иска и, следовательно, от его доказывания, ибо последний, как правильно отмечает Э. Ф. Куцова, есть «субъективное право гражданина»².

Неспособность или пассивность гражданского истца в доказывании оснований и размера иска компенсируется активной деятельностью органов, осуществляющих производство по делу и устанавливающих событие преступления, виновность лица, размер ущерба. Прокурор как субъект обязанности доказывания и в то же время орган надзора за законностью должен в судебном разбирательстве либо поддерживать гражданский иск, либо заявить о его необоснованности. При этом возможна даже ситуация, когда гражданский истец откажется от иска, тогда как прокурор, защищая законные интересы истца, будет поддерживать иск. Суд обязан разрешить вопрос о гражданском иске в приговоре, несмотря на отказ гражданского истца от исковых требований; при этом иск может быть судом удовлетворен (ст. 29 УПК РСФСР).

Таким образом, в советском уголовном процессе доказывание иска — право гражданского истца, но не его обязанность. Доказывание оснований и размера иска — обязанность органов, ведущих процесс — лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда.

Законом установлена обязанность гражданского истца по требованию суда представлять имеющиеся в его распоряжении документы, связанные с предъявленным иском (ст. 54 УПК РСФСР). Следует, однако, возразить против попыток рассматривать обязанность истца представить по требованию суда до-

¹ П. П. Гуреев, Гражданский иск в уголовном процессе, М., 1961, стр. 56.

² Э. Ф. Куцова, Гражданский иск в уголовном процессе, М., 1963, стр. 25.

казательства, которыми он располагает, как обязанность доказывания, возложенную на гражданского истца.

Обязанность по требованию суда и следователя представить доказательства возложена и на обвиняемого, у которого эти доказательства могут быть изъяты в принудительном порядке. То же самое следует сказать и о других участниках процесса, к которым обращено требование следователя и суда о выдаче имеющихся у них доказательств (ст. 70 УПК РСФСР). Но во всех этих случаях речь идет не о самостоятельной обязанности доказывания, будто бы лежащей на участниках процесса, а об обращении к ним требования органа, ответственного за реализацию этой обязанности. Гражданский истец обязан выполнять требования компетентного органа о представлении имеющихся у него доказательств и в том случае, когда он отказался от иска и, следовательно, уже не принимает участия в доказывании.

Гражданский ответчик располагает процессуальными правами, позволяющими ему опровергать основания и размер предъявленного к нему иска. Однако и гражданский ответчик в уголовном процессе не несет юридической обязанности выдвигать возражения против гражданского иска и обосновывать эти возражения доказательствами¹.

В этом отношении положение гражданского ответчика аналогично положению обвиняемого, который по большинству уголовных дел фактически является и гражданским ответчиком.

Лица, несущие обязанность доказывания гражданского иска (следователь, прокурор, суд), должны всесторонне и полно исследовать все фактические обстоятельства, относящиеся к иску, проверить основания его и принять обоснованное решение по иску, независимо от того, выдвинул ответчик какие-нибудь возражения против иска и смог ли он их доказать.

В уголовном процессе не действует гражданско-правовая презумпция виновного причинения вреда, поскольку причинитель вреда — обвиняемый, который в соответствии с презумпцией невиновности считается невиновным вплоть до вынесения обвинительного приговора.

Поэтому гражданский ответчик считается не несущим материальной ответственности за действия обвиняемого до тех пор, пока эти действия достоверно не установлены приговором. Если возражения против иска — это доводы в пользу того, что обвиняемый не совершил преступления, то обязанность доказывания

---

¹ Обязанность доказывания не служит распределителем процессуальной нагрузки между гражданским ответчиком и гражданским истцом по уголовным делам, поскольку ни на том, ни на другом такая обязанность не лежит.

Этим уголовный процесс отличается от гражданского, где обязанность доказывания лежит прежде всего на сторонах, а потом уже на суде, восполняющем недостатки доказывания, допущенные сторонами.

не переходит на гражданского ответчика, поскольку в его пользу действует презумпция невиновности.

Гражданский ответчик может, в частности, утверждать, что преступление, причинившее материальный ущерб, было совершено не обвиняемым, а другими лицами, что ущерб был причинен не обвиняемым, а силами природы, что между ущербом и действиями обвиняемого нет причинной связи и т. д. Суд и следователь не вправе обязать гражданского ответчика представить доказательства в подтверждение этих, как и других, утверждений. Если указанные версии не проверялись и их нельзя считать исключенными, то обязанность собирания доказательств для проверки этих версий лежит на органах расследования, прокуроре и суде и не может быть переложена на гражданского ответчика.

Органы государства вправе потребовать от гражданского ответчика представления предметов и документов, когда имеются основания считать, что они находятся в его распоряжении (ст. 70 УПК РСФСР). Если гражданский ответчик отказывается добровольно выдать находящиеся у него доказательства, возможно проведение обыска и выемки. Однако, как указывалось, требование следователя или суда выдать доказательства, обращенное к участнику процесса, не перемещает на него обязанность доказывания, а служит лишь способом осуществления этой обязанности органом, ведущим процесс.

Особую группу с точки зрения обязанности доказывания образуют субъекты процесса, принявшие на себя обязанность защищать обвиняемого или представлять законные интересы других участников процесса.

Речь идет прежде всего об адвокате-защитнике и адвокатах — представителях потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика.

Общим для этой категории субъектов процесса является то, что они несут юридическую обязанность защищать обвиняемого или представлять законные интересы других участников судопроизводства¹ и во исполнение этой обязанности участвуют в доказывании, осуществляя предоставленные им права.

Адвокат, защищающий обвиняемого или представляющий интересы другого участника процесса, выступает как самостоятельный субъект доказывания. При этом он независим при выборе методов и средств защиты (представительства) и несет по отношению к своему подзащитному (представляемому) лишь общую обязанность защищать его интересы всеми допускаемыми законом средствами.

¹ Объединяя в одну группу защиту с судебным представительством, мы не рассматриваем, однако, защиту как разновидность судебного представительства.

Объединение защиты и представительства осуществлено здесь лишь по признаку юридической обязанности участия в доказывании определен-

Во исполнение этой общей обязанности адвокат не только может, но и должен активно и целеустремленно использовать все свои процессуальные права для выявления обстоятельств, устраняющих или смягчающих уголовную ответственность обвиняемого, а в случае представительства — для выявления обстоятельств, наличие которых служит основанием для законных требований потерпевшего, гражданского истца или ответчика.

Вместе с тем адвокат-защитник или представитель может ограничиться указанием следствию, суду обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или подтверждающих интересы представляемого, и не привести в их подтверждение достаточных доказательств (например, ограничиться указанием на неисследованность версии об алиби и не представить всех необходимых доказательств, подтверждающих его). Следовательно, суд сами обязаны обнаружить, истребовать и исследовать доказательства, на основании которых устанавливаются эти обстоятельства, если они действительно имеют значение для дела. Пока обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, не опровергнуты, обвинение считается недоказанным.

Общая обязанность защищать интересы обвиняемого (представляемого), лежащая на адвокате, не совпадает, таким образом, с обязанностью доказывания, лежащей на следователе, суде. Обязанность защищать может быть реализована и без доказывания каких-либо положительных фактов: иногда достаточно подвергнуть сомнению основания обвинения. Можно говорить поэтому о наличии у адвоката обязанности участвовать в доказывании, но не о переходе на него обязанности доказывания.

В теории советского уголовного процесса были высказаны крайние точки зрения по рассматриваемому вопросу.

Одни авторы утверждают, что обязанность доказывания невиновности обвиняемого или смягчающих его вину обстоятельств лежит на защитнике¹. Другие, напротив, считают, что обязанность доказывания на защитнике не лежит².

ных обстоятельств в интересах соответствующих участников процесса, лежащей как на защитнике, так и на представителе потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика.

¹ И. Д. Перлов, Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе, М., 1957, стр. 104; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 128; А. Л. Цыпкин, Право на защиту в советском уголовном процессе, 1959, стр. 85. Очень четко эта точка зрения сформулирована В. И. Финько, который ошибочно полагает, что «запрещение перекладывать обязанность доказывания на обвиняемого не распространяется на его защитника» («Обязанность и характер доказывания в стадии судебного рассмотрения», «Радянське право» 1965 г. № 7, стр. 52).

² М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1968, т. I, стр. 252, 253; В. Я. Вульф, Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮИОН», вып. 14, 1962, стр. 231.

Защитник несет обязанность участвовать в доказывании в том смысле, что должен использовать все предоставленные ему законом возможности для установления обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность. В то же время защитник, как и обвиняемый, не несет обязанности доказывания, т. е. он процессуально не обязан представлять или указывать следователю и суду доказательства в подтверждение обстоятельств, которые оправдывают обвиняемого или смягчают его вину¹.

Следует, наконец, выделить группу субъектов процесса, для которых участие в доказывании — общественная или моральная обязанность.

К их числу относятся общественные обвинители и общественные защитники, близкие родственники обвиняемого, иные лица, допущенные по определению суда (постановлению судьи) в качестве защитников, защитники — представители профсоюзных или иных общественных организаций, близкие родственники потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, допущенные к участию в деле в качестве представителей.

Все эти участники процесса в свою очередь могут быть разделены на две подгруппы, из которых одна (общественные обвинители и общественные защитники) включает лиц, доказывающих виновность или невиновность обвиняемого в силу общественных полномочий, полученных от соответствующего коллектива, а другая (родственники и иные лица, избранные обвиняемым или иным участником процесса, а также защитники — представители профсоюзных и иных общественных организаций) состоит из граждан, для которых участие в доказывании с целью защиты законных интересов соответствующих участников уголовного процесса составляет их нравственный долг, вытекающий из

¹ О двойном понимании обязанности доказывания применительно к доказательственной деятельности защитника проф. Стефан Павлов (Болгария) пишет: «Если бремя доказывания в уголовном процессе понимать широко, т. е. отождествлять его с обязанностью того или иного участника процесса активно содействовать раскрытию истины, то нет сомнений, что и защитник несет бремя доказывания, поскольку он должен содействовать выяснению фактов и обстоятельств, которые говорят в пользу обвиняемого.

Но когда мы говорим о бремени доказывания в уголовном процессе, то имеем в виду не всякую обязанность выяснения истины в отношении определенных фактов и обстоятельств, а такую обязанность, неисполнение которой (имея в виду и активное участие в процессе) ведет к признанию того, что утверждаемые факты и обстоятельства не существуют... Если иметь в виду бремя доказывания в этом смысле, то очевидно, что обязанность защитника выяснить факты и обстоятельства в пользу обвиняемого не может рассматриваться как «бремя доказывания». Если защитник не докажет обстоятельства, которые устраняют или смягчают вину, то это не означает признания того, что данные обстоятельства не существуют» (Стефан Павлов. Наказателен процесс на Народната Република България, София, 1959, стр. 361).

родственных, иных личных отношений или отношений внутри общественной организации.

Отношения между общественным обвинителем (защитником) и тем коллективом, который он представляет в суде, — это отношения доверия, не регулируемые правом. Поэтому и обязанность общественного обвинителя доказывать обвинение, а общественного защитника доказывать невиновность или смягчающие ответственность обстоятельства — это моральная обязанность, возложенная на них соответствующим коллективом.

Однако эта моральная обязанность реализуется в деятельности, которая урегулирована процессуальным правом. Общественный обвинитель и общественный защитник как субъекты уголовно-процессуальной деятельности наделены процессуальными правомочиями по участию в доказывании, но на них не возложена юридическая обязанность доказывания. Вот почему органы, ведущие процесс, не вправе перекладывать на общественного обвинителя или общественного защитника хотя бы какую-то часть лежащей на них обязанности доказывания.

Близкие родственники обвиняемого, иные лица, которые приняли на себя его защиту, защитники — представители профсоюзов или иных общественных организаций¹, а равно близкие родственники потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика, представляющие их интересы в суде, принимают на себя моральную обязанность защищать обвиняемого (представлять интересы участника процесса). Они участвуют в доказывании в том же объеме, что и адвокат, исполняющий аналогичные функции. Вместе с тем для них возможен отказ от защиты (представительства) по нравственным соображениям, по соображениям, связанным с трудностью участвовать в доказывании, и т. д. В случае отказа от защиты должна быть обеспечена возможность приглашения адвоката. Аналогично должен решаться вопрос о возможности и последствиях отказа от представительства близкого родственника потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика.

§ 3. РОЛЬ ЛИЦ, ВЕДУЩИХ РАССЛЕДОВАНИЕ, И ПРОКУРОРА В ДОКАЗЫВАНИИ

Производство по уголовному делу осуществляется органом дознания, следователем, прокурором и судом. Наделенные каждый в пределах своей компетенции властными полномочиями по возбуждению, расследованию и рассмотрению дел об уголовных

¹ Защитники — представители профессиональных союзов или иных общественных организаций отличаются по своему процессуальному положению от общественных защитников. Они принимают участие в деле,

преступлениях, названные должностные лица и органы являются субъектами доказывания. Они несут обязанность по собиранию, фиксации и проверке доказательств, которые оцениваются ими в совокупности по внутреннему убеждению.

Следователь и орган дознания — основные субъекты доказывания в стадии предварительного расследования.

Требования всесторонности, полноты, объективности исследования обстоятельств, имеющих значение для дела, в равной степени обязательны для органа расследования и суда; орган расследования должен собрать все доказательства, необходимые и достаточные для решения каждого из вопросов, стоящих перед судом при вынесении приговора.

Нельзя согласиться с высказанным в процессуальной литературе мнением, согласно которому предварительный характер деятельности органов расследования по доказыванию проявляется в том, что выводы этих органов могут не отличаться достоверностью. Утверждалось также, что следователь вправе направить дело в суд и при наличии у него сомнений в виновности обвиняемого¹.

Выводы органа расследования о виновности обвиняемого, как и о любых иных обстоятельствах, составляющих предмет доказывания, должны опираться на полный и достоверный доказательственный материал. Доказывание, осуществляемое органом расследования, может и должно завершаться и, как свидетельствует практика, в подавляющем большинстве случаев завершается объективно достоверными выводами. Не случайно нормы относительно предмета доказывания, собирания и оценки доказательств, требования всесторонности, полноты, объективности доказывания законодатель относит и к органам расследования (ст.ст. 20, 68—71 УПК РСФСР).

Вопрос о положении органа расследования как субъекта доказывания в значительной мере связан с вопросом о процессуальной функции, осуществляемой следователем (органом дознания) в уголовном судопроизводстве.

В процессуальной литературе были высказаны по этому вопросу различные точки зрения. Некоторые авторы говорили об обвинительной по своему существу деятельности следователя² и

начиная со стадии предварительного расследования. Обвиняемый вправе отказаться от такого защитника, тогда как право отказа от общественного защитника принадлежит лишь выделившему его коллективу (Л. И. Ураков, Общественное обвинение и общественная защита, М., 1964, стр. 48). М. А. Чельцов-Бебутов, Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе, М., 1947, стр. 40; А. Л. Ривлин, Предмет допроса в советском уголовном процессе, «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 2, 1940, стр. 108.

² Н. Н. Полянский, К вопросу о состязательности в стадии предварительного расследования, «Социалистическая законность» 1938 г. № 3, стр. 72.

даже о неизбежности в связи с этим обвинительного уклона в его деятельности по доказыванию¹.

Другая точка зрения исходит из сочетания в деятельности следователя функций обвинения, защиты и решения дела². Высказана мысль и о том, что деятельность следователя должна быть расчленена на два этапа: до появления в деле обвиняемого следователь раскрывает преступление, после предъявления лицу обвинения — изобличает это лицо или одновременно изобличает и защищает³.

Представляется, однако, что указанные точки зрения механически расчленяют единую по своему характеру деятельность следователя, основанную на таких исходных положениях, как всесторонность, полнота, объективность.

Конечно, действия следователя направлены именно на выявление виновного, а не на установление нейтральных для дела обстоятельств. Но эта деятельность не должна быть обвинительной во что бы то ни стало, расследование должно вестись объективно и всесторонне, — этого требует закон. Предварительное, как и судебное, следствие состоит во всестороннем, не связанном никакой предустановленной позицией исследовании обстоятельств, имеющих значение для дела, для того чтобы на основе собранного полного и достоверного доказательственного материала сделать правильные выводы.

Таким образом, об обязанности доказывания виновности обвиняемого следователем (лицом, производящим дознание) можно говорить лишь в том смысле, что его выводы о виновности должны быть обоснованными, т. е. вытекать из совокупности собранных по делу доказательств, опираться на них.

При этом совокупность доказательств, обосновывающих виновность лица, должна быть такой, которая бы исключала какой-либо другой вывод в отношении этого лица⁴.

Закон требует, чтобы в обвинительном заключении приводились «доказательства, которые подтверждают наличие преступления и виновность обвиняемого» (ст. 205 УПК РСФСР). Здесь полностью должен быть сформулирован обвинительный тезис и дан анализ доказательств с обоснованием того, почему

¹ П. И. Люблинский, Предварительное следствие, М., 1925, стр. 4; М. А. Чельцов, Система основных принципов советского уголовного процесса, «Ученые записки ВЮОН», вып. 6, М., 1947, стр. 130, и др.

² М. С. Строгович, Уголовное преследование в советском уголовном процессе, М., 1951, стр. 98; он же, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 226.

³ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 226; М. А. Чельцов, Уголовный процесс, М., 1948, стр. 76, и др.

⁴ Н. С. Алексеев, В. З. Лукашевич, Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве, Л., 1970, стр. 123.

доказательства в пользу обвиняемого, имеющиеся в деле, не могут быть признаны опровергающими обвинение.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение следователем обязанности доказывания может повлечь применение к нему различного рода санкций прокурором или судом (в зависимости от того, в какой стадии процесса будет обнаружено нарушение этой обязанности). Суд, например, может не только возвратить дело на исследование, но и вынести в отношении следователя, переложившего обязанность доказывания на обвиняемого, частное определение.

Обязанность доказывания по одному уголовному делу может исполняться рядом лиц: при проведении отдельных следственных действий прокурором и начальником следственного отдела (ст. ст. 211, 127¹ УПК РСФСР); расследовании преступления группой (бригадой) следователей (ст. 129 УПК РСФСР); направлении следователем отдельных поручений о производстве следственных действий в другой местности (ст. 132 УПК РСФСР); поручении следователем производства ряда следственных действий органу дознания (ст. 119 УПК РСФСР); передаче дела от одного органа другому или от одного следователя другому.

Однако было бы неверно утверждать, что все должностные лица, которые проводят следственные действия по делу, на равных основаниях и в одинаковом объеме осуществляют обязанность доказывания.

Окончательные выводы по делу, включая констатацию доказанности преступления, участия в нем обвиняемого, его виновности и т. д., делает только то должностное лицо, которое приняло дело к своему производству. Все остальные лица — прокуроры, следователи, работники дознания, принимавшие участие в расследовании, — несут обязанность доказывания лишь в отношении тех конкретных обстоятельств, которые они исследовали, и лишь применительно к тем конкретным следственным действиям, которые проводили. Но при этом следует иметь в виду, что ответственность за достоверное и полное установление всех обстоятельств дела, включая те, которые были установлены другими должностными лицами, несет следователь, в производстве которого находится уголовное дело, так как его выводы по делу основываются на оценке всей совокупности доказательств. Именно поэтому он обязан проверить обстоятельства, установленные по делу другими лицами, если эти обстоятельства вызывают обоснованные сомнения. С этой целью могут быть предприняты повторные допросы, экспертизы и другие следственные действия.

Следует, однако, отметить, что в практике при передаче дела от одного лица другому нередко производятся повторные следственные действия, особенно допросы, без достаточной к тому необходимости. Это приводит к непроизводительной трате времени, сил и материальных средств. Как избежать этого — таков один из

важных вопросов научной организации труда следователя¹. Это вопрос о принципе процессуальной экономии, предполагающем такую организацию труда следователя, при которой в процессе доказывания достигается эффективное использование времени, сил и средств без ущерба для надежности выводов².

В процессе доказывания лицо, производящее дознание, и следователь обладают широким кругом процессуальных прав, которые предоставлены им законом. По находящимся в их производстве делам с целью собирания и проверки доказательств они могут вызвать любое лицо для допроса или для дачи заключения в качестве эксперта. Органы расследования вправе также производить осмотры, обыски и другие действия, предусмотренные законом, требовать представления предметов и документов, имеющих, по их мнению, доказательственное значение (ст. 70 УПК РСФСР)³.

Следователь полностью самостоятелен в принятии решений по существу дела, требующих оценки совокупности собранных доказательств (о предъявлении обвинения, квалификации, объеме обвинения, прекращении дела или его направлении для предания обвиняемого суду). Будучи не согласен с принятым решением, прокурор вправе передать дело другому следователю или непосредственно вынести решение от своего имени, но не вправе предписать следователю принять решение, которое, по мнению последнего, не вытекает из результатов произведенной им оценки доказательств (ст. 127 УПК РСФСР). Всякая иная регламентация отношений прокурора и следователя противоречила бы установленным законом правилам оценки доказательств по внутреннему убеждению. Прокурор вправе дать обязательные для исполнения указания, обеспечивающие собирание дополнительных доказательств или дополнительную проверку уже имеющихся доказательств (т. е. указания, обеспечивающие реализацию требований всесторонности, полноты, объективности доказывания). Его предложения относительно судьбы дела для следователя не имеют обязательной силы: прокурор вправе отменить любое решение, но не вправе требовать, чтобы следователь вынес от своего имени решение, с которым он не согласен.

Статья 3 Основ в равной степени обязывает следователя и органы дознания принимать все предусмотренные законом меры к

---

¹ На это обращала внимание Ц. М. Каз в работе «Субъекты доказывания в советском уголовном процессе» (Саратов, 1968, стр. 66). О научной организации труда следователя см. «Советское государство и право» 1970 г. № 9, стр. 104—109.

² О принципе процессуальной экономии см. И. И. Порубов, Научная организация труда следователя, Минск, 1970, стр. 199—209.

³ О полномочиях следователя в доказывании см. А. М. Ларин, Работа следователя с доказательствами, М., 1966, стр. 114—125.

раскрытию преступления, установлению лиц, виновных в совершении преступления, к обеспечению их справедливого наказания, а равно к предупреждению преступлений и предотвращению случаев необоснованного привлечения невиновных к уголовной ответственности.

По делам, по которым предварительное следствие обязательно, органы дознания ограничиваются производством неотложных следственных действий.

Основываясь на ст. 119 УПК РСФСР, орган дознания определяет, какие из них необходимы применительно к конкретным обстоятельствам расследуемого события.

Эти действия производятся, как гласит закон, для установления и закрепления следов преступления. Названная цель несколько сужена, в действительности она шире — достаточно указать, например, на действия для предупреждения готовящегося или пресечения совершенного преступления либо на действия, обеспечивающие возмещение материального ущерба и возможную конфискацию имущества, которые должны быть отнесены к числу неотложных. Однако на данном этапе расследования определенная законом цель — обнаружение, собирание и закрепление доказательств — является главной для процесса доказывания.

Самостоятельная процессуальная деятельность органов дознания в доказывании по делам, относящимся к компетенции следователей, завершается и дело передается следователю в одном из четырех случаев: по выполнении неотложных следственных действий до истечения установленного законом срока; по истечении установленного срока независимо от выполнения неотложных следственных действий; по указанию прокурора независимо от истечения срока и выполнения неотложных следственных действий; если следователь приступил к производству расследования, не ожидая указаний прокурора, истечения срока дознания и выполнения органом дознания неотложных следственных действий.

Взаимоотношения следователя с органами дознания после принятия им дела к производству регулируются ст. 127 УПК РСФСР, которая наделяет следователя правом давать органам дознания обязательные для исполнения поручения и указания о производстве розыскных и следственных действий и требовать содействия производству следственных действий.

Поручая органам дознания производство отдельных следственных действий, следователь не может перекладывать на эти органы своей обязанности по доказыванию. Органам дознания поручается выполнение таких следственных действий, производство которых связано с оперативно-розыскной или административной деятельностью органа дознания (задержание, арест, обыск, выемка), а также производство иных действий при отсутствии у следователя возможности выполнить их самостоятельно или принять в них участие или же при необходимости одновременно произвести ряд

следственных действий и т. п. Однако перепоручать производство следственных действий, которые требуют детального знания материалов дела, или могут оказаться неповторимыми (например, предъявление для опознания), или составляют исключительную компетенцию следователя (например, допрос обвиняемого), недопустимо.

Розыскные, равно как и следственные, действия после передачи дела следователю производятся работниками милиции лишь по его поручению¹. Однако, имея поручение о розыске, органы милиции могут произвести вытекающие из этого поручения не только оперативные, но и неотложные следственные действия в целях обнаружения разыскиваемого, задержания преступника или изъятия искомой вещи, если обстановка требует немедленных действий и нет возможности получить на то согласие следователя.

Говоря о праве следователя требовать содействия от органов дознания, закон имеет в виду также содействие оперативными средствами. Вместе с тем закон не предусматривает права следователя давать поручения и указания о производстве конкретных оперативных мероприятий (ст. 127 УПК РСФСР). Поэтому применительно к оперативной деятельности отношения следователя с органами дознания носят несколько иной характер, нежели при даче поручений о процессуальных действиях. Следователь не должен заниматься не свойственными ему функциями, вмешиваться в эту работу и давать указания по выполнению конкретных оперативных мероприятий.

В чем опасность такого вмешательства? Производство расследования регламентировано процессуальными нормами, которые гарантируют установление истины по делу и надежную защиту интересов личности в уголовном процессе. Оперативно-розыскная деятельность хотя и основана на законе, но протекает в не процессуальных рамках и не содержит столь надежных гарантий для установления истины в силу негласной формы и других специфических особенностей используемых средств. Поэтому оперативные данные всегда рассматриваются как вспомогательные.

Нельзя игнорировать и то соображение, что лицо, участвовавшее в оперативных мероприятиях, может непроизвольно отстаивать в процессе расследования свое субъективное убеждение, возникшее в ходе оперативных мероприятий. Трудно ожидать,

---

¹ Розыскными называются действия по розыску людей или вещей, в том числе известных и неизвестных преступников, лиц, пропавших без вести, потерпевших и свидетелей, транспортных средств, орудий преступления, похищенного имущества, ценностей и иных вещественных доказательств.

чтобы следователь в таких условиях сохранил полную объективность¹.

Именно поэтому УПК требует четкого разделения обязанностей следователя и оперативного работника, которые, в равной степени отвечая за раскрытие преступления, идут к общей цели разными путями, используют различные методы.

Ход оперативной работы и источники оперативных данных для следователя безразличны, его интересуют лишь результаты оперативной работы. Информация следователя об имеющихся или собранных по его просьбе оперативных данных — это и есть одна из форм содействия производству следственных действий, предусмотренная ст. 127 УПК РСФСР.

Какие именно сведения следователь вправе запросить от органов дознания и для сбора каких сведений эти органы обязаны проводить оперативную работу в связи с уголовным делом? В общем виде представляется, что следователь может выяснить через органы дознания только вопросы, которые относятся к предмету доказывания и к проверке имеющихся и собиранию дополнительных доказательств, которые на данном этапе установить следственными действиями нецелесообразно, затруднительно или невозможно.

Требую от органов дознания содействия путем проведения оперативных мероприятий, следователь, не определяя их форм и методов, ограничивается указанием версий, подлежащих исследованию и проверке, постановкой вопросов, разрешение которых необходимо для подготовки и проведения следственных действий.

Формы и методы оперативной работы, проводимой во исполнение поручений следователя, определяются органом дознания.

Требование закона (ст. 127 УПК РСФСР) о письменной форме поручения следователя позволяет проконтролировать законность и правильность этих поручений, которые служат основанием для действий органов дознания, объясняют происхождение собранных ими материалов. Из обязательности письменной формы заданий следователя вытекает, что и результаты выполнения этих заданий должны быть облечены в письменную форму.

На практике возникает вопрос о пределах использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности. Оценивая поступившую информацию, нужно иметь в виду, что в зависимости от характера сообщений она используется по-разному.

Первую группу составляют сведения, непосредственно указывающие на фактические данные, которые, будучи затем со-

¹ На эту опасность справедливо указывали И. Зыков, И. Аверкнев, М. Иванов в статье «О дознании и предварительном следствии» («Социалистическая законность» 1957 г. № 9).

браны и закреплены процессуальными средствами, могут служить доказательствами по делу. В этом случае оперативно-розыскные мероприятия облегчают отыскание доказательств.

Вторую группу образуют сведения, которые хотя и не содержат указаний на конкретные доказательства и пути их отыскания, но освещают событие преступления и отдельные обстоятельства, ограничивают круг подозреваемых. Эти данные используются для правильной ориентировки в расследуемом событии, построения версий, определения направления расследования и розыска виновных, для выбора тактических приемов и средств.

Важные обязанности в процессе доказывания по уголовному делу осуществляет *прокурор*. Его деятельность направлена на решение задач, стоящих перед ним как органом надзора за соблюдением законности.

Деятельность прокурора сложна и многогранна. Она протекает в различных формах с применением различных средств и методов, но всегда и везде едина по своему существу и задачам. Сказанное относится и к области уголовного судопроизводства. Во всех его стадиях независимо от характера процессуальных функций, возлагаемых законом на прокурора, он осуществляет надзор за точным исполнением законов и обязан своевременно принимать предусмотренные законом меры к устранению всяких нарушений закона, от кого бы эти нарушения ни исходили.

Этим определяется законоохранительная роль прокурора в доказывании. Как орган надзора, он обязан на предварительном следствии и в суде обеспечить установление объективной истины по делу, неуклонно следуя велениям закона, запрещающего перелagать обязанность доказывания на обвиняемого (ст. 20 УПК РСФСР).

Формы деятельности и задачи прокурора в доказывании различаются в зависимости от процессуальной стадии, на которой эта деятельность осуществляется.

В стадии возбуждения уголовного дела прокурор призван обеспечить своевременное начало расследования по каждому факту совершенного преступления, предупреждение и пресечение подготавливаемых преступлений, сохранность материалов, указывающих на наличие признаков преступления, соблюдение гарантий прав личности, законность и обоснованность возбуждения уголовного дела.

В соответствии со ст. 108 УПК РСФСР дело может быть возбуждено при наличии законных поводов и основания. При этом законом прямо предусмотрено, что основанием является достаточность данных, указывающих на признаки преступления, а не на лицо, совершившее его. Поэтому даже в случаях, когда при возбуждении уголовного дела, лицо, совершившее преступление, известно, действует правило: уголовное дело возбуждается в

отношении факта (события преступления), а не лица¹. Решение вопроса о виновных в преступных деяниях и о доказательствах, необходимых для их изобличения, является задачей не стадии возбуждения уголовного дела, а последующих стадий уголовного процесса².

Законоохранительная деятельность прокурора в доказывании на стадии возбуждения уголовного дела сводится, таким образом, к обеспечению правильного определения целей и объема доказывания, отграничивающих его от доказывания, осуществляемого по делу в дальнейшем.

Применительно к процессу доказывания полномочия прокурора в стадии предварительного расследования выражаются прежде всего в том, что он следит за точным соблюдением органами дознания и следствия всех требований закона, регламентирующих доказывание³. Этот надзор осуществляется путем проверки как по собственной инициативе, так и по жалобам участников судопроизводства материалов уголовного дела, чтобы обеспечить соблюдение требований закона о порядке собирания, фиксации, проверки и оценки доказательств.

Эти указания прокурора обязательны для органа дознания и следователя (ст. 212 УПК РСФСР). Исполнение их обеспечивается возможностью применения санкций трех видов: процессуальных, дисциплинарных и уголовно-правовых.

Прокурор в отношении следователей прокуратуры вправе самостоятельно применять дисциплинарные санкции или возбуждать уголовные дела в случаях, когда нарушена обязанность доказывания.

Наряду с дисциплинарными и уголовно-правовыми санкциями либо в качестве самостоятельной меры прокурор может применить санкции процессуальные. К их числу, в частности, относится отмена принятых следователем по делу необоснованных решений и возвращение дела для производства дополнительного расследования, а также отстранение лица, производящего дознание, или следователя от дальнейшего ведения расследования (ст. 211 УПК РСФСР).

Некоторой спецификой обладает механизм обеспечения исполнения обязанности доказывания следователями МВД и КГБ. От этих должностных лиц правомочны требовать исполнения обязан-

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 12.

² См. Н. В. Жогин, Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел, М., 1968, стр. 124.

³ Подробно о полномочиях прокурора в стадии предварительного расследования см. В. М. Савицкий, Прокурорский надзор за дознанием и предварительным следствием, М., 1959; Н. В. Жогин, указ. работа; его же, Теоретические основы прокурорского надзора за предварительным следствием. Автореферат докторской диссертации, М., 1966.

ности доказывания не только прокуроры, но и вышестоящие должностные лица — начальники следственных отделов и управлений, имеющие право проверять уголовные дела, давать указания следователям о производстве предварительного следствия, о привлечении в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения, о направлении дела, о производстве отдельных следственных действий, передавать дела от одного следователя другому; они обладают и рядом других процессуальных прав (ст. 127¹ УПК РСФСР)¹. Это не снимает с прокурора обязанности осуществлять надзор за законностью в деятельности следователей МВД и КГБ, а также начальников следственных отделов и управлений в предусмотренных законом процессуальных формах².

При выполнении указаний прокурора о производстве следственных действий, истребовании доказательств и принятии определенных решений по делу субъектом обязанности доказывания является следователь (дознаватель), а не прокурор. Однако содержание этой обязанности в данном случае предопределено указаниями прокурора.

Законоохранительная деятельность прокурора в процессе применения норм доказательственного права на предварительном следствии осуществляется не только по конкретным делам, она проявляется и в более широком плане.

Важное значение для единообразного понимания процессуальных принципов и институтов доказывания и единого их применения на практике имеют указания, содержащиеся в приказах, инструкциях и методических письмах Генерального Прокурора СССР и прокуроров союзных республик. Основанные на изучении и обобщении практики расследования преступлений, эти указания способствуют устранению неправильного понимания и применения правовых норм. В соответствии со ст. 8 Положения о прокурорском надзоре в СССР они обязательны для нижестоящих прокуроров.

Задачами прокурора по обеспечению полноты, всесторонности, объективности дознания и предварительного следствия определяется и его право непосредственно проводить следственные действия для собирания и проверки доказательств, а также участвовать в производимых органом расследования следственных

¹ Начальник следственного отдела в органах прокуратуры является в то же время прокурором. Поэтому названные его полномочия вытекают из ст.ст. 211—217 УПК РСФСР.

² В частности, вправе отменить указания начальника следственного отдела по всем вопросам доказывания. Указания прокурора, данные в соответствии с правилами, установленными УПК, обязательны для начальника следственного отдела. Поэтому предоставление процессуальных полномочий последнему не ограничивает полномочий прокурора, а вводит дополнительные гарантии качества следствия.

действиях. Прокурор вправе в случае необходимости самостоятельно осуществлять доказывание в стадии предварительного следствия.

Действенным средством обеспечения прокурором исполнения законов в процессе доказывания на предварительном следствии и дознании является проверка им всего доказательственного материала по делу, поступившему с обвинительным заключением. Если прокурор при этой проверке обнаружит неполноту произведенного расследования, недостаточную обоснованность предъявленного обвинения доказательствами, он возвращает дело для собирания дополнительных доказательств или же прекращает дело в отношении данного обвиняемого, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств (ст. ст. 208, 213 УПК РСФСР). Обнаружив неправильность оценки доказательств следователем или недостаточную обоснованность доказательствами выводов обвинительного заключения, прокурор возвращает дело органу дознания или следователю для производства дополнительного расследования, прекращает дело или возвращает его органу дознания или следователю для пересоставления обвинительного заключения.

Признав обвинение доказанным и согласившись с выводами органа расследования, прокурор утверждает обвинительное заключение. Акт утверждения является свидетельством не только признания прокурором того, что в процессе расследования выполнены все требования закона, регламентирующего собирание, фиксацию и проверку доказательств, но и убежденности прокурора в виновности обвиняемого, необходимости предания его суду, готовности доказывать обвинение в суде и настаивать на осуждении обвиняемого.

Зависимость внутреннего убеждения прокурора от материалов предварительного расследования некоторые юристы рассматривают как фактор, отрицательно влияющий на объективность позиции прокурора в суде и снижающий эффективность его надзора за законностью. Поэтому, по мнению этих юристов, было бы целесообразно освободить прокурора от обязанности проверять материалы предварительного расследования и утверждать обвинительное заключение¹. Но освободить прокурора от этой обязанности, по справедливому замечанию В. М. Савицкого, — значит по существу лишить правосудие одной из эффективных процессуальных гарантий, обеспечивающих доброкачественность материалов, направляемых в суд, их полноту, всесторонность и объективность².

¹ См. А. И. Долгова, Прокурорский надзор в советском уголовном судопроизводстве. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969, стр. 13; И. Петрухин, Об эффективности прокурорского надзора в суде, «Социалистическая законность» 1969 г. № 6, стр. 37.

² См. В. М. Савицкий, Прокурор как государственный обвинитель, «Социалистическая законность» 1970 г. № 2, стр. 36.

В стадии предания суду прокурор участвует в доказывании путем высказывания своего мнения о достаточности доказательств для рассмотрения в судебном заседании дела, если оно впесено судьей в распорядительное заседание (ст.ст. 222—225 УПК РСФСР).

В этой стадии процесса не исключается, что прокурор под влиянием доводов, высказанных в докладе судьи, и лиц, вызванных в распорядительное заседание для изложения своих ходатайств, может изменить свое прежнес суждение о выводах предварительного следствия. Как орган надзора за законностью, он обязан дать заключение по вопросу о достаточности доказательств, которое основывается не только на материалах предварительного следствия, но и с учетом новых данных, рассмотренных в распорядительном заседании.

В стадии судебного разбирательства прокурор поддерживает государственное обвинение. Одновременно он обязан обеспечить соблюдение каждым участником судопроизводства требований закона, принимая меры к устранению его нарушений, от какого бы участника они ни исходили и чьих бы процессуальных интересов они ни касались. «Эти обязанности прокурора — надзор за соблюдением законности и государственное обвинение — едино суть, их нельзя разделять или противопоставлять одну другой»¹. Попытка в теории противопоставить их и подвергнуть сомнению возможность прокурора в равной мере успешно выполнять в суде обе функции² была подвергнута критике³. Специальное упоминание о даче заключения государственным обвинителем (как и упоминание в ст. 248 УПК РСФСР о том, что он участвует в исследовании доказательств, представляет суду свои соображения о применении уголовного закона, мере наказания и т. д.) раскрывает процессуальные способы осуществления его функций, подчеркивает обязанность содействовать полному, всестороннему, объективному исследованию обстоятельств дела. Как подчеркивал М. И. Калинин, прокуратура выступает не только в качестве обвинителя против нарушителей советских законов, но она обязана также защитить советского гражданина, если он привлекается к судебной ответственности без достаточных оснований⁴.

Равенство процессуальных прав прокурора и других участников судебного разбирательства по участию в доказывании позволяет ему активно отстаивать и обосновывать свои заявления и

¹ П. И. Кудрявцев, Прокурор в суде первой инстанции, «Социалистическая законность» 1970 г. № 7, стр. 7.

² См. И. Петрухин, Об эффективности прокурорского надзора в суде, «Социалистическая законность» 1969 г. № 6.

³ См. В. Савицкий, Прокурор как государственный обвинитель «Социалистическая законность» 1970 г. № 2; П. И. Кудрявцев, назв. статья.

⁴ «Социалистическая законность» 1945 г. № 4, стр. 3.

утверждения и опровергать, доказывать несостоятельность, необоснованность утверждений, выдвинутых другими субъектами доказывания. Этот процессуальный порядок исследования доказательств в суде создает наилучшие предпосылки для полного, всестороннего, объективного исследования всех обстоятельств дела.

Прокурор должен использовать все предусмотренные законом средства для поддержания обвинения перед судом. При этом он обязан также деятельно участвовать в исследовании оправдывающих обвиняемого и смягчающих его вину обстоятельств; по своей инициативе выявлять эти обстоятельства и активно способствовать суду в их исследовании. Это необходимо потому, что до тех пор, пока не проверены, не исследованы все доказательства, говорящие в пользу обвиняемого, и не доказано, что они не могут опровергнуть обвинение, нельзя говорить о его обоснованности.

Прокурор в суде — это обвинитель, но объективный и в этом смысле беспристрастный обвинитель, который стремится установить истину.

В процессуальной литературе высказывались неправильные взгляды, что в силу единства задач органов расследования, прокурора, суда на государственном обвинителе не лежит обязанность доказывать виновность обвиняемого¹. Такая точка зрения явно противоречит сущности советского уголовного процесса, в котором на обвинителе лежит обязанность доказать виновность обвиняемого². Критикуемая точка зрения не может быть обоснована ссылками на то, что у прокурора нет обязанности доказывания виновности, исходя из того, что как прокурор, так и суд в равной мере обязаны обеспечить полноту, всесторонность и объективность исследования обстоятельств дела. Например, М. Л. Якуб утверждает, что формула «виновность обвиняемого должна быть доказана обвинителем» представляется неточной и неправильной³.

Обязанность прокурора доказать виновность подсудимого на суде не противоречит единству задач, стоящих перед органами расследования, прокурором и судом. Каждый из указанных органов осуществляет задачу борьбы с преступностью в различных процессуальных условиях, наделен различными полномочиями и

¹ М. А. Чельцов, О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VI, М., 1958, стр. 79—80.

² На неправильность позиции М. А. Чельцова указывают и другие авторы (см. Э. С. Зеликсон, Государственный обвинитель как субъект доказывания, «Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 50-летию Советской власти», Алма-Ата, 1967, стр. 8, 9).

³ М. Л. Якуб, Демократические основы советского уголовно-процессуального права, М., 1960, стр. 117—118. Следует отметить, однако, непоследовательность автора. В этой же работе он указывает, что прокурор осуществляет обвинительную функцию (стр. 163—164). Очевидно, что содержание этой функции составляет не что иное, как доказывание виновности подсудимого.

обладает неодинаковой компетенцией; все это определяет специфические черты их деятельности. Каждый из этих органов в соответствии со своими полномочиями и компетенцией осуществляет определенные уголовно-процессуальным законом функции. Поэтому общность задачи суда, прокурора и органов расследования не ведет к полному отождествлению их обязанностей¹.

Важной особенностью обвинения, осуществляемого прокурором, несомненно, следует считать всесторонность, полноту и объективность исследования фактических обстоятельств дела, тщательное исследование, проверку и оценку доказательств, собранных как на предварительном, так и на судебном следствии независимо от того, кто из участников процесса их представил.

Если государственный обвинитель пассивно ведет себя в суде (не принимает участия в исследовании доказательств, не представляет суду поступившие в его распоряжение доказательства, не заявляет необходимых ходатайств, не участвует в судебных прениях или выдвигает необоснованные утверждения и т. д.), такие действия прокурора должны рассматриваться как нарушение возложенной на него обязанности. Представляется, что суд вправе сообщить о нарушении государственным обвинителем возложенной на него законом обязанности доказывания вышестоящему прокурору частным определением.

Обвинительная речь прокурора завершает его деятельность по участию в доказывании в стадии судебного разбирательства.

Участие прокурора в доказывании при рассмотрении дела в кассационном или надзорном порядке также является формой осуществления надзорной функции. Свои суждения при поддержании протеста и даче заключения прокурор высказывает на основе оценки всей совокупности доказательств, содержащихся в деле, а также тех данных, которые содержатся в объяснениях лиц, допущенных к участию в заседании вышестоящего суда, и в новых материалах, представленных в кассационную инстанцию в порядке ст. 337 УПК РСФСР.

Вышестоящий прокурор может также отозвать протест нижестоящего прокурора или же принести протест, который прокурор, участвующий в кассационной или надзорной инстанции, обязан поддержать. Этот порядок, обусловленный действующим в органах прокуратуры принципом централизации, ограничивает в какой-то мере процессуальную независимость прокурора, но в то же время обеспечивает единообразие в понимании и применении законов, что является необходимым условием укрепления законности.

¹ На специфичность обязанностей каждого из указанных органов независимо от единства их задач правильно указывает Я. О. Мотовиловкер («Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства», Кемерово, 1962, стр. 150—151).

§ 4. РОЛЬ СУДА В ДОКАЗЫВАНИИ

На всех судебных стадиях уголовного процесса главным субъектом доказывания является суд, которому принадлежит руководящая роль в доказывании на этих стадиях.

В стадии предания суду судья (суд) оценивает доказательства по письменным материалам дела с точки зрения достаточности оснований для рассмотрения дела в судебном заседании.

На этой стадии процесса вопрос о виновности положительно не решается, так как отсутствуют условия, необходимые для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. При недостаточности доказательств, приведенных в обоснование обвинения, суд в распорядительном заседании вправе признать обвинение недоказанным и прекратить дело, если возможности для собирания дополнительных доказательств исчерпаны, а при наличии таких возможностей — возвратить дело на доследование. Оценка доказательств в этой стадии предполагает выяснение таких моментов, как достаточность имеющихся материалов для рассмотрения дела по существу, возможность восполнить доказательства в стадии судебного разбирательства, существенность процессуальных нарушений, допущенных при собирании доказательств на предварительном следствии (дознании), и возможность их устранения в судебном заседании.

В стадии предания суду при необходимости истребуются дополнительные доказательства, если их получение не связано с производством следственных и судебных действий (справки и т. п.).

Судья или суд по собственной инициативе или по ходатайству заинтересованных в исходе дела лиц вправе вызвать в судебное заседание свидетелей, экспертов и других лиц, не указанных в списке, прилагаемом к обвинительному заключению.

С другой стороны, он не связан указанным в обвинительном заключении перечнем свидетелей и экспертов, подлежащих вызову в судебное заседание. На основе оценки письменных материалов дела судья (суд) может признать, что показания (заклЮчения) некоторых из этих лиц не имеют отношения к делу, и не вызвать их в судебное заседание.

Однако суд (судья), по нашему мнению, не вправе отказать прокурору, утвердившему обвинительное заключение, в вызове свидетелей и экспертов на том основании, что обстоятельства, в подтверждение которых они вызываются, установлены другими доказательствами, так как это означало бы признание права судьи (суда) предрешать доказанность тех или иных обстоятельств, подлежащих установлению по делу.

При рассмотрении ходатайств об истребовании доказательств или вызове в судебное разбирательство свидетелей, экспертов и т. д. судья (суд) в стадии предания суду вправе вызвать обви-

няемого, защитника, потерпевшего и других участников процесса для дачи объяснений по существу заявленного ходатайства. В случае отказа ходатайство может быть возобновлено в стадии судебного разбирательства. Свидетели и эксперты в стадии предания суду не вызываются, и об их показаниях (заключениях) судья (суд) получает представление лишь по письменным материалам дела.

В стадии судебного разбирательства наиболее полно проявляются все стороны (элементы) процесса доказывания (обнаружение, закрепление, проверка и оценка доказательств); при этом доказывание осуществляется в условиях наиболее развернутого применения принципов уголовного процесса, что благоприятствует установлению истины.

В подготовительной части судебного разбирательства создаются условия, способствующие полноте, всесторонности и объективности исследования доказательств в судебном разбирательстве, а именно: проверяется явка в судебное заседание субъектов доказывания, а также лиц, показания (заключения) которых должны быть получены и проверены судом; решается вопрос об отводах; участникам судебного разбирательства разъясняются их права, в частности связанные с участием в доказывании; рассматриваются и разрешаются заявленные ходатайства, в том числе о вызове новых свидетелей и экспертов, об истребовании вещественных доказательств и документов.

В ходе судебного следствия заслушиваются устные показания обвиняемых, свидетелей, потерпевших, заключения экспертов, данные в судебном заседании, осматриваются вещественные доказательства и оглашаются документы, т.е. наиболее полно осуществляется принцип непосредственности. Суд исследует и новые доказательства, которые не были обнаружены в стадии предварительного расследования¹.

Судебные прения и последнее слово подсудимого позволяют суду предварительно оценить доказательства с помощью участников судебного разбирательства.

Если участники судебного разбирательства указывают обстоятельства, оставшиеся неисследованными или недостаточно исследованными, либо ссылаются на фактические данные, которые, несмотря на их значение для дела, оказались вне поля зрения суда, суд обязан возобновить судебное следствие.

---

¹ По данным Т. Б. Чеджемова, изучившего 286 уголовных дел, по 56 из них допрашивались новые свидетели, по 12 делам были вновь назначены судом экспертизы, по 132 делам суд истребовал документы (Т. Б. Чеджемов, Роль суда в собирании и исследовании доказательств в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮЗИ», вып. 17, ч. I, М., 1968, стр. 20). См. также Э. П. Талинский, Судебное следствие в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Харьков, 1972.

Постановление приговора — последний этап судебного разбирательства, где в условиях, исключающих постороннее воздействие на суд, завершается процесс формирования внутреннего судебного убеждения. На этом этапе процесс доказывания состоит в оценке совокупности доказательств и обосновании приговора.

Процесс доказывания в суде первой инстанции существенно отличается от доказывания в стадии предварительного расследования тем, что: 1) суд — коллегиальный субъект доказывания в отличие от следователя, который осуществляет доказывание единолично; 2) суд осуществляет доказывание в условиях наиболее полного осуществления требований гласности, устности, непосредственности, при одновременном участии в нем всех заинтересованных лиц; 3) суд вступает в процесс доказывания, имея в своем распоряжении собранный доказательственный материал, которым он, однако, не связан; 4) суд выражает свое внутреннее убеждение в акте социалистического правосудия — приговоре, который провозглашается именем государства и имеет силу закона.

Рассмотрим эти особенности.

Коллегиальность не обезличивает судей, участвующих в процессе доказывания, и не снимает с них индивидуальной ответственности за ход и исход процесса. Если среди судей, обрабатывающих состав коллегии, выявятся разногласия относительно собраний, проверки и оценки доказательств, то, подписывая приговор, судья, оставшийся при особом мнении, вправе изложить его в письменном виде. Особое мнение приобщается к делу. Процессом доказывания руководит председательствующий. Однако ни решение вопроса об истребовании доказательств, ни определение последовательности их исследования, ни, наконец, оценка доказательств не составляют его единоличной компетенции. Все эти вопросы решаются судебной коллегией.

Особенно существенна роль председательствующего, когда определяется относимость доказательств. Председательствующий обязан устранять из судебных прений все, не имеющее значения для дела. Поэтому он вправе, в частности, остановить свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта, если они в своих показаниях сообщают суду данные, не имеющие отношения к делу. Он вправе отвести вопросы, заданные свидетелю, потерпевшему, обвиняемому, эксперту, если они не относятся к предмету доказывания по делу и потому не могут служить выяснению истины. В случае несогласия с таким решением хотя бы одного из народных заседателей вопрос должен быть решен коллегиально.

Роль председательствующего в процессе доказывания состоит, далее, в том, что он своей деятельностью по руководству судебным заседанием предотвращает и устраняет нарушения процессуальной формы доказывания, от кого бы они ни исходили. Тем самым он

обеспечивает соблюдение процессуальных правил о допустимости доказательств.

Ряд действий председательствующего служит необходимым условием осуществления процесса доказывания в суде. К числу этих действий, например, относится разъяснение прав участникам судебного разбирательства, удаление свидетелей до их допроса в отдельное помещение и принятие мер, чтобы они до их допроса не общались между собой, установление личности подсудимого.

Председательствующий (вместе с секретарем судебного заседания) несет ответственность за полноту и правильность процессуального закрепления доказательств в протоколе судебного заседания, удостоверяя его своей подписью.

Председательствующий руководит совещанием судей при постановлении приговора. В частности, он ставит перед судьями в указанной законом последовательности вопросы, относящиеся к предмету доказывания по уголовному делу и составляющие содержание приговора (ст. 306 УПК РСФСР). Тем самым он вносит определенный порядок в процесс оценки доказательств. Последовательное разрешение вопросов помогает обеспечить полноту выяснения всех обстоятельств дела.

Председательствующий не вправе оказывать какое бы то ни было давление на народных заседателей с целью склонить их к принятию удобного для него решения. Это относится не только к оценке доказательств, но и к принятию решений об их собирании и проверке. Если совещание судей на месте по этим вопросам выявило между ними разногласия, то суд обязан удалиться в совещательную комнату для более детального обсуждения спорного вопроса, с тем чтобы обеспечить правильное его разрешение.

Положение суда как субъекта доказывания характеризуется процессуальными условиями, в которых он действует, а именно: гласностью, устностью, непосредственностью, непрерывностью и состязательностью судебного разбирательства¹.

Суд всесторонне исследует обстоятельства дела и разрешает его, т. е. собирает, проверяет и оценивает доказательства, обосновывая ими приговор (иное судебное решение).

После того как уголовное дело поступило в суд, всем имеющимся в деле доказательственным материалом распоряжается только суд. Все участвующие в деле лица действуют лишь с разрешения и под контролем суда.

Руководящая роль суда в доказывании проявляется и в том, что суд, выслушав мнение участников судебного разбирательства, устанавливает порядок исследования доказательств, наиболее отвечающий интересам достижения истины. Допрос подсудимых, свидетелей и потерпевших осуществляет суд; после этого участ-

---

¹ О проявлении этих принципов в доказывании см. § 3 гл. V.

никам судебного разбирательства предоставляется возможность задавать вопросы с разрешения и под контролем суда¹. Формулируя вопросы эксперту, суд также не связан характером вопросов, представленных участниками судебного разбирательства.

Выводы обвинительного заключения для суда — версия, подлежащая проверке. Суд вправе и обязан также исследовать версии (общие и частные), впервые возникшие в судебном заседании и не бывшие в поле зрения следователя и прокурора. Это может способствовать полному доказыванию версии обвинения либо привести суд к убеждению, что преступление совершено не обвиняемым, а другим лицом, либо создать такую неопределенность, при которой ни одна версия не может быть признана доказанной, что требует их дальнейшего исследования на предварительном следствии.

Суд правомочен вернуться к исследованию версий, отвергнутых на предварительном следствии, если версия обвинения положительно не доказана и, следовательно, отклонение других версий следователем произведено преждевременно и без достаточных оснований. Расширение пределов доказывания в суде нередко сопряжено с обнаружением признаков преступления, не инкриминированного подсудимым.

Если доказательства указывают на совершение подсудимым еще одного или нескольких преступлений или совершение преступления лицами, не привлеченными к уголовной ответственности, суд вправе возбудить уголовное дело в отношении новых или уже преданных суду лиц по фактам, которые выходят за пределы предъявленного обвинения, и передать возбужденное таким образом дело для производства предварительного расследования. В задачу суда в этих случаях входит исследование новых обстоятельств лишь в той мере, в какой оно необходимо для установления признаков преступления, т. е. возбуждения уголовного дела.

Суд, проводя судебное следствие, осуществляет его коллегиально, в присутствии участников процесса и публики. Эти особые условия судебного разбирательства хотя и благоприятствуют всесторонности и полноте исследования доказательств, однако делают его менее подвижным, замедленным по сравнению с предварительным следствием и потому исключают возможность проведения в суде ряда действий. Обыск, выемка, проверка показаний на месте — эти действия не могут быть проведены непосредственно в судебном заседании, так как требуют тщательной подготовки, применения особых тактических приемов и технических средств, подвижности, оперативности².

¹ УПК РСФСР и ряда других союзных республик.

² Некоторые авторы не без основания ставят вопрос о необходимости предоставления суду права давать разовые поручения органам прокуратуры и милиции о проведении следственных действий с точным указанием, где могут быть найдены отыскиваемые доказательства и какое след-

Особенностями отличаются и некоторые судебные действия, в ходе которых собираются и проверяются доказательства.

Так, в допросе свидетеля, потерпевшего, эксперта может принять участие обвиняемый. Свидетель, потерпевший, обвиняемый не вправе собственноручно изложить суду свои показания в письменном виде. Эксперт может участвовать в исследовании доказательств и осуществлять другие предоставленные ему права до того, как перед ним поставлены вопросы.

Существуют некоторые особенности и в процессуальном закреплении доказательств. Процессуально доказательства в суде закрепляются определениями о приобщении к делу вещественных доказательств и документов, составлением протокола судебного заседания, в котором отражается весь ход судебного процесса, и в частности излагается содержание показаний подсудимых, свидетелей, потерпевших, экспертов, указываются данные осмотров и других судебных действий, в ходе которых были получены доказательства.

Народные заседатели контролируют правильность фиксации доказательств в протоколе судебного заседания двойным способом: во-первых, они вместе с председательствующим рассматривают замечания (возражения) секретаря в случае его разногласий с председательствующим по поводу содержания протокола (ст. 244 УПК РСФСР); во-вторых, хотя бы один из них должен участвовать в распорядительном заседании суда при рассмотрении замечаний участников процесса на протокол судебного заседания, когда председательствующий отказался удостоверить правильность замечаний (ст. 266 УПК РСФСР).

На процессуальное закрепление доказательств в суде оказывают существенное влияние прокурор, подсудимый, защитник, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Данные, об удостоверении которых просят эти лица, подлежат обязательному занесению в протокол судебного заседания (ст. 264 УПК РСФСР). Кроме того, указанные лица обладают правом принесения замечаний на протокол (ст. 265 УПК РСФСР).

Оценка доказательств судьями происходит не только после их исследования в судебном следствии, но и в процессе самого исследования.

Однако в ходе судебного следствия суд не вправе предрешать вопрос о том, какие из доказательств лягут в основу приговора, а

ственное действие надлежит провести. На период проведения этого следственного действия слушание уголовного дела может быть отложено («Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», М., 1961, стр. 233—234).

Такого рода поручения не ограничивают сферу действия принципа непосредственности в суде. С точки зрения принципа непосредственности нет никакой разницы между выполнением следственного действия в порядке отдельного поручения суда и при возвращении дела на исследование.

какие будут отвергнуты. Порядок, согласно которому возбуждение судом уголовного дела в отношении эксперта, давшего заведомо ложное заключение, и лжесвидетеля возможно лишь одновременно с постановлением приговора, основан на правиле, что окончательная оценка доказательств судом может быть дана только в приговоре (ином решении суда).

Суд, оценивая доказательства, решает вопрос о моменте прекращения судебного следствия. Тем самым он констатирует, что исследованы все доказательства, которые могут повлиять на принятие решения.

Результатом оценки доказательств может быть возобновление судебного следствия, возвращение дела на доследование, его прекращение судом или вынесение приговора.

Приговор суда должен быть истинным, законным, обоснованным, мотивированным¹.

Истинный приговор верно отражает события и деяния, являющиеся предметом судебного разбирательства, в их правовом опосредствовании.

Законным является приговор, который постановлен при строгом соблюдении процессуальных норм, регулирующих проведение предварительного следствия и судебного разбирательства (включая требования, предъявляемые законом к самому приговору), и является результатом правильного применения судом норм материального права.

Обоснованный приговор опирается на доказательства, безусловно подтверждающие сделанные в нем выводы. Обоснованность вывода суда — это его доказанность. При вынесении оправдательного приговора за недостатком доказательств виновности обоснованность приговора предполагает, что установлена недоказанность тезиса о виновности и обоснован вывод о том, что возможности доказывания этого тезиса исчерпаны².

Требование обоснованности приговора — это требование самого закона (ст. 301 УПК РСФСР). Поэтому необоснованный приговор всегда незаконен.

¹ И. Д. Перлов, Приговор в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 34 и след.; В. Я. Дорохов, В. С. Николаев, Законность и обоснованность приговора, М., 1959; А. С. Кобликов, Судебный приговор, М., 1966, стр. 3—14; Ф. Н. Фаткуллин, Обвинение и судебный приговор, Казань, 1965, стр. 151—171; С. В. Бородин, Рассмотрение судом уголовных дел об убийствах, М., 1964, стр. 122—138. Е. А. Матвиенко, Приговор суда и его исполнение, Минск, 1968, стр. 3—33; П. Ф. Пашкевич, Объективная истина в уголовном судопроизводстве, М., 1961, стр. 68—133. П. А. Лупинская, Законность и обоснованность решений в уголовном судопроизводстве, М., 1972, стр. 71—78.

² Н. Н. Скворцов правильно заметил, что «оправдательный приговор является обоснованным и в случаях недостигнутой истины» («Оправдательный приговор и прекращение дела в суде по реабилитирующим основаниям». Автореферат кандидатской диссертации, М., 1971, стр. 12).

С другой стороны, незаконный приговор всегда необоснован. Если незаконность приговора — результат процессуальных нарушений, то все установленные таким способом факты недопустимы как судебные доказательства. Значит, основанный на таких доказательствах приговор презюмируется необоснованным. Если же допущено нарушение материального права (неверная квалификация, несоразмерное наказание), то фактические обстоятельства, установленные по делу, давали основание не для этого, а для какого-то другого оценочного вывода. Значит, данный вывод не вытекает из фактических оснований, т.е. является необоснованным.

В то же время, несмотря на тесную связь между понятием законности и обоснованности, они характеризуют все же разные свойства приговора, из которых одно связано с правовыми характеристиками действий и фактов, отраженных в приговоре, а другое — с достаточностью оснований вывода.

Мотивированность — это объяснение судом, в силу чего доказательства признаются им достоверными, относящимися к делу, допустимыми, а их совокупность служит достаточным основанием для тех или иных выводов. Это также объяснение того, почему суд отвергает одни доказательства и принимает другие. Мотивировка приговора требует письменного изложения в нем хода рассуждений судей, приведших их к определенному выводу, анализа доказательств и их синтеза. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении «О судебном приговоре» от 30 июня 1969 г. указал судам, что одних лишь ссылок в приговоре на доказательства недостаточно, потребовал подробного изложения содержания каждого доказательства и их анализа при мотивировке приговора¹.

В кассационном и надзорном производстве осуществляется преимущественно оценка письменных материалов уголовного дела. Лица, имеющие право обжалования или опротестования приговора в подтверждение своих доводов или опровержение доводов других участников процесса, могут представить вышестоящему суду дополнительные (новые) материалы, которые не были предметом рассмотрения суда первой инстанции. Собираание новых материалов производится в весьма ограниченных пределах и подчинено задаче оценки письменных материалов, имеющих в деле².

Новые материалы, сыграв определенную роль в выявлении оснований к отмене приговора, попадают затем в орбиту нового расследования и судебного разбирательства в суде первой инстан-

¹ «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 519-520.

² В. Б. Алексеев, Оценка доказательств в стадии надзорного производства, М., 1971, стр. 26—36. О понятии новых материалов и особенно о их собирании см. гл. XII.

ции и здесь, после решения вопросов об их достоверности, относимости и допустимости, могут быть использованы в качестве доказательств.

В выступлении члена суда, докладывающего дело, в выступлении прокурора, обосновывающего протест, или в его заключении по жалобе (протесту председателя суда), а равно в объяснениях обвиняемого, защитника и других лиц, если они участвуют в заседании, дается анализ имеющихся в деле доказательств, облегчающий вышестоящему суду принятие правильного решения.

Лица, обладающие правом выступить в вышестоящем суде с анализом имеющихся в деле доказательств, могут в порядке подготовки к судебному заседанию ознакомиться с материалами уголовного дела. Поступившие новые материалы оглашаются в судебном заседании и передаются для ознакомления лицам, участвующим в заседании (ст. 338 УПК РСФСР).

Особенность процесса доказывания при *пересмотре дел по вновь открывшимся обстоятельствам* состоит в том, что судом осуществляется сопоставительное исследование: а) доказательств, устанавливающих вновь открывшиеся обстоятельства, и б) материалов уголовного дела, подлежащего пересмотру.

Материалы расследования вновь открывшихся обстоятельств и доказательства, на которых основан приговор, оцениваются вышестоящим судом по внутреннему убеждению. Если вновь открывшиеся обстоятельства установлены приговором суда, то для вышестоящего суда этот приговор имеет значение опровержимой преюдиции.

§ 5. ОБВИНЯЕМЫЙ, ЗАЩИТНИК И ЗАКОННЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОБВИНЯЕМОГО КАК СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

Участие обвиняемого в доказывании обеспечивает защиту его законных интересов и в то же время способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, установлению истины¹.

Обвиняемый, не совершивший преступления, своим участием в доказывании объективно способствует следователю и суду установить свою невиновность. Это позволяет органам расследования

¹ Изложенное выше относится и к подозреваемому, если иное особо не оговорено.

и суду сос...
преступника
Обвиняем...

участием в
ному иссле
выяснению

Участие
реализации
РСФСР).

Право об
тем предъя
обвиняемого

ключения),
стоятельств

квалификац
Осущест
кой дальней

казывания.
Примени

формулируе
вишение, за
емый долж

154, 237 УГ
Объем

сообщаемых
быть таким

ного престу
Закон н

няемому со
на которых

многих слу
емого и м

не обнару
Однако

о привле
а равно пр

расследова
соображен

что обвин
вающие о
лять свое

В
защиту
ков,
18

и суду сосредоточить усилия на установлении действительного преступника¹.

Обвиняемый, совершивший преступление, своим активным участием в доказывании способствует всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела следователем и судом, выяснению обстоятельств, смягчающих ответственность.

Участие обвиняемого в доказывании осуществляется путем реализации предоставленных ему законом прав (ст.ст. 46, 77 УПК РСФСР).

Право обвиняемого знать предмет обвинения реализуется путем предъявления ему постановления о привлечении в качестве обвиняемого (в суде — путем вручения копии обвинительного заключения), в котором должны быть изложены фактические обстоятельства совершенного преступления и его уголовно-правовая квалификация.

Осуществление этого права служит необходимой предпосылкой дальнейшего деятельного участия обвиняемого в процессе доказывания.

Применительно к каждому процессуальному акту, в котором формулируется, изменяется, подтверждается или отвергается обвинение, закон устанавливает сроки, в течение которых обвиняемый должен быть ознакомлен с его содержанием (ст.ст. 148, 154, 237 УПК РСФСР).

Объем установленных по делу фактических обстоятельств, сообщаемых обвиняемому при предъявлении обвинения, должен быть таким, чтобы он соответствовал составу инкриминированного преступления.

Закон не требует, чтобы в этот момент расследования обвиняемому сообщались и тем более предъявлялись доказательства, на которых основано обвинение (ст. 143 УПК РСФСР). Это во многих случаях создавало бы трудности в изобличении обвиняемого и могло бы повлечь фальсификацию и сокрытие им еще не обнаруженных доказательств.

Однако в законе нет и запрета указывать в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого доказательства, а равно предъявлять доказательства обвиняемому в любой момент расследования. Решение этого вопроса определяется тактическими соображениями следователя. В то же время следует учитывать, что обвиняемый, которому известны доказательства, обосновывающие обвинение, имеет возможность более активно осуществлять свое право на защиту, оспаривать выводы следователя, опро-

---

¹ В этом смысле, как правильно отмечает А. С. Кобликов, «право на защиту служит интересам изобличения преступников» (А. С. Кобликов, Право на защиту на предварительном следствии, М., 1961, стр. 9).

вергать собранные против него доказательства, выдвигать новые версии и тем самым способствовать всестороннему и полному установлению обстоятельств дела¹.

Участие обвиняемого в доказывании может выразиться в даче им объяснений и показаний по существу предъявленного обвинения (гл. X).

Объяснения и показания обвиняемого обычно тесно связаны между собой и, как правило, излагаются им на допросе. Однако объяснения обвиняемого могут быть даны и вне допроса, например при проведении обыска, следственного эксперимента и т. д. Вне допроса дает свои объяснения подсудимый, отвечая на вопрос суда, признает ли он себя виновным.

В кассационных инстанциях осужденный (оправданный) допускается к даче объяснений (но не показаний) во всех случаях, когда он явился в суд (ст. 338 УПК РСФСР). Правом вызова осужденного (оправданного) для этой цели пользуется и суд, рассматривающий дело в порядке надзора (ст. 377 УПК РСФСР).

В отличие от объяснений обвиняемый может давать показания только на допросе.

Осуществляя право давать показания, обвиняемый, признавший себя виновным, может сообщить следователю и суду важные сведения, необходимые для проверки признания и индивидуализации ответственности.

Обвиняемый, отрицающий вину, как правило, указывает оправдывающие его обстоятельства, проверка которых составляет обязанность следователя и суда².

Показания обвиняемого могут использоваться для разоблачения сговора и лжесвидетельства, для выявления ошибок и неточностей в показаниях свидетелей и потерпевших, а также в заключениях экспертов. В показаниях могут содержаться указания на лиц, действительно виновных в совершении преступления.

Если в объяснениях или в показаниях, а также в кассационной жалобе обвиняемый привел в свою защиту какие-либо доводы, то следователь и прокурор в обвинительном заключении, а суд в приговоре или кассационном определении не могут обойти их молчанием. Условием доказанности обвинения служит полное опровержение доводов обвиняемого, отрицающего вину. Судебная практика исходит из того, что если в обвинительном заключении и обвинительном приговоре не опровергнуты доводы, приведен-

¹ См. В. З. Лукашевич, Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе, М., 1959, стр. 97—102.

² По данным обобщения уголовных дел, по которым приговоры были отменены, 75% обвиняемых не признавали себя виновными в суде и приводили доводы, которые не были полностью учтены судом первой инстанции (в том числе $\frac{3}{5}$ отрицали вину полностью и $\frac{2}{5}$ — частично).

ные обвиняемым в свое оправдание, то дело должно быть возвращено на исследование¹.

Участие обвиняемого в доказывании может выразиться в представлении доказательств, которое осуществляется в форме ходатайства о приобщении к делу предметов и документов, имеющих в распоряжении обвиняемого. После этого фиксируется факт передачи и признаки предметов и документов, сообщение обвиняемого об обстоятельствах обнаружения и хранения, признаки, указывающие на необходимость приобщения к делу. Фиксация факта передачи и сообщения может быть осуществлена путем составления специального протокола (либо протоколов допроса и выемки) и вынесения постановления в порядке ст.ст. 84, 131 УПК РСФСР².

Представляя предмет или документ в суд, обвиняемый ходатайствует о приобщении его к делу в качестве доказательства. Суд осматривает представленный предмет или документ и выясняет, может ли он быть использован в качестве доказательства, затем передает этот предмет или документ для ознакомления участникам судебного разбирательства и выслушивает их мнение. О приобщении к делу доказательств (отклонении ходатайства обвиняемого) отмечается в протоколе и выносится определение.

Обвиняемый имеет право представлять доказательства в течение всего судебного разбирательства. Если доказательства представляются в судебных прениях или при произнесении последнего слова, суд должен рассмотреть вопрос о возобновлении судебного следствия с тем, чтобы эти доказательства могли быть исследованы судом и другими участниками судебного разбирательства.

Обвиняемый не имеет права «взять обратно» представленные им доказательства, он не пользуется и исключительным правом ссылаться на представленные им доказательства.

В стадии кассационного производства осужденный (и его защитник) пользуются правом представления в вышестоящий суд так называемых новых материалов. На их основе вышестоящий суд проверяет обоснованность кассационных требований обвиняемого (защитника) или их возражений на кассационный протест прокурора, но не вправе признавать установленными факты, которые не были признаны таковыми судом первой инстанции.

Полагаем, что и в суд надзорной инстанции осужденный (и его защитник) вправе представлять новые материалы; эти материалы могут способствовать проверке обоснованности приговора и исправлению судебной ошибки³.

¹ См., например, «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1970 г. № 2, стр. 45.

² О представлении доказательств см. подробнее гл.гл. VI, XI, XII.

³ О новых материалах и их значении см. гл. VIII, XII.

Не имея возможности представлять доказательства, но зная, где они находятся или кто располагает сведениями об исследуемых обстоятельствах дела, обвиняемый вправе просить об истребовании доказательств или проведении процессуальных действий для их обнаружения. Но тот факт, что обвиняемый не смог представить доказательства невиновности или указать на них, не может рассматриваться как доказательство его виновности¹.

Осуществление обвиняемым права заявлять ходатайства — одна из форм его участия в доказывании. Ходатайства могут быть заявлены, в частности, о приобщении к делу представленных доказательств; истребовании доказательств; проведении следственных или судебных действий с целью собирания и проверки доказательств; исследовании версий и др.

Следователь и суд не вправе отказать обвиняемому в производстве действий по собиранию доказательств, если обстоятельства, об установлении которых он ходатайствует, могут иметь значение для дела (ст.ст. 131, 276 УПК РСФСР). К сожалению, это право обвиняемого не всегда соблюдается, что служит одним из источников судебных ошибок. Так, при изучении причин судебных ошибок, исправленных путем отмены обвинительных приговоров, выяснилось, что по 30% таких уголовных дел не проверялись или недостаточно проверялись обстоятельства, указанные обвиняемым в свое оправдание.

Отклонение ходатайства обвиняемого может быть произведено только мотивированным постановлением следователя или определением суда (ст.ст. 131, 276 УПК РСФСР).

Обвиняемый имеет право участвовать в предусмотренном законом порядке в проведении процессуальных действий, имеющих целью обнаружение, процессуальное закрепление и проверку доказательств.

Проведение некоторых процессуальных действий вообще невозможно без участия обвиняемого (освидетельствование обвиняемого, допрос и предъявление для опознания обвиняемого, получение образцов для исследования и т. д.). В других же случаях решение вопроса об участии обвиняемого в следственном действии зависит от прокурора и следователя (в суде обвиняемый имеет право участвовать в судебном следствии от начала и до конца, за исключением случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 263, ч. 3 ст. 280 и ст. 401 УПК РСФСР).

Участвуя в процессуальных действиях, имеющих целью получить от него показания (допрос, очная ставка), обвиняемый вправе

¹ Р. Радева правильно замечает, что хотя обвиняемый и стремится, как правило, представить следователю и суду оправдывающие его доказательства, но это не означает, что такая обязанность может быть возложена на обвиняемого по закону (Р. Радева, Процессуально положение на обвиняемия на предварительное следствие и наказательный процесс на НР България, София, 1965, стр. 91).

ве: сообщать сведения, которыми он располагает; требовать точной фиксации сообщаемых сведений в протоколе; собственноручно записывать свои показания; заявлять ходатайства; делать подлежащие занесению в протокол заявления о незаконных действиях следователя, прокурора, суда; удостоверить своей подписью протокол следственного действия (ст.ст. 151, 152, 131, 141 УПК РСФСР).

Участвуя в процессуальных действиях, имеющих целью обнаружение следов преступления, других вещественных доказательств и документов, обвиняемый вправе: обращать внимание следователя на наличие (отсутствие) фактических данных, имеющих значение для дела, и просить о занесении их в протокол; ходатайствовать об изъятии и приобщении предметов и документов; осматривать следы, предметы и документы, обнаруженные в ходе следственного действия; делать заявления, подлежащие занесению в протокол следственного действия; удостоверить протокол своей подписью (ст.ст. 141, 151 УПК РСФСР).

При проведении процессуальных действий, в ходе которых исследуется состояние здоровья обвиняемого (экспертиза), осматривается его тело (освидетельствование), проводятся опытные действия с его участием (следственный эксперимент), недопустимо ставить в опасность жизнь и здоровье обвиняемого, а также унижать его достоинство.

Недопустимо привлечение обвиняемого к участию в тех следственных действиях, при проведении которых присутствие посторонних лиц запрещено законом (допрос свидетеля, очная ставка между свидетелями и др.).

Обвиняемый вправе знакомиться с доказательствами, собранными к моменту окончания предварительного расследования. Это дает ему возможность ходатайствовать о дополнении расследования либо о прекращении дела.

С некоторыми доказательствами обвиняемый знакомится и до предъявления ему законченного следственного производства (при ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы и заключением эксперта, при проведении следственных действий, в которых он участвовал).

Как уже отмечалось, следователь вправе предъявить обвиняемому любые имеющиеся в деле доказательства и до окончания расследования.

Знакомясь с доказательствами, обвиняемый вправе изложить следователю свои объяснения и заявить ходатайства, вытекающие из оценки собранных по делу доказательств.

Обвиняемый вправе участвовать в исследовании доказательств судом, в частности задавать вопросы свидетелям, потерпевшим, экспертам, другим обвиняемым, осматривать вместе с судом вещественные доказательства и место происшествия, знакомиться с документами, приобщаемыми к делу, заявлять ходатайства.

Заявления обвиняемого в связи с исследованием доказательств заносятся в протокол судебного заседания.

Выступая с последним словом, а при отсутствии защитника — и в судебных прениях, подсудимый оценивает доказательства, чем не только защищает свои законные интересы, но и помогает суду глубже разобраться в обстоятельствах дела и прийти к правильным выводам.

Обвиняемый вправе заявлять отводы лицам, осуществляющим доказывание, а также лицам, участвующим в качестве эксперта, переводчика, секретаря судебного заседания и т.д. Лица, распоряжающиеся доказательствами или имеющие к ним доступ, не должны быть заинтересованы в исходе дела.

Право обвиняемого приносить жалобы на действия следователя, прокурора, суда обеспечивает соблюдение принципа законности в доказывании, служит гарантией против обвинительного уклона в исследовании и оценке доказательств.

Правом участвовать в доказывании на предварительном следствии пользуется и подозреваемый¹. Он участвует в доказывании в тех же процессуальных формах, что и обвиняемый, за некоторыми изъятиями, обусловленными особенностями его процессуального положения (в частности, он не вправе требовать ознакомления с предметом обвинения, поскольку последнее еще не сформулировано). Как и обвиняемый, он вправе не участвовать в доказывании, имея в виду, что обязанность доказывания на предварительном следствии лежит на следователе и прокуроре, однако он обязан подчиняться их законным требованиям, направленным на обнаружение доказательств.

Всесторонности, полноте и объективности предварительного и судебного следствия, вынесению законного и обоснованного приговора существенно способствует участие в доказывании защитника.

Действия защитника в процессе доказывания определяются установленной в законе целью: необходимостью выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность (ст. 51 УПК РСФСР). Отсюда вытекает, что защитник не вправе делать ничего, что могло бы ухудшить положение обвиняемого, в частности настаивать на выяснении обстоятельств, подтверждающих виновность или отягчающих ответственность (ст. 23 Основ).

Защитник обязан указывать следователю, прокурору, суду обстоятельства, говорящие в пользу обвиняемого, заявлять о на-

¹ Подозреваемый — это участник процесса, в отношении которого собраны доказательства, достаточные для обоснованного предположения о совершении им преступления и задержания или избрания меры пресечения до предъявления обвинения (ст. 52 УПК РСФСР).

рушениях прав обвиняемого, требовать, чтобы эти нарушения были устранены.

Оспаривая предъявленное обвинение или ставя вопрос о смягчении ответственности, защитник пользуется установленными законом способами доказывания. Будучи связан требованиями закона доказывать только оправдывающие обвиняемого обстоятельства или обстоятельства, смягчающие его ответственность, защитник не связан точкой зрения подзащитного о путях, методах и средствах достижения указанной цели¹.

В теории и на практике вызывает разногласия вопрос, имеет ли право защитник признать, что его подзащитный совершил преступление, и просить лишь о смягчении наказания, т. е. перенести центр тяжести защиты на участие в доказывании обстоятельств, смягчающих ответственность, хотя сам обвиняемый вину отрицает. По сути дела — это вопрос о пределах связанности защитника в доказывании позицией подзащитного, вытекающий из более общего вопроса о юридической природе судебной защиты. По мнению одних, защита имеет публично-правовой характер и потому защитник вполне самостоятелен в определении действительного, а не мнимого интереса обвиняемого и средств его защиты², а по мнению других, — является разновидностью судебного представительства, при котором представитель полностью связан позицией представляемого³.

В доказательственном аспекте проблемы речь идет о соотношении внутреннего убеждения защитника, основанного на доказательствах, и позиции обвиняемого, обусловленной очень часто одним лишь желанием избежать ответственности. Защитник, как и суд, прокурор, следователь оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием.

Различие, как отмечалось в гл. VII, — в процессуальных последствиях оценки и в подходе к ней лишь с позиций защиты. Результатом такой оценки является внутреннее убеждение защитника в виновности или невиновности подзащитного.

Если это убеждение в невиновности, то теоретических затруднений не возникает: защитник определяет свою позицию в точном соответствии со своим убеждением и отстаивает ее перед судом. При этом внутреннее убеждение и позиция защитника

¹ А. М. Ларин, Работа следователя с доказательствами, М., 1966, стр. 143.

² И. Д. Перлов, Право на защиту, М., 1970, стр. 30; «Уголовный процесс», М., 1969, стр. 80.

³ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 245—246; Р. Д. Рахунов, Участники уголовно-процессуальной деятельности, М., 1961, стр. 212 и сл.; П. С. Элькин, Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе, «Вопросы защиты по уголовным делам», Л., 1967, стр. 7—44.

вполне самостоятельны, не связаны волей и позицией подзащитного. Бывают, в частности, не столь уж редкие случаи, когда обвиняемый признает себя виновным в совершении преступления, а защитник убежден, что его подзащитный не совершил преступления или совершил менее тяжкое преступление¹.

Возможны расхождения и по вопросу о мере наказания: обвиняемый в порыве раскаяния может просить о применении к нему более строгой меры наказания, чем та, которую он на самом деле заслуживает². Применительно к обоим названным случаям важно подчеркнуть, что при паличии убеждения в невинности, меньшей вине и необходимости применить менее строгое наказание защитник вправе разойтись с обвиняемым не только во мнениях, но и в позиции на суде. В этом проявляется публично-правовой характер судебной защиты, ее самостоятельность, независимость волей обвиняемого.

Иное положение складывается в ситуациях, когда обвиняемый отрицает свою вину, а защитник на основе исследованных доказательств внутренне убежден в его виновности либо в большей вине, чем та, которую признает подзащитный³. Конечно, защитник вовсе не обязан повторять малоубедительные доводы обвиняемого, считать доказанными сомнительные обстоятельства, использовать доказательства, добытые с нарушением закона, и т. д. Но в то же время защитник не должен доказывать виновность обвиняемого, если последний свою вину отрицает. Этим подрывалась бы сама идея защиты, которая при таком ее ведении превращалась бы в свою противоположность — обвинение. Такие действия защитника означали бы фактический отказ от защиты, запрещенный законом⁴.

В частности, защитник может, не акцентируя внимание на вопросе о виновности, сосредоточиться в этих случаях на моментах, положительно характеризующих личность подсудимого; может просить о более глубоком исследовании судом доводов, приведенных обвиняемым в свое оправдание, и т. д. Иными словами, конкретные приемы и средства защиты и в этих случаях опреде-

¹ По данным выборочного изучения причин судебных ошибок, по отмененным приговорам в 14% случаев признания вины обвиняемым адвокат настаивал на полной его невинности и в 13,5% случаев настаивал на невинности в отношении некоторых обвинений. Сам факт отмены приговора свидетельствовал о достаточной обоснованности такой позиции.

² См. И. Л. Петрухин, Самооговор, «Советская юстиция» 1970 г. № 13, стр. 11—13.

³ И. Д. Перлов допускал противоречие, когда писал: «Защитник не вправе действовать против обвиняемого.., но в то же время он свободен в выборе своей процессуальной защитительной позиции» («Право на защиту», М., 1970, стр. 30).

⁴ По данным выборочного изучения причин судебных ошибок по делам, по которым были в 1967 году отменены приговоры, адвокаты, защищавшие обвиняемых, в 27,6% признавали вину своих подзащитных полностью доказанной. В то же время из этих подзащитных каждый пятый

ляет сам защитник, но отрицание обвиняемым своей вины не позволяет защитнику утверждать эту вину перед судом.

При такой позиции защитник не лишается возможности доказывать смягчающие ответственность обстоятельства. Если эти обстоятельства по делу не выяснены, значит не все элементы предмета доказывания установлены и, следовательно, обвинительный приговор не может быть вынесен.

Закон возлагает на защитника обязанность использовать все допустимые средства и способы защиты, чтобы выяснить обстоятельства, оправдывающие обвиняемого или смягчающие его ответственность. Однако если защитник положительно не доказал невиновность своего подзащитного, то это вовсе не означает, что доказана его виновность. При недостаточности доказательств, обосновывающих версию обвинения, тезис «не виновен» доказывается путем указания на необоснованность тезиса «виновен», выдвинутого обвинением.

Таким образом, защитник может: а) опровергать обвинение путем критики лежащих в его основе доказательств; б) положительно доказывать факты, не совместимые с фактами, инкриминированными обвиняемому; в) указывать на исследованные версии, опровергающие версию обвинения; г) указывать на недостаточность доказательств, лежащих в основе обвинения.

Будучи обязан участвовать в доказывании для защиты законных интересов обвиняемого, защитник пользуется теми же правами в доказывании, что и его подзащитный.

Участвуя в выяснении всех обстоятельств, говорящих в пользу обвиняемого, защитник вправе: а) заявлять ходатайства об истребовании и приобщении к делу доказательств, представлять документы и предметы, которые могут иметь доказательственное значение; б) ходатайствовать перед следователем и судом об установлении обстоятельств, говорящих в пользу обвиняемого, и просить о производстве для этого необходимых процессуальных действий; в) участвовать в предусмотренных законом случаях в производстве следственных и судебных действий по собиранию и проверке доказательств и делать заявления, подлежащие занесению в протокол; г) заявлять отводы участникам процесса; д) обжаловать их действия и решения.

Реализовать эти права защитник может лишь в том случае, если будет иметь представление о личности обвиняемого и знать

полностью и каждый третий частично отрицали свою вину, расходясь, таким образом, в позиции со своим адвокатом.

По данным такого же исследования за 1968 год по делам, по которым были отменены приговоры, в 22,7% случаев адвокаты признавали вину подзащитных доказанной. Но опять-таки каждый пятый полностью и каждый третий частично отрицали свою вину, расходясь в позиции с адвокатом (см. И. Л. Петрухин, Доказывание невиновности и позиция адвоката в суде, «Советская юстиция» 1972 г. № 10)

суть обвинения, а также все доказательства, которые собраны по делу. Только изучение и оценка последних с позиций защиты позволит ему определить правильность юридических выводов в отношении его подзащитного и решить вопрос, какие обстоятельства необходимо проверить, дополнительно установить или опровергнуть и какими средствами. Поэтому на следователя, прокуроре и суде лежит обязанность предоставить защитнику с момента вступления в дело возможность ознакомиться с материалами дела и выписывать из него необходимые сведения о собранных доказательствах, а также иметь свидания с обвиняемым.

При встречах с ним защитник не только выясняет позицию, которую тот будет занимать в процессе доказывания, и сообщает о своей позиции, но и стремится выявить обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого: характер, склонности, состояние здоровья, способности, отношение к окружающей обстановке, т. е. все то, что в какой-то мере может быть связано с причинами и мотивами совершения преступления и использовано в интересах защиты путем ходатайств о собирании дополнительных доказательств. Право на свидание с обвиняемым может быть использовано также для ознакомления обвиняемого с позицией, которую предполагает занять защитник, и для выяснения, как представляет себе обвиняемый обстоятельства дела. Защитник может выяснить у обвиняемого, кого из свидетелей, кроме допрошенных, необходимо вызвать в суд, чтобы подтвердить обстоятельства, оправдывающие или смягчающие его ответственность, нет ли у него или его близких предметов и документов, которые могли бы быть представлены в качестве доказательств, опровергающих обвинение (смягчающих ответственность).

Наделяя защитника правом представлять доказательства, уголовно-процессуальный закон не указывает, в каких пределах, каким путем и с помощью каких способов он может их собирать. Нередки случаи, когда документы или предметы, могущие быть доказательствами по делу, защитник получает от самого обвиняемого или его родственников. Кроме того, в распоряжение защитника могут поступить различного рода документы, истребованные через юридическую консультацию, если защитник — член коллегии адвокатов. В соответствии со ст. 26 Положения об адвокатуре РСФСР «юридическая консультация в необходимых случаях вправе запросить из государственных и общественных организаций справки, характеристики и иные документы, связанные с оказанием адвокатами юридической помощи»¹.

Документы могут быть истребованы и через ту организацию, которая выделила своего представителя в качестве защитника².

¹ «Ведомости Верховного Совета РСФСР» 1962 г. № 29.

² «Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», М., 1961, стр. 23, 155.

Истребуемые справки могут иметь различный характер, например справки с места работы подзащитного, справки из медицинских учреждений о состоянии здоровья и т. п.¹. Представляется, что справки и характеристики могут быть истребованы и в отношении других участвующих в деле лиц, если это необходимо для подкрепления защиты (например, отрицательная характеристика потерпевшего, справка о болезни свидетеля и т. д.).

Вопрос о том, какие материалы необходимо представить в качестве доказательств органу расследования и суду, решает сам защитник. Ни следователь, ни суд не вправе поручить ему собирание материалов, которые он сам не считает нужным представить². В случае же представления таких материалов защитником вопрос о том, какие из представленных данных должны быть приобщены к делу, решает следователь (суд).

Круг доказательств, которые могут быть собраны и представлены защитником, ограничен. Это — документы и объекты, возможно являющиеся вещественными доказательствами. Допрос свидетеля или потерпевшего по ходатайству защитника, как и проведение экспертизы, не охватывается понятием представления доказательств. Собирать какие-либо сведения путем опроса частных лиц, вести «предварительные беседы» со свидетелями, потерпевшими и экспертами защитник не вправе³.

Надо отметить, что вопрос о пределах прав защиты при истребовании и представлении документов вызывал определенные трудности в судебной практике. В связи с этим представляет интерес постановление Президиума Верховного суда Латвийской ССР от 13 февраля 1958 г.⁴. Президиум отменил частное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда республики, в котором указывалось на недопустимость действий адвоката, сфотографировавшего место происшествия и представившего фотографии в суд в качестве доказательств.

«Ходатайство адвоката о приобщении к делу упомянутых фотоснимков нет основания рассматривать как осуществление действий, входящих в компетенцию следователя», — говорится в постановлении.

Позиция, занятая Президиумом Верховного суда Латвийской ССР, представляется не бесспорной.

Закон не предоставляет защитнику права самостоятельно собирать и закреплять доказательства взамен следователя и суда.

---

¹ Вопрос о круге случаев, когда защитник может непосредственно истребовать документы, рассмотрен в § 1 гл. VI.

² См. В. Гольдинер, Процесс доказывания и обязанности защиты, «Советская юстиция» 1968 г. № 11, стр. 18.

³ На это правильно указывает Г. М. Миньковский («Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 104).

⁴ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1958 г. № 3, стр. 34—35.

Поэтому никаких следственных действий в этом направлении он совершать не может. Если, по его мнению, необходимо произвести такие действия, он должен заявить ходатайство следователю или суду. Конечно, закон не запрещает защитнику, как и любому лицу, сфотографировать местность, предметы и представить фотографии суду. Однако эти фотографии можно рассматривать не более как обоснование ходатайства защитника о проведении повторного осмотра как процессуального действия. Самостоятельного значения доказательств они не имеют.

Доказательства, об истребовании которых ходатайствует защитник, или факты, на выяснении которых он настаивает, должны иметь значение для дела. Приобщение доказательств к делу и установление новых обстоятельств должны восполнять пробелы следствия и дополнять материалы дела.

Именно этим и обосновывается заявляемое ходатайство, которое защитник обязан мотивировать, указав, «для установления каких именно обстоятельств необходимы дополнительные доказательства» (ст. 276 УПК РСФСР).

Если защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, он может присутствовать при производстве отдельных следственных действий и задавать с разрешения следователя вопросы обвиняемому, свидетелю, потерпевшему и эксперту, а также делать письменные замечания по поводу правильности и полноты записей в протоколах следственных действий. Когда защитник участвует в деле с момента окончания предварительного следствия, он с разрешения следователя может присутствовать при допросах обвиняемого и при производстве иных следственных действий, выполняемых по ходатайству защитника или обвиняемого.

Участвуя в судебном следствии, допрашивая лиц, вызванных в суд, осматривая вещественные доказательства, приобщенные к делу, и т. п., защитник также осуществляет право на участие в собирании и проверке доказательств.

Защитник оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. Промежуточным итогом произведенной им оценки доказательств может быть ходатайство, жалоба. Полное и исчерпывающее изложение своих выводов на основе оценки доказательств защитник дает в речи на суде, а также в объяснении при рассмотрении дела в кассационном или надзорном порядке.

Упоминая об участии в доказывании законного представителя обвиняемого, уголовно-процессуальные кодексы союзных республик в настоящее время не содержат нормы, которая в обобщенном виде определяла бы его правомочия как субъекта доказывания.

Законный представитель — это лицо, под опекой или на попечении которого находится несовершеннолетний или гражданин,

который не в состоянии самостоятельно защищать свои права и законные интересы¹.

Законный представитель обязан участвовать в уголовном судопроизводстве в той мере, в какой этого требует охрана интересов представляемого. Он — самостоятельный участник процесса доказывания и не связан позицией представляемого лица и защитника. Участие защитника не освобождает законного представителя обвиняемого от выполнения его функций и наоборот².

Для законного представителя характерно то, что он, участвуя в доказывании, в большинстве случаев совмещает эту процессуальную функцию с другой — свидетеля, гражданского ответчика³. В этих случаях он одновременно пользуется правами и несет обязанности участника уголовно-процессуальной деятельности.

На предварительном следствии и дознании законный представитель вправе заявлять ходатайства и представлять доказательства, присутствовать с разрешения следователя при производстве следственных действий, участвовать в ознакомлении несовершеннолетнего обвиняемого с материалами законченного следственного производства. Он вправе обсуждать с защитником и несовершеннолетним отдельные обстоятельства, обращать их внимание на доказательства, помогать несовершеннолетнему знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства. Вместе с тем следователь обязан своевременно пресекать попытки законного представителя злоупотреблять предоставленными ему правами.

В судебном разбирательстве законный представитель участвует в доказывании наравне с другими его участниками — защитником, потерпевшим и т.д.; он имеет право обжаловать приговор и участвовать в рассмотрении дела вышестоящим судом.

Суд должен по своей инициативе выяснить мнение законного представителя по возникающим вопросам наряду с мнением других участников судебного разбирательства. Учитывая возможную юридическую неосведомленность законного представителя, суд в течение всего судебного следствия активно способствует использованию им своих прав на участие в доказывании.

---

¹ Опекa устанавливается над детьми, не достигшими 15 лет, а также над лицами, признанными судом недееспособными вследствие душевной болезни или слабоумия.

Попечительство устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от 15 до 18 лет, над дееспособными совершеннолетними лицами, если по состоянию здоровья они не могут самостоятельно осуществлять свои права и выполнять свои обязанности, а также над лицами, ограниченными судом в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами (ст. 121 Кодекса о браке и семье).

² Подробнее см. «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 59—60.

³ В суде он может одновременно принять на себя функции защитника. Но совмещение процессуальных функций потерпевшего и законного представителя следует считать недопустимым.

Конечно, следует помнить, что законный представитель — лицо, заинтересованное в исходе дела. Это обязывает суд критически относиться к его объяснениям и занятой позиции.

Законный представитель, как и потерпевший, не удаляется из зала вместе со свидетелями и в течение всего судебного разбирательства рассматривается и как его участник, и как свидетель. В любой момент он может задавать вопросы, и вопросы могут быть заданы ему, он может заявлять ходатайства, и ходатайства могут быть заявлены по поводу его показаний.

§ 6. УЧАСТИЕ В ДОКАЗЫВАНИИ ИНЫХ ЛИЦ

Закон наделяет правами субъектов доказывания потерпевших, гражданских истцов и гражданских ответчиков¹.

Их деятельность по доказыванию характеризуется некоторыми общими чертами: а) объем фактического материала, в исследовании которого они принимают участие, уже, чем у обвиняемого, защитника и законного представителя — он ограничен их процессуальными интересами более узкими, чем у названных выше лиц, б) законодатель не рассматривает участие в доказывании этих лиц как во всех случаях обязательное, допуская, в частности, возможность судебного разбирательства в их отсутствие, если это не мешает полному выяснению всех обстоятельств дела, защите прав и законных интересов указанных лиц, в) на них не лежит обязанность доказывания.

Эти общие положения приобретают, однако, существенную специфику, когда речь идет о роли в доказывании каждого из названных субъектов.

Потерпевшего² можно рассматривать в качестве субъекта доказывания, имеющего противоположный по сравнению с обвиняемым процессуальный интерес в уголовном судопроизводстве, в том числе применительно к доказыванию³. Его положение в деле обычно обеспечивает направленность его участия в доказывании на изобличение обвиняемого, однако в некоторых случаях

¹ Законодатель устанавливает, в частности, право потерпевшего знакомиться с материалами дела, а гражданского истца и гражданского ответчика — с «материалами, относящимися к гражданскому иску» (ст. 200 УПК РСФСР), в отличие от права обвиняемого знакомиться «со всеми материалами дела» (ст. 201 УПК РСФСР).

² Если последствием преступления явилась смерть потерпевшего, его права как субъекта доказывания имеют близкие родственники (ст. 53 УПК РСФСР). Вопрос о том, к кому именно переходят права потерпевшего, решает соответственно лицо, производящее дознание, следователь, судья или суд.

³ П. С. Элькинд, Сущность советского уголовно-процессуального права, Л., 1963, стр. 77

он может избрать и иное направление этой деятельности, если полагает, что именно оно будет соответствовать его интересам¹.

Потерпевший может активно участвовать в исследовании доказательств и осуществлять другие права, которыми он наделен. Однако он может отказаться от реализации этих прав и целиком положиться на деятельность органов расследования и суда.

Потерпевший приобретает все права субъекта доказывания с момента вынесения постановления (определения) о признании его таковым; эти права он может совмещать с правами гражданского истца.

Действенной формой участия потерпевшего в доказывании на предварительном следствии является дача им показаний. Реализация потерпевшим этого права в то же время и его процессуальная обязанность по даче правдивых показаний. Он должен сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы по поводу обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 75 УПК РСФСР). Показания потерпевшего, таким образом, — это и средство защиты его законных интересов и одновременно источник фактических данных, необходимых для раскрытия преступления и изобличения виновного в нем лица. Потерпевший вправе также представлять доказательства, находящиеся в его распоряжении².

В частности, потерпевший может представлять фотодокументы и звукозапись, на которых оказались запечатлены, случайно или преднамеренно, отдельные моменты совершения преступления (например, звукозапись разговора между обвиняемым и потерпевшим). В отдельных случаях указанные материалы могут быть представлены потерпевшим для доказывания обстоятельств, предшествовавших преступлению или последовавших за ним, если они имеют значение для дела.

В необходимых случаях потерпевший заявляет ходатайства об истребовании доказательств и производстве следственных действий. Он наделен правом ознакомиться с материалами дела о пре-

¹ См. об этом В. П. Божьев, Потерпевший в советском уголовном процессе, Автореферат кандидатской диссертации, М., 1963, стр. 9.

² В печати было высказано мнение о целесообразности предоставить потерпевшему «право не только представлять доказательства, но и собирать их по поручению следователя или лица, производящего дознание». (Л. Д. Кокарев, Охрана прав потерпевшего в советском уголовном процессе, «Развитие прав граждан в СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства», Саратов, 1962, стр. 304). Эта рекомендация по существу направлена на расширение частного начала в уголовном процессе, так как логическим следствием этого должно быть наделение такими правами других участников процесса и их представителей (в частности, обвиняемого и защитника). Кроме того, наделение такими правами потерпевшего введет ненужный параллелизм в собирание доказательств, а в отдельных случаях приведет и к переложению обязанности доказывания на потерпевшего (В. А. Дубриный, О потерпевшем в советском уголовном процессе, указан. сборник, стр. 309).

ступлении, которым ему причинен вред, что обеспечивает мотивированность заявляемых им ходатайств.

В стадии судебного разбирательства потерпевший имеет право на заявление ходатайства о вызове свидетелей, экспертов, об истребовании вещественных доказательств и документов, на заявление возражений против удовлетворения ходатайств, заявленных другими участниками процесса, если они нарушают интересы потерпевшего (ст. 276 УПК РСФСР). При исследовании доказательств на судебном следствии он участвует в допросе подсудимого (ст. 280 УПК РСФСР) и свидетелей (ст. 283 УПК РСФСР), ставит в письменном виде вопросы эксперту и участвует в его допросе (ст. ст. 288, 289 УПК РСФСР), участвует в осмотре вещественных доказательств и обращает внимание суда на имеющие значение для дела обстоятельства, выявленные при осмотре (ст. 291 УПК РСФСР). Он вправе ходатайствовать об оглашении приобщенных к делу или представленных в судебное заседание документов, в которых, по его мнению, изложены или удостоверяются обстоятельства, имеющие значение для обоснования его утверждений (ст. 292 УПК РСФСР). После рассмотрения всех доказательств потерпевший вправе заявить ходатайство о дополнении судебного следствия (ст. 294 УПК РСФСР). Потерпевший вправе высказывать соображения, вытекающие из оценки доказательств, заявляя ходатайства и давая объяснения в ходе судебного следствия, а если он участвует в судебных прениях, то и в ходе прений. Потерпевший может обжаловать приговор по любому нарушающему его интересы основанию, предусмотренному ст. 49 Основ (ст. 342 УПК РСФСР).

Потерпевший вправе участвовать в заседании суда, рассматривающего дело в кассационном порядке (ст. 325 УПК РСФСР). Знакомясь с представленными другими участниками процесса новыми материалами, представляя их сам, а также давая объяснения, потерпевший тем самым участвует в проверке доказательств, производимой судом второй инстанции, и влияет на формирование его выводов по делу¹.

Причинение потерпевшему вреда имущественного характера влечет по закону признание его *гражданским истцом*. Это порождает для него право требовать от виновного или лиц, несущих за него материальную ответственность, возмещения материального ущерба. Правовым средством защиты имущественных интересов потерпевшего служат заявление в уголовном деле гражданского иска и участие в его доказывании, а также принятие орга-

¹ Участие потерпевшего в проверке доказательств в заседании суда, рассматривающего дело в порядке судебного надзора, законом не предусматривается, хотя в принципе вряд ли имеются основания возражать против такого участия.

нами расследования и судом мер к обеспечению гражданского иска.

Правами гражданского истца наделяются также юридические лица, понесшие материальный ущерб от преступления.

Характер и размер ущерба, причиненного преступлением, входят в предмет доказывания по уголовному делу. Поэтому деятельность органов расследования и суда по доказыванию распространяется на все обстоятельства, связанные с гражданским иском. Что касается гражданского истца, то его обязанность в отношении предъявленного гражданского иска ограничивается необходимостью представлять по требованию следователя и суда имеющиеся в его распоряжении доказательства (ст. 54 УПК РСФСР).

Непосредственное участие гражданского истца в процессе доказывания определяется рамками гражданского иска. Поэтому знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия, заявлять ходатайства, представлять доказательства, участвовать в судебном разбирательстве и судебных прениях, заявлять отводы, приносить жалобы на действия и решения органов расследования, прокурора и суда гражданский истец может лишь с целью обосновать и отстаивать свои исковые требования. Но так как факт совершения обвиняемым преступления служит основанием гражданского иска, а доказательства, подтверждающие виновность обвиняемого, обосновывают исковые требования гражданского истца, то естественно, что последний вправе принимать участие в исследовании всех тех обстоятельств, от которых зависит решение вопроса о виновности, а значит и об удовлетворении гражданского иска.

Однако гражданский истец не может заявлять ходатайства или представлять доказательства, характеризующие личность обвиняемого. Выступая в судебных прениях, гражданский истец не вправе касаться и таких вопросов, как юридическая квалификация преступления и мера наказания. Он ограничен и в праве обжалования приговора: жалоба может касаться только гражданского иска (ст. ст. 54, 325 УПК РСФСР).

Ограничение пределов участия в доказывании только вопросами, связанными с гражданским иском, практически распространяется лишь на юридические лица, выступающие в уголовном процессе в качестве гражданских истцов. Признание же гражданским истцом гражданина, понесшего от преступления имущественный вред, не лишает это лицо прав потерпевшего. Следовательно, гражданский истец — гражданин, будучи одновременно потерпевшим, вправе не ограничиваться доказыванием материального ущерба, причиненного преступлением, но и участвовать в доказывании вины и всех других элементов состава преступления.

В связи с этим гражданский истец — гражданин — при допросе его в качестве потерпевшего вправе давать показания о любом известном ему обстоятельстве, могущем иметь существенное

значение для дела, и одновременно — объяснения по существу гражданского иска. Не распространяются на гражданского истца — потерпевшего и ограничения в части обжалования оправдательного приговора.

По общему правилу, гражданско-правовую ответственность за ущерб, причиненный преступлением, несет лицо, виновное в совершении преступления. В тех случаях, когда закон возлагает материальную ответственность за ущерб, причиненный преступлением, не на лицо, его совершившее, а на другое лицо, последнее признается по постановлению следователя или определению суда гражданским ответчиком (ст. 55 УПК РСФСР).

Гражданский ответчик участвует в доказывании для охраны своих законных имущественных интересов. Этим и определяются пределы его прав как субъекта доказывания. Он может представлять доказательства или заявлять ходатайства, направленные на опровержение или смягчение обвинения (тем самым оспариваются основания или размер иска), а равно на обоснование отсутствия с его стороны имущественной ответственности за действия обвиняемого. Процессуальный закон прямо подчеркивает эту особенность процессуального положения гражданского ответчика, ограничивая ознакомление его с делом лишь материалами, касающимися оснований и размера гражданского иска.

Вопросами гражданского иска ограничено и право ответчика обжаловать приговор, определение суда и постановление судьи.

Своеобразие процессуального положения гражданского ответчика заключается в том, что нередко может возникнуть необходимость допросить его в качестве свидетеля. Если представитель предприятия, учреждения, организации может быть заменен другим лицом, то родители, опекуны, попечители незаменимы. Поэтому в тех случаях, когда они не сочтут возможным пригласить представителя, их необходимо рассматривать одновременно и как гражданских ответчиков, и как свидетелей. Они должны предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, но их не следует удалять из зала суда до допроса.

Располагая рядом процессуальных прав, позволяющих опровергать основание и размер предъявленного иска, гражданский ответчик имеет право, но не обязан участвовать в исследовании фактических обстоятельств дела.

Гражданский ответчик, возражая против иска, может содействовать органам расследования, прокурору и суду в достоверном и полном выяснении всех обстоятельств, связанных с иском. Однако эти обстоятельства должны быть полностью выяснены и в тех случаях, когда гражданский ответчик по тем или иным соображениям отказывается от осуществления своих прав или не в состоянии их полностью реализовать. Если указанные ответчиком версии нельзя считать в полной мере исследованными, обя-

занность собрать доказательства для их проверки лежит на органах расследования.

Уполномоченные потерпевшим, гражданским истцом и гражданским ответчиком представители действуют в процессе от их имени и не вправе выйти за пределы предоставленных им полномочий, если это специально не оговорено в поручении. В частности, представитель гражданского истца не вправе отказаться от иска или изменить исковые требования без согласия своего доверителя, если иное не оговорено в доверенности.

При недееспособности потерпевшего его в качестве субъекта участия в доказывании заменяют родители или иные законные представители (п. 8 ст. 34 УПК РСФСР).

В теории и практике спорным является вопрос, участвует ли представитель в доказывании наряду с представляемым лицом или вместо него¹. При решении этого вопроса следует учитывать, что представитель допускается лишь в тех случаях, когда потерпевший, гражданский ответчик или гражданский истец (гражданин) по каким-либо причинам не может или не хочет лично осуществлять свои процессуальные права. Представитель, следовательно, участвует в процессе вместо представляемого им лица. В общесоюзном законе в связи с этим установлено, что правами по участию в доказывании обладают потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик или их представители (ст.ст. 24, 25, 26 Основ)².

Особую группу участвующих в доказывании лиц составляют представители общественности. Формы их участия в доказывании определяются стадией процесса, на которой осуществляется доказывание. В стадии дознания и предварительного следствия их участие в доказывании обусловливается обязанностью следователя широко использовать помощь общественности для раскрытия преступлений, розыска лиц, их совершивших, а также для выявления и устранения причин и условий, способствовавших преступлению. Соблюдение этого требования предполагает постоянную связь следователя с общественностью. Помощь органам расследования оказывается ими в силу гражданского долга.

¹ Взгляд, что представитель участвует в доказывании наряду с представляемым лицом, разделяется Л. В. Ильиной («Потерпевший как субъект доказывания в уголовном процессе», «Учебные записки Пермского государственного университета» 1967 г. № 187, стр. 61); А. Г. Мазаловым («Гражданский иск в уголовном процессе», М., 1967, стр. 82, 83); В. Г. Астапенковым («О расширении процессуальных гарантий участников уголовно-процессуальной деятельности при окончании предварительного следствия», «Учебные записки Саратовского юридического института», 1969, вып. XVI, стр. 192).

² Сказанному не противоречит формулировка ст. 44 Основ о том, что обжаловать приговор в кассационном порядке могут гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. В ст.ст. 24, 25, 26 речь идет об участии в собирании и проверке доказательств, а в ст. 44 — об обжаловании окончательных выводов по делу.

Правильнее говорить не об участии представителей общественности в доказывании на дознании, предварительном следствии, а об их содействии и помощи лицу, производящему дознание, исследователю при обнаружении, собирании и проверке доказательств. Эта роль, как свидетельствует практика, нередко оказывается весьма важной. Так, в распоряжение следователя от народных дружин и товарищеских судов могут быть переданы различного рода материалы, которые появились в результате осуществления указанными общественными организациями своих функций.

Представленные документы и предметы, приобщенные к уголовному делу, в порядке, установленном законом, приобретают доказательственное значение (ст. ст. 83—86, 88 УПК РСФСР). Орган расследования может получить различного рода данные, необходимые для изобличения и розыска преступника, обратившись к общественности непосредственно на собраниях коллективов или же используя печать, радио, телевидение¹.

Представители общественности могут также оказать помощь следователю в подготовке и проведении следственных действий, направленных на обнаружение или проверку доказательств. Так, общественный помощник следователя может быть привлечен к выполнению поручений следователя, связанных с вызовом свидетелей, к оказанию помощи в проведении обысков, осмотров, освидетельствований, следственных экспериментов, выемок документов². Вместе с тем он не является участником процесса, так как речь идет о вспомогательных подготовительных действиях, а не о дящейся процессуальной деятельности или самостоятельном производстве следственных действий.

Представитель общественности (в частности, общественный помощник следователя) нередко привлекается для сообщения сведений, характеризующих условия жизни и воспитания обвиняемого путем производства обследований по месту жительства, работы, учебы. Собранные в результате опросов, получения характеристик, справок и т. п. материалы приобщаются к делу в качестве документов, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого), и обстоятельств, способствующих совершению преступления³.

В стадии судебного разбирательства предусматриваются самостоятельные формы участия в доказывании представителей обще-

¹ В Польской Народной Республике это право органа расследования закреплено в законе и гарантировано обязанностью соответствующих ведомств принимать представленные ими материалы для опубликования.

² См. Н. Полякова, Наши общественные помощники, «Социалистическая законность» 1968 г. № 2, стр. 59; М. Яковлев, Общественность активно участвует в работе прокуратуры, «Социалистическая законность» 1970 г. № 4, стр. 72.

³ См. «Научно практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 502. Подробнее см. § 1 гл. IV.

ственности. Выступая в качестве общественного обвинителя и общественного защитника, представители общественности являются самостоятельными субъектами доказывания. Суд должен разъяснить им процессуальные права, которыми они наделены по закону, в том числе на участие в доказывании, и обеспечить все возможности для их осуществления¹. Осуществляя свои процессуальные функции, общественный обвинитель и общественный защитник могут принимать активное участие в исследовании доказательств, заявлять ходатайства об истребовании и проверке доказательств и представлять их. В этом отношении они имеют равные процессуальные права с государственным обвинителем, защитником и другими участниками судебного разбирательства (ст. 250 УПК РСФСР).

Участвуя в судебных прениях, общественный обвинитель и общественный защитник излагают свое мнение на основе оценки исследованных доказательств.

Общественный обвинитель и общественный защитник не обязаны следовать позиции государственного обвинителя и адвоката, присоединяться к их мнению. Будучи самостоятельными субъектами доказывания, они свободны в оценке доказательств и вправе высказать мнение, которое может не совпасть с мнением названных участников процесса. В то же время, являясь представителями общественных организаций, коллектива трудящихся, они должны выражать в суде их позицию. Может случиться, однако, что позиция общественных организаций, делегировавших представителя, основанная на материалах предварительного расследования, не найдет своего подтверждения в судебном заседании и будет противоречить выводам, сформировавшимся у общественного обвинителя или защитника в результате оценки доказательств. В этих случаях общественный обвинитель по согласованию с соответствующей общественной организацией вправе отказаться от обвинения, а общественный защитник — от защиты (ст. 250 УПК РСФСР)².

Наряду с участием в доказывании потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, общественного обвинителя и защитника следует упомянуть о праве представления доказательств лицами, не являющимися субъектами доказывания. Согласно закону орган расследования и суд могут приобщить к делу доказательства, представленные любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями (ч. 2 стр. 70 УПК РСФСР).

¹ К этому суды обязываются постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1960 г. («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», стр. 230).

² Аналогичного взгляда придерживается Ц. Каз («К вопросу об участии общественного обвинителя и общественных защитников в доказывании», «Ученые записки», вып. XVI, Саратов, 1969, стр. 161).

Доказательства или, точнее, предметы и документы, могущие стать таковыми, представляются гражданами, учреждениями, предприятиями, организациями по их собственной инициативе. Изъятие предметов и документов, находящихся у граждан, органами следствия и судом в результате обыска, выемки и т. п. понятием «представление доказательств» не охватывается. Представляя доказательства, граждане и должностные лица становятся участниками соответствующего действия по собиранию доказательств. Но речь идет о разовом действии, за пределами которого они не обладают процессуальными правами и обязанностями.

Показан
ответств
о факти
ланное
коном п

Проп
тем, что
действий
знания с
этому св

Поско
сведения
го конкр
данные,
источник

Об об
может уз
верочным
дела (на
мого или
понятого

Предм
и охваты
обстоятел
которые

В св
вызова в
предварите
сообщаем
судом
По

ГЛАВА IX

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

§ 1. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

Показания свидетеля — устное сообщение лицом, не несущим ответственности за совершение данного преступления, сведений о фактических обстоятельствах, имеющих значение для дела, сделанное и зафиксированное в соответствии с установленными законами правилами.

Процессуальная природа показаний свидетеля определяется тем, что их основу составляют личные восприятия событий или действий, сведения о которых имеют значение для дела, либо знания о них, полученные от других лиц или из документов. Поэтому свидетель незаменим.

Поскольку содержание свидетельских показаний составляют сведения о фактах, воспринятых непосредственно или из другого конкретного источника, не могут служить доказательством данные, сообщаемые допрашиваемым, если он не может указать источник своей осведомленности (ст. 74 УПК РСФСР)¹.

Об обстоятельствах, имеющих значение для дела, свидетель может узнать как вне производства по делу, так и в связи с проверочными действиями или уже после возбуждения уголовного дела (например, от лица, допрошенного в качестве подозреваемого или свидетеля, или в связи с исполнением им обязанностей понятого).

Предмет допроса свидетеля определяется ст. 72 УПК РСФСР и охватывает любые подлежащие установлению по данному делу обстоятельства, как входящие в предмет доказывания, так и те, которые необходимы для собирания и правильной оценки

---

¹ В связи с этим представляется ошибочным мнение о возможности вызова в суд лиц, которые в ходе их допроса в качестве свидетелей на предварительном следствии не могли указать, откуда им стали известны сообщаемые сведения (В. Алексеев, А. Бойков, Проверка и оценка судом показаний свидетеля, «Советская юстиция» 1968 г. № 1, стр. 16). Поскольку такие показания не отвечают требованиям ст. 74 УПК РСФСР, они не могут рассматриваться как имеющие доказательственное значение.

доказательств¹. Закон специально оговаривает правомерность допроса свидетеля об обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого. Он может быть допрошен и о личности потерпевшего, а также других свидетелей, что может иметь значение для оценки их показаний. К предмету показаний свидетелей могут быть отнесены не только сведения о событии преступления, но и о сопутствовавших или предшествовавших ему обстоятельствах. Наконец, свидетелю могут быть поставлены вопросы, направленные на выяснение его способности правильно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, составляющие предмет допроса.

Существует мнение, что предмет показаний свидетеля могут составлять и обстоятельства, указывающие на его причастность или непричастность к рассматриваемому преступлению². С подобным утверждением согласиться нельзя. Анализ ст.ст. 72—74 УПК РСФСР, предусматривающих, кто может быть вызван в качестве свидетеля, обязанности свидетеля и предмет их показаний подтверждает, что свидетелем закон считает лицо, которое знает об обстоятельствах, подлежащих установлению по данному делу, отнюдь не в связи со своими уголовно наказуемыми действиями. Поэтому он и несет ответственность за отказ или уклонение от дачи показаний, а также за дачу заведомо ложных показаний (ст. 73 УПК РСФСР).

Следует также иметь в виду, что выяснение обстоятельств, указывающих на причастность к преступлению, предполагает наличие у допрашиваемого лица права на защиту, каковым свидетель не обладает.

Если возникает вопрос об уголовной ответственности допрашиваемого, связанные с этим обстоятельства выходят за рамки предмета показаний свидетеля. В зависимости от совокупности собранных доказательств в подобном случае лицо допрашивается в качестве подозреваемого или обвиняемого.

Учитывая, какое важное значение для раскрытия преступления могут иметь известные свидетелю обстоятельства, а также незаменимость лица, располагающего сведениями о них, закон

¹ Попытки разграничить предмет допроса и предмет показаний не представляются плодотворными. Поскольку допрос является средством получения показаний, его предмет должен совпадать с предметом показаний допрашиваемого лица. То обстоятельство, что в ходе допроса свидетеля и потерпевшего может быть получена информация, не имеющая отношения к делу или не отвечающая требованиям закона, не дает основания утверждать, что предмет допроса шире предмета показаний (М. Л. Якуб, Процессуальные проблемы оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого. Докторская диссертация, Л., 1970, стр. 519). Информация такого рода в равной мере остается за рамками как предмета показаний, так и предмета допроса, предусмотренного ст.ст. 74—75 УПК РСФСР. См. § 4 гл. III.

² М. Л. Якуб, Автореферат, стр. 22.

сводит до минимума ограничения, препятствующие допросу в качестве свидетеля.

Считая несовместимым осуществление функций лица, производящего расследование, обвинителя, судьи, эксперта, переводчика, секретаря с обязанностями свидетеля, закон не запрещает вместе с тем их допрос в качестве таковых в случае возникновения в том необходимости (например, для выяснения обстоятельств производства того или иного следственного действия, утраты того или иного доказательства; для проверки составленных в ходе производства по делу документов, если этого нельзя достичь иным путем, и т. д.). Однако их допрос в качестве свидетелей служит основанием для отвода от исполнения иных процессуальных функций (ст.ст. 59, 63, 67 УПК РСФСР).

Допрос в качестве свидетеля законного представителя потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого прямо предусмотрен законом (ст. 73 УПК РСФСР) и, следовательно, не влечет за собой отвод такого лица от дальнейшего участия в деле в качестве законного представителя. Объясняется это тем, что законный представитель, как и свидетель, незаменим и, следовательно, совмещение их обязанностей в одном лице в ряде случаев неизбежно¹. В законе не содержится подобного указания в отношении гражданского истца и гражданского ответчика, но допустимость их допроса в качестве свидетелей, если речь идет о гражданах, не вызывает сомнения.

Запрещено допрашивать в качестве свидетеля лишь защитника обвиняемого об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением возложенных на него обязанностей (ст. 72 УПК РСФСР). Указанное правило связано с правом обвиняемого иметь защитника и служит гарантией беспрепятственного осуществления последним возложенных на него функций. Закон ограничивает запрет допроса защитника в качестве свидетеля кругом сведений, которые тот получает в связи с принятой на себя защитой. Если сведения, имеющие значение для дела, не связаны с осуществляемой защитой, защитник, как и любое другое лицо, может быть допрошен в качестве свидетеля. В этом случае он освобождается от обязанностей защитника по делу.

Устранение всех препятствий к допросу в качестве свидетеля любого лица, могущего располагать сведениями об обстоятельствах, имеющих значение для дела, органически сочетается с запретом допрашивать в качестве свидетелей лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны правильно воспринимать и описывать эти обстоятельства (ст. 72 УПК РСФСР).

¹ Г. М. Миньковский, Особенности расследования и рассмотрения дел о несовершеннолетних, М., 1959, стр. 191—201.

Известно, что показания на допросе состоят из воспроизведения в результате расспроса со стороны следователя, судей ранее воспринятых и удержанных в памяти фактов, событий и явлений.

Очевидно, что, если дефекты органов чувств препятствуют правильному восприятию, это приводит к искажению фактов при их воспроизведении. Поэтому не может быть свидетелем лицо, страдающее дефектом того органа чувств, с помощью которого воспринимались обстоятельства, имеющие значение для дела, если характер дефекта препятствовал правильному восприятию. Не может быть допрошен и потерпевший, страдавший таким недугом. В равной мере не могут служить доказательствами показания лиц, неправильно воспринимающих и воспроизводящих факты в силу психического заболевания.

Таким образом, законодатель в равной степени заботится как о полноте использования свидетельских показаний, так и об устранении из их числа заведомо недостоверных сведений.

Учитывая, что способность правильно воспринимать и воспроизводить те или иные обстоятельства зависит не только и не столько от возраста, сколько от характера этих обстоятельств и индивидуальных особенностей ребенка, закон не оговаривает, с какого возраста несовершеннолетний может быть допрошен в качестве свидетеля или потерпевшего. Однако в силу ограниченной способности детей к восприятию и воспроизведению многих обстоятельств, а также их повышенной склонности к фантазированию, внушению и самовнушению малолетних допрашивают в качестве свидетелей в тех случаях, когда существенные для дела обстоятельства не могут быть установлены иным путем. В сложных случаях вопрос о способности малолетних давать показания решается с помощью экспертизы.

Закон не запрещает допрос в качестве свидетелей лиц, заинтересованных в исходе дела в силу родственных отношений с обвиняемым, дружбы, вражды или зависимости от него по службе. Сомнение в объективности этих лиц должно быть учтено при определении тактики допроса, при проверке и оценке полученных показаний¹.

Как уже отмечалось, когда возникает необходимость в постановке вопросов, изобличающих в совершении преступления, такое лицо (при наличии оснований, указанных в ст. 52 УПК РСФСР) допрашивается не в качестве свидетеля, а в качестве подозреваемого, которому предоставлено право на защиту (ст. 123 УПК РСФСР).

¹ В определении Судебной коллегии по уголовным делам по делу А. Верховный Суд СССР отмечает: «Суд при рассмотрении дела не критически отнесся к проверке и оценке показаний тех свидетелей, которые в силу своих родственных связей с потерпевшими или осужденными заинтересованы в необъективном освещении фактических обстоятельств» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1962 г. № 2, стр. 35).

Вместе с тем в качестве свидетеля таких лиц в ка- в отношении д производств является матери- являются факт- щему делу, м- этого не обяза- Иначе обсто-

по делу, тесно- ему предъявле- лиц, которым- ния в соучаст- укрывательств- ния дел по м- винения, расс- делу соучаст- того, осужден- ему обвинени- их предмет — ваемого, и ре- разиться на е- деленному де- может приве- к тому, что-

допрашиваем- будет недост- В связи с- чая дачи с- может возни- шиваемого:

а) понят- обстоятельст- действием, белов прото-

¹ См. М- стр. 161—163.

² Следует- именно о п- привлеченно- токола его д- Судебной кол- тября 1953 г- ховного Суда- целесообразн- (например, с- показаний с- ской диссерт-

Вместе с тем закон не запрещает допрос обвиняемых в качестве свидетелей по другому делу. Необходимость в допросе таких лиц в качестве свидетелей возникает, если материалы дела в отношении данного обвиняемого выделены в самостоятельное производство из-за отсутствия связи с делом, из которого выделяется материал. Такие лица, поскольку предмет их показаний являются факты, которые им не инкриминируются по настоящему делу, могут допрашиваться как свидетели. Причем для этого не обязательно, чтобы дело о них было прекращено¹.

Иначе обстоит дело в тех случаях, когда лицо допрашивается по делу, тесно связанному с действиями, обвинение в которых ему предъявлено или по которому он осужден. Так, показания лиц, которым предъявлено обвинение в совершении преступления в соучастии с другими лицами или в заранее не обещанном укрывательстве, педоносительстве, должны в случае разделения дел по мотивам, не связанным с изменением характера обвинения, рассматриваться (когда они даны по выделенному делу соучастника) как показания обвиняемых независимо от того, осужден ли уже сам допрашиваемый по предъявленному ему обвинению. Это вытекает из характера показаний, так как их предмет — преступление, совершенное с участием допрашиваемого, и результаты рассмотрения выделенного дела могут отразиться на его судьбе². Если же показания соучастников по выделенному делу рассматривать как показания свидетелей, то это может привести к игнорированию особенностей этих показаний, к тому, что будет упущена из виду особая заинтересованность допрашиваемого в исходе дела и, следовательно, отношение к ним будет недостаточно критическим.

В связи с этим следует остановиться и на иных особых случаях дачи свидетельских показаний, применительно к которым может возникнуть сомнение в процессуальном положении допрашиваемого:

а) понятые могут быть допрошены в качестве свидетелей об обстоятельствах, связанных с соответствующим следственным действием, для проверки полноты, точности и восполнения пробелов протокола;

¹ См. М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, 1951, стр. 161—163.

² Следует подчеркнуть, что в рассматриваемом случае речь идет именно о получении показаний путем допроса по данному делу лица, привлеченного по другому делу, а не просто о приобщении копии протокола его допроса по делу, по которому он привлечен (см. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 16 сентября 1953 г. по делу Б., «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР», М., 1955, стр. 138). При этом «нет необходимости и целесообразности распространять на этих лиц все гарантии обвиняемого (например, ст. 49 УПК)» (М. Л. Якуб, Процессуальные проблемы оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого. Автореферат докторской диссертации, Л., 1970, стр. 27).

б) специалисты могут быть допрошены как свидетели об обстоятельствах, в которых они сведущи, а также по поводу следственных действий, в которых они принимали участие;

в) оперативные работники и представители общественности, участвовавшие в задержании преступника с поличным, могут быть допрошены в качестве свидетелей о наблюдавшихся ими действиях преступника и других обстоятельствах, связанных с задержанием¹;

г) ревизоры, инспектора и другие должностные лица и представители общественности, производившие проверочные действия, материалы которых представлены в качестве доказательств, могут быть допрошены о ходе и результатах этих проверочных действий для уточнения и восполнения представленных материалов²;

д) должностные лица, принимавшие участие в расследовании и судебном разбирательстве дела, могут быть допрошены в качестве свидетелей при возобновлении дела по вновь открывшимся обстоятельствам, а равно в ходе расследования должностных преступлений и преступлений против правосудия, связанных с этим уголовным делом.

Следует предостеречь против попыток заранее трактовать перечисленные особые разновидности свидетельских показаний как «худшие». Вместе с тем при оценке доказательств необходимо учитывать особенности их формирования (например, влияние на содержание показаний ревизора того обстоятельства, что он занял в отношении обвиняемого определенную позицию и выразил ее в акте ревизии).

По своей процессуальной природе, предмету, особенностям формирования и оценки к показаниям свидетеля близко примыкают *показания потерпевшего*, представляющие собой устные сообщения об обстоятельствах, связанных с преступлением, которым лицу, дающему показания, причинен моральный, физический или имущественный вред.

Так же, как и показания свидетеля, показания потерпевшего представляют собой сообщения гражданина органу дознания, следователю или суду о фактах, относящихся к делу, которые он лично воспринимал или о которых слышал от других лиц

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу М. и Г. («Социалистическая законность» 1959 г. № 9, стр. 93). Допрос оперативных работников в качестве свидетелей влечет за собой их устранение от участия в расследовании данного уголовного дела.

² В постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 4 от 30 мая 1967 г. «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений» указано, что технические инспектора могут быть допрошены в качестве свидетелей на общих основаниях («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1970», М., 1970, стр. 510).

(узнал из документов). В связи с этим потерпевший как носитель доказательственной информации незаменим, а сообщаемые своей осведомленности, не могут служить доказательством. На потерпевшего распространяются правила вызова и порядок допроса свидетелей (ст. 75 УПК РСФСР). Вместе с тем из перечня ст. 69 УПК РСФСР усматривается, что показания потерпевшего являются самостоятельным видом доказательств¹. Определяется это наличием существенных особенностей, характеризующих показания потерпевшего, основные из которых сводятся к следующему:

1) в качестве свидетеля может быть допрошено любое лицо, которому известны какие-то обстоятельства, имеющие значение для дела (ст. 72 УПК РСФСР). В качестве потерпевшего допрашивается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред (ст. 53 УПК РСФСР);

2) свидетель появляется в деле в результате его вызова на допрос; о признании потерпевшим выносится постановление (определение). Не исключены случаи, когда лицо сначала допрашивается в качестве свидетеля, а затем в качестве потерпевшего;

3) в отличие от свидетеля, который в большинстве случаев не заинтересован в исходе дела, потерпевший имеет самостоятельные интересы. Как правило, потерпевший своими показаниями не только способствует правильному решению вопроса о виновности или невиновности обвиняемого, но и одновременно добивается удовлетворения своих интересов в процессе. Учитывая особенность процессуального положения потерпевшего, закон наделяет его особыми правами, которыми свидетель не пользуется. К числу таких прав потерпевшего относится и право давать показания². По требованию следователя или суда потерпевший обязан дать показания по существу дела.

Таким образом, процессуальная природа показаний потерпевшего определяется тем, что они являются не только источником фактических данных, но и средством защиты его интересов;

4) показания потерпевшего, как и свидетеля, могут относиться ко всему кругу обстоятельств, подлежащих доказыванию. Потерпевший может быть допрошен не только о личности обвиняемого и своих взаимоотношениях с ним, но также о личности и о своих взаимоотношениях со свидетелями и подозреваемыми. Сообщая следователю и суду известные ему факты, потерпевший прежде всего добивается признания факта причинения ему

¹ Иная точка зрения изложена В. Я. Дороховым в работе «Показания потерпевшего как доказательство в уголовном процессе», М., 1959, стр. 8—9.

² Потерпевший может осуществлять предоставленные ему права как лично, так и через представителя. Однако право давать показания он может осуществлять только лично.

вреда, нанесения ущерба и принятия мер к его возмещению. Соответственно в предмет его показаний входят связанные с этим обстоятельства (характер и размер вреда, подтверждающие наличие вреда факты, и т. п.). Представляется, что наряду с фактическими данными потерпевший может сообщить свое мнение о них. Учитывая эту особенность показаний потерпевшего, многие из процессуалистов справедливо относят к их предмету выводы, объяснения по поводу обстоятельств дела и мнения о них¹.

Следует отличать показания потерпевшего от его заявлений и объяснений, приобщенных к делу (ст. ст. 108, 109 УПК РСФСР). Показаниями потерпевшего будут лишь устные сообщения, сделанные им на допросе после возбуждения уголовного дела. Объяснения и заявления, которые имеются в деле, не могут замешить показания потерпевшего, данные им на допросе.

При допросе потерпевшего особое внимание уделяется выяснению узловых обстоятельств, соответствующих признакам расследуемого преступления.

Осведомленность потерпевшего об интересующих следствие фактах, как правило, шире, чем осведомленность свидетеля, поскольку он обычно является очевидцем исследуемого события.

Поэтому в отличие от показаний свидетеля в предмет показаний потерпевшего входят сведения как о материальных последствиях расследуемого события, так и о действиях, в результате которых эти последствия возникли².

¹ В. Я. Дорохов, указ. работа, стр. 8; Н. Я. Калашникова, Расширение прав потерпевшего в советском уголовном судопроизводстве, «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР», М., 1959, стр. 248; Л. Д. Кокорев, Пострадавший от преступления, Воронеж, 1964, стр. 26—27; Ц. М. Каз, Доказательства в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 79; Л. В. Ильина, Предмет показаний потерпевшего, «Ученые записки Пермского государственного университета», № 204, Пермь, 1969, стр. 114—115; М. Л. Якуб, Показания потерпевшего и их оценка, «Правоведение» 1967 г. № 2, стр. 88.

² См. А. М. Алексеев, Показания очевидца, «Состояние научных исследований по судебной психологии (материалы к I Всесоюзной конференции по судебной психологии)», М., 1971. Вместе с тем нельзя согласиться с его мнением, что большая «информативность» показаний потерпевших по сравнению с показаниями свидетелей, возможность проверить процесс формирования показаний и удобство в получении и пользовании показаниями дают основания для выделения очевидцев в специфическую группу источников доказательств (Там же, стр. 77). Нельзя не заметить, что выделение их показаний в особую группу привело бы к недооценке иных факторов, влияющих на формирование показаний свидетелей и потерпевших. Свидетель так же, как и потерпевший, может быть очевидцем, но это еще не позволяет «ставить знак равенства между показаниями свидетеля, которому известно, как совершилось преступление, и показаниями лица, против которого такое преступление совершено» (В. А. Дубаринский, Доказательственное значение показаний потерпевшего на предварительном следствии, «Ученые записки Саратовского юридического института», вып. X, Саратов, 1962, стр. 112).

Широкая осведомленность потерпевшего, правильное использование которой может иметь важное значение для проверки иных доказательств, собранных по делу, определило включение в предмет его допроса и показаний о всех известных ему фактах, могущих иметь значение для проверки других доказательств по делу, на что прямо указывается в УПК ряда союзных республик (см., например, ст. 54 УПК Эстонской ССР, ст. 60 УПК Киргизской ССР).

Показания свидетелей и потерпевших не только средство установления новых фактов, но также эффективное средство определения относимости, проверки и уточнения обстоятельств, уже установленных иными доказательствами. Наконец, в сообщениях этих лиц могут содержаться сведения, помогающие определить достоверность их собственных показаний.

Действующий закон (ст. 75 УПК РСФСР), регламентировав допрос потерпевшего, тем самым подчеркивает значение его показаний как самостоятельного вида доказательств. Содержащиеся в его показаниях фактические данные часто способствуют выяснению обстоятельств, влияющих на квалификацию преступления и определение вида наказания¹. Нередко потерпевший является единственным очевидцем преступления, в связи с чем прежде всего в ходе его допроса выясняется, имело ли место событие, послужившее основанием к возбуждению дела, и какие факты могут свидетельствовать о характере субъективной стороны преступления. Даже не наблюдая сам факт расследуемого события, потерпевший может сообщить важные обстоятельства, способствующие раскрытию преступления. Вместе с тем значение показаний потерпевшего по конкретному делу, как и показаний свидетеля, зависит от объема и характера сведений, которыми он располагает.

Из того обстоятельства, что основу свидетельских показаний и показаний потерпевших составляют их личные восприятия, однако не следует, что они всегда являются первоисточником сведений, сообщаемых при допросе. Эти сведения нередко являются производными доказательствами, если они почерпнуты не в результате непосредственного наблюдения, а из другого известного источника. Фактические данные, составляющие содержание производных доказательств, могут быть восприняты свидетелем и потерпевшим также в результате ознакомления с документами или материальными объектами.

Сведения, содержащиеся в показаниях свидетелей и потерпевших, если они носят производный характер, приобретают

¹ По делам так называемого частного обвинения и частно-публичного обвинения важное значение приобретает отношение потерпевшего к преступлению, в результате которого ему нанесен ущерб (М. Л. Якуб, Предмет (содержание) свидетельских показаний в уголовном процессе, «Вестник МГУ», серия «Право», 1967 г. № 2, стр. 53).

значение доказательств лишь в тех случаях, когда допрашиваемый указывает источник своей осведомленности (ст. ст. 74 и 75 УПК РСФСР). Требование указать источник сообщаемых сведений следует считать категорическим: оно не зависит от содержания показаний и обстоятельств, при которых они были получены.

Производные показания свидетелей и потерпевших приобретают особо важное значение в тех случаях, когда лицо, непосредственно воспринявшее факты, не может быть допрошено (например, умирающий сообщил свидетелю, кто совершил на него нападение)¹.

По своему содержанию показания свидетелей и потерпевших могут иметь значение уличающих или оправдывающих, прямых или косвенных доказательств.

Наряду с фактическими данными свидетель и потерпевший нередко сообщают предположения, оценочные суждения о фактах, комментируют те или иные события. Предположения свидетеля и потерпевшего о фактах, им не воспринятых или забытых, не имеют доказательственного значения. Имеют ли доказательственное значение умозаключения и оценочные суждения свидетелей и потерпевших? Доказательствами по уголовному делу служат фактические данные, а поэтому доказательственное значение имеют сведения о наличии или отсутствии фактов. Что касается обобщений и оценочных суждений о воспринятых фактах, то попытка исключить их полностью из показаний сделала бы невозможным свидетельствование, ибо описание фактов средствами языка всегда включает некоторые обобщенные понятия и оценки.

Если оценочное суждение основано на фактических данных и может быть конкретизировано указанием на факт, оно по существу становится формой сообщения этих данных.

§ 2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛНОТЫ И ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ. ОСОБЕННОСТИ ИХ ОЦЕНКИ

Значение показаний зависит от того, насколько полно и правильно в них отражены обстоятельства, подлежащие доказыва-

¹ В ч. 3 ст. 68 УПК УССР говорится, что в тех случаях, когда показания свидетеля основываются на сообщениях других лиц, эти лица должны быть также допрошены. Такое же требование содержится в ч. 2 ст. 49 УПК Казахской ССР. Однако, как только что показано, не в каждом случае лицо, непосредственно воспринявшее факты, может быть допрошено.

нию по уголовному делу. Средством получения таких показаний служит допрос.

Как и любое следственное действие, допрос производится по процессуальным правилам, соответствующим специфике данного способа собирания информации и обеспечивающим полноту и достоверность полученных показаний.

Так, сама возможность допроса свидетеля и потерпевшего обеспечивается их обязанностью явиться по вызову органов расследования и суда¹. Если свидетель и потерпевший, получившие вызов на допрос, уклоняются от дачи показаний, они могут быть подвергнуты не только принудительному приводу, но и привлечены к уголовной ответственности (ст. 182 УК РСФСР). Далее, закон обязывает лицо, явившееся по вызову для допроса, сообщить правдиво обо всем, что ему известно по делу. За отказ от дачи показаний, а также за дачу заведомо ложных показаний свидетель и потерпевший несут уголовную ответственность (ст.ст. 181, 182 УК, ст. 158 УПК РСФСР). Предупреждение об этом свидетеля и потерпевшего перед допросом побуждает его более вдумчиво и серьезно относиться к своим показаниям, сообщать необходимые сведения в полном объеме и в точном соответствии с действительностью. Поскольку закон свел до минимума ограничения в отношении лиц, которые могут быть допрошены в качестве свидетелей, в их число попадают люди, находящиеся в особых отношениях с обвиняемым или потерпевшим (например, родственники). Это делает тем более необходимыми меры предупреждения от недобросовестного исполнения обязанностей свидетелей или уклонения от них.

На создание наилучших условий для обеспечения полноты и достоверности показаний свидетелей и потерпевших с учетом особенностей формирования их направлены и правила о месте и времени допроса, соотношении свободного рассказа и постановки вопросов, протоколировании результатов допроса и использовании вспомогательных средств фиксации.

Для ограждения свидетелей и потерпевших от давления лиц, заинтересованных в определенном характере их показаний, а также от внушения и посторонних влияний закон обязывает следователя не только допрашивать вызванных по одному делу лиц порознь, но и принять меры, чтобы они не могли общаться между собой до допроса (ст. 158 УПК РСФСР). Возможность влияния одних свидетелей на других должна учитываться и при определении последовательности вызова. Если следователь лишен возможности предотвратить общение свидетеля с другими лицами, еще не вызванными на допрос, у допрошенного может

¹ Потерпевший может на любой стадии требовать, чтобы его допросили с тем, чтобы сообщить сведения, которые он считает существенными для защиты своих законных интересов (ст. 53 УПК РСФСР).

быть отобрана подписка о неразглашении известных ему по делу сведений.

В суде допрос производится во время судебного следствия. Свидетели до их допроса удаляются из зала заседаний, чтобы им не были известны данные, полученные из других источников. Если же свидетель до допроса присутствовал в зале суда (например, если вопрос о вызове данного лица в качестве свидетеля был решен только в ходе судебного следствия), то при оценке полученных показаний наряду с другими факторами учитывается осведомленность свидетеля о характере показаний лиц, допрошенных в его присутствии¹.

Кроме случаев, не терпящих отлагательства (т. е. если промедление может привести к утрате важных доказательств, совершению новых преступлений и т. д.), допрос свидетеля не должен производиться в ночное время. Это правило направлено на создание обстановки допроса, в максимальной степени способствующей получению полных и правдивых показаний, предупреждению прямого или косвенного давления на свидетелей.

Учитывая данные психологической науки о том, что свидетель (потерпевший), не прерываемый вопросами, способен более полно и объективно рассказать все ему известное в той последовательности, которая для него более удобна, допрос начинается предложением рассказать все известное об обстоятельствах, в связи с которыми он вызван (ст. ст. 158, 160 УПК РСФСР). Очевидно, для получения таких показаний должно быть разъяснено допрашиваемому, какие именно обстоятельства интересуют следователя или суд. В связи с этим УПК некоторых союзных республик (Казахской ССР, Украинской ССР, Азербайджанской ССР) специально указывают на обязанность следователя перед началом допроса разъяснить свидетелю, по какому делу он вызван.

Свидетелю предоставлено право давать показания на родном языке.

В большинстве случаев по окончании свободного рассказа оказывается необходимой постановка вопросов для дополнения, уточнения, конкретизации и проверки показаний².

¹ И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 109—110. Сказанное относится и к оценке показаний потерпевшего, который, как известно, не удаляется до допроса из зала суда.

² Результаты многочисленных экспериментов свидетельствуют, что свободный рассказ уступает вопросно-ответной форме допроса в полноте и конкретности изложения, но при этом выигрывает в точности и не сопряжен с ошибками, вызванными внушающим воздействием вопросов допрашивающего. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы, сочетая достоинства каждой из этих форм, избежать свойственных им недостатков.

Протоколирование устных показаний допрашиваемых обеспечивает сохранение сведений, имеющих значение для дела. Закон обязывает записывать показания свидетеля не в виде краткого изложения их основного содержания, а в первом лице и по возможности дословно.

Произвольное сокращение, пропуски и иные изменения при протоколировании могут служить препятствием к достижению истины, в частности затруднить сопоставление показаний с другими доказательствами.

В связи с этим важно употреблять при протоколировании именно те слова и выражения, которые употреблял допрашиваемый.

Последнее обстоятельство гарантирует от искажений при протоколировании и создает предпосылки для правильной оценки достоверности показаний.

Закон не обязывает следователя заносить в протокол каждый из заданных им вопросов, указывая, что они могут быть зафиксированы лишь «в случае необходимости».

Такая необходимость возникает, если формулировка вопроса помогает дать правильную оценку последующему ответу. Кроме того, фиксация характера и последовательности вопросов иногда помогает проследить изменение показаний допрашиваемого в ходе допроса, что также важно для оценки их достоверности. Вопросы фиксируются, например, в случаях, когда в ходе допроса предъявляются доказательства или когда допрос направлен на изобличение допрашиваемого в ложности ранее данных показаний.

Свидетель в связи с обязанностью давать показания наделен процессуальными правами, к числу которых относится право на собственноручную запись показаний (ст. 160 УПК РСФСР).

Собственноручная запись нередко помогает допрашиваемому лучше сосредоточиться и более полно изложить свои показания. Вместе с тем закон вводит ряд правил, предупреждающих искажение истины при собственноручной записи. Свидетель может записать свои показания лишь после устного допроса его следователем, который затем обязан проверить, что написал свидетель, и в случае неполноты или искажения продолжить допрос.

Правильность произведенной записи показаний подтверждается подписями следователя, допрашиваемого, а также подписями всех лиц, принимавших участие в допросе. Чтобы обеспечить возможность проверки, насколько тщательно допрошенный ознакомился с протоколом (этот вопрос приобретает, например, важное значение в случаях последующего заявления свидетеля о том, что расхождение содержания протокола и повторных показаний объясняется неточностью протокола), в нем должно быть отмечено, прочитан ли протокол допрошенным лицом лично или зачитан следователем (ст. 160 УПК РСФСР).

Если свидетель найдет, что в протоколе неправильно или неполно изложены его показания, он имеет право требовать дополнения протокола или внесения в него поправок. Это требование обязательно для лица, ведущего допрос. В тех случаях, когда следователь считает эти поправки необоснованными, он может дополнительно допросить свидетеля.

Действенными вспомогательными средствами фиксации могут служить магнитофонная запись и стенографирование. Расшифрованная стенограмма оформляется в виде протокола допроса, который подписывается с соблюдением тех же процессуальных правил, которые предусмотрены в отношении рукописной фиксации показаний.

Порядок применения звукозаписи в настоящее время подробно регламентирован уголовно-процессуальным законодательством союзных республик (ст. 141¹ УПК РСФСР).

При магнитофонной записи обеспечиваются не только полнота и достоверность фиксации, но создаются дополнительные предпосылки для правильной оценки полученных показаний, так как воспроизводится не только содержание показаний, но и обстановка допроса¹. Важное значение приобретает звукозапись при допросе несовершеннолетних, речевые особенности которых чрезвычайно трудно сохранить в обычном протоколе, а также в случаях, когда допрашиваемый меняет свои показания.

Вместе с тем письменный способ фиксации превосходит все иные, он позволяет каждому человеку ознакомиться с имеющи-

¹ Впервые в советской литературе вопрос о внедрении звукозаписи в судопроизводство был поставлен еще в начале 30-х годов А. Е. Брусиловским и М. С. Строговичем («Методика и техника следственной работы», М., 1934). Интересные соображения на этот счет содержатся в книге А. И. Винберга и А. А. Эйсмана, «Фототелеграфия и звукозапись в криминалистике» (М., 1946). См. также М. П. Хилобок, Теоретические вопросы и практика применения звукозаписи в следственных действиях («Советское государство и право» 1966 г. № 2); А. Татаркин и Л. Пинский, Применение кино съемки и магнитофонной записи на следствии («Социалистическая законность» 1966 г. № 5); Л. М. Карнеева, О применении стенографии и звукозаписи в следственной работе («Социалистическая законность» 1966 г. № 6); Б. М. Шкляр, О применении звукозаписи в следственной практике («Криминалистика на службе следствия», Вильнюс, 1967); Л. М. Карнеева, А. Р. Ратинов, Звукозапись в уголовном процессе («Правоведение» 1968 г. № 2); А. Билецкий, Протоколирование и звукозапись как способ фиксации данных при допросе («Радянське право» 1969 г. № 5); А. Н. Васильев, Л. М. Карнеева, Тактика допроса, М., 1970; Я. Д. Дзенгис, А. А. Леви, Применение звукозаписи в суде («Социалистическая законность» 1970 г. № 5); Е. Е. Подголин, Теория и практика фиксации доказательств на предварительном следствии. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1970; В. Герасимов, Доказательственное значение воспроизведения фонограмм в суде («Советская юстиция» 1970 г. № 9); Н. Макарова, А. Лещенко, Звукозапись в Московском областном суде («Социалистическая законность» 1971 г. № 1), и др.

мися матерпалами в любых условиях, без помощи специальной аппаратуры; письменные документы компактнее, легче, удобнее и надежнее. Людями накоплен обильный опыт их консервации, систематизации, учета, хранения и использования. Матерпалы звукозаписи в этом отношении пока еще весьма уязвимы: строгая очередность говорения, необходимая для качественной звукозаписи, делает менее гибкой следственную тактику.

Звукозапись, как и устная речь, многословна, не эконоична, содержит большое количество излишней и избыточной информации, которая отсеивается при занесении в протокол. Это придает протоколу более систематичный, целеустремленный характер, что значительно облегчает уяснение существа показаний.

Универсальность и высокая надежность письменной формы неизбежно делают протоколирование основным и обязательным средством фиксации, а звукозапись — дополнительным, факультативным. Это позволяет использовать достоинство каждой из них.

В силу ст. 141 УПК РСФСР к протоколам следственных действий могут быть приложены фотоснимки, планы, схемы, материалы звукозаписи и т. д. Следовательно, материалы звукозаписи, произведенной в ходе следственного действия, служат приложением к протоколу и приобретают доказательственное значение лишь в совокупности с ним. Значение приложения неправильно сводить к иллюстрации протокола. Приложение уточняет и дополняет протокольное описание.

Опыт зарубежных социалистических стран, в уголовном процессе которых звукозапись нашла применение ранее, чем в советском, подтверждает правильность такого подхода. Верховный суд Польской Народной Республики в ряде решений указывал, что магнитофонная лента, регистрирующая ход предварительного следствия или судебного разбирательства либо отдельные его фрагменты, носит документальный характер. «Правовое значение подобного документа, — разъяснялось по одному из дел, — основано на том, что он является средством, позволяющим досконально проверить и в случае необходимости дополнить протокол допроса свидетеля, обвиняемого, эксперта»¹.

Условием использования приложений является указание в протоколе на факт применения звукозаписи, наличие в нем данных, позволяющих индивидуализировать магнитофонную ленту и определить технические условия звукозаписи, а также соответствие звукозаписи и протокола друг другу.

Применение звукозаписи не меняет порядка проведения и оформления следственного действия, которое фиксируется. Вместе с тем оно предусматривает и специальные процессуальные

¹ См. «Nowa prawo» 1961 № 4; «Problemy kriminalistyki» 1963 № 42.

гарантии законности звукозаписи. Так, лицо, чьи показания записываются или с участием которого проводится следственное действие, записываемое на пленку, ставится в известность о звукозаписи, что отмечается в протоколе следственного действия и в фонограмме. Важной гарантией обеспечения достоверности и полноты показаний, зафиксированных с помощью звукозаписи, служит правило, согласно которому допрос должен быть записан полностью, а повторение показаний, данных в ходе того же допроса, специально для звукозаписи запрещается. Независимо от того, какое следственное действие фиксировалось, фонограмма обязательно воспроизводится его участникам сразу по окончании записи.

Специальные правила установлены законом для допроса на очной ставке, когда одновременно допрашивается не одно, а два лица (ст. 162 УПК РСФСР). Для того чтобы свести до минимума возможность воздействия друг на друга лиц, допрашиваемых на очной ставке, она проводится только между ранее допрошенными свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми и обвиняемыми. В случае изменения показаний на очной ставке сопоставительный их анализ с ранее данными показаниями позволяет определить причину последовавших изменений и дать им правильную оценку. Вместе с тем прежние показания не должны удерживать допрашиваемых от внесения в них изменений в связи с устранением противоречий, повлекших производство очной ставки, уточнением важных для дела обстоятельств, припоминанием новых деталей и т. д. Поэтому оглашение показаний, ранее данных участником очной ставки, а также воспроизведение звукозаписи этих показаний допускается лишь после занесения в протокол показаний, полученных в ходе очной ставки.

Допрос в суде имеет особенности, определяемые условиями судебного разбирательства.

УПК союзных республик определяют последовательность допроса свидетеля судом и участниками процесса. Свидетель, вызванный по ходатайству одного из участников процесса, во всех случаях допрашивается вначале этим лицом (которое, очевидно, лучше всего осведомлено о цели допроса). Судьи вправе задавать вопросы в любой момент судебного следствия (ст. 283 УПК РСФСР). Независимо от того, кому предоставлено право первым допрашивать свидетеля, подсудимые и другие участники процесса имеют право в свою очередь задавать ему все интересующие их вопросы (в том числе по поводу тех обстоятельств, которые уже выяснены другими участниками допроса). «Таким образом, вопросы перекрещиваются, будучи заданными с разных позиций, и обеспечивают наиболее полное и всестороннее исследование всех обстоятельств дела»¹.

¹ «Государственный обвинитель в советском суде», М., 1954, стр. 160.

Перекрестный допрос при всем его активном характере в условиях советского судопроизводства не имеет цели запутать свидетеля (потерпевшего), привести к показаниям, желательным одному из участников процесса, но не соответствующим истине. Председательствующий имеет возможность активно воздействовать на ход перекрестного допроса, устраняя вопросы, не имеющие отношения к делу (ст. 283 УПК РСФСР). Однако допрос не следует прекращать до тех пор, пока не выяснены все существенные обстоятельства, интересующие участников процесса¹.

Иной характер носит перекрестный допрос в буржуазном процессе.

По признанию Гленвилла Уильямса, основная цель перекрестного допроса в англо-американском процессе — добиться показаний, противоречащих интересам противной стороны, и помешать этой стороне исправить положение. В отличие от континентальной системы в англо-американском процессе перекрестному допросу не предшествует свободный рассказ свидетеля, что лишает его возможности высказаться самостоятельно и до конца. Вопросы же ставятся таким образом, чтобы возникла возможность неправильно истолковать полученный ответ. В конечном счете это создает предпосылки к фальсификации доказательств. Условия для фальсификации облегчаются еще и тем, что пределы перекрестного допроса ограничены обстоятельствами, о которых свидетель был ранее допрошен полицией. Последняя же в представленной суду «памятной записке» с показаниями свидетеля (меморандум), умышленно скрывает данные, говорящие в пользу подсудимого. Уильямс подчеркивает, что такого рода фальсификации не являются единичными и не влекут за собой процессуальных последствий, а расцениваются лишь как «нарушение этики»².

В советском уголовном процессе рассмотрение дела происходит на началах устности и непосредственности, которые исключают замену устных показаний свидетеля оглашением его письменных показаний. Такое оглашение может иметь место лишь в случаях, указанных законом.

Рассматривая непосредственное восприятие судом устных показаний свидетеля как важное условие правильной их оценки, законодатель в ныне действующих УПК исключил возможность оглашения показаний в случае запоминания каких-либо обстоя-

---

¹ Представляется необоснованным мнение Р. Д. Рахунова о том, что «к перекрестному допросу следует прибегать лишь в крайних случаях» («Свидетельские показания в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 124). Анализ норм закона, регламентирующих порядок допроса в суде, приводит к единственному возможному выводу: перекрестный допрос — обычная, постоянная форма допроса в суде.

² G. Williams, *The Proof of Guilt*, London, 1955.

тельств (ст. 296 УПК РСФСР 1923 года), что могло бы привести к подтверждению показаний, которые допрашиваемый фактически не помнит. Уточнена формулировка ст. 297 УПК РСФСР 1923 года, в которой не подчеркивалась необходимость выяснить причину неявки свидетеля, что иногда приводило к оглашению показаний свидетеля, не получившего повестку или уклонившегося от явки в суд. Теперь оглашение показаний допускается лишь при отсутствии свидетеля (потерпевшего) по причинам, исключающим возможность явки в суд, а также при существенном расхождении между показаниями, полученными на предварительном следствии и в суде (ст. 286 УПК РСФСР). В этих же случаях допускается воспроизведение в суде звукозаписи показаний, данных в ходе дознания и предварительного следствия.

Ранее действовавший закон (ст. 391 УПК РСФСР 1923 года) предоставлял областному суду право не вызывать тех из допрошенных на предварительном следствии или дознании свидетелей, показания которых «не вызывают сомнения в их достоверности». Таким образом, производилась как бы предустановленная оценка показаний свидетеля, а его устные показания заменялись письменными.

Действующие УПК не предоставляют суду таких полномочий. Напротив, суд обязан опросить участников процесса, имеются ли у них ходатайства о вызове дополнительных свидетелей, а в случае их обоснованности удовлетворить эти ходатайства. Свидетель при допросе должен устно отвечать на заданные вопросы, что помогает правильно оценить его показания. Он может пользоваться письменными заметками лишь в тех случаях, когда показания относятся к данным, которые трудно удержать в памяти (например, расчеты и вычисления). Разрешается также оглашение документов, которыми свидетель иллюстрирует свои показания. Однако для проверки достоверности и характера письменных заметок и документов, использованных свидетелем во время допроса, они должны быть предъявлены суду (ст. 284 УПК РСФСР).

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставило потерпевшему право участвовать в исследовании доказательств на судебном следствии. Наряду с обязанностью давать показания потерпевший имеет право участвовать в допросе других потерпевших, подсудимых, свидетелей, что способствует получению от них полных и достоверных показаний. Однако расширение прав потерпевшего не препятствует суду получать и от него показания.

Из общего правила о том, что потерпевший допрашивается в порядке, установленном для свидетеля, сделано лишь одно исключение, вытекающее из процессуального положения потерпевшего как активного участника судебного разбирательства. Он не должен удаляться из зала судебного заседания до момента

его допроса. Это естественно, так как потерпевший осведомлен о доказательствах по делу еще до начала судебного заседания (ст. 200 УПК РСФСР).

Полнота и точность записи показаний свидетеля в протоколе судебного заседания обеспечиваются требованием закона о подробном изложении содержания показаний, правом участников судебного заседания требовать удостоверения в протоколе фактов, которые они считают существенными, правом ознакомиться с содержанием протокола и ходатайствовать о внесении в него уточнений и изменений, причем удовлетворение ходатайства производится председательствующим единолично, а вопрос об отклонении замечаний решается распорядительным заседанием суда (ст.ст. 264—266 УПК РСФСР).

Тактические правила допроса, тесно связанные с требованиями ст. 20 УПК РСФСР о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, способствуют получению достоверных показаний в объеме полной фактической осведомленности. Эти правила, точно соответствующие требованиям закона, распространяются как на стадию подготовки к допросу, так и непосредственно на осуществление допроса и фиксацию его результатов. В частности, при определении круга свидетелей, подлежащих вызову, следователю рекомендуется анализировать, к какой области восприятий относятся те данные, о которых их надлежит допросить. В ряде случаев целесообразно по одному и тому же обстоятельству допросить нескольких лиц. Поскольку, например, ошибки в показаниях — нередко результат оптического обмана, для определения правильности визуальных впечатлений необходимо сопоставлять показания ряда свидетелей.

Значительное место в общем тактическом плане предстоящего допроса занимает определение правильной формулировки и последовательности постановки вопросов.

В частности, достоверность и полнота показаний свидетеля проверяются в ходе его допроса путем постановки вопросов, детализирующих и конкретизирующих его показания. При этом тактические правила обязывают формулировать вопросы в понятных выражениях, соответствующих уровню знаний и общему культурному развитию допрашиваемого. В противном случае последний, не поняв вопроса, может сослаться на незнание интересующих следователя сведений, в то время как фактически они ему известны.

Если в результате детализации и конкретизации показаний становится очевидной их ложность, тактические правила направлены на выявление причин, побудивших свидетеля (потерпевшего) дать ложные показания, и устранение влияния этих причин.

Неправильные показания или умолчание о важных обстоятельствах далеко не всегда представляют результат злого умысла свидетеля и потерпевшего. Нередко он не может припомнить те или иные факты или не сообщает о них просто потому, что не придает им значения.

Цель ряда приемов допроса направлена на то, чтобы помочь лицу припомнить важные обстоятельства, не упустить ничего из сведений, которыми он располагает.

Однако помощь свидетелю в припоминании забытых фактов не должна содержать никаких элементов внушения. Именно поэтому законодатель запрещает так называемые наводящие вопросы (ст. 158 УПК РСФСР), т. е. вопросы, формулировка которых подсказывает определенный ответ.

Очевидно, насколько опасны подобные вопросы, заданные свидетелю, т. е. лицу, как правило, не заинтересованному в исходе дела. Он может безучастно согласиться с предположением, высказанным допрашиваемым, считая, что тот располагает более достоверными сведениями. В результате в качестве установленных по делу будут фигурировать факты, не воспринятые непосредственно свидетелем, а внушенные ему допрашивающим.

К не менее вредным последствиям может привести постановка наводящих вопросов потерпевшему, в большинстве случаев заинтересованному в изобличении преступника. Практика показывает, что волнение, пережитое потерпевшим в момент преступления, часто мешает ему правильно воспринять и удержать в памяти важные обстоятельства происшествия. Тем скорее он поддается внушению, восполняя пробелы своей памяти сведениями, полученными из других источников. Одним из таких источников при неправильной постановке вопросов и может оказаться допрашивающий.

Имея в виду, что образы зрительного восприятия обычно хорошо сохраняются, можно помочь свидетелю припомнить забытые им факты не только путем постановки ему вопросов, активизирующих ассоциативные связи, но и путем предъявления вещественных доказательств, планов, схем или путем допроса на месте происшествия.

Тактические правила допроса учитывают особенности положения потерпевшего, обусловленные его отношением к преступлению, направленному против него.

Потерпевший в большинстве случаев обладает большим объемом фактической осведомленности и лучше, чем свидетель, помнит обстоятельства исследуемого события, так как оно близко его касалось. Однако последнее обстоятельство, а также заинтересованность потерпевшего в исходе дела нередко определяют его склонность к преувеличениям при последующем изложении события. Все эти обстоятельства учитываются при допросе. Из особенностей положения потерпевшего исходят, в частности,

при определении характера и направленности вопросов, которые ставятся в ходе его допроса¹.

Ряд тактических правил относится к порядку допроса свидетеля и потерпевшего в суде. Гласность допроса, служащая одной из гарантий получения правдивых показаний, может вместе с тем привести к замешательству, волнению допрашиваемого, что в свою очередь может отразиться на полноте показаний. Следует учитывать возможное воздействие на характер показаний не только участников процесса, каждый из которых в любой момент имеет право включиться в допрос, но и публики, так или иначе реагирующей на происходящее в судебном заседании. Поэтому предусматриваются приемы, направленные на то, чтобы дать свидетелю (потерпевшему) возможность освоиться с необычной для него обстановкой. Нередко за время, предшествующее судебному разбирательству, свидетель припоминает важные обстоятельства и детали, дополняющие его прежние показания. Сравнительное исследование показаний, данных свидетелем в стадии предварительного следствия и в суде, помогает определить их достоверность.

Допрос свидетеля (потерпевшего) начинается с выяснения его взаимоотношений с подсудимым и другими свидетелями и потерпевшими. Согласно тактическим правилам эта проверка должна быть особенно детальной в тех случаях, когда обвиняемый в стадии предварительного следствия опровергал показания свидетеля (потерпевшего), ссылаясь на неприязненные отношения.

В случае возникновения сомнений в правдивости показаний и при наличии в них противоречий суд может проверить показания, задавая вопросы другим свидетелям, потерпевшим или подсудимым².

Оценка показаний свидетеля и потерпевшего заключается в определении значения содержащихся в них сведений о фактах для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по де-

---

¹ Например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 31 августа 1961 г. специально оговаривается необходимость выяснить у потерпевшего обстоятельства, влияющие на характер ответственности обвиняемого («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1961 г. № 5, стр. 28). Это указание имеет принципиальное значение, ибо потерпевший, как показывает следственная и судебная практика, не всегда правильно оценивает степень существенности этих обстоятельств для дела и поэтому по собственной инициативе не сообщает о них.

² В этих случаях при оценке показаний свидетеля и потерпевшего необходимо учитывать, были ли они получены с соблюдением правил, установленных уголовно-процессуальным законом. При обнаружении того или иного нарушения процессуального порядка ведения допроса вопрос о допустимости показания (полностью или в определенной части) решается исходя из характера нарушения. Не может быть принято в качестве доказательства показание свидетеля, полученное с применением физического или психического насилия либо иных незаконных мер. Подробнее см. § 2 гл. IV.

лу. Для этого необходимо определить их допустимость, относимость, достоверность и место в системе доказательств¹. Специфика здесь в основном связана с оценкой допустимости и достоверности показаний, которые определяются в неразрывной связи с оценкой носителя этих сведений.

При этом учитываются четыре основных фактора: условия формирования показаний (объективные и субъективные); особенности личности допрашиваемого; его процессуальное положение, а также отношение к делу и участникам процесса.

Показания не случайно относят к категории «личных доказательств» (гл. IV). Каждое из них отражает особенности личности допрашиваемого, которые оказывают самое непосредственное влияние на формирование показаний. Особенности органов чувств индивидуальны. Поэтому при оценке показаний, когда возникает вопрос о способности лица в конкретных условиях видеть, слышать или как-то иначе правильно воспринимать описываемое явление, учитывается состояние органов чувств, быстрота реакции, профессиональные и волевые качества, образование, мотивы поведения в той или иной ситуации.

Отмечалось, например, что если события, о которых идет речь в показаниях, носят такой характер, что свидетель не был способен их придумать, вероятность того, что показание отражает действительное наблюдение, повышается. Но для того чтобы правильно определить, способен или не способен данный свидетель (или потерпевший) придумать сведения, о которых сообщает, необходимо знать его способность к фантазированию и круг его интересов, образование, осведомленность в области знания, к которой относится сообщение, и т. д.

Именно данные, характеризующие личность допрашиваемого, в совокупности с фактами, свидетельствующими о его отношении к делу, помогают определить, правдив ли он, достоверны ли его показания². При этом понятие достоверности характеризует соответствие показаний объективной действительности, обоснованное

¹ В сложном процессе формирования показаний свидетеля (потерпевшего) различают следующие этапы: получение, накопление и обработка информации; запечатление, сохранение и переработка информации; воспроизведение, словесное оформление и передача информации; прием, переработка и процессуальное закрепление информации допрашивающим; повторное свидетельствование (А. Р. Ратнов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 176). О стадиях формирования свидетельских показаний см. также А. В. Дулов, Пути исследования процесса формирования свидетельских показаний, «Вопросы судебной психологии», Милск, 1970, стр. 95—111.

² М. С. Строгович обоснованно указывает на необходимость различать два момента: вопрос о правдивости и лживости показаний свидетеля; вопрос об объективной достоверности показаний свидетеля, относительно которого нет данных о том, что свидетель сознательно показывает неправду («Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 101).

настолько полно, что это не вызывает сомнений, а понятие правдивости определяет субъективное отношение допрашиваемого, его добросовестность. Поэтому он может быть правдивым как в том случае, когда его показания соответствуют действительности, так и в том, когда добросовестно заблуждается¹.

Это не снижает значение правильного определения правдивости свидетеля. Оценка показаний с этой стороны помогает установить причину их несоответствия действительности (если такое несоответствие имело место) и наметить пути к уточнению полученных при допросе сведений. Если, например, неправильное определение расстояния и скорости является результатом оптической иллюзии, с участием свидетеля или потерпевшего может быть проведен следственный эксперимент, уточняющий выясняемые обстоятельства. В тех же случаях, когда свидетель (потерпевший) умышленно искажает сведения о расстоянии и скорости, следует прежде всего выяснить причины дачи ложных показаний и попытаться устранить их. И в этом случае, в частности, может быть проведен следственный эксперимент, но с иной целью — использовать его результаты для изобличения допрашиваемого в даче ложных показаний.

Особенности личности допрашиваемого учитываются и при оценке достоверности и полноты показаний с учетом избирательности восприятия, поскольку полнота и точность информации зависят от объектов и характера внимания, эмоциональной окраски восприятия, содержания деятельности воспринимающего, его установок и т. д.².

Длительность сохранения информации также зависит от индивидуальных различий и особенностей, от преобладания у данного свидетеля (потерпевшего) того или иного вида памяти (образной, двигательной, эмоциональной, словесно-логической), от его склонности к механическому или осмысленному запоминанию, преимущественному запечатлению зрительного, звукового, цифрового или какого-либо иного материала, что в значительной степени обусловлено интересами и профессиональными навыками.

---

¹ В связи с этим нельзя признать правильными вводимые некоторыми авторами понятия «объективной» и «субъективной» достоверности показаний (Ц. М. Каз, Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960, стр. 73). Когда говорится о субъективной достоверности показаний, смешивается добросовестность свидетеля и стремление сказать показаний. Между тем добросовестность свидетеля, его стремление сказать правду хотя и очень важная, но не единственная предпосылка достоверности показаний.

² «Отражая объективную действительность, — пишет С. А. Рубинштейн, — восприятие делает это не пассивно, не мертвенно зеркально, потому что в нем одновременно преломляется вся психологическая жизнь конкретной личности воспринимающего» («Основы общей психологии», М., 1940, стр. 198).

Сохранившиеся в памяти образы и представления доставляют как бы сырой материал для воспроизведения. В ходе формулировки определенной мысли она развивается, осознается и облекается в словесную форму. Отсюда полнота и точность сообщения свидетелем (потерпевшим) сведений, которыми он располагает, зависят от уровня владения устной и письменной речью, богатства языка, способности свидетеля (потерпевшего) правильно выражать свои мысли.

Учет влияния особенностей личности свидетеля и потерпевшего на формирование его показаний приобретает особенно важное значение при оценке показаний несовершеннолетних.

Различные периоды развития детей и подростков характеризуются определенными степенями доступности для их понимания явлений внешнего мира, и от этого зависит их способность к восприятию и воспроизведению воспринятого в процессе допроса. У несовершеннолетнего еще мало знаний, не накоплен жизненный опыт, не развиты в необходимой мере аналитические способности. Дети и подростки в большей степени, чем взрослые, подвержены внушению и самовнушению, к своим личным наблюдениям они нередко примешивают порождения фантазии.

Значение этих особенностей тем важнее, чем меньше по возрасту допрашиваемый. Человек запоминает то, что доступно его сознательному восприятию. Очевидно, что чем младше допрашиваемый, тем меньше он мог воспринять и тем меньше запомнить.

Дефекты восприятия и воспроизведения у малолетних объясняются неполным развитием их умственных способностей. Они часто еще не могут разграничивать события, отрезки времени, определять расстояния. Дети не способны к длительной сосредоточенности и вниманию. Воспроизведение ими воспринятого ограничено также недостаточным владением речью¹.

Активизации памяти взрослых способствует, как известно, логическое восстановление событий, на что несовершеннолетние способны в меньшей степени. Не обладая зачастую способностью охватить описываемое событие в целом, несовершеннолетние вместе с тем нередко прочно удерживают в памяти отдельные его детали и точно воспроизводят их в показаниях.

Все это необходимо учитывать и при формулировании вопросов, подлежащих выяснению. Здесь следует предварительно проанализировать с учетом личности допрашиваемого сложность для него выясняемого обстоятельства, отношение к нему допрашиваемого, возможную преднамеренность или непреднамеренность наблюдений, а при формулировании вопросов продумать, какие от-

¹ Поэтому при допросе несовершеннолетнего рекомендуется специально выяснять, употребляет ли он понятия и термины в соответствии с их действительным значением.

дельные признаки и свойства выясняемых предметов или обстоятельств могут быть непонятны несовершеннолетнему.

Подавляющее большинство несовершеннолетних в возрасте до 14—16 лет неспособно долго удерживать в памяти результаты преднамеренного восприятия. Известно, что забывание является не только результатом исчезновения старых впечатлений и ассоциаций, но и вмешательством нового, стиранием под влиянием свежих впечатлений прежних. Жизнь ребенка и подростка в большей степени, чем жизнь взрослого, переполнена новыми впечатлениями, которые отвлекают его от ранее воспринятого.

Отсюда очевидно, что искажения при воспроизведении могут произойти у них гораздо легче, чем у взрослых.

Особенностью отличается и мотивация ложных показаний несовершеннолетних в возрасте до 10—12 лет. Если для взрослых и подростков причиной недостоверных показаний обычно являются забывание, заблуждение или преднамеренная ложь, то дети нередко мешают правду с вымыслом без всяких к тому причин. Ложные показания в таких случаях являются плодом их буйной фантазии. Конечно, и несовершеннолетние до 12 лет и даже малолетние могут давать ложные показания из боязни ответственности (перед допрашивающим или родителями), из-за стыда, желания отомстить, под влиянием заинтересованных лиц и т. д., однако в показаниях детей чаще встречается бессмысленная ложь.

Фантазируя, дети могут оснащать свои показания рядом выдуманных подробностей, которые обычно тем менее правдоподобны, чем младше допрашиваемый (из-за недостаточной способности к мысленному моделированию развития ситуации). Поэтому детализация их показаний — эффективный прием выявления лже-свидетельства.

Повышенная податливость детей и подростков к внушению и породила утверждение, что повторный допрос несовершеннолетних и малолетних нежелателен. В такой категорической форме это утверждение нельзя признать правильным.

Необходимость в повторном допросе может возникнуть и по не зависящим от следователя причинам, например в связи с выяснением новых обстоятельств. Повторный допрос в ряде случаев может быть результативным: несовершеннолетний может сообщить новые данные, о которых побоялся сказать ранее или забыл. Наконец, к повторному допросу следователь всегда лучше подготовлен, поскольку располагает не только результатами первого допроса несовершеннолетнего, но и, как правило, иными данными¹.

---

¹ О вопросах, которые должны быть поставлены для выяснения отношения свидетеля к делу, см. В. Алексеев, А. Бойков, Проверка и оценка судом показаний свидетелей, «Советская юстиция» 1968 г. № 1, стр. 15.

При оценке показаний как несовершеннолетнего, так и взрослых следует иметь в виду, что отношение свидетелей и потерпевших к делу не всегда соответствует их процессуальному положению.

Например, конкретный свидетель в силу самых различных причин может быть заинтересован в том, чтобы направить следствие по ложному пути.

Считается, что потерпевший, отстаивая свои интересы, всегда заинтересован в осуждении обвиняемого. Между тем конкретный потерпевший может к этому относиться безразлично или даже быть заинтересован в том, чтобы виновный избежал ответственности¹. Конечно, сказанное не означает, что процессуальное положение допрошенного несущественно. При оценке показаний оно непременно должно учитываться. Даже непредумышленные искажения, связанные с неправильным восприятием обстоятельств, имеющих значение для дела, могут в значительной мере объясняться особенностями процессуального положения, так как связаны с направленностью внимания, отношением к воспринятому, внушаемостью и т. п., которые у свидетеля могут быть иными, чем у лица, потерпевшего от преступления, и тем более у лица, его совершившего.

Вместе с тем нельзя делать вывод о доброкачественности показаний исходя только из процессуального положения допрашиваемого.

От показаний потерпевшего нередко зависит судьба дела, возбуждаемого по его жалобе. Поэтому он чаще, чем свидетель, подвергается воздействию со стороны заинтересованных лиц. Отсюда следует, что во всех случаях, когда потерпевший в своих показаниях умышленно искажает действительность, целесообразно проверить, не оказано ли на него давление со стороны заинтересованных лиц, поскольку практике известны случаи, когда угрозы или уговоры со стороны обвиняемых и их родственников приводят к даче ложных показаний.

К искажению в своих показаниях действительности может побудить потерпевшего и осознание им неправомерности своего собственного поведения, предшествовавшего совершению преступления (покупка предметов, явно добытых из незаконного источника, — по делам о мошенничестве; пьянство в обществе малознакомых людей — по делам об изнасиловании и т. д.). Здесь решающую роль может сыграть чувство стыда, опасение потерять хорошую репутацию, вызвать осуждение окружающих и т. д.

¹ В связи с этим требует уточнения утверждение, что «потерпевший всегда остается лицом, особо заинтересованным в исходе дела, питающим личную неприязнь к обвиняемому» (В. Куликов, Оценка показаний потерпевшего, «Советская юстиция» 1958 г. № 1, стр. 52).

Накопец, оценивая показания потерпевшего, даваемые им в суде, необходимо учитывать, что в отличие от свидетеля потерпевший вправе знакомиться со всеми материалами предварительного расследования. Это обстоятельство может также повлиять на содержание его показаний, ибо не исключена возможность, что он внесет в них некоторые изменения, стремясь к наибольшей согласованности своих показаний с другими доказательствами, имеющимися в деле.

Следует отметить, что в случае повторного расследования и рассмотрения дела последнее обстоятельство должно учитываться не только при оценке показаний потерпевшего, но и свидетеля. Свидетель, уже участвовавший в производстве по делу, в значительной мере осведомлен о всех обстоятельствах преступления. Такая ориентировка в материалах дела налагает отпечаток на его показания. Он проникается уверенностью или сомнениями в правильности своих слов, сочувствием или антипатией к обвиняемому или потерпевшему, и все это неизбежно влияет на его показания.

Проверка показаний начинается еще в ходе допроса. Таким образом, допрос, проверка и оценка показаний представляют собой как бы определенную систему действий, объединенных единой целью: получить достоверные доказательства.

Проверка включает как анализ информации, содержащейся в показаниях, так и сопоставление этой информации с доказательствами, уже имеющимися в деле или специально собранными после допроса, в том числе с повторными показаниями того же лица.

При определении достоверности сведений о фактах, содержащихся в показаниях, учитываются положения науки психологии, опыт, накопленный следственной и судебной практикой. Вероятность того, что описание события достоверно, возрастает в тех случаях, когда при сопоставительном анализе разных элементов одного показания устанавливается, что его независимые детали относятся к одному и тому же событию и при этом подкрепляют друг друга¹.

При оценке полученных показаний анализируются не только конечные суждения свидетеля, но и реальность их чувственной основы.

Для того чтобы проверить полноту выявления имеющейся информации, необходимо проследить весь процесс образования понятий, суждений и умозаключений свидетеля до их истоков. Нужно ставить вопросы таким образом, чтобы свидетель восстановил в памяти и описал первичные образы людей, вещей и событий; текстуально воспроизвел содержание и конкретные формы воспринятых им устной речи и письменных документов; указал по

---

¹ См. об этом подробнее A. Trankell, Reliability of Evidence, Stockholm, 1968.

возможности объективные признаки, на основе которых сложились его представления.

При анализе показаний очень важно отличать в них умопознания о фактах и факты, а последние в свою очередь разграничивать на факты, непосредственно воспринятые допрашиваемым, и факты, сведения о которых он получил из другого источника.

Сведения, сообщаемые свидетелем со слов других лиц, часто страдают неточностью, а в некоторых случаях могут не соответствовать тому, о чем говорили эти лица. Свидетель мог не понять их рассказа, мог непроизвольно исказить его, допустить преувеличение и т. д. Поэтому проверка свидетельских показаний, представляющих производные доказательства, как правило, осуществляется путем допроса лиц или осмотра документов, на которые свидетель ссылается, как на источник сообщаемых им сведений. При утрате первоначального источника или его недоступности устанавливается его существование и факт передачи сведений допрошенному лицу.

Показания свидетеля воспринимаются допрашивающим, который перерабатывает полученные сведения в своем сознании, а затем фиксирует их в установленном процессуальном порядке. Поэтому нужно учитывать возможную потерю и искажение информации, содержащейся в свидетельских показаниях при их фиксации. Следователь или секретарь суда нередко пересказывают показания своими словами, вкладывая в уста свидетеля речь, не соответствующую уровню его развития, чуждые ему выражения. Правильному уяснению смысла показаний может препятствовать неправильное понимание сказанного следователем, предвзятость, предубеждение, увлечение определенной версией, приводящей к тому, что человек нередко слышит не то, что действительно сказано, а то, что он ожидал услышать.

Ошибки при фиксации могут быть вызваны и чисто языковыми особенностями показаний. Причиной непонимания оказывается применение свидетелем специальных терминов, жаргонных слов или неточных выражений. Все это обуславливает необходимость анализа не только содержания оцениваемых показаний, но и всего хода допроса, формулировки вопросов и характера использованных тактических приемов. Возможности проверки значительно повышаются, если допрос сопровождался звукозаписью, создающей «эффект присутствия».

Сопоставление магнитофонных записей различных допросов одного и того же лица способствует выявлению изменений в показаниях. Определение причин этих изменений является важным элементом оценки показаний¹.

¹ О выяснении причин изменения показаний свидетелями см. Н. Хрупин, Оценка свидетельских показаний, «Социалистическая законность» 1952 г. № 4, стр. 73—75.

Досто
зультата
Страх
и наруше
неправил
зультате
предъявл
С пом
зання сви
метов, а
особеннос
Надле
чествами,
тия, о ко
объектив
свидетеля
тельств м
экспериме
он видети
а проверк
домленно
по его по
шались о
Прове
допроса
вопросов
казаний
мощью д

1 Имея
вследствие
к допросу
могло ли
имеющие
чаях, ког
и необход
препятств
значается
тех случа
своих орга
Точно
само по с
теля. Псих
что в ряд
ливо вос
отчет о в
решить с
тера и т
имеющие
о них пок

Достоверность показаний проверяется при сопоставлении с результатами других следственных действий.

Страх перед внезапно возникшей опасностью нередко приводит к нарушению восприятия, что влечет за собой дачу потерпевшим неправильных показаний. Показания могут быть уточнены в результате их проверки в ходе допроса на месте происшествия, предъявления для опознания и т. д.

С помощью осмотра или обыска могут быть проверены показания свидетеля и потерпевшего о местонахождении следов и предметов, а с помощью экспертизы — показания о происхождении и особенностях следов и предметов.

Надлежит выяснить, обладает ли субъект необходимыми качествами, позволяющими должным образом воспринять те события, о которых он сообщает в своих показаниях, а также в каких объективных условиях происходило это восприятие¹. Способность свидетеля и потерпевшего к восприятию тех или иных обстоятельств может быть успешно проверена с помощью следственного эксперимента, который позволяет, например, установить, мог ли он видеть или слышать то, о чем сообщил в своих показаниях, а проверка показаний на месте дает возможность установить осведомленность лица о фактической обстановке на месте, где, судя по его показаниям, происходили определенные события или совершались определенные действия.

Проверка правильности воспроизведения достигается в ходе допроса путем постановки перед допрашиваемым контрольных вопросов и получения от него максимально детализированных показаний об обстоятельствах, могущих быть проверенными с помощью других доказательств.

---

¹ Имея в виду, что ограниченная возможность восприятия (например, вследствие слепоты) не служит сама по себе абсолютным препятствием к допросу лица в качестве свидетеля, необходимо каждый раз выяснять, могло ли это лицо правильно воспринимать конкретные обстоятельства, имеющие значение для дела, или часть этих обстоятельств. В тех случаях, когда функции того или иного органа чувств частично сохранились и необходимо определить, в какой мере их частичная утрата или болезнь препятствовали правильному восприятию исследуемых обстоятельств, назначается судебно-медицинская экспертиза. Экспертиза необходима и в тех случаях, когда есть основания полагать, что лицо скрывает недостатки своих органов чувств.

Точно так же наличие у лица психических недостатков не создает само по себе абсолютного препятствия для допроса его в качестве свидетеля. Психические расстройства бывают столь различных степеней и форм, что в ряде случаев лицо, страдающее таким расстройством, вполне отчетливо воспринимает определенные явления и может дать правильный отчет о воспринятом. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо решить с помощью экспертизы, способно ли данное лицо с учетом характера и течения его заболевания правильно воспринять обстоятельства, имеющие значение для дела, и можно ли от него получить правильные о них показания (п. 3 ст. 79 УПК РСФСР).

Указанный прием помогает не только обнаружить и устранить ошибки, допускаемые добросовестным свидетелем (потерпевшим), но и разоблачить лицо, дающее ложные показания. Важное значение имеют повторные допросы потерпевших и свидетелей по обстоятельствам, достоверность сообщений о которых вызывает сомнение.

Заставив допрашиваемого, спустя некоторое время, постановкой ему соответствующих вопросов еще раз повторить свои показания о тех или иных обстоятельствах, следователь тем самым может в какой-то мере определить, что в них правда, что ложь.

Как правило, та часть показаний, которая соответствует действительности, в своей основе остается неизменной, в то время как придуманные детали постоянно варьируют и в них появляются противоречия. Эти противоречия должны быть устранены, поскольку показания, не согласующиеся с фактическими обстоятельствами дела, не могут использоваться для обоснования обвинительного тезиса¹.

Если наличие противоречий позволяет заподозрить ложь, их отсутствие еще не свидетельствует о достоверности показаний, поскольку в повторных показаниях нередко наблюдается явление, именуемое «репродукцией» (воспроизведением), когда свидетель воспроизводит не то, что он в свое время воспринял, а свои первоначальные показания. О стремлении свидетеля сохранить прошлые показания неизменными говорят текстуальные повторения, нежелание выйти за рамки сказанного, уклонение от освещения обстоятельств, которые не затрагивались на первом допросе. При оценке повторных показаний наличие подобной репродукции всегда должно побуждать к сравнительному анализу содержания показаний, а при необходимости и к дополнению информации в ходе нового допроса.

Некоторые авторы рекомендуют по возможности сократить число допросов. Однако нельзя забывать, что иногда может потребоваться несколько допросов, чтобы восстановить все существенные обстоятельства дела. Потеря информации под воздействием времени носит избирательный характер. Иногда при благоприятном стечении обстоятельств то, что, казалось бы, навсегда утрачено памятью, оживает, приобретает новые связи и закрепляется. В результате такого явления (реминисценция) в повторных показаниях могут появиться дополнительные данные².

При этом нужно иметь в виду положительное влияние первого допроса на последующие показания, которое состоит в том, что воспроизведенный материал лучше закрепляется в памяти свиде-

¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1970 г. № 4, стр. 21—24.

² Явление реминисценции следует иметь в виду и при сравнительной оценке нескольких показаний одного и того же лица.

теля, забывание происходит намного медленнее. Это заставляет критически подходить к ссылкам свидетеля на запоминание ранее описанных им фактов. Привлекая внимание свидетеля к определенным обстоятельствам и мобилизуя его память, первый допрос служит стимулом для того, чтобы вспомнить забытые факты и восполнить пробелы при повторном свидетельствовании.

Дополнения в повторных показаниях могут быть вызваны и тем, что часть информации, сообщенной на первом допросе, не была воспринята и зафиксирована допрашивающим. Вместе с тем дополнения и изменения показаний требуют осторожного отношения, ибо в процессе расследования свидетель начинает проявлять интерес к делу и обычно получает много посторонней информации, которая накладывается на его показания. Может сказаться и сознательное внушение со стороны заинтересованных лиц.

Обнаружив в ходе сопоставления оцениваемых показаний с иными материалами дела какие-либо противоречия или их несоответствие другим доказательствам, нужно выяснить подлинную причину этого, без чего нельзя правильно оценить показания, а следовательно, и определить их значение для дела.

Противоречия между данными в разное время показаниями одного и того же лица могут возникнуть, например, потому, что оно решило рассказать о ранее скрытых им обстоятельствах или вследствие воздействия заинтересованных в деле лиц и т. д.; допрашиваемый забыл определенные обстоятельства, о которых рассказывал на прошлых допросах, или, напротив, на последующем допросе вспомнил новые обстоятельства, отдельные детали его показаний были неправильно зафиксированы в протоколе допроса и т. д. Наконец, противоречие между показаниями свидетеля и какими-либо другими имеющимися в деле доказательствами может возникнуть в результате недостоверности одного из них либо в результате неверной оценки показания, являющегося по существу правильным.

В том случае, когда противоречие устранить не представляется возможным, следователь и суд обязаны принять одни и отвергнуть другие показания. Однако при этом необходимо привести в обвинительном заключении (приговоре) обоснование вывода¹.

Следователь и суд приходят к выводу о достоверности или недостоверности показаний не сразу, а в результате аналитической деятельности, имеющей ряд этапов. Эта деятельность начинается с момента, когда следователь принимает решение о вызове свидетеля (потерпевшего), поскольку в основе его решения лежит вытекающее из материалов дела предположение, что вызываемое лицо знает об обстоятельствах, имеющих значение для дела. Оценка сопровождается получением показаний и их проверку, а

---

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР» 1962 г. № 2, стр. 33—36.

завершается сопоставлением сведений о фактах, содержащихся в показаниях, со всей совокупностью доказательств. Эти доказательства вместе с полученной от данного лица информацией должны образовать единую систему фактических данных. Суд, имеющий дело с материалами законченного предварительного производства, сразу может оценить каждое показание в совокупности с иными доказательствами, но это не упрощает стоящей перед ним задачи, поскольку эта совокупность в ходе судебного рассмотрения дела может претерпеть существенные изменения.

Показа
ставля
нных-с
дящее
фикси
цессуа
Дол
предш
шение
ний об
руемы
показа
роду:
средст
юрисд
сообщ
дения
предт

1
няемо
мого.
2

«пока
ствии
пользо
подсу
3

средст
же, в
фера

ГЛАВА X

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ И ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

§ 1. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМЫХ И ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

*Показания обвиняемого*¹ — сообщение об обстоятельствах, составляющих содержание предъявленного обвинения, а равно об иных обстоятельствах и имющихся в деле доказательствах, исходящее от лица, привлеченного к уголовной ответственности, и зафиксированное в соответствии с правилами, установленными процессуальным законом².

Допросу обвиняемого в стадии предварительного расследования предшествует предъявление обвинения, а допросу в суде — оглашение обвинительного заключения. Поэтому особенностью показаний обвиняемого являются его объяснения по поводу инкриминируемых фактов. Таким образом, в отличие от показаний свидетелей показания обвиняемого имеют двойственную процессуальную природу: с одной стороны, это сообщение о фактах, а с другой — средство защиты от предъявленного обвинения. В связи с этим в юридической литературе различают показания обвиняемого, как сообщение о фактах, и его объяснения (включая оценочные суждения относительно обстоятельств, составляющих содержание предъявленного обвинения), как средство защиты³.

---

¹ При изложении основных положений относительно показаний обвиняемого имеются в виду, если иное не оговорено, и показания подозреваемого.

² После предания суду обвиняемый именуется подсудимым. Термины «показания подсудимого» и «показания обвиняемого на судебном следствии» являются поэтому равнозначными. Для удобства изложения автор пользуется термином «обвиняемый» и в тех случаях, когда речь идет о подсудимом.

³ Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 7—10; он же, Вопросы теории и практики советского уголовного процесса. Автореферат докторской диссертации, М., 1966, стр. 22; М. Л. Якуб, Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе, М., 1963, стр. 24—26; С. П. Бекешко, Е. А. Матвеецко, Подозреваемый в советском уголовном процессе, Минск, 1969, стр. 62.

Такое разграничение весьма условно, поскольку «показания обвиняемого, т. е. его сообщения о тех или иных фактах, обстоятельствах дела, переплетаются с его объяснениями, в которых выражается отношение обвиняемого к предъявленному ему обвинению и при помощи которых обвиняемый защищается от этого обвинения»¹.

Нельзя, далее, связывать осуществление права на защиту только с оценочными суждениями обвиняемого относительно предъявленного обвинения, потому что представление доказательств также служит средством защиты. Наконец, показания и объяснения теснейшим образом связаны между собой, поскольку оценочные суждения в большинстве случаев представляют собой обобщенное изложение фактических данных (например, указание на враждебные отношения со свидетелями).

Вместе с тем нельзя согласиться с мнением Р. Д. Рахунова о том, что «любое письменное или устное заявление, сделанное обвиняемым по своей инициативе, может касаться фактов и поэтому представляет собой показание, относящееся к делу»². Показания обвиняемого — это лишь такое сообщение, которое сделано на допросе. В отличие от свидетеля обвиняемый может сообщить фактические данные, имеющие значение для дела, не только в процессе его допроса, но и в различных заявлениях и ходатайствах, а равно в прениях (если он сам осуществляет защиту) или в последнем слове. Однако эти сообщения не заменяют показаний. О фактах, содержащихся в сообщениях, сделанных им вне допроса, обвиняемый должен быть допрошен в установленном законом порядке. В соответствии с этим закон содержит, например, правило об обязательном возобновлении судебного следствия в случаях, если обвиняемый в последнем слове сообщит о новых обстоятельствах, имеющих существенное значение для дела (ст. 297 УПК РСФСР).

Дача показаний обвиняемым его право, а не обязанность (гл. VIII). Поэтому он не несет ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Последнее обстоятельство является одной из гарантий осуществления обвиняемым права на защиту.

Показания обвиняемого по сравнению с показаниями свидетелей и потерпевших обычно касаются более широкого круга фактических обстоятельств: в одних и тех же показаниях обвиняемый нередко излагает не только ход событий, но и данные о своей пред-

¹ М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, 1968, стр. 414; Т. И. Добровольская, Показания обвиняемого как доказательство в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации. Свердловск, 1950, стр. 6.

² Р. Д. Рахунов, Доказательственное значение признания обвиняемого по советскому уголовному процессу («Советское государство и право» 1956 г. № 8, стр. 35).

шествующей и последующей деятельности, рассказывает о мотивах деяния, его причинах и т. п. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительное заключение отражают версию органов расследования. Обвиняемый, дающий показания, не связан этой версией и помимо изложения фактических данных, подтверждающих или опровергающих ее, может иначе объяснить события, свою причастность к ним, степень ответственности и т. д. Обвиняемый дает показания прежде всего о своих собственных действиях, однако в определенной их части предметом его показаний могут быть действия других лиц. Он вправе также сообщить все обстоятельства, которые, по его мнению, существенны для собирания, проверки и оценки других доказательств (ст. 77 УПК РСФСР)¹. Орган расследования и суд обязаны в ходе допроса по своей инициативе выяснить не только уличающие, но и оправдывающие и смягчающие вину обвиняемого обстоятельства (ст. 20 УПК РСФСР). Известно, например, что алиби означает, что в момент совершения преступления данное лицо находилось в другом месте, а потому не могло участвовать в приписываемом ему деянии. В связи с этим при расследовании преступлений, характер которых предполагает присутствие обвиняемого в определенное время и в определенном месте, к предмету его допроса должно быть отнесено выяснение обстоятельств, необходимых для проверки алиби.

Предмет допроса *подсудимого* определяется содержанием обвинения, предъявленного в стадии расследования и включенного в обвинительное заключение. Поэтому представляется сомнительной правильность утверждения, что допрос на суде гораздо шире, чем на предварительном следствии². Такое положение имеет место только в тех случаях, когда обстоятельства, входящие в предмет допроса подсудимого, получают иное освещение, чем в стадии расследования.

Поскольку показания обвиняемого не только средство доказывания, но и средство защиты, в их содержание входят ссылки на

---

¹ Игнорирование этой части показаний обвиняемого обоснованно рассматривается в судебной и прокурорской практике как существенное нарушение. «Из материалов дела, в частности, усматривается, — говорится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу М., — что И., отрицая предъявленное ему обвинение, сослался на противоречивость, неконкретность и непоследовательность показаний осужденных по этому делу П., Б. и Т., уличавших его как участника преступления. Органы расследования и суд не исследовали причин противоречий в показаниях указанных лиц, что имеет существенное значение для правильной оценки их показаний». На этом основании приговор в отношении И. был отменен и дело возвращено на дополнительное расследование («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», М., 1964, стр. 109—110).

² Г. П. Саркисянц, Участие защитника в суде первой инстанции в советском уголовном процессе, Ташкент, 1965, стр. 91.

доказательства, которыми допрашиваемый оперирует. Однако подобную ссылку не следует смешивать с ходатайствами об истребовании доказательств, как это иногда делается¹. Последние имеют процессуальную природу и не могут быть отнесены к предмету показаний обвиняемого².

В силу того, что предметом показаний служат в первую очередь его собственные действия, обвиняемый, как правило, является первоисточником сведений, о которых он сообщает. Однако в той части, которая не относится к его собственным действиям, показания обвиняемого могут быть и производным доказательством, если он сообщает сведения, полученные им от иных лиц или из другого источника.

Показания обвиняемого принято классифицировать в зависимости от того, признает ли он себя виновным или отрицает инкриминируемые факты, а также по предмету: дает ли он показания о своих действиях или сообщает сведения о других лицах.

Показания обвиняемого, подтверждающего правильность предъявленного ему обвинения, именуются признанием. Признание может быть полным, т. е. касаться всего объема предъявленного обвинения, или частичным. Так, признавая себя виновным в совершении убийства, обвиняемый может отрицать корыстные мотивы, обвиняемый в разбойных нападениях может признавать свое участие в одних эпизодах и отрицать в других, наконец, признаваясь в совершении преступления, обвиняемый может оспаривать правильность квалификации содеянного³.

Определяющим элементом признания обвиняемого является признание, что он совершил инкриминируемое деяние и согласен с его оценкой в качестве преступного, в связи с чем и признает себя виновным.

¹ М. Л. Якуб, Показания обвиняемого как источник доказательств в советском уголовном процессе, стр. 13.

² На это обстоятельство обращают внимание Г. Н. Агеева и П. А. Лупинская в статье «Развитие общесоюзного законодательства о доказательствах в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик», «Ученые записки ВЮЗИ», вып. XIV, М., 1964, стр. 151.

³ В. И. Каминская в работе «Показания обвиняемого в советском уголовном процессе» (М., 1960) предлагает отграничить сознание обвиняемого, которое, по ее мнению, всегда должно быть полным, «от признания обвиняемым правильности отдельных фактов или сторон обвинения, сопровождаемого отрицанием других фактов или квалификации признаваемых им фактов в качестве преступления» (стр. 74). Такое разграничение представляется искусственным. Сознание обвиняемого и признание им правильности предъявленного обвинения суть одно и то же (именно в этом смысле употребляется термин «признание» в ст. 77 УПК РСФСР). В то же время та часть показаний, в которой отрицаются инкриминируемые факты или оспаривается их квалификация в качестве преступных, в равной мере не может быть семантически отнесена ни к «сознанию», ни к «признанию».

Вторая разновидность показаний обвиняемого — отрицание им своей вины. Так же, как и признание, показания обвиняемого, отрицающего свою виновность, могут относиться ко всему предъявленному обвинению или к его части. Обвиняемый может также, признавая некоторые факты, отрицать преступный характер деяния (утверждать, например, что он действовал в состоянии крайней необходимости или необходимой обороны). Особую группу составляют показания обвиняемого в отношении других лиц или как их именуют иногда «оговор». Исходя из буквального значения термина оговор, следует согласиться с теми авторами, которые считают, что оговор всегда направлен на обвинение, а не на оправдание какого-то лица, при этом обвинение заведомо ложное¹.

Такое толкование термина оговор соответствует и его применению в законе. Известно, что оговор заведомо невиновного лица является обстоятельством, отягчающим ответственность (п. 11 ст. 39 УК РСФСР). Очевидно, что оговорить заведомо невиновное лицо можно лишь умышленно и ложно.

Отсюда следует, что такой вид доказательств, как показания обвиняемого в отношении других лиц вообще, нельзя именовать оговором до момента, пока это доказательство «не будет рассмотрено в установленном порядке и будет признано ложным, не соответствующим действительности»².

---

¹ М. М. Гродзинский, Кассационное и надзорное производство в советском уголовном процессе, М., 1953, стр. 203; Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 27; И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 175; Т. Н. Добровольская, Показания обвиняемого против других лиц в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВШЮН», 1957, вып. 1(5), стр. 83; Ц. М. Каз, Доказательства в советском уголовном процессе, Саратов, 1960, стр. 85—87; М. Л. Якуб, указ. работа, стр. 77; О. А. Соя-Серко, Допрос подсудимого в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969, стр. 10, и др.

² М. М. Гродзинский, Понятие оговора в уголовном деле («Социалистическая законность» 1953 г. № 1, стр. 44). На это обстоятельство справедливо обращает внимание и М. С. Строгович, отмечающий, что «само слово «оговор» этимологически означает неправильное, ложное показание на кого-либо. Но в уголовном процессе правильность или неправильность, правдивость или ложность показания заранее не известны и устанавливаются лишь в результате оценки уже полученного и проверенного показания... если оговором называют показание, ложность которого уже установлена (очевидно, вступившим в законную силу приговором, отвергнувшим данное показание как ложное), понятие оговора теряет процессуальное значение и оно не годится для обозначения доказательства...» («Курс советского уголовного процесса», т. I, 1968, стр. 427—428). Однако, далее, он предлагает применять термин оговор для обозначения всяких показаний обвиняемого, уличающего других лиц» (там же); с этим нельзя согласиться, поскольку применение термина не должно противоречить его значению. Утверждение М. С. Строговича, что термином оговор подчеркивается сомнительность такого показания, необходимость его «осо-

С учетом изложенного представляется правильным применять термин оговор лишь для обозначения заведомо ложных показаний. В остальных же случаях рассматриваемую разновидность показаний целесообразнее именовать показаниями обвиняемого в отношении других лиц¹.

Значение показаний обвиняемого в доказывании надо рассматривать в трех аспектах: эти показания могут играть роль средства защиты, доказательства виновности или невиновности и других обстоятельств, могущих иметь существенное значение².

Действующее уголовно-процессуальное законодательство рассматривает сознание обвиняемого (как и любые другие его показания) как рядовое доказательство виновности, требующее подтверждения иными доказательствами. В ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР специально указывается, что «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу»³.

Эта норма представляет собой конкретизацию общего положения ст. 71 УПК РСФСР об отсутствии предустановленной силы у любого вида доказательств. Необходимость в такой конкретизации

бо тщательной проверки» не представляется убедительным. Неправильно выделять один из видов показаний обвиняемого как наиболее сомнительный. Если показания обвиняемого есть обычное рядовое доказательство, очевидно, это относится ко всем его показаниям, независимо от их содержания. Кроме того, вряд ли было бы правильным утверждать, что оговор требует «более тщательной проверки», чем, например, сознание.

¹ Предложение вместо оговора к показаниям обвиняемого против других лиц применить наименование «перенесение вины» (С. С. Степичев, Классификация показаний обвиняемого нуждается в изменении, «Вопросы криминалистики» 1964 г. № 10, стр. 51) не представляется удачным. Изобличая другое лицо в совершении преступления, обвиняемый далеко не всегда стремится перенести на него свою вину либо тем самым как-то иначе облегчить свое положение. Кроме того, содержание показаний обвиняемого против других лиц не сводится к случаям, когда он указывает на виновность последних. Напротив, нередко обвиняемый утверждает, что другие лица, версия о виновности которых проверяется, не причастны к преступлению или степень их вины меньше, чем это вытекает из версии обвинения.

² Последнее нужно подчеркнуть в связи с тем, что в ряде случаев в процессуальной и криминалистической литературе значение показаний обвиняемого исследуется лишь применительно к доказыванию виновности, что приводит к определенной односторонности в освещении вопроса.

³ Очевидно, что это требование в равной мере распространяется на любые показания обвиняемого, что нашло отражение в формулировке соответствующих норм в ряде других союзных республик (например, в ч. 2 ст. 56 УПК Эстонской ССР, ч. 2 ст. 62 УПК Киргизской ССР). Наиболее полной следует признать формулировку ст. 72 УПК Азербайджанской ССР и ст. 57 УПК Узбекской ССР, согласно которым данные, устанавливаемые показаниями обвиняемого, как и другие доказательства, подлежат проверке и оценке в связи со всеми обстоятельствами дела, как в случае признания, так и в случае отрицания обвиняемым своей виновности. Так

именно в отношении показаний обвиняемого вызвана не недоверием к этому виду доказательств, а той опасностью, которую таит в себе их переоценка¹.

Обвиняемый далеко не всегда говорит правду. Известно немало случаев оговора и самооговора, вызванного самыми различными причинами. В показаниях обвиняемого, так же как в показаниях свидетеля и потерпевшего, встречаются ошибки, возникшие вследствие слабости памяти, неблагоприятных условий восприятия или в результате волнения, которое испытал обвиняемый в момент совершения преступления. Поэтому в советской теории доказательств подвергнута решительной критике и отвергнута как противоречащая принципам советского уголовного процесса концепция А. Я. Вышинского относительно значения признания обвиняемого по некоторым категориям уголовных дел². Признание обвиняемым предъявленного ему обвинения не может служить основанием для сужения предмета доказывания, сокращения предварительного или судебного следствия³. Судебная практика твердо стоит на позиции отмены приговоров, основанных

же решается вопрос о значении признания обвиняемого и в УПК других социалистических стран. Например, в УПК Чехословацкой Социалистической Республики указывается: «Признание обвиняемого не освобождает органы, участвующие в расследовании, от обязанности исследовать и всеми доступными им средствами проверить все обстоятельства дела».

¹ Известно, что в розыском процессе, в период расцвета теории формальных доказательств, признание обвиняемого (подсудимого) признавалось «лучшим доказательством всего света»; в то же время оно добывалось с применением к обвиняемому мер физического воздействия. Буржуазная теория свободной оценки доказательства оставалась в отношении сознания обвиняемого по существу на тех же позициях. В англо-американском процессе признание обвиняемого влечет за собой прекращение судебного следствия, а суд непосредственно переходит к вынесению приговора (исключения составляют дела о преступлениях, за которые может быть назначена смертная казнь). Ж. Дюамель, характеризуя целенаправленность действий французской полиции, в свою очередь пишет: «На нас смотрят как на ничтожество, если мы не представляем следственному судье дело, полностью законченное расследованием и увенчанное признанием... Как же вы хотите, чтобы в этих условиях полиция не пыталась бы иногда любой ценой добиться признания в течение 24 часов» (цит. по статье А. И. Лубенского «Свобода личности в буржуазной Франции», «Вестник Ленинградского университета» № 5, серия «Экономика, философия и право», вып. 1, Л., 1962, стр. 153. Подробнее см. § 3 гл. II).

² Критику ошибочных положений Вышинского см. в статьях: А. А. Бовин, Истина в правосудии («Известия» 8 февраля 1962 г.); А. И. Винберг, Г. И. Кочаров, Г. М. Миньковский, Против порочных «теорий» Вышинского в советском уголовном процессе («Социалистическая законность» 1962 г. № 3); «Советская юстиция» 1962 г. № 7—8; Н. В. Жогин, Выше уровень юридической науки и юридического образования в СССР («Социалистическая законность» 1964 г. № 9) и др.

³ По ранее действовавшим УПК союзных республик в случае получения признания подсудимого суд мог сократить пределы судебного следствия и перейти к прениям сторон (ст. 282 УПК РСФСР 1923 г.). Эта норма не включена в новые УПК.

только на признании обвиняемым своей вины, не подтвержденном
ными доказательствами по делу.

Помимо обстоятельств, входящих в формулировку обвинения
и непосредственно связанных с решением вопроса о виновности
данного лица, предметом его допроса могут быть и иные извест-
ные ему обстоятельства (ст. 77 УПК РСФСР). Следовательно к мо-
менту первого допроса лица в качестве обвиняемого, как правило,
имеет меньше данных о многих этих обстоятельствах, нежели
лицо, которому инкриминируется участие в преступлении. Тем
важнее безотлагательно получить сведения о них от обвиняемого,
подвергнув их потом проверке¹.

Правдивые показания обвиняемого служат действенным сред-
ством установления фактов, имеющих значение для дела, так как
обвиняемый, действительно совершивший инкриминируемое пре-
ступление, знает многие детали противоправного деяния. Он мо-
жет указать, где спрятаны похищенные ценности, труп или ору-
дие преступления; его показания о соучастниках нередко способ-
ствуют пресечению их преступной деятельности.

В показаниях обвиняемого, не признавшего себя виновным,
могут содержаться указания на лиц, которые в действительности
совершили преступление. Такие показания могут быть отправ-
ным пунктом для производства дальнейшего расследования.

Даже в тех случаях, когда обвиняемый, отрицая свою винов-
ность, дает ложные показания, их проверка нередко приводит к
обнаружению новых доказательств, способствующих раскрытию
преступления в полном объеме.

Значение показаний обвиняемого связано и с доказыванием
чистосердечности его раскаяния².

Уголовный закон расценивает чистосердечное раскаяние как
смягчающее ответственность (п. 9 ст. 38 УК РСФСР) и даже при
наличии других условий освобождающее от уголовной ответств-
ности (ст. 52 УК) обстоятельство. С другой стороны, уголовный
закон такую злостную форму лжи обвиняемого, как оговор неви-
новного, относит к отягчающим обстоятельствам (п. 11 ст. 39 УК
РСФСР).

¹ В литературе высказана точка зрения о неправильности применения
тактических правил, направленных на получение от обвиняемого еще не-
известных по делу, новых данных (В. З. Лукашевич, Тактика пер-
вого допроса обвиняемого после предъявления обвинения, «Вопросы уго-
ловного права, прокурорского надзора, криминалистики и криминологии»,
сб. 2, Душанбе, 1968, стр. 288). Она, однако, не вытекает из закона.

² Сознание и чистосердечное раскаяние — разные понятия, однако
второе не существует без первого. Чистосердечное раскаяние определяется,
как «отрицательное отношение к преступлению, осознание своей вины,
искреннее, без чьего-либо принуждения к тому, осуждение своего поведе-
ния» (Н. С. Лейкина, Значение личности преступника для определения
наказания, «Вопросы защиты по уголовным делам», Л., 1967, стр. 142).

Значение по-
вильно опреде-
дела, независи-
виновность, да
других лиц.
Неправильно

лучшему дока-
ходить как к
значение. Не-
должно быть
ганов расслед-
тельств, лежа-
поведения»¹.
не только к у-
показаний об-
вительному у-
ция вести дока-
чем установка

На недора-
о том, что «со-
По существу
ние субъектив-
винению от с-
значение тех
отсутствием
содержанием

Выслушав
обвинения, в
доказательств
получения не
может указа-
Разумеется,
не сводится
элемент, от

Справед-
стороннего
вания до пр-
том, что ф-

¹ И. Л. Л.

² М. П. Л.
ветское госу-
была подвер-
ственное зна-
цессу», «Сов-
Высказ-
сются не тол-

Значение показаний конкретного обвиняемого может быть правильно определено лишь применительно к особенностям каждого дела, независимо от того, признает или отрицает обвиняемый свою виновность, дает показания о своих действиях или в отношении других лиц.

Неправильность подхода к показаниям обвиняемого как к «лучшему доказательству» вовсе не означает, что к ним надо подходить как к «худшему доказательству» или вообще отрицать их значение. Нельзя согласиться с утверждением, что правосудие должно быть организовано таким образом, чтобы все усилия органов расследования и суда направлялись «на поиски доказательств, лежащих вне показаний обвиняемого, его признания, его поведения»¹. Очевидно, что подобное требование может привести не только к утрате важных доказательств, но и к игнорированию показаний обвиняемого, данных им в свою защиту, т. е. к обвинительному уклону. Учитывая значение этих показаний, тенденция вести доказывание, минуя их, представляется не менее вредной, чем установка на получение сознания во что бы то ни стало.

На недоразумении основана и точка зрения М. П. Шаламова о том, что «сознание обвиняемого не является доказательством»². По существу им искусственно оторвано сознание как выражение субъективного отношения обвиняемого к предъявленному обвинению от сознания как показаний по существу дела. Между тем значение тех или иных показаний определяется не наличием или отсутствием в них оценочных суждений, а их информационным содержанием и его обоснованностью³.

Выслушав объяснения обвиняемого по поводу предъявленного обвинения, важно еще раз проверить достоверность собранных доказательств. Кроме того, никогда не исключается возможность получения новых, еще неизвестных данных. Наконец, обвиняемый может указать обстоятельства, смягчающие его ответственность. Разумеется, проверка обоснованности предъявленного обвинения не сводится к допросу обвиняемого. Однако — это важнейший ее элемент, отправной этап дальнейшего расследования.

Справедливо отмечено, что «для следователя трудность всестороннего и объективного ведения предварительного расследования до привлечения лица в качестве обвиняемого заключается в том, что фактически он сам является судьей по вопросу об

---

¹ И. Л. Петрухин, Имеют ли доказательственное значение ложные показания обвиняемого, «Советская юстиция» 1965 г. № 7, стр. 15.

² М. П. Шаламов, К вопросу об оценке сознания обвиняемого («Советское государство и право» 1956 г. № 8). Точка зрения М. П. Шаламова была подвергнута справедливой критике Р. Д. Рахуновым («Доказательственное значение признания обвиняемого по советскому уголовному процессу», «Советское государство и право» 1956 г. № 8).

³ Высказанные соображения о значении содержания показаний относятся не только к сознанию, но и к другим видам показаний обвиняемого.

объективности и всесторонности...»¹. После предъявления обвинения следователь получает возможность проверить правильность принятого им решения на более широкой основе, с учетом показаний обвиняемого.

Если обвиняемый не совершил преступления и обвинение ему предъявлено неосновательно, его показания помогают разобраться в обстоятельствах дела с тем, чтобы исправить допущенную ошибку. Нередко обвиняемый дает показания, которые неожиданно для следователя могут существенно поколебать собранные им доказательства.

Обвиняемый может, например, сообщить, где он находился в момент совершения преступления, и назвать лиц, которые могли бы подтвердить его алиби. Он может, далее, разъяснить, как в действительности образовались на его одежде и теле следы, которые были использованы против него как улики. Обвиняемый может также разъяснить смысл и значение документов, содержание которых было истолковано не в его пользу; объяснить, каким образом при нем, в его жилище, у его знакомых или родственников оказались орудия преступления и иные вещественные доказательства.

Показания обвиняемого, отрицающего свою вину, могут помочь разоблачить оговор и лжесвидетельство или выявить ошибки и неточности в показаниях добросовестно заблуждающихся свидетелей и потерпевших. Они могут быть использованы следователем и судом для обнаружения ошибок и неточностей в заключении эксперта. Вместе с тем значение отрицания обвиняемым вины не следует переоценивать. Показания обвиняемого, не признавшего себя виновным, являются отправным пунктом для производства следственных действий, направленных к опровержению или к подтверждению этих показаний.

Такие показания нередко помогают предупредить совершение новых преступлений, привлечь к уголовной ответственности всех виновных лиц и индивидуализировать их ответственность.

При этом все сказанное выше о недопустимости предустановленного подхода к показаниям обвиняемого распространяется и на случай, когда он не признает себя виновным.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство впервые наряду с показаниями обвиняемых и свидетелей выделило в системе доказательств *показания подозреваемого*².

Основная цель допроса такого лица — проверить правильность

¹ В. З. Лукашевич, Гарантии обвиняемого в стадии расследования и предания суду. Докторская диссертация, т. 1, Л., 1967, стр. 279.

² Подозреваемый фигурировал и в ранее действовавших УПК союзных республик, однако его процессуальное положение было недостаточно определенным. В результате получила распространение незаконная практика допросов подозреваемых лиц в качестве свидетелей: им ставились

возникшего подозрения и восполнить пробелы в доказательственной материале, препятствующие решению вопроса о достаточности оснований для предъявления обвинения. Поэтому в отличие от свидетеля допрос подозреваемого органически включает элемент изобличения в совершении преступления, в связи с чем у него возникает необходимость в защите. Таким образом, положение заподозренного лица отличается от положения обвиняемого, которому уже предъявлено обвинение, но еще более существенно оно отличается от положения свидетеля, который допрашивается о фактах, не влекущих за собой его ответственности. В отличие от свидетеля заподозренное лицо дает показания, защищаясь от возникшего подозрения, возможно грозящего ему наказанием, поэтому его показания по своей процессуальной природе близки к показаниям обвиняемого и служат не только средством доказывания, но и средством защиты.

Соответственно дача показаний — его право, а не обязанность. Так же как и обвиняемый, подозреваемый не несет ответственности за отказ от показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Без показаний подозреваемого часто оказывается невозможным восполнить пробелы в доказательственном материале на этапе, предшествующем решению вопроса о достаточности оснований для предъявления обвинения. Необходимость в таком допросе чаще всего возникает при расследовании дел, по которым разрешение вопроса, имело ли место событие, послужившее основанием к возбуждению дела, теснейшим образом связано с вопросом о совершении деяния определенным лицом (лицами). К ним относятся дела о выпуске недоброкачественной продукции, автотранспортных происшествиях, дезертирстве, взяточничестве и др.

При обнаружении на теле или одежде лица, подозреваемого в совершении убийства или нанесении телесных повреждений,

---

вопросы, относящиеся к обстоятельствам, за которые допрашиваемые должны нести ответственность, вместе с тем они предупреждались об ответственности за уклонение от дачи показаний и за заведомо ложные показания. В связи с создавшимся положением вопрос о подозреваемом стал спорным и неоднократно подвергался обсуждению. Часть процессуалистов считала, что допрос подозреваемого является важным способом доказывания и эту процессуальную фигуру необходимо восстановить в нашем процессе, снабдив ее соответствующими процессуальными правами. Противники этой точки зрения утверждали, что допрос в качестве подозреваемого ущемляет права граждан и не вызывается необходимостью. Спор разрешен действующим уголовно-процессуальным законодательством, выделившим показания подозреваемого. Следует заметить, что показание подозреваемого определяется не применением к нему мер процессуального принуждения, а, напротив, эти меры применяются в связи с наличием данных, дающих основание для подозрения конкретного лица в совершении преступления.

следов крови, борьбы и т. д. возникает необходимость в получении от него показаний, способствующих правильному определению относимости этих следов к расследуемому преступлению. Не менее важно получить объяснения и в отношении результатов личного обыска, обыска в жилище или по месту работы подозреваемого, если такой обыск произведен до предъявления обвинения.

Важное значение приобретает и допрос должностного лица по поводу преступных действий, связанных с его служебным положением. Предварительный допрос нередко помогает избежать ошибок, связанных с объективным вменением, когда те или иные факты инкриминируются лицу лишь в силу занимаемого им должностного положения, без достаточного исследования фактических обстоятельств дела.

В соответствии со ст. 18 Положения о прокурорском надзоре в СССР при решении вопроса об аресте до предъявления обвинения допрос подозреваемого производится прокурором.

Помимо обстоятельств, послуживших основанием для задержания или применения мер пресечения, подозреваемый может быть допрошен об обстоятельствах, которые необходимы для выяснения его личности, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение для дела (ст. 76 УПК РСФСР).

Из изложенного следует, что между показаниями подозреваемого и показаниями обвиняемого есть черты сходства. Но при этом между ними есть существенные различия. Подозреваемому не предъявлено обвинение, в котором четко формулируется инкриминируемое преступление, его обычно не знакомят в полном объеме с собранными против него доказательствами, а этих доказательств меньше, чем это бывает при вынесении постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Таким образом, в предмет допроса подозреваемого не включается ряд обстоятельств, необходимость в выяснении которых возникает на более позднем этапе, после предъявления обвинения.

Поэтому допрос подозреваемого не освобождает органы расследования от обязанности подробно допросить это лицо в качестве обвиняемого после предъявления ему обвинения¹.

Как уже отмечалось, заподозренному должна быть предоставлена возможность защищаться от возникшего подозрения. Наиболее доступной для него формой защиты на данном этапе расследования является именно дача показаний, в ходе которых он может изложить имеющиеся у него доводы. Защищаясь от воз-

¹ Аналогично решается этот вопрос в законодательстве зарубежных социалистических стран. Например, в УПК Венгерской Народной Республики из положения, сформулированного в п. 2 § 114, следует, что подозреваемое лицо должно быть вновь допрошено после предъявления обвинения уже в качестве обвиняемого.

никшего против него подозрения, допрашиваемый может сообщить следователю о неизвестных еще обстоятельствах, подвергнуть критике доводы, которыми будет оперировать следователь в ходе допроса, и, наконец, объяснить установленные факты с иных позиций. Поэтому значение показаний подозреваемого нельзя сводить к получению от него лишь признания в совершении преступления, как это иногда утверждается¹.

Разъясняя ряд существенных моментов, достаточно конкретизированные и детализированные показания подозреваемых помогают ускорить производство расследования, сформулировать наиболее правильную версию².

Показания подозреваемого сохраняют свое значение и в тех случаях, когда в последующем то же лицо допрашивается в качестве обвиняемого. Значение показаний подозреваемого тем более возрастает, если после предъявления обвинения следует отказ обвиняемого от дачи показаний или новые показания существенно отличаются от его же показаний, данных им в качестве подозреваемого³.

Сравнение содержания показаний одного и того же лица, данных им до и после предъявления обвинения, нередко помогает установить, какие из них соответствуют действительности.

В соответствии со сложившейся практикой и в тех случаях, когда подозреваемое в преступлении лицо не задерживается и не заключается под стражу, оно чаще всего допрашивается перед предъявлением обвинения. Данные различных авторов показывают, что следователь, как правило, не считает возможным предъ-

---

¹ См., например, Л. В. Павлухин, Дознание в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Саратов, 1966, стр. 19. Об этом же ранее писал М. С. Строгович («О подозреваемом», «Социалистическая законность» 1961 г. № 2, стр. 36).

² Именно это обстоятельство отмечали ученые и практические работники Венгерской Народной Республики, участвовавшие в дискуссии по вопросу о подозреваемом, вскоре после принятия нового УПК ВНР.

Введение фигуры подозреваемого (что не связано в ВНР с избранием ему меры пресечения или задержанием) и регламентация его допроса (§ 108 УПК) расценивались участниками дискуссии как возможность повышения эффективности предварительного расследования (см. об этом подробнее Л. М. Карпеева, Привлечение к уголовной ответственности по УПК Венгерской Народной Республики, «Советское государство и право» 1966 г. № 1, стр. 110—112).

³ Поэтому мы не можем согласиться с утверждением М. С. Строговича о том, что «показания подозреваемого, поскольку они имеются в деле и оглашены в суде, сохраняют свое значение доказательства, но их доказательственная сила чрезвычайно низка...» (Рецензия на книгу И. С. Галкина и В. Г. Кочеткова «Процессуальное положение подозреваемого», «Советская юстиция» 1968 г. № 24, стр. 28). Как известно, советский уголовный процесс не знает деления доказательств на имеющие большее или меньшее значение. Показания подозреваемого — и это подтверждают следственная и судебная практика — могут явиться столь же надежным средством доказывания, как и показания обвиняемого или свидетеля.

явить обвинение заподозренному лицу без его предварительного допроса¹.

§ 2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛНОТЫ И ДОСТОВЕРНОСТИ ПОКАЗАНИЙ ОБВИНЯЕМЫХ И ПОДОЗРЕВАЕМЫХ. ОСОБЕННОСТИ ИХ ОЦЕНКИ

Обеспечению полноты и достоверности показаний обвиняемого и подозреваемого служат процессуальные и тактические правила их получения и фиксации. Особенностью этих правил являются меры, направленные к обеспечению права на защиту допрашиваемых. Поэтому, в частности, допросу обвиняемого предшествует предъявление обвинения, а подозреваемому в ходе допроса объявляется, в совершении какого преступления он подозревается.

Исходя из того, что подозреваемый допрашивается по поводу действий, которые могут быть ему впоследствии инкриминированы, его вызов и допрос согласно закону производятся по тем же процессуальным правилам, что и вызов и допрос обвиняемого.

Эти правила предусматривают активное участие в доказывании как обвиняемого, так и подозреваемого, что достигается не только правом давать показания, но и правом заявлять ходатайства и представлять доказательства, правом, которое может быть реализовано, в частности, в ходе допроса. Право пользоваться родным языком и прибегать к услугам переводчика обеспечивает полноту и точность показаний. Если защитник допущен к участию в деле с момента предъявления обвинения, он имеет право присутствовать при допросах обвиняемого и с разрешения следователя задавать вопросы.

Дача показаний является одним из средств защиты, поэтому обвиняемый должен быть допрошен немедленно после предъявления ему обвинения, а подозреваемый — немедленно после задержания или взятия под стражу (ст. ст. 123, 150 УПК РСФСР). Это позволяет максимально быстро приступить к проверке доводов

¹ При выборочном изучении уголовных дел, направленных в суд и находившихся в производстве следователей, установлено, что по подавляющему большинству из них (от 95,8 до 98,5%) лицо, заподозренное в совершении преступления, допрашивалось до предъявления обвинения. Близкие к этому данные получены А. Д. Соловьевым («Процессуальные вопросы установления истины на предварительном следствии». Автореферат докторской диссертации, Киев, 1969, стр. 39), Н. С. Алексеевым и В. З. Лукашевичем («Ленинские идеи в советском уголовном судопроизводстве», Л., 1970, стр. 86), Г. М. Резником («Оценка доказательств по внутреннему убеждению в советском уголовном процессе». Кандидатская диссертация, М., 1969, стр. 314). Эти данные убедительно опровергают утверждение, что по большинству уголовных дел вообще нет подозреваемого и его показаний (М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. II, М., 1970, стр. 83; т. I, М., 1968, стр. 194).

обвиняемого (подозреваемого). Вместе с тем уменьшается опасность представления ложных доказательств. Отсюда в каждом случае, когда немедленный допрос оказался невозможным, в протоколе допроса или отдельном протоколе оговаривается, чем вызвано промедление.

Исходя из задачи получения полных и правдивых показаний, решается вопрос о месте допроса и мерах, которые надо принять для того, чтобы обвиняемые, вызванные по одному делу, не общались между собой.

Обвиняемый, по общему правилу, допрашивается в месте производства предварительного следствия, но, если следователь признает это необходимым, он может произвести допрос по месту жительства или работы обвиняемого (например, если нужно срочно допросить обвиняемого сразу же после окончания обыска или если обвиняемый заболел и т. д.).

Меры, которые принимаются для того, чтобы обвиняемые, вызванные по одному и тому же делу, не могли общаться между собой или со свидетелями, включают: вызов их на различное время и допрос порознь; указания администрации места заключения о раздельном содержании обвиняемых, находящихся под стражей; предупреждение о возможности изменения меры пресечения, если будут иметь место попытки воспрепятствовать установлению истины и т. д. Имея в виду процессуальное положение обвиняемого и необходимость обеспечить реализацию его права на защиту, закон предусматривает, что допрос начинается с выяснения вопроса, признает ли он себя виновным. У обвиняемого должны быть получены показания по каждому из пунктов предъявленного обвинения, а в случае изменения обвинения вновь — относительно всего объема предъявленного обвинения.

В целях получения наиболее полных показаний постановка вопросов обвиняемому и подозреваемому допускается лишь после того, как выслушан свободный рассказ. Преждевременная постановка вопросов может помешать допрашиваемому свободно и полно изложить свои доводы. По окончании свободного рассказа задаются уточняющие, дополняющие, напоминающие, контрольные и другие вопросы¹.

Если обвиняемый признает себя виновным в полном объеме предъявленного обвинения, допрос должен вестись столь же детально, как и при отрицании им своей вины. При частичном признании обвиняемым своей вины необходимо выяснить, какие конк-

---

¹ Законодатель не оговаривает специально недопустимость наводящих вопросов; такой запрет установлен лишь для допроса свидетеля (ст. 158 УПК РСФСР). Несомненно, однако, что это правило распространяется и на допрос обвиняемого. Именно так этот вопрос решается и в некоторых зарубежных социалистических странах. В УПК ЧССР, например специально указывается на неправомерность постановки наводящих вопросов обвиняемому.

ретно обстоятельства и эпизоды он отрицает и почему. В тех случаях, когда обвиняемый (подсудимый) от дачи показаний отказывается, ему должна быть предоставлена возможность дать объяснения о причинах отказа.

Законом установлено правило о добровольности показаний обвиняемого; правило распространяется и на подозреваемого, который так же, как и обвиняемый, не несет ответственности за отказ от дачи показаний. Категорически запрещается домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 20 УПК РСФСР). Соответственно показания, полученные с использованием незаконных мер, являются недопустимыми в качестве доказательств, а виновные в применении таких мер несут предусмотренную законом ответственность¹.

В отношении несовершеннолетнего обвиняемого и подозреваемого закон устанавливает дополнительные гарантии получения от них полных и правдивых показаний. Вызов и допрос несовершеннолетних производится, как правило, через родителей и других законных представителей. Иной порядок допускается лишь в случае, когда это вызывается обстоятельствами дела.

В допросе несовершеннолетнего обвиняемого (а следовательно, и подозреваемого), не достигшего 16 лет, может участвовать педагог. Участие в допросе педагога, который вправе с разрешения следователя задавать вопросы, а по окончании допроса знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте имеющихся в нем записей (ст. 397 УПК РСФСР), служит дополнительной гарантией получения правдивых показаний и правильной их фиксации².

По всем делам о преступлениях несовершеннолетних защитник допускается к участию в деле с момента предъявления обвинения, поэтому он присутствует при предъявлении обвинения и допросах обвиняемого (ст. 51 УПК РСФСР). С тем чтобы получить от несовершеннолетнего полные показания, предъявляемое несовершеннолетнему обвинение должно быть изложено в выражениях, понятных обвиняемому.

На допрос подсудимого распространяются все общие положения о порядке допроса обвиняемого. Вместе с тем ст. 280 УПК РСФСР предусматривает и некоторые специальные гарантии полноты и достоверности этих показаний, основанные на использо-

¹ Подробнее см. § 2 гл. IV.

² Большинство УПК союзных республик предусматривают участие педагога в допросе несовершеннолетнего обвиняемого (права которого в этой части распространяются и на подозреваемого) по усмотрению следователя или прокурора либо по ходатайству защитника. По УПК Молдавской ССР (ст. 132), Латвийской ССР (ст. 152), Эстонской ССР (ст. 126) участие педагога при допросе обвиняемого, не достигшего 16 лет, обязательно. В УПК Узбекской, Казахской, Армянской ССР этот вопрос не регламентирован.

вании условий, в которых осуществляется судебное разбирательство.

Следует подчеркнуть прежде всего, что допрос подсудимого имеет самостоятельное значение. Это не только проверка правильности прежних показаний, но и формирование новых в условиях судебного разбирательства. Эти показания могут отличаться (иногда существенно) от полученных на предварительном следствии или дознании. Независимо от результатов выяснения этого вопроса в стадии расследования, начиная судебное следствие, председательствующий спрашивает у подсудимого, признает ли он себя виновным.

Момент допроса подсудимого (ст. 279 УПК РСФСР) определяется необходимостью создать условия для получения полных и правдивых показаний.

В ходе судебного следствия председательствующий и народные заседатели вправе задавать вопросы первыми и, кроме того, в любой последующий момент допроса (например, в связи с вопросами, заданными кем-либо из участников судебного разбирательства). Благодаря этому суд имеет возможность допросить подсудимого по тому плану и по вопросам, которые были им намечены, и вести исследование доказательств в направлении, в котором он считает необходимым. Такой порядок допроса подсудимого, обеспечивая активную роль судей в исследовании доказательств, вместе с тем создает необходимые условия для последовательного развития допроса всеми участниками судебного разбирательства в целях обеспечения полного и всестороннего изложения подсудимым фактических данных, которыми он располагает. Вместе с тем в отличие от стадии расследования, где такая возможность предоставляется обвиняемому (подозреваемому) лишь на очной ставке, сам подсудимый в ходе судебного следствия может задавать вопросы другим подсудимым, свидетелям и потерпевшим¹.

Систему гарантий, обеспечивающих полноту и точность показаний подсудимого, органически дополняют правила ст. 281 УПК РСФСР о порядке оглашения ранее данных показаний, предотвращающие опасность подмены самостоятельного допроса в суде механическим повторением или оглашением прежних показаний. Так как личное восприятие показаний подсудимого

---

¹ Активное участие подсудимого в исследовании доказательств предусматривается в УПК зарубежных социалистических стран. Так, в ГДР подсудимый может непосредственно или через председательствующего задавать вопросы другим обвиняемым, свидетелям и экспертам (абз. 2 § 229), давать объяснения после допроса этих лиц или оглашения документов (§ 230), заявлять ходатайства о привлечении доказательств, наряду с защитником давать свою оценку собранным доказательствам в заключительном выступлении (абз. 2 § 238).

способствует выяснению истины и создает возможность устранения противоречий и неясностей (а также помогает необходимой корректировке пределов допроса), оглашение прежних показаний подсудимого и воспроизведение их звукозаписи может иметь место только в исключительных случаях. Оно допускается, когда необходимо устранить противоречия, возникшие между прежними показаниями и полученными в суде, при отказе подсудимого дать показания или когда дело рассматривается в его отсутствие. Эти же правила действуют и в отношении оглашения показаний подсудимого, полученных от него до предъявления обвинения.

Выше подробно охарактеризовано значение тактических правил для обеспечения полноты и достоверности показаний свидетелей и потерпевших. Рассматриваемые при этом положения о формулировке вопросов, использовании данных психологии, тактике оказания допрашиваемому помощи в воспоминании и уточнении фактов, о которых идет речь, и т. д. могут быть распространены и на допрос обвиняемого и подозреваемого. Вместе с тем тактические приемы допроса этих лиц включают и ряд специфических правил, вытекающих из особенностей их позиции по делу. Так, стремясь скрыть истину, обвиняемый (подозреваемый) нередко заменяет обстоятельства, имевшие место в действительности, вымышленными, которые, по мнению допрашиваемого, могут помочь ему избежать ответственности. Подметить это и найти способ опровергнуть — одна из важных тактических задач. Для выяснения, не искажает ли факты обвиняемый, в ряде случаев допускается, чтобы допрашиваемый в ходе допроса вошел в противоречие с собственными утверждениями или с бесспорно установленными фактами, осведомленность следователя о которых ему неизвестна, с тем чтобы демонстрацией этих противоречий убедить его говорить правду, лишить его возможности «на ходу» приспособить к ним другую ложную версию. Распространенным (хотя и не универсальным) тактическим приемом следует считать фиксацию показаний обвиняемого или подозреваемого по определенному вопросу до того, как ему будет задан следующий вопрос.

Поведение самого следователя, его способность располагать к себе допрашиваемого, не прибегая к «заигрыванию» и не роняя авторитета представителя власти, также входит в тактику допроса. Допрашивая, например, подозреваемого, следователь подчеркивает свое стремление выяснить истину, объясняет со ссылкой на закон, что органы расследования не преследуют цель во что бы то ни стало обвинить, что задачей процесса в равной степени является как изобличение виновного (в меру его действительной вины), так и предупреждение возможности необоснованного привлечения к ответственности и осуждения невиновного. Такое разъяснение способствует возникновению психологического контакта, который является необходимым условием получения полных и правдивых показаний.

В ряде случаев обвиняемому нужно помочь преодолеть стремление умолчать о каких-то обстоятельствах (в том числе оправдывающих его, которые он неверно истолковывает).

Ряд тактических приемов направлен на то, чтобы создать объективную базу для проверки показаний. К их числу относится, в частности, требование максимально детализировать и конкретизировать показания путем постановки контрольных вопросов.

Выбор наиболее эффективных тактических приемов, способствующих получению полных и правдивых показаний, зависит прежде всего от той ситуации, которая ожидается следователем при допросе либо определяется уже в ходе его осуществления. Эта ситуация в основных чертах определяется позицией, занятой допрашиваемым. Тактические приемы существенно меняются в зависимости от того, дает обвиняемый или подозреваемый показания либо отказывается от дачи показаний; признает ли он правильным предъявленное обвинение и возникшее подозрение либо настаивает на своей непричастности к преступлению; дает он, по мнению допрашивающего, правдивые показания либо ложные (полностью или частично); меняет ли свои показания и каким образом.

Наряду с характером ситуации выбор тактических приемов определяют особенности личности допрашиваемого.

С этих позиций следователь должен проанализировать все, что ему известно о допрашиваемом: его прошлое и условия жизни (какое влияние они могли оказать на выбор поведения), образование, общий уровень развития, круг интересов, особенности характера (общителен, замкнут, недоверчив) и т. д.

Тактика допроса несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых определяется в зависимости от особенностей психики подростков различного возраста. Специфика психики несовершеннолетних (повышенная внушаемость, эмоциональность, неустойчивость поведения, незрелость мышления, склонность к подражанию и фантазии, недостаточность опыта и знаний и т. п.) во многих случаях не позволяет применять при их допросе такую тактику, которую следователь избрал бы при допросе взрослого.

По мере приближения к совершеннолетию возрастные особенности сглаживаются или исчезают, а вместе с ними устраняются и препятствия к применению общих тактических приемов допроса.

Поэтому многие 16—17-летние подозреваемые и обвиняемые могут допрашиваться с применением тех же тактических приемов, которые рекомендуются при допросе взрослого. Это отнюдь не умаляет значения индивидуальных особенностей психики несовершеннолетних при выборе тактических средств их допроса. Значение этих особенностей тем важнее, чем меньше возраст допрашиваемых. Соответственно тактические рекомендации, ка-

сающиеся допросы несовершеннолетних, применяются дифференцированно, с учетом возрастных и иных особенностей.

При допросе несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых учитывается, что раскаяние и осознание вины прямо связаны со способностью к самокритике, которая у них может быть и не развита в достаточной степени. Эту способность необходимо поощрять, что нередко дает положительный результат, так как подросток порой не думает о некоторых сторонах опасности и противоправности своего поступка¹. Осознав их, он обычно искренне раскаивается в совершенном, в то время как взрослые изыскивают возможности оправдать себя в собственных глазах и перед другими. «За внешней самоуверенностью подростка, с его обостренным самолюбием, порожденным «чувством взрослости», и связанным с ним ростом самосознания, скрываются внутренняя неуверенность в себе, неумение разобраться в собственных достоинствах и недостатках»².

Имея в виду, что допрос несовершеннолетнего это уже первый шаг к его перевоспитанию, необходимо в первую очередь использовать такие этические мотивы, как раскаяние, любовь и уважение к близким, патриотизм, гордость. Только при бесполезности этих приемов оправданно использование противоречий в его отношениях с соучастниками, внушение бесполезности заpiresательства, применение элемента внезапности и т. п.

Тактические приемы допроса должны применяться в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Основным критерием, определяющим пределы их применения, является запрещение домогаться показаний обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер (ст. 20 УПК РСФСР). К числу таких незаконных мер могут быть отнесены фальсификация и обман, использование юридической неосведомленности допрашиваемого, провокации, соблазн различными выгодами, принуждение к даче определенных показаний и т. д.

Тактический прием должен соответствовать этическим требованиям. Все нормы советского уголовно-процессуального закона нравственны и пропитаны гуманизмом — важнейшим принципом коммунистической морали. Однако справедливо отмечено, что УПК не может предусмотреть все нравственные ситуации, которые возникают при расследовании дела³. Поэтому, применяя в рамках закона тот или иной тактический прием, следователь дол-

¹ См. об этом в статье А. Долговой и Г. Миньковского «Дефекты правового воспитания несовершеннолетних», «Социалистическая законность» 1970 г. № 2, стр. 23—24.

² «Возрастная психология», под ред. Н. Ф. Добрынина, М., 1965, стр. 215—216.

³ Л. Ароцкер, Судебная этика, «Социалистическая законность» 1969 г. № 9, стр. 33.

жен соразмерить его с общими требованиями коммунистической морали, важнейшее требование которой — уважение к человеческому достоинству¹.

Тактический прием должен быть не только законным и этичным, но и отвечать требованиям целесообразности, эффективности и избирательности. В каждом конкретном случае анализируется, какой из тактических приемов наиболее целесообразен, исходя из конкретной ситуации, сложившейся по делу, даст ли он необходимый эффект, будучи применен при допросе данного обвиняемого или подозреваемого, и, наконец, не приведет ли он к самоговору. «Во всех случаях средства психологического воздействия должны обладать избирательным действием. Необходимо, чтобы они давали положительный эффект только в отношении лица, скрывающего правду, препятствующего установлению истины, и были бы нейтральны в отношении незаинтересованных лиц»².

Таким образом, при допросе обвиняемого (подозреваемого) могут и должны применяться только приемы, обеспечивающие получение правдивых показаний путем правильного психологического подхода, разъяснения значения правдивых показаний, умелого использования разработанных криминалистикой и основанных на законе тактических правил.

Так, следовательно для получения достоверных показаний может какое-то время скрывать от обвиняемого источник сведений, используемых в ходе допроса. Однако этот прием должен быть ограничен определенным сроком, ибо обвиняемый должен знать, на каких доказательствах основано обвинение.

Серьезным стимулом к получению правдивых показаний служит, как уже отмечалось, предъявление доказательств, подтверждающих виновность допрашиваемого. В ряде случаев полезно разъяснить значение предъявленного доказательства для установления роли допрашиваемого в совершении преступления. Это особенно важно, если доказательства получены с помощью научно-технических средств или специальных познаний. Но при этом совершенно недопустимо исказить или преувеличивать результат исследования.

Обвиняемый по окончании расследования должен быть поставлен в известность о всех собранных по делу доказательствах, но момент предъявления каждого из них определяет допрашивающий с учетом характера дела и особенностей психологии допрашиваемого. Это помогает убедить лицо, дающее ложные по-

---

¹ Последнее обстоятельство нашло выражение в УПК Чехословацкой Социалистической Республики, в котором подчеркивается, что обвиняемого ни в коем случае нельзя принуждать к даче показаний и при допросе необходимо щадить его личное достоинство.

² А. Р. Ратнов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 168.

казания, в бессмысленности заперательства. Кроме того, то обстоятельство, что обвиняемый (подозреваемый) не сразу ставится в известность о всей совокупности доказательств, позволяет объективно проверить правдивость его показаний путем их сопоставления с доказательствами, содержание которых он в этот момент еще не знает; позволяет исключить предположение, что допрашиваемый сообразует свои показания о деталях события со сведениями, почерпнутыми при ознакомлении с доказательствами.

Ряд особенностей имеет тактика допроса в условиях судебного разбирательства, обстановку которого осложняет реакция публики (в том числе родных и близких допрашиваемого). Это обстоятельство не только определяет необходимость применить приемы, которые помогли бы подсудимому сосредоточиться на предмете допроса, отвлекаясь от окружающих, но и обязывает учитывать воспитательное значение результатов тактически правильно проведенного допроса. Поскольку допрос осуществляют несколько участников процесса, каждый из которых выполняет свои специальные функции, одной из важных тактических задач является правильное определение последовательности исследования доказательств, что помогает исключить дублирование и обеспечивает четкий порядок судебного следствия. К тактическим приемам, обеспечивающим выяснение в ходе судебного допроса всех обстоятельств, имеющих значение для дела при нейтрализации моментов, снижающих объективность и достоверность показаний, относят: детализацию (конкретизацию), уточнение, сопоставление, напоминание и контроль¹.

Правила протоколирования показаний направлены на то, чтобы наиболее точно зафиксировать содержание устных показаний и самый ход процесса.

В ст. 151 УПК РСФСР указывается, что запись показаний должна производиться от первого лица и по возможности дословно; с сохранением индивидуальных особенностей речи допрашиваемого. Это необходимо для того, чтобы протокол отражал не только содержание показаний, но и их характерные особенности. Последнее требование создает условия для правильной оценки показаний.

Закон не требует, чтобы в протокол вносились все заданные вопросы и ответы допрашиваемого. Однако, если это важно для правильной оценки, вопрос фиксируется. Так, в случае, когда обвиняемому предъявляются какие-то доказательства, это оформляется в виде вопросов. Целесообразно также фиксировать вопросы, которые привели обвиняемого (подозреваемого) к изменению

¹ Л. Е. Ароцкер, Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел. Автореферат докторской диссертации, М., 1965, стр. 22.

позиции в ходе допроса. Практически необходимость в фиксации заданных вопросов при допросе обвиняемого возникает гораздо чаще, чем при допросе свидетелей.

С учетом процессуального положения обвиняемого закон предусматривает более подробную, нежели при допросе свидетеля, фиксацию данных о личности. Эти данные рассматриваются как составная часть показаний и служат как для удостоверения личности допрашиваемого, так и для установления некоторых обстоятельств, имеющих значение для дела.

Следователь может разрешить обвиняемому (подозреваемому) записать свои показания собственноручно лишь по просьбе самого обвиняемого. Объясняется это тем, что, как правило, следователь более полно и последовательно фиксирует показания. Для того чтобы эти показания отвечали требованиям полноты, собственноручной записи показаний должен предшествовать устный допрос, в ходе которого необходимо указать допрашиваемому, на каких именно фактах он должен в первую очередь остановиться. Если обвиняемый (подозреваемый) не отразил в собственноручно написанных показаниях важные для дела обстоятельства или некоторые из сделанных им письменных сообщений нуждаются в уточнении или проверке, допрос продолжается и в протокол вносятся соответствующие дополнения.

Закон предусматривает право обвиняемого, его защитника и законного представителя представлять замечания на протокол судебного заседания, который так же, как и протоколы, составленные в стадии предварительного следствия, должен содержать подробное изложение показаний подсудимого (ст. 264 УПК РСФСР).

Оценка показаний подозреваемого и обвиняемого имеет свою специфику, которая определяется двумя основными моментами: очевидной заинтересованностью такого лица в исходе дела и презумпцией невиновности, которая, с одной стороны, исключает предустановленную оценку полученных показаний как исходящих от заведомо виновного, а с другой — освобождает обвиняемого (подозреваемого) от обязанности доказывать свою невиновность (в том числе при осуществлении права давать объяснения).

Сведения, содержащиеся в показаниях обвиняемого или подозреваемого, могут использоваться для обоснования принимаемых решений после надлежащей проверки их достоверности.

Независимо от того, признает обвиняемый (подозреваемый) свою виновность или отрицает ее, дает показания о своих действиях или действиях иных лиц, следователь и суд должны принять меры к полной и объективной проверке полученных сведений.

Основными методами проверки показаний обвиняемого (подозреваемого) являются: анализ содержания показания (вклю-

чающий сопоставление его отдельных частей и элементов); сравнительный анализ нескольких показаний одного лица¹, сопоставление фактических данных, содержащихся в показаниях, с иными доказательствами, имеющимися в деле, и производство следственных (судебных) действий для сопоставления их результатов с проверяемыми показаниями.

Проверка показаний начинается уже в ходе допроса обвиняемого (подозреваемого), для чего необходимо максимально их детализировать. Допрашивая обвиняемого, следует выяснить, кто из свидетелей может быть допрошен по тем или иным обстоятельствам, в каких документах могут содержаться необходимые сведения и т. д. Необходимо уточнить, почему он запомнил те или иные детали и чем они могут быть подтверждены. Должны быть конкретизированы показания лица, привлеченного по групповому делу, о тех действиях, которые совершил он лично, о действиях соучастников, о том, как формировалась преступная группа, об источниках получения орудий преступления, каналах сбыта похищенного и т. д. При этом определению достоверности показаний способствует выявление в них неправдоподобных утверждений и противоречий.

Обвиняемый (подозреваемый), вызванный на допрос, так или иначе готовится к нему. Если им подготовлены ложные показания, очень важно допросить его таким образом, чтобы он вышел за их рамки. В процессе самого допроса трудно придумать новые детали. Допрашиваемый начинает противоречить себе. Анализ возникающих противоречий помогает определить достоверность показаний.

Противоречия в показаниях допрашиваемого чаще всего возникают, когда он дает ложные показания (полностью или частично). Объясняется это тем, что лгущему «приходится как бы изгонять из памяти то, что произошло (поэтому хорошо запомнилось), и запомнить то, чего не было, а лишь им самим придумано; ему приходится лавировать между правдой, которую нельзя говорить, правдой, которую можно говорить, и ложью, которой надо заменять утаиваемую правду»².

Побудив постановкой соответствующих вопросов допрашиваемого повторить свои показания о тех или иных обстоятельствах, можно в какой-то мере определить, что в них правда, а что ложь.

¹ Специфической для проверки и оценки показаний обвиняемого является необходимость их сопоставления с содержанием различных заявлений, исходящих от обвиняемого, а равно с содержанием его последнего слова и защитительной речи, если она произносилась. Если в указанных заявлениях имеются ссылки на обстоятельства, по поводу которых обвиняемый не допрашивался, или фактам дается иная трактовка, необходим дополнительный допрос обвиняемого (см., например, ст. 297 УПК РСФСР).

² Г. Н. Мудьюгин, Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого, «Социалистическая законность» 1961 г. № 6, стр. 31.

Как правило, та часть показаний, которая соответствует действительности, в своей основе остается неизменной, в то время как надуманные детали постоянно меняются и в них появляется более всего противоречий. Однако, если наличие противоречий позволяет заподозрить ложь, одного этого еще недостаточно для того, чтобы судить о достоверности показаний.

Обязательным элементом анализа показаний обвиняемого должно быть сопоставление его ответа на вопрос о виновности (признает он себя виновным или нет) с содержанием сообщаемых сведений. Если характер ответа находится в явном противоречии с последующими высказываниями допрашиваемого, необходимо определить, какая часть показаний соответствует действительности.

Выслушивая показания, следователь и суд обычно их мысленно сопоставляют со сложившимся по материалам дела предварительным представлением о допрашиваемом.

Внимательное наблюдение за допрашиваемым также иногда помогает разобраться в его позиции и ориентироваться в направлениях и путях ее проверки.

Не всякий человек может скрыть свои чувства. Нередко выражение лица, произвольные движения выдают истинные чувства, испытываемые при постановке того или иного вопроса. Однако следует иметь в виду, что защитная реакция присуща не только виновному, а каждому, кто оказался в положении, при котором необходимо защищаться от каких-либо подозрений или обвинений.

Действительно невиновный человек, напуганный тем, что ему не верят, нередко проявляет на допросе большую нервозность, чем опытный преступник. Поэтому нельзя из результатов своих наблюдений делать вывод о том, что обвиняемый (подозреваемый) лжет¹. Только сопоставление показаний с другими, объективно проверенными доказательствами дает основание для их правильной оценки. Наблюдение же за состоянием обвиняемого может иметь лишь ориентирующий характер.

Сопоставляя фактические данные, содержащиеся в проверяемых показаниях, с доказательствами, полученными из других источников, необходимо иметь в виду, что противоречия могут возникнуть не только потому, что показания ложны. Напротив, недостоверными могут оказаться иные доказательства, использованные при проверке.

---

¹ В зарубежной литературе описаны специальные эксперименты, поставленные для решения вопроса о том, можно ли на основе поведения допрашиваемого, изучения его мимики, жестов и т. п. установить, говорит он правду или лжет. В результате половина правдивых утверждений были признаны ложными; большинство ложных оценок оказались как истинные, правильные же оценки оказались скорее случайными, чем закономерными (см., например, E. Seeling, Schuld, Lüge, Sexualität, Stuttgart, 1955).

Для проверки показаний обвиняемого (подозреваемого) могут быть использованы любые из предусмотренных законом следственных действий. Из их числа наиболее специфичны очная ставка и проверка показаний на месте; они чаще всего служат способом проверки, уточнения и дополнения ранее полученных показаний. Для предотвращения неправильной практики их проведения не для проверки, а для «закрепления» показаний, закон предусматривает ряд правил. Так, установленный законом порядок получения показаний на очной ставке и записи их в протокол (ст. ст. 162, 163 УПК РСФСР) не допускает переноса центра тяжести очной ставки с получения сведений по существу имеющихся противоречий на механическое подтверждение ранее данных показаний. Вместе с тем обеспечивается максимальная активность участников очной ставки в выяснении причин противоречий и тем самым в сообщении деталей, которые затем помогут оценить правильность полученных показаний.

Вопросу о соответствии показаний объективной обстановке, в которой допрашиваемый находился в момент события, не всегда уделяется должное внимание при проверке и оценке показаний. Между тем определение этого соответствия (или несоответствия) нередко помогает решить вопрос, что в показаниях достоверно, а что вымысел. В связи с этим важное значение приобретает правильное осуществление проверки показаний обвиняемого (подозреваемого) на месте.

В законодательстве тех союзных республик, где это следственное действие специально регламентировано, указывается, что проверка производится: а) в отношении уже данных показаний; б) путем сопоставления их с обстановкой на месте. Отсюда следует, что подозреваемый не просто повторяет ранее данные показания в присутствии понятых, а детализирует их исходя из обстановки на указанном им месте: рассказывает о своем маршруте, расположении и действиях участников события, указывает соответствующие точки местности (помещения) и предметы¹. В результате в распоряжение следователя поступают дополнительные данные, в том числе и указывающие на степень фактической осведомленности допрашиваемого о тех обстоятельствах, на которые он ссылается в своих показаниях. Проверка ранее данных показаний на месте не всегда сводится только к получению допол-

¹ Подробно это следственное действие рассматривается в ряде работ: А. Н. Васильев, С. С. Степичев, Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений, М., 1959; И. Е. Быховский, А. Р. Ратников, Проверка показаний на месте, «Вопросы криминалистики» 1962 г. № 5; С. Степичев, Еще раз о выходе на место, «Вопросы криминалистики» 1964 г. № 12; Л. А. Соя-Серко, Проверка показаний на месте, как самостоятельное следственное действие. Кандидатская диссертация, М., 1965.

нительных показаний, более подробных, чем предыдущие, она может включать также опытные действия, в ходе которых и даются показания¹.

Неверно думать, что обвиняемый, признавший себя виновным, всегда говорит правду, а отрицающий свою вину всегда дает ложные показания. Отрицание вины может быть столь же правдивым, как и признание, а последнее, напротив, нередко является результатом самооговора или заблуждения.

В показаниях одного и того же лица ложь нередко сочетается с правдой, а отношение допрашиваемого к тем или иным фактам может изменяться еще в ходе допроса.

Ложь обычно выражается в сообщении вымышленных данных, умолчании о сведениях, имеющих значение для установления истины, или искажении действительности путем частичной замены фактических обстоятельств вымышленными².

Известно, что обвиняемый (подозреваемый) обычно испытывает борьбу мотивов, которая переживается как глубокий внутренний конфликт, из которого человек должен выйти, приняв определенное решение и совершив необходимые действия (в рассматриваемом плане путем дачи тех или иных показаний). Победивший мотив определяет позицию обвиняемого по тому или иному вопросу, что находит отражение в его показаниях. Отсюда следует, что правильное определение доминирующего мотива является важным элементом оценки показаний, помогающим отличить правду от лжи³.

Наиболее распространенными мотивами ложных показаний являются: боязнь ответственности за содеянное и наказания; надежда на то, что преступление не будет раскрыто без признания; сокрытие соучастников (из боязни мести или по другим причинам); опасение, что будут оглашены интимные стороны жизни,

---

¹ В связи с этим неоправданной представляется позиция М. С. Строговича, который вопреки нормам закона, содержащимся в УПК пяти союзных республик (Литовской ССР, Латвийской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР и Казахской ССР), считает, что «недопустим и такой прием, когда сознавшегося обвиняемого выводят на место преступления, где он указывает различные обстоятельства (например, место, где произошло убийство, место, где был оставлен труп потерпевшего, и т. д.), с расчетом, что, если обвиняемый укажет эти обстоятельства так, как они ранее были записаны в протоколе осмотра, указания обвиняемого будут рассматриваться как подтверждение его сознания» («Курс советского уголовного процесса», т. II, М., 1970, стр. 423—424).

² См. об этом Ю. П. Адамов, Факты, влияющие на выбор вида лжи при свидетельствовании, «Вопросы судебной психологии», М., 1971, стр. 89—90.

³ «Ложь и симуляция у здоровых лиц всегда выступают как хорошо осознанная, целенаправленная, мотивированная умственная деятельность с хорошо осознанными мотивами и целью» (Н. Фелинская, Н. Станишевская, Использование психологических знаний в уголовном процессе, «Советская юстиция» 1971 г. № 7, стр. 6).

что следователь (ввиду неопытности или необъективности) истолкует факты, соответствующие действительности, против обвиняемого (подозреваемого).

Определению истинных мотивов дачи показаний соответствует изучение особенностей личности допрашиваемого, его окружения, взаимоотношений с соучастниками и т. д.¹ Например, по групповым делам несовершеннолетних необходимо учитывать возможность самооговора или оговора под давлением соучастников, когда допрашиваемый старается выгородить или преуменьшить их роль из чувства так называемого товарищества.

Распространено мнение, что лицо, совершившее преступление, признается в этом только в тех случаях, когда у него нет иного выхода или ему это выгодно. Следует согласиться с тем, что часто признание делается по этим причинам. Однако нельзя отрицать возможность получения признания по иным мотивам, несмотря на то, что показания исходят от лица, совершившего преступление. Известно, что допрашиваемый обычно переживает борьбу мотивов двоякого рода: с одной стороны, это раскаяние, чувство долга, собственного достоинства, искренность и стыд за содеянное, а с другой — страх перед ответственностью, который побуждает его отрицать вину.

Позиция, занятая допрашиваемым, в определяющей степени зависит от того, как он сам расценивает свои действия. Если он внутренне переживает совершенное, понимает в полной мере противоправность своих действий, его защитная реакция носит менее активный характер. Нередко допрашиваемый в таком состоянии сам испытывает потребность «выговориться», рассказать о своих переживаниях.

Признанию под влиянием положительных эмоций способствует и то обстоятельство, что «притягательность правды и ее сила в ней самой, в то время как ложь требует усилий, непрерывного напряжения, подавления действительных образов мнимыми фактами, что требует постоянного самоконтроля и вносит дезорганизацию в психическую жизнь человека»².

Убедительным примером признания под влиянием позитивных факторов является чистосердечное раскаяние, которое всегда связано с признанием, но имеет важные дополнительные признаки.

¹ При проверке и оценке показаний «следователь отражает в динамической модели конфликтной ситуации и себя самого, и последствием, имитирует ход его мыслей и его поведение и, оперируя этой моделью, принимает решение. При этом он должен представить не только самого себя с точки зрения последствием, но и представления самого последствием о себе в понимании следователя» (А. Р. Ратников, Теория рефлексивных игр в приложении к следственной практике, «Правовая кибернетика», М., 1970, стр. 189).

² Я. Соукуп, Повинная и самооговор. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1969, стр. 14.

К их числу относятся осознание своей вины, осуждение своего поступка, сожаление о содеянном. Известно, что сознавшийся обвиняемый не всегда испытывает подобные чувства, несмотря на положительный ответ о виновности. Поэтому очень важно распознать в сознании чистосердечное раскаяние, являющееся убедительным признаком достоверности показаний¹.

Признаки, свидетельствующие о наличии чистосердечного раскаяния, могут быть выявлены путем постановки допрашиваемому соответствующих вопросов, направленных на выяснение его психического отношения к содеянному. При этом следует иметь в виду, что раскаявшийся человек может искажать действительность в своих показаниях в результате добросовестного заблуждения. Поэтому показания раскаявшегося подвергаются такой же тщательной проверке, как и все иные. В частности, важно выяснить, не является ли признание вины следствием такого не столь редкого явления, как самооговор.

Известно немало случаев самооговора, вызванного самыми различными причинами: подозреваемый может оговорить себя в результате психического заболевания, либо стремясь освободить от уголовной ответственности истинного виновника, либо в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, либо в результате неправильных или незаконных методов ведения допроса (под влиянием угроз, обещаний и т. д.). Наряду с реакцией враждебности и агрессии у лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, нередко наблюдается чувство беспомощности, одиночества, пассивности². Самооговор может иметь место и в тех случаях, когда допрашиваемый считает, что он не в силах доказать свою невиновность. Установка допрашиваемого на самооговор может быть

---

¹ При этом следует иметь в виду, что «чистосердечное раскаяние обвиняемого не обязательно может быть выражено в пространной речи, в которой с предельной ясностью будут изложены как обстоятельства преступления, так и ясная оценка их общественной опасности... Бывает и так, что обвиняемый, поняв и до конца прочувствовав свою вину за совершенное им преступление, все это вкладывает именно в сделанное им признание, считая его своим чистосердечным раскаянием» (А. Бакин, О значении сознания обвиняемого, «Советская юстиция» 1958 г. № 5, стр. 51).

² Психологи отмечают, что «наиболее часты случаи самооговоров у олигофренов. Кроме того, наблюдаются случаи самооговора у психопатических личностей, особенно истерического круга. Мотивы такого рода самооговора различные. У психопатов они могут определяться желанием быть в центре внимания, приобрести «известность», результатом своеобразного искаженного «самоутверждения» личности. Эти мотивы бывают и у олигофренов как компенсация имеющейся неполноценности или же как результат их повышенной внушаемости» (Н. Фелинская, Н. Станишевская, Использование психологических знаний в советском уголовном процессе, «Советская юстиция» 1971 г. № 7, стр. 6; см. также Т. А. Скотникова, О психическом состоянии лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, «Вопросы судебной психологии», М., 1971, стр. 92).

усугублена или даже в некоторых случаях вызвана неправильным применением тактических приемов, лишенных необходимой избирательности.

Иногда обвиняемый (подозреваемый) признает вину в силу своей юридической неосведомленности, не понимая подлинного значения совершенного им деяния. Известны случаи, когда обвиняемый признавался в растрате, в то время как имела место недостача, возникшая по халатности, или признавал себя виновным в умышленном деянии, совершив его по неосторожности.

По делам о наиболее тяжких преступлениях самоговор может быть вызван стремлением отсрочить наказание. Будучи полностью изобличен в совершенных преступлениях и сознавая тяжесть ожидающего его наказания, обвиняемый оговаривает себя, приписывая себе преступления, совершенные другими лицами либо вымышленные.

Наконец, в показаниях обвиняемого, признавшего себя виновным, возможны ошибки, возникшие вследствие слабости памяти, неблагоприятных условий восприятия или в результате волнения, которое испытал обвиняемый в момент совершения преступления.

Для того чтобы отличить истинное признание от самоговора, необходимо сопоставить сведения, содержащиеся в показаниях, с другими данными. В показаниях обвиняемого особенно ценно не просто подтверждение тех фактов, которые уже известны по делу. Разумеется, и в этой части сознание имеет доказательственное значение, но в то же время оно не исключает предположений, что соответствующие сведения могли быть подсказаны ему разговорами различных лиц по поводу совершенного преступления и т. д. Объективным критерием достоверности признания обвиняемого прежде всего служит фактическая информация, которая до этого по делу не была известна. Так, обвиняемый может сообщить, что похищенные вещи спрятаны в определенном месте, что на месте происшествия им оставлены характерные следы, которые можно обнаружить при повторном осмотре, и т. д. Обвиняемый может сообщить не только данные, которые подтверждают совершение им преступления, но и указать лиц, показания которых могут подтвердить эти факты. Последующее совпадение содержания показаний обвиняемого с показаниями этих лиц служит одним из оснований для вывода о правильности как тех, так и других.

Определение достоверности показаний лица, отрицающего свою виновность, не менее сложно, чем оценка признания.

Так как на обвиняемом не лежит обязанность доказывать свою невиновность, отрицание им своей вины может быть аргументированно или голословно. Последнее обстоятельство не освобождает органы расследования или суд от обязанности произвести проверку версии обвиняемого. Следует иметь в виду, что в тех

случаях, когда обвиняемый привлечен к ответственности неосновательно, он вообще не располагает сведениями о многих обстоятельствах, имеющих значение для дела. Поэтому отсутствие в его показаниях ссылок на факты, имеющие значение для дела, не может расцениваться как свидетельство их недостоверности.

Нередко следователь тем больше доверяет показаниям обвиняемого (подозреваемого), чем ближе они к выдвинутой им версии. Опровержение же этой версии расценивается следствием как ложь¹. Такая позиция не соответствует принципам советского уголовного процесса.

Характер и форму ложных показаний определяют мотив и цель, которую допрашиваемый при этом преследует. Если он действительно совершил преступление, основной мотив лжи — надежда избавиться от ответственности путем дезинформации органов расследования или суда. С этой целью измышляются ложные сведения, создаются лжедоказательства и инсценировки. В тех случаях, когда подозрение или предъявленное обвинение неосновательны, к даче ложных показаний допрашиваемого иногда толкает опасение незаслуженной ответственности. При этом он нередко отрицает и факты, действительно имевшие место, усматривая в этом средство защиты от ошибочных выводов органов расследования. Даже невиновный, будучи заподозрен, иногда не дает правдивых показаний, искажает факты, опасаясь неблагоприятного их истолкования в невыгодно для него сложившейся ситуации.

В литературе обсуждался вопрос о значении факта ложных показаний для системы доказательств вины². Представляется правильным, что сам по себе факт дачи обвиняемым ложных показаний не может расцениваться как доказательство его виновности.

---

¹ А. Тренкель отмечает невольную тенденцию следователей самые безобидные и нейтральные сведения в показаниях обвиняемого (подозреваемого) расценивать как подтверждение своего предположения, в то время как заслуживающие внимания заявления, находящиеся в противоречии с этим предположением, ими нередко игнорируются. Причем «чем больше он убежден в правильности своего предположения, тем больше риск, что результаты допроса будут им ложно истолкованы...» (А. Тренкель, *Reliability of Evidence*, Stockholm, 1968).

² А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 58—59; Т. Н. Добровольская, Показания обвиняемого против других лиц в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВШЮН», вып. 5, М., 1957, стр. 83; Я. О. Мотовиловкер, Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 17; Р. С. Белкин, Собрание, исследование и оценка доказательств, М., 1966, стр. 149—150; Г. Н. Мудьюгин, Косвенные доказательства, связанные с поведением обвиняемого, «Социалистическая законность» 1961 г. № 6, стр. 30; А. Р. Ратнов, Судебная психология для следователей, М., 1967, стр. 210; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 430, и др.

Если основное содержание ложных показаний обвиняемого (подозреваемого) состоит в отрицании фактов, положенных в основу обвинения (подозрения), органы дознания и суд обязаны доказать несостоятельность такого отрицания.

Для этого необходимо отрицанию фактов «противопоставить положительные факты, признание которых соответствующими действительности влечет признание отрицательного факта ложным»¹.

Достоверность показаний лица, отрицающего свою виновность, проверяется столь же тщательно, как и признание².

Отсутствие подобной проверки неизменно рассматривается судами как основание для обращения дела к рассмотрению³.

В тщательной проверке нуждаются, в частности, показания лиц, которые в подтверждение своей невиновности ссылаются на алиби.

В тех случаях, когда алиби заявлено обвиняемым (подозреваемым), не исключается, что им заранее сфальсифицированы «доказательства», подтверждающие его показания. При этом обычно ссылаются на вымышленные события либо на события, действительно имевшие место, но «перемещенные» во времени, чтобы они «совпали» со временем совершения преступления. С учетом этого при проверке показаний, содержащих ссылку на алиби, выясняется: а) имело ли место обстоятельство, на которое допрашиваемый ссылается в подтверждение своих показаний; б) если оно действительно имело место, то не происходило ли в иное время (не изменены ли в показаниях день или час).

Исходные данные для такой проверки можно получить в ходе допроса лица, заявившего алиби, а также при допросе свидетелей, на которых он ссылается в подтверждение сделанного заявления. Такие свидетели допрашиваются по возможности без промедления с соблюдением условий, исключающих предварительное общение с лицом, алиби которого проверяется. Выясняется также, нет ли других лиц, которым известно, где и с кем находился обвиняемый в периоды, предшествовавшие и последовавшие за преступлением, а равно знавших о наличии и времени возникновения обстоятельств, на которые ссылается обвиняемый.

¹ В. И. Каминская, Показания обвиняемого в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 68.

² Это положение нашло четкое отражение в формулировке ст. 72 УПК Азербайджанской ССР, ст. 57 УПК Узбекской ССР, согласно которым данные, устанавливаемые показаниями обвиняемого, как и другие доказательства, подлежат проверке и оценке в связи со всеми обстоятельствами дела как в случае признания, так и в случае отрицания обвиняемым своей вины.

³ См., например, «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1970 г. № 8, стр. 8—9.

При повторном допросе успешно используются результаты осмотра личной корреспонденции, результаты следственного эксперимента (например, по проверке возможности преодолеть определенное расстояние в данный отрезок времени), а также показания свидетелей, с которыми проводится очная ставка.

Если проверяемые показания можно связать с какими-то событиями, дата и часы которых могут быть точно установлены (начало сеанса в кино, передача по радио, отправление поезда и т. д.), в качестве доказательств, подтверждающих или опровергающих достоверность показаний, используются справки соответствующих учреждений. Однако при этом необходимо помнить, что события, происходящие обычно в одно и то же время, могут иметь отклонения (прибытие поезда, доставка почты и т. д.). Поэтому недостаточно получить официальную справку, а следует выяснить, не имели ли место в данном случае такие отклонения. Необходимо также иметь в виду, что лицо, действительно не причастное к преступлению, нередко хуже припоминает события, связанные с алиби, чем преступник, заранее подготовивший свои показания. В таких случаях допрашиваемому необходимо помочь вспомнить забытые им обстоятельства, которые могут способствовать подтверждению алиби.

Проверка и оценка показаний лица, отрицающего свою виновность, не сводится к выяснению существования и значения фактов, на которые он ссылается в подкрепление своего утверждения (как при заявлении алиби, так и в иных случаях). Следователь и суд обязаны самостоятельно определить факты, имеющие значение для проверки показаний, достоверность которых оценивается, и изыскать необходимые для их установления средства независимо от того, на все ли факты имеется ссылка в показаниях или нет.

При оценке показаний обвиняемого (подозреваемого) против других лиц следует руководствоваться общим правилом оценки доказательств, согласно которому любое доказательство, взятое само по себе и не подтвержденное другими доказательствами, не может быть положено в основу обвинения¹.

Как и в отношении признания или отрицания виновности, при оценке показаний против других лиц необходимо определить мотив, которым руководствовался допрашиваемый. Наиболее распространенными мотивами таких показаний являются: стремление

---

¹ Поэтому представляется неосновательным мнение о специфических особенностях оговора как доказательства (см., например, В. И. Каминская, Показания обвиняемого в советском уголовном процессе, М., 1960, стр. 97). Очевидно, что такая точка зрения в значительной мере объясняется неправильным наименованием рассматриваемого вида показаний обвиняемого термином «оговор». В силу вполне естественной ассоциации, происходящей из общепризнанного смысла этого термина, вызывают недоверие и показания в отношении других лиц (см. § 1).

переложить с себя ответственность за содеянное или разделить ее, месть, зависть, сокрытие подлинного мотива совершенного преступления, попытка освободить от ответственности третье лицо. Для того чтобы распознать подлинный мотив, важно проанализировать ситуацию, в которой было совершено преступление, положение допрашиваемого к моменту допроса и взаимоотношения с лицом, в отношении которого даются показания. При этом важно определить, какие изменения в положении обвиняемого (подозреваемого) могут последовать, если его показания в отношении других лиц найдут подтверждение: облегчится или ухудшится его участь (а в последнем случае — понимает ли это допрашиваемый)¹.

Если обвиняемый (подозреваемый) изменил свои показания (целиком или по отдельным вопросам), необходимо определить достоверность каждого из них. Изменение показаний не бывает безмотивным и всегда предопределяется какими-то факторами, выявление которых помогает определить причину изменений и их характер.

Известно, например, что обвиняемый частично еще в ходе предварительного следствия и полностью в момент его окончания знакомится с материалами уголовного дела. Это обстоятельство может отразиться на его показаниях в том отношении, что его показания в качестве подозреваемого будут значительно отличаться от полученных после предъявления ему обвинения, а эти в свою очередь — от данных на суде. Придя к выводу при ознакомлении с делом, например, что обвинение недостаточно обосновано имеющимися доказательствами, обвиняемый может попытаться уйти от ответственности, отказавшись от своих прежних показаний. Изменение обвиняемым ранее данных показаний может быть вызвано и другими причинами: убеждением в бесполезности далее скрывать правду, чистосердечным раскаянием, воздействием со стороны лиц, заинтересованных в сокрытии правды, и др. Так, отказ от показаний, в которых обвиняемый изобличал в причастности к совершению преступления другого ему преступления других лиц, может быть вызван желанием освободить от ответственности своих соучастников и тем самым избежать наказания за совершение преступления организованной группой.

Прежде чем сделать определенные выводы, измененные показания следует проверить и оценить в полном объеме. При этом

¹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 июня 1959 г. по делу Г. опубликовано под тезисом: «показания одного подсудимого в отношении другого подлежат тщательной проверке, в особенности если имеются основания полагать, что они даны в целях устранения или смягчения своей ответственности или сокрытия действительных соучастников преступления» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 3, стр. 37).

учитывается, что элементы истины и лжи могут сочетаться как в первоначальных, так и в последующих показаниях и что нельзя предустановленно оценивать их в зависимости от момента появления в деле.

Достоверность вновь полученных показаний определяется путем их сопоставления с прежними показаниями, ранее собранными доказательствами и доказательствами, специально полученными в этих целях.

В частности, у обвиняемого (подозреваемого), изменившего показания, необходимо тщательно выяснить на допросе, что именно в своих прежних показаниях он считает неправильным, что он изменяет и уточняет, а что подтверждает и как объясняет изменение показаний. При этом важно получить объяснения как по поводу вновь собранных доказательств, так и ранее предъявлявшихся ему.

Если обвиняемый (подозреваемый) отказывается от ранее данных правдивых показаний в надежде избежать тем самым ответственности, он не учитывает при этом, что за время, прошедшее с момента его предыдущего допроса, по делу собраны новые доказательства. С ними в первую очередь и сопоставляются измененные показания, в результате чего в них нередко обнаруживаются существенные противоречия. По поводу этих противоречий следует получить подробные объяснения, которые в свою очередь подлежат проверке и оценке.

Если по делу привлечено к ответственности (или заподозрено) несколько лиц, достоверность обстоятельств, в отношении которых один из них изменил свои показания, может быть подтверждена или опровергнута показаниями других. Путем допроса соучастников иногда можно выяснить, в какой мере показания, от которых обвиняемый отказался, соответствуют фактическим обстоятельствам совершенного преступления.

Важным элементом оценки показаний, в содержание которых обвиняемым внесены изменения, является выявление в них деталей, свидетельствующих о виновной осведомленности допрошенного. Если обстоятельство, сообщение о котором обвиняемый теперь расценивает как неправильное, соответствует действительности и могло быть ему известно только в случае непосредственной причастности к преступлению, правдоподобен вывод о попытке изменить правдивые показания на ложные. И напротив, если такие детали появились в последующих показаниях, опровергающих первоначальные, вывод о достоверности новых показаний становится более надежным.

Независимо от вида показаний обвиняемого (подозреваемого) на завершающем этапе их оценки ход логических рассуждений субъекта доказывания, определяющего достоверность и значение содержащихся в показаниях сведений, должен основываться на рассмотрении материалов дела в их совокупности.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

§ 1. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В самом общем виде *вещественные доказательства* определяются как любые предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных, опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого (ст. 83 УПК РСФСР) ¹.

В отличие от показаний, заключений экспертов, документов вещественные доказательства представляют не словесное или иное кодовое (цифровое, графическое и т. п.) описание обстоятельств, имеющих значение для дела, а материальные предметы со следами и признаками, сохранившимися к моменту производства по делу. Иными словами, не описание, а непосредственное материальное отображение признаков события составляет сущность вещественных доказательств.

Вещественные доказательства в виде отдельных предметов, имеющих отношение к исследуемому событию ², представляют собой материальные следы, «отпечатки» исследуемого события ³.

¹ Н. А. Селиванов определяет вещественные доказательства как «предметы, которые в силу своей связи с событием преступления и подлежащими выяснению обстоятельствами, исключаящими виновность, способствуют предварительному расследованию и правильному разрешению дела в суде, приобщены к делу в качестве таковых специальным документом» («Вещественные доказательства», М., 1971, стр. 11). Вызывает сомнение вторая часть этого определения, ибо о доказательствах, являющихся единственным средством установления истины по делу, нельзя говорить как о чем-то «способствующем» деятельности органов расследования и суда.

² См. об этом М. М. Выдря, Вещественные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 34. Однако нельзя согласиться с мнением о «противоположности» этого и других видов доказательств. Правильнее говорить не о противоположности, а об особенностях, специфике каждого вида доказательств (особенно с учетом того, что условием допустимости вещественного доказательства является использование его в комплексе с протоколом осмотра).

³ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 193. В данном случае термин «следы» применен в смысле вообще последствий события. В ст. 83 УПК РСФСР, формулирующей понятие вещественного доказательства, этот термин применен в более узком «криминалистическом» смысле.

Как отмечалось, в основу классификации доказательств положена именно специфика способа сохранения и передачи информации о существенных обстоятельствах исследуемого события с тем, чтобы применить такие и только такие методы ее собирания, которые обеспечили бы полноту и точность полученных фактических данных. Сказанное полностью относится и к вещественным доказательствам. Полученные на их основе фактические данные не могут рассматриваться ни как «лучшие», ни как «худшие» по сравнению с данными, содержащимися в доказательствах других видов, они просто иные по характеру, и это должно учитываться при собирании, проверке и оценке вещественных доказательств.

Слово «вещь» в общеупотребительном его смысле обозначает всякий неодушевленный предмет. Вещь обладает определенными свойствами, т. е. тем, что характеризует какую-либо ее сторону и что выявляется в ее взаимоотношениях с другими вещами или явлениями.

Когда мы говорим о вещах как доказательствах, мы подразумеваем, что эти вещи обладают такими свойствами, которые отображают стороны или моменты исследуемого события в виде следов воздействия, изменений и т. п.¹ Доказательством, таким образом, является вещь и ее свойства. Если эти свойства неотделимы от вещи, то только данная вещь может служить доказательством. В некоторых случаях вещество следа со всеми его свойствами может быть отделено от предмета и перенесено на другой предмет. Тогда этот предмет вместе с перенесенным следом становится вещественным доказательством. Поясним это примером. На месте кражи обнаружен потожировой след пальца человека, подозреваемого в совершении этого преступления. След находился на крышке письменного стола. Так как этот след поддавался отделению от вещи (стола) путем перекопировки его вещества на следокопировальную пленку, он стал существовать отдельно от прежнего предмета — стола — на куске следокопировальной пленки, который и стал в дальнейшем фигурировать как вещественное доказательство.

Существенные признаки устанавливаемых обстоятельств, содержащиеся в вещественных доказательствах, обычно доступны непосредственному восприятию следователя и суда².

Однако это не значит, что установить обстоятельства дела с помощью вещественных доказательств несложно. С учетом характера материальных объектов осуществляется трудоемкая работа

¹ См. об этом Р. С. Белкин, *Собирание, исследование и оценка доказательств*, М., 1966, гл. I.

² Подчеркивая именно это свойство вещественных доказательств, М. М. Гродзинский определял вещественные доказательства как «предметы, путем осмотра или исследования которых может быть установлено наличие или отсутствие фактов, имеющих значение для дела»

по их закреплению, анализу возможных изменений, которые они претерпели до обнаружения. Фрагментарность информации, характерная для большинства вещественных доказательств, требует также сложной работы по закреплению обстоятельств их обнаружения и выявлению других данных, с помощью которых может быть достоверно решен вопрос об относимости объекта. Далее, необходимо принять ряд мер, предупреждающих утрату или подмену обнаруженных объектов, а равно обеспечивающих полноту и точность выявления относящихся к делу признаков.

Информация, содержащаяся в вещественном доказательстве, требует истолкования, расшифровки. «Чтобы извлечь сообщение, — отмечает А. И. Трусов, — т. е. заставить как бы заговорить «немое свидетельство», нужно найти другие данные и сопоставить их между собой. Для этого вещественные доказательства в совокупности с другими данными по делу анализируются, подвергаются исследованию (осматриваются, предъявляются свидетелям, потерпевшим, обвиняемому, иногда подвергаются экспертному исследованию и т. п.). Подобным путем удастся извлекать, например, данные о том, что предмет служил орудием преступления, был объектом преступных действий и т. п.»¹.

Объем информации, извлекаемой из вещественных доказательств, возрастает по мере совершенствования способов их исследования. Достижения криминалистики и иных наук, используемые в этих целях, позволяют сегодня обнаружить, зафиксировать и использовать как вещественные доказательства то, что еще вчера нельзя было ни обнаружить, ни зафиксировать. Поэтому значение вещественных доказательств и их роль в доказывании постоянно возрастают. Но при этом, разумеется, речь идет не о замене вещественными доказательствами других доказательств, а о расширении возможностей собирания вещественных доказательств за счет применения средств и способов, которыми ранее не располагали органы расследования и суда.

Вещественные доказательства могут использоваться для установления любых обстоятельств, имеющих существенное значение, — события, отдельных его элементов, виновности (невинности) определенных лиц, мотивов посягательства, отягчающих и смягчающих обстоятельств, причин и условий, способствующих

(«Государственный обвинитель в советском суде», М., 1954, стр. 49). Разумеется, это не значит, что оперирование вещественными доказательствами исключает необходимость их описания, — оно необходимо (протокол осмотра, показания обнаруживших объекты лиц и т. д.), но не взамен информации, непосредственно извлекаемой из вещественного доказательства, а в дополнение к ней. Лишь в случаях, когда объект утрачен, протоколы и показания — в тех пределах, в которых обеспечивается достоверная передача его признаков, — заменяют вещественное доказательство.

¹ А. И. Трусов, Судебное доказывание в свете идей кибернетики, «Вопросы кибернетики и право», М., 1967, стр. 27.

совершению преступления¹. Они могут быть получены и использованы по делам любой категории. Нельзя поэтому согласиться с мнением, что «вещественные доказательства собираются главным образом на месте совершения преступления»². Прежде всего вещественные доказательства, как будет показано ниже, могут указывать не только на наличие, но и на отсутствие преступления. Далее, они могут быть связаны с действиями, предшествовавшими совершению преступления или последовавшими за ним. Наконец, в ряде случаев вещественные доказательства, связанные с самим событием преступления, обнаруживаются не на месте совершения, а в другом месте (на обвиняемом, потерпевшем, в помещении, где скрыто похищенное, и т. п.).

Ошибочно и понимание вещественного доказательства как уличающего доказательства либо доказательства, уличающего или оправдывающего определенное лицо³.

Закон специально подчеркивает необходимость собирания всех вещественных доказательств, могущих способствовать установлению фактических обстоятельств дела, идет ли речь об изобличении или обосновании невинности лица, установлении отягчающих или смягчающих обстоятельств, доказывании или опровержении наличия преступления⁴. При этом оправдательные вещественные доказательства могут опровергать либо виновность данного лица, либо вообще наличие преступления. Круг их может быть столь же разнообразен, как и круг уличающих. Одни из них могут способствовать установлению алиби обвиняемого (например,

---

¹ Так, в одном из постановлений Пленума Верховного Суда СССР специально отмечается значение анализа вещественных доказательств — орудий преступления и др. — для установления содержания умысла виновного («Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР», М., 1970, стр. 446).

О значении вещественных доказательств при установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления, см. «Предупреждение преступлений», М., 1962.

² Ц. М. К а з, Доказательства в советском уголовном процессе, Саратов, 1960, стр. 98.

³ Нельзя в связи с этим признать точным распространенное в процессуальной и криминалистической литературе определение вещественных доказательств как следов преступления (М. М. Выдря, Вещественные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 35; И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 244; М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 369—371; М. А. Ч е л ь ц о в, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 198, и др.). Происхождение вещественных доказательств может быть связано и с обстоятельствами, свидетельствующими об отсутствии состава преступления в действиях лица или даже вообще об отсутствии преступного события.

⁴ В этом смысле ныне действующее процессуальное законодательство восполнило существенный пробел в определении вещественных доказательств, имевшийся в ранее действовавшем законе, где говорилось об обвинительных вещественных доказательствах (ст. 66 УПК РСФСР 1923 г.).

изъяты у него при задержании билеты в кинотеатр, свидетельствующие о посещении сеанса в часы, когда было совершено преступление); другие опровергать обвинение иначе (например, тот факт, что кровь, найденная на одежде обвиняемого, не принадлежит потерпевшему); третьи позволяют отбросить предположение о наличии события преступления (например, устанавливать факт причинения смерти своей, а не посторонней рукой); устанавливать состояние необходимой обороны (наличие финского ножа у потерпевшего, которому обвиняемый, защищаясь, нанес удар палкой) и т. д. Во всех случаях они подлежат собиранию, проверке и тщательному анализу в совокупности с иными доказательствами по делу.

Основанием для отнесения материального объекта к числу вещественных доказательств служит:

- а) отображение в нем признаков, характеризующих личность участников события (указывающих на конкретное лицо), и оружия (оружия), применявшегося ими;
- б) отображение в нем условий, в которых происходило событие (обстановка места происшествия);
- в) наличие на нем (в нем) изменений, связанных с событием;
- г) принадлежность определенному лицу, если этот факт имеет значение для дела;
- д) использование участниками события;
- е) обнаружение в определенном месте¹ или в определенное время, если этот факт имеет значение для дела.

В уголовно-процессуальных кодексах сформулирован перечень наиболее распространенных видов вещественных доказательств, которые классифицируются по нескольким основаниям.

1) Предметы, которые служили орудиями преступления. Под ними следует понимать любые материальные объекты, специально изготовленные, или приспособленные, или найденные на месте и т. д., которые были использованы для подготовки или совершения преступления, а равно для сокрытия его следов.

2) Предметы, которые сохранили на себе следы преступления. Как уже отмечалось, понятие «следы» может применяться в широком и узком значении. В частности, под следами понимаются: а) отображения материальных объектов, воспроизводящие их внешнюю форму, например следы рук; транспорта, орудия взлома и пр.; б) пятна (частицы) различных веществ и т. п.

¹ Учитывая значение места обнаружения для решения вопроса об относимости объекта, процессуальное законодательство предусматривает обязательность фиксации не только того, в результате какого следственного действия обнаружен объект, но и где именно (см., например, ст. 176 УПК РСФСР).

Именно в этом смысле закон говорит о предметах, сохранивших следы преступления (ст. 83 УПК РСФСР).

С помощью следов внешнего строения оказывается часто возможным идентифицировать предметы, их оставившие, а с помощью следов второй группы — обычно лишь установить групповую принадлежность объектов, которые их оставили. Разумеется, доказательственное значение следов не исчерпывается лишь их идентификационными возможностями; они, как и любые другие вещественные доказательства, помогают также выяснить обстановку события, его ход и другие существенные обстоятельства.

3) Предметы, которые были объектами преступных действий обвиняемого. Под ними понимаются конкретные предметы, на которые было непосредственно направлено преступное посягательство (в этом смысле объект преступных действий — иное, более узкое по смыслу понятие, нежели принятое в уголовном праве понятие «объект преступления»).

4) Деньги и иные ценности, нажитые преступным путем. Речь идет о: а) наличных деньгах или документах, дающих право на их получение, сырье и изделиях из драгоценных металлов и камней, иных ценных предметах, которые приобретены непосредственно в результате преступления (в этой части указанная разновидность вещественных доказательств совпадает с предыдущей); б) вещах, приобретенных на деньги, добытые в результате преступления или реализации ценностей или другого имущества, полученных преступным путем¹.

Отсутствие в ранее действовавшем законодательстве упоминания о денежных суммах и ценностях как вещественных доказательствах приводило к известному ограничению использования факта их обнаружения для установления истины; нередко органы расследования и суд рассматривали этот факт лишь в связи с решением вопросов гражданского иска и конфискации имущества.

Ныне действующее законодательство устранило указанный пробел, ориентируя тем самым органы расследования, прокурора, суд на всестороннюю оценку значения по делу обнаруженных денег и ценностей².

Подчеркивая, что изложенный перечень носит примерный, ориентировочный характер, законодатель дополняет его указанием на то, что к вещественным доказательствам могут относиться и иные предметы, отвечающие сформулированному в ст. 83 УПК

¹ «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 125.

² С учетом изложенного нельзя согласиться с позицией М. А. Чельцова, который, критикуя законодателя за расширение понятия вещественных доказательств, утверждает, что доказательственное значение имеют только деньги и ценности, составляющие личное, если они обладают индивидуальными признаками, указанными потерпевшим. В остальных случаях, по

РСФСР общему их определению. К числу иных вещественных доказательств можно, в частности, отнести «продукты» преступной деятельности (оружие, изготовленное для незаконного ношения или хранения; фальсифицированные товары; изделия, изготовленные в результате занятия незаконным промыслом; вещи, забытые или обнаруженные на месте происшествия, и т. д.)¹.

Материальная среда, в которой было совершено преступление и остались его следы, ограничена определенным пространством. Это пространство принято именовать местом происшествия. В пределах места происшествия связь преступления с материальной средой может выразиться в том, что: а) преступление совершено с помощью оставшихся на данной территории орудий; б) преступление направлено на один из объектов, находящихся на данной территории; в) на предметах оставлены следы действий преступника; г) преступление совершено в данной обстановке, хотя сама эта обстановка не претерпела в связи с преступлением видимых изменений.

Все эти виды взаимосвязи преступных действий с окружающей средой обуславливают приобретение последней специфических особенностей, имеющих доказательственное значение, связанное с преступлением причинно-следственными, пространственными и иными связями. Объекты этой среды образуют единый криминалистический комплекс, который и составляет содержание понятия «место происшествия». Одной из характеристик этого комплекса служит обстановка места происшествия².

мнению М. А. Чельцова («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 199), «только приговор суда, которым обвиняемый будет признан виновным в совершении определенного преступления, может установить, что изъяты у него деньги и ценности нажиты путем совершения преступления».

Представляется, что приведенная точка зрения основана на смешении предварительной оценки доказательств и установленных ими обстоятельств и окончательной оценки, осуществляемой при разрешении уголовного дела судом (следователем — при прекращении дела) и охватывающей все доказательства и все обстоятельства дела, а отнюдь не только вопрос о происхождении денег и ценностей, изъятых у обвиняемого.

¹ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1951, стр. 185—186; М. М. Выдря, Вещественные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 27—45; Н. А. Селиванов, Вещественные доказательства, М., 1971, стр. 5—6. Говоря о «продуктах» преступной деятельности, необходимо, однако, иметь в виду относительность этого понятия, сливающегося в большинстве случаев с понятием орудия (средства) преступления. Фальшивые деньги, поддельные документы, самогон и другие объекты, упоминаемые различными авторами, действительно являются продуктом, результатом определенного этапа преступной деятельности и вместе с тем служат преступнику орудием (средством) для ее продолжения.

² См. об этом подробнее Р. С. Белкин, Собираание, исследование и оценка доказательств, М., 1966, гл. 6. Необходимость разработки понятия вещественных доказательств с позиций «не только сугубо научно-техниче-

Поскольку вещественное доказательство, изъятое из обстановки, в которой оно обнаружено, и приобщенное к делу, обладает свойствами, связанными с обстановкой, в протоколах осмотра места происшествия, протоколах осмотра предмета или иных следственных документах фиксируется место изъятия вещественного доказательства и его отношение к другим предметам обстановки.

Надо отметить, что приведенная классификация вещественных доказательств носит в известной мере условный характер. Например, оружие, похищенное преступником и затем использованное при совершении убийства, одновременно и объект преступных действий, и орудие преступления, и предмет, который сохранил на себе следы преступления.

Цель приведенной в законе классификации — обратить внимание органов расследования и суда на безусловное значение соответствующих предметов как вещественных доказательств, на необходимость поиска вещественных доказательств во всех названных в законе направлениях.

По большей части вещественные объекты служат косвенным доказательством. Однако в некоторых случаях вещественное доказательство можно рассматривать и как прямое доказательство. Например, обнаруженный при обыске пистолет может служить вещественным доказательством по делу о незаконном хранении оружия. Понятно, что прямое одноступенчатое установление события как элемента предмета доказывания в этом случае возможно лишь с использованием данных, содержащихся в протоколе, где указано, у кого и при каких обстоятельствах этот пистолет изъят.

Отрицая возможность существования прямых вещественных доказательств, Р. Д. Рахунов указывает, что следует исходить из определения прямого доказательства, как непосредственно удостоверяющего или опровергающего виновность или невиновность привлеченного к уголовной ответственности¹. Его позиция не может быть признана правильной. Критерий, отделяющий прямое доказательство от косвенного, — характер связи (одноступенчатый или многоступенчатый) доказательства и устанавливаемого

ского изучения» объекта, но и анализа всей сложности его существенных для доказывания связей обоснованно отмечает Е. Пальский («Гносеологическая природа вещественных доказательств», «Вестник МГУ», право, 1970 г. № 6, стр. 89).

¹ Р. Д. Рахунов, Вещественные и письменные доказательства в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮОН», вып. 10, М., 1959, стр. 217. Мнение, что вещественные доказательства могут быть только косвенными, обосновывается иногда тем, что вещи, предметы сами по себе «немые» и поэтому не могут никогда прямо доказывать виновность. Однако в основу деления доказательств на прямые и косвенные положен не способ передачи информации, а ее характер относительно устанавливаемого факта. Подробнее вопрос о понятии прямых и косвенных доказательств рассматривается в гл. IV.

элемента предмета доказывания. Оружие, хранимое лицом без разрешения, — по делу о незаконном хранении этим лицом оружия будет таким же прямым доказательством, как, например, показания свидетеля-очевидца по делу об убийстве.

В то же время личное по делу о краже, будучи, безусловно, важным доказательством возможной причастности обыскиваемого к совершению кражи, лишь через ряд промежуточных выводов связано с событием совершения кражи, ибо обнаруженный при обыске предмет мог попасть к обыскиваемому и иными путями (найден, куплен, передан на хранение другим лицом, подброшен и т. д.). Между тем доказать надо, что он украден. Такое вещественное доказательство является косвенным.

Важное теоретическое и практическое значение имеет вопрос о первоначальных и производных вещественных доказательствах.

Иногда утверждают, что производных вещественных доказательств (копий) не может существовать, так как характерное свойство вещественного доказательства — его незаменимость, ибо оно создается самим фактом и самой обстановкой исследуемого события. Если вещественное доказательство утрачено, нельзя создать другое, которое бы его заменяло.

Эта точка зрения не может быть признана правильной в силу ее противоречия действующему законодательству и практике его применения. При обысках, осмотрах, экспертизах, следственных экспериментах широко применялось и применяется использование копий обнаруженных следов с помощью средств, обеспечивающих точность воспроизведения в копии признаков, имеющих существенное значение. Речь идет о случаях, когда: а) необходимо сохранить указанные признаки с учетом изменчивости объекта; б) необходимо сохранить сам объект, исследуя его свойства на копиях; в) существуют особые свойства вещественного доказательства, как-то: громоздкость, хрупкость, неотделимость от окружающей среды, невозможность длительного хранения и т. п., что делает необходимым для суда обозрение в судебном заседании только производных вещественных доказательств.

Производные вещественные доказательства закрепляют и сохраняют исчезнувшие или могущие исчезнуть свойства первоначального вещественного доказательства в том виде, в каком они были в момент снятия копии.

Выше мы уже отмечали, что фактические данные извлекаются из некоторых свойств вещи. Такое определение вещественного доказательства позволяет обосновать и принципиальную возможность существования производных вещественных доказательств.

Производное вещественное доказательство может быть получено только в том случае, если требуется копия, слепок, оттиск фиксируемых свойств, относящихся к категории внешних, поверхностных, поддающихся воспроизведению. Нельзя получить

полности
себе, но
это выг
имеющих
со свойст
ственность
ковое св
вещи, что
гой. Если
ством Б,
веществе
создали п
щее само
ствование

Отлич
воначальн
рпала (ве
В то же
расположе
значение,

Невозм
тельству в
отрицания
слепков, ка
пия не об
оттиск, сле
ства веще
ными в да
только вне
мическом
ственного
ными в бу

¹ См. Р.
вание, М., 19
² А. Лар
ческая закон
изводными д
являются), а
«подлинными
ляющиеся (т
ственная п с
объектов нео
допросе, пре
объект не об
менения. Одн
чального дока
альные, а ли

полностью адекватную копию вещи, тождественной только самой себе, по можно воспроизвести некоторые ее свойства. Логически это выглядит следующим образом: вещь А обладает свойством Б, имеющим доказательственное значение. Изготовлена вещь В тоже со свойством Б. Совпадение двух свойств вовсе не означает тождественности вещи А и вещи В. Но так как у А и В имеется одинаковое свойство, то достаточно изучить это свойство у одной вещи, чтобы иметь о нем представление и применительно к другой. Если мы можем создать вещь В, обладающую тем же свойством Б, что и вещь А, которая могла бы быть первоначальным вещественным доказательством, то это будет означать, что мы создали производное вещественное доказательство, не повторяющее самой вещи А, но дающее возможность исследовать опосредствованно ее свойства¹.

Отличие производного вещественного доказательства от первоначального заключается в том, что оно состоит из иного материала (вещества), имеет в связи с этим другой вес, цвет и т. п. В то же время оно адекватно передает форму (конфигурацию), расположение и характер признаков, имеющих доказательственное значение, и поэтому может быть — в этих пределах — использовано, например, для установления слепообразующего объекта.

Невозможность придать производному вещественному доказательству все свойства первоначального объекта вовсе не означает отрицания самого понятия производных доказательств — копий и слепков, как утверждает А. М. Ларин. Он пишет: «Никакая копия не обеспечивает абсолютного тождества. Делая слепок или оттиск, следователь не может априорно определить, какие свойства вещественного доказательства могут оказаться существенными в дальнейшем. Самый совершенный слепок воспроизводит только внешние очертания предмета, лишая представления о химическом составе, цвете, весе, запахе и других качествах вещественного доказательства, которые могут оказаться существенными в будущем»².

---

¹ См. Р. С. Белкин, А. И. Винберг, Криминалистика и доказывание, М., 1969, гл. 4.

² А. Ларин, Некоторые проблемы теории доказательств, «Социалистическая законность» 1963 г. № 8, стр. 53. Не считая слепки и оттиски производными доказательствами (и не рассматривая вопрос, чем же они являются), А. Ларин предлагает считать таковыми предметы, сходные с «подлинными» вещественными доказательствами, но заведомо ими не являющиеся (такой же нож, такие же часы и т. п.). Действительно, следственная и судебная практика знает случаи, когда использование таких объектов необходимо при доказывании (при следственном эксперименте, допросе, предъявлении для опознания, экспертизе), если подлинный объект не обнаружен, утрачен или нельзя подвергнуть его опасности изменения. Однако такие объекты не являются производными от первоначального доказательства, а лишь сходны с ним; они передают не индивидуальные, а лишь родовые признаки. И, наконец, самое главное, эти объекты

Отсюда делается вывод, что поскольку нельзя создать объект, обладающий всеми свойствами другого объекта, постольку не имеет смысла создавать объекты, обладающие лишь частью свойств оригинала. В действительности перед следователем вообще не стоит задача воспроизведения при копировании всех свойств первоначального вещественного доказательства, да и само копирование предпринимается только тогда, когда этим способом можно передать интересующие следователя свойства объекта. В частности, копии обычно получают с тех объектов, которые подлежат криминалистическому исследованию, имеющему обычно дело с внешней формой предмета, вполне поддающейся воспроизведению на новом объекте при помощи современных средств копирования¹.

Производное вещественное доказательство — это модель, воспроизводящая определенные свойства оригинала². Эта связь производного вещественного доказательства как модели со своим оригиналом обуславливает познавательную функцию производного вещественного доказательства: на нее как бы переносится часть доказательственной информации, содержащейся в оригинале и относящейся к тем ее признакам, которые поддаются копированию. Передаваемая производным вещественным доказательством информация несет в себе данные о первоначальном акте отражения и, следовательно, о воздействующем факте³.

Представляется, что процессуальный режим приобщения к делу, хранения, использования первоначальных и производных вещественных доказательств должен быть одинаков и полностью обеспечивать сохранность как первоначальных, так и производных вещественных доказательств⁴.

Действующий закон указывает, что в необходимых случаях следователь производит осмотр и изготавливает слепки и от-

---

«производны» от описания вещественного доказательства — в показаниях, протоколе осмотра и т. п. — и в этом смысле они представляют как бы вещественное, а не непосредственное запечатление существенных для дела признаков (*примечание редколлегий*).

¹ Появление новых следокопирующих материалов (например, силиконовых паст) существенно расширяет возможности оперирования производными вещественными доказательствами, позволяя копировать объекты, которые нельзя изъять или сохранить и признаки которых ранее фиксировались в деле только путем описания.

² В. А. Штофф, Моделирование и философия, М., 1966, стр. 24.

³ Ф. М. Кудин, Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Свердловск, 1967, стр. 7.

⁴ П. В. Данисявичус, Следы как вещественные доказательства в советской криминалистике. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1956, стр. 14; А. И. Винберг, Производные вещественные доказательства и их значение, «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства», М., 1962, стр. 42—45; Г. М. Миньковский, Процессуальные вопросы применения новых научно-технических средств фиксации результатов следственных действий, «Практика применения но-

тиски следов (ст. 179 УПК РСФСР). Копии вещественных доказательств подходят и под общее определение вещественных доказательств, данное в ст. 83 УПК РСФСР («все другие предметы...» и т. д.).

Приведенные выше соображения дают основание для предложения об уточнении текста закона специальным указанием, что на копии (производные вещественные доказательства) распространяется весь режим процессуального закрепления вещественных доказательств (в частности, приобщение их особым постановлением). Тем самым порядок введения производных вещественных доказательств в материалы дела наиболее полно обеспечивается средствами удостоверения их подлинности и достоверности.

Значительный теоретический и практический интерес представляют вопросы использования при доказывании образцов для сравнительного исследования.

В процессуальной и криминалистической литературе высказаны различные взгляды на природу образцов:

а) образцы для сравнительного исследования представляют по существу вещественные доказательства, и на них распространяется процессуальный режим вещественных доказательств¹;

б) образцы для сравнительного исследования относятся к так называемым заменимым вещественным доказательствам в отличие от приобщаемых к делу незаменимых вещественных доказательств²;

в) образцы для сравнительного исследования не вещественные доказательства, они имеют самостоятельное значение, будучи объектами, призванными способствовать исследованию личности и предметов для установления обстоятельств, имеющих значение для дела³;

г) это вспомогательные «технические средства», не имеющие доказательственного значения, которое имеют лишь результаты их сопоставления с вещественными доказательствами⁴.

вого уголовно-процессуального законодательства», М., 1962, стр. 50—51; Н. А. Селиванов, Основания и формы применения научно-технических средств и специальных знаний при расследовании преступлений, «Вопросы криминалистики» 1964 г. № 12.

¹ «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР 1960 г.», Л., 1962, стр. 90.

² И. Л. Петрухин, Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 178.

³ Р. С. Белкин, Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике. Автореферат докторской диссертации, М., 1961, стр. 93; А. И. Впнберг, Образцы для сравнительного исследования, «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства», М., 1962, стр. 45—48.

⁴ Н. А. Селиванов, Вещественные доказательства, М., 1971.

Представляется, что образцы — это особая категория объектов, используемых в уголовном процессе в связи с необходимостью широко применять сравнительное исследование для установления истины по уголовному делу.

По своей природе образцы близко примыкают к вещественным доказательствам. Однако они имеют иное происхождение, они не создаются исследуемым событием, подобно вещественным доказательствам, не присущи ему.

Иногда предлагают считать образцы для сравнительного исследования вещественными доказательствами на том лишь основании, что без сравнения с образцами теряют свое значение вещественные доказательства¹. Сторонники такого взгляда игнорируют, однако, объективную связь вещественных доказательств с исследуемым событием и паллиатив у них в ряде случаев самостоятельного значения, приобретаемого не через сравнение с образцами, а в результате таких следственных действий, как осмотр, предъявление для опознания, следственный эксперимент, с помощью которых могут быть установлены связи данного вещественного доказательства с исследуемым событием.

Получение образцов почерка (и иных) от обвиняемого, свидетеля и потерпевшего для сравнительного исследования, осуществляемое по инициативе следователя или суда, — это самостоятельное следственное действие².

Для него характерны (ст. 186 УПК РСФСР): а) обязательность вынесения постановления (определения) о получении образцов для сравнительного исследования; б) необходимость фиксировать в протоколе условия и методы получения образцов, их количество и признаки с тем, чтобы можно было оценить достаточность базы сравнительного исследования; в) обязательность постановления (определения) для лица, в отношении которого оно вынесено³.

¹ Г. Б. Карнович, К вопросу о классификации вещественных доказательств, «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 8, М., 1956, стр. 14—18.

² Речь идет об экспериментальных, а не о так называемых свободных образцах, которые хотя и были выполнены в свое время не для целей сравнительного исследования, но могут быть для этой цели использованы (например, образцы несомненного почерка данного лица). Такие образцы не изготавливаются по постановлению следователя (определению суда), а изымаются путем обыска, выемки либо путем запроса необходимых материалов у соответствующих органов, где они хранятся.

³ Закон не регламентирует изготовление образцов для сравнительного исследования непосредственно экспертами. В практике при проведении экспертного эксперимента, как правило, изготавливаются образцы для сравнительного исследования (отстрел пуль и гильз, получение опытных трасс рабочей части орудия взлома и т. п.). Однако процессуальный статус этих образцов совсем иной. Они входят в состав материалов, которыми оперирует эксперт, и могут быть приложены к его заключению. Высказы-

Под образцами в криминалистике понимаются различные объекты, воспроизводимые и изымаемые по постановлению следователя (определению суда) для сравнительного исследования. Эти образцы при всем их разнообразии могут быть разделены на две группы. К первой относятся образцы, отражающие фиксированные признаки иного объекта. Эти образцы играют роль идентифицирующих объектов. К их числу относятся: образцы — непосредственные отображения (отпечатки пальцев, оттиски орудий взлома и т. д.); образцы — сложные отражения навыка, выраженного в почерке, профессиональных приемах и т. д. Ко второй группе образцов относятся объекты, отражающие свои собственные признаки родового или видового характера и служащие для установления групповой принадлежности. К их числу относятся части материала или вещества (кровь, волосы, слюна, краска, бумага и т. п.); так называемые «средние пробы» (например, зерна) и другие образцы, служащие сравнительными объектами при установлении групповой принадлежности (сорт, класс, тип, вид и т. д.).

В любом случае, однако, образцы в отличие от вещественных доказательств не имеют самостоятельного значения по делу; само их появление определяется необходимостью производства сравнительного исследования вещественного доказательства.

Отсутствие самостоятельного значения не есть, однако, отсутствие доказательственного значения вообще. Если бы образцы не имели такого значения, результаты их изучения нельзя было бы использовать в доказывании. В действительности образцы несут доказательственную информацию о фактах, имеющих существенное значение.

Во многих случаях вещественными доказательствами являются документы. Поэтому важно отграничить такие вещественные доказательства от иных документов. Они могут быть классифицированы следующим образом:

а) документы как средства (орудия) совершения преступления. К ним относятся различные поддельные счета, расписки, отчетные документы, поддельные железнодорожные билеты, трудовые и расчетные книжки, свидетельства о болезни и другие документы, которые были использованы с целью преступного завладения деньгами и товарно-материальными ценностями, незаконного получения льгот или освобождения от обязанностей

ваилось мнение, что было бы целесообразно упорядочить получение образцов экспертом с тем, чтобы процесс их получения фиксировался бы в специальном протоколе. Разумеется, речь идет о случаях, когда получение экспериментальных образцов: а) не связано с прямым контактом с обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, а носит «безличный» характер; б) требует специальных знаний. Если одно из таких условий отсутствует, образцы должны быть получены органом, назначившим экспертизу (возможно, с участием специалиста).

и т. д.; б) документы как средства сокрытия преступных действий или личности преступника. К этому виду относятся любые документы, которые используются преступником, чтобы скрыть совершенное преступление, направить следствие и суд по ложному пути, а равно способствовать уклонению виновного от следствия и суда; в) документы как средства установления личности преступника, потерпевшего, происхождения похищенного и других существенных обстоятельств по делу. К таким документам будет относиться, например, записка с адресом, обнаруженная в кармане одежды неопознанного трупа, и т. д.

Определение вещественного доказательства было бы неполным, если не упомянуть о необходимости присущей ему процессуальной формы. К элементам этой формы относятся: а) процессуальный документ, содержащий данные о происхождении материального объекта; б) протокол осмотра этого объекта (ст. ст. 84, 179 УПК РСФСР); в) постановление о приобщении данного объекта к делу (ст. 83 УПК РСФСР); г) объект, приобщенный «в натуре».

Только совокупность указанных элементов обуславливает превращение объекта, могущего быть вещественным доказательством, в вещественное доказательство.

Мнение, что предмет признается вещественным доказательством только тогда, когда после его осмотра выносятся специальное постановление, объясняющее, что именно делает этот предмет таким доказательством, в настоящее время общепринято¹. Спорным, однако, оказался вопрос о том, когда нужно выносить такое постановление. Некоторые авторы считают, что это должно быть сделано сразу по обнаружении (осмотре) предмета, возможно запечатлевшего признаки, существенные для дела²; другие же — что предмет нужно приобщать к делу только после того, как будет установлено, что он является вещественным доказательством, т. е. действительно содержит эти признаки.

Сторонники первой из указанных точек зрения ссылаются на то, что, во-первых, закон говорит о предметах, могущих служить средством установления фактических обстоятельств дела, и, следовательно, для признания объекта вещественным доказательством достаточно предположительно решить вопрос о возможном

¹ В. Д. Арсеньев в статье «Вопросы теории вещественных доказательств в советском уголовном процессе» считает, что неприобщение предмета к делу при точном соблюдении процессуальной формы в остальной части не лишает последнего значения вещественного доказательства, так как в этом случае у следователя и суда будут достаточные данные для того, чтобы судить об особенностях предмета, его отношении к делу и т. д. («Труды Иркутского университета», 1957, т. 22, стр. 94).

² Г. Б. Карнович, К вопросу о классификации вещественных доказательств, «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 3, М., 1956, стр. 13.

наличии соответствующих признаков. Во-вторых, в тех случаях, когда для окончательного установления у объекта признаков, существенных для дела, требуется экспертиза, она должна иметь своим предметом вещественные доказательства, а не объекты, не имеющие определенного процессуального статуса. В-третьих, промедление с приобщением объекта к делу в качестве вещественного доказательства может повлечь его повреждение или утрату.

Эти доводы, однако, не представляются достаточно убедительными.

Прежде всего закон говорит о предметах, которые могут служить средством установления фактических обстоятельств дела в том смысле, что предположительна относимость к делу имеющих у них признаков (вопрос об относимости по большей части окончательно решается лишь при оценке совокупности собранных доказательств), а не само наличие соответствующих признаков.

В ряде случаев для установления того, что объект обладает признаками, возможно относящимися к делу, достаточно его осмотра. В других случаях необходимы также допросы, следственный эксперимент или экспертиза и т. п. Очевидно, что выносить постановление о признании вещественным доказательством объекта, на котором имеется пятно, похожее на кровь, было бы преждевременно, пока не будет установлено, что это действительно следы крови, а не ржавчины или другого вещества.

Нельзя согласиться и с другими аргументами сторонников критикуемой точки зрения. В частности, не случайно закон говорит о направлении на экспертизу не вещественных доказательств, а материалов (ст. ст. 82, 184, 191 УПК РСФСР).

Применительно к объектам, изымаемым при осмотре (ст. ст. 179, 182 УПК РСФСР) и при обыске (ст. ст. 170—172, 176 УПК РСФСР), закон также говорит не о вещественных доказательствах, а о «предметах и документах», одновременно предусматривая необходимые меры, обеспечивающие их подлинность и целостность (осмотр и описание в протоколе, фотографирование, опечатывание, составление описи и т. д.). Таким образом, отсрочка с вынесением постановления о приобщении предмета к делу в качестве вещественного доказательства отнюдь не означает, что не будет обеспечена его сохранность.

Таким образом, постановление о приобщении объекта к делу в качестве вещественного доказательства выносится после того, как будет установлено, что те или иные признаки достоверно имеются у объекта и, возможно, относятся к делу. Иное решение вопроса привело бы к загромождению дела ненужными документами (постановления о приобщении к делу объектов, фактически не являющихся вещественными доказательствами).

§ 2. ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ И ОЦЕНКИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд следственных и судебных действий, в ходе которых органы дознания, предварительного следствия и суд собирают и проверяют вещественные доказательства. Регламентация порядка и способов собирания вещественных доказательств направлена на то, чтобы с учетом характера содержащейся в них фактической информации обеспечить полноту ее выявления, точность закрепления в деле, сохранность и неизменность. В частности, преследуется цель зафиксировать место и условия обнаружения вещественного доказательства; обеспечить и удостоверить его подлинность (т. е. исключить возможность подмены и подделки); при необходимости возможно более полно использовать вспомогательные способы фиксации существенных для дела свойств вещественного доказательства. Реализация требований закона обеспечивает, с одной стороны, максимальную полноту собирания и проверки имеющихся вещественных доказательств, а с другой — устраняет загромождение дела ненужными для его расследования и рассмотрения предметами, обеспечивает сохранность вещественных доказательств и в случае их порчи или утраты возможность сохранения их копий, описаний, рисунков и т. д.

Процессуальные правила собирания и исследования вещественных доказательств учитывают, в частности, неповторимость в ряде случаев следственного действия, с помощью которого был обнаружен объект, и связанную с этим необходимость удостоверить факт и обстоятельства обнаружения, равно как и наличие в этот момент у объекта тех признаков, которые используются при доказывании.

Существенное значение имеют следующие правила процессуального регулирования собирания и проверки вещественных доказательств:

а) предусматривается обязательное присутствие понятых при следственных действиях, в ходе которых осуществляется собирание вещественных доказательств и фиксируются обстоятельства их обнаружения. На понятых закон возлагает обязанность удостоверить факт, содержание и результаты действий, при производстве которых они присутствовали, т. е. удостоверить, насколько правильно в протоколе следственного действия отражен процесс его проведения и полученные результаты¹.

¹ Как отметил еще П. И. Люблинский, участие понятых в следственных действиях представляет собой специфическое применение (по тер-

Отсутствие понятых при обнаружении и изъятии следов и предметов, а равно нарушение органами расследования требований закона относительно состава понятых, по общему правилу, влечет недопустимость приобщенных объектов в качестве доказательств, так как создает неустранимое сомнение относительно факта и обстоятельств их обнаружения и изъятия;

б) устанавливается возможность присутствия при производстве следственных (судебных) действий по собиранию вещественных доказательств лиц, законные интересы которых могут быть затронуты фактом производства и результатами этих действий или которые могут указать местонахождение следов и других объектов (ст. ст. 169, 179 УПК РСФСР);

в) предусматривается применение научно-технических средств для фиксации вещественных доказательств, а равно запечатления места и обстоятельств их обнаружения (копирование, фотографирование, составление планов, схем и т. д.). В этих же целях используется помощь специалистов. Нарушение указанных требований закона также может создать в ряде случаев сомнение в полноте, объективности, всесторонности результатов осмотра, обыска и т. п.;

г) установлена возможность проведения осмотра для собирания вещественных доказательств, если имеется опасность утраты объектов или изменения их признаков до возбуждения уголовного дела (ст. 178 УПК РСФСР). Предусматривается возможность производства в порядке исключения обыска в ночное время (ст. 170 УПК РСФСР);

д) установлен порядок хранения вещественного доказательства, исключающий его подмену, утрату или изменение существенных для дела признаков. Так, ст. 84 УПК РСФСР устанавливает, что вещественные доказательства должны быть описаны в протоколе осмотра и по возможности сфотографированы. О необходимости упаковать и опечатать предметы, обнаруженные при выемке, обыске, осмотре места происшествия, местности и помещения, говорится и в ст. ст. 171, 179 УПК РСФСР. Храниться вещественные доказательства должны (кроме тех случаев, когда такая возможность исключена) при деле;

минологии автора, «некоторую замену») принципа гласности на предварительном расследовании («О доказательствах в уголовном суде», М., 1924, стр. 63). В судебных действиях, осуществляемых судом коллегиально и гласно, участие понятых излишне.

Присутствие понятых, с одной стороны, повышает ответственность следователя за полноту, всесторонность, объективность его действий, усиливает охрану прав граждан, ставит орган расследования под контроль общественности, а с другой стороны, ограждает его от необоснованных нареканий, ложность которых было бы трудно доказать, если при следственном действии присутствовали бы только заинтересованные лица (см. «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 197).

е) процесс собирания и проверки вещественных доказательств обязательно отражается в процессуальных документах, наличие и содержание которых должно свидетельствовать о соблюдении установленных законом правил.

Собирание и проверка вещественных доказательств осуществляются в течение всего процесса доказывания по делу. Было бы неверно, в частности, игнорировать возможности, которыми обладает суд не только для исследования уже имеющихся в деле, но и для собирания новых вещественных доказательств.

Вместе с тем в силу тех задач, которые уголовно-процессуальный закон ставит перед дознанием и предварительным следствием, основная работа по собиранию вещественных доказательств должна выполняться на этих стадиях производства по делу.

Вещественные доказательства чаще всего собирают в ходе таких следственных действий, как выемка, обыск, осмотр, причем следственная и судебная практика свидетельствуют, что неиспользование органами расследования имеющихся возможностей собирания вещественных доказательств часто не может быть восполнено в дальнейшем.

Говоря о фиксации результатов выемки и обыска, закон (ст. 176 УПК РСФСР) требует, чтобы в протоколе было указано, выданы ли предметы и документы, подлежащие изъятию, добровольно или изъятые принудительно, в каком именно месте и при каких обстоятельствах они были обнаружены. Кроме того, в протоколе или в приложенной к нему описи должно быть перечислено все изымаемое с точным указанием количества, меры, веса или индивидуальных признаков и по возможности стоимости.

Указанные требования закона направлены на то, чтобы гарантировать возможность использования объектов, обнаруженных при выемке и обыске, в качестве вещественных доказательств.

Обыск и выемка могут быть, с нашей точки зрения, произведены и по усмотрению суда. Найдя это необходимым, суд может, не возвращая дело на доследование, вынести определение об обыске или выемке, поручив его исполнение органу милиции.

Эта точка зрения находит известное обоснование в тексте ст. 70 УПК РСФСР, хотя сам порядок обыска в присутствии суда закон не регламентирует. Несомненно, что обыск, производимый в присутствии суда (например, для изъятия записки, переданной подсудимому), не требует приглашения понятых. Обыск по поручению суда производится в обычном порядке. Вещественные доказательства, обнаруженные при обыске или выемке в суде, подлежат исследованию и приобщаются к делу определением¹.

¹ По вопросу о праве суда на производство обыска в процессуальной литературе высказывались различные точки зрения. Так, М. М. Выдря в

Предоставляя органу расследования и суду возможность отыскивать и принудительно изымать объекты, имеющие значение для дела, путем обыска или выемки, законодатель уделит большое внимание тому, чтобы эти процессуальные действия не противоречили их назначению. В частности, закон устанавливает обязательность вынесения мотивированного постановления о производстве выемки и проверку прокурором достаточности оснований для обыска, производимого на предварительном следствии и дознании (ст.ст. 167—168 УПК РСФСР).

Эти указания закона (как правило, относящиеся к присутствию заинтересованных лиц при обыске, выемке и их участию в составлении протокола, порядку вскрытия запертых помещений и т. д.) — наглядное свидетельство органического сочетания гарантий установления истины по делу и охраны законных интересов граждан как взаимосвязанных сторон единой системы процессуальных гарантий доказывания в советском судопроизводстве.

Предметы могут быть представлены органу расследования (суду) гражданином, представителем общественности, должностным лицом, его обнаружившим (ст. 70 УПК РСФСР). Представление отличается от выемки отсутствием требования лица, осуществляющего производство по делу; предмет передается следователю (суду) не по его требованию, а по инициативе передающего. Понятно, что передача предмета осуществляется в порядке, который должен обеспечить установление и фиксацию места, времени, обстоятельств обнаружения объекта и его существенные признаки¹.

своей кандидатской диссертации «Вещественные доказательства в советском уголовном процессе» (Л., 1953) писал, что «суд не может... производить обыск и выемку вещественных доказательств. Это является... правом следственных органов, и в случае необходимости дело направляется на дознание». Приведенную точку зрения разделяли Р. Д. Рахунов, по мнению которого производство обыска со стороны суда вообще исключается («Вещественные и письменные доказательства в советском уголовном процессе», «Ученые записки ВЮОН», вып. 10, М., 1959, стр. 237), и А. Р. Рацесов («Некоторые вопросы производства обыска», «Вопросы криминалистики», М., 1961 г. № 1—2, стр. 192).

Напротив, В. Д. Арсеньев считал, что суд имеет право на обыск и выемку («Вещественные доказательства в советском уголовном процессе», Автореферат кандидатской диссертации, М., 1957, стр. 6). На аналогичной позиции стоят и авторы «Научно-практического комментария к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» (М., 1961, стр. 233—234). Правильность последней точки зрения, на наш взгляд, определяется тем, что нет никаких оснований ограничивать суд в способах собирания и исследования доказательств вообще и вещественных доказательств в частности. Статья 70 УПК РСФСР по существу предоставляет суду и следствию одинаковые полномочия по этому вопросу.

¹ Подробнее см. § 1 гл. VI.

Одна из основных задач осмотра, как и обыска, — соби-
рание вещественных доказательств. Однако осмотр и обыск значи-
тельно различаются по характеру, так как обыск связан с поиском
предметов и документов, находящихся во владении какого-либо
лица и скрывааемых им.

Вещественные доказательства могут быть обнаружены при
производстве осмотра места происшествия, местности, помеще-
ний, при осмотре трупа и освидетельствовании живых лиц. Пред-
меты, обнаруженные при выемке, осмотре места происшествия,
местности и помещения, следовательно должен осматривать для
того, чтобы найти признаки, указывающие на возможную отно-
симость к делу. Как правило, этот осмотр осуществляется на
месте производства следственного действия и его результаты за-
носятся в протокол указанного следственного действия. Если же
для осмотра предметов требуется продолжительное время или на
месте обнаружения нет для этого благоприятных условий, осмотр
производится по месту производства следствия. Понятно, что ис-
следуются подробно только объекты, которые могут оказаться
относящимися к делу. Нельзя сводить осмотр к механической
фиксации всего обнаруженного¹.

Закон специально требует фиксировать при осмотре обнару-
женное именно в том виде, в каком оно наблюдалось в ходе
осмотра. Это относится и к вещественным доказательствам. За-
явления лиц, обнаруживших место происшествия или предмет,
о том, что те или иные следы и признаки появились позднее
(например, оставлены этими лицами), должны быть проверены
в ходе расследования. Не следует перед осмотром прибегать к
«реконструкции» первоначального вида объектов со слов заяви-
телей. Последние могут ошибаться или вводить следователя в
заблуждение. В ходе осмотра также недопустимо осуществлять
реконструкцию обстановки, ибо это может привести к утрате
реально имеющихся и появлению в деле мнимых вещественных
доказательств². Реконструкция может быть тактическим приемом
следственного эксперимента, но не осмотра³.

Принцип непосредственности требует от состава суда при
рассмотрении дела самостоятельно исследовать все доказатель-

¹ Н. В. Терзиев правильно отмечал, что осмотр — это значительно бо-
лее сложная деятельность, чем только обозрение предметов внешнего
мира, так как в ходе осмотра следователь или суд не только обозревает
предметы, но и исследует их («Некоторые вопросы следственного осмотра
места преступления», М., 1955, стр. 4).

² На это правильно указывается в учебнике «Криминалистика»
(М., 1964, стр. 319).

³ Противоположная точка зрения И. М. Лузгина («Метод реконструк-
ции в следственной практике», «Социалистическая законность» 1970 г. № 7)
не учитывает прямого указания ч. 2 ст. 182 УПК РСФСР.

ства по делу. В частности, закон требует, чтобы вещественные доказательства, находящиеся в деле и представленные в судебное заседание, были осмотрены судом и предъявлены участникам процесса (ст. 291 УПК РСФСР). Если указанное требование не было соблюдено, это означает, что вещественные доказательства на судебном следствии не исследовались и поэтому ни суд, ни участники процесса не могут делать на их основе какие-либо выводы.

Представляется, что осмотр вещественных доказательств целесообразнее всего производить по ходу исследования тех обстоятельств, к которым данное вещественное доказательство имеет непосредственное отношение. Результаты осмотра фиксируются в протоколе судебного заседания.

При проведении следственного эксперимента как способа исследования свойств материальных объектов иногда практикуется замена при опытах подлинного объекта другим, подобным ему объектом (например, переписывание дужки замка той же системы).

Представляется, что в этих и некоторых других случаях следственный эксперимент, будучи способом исследования имеющихся доказательств, приводит к появлению новых вещественных доказательств, каковыми становятся материальные результаты опытов, используемых при доказывании. Например, если обвиняемый в подделке документов изъявляет желание воспроизвести свои действия и изготавливает в ходе эксперимента поддельные оттиски печатей или штампов, то эти объекты могут быть приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Исследование свойств предметов может производиться и в ходе судебного эксперимента. Необходимость в нем может возникнуть либо когда у суда вызвали сомнение результаты следственного эксперимента, произведенного на предварительном расследовании, либо когда путем эксперимента представляется возможным должным образом исследовать какое-либо доказательство. Судебный эксперимент производится всем составом суда в ходе судебного заседания.

Вещественные доказательства могут быть обнаружены при проведении такого следственного действия, как проверка показаний на месте. В ходе этого следственного действия нередко обнаруживаются следы и предметы, имеющие значение для дела. Обычно это бывает в тех случаях, когда проверка показаний производится на месте, которое ранее не осматривалось. Факт обнаружения следа или предмета должен отражаться в протоколе данного следственного действия. Что же касается исследования следа или предмета путем его осмотра, то здесь, на наш взгляд, следует руководствоваться ст. 179 УПК РСФСР. Осмотр следов и предметов, обнаруженных при проверке показаний на месте, может быть произведен как там, где проводилась проверка (с фиксацией его результатов в общем протоколе), так

и по месту производства следствия (с составлением протокола осмотра).

С помощью предъявления для опознания¹ осуществляется идентификация по признакам идентифицируемых объектов, запечатлевшихся в памяти опознающего. В результате предъявления для опознания может быть установлено либо тождество (сходство), либо отсутствие тождества. В зависимости от этого решается вопрос о значении для дела предъявляемого объекта.

Экспертное исследование предмета может иметь место как на предварительном, так и на судебном следствии (ст. 288 УПК РСФСР) (см. гл. XIII).

Рассматривая процессуальные способы собирания и проверки вещественных доказательств, следует остановиться и на таком следственном действии, как допрос.

Путем допроса потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого могут быть получены сведения, которые, с одной стороны, способствуют обнаружению объектов, возможно являющихся вещественными доказательствами, а с другой — позволяют решить вопрос об относимости обнаруженных объектов к расследуемому событию, определить их действительное значение для дела.

Наличие в деле подробных показаний, относящихся к характеристике вещественных доказательств, а в случае необходимости — и к обстоятельствам их обнаружения и изъятия, обеспечивает правильную оценку последних. Разумеется, при этом необходимо учитывать не только сведения, содержащиеся в показаниях, но и полученные в результате проведения других следственных действий.

Следует также отметить и то значение, которое имеют обнаруженные по показаниям допрашиваемого вещественные доказательства как средство проверки этих показаний и подтверждения их истинности или как средство изобличения во лжи лиц, дающих неправдивые показания².

Известный интерес представляет вопрос о доказательственном значении объектов, обнаруженных в процессе оперативно-розыскных действий (ст. ст. 118—120 УПК РСФСР). Некоторые авторы, уделявшие этому вопросу внимание, полагали, в частности, что объекты, обнаруженные в процессе оперативно-розыскной работы, не могут иметь доказательственного значения³.

¹ Г. И. Кочаров, Оpozнание на предварительном следствии, М., 1955; П. П. Цветков, Предъявление для опознания в советском уголовном процессе, Л., 1962.

² См. Н. И. Порубов, Допрос, Минск, 1968; А. И. Васильев, Л. М. Карнеева, Тактика допроса, М., 1970; Н. А. Селиванов, Вещественные доказательства, М., 1971.

³ М. М. Выдря, Вещественные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 43.

Как нам представляется, нельзя смешивать два момента: «физическое» обнаружение объекта, могущего служить вещественным доказательством, и его получение органом расследования (судом). В тех случаях, когда объект обнаруживается в ходе осмотра или обыска, эти два момента совпадают. Однако они различны в том случае, когда предметы и следы преступления обнаружили оперативные работники в порядке ст. 118 УПК РСФСР, а затем сообщили об этом следователю и обеспечили возможность собирания их органом расследования или судом.

Закон наделяет правом представления вещественных доказательств органу расследования или суду по собственной инициативе наряду с участниками процесса любых граждан, учреждения, предприятия и организации. Никакого изъятия для оперативных работников при этом не предусматривается.

Важно, чтобы было достоверно известно, кем, где, при каких обстоятельствах предмет обнаружен. Было бы неверно считать, что раз объект обнаружил не орган расследования непосредственно — значит его происхождение неизвестно. Напротив, соответствующие обстоятельства устанавливаются показаниями названных лиц или документами. Последние в свою очередь должны быть приобщены к делу, а затем проверены и оценены. Вопрос о признании предмета вещественным доказательством и в этом случае должен решаться в общем порядке.

Стать на иную точку зрения — значило бы необоснованно ограничить имеющиеся возможности собирания вещественных доказательств, необходимых для установления истины.

К сказанному надо добавить, что действующий закон возложил на органы дознания принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, его совершивших. При этом могут обнаруживаться объекты, которые, возможно, будут вещественными доказательствами и требуют поэтому немедленного изъятия или закрепления. Очевидно, что соответствующая деятельность органов дознания была бы бесцельной, если бы они не могли передать обнаруженные объекты следователю для решения вопроса об их доказательственном значении.

Если обнаруженные при проведении оперативно-розыскных мер и сфотографированные работником дознания, а впоследствии уничтоженные преступником объекты могут оказаться существенными для дела, возникает вопрос о способе приобщения к делу таких фотоснимков — вещественных доказательств. Можно согласиться с рекомендацией, что условием приобщения такого рода фотоснимков к делу является одновременное приобщение справки или рапорта, устанавливающего время, место и другие обстоятельства произведенной фотосъемки. Если же документальные данные о происхождении фотоснимков такого рода в деле отсутствуют, последние не могут рассматриваться

как имеющие доказательственное значение, так как неизвестен источник их происхождения¹.

В связи с этим следует подчеркнуть, что установление источника происхождения не самоцель, а средство убедиться в подлинности объекта. Коль скоро сочетание данных об обстоятельствах его обнаружения оперативным работником и данных исследования самого объекта бесспорно доказывает его достоверность, нет оснований отказываться от признания объекта вещественным доказательством только на том основании, что он поступил к следователю от третьего лица. В этом отношении не имеется каких-либо принципиальных различий между объектом, обнаруженным и представленным следователю оперативным работником и представленным участником процесса или любым лицом. Иными словами, рассматриваемый случай — частный случай представления предметов и документов в порядке ст. 70 УПК РСФСР (подробнее см. § 1 гл. VI).

Разумеется, следует самым решительным образом подчеркнуть, что если процессуальным путем не может быть установлена допустимость, достоверность и относимость указанных объектов к событию преступления, то никакого доказательственного значения они иметь не могут. На это обращал внимание Ф. Э. Дзержинский, который писал, что неизвестным источникам, бесконтрольным и не подлежащим проверке, доверять ни в коем случае нельзя².

Следует остановиться на значении так называемых предварительных исследований вещественных доказательств, осуществляемых следователем.

Предварительным исследованием вещественных доказательств обычно называют их анализ, осуществляемый самим следователем вне процессуальной деятельности (и без включения результатов в материалы дела) для выдвижения и проверки версий и определения процессуальных способов извлечения и использования содержащейся в объектах доказательственной информации. Исследование такого рода «включает в себя выявление, объяснение, а иногда и сравнительную оценку признаков предметов, производимые обычно с помощью специальных приемов и средств»³.

В процессе предварительного исследования следователь, поскольку он обладает соответствующими познаниями, может использовать любую необходимую ему аппаратуру и технические средства, которые применяет в своей деятельности специалист или эксперт. Следователь не вправе лишь проводить исследова-

¹ «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 126.

² См. «Из истории ВЧК», М., 1958, стр. 153.

³ Н. А. Селиванов, Вещественные доказательства, М., 1971, стр. 77.

ние, которое подвергает риску сохранность вещественного доказательства. В противном случае это может привести к утрате объектом доказательственного значения, так как нельзя будет произвести экспертное исследование.

Результаты предварительных исследований, поскольку они выходят за рамки следственного осмотра или эксперимента, доказательственного значения не имеют, будучи лишь «ориентирами» для органа расследования¹.

Прямое отношение к процессу доказывания имеет вопрос о сроках хранения вещественных доказательств и мерах, принимаемых в отношении их при разрешении уголовного дела.

Соответствующие нормы обеспечивают: а) сохранность вещественных доказательств в течение всего процесса доказывания; б) возврат ценностей и других вещей их законным владельцам по миновании необходимости в использовании этих объектов при доказывании; в) неразглашение обстоятельств интимной жизни граждан; г) изъятие орудий преступления и вещей, запрещенных к обращению, с тем, чтобы предупредить возможность совершения новых преступлений с использованием этих же объектов.

По общему правилу, вещественное доказательство хранится до вступления в законную силу приговора, определения, постановления о прекращении дела².

В отдельных случаях, если это возможно без ущерба для расследования или судебного рассмотрения дела, вещественные доказательства могут быть возвращены владельцам досрочно (ч. 2 ст. 85 УПК РСФСР). К этим случаям можно, например, отнести возврат потерпевшему похищенных вещей, если вопрос о их принадлежности не является спорным и вещи уже исследованы путем осмотра, экспертизы, предъявления для опознания и т. д.

Однако в указанных случаях владельца вещественных доказательств нужно предупредить, чтобы он сохранял их до окончательного разрешения дела с тем, чтобы они могли быть в любой момент представлены следователю или суду.

Досрочно могут быть возвращены законным владельцам или переданы для реализации скоропортящиеся товары. Однако и в этом случае для того, чтобы доказывание не было затруднено,

---

¹ Не основана на действующем законе точка зрения С. И. Поташица, который считает, что следователь вправе самостоятельно проводить сравнительные исследования вещественных доказательств, придавая их результатам доказательственное значение путем выражения своего мнения о тождестве или сходстве в постановлении о приобщении вещественных доказательств к делу («Осмотр и криминалистическая экспертиза следов орудий взлома». Автореферат кандидатской диссертации, М., 1963, стр. 5).

² При передаче виновного на поруки необходимо, как представляется, хранить вещественные доказательства до истечения испытательного срока.

эти товары должны быть предварительно исследованы с тем, чтобы исключить возможные споры о их фактическом виде и качестве¹.

На документы, фигурирующие в деле в качестве вещественных доказательств, законодатель не распространяет установленные применительно ко всем другим вещественным доказательствам сроки хранения, так как хранение их не представляет практически трудностей. Поэтому они остаются при деле в течение всего срока хранения последнего или передаются заинтересованным учреждениям.

Только после того как уголовное дело, к которому были приобщены вещественные доказательства, окончательно разрешено и только в случае, если эти доказательства не имеют значения для доказывания по другим делам, принимаются меры, предусмотренные законом, по их уничтожению, реализации или передаче заинтересованным лицам (ст. 86 УПК РСФСР).

Оценка вещественных доказательств базируется на тех же исходных положениях, что и оценка всех других доказательств, и представляет собой длящийся процесс, охватывающий все стадии прохождения дела и неразрывно связанный с собиранием и проверкой доказательств. Одной из его особенностей является то, что для достоверного установления относимости вещественного доказательства нередко требуется его исследование. Необходимость этого объясняется, во-первых, тем, что существование или несуществование ряда признаков не может быть достоверно установлено в момент обнаружения предмета путем его непосредственного обозрения, требует поисковых, исследовательских действий. Во-вторых, тем, что без такого исследования не всегда ясен «механизм» образования того или иного признака и, значит, связь его с исследуемым событием. По образному замечанию Н. Н. Полянского, «вещественные доказательства — «немые свидетели», однако их можно заставить говорить; для этого в процесс и вводится эксперт. Язык вещественного доказательства — это язык исследующего его эксперта»².

¹ В случае возможности должны быть сохранены при деле в условиях, исключающих их порчу (например, в холодильнике), образцы товаров в количестве, которое может оказаться необходимым для повторных исследований.

² Н. Н. Полянский, Доказательства в иностранном уголовном процессе, М., 1946, стр. 130. Надо добавить только — и язык протокола, и язык свидетеля (если исследование вещественного доказательства производится путем осмотра, предъявления для опознания и т. п.). Но каким бы способом оно ни производилось, исследование необходимо для того, чтобы вещественное доказательство «заговорило». Например, как правильно отмечал И. И. Люблинский, «доказательственное значение орудий преступления проявляется в том случае, если можно установить известную причинную связь между употреблением этих предметов и изменениями в состоянии объекта преступления (объяснить характер поражения примене-

Предварительная оценка вещественных доказательств отражается в постановлениях о приобщении их к делу, о назначении экспертизы и т. д. Она может меняться, отражая общее движение доказывания от незнания к знанию, от предположения к достоверности, до тех пор, пока не будет собрана совокупность фактических данных, необходимая и достаточная для того, чтобы произвести их окончательную оценку.

Так, суд, удостоверившись в подлинности вещественного доказательства, т. е. в том, что объект судебного исследования именно тот предмет, который был обнаружен на предварительном следствии, устанавливает, далее, его неизменность, допустимость, отношение к рассматриваемому делу, изучая все обстоятельства, связанные с его обнаружением, фиксацией, исследованием и хранением. Осуществляется это путем допроса подсудимых, свидетелей, потерпевших, экспертов, а в случае необходимости путем оглашения протоколов и заключений, составленных на предварительном следствии. Окончательная оценка вещественного доказательства дается судом в приговоре.

Следует решительно отвергнуть высказывания, прямо или косвенно противопоставляющие вещественные доказательства как «лучшие» другим доказательствам как «худшим» и, следовательно, ориентирующие на сужение объема проверки вещественных доказательств, на предустановленную оценку их достоверности и значения по делу.

Следует подчеркнуть бесплодность самой постановки вопроса о большей или меньшей достоверности доказательств в зависимости от их вида. Решить вопрос о достоверности можно на основе анализа конкретного доказательства с точки зрения условий формирования, появления в деле, содержания. Деление доказательств на вещественные, документы, показания, заключения экспертов определяет особенности собирания, проверки и оценки их, но не сравнительную ценность.

На точность и полноту фактических данных, извлекаемых из вещественных доказательств, не влияют те «помехи», которые приходится учитывать, предупреждать и устранять при оперировании, например, показаниями. Однако и им свойственны свои «помехи», связанные, в частности, с неочевидностью некоторых существенных для дела признаков объекта; опасностью утраты объекта или изменения его свойств; необходимостью часто оперировать вещественными доказательствами в комплексе с заключением эксперта или показаниями. Нельзя забывать, как правильно указывает М. А. Чельцов, и о возможности фальсификации вещественных доказательств (изменение характера и уничтожение

нием именно данного оружия или смерть — действием данного яда, найденного у подозреваемого)» («О доказательствах в уголовном суде», М., 1924, стр. 54).

следов, подбрасывание поличного, оставление на месте происшествия предметов, принадлежащих непричастному к делу лицу, и т. д.) с целью отвлечь внимание от истинных преступников, обвинить других лиц и т. п.¹

Противоречия между вещественными доказательствами и другими доказательствами, собранными по делу, должны решаться путем исследования причин этих противоречий по существу (в том числе проверки версий о фальсификации или изменении свойств вещественного доказательства), а не за счет признания вещественных доказательств «более достоверными».

При оценке вещественных доказательств прослеживается весь процесс их формирования («механизм» образования, обстоятельства обнаружения, условия хранения и т. д.) и только после этого делается вывод о допустимости и относимости к делу. На основании изучения существенных для дела признаков объектов в сопоставлении с другими доказательствами (в том числе с фактическими данными о времени, месте, обстоятельствах обнаружения и условиях хранения), а равно с результатами экспертиз, следственных экспериментов, допросов, осмотров и т. п., проведенных для исследования и проверки вещественного доказательства, делается окончательный вывод о том, какие факты по делу им устанавливаются и какое значение они имеют.

Как уже отмечалось применительно к другим видам доказательств, оценка их (предварительная и окончательная) неразрывно связана с проверкой. Это полностью относится и к вещественным доказательствам. Отсутствие у них предусмотренной достоверности и других преимуществ требует в каждом конкретном случае выяснения их действительного значения. Это предполагает необходимость проверки, результаты которой помогут сделать правильные выводы при оценке.

Проверяется: а) подлинность вещественного доказательства; б) неизменность его свойств с момента обнаружения; в) наличие признаков, возможно относящихся к делу; г) «механизм» их образования. В частности, как отмечает А. И. Трусов, при использовании вещественных доказательств, чтобы не ошибиться в оценке достоверности устанавливаемых ими фактов, исходят из наличия или отсутствия по делу гарантий от возможной подмены вещественных доказательств или их фальсификации; из того, насколько вещи отвечают своему назначению; из соответствия

¹ М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 200. Правильно указывал и С. В. Познышев, что «при оценке вещественных доказательств необходимо прежде всего обращать внимание на их подлинность, на отсутствие в них порчи, подлога или подмены» («Доказательства в уголовном процессе», М. — Л., 1929, стр. 144). В частности, подделка вещественных доказательств часто имеет место при инсценировках самоубийства, разбойного нападения и кражи со взломом, совершаемых с целью скрыть другое преступление.

вещественный
по делу факт
Проверка
в деле данные
Материалы
ний веществе
римента и т.
яснить, согла
тавительный
вещественны
дужкой и оп
с одной стор
каждого объе
эти в значит
ставлении. С
обнаружить
имеются.

Группиро
и как бы до
ставляет эфф
доказательств

Веществен
ми доказате
держание дл

Так, коли
для изготовл
обвиняемого
было цели сб
устанавливат

Таких об
итя не на м
установлени
с другими д
систему. Спе
проверки и

¹ А. И.
стр. 100.

² Наприм
взлома имею
взаимосвязан
таких следов
криминалисти
дидатской ди

вещественных данных другим доказательствам и установленным по делу фактам¹.

Проверка эта осуществляется как путем анализа имеющихся в деле данных, так и путем собирания дополнительных данных.

Материалы осуществлявшихся различными путями исследований вещественного доказательства (осмотра, экспертизы, эксперимента и т. п.) сопоставляются между собой для того, чтобы выяснить, согласуются ли их результаты. Осуществляется сопоставительный анализ групп взаимосвязанных по происхождению вещественных доказательств (например, замка с перепиленной дужкой и опилок, собранных с земли). Такой анализ позволяет, с одной стороны, выявить все существенные для дела признаки каждого объекта, входящего в данную группу; причем признаки эти в значительной части раскрываются именно при таком сопоставлении. С другой стороны, сопоставительный анализ позволяет обнаружить наличие «негативных» обстоятельств, если они имеются.

Группировка объектов, связанных общностью происхождения и как бы дополнительных по отношению друг к другу, представляет эффективный прием проверки и оценки вещественных доказательств².

Вещественные доказательства сопоставляются также с другими доказательствами, имеющими аналогичное фактическое содержание для взаимопроверки.

Так, количество обнаруженных у обвиняемого товаров, сырья для изготовления самогона может опровергать показания лица, обвиняемого в спекуляции или самогоноварении, что у него не было цели сбыта; количество обнаруженных денег и ценностей — устанавливать, что в заключении эксперта занижен размер причиненного расхитителями ущерба, и т. д.

Таким образом, оценка вещественного доказательства строится не на механическом «приятии» его или «отсечении», а на установлении внутренней согласованности или несогласованности с другими доказательствами, включении или невключении в их систему. Специфику имеют приемы, но не цели и не существо проверки и оценки.

---

¹ А. И. Трусков, Очерк теории судебных доказательств, М., 1960, стр. 100.

² Например, как правильно указывает С. И. Поташник, «следы орудий взлома имеют, как правило, множественный характер, т. е. образуют группы взаимосвязанных следов. Поэтому при обнаружении хотя бы одного из таких следов необходимо искать и другие, связанные с ним» («Осмотр и криминалистическая экспертиза следов орудий взлома». Автореферат кандидатской диссертации, М., 1963, стр. 3).

ГЛАВА XII

ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ. ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

§ 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОКУМЕНТОВ КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Документ в уголовном процессе — это материальный объект, на котором официальное лицо или гражданин общепринятым (общепонятным) или принятым для документа специального вида способом зафиксировал сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела.

В юридической литературе существуют различные определения понятия «документ»; при этом важное значение придается трем элементам: характеру сведений, содержащихся в документе; назначению его и связанному с этим авторству; письменности в исполнении его.

С позиций теории доказательств в уголовном процессе документ важен как материально-фиксированная форма сообщения фактических данных.

Эти фактические данные могут относиться к явлениям чрезвычайно разнообразным, что обуславливается конкретными обстоятельствами уголовного дела. Главным и в то же время совершенно обязательным признаком этих данных является их относимость.

Иногда делаются попытки ограничить уголовно-процессуальное понятие документа со стороны содержания фактических данных. Высказывается мнение, что обязательным признаком документа является предназначение его для удостоверения юридических фактов¹.

¹ Б. И. Пинхасов определяет документ как «предмет..., призванный удостоверить юридические факты, влекущие возникновение, изменение или прекращение правоотношений» («Проблемы борьбы с подлогами документов». Автореферат докторской диссертации, М., 1970, стр. 4).

Б. С. Тетерин идет еще дальше, говоря не просто о предназначенности документа удостоверить юридические факты, а о необходимости специального указания на это в законе. По его мнению, в качестве доказательств по уголовному делу могут выступать лишь те документы, «за

Анализ уголовно-процессуального закона приводит к выводу о необоснованности этого ограничения. Судебная практика стоит на позиции широкого использования документов как доказательств при условии соблюдения требований к форме и содержанию документов, определяющих допустимость и относимость их в качестве доказательств.

Документ, как и доказательство любого другого вида, сам по себе не имеет предустановленного значения. Фактические данные, содержащиеся в протоколах, справках и т. п., подлежат проверке и оценке на общих основаниях.

Материалами документов могут служить: писчая бумага, фото-бумага, киноплёнка, фотоплёнка, ткань и др. Запечатление на них сведений может быть осуществлено с помощью букв, цифр, стенографических, телеграфных и других знаков, условных изображений, понятных для лиц, использующих или могущих использовать данный документ. Сведения могут фиксироваться человеком непосредственно, а также с помощью различных приспособлений, аппаратов, машин и др.

В уголовно-правовой литературе в качестве основного признака документа нередко называют его письменную форму, причем эта характеристика в ряде случаев распространяется на определение документа в советском праве вообще¹.

Но, как показано выше, письменность — лишь один из способов фиксации информации о существенных обстоятельствах уголовного дела. В доказывании наиболее распространены документы в письменной форме, но они выступают и в иных формах. В связи с этим определение документов как письменных доказательств было бы не вполне точным. Не случайно поэтому в действующем уголовно-процессуальном законодательстве исключено из текста статьи, определяющей понятие документа, указание на его

которыми закон признает юридическую силу (завещания, доверенности, договора и т. п.)» («О способах собирания доказательств в уголовном процессе», «Правоведение» 1964 г. № 2, стр. 89).

¹ «Уголовное право. Особенная часть», М., 1938, стр. 54; Т. Л. Сергеева, Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву, М. — Л., 1949, стр. 42; А. В. Кузнецов, Ответственность за подлог по советскому уголовному праву. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1957, стр. 6; «Комментарий Уголовного кодекса РСФСР 1960 года», Л., 1962, стр. 317.

Эта точка зрения имела ряд сторонников и в процессуальной литературе, где многие авторы также отождествляли понятия «документ» и «письменный документ» (см., например, М. М. Выдря, Вещественные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 48—56; Р. Д. Рахунов, Вещественные и письменные доказательства в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮИ», вып. 10, М., 1959; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 458).

письменный характер¹. В литературе правильно отмечается, что «к документам могут быть отнесены... и акты, выполненные иным способом..., гарантирующим определенную степень объективности и полноты воспроизведения того или иного события»².

В частности, строительная и технологическая документация, документация по технике безопасности и т. д. в значительной части выполняется с помощью графических изображений (чертежей, схем), математических, химических и иных условных символов и т. п. Такого рода документы широко используются при доказывании по ряду категорий уголовных дел. Не случайно отказ законодателя от применения термина «письменные документы» совпал с законодательной регламентацией порядка использования наряду с протоколированием дополнительных способов фиксации следственных действий — фотографирования, составления планов и схем, звукозаписи (ст. ст. 141, 141¹ УПК РСФСР). Таким образом, письменные документы представляют лишь одну из разновидностей этого вида доказательств.

Анализ практики использования в процессе доказывания фотографий, схем, звукозаписи и других материалов справочно-установочного характера приводит к выводу, что они играют роль не только иллюстраций. Наглядно воспроизводя описание, имеющееся в протоколе, план, схема и т. п. способствуют точному и правильному усвоению содержания последнего и хотя бы поэтому имеют доказательственное значение. Далее, они позволяют более полно выяснить обстановку и условия, в которых протекало следственное действие, и тем самым как бы расширяют сферу применения принципа непосредственности в судопроизводстве. Наконец, ряд существенных деталей может по тем или иным причинам не быть зафиксирован в протоколе или зафиксирован недостаточно точно. В этих случаях чертеж, план, звукозапись, полученные в ходе следственного или судебного действия, помогут уточнить и восполнить протокол. Как показывает практика, широко используются схемы дорожного происшествия (в качестве составной части протокола осмотра).

Сказанное относительно случаев, когда фотографии, схемы, фонограммы и т. п. изготавливаются в ходе следственного действия и приобщаются к протоколу, применимо и к случаям, когда они были изготовлены вне связи с уголовным делом, но содержат све-

¹ В ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. было сказано «...иные письменные документы».

Следует заметить, что в гражданском процессуальном праве по-прежнему сохранилось указание на письменность как обязательный признак документа. Более того, документ отграничивается от других видов так называемых письменных доказательств, таких, как акты и письма делового или личного характера (ст. 63 ГПК РСФСР).

² «Комментарий к Уголовно процессуальному кодексу РСФСР 1960 года», Л., 1960, стр. 169.

дения о существенных для дела обстоятельствах. Так, звукозапись истории болезни¹ может быть допущена в качестве доказательства по делу.

Доказательственное значение имеют документы, обладающие совокупностью следующих признаков:

а) они содержат сведения, носитель которых известен и которые могут быть проверены;

б) сведения удостоверяются или излагаются органами или лицами, от которых документ исходит, в пределах их должностной компетенции или, если документ исходит от гражданина, в пределах его фактической осведомленности;

в) соблюден установленный законом порядок приобщения документа к делу;

г) фиксируемые в документе сведения о фактах, обстоятельствах имеют значение для данного дела.

Отсутствие в документе хотя бы одного из признаков лишает его доказательственного значения, так как создает неустранимое сомнение в достоверности содержащихся в нем данных или свидетельствует об их неотносимости к делу.

Не будет, например, иметь значения доказательства анонимный, никем не подписанный документ; он не может быть принят как доказательство, хотя бы в нем и содержались важные для дела сведения².

Протоколы, как и иные документы, исходящие от учреждений, предприятий, организаций, должны иметь официальные реквизиты, установленные для них (штамп, печать, подписи и т. д.)³. Когда сведения о фактах излагаются гражданами, к форме документов могут предъявляться требования лишь в особых случаях (например, доверенность и т. п.). Нарушение порядка составления документа не всегда исключает возможность использования его при доказывании, так как нарушение формы не во всех случаях свидетельствует о неправильности содержания. Поэтому при оценке подобных документов необходимо, не

---

¹ В лечебных учреждениях все более широкое распространение получает применение диктофонный метод ведения истории болезни.

² В случае ложности сведений, содержащихся в анонимном письме, наличия в нем клеветнических утверждений или оскорбляющих выражений это письмо может выступать в качестве вещественного доказательства.

³ В понятие реквизитов включаются общепринятые или установленные законом, ведомственными инструкциями или положениями необходимые для документа обязательные данные, касающиеся его формы, содержания или материальной части, которые придают документу удостоверительное значение (И. Г. Маландин, К вопросу о реквизитах документов, «Сборник научных работ Саратовского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов», вып. 3, Саратов, 1961, стр. 293).

ограничиваясь констатацией допущенных нарушений, выяснить значение и причины последних.

Определяя понятие документов как доказательств в уголовном судопроизводстве, закон различает две основные группы:

1. Протоколы следственных и судебных действий;
2. Иные документы.

Объединяя эти виды доказательств общим именем документов, законодатель исходит из того, что во всех этих случаях речь идет о передаче информации о существенных обстоятельствах дела путем материально-фиксированного отображения сообщений официальных лиц или граждан.

Вместе с тем, будучи сходными в способе запечатления, сохранения и передачи сведений, протоколы и иные документы существенно различаются по времени, порядку, условиям составления, их предназначению, содержанию сведений и др.

Первоначальным доказательством является документ, содержащий информацию от лица, непосредственно воспринявшего описываемое событие (факт). Между носителем сведений, находящимся в контакте с событием, и содержащим эти сведения документом нет промежуточных носителей информации.

Производным доказательством является документ, который отражает информацию, которую его составитель почерпнул из других документов, из сообщений других лиц.

Каждый из названных законом видов документов подразделяется на несколько подвидов по назначению, содержанию и условиям составления.

1. Протоколы следственных и судебных действий могут быть разделены на:

- а) протоколы допросов;
- б) протоколы осмотра, обыска, освидетельствования, выемки, задержания, предъявления для опознания, следственного эксперимента (проверки показаний на месте — в тех союзных республиках, где это действие предусмотрено УПК).

Приложениями к протоколам, входящими в качестве составных частей, могут быть: фотоснимки, киноленты, ленты звукозаписи, планы, схемы¹.

2. Иные документы могут представлять собой:

- а) справки, характеристики, акты ревизий и другие акты, составленные государственными учреждениями или общественными организациями. Они могут быть представлены по требованию суда, органов следствия и дознания либо по инициативе названных учреждений. Они могут составляться в период расследования (рассмотрения) дела либо до этого вне связи с делом.

¹ В качестве приложений к протоколам закон рассматривает также слепки и оттиски следов. Однако эти объекты не могут рассматриваться как разновидности документов (см. § 4 гл. IV).

К иным документам относятся также документы, составленные гражданами (частными лицами).

Представляется, что к числу иных документов могут быть также отнесены: заявления, объяснения, протоколы явки с повинной, служащие поводом к возбуждению уголовного дела, документы, удостоверяющие личность¹.

Деление на прямые (одноступенчатые) и косвенные (многоступенчатые) доказательства применимо и к документам. В протоколах следственных действий, фиксирующих показания свидетелей, обвиняемых, потерпевших, объем и характер информации может быть вполне достаточным для прямого обоснования любого элемента предмета доказывания. Представляется, что некоторые элементы предмета доказывания (событие, время, место, мотивы и т. д.) могут быть прямо установлены протоколами осмотра, обыска и иными документами.

Очевидно, что документы могут быть как обвинительными, так и оправдательными доказательствами.

По способу фиксации сведений о существенных для дела обстоятельствах целесообразно различать: 1) документы, исполненные с помощью букв; 2) документы, исполненные с помощью условных графических изображений и специальных знаков (схемы, графики, чертежи, рисунки и т. п.); 3) документы, исполненные с помощью звукозаписи.

Переходя к анализу соотношения документа и вещественного доказательства, следует прежде всего отметить, что в дореволюционной русской (как и зарубежной буржуазной) процессуальной науке господствующим был взгляд, что документы нельзя отграничить от вещественных доказательств: и те, и другие представляют материальные, вещественные объекты. Поэтому документы рассматривались как разновидность вещественных доказательств².

Эта концепция была воспринята А. Я. Вышинским. «Наш Уголовно-процессуальный кодекс, — писал он, — различает вещественные доказательства и письменные документы, относя те и

¹ Заявление лица, служащее поводом к возбуждению дела, не освобождает следователя от необходимости допросить это лицо (например, потерпевшего). Однако если окажется, что допросить это лицо невозможно (вследствие смерти, болезни и т. п.), то представляется, что его заявление может фигурировать в деле как документ.

² С. М. Викторский, Русский уголовный процесс, СПб., т. 1, стр. 201; Н. Н. Розин, Уголовное судопроизводство, СПб., 1914, стр. 269; В. К. Случевский, Учебник русского уголовного процесса, СПб., 1910, стр. 411; И. Я. Фойницкий, Курс уголовного судопроизводства, т. 1, СПб., 1915, стр. 304.

Смещение понятий вещественного доказательства и документа характерно и для современных представителей буржуазной процессуальной науки в силу того, что классификация доказательств строится на сугубо формальных и внешних признаках.

другие как бы к отдельным видам доказательств. Между тем письменные документы представляют собой лишь вид вещественных доказательств и трактуются обычно как: вещественные доказательства»¹. Аналогичная точка зрения высказывалась и некоторыми другими авторами.

С другой стороны, даже авторы, считавшие документы самостоятельным видом доказательств, нередко сопровождали это положение всякого рода оговорками, что усложняло разрешение рассматриваемого вопроса.

Нельзя признать вполне удовлетворительными и предложенные в прошлом рядом авторов критерии для разграничения вещественных доказательств и документов².

Эти предложения сводятся к различению документов и вещественных доказательств по одному из следующих признаков:

а) документы подтверждают что-либо своим содержанием; вещественные доказательства имеют значение для дела своим внешним видом (следами преступного действия на них); местом и обстоятельствами их обнаружения³;

б) самостоятельным видом доказательств документ, содержащий сведения о существенных обстоятельствах дела, будет в том случае, когда он нужен «не как индивидуальный, незаменимый предмет, а как средство удостоверения описанных в нем фактов» и поэтому его можно заменить другим аналогичным документом или дубликатом⁴.

Нетрудно заметить, что за основу в обоих случаях берутся признаки, не носящие универсального, присущего каждому документу характера и сами недостаточно определенные.

Действительно, в ряде случаев можно отграничить документ — вещественное доказательство от «просто» документа по тому признаку, что в одном случае важен внешний вид (например,

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1950, стр. 284, 285.

² Случай, когда документ является вещественным доказательством (ч. 2 ст. 88 УПК РСФСР), рассматриваются в гл. XI. Здесь рассматривается вопрос о родовом различии между документами, не являющимися вещественными доказательствами (т. е. документами в смысле ст. 87 и ч. 1 ст. 88 УПК РСФСР), и вещественными доказательствами (будь то документы в смысле ч. 2 ст. 88 УПК РСФСР или иные материальные объекты).

³ «Государственный обвинитель в советском суде», М., 1954, стр. 50—51; М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 206—207; «Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР», М., 1955, стр. 209, и др.

⁴ М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 334—335; М. А. Чельцов также ссылается на признак незаменимости как на вспомогательный при отграничении документов от вещественных доказательств («Советский уголовный процесс», М., 1962, стр. 207).

пальце пятен крови), а в других — содержание. Но уже в отношении подложных документов этот критерий не действует: лицо документ — вещественное доказательство, важный именно своим содержанием. Содержанием важно и такое вещественное доказательство, как письмо с угрозами или вымогательского содержания и т. п. В большинстве же случаев значение документа как вещественного доказательства определяется и его содержанием, и признаками, внешними по отношению к содержанию (подлинная накладная, изъятая из делопроизводства и скрытая в тайнике; записная книжка подозреваемого, обнаруженная на месте происшествия, и т. п.).

Критерий индивидуальности, незаменимости также не обеспечивает разграничения двух рассматриваемых видов доказательств¹.

Прежде всего в самой формулировке этого положения допущена существенная неточность. С гносеологической точки зрения любой материальный объект индивидуален, неповторим и в этом смысле незаменим. Речь может идти о другом объекте, подобном данному, но не о воссоздании данного объекта. Но даже если говорить только о незаменимости в процессуальном значении для конкретного дела, то и в такой трактовке признак незаменимости не отграничивает должным образом рассматриваемые виды доказательств.

С одной стороны, вещественное доказательство в ряде случаев оказывается заменимым: протоколом осмотра — в тех случаях, когда невозможно изъять или сохранить его в натуре²; протоколом осмотра и показаниями — в случаях утраты вещественного доказательства; копией, воспроизводящей существенные для дела признаки подлинного объекта³; другим объектом (например, другим образцом недоброкачественной продукции и т. д.).

С другой стороны, могут оказаться незаменимыми некоторые документы, не являющиеся вещественными доказательствами. Например, протокол осмотра места происшествия, если обстановка впоследствии была изменена; практически незаменимы иногда документы о рождении (при утере свидетельства о рождении подростка и архивов загса за соответствующий период экспертизы в лучшем случае сможет установить год рождения, но не точную дату).

¹ «Незаменимость для данного дела» считает неотъемлемым свойством документа — вещественного доказательства М. С. Строгович и в последней работе («Курс советского уголовного процесса», т. I, М., 1968, стр. 459).

² Представляется, что одна из задач составления протокола осмотра — обеспечить запечатление в деле той фактической информации, носителем которой первоначально были вещественные объекты, не могущие быть изъянными и приобщенными к делу в натуре.

³ О копировании вещественных доказательств и процессуальном значении копий см. § 4 гл. IV и гл. XI.

С учетом изложенного представляется, что в основу разграничения вещественных доказательств и документов должен быть положен другой внутренне присущий каждому виду доказательств признак — способ сохранения и передачи информации о существенных обстоятельствах дела. Именно при таком подходе к вопросу удастся разобраться в спорных, «пограничных» случаях. Ведь процессуальный режим оперирования каждым видом доказательств построен с учетом особенностей природы соответствующего вида фактических данных, процесса их запечатления и сохранения.

Особенность сохранения и передачи фактической информации с помощью документов состоит в том, что для этого используются описания событий и фактов с помощью знаковых систем, например с помощью письма или звуковой речи, условных обозначений (чертежей, схем, графиков и т. п.).

Сущность же сохранения и передачи фактической информации с помощью вещественных доказательств состоит в непосредственном отображении (в том числе и изображении) определенных объектов, процессов и явлений, а не описании их.

Примером элементарного отображения, сходного с оригиналом, может служить след обуви на грунте, изменение в состоянии предмета, вызванное механическим воздействием на него, и т. п. Частным случаем такого изображения является фотография и кинофильм¹.

Документы — вещественные доказательства (ч. 2 ст. 88 УПК РСФСР) сочетают в себе и признаки, свойственные документам, и признаки вещественных доказательств. Их содержание передается с помощью знаковых систем (письмо, условные обозначения). «Вещественные» же признаки их могут быть выражены различно: местонахождение, изменение внешнего вида, следы на поверхности документа и т. д. Для признания документа вещественным доказательством необходимо, чтобы на нем непосредственно отображались признаки существенного для дела обстоятельства (след обвиняемого или потерпевшего; след орудия преступления), чтобы документ был орудием поличным и т. д.; чтобы эти признаки были воспроизведены в патуре, а не были переданы в знаковой форме (например, с помощью описания).

¹ В первом издании этой книги фотоснимки были отнесены к особому виду «описаний», поскольку плоское изображение объемного предмета всегда связано с некоторым преобразованием информации. Однако после необходимых уточнений было признано, что в случае фотосъемки образуется именно элементарное отображение, сходное с оригиналом, а не знаковое (кодовое) описание факта. Вследствие этого фото- и киноизображения вещественных доказательств будут рассматриваться в качестве вещественных доказательств. Понятно, что фотокопия документа является также документом.

Рассматрива
вещательные и
к какому
должностном
п.), в кото
лица, состав
документы дол
УПК РСФСР
ментом был бы
ром излагалось
должностного

«Документ,
то или иное ли
рое должно быть
дела», — подчер

ловным делам
К какому в
обвиняемого, в
ступления, изл
Представляется
сто» документ
последующих со
нического соде
ибо в их соста
инкриминируем

§
II
В уголовном пр
акты и прилож
дознание, след
следственных
лишь те из них
ченые состав
наблюдения де
(ст. 87 УПК РС
Основаниям
ных действий

¹ «Сборник п
ного Суда СССР
Надо заметить, ч
(вместо подлинн
копия). Таким
рия незамечен
кументов

Рассматриваемый критерий позволяет решить некоторые возникающие в процессуальной теории и практике вопросы. Например, к какому виду доказательств относятся приобщенные к делу о должностном преступлении документы (приказы, резолюции и т. п.), в которых выражены незаконные решения должностного лица, составившего или подписавшего документы. Указанные документы должны быть отнесены в соответствии с ч. 2 ст. 88 УПК РСФСР к вещественным доказательствам. «Просто» документом был бы в данном случае, например, акт ревизора, в котором излагалось (описывалось) содержание незаконных действий должностного лица.

«Документ, в неправильном составлении которого обвиняется то или иное лицо, является вещественным доказательством, которое должно быть обязательно приобщено к материалам уголовного дела», — подчеркнуто в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР¹.

К какому виду доказательств относятся дневники и письма обвиняемого, в которых подтверждается факт совершения преступления, излагаются связанные с этим переживания и т. п.? Представляется, что эти объекты следует отнести к числу «просто» документов, так как они содержат лишь описание исследуемых событий и действий. В то же время письма клеветнического содержания будут вещественными доказательствами, ибо в их составлении исылке непосредственно отображено инкриминируемое деяние.

§ 2. ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В уголовном процессе под *протоколами* понимаются письменные акты и приложения к ним, составляемые лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судом при производстве следственных и судебных действий. Мы подробно рассмотрим лишь те из них, которые фиксируют фактические данные, полученные составителем протокола в результате непосредственного наблюдения действий, явлений, материальной обстановки, следов (ст. 87 УПК РСФСР).

Основаниями для выделения протоколов судебных и следственных действий в качестве самостоятельного вида доказательств

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», М., 1964, стр. 139. Надо заметить, что речь идет о «заменимом» вещественном доказательстве (вместо подлинного приказа к делу может быть приобщена заверенная копия). Таким образом, еще раз подтверждается неприменимость критерия незаменимости для отграничения вещественных доказательств от документов.

служит ряд существенных особенностей, характеризующих их появление в деле:

а) протоколы, названные в ст. 87 УПК РСФСР, — основные документы, фиксирующие деятельность органов расследования, прокурора, суда по собиранию доказательств путем производства следственных и судебных действий, включающих результаты непосредственного наблюдения явлений, материальной обстановки, следов;

б) протоколы фиксируют помимо результатов и самую деятельность лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда — условия и ход следственного (судебного) действия. Будучи средством хранения сведений, протокол излагается в письменной форме как наиболее универсальной; использование иных форм запечатления, сохранения и передачи фактической информации имеет вспомогательное значение (приложения к протоколу);

в) составление протоколов носит процессуальный характер и входит в компетенцию лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда. Порядок составления протоколов детально регламентирован для каждого следственного и судебного действия; нарушение этого порядка может повлечь недопустимость протокола.

В тех случаях, когда в ходе следственного (судебного) действия отдельные действия совершает специалист (например, специалист обнаруживает след, водолаз осматривает затонувшее судно, врач освидетельствует потерпевшего в отсутствие следователя в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 181 УПК РСФСР), протокол составляет следователь.

Процессуальная регламентация касается процедуры составления протоколов данного вида, круга участников, времени и условий составления протокола, его структуры, круга обстоятельств, подлежащих фиксации, последовательности и степени детализации описания, возможности и способа изготовления приложений, удостоверения соответствия содержания протокола происшедшему и обнаруженному и т. д. (ст. ст. 102, 141, 264 УПК РСФСР)¹. Она направлена на обеспечение полноты и достоверности отражения в деле хода и результатов следственных (судебных) действий соответственно специфике каждого их вида и конкретным условиям производства².

¹ Применительно к непроцессуальным документам, именуемым протоколами (протокол о привлечении к административной ответственности), столь детальная регламентация порядка их составления и содержания обычно отсутствует. Кроме того, формы этих документов, как правило, определяются не законом, а ведомственными актами или сложившейся традицией.

² Необходимо учитывать не только правила, относящиеся непосредственно к составлению протоколов, но и правила производства того следственного действия, которое фиксирует протокол.

К числу протоколов следственных и судебных действий как самостоятельной разновидности доказательств относятся в соответствии со ст. 87 УПК РСФСР протоколы осмотра, освидетельствования, выемки, обыска, задержания, предъявления для опознания, следственного эксперимента.

Этот перечень представляется не исчерпывающим. Сюда же следует отнести протоколы наложения ареста на имущество, проверки показаний на месте (в союзных республиках, где она предусмотрена УПК), получения образцов для сравнительного исследования (ст. 186 УПК РСФСР).

В протоколах осмотра, обыска, следственного эксперимента и т. п. описываются, как указывалось выше, процесс и результаты непосредственного изучения органом расследования или судом действий, явлений, материальной обстановки, следов, в том числе результаты наблюдения за опытными (экспериментальными) действиями¹. В этих случаях следователь, суд выступают в качестве субъектов наблюдения в создаваемых для этого наилучших условиях для полного и точного восприятия и запечатления фактической информации.

Объектом непосредственного наблюдения при этом служат: а) обстоятельства исследуемого события, продолжающие существовать к моменту производства следственного (судебного) действия (например, обстановка места происшествия); б) материальные следы исследуемого события; в) опытные действия по воспроизведению отдельных обстоятельств и обстановки события и по проверке фактической осведомленности лиц, утверждающих, что им известны эти обстоятельства (следственный (судебный) эксперимент, проверка показаний на месте, предъявление для опознания); г) действия по получению образцов для сравнительного исследования.

В качестве одной из гарантий полноты, достоверности выяснения и запечатления всех существенных признаков наблюдаемых объектов (действий) при производстве названных действий лицом, производящим дознание, следователем, прокурором обязательно присутствие понятых.

При выделении дела в отдельное производство часто используются копии протоколов следственных и судебных действий, надлежащим образом удостоверенные². Такие копии являются

---

¹ Сказанное относится и к предъявлению для опознания, проверке показаний на месте. Основное назначение указанных действий не в получении объяснений от соответствующих лиц (эти объяснения запечатлены в протоколах допроса), а в осуществлении этими лицами определенных действий, непосредственно наблюдаемых лицом, производящим дознание, следователем, судом (опознание в группе, указание на местности объектов, связанных с расследуемым событием).

² По правильному замечанию П. А. Лупинской, «понимание непосредственности как категорического требования пользоваться только перво-

производными доказательствами. Разумеется, подлинность и содержание этих копий подлежат проверке, они ни в коем случае не должны рассматриваться как предустановленно достоверные¹.

Основы уголовного судопроизводства (ст. 240 УПК РСФСР) устанавливают обязанность суда первой инстанции непосредственно исследовать доказательства по делу. М. С. Строгович делает отсюда вывод, что материалы предварительного расследования имеют для суда лишь «подсобное значение». По его мнению, «чрезмерно широкое и частое оглашение на судебном следствии материалов предварительного следствия неизбежно повлечет вытеснение данных судебного следствия данными предварительного следствия, осложнит и затруднит проверку и оценку судом доказательств по делу»². В столь общей форме приведенное положение неточно. М. С. Строгович прав, указывая, что протоколы ранее данных показаний могут быть оглашены в суде только в случаях, прямо предусмотренных законом. Однако это не дает оснований ограничивать случаи оглашения в судебном разбирательстве протоколов осмотра места происшествия, обыска и др. Эти протоколы в силу прямого указания ст. 240 УПК РСФСР должны быть оглашены в судебном заседании, ибо без этого невозможна их проверка судом.

Теоретический и практический интерес представляет вопрос о доказательственном значении приложений к протоколам. В силу ст. 141 УПК РСФСР к протоколам могут быть приложены фотоснимки, планы, схемы, слепки и оттиски следов³.

Иногда значение приложений к протоколу сводят к иллюстрации его содержания. Это неправильно. Фотоснимки, схемы, планы

источниками может лишить суд в ряде случаев важных доказательств, полученных из вторых рук...» («О понятии судебных доказательств», «Ученые записки ВЮЗИ», вып. VI, М., 1958, стр. 114).

¹ Своеобразно положение таких копий в случае, если выделяется материал для проверки в порядке ст. 109 УПК РСФСР. Представляется, что, так как данных, содержащихся в этих копиях (выписках), оказалось недостаточно для возбуждения уголовного дела без дополнительной проверки, они должны рассматриваться как материалы, поступившие в стадии возбуждения уголовного дела. Поэтому наличие этих копий (выписок) не устраняет необходимости допроса соответствующих лиц после возбуждения уголовного дела.

² М. С. Строгович, Гарантии непосредственности и устности уголовного процесса, «Советская юстиция» 1963 г. № 7, стр. 10.

³ К протоколам могут быть приложены также подлинные объекты, обнаруженные при производстве следственного действия; макеты (модели); рисунки; стенографические записи; звукозапись (они могут быть получены не только в ходе допроса, но и в ходе проверки показаний на месте, эксперимента, предъявления для опознания). Во всех этих случаях, кроме тех, когда к протоколу приложены изъятые объекты, речь идет о документах, составленных с применением иных способов фиксации фактических данных, нежели письменное описание. В то же время недопустимо считать приложением к протоколу различные акты, справки, заявления и т. п.

и т. п. объекты представляют по существу составную часть протокола, и их доказательственное значение неотделимо от письменного описания¹. Наличие приложений позволяет проверить полноту и точность записей в протоколе путем сопоставления. Иными словами, некоторые фактические данные фиксируются не одним, а двумя или даже тремя способами: запись, фотоснимок, схема. В случаях пробелов в протоколе приложения позволяют их в ряде случаев восполнить. С помощью фотоснимков, киноленты, схемы и т. п. могут быть зафиксированы детали, словесное описание которых затруднительно².

Таким образом, наличие приложений делает текст протокола более доходчивым, создает при чтении протокола как бы эффект присутствия соответствующего лица при следственном действии³, нередко детализирует содержание протокола; иллюстрационным значением отнюдь не исчерпывается значение приложений к протоколу.

Разумеется, условием использования приложений к протоколу будет запись в тексте протокола о составлении заверенных соответствующими подписями плана, схемы, фото- и киносъемки и т. п., а равно указание основных условий производства соответствующих действий (масштаб плана, способ его съемки, точки и способ фотосъемки, использованная аппаратура и материалы и т. д.). Пояснительные надписи на приложениях должны совпадать по содержанию с записями в протоколе.

Следственная и судебная практика широко используют при доказывании фактические данные, содержащиеся в приложениях к протоколам. Так, фотоснимки группы лиц или объектов, предъявленных для опознания, позволяют проверить соблюдение требования закона о том, чтобы предъявляемые лица (объекты) не имели резких различий по внешности. Отсутствие плана магазина по делу о краже обычно рассматривается как существенный пробел, препятствующий проверке объяснений обвиняемого и по-

---

¹ В практике некоторых органов расследования фотоснимки включаются непосредственно в текст протокола (в ту его часть, где описывается сфотографированный объект). Нередко в соответствующую часть текста протокола включаются и схемы (например, расположения следов), рисунки (например, контур изъятого ножа, полученный путем обводки) и т. д.

² Следует согласиться с И. М. Лузгным, который отмечает, что протокольная фиксация позволяет передать главным образом содержание фактов, связь между ними. Что же касается признаков, характеризующих форму предмета, размеры его частей, положение в пространстве, то представление о них значительно полнее и точнее передается в приложениях к протоколам в виде фотографий, зарисовок, схем и т. п. («Расследование как процесс познания», М., 1969, стр. 40).

³ Н. С. Полевой, Кинодокументы как судебное доказательство, «Социалистическая законность» 1963 г. № 4, стр. 50.

казаний свидетелей о возможности незаметно остаться в помещении при закрытии магазина¹.

Схемы дорожного происшествия в сопоставлении с записями в протоколе осмотра используются для установления дорожной обстановки и определения точных расстояний.

Фотоснимки обстановки места происшествия позволяют нередко уточнить расположение и форму объектов, использовать дополнительные фактические данные, которые в момент осмотра предполагались несущественными и поэтому не были подробно описаны.

Кинодокументы используются для детализации протоколов данными о динамических признаках объектов².

Можно привести примеры использования результатов киносъемки, производившейся в ходе следственного действия. Так, при расследовании дела водителя автобуса К. и водителя трамвая Т., обвинявшихся в совершении аварии, оба обвиняемых отрицали свою вину, ссылаясь на то, что не могли предотвратить аварию из-за недостаточной зоны видимости.

В связи с этим было решено провести следственный эксперимент, чтобы выявить и зафиксировать зону видимости каждого водителя.

В процессе взаимного движения транспорта зоны видимости все время менялись, поэтому нужно было зафиксировать их в различные периоды времени от начала движения до момента столкновения. Это и сделали путем одновременной киносъемки, осуществлявшейся с позиции каждого водителя. В результате было установлено, что зоны взаимной видимости водителей обеспечивали возможность предотвращения аварии. Это нашло отражение в протоколе следственного эксперимента. Следователь приобщил кинофильм и магнитофонную ленту с пояснительным текстом к делу в качестве приложения к протоколу следственного эксперимента.

В порядке выполнения ст. 201 УПК РСФСР фильм был показан обвиняемым и их адвокатам, о чем был составлен специальный протокол; в протоколе судебного заседания отмечалось, что киноплёнка демонстрировалась в судебном заседании.

При перечислении доказательств, изобличающих подсудимых, суд указал в приговоре: «... протоколом следственного эксперимента и киносъемкой производства следственного эксперимента под-

¹ «Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР», М., 1964, стр. 378. См. Г. И. Кочаров, Оpozнание на предварительном следствии, М., 1955, стр. 27—28.

² См., например, «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1963 г. № 7, № 9.

тверждается, что зоны взаимной видимости водителей трамвая и автобуса обеспечивали возможность предотвращения аварии»¹.

Содержание протоколов следственных и судебных действий (включая приложения к ним) определяется задачей точного и полного запечатления результатов соответствующего действия, а равно хода и условий его производства (с тем, чтобы можно было оценить степень точности и полноты протокола). В этом смысле очевидно, что установленный законом порядок составления протоколов не носит технического характера, он служит гарантией полноты и достоверности фиксируемых протоколом фактических данных. Эти правила оказывают поэтому существенное влияние и на содержание самого следственного действия. В то же время при недоброкачественном составлении протокола доказательственное значение результатов успешно проведенных следственных и судебных действий может быть полностью или частично сведено на нет.

Из протокола осмотра места происшествия не видно, где именно находились пальцевые отпечатки, обнаруженные при осмотре, отметила Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в определении по делу Р. В результате остались неопровергнутыми объяснения Р., что следы им оставлены в помещении магазина не в связи с кражей, а при производстве там покупок².

В целом содержание протоколов следственных и судебных действий можно разбить на три части: вводную, описательную, заключительную³.

Первая из них — вводная — в соответствии с указаниями закона (ст.ст. 141, 264 и др. УПК РСФСР) фиксирует основания составления протокола, состав участников, время, место следственного (судебного) действия и составления протокола, факт разъяснения прав участникам. Содержащиеся в ней фактические данные имеют важное значение, позволяя обосновать вывод о допустимости и достоверности содержания основной части протокола.

Описательная часть протокола фиксирует последовательность и содержание предпринятых действий, примененные при этом научно-технические приемы и средства⁴, собранные фактические

---

¹ Н. С. Полевой, Кинодокументы как судебное доказательство, «Социалистическая законность» 1963 г. № 4.

² «Сборник постановлений Пленума, Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР», М., 1964, стр. 378.

³ В протоколе судебного заседания часть сведений носит общий характер (дата протокола, состав суда и т. п.), а часть излагается применительно к каждому судебному действию.

⁴ Следует еще раз напомнить, что применение научно-технических средств для фиксации хода и результатов следственного (судебного) дей-

данные об обстоятельствах, относящихся к предмету доказывания и промежуточным фактам¹. Применительно к обнаружению вещественных объектов фиксируется место обнаружения, характерные и индивидуальные признаки, а равно признаки, в силу которых объект имеет доказательственное значение. При предъявлении для опознания фиксируются конкретные признаки, послужившие основанием для вывода опознающего лица, и т. д.

В заключительной части протокола перечисляется изъятое и указываются меры, принятые для обеспечения сохранности обнаруженного; фиксируется факт ознакомления с протоколом и излагается содержание заявлений участников следственного (судебного) действия; фиксируется невозможность или отказ со стороны кого-либо из участников подписать протокол (ст. 142 УПК РСФСР). Таким образом, и содержание заключительной части направлено на обеспечение допустимости и достоверности фактического содержания протокола.

Точность содержания протокола обеспечивается применением правильной и единообразной терминологии, измерением расстояний, размеров, координат, отказом от внесения в протокол приблизительных и неопределенных описаний, предположений и т. д. В протокол вносятся признаки, несомненно наблюдавшиеся его участниками в ходе процессуального действия. Содержание протокола должно обеспечить достоверное отображение хода, условий, результатов следственного (судебного) действия и возможность мысленного его прослеживания в полном объеме².

§ 3. ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Понятие документов как вида доказательств предусмотрено ст. 16 Основ и соответствующими статьями уголовно-процессуальных ко-

диференциальных кодексов. Понятие документов как вида доказательств носит вспомогательный характер по отношению к протоколированию (фиксируются главным образом отдельные моменты следственного действия) и поэтому не может повлечь снижения требований к полноте и точности записей в протоколе.

¹ Доказательственное значение имеют и фактические данные, устанавливающие безрезультатность следственного действия с точки зрения определенной версии, фиксируются и данные о действиях обвиняемого (подозреваемого), свидетельствующие о возможной «виновной осведомленности», например о попытках уничтожить или скрыть вещественные доказательства, обнаруженные при обыске (ст. 176 УПК РСФСР).

² С учетом изложенного очевидно неточность содержащегося в «Комментарии к УПК РСФСР 1960 г.» (Л., 1962, стр. 143) утверждения, что протокол фиксирует результаты осмотра, обыска и т. п. Закон требует другого: фиксировать в протоколе содержание следственного действия (ст. 141 УПК РСФСР), т. е. не только результаты, но и ход следственного действия и условия его производства. При отсутствии совокупности указанных данных весьма затруднительна оценка полноты и точности результатов соответствующего действия.

дексов союзных республик, разграничивающих, как уже отмечалось, протоколы следственных и судебных действий от иных документов. Они могут иметь доказательственное значение независимо от того, составлены ли в связи с возбужденным уголовным делом или нет. С этих позиций *«иные документы»* могут быть разделены на три группы: а) документы, составленные независимо от производства по уголовному делу, но содержащие описание события, ставшего предметом уголовного дела (например, документы, оформляющие хозяйственную операцию, предоставление квартиры и т. д.), или устанавливающие отдельные факты, обстоятельства, имеющие значение для дела (например, удостоверяющие личность, возраст); б) документы, фиксирующие обстоятельства события, наличие или отсутствие признаков преступления, составленные в стадии возбуждения уголовного дела (акт ревизии, заключение технического инспектора профсоюза, объяснение должностного лица и т. п.); в) документы, фиксирующие фактические данные, известные их составителю лично или из других документов, и составленные по предложению органов расследования и суда или по просьбе участников процесса в период производства по делу (например, справки о расписании движения поездов, характеристики, акты ревизий, проведенных в порядке ст. 70 УПК РСФСР).

Существенное отличие протоколов от иных документов заключается в условиях их составления. Процессуальный закон специально регламентирует порядок составления протоколов следственных и судебных действий, имея в виду обеспечить полноту и точность их содержания.

Иные документы появляются в деле, так сказать, в «готовом виде». Процессуальный закон регламентирует лишь вопросы их собирания, но не порядок составления. Другими словами, протоколы возникают в ходе следственных, судебных действий, в то время как иные документы обнаруживаются или истребуются в ходе этих действий. Отсюда вытекают особенности проверки и оценки этих документов.

Процессуальный закон (ст. 88 УПК РСФСР) устанавливает, что документы (речь идет об иных документах), содержащие фактические данные, служат доказательствами, если обстоятельства, удостоверенные или изложенные учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, имеют значение для уголовного дела. В случаях, когда документы обладают признаками, указанными в ст. 83 УПК РСФСР, они являются вещественными доказательствами (см. § 1).

Таким образом, законодатель считает в равной мере допустимыми при доказывании документы, исходящие от государственных учреждений, предприятий, организаций и должностных лиц; от общественных организаций и их представителей; от отдельных граждан (разумеется, с учетом объема компетенции и фактиче-

ской осведомленности составителей). Такое решение — результат последовательного проведения классификации доказательств, принятой в ст. 69 УПК РСФСР, в основу которой положено различие способов запечатления, сохранения и передачи фактической информации.

Письменные документы являются основной формой допускаемых при доказывании в уголовном процессе иных документов. Однако в ряде случаев уголовный процесс сталкивается с иными способами запечатления человеческой мысли, например со звукозаписью. Отвергать такого рода документы, как указывалось, нельзя, особенно имея в виду развитие различных технических средств фиксации человеческой мысли, которые все больше проникают в сферу производства, управления, быта и, следовательно, все чаще могут быть использованы при доказывании.

Так, по делам об авариях на воздушном транспорте важное значение имеет звукозапись переговоров экипажа самолета с землей. Наряду со звукодокументами все шире применяются и такие документы, как схемы, чертежи, графики, таблицы, фиксирующие условными знаками программу и результаты работы приборов, и т. д.

Некоторые из числа иных документов носят производный характер. Речь идет, в частности, не только о копиях, но и о документах, воспроизводящих для сведения органов расследования и суда фактические данные, имеющиеся в других документах, или содержащих определенные обобщения и выводы составителя по результатам изучения других документов.

Так, справка бухгалтера о зарплате, получаемой сотрудником, будет производным документом, основанным на таких первоначальных документах, как приказ, которым руководитель учреждения установил оклад данному сотруднику, и ведомость, в которой тот расписывался в получении зарплаты. Точно так же производными документами будут: справка о судимости, справка администрации о том, что на интересующем следователя сеансе шел такой-то фильм и о времени начала и окончания сеанса; счетные регистры (бухгалтерские книги, карточки), фиксирующие на основании приходо-расходных документов движение имущества, и т. д.

В то же время нельзя согласиться с мнением, что особенность всех документов (не являющихся вещественными доказательствами) — их производный характер как доказательств в процессе¹. Довод, что первоисточником фактического содержания документа всегда является его автор (составитель), а сам документ — производным, неубедителен. На этом основании можно объявить все

¹ В. Д. Арсеньев, Вопросы общей теории судебных доказательств, М., 1964, стр. 125.

показания производными, потому что их «первоисточник» — свидетель или обвиняемый.

Документ может быть и первоначальным, и производным доказательством. Это зависит от характера документа, его отношения к удостоверяемому факту. Если в подлинном документе излагаются сведения о каких-либо фактах на основе того, что зафиксировано в другом документе или в объяснениях лица, то такой документ будет производным. Если же документ составлен участником какого-то действия или события, чтобы закрепить полученную в результате этого участия фактическую информацию, то речь будет идти о первоначальном доказательстве, так как изложенные в нем данные получены от первоначального носителя информации. Например, накладная — документ, предназначенный для удостоверения факта передачи имущества одним лицом другому, будет первоначальным документом. К числу первоначальных относятся также акты, составленные ревизором (или контролером) о фактических обстоятельствах, наблюдавшихся им непосредственно в ходе ревизии или проверки (например, о результатах контрольного взвешивания); инспектором — о фактических обстоятельствах, обнаруженных им на месте производственной аварии, транспортного происшествия; дружинниками или другими представителями общественности — о задержании с поличным преступника и т. п.¹

Деление документов на первоначальные и производные определяет в значительной степени объем и характер проверки последних, обязывая органы расследования и суд проверить точность передачи и запечатления сведений через посредствующие звенья.

Самостоятельного рассмотрения требует вопрос о доказательственном значении документов, полученных в результате проверочных действий. При характеристике первоначальных и производных документов, используемых при доказывании, упоминались акты ревизоров, инспекторов, контролеров, а равно другие материалы проверочных действий.

Рассмотрим поставленный вопрос вначале применительно к акту ревизии. В зависимости от того, назначена ли ревизия по требованию органа расследования (прокурора) или по инициативе контрольно-ревизионного органа, могут конкретизироваться задания ревизорам, объем проверочных действий, сроки, состав ревизи-

---

¹ Практика составления указанных документов выработала ряд правил, отраженных в ведомственных нормативных актах и направленных на обеспечение точности и полноты фиксации обнаруженного (приглашение незаинтересованных лиц для участия в их составлении и т. п.). Соблюдение этих требований выясняется в ходе проверки соответствующих доказательств.

зоров и т. п.¹. Вместе с тем сущность самих проверочных действий остается той же. Даже в тех случаях, когда ревизия назначается по поручению органов расследования и суда, процессуальным действием является лишь дача соответствующего поручения; само же производство ревизии процессуальный закон не регламентирует. Поэтому акт ревизии независимо от того, по чьему требованию назначена ревизия, имеет одинаковую природу. Его содержание составляют: а) описание задания и условий производства ревизии с тем, чтобы можно было оценить правильность действий ревизоров; б) описание проверочных действий, осуществленных ревизорами, и их результатов (речь идет как об обстоятельствах, непосредственно обнаруженных, например при инвентаризации, так и о результатах анализа документов); в) изложение объяснений заинтересованных лиц и их анализ; г) выводы. К акту прилагается первичная документация, содержащая существенные, по мнению ревизора, данные и различные вспомогательные материалы (промежуточные акты, таблицы и т. п.).

Очевидно, что содержание акта ревизии полностью соответствует данному в ст. 88 УПК РСФСР понятию «иного документа». То обстоятельство, что значительная часть фактических данных «извлечена» ревизором из первичных документов, не опровергает этот вывод, ибо в результате сопоставительного анализа последних констатируются факты, ранее неизвестные. Поэтому Верховный Суд СССР неоднократно подчеркивал, что акты бухгалтерской ревизии имеют значение доказательств². В ряде случаев акт ревизии непосредственно используется в судебной и следственной практике для обоснования выводов по существу дела — о наличии события преступления, виновности лица, размере ущерба, условий, способствовавших преступлению, и т. д.

Акт ревизии, содержащий определенные фактические данные, может (и должен) проверяться путем обращения к документам, на которых он основан, а иногда путем допроса лиц, его составивших.

Сказанное в полной мере может быть распространено на доказательственное значение документов, составленных различными государственными и общественными инспекциями. При этом не имеет значения, осуществлены ли указанные действия по поручению прокурора (органа расследования) либо произведены соста-

¹ Детальная характеристика актов ревизии как доказательств дана П. К. Пошюнасом («Применение специальных бухгалтерских познаний при расследовании уголовных дел». Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1970). Спорным, однако, представляется мнение, что «ревизия может производиться лишь до возбуждения уголовного дела, либо в стадии возбуждения дела» (стр. 11).

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», М., 1964, стр. 123, 127, 151.

вителями акта самостоятельно. Не имеет значения и то, имели ли место до или после возбуждения уголовного дела.

Судебная и следственная практика широко использует указанные материалы при проверке других доказательств, а равно непосредственно при обосновании выводов по делу. «Поскольку заключение экспертизы и выводы ведомственной комиссии о причинах аварии являются одним из видов доказательств, — говорится, например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу С., — суд имел право входить в оценку этих доказательств, независимо от времени их получения»¹.

В процессе проверочных действий органа, разрешающего вопрос о возбуждении уголовного дела, нередко поступают различные заявления и объяснения граждан, объяснения (рапорты) должностных лиц об известных им обстоятельствах дела. Получение этих заявлений и объяснений по инициативе прокурора и органа расследования предусмотрено ст. 109 УПК РСФСР, а возможность обращения граждан и должностных лиц с заявлениями к прокурору или в орган расследования в стадии возбуждения уголовного дела — ст. ст. 108, 111 УПК РСФСР².

То обстоятельство, что заявление или объяснение содержит фактические данные об обстоятельствах, которые должны стать предметом допроса заявителя, не лишает самостоятельного доказательственного значения поступившее заявление или объяснение, так же как необходимость производства экспертизы не устраняет само по себе доказательственное значение акта ревизии. Было бы неправильно игнорировать документы, собранные в стадии возбуждения уголовного дела; они должны использоваться в качестве доказательств.

Известно, в частности, что по делам о должностных и хозяйственных преступлениях документы наряду с вещественными доказательствами, заключениями экспертов, показаниями обычно кладутся в основу установления таких подлежащих доказыванию обстоятельств, как событие преступления, характер и размер материального ущерба, а также обстоятельств, способствовавших совершению преступления. При расследовании организованных хищений социалистического имущества в крупных размерах документы количественно занимают первое место среди доказательств, используемых по делу. Содержащиеся в них фактические данные играют весьма важную роль и как самостоятельные доказательства, и как исходный материал для заключений экспертов.

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», М., 1964, стр. 51.

² Подобные материалы могут поступать в органы расследования и суд также и в ходе расследования и судебного разбирательства.

В ряде случаев для решения вопроса о возможности привлечения лица к уголовной ответственности и применения наказания необходимы документы о возрасте, состоянии здоровья, перенесенных заболеваниях. Буквально, ни одно уголовное дело не обходится и без такого рода документов, как справки о судимости, характеристики обвиняемых, письма различных организаций, заявления граждан в следственные органы и т. п.

Закон (ст. 88 УПК РСФСР) устанавливает в качестве условия допустимости истребованных или представленных документов прежде всего то, что они должны исходить от определенного предприятия, учреждения, организации, должностного лица или гражданина. Иными словами, должен быть известен автор (составитель) документа¹ и содержание документа должно соответствовать компетенции и фактической осведомленности автора (составителя).

Нарушение хотя бы одного из этих условий влечет недопустимость документа в качестве доказательства в смысле ст. 88 УПК РСФСР. Например, в силу некомпетентности составителей не может быть признана допустимой характеристика, исходящая от произвольно подобранной группы соседей, сослуживцев и т. д., поскольку характеристика должна исходить от администрации и коллектива (общественной организации) по месту работы, учебы, жительства. Точно так же не могут быть признаны достаточными исходящие от частных лиц сообщения о возрасте, состоянии здоровья и тому подобных обстоятельствах: удостоверить их компетентны лишь определенные государственные учреждения².

Очевидно, что доказательством может быть признан лишь документ, удостоверяющий или излагающий обстоятельства (факты), имеющие значение для дела. Речь идет, во-первых, об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания; во-вторых, о фактах, знание которых необходимо для выяснения обстоятельств первой группы; в-третьих, о фактах, значение которых необходимо для отыскания или проверки доказательств.

Статья 88 УПК РСФСР говорит о документах, удостоверяющих или излагающих факты. Речь идет о различии целевого назначения документа в момент его составления, но не о различии доказательственного значения. И справка, «удостоверяющая» факт пребывания лица на работе в определенное время, и объяснение, «излагающее» этот факт, в равной степени подлежат проверке и

¹ В ст. 110 УПК РСФСР специально оговаривается, что заявление и сообщение о преступлении должно быть подписано лицом, от которого исходит.

² В частности, документами, подтверждающими прошлую судимость (или ее снятие), служат копии приговоров, определений, постановлений суда и другие официальные материалы («Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1961 г. № 1, стр. 11).

оценке со стороны органов расследования и суда. Да и само деление документов на «удостоверяющие» и «излагающие» весьма условно, так как документ, удостоверяющий факты, излагает сведения о них и, наоборот, документ, излагающий сведения о фактах, удостоверяет их.

Процессуальная регламентация использования «иных документов» для доказывания включает и порядок соответствующих следственных и судебных действий или иных способов собирания доказательств (обыск, выемка, представление документа лицом или организацией по требованию органов расследования и суда или по своей инициативе). Документы, появившиеся в деле без соблюдения установленного порядка, рассматриваются как недопустимые. Закон требует оглашения документов, исследуемых в судебном заседании, с тем, чтобы довести их содержание до сведения всех участников процесса и обеспечить необходимую проверку¹.

Таким образом, режим собирания и проверки «иных документов», установленный законом, в полной мере учитывает особенности этой разновидности доказательств и позволяет, с одной стороны, максимально широко использовать относящиеся к предмету и пределам доказывания документальные материалы, а с другой — обеспечить в конечном счете отбор достоверных и действительно имеющих значение для дела документов.

Особо следует остановиться на вопросе о *новых материалах*, представляемых при кассационном (надзорном) рассмотрении дела. Они занимают своеобразное положение в системе доказательств по уголовному делу, охватывают документы, содержащие данные, которые не были получены ни при его возбуждении, ни на предварительном расследовании и судебном разбирательстве по данному делу, а представлены непосредственно в кассационную (надзорную) инстанцию в обоснование (либо в опровержение) жалобы или протеста². Возможность представления такого рода дополнительных материалов, служащих наряду с имеющимися уже в деле материалами основанием для проверки законности и обоснованности решения суда первой инстанции, предусмотрена ст. 337 УПК РСФСР³.

¹ Применительно к приложениям — фото- и кинодокументам, схемам и т. п. — правильнее говорить не об оглашении, а о демонстрации их в суде.

² Новые материалы могут быть представлены и в обоснование (опровержение) жалобы потерпевшего, обвиняемого или другого участника процесса на постановление органа предварительного расследования о прекращении дела. Они имеют такое же процессуальное значение, как и материалы, представляемые в кассационную (надзорную) инстанцию.

³ Уголовно-процессуальный закон не упоминает особо права надзорной инстанции рассматривать новые материалы. Однако в судебной практике правила ст. 337 УПК РСФСР распространяются на надзорное производство. Большинство юристов-теоретиков поддерживают эту практику.

Следует отличать новые материалы, представленные в порядке ст. 337 УПК РСФСР, от материалов, собираемых при расследовании вновь открывшихся обстоятельств (ст. 384 УПК РСФСР). Последние требуют производства следственных действий с соблюдением правил, установленных уголовно-процессуальным законом. Между тем характерной особенностью новых материалов, представленных в кассационную инстанцию в порядке ст. 337 УПК РСФСР, является то, что они собираются не путем следственных действий¹.

Поэтому вопрос, имеют ли эти материалы доказательственное значение или являются лишь своеобразными «указателями», требует особого рассмотрения.

Цель представления новых материалов в кассационную инстанцию состоит в том, чтобы содействовать суду в правильной оценке содержания жалобы или протеста и тем самым, — в правильном разрешении дела. Таким образом, эти материалы используются для оценки достоверности и достаточности имеющихся в деле доказательств и правильности принятого в соответствии с этими доказательствами решения по существу дела. При этом они могут послужить основанием для отмены приговора (определения). Анализ характера процессуальных решений, принимаемых с помощью новых (дополнительных) материалов, приводит к выводу, что эти материалы имеют доказательственное значение, так как при оценке правильности состоявшегося по делу приговора (определения) имеют то же значение, что и доказательства, находящиеся в деле.

Обратимся, в частности, к случаю, когда на основе новых материалов кассационная инстанция отменяет приговор с прекращением дела. Кассационная инстанция не должна направлять дело на новое рассмотрение для уточнения обстоятельств, которые могут быть выяснены и уточнены при кассационном рассмотрении дела². Так как судебное следствие в заседании суда второй инстанции не производится, отмена обвинительного приговора с прекращением дела может быть, по общему правилу, основана на материалах, которые рассматривались в суде первой инстанции, но получили в кассационной инстанции другую оценку. «Исклю-

---

Интересно отметить, что ст. 49 Основ гражданского судопроизводства содержит указание на то, что суд, рассматривая дело в порядке надзора, имеет право пользоваться дополнительными материалами.

¹ Материалы, полученные в результате следственных (судебных) действий, могут оказаться среди новых материалов лишь в случаях, когда представляется для обозрения производство по другому уголовному делу (например, для обоснования довода о неправильном назначении наказания или неправильном применении амнистии) либо выписки (копии) из него.

² Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 13 июня 1962 г., «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1962 г. № 9, стр. 13.

чением может явиться, например, ...не вызывающий сомнения новый документ, удостоверяющий, что осужденный к моменту совершения общественно опасного деяния не достиг возраста, с которого возможна уголовная ответственность...»¹.

Иными словами, в случаях, когда достоверность новых материалов может быть установлена непосредственно кассационной инстанцией присущими ей средствами и способами (т.е. без судебного следствия) и установленный новыми материалами факт исключает возможность производства по делу, эти материалы доказывают необходимость прекращения дела и обосновывают соответствующее решение. Здесь отчетливо проявляется доказательственное значение новых материалов, ибо в данном случае они служат основанием не только для отмены ранее вынесенного по делу решения, но и для принятия нового решения по существу дела. Не случайно п. 1 ст. 349 УПК РСФСР, предписывающий кассационной инстанции прекратить дело при наличии оснований для этого, не содержит в отличие от ст. 350, регламентирующей случаи внесения изменений в приговор, запрета основывать решение на не установленных судом первой инстанции обстоятельствах.

В подавляющем большинстве случаев новые материалы относятся к «иным документам» в смысле ст. 88 УПК РСФСР. Поэтому в ст. 301 УПК Эстонской ССР и ст. 312 УПК Узбекской ССР новые материалы определяются как письменные доказательства (материалы). Документы практически могут быть получены не только в результате следственных (судебных) действий, но и иным путем, причем любым участником процесса или гражданином. Поэтому их собирание возможно и на тех стадиях судопроизводства, на которых не ведется предварительное или судебное следствие².

По общему правилу, новые материалы относятся к одному из следующих видов документов:

а) документы (справки, характеристики, дополнительно обнаруженные приходе-расходные документы и т. п.), исходящие от учреждений, организаций, предприятий, должностных лиц;

---

¹ «Комментарий к УПК РСФСР 1960 г.», Л., 1962, стр. 311.

² И. Д. Перлов высказывается за право участников судопроизводства представлять в суд второй инстанции не только письменные документы, но и различные предметы и вещи. См. И. Д. Перлов, Кассационное производство в советском уголовном процессе, М., 1968, стр. 267.

Иную позицию занял М. М. Выдря, который считает, что «не может быть принята ссылка кассатора на вещественные доказательства, которые не были предметом рассмотрения как на предварительном следствии, так и в суде первой инстанции» («Вещественные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955, стр. 73).

Представляется, что указанные авторы при решении данного вопроса не разграничивают понятия предмета как вещественного доказательства и предмета как объективно существующей вещи. Предмет как вещественное

б) письменные объяснения лиц, сообщающих новые фактические данные о существенных обстоятельствах дела;

в) письменные мнения специалистов по вопросам, требующим применения специальных познаний.

Материалы первой группы могут, как уже отмечалось, служить и доказательствами необходимости отмены или, наоборот, оставления в силе проверяемого приговора (определения), и доказательствами, обосновывающими решение дела непосредственно кассационной инстанцией в случаях, когда приговор отменяется с прекращением дела. Материалы, относящиеся ко второй и третьей группам, могут иметь значение лишь для обоснования необходимости отмены или оставления в силе приговора (определения).

Более широкие возможности использования материалов первой группы объясняются тем, что достоверность содержащихся в них данных может быть в некоторых случаях установлена без производства специальных процессуальных действий, т. е. непосредственно кассационной инстанцией. Что же касается дополнительно представленных письменных объяснений лиц, которым известны существенные обстоятельства дела, и мнений специалистов, то они служат лишь вспомогательным материалом и не могут заменить показаний этих лиц и заключений экспертов (ст.ст. 72, 78 УПК РСФСР). Так как такого рода материалы могут указывать на ранее неизвестные обстоятельства, или на возможную недостоверность имеющихся в деле показаний и заключений, или на существенные процессуальные нарушения, на этом основании может быть отменен приговор (определение)¹.

Так, по одному делу о железнодорожной аварии в кассационную инстанцию поступило письмо изобретателя тормозной системы о том, что неисправность, бывшая причиной аварии, не могла быть по своему характеру замечена машинистом. На основании этого мнения специалиста обвинительный приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение.

Разумеется, письменные объяснения могут быть использованы

доказательство представить в суд второй инстанции невозможно, так как для того, чтобы этот предмет стал вещественным доказательством, необходимо осуществить ряд процессуальных действий, которые могут быть проведены только в ходе расследования или судебного следствия. Непосредственно же в кассационную (надзорную) инстанцию в качестве нового материала представляется предмет, который, возможно, станет вещественным доказательством, и документы, обосновывающие эту возможность и служащие основанием для отмены приговора.

¹ Пленум Верховного Суда СССР специально указал, что дополнительные (новые) материалы, представленные в форме мнения сведущего лица, «не могут заменить заключение эксперта и служить основанием к изменению приговора...» («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 2, стр. 11).

...шь в том ст.
...нения специа
В случае
...ых материалов
...водства значе
...о всеми мат
...алоту и дос
...экспертов и
...гично значени
...уголовного де
...предназначени
...решения (об
...те, и другие м
...по делу доказ
...применительн
...разрешении д

Участвова
могут все уча
сационном п
лоба (протес
вытекает из
не в качестве
ние или опр
тельно, учас
представить
участника (н
вить матери
вергающие и

В практи
пившие в ка
вносимых в
коллегии по
раля 1962 г.
что он «за
характеризу
прежде все
шению воп
ными, хар
в период
соображен
изменений
точки зрен
Статья
ционная

лишь в том случае, если известно их происхождение, а письменные мнения специалистов — если имеются данные о их компетентности.

В случае отмены приговора (определения) на основании новых материалов последние сохраняют в ходе дальнейшего производства значение доказательств и подлежат оценке в совокупности со всеми материалами дела. Они помогут, в частности, выяснить полноту и достоверность дополнительно полученных заключений экспертов и иных сведений. В этом смысле их значение аналогично значению доказательств, собранных в стадии возбуждения уголовного дела (ст. 109 УПК РСФСР). Будучи непосредственно предназначены для обоснования определенного процессуального решения (об отмене приговора, о возбуждении уголовного дела), и те, и другие материалы имеют в случае продолжения производства по делу доказательственное значение иных документов не только применительно к этому «промежуточному» решению, но и при разрешении дела по существу.

Участвовать в доказывании с помощью новых материалов могут все участники процесса, имеющие право на участие в кассационном производстве, независимо от того, подана ими жалоба (протест) или они согласны с вынесенным решением. Это вытекает из того, что дополнительные материалы представляются не в качестве приложения к жалобам (протестам), а в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в них. Следовательно, участник процесса, не обжаловавший приговор, может представить новые материалы, подтверждающие доводы другого участника (например, представитель потерпевшего может представить материалы, подтверждающие протест) или, наоборот, опровергающие их.

В практике имеют место случаи, когда новые материалы, поступившие в кассационную инстанцию, используются для обоснования вносимых в приговор изменений. Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 27 февраля 1962 г. О. было снижено наказание на основании данных о том, что он «за весь период нахождения в местах лишения свободы характеризуется положительно»¹. Серьезные сомнения вызывает прежде всего относимость такого рода новых материалов к решению вопроса о мере наказания, избранной в соответствии с данными, характеризовавшими содеянное и личность виновного в период совершения преступления. Но даже если оставить это соображение в стороне, внесение в этом и любом другом случае изменений в приговор на основании новых материалов, с нашей точки зрения, противоречит закону.

Статья 350 УПК РСФСР прямо предусматривает, что «кассационная инстанция не вправе вносить в приговор изменения,

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1962 г. № 5, стр. 35.

основанные на неустановленных судом первой инстанции обстоятельствах». Аналогичный запрет установлен и для надзорной инстанции (ч. 7 ст. 380 УПК РСФСР). Таким образом, новые материалы могут быть использованы кассационной инстанцией для мотивировки необходимости оставить приговор (определение) в силе, или, наоборот, отменить его и обратиться к доследованию, новое судебное рассмотрение, или прекратить дело, но не для внесения изменений в приговор. Последние могут вноситься только на основе доказательств, собранных по делу в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства.

§ 4. ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ПРОТОКОЛОВ И ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Никакие документы не имеют заранее установленной силы. Это предполагает необходимость их тщательной проверки в ходе доказывания в целях выяснения достоверности, относимости к делу и значения содержащихся в документах фактических данных¹.

Надо отметить, что в процессуальной литературе делаются иногда попытки отграничить документы от других доказательств по их значению или выделить в числе документов группу актов, имеющих в силу их происхождения «особое значение». Так, Р. Д. Рахунов полагает, что «письменное доказательство служит для удостоверения таких обстоятельств дела, когда предпочтительнее прибегать к документам, нежели к показаниям»². С этим положением вряд ли можно согласиться.

В ряде случаев существенные обстоятельства дела устанавливаются одновременно и из показаний, и из документов; вопрос о том, каким путем предпочтительнее установить то или иное обстоятельство, решается не априорно, а исходя из имеющихся конкретных возможностей и необходимости обеспечить взаимную проверку полученных данных. В принципе, как уже отмечалось, документы могут быть использованы и используются для доказы-

¹ М. М. Гродзинский писал, что проверка и оценка документов сводится к выяснению их подлинности и значения по делу сообщенных в них сведений («Государственный обвинитель в советском суде», М., 1954, стр. 51). Это не совсем полная характеристика. В действительности выясняется не только подлинность документа, но и достоверность его содержания, а для этого необходимо проверить и оценить условия и основания его составления, отношение к делу автора документа и собрать другие данные, характеризующие полноту и точность содержащихся в документе сведений.

² Р. Д. Рахунов, Вещественные и письменные доказательства в советском уголовном процессе, «Ученые записки ВЮОН», вып. 10, М., 1959, стр. 229.

вания любого обстоятельства, причем документ обычно может быть заменен показаниями его составителя¹.

Нельзя согласиться с мнением М. А. Чельцова о том, что «обычные документы не могут приравниваться по их доказательственной силе к процессуальным»². Наличие детально регламентированного порядка производства следственных и судебных действий и составления протоколов создает дополнительные возможности для оценки доброкачественности протоколов, но это отнюдь не означает признания за протоколами особой доказательственной силы.

М. С. Строгович выделяет в числе протоколов следственных и судебных действий протоколы осмотров, полагая, что это — «документы особого рода, более связанные с вещественными доказательствами, чем с обычными письменными документами». Остальные документы (в том числе и протоколы других следственных и судебных действий, поскольку иное не оговорено) М. С. Строгович сближает с показаниями свидетелей³.

Представляется, что и эта точка зрения может повлечь неверный подход к использованию и оценке доказательств. Попытки сблизить протоколы осмотра (как и любых иных следственных и судебных действий) — разновидность документов — с вещественными доказательствами или показаниями, основываясь на отдельных признаках, чреваты опасностью игнорировать специфику составления, проверки, оценки протоколов как самостоятельной разновидности доказательств.

Сказанному не противоречит изложенное в предыдущем параграфе об обязательности при выяснении некоторых обстоятельств получения документальных данных от определенного органа (например, документов, подтверждающих прошлую судимость или ее снятие). Дело не в установленном подходе к значению документов такого рода, а в том, что соответствующие органы по роду своей деятельности обладают наиболее полной информацией об определенных фактах. В то же время, если данные, полученные из показаний, документов и т. д., будут противоречить полученным официальным материалам (например, в деле имеется справка о судимости, но обвиняемый утверждает, что она снята), то достоверность и полнота последних дополнительно проверяется.

Причины противоречий между содержанием протокола и иного документа выясняются по существу без придания какому-либо

¹ Обратный вывод не имеет столь универсального характера, так как непроцессуальные заявления и объяснения граждан и должностных лиц, по общему правилу, не заменяют показаний этих лиц (ибо получение показаний осуществляется в условиях, в максимальной степени обеспечивающих их полноту и точность).

² М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 207.

³ М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 310, 332.

документу преимущественного значения. В ходе доказывания проверяется, соблюдался ли установленный законом порядок составления процессуального документа. В этом смысле сфера для сомнений в подлинности и точности такого документа уже, нежели относительно иных документов. Но коль скоро эти сомнения возникают (например, при обнаружении противоречий между протоколом осмотра документов и актом ведомственной ревизии), они должны быть разрешены по существу, а не путем признания за протоколом преимущественного значения. Констатация факта соблюдения всех правил составления протокола отнюдь не равнозначна окончательному установлению достоверности содержания протокола. Этот вывод может быть сделан лишь по результатам оценки содержания протокола в совокупности с другими фактическими данными, имеющимися в деле.

Сказанное относится и к случаям коллизии между содержанием какого-либо документа и доказательством другого вида: и здесь оценка производится конкретно на основе проверки причин возникновения противоречий, а не исходя из преимущественного значения документа.

Документы подчас содержат не только фактические данные, могущие быть использованы по делу, но и сведения, не относящиеся к нему, а равно предположения, оценочные суждения, не подкрепленные анализом конкретных обстоятельств¹. При этом доказательственное значение будет признано лишь за определенной частью документа. Надо также отметить, что возможна ситуация, при которой различные документы будут фиксировать одни и те же фактические обстоятельства. В случае противоречия между содержанием таких документов нельзя исходить из того, что правилен именно документ, полученный позднее; и тот, и другой должны быть проверены.

Кроме того, нельзя отвергать определенный документ только на том основании, что он представлен позже, с нарушением срока, установленного каким-либо правилом. Это обстоятельство «само по себе не устраняет доказательственной силы, если не опорочено содержание документа и он добыт законным путем»². Конечно, в связи с этим может оказаться необходимым проверить, в частно-

¹ Применительно к данному виду доказательств наглядно может быть показана неточность мнения об отсутствии доказательственного значения у оценочных суждений. В действительности, не только заключения экспертов, но и показания и документы необходимо включают в себя некоторые элементы оценочного суждения. Например, характеристика обвиняемого по самой своей сути сообщает не только факты, но и оценку поведения лица, его отношения к труду, к общественным обязанностям и т. д. Необходимо лишь, чтобы можно было проверить точность и достоверность фактических оснований этих суждений.

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса», М., 1964, стр. 148.

сти, не оказывали ли заинтересованные лица влияния на составителя документа, не фальсифицировано ли содержание документа и т. п.; знание момента составления документа помогает и при проверке его обоснованности.

Содержание и методы проверки документов и их анализа при оценке направлены на то, чтобы выяснить: а) происхождение документа и время его составления; б) подлинность документа и отношение составителя (автора) документа к делу; в) источник осведомленности составителя документа; г) соблюдение при составлении документа требований закона и ведомственных правил (если таковые имеются), способствующих полноте и точности содержания документа; д) наличие иных данных, подтверждающих достоверность, точность, полноту или, наоборот, указывающих на возможную недостоверность, неполноту и неточность содержания документа.

Для этого проводятся в случае необходимости следственные действия (например, допрос составителей документа, экспертиза); осуществляется сопоставление нескольких документов, документов и вещественных доказательств и т. д. Объем таких действий зависит от обстоятельств конкретного случая, но сама по себе проверка протоколов и иных документов, сочетаемая с их предварительной оценкой, составляет обязательную предпосылку их окончательной оценки. Нельзя поэтому согласиться с мнением А. Н. Трайнина, что значение документов, исходящих от должностных лиц, тем именно и важно, что «публично-правовое их происхождение, печать государственного органа сообщает им авторитет и значение бесспорных актов»¹. Другое дело, что практически объем проверки протоколов и документов, исходящих от должностных лиц, в большинстве случаев меньше, нежели объем проверки документов, исходящих от граждан. Но в принципе «в уголовном процессе все документы подлежат... критической проверке и удостоверяемые ими факты признаются или отвергаются судом по внутреннему убеждению»².

Если в сфере повседневной деятельности должностных лиц и граждан официальные документы действительно имеют удостоверяющий характер, то при их использовании в уголовном процессе они рассматриваются как обычное доказательство, подлежащее проверке и оценке на общих основаниях и отнюдь не могущее

¹ «Уголовное право. Особенная часть», М., 1943, стр. 298.

² М. А. Чельцов, Советский уголовный процесс, М., 1962, стр. 208. Сформулировав это принципиальное положение, автор вместе с тем считает, что содержание процессуальных документов не подлежит (в отличие, например, от акта ревизии) «доказыванию и оспариванию на общих основаниях» (стр. 207). Очевидно, что эти положения противоречат друг другу. В действительности, процессуальные документы, конечно, подлежат проверке на общих основаниях. Другое дело, что их содержание оспаривается гораздо реже, нежели содержание других документов.

считаться достоверным лишь потому, что имеет характер официального документа. Только в результате сопоставления с другими материалами дела может быть сделан вывод, что, например, содержание протокола осмотра, а не противоречащих ему показаний достоверно¹. Когда закон упоминает о документах, в которых «удостоверяются или излагаются» обстоятельства (ст. 88 УПК РСФСР), или о протоколах, «удостоверяющих» обстоятельства (ст. 87 УПК РСФСР), имеется в виду не доказательственная сила документа, а цель его составления и степень детализации. В частности, вывод о достоверности и полноте протокола судебного заседания, к которому приходит суд второй инстанции, связан не только с надлежащим оформлением протокола и отсутствием замечаний участников процесса. Этот вывод — результат анализа всего содержания протокола в ходе оценки в совокупности с другими материалами дела. Требуется сопоставление протокола с материалами предварительного следствия, материалами, приобщенными к делу в судебном заседании, новыми материалами, представленными в суд в связи с кассационными протестами и жалобами, и т. д. Никакого ограничения возможности оспаривать содержание протоколов закон не знает, и оно может быть оспорено в любой стадии процесса независимо от соблюдения установленных правил удостоверения протокола и отсутствия ранее сделанных замечаний².

По одному делу, например, адвокат, обратившийся в надзорную инстанцию с просьбой о принесении протеста на приговор, вступивший в законную силу, указал, что содержание протокола судебного заседания буквально повторяет содержание протоколов показаний некоторых свидетелей на предварительном следствии. От-

¹ Не случайно нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие содержание и порядок составления протоколов следственных действий, требуют, чтобы в протоколе указывалось «содержание следственного действия» (ст. 141 УПК РСФСР), описывались «все действия... и все обнаруженное» (ст. 182 УПК РСФСР) и т. п. Таким образом, подчеркивается, что суть протокола в описании происшедшего, а не только в «удостоверении».

² Поэтому нуждается в некотором дополнении тезис, сформулированный И. Д. Перловым, который полагал, что «протокол судебного заседания... является единственным документом, доказывающим, что было и чего не было в судебном заседании» («Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 328). Протокол судебного заседания — основной и необходимый документ, доказывающий указанные обстоятельства, но вывод о полноте и достоверности его содержания предполагает необходимость сопоставления его с другими материалами дела. Неточно и мнение М. Л. Якуба о том, что проверка следственных протоколов представляется необходимой в некоторых случаях («Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР», М., 1955, стр. 215). Эта проверка необходима во всех случаях. Другое дело, что ее методы и пределы различны: иногда достаточно сопоставительного анализа содержания протокола и других доказательств; иногда требуются дополнительные следственные действия.

сюда адвокат сделал вывод, что протокол был составлен «задним числом» путем копирования следственных документов. Несмотря на то что оспариваемый протокол был удостоверен в должном порядке и ранее замечаний на него не приносилось, по делу был принесен протест в порядке надзора со ссылкой на то, что протокол не отражает фактически происходившего в судебном заседании и поэтому лишил кассационную, а затем и надзорную инстанции возможности проверить правильность приговора. Приговор был отменен, и дело направлено на новое рассмотрение¹.

Таким образом, протокол судебного заседания (равно как и любой другой протокол) при наличии в нем существенных пробелов, не дающих возможности проверить правильность и полноту отраженных в нем действий по собиранию и проверке доказательств, может быть признан дефектным со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до возвращения дела на доследование или новое судебное рассмотрение.

Неправильно считать, будто установление достоверности протокола или иного документа связано только с анализом его реквизитов и других данных о соблюдении установленной формы, а анализ содержания связан с оценкой его относимости и значения для дела. Анализа одной лишь формы документа недостаточно для вывода о достоверности или недостоверности его содержания. Конечно, это не означает, что анализ формы документа не имеет существенного значения. Отнесение его к числу первоначальных и производных, а равно к числу официальных, частных, но нотариально удостоверенных, позволяет, как отмечалось, определить содержание ряда действий по проверке допустимости и достоверности документа².

Вместе с тем констатация безупречности формы не влечет еще автоматически вывода о достоверности содержания документа, как и, наоборот, наличие нарушений формы не обязательно влечет недостоверность содержания документа.

Оценка достоверности (как и значения) документа невозможна, таким образом, без проверки и анализа его содержания. В принципе этот анализ осуществляется теми же методами, что и анализ содержания доказательств других видов при их оценке: путем сопоставления друг с другом отдельных данных, содержащихся в документе, сопоставления содержания документа и других доказательств, выяснения причин выявленных противоречий и т. п. Вместе с тем существуют и специфические методы, присущие

---

¹ Из практики Верховного Суда РСФСР.

² Не следует смешивать понятия «подлинность» (несомненность составления документа лицом, значащимся его составителем) и «достоверность» (соответствие его содержания действительности). Установление подлинности и достоверности — не совпадающие задачи при проверке и оценке документа.

анализу содержания именно документов: а) сопоставление нескольких экземпляров одного и того же документа, находящихся в разных организациях («встречная проверка документов»); б) так называемая комплексная проверка документов (т. е. сопоставительный анализ всех обнаруженных документов, в той или иной степени отражающих соответствующее событие). Оба метода применяются при проверке и оценке официальных документов, их цель — выяснить, насколько полно и точно отражена в документе удостоверяемая им операция¹.

При оценке материалов ревизии следует исходить из того, что помимо выяснения вопроса о достоверности документов, положенных в основу акта ревизии, необходим также сопоставительный анализ содержания каждого из них и акта ревизии. Такой анализ помогает оценить полноту и обоснованность выводов ревизии. В частности, содержащиеся в акте ревизии сведения могут быть оценены как достоверные доказательства лишь в том случае, если они подтверждаются первоначальными документами. Важнейшие из последних прилагаются к акту ревизии, на остальные содержатся в нем ссылки.

В следственной и судебной практике отсутствие документов, устанавливающих определенную операцию или же действия, иногда трактуется как бесспорное свидетельство того, что эти действия или операция не имели места. Следует, однако, подчеркнуть, что любые обстоятельства, хотя бы существовали и специальные правила об обязательном документировании их, могут быть установлены и другими доказательствами. В особенности ясно это видно на примере дел о хищениях, должностных и хозяйственных преступлениях. Существуют, в частности, определенные правила оформления письменными документами хозяйственных операций, связанных с передачей имущества от одного материально ответственного лица другому. Эти документы играют весьма важную роль при расследовании растрат, должностных злоупотреблений и др. И все же следователь (суд) по такого рода делам может основывать свои выводы и не на данных соответствующе оформленных официальных документов, а на других доказательствах, в том числе свидетельских показаниях. Отсутствие документа не может помешать суду признать совершившимся определенный факт передачи материальных ценностей, если это устанавливается другими доказательствами.

Особенно важно это положение при оценке материалов дел о крупных организованных хищениях, совершенных с приме-

¹ Значение этих методов особенно велико в связи с тем, что по делам о хищениях, продолжающихся на протяжении нескольких лет или связанных с большим количеством конкретных хозяйственных операций, свидетели нередко не могут помочь установить многие обстоятельства и документы составляют практически основной источник фактических данных об этих обстоятельствах.

нием изощренных способов, связанных с подлогом документов. В таких делах обычно хищения не фиксируются в учетных документах и не получают отражения в балансе предприятия. Однако отсутствие документов, непосредственно устанавливающих ущерб, причиненный хищением, не лишает возможности следователя (суд) установить этот ущерб, определить его размеры. В этих случаях следователь (суд), оценивая все материалы дела в совокупности, основывает свои выводы на материалах ревизий, бухгалтерской экспертизы, прибегающих к комплексному анализу различных документов, на показаниях свидетелей и обвиняемых и других данных. Отсутствие документов, которые должны были бы отразить имевшие место в действительности хозяйственные операции, не исключает возможности достоверно установить фактическое совершение этих хозяйственных операций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА

§ 1. ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Заключение эксперта как доказательство — это совокупность фактических данных, содержащихся в его сообщении следователю и суду, и установленных в результате исследования материальных объектов, а также сведений, собранных в уголовном деле, проведенного лицом, сведущим в определенной области науки, техники или иных специальных знаний и с применением этих знаний. Исследование проводится, его ход и результаты фиксируются с соблюдением указанного в законе процессуального порядка. Оно осуществляется на основе специального задания органа расследования, прокурора или суда.

Таким образом, для заключения эксперта как вида доказательств существенно то, что оно: а) появляется в деле в результате исследования, б) исходит от лица, обладающего определенными специальными познаниями, без использования которых было бы невозможно само исследование, в) дается с соблюдением специально установленного процессуального порядка, г) опирается на собранные по делу доказательства.

Эксперт дает заключение либо только на основе непосредственного исследования материальных объектов экспертизы, либо на основе такого исследования с привлечением сведений, известных из материалов дела, либо только на основе материалов дела. Правильность вывода эксперта, использовавшего содержащиеся в протоколах допроса и других письменных материалах данные, естественно, зависит от достоверности последних¹.

Экспертное исследование осуществляется в процессе доказывания, будучи его составной частью: оно подчинено тем же целям. Получив заключение эксперта, суд или следователь используют его в продолжающемся процессе доказывания.

В ходе экспертизы в отличие от других процессуальных дей-

¹ М. С. Строгович считает ошибочной практику, когда эксперт «в основу своих заключений кладет не только результаты исследования им соответствующего объекта на основе специальных знаний, но и материалы предварительного и судебного следствия...» («Курс советского уголов-

ствий установление существенных для дела фактов может происходить в отсутствие следователя (и суда). Эта особенность позволяет объяснить, почему законодатель установил систему специальных процессуальных гарантий, соблюдение которых призвано способствовать достоверному, полному и объективному установлению фактов экспертом и всесторонней проверке его выводов следователем и судом. Совокупность этих гарантий образует процессуальную форму, особенности которой отличают экспертизу от других способов доказывания.

Нормы процессуального права, регламентирующие проведение экспертизы, определяют не только цель, порядок, пределы таких исследований, но и взаимные права и обязанности суда, прокурора, органа расследования, участников процесса и эксперта в связи с проведением последним исследований.

В случае недостаточной ясности или полноты заключения может быть назначена *дополнительная* экспертиза, поручаемая тому же или другому эксперту.

Дополнительная экспертиза назначается, когда правильность заключения не вызывает сомнения, но требуются дополнения или разъяснения. Дополнительные вопросы могут быть поставлены в тех случаях, когда обоснование в заключении выводов или описание произведенных исследований не дает возможности осуществлять всестороннюю оценку этих выводов.

В отдельных случаях, когда для этого не требуется дополнительных исследований, неясность или неполнота заключения может быть восполнена допросом экспертов.

В случае необоснованности заключения эксперта или сомнений в его правильности может быть назначена *повторная* экспертиза, поручаемая другому эксперту или другим экспертам.

Задание эксперту, производящему повторную экспертизу, включает не только те вопросы, которые были предметом первоначальной экспертизы, но в ряде случаев и вопросы, связанные с необходимостью анализа правильности и полноты методов, которые применялись при первоначальной экспертизе.

Повторная экспертиза назначается, в частности, при выяснившейся профессиональной некомпетентности ранее назначенного эксперта; нарушении процессуальных правил производства экспер-

---

ного процесса», т. I, М., 1968, стр. 441). Аналогичную позицию занимают М. А. Чельцов и Н. В. Чельцова («Правоведение экспертизы в советском уголовном процессе», М., 1954, стр. 139—142).

С этой точкой зрения нельзя согласиться. В тех случаях, когда объектом экспертизы служит факт, который не может в непосредственном виде подвергнуться экспертному исследованию (например, состояние психики обвиняемого в момент совершения преступления), эксперт основывает свои выводы на данных об этом факте, содержащихся в показаниях свидетелей, потерпевших, обвиняемых, документах и т. д.

тизы, повлекшем неустранимое сомнение в обоснованности ее выводов (в частности, при выяснении обстоятельств, указывающих на возможную заинтересованность эксперта в исходе дела), а также в случае использования средств и методов, не отвечающих уровню данной отрасли знаний; при несоответствии исходных данных и выводов; разногласиях членов комиссии экспертов¹ и т. д.

В распоряжение эксперта, производящего повторное исследование, предоставляется помимо материалов, которые исследовались в ходе первоначальной экспертизы, также предыдущее заключение (заключения)².

Фактическим основанием для назначения экспертизы служит необходимость применения специальных познаний для выяснения существенных обстоятельств по уголовному делу, т. е. таких познаний, какими обладают лица, специализирующиеся в определенной области научных исследований или профессии.

Вопрос о том, необходимы ли научные, технические или иные специальные знания для выяснения обстоятельств с помощью экспертизы, в каждом конкретном случае решают суд и орган расследования³. Однако назначение экспертизы зависит не от их субъективного усмотрения, а от объективного характера устанавливаемых обстоятельств.

Закон не определяет содержания понятия «специальные познания». Не дается однозначной трактовки этого понятия и в юридической литературе, в которой общепризнано лишь мнение, что познания в области законодательства и правовой науки к специальным познаниям в смысле ст. 78 УПК РСФСР не относятся. Можно полагать, что специальные — это те познания, которые не относятся к числу общеизвестных, общедоступных, имеющих массовое распространение, т. е. те, которыми профессионально владеет лишь узкий круг специалистов⁴.

¹ «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 122, 250. Единогласие экспертов облегчает принятие судом и следователем решения по вопросу, обсуждавшемуся экспертами. Но отсюда не следует, что в случае разногласия экспертов суд и следователь должны назначать новые экспертизы, пока не получат единогогласного заключения. Встретившись с разногласием экспертов, суд и следователь вправе положить в основу своих выводов заключение одного или нескольких экспертов, мотивированно отвергнув мнение других экспертов («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг.», М., 1964, стр. 131).

² Заключение эксперта, производившего первоначальную экспертизу, из дела не изымается; результаты нового экспертного исследования оцениваются в сопоставлении с результатами первоначальной экспертизы («Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 120).

³ Кроме случаев, когда производство экспертизы обязательно по закону.

⁴ См. А. А. Эйсмана, Заключение эксперта, М., 1967, стр. 91.

В силу относительной неопределенности такого основания для назначения экспертизы, как «необходимость специальных познаний», законодатель в некоторых, особо ответственных, случаях прямо предписывает назначение экспертизы. Закон указывает, что в перечисленных в нем случаях применение специальных познаний обязательно¹. Разумеется, это правило не исключает необходимости оценки результатов экспертизы по внутреннему убеждению следователя и суда, как и возможности использовать другие способы доказывания для проверки выводов эксперта.

Разумеется, не следует назначать экспертизу «на всякий случай», когда обстоятельства и без того достаточно полно выяснены и в проведении экспертного исследования нет надобности².

Невозможно дать исчерпывающий перечень отраслей знаний, которые могут быть использованы в экспертном исследовании. То обстоятельство, что преступление может иметь место в различных условиях и затрагивать различные общественные отношения, обуславливает принципиальную возможность назначения экспертизы с использованием данных любой отрасли науки, техники, искусства, ремесла.

В практике доказывания наиболее часто назначаются криминалистическая, судебно-медицинская, судебно-психиатрическая,

---

¹ Статья 79 УПК РСФСР устанавливает, что проведение экспертизы обязательно:

1) для установления причин смерти и характера телесных повреждений;

2) для определения психического состояния обвиняемого или подозреваемого в тех случаях, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими;

3) для определения психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникает сомнение в их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и дать о них правильные показания;

4) для установления возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего в тех случаях, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют.

УПК Узбекской ССР (п. 5 ст. 67), Армянской ССР (п. 4 ст. 68), БССР (п. 5 ст. 75) требуют обязательного проведения экспертизы и для установления половой зрелости потерпевшей по делам о половых преступлениях.

УПК Азербайджанской ССР (п. 6 ст. 73) предусматривает обязательное проведение экспертизы для проверки оспариваемых обвиняемым документов ревизии, произведенной без его участия, если они послужили основанием к возбуждению уголовного дела.

УПК Литовской ССР (п. 5 ст. 86) требует обязательного проведения экспертизы по делам о подделке денежных знаков и ценных бумаг.

² В связи с этим Прокуратура Союза ССР обратила внимание на неправильность действий тех следователей и судов, которые «автоматически» назначают стационарную судебно-психиатрическую экспертизу лиц, обвиняемых или подозреваемых в умышленном убийстве или других особо опасных преступлениях, хотя отсутствуют какие-либо сомнения во вменяемости этих лиц.

судебно-химическая, судебно-биологическая, судебно-бухгалтерская, товароведческая, автотехническая и пожарно-техническая экспертизы.

Назначение экспертизы закон не ставит в зависимость от того, может ли интересующий следствие и суд вопрос быть выяснен не экспертным, а иным путем. Вопрос о назначении экспертизы решается в зависимости от особенностей данного дела, если проведение экспертизы в этом случае не является обязательным по закону¹.

Действующее законодательство проводит четкое различие между функциями эксперта и специалиста. Специалист привлекается к участию в следственных действиях для содействия следователю своими специальными знаниями и навыками в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств. Специалист обращает внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств, и дает необходимые пояснения по поводу выполняемых им действий.

Закон знает три формы привлечения специалиста к участию в следственном действии: обязательное по закону участие специалиста в следственном действии (судебного медика или врача при осмотре трупа), факультативное участие специалиста определенного профиля и факультативное участие специалиста, профессия которого заранее законом не определена².

УПК союзных республик предусматривают возможность вызова специалиста для участия в осмотре (ст. ст. 179—180 УПК РСФСР), освидетельствовании (ст. 181 УПК РСФСР) и других следственных действиях (ст. ст. 159, 186, 397 УПК РСФСР).

Познания специалиста могут быть применены для обнаружения лишь таких следов, признаков, свойств и т. п., в существовании которых можно убедиться непосредственным наблюдением³. Если же необходимо исследование (безразлично, идет ли речь об установлении самих признаков, недоступных «обычному» наблю-

¹ Нельзя согласиться с М. А. Чельцовым, что «если вопрос может быть выяснен другими доказательствами по делу, назначение экспертизы не только бесполезно, но иногда даже вредно» («Настольная книга следователя», М., 1949, стр. 426). Аналогичного мнения придерживалась В. А. Пригузова («Заключение эксперта как доказательство в уголовном процессе», М., 1959, стр. 33). С. В. Бородин и А. Я. Палиашвили подвергли этот взгляд обоснованной критике («Вопросы теории и практики судебной экспертизы», М., 1963, стр. 31—33).

² См. Г. Г. Зуйков, Общие вопросы использования специальных познаний в процессе предварительного расследования, в кн.: «Криминалистическая экспертиза», вып. 1, М., 1966, стр. 118.

³ Сведения об этих фактах фиксируются в протоколе соответствующего следственного действия, подписываемом не только специалистом, но и следователем и понятыми. Необходимость в допросе специалиста в качестве свидетеля появляется в связи с проверкой, уточнением, дополнением содержания протокола.

дению, или об исследовании характера совпадений и различий признаков, которые порознь доступны непосредственному наблюдению), то выводы из него фиксируются в заключении эксперта. При этом речь идет именно о цели применения специальных познаний, а не о средствах и методах, используемых в ходе исследования¹.

Характер деятельности специалиста и эксперта обусловил различие в процессуальном положении этих участников процесса.

Специалист вызывается в предвидении того, что его познания и опыт понадобятся для обнаружения, фиксации или изъятия доказательств. По общему правилу, следователь может не привлекать специалиста к участию в следственных действиях, если он располагает научно-техническими средствами и специальными познаниями, необходимыми для успешного проведения этих следственных действий (кроме случаев, когда закон прямо предписывает проводить данное следственное действие с участием специалиста).

Эксперты в отличие от специалистов привлекаются к участию в уголовном деле независимо от того, обладает ли следователь (суд) необходимыми для производства экспертизы познаниями.

Экспертиза во всех случаях проводится на основании постановления следователя или определения суда, тогда как вызов специалиста может быть осуществлен на основании устного или письменного требования следователя.

Экспертиза состоит в исследовании и составлении заключения; деятельность специалиста ограничивается обнаружением и изъятием по указанию и под контролем следователя доказательственного материала. Специалист может сделать выводы из установленного материала. Специалист может сделать выводы из установленных при проведении следственного действия фактов (например, предположительно высказаться о времени смерти, орудии убийства и т. д.). Однако такого рода выводы в отличие от выводов эксперта не имеют значения доказательств и не фиксируются в процессуальных документах; они носят характер консультаций, используемых для своевременного построения следственных версий, и т. п.

При анализе соотношения экспертизы и других процессуальных действий по собиранию доказательств определяющим служит то, что: а) при проведении экспертизы доказательства обнаруживаются и исследуются не самим следователем (судом), а экспертом, который сообщает о них органу, назначившему экспертизу, в своем заключении.

---

¹ Нельзя согласиться с Э. Б. Мельниковой, считающей, что различие между специалистом и экспертом лежит в области средств и методов, применяемых ими («Участие специалистов в следственных действиях», М., 1964, стр. 13).

Факты, устанавливаемые экспертизой (невменяемость, причина смерти и т. д.), хотя и существуют объективно, однако обычно непосредственно воспринимаются лишь их признаки. Исследование и истолкование этих признаков на основе научных данных, отвечающие их действительному значению, могут быть даны лишь в заключениях соответствующих экспертов¹.

Соотношение между экспертизой и осмотром изменяется соответственно научно-техническому прогрессу и внедрению достижений в следственную и судебную практику. Новые технические средства раздвигают границы непосредственного восприятия. Они позволяют без каких-либо специальных познаний видеть многие следы и признаки, которые не воспринимаются невооруженным глазом. Представляется поэтому возможным не проводить экспертизу и ограничиться производством осмотра в тех, например, случаях, когда с помощью электронно-оптического преобразователя или ультрафиолетовой лампы достаточно ясно видны текст документа, залитого чернилами, дописка и т. п. Вещественное доказательство — объект такого осмотра — не утрачивает своих свойств, наличие которых, если возникло сомнение, может быть в дальнейшем проверено.

Вместе с тем использование различных технических средств для обнаружения свойств объекта далеко не всегда освобождает следователя и суд от обязанности назначить экспертизу для его исследования. Суд (следователь) может наблюдать с помощью имеющихся у него приборов отдельные свойства и признаки вещественного доказательства, но он не вправе, не назначая экспертизы, использовать в качестве доказательства выводы, которые можно сделать из наблюдаемых фактов, если для этого нужны специальные познания.

Предполагая, что по делу будет назначена экспертиза, следователь (суд) изучает вещественные доказательства с соблюдением двух условий: во-первых, вещественное доказательство не должно быть утрачено или повреждено; во-вторых, изучение необходимо проводить по правилам, установленным для осмотра. Содержание протокола в этом случае ограничивается указанием метода исследования и непосредственно наблюдаемого результата².

Экспертизу следует также отличать от освидетельствования. В отличие от судебно-медицинской экспертизы освидетельствование, по общему правилу, проводится следователем и

¹ При этом многие признаки, необходимые эксперту для вывода о факте, обнаруживаются им не путем наблюдения, а путем исследования на основе специальных познаний.

² В. П. Власов, Следственный осмотр и предварительное исследование документов, М., 1961, стр. 21—26.

УПК
ствование
быть про
освидетел
УССР) ли
УПК Каз
который
читься ф
мом им
пример
ния, ору
этих слу
как уже
А.
процессе
Р.
практик

понятыми. К участию в освидетельствовании может быть привлечен врач, который в этом случае занимает процессуальное положение специалиста¹.

Постановление о производстве освидетельствования не содержит конкретных вопросов: оно ограничивается указанием общей цели освидетельствования (выявление особых примет, следов и т. д.).

Объектами освидетельствования служат следы преступления, пятна, особые приметы и другие признаки на теле человека при условии их очевидности. Фактические данные, установленные освидетельствованием, фиксируются в протоколе, который содержит только такие факты, которые непосредственно восприняты его составителями².

Подобным же образом решается вопрос об отличии экспертизы от следственного эксперимента. Если постановка опытов не требует применения специальных познаний, а их результат очевиден, проводится следственный эксперимент. Если же постановка опытов и объяснение их доказательственного значения требуют применения специальных знаний, проводится экспертиза³.

Существенное значение для результативности экспертного исследования имеет соблюдение правил хранения объектов, подлежащих исследованию, в органах суда, следствия, дознания и в экспертных учреждениях, правильная организация изъятия объектов-образцов, порядок получения которых регламентирован процессуальным законом (ст. 186 УПК РСФСР). Образцы для сравнительного исследования должны быть представлены эксперту в достаточном для проведения экспертизы количестве и надлежащего качества. Несомненность их происхождения от данного конкретного объекта должна быть зафиксирована в протоколе получения этих объектов.

Достоверность и полнота заключения зависит от правильного назначения эксперта. Некомпетентность или необъективность

---

¹ УПК некоторых союзных республик устанавливают, что освидетельствование, при проведении которого необходимо участие врача, может быть проведено последним в отсутствие следователя. Результаты такого освидетельствования излагаются врачом в акте или справке (ст. 193 УПК УССР) либо в протоколе (ст. 207 УПК Азербайджанской ССР, ст.ст. 129, 130 УПК Казахской ССР, ст.ст. 164—165 УПК Узбекской ССР). Однако врач, который проводит освидетельствование самостоятельно, должен ограничиться фиксацией наблюдаемых признаков; не вправе делать в составляемом им протоколе (акте, справке) выводы из обнаруженных фактов, например устанавливать характер, тяжесть, давность телесного повреждения, орудие, которым оно было причинено, и т. п. Следовательно, и в этих случаях освидетельствование отличается от экспертизы, для которой, как уже отмечалось, характерны выводы, излагаемые в заключении.

² А. Э. Жалинский, Освидетельствование в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Львов, 1963, стр. 6.

³ Р. С. Белкин, Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике, М., 1964, стр. 34—35.

эксперта служат основаниями для отвода эксперта (ст. ст. 59, 67 УПК РСФСР).

Суд и следователь в принципе вправе назначить экспертом любого компетентного, не заинтересованного в деле специалиста (ст. 78 УПК РСФСР). В то же время УПК ряда союзных республик устанавливают, что некоторые виды экспертизы, по общему правилу, должны проводиться в экспертных учреждениях. Введение такого порядка обусловлено особенностями соответствующих видов экспертизы,носящих, как правило, лабораторный характер и требующих применения сложного оборудования. Кроме того, специфика целей и объектов экспертизы вызвала специализацию и быстрое развитие методик исследования внутри соответствующей науки или даже выделение самостоятельных отраслей, в связи с чем необходимо, чтобы эксперт был компетентен именно в области теории и практики судебной экспертизы данного вида.

Процессуальный порядок назначения экспертизы следователем и судом состоит из: а) вынесения постановления (определения) о назначении экспертизы; б) ознакомления обвиняемого, а если следователь признает это необходимым, и других участников процесса с постановлением о назначении экспертизы и разрешения заявленных ходатайств; в) приведения в исполнение постановления (определения) о назначении экспертизы путем вручения его эксперту или направления в экспертное учреждение.

В постановлении (определении) о назначении экспертизы должны быть указаны: основания назначения экспертизы, т. е. обстоятельства, в силу которых необходимо проведение данной экспертизы; вопросы, поставленные перед экспертом; материалы, представленные эксперту; лицо, которому поручена экспертиза, или наименование учреждения, в котором она должна быть проведена (ст. 184 УПК РСФСР). Вопросы эксперту должны быть сформулированы с учетом состояния объекта исследования, возможностей науки и компетенции эксперта¹.

В постановлении (определении) о назначении повторной или дополнительной экспертизы указываются причины, по которым оказалось необходимым производство повторного исследования; в постановлении (определении) о назначении дополнительной экспертизы указывается также, можно ли поручить экспертизу тому же эксперту.

Эти указания, как и указание о назначении комиссионной повторной экспертизы, обязательны для руководителя экспертного учреждения.

После вынесения постановления о назначении экспертизы оно должно быть предъявлено обвиняемому с тем, чтобы он мог вос-

¹ С. В. Бородин, А. Я. Палиашвили, Вопросы теории и практики судебной экспертизы, М., 1963, стр. 55—62.

пользоваться своим правом предложить эксперта; уточнить объекты экспертного исследования и сформулировать вопросы эксперту, а также чтобы он имел возможность с разрешения следователя присутствовать при проведении экспертизы.

Закон специально оговаривает право следователя присутствовать при производстве экспертизы (ст. 190 УПК РСФСР).

Процессуальный порядок назначения экспертизы в суде включает в себя те же основные элементы, что и на предварительном следствии и дознании, однако он имеет и некоторую специфику, обусловленную гласностью судебного разбирательства и одновременным участием в нем всех участников процесса.

Если экспертиза на предварительном следствии не проводилась, то при необходимости выяснить какие-либо специальные вопросы суд по собственной инициативе или по ходатайству участников судебного разбирательства может вынести определение о назначении экспертизы как в подготовительной части судебного разбирательства, так и на судебном следствии. В определении формулируются вопросы эксперту. В заключении эксперт вправе сослаться на исследования, проведенные на предварительном следствии. В этом случае должно быть оглашено заключение, на которое эксперт ссылается.

При необходимости эксперт должен провести новое или дополнительное исследование тех же и новых материалов для обоснования своего заключения. Он может быть допрошен в суде, чтобы разъяснить или дополнить заключение. Показания эксперта фиксируются в протоколе судебного заседания¹. Допрос эксперта в суде до представления заключения беспредметен, а потому недопустим.

В правоотношении, которое возникает между судом, органами расследования, прокурором и экспертом, наиболее существенно право указанных органов требовать от эксперта производства исследования и представления обоснованного заключения по поставленным перед ним вопросам и соответственно обязанность эксперта провести исследование и представить заключение.

Все остальные процессуальные обязанности эксперта вытекают из указанной выше основной обязанности и служат средством ее наилучшего осуществления. К их числу относятся обязанности: 1) явиться по вызову и принять на себя производство экспертизы или указать основания, исключающие, по его мнению, возможность участия в данном деле в качестве

---

¹ О гарантиях достоверности, полноты и объективности заключения эксперта в суде см. «Научно-практический комментарий УПК РСФСР», М., 1970, стр. 118—124; 357—359. Л. Е. Ароцкер, Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве, М., 1964, стр. 164—184; И. Л. Петрухин, Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе, М., 1964, стр. 202—253.

эксперта (в этом случае вопрос об основательности самоотвода решает орган, назначивший экспертизу); 2) произвести такие исследования, которые бы полностью обосновывали выводы; 3) проводить исследования в присутствии следователя (суда), если последний сочтет это необходимым; 4) при проведении исследований в полной мере использовать возможности представляемой им отрасли знания; 5) разъяснить и дополнить свое заключение на допросе.

Важное значение для обеспечения достоверности и полноты экспертного заключения имеют процессуальные права эксперта¹, а именно: 1) знакомиться с материалами уголовного дела в пределах, необходимых для составления заключения, и заявлять ходатайства о дополнении этих материалов; 2) с разрешения органа расследования (суда) участвовать в следственных (судебных) действиях; задавать вопросы обвиняемым, потерпевшим, свидетелям при их допросе², принимать участие в осмотре места происшествия, вещественных доказательств, документов и т. д. в пределах, необходимых для составления заключения; 3) отказаться от разрешения всех или части поставленных вопросов, если он придет к выводу, что для их разрешения материалов недостаточно; 4) отказаться от составления заключения по причине неосведомленности в соответствующей отрасли знания или отсутствия научно разработанной методики экспертного исследования (ст. 82 УПК РСФСР); 5) обжаловать прокурору действия следователя, связанные с назначением и проведением экспертизы (ст.ст. 218—220 УПК РСФСР).

Права участников процесса при производстве экспертизы регламентируются процессуальным законом таким образом, что они имеют возможность своими активными действиями создавать дополнительные предпосылки объективности экспертного исследования и в то же время использовать экспертизу для отстаивания своих законных интересов.

Процессуальные возможности участия обвиняемого при назначении и проведении экспертизы заключаются в следующем: 1) согласно ст. 46 УПК РСФСР обвиняемый имеет право ходатайствовать перед следователем и судом об установлении обстоя-

---

¹ Обращает на себя внимание целенаправленность регламентации указанных прав в законе. Эксперт вправе знакомиться лишь с теми материалами и задавать те вопросы, которые относятся к предмету экспертизы, объектам, которые должны быть подвергнуты исследованию, и условиям определенного действия (события) или образования следов (признаков). Иными словами, правомочия на активное участие в судопроизводстве эксперту предоставлены лишь в пределах, необходимых для производства исследования и дачи заключения.

² Вопросы эксперта могут быть отведены следователем, прокурором (на предварительном следствии) и судом, если они не относятся к предмету экспертизы.

тельств, которые имеют значение для полного и всестороннего расследования дела, в том числе и тех, которые могут быть установлены экспертизой. При этом если соответствующие обстоятельства, действительно имеющие отношение к делу, еще не установлены, но могут быть установлены с помощью специальных познаний, то следователь и суд обязаны удовлетворить ходатайство обвиняемого о назначении экспертизы; 2) независимо от того, по чьей инициативе назначена экспертиза, следователь в соответствии со ст. 184 УПК РСФСР обязан уведомить обвиняемого об этом, ознакомить его с постановлением о назначении экспертизы и разъяснить права, предусмотренные ст. 185 УПК РСФСР; 3) обвиняемый вправе ходатайствовать об изменении редакции вопросов, поставленных перед экспертом, о включении в их перечень дополнительных вопросов или об исключении отдельных вопросов; 4) обвиняемый имеет право заявлять отвод эксперту; 5) согласно ст. 185 УПК РСФСР обвиняемый имеет право просить о назначении эксперта из числа указанных им лиц. Это право не создает для следателя и суда обязанности назначить в качестве эксперта или допустить к участию в экспертизе именно этого специалиста. Однако заявленное ходатайство должно быть рассмотрено по существу¹; 6) обвиняемый вправе присутствовать с разрешения следателя при производстве экспертизы и давать объяснения экспертам; 7) после составления экспертом заключения обвиняемый имеет право ознакомиться с ним и заявлять ходатайства, в частности о производстве повторной или дополнительной экспертизы и о допросе эксперта². Если эксперт отказался от производства экспертизы, то обвиняемый должен быть ознакомлен с сообщением эксперта о невозможности провести экспертизу.

Известно, что с помощью экспертизы в ряде случаев исследуются действия или последствия действий подозреваемого,

---

¹ Действующий закон не сохранил имевшееся в УПК РСФСР 1923 года указание о праве следателя (суда) отклонить ходатайство обвиняемого, если вызов указанного им лица может затянуть производство по делу.

² Предъявление обвиняемому заключения закон рассматривает как составную часть его допроса. Речь идет о предъявлении заключения эксперта в ходе очередного допроса либо о допросе в связи с предъявлением заключения. Объяснения обвиняемого по поводу предъявленных ему материалов могут касаться как компетенции и объективности эксперта, так и правильности избранной им методики, полноты исследованных материалов, наличия дополнительных возможностей выяснить существенные для дела вопросы.

Вопрос о времени ознакомления обвиняемого с заключением эксперта решает следователь. Чаще всего ознакомление производится сразу же после получения заключения или после предъявления обвинения, за исключением случаев, когда это противоречит интересам установления истины.

причем выводы эксперта могут быть в дальнейшем положены в основу обвинения. Очевидно, что чем раньше такое лицо воспользуется правом на участие в экспертизе, тем больше возможностей открывается для своевременной проверки возникшего подозрения и установления причастности или непричастности лица к совершению преступления. Участие подозреваемого в проведении экспертизы, как правило, исключает в дальнейшем необходимость проведения повторных экспертиз.

Процессуальное законодательство РСФСР специально предусматривает лишь один случай, когда подозреваемый пользуется всеми правами, которыми наделен обвиняемый в связи с производством экспертизы: если он в порядке ст. 188 УПК РСФСР помещен на стационарное исследование в медицинское учреждение. Однако представляется, что и в других случаях, когда обстоятельства дела этого требуют, следователь по своей инициативе или по ходатайству подозреваемого может предоставить последнему возможность воспользоваться процессуальными правами обвиняемого.

Защитник на предварительном следствии имеет право знакомиться со всеми материалами дела, в том числе и с заключениями экспертов. Защитник может заявить отвод экспертам, ходатайствовать о назначении повторных и дополнительных экспертиз и осуществлять другие предоставленные ему права. В частности, защитник имеет право присутствовать с разрешения следователя при проведении экспертизы и допросе эксперта, если эти процессуальные действия были предприняты по его ходатайству (ст. 51 УПК РСФСР) ¹.

Представляется, что к участию в проведении экспертизы на предварительном следствии и дознании может быть привлечен потерпевший, если экспертиза способствует установлению морального, физического или имущественного вреда, причиненного преступлением, а равно гражданский истец и ответчик, если цель экспертизы — установить основания и цену иска.

Что же касается экспертизы, производимой в судебном заседании, то закон прямо оговаривает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению доказательств, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств (ст. 38 Основ). Эти участники (их представители) вправе наравне с обвиняемым ходатайствовать о производстве экспертизы и включении в состав экспертов названных ими лиц, заявлять отводы экспертам, представлять в письменном виде вопросы эксперту и высказывать свое мнение по вопросам, представленным другими участниками судопроизводства, знакомиться с заключением эксперта при его оглашении и участвовать в допросе эксперта, ходатайствовать о производстве дополнительной или по-

¹ Подробнее см. «Вопросы экспертизы в работе защитника», Л., 1970.

вторной экспертизы. Реализация указанных прав обеспечивается тем, что они разъясняются председательствующим каждому участнику процесса при производстве соответствующего судебного действия.

§ 2. ПРЕДМЕТ ЭКСПЕРТИЗЫ

Предмет экспертизы формулируется следователем и судом с учетом его относимости к предмету доказывания по уголовному делу в целом и зависит, кроме того, от двух условий: а) характера и состояния объектов, направленных на экспертизу; б) уровня развития науки¹.

Различают следующие виды заключений эксперта: 1) категорическое положительное или отрицательное заключение (например, след пальца оставлен А или не А); 2) вероятное заключение; 3) заключение о невозможности решить данный вопрос (например, установить, кем исполнена цифра «4», не представилось возможным).

Если же вопрос выходит за пределы специальных знаний эксперта или предоставленные ему материалы недостаточны, он не дает заключения, а сообщает об этом органу, назначившему экспертизу (ст. 82 УПК РСФСР).

Если установленных экспертом данных недостаточно для категорического вывода по поставленному перед ним вопросу, то, по мнению одних авторов, эксперт должен дать заключение о невозможности решить вопрос², а по мнению других, он должен составить вероятное заключение³.

---

¹ В случае недостаточной научной подготовки конкретного эксперта или отсутствия в экспертном учреждении необходимого для проведения исследования оборудования экспертиза может быть поручена другому лицу или учреждению, поэтому эти обстоятельства не должны влиять на объем экспертного задания. Пленум Верховного Суда СССР указал, что вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 2, стр. 10). Однако в практике производства экспертиз такие заключения встречаются и теперь, а в научной литературе эта проблема продолжает обсуждаться, поскольку вопрос о значении вероятных заключений в других аспектах Пленумом не был решен.

² Р. Д. Рахунов, Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе, М., 1953, стр. 206; М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 451—452; В. А. Пригузова, Заключение эксперта как доказательство в советском уголовном процессе, М., 1959, стр. 107—113; М. П. Шаламов, Теория улик, М., 1960, стр. 167; А. Р. Шляхов, Современные проблемы теории и практики криминалистической экспертизы в СССР. Автореферат докторской диссертации, М., 1971, стр. 29.

³ А. И. Вияберг, Основные принципы советской криминалистической экспертизы, М., 1949, стр. 59; З. М. Соколовский, Оценка заключения криминалистической экспертизы письма, М., 1959, стр. 16, и др.

Сторонники первой точки зрения указывают, что вероятный вывод эксперта не может быть доказательством по уголовному делу. Выводы по делу должны основываться только на достоверно установленных фактах.

Представляется, однако, что отрицание доказательственного значения вероятного вывода эксперта не должно переходить, как это имеет место в ряде работ сторонников указанной точки зрения, в необоснованное отрицание доказательственного значения всех данных, установленных экспертом в ходе исследования и изложенных в описательной части заключения. Нельзя забывать, что заключение эксперта отнюдь не сводится только к формулированию вероятного вывода. Оно содержит данные и о достоверно установленных в ходе экспертного исследования фактах, оказавшихся, однако, недостаточными для разрешения поставленных вопросов.

Так, содержащиеся в заключении данные о совпадении или различии частных признаков служат косвенным подтверждением по отношению к факту тождества (различия). Их может оказаться недостаточно для достоверного вывода о наличии или отсутствии этого факта. Если бы указанный факт устанавливался только экспертизой, то, очевидно, возможности доказывания на этом были бы полностью исчерпаны. Но экспертное исследование не изолировано от других способов установления истины по уголовному делу. В интересах максимальной объективности, полноты и всесторонности судопроизводства орган расследования и суд используют одновременно несколько параллельных, не зависящих друг от друга способов для установления каждого обстоятельства уголовного дела¹.

Заключение эксперта, содержащее косвенные данные о тождестве, направляет работу следователя на установление тождества с помощью других способов доказывания. После того как другие доказательства данного обстоятельства найдены (например, получены показания о том, что след оставлен данным лицом), их оценка производится с учетом тех фактических обстоятельств (например, совпадений или различий), которые обнаружил эксперт в процессе исследования. Совокупность показаний свидетелей и обвиняемых о том, что определенный след оставлен данным лицом или предметом, заключение эксперта, которым установлены совпадения некоторых признаков, может оказаться достаточной для достоверного вывода следователя (суда) об истинном обстоятельстве — в данном случае о тождестве.

Таким образом, если эксперт установил ряд совпадений или различий в сравниваемых объектах, комплекс которых, однако,

---

¹ Г. М. Миньковский, Пределы доказывания в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 89—98.

не позволяет прийти к категорическому заключению о тождестве или о его отсутствии, доказательственное значение имеет не вероятный вывод эксперта о тождестве или различии, а совпадение частных признаков, определенно указанных экспертом.

Признание вероятного заключения эксперта доказательством противоречит прямому указанию закона: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях...» (ст. 309 УПК РСФСР). Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» указывает, что вероятное заключение эксперта не может быть положено в основу приговора.

Если следователь (суд) сочтет необходимым воспользоваться версией, вытекающей из экспертного исследования, это значит, что версию, которую не удалось доказать экспертными методами, он примет «на вооружение», превращая ее тем самым в следственную версию, и попытается использовать для ее проверки другие доказательства.

Вероятные заключения экспертов не следует смешивать с заключениями о групповой принадлежности объектов, имеющими вполне определенное доказательственное значение¹.

Заключение о групповой принадлежности (например, по типу и группе крови, по химическому составу дроби и т. д.) представляет собой не предположение, а категорическое суждение о факте, которым в данном случае является достоверно установленная принадлежность исследуемого объекта к определенному роду или группе явлений (предметов).

Предположение об индивидуальном тождестве, которое может при этом возникнуть, выходит за пределы экспертного исследования. Оно может служить одним из оснований для построения следственных и судебных версий.

Возможность установления экспертом обстоятельств, не предусмотренных заданием, также требует специального анализа. В процессе проведения экспертизы в ряде случаев выясняется, что в объектах исследования содержится большее количество относящейся к предмету доказывания информации, чем это представлялось следователю (суду) в момент назначения экспертизы.

Уголовно-процессуальное законодательство союзных республик предоставило эксперту право решать по своей инициативе вопросы, не указанные в постановлении (определении) о назначении экспертизы (ст. 191 УПК РСФСР). Эта норма может

---

¹ Перед экспертом может быть поставлен вопрос о принадлежности объекта к определенной группе. В этом случае результат экспертизы, давшей категорический ответ на этот вопрос, будет соответствовать заданию. В других случаях заключение о групповой принадлежности дается в связи с невозможностью ответа на вопрос об индивидуальном тождестве.

рассматриваться как исключение из общего правила, согласно которому формулирование вопросов эксперту составляет компетенцию органов, назначивших экспертизу. Она обеспечивает полноту заключения в случаях, когда задание эксперту слишком узко или неполно определило предмет экспертизы. При этом речь идет о фактах, связанных с предметом экспертизы и могущих быть установленными путем исследования тех же объектов.

В соответствии со ст. 78 УПК РСФСР эксперт в осуществляемом им исследовании и в заключении не вправе выходить за пределы своей научной компетенции, т. е. делать выводы по вопросам, которые не могут быть разрешены на основе представляемой им отрасли знания, и предпринимать действия по уголовному делу, не связанные с применением его специальных познаний.

Уголовно-правовая оценка фактических обстоятельств дела составляет прерогативу органов расследования (суда) и в компетенцию эксперта не входит¹.

Только исходя из этого принципиального положения может быть правильно решен, например, вопрос о праве судебно-медицинского эксперта давать правовую трактовку медицинскому случаю, т. е. квалифицировать род насильственной смерти (убийство, самоубийство, несчастный случай).

Такая оценка выходила бы за пределы его компетенции; предметом же заключения в данном случае может быть только медицинская характеристика причин смерти².

Причинение потерпевшему повреждений посторонней рукой является одним из таких устанавливаемых судебно-медицинской экспертизой фактов³, т. е. эксперт может установить факт причинения повреждений, которые потерпевший своей рукой «физически» не мог себе причинить⁴. В то же время следует иметь в виду, что эксперт на основе одних только судебно-медицинских

---

¹ В УПК ЧССР (§ 107) содержится прямой запрет эксперту «решать юридические вопросы».

² Вопрос о пределах компетенции судебно-медицинского эксперта получил четкое разрешение в письме Прокуратуры СССР от 23 февраля 1957 г., в котором, в частности, указано: «Следует... учесть, что заключения судебно-медицинской экспертизы по делам об умышленных убийствах и тяжких телесных повреждениях хотя и имеют существенное значение, но представляют лишь медицинскую оценку последствий преступного посягательства на личность, так как эксперт не входит и не может входить в юридическую оценку умысла преступника». См. также «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 2, стр. 10.

³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1960 г. № 2, стр. 13.

⁴ Надо, однако, иметь в виду, что установление факта причинения повреждения, вызвавшего смерть потерпевшего, посторонней рукой не равнозначно установлению факта убийства, так как возможен несчастный случай, равно как и использование при самоубийстве действий других лиц (например, провоцирование самоубийцей выстрела часового).

данных не в состоянии сделать обратный вывод, т. е. установить, причинены ли саморанения и смерть самим пострадавшим, по той простой причине, что всякое ранение, причиненное себе пострадавшим, объективно может быть причинено и посторонним лицом.

Подобно сказанному установление «особой жестокости» убийства, «жестокое обращение», повлекшее самоубийство, «обезображение» лица потерпевшего также не входит в компетенцию судебно-медицинской экспертизы, ибо указанные понятия не являются медицинскими. Эти вопросы решаются следователем и судом по совокупности обстоятельств дела. Компетенция эксперта в этих случаях исчерпывается установлением характера причиненных повреждений (включая вопрос об их неизгладимости) ¹.

Сказанное о недопустимости решения экспертом вопросов, составляющих компетенцию органов расследования и суда, относится не только к судебно-медицинской, но и к другим видам экспертиз.

В литературе неоднократно рассматривался вопрос о том, входит ли в компетенцию эксперта вопрос, нарушил ли субъект своими действиями те или иные правила (правила безопасности движения транспорта, правила техники безопасности на производстве и др.). Некоторые процессуалисты формулируют общее правило, согласно которому эксперт вообще не вправе решать вопрос о нарушении норм права, к какой бы отрасли права они ни относились ². Представляется, что это мнение ведет к необоснованному сужению компетенции эксперта. Если технический норматив или профессиональная норма санкционированы государством, то фактически речь идет не о двух разных нормах, а об одной норме, имеющей научно-техническое содержание и правовую форму ³.

Во многих случаях судить о соответствии или несоответствии действий лица определенным специальным правилам можно, лишь располагая специальными познаниями в области сложной технологии производства, технического состояния транспорта, строительства, бухгалтерского учета и т. п.

В связи с этим вывод эксперта о нарушении специальных правил (или об отсутствии такового нарушения) является доказатель-

¹ См., например, «Бюллетень Верховного Суда РСФСР» 1961 г. № 6, стр. 13.

² М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 441; М. А. Чельцова, Проведение экспертизы в советском уголовном процессе, М., 1954, стр. 119; В. М. Никифоров, Экспертиза в советском уголовном процессе, 1947, стр. 111.

³ П. Е. Недбайло в связи с этим пишет: «Техническая норма может приобрести правовое значение, но не сама по себе, а в силу специального решения государственного органа в установленном порядке, в связи с особой значимостью той или иной технической нормы» («Советские социалистические правовые нормы», Львов, 1959, стр. 43).

ством по делу. Понятно при этом, что вывод эксперта подлежит оценке следователем или судом, как и любое другое доказательство, и ни в коей мере не предрешает вывода следователя и суда о вине и ответственности.

Нормы права, в которых эксперт находит относящиеся к его компетенции технические и профессиональные правила, могут содержаться в различных правовых актах. Например, при проведении судебно-медицинской экспертизы применяются специальные медицинские критерии оценки тяжести телесных повреждений, выраженные в ст. 108 УК РСФСР и Правилах определения степени тяжести телесных повреждений. Нормы права, устанавливающие специальные профессионально-технические правила, используются также для обоснования заключений судебно-бухгалтерских, технических и прочих экспертиз. Эксперты могут использовать для обоснования своих выводов правила международных полетов, правила и обычаи иностранных портов, правила предупреждения столкновения судов в море и др.

Говоря о компетенции эксперта, необходимо подчеркнуть и то, что она выходит за ее пределы в случаях, когда самостоятельно собирает исходный доказательственный материал для исследования, помимо направленных на исследование объектов и представленных ему для ознакомления материалов дела. Во всех случаях, когда возникает необходимость дополнить объекты экспертного исследования новыми доказательствами, эксперт обязан обратиться с соответствующим ходатайством к органу, назначившему экспертизу¹.

Пределы научной компетенции должны учитываться и при исследовании экспертом обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Для того чтобы заключение эксперта не выходило при этом за пределы его специальных познаний, в нем могут найти отражение: а) лишь такие обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, для выявления которых необходимы именно эти специальные познания; б) лишь содержательная сторона обстоятельств, способствовавших совершению преступле-

¹ Представляется, что анамнестические данные, сообщаемые эксперту обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим, имеют прямое отношение к объекту исследования и, естественно, необходимы эксперту при проведении исследования и составлении заключения. Но если учесть большую заинтересованность указанных выше лиц в установлении или не установлении заболевания, то становится понятным, что сообщаемые ими анамнестические сведения нуждаются в тщательной проверке, прежде чем стать основанием экспертных выводов. По общему правилу, эту проверку должен организовать орган, ведущий производство по делу, путем проведения необходимых следственных действий. Не нуждаются в проверке путем проведения следственных действий только такие анамнестические данные, сообщенные эксперту обвиняемым, потерпевшим и т. д., которые находят достаточное подтверждение в объективных данных экспертного исследования.

ния, без правовой их оценки; в) эксперт может рекомендовать только такие меры технического и организационного характера по устранению указанных обстоятельств, которые вытекают из данных экспертного исследования и специальных познаний эксперта и основаны лишь на материалах дела, относящихся к предмету экспертизы¹.

Эксперт выходит за пределы своей компетенции и в тех случаях, когда он при проведении экспертизы по материалам уголовного дела по своему усмотрению отбирает некоторые из данных, относящихся к предмету экспертизы, оставляя без внимания остальные, т. е. присваивает себе функции оценки доказательств.

Во избежание этого суд и орган расследования перед назначением экспертизы должны принять меры к устранению противоречий в материалах дела, на основе которых эксперту предлагается дать заключение. Если же это в полной мере сделать не представилось возможным, то в самом постановлении (определении) о назначении экспертизы необходимо указать, на каких именно материалах дела эксперт должен основывать свое заключение.

Заключение эксперта, данное по материалам дела, в которых имеются противоречия, может содержать также альтернативу: эксперт предлагает следователю (суду) несколько решений поставленного перед ним вопроса в зависимости от того, какие из противоречивых материалов взяты за основу (например, какие из показаний о скорости движения транспорта следует использовать).

Вопрос о пределах и разграничении научной компетенции эксперта возникает также при комплексном исследовании объектов на основе разных отраслей знания².

Некоторые процессуалисты отрицают возможность проведения комплексной экспертизы на том основании, что она законом большинства союзных республик прямо не предусмотрена и что ее проведение неизбежно связано с выходом эксперта за пределы его специальных познаний³.

Другие авторы считают, что проведение комплексных экспертиз правомерно и полезно для судебной и следственной практики, хотя среди них нет единства мнений относительно правовой природы комплексной экспертизы⁴.

---

¹ Подробнее см. «Предупреждение преступлений и судебная экспертиза», М., 1968.

² В ст. 63 УПК Киргизской ССР говорится: «Для разрешения вопросов, относящихся к компетенции различных отраслей науки и техники, в необходимых случаях назначается комплексная экспертиза, поручаемая комиссии из соответствующих экспертов». См. также «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1971 г. № 2, стр. 8.

³ См. Р. Д. Рахунов, Теория и практика проведения экспертизы в советском уголовном процессе, М., 1954, стр. 217.

⁴ См., например, А. И. Винберг, Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 26; И. В. Виноградов,

Комплексная экспертиза — это сложная совокупность экспертных исследований. Каждое из них в процессуальном отношении самостоятельно, поскольку оно проводится экспертом в пределах его научных знаний, которыми не располагают другие эксперты, участвующие в комплексной экспертизе.

В то же время такие экспертные исследования связаны между собой единством цели: установленные с их помощью фактические данные в совокупности позволяют сделать вывод по вопросу, который был поставлен следователем или судом.

Комплексная экспертиза позволяет полнее охватить объект исследования; изучить его во многих связях и опосредствованиях; сочетание методов различных наук в экспертном исследовании позволяет дать следствию и суду ответы на такие вопросы, решить которые не под силу каждой из этих наук в отдельности.

При проведении комплексной экспертизы объект ее как бы распадается на ряд специальных объектов, самостоятельно исследуемых каждым «узким» специалистом. Комплексная экспертиза хотя и назначается одним постановлением следователя или определением суда, но состоит из нескольких исследований и, как правило, завершается составлением нескольких экспертных заключений, которые в сумме решают какой-то широко сформулированный специальный вопрос¹.

Комплексными (т. е. относящимися к нескольким областям знания) специальными познаниями может обладать и один эксперт. Если эти познания необходимы для решения какого-то одного специального вопроса, то такой эксперт, например судебный медик и криминалист, вправе составить одно заключение. Подписывая такое заключение, он не выходит за пределы своих специальных познаний.

Аналогично решается вопрос о совместном составлении заключения группой экспертов, имеющих одинаковые комплексные специальные познания (например, группой экспертов, каждый из которых является судебным медиком и криминалистом).

Разновидностью рассматриваемого случая будет ситуация, когда сравнительно узкие специалисты разных профессий на почве

Г. И. Кочаров, Н. А. Селиванов, Экспертизы на предварительном следствии, М., 1967, стр. 10—11; Э. Б. Мельникова, И. Л. Петрухин, О комплексной экспертизе в советском уголовном процессе, «Советское государство и право» 1963 г. № 10, стр. 114—117; Я. М. Яковлев, К вопросу о комплексной криминалистической и судебно-медицинской экспертизе, «Вопросы криминалистики и судебной экспертизы», Душанбе, 1962, стр. 31—41; Р. С. Белкин, Роль криминалистической экспертизы в реализации ленинского принципа неотвратимости наказания, «Вопросы судебной экспертизы», вып. 9, Баку, 1969, стр. 87, и др.

¹ Комплексную экспертизу не следует смешивать с «комиссионной», т. е. проводимой группой экспертов одной специальности (ст. 80 УПК РСФСР). Каждый из экспертов, входящих в состав комиссии, исследует один и тот же объект и отвечает на одни и те же вопросы.

общего образования, специальной профессиональной подготовки и опыта экспертной работы в состоянии достаточно глубоко разобраться во всех частных вопросах общей для них отрасли знания. Например, для решения вопроса о правильности избранного врачом курса лечения могут понадобиться специальные познания терапевта, хирурга, рентгенолога и т. д. В этих случаях совместное заключение будет правомерным, потому что каждый из экспертов, будучи врачом, обладает достаточными познаниями во всех отраслях медицинской науки и, следовательно, может проанализировать результаты исследований, проведенных его коллегами.

Однако далеко не всегда эксперты одного научного профиля могут быть взаимно осведомлены о применяемых каждым из них сравнительно узких, частных методах исследования. В этих случаях эксперты обязаны давать от своего имени заключение лишь в пределах специальных познаний, которыми лично обладают.

Следует прийти к выводу, что объединение разноплановых вопросов, например о скорости движения автомобиля и причине смерти пострадавшего, в постановлении (определении) о назначении экспертизы или экспертном заключении недопустимо.

В заключении эксперта можно выделить следующие группы сведений:

а) сведения, характеризующие условия проведения экспертного исследования, а именно: когда, где, кем, на каком основании была произведена экспертиза, кто присутствовал при ее проведении;

б) сведения о круге объектов и материалов, поступивших на экспертизу, и о задании эксперту;

в) изложение общих научных положений и методов исследования в их применении к объектам исследования;

г) сведения об установленных признаках и качествах исследуемых объектов;

д) выводы об обстоятельствах, установление которых составляет конечную цель экспертного исследования¹.

В заключении эксперта обычно не приводятся доказательства того, что примененные экспертом научные положения и методы исследования правильны, научно обоснованны. Доказывание этого

---

¹ В. М. Смольянинов, К. И. Татиев, В. Ф. Черваков пишут: «Вполне допустимо и практически применяется составление экспертами так называемого предварительного заключения с обязательным представлением окончательного заключения. К такому методу приходится прибегать, например, в связи с необходимостью ожидать результатов лабораторных исследований объектов, изъятых при первичной экспертизе» (В. И. Смольянинов, К. И. Татиев, В. Ф. Черваков, Судебная медицина, М., 1959, стр. 38). С мнением указанных авторов нельзя согласиться: эксперт не может дать заключение до получения результатов лабораторных исследований, если он не отказался от мысли использовать их для обоснования своих выводов.

тезиса предполагает последовательное изложение основ той отрасли научного знания, которая была использована экспертом, что, естественно, невозможно сделать в заключении. Однако представляется, что в тех случаях, когда эксперт применил новый метод исследования, он должен в заключении привести доказательства обоснованности этого метода. Это необходимо для того, чтобы следователь и суд, оценивая заключение, могли судить о том, пользуется ли данный метод признанием и отвечает ли он современным требованиям соответствующей отрасли науки, а также о том, правильно ли эксперт выбрал этот метод.

УПК большинства союзных республик исходят из того, что все факты, установленные экспертом на основе его специальных познаний, должны указываться в заключении. Поэтому представляется, что нет необходимости использовать понятия «акт экспертизы» или «протокол экспертизы» наряду с понятием «заключение эксперта», так как это может привести к недооценке доказательственного значения исследовательской части заключения эксперта, где изложен весь ход исследования.

Заключение эксперта должно быть дано в письменной форме как на предварительном следствии и дознании, так и в суде (ст. ст. 191, 288 УПК РСФСР). Такая форма обеспечивает четкость формулировок, предполагает составление заключения самим экспертом, повышает чувство ответственности эксперта за свои выводы; исключает возможность ошибок и неточностей; облегчает оценку заключения эксперта в кассационной и надзорной инстанциях.

Давая заключение в суде, эксперт представляет его в письменной форме и оглашает устно. В устной форме отвечает эксперт и на вопросы, заданные ему на допросе. Эти ответы должны рассматриваться как составная часть заключения.

Общая правовая природа заключения эксперта и его показаний усматривается, в частности, из того, что показания эксперта не выделены в самостоятельный вид доказательств, и из того, что законом установлены по существу сходные основания допроса эксперта и назначения дополнительной экспертизы (ст. ст. 81, 192, 289 УПК РСФСР). Устанавливая обязанность следователя ознакомить обвиняемого не только с письменным заключением эксперта, но и с протоколом его допроса (ст. 193 УПК РСФСР), закон подчеркивает, что показания эксперта — это устное разъяснение и дополнение его письменного заключения.

Заключение эксперта, содержащее относящиеся к делу фактические данные, в зависимости от характера последних может быть обвинительным или оправдательным, прямым или косвенным доказательством.

Независимо от того, содержит ли заключение эксперта новые фактические данные или подтверждает данные, уже установленные с помощью других доказательств, оно во всех случаях будет

первоначальным доказательством. Это объясняется тем, что эксперт пользуется для установления фактов специальными научными методами, применение которых не зависит от того, как были выявлены те же факты другими процессуальными способами доказывания. Таким образом, эксперт устанавливает факты не посредством копирования, воспроизведения данных, содержащихся в других доказательствах, что характерно для производных доказательств, а путем самостоятельного исследования и вытекающих из него выводов¹.

Структура заключения эксперта предусмотрена законом (ст. 191 УПК РСФСР). Заключение состоит из вводной и исследовательской частей и выводов. Во вводной части помимо указаний на то, когда, где, кем, на каком основании, в присутствии кого проводилась экспертиза, какие объекты были представлены эксперту, содержится перечень поставленных перед ним вопросов, кратко излагаются материалы дела, сообщенные эксперту. В исследовательской части излагается весь ход производных исследований, описываются примененные экспертом методы и полученные промежуточные и окончательные результаты. В выводах даются ответы на поставленные перед экспертом вопросы.

К заключению эксперта прилагаются различные справочные и иллюстративные материалы: таблицы, расчеты, схемы, чертежи, фотографии. Чем полнее иллюстрировано заключение, тем оно нагляднее и доступнее для следователя и суда. Все приложения представляют составную часть заключения.

---

¹ С учетом изложенного следует признать ошибочной точку зрения, согласно которой заключение эксперта является производным доказательством, так как оно всегда основано на уже собранном по делу доказательственном материале (А. В. Дулов, Вопросы теории судебной экспертизы в советском уголовном процессе, Минск, 1959, стр. 33; О. А. Пюсса, Заключение эксперта как судебное доказательство в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации, Тарту, 1956, стр. 10—11).

Во-первых, заключение эксперта не всегда основано на доказательствах, уже имеющихся в деле. Например, состояние психики или других функций человеческого организма в ряде случаев впервые находит выражение и процессуальное закрепление именно в заключении эксперта.

Во-вторых, если заключение эксперта основывается на фактических данных, содержащихся в других заключениях (показаниях, документах), то доказательственную ценность в нем имеет не копирование этих уже известных данных, а выводы из них, сделанные экспертом на основе его специальных знаний, т. е. факты, которые установлены в результате самостоятельного экспертного исследования. В отличие от этого производное доказательство лишь копирует, отображает, воспроизводит фактическое содержание другого доказательства, не прибавляя к нему новых фактов, а, наоборот, обычно утрачивая часть информации.

Кроме того, как правильно отмечает С. В. Курылев, «если производное доказательство всегда можно заменить первоначальным при наличии первоначального источника, то по отношению к заключению эксперта никогда нельзя осуществить такую замену» («Основы теории доказывания в советском правосудии», Минск, 1969, стр. 181—182).

Содержание заключения эксперта должно отражать содержание всех элементов процесса экспертного исследования. К их числу могут относиться: экспертный осмотр, раздельное исследование, сравнительное исследование, экспертный эксперимент, оценка полученных результатов и формулирование выводов¹. Процессу собственно исследования предшествует изучение экспертом материалов дела² и уяснения экспертного задания.

§ 3. ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА

Заключение эксперта, как и любое доказательство, подлежит оценке лицом, ведущим расследование, прокурором и судом. Характер рассматриваемого вида доказательств не может служить основанием для неkritического к нему отношения, принятия на веру содержащихся в заключении положений и выводов, придания им особого доказательственного значения. В связи с этим надо отметить, что в следственной и судебной практике еще не изжиты случаи неkritического подхода к заключениям экспертов, к содержащимся в них данным; случаи, когда заключениям экспертов необоснованно отдают предпочтение. Эта практика нашла в свое время теоретическое оправдание в ряде работ, рассматривавших заключение эксперта не просто как самостоятельный, но именно как особый вид доказательств, обладающий преимущественной ценностью и убедительностью³.

Корни взгляда на экспертизу, как на «особое» доказательство, уходят в теорию, которая считала эксперта научным судьей, ясно

¹ О структуре процесса экспертного исследования см. А. И. Випберг, Криминалистическая экспертиза в советском уголовном процессе, М., 1956, гл. 3; Л. Е. Ароцкер, Сущность криминалистической экспертизы, «Криминалистическая экспертиза», учебник, вып. 1, М., 1966, стр. 60—67.

² Понятие и содержание материалов дела, ознакомление с которыми может оказаться необходимым для эксперта, анализируется З. М. Соколовым в работе «Вопросы использования экспертом материалов дела», Харьков, 1964.

³ А. Я. Вышинский писал, что в уголовном процессе преимущество надлежит признать за вещественными доказательствами и письменными документами, с одной стороны, и заключениями экспертов — с другой («Теория судебных доказательств в советском праве», М., 1950, стр. 276). Аналогичные взгляды высказывал В. И. Громов («Материальная истина и научно-уголовная техника», М., 1930, стр. 15—16) и некоторые другие авторы. Однако эти взгляды не нашли поддержки у большинства советских процессуалистов и криминалистов. С. П. Митричев еще в 1938 году писал: «Придавая большое значение экспертизе, мы все же не должны забывать, что экспертиза является только одним из доказательств по делу и не больше. Ни о какой особой миссии экспертизы... не может быть и речи» (С. П. Митричев, Экспертиза как судебное доказательство, «Проблемы социалистического права», сб. 6, М., 1938, стр. 81).

выраженную Л. Е. Владимировым: «Судьи не могут критически относиться к экспертизе, для понимания основания которой требуется ряд лет научных запятий. Им остается только следовать авторитетному указанию экспертов. Суд самостоятелен в выборе экспертов. Но раз последние выбраны, судья следует за ними, как слепой за своим поводырем»¹.

Советское доказательственное право, как об этом уже говорилось при рассмотрении особенностей оценки других видов доказательств, вообще не признает «исключительных» доказательств как с точки зрения их особой значимости, так и с точки зрения их особой доказательственной силы. Эти положения закона целиком относятся и к оценке заключения эксперта². То обстоятельство, что выводы эксперта основаны на исследованиях, произведенных с применением научных или иных специальных познаний, отнюдь не исключает возможности и необходимости оценки их следователем и судом в полном объеме с тем, чтобы установить, обоснованно ли заключение эксперта, и сделать вывод о допустимости, достоверности, значении для дела установленных экспертом фактов.

Оценка заключения эксперта включает: а) анализ соблюдения процессуального порядка подготовки, назначения и проведения экспертизы (и последствий его нарушения), если они допущены; б) анализ соответствия заключения эксперта заданию; в) анализ полноты заключения; г) оценку научной обоснованности заключения³; д) оценку содержащихся в заключении эксперта фактических данных с точки зрения их относимости к делу и места в системе доказательств.

---

¹ Л. Е. Владимиров, Учение об уголовных доказательствах, СПб., 1910, стр. 197—198. Аналогичные положения мы находим и в некоторых работах советских авторов. См., например, Б. Д. Сперанский, Экспертиза в уголовном процессе, Иркутск, 1925, стр. 19; М. А. Чельцов, Уголовный процесс, Харьков, 1929, стр. 148; А. А. Абрамов, Б. И. Копелович, Судебно-психиатрическая экспертиза, Донецк, 1949, стр. 41.

² Верховный Суд СССР неоднократно подчеркивал, что заключение эксперта, как и любое другое доказательство, не имеет для суда заранее установленной силы (см., например, постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Г. («Бюллетень Верховного Суда СССР» 1969 г. № 3, стр. 25).

³ Конечно, следователь и суд довольно часто не имеют детального представления о методах исследования, примененных экспертом. Однако, оценивая заключение эксперта, они в состоянии разобраться в его научной обоснованности, используя для этого такие методические и процессуальные средства, как: а) ознакомление с научной литературой и экспертными методиками, рекомендуемыми в инструкциях и правилах о производстве экспертиз; б) личный опыт оценки экспертиз определенных видов; в) консультации у специалистов по поводу научной обоснованности методов исследования, примененных экспертом (такие консультации получили особенно широкое распространение в практике судов кассационной и надзорной инстанции); г) допросы экспертов и проведение дополнитель-

Во всех случаях заключение эксперта должно оцениваться в совокупности с другими доказательствами; выводы по делу, подчеркивает Верховный Суд СССР, не могут быть основаны на заключении, противоречащем обстоятельствам, достоверно установленным другими средствами доказывания¹.

Доказательственное значение заключения эксперта определяется обоснованностью и полнотой заключения, т. е. качествами, анализ которых следователь и суд должны производить без «скидки» на авторитет эксперта.

Нельзя также считать, что заключения «вышестоящих» экспертных инстанций всегда более полны и обоснованны, чем заключения «нижестоящих» экспертных инстанций. Точка зрения, бытовавшая среди части экспертов, о преимущественной силе заключения эксперта «вышестоящего» экспертного учреждения была решительно отвергнута процессуальной теорией, как противоречащая принципам советского уголовного процесса, и не получила признания в уголовно-процессуальном законодательстве.

Не может быть априорно отдано предпочтение и выводам комиссионной экспертизы по сравнению с выводами одного эксперта, хотя обычно комиссионный характер исследования создает дополнительные условия полноты².

Оценка экспертного заключения не сводится к одному только логическому анализу умозаключений эксперта.

Мнение, что оценка заключения эксперта — чисто логическая операция, основано на неверном предположении о том, что орган, назначивший экспертизу, не может правильно понять смысл и значение самих методов исследования, применяемых экспертом. В действительности суд, следователь, прокурор, лицо, производящее дознание, могут и должны проверить не только логику экспертного доказывания, но и разобраться в выдвинутых экспертом научных положениях, чтобы убедиться в достоверности и полноте экспертных выводов. Всякое суждение эксперта должно пройти через призму внутреннего убеждения суда или следователя, прежде чем стать основанием выводов по делу. При этом анализируются по существу доброкачественность и достаточность представленных для исследования материалов, достоверность исходных

ных экспертиз для разъяснения научных положений, примененных экспертами; д) повторные экспертизы.

Используя эти возможности и сопоставляя установленные экспертом данные с другими имеющимися в деле доказательствами, следователь, прокурор и суд в состоянии глубоко разобраться в существе экспертных выводов и дать им правильную оценку.

¹ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 4, стр. 22.

² УПК ЧССР (§ 105) предусматривает, что, «если дело идет о факте, имеющем особо важное значение, необходимо привлечь двух экспертов» (в том числе при вскрытии трупа и проведении судебно-психиатрической экспертизы).

положений методики исследования, соответствие задания и заключения компетенции эксперта, обоснованность выводов и т. д.

В некоторых работах по криминалистике оценка органом расследования и судом заключений экспертов-криминалистов ставилась в зависимость от наглядности запечатления результатов исследования на фотоснимках¹. В действительности, будучи составной частью заключения эксперта и способствуя наиболее полному, ясному и наглядному запечатлению результатов исследования, фотоснимки не следует считать единственной доступной для неспециалиста частью заключения. Опираясь на свою общеобразовательную и криминалистическую подготовку, включающую изучение возможностей различных видов экспертиз, на жизненный и профессиональный опыт, следователь, судьи анализируют не только иллюстрации, если они имеются, но и содержание заключения, обращая особое внимание на условия и методы проводившихся исследований, с тем, чтобы оценить полноту и точность полученных результатов.

Судебная и следственная практика знает немало примеров того, как критическая оценка следователем и судом содержания заключений, в том числе примененной методики исследования, не только обеспечивает установление истины по делу, но и способствует дальнейшему развитию самой методики экспертных исследований. Приведем один из них.

С., 55 лет, ушел из дома и не вернулся. Через несколько дней его труп был обнаружен в кустарнике на окраине города. В щитовидном хряще имелись два круглых симметричных отверстия.

Эксперт — судебный медик — дал заключение, что «имеющиеся отверстия на пластинках щитовидного хряща — огнестрельного происхождения: входное отверстие — на левой пластинке; выходное — на правой, калибр пули 7,62 мм». Повторная экспертиза, проведенная в НИИ судебной экспертизы, подтвердила первое заключение.

Заключение экспертов находилось в противоречии с установленными по делу обстоятельствами.

В результате оценки заключений экспертов в совокупности с другими материалами дела следователь пришел к выводу, что заключения об огнестрельном происхождении отверстий на щитовидном хряще трупа научно не обоснованы. Это послужило основанием для назначения еще одной экспертизы.

Эксперты поставили ряд опытов, для которых пришлось заново разработать методику, и убедительно доказали несостоятельность выводов предыдущих экспертиз. Обосновывая свое заключение, эксперты опровергли, в частности, вывод, что оба отверстия

---

¹ Ю. М. Кубицкий, Исследование современного огнестрельного оружия, боеприпасов и следов их действия в судебно-медицинском отношении, М., 1947.

в хряще возникли в результате прохождения пули калибра 7,62. Расположение пластинок хряща, как показали эксперименты, «исключает прохождение через них пули не только калибра 7,62, но и значительно меньшего калибра».

Рассмотрим более подробно содержание отдельных сторон оценки заключения эксперта.

Анализ соблюдения процессуального порядка экспертизы включает проверку: соблюдения процессуального порядка подбора материалов для экспертизы, в частности получения образцов для сравнительного исследования; законности назначения экспертизы, в том числе соблюдения установленных требований при вынесении постановления (определения) о ее назначении; соблюдения при производстве и назначении экспертизы прав обвиняемого и других участников процесса; соблюдения процессуального порядка разъяснения эксперту его прав и обязанностей; наличия всех необходимых по закону реквизитов заключения как процессуального акта.

Каковы последствия допущенных нарушений процессуального порядка назначения и проведения экспертизы? Верховный Суд РСФСР подчеркнул в определении по делу Р., что заключение эксперта не может быть признано имеющим силу доказательства, если оно дано с нарушением правил, обеспечивающих обоснованность его выводов¹. В частности, если эти нарушения касаются порядка подбора материалов для экспертизы, в результате чего возникают сомнения в подлинности объектов экспертного исследования, то это делает невозможным использование заключения эксперта при доказывании. То же самое относится и к случаям нарушения прав участников процесса (при заявлении отводов и ходатайств по поводу состава экспертов, постановке вопросов экспертам и т. п.), которые создают неустранимое сомнение в объективности заключения. «Экспертиза, проведенная по делу с нарушением установленных законом прав обвиняемого, не может быть положена в основу обвинения, — подчеркивается в определении Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу С. — Соблюдение этих норм является гарантией защиты прав обвиняемого и правильного разрешения дела по существу»². Следует вместе с тем иметь в виду, что в некоторых случаях обнаруженные при оценке заключения нарушения могут быть устранены дополнительными процессуальными действиями, например допросом эксперта.

Оценивая соответствие квалификации эксперта предмету экспертизы, орган расследования и суд исхо-

¹ «Советская юстиция» 1958 г. № 9, стр. 91.

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. 1946—1962 гг.», М., 1964, стр. 126—128.

дят преж
ний об об
специаль
эксперта.
«В поста
тизы и в
работает
ли он пра
он позна
имеет обр

В нек
требовани
изводстве
но-медици
ча, получ
занимают
(п. 25).
усовершен
в 5—6 ле

Если
быть сде
в деле, то
сделан в
сти экспе
следовани
эксперти
словами,
ки научн
квалифич
о нем.

Для
димо дал
ключе
Оцен
последне
экспертс
чений ф
вопроса
циальны
щими э
г) устан

дят прежде всего из имеющихся в материалах экспертизы сведений об образовании, практическом опыте, стаже работы по данной специальности, узкой специализации в рамках данной профессии эксперта. Например, по делу Г. Верховный Суд СССР отметил: «В постановлении следователя о проведении бухгалтерской экспертизы и в заключении этой экспертизы не указано, кем именно и где работает М., а эти данные необходимо иметь для проверки, имел ли он право проводить экспертизу... Надлежит выяснить, имеет ли он познания, которые необходимы бухгалтеру-эксперту, какое М. имеет образование и практический опыт работы»¹.

В некоторых подзаконных актах содержатся дополнительные требования к квалификации эксперта. Так, в Инструкции о производстве судебно-медицинской экспертизы указывается: «Судебно-медицинским экспертом может быть лицо, имеющее звание врача, получившее специальную судебно-медицинскую подготовку и занимающее штатную должность судебно-медицинского эксперта» (п. 25). «Судебно-медицинский эксперт должен проходить курсы усовершенствования по судебной медицине не реже одного раза в 5—6 лет».

Если вывод о недостаточной квалификации эксперта может быть сделан на основании анализа сведений о нем, имеющихся в деле, то вывод о достаточной квалификации эксперта может быть сделан в результате ознакомления не только с данными о личности эксперта, но и с содержанием заключения, со всем ходом исследования, со степенью использования в процессе производства экспертизы современных методов и достижений науки. Иными словами, этот вывод может быть сделан только в результате оценки научной обоснованности заключения. Таким образом, оценка квалификации эксперта не сводится к анализу анкетных данных о нем.

Для того чтобы дать оценку заключению эксперта, необходимо далее установить, соответствует ли заданию и заключение компетенции эксперта.

Оценка заключения эксперта с точки зрения компетентности последнего состоит в: а) изучении вопросов, поставленных перед экспертом, и отнесении их к той или иной отрасли знания; б) изучении фактических данных, установленных экспертом, и решении вопроса о том, какие именно требовались для их установления специальные познания; в) ознакомлении с данными, характеризующими эксперта как специалиста в определенной отрасли знания; г) установлении того, относятся ли к компетенции эксперта науч-

---

¹ См. Л. Е. Ароцкер, Вопросы криминалистической экспертизы в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда УССР, Киев, 1969, стр. 14.

ные положения и методы исследования, которые были использованы при проведении экспертизы.

Некоторые авторы считают, что если эксперт признан некомпетентным и на этом основании ему заявлен отвод, то его заключение не должно приобщаться к делу, так как назначается новая экспертиза¹. Такой вывод представляется ошибочным. Основания отвода эксперта должны усматриваться из материалов дела. Поэтому заключение эксперта, признанного некомпетентным, должно быть приобщено к делу, так как именно оно может объяснить, почему эксперту был заявлен отвод.

Анализируя полноту заключения, назначивший экспертизу следователь (суд) обращает внимание на: а) полноту использования предоставленных эксперту материалов; б) применение разнообразных, дополняющих друг друга методов исследования, необходимых для достоверного ответа на поставленные вопросы; в) наличие в заключении ответов на все поставленные вопросы; г) полноту описания в заключении проделанной экспертом работы, имеющей значение для выводов.

Анализ научной обоснованности заключения предполагает выяснение: а) имеет ли данная экспертиза необходимую научную основу; б) основано ли заключение эксперта на данных науки и специальных познаниях эксперта; в) соответствуют ли выводы эксперта проделанному исследованию, связаны ли логически содержание исследования и выводы из его результатов; г) применены ли экспертом наиболее эффективные методы исследования, соответствуют ли они требованиям современной науки и техники; д) достаточен ли исследованный материал для сделанных выводов; е) правильно ли выявлены и оценены экспертом признаки и свойства исследуемых объектов².

Верховный Суд СССР неоднократно указывал в своих решениях на недопустимость практики, когда научная сторона заключения фактически полностью принимается на веру без должного анализа, и предлагал судам проверять научную обоснованность заключения экспертов³.

Получив заключение эксперта, в котором выводы изложены в категорической форме, не допускающей, с его точки зрения,

¹ Д. Я. Мирский, Процессуальные гарантии обвиняемого при производстве криминалистической экспертизы, «Вопросы советского уголовного права и процесса», 1958, стр. 130.

² Л. Е. Ароцкер приводит случай, когда Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 18 февраля 1964 г. по делу С. подвергла критике заключение эксперта о том, что нож, которым было совершено преступление, является холодным оружием, поскольку сомнительны признаки, подтверждающие вывод эксперта («Вопросы криминалистической экспертизы в практике Верховного Суда СССР и Верховного Суда УССР», Киев, 1969, стр. 31).

³ «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1961 г. № 2, стр. 25—27.

иных толкований, следователь (суд) должен решить, были ли у эксперта достаточные основания для подобных выводов, правомерны ли они, если учесть характер материалов, бывших в его распоряжении, примененных методов исследования и тех научных положений, которыми он оперировал.

Если выводы эксперта носят вероятный, предположительный характер (о значении такого заключения см. выше), следователь (суд) должен выяснить, не было ли у эксперта в данных условиях оснований дать категорическое заключение. Установление таких оснований предполагает назначение повторной экспертизы по мотивам необоснованности оцениваемого заключения.

В результате оценки заключения следователь (суд) может принять одно из следующих решений: а) признать заключение полным и обоснованным, а фактические данные, в нем содержащиеся, — достоверными и имеющими значение по делу; б) признать заключение недостаточно ясным или неполным и при необходимости назначить дополнительную экспертизу или допросить эксперта для разъяснения или дополнения данного им заключения; в) признать заключение эксперта необоснованным или вызывающим сомнения в его правильности и при необходимости назначить повторную экспертизу или провести иные процессуальные действия, направленные на проверку выводов эксперта.

Некоторые особенности имеет оценка повторных и дополнительных заключений. В таких случаях составной частью оценки является сопоставительный их анализ¹. При этом ни одно из имеющихся заключений не должно заранее оцениваться как «лучшее» или «худшее», хотя само проведение по делу повторной экспертизы связано с сомнениями, возникшими в ходе предварительной оценки ранее данного заключения. Нельзя с учетом изложенного согласиться с попытками ввести понятие «контрольной экспертизы». Стремясь обосновать его, некоторые авторы утверждают, что наиболее обоснованно чаще всего третье заключение, которое дается обычно более квалифицированными экспертами, выступающими по сути дела в качестве арбитров между первым и вторым экспертом².

Само понятие контрольной экспертизы, как и ее сравнение с арбитражем, представляется неудачным, так как вводит элемент предустановленной оценки доказательств. Между тем нельзя подменять оценку заключения по существу ссылкой на авторитет эксперта.

«При наличии противоречий в выводах двух экспертиз суд не может безмотивно отдать предпочтение одной из них, а должен

¹ В том числе выяснение, были ли представлены для повторной экспертизы те же объекты и в том же (неизменном) виде, что и для первой.

² В. А. Пригузова, Заключение эксперта как доказательство в советском уголовном праве, М., 1959, стр. 145.

либо мотивировать преимущество одного заключения перед другим, либо... назначить новую экспертизу для устранения противоречий в предшествующих заключениях»¹.

Если неполными или необоснованными признаются все имеющиеся по данному вопросу заключения, то нельзя отказаться от назначения еще одной повторной экспертизы, так как это означало бы, что следователь или суд берут на себя непосредственное решение вопросов, требующих экспертного исследования. Однако и в этом случае не исключена возможность, что при оценке ранее данных и вновь полученного заключения с учетом всей совокупности собранных доказательств будет пересмотрена предварительная оценка одного из ранее данных заключений, и оно будет использовано для обоснования решения по делу.

Особенностью повторной экспертизы, которую необходимо учитывать при оценке заключения, является то, что перед ней, как правило, ставится задача проверки научной обоснованности первичной экспертизы, а также выявление причин расхождения в выводах предшествующих экспертиз. Таким образом, оценивая заключение повторной экспертизы, следователь (суд) еще раз анализирует заключение первичной экспертизы.

Одна из особенностей оценки заключения экспертов состоит в необходимости специальной мотивировки оснований, по которым отвергается заключение (ст. 80 УПК РСФСР). Речь идет о случаях, когда: а) отвергаются все имеющиеся по данному вопросу заключения и назначается еще одна экспертиза; б) следователь (суд) согласен с одним из противоречащих друг другу заключений.

Выводы по делу не могут быть основаны на заключении, противоречащем обстоятельствам, достоверно установленным другими путями².

Статья 80 УПК РСФСР специально подчеркивает, что заключение эксперта не обязательно для лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда.

В рассматриваемом случае, как и применительно к показаниям обвиняемого, законодатель счел необходимым на основе анализа ошибок следственной и судебной практики конкретизировать общее требование ст. 71 УПК РСФСР о правилах оценки доказательств. Включение в закон указанной нормы направлено на предупреждение возможных ошибок, могущих проявиться либо в некритическом отношении к заключению эксперта, либо в игнорировании заключения без достаточных оснований.

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1946—1963 гг.», М., 1964, стр. 13, 130.

² «Бюллетень Верховного Суда СССР» 1959 г. № 2, стр. 22.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

- § 1. Задачи уголовного судопроизводства и доказательственное право 3
- § 2. Понятие и содержание теории доказательств 15
- § 3. Теория доказательств в системе научного знания 23

Глава II

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТЕОРИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

- § 1. Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств 35
- § 2. Общеправовые проблемы теории доказательств 73
- § 3. Классовая сущность буржуазного доказательственного права и буржуазной теории доказательств 90

Глава III

ЦЕЛЬ, ПРЕДМЕТ И ПРЕДЕЛЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

- § 1. Содержание истины как цели доказывания 113
- § 2. Понятие предмета доказывания 139
- § 3. Обстоятельства, подлежащие доказыванию 163
- § 4. Пределы доказывания 186

Глава IV

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

- § 1. Понятие доказательства 197
- § 2. Допустимость доказательств 228
- § 3. Относимость доказательств 246
- § 4. Классификация доказательств 256

Глава V

ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ

- § 1. Понятие и содержание процесса доказывания 287
- § 2. Психологическая характеристика познавательной деятельности в процессе доказывания 304

§ 3. Процессуальная форма доказывания	324
§ 4. Презумпции и преюдиции в доказывании	342

Глава VI

СПОСОБЫ СОБИРАНИЯ И ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Общая характеристика способов собирания и проверки доказа- тельств	366
§ 2. Следственные действия	383
§ 3. Познавательные методы при собирании и проверке доказательств	401
§ 4. Версии и планирование в процессе доказывания	417

Глава VII

ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Понятие и содержание оценки доказательств	427
§ 2. Логическая структура оценки доказательств	443
§ 3. Внутреннее убеждение при оценке доказательств	474
§ 4. Роль закона и социалистического правосознания при оценке доказательств	484

Глава VIII

СУБЪЕКТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ

§ 1. Понятие и классификация субъектов доказывания	494
§ 2. Обязанность доказывания	501
§ 3. Роль лиц, ведущих расследование, и прокурора в доказывании . .	521
§ 4. Роль суда в доказывании	536
§ 5. Обвиняемый, защитник и законный представитель обвиняемого как субъекты доказывания	544
§ 6. Участие в доказывании иных лиц	558

Глава IX

ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ПОТЕРПЕВШИХ

§ 1. Понятие и значение показаний свидетелей и потерпевших . . .	567
§ 2. Обеспечение полноты и достоверности показаний свидетелей и потерпевших. Особенности их оценки	576

Глава X

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМЫХ И ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

§ 1. Понятие и значение показаний обвиняемых и подозреваемых . .	599
§ 2. Обеспечение полноты и достоверности показаний обвиняемых и подозреваемых. Особенности их оценки	612

Глава XI

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

- § 1. Понятие и значение вещественных доказательств 634
- § 2. Особенности собирания и оценки вещественных доказательств . . 650

Глава XII

ПРОТОКОЛЫ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- § 1. Общая характеристика документов как доказательств 664
- § 2. Протоколы следственных и судебных действий 673
- § 3. Иные документы 680
- § 4. Особенности оценки протоколов и иных документов 692

Глава XIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЭКСПЕРТА

- § 1. Понятие и значение заключения эксперта как доказательства . . 700
- § 2. Предмет экспертизы 713
- § 3. Особенности оценки заключения эксперта 724

Коллектив авторов

**«ТЕОРИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ»**

Редактор М. М. Левина
Переплет художника В. Н. Тикунова
Художественный редактор Э. П. Стулина
Технический редактор В. А. Серякова
Корректоры М. И. Буланова и В. А. Зимина

Сдано в набор 22/VIII 1972 г. Подписано в печать 12/II 1973 г.
Бумага типографская № 3, формат 60×90^{1/16}. Объем:
усл. печ. л. 46; учет.-изд. л. 53,31. Тираж 15 000 экз. А-05521.

Издательство «Юридическая литература», Москва, Н-64,
ул. Чкалова, 38 — 40.

Заказ 331

Ордена Трудового Красного Знамени
Ленинградская типография № 2
имени Евгении Соколовой «Союзполиграфпрома» при
Государственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

Цена 3 р. 44 к.

Зр. 44к.

ТЕОРИЯ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ